Казахские сказки

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
Институт языка и литературы

КАЗАХСКИЕ СКАЗКИ

Том 1

Составление и редакция
доктора филологических наук
В. М. Сидельникова

Казахское Государственное Издательство
Художественной Литературы
АЛМА-АТА · 1958

ОСНОВНОЙ ФОНД
АБОНЕМЕНТ

124595

Институт языка и литературы Академии наук Казахской ССР планирует издание казахских сказок на русском и казахском языках в нескольких томах. Настоящая книга является началом этой большой собирательской и исследовательской работы. Последующие сборники сказок, снабженные также комментариями и указателем, будут сдаваться в печать по мере их готовности.

НАРОДНЫЙ СКАЗОЧНЫЙ ЭПОС КАЗАХОВ

I

Казахстан — страна, создавшая в течение ряда столетий прекраснейшие произведения устного народного творчества. Замечательные песни, отражающие стремление казахского народа к независимости, к свободе, к счастливой радостной жизни, передавались из поколения в поколение. Казахский фольклор, как и фольклор других народов СССР, возник с незапамятных времен, но первые упоминания и сообщения о казахской народной поэзии относятся лишь к XVIII веку, а первая публикация фольклорного материала появляется только в 1812 году — это знаменитая народная поэма о батыре Козы-Корпеше и его возлюбленной Баян-Слу, опубликованная в прозаическом пересказе (со вставками стихотворных строк) на башкирском языке Тимофеем Беляевым. Краткое изложение этой легенды было сделано в 1833 году для великого русского поэта А. С. Пушкина во время его поездок по оренбургским и тургайским степям с целью собирания материалов для своей «Истории Пугачева».

С двадцатых годов прошлого века появляются уже систематические публикации казахских преданий, легенд, сказок и песен; помещаются мелкие, общего характера замечания о бытовании народных сказок, их поэтических особенностях, тематике и в периодической печати и в отдельных изданиях. Так, например, в 1818 году в «Сибирском Вестнике» (часть 2, стр. 1) известный сибиревед Г. И. Спасский в своей статье «Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой орды», опубликованной в этом же журнале за 1820 год (№№ 9—11), дает некоторые любопытные наблюдения о рассказывании народных сказок казахскими ертекши, высказывает свои замечания о характере этих сказок.

Краткое замечание о народной сказке встречаем и в обзорном труде по истории Казахстана А. Левшина —«Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей» (Спб., 1832, ч. 2, гл. XII). В 1836 году в «Энциклопедическом лексиконе» (Спб., т. VI, стр. 35) помещается народная легенда об острове Барса-Кельмес, вариант которой публикует Илья Казанцев в «Санкт-Петербургских ведомостях» (№ 17 за 1839 год).

В сороковых годах опубликовываются предания и легенды местного характера об озерах и реках, горных вершинах и возвышенностях, надгробных сооружениях, могилах и др. В шестидесятых годах проникают в печать казахские пословицы, поговорки и загадки. Появляются первые образцы песенного состязания («айтыс өлендер»), хотя упоминание о них мы встречаем гораздо раньше. В эти годы появляются работы Чокана Чингисовича Валиханова[1]. Этот выдающийся казахский ученый, демократ, просветитель, деятельный пропагандист русской культуры среди казахского народа опубликовал в 1861 году в «Записках русского географического общества» свои содержательные и увлекательные «Очерки Джунгарии» (кн. I, стр. 184—200), где, кроме ценных исторических и этнографических сведений, излагаются замечания по народному творчеству, пересказано предание «О песне»[2]; приведены интересные сведения по обрядовому фольклору, о ногайских преданиях, о киргизском народном эпосе «Манас» и отмечается огромная популярность казахских народных сказок. Причем Ч. Валиханов замечает, что большинство сказочных мотивов имеет сходство с русскими сказками. «В сборнике Афанасьева,— пишет он,— я нашел только 6 сказок, неизвестных мне по киргизской редакции»[3].

В статье «Следы шаманства у киргизов», написанной Валихановым примерно в 1862 году после его возвращения из Петербурга сообщаются сведения из народной мифологии, о народных гаданиях и заклинаниях и приводится «Легенда о мертвом и живом и о дружбе их»[4]. В статье «Аблай» Чокан Валиханов сообщает не только исчерпывающие сведения по истории казахского народа, но и данные о быте и нравах. Валихано-

---

[1] Родился приблизительно в 1837 г., умер в 1865 г.

[2] Сравни легенду «О песне» в сб. «Средняя Азия», 1910, № 2, стр. 66 — «Почему плохо поют сарты».

[3] Ч. Ч. Валиханов. «Статьи и переписка», Алма-Ата, 1947, стр. 75.

[4] Ч. Ч. Валиханов. «Статьи и переписка», Алма-Ата, 1947, стр. 33—39.

ва, таким образом, можно назвать одним из первых собирателей и исследователей казахского народного творчества, в частности — народной казахской сказки. Всюду и везде во время своих путешествий, поездок, бесед с населением Чокан Чингисович слушает и записывает народные сказки и предания. За эту любовь к народной поэзии он был осмеян родными и прозван «слабодушным чудаком»[1]. Но неутомимый исследователь истории и быта своего народа не обращал внимания на насмешки сородичей и продолжал собирать по крупицам драгоценные жемчужины народной мудрости, зная, что каждая сказка, каждая песня — страница неписанной истории страны, в произведениях устного поэтического творчества скрыта народная мудрость и отражен быт степного кочевника.

Прекрасное начинание Валиханова было продолжено классиком казахской литературы Абаем Кунанбаевым и педагогом-этнографом и поэтом Ибраем Алтынсариным.

Абай Кунанбаев (1845—1904) еще в детские годы заучивал наизусть народные сказки и предания, песни и героические поэмы, слышанные им в ауле и от своей бабушки Зере. Абай знал многих выступавших до него поэтов, акынов, участников айтысов (поэтических состязаний). Богатейшие образцы народной поэзии, использованные Абаем в своем творчестве, сделали его «стихи оригинальными и индивидуально-самобытными. В этих стихах уже наметился будущий самостоятельный облик поэта, творчество которого глубокими корнями уходит в народную основу»[2].

Ибрай Алтынсарин (1841—1889) также собирал народные песни и сказки, писал статьи и заметки по истории и этнографии казахского народа. Так, в 1870-х годах в «Записках Оренбургского отделения Императорского русского географического общества» появляется его статья об обычаях и свадьбе у казахов Оренбургского ведомства и очерк о похоронах и поминках. И надо сказать, что по обилию подробностей, характеризующих бытовую особенность жизни казахского народа, по наличию фольклорных материалов эта статья и очерк являются лучшими в кругу работ того времени о казахах. В своей «Киргизской хрестоматии», изданной в 1879 году, он помещает ряд казахских сказок, песен и пословиц.

---

[1] Письмо Ч. Валиханова к А. Н. Майкову. См. Ч. Валиханов. «Статьи и переписка», Алма-Ата, 1947, стр. 117.

[2] Абай Кунанбаев. Избранное. М., 1945, стр. XIII. Из статьи М. Ауэзова «Жизнь и творчество Абая (Ибрагима) Кунанбаева».

При составлении хрестоматии Алтынсарин прежде всего стремился отразить лучшие черты своего народа, его мечты и стремления.

Значительный фольклорный материал на страницах «Туркестанских ведомостей» и ежегодника «Материалов для статистики Туркестанского края» публикует Ибрагимов. Несколько позже огромный сказочный материал опубликовывают А. Е. Алекторов, А. А. Диваев, А. В. Васильев, И. И. Крафт и др.[1]

А. Е. Алекторов печатал тексты народных сказок в «Астраханском вестнике», «Оренбургском листке», «Киргизской степной газете» и др. А. А. Диваев помещал сказки не только в среднеазиатских газетах, но и в сборниках «Материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», «Известиях Туркестанского отделения Императорского русского географического общества», «Записках Восточного отделения Русского археологического общества», «Известиях Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», «Этнографическом обозрении» и др. Большая часть материалов была издана им в виде отдельных оттисков. Ряд записей казахских народных сказок остался неопубликованным и хранится среди бумаг А. А. Диваева в архиве Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР.

А. В. Васильев свои записи сказок помещал в «Тургайской газете», а в 1898 году издал отдельным сборником под названием «Образцы киргизской народной словесности» (вып. I, стр. 89). В сборнике помещено всего 25 сказок на казахском и русском языках, причем оригинал дан в русской транскрипции. Перевод Васильева близок к оригиналу. После каждого текста сказки собиратель точно отмечает местность, где она была записана. П. Мелиоранский в рецензии на сборник А. В. Васильева писал: «Эти две брошюры[2] составляют вклад, внесенный А. В. Васильевым в сокровищницу материалов по киргизскому фольклору. При большой охоте киргизов к рассказыванию, выслушиванию и запоминанию всяких россказней нет сомнений, что их народная литература весь-

---

[1] См. В. Сидельников. Библиографический указатель по казахскому устному творчеству. Вып. I, 1771—1916 гг. Алма-Ата, 1951.

[2] Рецензия П. М. Мелиоранского написана на две брошюры А. В. Васильева: «Песня о трех молодцах» (1897) и «Образцы киргизской народной словесности» (1898)

ма интересна для фольклориста по своему необыкновенному разнообразию и богатсву»[1]

И. И. Крафт помещал свои записи сказок в «Тургайской газете» и «Тургайских областных ведомостях». Затем все собранные им сказки и предания в Буртинской волости были изданы специальным сборником «Из киргизской старины» (Оренбург, 1900 год). Сказки даны в вольном переводе, с большими отклонениями от оригинала.

Огромную роль в деле изучения и собирания богатейшей народной устной поэзии казахов сыграли русские ученые и литературоведы. После присоединения казахского народа к России со стороны передовой прогрессивной части русских ученых и интеллигенции усилился настоящий научный интерес к казахскому народу.

В семидесятых годах вышли радловские выпуски образцов народной литературы тюркских племен, где казахскому фольклору, песням, книжной казахской поэзии отведено значительное место. Народные сказки, песни и другие виды устного поэтического творчества записывали и опубликовывали на страницах газет, журналов и сборников (этнографических, исторических и др.): Н. Борисовский (в «Тургайской газете», «Закаспийском обозрении»), А. Белослюдов (в «Записках Западно-Сибирского отделения Императорского русского географического общества»), С. Годлевский (в «Киргизской степной газете»), Н. Иванов (в «Астраханском справочном листке», «Волжском вестнике»), А. Ивановский (в «Этнографическом обозрении»), В. Мощенский (в «Тургайской газете») и др.

Такие ученые, как П. Мелиоранский, Н. Пантусов, Г. Потанин обращали внимание на все стороны жизни казахского народа. Они не только изучали эту народность, но и распространяли среди казахов грамотность, строили больницы, боролись с темнотой и косностью народа, прививали некоторые культурные навыки, помогали развитию национальной казахской культуры, ростки которой дали прекрасные плоды только в советское время. Общественные деятели и просветители казахского народа Чокан Валиханов и Ибрай Алтынсарин присоединение к России рассматривали как прогрессивное явление и считали необходимым установление дружбы с русским народом. «Валиханов сохранил глубокую преданность сво-

[1] «Записки Восточного отд. Русского археологического об-ва», 1899, вып. XI, стр. 360.

ей стране,— писало о нем в своем отчете за 1865 год Императорское русское географическое общество— он любил киргизскую жизнь, но вместе с тем предвидел для своего народа отрадную будущность только под покровительством России»[1].

Ибрай Алтынсарин говорил, что для просвещения казахского народа необходимо широкое и всестороннее использование культуры великого русского народа и высказывался за изучение казахами русского языка и русской грамоты. Свою «Киргизскую хрестоматию» он печатает русскими буквами, чтобы «...она прямо соответствовала своей цели, т. е. служила непосредственным путеводителем к более ученым и общеполезным русским книгам»[2].

Но надо сказать, что наряду с этой передовой группой людей были и такие, которые выполняли лишь поручения царского самодержавия и собирали сведения о казахах не в научно-исследовательских и культурно-просветительных целях, а в целях закабаления. Это царские чиновники: Броневский, А. Гейнс, Л. Мейер, Ф. Назаров и другие.

Иностранные путешественники (в конце XVIII и особенно в начале XIX века) «изучали» степи Казахстана в своих эксплоататорских целях; они интересовались тучными стадами овец, степными косяками и другими материальными ценностями казахов, а бытовая сторона этого народа, его поэзия, музыка занимала их попутно, как своего рода экзотический материал. Особую группу людей представляли миссионеры царского правительства — блюстители религии. Они тоже «изучали» казахский народ, записывали его песни и сказки, но использовали эти произведения народной поэзии в целях приобщения казахов к православию.

Все эти царские ставленники насаждали среди народа сказки и легенды, поучающие казахские бедняцкие слои покорности, кротости и смирению. Они часто брали известные в народе произведения устного творчества, переделывали их, приписывали к ним новые концовки, выражающие нужную им мораль. И это «творчество», проникнутое религиозным духом и суевериями, они преподносили народу. Так, например, в народной басне о воре, который задумал обокрасть хана, но которого выдает блоха и ему отрубают голову, дана следующая нравоучительная концов-

---

[1] Отчет Императорского русского географического общества за 1865 г. Спб, 1866, стр. 9—11.

[2] Газ. «Ленинский путь», 17 июля 1949, Кзыл-Орда.

ка, состряпанная безусловно «исказителями» народного творчества: «Не покушайся на царское добро: его охраняет видимая и невидимая сила». Сказка «Счастливый бедняк» поучает смирению и покорности: «Будь честен всегда, без ропота переноси удары судьбы и награду получишь».

Буржуазные националисты старались использовать фольклор для националистической пропаганды, отрывали народное творчество от письменной литературы, утверждали, что все лучшие образцы устной поэзии созданы имущими классами, поддерживали «теорию» аристократического происхождения фольклора, отрицая творческую способность народа.

Советская власть в Казахстане положила конец всем враждебным происка м буржуазных националистов. Благодаря тесной дружбе с великим русским народом и руководству Коммунистической партии казахский народ смог выдвинуть из своей среды молодых фольклористов, этнографов и литературоведов, создать свой научный центр — Академию наук. Институт языка и литературы Академии наук развернул огромную работу по собиранию и изучению всех богатств народного творчества. Уже изданы собрания сочинений виднейших народных акынов — Джамбула и Байганина. Вышли сборники повстанческих песен казахов XIX века. Подготовлены сборники богатырского эпоса, пословиц и поговорок, народных сказок и преданий. Лучшие образцы народных поэм, песен, сказок и других видов устного творчества казахов помещены в антологии казахской литературы «Песни степей», вышедшей в 1940 году в Москве под редакцией М. Ауэзова и Л. Соболева. Кроме многочисленных публикаций сказок на казахском языке, ряд сказок был опубликован на русском языке в «Литературном Казахстане», «Казахстанской правде», «Социалистической Караганде», «Ленинской смене» и др.[1]

II

Одним из богатейших видов устного народного творчества казахского народа была сказка. Она не раз привлекала и привлекает в настоящее время внимание востоковедов всего мира и заняла значительное место среди мирового фольклора[2].

[1] См. библиографию казахской народной сказки в конце книги.

[2] В 1956 году несколько казахских сказок опубликовано в сборнике «Золотая юрта», изданном на немецком языке в Берлине. Казахские сказки публикует китайский журнал «Миньцзянь вэньсюе» («Фольклор»).

Сказка всегда играла огромную роль в жизни казахского народа. Она служила развлечением в часы досуга, была занимательным материалом для детей и острым оружием в классовой борьбе.

Казахский народ любил помечтать в своих «волшебных» сказках о счастливой и свободной жизни, о стране изобилия, рассказать в «бытовой» сказке о своем горе, о пережитых муках, тяжелом и непосильном труде, о вековой ненависти к своим угнетателям, о героической борьбе с чужеземными врагами, местными правящими классами и посмеяться в своих «сатирических» сказках, ибо фольклору, как говорит Горький, «...чужд пессимизм, невзирая на тот факт, что творцы фольклора жили тяжело и мучительно — рабский труд их был обессмыслен эксплоататорами, а личная жизнь — бесправна и беззащитна. Но при всем этом коллективу как бы свойственно сознание его бессмертия и уверенность в его победе над всеми враждебными ему силами»[1].

Лучшие казахские акыны, ертекши и степные уленши, испытавшие вместе со своим народом гнет царизма и его приспешников — ханов, баев и мулл,— воспевали и прославляли Кобланды, Ер-Таргына, Срыма и других народных батыров, боровшихся на протяжении многих и многих лет с чужеземными врагами — захватчиками казахской родной земли, с великодержавной политикой царизма за счастье и независимость своего народа. Эти выдающиеся мастера художественного слова своей звонкой песней, острой сатирической сказкой и меткой пословицей клеймили угнетателей, обличали их, высмеивали тупость и беспредельную жадность. Так, например, один тургайский народный певец в присутствии большого скопления слушателей довольно метко и колко высмеял богача, имевшего в то время тысячи лошадей, много овец, денег, но жившего так скаредно и жадно, что продавал кумыс на базаре, питался, как бедняк, и ходил в простой крестьянской обуви. Так спел о нем акын в своей звонкой степной песне:

«Был на свете человек, которого аллах одарил таким богатством, что он мог бы пропитывать целые аулы, но он не только не кормил бедные семейные аулы, но, избегая расхода, не держал даже и собаки, а чтобы волки не ворвались во двор и не истерзали баранов, этот бай в

---

[1] М. Горький. Советская литература. М., 1934, стр. 9.

ночное время, надев черный зипун и брякая железною цепью, ползал кругом стада и лаял по-сабачьи[1].

Подобные антибайские сказки и песни редко проникали в дореволюционные издания из-за свирепой царской цензуры. Многие из них исчезали бесследно. Нет, например, песен и сказок батраков, жатаков, пастухов. Совершенно не собран фольклор казахов-рыбаков, которые были яркими носителями и распространителями бедняцкого фольклора. Не собран материал и о самих исполнителях произведений народного творчества, в частности нет ничего о сказочниках [2]. Под текстом сказки обычно проставлялась фамилия собирателя и в редких случаях указывалось место записи, а имя сказочника, как правило, отсутствовало. Но этот недостаток был присущ не только собирателям казахской сказки, такова была общая установка в фольклористике того времени, против которой в свое время выступил резко Н. А. Добролюбов. В рецензии на сборник русских народных сказок Н. А. Афанасьева он писал, что нельзя «ограничиваться простым записыванием текста сказки или песни», а необходимо передать «...всю обстановку как чисто внешнюю, так и более внутреннюю, нравственную, при которой ему (собирателю — *В. С.*) удалось услышать эту песню или сказку»[3]. Об этом говорила в 1933 году и Н. К. Крупская. В своем письме к сибирским фольклористам она писала: «В фольклоре прошлое причудливо переплетается с настоящим. Важна каждая реплика, каждый цвишенруф»[4].

Фактические данные о сказителе, об обстановке и условиях бытования сказки и другие сведения необходимы для изучения сказочного эпоса. Они вносят ясность в вопрос о происхождении той или иной сказки, дают некоторое представление о той среде, где возникла сказка, раскрывают ее идейную сущность и т. д. Дореволюционные буржуазные собиратели и исследователи мало интересовались личностью сказочника и особенно сказочника-бедняка, не занимали их внимания и условия бытования сказки, среда, в которой рассказывалась сказка. Они все устное поэти-

---

[1] «Особое прибавление» к «Акмолинским областным ведомостям» за 1893, 16, стр. 1.

[2] Вышла интересная работа Е. Исмаилова об акынах — «Акындар», Алматы, 1956 ж.

[3] Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений, 1934, т. 1.

[4] Журн. «Будущая Сибирь», Иркутск, 1933, № 6, стр. 36—39.

ческое творчество воспринимали скопом, как творчество всего народа, не различая в нем идейной направленности. А мы знаем, что веками в народном творчестве, и особенно в сказке, отражалась классовая ненависть трудящихся к эксплуататорам, стремление народов к социальной и национальной свободе, революционные настроения трудящихся. Но были произведения, которые не совсем верно показывали жизнь демократических слоев населения далекого прошлого, извращали ее: не давали точного и правдивого отображения жизни, поэтизировали феодально-родовой быт кочевника, скрывали всю нищету и бесправие, которые на протяжении многих десятилетий сопутствовали жизни кочевого казаха. Эти факты надо непременно учитывать при записи и публикации произведений устного творчества и помнить всегда, что в народной поэзии, как и во всяком художественном творчестве шла «...бурная жизнь столкновений противоречивых и различных идеологий, борющихся за гегемонию своего художественного образа, своего творческого мировоззрения и языка»[1].

Известно, что и сам народ на протяжении многих и многих лет выступал в роли строгого критика и требовательного редактора. Он шлифовал каждую сказку и песню, изменял ее или отвергал совсем, чуждое, антинародное не воспринимал. И. В. Сталин в своей беседе с участниками декады азербайджанского искусства сказал по этому поводу: «Народ свои песни шлифует в продолжении столетий и доводит до высшей ступени искусства»[2]. Эту особенность фольклора отмечал и М. И. Калинин. «В народе не может сохраниться то искусство, которое не представляет ценности,— писал он.— Народ это все равно что золотоискатель, он выбирает, сохраняет и несет, шлифует на протяжении многих десятилетий только самое ценное»[3].

В подлинно народных сказках казахский народ выражал свои мечты, свою надежду увидеть «счастливую страну» (сказка «Лиса, верблюд, лев, волк и перепелка», легенды: «Остров Барса-Кельмес», «Асан-Кайгы» и др.), «счастливую долину» (сказка «Храбрый осел»), стремление облегчить свой тяжелый труд. Вот почему в народных казахских сказ-

---

[1] «Известия ВЦИК СССР», 1934, № 138.

[2] «Советская музыка». Журнал, М., 1939, № 5.

[3] М. И. Калинин. Статьи и речи. М., 1937, стр. 212

ках возникал сказочный образ крылатого «тулпара», «скатерти-самобранки» и др. «Под каждым взлетом древней фантазии,— говорил М. Горький,— легко открыть ее возбудителя, а этот возбудитель всегда — стремление людей облегчить свой труд»[1].

Народные казахские сказки по своей глубине, реализму, здоровому юмору и социальной значимости представляют выдающееся художественное явление. Они занимают в народном творчестве казахов видное место и дают чрезвычайно ценный материал, отражающий историю казахского народа, его экономику и быт, являются поэтическими образцами, рассказывающими в художественных образах о гневной борьбе народа с представителями теперь отживших эксплоататорских классов дореволюционной России. Они полны остроумия, юмора и народной мудрости.

Особенно популярны в народе сказки про «жадного бая» и о проделках ловкого «безбородого насмешника»—Алдара-Косе. В них с особой силой сказался народный юмор, полный едкого сарказма, направленного против всевозможных эксплоататоров казахского народа. Каждая сказка об Алдаре-Косе — образец высокохудожественной сатиры. Наблюдательность, находчивость и сообразительность Алдара-Косе приводит «жадного бая» в бешенство. Алдар-Косе ловко его проводит: то уводит у него дочь, то угоняет стадо овец или быков, то выменивает на свою дырявую шубу хорошую байскую шубу на лисьем меху и т. д. Все поступки этого излюбленного народного героя сопровождаются здоровым народным юмором и едкой издевкой над баем. Таковы сказки: «Чудесная шуба Алдара-Косе», «Чик-Бермес Чыгайбай и Алдар-Косе» и др.

В сказках: «Хитрый Бекжан», «Пока не вырастет хвост у коня», «Абралы и Сабралы», «Бай и пастух» и других батрак так же, как и Алдар-Косе, выступает сметливым, ловким, изворотливым и, в конечном счете, становится победителем. Ему всегда удается найти выход из тяжелого положения и «одурачить» скупого бая. В этом отношении очень характерна сказка «Бай и пастух».

В торжестве батрака над своим хозяином-ханом или баем выражена классовая ненависть всего казахского народа. Об этой замечательной особенности народной сказки хорошо сказал М. Горький на Всесоюзном

---

[1] М. Горький. Советская литература. М., 1934, стр. 9.

съезде советских писателей. «Герой фольклора —«дурак», презираемый даже отцом и братьями, всегда оказывается умнее их, всегда — победитель всех житейских невзгод»[1].

В изображении своих врагов народ не скупился на язвительные характеристики, подбирая отрицательные образы, эпитеты и сравнения. Сказки эти отличаются реалистичностью, тонким юмором. Они лаконичны. Ни одного лишнего слова, ни одного неуместного предложения. Все рассчитано и сосредоточено на одном — как можно ярче, крепче и выпуклей показать борьбу и победу бедняка над богачом. Действующие лица в этих сказках, как и обстановка, вполне реальны. Действие развертывается обычно не в каком-нибудь подземном царстве за тридевять земель, а в степи, в ауле или обыкновенной казахской юрте. Нет в них и традиционных повторений, зачинов и концовок, так свойственных сказкам волшебным. Все просто и ясно. Как будто бы это происходит в реальной действительности, не названы лишь точные имена бая и работника, не указано, где они живут и действуют.

К этим антибайским батрацким сказкам близко примыкают народные сказки и анекдоты о Жиренше-Шешене и мудрой Карашаш. Они также остро ставят вопрос о несправедливости. Идейная направленность их очень отчетлива: сказки, легенды и анекдоты этого цикла направлены против угнетателей всех мастей.

Герой сказок Жиренше-Шешен («красноречивый острослов»), как и Алдар-Косе и Хитрый Бекжан, благодаря находчивости всегда расправляется со своими врагами, одерживает над ними победу. Нередко в этой расправе с врагами ему помогает умная черноволосая Карашаш, во время выручавшая из беды своего мужа (сказка «Жиренше»). Она не уступает в красноречии и находчивости своему мужу. Жиренше-Шешен и красавица Карашаш являются самыми любимыми героями казахских сказок. А «...образ Жиренше настолько популярен в народе, что само имя Жиренше стало нарицательным обозначением людей, владеющих даром красноречия и остроумия»[2].

Народная мудрость и остроумие видны и в сказках о «Старике и

---

[1] М. Горький. Советская литература. М., 1934, стр. 13.

[2] История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Алма-Ата, 1949, т. I, второе издание, стр 164. Алдар-Косе и Жиренше-Шешен являются национальными сказочными героями казахского народа.

его двенадцатилетней дочери», об «ученом жигите», разговаривающем загадками, в сказке «Как дровосек стал ханом», «Наблюдательность казаха» «Суд бия Балтекея», «Мудрый Аяз» и др.

III

Волшебные сказки также говорят об огромной мудрости народа, об его смелой фантазии, мечтах и стремлениях. Герой этих сказок борется с темными силами природы, великанами-дивами, со страшными змеями — айдахарами, с жез-тырнаком — оборотнем с медными когтями и другими чудовищами подземных царств. Вести борьбу и преодолевать все препятствия герою нередко помогают «чудесные помощники»: звери, животные, чудесные предметы, дочь колдуна или подземного царя и т. д.

Волшебные сказки — памятники древней культуры казахского народа. Они сложились в глубокую «седую старину», когда человек обожествлял силы природы, поклонялся грому, молнии, камню, различным животным, верил в загробную жизнь. И поэтому неудивительно встретить в казахской народной сказке «Три девушки» покойного отца героя сказки Кудайбергена, продолжавшего жить под землей у могучего Тасклара и обучать его дочь Ай-Слу. Или встретить красавицу, живущую под самым солнцем в сказке «Красавица Кункей», отца трех жигитов, выходившего из могилы для оказания помощи своему сыну в преодолении трудностей в сказке «Три брата», и др.

Эти следы пережитков верований, обычаев и представлений первобытной культуры можно встретить во многих волшебных сказках казахского народа. В некоторых сказках герой-богатырь ведет борьбу с чудовищами под землей, в подземном замке, в преисподней. Иногда побеждать злых духов ему помогают Жалмауыз-Кемпир[1], добрые духи, которые действуют либо непосредственно, либо перевоплощаются в вещественные предметы, либо действуют через их посредство.

Но в волшебной сказке можно встретить не только следы прежних стадий экономического и социального развития, остатков анимистического мировоззрения, древней мифологии, а и свидетельства о степной

[1] Баба-яга.

жизни казаха более поздних времен. Кочевой быт, нравы казахского народа, его обычаи нашли свое широкое отображение в сказке.

Все волшебные сказки кончаются победой героя над всевозможными врагами: земными и подземными. В тяжелую пору жизни, полную горя и лишений, казахский народ только в своей мечте, в своей фантазии, воплощенной в сказке, находил утешение. Свою «...томительно бедную жизнь» в глухих лесах, на болотах, в пустынных степях Востока и тундры Севера «...народ обогащал и украшал песнями, сказками, легендами»[1].

Только в новых «волшебных» сказках, созданных в советское время («Три задачи», «Балуан и три капа» и др.), говорится об осуществлении надежд и чаяний казахского народа, о его новой и счастливой жизни, к которой он пришел благодаря теснейшей дружбе со своим старшим братом — русским народом, под руководством Коммунистической партии.

Волшебные сказки, как, например, «Красавица Кункей», «Три девушки», «Три брата», «Ер-Тостик» и другие свидетельствуют об огромной талантливости и поэтической одаренности казахов. Эти сказки поражают меткой образностью, стройностью стиля и художественной простотой. Фантастика и чародейство в них созданы реальной действительностью и тесно связаны с потребностями и трудовыми процессами человеческой жизни.

Сказка «Ер-Тостик» относится к лучшим образцам волшебной казахской сказки. Ее можно назвать фантастической народной повестью. Она читается с огромным интересом. Сюжет ее, как обычно бывает в волшебных сказках, приключенческий. Герой рождается чудесным образом от грудного мяса кобылы. Уже в двухлетнем возрасте Тостик побеждает всех в борьбе на состязаниях. У него волшебный конь Шалкуйрык — незаменимый его друг. На нем Тостик едет разыскивать пропавших своих старших братьев, борется со всевозможными врагами: демонами, змеями, волшебниками и побеждает. В преодолении всех препятствий Тостику помогают великан, ветроног, озероглотатель, чуткое ухо, дальновидец. Особенно ярки эпизоды, когда герой принимает участие в различных состязаниях и выходит из них победителем.

Некоторые сказочные мотивы напоминают нам русские народные сказки: добывание невесты, встреча героя с великанами, преодоление

---

[1] М. Горький. О литературе. Сборник, М., 1937, стр. 204.

препятствий при помощи чудесных предметов и животных. Так, например, добывание души волшебника и тирана Шоин-Кулана и гибель последнего в сказке «Ер-Тостик» напоминает Кащея-бессмертного и борьбу с ним Ивана-царевича из русских сказок. В основе сказки «Три девушки» лежит сюжет, напоминающий собою пушкинскую сказку и ее народные варианты о царе Салтане. Особенно близко начало сказки.

«Молодой патша[1] отправился искать себе невесту. С ним было несколько удалых жигитов. Они объездили весь патшалык[2], но ни одна девушка не понравилась царевичу. Однажды вечером царевич с жигитами подъехал к одной юрте. Из нее слышались женские голоса. Царевич слез с коня и стал подслушивать разговор. Одна девушка спрашивает другую:

— Что бы ты сделала, если бы царевич вздумал на тебе жениться?

— Я б соткала ему золотой ковер без мерки для трона,— ответила она и спросила:

— А ты бы что сделала?

— А я, если бы патша затеял пир великий и на этот пир пригласил весь свой народ, насытила бы всех одним яйцом.

Потом эти две сестры обратились к младшей своей сестре:

— А ты бы что сделала?

— Я бы родила царевичу сына с золотою головой и дочь с серебряною,— ответила им младшая сестра».

Сказка «Три брата» по своему основному сюжету близка к русской сказке про Сивку-Бурку. Конец сказки сходен со сказками о добывании свинки золотой щетинки, оленя золотые рога и др. Но в казахской сказке вместо свинки золотой щетинки — яман, вместо оленя золотые рога — кобыла с жеребятами, у которых гривы золотые, а хвосты серебряные. Об этой близости казахских сказок к русским народным сказкам говорил еще Ч. Ч. Валиханов в своих «Очерках Джунгарии»[3]. Но надо заметить, что заимствованный из русских сказок сюжет ертекши (сказитель) подвергает творческой переработке, вносит свои изменения и добавления и дает сказку уже в казахской интерпретации. «Сюжет порой

---

[1] Патша — царь.

[2] Патшалык — царство.

[3] Ч. Ч. Валиханов. Статьи и переписка. Алма-Ата, 1947, стр. 74.

может быть занесен извне,— говорит Поль Лафарг,— но он принимается только в том случае, когда соответствует духу и обычаям тех, кто его усыновляет»[1]. Казахские сказки отражают мечты и стремления казахского народа, его быт, нравы и обычаи.

IV

Сказочный материал о животных также многообразен по своему содержанию и занимает немалое место в казахском народном творчестве. Центральными героями этих сказок являются животные. Они встречаются и в волшебных и в бытовых сказках, но там эти животные являются второстепенными действующими персонажами — «чудесными помощниками» основного героя.

Большинство из этих животных когда-то обитали или обитают сейчас на территории Казахстана: домашние животные — баран, бык, верблюд, корова, лошадь, овца, ишак, собака, кошка; лесные звери — барс, волк, лиса, медведь, тигр, заяц; птицы — сова, перепелка, сорока, фазан и др. Причем все домашние животные почти всегда в сказках выступают друзьями человека. Излюбленным персонажем в народном сказочном эпосе является степной иноходец-конь. Он был всегда незаменимым другом и спутником в жизни кочевника. Конь помогал своему хозяину преодолевать бесконечные степные просторы, выносил его с поля битвы или из вражеского плена (сказка «Хатымтай и его скакун»), получал вместе со своим хозяином славу и лучшие призы на байге (сказка «Тепен-Кок», предание «Чубар-Ат» и др). В волшебных сказках крылатый конь «тулпар» помогает герою преодолевать всевозможные препятствия и добывать чудесные предметы или красавицу-невесту, живущую под самым солнцем.

Огромную пользу казаху в далеком прошлом, в эпоху кочевой жизни, приносили и другие домашние животные. Поэтому он отзывается о них в сказках положительно, считая их своими ближайшими помощниками.

Нередко в сказках этого цикла домашние животные олицетворяют простого трудящегося человека, а хищные звери отождествляются со вся-

[1] П. Лафарг. Очерки по истории культуры. М., 1926, стр. 53.

кого рода эксплоататорами и угнетателями: ханами, баями, биями, муллами, царскими чиновниками. Некоторые сказки «... обнажают социальные отношения людей, чего обычно в сказках о животных не видят»[1].

Главным героем казахской народной сказки о животных, также как и в русских сказках, выступает лиса, «лисонька», «лисичка-сестричка», «матушка-лиса». Она всегда завистлива, хитра, лукава и притворна. Она называет себя в сказках несчастной, бедной, глупой. Так, например, в сказке «Лиса, верблюд, волк, лев и перепелка» она говорит, обращаясь ко льву: «Но позволь и мне, глупой, сказать несколько слов». Лиса обманывает всех зверей, иногда помогает человеку расправиться с волком, медведем («Лиса, медведь и пастух»), но делает это обязательно за вознаграждение, из-за личных выгод (просит уточек, курочек и т. п).

Резко противоположен «матушке лисе» сказочный образ волка. Он всегда глуп, жаден, неблагодарен, режет скот у бедного казаха, поедает детей. И часто в сказках образ этого степного хищника отождествляется с образом человека — злого и коварного, с образом жадного бая. Медведь в сказках неповоротлив, неуклюж, недогадлив. Он всегда в сказках обманут лисой. Она над ним насмехается, одурачивает его (сказка «Лиса, медведь и пастух»).

Тигр — кровожаден, он владыка прекрасных пастбищ, и ежели кто осмеливается попасть в его владения, он беспощадно расправляется с ним. Звери трепещут перед ним.

Самым трусливым, несчастным и беззащитным лесным зверьком рисуется в сказках зайчик. Все его обижают, обманывают.

Наиболее популярными казахскими сказками о животных являются сказки о «глупом волке» и о том, как лиса обманывает верблюда, волка, льва или тигра (поедает мясо верблюда, волка, заставляет льва прыгнуть в пропасть и т. д.), ловит перепелку, которая хитростью освобождается и пугает лису собаками. Последний эпизод —«встреча лисы с перепелом» бытует часто в виде самостоятельной сказки «Лиса и перепел».

Все сказки о проделках лисы образуют своего рода цикл рассказов о лисе. Причем сказки этого цикла имеют нередко общий зачин, концовку и т. д.

---

[1] Из «Письма М. Горького Павлу Максимову». См. П. Максимов. «Горские сказки», М., 1937, стр. 4.

Также популярна, но встречается в несколько меньшем количестве, сказка про «Лису, медведя и пастуха», повествующая о том, как медведь охотился за лисой, но она его обманула и при содействии пастуха избила. Реже встречается сказка «Лиса, черепаха и клещ» (черепаха и клещ работают: сеют просо, лиса ложится под обрыв на берегу реки, делая вид, будто она подпирает землю, на которой сеют просо черепаха и клещ и т. д.); «Савраска» (конь меряется силой с барсом, подкованным копытом выбивает сноп искр из камня, барс пугается и бежит); «Бараны пугают волка» и др.

Большинство сказок о животных построено на мотиве встречи. Все сказочное действие театрализовано, в лицах, форма диалогическая. Так достроена сказка «Лиса, верблюд, волк, лев и перепелка»:

«Бежала лиса по степи. Навстречу ей верблюд.

— Верблюд, верблюд, куда ты идешь? — спрашивает лиса.

— Ищу хорошие места, где вдоволь сытной еды и светлой воды,— отвечает верблюд.

— Возьми меня с собой.

— Коли хочешь, изволь, пойдем вместе.

Пошли они вдвоем. По пути встречается волк.

— Эй, приятели! Куда идете! — спрашивает волк.

— Ищем хорошие места, где вдоволь сытной еды и светлой воды.

— Возьмите меня с собой.

— Коли хочешь, изволь, пойдем вместе.

Пошли они втроем...» и т. д.

Многократность повторений характерна для многих сказок о животных. Особенно она свойственна «цепевидным» сказкам.

Сказки о встречах зверей имеют общий зачин «встречи»: «Бежала по степи лиса. Навстречу ей верблюд» (сказка «Лиса, верблюд, волк, лев и перепелка»); «Шел степью медведь и шла лиса. Увидел медведь лису и погнался за ней» («Лиса, медведь и пастух»); «В горах скиталась голодная собачонка. К ней прибежал волк и говорит» («Собачонка и кошка») и др. Но встречаются и традиционные зачины, близкие к зачинам волшебных сказок: «Жили-были старик со старухой. Был у них конь Савраска» («Савраска»). Нередко сказка начинается прямо с повествования: «Надоело волу поклажу таскать» («Человек, который знал язык животных») или: «Жил на свете глупый волк» («Глупый волк»).

Концовка также своеобразна. Многие концовки характерны лишь для сказок о животных. Сказки о лисе всегда заканчиваются бегством лисы либо при появлении собак, либо при упоминании о собаках другим действующим лицом в сказке: пастухом, перепелом и др. Например, сказка «Лиса, верблюд, волк, лев и перепелка» заканчивается так: «Что ты там вертишь головой? — нетерпеливо спрашивает лиса.

— Да вот вижу я с дерева, что сюда бегут борзые собаки, да только не могу их сосчитать.

— Борзые? — ахнула лиса и побежала».

Близка к ней и концовка сказки «Лиса, медведь и пастух»: «Как услышала лиса про борзого щенка, так хвост трубой, вся в струнку — и ходу. С той поры никто уж больше не встречал ее в тех местах».

В сказках о конях своя концовка: «А белый жеребенок получил большую славу в народе» (сказка «Тепен-Кок») или «С тех пор еще громче запели в степи песню о славном скакуне и его хозяине Хатымтае» (сказка «Хатымтай и его скакун»).

Особые свои концовки имеют сказки о происхождении животных, птиц и их свойств. Эти сказки, заключающие в себе огромный жизненный опыт народа, его наблюдательность, встречаются не только у казахов, но и у других народов нашей страны — бурят, эвенков, ненцев, киргизов, народов Прибалтики и т. д.

Вот ряд концовок из этих сказок: «Лиса успела откусить хвост у перепела, когда он вылетел из ее рта. Отчего все перепелы теперь с короткими хвостами» (сказка «Почему у перепела короткий хвост»). «Заяц-проказник сидел на холме и так хохотал, что у него лопнула верхняя губа. С тех пор стали рождаться зайцы с тремя губами» (сказка «Почему у зайца три губы»). Подобные концовки встречаются в сказках: «Почему верблюд оглядывается, когда пьет воду», «Почему у совы нет ноздрей», «Спор животных» и др.

Сказки о животных замечательны по своим художественным образам, сжатости, выразительности и прекрасно разработанной диалогической форме. Многие из них сходны с народной новеллой, иногда напоминают собою народный анекдот или басню.

В некоторых сказках о животных заметны отзвуки далекого прошлого — приручение человеком животных, пережитки древнейшего миросозерцания, появление тех или иных качеств у животных, птиц и др.

В настоящее время народные сказки о животных утратили свои первоначальные функции, свое мифологическое значение и воспринимаются нами либо как народные реалистические рассказы о действительных событиях из жизни животных, либо как «развлекательные» сказки для детей.

V

Несколько особо стоят народные предания. Многие из них рассказывают о происхождении местных гор (предания: «Гора Бори-Тастаган», «Чубар-ат»), урочищ («Урочище Чом-Калган»), рек («Или и Каратал») и др. Предание «Шойтас-мол» излагает историческое событие из жизни кочевников оренбургских степей: борьбу казахского народа за свою независимость. Об аналогичном событии рассказывает и предание об «Урочище Чом-Калган». О том, как часто казахи-кочевники гибли в безводной степи, повествует предание «О колодцах Адам — Кырылган».

Народные предания, как и сказки, дают не только интересные сведения о том или ином уголке края, но и помогают познавать прошлое всей нашей страны, знакомят с нравами, бытом, общественными отношениями, думами и чаяниями народов. «Подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества»,— писал М. Горький.— Ибо народное творчество является непосредственным выразителем народного сознания, народной культуры, народной истории» («Советская литература», 1934 год).

В настоящее издание включены старинные сказки и предания, выбранные из периодической печати, из ранее вышедших сборников, ставших сейчас уже библиографической редкостью, из рукописного собрания Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР.

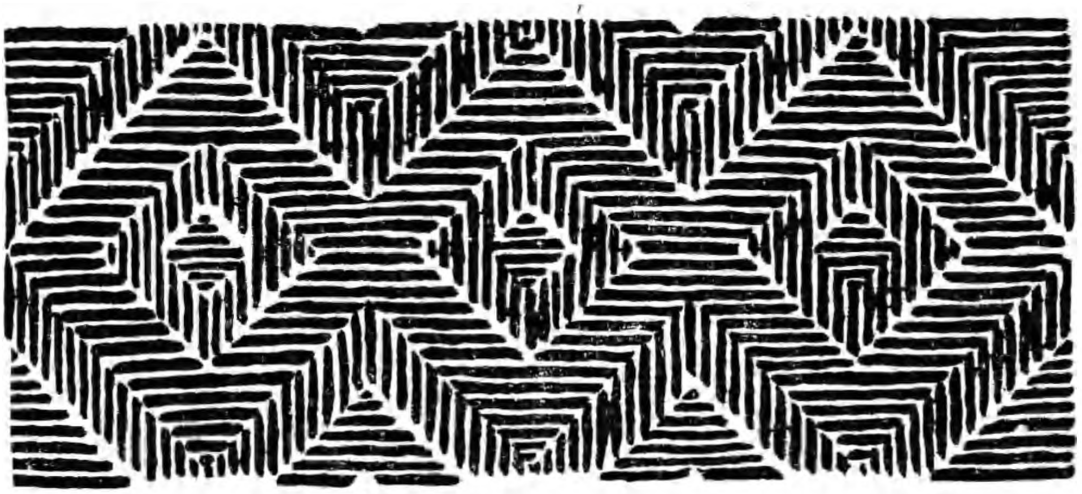
За дружеские советы и указания в процессе работы над сборником выношу благодарность действительному члену АН Казахской ССР профессору М. О. Ауэзову, доктору филологических наук Е. И. Исмаилову, научным сотрудникам Института языка и литературы АН Казахской ССР.

Проф. В. Сидельников.

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

ЕР-ТОСТИК

В далекие годы жил на свете скотовод Ерназар. Счастливо жил старик. Имел он восемь сыновей, восемь помощников.

Но вот случился в степи большой джут[1]. Погнали казахи скот в благополучный край, где не было голода. Вместе с ними откочевали и восемь сыновей Ерназара. А сам Ерназар со своей старухой остался дома. Пищей он запасся на целый год. Надеялся старик на родной земле пережить голодное время.

Прошло двенадцать месяцев. Не вернулись сыновья к отцу и никаких известий о себе не прислали. Кончился запас пищи у Ерназара. Стал голодать он со старухой. Сильно ослабели они. Едва держались на ногах.

---

[1] Джут — стихийное бедствие, когда в суровые зимы скот не может добыть подножный корм из-под снега или ледяной корки и падает от истощения.

Вот встала однажды вечером старуха с постели, открыла гундук. Посмотрел Ерназар и увидел: висит на веревочке лошадиный тостик. Обрадовался старик, говорит:

— Свари его поскорее!

Сварила старуха тостик. Съели они его, насытились, окрепли. Через девять месяцев родила старуха сына. Назвали его Тостиком.

Не по дням, а по часам рос малыш. Прошел один месяц, а его все принимают за годовалого. Прошел год, а Тостику уже дают пятнадцать лет. Такой он был рослый и здоровый — настоящий батыр. Никто не мог побороть его. И никто не умел так метко стрелять из лука, как стрелял Тостик. Вот скачет жигит на лошади и держит двумя пальцами кольцо. Прицелится Тостик из лука—и стрела легко пройдет через колечко.

Хорошо было иметь такого сына! Пойдет Тостик на охоту, настреляет диких коз и птиц, принесет домой много мяса. Сытно жили его родители.

Увидел однажды Тостик чижика. Поднял он лук и отшиб птичке крыло. Запрыгал чижик с одним крылом по траве. Бежит Тостик за ним вдогонку. Заскочила птичка в юрту, Тостик за ней. Видит, сидит старуха и прядет. Чижик перескочил пряжу, а Тостик задел и оборвал несколько ниток.

— Ах ты, бездельник!— закричала сердито старуха.— Порвал мне пряжу! Чем болтаться попусту, лучше разыскал бы своих непутевых братьев, бросивших отца.

Ничего не ответил Тостик старухе. Не знал он о том, что у него есть братья. Никогда ему не говорили о них родители.

Вернулся Тостик домой. Заметила мать, что сын чем-то озабочен и спрашивает:

— Что с тобой, сынок? С кем ты поссорился?

Рассказал Тостик о встрече со старухой.

— Разве правда, что у меня есть братья?

— Врет пустоголовая старуха!—говорит мать.—Нет у тебя никаких братьев.

Поверил сын ее словам и успокоился.

Прошло несколько дней. Играл Тостик в бабки с мальчишками и нечаянно ударил сына старухи. Пуще прежнего обозлилась она. Стала ругать Тостика:

— Смерть бы тебя задавила, окаянного! Силу девать тебе некуда. Пошел бы лучше да поискал кости своих пропавших братьев.

Еще сильнее призадумался Тостик. Опять спрашивает свою мать о братьях. Молчит она, словно воды в рот набрала.

Попросил тогда Тостик у матери есть. Отсыпала она пшеницы и велела поджарить. Поджарил сын и говорит:

— Попробуй, мама, готова ли пища?

Взяла мать горсть горячей пшеницы. Тостик схватил ее руку и сжал изо всей силы.

Взмолилась тут мать:

— Отпусти, сынок!

Тостик не выпускает:

— Расскажи всю правду о братьях, тогда отпущу.

— Хорошо, расскажу.

Освободил Тостик руку матери. Она и говорит:

— Было у тебя восемь братьев. В год последнего джута откочевали они со скотом в благополучный край и не вернулись. Живы ли сейчас и где находятся мы с отцом не знаем.

Решил Тостик отправиться на розыски братьев. Заготовил он большой запас дичи и мяса для родителей и стал собираться в далекий путь. За пояс Тостик заткнул железную стрелу, в руку взял железную палку, а ноги обул в железные сапоги.

Идет Тостик месяц, идет год, второй. Железные подошвы са-

пог стали тоньше монеты, а железная палка—тоньше иглы. Побывал он во многих странах. Прошел много гор, степей и пустынь. Но так и не нашел пропавших братьев.

Уже хотел было Тостик вернуться назад в родительский дом, как вдруг заметил высокий зеленый холм. С трудом поднялся он на него. Открылась перед ним цветущая долина. Увидел он многочисленные табуны лошадей, а за табунами громадный аул.

Направился Тостик к нему. На пути попалась ему одинокая юрта. Вошел он передохнуть и видит: стоит на очаге большой котел с вареным мясом. Наелся Тостик досыта и быстро дошел до аула.

Много здесь было народу. Собрались казахи на поминки. Стал Тостик разыскивать среди них своих братьев. Вдруг слышит крик:

— Подавать восьми ерназаровским! Подавать восьми ерназаровским!

С этими словами внесли подавальщики в большую белую юрту блюда с кушаньями.

Насторожился Тостик. Захотел посмотреть на восемь ерназаровских. Устремился он за подавальщиками.

— Куда лезешь?— закричали они на него, схватили за шиворот и оттолкнули прочь.

Размахнулся Тостик, ударил ближнего подавальщика. Тот сразу упал замертво.

Все удивились необыкновенной силе удара. Спрашивают Тостика:

— Что ты за человек? Кого тебе надо?

Отвечает Тостик:

— Я сын Ерназара и разыскиваю своих восьмерых братьев. Мне надо увидеть «восемь ерназаровских».

Тут выходят братья Тостика и приглашают его в юрту.

Рассказал он им об отце и матери. Обрадовались братья, обняли Тостика и поведали ему о своих несчастьях. На пути в благополучный край отстали они от своих спутников, заблудились и потеряли весь скот. От огромного табуна уцелела лишь одна единственная рыжая кобыла.

— Табуны лошадей, которые встретились тебе по дороге,— приплод от этой кобылы. Теперь мы снова богаты скотом и можем вернуться к отцу.

Погнали девять сыновей Ерназара табуны на родину. Но лошади никак не хотят уходить с привычного места. Убегают и возвращаются назад.

Тогда поймал Тостик рыжую кобылу. Привел ее на холм. Спутал ей ноги и повалил на землю. Жалобно заржала рыжая кобыла. Стали на ее голос сбегаться лошади. Когда собрались все, развязал Тостик кобыле ноги, поднял ее и повел за собой. Весь табун последовал послушно за ним. Так девять братьев благополучно пригнали лошадей на родину к отцу.

Обрадовался Ерназар, увидев сыновей живыми и здоровыми. Устроил он богатый той. Гости выпили целое озеро кумыса и съели гору мяса. Все были довольны угощеньем.

Решил Ерназар женить всех своих сыновей, а невест им взять от одной матери. Поехали его сваты по аулам. Никак не могут найти мать, имеющую девять дочерей-невест. Рассердился Ерназар, и сам отправился на поиски. Долго разъезжал он по степи, побывал во многих аулах и тоже не нашел.

Вот едет старик в обратный путь и видит перед собой аул. Подъехал Ерназар к средней юрте. Дает знать хозяевам о своем желании быть гостем.

Пригласили старика в юрту. Вошел он и сразу заметил: на кереге[1] висят восемь пар сережек. Заплакал от досады гость.

Удивилась хозяйка:

— Чего плачешь?

Ответил Ерназар:

— У меня девять сыновей, и я ищу для них девять невест. Но раз девять женихов родились от одного отца, то я хотел бы, чтобы девять невест были рождены одной матерью. По числу сережек вижу, что у тебя только восемь дочерей. Я плачу, что нет девятой.

— Если так, то ты не горюй — утешила хозяйка.— Есть у нас еще одна пара серег, моей младшей дочери Кенжекей. Я держу ее отдельно от остальных, потому что все восемь старших дочерей для меня одно и то же, что одна девятая, самая младшая.

Показала старуха Ерназару серьги младшей дочери и повесила их на место.

— Если для тебя восемь дочерей ровноценны одной Кенжекей,— говорит Ерназар,— то и для меня один Тостик равноценен восьми сыновьям. Пусть Кенжекей будет невестой моего Тостика.

Высватал Ерназар девять дочерей и возвратился домой. Созвал он сыновей и объявил:

— Надо ехать за невестами!

Собрали братья караван и вместе с отцом тронулись в путь.

Вот едут они через пустынную степь и встречают по дороге Бекторы — дочь пери. Увидела она Тостика, влюбилась сразу и замыслила разлучить его с Кенжекей.

Прибыл Ерназар с сыновьями в аул к невестам. Погостил здесь и отпраздновал сразу девять свадеб. Тридцать дней гуля-

[1] **Кереге** — деревянный решетчатый остов юрты.

ли на свадьбах гости да еще сорок ночей. Наконец, собрался Ерназар в обратный путь. Стал он готовить караван в дорогу.

Наделили родители дочерей богатым приданым. Много им дали скота. Но младшая дочь Кенжекей все же осталась недовольна. Только отъехал караван от родительского аула, отправила она отцу посланца с просьбой дать ей коня Шалкуйрыка, аксырматсаут впридачу к нему и Ак-Тюс—белую верблюдицу.

Рассердился отец на свою дочь. Говорит ее посланцу:

— Для Кенжекей хватит богатства Ерназара. Зачем она просит у меня Шалкуйрыка? Шалкуйрык — вожак моих лошадей. А где же видано, чтобы вожаком владела женщина? Ак-Тюс — вожак моих верблюдов. Никогда не было случая, чтобы женщину наделяли такой верблюдицей. Аксырматсаут—вооружение, переходящее от предков в наследство только к старшим сыновьям. Можно ли его отдавать младшей дочери? Поезжай к ней и передай мои слова.

Прискакал посланец к Кенжекей и привез ей ответ отца.

Тогда Кенжекей говорит:

— Отправляйся снова к отцу и скажи ему: я просила дать Шалкуйрыка, потому что на таком коне подобает ездить только батырам. Мне хотелось, чтобы на нем ездил настоящий батыр—Ер-Тостик! Я просила Ак-Тюс — она одна в силах поднять походную юрту батыра Ер-Тостика. Я просила дать в придачу аксырматсаут, чтобы носил его достойный батыр — Ер-Тостик.

На этот раз слова Кенжекей убедили отца. Отослал он дочери Шалкуйрыка, Ак-Тюс и аксырматсаут. Поручил также передать дочке, чтобы Ерназар не останавливал караван на ночлег в урочище Соркудук. Иначе постигнет Кенжекей большая беда.

Вот идет караван с сыновьями и снохами Ерназара через пустынную степь. Кенжекей первая заметила маленькую зем-

лянку, стоявшую на дороге. Когда приблизились верблюды к землянке, вышла из нее Бекторы, дочь пери.

Приветствовала она караван:

Ой, как прекрасен Ер-Тостик, жених возлюбленный твой,
Кенжекей!
Лошадь твоя Шалкуйрык — ветра быстрее в степи,
Кенжекей!
Верблюдица много несет добра,
Кенжекей!
Солнце блестит на твоей тяжелой стальной броне,
Кенжекей!
Если не брезгуешь ты бедной землянкой моей,
Кенжекей!
Сделай привал у меня, свежий ты выпей кумыс,
Кенжекей!
Счастье твое не сбежит, если заглянешь ко мне,
Кенжекей!

Не понравились Кенжекей слова Бекторы. Ответила она ей:

Дочь пери, Бекторы, ты лучше молчи,
Завистливой речи я знаю цену!
А если прекрасен возлюбленный мой,—
То знай, я люблю жениха своего!
И если мой конь быстрее, чем вихрь,—
Я еду сама на своем коне.
И если навьючена Ак-Тюс,—
Свою верблюдицу навьючила я.
И если сверкает стальная броня,—
То я не чужую надела броню.
Твоей землянкой не брезгую я,
Привал не устрою, однако, я в ней.
Меня не заманит твой свежий кумыс.

И если предложишь ты мне даже мед
Не стану, Бекторы, я есть у тебя!

Прошел без остановки караван со снохами мимо обозленной Бекторы. Скоро прибыл он в урочище Соркудук.

Говорит Кенжекей Ерназару:

— Не будем делать привала. По всем приметам место здесь плохое.

Выслушал Ерназар и думает:

«Не успели еще доехать до дому, а младшая сноха уже начинает командовать мною».

И велел старик устроить в Соркудуке ночевку.

Поставила Кенжекей раньше других снох свою юрту. Пригласила в гости Ерназара. Поговорила с ним откровенно. Увидел старик, что младшая сноха его — умная женщина. Пожалел он, что не послушался ее совета.

Густой туман окутал степь с вечера.

Помнила Кенжекей предостережение своего отца и не спала всю ночь. Но рано утром все же обнаружила исчезновение Ак-Тюс. Сказала сноха свекру о беде. Быстро оседлал старик лошадь, поскакал на поиски верблюдицы. Едет он по степи и видит: стоит саксаул, рядом с ним куст растет. Повод верблюдицы зацепился за куст. Нагнулась верблюдица и щиплет траву. А под деревом дряхлая старуха сидит.

Просит ее Ерназар:

— Бабушка, подай повод!

— Дорогой мой,— отвечает старуха жалобным голосом,— если я встану, то не смогу сесть, а если сяду, то не смогу встать. Нет у меня силы подать тебе повод.

Наклонился Ерназар с лошади, хотел поднять повод, а старуха и вцепилась ему в этот миг костлявыми пальцами в горло.

Сразу догадался Ерназар — напала на него баба-яга. Попытался он вырваться из ее рук, да куда там! Пальцы старухи, словно аркан! Почувствовал Ерназар—приходит к нему смерть.

Выступили у старика на глазах слезы. Стал он просить старуху:

— Дожил я до преклонных лет, только что поженил своих сыновей и думал насладиться радостной жизнью деда. Седая у меня борода и седые волосы. Отпусти меня, матушка!

— Нет,— хрипит старуха и давит ему горло.

У Ерназара душа из нижней части живота сразу перекочевала в верхнюю. Продолжает молить старик:

— Везу девять снох. Что хочешь возьми из их богатого приданого, только отпусти меня!

— Нет!— отвечает старуха и еще крепче жмет горло.

Почувствовал старик, что душа его вошла в грудь и стала подниматься вверх.

— Если мало этого, то пастбища мои полны верблюдами. Всех отдам, только отпусти меня!

— Нет! —отвечает старуха и сильнее сжимает костлявые пальцы.

Душа Ерназара поднимается горлом все выше и выше.

— Если этого мало, возьми моих снох. Белые они, как яйца, бойкие, как сороки. Всех отдаю тебе. Отпусти меня!

— Нет!

Душа Ерназара уже готова выйти из горла.

— Если этого мало, возми девятую сноху Кенжекей, самую красивую и умную. Только выпусти меня, матушка!

— Нет!

Душа Ерназара подбирается к самому носу.

— Если этого мало, есть у меня восемь сыновей—как столбы они крепки. Все они твои. Выпусти меня, матушка!

— Нет!

Тут душа Ерназара чуть не выскочила из ноздрей. Увидел он смерть перед самыми глазами. Начал стонать старик:

— Если и этого мало, отдам я тебе самое дорогое, что есть у меня: крыло мое в бедствии, силу мою в одиночестве—любимого сына моего Ер-Тостика. Возьми его, только выпусти меня.

Тут баба-яга сразу ослабила пальцы.

— А как же ты мне отдашь Ер-Тостика?

Отвечает Ерназар:

— У меня в кармане точилка. Ер-Тостик точит ею свою стрелу. Она ему очень нужна. Я оставлю ее тебе в залог. Он придет за ней сюда.

Отпустила баба-яга старика. Вернулся Ерназар к каравану. Ведет за собой в поводу Ак-Тюс, словно и не случилось ничего. Не подозревал только старик, что Кенжекей, незаметно подкравшись к саксаулу, слышала его разговор с бабой-ягой.

Прошло несколько дней. Заметил Ер-Тостик — ночью Кенжекей закрывает на запор свою юрту. Не понравилось это ему. Вошел он в нее силой и лег в постель.

Кенжекей вынула стальной кинжал, приставила к своей груди острием, а рукояткой к груди Ер-Тостика и шепчет:

— Лежи спокойно, иначе мы погибли оба.

— Почему погибли?

— Отец твой отдал тебя бабе-яге. Ты теперь не мой. Сначала освободись от бабы-яги, а потом приходи и будешь моим мужем.

Усумнился Ер-Тостик в словах Кенжекей:

— А зачем отцу было отдавать меня бабе-яге?

Отвечает Кенжекей:

— Если не веришь спроси у отца свою точилку.

Наутро говорит Тостик отцу:

— Я хочу сходить на охоту. Дай мне точилку наточить стрелу.

Поискал Ерназар в кармане и отвечает:

— Должно быть, я потерял ее в Соркудуке, когда искал Ак-Тюс. Точилка осталась возле саксаула. Там я кормил лошадь.

Решил Ер-Тостик отправиться на поиски своей точилки.

Посоветовал ему Ерназар ехать на двух лошадях — пегой, резвой, как о шести ногах, и рыжей, резвой, как о семи ногах. Так и поступил Ер-Тостик. Увидела Кенжекей, как муж сел на шестиногую лошадь, а семиногую взял в повод, и запела она:

Вот вижу твой путь я опасный, Ер-Тостик:
Безводные степи лежат пред тобою.
Пройти через степи нельзя и кулану—
Тебе на коне их придется проехать.
Пустыня песками твой путь преградила,
Пустыней лететь и орлу невозможно,
А должен проехать ее на коне ты!
Заменят ли кони в пути тебе крылья?
Шестиногую пегую в табун привели,
От смирной кобылы она — не товарищ.
Когда перетрутся копыта о камень,
Когда в лоб ударит ей пламенем солнце,
Не выдержит лошадь шесть дней перехода!
Семиногую рыжую в табун привели,
От старой кобылы —совсем не годится!
Когда в лоб ударит ей пламенем солнце,
Не выдержит даже семь дней перехода!
У отца не взяла я себе иноходцев,

А выбрала лошадь, чтоб ездить батыру!
Возьми, Ер-Тостик, Шалкуйрыка в дорогу.
Крылом твоим будет, опорой и другом!

По душе пришлось Ер-Тостику предложение Кенжекей. Послал он жигитов найти в табуне Шалкуйрыка. Только жигиты никак не могут поймать лошадь. Никого не подпускает к себе близко Шалкуйрык. Кто спереди подойдет, того он укусит; кто сзади — того лягнет. Пошел Ер-Тостик сам к Шалкуйрыку. Протянул руку с уздечкой. Почуяла лошадь настоящего хозяина, дала себя взнуздать.

Оседлал Ер-Тостик Шалкуйрыка, а Кенжекей загадала про себя примету:

«Ак-Тюс принесет верблюжонка либо в тот день, когда умрет Ер-Тостик, либо в тот день, когда он возвратится домой».

Опоясалась она платком и еще загадала:

«Развяжется либо в тот день, когда умрет Ер-Тостик, либо когда он приедет назад».

Поняла Ак-Тюс думы Кенжекей. И дала ей клятву обязательно принести верблюжонка в день возвращения или смерти Ер-Тостика.

Когда отъехал Ер-Тостик подальше от каравана, заговорил Шалкуйрык человеческим голосом:

— Теперь у нас с тобой одна душа, Ер-Тостик. Запомни, что я скажу. Возле твоей точилки нас поджидает баба-яга. Она попытается тебя поймать, когда ты будешь поднимать точилку. Отвлеки внимание старухи, а я сделаюсь ниже полыни. Ты на ходу сможешь поднять и увезти точилку. Только назад не оглядывайся.

Вот подъезжают они к саксаулу. Увидел Ер-Тостик ветхую старуху. Закричал ей громким голосом:

— Бабушка! Сидящие за тобой девушки все ли твои?

Оглянулась старуха. Шалкуйрык сделался ниже полыни, схватил Ер-Тостик на полном скаку точилку — и был таков!

Догадалась старуха, кто ее перехитрил. Захрипела она страшным голосом. Зашипела по-змеиному. Засверкала глазами. Кинулась догонять Ер-Тостика.

Быстрей стрелы летит Шалкуйрык. Но и баба-яга не отстает. Гонится за ним по пятам. Такая тут началась скачка, что горы стали рассыпаться, как кучи песка. Зацепил Шалкуйрык на полном скаку копытом черный камень величиной с юрту. Пополам треснула земля под лошадью. И провалился под землю Ер-Тостик вместе с конем. Долго летели они вниз. Наконец остановились.

Встал Шалкуйрык на четыре ноги и заговорил человеческим голосом:

— Мы в подземном царстве змеиного хана Баны. Здесь поблизости должен быть его дворец. Оставь меня, когда увидишь его. Войди во дворец один. Вход охраняют две черные змеи. Они будут свистеть и бросаться на тебя, но ты не пугайся. Это рабы хана Баны. Когда пройдешь через дверь и войдешь в комнату, подползут к тебе две серые змеи. Они заберутся за пазуху и вылезут из голенищ. Эти змеи — дочь и сын Баны-хана. Ты их тоже не страшись. Когда ты сядешь на пол, к тебе со свистом подвинутся две громадные желтые змеи. Это сам Баны-хан и его жена. Держись с ними смело, иначе потеряешь к себе уважение, и мы не сможем найти дорогу назад, на поверхность земли.

Все так и вышло, как предсказал Шалкуйрык.

Когда желтые змеи превратились в людей — в мужчину и женщину,— увидел Ер-Тостик перед собой хана Баны и его любимую жену.

— Добро пожаловать, Ер-Тостик! — приветствовал гостя

124595

хан.— Жители подземного царства уважают смелых людей, живущих на земле. Они не обидят тебя!

И серые змеи тоже приняли человеческий образ. Увидел Ер-Тостик стройного юношу и красивую девушку. Дети хана Баны радостно приветствовали Ер-Тостика.

А две черные змеи превратились в черных рабов. С низкими поклонами подошли они к гостю, готовые служить ему.

Долго прожил Ер-Тостик в подземном царстве. За это время он узнал, что Баны-хан сильно враждует с Темир-ханом. Несколько раз Баны-хан сватал у него дочь за своего сына, но Темир-хан всегда отказывал.

Сказал Баны-хан Ер-Тостику:

— Если ты привезешь ко мне дочку Темир-хана, то я отдам тебе в жены свою дочь.

И отправился Ер-Тостик сватать дочь Темир-хана. Ехать предстояло семь месяцев. Едет Ер-Тостик через пустынную степь и видит человека с ножом, притаившегося за деревом.

«Какое зло замышляет этот человек?»— подумал Ер-Тостик и начал наблюдать за ним.

Тут две сороки сели на ветку. Человек с ножом изловчился— вмиг срезал и переставил птицам хвосты. Даже не почувствовали сороки, какую проделку с ними совершил удивительный ловкач.

Спрашивает Ер-Тостик:

— Кто ты такой?

— Я хочу быть товарищем Ер-Тостика. Я слышал, что он спустился в подземное царство, и жду его на дороге.

— А каким искусством ты владеешь, чтобы быть товарищем Ер-Тостика.

— Мое искусство ты видел. Нет птиц более чутких, чем со-

роки. Но и они не заметили, как я переставил им хвосты. Я Вор-богатырь.

— А я Ер-Тостик, которого ты поджидаешь.

Отправились они в дальнейший путь вместе — Ер-Тостик и Вор-богатырь.

Повстречался Ер-Тостику еще один человек. На каждой ноге у него было привязано по большому камню, но бегал он так быстро, что догонял оленей, ловил их, а затем спутывал им ноги.

Спрашивает Ер-Тостик:

— Кто ты такой?

— Я хочу быть товарищем Ер-Тостика. Я слышал, что он спустился в подземное царство, и жду встречи с ним.

— А каким искусством ты владеешь, чтобы быть товарищем Ер-Тостика?

Когда мне нужно догнать оленя, я привязываю камни к ногам, а если надо догнать птицу,— отвязываю их. Я богатырь Ветроног.

— А я Ер-Тостик, которого ты ждешь.

Тронулись они дальше втроем: Ер-Тостик, Вор и Ветроног.

Повстречался им еще один человек. Он лежал, прикладывая к земле то правое ухо, то левое.

Спрашивает Ер-Тостик:

— Кто ты такой?

— Я хочу быть товарищем Ер-Тостика. Я слышал, что он спустился в подземное царство, и жду его на дороге.

— А каким искусством ты владеешь, чтобы быть товарищем Ер-Тостика?

— Я здесь слышу, о чем говорят люди, находящиеся на другом конце пустыни. Меня зовут богатырь Чуткое Ухо.

— А я Ер-Тостик, которого ты ждешь.

Отправились они дальше вчетвером: Ер-Тостик, Вор, Ветроног и Чуткое Ухо.

Шли, шли и видят: стоит высокая гора. Вдруг на их глазах она начинает расти. Подошли они ближе и увидели человека. Передвигал он горы с места на место. Легко поднимает — и ставит одну на другую.

Спрашивает Ер-Тостик:

— Кто ты такой?

— Я хочу быть товарищем Ер-Тостику. Я видел, как он спустился в подземное царство, и жду его на дороге.

— А каким искусством ты владеешь, чтобы быть товарищем Ер-Тостика?

— Я обладаю великой силой и не знаю, куда мне ее деть. Со скуки я перекатываю горы с места на место. Меня зовут богатырь Горокат.

— А я Ер-Тостик, которого ты ждешь.

Отправились они дальше впятером: Ер-Тостик, Вор, Ветроног, Чуткое Ухо и Горокат.

Подходят к большому озеру. Смотрит на него Ер-Тостик и ничего понять не может. Вода в озере то исчезнет сразу, то вновь появится. И вдруг заметил Ер-Тостик сидящего в камышах человека с дудочкой во рту. Наберет он через дудочку воду в рот — и озеро высохнет до дна. Потом выпустит ее обратно— и озеро вновь наполнится до самых берегов.

Спрашивает Ер-Тостик:

— Кто ты такой?

— Я хочу быть товарищем Ер-Тостика. Я слышал, что он спустился в подземное царство, и жду его на дороге.

— А каким искусством ты владеешь, чтобы быть товарищем Ер-Тостика?

— Я могу проглотить любое озеро. Я богатырь Озероглотатель.

— А я Ер-Тостик, которого ты ждешь!

И двинулись они дальше вшестером: Ер-Тостик, Вор, Ветроног, Чуткое Ухо, Горокат, и Озероглотатель.

Вечером подходят они к высокому холму. Сидит на нем человек и разглядывает луну.

Спрашивает Ер-Тостик:

— Кто ты такой? Что ты делаешь здесь?

— Я хочу быть товарищем Ер-Тостика. Я видел, как он спустился в подземное царство, как он вошел во дворец змеиного хана Баны, как выехал в страну Темир-хана и как по дороге набрал себе пятерых товарищей. Я богатырь Всевидящий Глаз.

— Будь моим товарищем! — отвечает Ер-Тостик.

Отправились они дальше всемером: Ер-Тостик, Вор, Ветроног, Чуткое Ухо, Горокат, Озероглотатель и Всевидящий Глаз.

Только на седьмой месяц добрались они до страны Темир-хана и увидели пустынную местность. Население услышало, что к ним едет Ер-Тостик, и откочевало неизвестно куда.

Приложил богатырь Чуткое Ухо к земле уши и услышал далекий разговор. Говорит он Ер-Тостику:

— Народ откочевал в урочище, называемое «Недоступное человеку».

Богатырь Всевидящий Глаз поднес ладонь к бровям и увидел, что население спряталось за широким утесом, находящимся за шестью горами и семью озерами.

Тут богатырь Горокат смахнул с дороги горы, а богатырь Озероглотатель проглотил воду из семи озер.

И очутился Ер-Тостик с шестью богатырями в ауле Темир-хана.

У Темир-хана гостил в это время Кеще-хан. Приехал он сватать ханскую дочь. Узнал Темир-хан, что Ер-Тостик прибыл от хана Баны с тем же намерением, и объявил:

— Чьи сваты окажутся искуснее и хитрее, те и увезут из моего аула дочь.

И велел он заколоть для пира всех баранов, верблюдов и лошадей, пригнанных в подарок Кеще-ханом, а также и свой скот.

Начался пир, и собрался народ посмотреть на искусство обоих сватов.

Отвели Ер-Тостику праздничную белую юрту. Начали подавать угощение. Но сколько ни принесут жигиты кумысу и мяса, никак не могут насытить сватов Баны-хана. Богатырь Озероглотатель один выпил весь кумыс и поел все кушанья, приготовленные для пира.

Несколько раз приказывал Темир-хан колоть новые стада баранов. Но все мясо в один миг исчезало в бездонной утробе Озероглотателя.

Посоветовал Кеще-хан Темир-хану:

— Надо в кушанье положить яду, чтобы эти обжоры не съели твоего последнего барана.

Услышал богатырь Чуткое Ухо этот заговор и сообщил Ер-Тостику. А тот послал Вора-богатыря на кухню. Вынул Вор-богатырь яд и переложил его в блюдо, предназначенное для Кеще-хана и его свиты.

Только проглотили они по одному кусочку мяса, как сразу же умерли.

Так одержал Ер-Тостик победу над Кеще-ханом.

Кончился пир. Устроил Темир-хан байгу. Приказал вывести на нее всех лучших скакунов. Ер-Тостик тоже стал готовить к состязаниям Шалкуйрыка.

Тут заговорила его лошадь человеческим голосом:

— Если коней запустят на далекое расстояние, то бег мой будет, как всегда, быстрым. Но если я буду скакать даже три дня, то вряд ли сумею остановиться. Поэтому, когда я стану приближаться, ты натяни передо мной тройную веревку, скрученную из джута, льна и шелка. Если порвется она целиком — меня ты больше не увидишь. Я так промчусь, что не смогу остановиться. Если веревка уцелеет, я разобьюсь насмерть. Но если она порвется до половины, я хотя и упаду, но все же останусь жив. Не теряй надежды, Ер-Тостик, на добрый исход!

Задумал Темир-хан уморить единственную лошадь Ер-Тостика. Нарочно назначает скачки на дальнее расстояние. Самые быстрые кони в состоянии пробежать его не меньше, как за неделю.

Умчались лошади, а гости стали смотреть борьбу.

Легко победил богатырь Горокат всех силачей подземного царства. Никто больше не захотел выйти с ним на единоборство. Стал показывать Горокат народу свою силу — поднимет ближнюю гору, как маленький камешек, и на место поставит.

Так проходит неделя в играх и в развлечениях. Наступает срок возвращения лошадей. Идет народ встречать их. Говорит богатырь Чуткое Ухо Ер-Тостику:

— Я слышу топот копыт: приближаются лошади.

Богатырь Всевидящий Глаз добавляет:

— Я вижу облако пыли: это мчится наш Шалкуйрык!

Натянул тогда Ер-Тостик тройную веревку. Быстрее вихря мчится Шалкуйрык. Добежал до веревки и упал. Увидел Ер-

Тостик: джутовая и волосяная веревки порвались, а шелковая уцелела.

Обращается тогда он к своей лошади:

В Соркудуке отец мой сделал привал,
Большое несчастье мне он причинил.
Злой бабе-яге, чтобы душу спасти,
Точилку мою он оставил в залог.
Вот я оседлал самых лучших коней,
Поехал точилку свою выручать.
Сказала жена мне моя Кенжекей:
— Безводные степи лежат пред тобой,
Их даже не в силах кулан пересечь.
Пустыня за ними еще тяжелей—
Ее пролететь не под силу орлу!
Шестиногий конь не годится тебе —
От смирной кобылы родился на свет.
Семиногий конь не годится тебе —
От старой кобылы родился на свет.
Чтоб не обидеть мою Кенжекей,
Тебя оседлал я тогда, Шалкуйрык.
Я помощь твою не забыл, Шалкуйрык!
Крылом моим быстрым ты был, Шалкуйрык!
Советы давал мне в беде, Шалкуйрык!
Имел три души, но осталась одна.
Вставай, Шалкуйрык! Оживи, Шалкуйрык!
Мой верный товарищ, прошу я тебя!

Услышал Шалкуйрык слова своего хозяина, ожил и вскочил на ноги. Вышел он победителем в состязании. Остальные лошади прибежали через несколько дней.

Следующее состязание в беге Темир-хан устраивает для не-

ших жигитов. Отбирает он лучших своих бегунов с Метан-Кемпир во главе. А Ер-Тостик выставляет богатыря Ветронога.

Прошли бегуны однодневное расстояние. Наступил вечер. Решили они переночевать, а с утра начать состязание.

Метан-Кемпир говорит Ветроногу:

— Ты устал, голубчик. Спи крепко и ни о чем не беспокойся. Я сама разбужу тебя, когда будет нужно.

Понадеялся Ветроног на обещание Метан-Кемпир и крепко заснул. А когда проснулся, солнце уже стояло над самой головой. Все бегуны давно начали состязание и уже прошли больше половины пути. Догадался Ветроног, что старуха его обманула. Схватил он горсть песку и помчался догонять своих соперников. Бежал он так быстро, что в пути даже птиц обгонял. Настиг Ветроног бегунов и видит—впереди всех мчится Метан-Кемпир. Бросил он старухе песок в лицо. Начала старуха протирать глаза да ругаться и отстала. Прибежал Ветроног первым и принес победу Ер-Тостику.

Очень не хочется Темир-хану отдавать свою дочь за сына змеиного хана Баны. Придумал он новую хитрую задачу для Ер-Тостика. Просит Темир-хан достать со дна озера потонувший котел, окружностью в сорок саженей.

Велит Ер-Тостик богатырю Озероглотателю осушить озеро. Но сколько ни старается богатырь, ничего не получается. Третья часть воды все время остается в озере.

Видит Шалкуйрык неудачу Озероглотателя. Предлагает он Ер-Тостику:

— Я достану котел. Когда я нырну в воду, наблюдай, какого цвета поднимется пена. Если белая,— значит все у меня благополучно, котел я поднял. А если пена будет красная,— значит не поднял, случилась беда, и я остался навсегда под водой.

И с этими словами нырнул Шалкуйрык на дно озера.

Смотрит Ер-Тостик на воду, какая пена появится на поверхности. Показалась белая пена. Обрадовался он — все идет хорошо. Но тут скоро появилась красная пена. Опечалился Ер-Тостик и запел:

В Соркудуке отец мой сделал привал,
Большое несчастье мне он причинил.
Злой бабе-яге, чтобы душу спасти,
Точилку мою он оставил в залог.
Тогда оседлал я тебя, Шалкуйрык,
Точилку поехали мы выручать.
Хороший совет мне дала Кенжекей.
Крылом моим был ты и другом в пути,
С тобой обманули мы бабу-ягу.
Когда подскакал ты к бабе-яге,
Стал ниже полыни, чуть выше травы.
Точилку схватил я под носом у ней!
Ты помнишь, как мы уходили вдвоем
И как по пятам мчалась баба-яга.
Шаталась гора, и шел каменный град,
Осколки кругом разлетались, как вихрь.
Ты камень громадный хвостом зацепил,
И треснула сразу под нами земля,
Открыв нам змеиное царство Баны.
Я помощь твою не забыл, Шалкуйрык!
Крылом моим быстрым ты был, Шалкуйрык!
Опорой ты был для меня, Шалкуйрык!
Советы давал мне в беде, Шалкуйрык!
Имел три души, но осталась одна.
Всплыви на поверхность воды, Шалкуйрык,
Мой верный товарищ, прошу я тебя!

На призыв Ер-Тостика поднимается из воды Шалкуйрык. К хвосту его привязан громадный котел. Вытащил он его на берег, встряхнул мокрой гривой и стал рассказывать Ер-Тостику:

— Очень глубокое озеро! С трудом я добрался до дна. Ты увидел на поверхности воды белую пену, когда я нашел котел. Схватил я его зубами, но никак не могу вытащить. Тут ты увидел красную пену. Пришлось подождать, пока отрастет мой хвост. Когда он стал достаточно длинным, я обвязал им котел и поднялся из воды.

Отдал Ер-Тостик котел Темир-хану. Но тот задумал уж новую хитрость. Решил он сжечь Ер-Тостика вместе с шестью богатырями.

Велел Темир-хан построить сарай из толстого железа. Обманом завлек он в него Ер-Тостика с товарищами. Как только вошли они, дверь за ними закрыли на семь замков. Обложили сарай со всех сторон дровами и зажгли огромный костер.

Но богатырь Горокат ударил дверь ногой, и распахнулась она настежь. У богатыря Озероглотателя находилась за щекой вода целого озера. Выпустил он ее на дрова и загасил огонь.

Ничего больше не мог придумать Темир-хан. Понял он, что перехитрить Ер-Тостика невозможно.

Привел Темир-хан свою дочь и сказал:

— Вот тебе невеста для ханского сына. Ты победил сватов Кеще-хана и меня.

И тогда тронулся Ер-Тостик в обратный путь вместе с шестью богатырями, сослужившими ему верную службу.

По дороге богатыри один за другим отстали от Ер-Тостика на тех самых местах, где он раньше их встретил.

Каждый богатырь, прощаясь говорил:

— Дальше для меня нет дороги!

Привез Ер-Тостик невесту для ханского сына. Доволен остался Баны-хан. Отдает он в жены свою дочь Ер-Тостику и говорит:

— Проси у меня, чего хочешь. Все тебе дам.

— Ничего мне не надо,— отвечает Ер-Тостик,— я хочу одного — выйти из подземного царства и вернуться на родину.

— Твое желание будет исполнено.

Дал Баны-хан Ер-Тостику много проводников и сам указал направление.

Отправился Ер-Тостик на поверхность земли. Ехать ему предстояло шесть месяцев. Дорога шла через непроходимые мертвые пустыни. Даже орлы здесь опасались летать. Все проводники погибли в пути. Умерла и дочь Баны-хана. В живых осталась только ее рабыня Кункей.

Миновали путешественники пустыню. Едут степью и подъезжают к роднику. Возле него росло дерево. Присели Ер-Тостик и Кункей отдохнуть. Никак уснуть не могут. На верхней ветке жалобно запищали птенцы, поднялся Ер-Тостик и видит: по стволу дерева ползет к ним удав. Поднял Ер-Тостик лук и выстрелил ему в голову. Упал удав мертвым, и птенцы сразу успокоились.

Лег спать Ер-Тостик. Проснулся он от сильного ветра и страшного шума. Это прилетел двуглавый орел-великан и сел на дерево. Одна голова у него была птичья, другая человечья. А раскрытое орлиное крыло покрывало такое пространство земли, какое всадник мог проехать только за месяц.

Набросился орел на Ер-Тостика. Но тут запищали птенцы и сказали что-то орлу.

И заговорила человечья голова орла:

— Зачем ты пришел в мои владения, Ер-Тостик? Сюда не ступала еще нога человека. Или ты задумал охотиться на моих птенцов?

Отвечает Ер-Тостик:

— Я житель земли и заблудился. В твои владения попал случайно. Птенцам твоим никакого зла я не причинил, а даже спас их от удава. Он мертвый лежит перед тобой. Если не веришь мне, спроси своих птенцов.

Подтвердили птенцы слова Ер-Тостика.

Спрашивает орел:

— Скажи, Ер-Тостик, что ты хочешь? Все для тебя сделаю.

Поведал Ер-Тостик о своих похождениях в подземном царстве и говорит:

— Одного я хочу — вернуться на поверхность родной земли.

Обещает орел:

— Хорошо!

Ер-Тостик, Шалкуйрык и Кункей забрались на орлиное крыло. Не успели они оглянуться, как очутились на земле.

Вырвал орел из своего крыла маленькое перо. Сказал Ер-Тостику на прощание:

— Возьми это перышко. Оно обладает волшебной силой. Когда случится с тобой беда, потри его белым камнем, и я выручу тебя.

Взмахнул орел крыльями и улетел. Обогрелся Ер-Тостик под горячими лучами солнца и крепко заснул. Не боялся он на земле никакой опасности. А опасность Ер-Тостику угрожала большая.

Пока он находился в подземном царстве, Бекторы задушила бабу-ягу. Отомстила она старухе за то, что та проворонила Ер-Тостика. У бабы-яги был сын — Шоин-Кулак[1].

Вот говорит ему Бекторы:

— Ер-Тостик не может оставаться под землею. Проследи,

[1] Шоин-Кулак — Чугунное Ухо.

когда он выйдет, излови живым и приведи ко мне. Но если упустишь его, как упустила твоя мать,— не жди от меня пощады.

Дни и ночи караулил Шоин-Кулак возвращение на землю Ер-Тостика. Нашел он его спящего. Связал по рукам и ногам и притащил к Бекторы.

Приказала Бекторы бросить Ер-Тостика в глубокий колодец, Кункей отдать в жены Шоин-Кулаку, а Шалкуйрыка держать в путах.

Много лет просидел Ер-Тостик на дне колодца. Родила за эти годы Кункей сына Шоин-Кулаку. Только для Шалкуйрыка никак не могли найти подходящих пут. Все время лошадь рвала их на части.

Однажды оседлал Шоин-Кулак Шалкуйрыка и поехал на охоту. На обратном пути спутал он ноги лошади ремнем длиной в сорок саженей. Но сыромятный ремень не мог долго держаться. Развязался один конец, и вырвался Шалкуйрык на свободу. Помчался он к колодцу, где томился Ер-Тостик. Начал рыть землю копытами и сбросил ремень в колодец. Увидел Ер-Тостик привязанный к нему белый камень. Достал он перышко, подаренное орлом, и потер его. Тут мигом прилетел двуглавый орел. Вытащил он Ер-Тостика из колодца, развязал ему руки и ноги и говорит:

— Тебя я освободил, но осилить Шоин-Кулака никак не могу. Душа его находится не при нем. Ты избавишься от него лишь тогда, когда найдешь место, куда он прячет свою душу. Постарайся найти ее. Тогда ты будешь свободен.

Улетел орел, а Ер-Тостик вскочил на Шалкуйрыка и поскакал в аул Шоин-Кулака. Тут его с плачем встретила Кункей. Рассказала она Ер-Тостику, как мучает ее злой муж.

— Освободи меня от него, иначе я умру!— просит Кункей.

— Хорошо!— обещает Ер-Тостик.

Узнал он, что Шоин-Кулак сильно любит своего сына, и научил Кункей, как выведать тайну.

Ер-Тостик выкопал яму под колыбелью ребенка и спрятался в ней.

Поздно вечером приехал Шоин-Кулак. Весь день искал он убежавшего Шалкуйрыка и очень устал. Накормила Кункей мужа и уложила в постель. Сама же стала качать колыбель сына и ущипнула незаметно его. Заплакал ребенок.

Говорит Шоин-Кулак:

— Убаюкай его!

Стала Кункей баюкать, а сама еще сильнее ущипнула ребенка. Заплакал сын громче.

Спрашивает отец:

— Почему он плачет?

Отвечает Кункей:

— Ребенок говорит: «Должно быть, я сын не Шоин-Кулака, а Ер-Тостика. Если бы Шоин-Кулак был родной отец, он мою душу спрятал бы вместе со своей. А он до сих пор скрывает, где находится его душа. Ер-Тостик мне бы давно рассказал!»

Поверил Шоин-Кулак словам Кункей и говорит:

— Пусть не болтает сынок глупостей. Отец его не Ер-Тостик, а я. Если же сын хочет знать, где моя душа, я ему скажу.

Тут Шоин-Кулак удалил Кункей из юрты, а сам подошел к колыбели и шепчет на ухо сыну:

— Свою душу я при себе не храню. Она далеко отсюда. Возле родника Борык-Булака пасутся дикие козы. Среди них есть Черная коза. В животе она носит девять черных сундучков. В самом маленьком девять цыплят. Это моя душа! А если, сынок, твоей душе тесно в твоем маленьком теле, она может соединиться с моей. Но об этом никто не должен знать. Иначе нас может постигнуть смерть.

Погладил Шоин-Кулак сына по голове, лег в постель и сразу уснул. А Ер-Тостик выбрался потихоньку из ямы и поехал к роднику Борык-Булак. Схоронился он возле водопоя и стал поджидать

Ровно в полдень прибежали сорок диких коз. Постояли они вблизи родника, понюхали воздух и умчались.

Немного погодя появились новые козы. Посмотрели по сторонам, посовещались между собой и тоже скрылись.

А день стоял жаркий. Жажда сильно мучила животных. Все время стремились козы к воде, да не решались подойти.

Говорит одна коза:

— Возле воды я слышу чужой запах.

Другая подтверждает:

— Он похож на запах человека.

А третья добавляет:

— Должно быть, это враг Шоин-Кулака.

Услышала Черная коза последние слова и мигом умчалась.

Тогда Ер-Тостик начал успокаивать коз. Сидит в камышах и поет:

Приветствую вас, сорок коз, у чистой, прозрачной воды!
Не вижу я Черной козы: хранитель души, где же ты?
Свободное время найдя, тебя повидать я пришел.
Хранитель души, подойди, явился проведать тебя!
Прозрачна вода в роднике — напейся прозрачной воды!

Ер-Тостика я победил, жену молодую отнял.
Почуяла запах его? Ко мне от него он пристал!
Не бойся, скорей подойди, нам надо поговорить!
Я душу сынка своего доверить желаю тебе.
Зову я тебя, подойди — чужого здесь нет никого!

Но не верят козы Ер-Тостику. Стоят в отдалении. Между собой переговариваются. Каждую минуту готовы умчаться.

Рассердился Ер-Тостик:

А если у Черной козы доверья к словам моим нет,
Обиды я ей не прощу! Будь проклято имя мое,
Имя Шоин-Кулака, коль угрозы не выполню я!
Пусть гончая лишь прибежит ко мне собака моя,
Заставлю я ноги тогда у Черной козы ободрать!
Ручьем чтобы кровь пролилась у Черной трусливой козы!

Посовещались козы и пошли потихоньку к роднику. Но к самой воде не подходят. Притаился Ер-Тостик в камышах. Даже дышать перестал. Приблизились козы к воде. Осмотрелись по сторонам. Опустили осторожно головы. А Черная коза, самая пугливая, после всех подошла. Тоже голову наклонила. Начала пить.

Утолили козы жажду. Стали уходить одна за другой.

А Черная коза никак напиться не может. Пьет и пьет. Надулся у нее живот от воды. Почти земли стал касаться.

Тут прицелился Ер-Тостик из лука, спустил стрелу и распорол козе живот. Девять черных сундучков выпали на землю. Схватил Ер-Тостик самый маленький, открыл его и видит: девять цыплят ворошатся.

Восьми он сразу же головы свернул, а девятого пощадил. Хотел посмотреть Шоин-Кулака еще живого. Оставил ему девятую часть души.

Сунул Ер-Тостик черный сундучок с цыпленком себе за пазуху, вскочил на Шалкуйрыка и поскакал в аул Шоин-Кулака.

Встречает его Кункей возле юрты. Спрашивает Ер-Тостик:

— Как Шоин-Кулак?

— Плохо! Чуть живой!

Вошел Ер-Тостик в юрту и видит в ней умирающего Шоин-Кулака. Брови у него шевелятся, и сам чуть дышит.

Усмехается Ер-Тостик:

— Эй, богатырь! Чего лежишь?

Тут Шоин-Кулак как накинется на него! Завязалась борьба. Ер-Тостик рассчитывал быстро одолеть противника. В нем ведь только одна девятая часть души осталась. Но чувствует он, что к Шоин-Кулаку прежняя сила возвращается. Упал Ер-Тостик на землю. Показалось ему, что гора свалилась на него, а тело словно кто железной решеткой стянул.

Задыхается Ер-Тостик от усталости. Потом обливается. И стал он тут умолять Кункей:

Из подземного царства змея — хана Баны
Проводила одна нас на землю Кункей,
Чтобы рабство найти здесь и тягостный плен
В доме мужа Шоин-Кулака своего.
Реки слез пролила от него ты, Кункей!
Вся надежда моя на тебя лишь сейчас.
Силы слабнут мои, смерть готовит злодей.
Ты приблизься ко мне, не пугайся, Кункей!
Есть за пазухой здесь у меня сундучок,
Ты возьми поскорей и замочек открой.
В нем цыпленок сидит — ему шею сверни,
Умоляю тебя — мне в беде помоги!

Быстро вытащила Кункей из-за пазухи Ер-Тостика черный сундучок. Открыла крышку. В нем восемь цыплят сидят и пищат.

Закричал Ер-Тостик в ужасе:

— Рви им головы скорей!

Как только оторвала Кункей голову последнему — восьмому цыпленку, так Шоин-Кулак сразу же дух испустил.

Тут понял Ер-Тостик, почему к Шоин-Кулаку сила вернулась. Пока шла борьба, цыпленок вывел еще семь цыплят. Хорошо еще, что не восемь! А то с целой душой был бы непобедим Шоин-Кулак!

Прилег усталый Ер-Тостик отдохнуть в юрте Кункей. Вдруг слышит он из колыбели голос сына Шоин-Кулака:

— Не радуйся, Ер-Тостик! Я отомщу тебе за смерть отца!

Тогда Ер-Тостик связал мальчишке руки и ноги и вместе с колыбелью бросил в воду.

Уничтожил Ер-Тостик своих врагов, сел на Шалкуйрыка и отправился домой на родину. А здесь отец и братья уже давно забыли о нем. Решили, что погубила его баба-яга.

Только одна Кенжекей не теряла надежды на возвращение Ер-Тостика. Терпеливо ждала она, когда Ак-Тюс принесет верблюжонка. В тот день, как загадала Кенжекей, Ер-Тостик или домой вернется, или узнает она о его смерти.

Однажды утром не нашла Кенжекей Ак-Тюс на своем обычном месте и отправилась на розыски верблюдицы. Ищет она Ак-Тюс, а сама поет:

В путь дальний, когда отправлялся Ер-Тостик,
То клятву дала ты мне, Ак-Тюс:
Иль в день возвращенья, иль в день его смерти
Принести верблюжонка.
Куда же исчезла сегодня так рано,
Моя Ак-Тюс?
Что сердце верблюжье тебе подсказало?
Муж умер сегодня? Домой ли вернется?

Горюю давно я, не зная покоя.
Утешь мою душу, дай знать поскорее
Мне, Ак-Тюс!

В это время развязался платок на пояснице Кенжекей и запутался в ногах. Насторожилась Кенжекей:

С поясницы моей развязался платок,
Развязался платок не случайно!
Об Ер-Тостике новость услышать должна —
Завязала платок я с загадкой!

Тут наткнулась Кенжекей на Ак-Тюс и увидела возле нее маленького верблюжонка. И тут же показался старик на белой хромой лошади. Платок у Кенжекей совсем свалился с ног.

«Должно быть, старик везет мне извещение о смерти Ер-Тостика!» — подумала Кенжекей и заплакала.

Но белая лошадь громко заржала. Сразу узнала Кенжекей Шалкуйрыка. А Ер-Тостик узнал Кенжекей, хотя она тоже была седая и старая.

Обнялись они и сразу помолодели от радостной встречи.

Превратился Ер-Тостик в молодого жениха, Кенжекей в невесту, а Шалкуйрыку снова стало пять лет.

После веселой свадьбы они жили долго и очень счастливо.

ТРИ СЕСТРЫ

Сын хана отправился искать себе невесту. Объехал он все ханство, повидал всех красавиц, но ни одна из них не понравилась ему.

Однажды вечером вместе со своей свитой подъехал он к одинокой юрте, где жили три сестры-красавицы. Сын хана услышал женские голоса, слез с коня и стал подслушивать.

Вот средняя сестра спрашивает старшую:

— Что бы ты сделала, если бы ханский сын вдруг вздумал на тебе жениться?

— Я бы соткала ему золотой ковер для его трона. А ты бы что сделала?

Отвечает средняя сестра:

— Если бы хан устроил великий пир и пригласил весь народ, я накормила бы всех гостей одним яйцом.

Потом они спрашивают младшую сестру.

— А ты бы что сделала?

Отвечает младшая сестра:

— Если бы наследник хана вздумал на мне жениться, я родила бы ему сына с золотой головою, а дочь — с серебряной.

Тут ханский сын вошел в юрту и поразился необыкновенной красотой трех сестер. Не сказал он им ни слова, сел на коня и поскакал домой. Призывает к себе визиря и приказывает:

— Поезжай к отцу трех красавиц и узнай, какой калым он хочет получить за своих дочерей.

Визирь съездил, возвратился и сказал:

— Отец требует за трех невест столько верблюдов, коней и баранов, сколько волос на голове его старшей дочери.

Сын хана согласился. Сосчитали визири волосы на голове старшей дочки и отослали отцу несколько тысяч верблюдов, коней и баранов. Три невесты приехали в ханский дворец.

Старшая сестра, как и обещалась, соткала жениху для его трона золотой ковер.

Хан устроил свадебный той, и средняя сестра насытила весь народ одним яйцом.

После этого обвенчали жениха с тремя невестами.

Через год умер старый хан. Наследник занял его трон и стал ханом.

Ждет он, когда третья жена исполнит свое обещание и родит ему сына и дочь.

Однажды отправился хан на охоту, а когда вернулся—сообщили ему радостную весть. Младшая жена родила сына с золотой головою и дочь с серебряной.

Старшие сестры, увидев, как обрадовался хан детям, встревожились. Позавидовали они счастью младшей своей сестры и замыслили против нее зло.

Старшая сказала средней:

— Если мы не отнимем у младшей сестры детей, то хан будет любить ее больше, чем нас.

Позвали они колдунью и сказали ей:

— Укради у младшей нашей сестры детей и унеси куда хочешь. За услугу мы тебя щедро наградим.

— Ладно!— пообещала қолдунья.

Похитила она младенцев и подменила их двумя щенятами. А детей спрятала в сундук, закрыла его на ключ и бросила в реку. Сделав это, колдунья послала сказать хану, что третья его жена родила двух щенят.

Страшно разгневался хан. Приказал он вывезти жену со щенятами в пустыню и оставить на съедение зверям.

Долго плыл сундук с младенцами по реке. Наконец приплыл к берегу, где в плохонькой юрте жил старик со старухою. Здесь он и опустился на дно.

Пришел старик рыбачить, сел на бережок и загадывает, как всегда:

— Первый улов — на счастье моих гостей, второй — на мое счастье, третий — на счастье моей старухи!

На счастье гостей выловил он огромную щуку. На свое счастье — рыбы еще больше. А на счастье старухи вытащил сундук.

Приходит он с уловом домой и говорит жене:

— Этот сундук достался на твое счастье. Посмотри, что там есть.

Открыла старуха сундук и удивилась:

— Два младенца!

Детей у стариков не было. Оставили они младенцев у себя и назвали сына Кудайбергеном[1], а дочь — Кунслу[2].

Приемыши росли не по дням, а по часам. Старики смотрели на них и радовались

---

[1] Кудайберген — данный богом.

[2] Кунслу — Солнечная красавица

* * *

Прошло двенадцать лет. Умерла старуха. Стала вместо нее Кунслу заниматься домашним хозяйством. А еще через три года и старик захворал. Испугались дети, не отходят от его постели.

Как-то вечером старик сказал им:

— Сегодня я умру. Завтра на заре прибежит белый верблюд и ляжет перед юртой. Положите мое тело на него, и куда он отвезет его — там заройте. Плакать обо мне не надо. И без меня вы будете счастливы.

Старик поцеловал детей и умер. Дети горько заплакали. Они любили отца, который их вырастил.

На другой день на заре прибежал белый верблюд. Кудайберген поднял на него тело отца, взял заступ и сел рядом. Долго бежал верблюд и, наконец, опустился на лужайке, покрытой высокими травами в рост человека. Слез Кудайберген с верблюда, взял заступ и начал рыть землю. Пока он копал могилу, белый верблюд исчез. Кудайберген похоронил отца, сел отдохнуть и заснул.

Видит он во сне коня с привязанной к седлу богатой одеждой и стальным, в золотой оправе, оружием. Конь мчится прямо к нему. Кудайберген поймал его и... проснулся.

Смотрит, а конь действительно стоит рядом и пощипывает траву. Кудайберген вскочил на него и поскакал домой.

— У меня есть быстрый конь,— сказал он сестре.— Я смогу теперь охотиться.

И Кудайберген отправился на охоту.

А в степи в этот день охотился хан, родной отец Кудайбергена. Вместе со своей свитой он гнался за сайгой.

Кудайберген увидел сайгу, кинулся за ней, убил ее и привязал к задней луке седла. Ханская свита изумилась. Никогда

им не приходилось видеть такого быстроногого коня. Он мчался, как ветер.

В этот день Кудайберген убил пять сайгаков. Другие охотники не убили ни одной.

Хан сказал своим визирям:

— Сегодня молодой охотник жестоко оскорбил меня. Конь его быстрее моего, а стреляет он из лука так метко, что мне теперь невозможно убить даже одну сайгу.

Хан горько зарыдал и никого не подпускал к себе в этот день.

Его старшие жены встревожились и послали за колдуньей.

— Выручила ты нас один раз из беды,— сказали они ей,— выручай теперь из другой. Хана оскорбил молодой охотник. Удали его подальше, чтобы он не попадался на глаза хану. Мы тебя щедро наградим.

Колдунья ответила:

— Этот молодой охотник — сын вашей младшей сестры, которого я бросила в сундуке в реку. Постараюсь исполнить вашу просьбу.

Отправилась колдунья к Кунслу нарочно в то время, когда Кудайберген был на охоте.

— Здравствуй, дочка! — говорит она девушке.— Где твой брат?

— На охоте.

— На охоте ему очень весело. А тебе, должно быть, одной скучно?

— Скучно,— отвечает Кунслу.

— Плохой у тебя брат,— говорит колдунья.— Мало он о тебе заботится. Ты попроси его, чтобы он достал тебе самоиграющую домбру. С ней ты не будешь скучать. Если брат любит тебя, он достанет. Только проси хорошенько.

Колдунья ушла, а Кунслу стала поджидать возвращения брата.

Обычно она выходила ему навстречу и бросалась на шею. На этот раз она не вышла из юрты. Кудайберген забеспокоился. Он спрыгнул с коня и вбежал в юрту. Сестра сидела бледная и заплаканная.

— Что с тобою, моя дорогая сестричка? — спросил он.

— Тебе весело на охоте, а мне скучно дома. Если ты любишь меня, достань мне самоиграющую домбру.

— Хорошо,— говорит брат.— Достану.

Отправился он на охоту, наловил сайгаков и привез их домой...

— Я еду искать самоиграющую домбру,— сказал он сестре.— А ты запрись и никого к себе не пускай. Пищи у тебя достаточно.

Попрощался он с сестрой, сел на коня и поехал куда глаза глядят.

Вот едет Кудайберген и замечает: возле горы синий дымок вьется. Поскакал он к нему. Видит: между двумя горами стоит плохонькая одинокая юрта. Вошел в нее Кудайберген. Сидит в юрте Жалмауыз-Кемпир [1].

— Здравствуй, сынок! — говорит старуха.— Откуда едешь и как попал сюда? До сих пор ни один человек не заходил ко мне.

Отвечает Кудайберген:

— Бабушка! Сначала накорми и напои меня, а потом расспрашивай.

Жалмауыз-Кемпир накормила гостя, напоила и стала расспрашивать, куда он едет и зачем.

Кудайберген рассказал.

[1] Жалмауыз-Кемпир — баба-яга.

— Опасное ты затеял дело,— сказала Жалмауыз-Кемпир.— Самоиграющая домбра находится в стволе векового дуба. Он растет недалеко от края моих владений, на демоновой земле. Ты ее сразу узнаешь: она покрыта песком и на ней нет никакой растительности. Сломай дуб и беги с ним в мои владения. Только смотри, назад не оглядывайся. Если успеешь добежать — спасешься, а если нет — погибнешь. Оставь своего коня у меня, а сам иди пешком. Демонова земля отсюда недалеко.

Кудайберген снял с себя верхнюю одежду и сапоги и направился к демоновой земле. Увидел он вековой развесистый дуб. Качнул его Кудайберген, а дуб стоит, как стоял. Обхватил он тогда ствол богатырскими руками и вырвал с корнями. Перекинул Кудайберген дуб на плечо и пустился бежать.

Бежит во весь дух, а тут гром гремит, молнии сверкают, град пошел величиной с утиное яйцо, черная буря поднялась. Слышит Кудайберген рычанье льва, рев медведя, ржание лошадей, мычанье коров, блеяние овец, лай собак, вой волков и даже голос сестры, которая звала его на помощь.

Это гнались за ним озлобленные демоны, принявшие образы животных, грозовой тучи, грома и молнии.

Не оглядывался Кудайберген, перебежал границу и остановился на минуту дух перевести.

Закричали ему демоны:

— Счастлив ты, что перебежал границу! Если бы поймали на своей земле, не осталось бы от тебя костей!

Пришел Кудайберген к Жалмауыз-Кемпир и положил перед ней дуб.

Сказала ему старуха:

— Ты устал, ложись спать. А я сама достану самоиграющую домбру.

Кудайберген лег спать. Когда он проснулся, домбра уже играла и пела, да так хорошо, что на дворе плясал конь Кудайбергена.

Поблагодарил Кудайберген старуху, распрощался с ней, взял самоиграющую домбру и отправился в обратный путь.

Очень обрадовалась Кунслу приезду брата и самоиграющей домбре.

Снова зажили они дружно.

Поехал опять Кудайберген на охоту. Снова он убил несколько сайгаков на глазах хана и его свиты. Еще сильнее опечалился хан.

Жены его позвали колдунью и стали укорять ее:

— Что же ты не помогла нам?

Колдунья опять пошла к Кунслу.

— Здравствуй, дочка! — сказала она.— Покажи-ка мне самоиграющую домбру, которую тебе брат достал.

Девушка показала.

— Хорошая домбра! — похвалила колдунья.— Попроси теперь брата, чтобы достал он тебе зеркало, в которое весь белый свет виден.

Вернулся Кудайберген с охоты. Сказала сестра брату:

— Наскучила мне самоиграющая домбра. Достань мне зеркало, в которое весь белый свет виден.

— Хорошо,— сказал Кудайберген и отправился в путь.

Заехал он к Жалмауыз-Кемпир.

— Здравствуй, бабушка!

— Здравствуй, сынок! Куда ты едешь и зачем?

— Я ищу сестре зеркало, в котором отражается весь белый свет. Посоветуй, где его найти.

Жалмауыз-Кемпир сказала:

— Трудное это дело и опасное. Зеркало находится в сун-

дуке за двумя горами, вершины которых касаются неба. Эти горы то сходятся, то расходятся с такой быстротой, что даже птицы не могут пролететь между ними. Поезжай отсюда на юг. По дороге ты встретишь высокое дерево. На верхушке его находится гнездо волшебной птицы Самырюк. Недалеко от этого дерева живет дракон Айдахар. Он съедает каждый день по детенышу Самырюка. Если ты убьешь дракона, то Самырюк поможет тебе достать это зеркало. Кроме нее, ни одна птица не сможет проскочить через горы.

Кудайберген сел на коня и поскакал на юг. Через несколько дней он увидел высокое дерево. Кудайберген слез с коня и начал взбираться на него. В гнезде сидели три птенца волшебной птицы Самырюк. Один из них плакал, другой только насупился, а третий смеялся.

Кудайберген спросил первого птенца:

— Почему ты плачешь?

Птенец ответил:

— Сегодня меня съест Айдахар.

Кудайберген спросил второго птенца:

— Почему ты такой скучный?

Птенец сказал:

— Меня Айдахар съест завтра.

Кудайберген спросил третьего птенца:

— Почему ты смеешься?

Птенец ответил:

— Я умру после своих братьев.

Кудайберген слез с дерева и стал ожидать появления Айдахара. Вдруг зашумели на дереве листья. Птенцы жалобно запищали. Это прилетел Айдахар. Дракон полез на дерево к гнезду. Кудайберген осторожно подкрался и разрубил Айдахара пополам. Дракон упал мертвый.

Тогда Кудайберген снова залез на дерево.

Птенцы сказали ему:

— Ты спрячься под крылом кого-нибудь из нас. Иначе мать прилетит и проглотит тебя.

Кудайберген залез к птенцу под крыло.

Волшебная птица Самырюк прилетела к гнезду. Видит она убитого Айдахара и спрашивает:

— Кто убил дракона?

Птенцы отвечают ей:

— Мы покажем тебе, только ты не трогай его.

— Хорошо,— пообещала птица Самырюк.

Птенцы показали ей Кудайбергена, а она раскрыла клюв и проглотила его.

Тут птенцы накинулись на мать, начали ее клевать и царапать.

Выбросила Самырюк из глотки Кудайбергена и спрашивает:

— Что ты хочешь за убитого Айдахара?

— Помоги мне достать зеркало, в которое весь белый свет виден.

Тогда Самырюк говорит:

— Оставь здесь своего коня и садись на меня!

Взобрался Кудайберген на шею волшебной птицы, и они полетели к тем горам, о которых говорила Жалмауыз-Кемпир. Долго пришлось лететь, наконец Самырюк сказала:

— Теперь закрой глаза!

Не успел Кудайберген закрыть глаза, как очутился за горами, верхушки которых касались неба.

Кудайберген взял сундук с зеркалом, и они тронулись в обратный путь. А горы еще быстрее сдвигаются и раздвигаются.

Самырюк опять говорит:

— Закрой глаза!

Еще быстрее полетела Самырюк, но горы прищемили ей хвост и оторвали его. Так с оторванным хвостом и добралась волшебная птица к своему гнезду. Тут Кудайберген поблагодарил Самырюк, вскочил на своего коня и помчался с подарком к сестре.

Кунслу очень обрадовалась приезду брата. Поставили они перед собой зеркало и стали глядеть, что делается на белом свете. Много разных вещей они увидели, но поразила их одна печальная картина: одинокая женщина в рваных лохмотьях сидела в пустыне на песке, а две собаки служили ей. Вот они поймали птицу и принесли женщине.

Кунслу поняла, что собаки кормили свою несчастную хозяйку, и горько заплакала.

На другой день Кудайберген отправился на охоту. Опять он помешал хану охотиться. Ни одной сайги не смог убить хан. Захворал он от досады и слег в постель.

И опять его жены обратились к колдунье и просили его отправить Кудайбергена туда, откуда нет возврата.

Пришла колдунья к Кунслу и говорит ей:

— Теперь у тебя все есть, нет только женге[1]. Брат твой уезжает на охоту, оставляет тебя одну. Не с кем тебе даже словом перемолвиться. Попроси брата, чтобы он женился на дочери Тасшилара. Тогда у тебя будет хорошая женге.

Возвратился Кудайберген с охоты. Кунслу говорит ему:

— Братец! Почему бы тебе не жениться на дочери Тасшилара? У меня была бы хорошая женге. Нам троим было бы веселее жить.

---

[1] Женге — жена старшего брата.

Кудайберген не стал возражать. Сел он на коня, поехал к Жалмауыз-Кемпир за советом.

— Дело трудное, сынок, и очень опасное,— сказала старуха,— но я научу тебя, как нужно поступить. Поезжай к Тасшилару и скажи ему: «Могу ли я, великий Тасшилар, быть твоим зятем?» Если он согласен, то ничего тебе не ответит, и тогда ты можешь спокойно войти к нему. А если он не согласен, то скажет тебе: «Тас бол!»[1], и ты сделаешься камнем и останешься им навсегда. Если же счастье выпадет на твою долю, и Тасшилар согласится выдать за тебя дочь, то ты попроси его, чтобы он оживил каменную гору, лежащую по правую сторону его орды.

Выслушав старуху, Кудайберген сел на коня и поскакал к Тасшилару. Он подъехал к его орде и спросил:

— Могу ли я, великий Тасшилар, быть твоим зятем?

— Тас бол! — ответил Тасшилар.

И в один миг Кудайберген вместе с конем превратился в каменный холм.

Дочь Тасшилара Айслу, Лунная красавица, жила под водою и училась у покойного отца-рыбака Кудайбергена. Отец узнал об обращении сына в холм и сильно рассердился на Тасшилара. В отместку за сына он стал притеснять свою ученицу.

Айслу сказала своему отцу:

— Отец! Мой учитель изменился. Он придирается ко мне за всякий пустяк. Жизнь для меня стала мученьем.

Тасшилар послал к учителю своего визиря спросить, почему жалуется дочь. Учитель сказал визирю:

— Вчера Тасшилар превратил моего сына в холм. Скажи ему, чтобы он оживил моего сына и выдал за него дочь.

---

[1] Тас бол — будь камнем!

Айслу и Кудайберген родились в один день, и по закону мой сын может быть женихом его дочери.

Визирь передал слова учителя Тасшилару. Тогда Тасшилар оживил Кудайбергена и сказал ему:

— Будь моим зятем!

Кудайберген вспомнил последний наказ Жалмауыз-Кемпир и попросил Тасшилара оживить кеменную гору, стоявшую на правой стороне его орды. И каменная гора по слову Тасшилара превратилась в великана.

Кудайберген взял его с собой, и вместе с женой отправились они втроем к Жалмауыз-Кемпир. Старуха выбежала к ним навстречу. Сначала она поздоровалась с Кудайбергеном и его женой, а потом с великаном. И тут Кудайберген узнал, что великан был сыном Жалмауыз-Кемпир.

Великан рассердился на свою мать и сказал ей:

— Сколько лет мы не виделись, а ты здороваешься со мной после всех. Ты, видно, забыла своего сына?

Мать ответила ему:

— Если бы не этот человек, который тебя привел ко мне, мы с тобой никогда бы не увиделись.

И она рассказала, что сделал для него Кудайберген.

Тогда великан взял на плечи своего освободителя с женой и конем и доставил их домой.

Кунслу очень обрадовалась возвращению брата и полюбила свою женге. Теперь они стали жить втроем.

* * *

Кудайберген снова стал ходить на охоту. И снова он обидел хана и его свиту, не дав им убить ни одной сайги. Хан даже захворал с горя.

Жены опять призвали колдунью и сказали ей:

— Скоро ли ты нас избавишь от молодого охотника?

И снова колдунья отправилась к Кунслу. Входит она в юрту и говорит:

— Здравствуйте, милые!

Айслу сразу узнала, что перед ней колдунья. Она крикнула:

— Ине бол! [1]

И колдунья тут же превратилась в иголку.

Теперь она уже не была опасна для Кудайбергена. Каждый день он выезжал на охоту и оставлял хана и его свиту без добычи. Ни одной сайги они не могли убить, когда в степи находился Кудайберген.

Вот хан собрал своих визирей и говорит им:

— Что нам делать с молодым охотником?

— Надо его убить! — предложил один визирь.

Но хан не согласился, ему жаль было лишать жизни ловкого, красивого жигита.

Другой визирь сказал:

— Повелитель! Подружись с ним. Тогда ты победишь молодого охотника.

Хану понравился этот совет. На другой день он встретил на охоте Кудайбергена и сказал ему:

— Жигит! Не хочешь ли подружиться со мною?

Кудайберген согласился и в знак дружбы пригласил хана к себе в гости.

Три дня прогостил хан у Кудайбергена, а когда вернулся домой, сказал визирям:

— Я видел неслыханное чудо, визири: юрта молодого охотника снаружи очень плохая, но зато внутри она лучше моего дворца. В ней есть чудесные вещи. Я видел самоиграющую домбру и зеркало, в котором отражается весь белый свет. Мо-

[1] Будь иглой.

лодой охотник показал мне в зеркале живущую в пустыне несчастную женщину, которую кормили две собаки. Я узнал в ней свою жену. Сердце мое сжалось от горя, и я заплакал. Вместе со мной заплакали молодой охотник, его жена и сестра — необыкновенные красавицы. Я дал им обещание взять несчастную к себе. Визирь! Приказываю вам: немедленно пошлите за этой женщиной и привезите ее во дворец. Завтра ко мне приедет молодой охотник с женой и сестрой. Я хочу выполнить свое обещание к их приезду.

Кудайберген обещал приехать в гости к хану, но не знал, как ехать. У него был только один конь.

Узнав, о чем Кудайберген беспокоится, Айслу сказала ему:

— Не печалься, дорогой, и ложись спать!

Кудайберген заснул богатырским сном. Айслу вышла на двор и махнула платком. Сразу прилетели демоны. Она сказала им:

— До начала утренней зари выройте здесь реку. Пусть она протечет мимо орды хана в безводную пустыню. Постройте золотой мост, привезите золотую арбу с позолоченной упряжью, запрягите в нее трех коней.

На другой день на заре один жигит ехал мимо дворца. Увидел он реку и золотой мост и доложил хану:

Хан подумал и сказал:

— Это сделал молодой охотник!

Он вышел и стал ждать гостей.

Вдруг показалась золотая арба. В ней сидели Кудайберген, его сестра и жена. Слезая с арбы, Айслу сказала шепотом своим спутникам:

— Не дотрагивайтесь до пищи раньше меня.

Гости вошли в роскошный дворец. Кудайберген спросил хана:

— Взяли вы к себе ту несчастную женщину, что видели в нашем зеркале?

— Взял.

Тут Айслу сказала хану:

— Мы очень хотим, чтобы она вместе с нами была вашей гостьей.

Хан охотно согласился. Привели женщину с двумя собаками, которые кормили ее в пустыне. Айслу усадила женщину возле себя, а собаки легли у порога. Слуги принесли в серебряных чашах угощение — конину, баранину, кумыс.

Айслу отрезала два куска конины, бросила собакам и сказала:

— Они кормили эту несчастную женщину, брошенную людьми. Значит, они лучше нас, людей!

Собаки проглотили мясо и сразу подохли. Хан велел унести отравленные кушанья. Он понял, что его жены подсыпали яд в мясо.

— Посадите их в мешок и завяжите покрепче! — приказал хан.

Вдруг Айслу бросила на пол иголку и сказала:

— Будь снова колдуньей!

И все увидели, как иголка превратилась в колдунью.

Тогда хан спросил своих гостей:

— Была она у вас?

— Бывала,— ответила Кунслу.

Хан спрашивает:

— Зачем ты ходила к ним и что делала? Говори правду, злая ведьма!

Тут колдунья рассказала все: как старшие сестры извели свою младшую сестру, как они преследовали Кудайбергена.

Несчастная женщина, услышав ее рассказ, упала без чувств.

Когда она очнулась, хан обнял ее и стал просить прощенья. Мать, увидевшая своих детей, заплакала и принялась их целовать.

Так через много лет встретилась вся семья.

Хан приказал развести костер и сжечь колдунью. Потом он развязал мешок и спросил своих жен:

— Что вы хотите: сорок ножей или сорок молодых кобылиц?

Жены ответили:

— Для чего нам сорок ножей? Мы хотим сорок кобылиц!

Тогда хан приказал привязать их к хвостам сорока кобылиц. Они помчались в степь и разорвали двух женщин на части.

Хан очень обрадовался, что нашел свою верную жену и детей. Он устроил богатый той. Весь народ радовался вместе с ним.

ТРИ БРАТА

У одного старика было три сына. Умирая, он завещал их стеречь его могилу по очереди.

Схоронили старика.

Старший сын сказал:

— Не пойду я мертвого караулить!

И остался дома. Вместо него отправился на могилу младший сын. Сидит он, смотрит на звезды. Ночью отец вышел из могилы и спрашивает:

— Это ты, мой старший?

— Нет, я младший!

Послышался топот. Прибежал рыжий конь. Вся сбруя в серебре. К седлу дорогая одежда приторочена.

Отец велел сыну из лошадиного хвоста выдернуть волос и отпустить коня на волю.

Сказал он сыну:

— Когда потребуется, зажги волос, и он прибежит к тебе.

Рыжий конь убежал. Вернулся утром младший сын домой. Спрашивают его братья:

— Ну, что накараулил? Кого видел?

— Никого не видел!

На другой день надо среднему брату идти на могилу.

— Чего я пойду мертвого караулить!— сказал он и не пошел.

Опять отправился на могилу младший сын. Ночью вышел отец и спрашивает:

— Это ты, средний?

— Нет, младший.

Прибежал тут вороной конь. Отец велел выдернуть волос из хвоста и отпустить коня.

Сказал он сыну:

— Когда надо тебе будет коня, зажги волос, и он прибежит.

Лег отец в могилу. Вороной убежал, а младший сын отправился домой.

Спрашивают его братья:

— Что накараулил? Кого видел?

— Никого не видел.

На третью ночь вынес отец из могилы младшему сыну скатерть и сказал:

— За то, что твои братья не приходили меня караулить, будут они бедными, а ты будешь богатым. Вот тебе скатерть. Расстели ее и скажи, что́ тебе требуется,— и все появится.

Спрятал младший сын скатерть за пазуху. Пришел утром домой. Братья над ним смеются, что он три ночи, как дурак, не спал.

* * *

Прошел год, и пронесся по степи слух, что хан хочет выдать свою дочь замуж за самого ловкого жигита.

Со всех концов потянулись в орду женихи.

Собрались в дорогу и два брата—старший и средний. Младший стал проситься, но они его не взяли.

— Куда тебе! Без дураков обойдется.

Остался младший брат дома. Достал он рыжий волос и зажег его. Примчался к нему Рыжий. Переоделся жигит в дорогое платье, которое было на седле, сел на коня, ударил его два раза плетью и сразу обогнал братьев.

Приехали жигиты в орду.

А здесь хан поставил семь домов один на другой, и в самый верхний посадил у окошка свою дочь. Дал он ей кольцо и объявил народу.

— Тот жигит, который получит из рук дочери кольцо, будет моим зятем.

Разогнал младший брат Рыжего. Разбежался конь, прыгнул — чуть-чуть до ханской дочери не допрыгнул.

Достал тогда жигит черный волос. Зажег его, и появился перед ним Вороной. Пересел на него жигит, разогнал коня. Разбежался Вороной, прыгнул — и допрыгнул до ханской дочери.

Надела она младшему сыну на палец кольцо и велела тряпочкой обвязать, чтобы никто его не увидал и не украл.

Наступил день свадьбы. Съехался весь народ. Стали искать, у кого кольцо. Не могут найти.

Велела ханская дочь позвать и младшего брата.

Пришел он в лохмотьях, палец тряпочкой повязан. Развязал ее и показал хану кольцо.

Выдал хан за него дочь. Но не пустил жить молодых во дворец. Велел поставить для них юрту. Очень не понравился хану зять.

* * *

Однажды захворал хан. Позвали к нему знахаря. Тот велел поймать самого большого кулана и его мясом кормить хана.

Стали искать охотников на кулана. Вызвались два брата — старший и средний. Хан дал им лучших своих коней. Ханский

зять тоже стал проситься на охоту. Поморщился хан и дал ему самую плохую лошаденку.

Поехали братья ловить кулана. Младший отстал от них: никуда лошадь не годится. Убил он ее, содрал шкуру, а мясо собакам бросил. Зажег рыжий волос. Прибежал Рыжий. Сел он на коня, тот ему говорит:

— Держись крепче! Как нагоним кулана, хватай его за шею. Не удержишь — убьет он нас!

Прибежал Рыжий в степь, где кулан пасся. Наскочил на него. Схватил ханский зять кулана за шею и поволок за собой. Дотащил до реки и остановился. Достал заветную отцовскую скатерть, раскинул ее, и тотчас перед ним появилась богатая юрта.

Едут два брата, старший и средний. Видят—юрта стоит, а возле нее кулан пасется. Подъехали они, не узнали своего младшего брата в дорогой одежде и стали у него кулана торговать.

Говорит младший брат:

— Если по мизинцу дадите, отдам!

Подумали братья: рукава у чапана длинные, рук не видать. Отсекли по мизинцу. Завязал их младший брат в тряпку, сунул в карман, а им отдал кулана.

Уехали братья довольные.

Зять хана собрал скатерть — исчезла юрта. Вскочил он на Рыжего, поехал домой. Возле аула отпустил коня, и стал за баранами гоняться.

Смеется над ним народ: вот пустой человек!

Пришел домой, жена сердится. А он говорит:

— Лошадь у меня шибко плохая была. На плохой лошади кулана не поймаешь.

Съел хан кулана, но не поправился. Опять позвали знахаря.

Посмотрел он больного и говорит:

— Надо поймать двух красных гусей с золотыми перьями и кормить хана гусятиной.

Снова старший и средний брат вызвались раздобыть таких гусей. Сели они на коней и уехали.

Зять хана опять стал проситься на охоту. Поморщился хан, велел дать ему лошадь поплоше.

Выехал зять за аул. Убил лошадь, ободрал шкуру, мясо собакам бросил. Зажег черный волос — примчался к нему Вороной. Сел зять на него, поехал к морю. Поймал здесь двух гусей с золотыми перьями и поскакал обратно.

Остановился на дороге, достал заветную скатерть и развернул ее. Появилась перед ним богатая юрта.

Снова подъехали к нему братья и снова не узнали его в дорогой одежде. Стали гусей торговать. Любую цену дают.

Отвечает им младший брат:

— Много я с вас не возьму. Если по указательному пальцу дадите, забирайте гусей.

Подумали братья — по три пальца на руке останется, и согласились. Получили красных гусей с золотыми перьями и повезли их хану.

Следом за ними и младший брат приехал. Убил он двух сорок и тащит на плече.

Народ смеется: ханский зять, а ума совсем нет.

Жена опять сердится. А он оправдывается:

— Худую лошадь дали!

Съел хан гусей и опять не поправился.

Велел знахарь поймать кобылу с сорока жеребятами, у которых гривы золотые, а хвосты серебряные. Кумыс из молока этой кобылы и должен был вылечить хана.

Опять вызвались братья разыскать такую кобылу. И опять зять на плохонькой лошаденке поехал.

Выехал он за аул, содрал с лошади кожу, мясо собакам бросил. Зажег потом черный волос. Примчался мигом Вороной и велел накрыть себя тремя шкурами.

Сказал конь:

— Кобыла будет кидаться на меня три раза и шкуру рвать. Когда устанет она, тогда мы ее поймаем.

Сел зять на Вороного и поскакал ловить кобылу с золотой гривой и серебряным хвостом. Все случилось так, как говорил Вороной. Когда кобыла устала, взмахнул зять куруком, поймал кобылу, а сорок жеребят сами за ней побежали.

Ведет зять кобылу. Сделал привал, раскинул заветную отцовскую скатерть. Появилась богатая юрта.

Возвращаются братья с пустыми руками. Видят — стоит юрта, а возле нее кобыла с сорока жеребятами пасется. У всех гривы золотые, хвосты серебряные.

Не узнали они своего младшего брата в дорогой одежде. Стали торговать у него кобылу. Любую цену дают.

— Хорошо! — говорит он.— Цена невысокая. Давайте я вам тавро наложу. Тогда даром отдам.

Подумали братья: кто это тавро увидит? Согласились и забрали кобылу с сорока жеребятами.

Уехали братья, а он следом за ними на Вороном поскакал. Приехал в орду и прямо прошел к хану. Хан не узнал его в дорогой одежде и спрашивает:

— Кто ты такой и зачем пришел?

Отвечает зять:

— Я тот, кто тебе кулана поймал, пару красных гусей с золотыми перьями да кобылу с золотой гривой и серебяным хвостом, имеющую сорок жеребят.

— Нет,—сказал хан.—Не ты поймал, а вот они двое!

И показал хан на двух братьев, державших кобылу. Тогда младший брат говорит:

— Я могу доказать, что они получили все от меня. Вот два мизинца за кулана, два указательных пальца за гусей, а за кобылу с жеребятами я их заклеймил.

Хан узнал в жигите своего зятя, позвал его жить во дворец а после своей смерти сделал ханом.

НЕЗНАЙКА

Жил на свете хан. Однажды пропала у него белая кобыла. Табунщик отыскал ее на берегу озера. Рядом с ней стоял Тулпар. Увидев табунщика, он нырнул в воду и исчез. Табунщик взял кобылу и привел в косяк. Через год кобыла ожеребилась. Сын хана увидел жеребенка и, узнав, что отец его был Тулпар, взял его себе. Он стал за ним ухаживать с большой любовью и вырастил отличного коня.

Как-то хан уехал на охоту и задержался на несколько дней.

В это время к его жене приехал любовник и говорит ей:

— Убей своего мужа. Я женюсь на тебе.

— А как же быть с сыном?— спрашивает ханша.— Он вырастет и будет мстить за отца.

— Тогда его тоже надо уничтожить. Положи ему в пищу отраву.

Приготовила ханша сыну сурпу и всыпала яд.

Пришел сын из школы и отправился проведать своего коня.

А конь стоит печальный, и глаза у него грустные.

Приласкал мальчик коня и спрашивает:

— Почему ты сегодня невеселый?

Отвечает ему конь человеческим голосом:

— Тебя хотят убить.

И рассказал конь, что мать собирается накормить мальчика отравленной пищей.

Отправился сын к матери. Ханша встретила его ласково. Предложила поесть супы.

Взял мальчик супу, вышел из дворца и вылил отравленное кушанье.

Пришел любовник к ханше и спрашивает:

— Ну как, отравила сына?

Ханша отвечает:

— Нет, он супу на землю вылил.

— Тогда завтра приготовь ему жареное мясо, чтобы он не мог вылить.

На другой день мальчик, вернувшись с прогулки, опять отправился на конюшню.

Видит, у коня снова печальные глаза.

— Почему ты невеселый?

И снова конь говорит ему:

— Твоя мать приготовила тебе жареное мясо. Если возьмешь его в рот — умрешь. Кушанье отравлено.

Пошел сын к матери. Встретила она его ласково и дала покушать. Взял сын жареное мясо, вышел из дворца и бросил первой собаке. Собака сразу же подохла.

Через три дня приехал к ханше любовник и узнал, что мальчик жив.

— Это конь его предупредил,— догадался любовник.—Надо убить вначале коня.

— А как его убьешь?—спрашивает ханша.

— Я тебя научу. Как только приедет хан с охоты, притворись больной и потребуй к себе лекаря. Назови хану мое имя, и он пошлет за мной.

Вернулся хан с охоты. Видит, жена лежит в постели.

— Пошли скорей за лекарем!— стонет ханша и называет имя своего любовника.— Я умираю!

Приехал во дворец любовник в одежде лекаря. Осмотрел больную и говорит:

— Болезнь очень серьезная. Жизнь ханши находится в опасности.

Хан испугался и спрашивает:

— Чем же можно вылечить больную?

— Ее надо накормить мясом Тулпара. Тогда она поправится.

— А где взять Тулпара?

— Конь вашего сына — настоящий Тулпар! — сказал лекарь.

А в это время ханский сын зашел к своему коню. И снова он увидел его неспокойным.

— Какое горе случилось? — спросил мальчик.

Отвечает ему конь:

— Раньше я горевал по тебе, а сейчас печалюсь о своей судьбе. Твой отец хочет меня зарезать. Иди к нему и ни в чем не перечь. Когда меня поведут резать, я заржу три раза. Первый раз — когда выведут в поле, второй — когда свяжут ноги, и третий раз—когда поднесут нож к горлу. Не опоздай прибежать ко мне на выручку, иначе мы оба погибнем.

Тут приходит в конюшню слуга и говорит мальчику:

— Иди скорее, тебя хан зовет.

Прищел мальчик к отцу. Хан говорит ему:

— Мать опасно больна. Ее может вылечить только лишь

твой конь. Я решил его зарезать, чтобы спасти жизнь твоей матери.

Мальчик ответил:

— Мать мне дороже коня. Зарежь его.

Сын ушел, а хан велел зарезать коня.

Как вывели Тулпара из конюшни, он заржал первый раз. Как стали ему связывать ноги, заржал второй раз. Мальчик поспешил на его зов. А когда конь заржал в третий раз, сын подбежал к отцу и стал его просить:

— Отец! Я вырастил коня, но ни разу не ездил на нем. Разреши мне хоть раз проехать?

Хан велел оседлать Тулпара. Мальчик вскочил в седло и спрашивает:

— Отец! На кого я похож!

Хан отвечает:

— На своего отца похож, сынок.

Второй раз объехал мальчик двор и снова спрашивает:

— На кого я похож, отец?

Хан отвечает:

— Похож ты, сынок, на Перизат[1].

Тогда мальчик повернул коня и крикнул:

— Прощай, отец! Будь здоров и живи долго!

Тулпар помчал своего седока с такой быстротой, что за несколько часов был совершен месячный путь. Отцовские владения остались далеко позади.

Слез мальчик с коня, навьючил на него свое оружие и богатую одежду и выдернул один волос из гривы. После этого отпустил Тулпара на все четыре стороны, а сам переоделся пастухом и отправился в ближайший город.

У городских ворот его задержали.

[1] Перизат — самое красивое неземное существо, мужчина или женщина.

— Куда идешь?

— Не знаю.

— Откуда идешь?

— Не знаю.

Так на все вопросы мальчик отвечал только одно слово — «не знаю».

Стража решила, что он полоумный, и отпустила его.

Пробрался мальчик во дворец. Приводят его к хану.

— Кто ты?—спрашивает хан.

Мальчик отвечает:

— Не знаю.

— Откуда пришел?

— Не знаю.

— Как тебя зовут?

— Не знаю.

Хан разгневался и приказал:

— Казните этого Незнайку.

Но визири уговорили хана помиловать мальчика. Хан разрешил ему жить в своем саду и помогать садовнику.

Знал мальчик одно волшебное слово. Как только скажет его, так сразу исполнится любое желание.

Вот пожелал он, чтобы все деревья превратились в мыло, а изгородь ханского сада разрушилась. Сказал он волшебное слово, и желание его исполнилось. Деревья превратились в мыло, а изгородь рухнула.

Испугались ханские садовники. Спрашивают мальчика:

— Как это случилось?

Мальчик отвечает:

— Не знаю.

Рассказали садовники хану. Послал хан визирей проверить это чудо. Пришли визири, посмотрели и подтвердили.

Понял хан, что Незнайке ведомо волшебное слово, и велел слугам еще лучше ухаживать за ним.

Тогда мальчик пожелал, чтобы сады приняли прежний вид. И сады стали еще красивее. Плоды на фруктовых деревьях сразу созрели. Пришел хан, удивился и спрашивает Незнайку:

— Расскажи, как это ты сделал?

Мальчик отвечает:

— Не знаю.

* * *

Прошло несколько лет. Вырос мальчик и превратился в красивого жигита.

Приходят однажды ханские дочери в сад за дынями, а Незнайка купается в пруду. Старшие дочери его не заметили, но младшая увидела и сразу влюбилась.

Сорвали девушки по дыне и несут отцу.

Попробовал хан дыню старшей дочери — она оказалась негодной.

Дыня средней дочери показалась ему невкусной.

А дыня младшей дочери была ароматной и сладкой.

Рассказал хан своим советникам про дыни. Ответили они ему:

— Старшая и средняя дочери уже, кажется, пропустили время выхода замуж, а для младшей оно только наступило.

Тогда хан собрал народ на пир, а дочерям дал по одному яблоку и сказал:

— Поднимитесь на минарет и бросьте яблоко в того, кто вам больше всех понравится.

Каждому жигиту лестно быть зятем хана. Идут жигиты мимо минарета. Старшие дочери приметили себе женихов и бросили в них яблоками. Только младшая дочь никого не выбрала.

Удивился хан и спрашивает своих советников:

— Нет ли еще кого-либо из жигитов, кто не явился на пир?— Советники отвечают:

— Только один Незнайка не пришел.

Приказал хан привести его. Пошел Незнайка мимо минарета, и младшая дочь бросила ему яблоко.

Разгневался хан за такой выбор. Приказал запереть младшую дочь и Незнайку в ослином загоне.

Вышли старшие дочери замуж. Живут вместе с ханом во дворце. Вот однажды хан вызывает своих старших зятьев и говорит им:

— Хочется мне мяса горного козла. Достаньте мне его.

— Хорошо! — ответили зятья и стали собираться на охоту.

Прослышал об этом Незнайка и сказал своей жене:

— Сходи к отцу и уговори его, чтобы он и меня послал на охоту.

Пришла младшая дочь к хану и просит:

— Отец! Младший зять тоже просится на охоту. Дайте ему коня и ружье.

Хан сказал:

— Куда ему, дураку, охотиться! Он и стрелять не умеет.

Но младшая дочь все же уговорила отца.

Приказал хан дать Незнайке самого плохого коня и самое плохое ружье. Незнайка и этому обрадовался. Связал он вместе шестерых собак и оправился на охоту.

Приехал Незнайка в горы, спрятался за небольшой холм и стал поджидать добычу. Вот видит: прямо с горы спускается к нему горный козел.

Незнайка зарядил ружье и произнес волшебное слово:

— Козел, козел! Пускай твое мясо будет горьким, как полынь, а требуха вкусной, как дыня! Прицелился он и сразил козла наповал.

Идет Незнайка к хану. По дороге нагоняют его старшие зятья, усталые и злые. Они охотились целый день и ничего не убили. Стали зятья просить Незнайку уступить им свою добычу. Неудобно охотникам возвращаться к хану с пустыми руками.

— Берите!—сказал Незнайка и отдал им горного козла. Только одну требуху себе оставил.

Наготовили старшие дочери из козлиного мяса вкусные блюда и преподнесли хану.

Попробовал хан—и стал плеваться. Кушанье оказалось хуже горькой полыни.

А младшая дочь изготовила блюдо из требухи и тоже поднесла хану.

Рассердился хан и есть не стал, когда узнал, что его хотят требухой накормить. Но дочь его упросила попробовать маленький кусочек. Попробовал отец и съел всю требуху — такая она оказалась вкусная, вкуснее дыни.

Через три дня хан снова посылает своих зятьев на охоту за горным козлом. Незнайка тоже отправился. Выехал он за город и зажег волос, который вытащил из гривы Тулпара. В один миг примчался его конь. Незнайка пожелал, чтобы перед ним появился большой загон со скотом, и произнес волшебное слово.

Старшие зятья подъехали и удивились. Никогда они не видели на этом месте загона. В нем паслись верблюды, козы и дикие лошади, а у входа стоял Тулпар.

Подошли зятья к коню и вдруг видят перед собой Незнайку. Он словно из земли вырос.

— Откуда ты появился?—спрашивают зятья.— Тебя раньше здесь не было.

— Этот загон мой — сказал Незнайка.— Я пришел проведать его.

— Мы опять не сумели убить козла для хана. Выручи нас, продай нам одного!—стали просить зятья.— Мы тебе хорошо заплатим.

— Платы мне не надо! — ответил Незнайка.— Можете выбрать любого козла, какого только поднимут ваши кони, но с одним условием. Я наложу тамгу на вашей спине.

Зятья согласились. Незнайка поставил им тамгу и подарил самого большого козла.

Уехали зятья, а Незнайка переоделся в свою прежнюю богатую одежду, оседлал Тулпара и поехал в ослиный загон.

Хан увидел незнакомого батыра и послал слугу узнать, кто это приехал к младшей дочери.

Дочь сказала:

— Никого чужого в доме нет. Это приехал мой муж.

Хан пришел сам и спрашивает приезжего:

— Кто ты такой?

— Я тот, кого вы прозвали Незнайкой. Теперь я открою вам, кто я и зачем приехал в ваш город. Мой отец такой же хан, как и вы. У него сбежали два раба, и я их разыскиваю. Мне известно, что они находятся в вашем городе. Оба они имеют на спине наши родовые тамги.

Хан собрал весь свой народ, но не нашлось ни одного человека с тамгой на спине. Тогда хан вызывает мужей своих старших дочерей.

Посмотрели их ханские советники и обнаружили у них на спинах тамгу.

Хан отдал Незнайке старших зятьев и предложил ему свой ханский трон.

ТРИ СЫНА БЕДНЯКА

Жил на свете бедняк. Было у него три сына. Старшего звали Ашкен, среднего Мошкен, а младшего Жумагельды. Отличались они большой силой и были очень похожи друг на друга.

Отдал отец сыновей в школу. С нетерпением ждал, когда они выучатся, вырастут и станут ему помощниками.

Заметил как-то он, что сыновья, уходя утром в школу, а вечером, возвращаясь домой, стали с ним здороваться. Раньше никогда этого не было.

Призадумался бедняк:

«Поглупели они, что ли, от ученья? Или недоброе задумали против меня?»

И сказал он сыновьям:

— Дети! Не к добру такая вежливость для простых людей. Не надо так делать.

Но сыновья не обратили никакого внимания на его слова.

Позвал тогда бедняк друзей и поведал им свою печаль.

Друзья сказали:

— Не к чему тебе с ними жить. Пусть уходят, куда хотят.

Послушал бедняк совета друзей. Собрал он сыновей, дал им полный мешок курта и проводил со двора.

Дошли сыновья до большой дороги. Оглянулись и видят, что за ними бежит отец и руками машет.

Старший сын Ашкен говорит:

— Подождем отца. Он просит нас остановиться.

Средний сын Мошкен сказал:

— Не надо. Раз он нас выгнал, нечего надеяться, что позовет обратно.

Младший сын Жумагельды поддержал старшего брата:

— Послушаем все же, что скажет отец.

«При двух голосах—третий молчит»,—говорит пословица. Подчинился Мошкен братьям. Остановились они и подождали отца.

— Желаю вам, дорогие дети, счастливого пути,— сказал бедняк.— На прощанье хочу дать несколько советов. Встретится вам в пути дремучий лес с болотами и камышами — не останавливайтесь и не ночуйте в нем. Попадется одинокая могила— не отдыхайте возле нее. Встретится большое кладбище — не делайте там привала.

Попрощался бедняк с сыновьями. Пошли они дальше своею дорогой.

Однажды в полдень добрели усталые братья до дремучего леса с болотами и камышами.

Вспомнил тут Ашкен:

— Отец наказывал не останавливаться в таком месте!

Решили путники поторопиться, чтобы пройти лес до наступления темноты и заночевать в степи.

Долго шли они. А лесу конца-краю не видно. Наступил вечер.

Выбились братья из последних сил и говорят между собой:

— Чему быть, того не миновать. Давайте заночуем здесь. Иначе заблудимся и пропадем.

Устроили они привал. Мошкен и Жумагельды легли спать, а Ашкен стал их караулить.

Не спит он. Зорко посматривает вокруг. Охраняет сон братьев.

Прошла полночь. Вдруг зашумел ветер, нагнал черные тучи. Спрятался месяц. Темно стало, хоть глаза выколи. Поднялась сильная буря. Страшно загудел дремучий лес.

Вдруг какое-то чудовище накинулось на Ашкена. Не растерялся старший брат, вступил с ним в борьбу. До утренней зари боролся и победил чудовище.

Смотрит, лежит перед ним огромная желтая семиглавая птица.

Отсек он ей все головы, а из спины вырезал узкую полосу в четыреста пядей. Отшвырнул Ашкен подальше труп желтой птицы, а срезанную шкуру положил в карман. После этого улегся он около братьев и крепко уснул.

Утром пошли они дальше. Мошкен и Жумагельды не спросили Ашкена, как прошла ночь, и он им ничего не сказал.

Под вечер подошли путники к одинокой могиле. Забыли они наказ отца и остались ночевать возле нее. Охранять сон братьев теперь должен был Мошкен.

Вот стоит он на карауле и думает:

«Почему отец не велел устраивать привала около одинокой могилы? Хорошо бы разузнать, в чем тут дело».

Подошел батыр поближе и видит: лежит на могиле камень и словно светится изнутри, как прозрачный.

Поднял Мошкен камень. Под ним оказалась дверь. Открыл он ее и очутился в помещении, наполненном золотом.

Заглянул батыр в соседнее помещение и увидел спящего Се-

миглавого дракона. Проснулся дракон и накинулся на Мошкена. Долго они боролись. Одолел Мошкен дракона, повалил его на землю и отрубил шесть голов.

Взмолилась тут седьмая голова:

— Не убивай меня, батыр! Лучше возьми мои сокровища.

Дал дракон Машкену связку ключей. Осмотрел батыр драконово помещение. Увидел много кладовых, а в каждой кладовой золото, серебро и драгоценные камни.

Тогда Мошкен отрубил последнюю голову дракону, положил ключи в карман и выбрался из могилы.

Прилег около братьев и уснул.

Утром пошли путники дальше. Ашкен и Жумагельды не спросили Мошкена, как прошла ночь. Он им тоже ничего не сказал.

Вечером подошли братья к громадному кладбищу и сделали привал. Охранять сон наступила очередь младшему брату. Встал на караул Жумагельды. Вот стоит он и думает:

«Что есть там, на кладбище? Почему отец наказывал не делать здесь привала?»

Не вытерпел Жумагельды, решил посмотреть. Едет он и слышит — раздается из-под земли шум. Притаился Жумагельды. Чей-то грубый голос приказывает:

— Нас всех шестьдесят, и для нас надо приготовить шестьдесят блюд мяса.

Не удержался Жумагельды и крикнул:

— И мне приготовьте одно блюдо!

Не успел он оглянуться, как неведомо откуда выскочил жигит, взял его за руку и повел под землю.

Очутился Жумагельды в огромной пещере. Смотрит—за накрытыми столами сидят шестьдесят великанов. Стал Жума-

гельды прислушиваться к разговору и узнал, зачем они собрались.

У хана была красавица дочь. Хан пообещал выдать ее замуж за самого сильного батыра. Вот великаны и решили устроить борьбу, чтобы узнать, кому можно жениться на красавице.

Жумагельды первому подали блюдо с мясом. Оно было такое огромное, что его с трудом несли пятеро слуг.

Не успели слуги отойти, как Жумагельды разом проглотил все кушанье и вернул пустое блюдо.

Переглянулись между собой великаны, а слуги принесли второе блюдо, еще большее. Жумагельды быстро опустошил и его.

Встревожились великаны.

Притащили слуги третье блюдо. Жумагельды и третье съел. Так он один и уничтожил шестьдесят одно блюдо мяса. Великанам ничего не осталось.

Тогда отправили они слугу к хану. Просят прислать для нового угощенья шестьдесят одну жирную лошадь.

Пока великаны заботились о пище, Жумагельды стал их по одному вызывать в соседнюю комнату. Великаны покорно шли. Они видели, как он в один присест съел шестьдесят одно блюдо мяса, и считали его сильнейшим из сильных.

Жумагельды поодиночке отрубил им всем головы, а затем отрезал от каждой головы по одному уху. Завернул он уши в платок, положил в карман и выбрался на поверхность земли.

Подошел он к братьям, прилег и заснул.

Утром Жумагельды ничего не сказал Ашкену и Мошкену о ночном приключении, но повел их той дорогой, по которой ночью вышел из подземелья.

Добрались братья до большого города. Идут они по улице и замечают большой переполох.

— Что случилось?—спрашивает Ашкен.

Отвечают ему прохожие:

— В нашем ханстве было шестьдесят великанов. Каждый день они съедали по шестьдесят лошадей и шестьдесят баранов. Народу трудно было кормить этих обжор. Но сегодня ночью неведомый батыр — да будет благословенно его имя! — убил всех великанов, отрезал у них по одному уху и унес с собой. Хан ищет батыра, освободившего страну от обжор. Он пообещал отдать ему свою дочь и уступить трон.

Жумагельды и виду не подал, что причастен к этому делу.

Поселились братья в лачуге бедной старухи и легли отдыхать.

Ханские слуги долго искали храбреца, убившего великанов, но никак не могли его обнаружить.

Нашлись в городе хитрые люди, пожелавшие получить награду от хана. Отрезали они уши мирным жителям, приходили во дворец и заявляли, что это они освободили город от великанов-обжор. Но как только хитрецы показывали отрубленные уши, обман сразу раскрывался. У великанов уши были громадные, а они приносили самые обыкновенные.

Тогда устроил хан пир и пригласил на него все население города. Стали искать батыра-победителя среди гостей и тоже не нашли.

— Может быть, не все еще явились? — спрашивает хан.

Отвечают ему придворные:

— Явились все, кроме трех неведомых пришельцев, остановившихся у бедной старухи.

— Привести их немедленно на пир! — приказал хан.

Пришел его посланец к братьям и говорит:

— Хан велел привести вас на пир!

Отвечают братья:

— Устали мы с дороги. Не можем прийти.

Узнал хан об отказе братьев, разгневался и послал за ними своего визиря. Строго-настрого приказал ему не возвращаться без троих пришельцев.

Приходит визирь к братьям. Передает им приказ хана.

Говорят братья:

— Если есть у хана дело к нам, пусть сам сюда придет.

Растерялся визирь от таких грубых слов, побежал к хану и рассказал, как приняли его три неведомых пришельца.

«Должно быть, эти храбрецы и уничтожили великанов!» — решил про себя хан.

Отправился он сам к братьям и пригласил их в свой дворец.

Угощает хан братьев и спрашивает:

— Откуда батыры идете? Каким искусством можете похвастать? Слышали ли вы что-нибудь о гибели шестидесяти великанов?

Положил тут Ашкен полосу из шкуры Желтой птицы, Мошкен — связку ключей от сокровищ Семиглавого дракона, а Жумагельды — шестьдесят ушей великанов.

Удивился хан и говорит:

— Сто лет прошло с тех пор, как началась борьба между Желтой птицей и Семиглавым драконом из-за золота, зарытого в одинокой могиле. Наконец-то они погибли!

На следующий день хан снова устроил пир. Приказал он зарезать шестьдесят быстрых и семьдесят необъезженных лошадей. Собрал всех своих подданных и объявил, что отдает свою дочь за Жумагельды и ему уступает свой трон.

Но Жумагельды ответил:

— Хан! Не могу я принять твой трон и взять твою дочь.

Нельзя мне жениться раньше старшего брата. Отдай свой трон и дочь Ашкену.

Пришлось хану согласиться. Ашкен женился на ханской дочери и стал управлять страной, а Мошкен и Жумагельды отправились дальше.

Прощаясь с братьями, Ашкен спросил:

— Совершили мы вместе большой путь, а я так и не знаю, какими способностями каждый из вас обладает.

Ответил Мошкен:

— Я могу в один миг проглотить целое море.

Сказал Жумагельды:

— Моя душа находится в моем кинжале величиной в сорок обхватов. Когда он при мне — бросай меня хоть в огонь, я останусь невредим.

— Ну, идите,— напутствовал их Ашкен.— О вашем благополучии я буду узнавать по небесным звездам.

* * *

Целый год идут Мошкен и Жумагельды. Приходят они в большой город и заходят в крайнюю лачужку. Сидит в ней старуха и горько плачет.

Спрашивают братья:

— Что случилось, бабушка? Почему ты плачешь?

— Как же мне не плакать? — отвечает старуха.— Вчера потеряла я свою единственную дочь.

— От какой болезни она умерла?

— Да она и не болела никогда!— говорит старуха и объясняет: — Вот уже два года, как в нашей стране бесчинствует страшная змея. Каждый день она съедает по одной девушке и по одному барану. Вчера дошла очередь до моей дочки, а сегодня змея должна проглотить дочь нашего хана.

— Не плачь, бабушка! — сказали братья.— Мы будем тебе сыновьями.

Обрадовалась старуха, накормила гостей и уложила их спать.

Братья отдохнули и стали расспрашивать у старухи, куда приходит за своими жертвами змея. Старуха указала им юрту, одиноко стоявшую за городом.

Пошли братья к юрте и советуются, кому первому идти на бой со змеей.

Говорит Мошкен:

— Я старше тебя. Мне надо идти.

Но Жумагельды упросил брата уступить ему первую очередь.

Вот входит он в юрту и видит: сидит на кошме девушка-красавица и горько плачет. А рядом с ней привязан большой баран.

Увидела девушка Жумагельды и спрашивает:

— Зачем ты пришел сюда, батыр? Разве не знаешь, какая опасность тебе угрожает?

Но Жумагельды выкопал у дверей юрты яму и улегся в ней, а девушке сказал:

— Если я усну, возьми горсть земли и брось в меня. Тогда я сразу проснусь.

Уснул Жумагельды, а девушка караулит его и дрожит от страха.

Прошло немного времени, и вдруг поднялся страшный ветер. Полил сильный дождь. Видит девушка: сквозь ливень приближается к ней чудовищная змея.

Испугалась девушка, заметалась по юрте. Будит она Жумагельды, а тот храпит как ни в чем не бывало. Что делать? Схватила она нож и ударила Жумагельды по ноге. А он даже не заметил — словно комар укусил.

Вспомнила наконец девушка, какой наказ ей дал батыр. Схватила она горсть земли и бросила в Жумагельды.

Мигом вскочил он на ноги и вынул кинжал. Змея разинула пасть и проглотила батыра. Но Жумагельды изнутри проткнул тело чудовища кинжалом. Продвигаясь от головы к хвосту, он распорол змею во всю длину и вылез на свободу. Чудовище сразу же издохло.

Упала тут девушка на колени перед батыром и стала благодарить за спасение. Хотела она отвести его к хану и схватила за одежду. Но Жумагельды вырвался и убежал. Край его чапана все же остался в руках красавицы.

Отвязала девушка барана и побежала домой.

Увидели ее ханские слуги и докладывают отцу:

— Радуйся, повелитель! Жива твоя дочь.

Не поверил хан своим ушам. Но тут вбежала дочь и бросилась отцу на грудь. Заплакал хан от радости. Обнял ее и спрашивает, как удалось ей спастись от змеи-чудовища.

Ответила ему дочь:

— Пришел молодой батыр, убил змею и спас меня.

— Где же этот храбрец?

— Он убежал.

— Почему же ты отпустила его?

— Я не хотела отпускать, но он вырвался.

И девушка показала отцу оторванный край чапана.

На следующий день хан устроил богатый пир для всего народа. Он объявил, что выдаст замуж свою дочь за батыра, убившего чудовище,— змею.

А по городу уже распространился слух, что спаситель ханской дочери оставил в ее руках край своей одежды.

Нашлись хитрые люди, которые приходили во дворец с оторванной полой чапана и уверяли что змею убили они. Но нап-

расно портили хитрецы одежду свою. Ханская дочь доставала кусок чапана и сразу видела обман.

Когда собрался весь народ, хан спросил:

— Все ли пришли на пир?

Придворные ответили:

— Все, кроме приемных сыновей бедной старухи.

— Пойдите к ним и пригласите их,— велел хан.

Пришли братья во дворец. Как только увидела ханская дочка Жумагельды, бросилась она к нему и воскликнула:

— Вот мой спаситель.

Примерила девушка кусок оторванной одежды к чапану Жумагельды, и он подошел в точности.

Сказал тогда хан:

— Я отдаю тебе, батыр, свою дочь и свой трон!

Но Жумагельды ответил:

— Не могу я жениться раньше старшего брата. Отдай свой трон и свою дочь моему брату Мошкену.

Хан согласился.

Погулял Жумагельды на свадьбе брата, отдохнул несколько дней и отправился в дальнейший путь один.

Долго шел он, пока добрался до большого города, расположенного на берегу моря. В море, на острове, стоял красивый Белый дворец.

Зашел Жумагельды в бедную лачужку на окраине города. Видит — сидит в ней старуха и вытирает слезы.

— О чем плачешь, бабушка? — спрашивает Жумагельды, а сам думает:

«Куда ни зайду, всюду сидят старухи и плачут. Не к добру это!»

Отвечает ему женщина:

— Видишь на море Белый дворец с башнями? В нем живут

три великана. Есть у них сестра-красавица. Наш хан захотел жениться на ней, но братья не отдают ее. Сейчас идет бой. Великаны перебили все ханское войско. Вчера убили моего единственного сына, служившего у хана. Вот почему я плачу.

Успокоил Жумагельды старуху:

— Не горюй, бабушка, я буду тебе сыном.

Лег он отдыхать, а на другое утро стал расспрашивать старуху, как добраться к Белому дворцу.

— Нет туда дороги,— сказала старуха.— Пройти можно только по тропинке, залитой водой. Надо обогнуть по ней море. Тогда только доберешься во дворец.

Нашел Жумагельды тропинку. Обогнул море и подошел к Белому дворцу.

Приготовил он кинжал и закричал громким голосом:

— Эй, кто там во дворце! Выходи!

Услышали великаны его голос. Старший брат приказал младшему:

— Иди, убей крикуна и притащи сюда. Съедим его!

Вышел великан из дворца. Жумагельды взмахнул кинжалом, снял ему голову, а труп оттащил в сторону.

Рассердился старший брат, что младший задерживается. Посылает среднего брата:

— Посмотри, что он там делает?

Вышел второй великан. Жумагельды ему тоже голову отрубил. Подождал старший брат. Думает:

«Должно быть, они едят крикуна без меня!»

Выбежал он во двор. Жумагельды ловким ударом отсек голову и третьему великану.

Входит батыр в Белый дворец. Встречает его тут девушка такой красоты, что Жумагельды сразу упал без чувств.

А девушка выбежала во двор и увидела своих обезглавлен-

ных братьев. Вынула она кинжал из ножен, вернулась во дворец и хотела убить лежавшего без чувств батыра. Но взглянула она на его красивое молодое лицо и пожалела. Принесла девушка кувшин холодной воды, освежила Жумагельды и привела его в чувство.

Затем они вместе похоронили ее братьев-великанов, а через некоторое время Жумагельды женился на красавице.

Стали они жить вдвоем в Белом дворце. Жумагельды на охоту стал ездить, а жена его хозяйством домашним заниматься. И совсем не чуяли они, что к ним беда приближается.

Хан, который давно хотел жениться на сестре великанов и вел с ними войну, поручил колдунье за большую награду доставить ему девушку. Заказала колдунья золотую лодку, поставила в нее золотой сундук, а в сундуке расстелила мягкую постель. Села старуха в лодку, подплыла к Белому дворцу, лодку спрятала, а сама легла у дороги и притворилась умирающей. Тут ее и увидел Жумагельды, возвращавшийся с охоты.

Подъехал к ней батыр и спрашивает:

— Ты что тут лежишь, бабушка?

Отвечает ему колдунья:

— Я несчастная, одинокая женщина. Наш город разгромил враг. У меня нет крова. Я лежу и жду, когда придет ко мне смерть.

Сказал тогда Жумагельды:

— Поедем со мной, бабушка. Я дам тебе приют. Будешь у меня жить.

Посадил он старуху на своего коня и повез во дворец.

Увидела жена колдунью и говорит:

— Чует мое сердце, не будет нам от этой старухи добра. Отвези ее обратно.

Послушался Жумагельды. Отвез старуху на прежнее место. Но колдунья через день сама пришла во дворец. Заливается слезами. Просит, чтоб ее не выгоняли.

Сжалились хозяева, оставили старуху. Стала колдунья править домашнюю работу и вскоре сделалась своим человеком во дворце.

Вот говорит однажды старуха жене Жумагельды:

— Ты такая молодая и красивая, и не с кем тебе повеселиться. Муж твой уезжает на охоту, а тебя одну оставляет. Попроси своего мужа, чтобы он тебе хотя бы свою душу оставлял для развлечения.

Удивилась женщина:

— Что ты говоришь, бабушка? Разве человек может свою душу оставить? Как же он будет жить без души?

Объясняет ей старуха:

— Твой муж — батыр. А у батыров душа всегда живет отдельно от тела. Попроси его хорошенько, он оставит.

Утром пришел Жумагельды завтракать. Замечает он: жена ничего не ест и не пьет. Горькие слезы из глаз ручьем льются.

— Что с тобой? — спрашивает Жумагельды.— Отчего ты плачешь?

Отвечает ему жена:

— Ты всегда на охоте, а я сижу одна. Мне скучно. Оставь дома свою душу. Мне будет с ней веселее.

— Хорошо,— сказал Жумагельды.— Вечером поговорим о моей душе.

Наступил вечер. Пристала жена к мужу:

— Скажи, где твоя душа?

Долго не хотел говорить Жумагельды, наконец сказал:

— Моя душа за косяком двери.

А колдунья подслушала этот разговор. Встала она чуть свет и изрубила топором косяк двери. Думала колдунья, что покончила она с батыром. Но Жумагельды утром встал, как всегда, здоровый и невредимый. Отправился он на охоту, а старуха спрашивает жену:

— Ну как, красавица, оставил тебе муж душу? Где она?

Молчит женщина.

— Значит, не любит он тебя, если обманул,— сказала старуха.

Вернулся вечером Жумагельды с охоты. Снова плачет его жена.

Спрашивает муж:

— О чем плачешь, дорогая?

— Ты скрываешь от меня, где твоя душа находится.

— Ладно, позже скажу,— успокоил ее Жумагельды.

Когда улеглись спать, батыр сказал жене:

— Душа моя в веревке, пришитой к тундуку юрты.

Подслушала колдунья его слова. Встала она ночью и разрезала на мелкие кусочки все веревки, пришитые к тундуку.

Но утром опять увидела колдунья батыра здоровым и сильным.

Уехал Жумагельды на охоту. Снова подступила старуха к его жене:

— Муж тебя обманывает, красавица. Если любит, то скажет, где его душа. Спроси еще раз.

Приехал батыр домой, а жена опять слезы льет:

— Ты скрываешь от меня свою душу. Я сержусь на тебя!

Сказал тогда Жумагельды:

— Перестань плакать. Я скажу, где моя душа. Она находится в моем кинжале размером в сорок обхватов. Но я не могу,

его тебе оставить. В нем вся моя сила и жизнь. Я с ним никогда не расстаюсь.

Услышала колдунья слова Жумагельды и стала думать, как отнять у батыра кинжал.

Побежала она в город, накупила много вина, сварила оленьего мяса и подала его на ужин.

Выпили хозяева хмельного и крепко уснули.

Раздела старуха батыра и увидела на нем кинжал в сорок обхватов. Едва дотащила колдунья кинжал до берега. Бросила она его в море, вернулась домой и легла спать.

Утром приготовила старуха пищу, разбудила жену и говорит:

— Поднимай, красавица, хозяина. Кушать пора!

Стала жена будить мужа и увидела, что он умер.

Упала женщина без чувств. Семь дней и семь ночей не поднималась с постели. Только на восьмой день пришла в себя.

Долго горевала молодая вдова и не находила себе покоя.

Вот старуха однажды ей говорит:

— Жумагельды мне тоже был как сын родной. Я тоже поплакала. Но разве слезами горю поможешь, красавица? Все равно теперь не вернешь мужа. Пойдем к морю погуляем.

Уговорила она молодую женщину. Пошли они на берег, где золотая лодка находилась. Открыла старуха золотой сундук. Пригласила красавицу прилечь отдохнуть на пуховую постель.

Легла вдова Жумагельды, а старуха в один миг и захлопнула крышку сундука.

Отвезла она пленницу в город и отдала хану.

Тут только поняла молодая вдова, что старуха была злой колдуньей.

Обрадовался хан, когда узнал, что красавица находится у

него во дворце. Послал он к ней своего главного визиря. Сказал визирь:

— Хан хочет жениться на тебе!

Ответила ему вдова Жумагельды:

— Не могу я сейчас выйти замуж. У меня большое горе. Пусть хан устроит игры на тридцать дней, а потом пир на сорок дней. Может быть, тогда я забуду свое горе.

И еще добавила она:

— Пусть хан поставит мне отдельную юрту и не заглядывает в нее, пока я его не позову.

Исполнил хан просьбу пленницы. Поставил ей отдельную юрту и приказал начать игры.

Веселится народ на байге с утра до ночи, а красавица сидит в своей юрте и только ночью выходит из нее.

Знала она, что у ее мужа есть два брата. Смотрела она на звезды и просила их передать весточку братьям о смерти Жумагельды.

* * *

Однажды Ашкен прогуливался ночью со своими визирями около дворца. Вдруг заметил, что с одной звезды капает кровь.

— Беда случилась с одним из моих братьев!— сказал он и велел приготовить ему одежду батыра, броню, лук и стрелы.

Отобрал Ашкен сто лучших воинов, каждому дал по два тулпара, взял запас пищи на шесть месяцев и тронулся в поход.

Как ветер, помчались тулпары по степи.

Приезжает Ашкен в большой город. Узнает, что в нем живет хан. Направился батыр во дворец. Встречает его у ворот главный визирь и глазам своим не верит. Сидит на коне двойник хана. Только одежда на госте другая.

Попросил визирь подождать приезжих, а сам поспешил к хану. Говорит ему:

— Ханеке! Приехал батыр так похожий на тебя, как одна капля дождя похожа на другую. Я прибежал убедиться своими глазами, что ты сидишь в своих покоях.

— Надо незаметно узнать, что это за гость,— сказал хан. Откуда и куда он едет.

Пошел визирь выполнять повеление хана. Стал расспрашивать воинов, как зовут их предводителя. Узнал, что имя ему — Ашкен. Приходит визирь к своему хану и сообщает ему.

Обрадовался хан:

— Это приехал мой старший брат! Пригласи его немедленно. Скажи, брат Мошкен с нетерпением ждет его!

Радостно встретились братья. Поговорили они, и сказал Ашкен:

— Вижу я, что ты жив и здоров. Значит, беда случилась Жумагельды. Завтра поедем искать его.

Мошкен быстро собрал свое войско, и утром братья выехали в поход.

Долго ехали они, пока добрались до большого города, стоявшего на берегу моря. Увидели братья на острове Белый дворец с башнями. Захотели они проехать к нему. Послал Ашкен своего жигита в крайнюю лачужку, расспросить дорогу. А это была как раз та самая лачужка, в которой останавливался Жумагельды.

Вошел жигит и видит плачущую старуху.

Спрашивает он ее:

— Какое горе у тебя, бабушка?

Отвечает старуха:

— Потеряла я одного сына мертвым, а другого живым.

Рассказала старуха, как погиб ее единственный сын в ханском войске в бою с великанами и как ушел Жумагельды в Белый дворец и не вернулся.

И еще рассказала старуха, что красавицу, сестру великанов, жившую в Белом дворце, недавно привезли к хану. Хан хочет на ней жениться и сейчас проводит время в играх и веселье.

Сообщил жигит Ашкену все, что узнал от старухи. Направились братья к Белому дворцу, а подойти к нему не могут. Море им путь преградило.

Но Мошкен понатужился и разом проглотил всю морскую воду.

Подъехали братья к Белому дворцу. Видят: дно в одном месте словно полосатое.

— Это следы кинжала Жумагельды! — догадались братья. Стали они искать по следам, никак не могут найти кинжала.

— Наверно, занесло его илом и песком,— сказал Ашкен.

Выпустил Мошкен снова воду в море. А потом собрал все силы и снова глотнул.

На этот раз замутилась вода в море, и вместе с водой набрал Мошкен в рот верхний слой морского дна. Заблестел на солнце кинжал. Подняли его братья и пошли искать труп Жумагельды.

Нашли они мертвое тело возле старой заброшенной лачужки.

Положили братья кинжал на грудь покойнику. Открыл Жумагельды глаза, потянулся и сказал:

— Крепко же я уснул!

Поднялся он, узнал своих братьев и обрадовался неожиданной встрече.

Рассказали ему братья, что он не спал, а был мертв.

Увидел Жумагельды пустой дворец, выпитое море и только тогда поверил словам братьев.

Узнал он, что его жена находится в городе у хана, и страшно разгневался.

Пошел батыр в город, побил все ханское войско, а хана и визирей повесил.

Зашел Жумагельды в юрту к своей жене. Увидела его красавица и от радости упала без чувств. Когда же пришла она в себя, рассказала мужу про козни злой колдуньи.

Жумагельды приказал привести старуху и тоже повесить.

После этого он, подобно своим братьям, тоже стал ханом богатой страны.

Послал он одного из своих визирей за отцом, а другого за сокровищами Семиглавого дракона, зарытыми в одинокой могиле.

Вернулся первый визирь и привез отца-бедняка.

Вернулся второй визирь и привез много золота и драгоценных камней.

После этого все три брата счастливо прожили до глубокой старости.

АЛАМАН И ЖОЛАМАН

Жил в старину батыр Аламан. Была у него красавица жена Қарашаш. Так ее звали за длинные, густые и черные, как вороново крыло, волосы.

У Аламана и Қарашаш было двое детей — сын и дочь.

Однажды Аламан отправился с сыном на охоту, а Қарашаш пошла с дочкой по воду.

Нагнулась женщина с ведром зачерпнуть воды, а один волос с головы и упал в речку. Унесло его быстрое течение.

Охотился в это время хан Солтан со своей свитой. Заметил он, что в реке что-то блестит и переливается разными цветами. Подумал хан, что змея плывет. Но когда он подъехал к берегу, понял, что плывет по течению длинный волос.

Задумался хан Солтан:

«Если так прекрасен один волос, то какой же красавицей должна быть сама женщина, которая его потеряла?»

И приказал хан отыскать красавицу.

Через несколько дней явилась к хану баба-яга с одним глазом посередине лба.

— Я разыщу тебе женщину, о которой ты думаешь!—предложила она.

Хан Солтан обрадовался и пообещал ей щедрую награду.

Отправилась баба-яга в тот лес, где охотился Аламан. Легла она на тропинке. Увидел ее проходивший Аламан и спрашивает:

— Откуда ты, бабушка?

Отвечает старуха:

— Дожила я до старости, никому не нужна стала. Вот и брожу по лесу. Устала и дальше идти не могу.

Тогда Аламан говорит:

— Идем ко мне жить. Будешь мне матерью.

Обрадовалась старуха и согласилась. Хотел Аламан посадить ее к себе на седло. Зафыркала лошадь. Не подпускает бабу-ягу. Рассердился Аламан, стал бить коня камчой. Посадил наконец старуху на лошадь и привез к себе домой.

Так проникла баба-яга в дом Аламана.

* * *

По-прежнему каждый день уходил батыр на охоту, оставляя одну Карашаш вместе со старухой и детьми.

Вот баба-яга и стала смущать жену Аламана:

— Плохой у тебя муж! Недостоин он такой красавицы, как ты! Бросает тебя одну. Ему на охоте не скучно, а тебе какое веселье в доме? Другой муж тебе нужен!

Проходит день, и старуха снова заводит разговор.

— Если бы ты только захотела, я бы тебе нового мужа нашла. Знатного и богатого. Есть у меня такой на примете. Он тебя очень любит!

Рассказала старуха про то, как хан Солтан увидел волос Карашаш в реке и по одному волосу полюбил ее.

Согласилась Карашаш уйти от мужа и стать женой хана Солтана. Стали две женщины обсуждать, как убежать от Аламана.

Предложила старуха связать его во время сна шелковой веревкой.

— Но он спит только одну ночь, а сорок ночей не спит вовсе! — сказала Карашаш.

Отправилась тогда баба-яга к хану Солтану. Рассказала ему обо всем. Послал хан свое войско к Аламану. Дождались воины той ночи, когда заснул батыр крепким сном. Связали они его шелковыми веревками. Стала Карашаш женой хана Солтана.

Подзывает однажды Аламан к себе дочь и говорит ей:

— Дочка, выпроси у матери мой стальной кинжал. Он лежит в сундуке. Принеси мне его.

А дочка отвечает:

— Ты мне больше не отец. Мой отец теперь хан Солтан.

Горько стало Аламану. Ничего он не сказал ей больше.

Подзывает Аламан к себе сына Жоламана и говорит ему:

— Сынок! Выпроси у матери мой стальной кинжал. Он лежит в сундуке. Принеси мне его.

Сын побежал к матери и сказал:

— Дай мне отцовский кинжал. Я хочу играть.

Долго не давала Карашаш кинжала. Все время приставал к ней сын. Наконец хан Солтан сказал:

— Дай ему. Пусть играет!

Получил сын кинжал. Прибежал к отцу и разрезал шелковые веревки. Поднялся Аламан, расправил могучие плечи, напал на хана и убил его. Затем уничтожил все его войско, а Карашаш и дочку привел к тестю.

Тесть разгневался на Карашаш и на внучку. Велел их казнить за измену, а внуком остался очень доволен.

* * *

Женился после этого Аламан на мудрой девушке. Вместе с сыном стали ходить на охоту.

А у бабы-яги одна забота — как бы отнять кинжал у Аламана.

Обернулась она младенцем и легла на дороге.

Возвращаются с охоты Аламан и Жоламан. Видят — лежит младенец и плачет.

Поднял его Аламан, и стал садиться на лошадь. Зафыркала она, шарахнулась в сторону. Никак не подпускает к себе Аламана.

Передал отец младенца сыну. Лошадь Жоламана тоже поднялась на дыбы. С трудом Жоламан взял на свое седло младенца.

Приехали они домой. Положили младенца в люльку.

Прошло несколько дней, и вдруг исчез младенец, а вместе с ним и кинжал Аламана.

Рассказал батыр своей жене про пропажу, а она и говорит:

— Это, видно, был не простой младенец, а баба-яга. Она хочет убить тебя. Беги от нее в горы!

Аламан послушался совета жены и уехал в горы.

Проходит немного времени. Приехала к жене Аламана баба-яга на бегунце-верблюде и спрашивает:

— Где Аламан?

Пронюхала она, что он убежал в горы, и пустилась за ним в погоню.

Быстро бежал Аламан, но баба-яга все же догнала его.

Узнал об этом Жоламан и отправился к отцу на помощь.

Жена Аламана дала ему волшебное кольцо и сказала:

— Найти отца и кинь ему это кольцо. Он поймает, и конь побежит быстрее. Баба-яга увидит и закричит от злобы. Тогда ты копьем коли ей в глаз. Но ударь только один раз. Помни, от второго удара нечистая сила оживает.

Бросил Жоламан отцу волшебное кольцо. Поймал он, и сразу лошадь прибавила ходу.

Баба-яга увидела и закричала от злобы. Жоламан кольнул старуху копьем в глаз. Упала баба-яга с бегунца-верблюда.

— Ударь еще раз! — взмолилась она.

Но Жоламан помнил наказ мачехи и второй раз не ударил. Тут бабе-яге и конец наступил.

Обнял благодарный Аламан сына.

Вернулись они домой и стали жить в счастье и довольстве.

ХАН И МУДРЫЙ ВИЗИРЬ

Жил на свете хан. Главным визирем у него был мудрый человек.

Когда хан отправлялся осматривать свои владенья, он всегда брал с собою визиря.

Однажды сказал ему мудрый визирь:

— Переоденемся в лохмотья, повелитель, тогда мы лучше узнаем, что думает народ о тебе и твоих правителях.

Согласился хан. Переоделись они и пошли по аулам.

Вот подошли хан и визирь вечером к одинокой юрте бедняка. Попросились переночевать. Хозяин отказал — жена его в этот час собралась родить, но роженица сказала:

— Пусти их. Нехорошо отказывать путникам в ночлеге.

И муж пригласил хана с визирем в юрту.

Вошли гости, легли отдыхать. Вдруг слышат они крик новорожденного. Хозяйка родила сына.

Визирь рассмеялся.

Удивился хан. Он знал: мудрый визирь без причины не станет смеяться.

— Чему ты смеешься?— спросил хан.

— Я подумал о том, что этот младенец будет твоим зятем и

моим повелителем!— ответил визирь.— И мне стало смешно: насколько может быть изменчивой человеческая судьба.

— Никогда этого не будет!— воскликнул хан.— Как могу я выдать свою единственную дочь за сына нищего!

— Все может быть на свете!— сказал мудрый визирь.— Никто не знает утром, что случится вечером.

Слова его обеспокоили хана. Решил он купить мальчика и убить его.

Наступило утро. Собрались гости уходить. Сказал хан хозяевам:

— Продайте мне новорожденного. Я дам за него слиток золота величиной с лошадиную голову.

Жена сказала мужу:

— У нас еще будут дети. Пусть гость даст слиток золота величиной с тебя, и мы отдадим ему мальчика. У богатого человека сыну будет неплохо.

Согласился бедняк.

Купил хан ребенка, положил его в сундук и бросил в речку.

Доплыл сундук до сетей и застрял.

Пришел рыбак, стал осматривать сети и увидел сундук. Поднял он крышку, а там маленький ребенок лежит.

У рыбака было своих восемь детей, жила семья его впроголодь. Где уж тут девятого выкормить. Хотел рыбак снова сундук в воду бросить, но жена не позволила.

— Раз судьба привела его в наш дом, пусть живет и растет у нас!

И стало в его семье одним сыном больше.

* * *

Прошло несколько лет. Хан вместе с мудрым визирем объезжал свои владения. Остановились они напоить коней.

Прибежали дети рыбака посмотреть на двоих богато одетых всадников.

Визирь увидал ребят и засмеялся.

— Чему ты смеешься?— спросил хан.

Ответил ему мудрый визирь:

— Посмотри, повелитель, вон на тех ребят. Видишь среди них красивого мальчика?

— Вижу,— сказал хан.

— Этот мальчик будет твоим зятем.

Рассердился хан:

— Что ты все время сулишь мне нищих в зятья! Никогда не отдам я свою дочь за бедняка.

— Не всегда судьба человека в нашей воле!—ответил визирь.

Забеспокоился хан. Позвал он рыбака и спросил:

— Чей этот мальчик?

— Сейчас мой сын, а нашел я его в сундуке.

Еще больше забеспокоился хан:

— Продай мне его. Я дам тебе слиток золота величиной с тебя.

Рыбак с радостью согласился.

Отправил хан мальчика к своему младшему визирю с письмом.

— Немедленно умертвить подателя письма!

Пришел мальчик к младшему визирю, передал письменный приказ хана. Жалко стало визирю убивать красивого мальчика, и оставил он его у себя.

* * *

Прошло еще несколько лет.

Мальчик превратился в красивого, статного юношу.

Увидел его однажды хан возле своего дворца и узнал в нем сына рыбака.

Страшно разгневался он. Призывает младшего визиря и спрашивает:

— Почему ты не выполнил моего повеления?

Признал визирь свою вину. Упал перед ханом на колени:

— Прости меня, повелитель! Не поднялась у меня рука убить такого прекрасного и умного мальчика.

Решил хан повесить юношу. Призвал он его к себе, но в этот час прискакал гонец и сообщил, что враг перешел границу и громит аулы.

Не успел хан казнить юношу. Написал он записку и велел отнести ее мудрому визирю, а сам отправился в поход.

Взял юноша записку. Идет через ханский сад. Прилег на траву под деревом и заснул.

А в саду в это время дочь хана гуляла с подругами. Одна из них увидела спящего юношу и позвала ханскую дочь.

Девушка поразилась его необыкновенной красотой и сразу полюбила. Наклонилась она и поцеловала юношу. Тут заметила дочь хана письмо в его руках. Развернула его красавица и увидела приказ о казни юноши.

Уничтожила она ханский приказ и вместо него написала новый:

«Предъявитель письма должен быть моим зятем. Приказываю обвенчать с ним мою дочь и устроить большой пир!»

Вложила дочь хана новый приказ в карман юноши, а сама с подругами ушла во дворец.

Проснулся юноша и отнес приказ к визирям.

Вместо виселицы попал он на богатый пир и сделался мужем ханской дочери.

* * *

Три года воевал хан с врагами.

А ханская дочь за это время родила двух сыновей.

На четвертый год пришло известие, что хан возвращается с победой домой.

Встревожилась ханская дочь и говорит мужу:

— Мой отец — человек жестокий. Но, может быть, он смягчится, когда увидит своих внуков. Возьмем сыновей и поедем к нему навстречу.

Так и сделали. Взяли они своих детей и поехали встречать хана.

Но хан даже не пожелал взглянуть на внуков.

Разгневался он на дочь, что она самовольно вышла замуж за бедняка.

Позвал хан к себе вечером визиря и сказал ему:

— Рано утром, как только откроется пекарня, первого человека, который в нее заглянет, надо сжечь в печи. Кто бы ни пришел, приказ мой выполнить в точности.

Визирь немедленно передал пекарям повеление хана. А ночью хан вызвал мужа своей дочери и сказал ему:

— Пойди сейчас в пекарню, дождись когда откроют дверь, и первым войди в нее. Проверь, как пекари работают и выполняют мои приказы.

Пошел муж ханской дочери выполнять поручение хана. Шел он через сад и услышал соловьиное пение.

Так хорошо пели птицы, что зять хана присел под деревом и забыл куда ему надо идти.

А хану очень хотелось посмотреть, как будет гореть его зять.

Отправился он в пекарню. Только переступил порог, схватили его пекари под мышки и бросили в печь.

Послушал ханский зять соловьев, вспомнил про поручение хана и побежал в пекарню.

Говорит пекарям:

— Я пришел по приказу хана узнать, как вы работаете и выполняете его повеления.

— Приказ хана выполнен в точности. Первый человек, появившийся в пекарне, уже сожжен!

Стали в это утро придворные разыскивать хана. Узнали они, что он сгорел. Собрался тогда народ, чтобы выбрать себе нового хана.

Вышел на площадь мудрый визирь и сказал:

— Самый умный и честный человек среди нас — зять покойного хана. Он достоин быть нашим повелителем.

И народ избрал сына бедняка своим ханом.

ЕРМЕК

Жила на свете бедная старуха. Имела она единственного сына Ермека. Была у них плохая корова. Молока она давала мало, на двоих даже не хватало.

Оставил Ермек мать и уехал в большой город.

Пришел он однажды на базар. Видит, старик тащит на спине тяжелый сундук и приговаривает:

— Кто купит сундук — пожалеет, и кто не купит—пожалеет!

Спросил Ермек старика:

— Сколько просишь за сундук?

— Тысячу дилла, жигит!

Отсчитал Ермек тысячу дилла, забрал сундук и послал его матери. Обрадовалась старуха подарку. Едва втащила сундук в свою землянку — так он был тяжел. Стала открывать. Но вот беда — сундук заперт, а ключа нет.

С трудом старуха сломала замок. Подняла крышку и видит — сидит в сундуке девушка необыкновенной красоты. Рот у нее, как месяц. Глаза светлее солнца. Брови дугой. Губы алые, как кровь. Стан тонкий, муравьиный. Пальцы белые и нежные.

Девушка выбралась из сундука. Разговорились они, подружились и стали жить вместе.

Однажды красавица попросила старуху принести ей шелковые нитки. Вышила она свой портрет и говорит:

— Снеси на базар и продай.

Понесла старуха портрет на базар. Подошел к ней толстый богач. Понравился ему портрет, и заплатил он за него большие деньги.

Вернулась старуха домой довольная.

Девушка второй портрет вышила. Опять старуха понесла его на базар. И опять подошел к ней толстый богач. И снова купил портрет.

Разбогатела старуха, каменный дом построила.

Вышила девушка третий портрет. Понесла старуха на базар. Снова к ней толстый богач подошел. Купил портрет и спрашивает:

— Где живет красавица, изображенная на портрете?

Старуха отвечает:

— У меня.

Пришел толстый богач к старухе. Увидел девушку и голову потерял. Стал он соблазнять красавицу, но она его выгнала вон.

Сколько ни обивал пороги богач, девушка была неприступна.

Разозлился он и написал Ермеку письмо, оклеветал в нем девушку.

Прочитал Ермек письмо и поспешил домой. Приехал жигит в родной город, а свою землянку найти не может.

Указали ему люди на каменный дом и говорят:

— Твоя мать теперь здесь живет!

Вошел Ермек в первую комнату. Встретила его мать и заплакала от радости. Прошел сын во вторую комнату. Видит — сидит девушка невиданной красоты.

Выхватил Ермек кинжал, ударил красавицу в грудь. Упала девушка, алая кровь из раны ручьем хлынула. Выбросил ее жигит в окно.

Заплакала мать и спрашивает Ермека:

— В чем провинилась перед тобой девушка, сынок?

Прочитал ей Ермек письмо, полученное от толстого богача.

— Ложь здесь написана!— говорит мать.

И рассказала она сыну всю правду.

Понял жигит, как жестоко и несправедливо поступил он с красавицей. Вышел Ермек из дому, чтобы похоронить ее, а девушки не нашел под окном.

«Значит, я ее не убил»,— подумал жигит и обрадовался. Взял он в руки железную палку, обулся в железные сапоги и дал матери клятву:

— Или найду красавицу, или сам умру!

И отправился жигит на поиски девушки.

Узнал обо всем случившемся толстый богач и тоже пошел искать красавицу.

* * *

Спас девушку знаменитый лекарь, который жил в соседнем доме рядом с матерью Ермека.

Услыхал он стоны раненой и велел узнать, что случилось. Служанка сбегала и говорит:

— Молодая красавица умирает!

Лекарь приказал принести раненую к нему в дом. Перевязал он ей рану, дал лекарство, а на другой день увез в большой город.

Долго лечил знаменитый лекарь девушку и вылечил. Когда она стала совсем здоровой, он сказал ей:

— Я тебя спас от смерти. Ты должна выйти за меня замуж.

— Хорошо!—ответила девушка.—Зови гостей, музыкантов и певцов. Устроим свадьбу.

Пошел лекарь звать гостей, а девушка вышла из дому и назад не вернулась.

Пришел жених домой — нет невесты.

— Или найду ее, или сам умру!— сказал лекарь и отправился на поиски девушки.

А красавица шла в это время степью.

Увидели ее два пастуха, влюбились с одного взгляда и поссорились.

Один говорит:

— Я женюсь на девушке!

Другой не соглашается:

— Нет, я женюсь!

Стали они драться. А девушка говорит:

— Не за двоих же мне выходить замуж? Если выйду, то за одного, за того, кто мне первый принесет воды из той речки, которая течет за горой.

Побежали пастухи за водой. А девушка пошла своей дорогой.

Вернулись через несколько часов пастухи с водой, а девушки и след простыл.

— Или мы ее найдем, или умрем,— сказали пастухи.

Бросили они свои стада и отправились на поиски красавицы.

А девушка идет и встречает еще одного пастуха.

Попросила она у него напиться. Отдохнула и уговорила его продать ей овцу и одежду. Переоделась красавица пастухом зарезала овцу, чисто вымыла овечий желудок и надела себе на голову.

Пошла девушка дальше. А пастух стал жалеть, что отпустил такую редкую красавицу. Сказал он сам себе:

— Без нее не будет мне радости. Не нужны мне стада!

Оставил пастух свое стадо и побежал в ту сторону, куда ушла девушка.

Пришла красавица в большой город. Видит— на площадях и улицах толпится народ.

— Почему собрались люди? — спрашивает девушка у прохожих.

— Умер хан!—отвечают ей прохожие.— Народ собрался провозгласить нового хана. Сейчас выпустят синюю птицу. На чью голову она сядет, тот и будет у нас ханом.

И верно — выпустили из золотой клетки синюю птицу. Покружилась она в воздухе и села на голову девушки. Но визири, которые сами рассчитывали стать ханами, сказали:

— Не может быть у нас ханом паршивый. Надо птицу выпустить второй раз.

Выпустили птицу второй раз. Снова она села на овечий желудок. Опять визири не согласились.

Выпустили третий раз. И в третий раз опустилась синяя птица на голову девушки.

Делать нечего — посадили красавицу на ханский трон. И начала она управлять страной.

Вот приказывает ханша художнику нарисовать свой портрет и велит повесить его на шесте у колодца близ городских ворот, где сходятся сорок дорог. Дает ханша приказ часовому:

— Всякого, кто увидит портрет и скажет о нем хоть одно слово, немедленно привести во дворец.

Проходит несколько лет.

Подошел однажды к колодцу толстый человек, напился холодной воды и присел отдохнуть. Увидел он портрет на шесте и громко вскрикнул от удивления. Схватили толстяка и притащили к ханше.

Посмотрела на него ханша и велела посадить под крепкий замок.

Проходит еще несколько месяцев.

Подошел к колодцу усталый Ермек. Напился воды и тоже увидел портрет.

— Ах! — воскликнул он и упал без чувств.

Схватил его часовой, потащил к ханше.

— Чем я провинился?— спросил Ермек.— Я только зачерпнул из колодца воды.

Но часовой закричал:

— Идем к ханше. Там ответишь за все!

Привели Ермека к девушке. Узнала она его и велела отвести в самую лучшую комнату и ухаживать за ним, как за почетным гостем.

Прошло еще некоторое время, и перед ханшей предстали лекарь и три пастуха. Ханша велела их тоже посадить под замок.

Через месяц назначила ханша суд людям, задержанным у городского колодца.

Привели толстого богача, Ермека, лекаря и трех пастухов.

Каждый из них рассказал, куда он идет и как попал во владения ханши.

Тогда девушка откинула с лица покрывало и спросила, узнают ли они ее. Подсудимые узнали девушку. Упали они на колени и стали просить пощады.

Ханша признала виновным только одного толстого богача. Его привязали к хвосту скакуна и погнали в степь. Там толстяк и нашел свою смерть.

Лекарю ханша дала много золота, подарила коня и шелковый халат. Пастухов отпустила к своим стадам.

Красавица вышла замуж за Ермека и уступила ему трон хана.

ДОБРЫЙ И ЗЛОЙ

Однажды Злой отправился пешком в далекий путь. Он сильно устал и едва волочил ноги.

По дороге нагнал его Добрый, ехавший верхом.

Поговорили они и узнали, что направляются в одно место.

— Посади меня сзади!— попросил Злой.— Я очень устал.

— Лошади тяжело будет везти двоих,— ответил Добрый.— Лучше сделаем так. Я уступлю тебе место. Ты поезжай верхом вон до того дерева и там оставь коня, а сам иди дальше пешком. Я подойду, сяду на лошадь и снова тебя нагоню. Будем ехать на одном коне по очереди.

Злой сел на лошадь и уехал вперед. А Добрый пошел следом за ним пешком.

Вот подходит он к дереву — нет лошади. Обманул его Злой и поехал, куда ему было нужно.

Зашагал дальше Добрый. Вошел в густой лес. Видит—стоит лачужка. Решил в ней отдохнуть.

В лачужке никого не оказалось, но в огромном казане варилось мясо.

Удивился Добрый:

«Хозяина нет, а обед варится. Чудно!»

Обмакнул путник палец в казан, попробовал обед и залез на крышу лачужки соснуть. Не успел он закрыть глаза, как вошли в дверь волк, лиса и лев.

— Ой-ой,— встревожилась лиса.— Кто-то пробовал наш обед.

— Никто не пробовал!— успокоил ее лев.

Стали звери обедать и рассказывать кто как время провел.

Лисица и говорит:

— В одной заброшенной зимовке я нашла клад. В земле зарыт горшок полный золота. Придется его ходить стеречь.

А волк сказал:

— У бая болеет красавица дочь. Отец обещал отдать ее замуж за того, кто ее вылечит. А я знаю верное средство от болезни. В отаре у бая есть пестрая овца. Нужно вырезать у нее сердце и натереть им тело девушки. Тогда она станет здоровой. Вот я караулил сегодня пеструю овцу.

Лев стал рассказывать:

— Каждую ночь из байского табуна я уношу одну лошадь. Хозяин не знает, кто это делает. Он обещал отдать целый косяк тому, кто поймает вора. Я не боюсь — ни один конь меня не догонит. Но в табуне есть маленький рыжий жеребенок, лишь он один может меня догнать.

Пообедали звери и легли спать. А утром они покинули лачужку. Следом за ними ушел и Добрый.

Достал он одежду знахаря, пришел к баю и сказал:

— Я могу вылечить твою дочь.

Бай обрадовался и пригласил его в юрту.

Добрый велел поймать пеструю овцу и вырезать у нее сердце. Натер он им тело девушки, и она выздоровела.

Женился на ней Добрый и пошел разыскивать старую за-

брошенную зимовку, о которой рассказывала лиса. Выкопал он горшок с золотом и отправился к баю, владельцу конского табуна.

— Что ты дашь мне, если я поймаю вора, который каждую ночь крадет у тебя лошадей?— спросил Добрый.

— Я дам тебе целый косяк лошадей!— пообещал бай.

Пошел Добрый в табун, оседлал маленького рыжего жеребенка и устроил засаду на льва. Ночью подкрался лев, схватил лошадь и помчался в степь.

Добрый бросился за ним в погоню, нагнал его и убил.

На другой день получил он от бая косяк лошадей и увел его в свой аул.

* * *

Прошел год, и Добрый повстречался со Злым.

Добрый теперь был богач, а Злой—нищий. Старый рваный халат покрывал его голое тело, а из малахая торчали клочья грязной ваты.

— Я виноват перед тобой,— сказал Злой.— Я похитил твою лошадь, но добра она мне не принесла. А ты и без лошади разбогател. Как пришло к тебе такое счастье?

Добрый рассказал ему, как он попал в лачужку, как подслушал разговор зверей и какую извлек для себя пользу из услышанного.

Злой попрощался и поспешил в лес. Нашел он лачужку, про которую говорил Добрый. Увидел в казане вареное мясо, чаелся до отвала, запил сурпой и залез на крышу отдохнуть.

Вскоре пришли в лачужку волк и лиса.

Посмотрела лисица в казан и закричала:

— Ой-ой, кто-то съел наш обед!

Стали они искать обжору и нашли его на крыше.

Тут Злому и смерть пришла.

КРАСАВИЦА КУНКЕЙ[1]

У бедной старухи был единственный сын. Пас он однажды коз и увидел в степи стадо ланей. Среди них выделялась одна — пестрая, с золотыми рогами.

На другой и на третий день он ее снова увидел. Сказал юноша матери:

— Три раза я встречал пеструю золоторогую лань. Хочу поймать ее и отвести к хану. Наградит ли он меня за нее?

Мать ответила:

— Если сумеешь поймать, хан, наверное, наградит тебя.

На другой день поймал юноша пеструю золоторогую лань и повел ее к хану.

Возле дворца встретил юношу главный визирь и сказал ему:

— Отдай мне лань!

— Нет!— ответил юноша.—Я отдам ее только хану.

Взял хан золоторогую лань и спрашивает главного визиря:

— Скажи, чем наградить юношу?

— Ничего ему давать сейчас не надо!— ответил главный

[1] К у н — солнце; Кункей, или Кунслу — солнечная красавица, живущая под солнцем.

визирь. Есть на белом свете подставка для золоторогой лани. Имеет она два крыла — одно позолоченное, другое посеребренное. Когда лань встанет на нее, украсит она дворец. Пусть вначале юноша принесет подставку. Тогда можно будет его наградить.

И сказал хан юноше:

— Где-то на белом свете существует для золоторогой лани подставка. Она имеет два крыла — одно позолоченное, другое посеребренное. Найди ее, и я тебя щедро награжу. А если не найдешь, сниму голову.

Загрустил юноша. Вернулся он домой и рассказал матери про поручение хана.

Мать успокоила его:

— Не горюй, сынок! Я сама пойду и поищу подставку для золоторогой лани.

Вот идет мать по степи. Видит — пасется стадо ланей, а неподалеку от стада сидит старуха и сшивает щель земли.

Присела мать рядом с ней и рассказала, куда и зачем идет.

Выслушала старуха и говорит:

— Можно твоему горю помочь. Неподалеку от Мысыра живет мастер. Только один он делает подставки для ланей. Дай своему сыну тысячу дилла, пусть он сходит к этому мастеру.

Вернулась мать домой. Распродала своих коз, нанялась в работницы к баю и набрала тысячу дилла.

Взял юноша деньги. Пошел искать мастера, живущего неподалеку от Мысыра. Нашел его и объяснил, какая требуется подставка для золоторогой лани.

Мастер пообещал:

— Я сделаю тебе такую подставку за тысячу дилла.

Отдал юноша деньги. Сделал мастер подставку. Только крылья у нее были простые.

Идет юноша домой. Видит, стоит на пути высокое дерево, а под деревом вырыты два глубоких колодца. В одном вода золотая, а в другом — серебряная.

Обмакнул юноша одно крыло в золотой воде, другое — в серебряной и понес к хану.

Поставил хан золоторогую лань на подставку. Засверкала лань так, что сразу весело стало во дворце.

Спрашивает хан главного визиря:

— Чем наградить старательного юношу?

— Ничем,— отвечает главный визирь.— Он еще недостоин награды. Надо ему дать еще одно поручение. В далекой стране под землею растет золотое дерево. Пусть он найдет его, принесет сюда и посадит перед дворцом. Тогда можно будет дать ему награду.

И сказал хан юноше:

— Найди золотое дерево, растущее под землей, и посади перед моим дворцом. Тогда я награжу тебя.

Пошел юноша искать золотое дерево.

Идет он несколько дней и встречает на своем пути старика. Спрашивает старик:

— Откуда и куда идешь?

Рассказал ему юноша.

Старик говорит:

— Я научу тебя, как достать золотое дерево. Иди прямо, пока не встретишь высокую гору. Когда ты подойдешь к ней, увидишь бегущего с горы зайца. Иди по его следу. Вбежит он в берлогу, и ты войди за ним. В берлоге будет две ямы. Заяц скроется в левую, а ты ступай в правую. Перед тобой откроется огромная пещера. В ней ты увидишь сорок разбойников. Они захотят тебя убить, но ты скажи им: «Я могу в один миг сварить обед!» Разбойники заставят тебя варить мясо, а сами будут на-

блюдать за тобой. Ты положи мясо в котел и ударь по котлу вот этой железной палкой.

Старик дал юноше железную палку и продолжал:

— Утром разбойники оставят тебя одного в пещере. В темном углу ты увидишь белый сундук. Открой его. В нем находится синий сундук. И его ты открой. В сундуке лежит завернутая в бумагу соль. Посоли ею мясо, которое варится в котле. Когда придут разбойники, накорми их. Они сразу умрут. Потом ищи в пещере золотое дерево. Когда найдешь, схватись руками за ствол, а ногами упрись в корни и закрой глаза. Золотое дерево окажется перед ханским дворцом!

Распрощался юноша со стариком и пошел своей дорогой.

Подходит он к каменной высокой горе. Видит — с горы бежит заяц. Юноша помчался следом за ним. Вбежал заяц в берлогу, а юноша за ним. В берлоге, как говорил старик, оказалось две ямы. Заяц вбежал в левую, а юноша в правую. Увидел он огромную пещеру и сорок разбойников в ней. Разбойники захотели убить юношу, но он им сказал:

— Я в один миг могу сготовить обед!

Разбойники велели ему быстро сварить мясо, а сами стали смотреть, как он будет готовить.

Положил юноша мясо в котел и ударил по котлу незаметно железной палкой. Мясо мигом сварилось.

Разбойники подивились и решили не убивать юношу. Оставили они его у себя за повара.

Долго жил юноша в пещере.

Однажды он после обеда крепко уснул. И видит во сне старика, подарившего ему железную палочку.

Старик погрозил ему пальцем и сказал:

— Наелся мяса и забыл обо всем!

Испугался юноша. Проснулся и вспомнил поручение хана.

Стал он искать в пещере белый сундук. Нашел его в самом темном углу. Открыл и увидел в нем синий сундук. Открыл юноша синий сундук. На дне его лежал бумажный сверток. Развернул бумагу, а в ней — соль.

Закрыл юноша сундук, высыпал соль в котел и ждет, когда придут обедать разбойники.

Вот пришли они, сели за стол и говорят:

— Подавай мясо!

Подал юноша. Поели они и умерли все.

Стал тогда юноша осматривать все углы пещеры. И нашел он в самом потайном месте золотое дерево.

Юноша обхватил руками его ствол, а ногами уперся в корни и закрыл глаза.

Сколько прошло времени — неизвестно.

Только когда он раскрыл глаза, увидел себя в саду перед ханским дворцом. Золотое дерево сверкало под первыми лучами солнца.

Проснулся утром хан. Подошел к окошку и видит — в саду растет золотое дерево.

Обрадовался он, призывает визирей и спрашивает:

— Как мне наградить юношу?

А визири от зависти позеленели. Задумали они погубить юношу — отправить на край света, чтобы он назад не вернулся.

Вот главный визирь и говорит:

— Повелитель! Тебе уже много лет, а детей у тебя нет. В далеком ханстве под самым светлым солнцем живет красавица Кункей. Она может родить тебе наследника. Пошли юношу, пусть привезет он Кункей. Если выполнит это поручение, тогда можно будет его щедро наградить.

И послал хан юношу в далекое ханство разыскать красавицу Кункей, живущую под самым солнцем.

Отправился юноша в путь.

Повстречался ему великан. Стоит он и держит на каждой ладони по горе.

Спрашивает он юношу:

— Кто ты, куда идешь и откуда?

Рассказал юноша. Великан выслушал и говорит:

— Если ты ищешь красавицу Кункей, живущую под самым светлым солнцем, то я пойду вместе с тобой!

И пошли они дальше вместе.

Идут и видят жигита, лежащего на земле.

— Что ты делаешь? — спрашивает юноша

— Я слушаю, не идет ли человек, который ищет красавицу Кункей. У меня такие уши, что я могу слышать любой шорох на земле и под землей.

— Тогда пойдем с нами. Я ее ищу!

Пошли они втроем. По дороге встретился им великан с огромными щеками. Во рту у него было два озера воды.

Спрашивает юноша:

— Что ты делаешь?

Ответил великан:

— Я жду человека, который ищет красавицу Кункей, живущую под самым солнцем. Когда он придет, я пойду с ним.

— Я ищу красавицу Кункей!— сказал юноша.

И пошли они дальше вчетвером.

Встречают по дороге скорохода. К каждой ноге его было привязано по скале. Но бежал он очень быстро.

Юноша спросил:

— Куда ты торопишься?

Скороход ответил:

— Я бегу навстречу человеку, который ищет красавицу Кункей, живущую под самым светлым солнцем.

— Тогда пойдем с нами! — сказал юноша.— Я ищу красавицу Кункей.

Пошли они дальше впятером. Встречают по дороге крылатого муравья. Он никак не мог выбраться из ямы со своими детенышами.

Юноша помог ему, и муравей сказал:

— Ты нас спас от смерти. Я никогда этого не забуду. Если случится у тебя беда, зажги мое крылышко, я явлюсь и помогу тебе.

Оторвал муравей одно крылышко и дал его юноше.

И пошли друзья дальше.

Красавица Кункей, жившая под самым светлым солнцем, была дочерью хана. А жил тот хан за высокими неприступными горами. Была у него огромная бурая собака. Если кто-либо шел к Кункей, желая ее похитить, собака чуяла врага за два дня пути и выбегала к нему навстречу. Как бы сильны и многочисленны ни были злоумышленники, никто не мог от нее уйти живым.

Почуяла бурая собака приближение юноши с его товарищами. Выбежала она к ним навстречу.

Видит великан облако пыли на дороге. Поднял он одну гору и бросил в злую собаку. Так и осталась она под горой навсегда, мертвая.

Пошли друзья дальше и дошли наконец до ханского дворца.

Принял хан нежданных гостей и стал их расспрашивать, откуда они и как добрались до его владений.

— Мы ищем красавицу Кункей, которая живет под самым светлым солнцем!

Спросил хан:

— Встречалась ли вам в дороге бурая собака?

— Да попался навстречу какой-то щенок,— сказал юно-

ша. — Но мой друг бросил в него камешком, и он остался под ним.

Удивился хан богатырской силе своих гостей. Хорошо их принял, а на другой день собрал своих подданных и устроил байгу.

— Кто выйдет победителем в борьбе,— объявил хан народу,— тот получит в жены мою дочь Кункей.

И выставил хан со своей стороны могучего быка-борца.

Сказал юноша своему другу батыру-великану:

— Если победишь его, Кункей будет наша.

Подошел батыр-великан к быку, взял его за рога и победил в одну минуту.

Но хан не сдержал своего слова. Объявил он народу:

— Сейчас будут устроены бега. Кто придет первым, тому отдам мою дочь Кункей в жены.

Хан выставил колдунью-старуху, а юноша своего друга скорохода. Начали они состязание. Колдунья взяла с собой две бутылки вина и напоила скорохода. Уснул тот на полпути, а старуха побежала дальше.

Говорит юноша своему другу, который мог слышать любой шорох на земле и под землей.

— Послушай, кто бежит впереди.

Приложил тот ухо к земле и отвечает:

— Нашего друга не слышно. Бежит одна старуха.

Тогда ударил юноша железной палкой по земле. Докатился гул до скорохода и разбудил его. Смотрит он — нет старухи. Помчался скороход, догнал свою соперницу и бросил ей в лицо горсть песку. Заревела старуха и схватилась за глаза. Осталась она сидеть на месте, а скороход прибежал первым.

Опять хан не сдержал своего слова. Спрятал он свою дочь и говорит:

— Кто найдет Кункей, тот будет ее мужем.

Опять друг юноши навострил уши и стал прислушиваться. Слышит он, как красавица вышивает в подземном дворце. Вот она уронила иголку на пол, и стук от падения иглы достиг ушей чуткого батыра.

— Пойдем поможем ей найти иголку! — сказал он.

Направились друзья в подземный дворец. Видит хан, что дело его проиграно, и приглашает гостей в железный дворец. Здесь он их сытно накормил и уложил спать.

А когда гости заснули, велел разложить вокруг дворца огромный костер. Решил он сжечь батыров.

Проснулись ночью друзья. Видят: дом охвачен пламенем. Растерялись они, не знают, что делать.

Но тут поднялся батыр, у которого за каждой щекой хранилось озеро воды. Мигом потушил он огонь.

После этого друзья снова легли спокойно спать.

А хан думал, что его гости давно сгорели.

Посмотрел он утром в окошко. Видит: юноша с друзьями спокойно выходит из железного дворца.

Но не хочет хан сдаваться. Новую хитрость придумал.

Собрал он в своем ханстве сорок красавиц, одел их в одинаковую одежду и посадил всех рядом на одну скамейку.

— Кто узнает среди сорока красавиц мою дочь Кункей, тот и будет ее мужем! — объявил хан.

Прошел мимо красавиц юноша один раз, прошел другой, никак не может узнать, какая из них Кункей.

Вспомнил он про муравьиное крылышко и сжег его.

Муравей тут как тут! Приполз он к ногам Кункей и остановился. Так юноша узнал солнечную красавицу.

Нечего делать хану. Пришлось отдать свою дочь юному жигиту.

Взяли с собой друзья красавицу и отправились в обратный путь.

Прошли они несколько дней, и первым отстал от них скороход.

Когда дошли до большого озера, остался батыр, который за каждой щекой держал по озеру воды.

Потом отстал батыр, умевший подслушивать малейший шорох на земле и под землей.

Когда подошли к огромной горе — остался батыр-великан, который в каждой руке держал по большой горе.

Так юноша-жигит и красавица Кункей остались вдвоем.

Рассказал юноша девушке, куда он ее ведет и для кого. Выслушала Кункей и задумалась. Узнав о подвигах молодого жигита, она успела полюбить его.

Через несколько дней красавица спросила юношу:

— Много ли нам осталось пути до владений хана?

— Два дня!

— Тогда иди вперед и передай хану, пусть он сам выйдет меня встречать и возьмет с собой главного визиря. Ты тоже меня встречай, но иди сзади всех.

Пошел юный жигит и передал хану слова Кункей.

Хан взял с собой главного визиря и выехал навстречу красавице.

А Кункей была мудрая девушка и владела многими тайнами. Как только приблизился к ней хан, она обратила его в волка, а главного визиря в лису. Волк погнался за лисой, а девушка взяла юношу за руку, и пошли они в ханский дворец.

Народ провозгласил молодого жигита своим ханом.

После этого он женился на красавице Кункей и устроил большой пир.

БОГАТЫЙ И БЕДНЫЙ

В прошлом веке жили на свете два брата. Младший детей не имел, вел большую торговлю и жил богато. Старший жил бедно, единственным счастьем для него были два его сына — Хасен и Хусаин.

Летом, как только начинали созревать ягоды, мать носила их на базар и продавала. На это и жила вся семья.

Однажды в полдень, когда все в природе затихает, когда тень становится самой короткой, когда от яркого блеска трудно разглядеть, течет или стоит вода в реке, Хасен и Хусаин пробирались берегом через кустарник. Вдруг перед ними из травы вылетела невиданной красоты синяя птичка. Не успели ребята полюбоваться, как она поднялась высоко-высоко и исчезла в небе. Хасен и Хусаин решили поискать ее гнездо и быстро его нашли. В гнезде лежали яйца, белые с голубыми прожилками. Ребята проголодались и обрадовались находке. Но яйца были настолько малы, что Хасен и Хусаин решили: «Если мы их съедим, будет мало пользы. Лучше отнесем их богатому дяде». Не заходя домой, они прямо пошли к дяде и спросили его, не купит ли он белые с голубыми прожилками яйца синей птички.

— Где вы их взяли? — спросил дядя.

— В поле, в траве,— ответили ребята.

Дядя взял яйца и, к удивлению Хасена и Хусаина, дал им сто рублей и сказал:

— Если вы поймаете самую птичку, я дам вам еще двести рублей.

Зачем понадобилась дяде синяя птичка, Хасен и Хусаин не знали, но, не раздумывая, взяли капкан и пошли к тому месту, где ее видели. Быстро нашли гнездо, установили в нем капкан, а сами спрятались в кустах. Вскоре прилетела синяя птичка, осмотрелась по сторонам, вспорхнула, села в гнездо — и попалась. Как ни жалко было ребятам чудесной синей птички, все же они отнесли ее к дяде. Обычно скупой, он на этот раз сдержал свое слово (видно, очень дорога была для него эта птичка!) и дал Хасену и Хусаину еще двести рублей, сахару и одежду. Ребята все принесли домой.

Родители очень обрадовались. Но недолго продолжалось счастье в семье бедняка.

Дядя принес синюю птичку домой, зарезал ее и отдал жене.

— Вечером я приду,— сказал он,— а ты к моему приходу свари из нее обед. Смотри, ни одного кусочка этой птички не давай никому!

Жена подумала: «Какой из этого обед?» Но мужу перечить не стала, очистила птичку, разрезала, бросила в казан, залила водой и поставила на огонь, а сама пошла к соседке и засиделась там заговорившись.

Хасен и Хусаин, сгорая от любопытства, решили узнать, что сталось с птичкой. Войдя в комнату дяди, они увидели, что никого нет и что над казаном поднимается густой пар.

— Не наша ли птичка варится? — спросил удивленно Хасен.

— Неужели она? — не меньше удивился Хусаин. Они подошли к казану, приоткрыли засаленную крышку и убедились, что варится та самая птичка, которую они поймали.

— Неужели мы не попробуем птички, которую мы сами поймали? — спросил Хасен.

— Конечно, попробуем кусочек! — ответил Хусаин.

Они выловили ложкой сердце птички, поделили его пополам, съели и ушли.

Пришла хозяйка, решила проверить, все ли в порядке с обедом. Взяла ложку, выловила все мясо—и побледнела: сердце исчезло. «То-то попадет мне от мужа. И надо было так долго засиживаться в гостях!»— ругала она себя. Но словами делу не поможешь. Вышла она во двор, поймала петуха, зарезала его, вынула у него сердце, бросила в казан и успокоилась.

Вечером пришел муж. Обед оказался очень вкусным. Когда покушали, муж хитро подмигнул жене и, улыбнувшись, сказал:

— Ну, жена бог нам счастье послал! Утром, когда проснемся, под подушкой у нас будет золото.

Ничего не сказала в ответ жена, потупила взгляд и пошла стлать постель. Наутро проснулись они, заглянули под подушку — никакого золота нет. Перетрясли всю постель — золота так и не было.

Велико было удивление Хасена и Хусаина, когда они, проснувшись утром, обнаружили у себя в изголовье по целому мешку золота. Не меньше ребят были удивлены и обрадованы родители. Отец Хасена и Хусаина, никогда не видавший так много золота, перепугался и кинулся к своему брату за советом.

— Ой-ой, брат, скажи мне, что такое случилось? Утром в

изголовье наших ребят мы нашли по мешку золота. Худо это или хорошо?

Глаза торговца заблестели от зависти, но, нахмурив брови и глядя в землю, он громко заговорил.

— Скверное дело. Это вмешались духи. Я как-то спрашивал у хазрета об этом, и он, по милости аллаха, ответил: «Дух испортил такого человека, его надо немедля повесить...» Возьми ты их, увези куда-нибудь и убей, иначе не будет тебе в жизни добра от таких детей!

Отец вернулся домой опечаленный. И так и эдак думал он, наконец решил: «Нет, убивать своих детей я не могу. Уведу их подальше в степь или в лес, чтоб глаза мои их не видели и уши не слышали». Утром он попросил у соседа арбу, посадил в нее детей и сказал:

— Нынче я отвезу вас туда, где много-много ягод. Вечером я за вами приеду, а вы должны собрать мешок ежевики.

Долго ехали они степью, наконец очутились на опушке дремучего леса. Меж стволами деревьев переплелись густые кустарники, и ребята увидели много ягод.

— Ну вот, дети, оставайтесь здесь, собирайте ягоды.

Больше отец ничего не мог сказать, отвернулся и плача, пошел к лошади.

Долго собирали Хасен и Хусаин ежевику, присели отдохнуть, поджидая отца — вот-вот приедет. Отец так и не приехал. Пришлось ребятам ночевать в лесу. Наутро проснулись они, смотрят, а под головами у них опять появилось по мешку золота. Не дотронулись до него ребята, бросили на том месте, где ночевали, пошли по лесу, куда глаза глядят. Повстречали на пути старика-охотника.

— Здравствуйте, дедушка,— сказали в один голос ребята.

— Здравствуйте, дети! Откуда и куда идете?

— Откуда, не знаем, лес большой, а идем до первой встречи. У кого нет дочерей — сойдем за дочерей, у кого нет сыновей — за сыновей.

— У меня ребят нет, будете мне сыновьями? Пойдете ко мне?

— Пойдем,— согласились ребята.

Старик был на лошади. Усадив на нее ребят, он сказал:

— Езжайте, лошадь сама привезет вас к моему жилью.

Ребята поблагодарили старика и не остались в долгу:

— Дедушка,— сказали Хасен и Хусаин,— там, где мы спали, лежат два полных мешка золота!

Долго жили Хасен и Хусаин у старика-охотника, привыкли к лесной жизни, научились хорошо стрелять, сами стали опытными и смелыми охотниками. К этому времени бедный когда-то старик был уже самым богатым человеком в окрестности.

Когда ребята подросли, золото перестало появляться у них под подушками. Однажды они долго беседовали между собой и вспомнили всю свою прошедшую жизнь.

— Знаешь ли ты, Хусаин, старую пословицу?— сказал Хасен.— «Собака, где ни бродит, всегда вернется туда, где нашла кость с мясом, а человека всегда тянет к тем местам, где он родился». Пойдем, Хусаин, разыскивать своих родителей!

— Мысли моего брата — мои мысли, куда ты — туда и я,— ответил Хусаин.— Пойдем!

Они пошли к старику, чтобы сообщить ему свое решение. Пожалел старик-охотник молодых жигитов и сказал:

— Могу дать вам в подарок гурт скота, да вижу,— не нуждаетесь вы в нем. Желаю вам счастливого пути и успеха в поисках родителей.

Дал старик Хасену и Хусаину двух лучших скакунов, и, по-

прощавшись, они поехали. Ехали они целый месяц и наконец увидели, что дорога раздвоилась.

— Наши пути расходятся,— сказал Хасен,—ты езжай вправо, а я поеду влево.

— Пусть будет так,— ответил Хусаин.—Где бы мы ни были, на обратном пути встретимся здесь!

У развилки дорог они воткнули в землю нож.

— Жив или мертв будет каждый из нас, покажет этот нож,— сказали они.—Если кто из нас умрет, половина ручки, обращенная в сторону его дороги, должна сгореть.

Попрощавшись, Хасен и Хусаин поехали в разные стороны. Пусть едет Хусаин — у него своя дорога, сейчас рассказ будет о Хасене.

* * *

Хасен миновал несколько перелесков и выехал в открытую степь; перед ним раскинулся большой город. Чем ближе подъезжал Хасен к городу, тем больше он удивлялся: всюду видны были черные флаги, большие черные полотнища окутывали дома.

— Почему ваш город в трауре?—спросил Хасен первую встречную старуху.

— Видно, не нашего города ты житель,— ответила старуха.— Что ж, изволь, если хочешь, скажу! Появился у нас прожорливый семиглавый змей. Каждый день даем мы ему одну девушку и одного зайца. Сегодня пришла очередь отдать змею дочь хана. Хан объявил всюду: если кто убьет змея и спасет Ханшаим, за того он выдаст ее замуж. Только не отыскался еще такой смельчак в городе, вот хан и приказал вывесить всюду черные флаги.

Хасен прямо направился к хану. Хана дома не оказалось, а

рядом с ханскими покоями в одной из комнат Хасен увидел связанного зайца и с ним девушку неописуемой красоты. Черные косы ее блестели, как шелк, жгучий взгляд был равен ослепительным лучам солнца. Увидев Хасена, Ханшаим вздрогнула.

— Не пугайся,— успокоил ее Хасен.— Если я спасу тебя от змея, чем ты сможешь меня отблагодарить?

— Если б ты освободил меня, я бы вышла за тебя замуж.

Хасен присел рядом с ней на корточки, подумал немного и сказал:

— Я много проехал нынче и сильно устал. Лягу отдохнуть, а когда появится змей, ты меня разбуди.

Хасен уже крепко спал, когда вдруг что-то застучало, загремело, и дверь широко распахнулась. Ханшаим оцепенела от ужаса, увидев на пороге голову змея, и скорей стала будить Хасена.

Крепко спал утомленный Хасен. Он не проснулся даже от криков девушки. Змей приближался. Ханшаим, потеряв все надежды на спасение, покорилась судьбе и, склонившись над Хасеном, горько оплакивала приближение смерти. Горячие, крупные слезы девушки упали на лицо Хасена и обожгли молодого жигита.

Проснувшись, Хасен увидел змея. Выхватив из-за пояса тесак, Хасен взмахнул им, и все головы змея разом полетели прочь.

Ханшаим обрадовалась и, сняв с пальца золотое кольцо, отдала его Хасену. Хасен ушел из дворца, а в это время в дверь случайно заглянул визирь хана. Увидев, что девушка жива, а змей убит, визирь удивился, но вмиг сообразил, что подвернулся удобный случай возвыситься перед ханом. Не показавшись девушке, он поспешил уйти и предстал перед ханом с неожиданной радостной вестью.

— Я собственноручно убил змея и спас Ханшаим!—сказал визирь.— Сдержи обещание, хан: пусть Ханшаим станет моей женой!

— Да будет так!— ответил хан. Он приказал вывесить по всему городу белые флаги, украсить все дома белыми полотнищами, чтобы все население знало, что хан освободился от семиглавого змея. Созвали всех мулл, чтобы справить свадьбу дочери с визирем. В это время появился в ханском дворце Хасен. Услышав, как визирь хвастливо рассказывал о своей победе над змеем, Хасен, указывая на визиря, сказал:

— Это лгун и трус! Чем ты можешь доказать правоту своих слов? Змея убил не ты, а я!

Все обернулись к Хасену и стали его разглядывать.

— А чем докажешь ты?— надменно возразил визирь.

— У меня есть доказательство,— сказал Хасен, доставая из кармана кольцо и показывая его всем собравшимся.

— Он украл это кольцо у Ханшаим!— закричал рассвирепевший визирь.

— Если ты убил змея,— сказал Хасен,— значит, ты сможешь поднять его мертвого и перебросить на другое место.

Напрасно визирь пытался поднять змея, он не мог даже сдвинуть его. Тогда подошел Хасен, легко поднял змея и выбросил его через окно в реку. Тут Ханшаим, которую вызвал хан для свидетельства, указала на Хасена:

— Меня освободил этот молодой жигит, и ему я дала кольцо,— сказала она.

Хан выгнал прочь визиря и, выдав за Хасена свою дочь, сделал его своим приближенным.

Скоро Хасену стало скучно жить при ханском дворе в роскошных палатах, и он стал часто отлучаться на охоту. Однажды в жаркий полдень он ехал по берегу реки. Его сопровождал кра-

сивый охотничий пес. Вдруг неожиданно подул ветер, похолодало, и посыпал густой снег. Хасен начал осматриваться, где бы укрыться от ветра и снега и согреться, и увидел вблизи одинокую ель. Высокая и стройная, покрытая мягким снегом, она напоминала большой шатер. Хасен укрыл под ней коня и собаку, наломал сучьев, разложил костер и стал греться. Тут он заметил на дереве среди ветвей старуху — сидит и жалобно плачет, будто вьюга завывает.

— Что ты плачешь?— спросил Хасен.— Может, озябла? Слезай, подойди к огню, погрейся.

— Я бы слезла, сынок,— говорит старуха,— да собаки боюсь. Дай мне твою палочку!

Хасен протянул ей палочку, чудодейственной силы которой он не знал. Старуха взмахнула ею над конем, над собакой и над Хасеном — все трое превратились в камни и так и остались под елью.

Пусть Хасен останется в лесу, превращенный в камень, сейчас рассказ будет о Хусаине.

После разлуки с братом он тоже вскоре стал ханом и жил в одном большом городе. В тот день, когда Хасена не стало в живых, загрустил Хусаин и решил ехать на поиски брата. Снарядив коня, Хусаин отправился в путь и наконец подъехал к тому месту, где разошлись их дороги. Нож оставался на прежнем месте, только та половина, которая была обращена в сторону пути Хусаина, была цела, а другая половина обгорела. Хусаин понял, что Хасен умер. Заплакал он и решил: «Не живого — так мертвого поеду искать!»

Повернув коня на дорогу, по которой уехал брат, Хусаин вскоре очутился в том городе, в котором жил Хасен. С почетом приняли его там и отвели во дворец. Тут Хусаин встретил моло-

дую женщину и узнал, что она была женой его пропавшего брата.

Слишком радушный прием и радостное настроение визиря, который опять вернулся ко двору, вызвали у Хусаина подозрение. «Что-то здесь неладно,— подумал он.—Уж не жертвою ли этого визиря стал мой бедный брат?» Всю ночь думал об этом Хусаин, а утром, узнав от Ханшаим, что брат пропал на охоте, поехал сам берегом реки на поиски.

Так же, как и Хасена, Хусаина захватила вьюга. Ель, которая стала пристанищем и могилой брата, приютила и Хусаина. Разведя костер, он также увидел среди ветвей старуху и тоже пожалел ее.

— Слезай, бабушка, с дерева, погрейся,—сказал он.

— Я бы слезла, сынок,—говорит старуха,— да собаки боюсь; погоди, я ей палочкой погрожу!

Хусаин посмотрел на старуху, и словно что-то кольнуло его в сердце. Он встал с камня, на котором присел, и поднял ружье.

— А ну-ка, слезай, не то пристрелю,— сказал он прицеливаясь. Старуха дрожа слезла с дерева.

— Кажется мне, что ты знаешь, где мой брат; говори, или убью,— приказал он.

— Камень, на котором ты сидел, и есть твой брат,— ответила старуха.— Визирь приказал мне заманить его и убить. Пощади меня, я верну тебе брата. Возьми спрятанную в ветвях ели палочку и взмахни ею.—Хусаин так и сделал—вмиг перед ним вместо камня, на котором он сидел, оказался Хасен. Нельзя описать, как обрадовались братья после долгой разлуки.

Долго гостил Хусаин у Хасена и однажды сказал ему:

— А теперь, Хасен, я тебе напомню пословицу, которую ты мне сказал у старика-охотника: «Собака ищет место, где сыта

бывает, а человек — где родился». Не думаешь ли ты, что пора нам поехать на поиски родителей?

— Хоть и переврал ты пословицу, но я согласен. Если мы думаем найти их живыми, откладывать больше нельзя.

Как порешили, так и сделали. С первым же торговым караваном Хасен и Хусаин отправились в путь и наконец в праздничный день въехали на ярмарочную площадь города. Здесь они встретили своего дядю, богатого купца, который проходил меж торговых рядов и встречал каждый новый караван. Племянников он не узнал, а когда они назвали себя, тотчас стал льстить, заискивать и готов был целовать им руки.

— А где наши отец и мать?— одновременно спросили Хасен и Хусаин.

— Здесь, в городе. Только зачем вам старики, которые давно уже не видят света? Я вижу, вы достаточно богаты,—сказал дядя.

Спросами и расспросами Хасен и Хусаин нашли на окраине старую полуразвалившуюся лачужку. Окон в ней не было, в темноте не видно было, кто в ней находится. Хасен и Хусаин зажгли огонь и увидели перед собой своих слепых стариков в грязной, изношенной в клочья одежде.

— Отец! Мать! Что с вами случилось?— вскричал Хасен.

— Вы совсем не видите света?— спросил Хусаин.

Мать заплакала, услышав родные голоса. Отец замахал руками и заговорил:

— Неужели есть еще на свете такой человек, который ищет меня? Неужели мои сыновья, которые давно умерли, пришли навестить меня?

Хасен и Хусаин рассказали все по порядку, где жили, что видели и как наконец попали к родителям.

— Почему ты тогда бросил нас в лесу, неужели погнался за золотом?— спросил Хасен отца.

— Почему ты не приехал тогда за нами, ведь у нас было еще больше золота?— спросил с упреком и Хусаин.

— Не обижайтесь, дети мои, иного выхода не было,— заплакал старик.— Ваш дядя сказал мне, что по воле аллаха я должен убить вас, потому что вами овладел злой дух. Я не мог этого сделать, я поступил как родной отец. Разлука с вами была нам тяжела, и вы видите, как мы живем,—ваш богатый дядя ни в чем нам не помог. Самое тяжелое наказание для нас это то, что мы не можем вас видеть.

Старик умолк. Хасен и Хусаин на время покинули лачужку. Они пошли на ярмарку, отыскали своего жадного до наживы дядю и бросили его в глубокий колодец.

ЧУДЕСНЫЙ САД

Жили некогда два друга бедняка — Асан и Хасен. Асан обрабатывал клочок земли, Хасен пас свое маленькое стадо, и так добывали они себе скудное пропитание. Оба друга были вдовцами, но у Асана была красивая и ласковая дочь — его утешение, а у Хасена сильный и послушный сын—его надежда.

В одну из весен, когда Асан готовился выйти на свое поле, Хасена постигла беда: степь поразил джут, и все бараны бедняка пали.

Весь в слезах, опираясь на плечо сына, прибрел Хасен к другу и сказал:

— Асан, я пришел проститься с тобой. Стадо мое погибло, без него скоро должен буду погибнуть и я.

Услышав эти слова, заплакал и Асан и, прижимая Хасена к груди, проговорил.

— Друг мой, тебе принадлежит половина моего сердца, не отказывайся же, прими и половину моего поля. Утешься, возьми кетмень и с песней принимайся за работу.

С той поры и Хасен сделался земледельцем.

Шли дни, шли месяцы, шли годы. Однажды Хасен вскапы-

вал свое поле и вдруг услышал из-под кетменя какой-то странный звон. Он стал поспешно рыть землю в этом месте, и вскоре его глазам открылся старый казан, доверху наполненный золотыми монетами.

Не помня себя от радости, Хасен схватил казан и бросился стремглав к землянке друга.

— Веселись, Асан — кричал он на бегу,— веселись, к тебе пришло счастье! Я вырыл на твоей земле казан, полный золота. Теперь ты избавился от нужды!

Асан встретил его приветливой улыбкой и отвечал:

— Я знаю твое бескорыстие, Хасен, но это твое золото, а не мое. Ведь ты нашел клад на собственной земле.

— Я знаю твое великодушие, Асан,— возразил Хасен,—но, подарив землю, ты не дарил мне того, что скрыто в ее недрах.

— Дорогой друг,— сказал Асан,— все, чем богата земля, должно принадлежать тому, кто эту землю полил потом:

Долго они спорили. Наконец Асан сказал:

— Покончим с этим, Хасен! У тебя есть жених-сын, у меня — невеста-дочь. Они давно любят друг друга. Давай поженим их и отдадим им это золото. Пусть наши дети не будут знать бедности.

Когда друзья объявили о своем решении детям, те едва не умерли от счастья. В этот же день была отпразднована веселая свадьба. Юноша и девушка поселились в землянке Хасена, а Хасен перебрался к Асану.

На другой день, лишь только начало светать, молодожены явились в отцовскую землянку. Лица их были озабочены, а в руках они держали казан с золотом.

— Что случилось, дети?—тревожно воскликнули Асан и Хасен. Какая беда подняла вас так рано?

— Мы пришли сказать вам,—отвечали молодые люди,— что не годится детям владеть тем, чем пренебрегли их родители. Мы богаты и без этого золота. Наша любовь драгоценнее всех сокровищ мира.

И они поставили казан посредине землянки.

Тогда снова начался спор о том, кому же следует распоряжаться кладом, и длился он до тех пор, пока не надумали все четверо отправиться с золотом к одному знаменитому мудрецу, жившему далеко в степи. Шли они степью много дней и вот пришли к кибитке мудреца. Кибитка одиноко стояла среди степи, была черна и убога. Путники вошли в кибитку и с поклоном предстали перед мудрецом.

Мудрец сидел на обрывке ветхой кошмы. Рядом с ним, по два с каждой стороны, сидели четыре его ученика.

— Что за нужда привела вас ко мне, добрые люди?—спросил мудрец пришедших. И те рассказали ему о своем споре. Выслушав их, мудрец долго сидел в молчании, а затем, обратившись к старшему ученику, спросил:

— Скажи, как разрешил бы ты на моем месте тяжбу этих людей?

Старший ученик ответил:

— Я бы приказал отнести золото хану, ибо он владыка всех сокровищ на земле.

Мудрец нахмурил брови и спросил второго ученика:

— Ну, а ты какое решение принял бы на моем месте?

Второй ученик ответил:

— Я бы взял золото себе, ибо то, от чего отказываются тяжущиеся, по праву достается судье.

Еще больше нахмурился мудрец, но все так же спокойно задал вопрос третьему ученику:

— Поведай нам теперь, как бы ты вышел из затруднения?

Третий ученик отвечал:

— Раз это золото никому не принадлежит и все от него отказываются, я повелел бы снова зарыть его в землю.

Совсем стал мрачен мудрец и спросил четвертого, самого младшего ученика:

— А ты что скажешь, мое дитя?

— О мой учитель!—отвечал младший ученик,—прости мне мою простоту, но вот мое решение: я вырастил бы на это золото в пустой степи большой и тенистый сад, чтобы в нем могли отдыхать и наслаждаться плодами все усталые бедняки.

При этих словах мудрец поднялся со своего места и со слезами на глазах обнял юношу.

— Поистине правы те,— сказал он,— кто говорит: «Считай старше себя и молодого, если он умен». Суд твой справедлив, дитя мое. Возьми же это золото, отправляйся в ханскую столицу, купи там лучших семян и, возвратившись, вырасти сад, о каком ты говорил. И пусть вечно живет среди бедняков память о тебе и об этих великодушных людях, что принесли золото.

Юноша сейчас же положил клад в мешок и, вскинув его на плечи, двинулся в путь.

Долго он странствовал по степи и наконец благополучно достиг столицы ханства. Придя в город, он сразу отправился на базар и стал бродить среди шумной толпы в поисках торговцев плодовыми семенами.

Долго бродил он, разглядывая выставленные возле лавок диковинные предметы и яркие ткани. Вдруг за его спиной раздался звон караванных бубенцов и послышались пронзительные крики. Юноша обернулся и увидел: через базарную площадь проходил бесконечный караван, груженный удивительной поклажей,— вместо тюков с товарами на верблюдов были

навьючены живые птицы, тысячи птиц, какие только гнездятся в горах, в лесах, в степи и в пустыне. Они были связаны за лапки, крылья их, помятые и истрепанные, мотались, как лохмотья; тучи разноцветных перышек вились над караваном. При каждом движении каравана птицы бились головками о верблюжьи бока, и из их открытых клювов вырывались жалобные крики. Сердце юноши сжалось при виде такого зрелища. Протолкавшись сквозь толпу любопытных, он подошел к караван-баши и, почтительно поклонившись, спросил:

— Господин, кто обрек этих прекрасных птиц на такую страшную муку, и куда вы с ними держите путь?

Караванбаши ответил:

— Мы держим путь ко дворцу хана. Птицы эти предназначены для ханского стола. Хан заплатит нам за них пятьсот червонцев.

— Отпустишь ли ты их на волю, если я дам тебе золота вдвое больше,—спросил юноша.

Караванбаши взглянул на него насмешливо и продолжал свой путь.

Тогда юноша сбросил с плеч кожаный мешок и раскрыл его перед караванбаши. Караванбаши остановился, не веря своим глазам, а сообразив, какое богатство ему предлагают, тотчас же приказал караванщикам развязать птиц.

Едва почувствовав свободу, птицы разом взвились в небо. Было их так много, что в одно мгновение день превратился в ночь, а от взмахов крыльев по земле пронесся ураган.

Юноша долго следил за удаляющимися птицами, и когда они скрылись с глаз, поднял с земли пустой кожаный мешок и пустился в обратную дорогу. Сердце его ликовало, ноги неслись легко, из уст сама собой лилась веселая песня.

Но чем ближе он подходил к родным местам, тем все больше

завладевало им горькое раздумье и раскаяние, все больше теснило грудь.

— Кто дал мне право распоряжаться по своей прихоти чужим богатством? Не сам ли я вызвался посадить сад для бедняков? Что скажу я теперь учителю и тем простодушным людям, что ждут моего возвращения с семенами?

Так сетовал на себя юноша. Мало-помалу отчаяние совсем овладело им, и он, упав на землю, стал плакать, призывая смерть на свою голову. В конце концов горе так истомило его, что он крепко заснул.

И снится ему сон: неведомо откуда на грудь к нему слетела прелестная пестрая птичка и вдруг запела чудным голосом:

— О добрый юноша! Забудь, забудь свою печаль! Вольные птицы не могут вернуть тебе золота, но они по-иному вознаградят тебя за твое милосердие. Проснись скорей, и ты увидишь нечто такое, что сразу осушит твои слезы.

Пропев так, птичка вспорхнула и улетела. Юноша открыл глаза и замер от удивления. Вся широкая степь была покрыта дивными птицами, занятыми непонятным делом.

Птицы разгребали лапками в земле ямочки, роняли в них из клюва белые семена и вновь заметали крыльями.

Юноша пошевелился, и в тот же миг птицы снялись с земли и устремились к небу. И снова день превратился в ночь, и от взмахов крыльев по земле пронесся ураган. Но вслед за тем случилось еще большее чудо: из каждой ямочки, выкопанной птицами, вдруг потянулись зеленые побеги, они росли все выше и выше и вскоре превратились в могучие ветвистые деревья, роскошно убранные блестящими листьями. Не прошло и мгновения, как ветви деревьев уже покрылись невиданными пышными цветами, наполнившими воздух сладким благоуханием. За-

тем цветы облетели, а вместо них на ветвях закачались великолепные золотистые яблочки.

Величественным яблоням, покрытым корой, точно из янтаря, не было числа и счета. Между стройными стволами повсюду виднелись тучные виноградники, заросли жигиды и урюка, светлые лужайки, покрытые буйной травой и яркими тюльпанами. Тенистые тропинки были выстланы нежными лепестками цветов, только что опавших с деревьев. По сторонам тропинок звучно журчали студеные арыки, выложенные разноцветными драгоценными камешками. А вверху над головой непрестанно порхали и щебетали птички, такие же красивые и голосистые, как и та, что привиделась юноше во сне.

Юноша в изумлении оглядывался по сторонам и все не мог поверить, что видит сад наяву. Чтобы испытать себя, он громко крикнул и ясно услышал свой голос, многократно повторенный эхом. Видение не исчезло. Тогда он изо всех сил устремился к кибитке мудреца и рассказал там обо всем, что с ним случилось. Выслушав его рассказ, и мудрец, и три его ученика, и Асан с Хасеном, и их дети пожелали немедленно увидеть сад.

В скором времени слух о чудесном саде разнесся по всей степи. Первыми к саду прискакали на своих борзых иноходцах всадники белой кости. Но лишь только они достигли опушки, как перед ними выросла высокая ограда с железными воротами на семи замках. Тогда они встали на резные седла и пытались через ограду дотянуться до золотых яблок.

Но всякий из них, кто прикасался к плоду, сразу терял силы и замертво валился на землю. Увидев это, всадники белой кости в страхе и ужасе повернули коней и умчались в свои аулы.

Вслед за ними к саду со всех сторон потянулись толпы бедняков. При их приближении замки упали с железных ворот и

ворота широко распахнулись. Сад наполнился народом — мужчинами и женщинами, стариками и детьми. Они расхаживали по тропинкам, топча лепестки, и лепестки не увядали; они пили воду из арыков, и вода не мутилась; они срывали с деревьев плоды, а плодов не убывало. Весь день не умолкали в саду звуки домбры, веселые песни, громкий смех.

Когда же наступило время ночи и на землю спустился мрак, из яблок вдруг заструился мягкий голубой свет и птицы запели тихую и сладкую песню. Тогда бедняки улеглись на душистой траве под деревьями и заснули крепким сном, довольные и счастливые в первый раз за всю свою жизнь.

УШКО

Жили в степи бездетные старик и старуха. Раз старуха попросила мужа:

— Принеси мне бараньи ушки.

Старик пошел по аулам и там, где резали барана, просил:

— Отдайте мне бараньи ушки.

Скоро он собрал сорок ушей и принес их домой.

В юрте ушки ожили, стали бегать и играть. Вначале весело было, но скоро надоели ушки старику и старухе.

Едят ушки — мимо рта проносят. Ложатся в постель—ссорятся. Садятся — друг друга давят.

— Да это прямо беда!— заговорили старик со старухой и прогнали сорок ушей из юрты.

Скоро у черной одногорбой верблюдицы родился верблюжонок. Доит старуха верблюдицу и ругает старика:

— Чтоб тебе, старик, иссохнуть — прогнал все ушки! Если бы у нас было Ушко, посадили бы мы его у котла, и лизал бы он молочную пенку.

— А я здесь! — крикнул Ушко из-под кошмы, куда он спрятался раньше.

Обрадовались старик со старухой, стали поить и кормить его. Ушко бегает, играет, даже на коне выучился ездить.

Раз собрался старик ехать в город за солью, но перед самым отъездом заболел.

— Дай я съезжу!— предложил Ушко.

— Поезжай!

Поехал Ушко на черной одногорбой верблюдице. В городе, у лавки на всех верблюдов навьючили вьюки с солью. Только черная верблюдица осталась без вьюка.

— Где хозяин этой верблюдицы?— кричал торговец.— Что ему надо?

— На мою верблюдицу положите три мешка соли! — крикнул в ответ Ушко.

Оглянулся торговец, никого не увидел. Все же велел он приказчикам навьючить соль.

— Моя черная верблюдица, иди к нашему аулу! — погонял Ушко.

Отправилась верблюдица знакомой дорогой. Ехали-ехали — пошел дождик. Ушко слез и спрятался под листочком, а верблюдица принялась щипать траву, да и проглотила незаметно Ушко.

Наелась верблюдица и пошла домой. Пришла она к хозяйской юрте. Выбежали старик со старухой, сняли с верблюдицы соль.

— А где же Ушко?

— А я здесь!

— Где?

— Если вы меня любите больше верблюдицы, зарежьте ее и найдете меня.

Старик зарезал верблюдицу, но Ушка не нашел. Желудок верблюдицы, где был Ушко, старуха бросила подальше в овраг.

Ночью волк съел желудок

Целый день проспал волк, а вечером когда проголодался, побежал к овечьему стаду. Крадется волк к ягненку, а Ушко как крикнет:

— Пастух! Волк прибежал!

Испугался серый и спрятался в лесную трущобу. С тех пор плохо стало волку жить. Как только подкрадется он к добыче, Ушко кричит:

— Берегись! Волк прибежал!

Ходит волк голодный, шерсть на нем повисла клочьями, силы совсем не стало. Пошел он за советом к лисе и жалуется:

— Дорогая моя, избавь от беды. Злой дух вселился в меня, смерти моей хочет!

— Не печалься, дорогой, злого духа выгнать очень просто.

— Весь век буду твоим должником, только научи как,— просит волк лису.

— Бегай по степи без передышки, вспотей, а потом ляг на лед и усни.

Собрал волк последние силы, стал по степи кружить. Все суслики выскочили из нор, на волка смотрят, удивляются:

— Видно, серый ума лишился!

Когда на волке не осталось ни одной сухой шерстинки, побежал он к замерзшему озеру, лег на лед и уснул.

Проснулся волк от стука копыт, хотел вскочить, но бок у него ко льду примерз. Рванулся волк, клочья шерсти на льду оставил, а убежать не мог.

Двое всадников налетели тут на него и убили.

Сняли они с волка шкуру, привязали к седлу. А Ушко незаметно спрятался у одного из всадников в кармане.

В дороге путников застала ночь. Подъехали они к юрте, просятся ночевать.

— Сколько вас?

— Двое.

— Нет, трое! — закричал Ушко.

Гости остались ночевать в этой юрте. Хозяин зарезал барашка. Хозяйка поставила на огонь казан с мясом.

Когда сели ужинать, Ушко не пригласили. Он поближе подвинулся к казану, его отпихнули. Обиделся Ушко и ночью решил отомстить хозяевам.

Зарезал Ушко козла. Козлиную тушу положил между гостями, а голову козла — между мужем и женой. Все вещи в юрте передвинул и давай в колотушки стучать и кричать:

— Волки! Волки! Спасайте овец!

Все сразу проснулись. В темноте начался шум и поднялась возня.

Путники, ощупывая козлиную тушу, кричали:

— Ты козлом стал!

— Сам ты козел!

Больше всех вопил хозяин, жалея овец. Хозяйка взяла в руки козлиную голову и громко заплакала:

— Ой-бой, одна головушка осталась мне от мужа!

А Ушко посмеиваясь оседлал коня и, напевая песенку, поехал в свой родной аул.

БЕКБОЛАТ

В старое время жил в степи бедный казах. Было у него четыре сына. Тяжело жилось им, голодали часто и вот пришлось им однажды зарезать своего последнего барана. Половину семья съела сразу, за ужином, а половину оставила в котле на следующий день.

Ложась спать, отец объявил семье:

— Остальное мясо завтра съест тот, кто увидит лучший сон.

На другой день утром сыновья стали рассказывать кто что видел во сне.

— Я пас огромное стадо овец богача!— сказал старший сын.

— Я получил первый приз в кокпаре![1]—похвастался второй.

— Я женился на ханской дочке!—сообщил третий.

— Я тоже женился на дочери хана!— перебил четвертый сын, юноша Бекболат.—Я сделался ханом, а потом разыскал вас. Вы же бродили по аулам и нищенствовали.

— Я во сне доила овец!— вставила мать.

Отец избил Бекболата за плохой сон и прогнал, а сам рас-

[1] Кокпар — особого рода состязание на конях, «козлодрание».

сказал, что во сне летал он под облаком на белоснежном крылатом коне — тулпаре.

Сон старика показался его жене и сыновьям лучше всех. Отец и съел один оставшееся мясо.

Бекболат покинул отцовскую юрту и пошел скитаться из одного аула в другой.

Однажды остановился юноша у крайней юрты и услышал, как старик и старуха горевали, что у них нет детей.

— Если бы аллах послал нам какого-нибудь сироту!—говорил старик.— Мы приютили бы его и усыновили. Вот было бы для нас счастье.

Бекболат обрадовался и вошел в юрту. Хозяева стали расспрашивать его, кто он, откуда и куда идет.

— Я круглый сирота,—ответил юноша.—Хожу по аулам и собираю милостыню.

Переглянулись старики и сказали гостю:

— Это аллах услышал нашу молитву и послал тебя. Оставайся у нас и будь нашим сыном.

Бекболат с радостью согласился. Остался он у добрых людей и стал помогать старику пасти баранов и ловить рыбу.

Однажды пошел Бекболат рыбачить. Попалась ему на удочку такая громадная рыба, что он не смог ее вытащить. Пришли на подмогу старик со старухой. Потащили они втроем и тоже не могли ничего сделать.

Сказал старик Бекболату:

— Ты держи удочку и не пускай рыбу!

Жену он послал домой приготовить все для стряпни, а сам вскочил на лошадь и поскакал в соседний аул звать людей на подмогу.

Как только старик и старуха удалились, из воды показалась невиданных размеров рыба и заговорила человеческим голосом:

— Отпусти меня, Бекболат. Не забуду я твою услугу и в трудную минуту тебе помогу.

— Как же ты сможешь мне помочь?— спросил Бекболат.— Ты уплывешь, и я тебя не найду.

— А ты выдерни у меня одну чешуйку,— ответила рыба.— Зажги ее, когда потребуется моя помощь, я приду.

Вырвал Бекболат чешуйку, а рыбу отпустил на волю.

Вернулся старик вместе с жигитами. Видя их приближение, Бекболат забросил удочку в воду.

— Где рыба? — спросил старик.

— Не сумел удержать, ушла!

Страшно рассердился старик, побил Бекболата и прогнал его из дому.

Пошел опять Бекболат скитаться из одного аула в другой.

Встретил он однажды на своем пути верблюжонка с золотистой шерстью. За ним гнался волк. Верблюжонок подбежал к Бекболату и сказал:

— Спаси меня, я тебе пригожусь.

Бекболат отогнал волка, а верблюжонок сказал:

— Вырви одну волосинку из моей шерсти. Когда я понадоблюсь, зажги ее, я приду.

Пошел Бекболат дальше. Видит — летят два орла, а за ними гонится птица бидаик. Подлетели орлы к Бекболату и просят:

— Спаси нас, мы тебе пригодимся.

Отогнал Бекболат птицу бидаик и выручил орлов из беды.

Сказали орлы юноше:

— Вырви у нас по перышку, а когда тебе потребуется наша помощь — зажги их. Мы сразу прилетим к тебе.

Вырвал Бекболат у орлов по перышку и зашагал своей до-

рогой. Видит, бежит навстречу лиса, а за ней летит беркут. Подбежала лиса к Бекболату и умоляет его:

— Спаси меня от беркута. Я тебе тоже пригожусь когда-нибудь.

Спас Бекболат лису. Говорит она ему:

— Выдерни из моей шкурки одну волосинку. Когда я потребуюсь тебе, зажги ее, ждать себя не заставлю.

Выдернул Бекболат волосинку и пошел дальше.

Шел он долго, наконец увидел аул. Зашел юноша в крайнюю юрту, в ней жили бездетные старик и старуха. Понравился им Бекболат, и оставили они его у себя вместо сына.

Стал жить Бекболат у стариков и помогать им по хозяйству.

Прошло несколько лет, и превратился он в стройного и красивого жигита.

Однажды прошел по степи слух, будто красавица Кара-аю, дочь хана Акбузау, хочет выйти замуж без калыма.

Стал Бекболат расспрашивать людей, правда ли это? Оказалось, слух правильный. Красавица Кара-аю ставит только одно условие жениху: он должен суметь спрятаться от нее три раза. И если Кара-аю хотя бы раз не обнаружит его, тогда она выйдет за него замуж без калыма. А если найдет все три раза, то снимет с жениха голову. Немало людей уже погибло от руки красавицы, но все же появлялись новые смельчаки, желавшие попытать счастья.

Бекболат решил отправиться к Кара-аю. Новые родители долго не пускали его, но он настоял на своем и ушел.

Кара-аю, увидев Бекболата, сказала:

— Ты будешь три раза прятаться от меня, а я буду тебя искать. Если найду — отрублю голову.

— Хорошо! — ответил Бекболат.— Только не три раза, а четыре.

Қара-аю согласилась.

Вышел Бекболат из дворца, зажег шерстинку верблюжонка. В один миг прибежал верблюжонок. Рассказал ему Бекболат, что ему нужно от него.

— Садись на меня! — предложил верблюжонок и помчался на край света, за Ледовитое море. Спрятал он Бекболата в темном лесу.

Но Қара-аю крикнула:

— Бекболат, ты на верблюжонке ускакал на край света, за Ледовитое море и сидишь под деревом в темном лесу!

— Да,— ответил Бекболат.

Появился жигит во дворце и признался, что один раз он проиграл.

Стал Бекболат второй раз прятаться. Вышел он из дворца и зажег перышки орлов. Вмиг прилетели орлы. Рассказал Бекболат, что ему нужно. Посадили орлы жигита на крылья и поднялись на седьмое небо.

Но Қара-аю снова крикнула:

— Бекболат, возвращайся! Ты на орлиных крыльях улетел на седьмое небо!

— Да,— ответил Бекболат и предстал перед ханской дочерью.

Признался он, что и второй раз проиграл.

Снова жигит вышел из дворца и зажег рыбью чешуйку. Сразу перед ним появилась та самая рыба, которую он отправил в море.

Рассказал Бекболат, зачем он ее вызвал. Проглотила рыба жигита и опустилась на дно океана. Там спряталась она за большим камнем.

И опять Қара-аю угадала.

— Бекболат, вижу тебя за большим камнем на дне океана, куда унесла тебя рыба. Выходи!

Бекболат опечалился. Смерть нависла над его головой. Вышел он в четвертый раз и зажег лисью шерстинку. Примчалась сразу лисица. Рассказал ей Бекболат свою беду.

— Не печалься, перехитрим мы красавицу Кара-аю,— успокоила его лиса.— Если в условленный час она закричит: «Бекболат, я тебя не вижу»,— ты молчи. Потом она скажет: «Вырыта норка с запада на восток. Но тебя, Бекболат, и здесь нет!» Тогда ты откликнись и выйди из своего убежища.

Сказав так, лиса вырыла огромную нору, которая начиналась у самого восхода солнца и выходила там, где солнце закатывалось, и проходила эта нора как раз под троном Кара-аю.

— Теперь ты оставайся здесь, никуда не ходи, лежи и не шевелись. А дальше поступай по моему совету.

Попрощалась лиса и ушла своей дорогой.

В условленный час красавица Кара-аю посмотрела всюду и, нигде не найдя Бекболата, крикнула:

— Бекболат, я тебя не вижу!

А Бекболат молчит.

Повторяет Кара-аю.

— Бекболат, я тебя не вижу!

Жигит и на этот раз не откликается.

Сказала Кара-аю:

— Вырыта норка с запада на восток. Бекболат, тебя и тут нет!

Бекболат на этот раз откликнулся: «Нет, я как раз здесь!» И появился перед ханской дочерью из-под самого ее трона. По гордости своей Кара-аю глядела всюду, но никогда не смотрела себе под ноги. Поэтому она и проиграла.

После этого Кара-аю вышла замуж за Бекболата.

Так Бекболат стал ханом.

Он разыскал своих бедных родителей и братьев, терпевших большую нужду.

— Ну как, отец, мой сон, кажется, сбылся? — спросил Бекболат старика.

— Да, ты увидел тогда самый лучший сон! — согласился отец.— Мясо надо было съесть тебе.

Отец был доволен сыном и умер, дожив до глубокой старости.

Братья Бекболата женились на красавицах и счастливо жили возле мудрого брата, которого народ любил за справедливость.

ТРИ ТОВАРИЩА

Жили в юрте три товарища: Скорлупка-Темечко, Волосинка-Горлышко и Соломенные Ножки. Украли они ягненка, зарезали его и решили сварить. Скорлупке-Темечке дали кишки и сказали:

— Поди очисти их!

Скорлупка-Темечко вышел из юрты и стал очищать. Тут слетелись мухи и закружились возле него. Одна села ему на темя. Скорлупка-Темечко ударил по ней и разбил себе тонкий череп.

Товарищи сидят в юрте и ждут, когда он принесет очищенные кишки. Наконец Соломенные Ножки не вытерпел.

— Пойду посмотрю, что он делает.

Вышел он и увидел — Скорлупка-Темечко лежит мертвый с разбитым черепом.

— Ах, как жалко жигита! — сказал Соломенные Ножки и ударил себя руками по ляжкам.

Тонкие, как чий [1], ляжки переломились, упал он и умер.

Вышел, не дождавшись товарищей, и Волосинка-Горлышко, посмотрел на два трупа и удивился.

— Ой-ой! — вскрикнул он.

Тут его горло, тонкое, как волос, разорвалось.

---

[1] Чий — степная трава.

ЖИГИТ И ВОЛЧИЦА

В давние времена жил на свете аксакал. Много было у него лошадей. Случился однажды в степи джут, и пришлось ему отправить свои табуны на далекие пастбища.

Наступила пора вернуться табунам, а они все не возвращаются.

Тогда аксакал послал своего единственного сына на розыски лошадей.

Долго ездил он с жигитами, но лошадей не нашел.

Однажды заехал сын аксакала в далекую лощину и наткнулся на косяк.

Вдруг выскочил огромный волк. Схватил хищник молодую кобылицу, вскинул себе на спину и помчался стрелой.

Сын аксакала кинулся в погоню за волком. Догнал он его, размахнулся, чтобы ударить, но в эту минуту волк крикнул человеческим голосом:

— Не бей меня!

Жигит растерялся от неожиданности и упустил волка.

Подскакали к нему товарищи и спрашивают:

— Почему волка не убил?

— Он человеческим голосом просил, чтобы я его не убивал.

— Рассказывай небылицы!— закричали товарищи.—Разве может волк говорить человеческим голосом?

Снова они бросились в погоню за волком, и снова первым настиг его сын аксакала. Размахнулся он, а волк крикнул:

— Не убивай! Отдам за тебя свою сестру-красавицу.

Снова растерялся жигит и снова упустил волка.

Подскакали к нему товарищи. Узнали, в чем дело, и стали ругаться:

— Что ты болтаешь глупости! Не хочешь бить волка, слезай с коня. Мы сами на нем догоним зверя!

— Ладно! — пообещал жигит.— Теперь обязательно убью волка.

Кинулся он в погоню. Догнал волка, а тот остановился и говорит:

— Убери, жигит, руку. Если не трусишь, пойдем ко мне за красавицей-сестрой.

Жигит подождал товарищей и сказал им:

— Возвращайтесь домой без меня. Я нашел невесту. И рассказал он им все, как было.

— Ой, ой! — воскликнули товарищи.— Ты сошел с ума! Где же это видано, чтобы человек женился на волчице!

— Я знаю, что делаю,— сказал жигит.— Передайте отцу, что я возвращусь ровно через месяц.

Товарищи вернулись домой, а жигит отправился вместе с волком.

Долго ехал он по горам и лощинам. Наконец волк свернул под высокий утес и нырнул в большую пещеру. Вскоре из нее вышла большая желтая волчица. Помогла она жигиту сойти с коня и повела за собой.

В первой берлоге встретили они волчат. Те бросились на жи-

гита, но желтая волчица зарычала на них. Волчата сразу присмирели и улеглись на место.

Во второй берлоге к жигиту подступили, оскалив клыки, старый волк с бурой гривой и старая серая волчица.

— Это жених вашей дочери! — пояснила желтая волчица.— Мясом его лошадей вы питались всю зиму.

Старые волки попятились и мирно улеглись по местам.

Желтая волчица провела жигита в третью берлогу. Здесь были различные кушанья.

— Угощайся! — сказала волчица.

Вечером она приготовила постель и оставила жигита одного, а через некоторое время явилась вместе с прекрасной белой волчицей.

— Вот твоя невеста! — сказала она жигиту и удалилась.

Тут белая волчица сбросила с себя волчью шкуру, и жигит увидел девушку необыкновенной красоты.

Хорошо зажил в берлоге жигит. Днем его вкусно кормили, а вечером, как только заходило солнце, к нему являлась невеста. Она сбрасывала волчью шкуру и превращалась в девушку. Утром красавица опять принимала волчий вид и убегала с волчьей стаей.

Прошел один месяц. Наступил день, когда жигиту надо было ехать домой, к отцу.

Старая волчица дала на прощанье зятю небольшой брусок и сказала:

— Он пригодится тебе в трудную минуту жизни. Когда попадешь в беду, брось его на землю, топни ногой, и тогда сбудется любое твое желание.

— И еще она предупредила зятя:

— Смотри, не выбрасывай волчье одеяние своей жены раньше сорока дней.

Попрощался жигит с волками, взял на привязь белую волчицу и тронулся в путь. По вечерам, когда они останавливались на ночлег, жигит бросал на землю брусок — и перед ними вставала белоснежная юрта, появлялась вкусная пища. Наевшись и выспавшись, они утром снова трогались в дорогу.

Вот, наконец, приехал жигит в свой аул. Привязал он волчицу в кустарнике, а сам направился домой и сказал родне, что привез жену.

— Где же она?

— Вон у того кустарника сидит.

Собрались молодые женщины и девушки со всего аула, пошли встречать невесту. Подходят к кустарнику и видят привязанную волчицу.

Одна девушка догадалась, в чем дело, и говорит:

— Тут рассказывали, что сын аксакала ездил жениться на сестре волка. Уж не эта ли белая волчица его невеста?

Пока девушки переговаривались между собой, подъехал жигит и сказал сердито:

— Что же это вы пришли встречать невесту, а не ведете ее в дом?

Приказал жигит поставить себе отдельную юрту и поселился в ней с белой волчицей. Днем она лежала у входа, а как только наступал вечер и тушили огонь, волчица превращалась в девушку и своей необыкновенной красотой освещала юрту.

Жигит все время проводил с женой. Он редко показывался на людях. Скоро соседи стали над ним посмеиваться.

— Ишь, женился на волчице. Теперь и сам в зверя превратился.

А когда выходил жигит из юрты, кричали ему вслед:

— Эй, муж волчицы!

— Здравствуй, муж волчицы!

Тяжело было жигиту выслушивать насмешки людей. Совсем он перестал выходить из юрты. Наконец не выдержал — на тридцать седьмую ночь, как только жена сбросила волчью шкуру, разорвал ее на части и бросил в огонь.

Испугалась жена и говорит:

— Ну, теперь тебе будет плохо. Нарушил ты свое обещание. Не выждал сорока дней, завещанных матерью.

Утром вышел жигит из юрты, а следом за ним вышла жена. Увидели люди ее необыкновенную красоту и не могли от восхищения слова вымолвить.

Отец жигита обрадовался превращению волчицы в красивую девушку и отпраздновал женитьбу сына. Десять дней пировали гости на свадебном тое.

По всей степи разнесся слух, что жигит женился на необыкновенной красавице. Дошел этот слух и до хана. Пожелал он ее увидеть.

Взял хан охотничьего беркута и поехал смотреть красавицу.

Подъехал он к аулу и выпустил своего беркута.

Беркут сел на юрту молодого жигита. Подскакал к ней хан, слез с коня и позвал громким голосом:

— Эй, кто есть в юрте? Подайте мне моего беркута!

На зов его вышла жена жигита. Увидел ее хан, закружилась у него голова от необыкновенной красоты молодой женщины, пошатнулся он и чуть не упал.

Красавица подхватила хана под руки, посадила на коня, подала беркута и улыбнулась:

— Что же вы испугались так простой женщины?

Ни слова не мог вымолвить хан. Так молча уехал.

С этого дня он только и думал о необыкновенной красавице. Решил хан жениться на ней. Нашел он злую старуху, которая за золото взялась помочь ему.

Сказала злая старуха:

— Надо погубить жигита, чтобы красавица стала свободной. Прикажи ему найти слиток золота величиной с конскую голову, который уронил в море твой отец. Пойдет жигит искать золото и пропадет.

Послушался хан совета старухи. Позвал жигита и велел ему найти на дне морском слиток золота величиной с конскую голову.

Пришел жигит к своей молодой жене и рассказал, какую трудную задачу задал ему хан.

— Не горюй!—утешила жена.—Попроси у хана три дня сроку, и все будет хорошо.

Взяла молодая женщина разноцветный шелк и золотые нитки и стала вышивать цветок. Работала она день и ночь напролет. Вышел цветок таким красивым и ярким, что в юрте даже ночью было светло.

Отдала красавица мужу цветок и сказала:

— Привяжи цветок к большой сети и забрось его в море. Простая рыба не посмеет подплыть к цветку. Подплывет к нему лишь Ханша-рыба. Как только начнет она клевать цветок, ты вытаскивай ее на берег. Станет она просить тебя отпустить ее в море, ты согласись, но потребуй, чтобы она достала тебе слиток золота, утерянный отцом хана. Хотя она и Ханша, но на слово ей ты не верь. Вырви у нее в залог часть плавников.

Пошел жигит к морю. Закинул сеть с цветком и ждет улова. Долго не появлялась Ханша-рыба. Но вот засверкало и заволновалось синее море. Подплыла Ханша к цветку и схватила его зубами. Потянул жигит сеть и вытащил Ханшу-рыбу на берег.

Стала просить тут она:

— Отпусти меня в море. Я награжу тебя!

Ответил жигит:

— Отпущу, если достанешь мне со дна кусок золота величиной с конскую голову.

Пообещала рыба достать золото. Жигит вырвал в залог часть плавников и пустил ее в море.

Собрала Ханша всех рыб и стала спрашивать — не знают ли они, где лежит золото, которое уронил в море отец хана. Ни одна рыба не могла указать место.

— Все ли рыбы собрались?— спросила тогда Ханша слугу.

А тот отвечает:

— Не явилась только одна старая рыба, которой сто сорок лет!

Приказала Ханша ее привести.

Поплыли слуги за старой рыбой.

— Иди,—говорят,—зовет тебя Ханша.

А та и слушать не хочет. Лежит на своем месте и не двигается.

Схватили слуги ослушницу и потащили. И увидели тут тот самый слиток золота величиной с конскую голову, который искала Ханша. Оказалось, старая рыба только потому и дожила до ста сорока лет, что питалась испарениями золота.

Унесли слуги золотой слиток, и старая рыба сразу же погибла.

Ханша-рыба отдала жигиту обещанное золото и получила от него свои плавники.

Пришел жигит во дворец хана и отдал ему золотой слиток. Хан отпустил его домой, вызвал к себе злую старуху и закричал на нее:

— Я тебе голову отрублю за обман! Жигит вернулся и принес золото. А ты уверяла, что он пропадет.

— Повелитель мой! — заплакала старуха.— Не убивай

меня. Я дам тебе верный совет. У твоего отца пропал табун лошадей. Никто не знает, где он находится. А если жигит и найдет его, то не сумеет привести. Лошади за это время одичали. Прикажи ему доставить этот табун. Не сумеет он выполнить твоего приказа.

Позвал хан жигита и велел ему отыскать дикий табун.

Пришел жигит домой и рассказал жене, какой получил он приказ от хана.

— Не печалься,— сказала жена. Возьми вот эту палку, повернись на восток и скажи слова, которым я тебя научу. Палка приведет тебя к одичалому табуну. Найди жеребца, прыгни ему на спину и постарайся его объездить. Бей его крепко, но береги глаза. Когда присмиреет жеребец, скачи на нем прямо ко дворцу хана. Остальные лошади сами пойдут за тобою.

Жигит сделал так, как велела ему жена. Через несколько дней он пригнал диких лошадей к ханскому дворцу.

— Эй, выходите! — кричал жигит.— Забирайте своих коней!

Одичалый табун чуть не разнес аул. Хан перепугался и приказал, чтобы лошадей угнали подальше.

Собрался хан казнить злую старуху. Упала она на колени и завопила:

— Пощади, повелитель! Дай жигиту третье поручение. Если он его выполнит, тогда руби мне голову.

Согласился хан. Сказала злая старуха:

— После смерти твоего отца на поминках в сороковой день был зарезан черный жеребец. Пусть жигит найдет его и приведет к тебе.

Вызвал хан жигита. Велел ему найти жеребца, съеденного на поминках покойного хана, и доставить в царский дворец.

Сильно затужил жигит. Приходит он и говорит жене:

— Теперь я погиб. Велел мне хан найти съеденного жеребца.

Сказала ему жена:

— Если бы ты выдержал сорок дней и не уничтожил раньше срока мою волчью шкуру, не было бы у нас такой беды. Не могу я помочь тебе. Придется идти за советом к старой волчице.

Отправился жигит к хану. Просит дать сроку три месяца на поиски съеденного черного жеребца. Хан охотно прибавил еще три месяца. Собрался жигит в путь. Прощается со своей женой.

А жена говорит ему:

— Пока ты будешь ездить, не даст мне покоя хан. Брось свой брусок на землю, топни ногой. Пусть появится железный дом. Спрячь меня в нижний этаж. Там я буду ждать твоего возвращения.

Бросил жигит брусок на землю. Топнул ногой и появился железный дом. Спрятал жигит жену в нижний этаж, а сам поехал к волкам.

Много дней прошло, пока добрался он до берлоги.

Выслушала его старая волчица и сказала:

— Во всем, сынок, виноват ты сам. Если бы послушал меня и выдержал сорок дней, не было бы сейчас такой беды. Постараюсь помочь твоему горю. Поезжай в горы, где похоронен отец хана. Найди его могилу, отрой ее и собери все косточки покойника. Положи их в люльку и начни качать. Тогда дух покойного хана закричит: «Будь проклят, кто меня тревожит! Говори скорей, чего тебе нужно!» Тут ты ему и выложи свою просьбу.

Научила волчица, какими словами следует ее сказать, и отпустила жигита.

Поскакал жигит в горы, нашел могилу хана, отрыл ее, со-

брал кости покойника, положил в люльку и начал качать.

— Не тревожь меня, проклятый! — завопил дух старого хана.— Чего тебе от меня нужно?

Отвечает ему жигит:

— Твой сын меня тревожит, а я тебе не даю покоя.

— Чего хочет мой сын?

— На сороковой день после твоей смерти на поминках был зарезан черный жеребец. Теперь твой сын требует этого жеребца от меня.

— Неужели ему жалко для меня даже одного жеребца? — вскричал дух и в ярости вышвырнул жеребца из могилы.

Смотрит жигит, а у жеребца нет куска от задней части.

— А где же кусок задней части? — спросил жигит.

— Такого жеребца дал мне мой жадный сын. Этот кусок ноги съел он сам со своей женой. Так и передай ему. А теперь убирайся отсюда вон. Дай мне покой!

Только через два месяца добрался жигит домой.

Приехал он и видит: хан сломал два верхних этажа железного дома и подбирается к нижнему, где сидит его жена.

Жигит подвел хану черного жеребца и передал ему слова покойного отца.

Хан устыдился и оставил жигита в покое, а злой старухе отрубил голову.

Жигит с молодой женой жили после этого очень счастливо.

ДЕД КАНБАК

Был иль небыль говорится в этой сказке, передам, как мне рассказывали. А вот и присказка: в старину козы были тонкорунны и кудрявы, у фазанов хвосты — длинные и цветистые. Добрые люди рассказывали: жил в ту пору некий старик, по прозвищу Канбак. Не было у этого старика никого и ничего, кроме единственной кибитки и старухи. Жил он охотой и рыболовством. Хозяйства не имел, одним словом,— гол, как сокол. За землю старик плохо держался, был он настолько легок, что любой ветерок поднимал и уносил его. Потому-то и дали ему такое прозвище — Канбак [1].

Первым врагом у этого старика была лиса. Житья она ему не давала. Случалось, выловит он в день всего две рыбки, так одну из них обязательно унесет лиса да еще пригрозит на прощание.

Вот и задумал дед Канбак уйти от этого хитрого и злого преследователя в другие, отдаленные места.

Свалил старик свою кибитку, связал кереге, собрал остатки

[1] Канбак — казахское название травы «перекати-поле».

рыбьей требухи, взял бурдюк с айраном и, взвалив все это себе на плечи, отправился в путь-дорогу.

Идет старик день, другой. Усталость его одолела. Тогда он зарыл в одном месте кереге, в другом — свои пожитки, в третьем — бурдюк с айраном. И как только старик освободился от груза, стал таким легким, что ветер подхватил его и понес над землей. А когда ветру надоело таскаться со стариком, он выбросил его где-то в ущелье среди огромных гор.

Очнулся дед Канбак и видит: упал он возле великана. А тот держит в руках две горы и ударяет одной о другую. Зарыл дед Канбак рыбью требуху и подошел к великану.

— Куда идешь, старичок?— спрашивает великан.

— Мир широк, в мире много дорог. Батыра не встречу, сам батыром стану! — схитрил дед Канбак.

— Ого! Ты, видать, чудак,—сказал великан и так громко захохотал, что горы кругом валиться начали.— Коль батыром хочешь стать, давай померяемся силою,— предложил великан. Сам взял огромный камень, подбросил его высоко вверх и тут же поймал легко, словно мяч.— Ну-ка, старичок, теперь твоя очередь играть...

Хотя и здорово испугался дед Канбак, но виду не подал. И камень в два раза выше его, но подошел дед Канбак, ухватился за камень и стал беспокойно смотреть то на небо, то на землю, а камня не поднимает. Так продолжалось довольно долго, и это надоело великану.

— Ты что ж, старичок, медлишь? Бросай! — нетерпеливо сказал он.

Дед Канбак только этого и ждал. Посмотрел он еще раз на небо, затем на землю и говорит:

— Опасаюсь я. Если брошу этот камень вверх, то небо пере-

вернется и упадет на землю. А если не поймаю, земля расколется...

Тут великан испугался не на шутку. Схватил он деда Канбака за руки, просит:

— Ой, аксакал, признаю в тебе силу! Только не бросай камень, иначе мы оба погибнем.

Старик заметил тупоумие великана и предложил:

— Давай лучше выпотрошим брюхо земли там, где я укажу.

Великан согласился и с разбегу ударил в землю ногой с такой силой, что по колено увяз в ней. Дед Канбак тоже разбежался и пнул ногой то место, где он зарыл рыбью требуху. Посмотрел великан — в самом деле потроха земли вылезли наружу.

«Ого! С этим стариком шутки плохи. Нужно держаться с ним почтительно»,— подумал великан и стал делать все, что прикажет ему дед Канбак.

Изрядно помучив великана, дед Канбак сказал:

— Ну, на сегодня достаточно мне с тобой возиться. Приходи завтра ко мне в гости. Если есть друзья у тебя — их пригласи.

Великан согласился и пошел своей дорогой. Где речка встретится — он ее перешагивает, где лес на пути — он руками высокие деревья в стороны раздвигает. Вот какой этот великан!

Дед Канбак вернулся к месту стоянки и говорит старухе:

— Завтра к нам придет в гости великан со своими приятелями!

— Чем же мы их угощать будем? — говорит старуха.— Нам самим есть нечего...

— Не печалься, старуха,— отвечает дед Канбак.— Я уже придумал. Когда придет великан с приятелями, он сядет со мной в кибитке, а приятели на дворе у кибитки останутся. Ты

тогда и скажешь мне: «Чем же мы дорогих гостей угощать будем? Нет у нас ничего!» А потом, что я скажу, то и делай.

С этими словами дед Канбак подал старухе огромный охотничий нож.

Великан не заставил долго ждать себя. На следующий день он пришел в сопровождении двух приятелей. Великан влез в кибитку к деду Канбаку, а приятели его за неимением места остались на дворе.

Старуха и говорит старику:

— Чем же мы угощать будем дорогих наших гостей? У нас ничего нет.

А старик отвечает:

— Что ж, старуха, если у нас нет ничего, свари ты голову одного великана, грудинку другого, а самого нашего друга можно и поджарить...

Только старуха послушно встала и ухватилась за огромный охотничий нож, как все три великана повскакивали и наутек... А друг-великан второпях даже кибитку на плечах унес...

Дед Канбак кричит ему вслед...

— Эй, друг, оставь мою кибитку! Иначе я тебя все равно разыщу!

Великан сбросил кибитку с плеч и побежал догонять своих приятелей. Вдруг у него под ногами появилась лиса. Спрашивает она великана:

— Куда это ты бежишь сломя голову?

— Ох, и не спрашивай,— отвечает ей великан.— Втроем вот бежим от одного бедового старика!

— Эх ты, — устыдила его лиса.— Нашел тоже кого бояться! Идем со мной, я отомщу ему за вас...

Великан согласился, повернул обратно и вместе с лисой направился к старику.

Дед Канбак издалека увидел их и кричит:

— Эй, лиса! Твой дед был мне должен, твой отец был мне должен, а ты хочешь откупиться одним великаном?! Лучше не подходи — одного великана я не приму. Для меня этого мало.

Услышал великан слова старика, вцепился в глотку лисы и говорит:

— Ты хотела меня обмануть, передать старику за долги твоего отца и деда! Так вот же тебе...

Великан схватил лису за хвост, покрутил ее несколько раз над головой да как ударит о землю — так из нее и дух вон!

Вот как дед Канбак своей хитростью избавился от врагов — лисы и тупоумных великанов!

ТРИ ЗАДАЧИ

Юноша Ильяс полюбил девушку Танап. Когда он сказал ей об этом, Танап призналась, что и она давно втайне его любит.

— Но,— сказала Танап,— я пойду за тебя замуж только тогда, когда ты исполнишь три моих желания.

— Милая Танап,— ответил Ильяс,— ради тебя я сделаю все.

— Так вот тебе первая задача,— заявила девушка и указала на одно из деревьев в лесу.— Видишь это дерево? Сделай так, чтобы оно заговорило.

Опечалился юный Ильяс, но в душе твердо решил не отступать от своего обещания. Долго думал он, как заставить дерево заговорить, но, ничего не придумав, отправился в город, чтобы порасспросить тамошних жителей. Целых два месяца никто в ауле не знал, где он. Но однажды люди, побывавшие в городе, рассказали, что он будто бы поступил в ученье к знаменитому мастеру, умеющему заставлять деревья говорить. Все удивились и стали с нетерпением ждать возвращения Ильяса.

На исходе третьего месяца Ильяс возвратился в аул. Он нес

на плечах тяжелый мешок. Не говоря ни слова, юноша взял топор и срубил дерево, на которое указала Танап. Распилив широкий ствол дерева, Ильяс сделал несколько тонких, гладких дощечек, прорезал в них разной величины отверстия. Из мешка он достал множество диковинных вещиц, винтиков и небольшой лист бумаги, на котором было что-то нарисовано. Вскоре юноша внес в дом Танап небольшой ящик, выстрогал длинную жердь и укрепил ее при помощи проволоки на крыше. Долго он возился с проводами, тянул их в разные стороны, потом, просверлив отверстие в стене, соединил провод с ящиком.

И произошло чудо: деревянный ящик заговорил! Гордо глядел вокруг себя Ильяс, и восхищенно улыбалась ему Танап. Но на следующий день девушка напомнила Ильясу, что он должен выполнить еще две задачи.

— Я готов,— спокойно ответил он,— говори, что я должен делать.

— Хочу видеть девушку, во всем похожую на меня.

Долго думал Ильяс о том, как выполнить эту задачу. Ведь другой такой прекрасной, как Танап, во всем свете не найти.

«Пойду посоветуюсь с моими городскими друзьями»,— решил он и снова отправился в город.

Дни шли за днями, месяцы за месяцами, а Ильяс все не возвращался. Так прошел год, и в один прекрасный день Ильяс вернулся. Он принес с собой маленькие лопаточки и ножи невиданной формы. На тележке, привезенной им, лежала большая глыба белой глины. Свалил Ильяс белую глину возле дома Танап, принялся за работу, изредка поглядывая на Танап. Закончив работу, Ильяс отошел в сторону. Перед Танап стояла белая фигура девушки одного с ней роста. Незнакомка была неподвижна в своем белом платье такого же покроя, как у Та-

нап. Подойдя поближе, Танап в белой девушке узнала себя. Пришли соседи и в один голос вскричали:

— Смотрите, еще одна Танап появилась!

Так выполнил Ильяс вторую задачу. На другой день Танап сказала юноше:

— Если ты выдержишь и последнее испытание, то я стану твоей женой.

— В чем же состоит третья задача? — нетерпеливо вскричал Ильяс.

— Ты должен приручить могучую синюю птицу, что живет за горами и морями, и привезти ее ко мне,— ответила Танап и ушла, оставив Ильяса в глубоком раздумье.

В тот же день юноша в третий раз покинул аул. И опять помчались дни и месяцы. «Через год он вернется»— думала Танап. Но прошел год, два, а юноши не было. Однажды, когда близился к концу третий год, люди увидели над аулом огромную птицу. Распластав гигантские синие крылья, она шумно покружилась над аулом и неожиданно опустилась на поляну перед домом Танап. Из-под крыла выпрыгнул человек в кожаном костюме и бодро зашагал навстречу выбежавшей Танап.

— Ильяс, ты ли это? — воскликнула девушка.

— Конечно, я. А это — синяя птица. Я прилетел на ней за тобой.

СКАЗКИ
О
ЖИВОТНЫХ

БАРАНЫ ВОЛКОВ ПУГАЮТ

Два барана нашли в поле волчью голову. Понесли ее домой. По дороге им попалась юрта. Положили бараны находку у порога и вошли в юрту, а в ней — волки.

Волки были голодны и так обрадовались гостям, что не знали, куда и усадить их.

Бараны увидели, что дело плохо, но не испугались.

Говорит один другому:

— Ой, как есть хочется! Принеси-ка скорей голову волка, которого мы вчера зарезали.

Другой баран вышел, принес и сказал:

— Ты-то съешь голову, а я что буду есть?

— Как что? Да мало ли здесь волков? Выбери пожирнее, зарежем и съедим! Мне одной-то головы тоже мало.

Волки струсили и потихоньку один за другим выбрались из юрты.

ПОЧЕМУ ВЕРБЛЮД ОГЛЯДЫВАЕТСЯ, КОГДА ПЬЕТ

Раньше верблюд был красавцем. У него были ветвистые рога и длинный густой хвост.

Однажды пришел он к речке напиться. Пьет и любуется собой.

Вдруг к нему подбегает олень:

— Милый верблюд, мне надо сегодня в гости сходить. Дай мне твои рога на один вечер!

Верблюд отдал оленю рога.

Конь в те времена был бесхвостый. Подбежал он к верблюду и попросил на один день черный шелковистый хвост. Верблюд отдал ему хвост.

Прошло много времени. Не отдают верблюду его рогов и хвоста.

Когда он напомнил оленю о долге, тот насмешливо ответил:

— *Я отдам рога, когда хвост у тебя вырастет до земли.*

А конь сказал:

— Я отдам хвост, когда у тебя вырастут рога.

С тех пор верблюд, когда пьет в реке, всегда оглядывается. Это он ждет своих должников.

ПОЧЕМУ У ПЕРЕПЕЛА ХВОСТ КОРОТКИЙ

Поймала лиса в высокой траве перепела и говорит ему:

— Миленький перепеленочек, рассмеши меня, тогда я тебя не съем!

Обрадовался бедный перепел и отвечает:

— Выпусти меня из своих зубов, лисичка-сестричка, тогда я исполню твое желание.

Выпустила лиса перепела. Привел он ее в аул. Здесь у ветхой юрты доила старуха корову, а недалеко от нее старик стругал ножом большую палку.

Сел перепел на голову старухе.

Увидел старик птицу и закричал:

— Не шевелись, старуха, сейчас я перепела убью.

Размахнулся что было силы да как стукнет старуху палкой по голове! Старуха сразу умерла, а подойник с молоком опрокинулся на нее.

Расхохоталась лиса. Стала просить она перепела, чтобы он напугал ее.

— Хорошо,— согласился перепел.— Закрой глаза и следуй за мной. А когда я закричу «га-га-га!»— тогда открой.

— Ладно,— говорит лиса и закрыла глаза.

Привел перепел лису прямо в кош[1]. А впереди коша едет кошбаши[2] с беркутом и собаками.

— Га-га-га! — закричал перепел.

Открыла лиса глаза, увидела собак и беркута и пустилась наутек. А собаки за ней. К счастью, попалась на пути нора суслика и выскочил из-под кустика заяц. Лиса юркнула в норку, а собаки погнались за зайцем. Только этим и спаслась лиса.

Отдышалась она. Высунула нос из норы.

Перепел подлетел, спрашивает ее.

— Лисичка-сестричка, довольна моей службой?

Отвечает лиса:

— Миленький перепеленочек! До того я испугалась, что даже оглохла. Сядь мне на мордочку и говори погромче.

Сел ей перепел на нос. Тут лиса и сцапала его зубами.

Видит перепел — смерть пришла, и закричал:

— Лисичка-сестричка! Подожди минутку. Исполни мою последнюю просьбу. Скажи, как звали предка зверей...

— Мангыт! — ответила лиса, разинув при этом рот.

Хитрый перепел и улетел.

Все же лиса успела откусить у него хвост.

Вот почему у перепела короткий хвост.

---

[1] К о ш — караван кочевников; вереница верблюдов, навьюченных принадлежностями юрты.

[2] К о ш б а ш и — начальник каравана.

КТО СИЛЬНЕЕ?

Фазан подружился с перепелкой и пошел с ней гулять по льду. Перепелка поскользнулась и сломала себе ноги.

Фазан удивился — какой сильный лед, птице ноги ломает!

Спросил он:

— Скажи, лед, откуда у тебя такая сила?

— Разве это сила? Вот мороз сильнее меня. Не будь его, я не был бы таким крепким.

Фазан обратился к морозу:

— Откуда, мороз, у тебя такая сила?

— Разве это сила? — удивился мороз.— Облако сильнее меня. Оно закрывает мое лицо.

Спросил фазан облако:

— Откуда у тебя, облако, такая сила?

Ответило облако:

— Да какая же это сила? Дождик и снег сильнее. Они легко проходят через меня.

Спросил фазан у дождика:

— Дождик, дождик, откуда твоя сила?

— Моя сила невелика,— ответил дождь.— Если бы я был сильным, то не цвели бы тюльпаны в степи. Я прибил бы их к земле.

Обратился фазан к тюльпану:

— Тюльпан, откуда у тебя сила?

— Какая же это сила, когда меня волк топчет. Вот он сильный!

Сказал фазан волку:

— Выходит, ты сильнее всех. Скажи, откуда у тебя такая сила?

— Нет, не я сильнее всех. Меня жалит муравей.

Обратился фазан к муравью:

— Правда, ты сильнее всех?

— Да,— ответил муравей.— Кому же быть сильнее меня, если я шесть батманов[1] земли поднимаю и кладу себе на спину.

Муравей оказался сильнее всех.

---

[1] Батман — старинная мера веса от 2,5 до 10 килограммов.

ПОЧЕМУ У ЗАЙЦА ТРИ ГУБЫ

Старый слепой тигр поймал зайца и хотел съесть.

— Тебе быка нужно, а не меня, тощего!— сказал заяц.—Лучше возьми меня в поводыри

Тигр согласился. Повел заяц слепого тигра по ущельям, горам, скалам, непроходимым трущобам. К вечеру они сильно устали и сделали в горах привал. Развел заяц на краю пропасти костер. Тигр лег и скоро заснул. А заяц все сильнее огонь раскладывает. У тигра на одном боку шерсть начала гореть. Повернулся он и сквозь сон проворчал:

— Жарко!

— Подвинься немного в сторону, будет хорошо,— сказал заяц.

Тигр не знал, что он лежит на краю пропасти. Подвинулся он и сорвался вниз на острые камни.

Заяц посмотрел на убитого и, посвистывая, побежал по долине.

А навстречу ему шел охотник с убитыми лисицами.

Заяц крикнул:

— У скалы лежит мертвый тигр. Пойди и сними с него шкуру!

Охотнику тяжело было идти с лисицами. Оставил он их на тропинке.

Заяц побежал дальше и сказал пастуху:

— Вон там, на тропинке, лежат убитые лисы.

Пастух бросил овечье стадо и побежал за лисами.

А заяц увидел волчицу и сказал ей:

— Овцы гуляют без надзора. Не зевай!

Волчица бросилась в овечье стадо, а заяц крикнул летевшему мимо ворону:

— Волчата одни у норы остались. Можешь полакомиться их глазами.

Ворон полетел к волчатам, а заяц добежал до юрты, возле которой сидела старуха и шерсть пряла. Длинноухий и ее поднял:

— Возьми, бабушка, воронье гнездо, пригодится огонь развести!

Старуха бросила шерсть и полезла за вороньим гнездом.

Заяц шепнул ветру:

— Не зевай!

Ветер подхватил шерсть и понес по степи.

Охотник хватился лис и погнался за пастухом. Пастух бросился за волком, волк кинулся за вороном, ворон за старухой, а старуха за ветром.

Проказник-заяц сидел на холме и так хохотал, что у него лопнула верхняя губа.

С тех пор зайцы с тремя губами.

САВРАСКА

Жил старик со старухой. Был у них конь Савраска — хороший конь, сильный и красивый.

Однажды отпустил старик Савраску в степь пастись. Бегает Савраска и вдруг видит — навстречу мчится барс. Струсил конь, но не подал виду.

— Кто ты такой?

— Я — ала-барс[1], начальник над всеми зверями. А ты кто?

— А я начальник над всем скотом!

Испугался ала-барс, что встретил другого начальника, и говорит:

— А все-таки я выше тебя!

— Нет, я выше!

Долго они спорили. Наконец Савраска предложил:

— Давай померяемся с тобой силой! Кто сильнее, тот и выше!

— Давай!— отвечает барс.— Только чем силу мерять?

— А вот чем: кто из нас добудет из камня искры — тот и сильнее.

[1] Ала-барс — пестрый, полосатый.

Согласился барс и стал первым силу показывать. Бил он, бил ногами о камень, а толку никакого: ни одной искры не выбил.

Тогда Савраска ударил о камень подкованным копытом, и сразу из камня сноп искр посыпался.

Увидел барс искры, испугался и бросился бежать.

ЛИСА, ВЕРБЛЮД, ВОЛК, ЛЕВ И ПЕРЕПЕЛКА

Бежала по степи лиса. Навстречу ей верблюд.

— Верблюд, верблюд, куда ты идешь? — спрашивает лиса.

— Ищу хорошие места, где вдоволь сытной еды и светлой воды,— отвечает верблюд.

— Возьми меня с собой.

— Коли хочешь, изволь, пойдем вместе.

Пошли они вдвоем. По пути встречается волк.

— Куда вы идете?— спрашивает их волк.

— Ищем хорошие места, где вдоволь сытной еды и светлой воды.

— Возьмите меня с собой.

— Коли хочешь, изволь, пойдем вместе.

Пошли они втроем. По пути встречается лев.

— Эй, приятели, куда идете?— спрашивает лев.

— Ищем хорошие места, где вдоволь сытной еды и светлой воды.

— Возьмите меня с собой.

— Коли хочешь, изволь, пойдем вместе.

Пошли они вчетвером.

Шли-шли и вот приходят, наконец, в зеленое ущелье. В ущелье всего изобилие: трава такая, что ступить не дает, разной дичи видимо-невидимо, из-под каждого камня бьет студеный ключ.

Тут звери и поселились.

Лев, волк и лиса охотились на птиц. Верблюд питался травой. Жили они дружно, не ссорились, не бранились.

Настала зима. Птицы улетели в теплые края, мелкие зверьки спрятались в норы. Трудно стало хищникам добывать пищу. Бывало, и день, и два, и три ничего не попадало в зубы. Один верблюд не унывал — доставал из-под снега траву и жирел все больше.

Тогда лев, волк и лиса собрались на совет — стали судить-рядить, как дальше быть.

Лев говорит:

— Один из нас должен пожертвовать собой для товарищей.

Звери обрадовались сначала предложению льва, но, поразмыслив, приуныли: никому не хотелось умирать.

Тут-то и поднялась с места хитрая лиса.

— Мудрый лев, ты рассудил вполне справедливо,— начала она.— Но позволь и мне, глупой, сказать несколько слов. Кто из нас больше всех? Верблюд. Кто из нас жирнее всех? Верблюд. Стало быть, верблюд и должен пожертвовать собой для нас.

Всем понравились слова лисы, и порешили звери убить и съесть верблюда.

Услышал об этом верблюд, стал плакаться:

— Друзья, ведь я всегда был вам верным товарищем. Пощадите меня, я вам пригожусь.

Лев и волк пожалели верблюда и не тронули его. Утешился

верблюд, ходит себе по ущелью, разгребает снег, ест траву да жиреет.

А звери по-прежнему жили впроголодь, и так они под конец исхудали, что и на себя стали непохожи.

Вот однажды лиса и говорит товарищам:

— Отпустите меня потолковать с верблюдом. Может, мне удастся уговорить его дать нам свое мясо.

Звери согласились.

Лиса стрелой помчалась к верблюду, покрутилась-повертелась возле него и, не сказав ему ни слова, вернулась обратно.

— Верблюд согласился умереть,— объявила лиса льву и волку.— Только он строго-настрого наказывал, чтобы мясо его мы разделили между собой поровну, никого не обижая. Если кто-нибудь из вас будет несправедлив при дележе, он, мертвый, поднимется и убежит от нас.

Звери поверили лисе и убили верблюда.

Содрали они с него шкуру и принялись делить мясо.

Как увидел волк свежее мясо, так и не стерпел: схватил верблюжью почку и проглотил ее целиком.

Лев заметил это и, рассвирепев, кинулся на волка. Волк бежать, лев за ним. И вот они скрылись за горой.

А лисе только это и надобно было. Не теряя времени, она спрятала все мясо в скалах и, пригорюнившись, села на старое место.

Прибегает лев, спрашивает:

— Куда девалось мясо?

Заплакала горько лиса и отвечает:

— Вот вы не исполнили предсмертной воли верблюда, теперь пеняйте на себя — верблюд убежал.

Лев поверил лисе и, голодный, улегся спать.

Ночью, крадучись, подползает к лисе волк. Она и ему сказала то же, что и льву.

Повалился волк на землю, лежит и стонет от голода.

А лиса тем временем сбегала к скалам, достала кишки верблюда, уселась поодаль и лакомится.

— Лисонька, а лисонька, что это ты там жуешь? — спрашивает волк.

— Да вот,— отвечает лиса,— я так проголодалась, что вытаскиваю свои кишки и ем их.

— И тебе не больно? — удивился волк.

— Сначала было немножко больно, а теперь ни капельки,— говорит лиса.

Волк и пристал к ней:

— Лисонька, если ты говоришь правду, так вытащи, сделай милость, и мои кишки. Я ведь тоже очень проголодался.

А лиса только того и ждала: вытащила она из волка кишки, он и околел. Лиса содрала с него кожу, а мясо спрятала в скалах.

Проснувшись наутро, лев увидел подле себя лису. Лиса смотрела на него в упор и лукаво хихикала.

— Чему ты смеешься? — мрачно спросил лев.

— Храбрый лев, глядя на тебя, я вспомнила твоего отца. Это был могучий богатырь. Взгляни на эту высочайшую скалу. Он любил, взобравшись на ее вершину, прыгать в пропасть. Ты очень похож на своего отца, а силой, пожалуй, даже превосходишь его, но мне думается, что у тебя никогда не хватит духу прыгнуть в пропасть,— смиренно проговорила лиса.

— Ты плохо меня знаешь,— гордо молвил лев, и глаза его засверкали. В три прыжка он вскочил на скалу и остановился у самого ее края. Он заглянул в пропасть, и у него закружилась голова.

А лиса смеется под скалой:

— Я же говорила, что ты не решишься.

— Ты плохо меня знаешь,— прорычал лев и ринулся вниз. Он упал на острые камни. Лежит лев, истекает кровью и не может пошевелиться.

Тогда, осторожно ступая по выступам скал, к нему спустилась лиса.

— Как ты себя чувствуешь, отважный лев?—спросила она.

— Мне очень плохо, умираю,— простонал лев.

Убедившись, что льву больше не подняться с земли, лиса подобралась к нему поближе и вонзила зубы в его тело.

— Прошу тебя об одном,— взмолился лев,— откуси прежде всего мой язык, чтобы я не мог кричать от боли.

— Не беспокойся, приятель,— смеясь сказала лиса,— всему свой черед — начну с хвоста, а кончу языком.

Мяса верблюда, волка и льва лисе хватило почти на всю зиму. Но к весне у нее опять подтянуло живот. Наконец, как-то раз посчастливилось ей поймать старую перепелку.

Лиса говорит ей:

— Если за себя отдашь своих птенцов, отпущу тебя на волю.

— Я согласна,— дрожа отвечала перепелка.— Мои птенцы прячутся в тех вон зарослях. Отправляйся туда, кликни их трижды моим голосом, и они выйдут к тебе. Я кричу им: «Лить-поливать, лить-поливать, матушка ваша пришла», и они уже знают этот зов.

Лиса отпустила перепелку и стала красться к зарослям.

— Лить-поливать, лить-поливать...— позвала она по-перепелиному, а дальше забыла.

— На лису наплевать, на лису наплевать!—весело крикнула перепелка, вспорхнула и улетела.

Так лиса и осталась ни с чем.

Через некоторое время шла лиса по опушке леса. Видит — на дереве сидит перепелка. Задумала лиса отомстить ей за прошлое и говорит сладким голосом:

— Перепелка, слышала ли ты, какой указ издал бог?

— Нет, не слышала.

— Так знай же, бог приказал, чтобы отныне все звери и птицы жили в мире и любви, не обижали и не притесняли друг друга. Давай же и мы с тобой помиримся. Спустись, дружок, вниз на землю — я обниму тебя, как сестру.

Перепелка ничего не ответила и вдруг стала растерянно оглядываться по сторонам.

— Что ты там вертишь головой?— нетерпеливо спрашивает лиса.

— Да вот вижу я с дерева, что сюда бегут борзые собаки, да никак их не сосчитаю,—отвечает перепелка.

— Борзые?— ахнула лиса и побежала.

— Постой, постой,— кричит ей вдогонку перепелка,— чего же ты испугалась? Ведь ты сама сейчас говорила, что все звери будут жить в мире.

— А почем я знаю, известен ли этим собакам божий указ? — только и успела сказать лиса и скрылась.

СПОР ЖИВОТНЫХ

Год овцы — самый легкий для людей. В год коровы зимой бывает часто пурга и метель. Плохая жизнь предстоит человеку, если он родился в год собаки и не будет оберегать ее от побоев.

Год барана, лошади, коровы, змеи, барса, курицы, улитки и кабана имеют свои приметы.

Но самый первый — это год мыши.

А как мышь получила год, об этом следует рассказать.

Долго спорили животные о том, кому должен принадлежать первый год.

Корова сказала:

— Я даю человеку молоко, мясо, шкуру. Мне по праву принадлежит первый год.

— Я все даю, что даешь ты. Но, кроме того, на мне человек ездит,— ответила ей лошадь.

— Но ты — неженка!—заметил лошади верблюд.— Разве можно твою силу равнять с моей? Положи на тебя половину моей поклажи, ты упадешь и застонешь. В пище ты тоже барствуешь. Тебя нужно кормить хорошим сеном, овсом и поить ключевой водой. А я ем колючки и могу несколько дней обхо-

диться без воды. Мое молоко тоже вкусно, мясо годно для еды и шкура крепка.

Но баран растолкал крепким лбом всех, выбежал на середину и закричал:

— Ну, а если бы не было меня, из какой шерсти скатал бы казах кошму и сделал себе юрту? Из моей шкуры можно сшить прекрасный тулуп. Жирный кусок баранины — лучшая еда. Я даю молоко и сыр. Мой первый год!

Все молчали, чувствуя, что баран прав.

Но тут выскочила собака.

— Пустое мелет баран! Если бы не было меня, давно бы его съели волки вместе с костями.

Долго спорили, до поздней ночи. Одна мышь молчала. Но когда все устали и не только верблюд, но даже петух заговорил шепотом, мышь предложила:

— Кто первый увидит восход солнца, тот и получит первый год.

Все обрадовались, особенно верблюд. Он надеялся на свой высокий рост.

Вот все повернулись к востоку и стали ждать. Мышь встала рядом с верблюдом.

— Неужели ты, глупышка, надеешься первой увидеть солнце?— усмехнулся верблюд.

— Утро вечера мудренее,— отвечала мышь.

— Я выше всех и раньше всех увижу восход!— хвалился верблюд.

Перед рассветом все стали внимательно смотреть вдаль.

И вдруг раньше всех закричала мышь:

— Солнце! Солнце!

Только тут верблюд понял, что мышь кричит с его горба, на который она тихонько забралась по его длинной шерсти.

Верблюд сбросил ее и накрыл ступней. Маленькая хитрая мышь из-под ноги нырнула в кучу золы.

Первый год отдали мыши.

А верблюда за его ротозейство совсем лишили года.

Вот почему верблюд не имеет своего года и, как увидит золу, начинает кататься по ней. Он все еще надеется растоптать ненавистную мышь и взять себе первый год.

ЛИСА, МЕДВЕДЬ И ПАСТУХ

Шел степью медведь. Увидал лису и погнался за ней.

Лиса — наутек, добежала до норы, хвостом вильнула и пропала, будто ее и не было.

А медведь остановился и не знает, как ему теперь быть: сам большой да толстый, а нора длинная да узкая. Жаль ему упустить лису.

Вот стал медведь в нору лезть. Всунул голову до ушей — дальше голова не лезет, хотел вытащить — не может. Застрял косолапый — ни туда, ни обратно.

А лиса пробежала нору и выскочила в степи совсем в другом месте. Оглянулась и видит: пыхтит медведь изо всех сил, хочет голову вытащить, а голова будто вросла в землю.

Обрадовалась лиса, подбежала к медведю и сделала такое, от чего он стал весь мокрешенек.

— Вот тебе, медведь, от лисы на память,— сказала она, громко рассмеялась и была такова.

Долго еще маялся медведь, насилу вытащил голову. Отдышался он, отряхнулся и озирается по сторонам — не видел ли кто, как его лиса отделала.

— Ладно,— говорит медведь,— так и быть, даю тебе три дня сроку, только потом уж не жди пощады.

Сказал и ушел.

А пастух повалился на землю, закрыл лицо руками, горько плачет.

Подбегает к нему лиса.

— Что ты, пастушок, плачешь?

— Ой-ой, как же мне не плакать, пропал я теперь совсем.— И рассказал он лисе все.

— Полно горевать! Что дашь? Я спасу тебя от медведя.

— Проси чего хочешь, ничего не пожалею,— отвечает пастух.

— А коли так,— говорит лиса,— скажи: согласен ли ты за спасение отдать мне свои почки?

— Согласен, согласен, выручи ты только меня.

На том и договорились.

Тогда лиса и говорит пастуху:

— Иди в свой аул и три дня гуляй, как знаешь, а через три дня приходи на это место. Только не забудь захватить с собой мешок побольше да дубину потолще. Я буду тебя ждать неподалеку. Как только явится к тебе медведь, ты начинай кланяться и просить, чтобы он отпустил тебя домой еще на три дня. А я тем временем стану в сторонке хвостом вертеть, пыль поднимать. Увидит медведь пыль, спросит у тебя: «Что за диво, отчего такая пыль?» Тут ты и скажи медведю: «Дескать, так и так, у нашего хана жена совсем взбеленилась, ничего не хочет есть, просит медвежье сердце. Вот хан по степи с копьем и рыщет, медведя ищет, оттого и пыль». Скажешь так, а что дальше делать надобно — сам догадаешься.

Послушался пастух лису, ушел в аул, а через три дня вернулся в условленное место.

И вот идет к нему медведь — шерсть дыбом, глаза горят, а сам облизывается.

Упал пастух перед ним на колени, начал кланяться и просить, чтобы он отпустил его домой еще на три дня.

Как заревет медведь:

— Хватит с тебя. Погулял — и довольно. Пора мне с тобой рассчитаться.

И уже совсем было собрался наброситься на пастуха, как вдруг в степи поднялся огромный, до самого неба, столб пыли.

Медведь оробел.

— Что за диво,— спрашивает,— отчего такая пыль?

Пастух отвечает ему:

— У нашего хана совсем взбеленилась жена — ничего не ест, просит медвежье сердце. Вот хан по степи с копьем и рыщет, медведя ищет.

Задрожал от страха медведь и взмолился жалобно:

— Спрячь меня, пастушок, от хана, век тебе этого не забуду.

— Ладно,— говорит,— полезай в мешок.

Влез медведь в мешок, а пастух завязал мешок потуже и ну колотить по нем дубиной. Колотил, колотил — из медведя и дух вон.

Подбегает к пастуху лиса.

— Вот ты и избавился от медведя,— говорит.— Теперь расплачивайся.

Видит пастух — все равно не миновать ему смерти. «Жил впроголодь, и умирать приходится натощак»,— подумал он про себя. А тут как забурчит, как загудит у него в животе!

Лиса уши навострила.

— Кто это,— спрашивает,—у тебя, любезный, в животе рычит?

— Да видишь ли, лисонька, вчера я от голода проглотил борзого щенка. А сейчас он уж, видно, подрос да почуял поблизости лисицу— вот и рычит.

Как услышала лиса про борзого щенка, так хвост трубой, вся в струну — и ходу.

С той поры никто уж больше не встречал ее в тех местах.

ЛИСА, ЧЕРЕПАХА И КЛЕЩ

Однажды лисица, черепаха и клещ шли вместе и случайно наткнулись на пригоршню проса. Думали, думали, что сделать с этим просом, и решили посеять, а урожай распределить между собой. Пришли они к верховьям реки, выбрали место. Лисица улеглась под обрыв и говорит, что будет подпирать этот обрыв, чтоб он не свалился. Черепаха принялась пахать, а клещ сеять. Наконец, взошло просо, созрело. Черепаха и клещ убрали посев, намолотили и получили чашку проса. Потом позвали лису. Пришла лиса и говорит:

— А все-таки этого проса мало, не стоит его делить; лучше, друзья, мы устроим скачку, и кто первый из нас прибежит, тот и получит весь урожай.

Черепаха и клещ согласились. Выбрали место.

— Да благословит бог!— крикнула лисица и побежала к кучке очищенного проса. Клещ впился в ее хвост. Лисица добежала, уселась на зерно.

— Что ты, из ума, что ли, вышла?— закричал клещ.— Задавить меня хочешь?

— Да как же ты поспел сюда?— спросила лиса.

— А помнишь, когда ты закричала: «Да благословит бог!»— я уже сидел здесь,— сказал клещ.

Между лисой и клещом начался спор. Спорили, спорили и, наконец, решили они ждать черепаху. Через некоторое время приползла черепаха с окровавленной мордой.

— О моя лисица!— сказала она.—Меня постигло большое несчастье: вас разыскивают два всадника с беркутами и с гончими. Они стали на меня кричать и требовать вас: «Подай нам сейчас твою спутницу лису!» Я не сказала им, где вы находитесь. Они избили меня. И теперь едут по моему следу.

— Друзья, не выдавайте меня! Просо разделите между собой,— сказала лиса и умчалась.

ГЛУПЫЙ ВОЛК

Жил на свете глупый волк. Встречает он однажды козу и говорит ей:

— Сейчас я тебя съем.

— Ну, что ж, если такова моя судьба—я согласна. Но только я очень худа и стара. Если ты можешь подождать немного, то я сбегаю домой и пришлю тебе свою доченьку. Мясо у нее нежное, молодое.

Волк согласился, отпустил козу и лег под кустом. А коза побежала в стадо и рассказала про волка пастуху. Пастух дубиной отхлестал волка. Тот еле унес ноги.

В другой раз волк встречает овцу.

— Овца,— говорит он,— я сейчас тебя съем.

— Ну, что ж,— отвечает овца,— от судьбы не уйдешь, только позволь мне перед смертью потанцевать. Волк согласился. Стала овца танцевать вокруг волка. Танцует, а сама круги делает все больше и больше и, наконец, убежала. Опять остался волк без обеда. Бредет он дальше по степи. Лошадь пасется. Подошел к ней волк и говорит:

— Лошадь, я тебя сейчас съем.

— Хорошо,— говорит лошадь,— только прошу тебя — начинай есть меня с хвоста, а голова пусть еще попасется.

— Ладно,— согласился волк и подошел к хвосту.

— Лошадь ударила его задними копытами. Тут волку и пришел конец.

ПОЧЕМУ У ЛИСЫ ДЛИННЫЙ ХВОСТ, А У ЗАЙЦА КОРОТКИЙ

Раньше у лисы не было хвоста и она не могла заметать следов. Однажды волк забрался к ней в нору. Он хотел задушить лису. Но ей удалось спастись через другой выход. Побежала лиса в лес. Под деревом увидела зайца, у которого в то время был длинный хвост. Этот хвост мешал ему свободно бегать. Лиса поймала зайца.

— Возьми мой хвост,— сказал заяц,— тебе он пригодится, а мне не нужен.

Лиса согласилась. И с тех пор у лисицы хвост длинный, а у зайца короткий.

СОБАЧОНКА И КОШКА

В горах скиталась голодная собачонка. К ней прибежал волк:

— Собачонка! Я тебя съем.

— Нет, серый,— говорит собачонка,— сначала ты накорми меня, а потом съешь.

— Ладно, иди за мной и не отставай.

Пошли они вместе и скоро увидели стадо коров. Волк говорит:

— Скажи, какие у меня глаза, уши, пасть и хвост?

— Твои глаза горят, уши прижались назад, пасть широко раскрылась, а хвост, как гибкий лозняк, согнулся между задними ногами,— отвечает собака.

— Теперь смотри, что я буду делать.

И волк бросился на жирного теленка, задушил его, наелся сам и накормил собаку.

— Я сыт,— сказал он, не хочу твоего мяса, прощай!

Собака осталась возле теленка и три дня питалась его мясом. Но наконец ей наскучило, она пошла дальше и встретила голодную кошку.

— Кошка! Я тебя съем,— говорит собачонка.

— Нет, собачонка,— отвечает кошка,— сначала ты накорми меня, а потом съешь.

— Ладно, пойдем.

Скоро они дошли до табуна верблюдов. Собачонка и говорит:

— Скажи, какие у меня глаза, уши, пасть и хвост?

— Твои глаза тускло смотрят, уши висят, пасть раскрылась и высунулся твой язык, а хвост опустился вниз,—ответила кошка.

— Теперь смотри, что я буду делать.

И собачонка бросилась на верблюда. И когда она хотела схватить его за ногу, то получила сильный удар по голове и тотчас же издохла.

ХРАБРЫЙ ОСЕЛ

Надоело ослу поклажу носить. Вот и говорит он верблюду, своему товарищу:

— Эй, верблюд, надоело мне поклажу таскать: живого места на спине нет. Давай убежим от хозяина, станем жить вдвоем на воле, как вздумается.

Помолчал верблюд, подумал и говорит:

— Плохой у нас хозяин, верно: кормит дурно, работать заставляет много. Я бы и рад убежать, да как убежишь?

А у осла ответ наготове:

— Я все обдумал,— говорит он,— не беспокойся. Завтра хозяин повезет на нас соль в город. Сначала мы будем идти послушно и смирно. А как дойдем до перевала, так упадем на дорогу и притворимся совсем обессилевшими. Станет хозяин нас бранить, станет палкой колотить, а мы ни с места. Выбьется он из сил и уйдет домой за помощью. Тут уж нам раздолье — беги, куда хочешь, только бы ноги не оплошали.

Развеселился верблюд:

— Вот хорошо ты придумал, вот славно. Так мы и сделаем.

Дождались они утра. Хозяин навьючил на них мешки с солью и погнал в город.

Полдороги шли они, как всегда: верблюд впереди, осел за ним следом, а сзади хозяин с палкой. Достигли они перевала, осел и верблюд упали на землю и притворились совсем обессилевшими.

Хозяин давай их бранить:

— Ах вы лентяи, ах вы лежебоки, поднимайтесь сейчас же, пока я вас палкой не отходил.

А они и хвостами не повели, словно и не слышат.

Рассердился хозяин и ну их палкой дуть сплеча.

Ударил он верблюда тридцать девять раз — ничего, а как замахнулся в сороковой — заревел верблюд и вскочил на ноги.

— То-то же,—говорит хозяин,— давно бы так. А сам принимается за осла.

Ударил он его сорок раз — осел и не охнул, ударил пятьдесят раз — осел и не вздрогнул, ударил шестьдесят раз — как лежал осел, так и лежит.

Видит хозяин — дело плохо: должно быть, подыхать собрался осел. Велика беда, да что поделаешь. Снял он с осла поклажу, взвалил ее на верблюда и тронулся в путь.

Еле шагает верблюд под вьюком, клянет осла:

— Проклятый осел, из-за тебя я битый иду, двойную кладь несу.

А осел подождал, пока хозяин с верблюдом скрылись за перевалом, потом поднялся и — ходу, не разбирая дороги.

Бежал он три дня, перебежал три горы и три долины и, наконец, достиг широкой поляны у быстрой реки.

Понравилась ослу поляна, тут он и поселился. А той поляной уже много лет владел сильный и могущественный тигр.

Однажды надумал тигр осмотреть свои земли. Вышел он в путь утром, а в полдень набрел на осла.

Ходит себе осел по поляне, помахивает хвостом, ест траву. Тигр думает:

— Что за зверь? Никогда не видел такого.

А осел взглянул на тигра и обомлел.

«Ну,— думает,— пришел мой конец. И решил он про себя:— Чем умирать, не защищаясь, покажу-ка я лучше тигру свою отвагу».

Поднял он хвост, повел ушами, раскрыл пошире рот да как затрубит во все свое ослиное горло.

У тигра и свет в глазах помутился. Кинулся он назад, бежит что есть мочи, боится оглянуться.

По дороге встречается ему волк.

— Кого ты так испугался, повелитель?

— Испугался я зверя, страшнее которого нет на свете: вместо ушей у него — крылья, пасть у него — шире головы, а ревет он так, что содрогается земля и меркнет небо.

— Постой, постой,—говорит волк,— да уж не с ослом ли ты повстречался? Так оно и есть. Ладно же, завтра мы с тобой скрутим его арканом.

На другой день волк добыл аркан, один конец он привязал к шее тигра, другой к своей шее, и так они отправились на поляну.

Волк идет впереди, а тигр сзади.

Приметил их осел издали и опять за свое: хвост кверху, пасть настежь и заревел громче прежнего.

Тут тигр и кричит волку:

— Э-э-э, приятель, да ты, видно, тащишь меня в подарок этому чудовищу! — Рванулся он изо всех сил в сторону — у волка и голова долой.

Прибежал тигр домой, не может отдышаться.

В это время прилетела к нему сорока. Натрещала, налопотала, расспросила тигра обо всем, а потом и говорит:

— Погоди-ка, слетаю я на поляну, погляжу, что за зверь там ходит и что он делает. Разведаю все подробно и доложу тебе.

Полетела сорока на поляну.

А осел заметил ее издали, лег на землю, вытянул ноги, будто мертвый.

Сорока глянула вниз и глазам не верит: страшный-то зверь околел!

Спустилась она прямо на осла, расхаживает по нему взад и вперед, придумывает, что бы такое наврать тигру о своей победе над чудовищем.

Тут на свою беду заметила она на земле пшеничное зернышко. Хотела она клюнуть зернышко, совсем уже нацелилась носом, да оступилась и попала головой ослу между колен.

Тут-то осел и ожил. Зажал он ногами сороку покрепче и давай ее хлестать хвостом. Хлестал-хлестал, хлестал-хлестал, только перышки из сороки летели во все стороны. А потом как двинет ее копытом — отлетела сорока на край поляны.

Отлежалась она, опомнилась и кое-как, бочком-бочком, кряхтя да охая, полетела обратно.

Летит и еще издали кричит тигру:

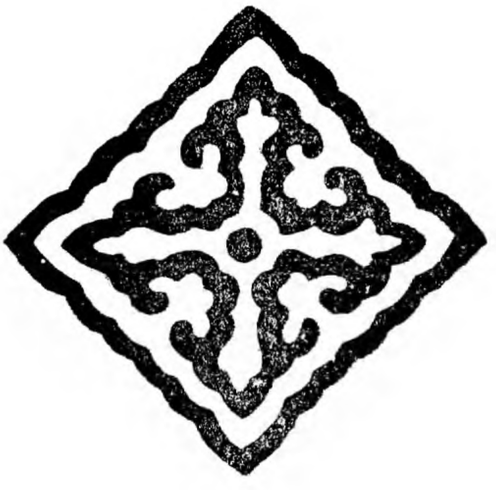
— Беги отсюда подальше, покуда цел. Навеки меня искалечил проклятый зверь. Смотри, как бы тебе того же не было.

Совсем оробел тигр, собрал он свои пожитки и навсегда ушел в дальние страны.

А храбрый осел и доныне живет на широкой поляне.

ПРЕДАНИЯ
и
ЛЕГЕНДЫ

ХАТЫМТАЙ И ЕГО СКАКУН

Кто не знает Хатымтая! Кто не поет о его коне! Слава о них вместе с ветром носится по степям. А как родилась слава о Хатымтае и его коне, знают далеко не все. Вот как это было:

Однажды на соседний аул напали враги. Хатымтай с жигитами бросился защищать соседей. Второпях он не нашел своего коня и оседлал трехлетнего скакуна. Мчался Хатымтай и думал:

«Напрасно я поторопился! Пропадешь на молодом коне».

Но скакун мчался впереди всех. Скоро жигиты нагнали врагов, и начался бой. Врагов было много, к ним еще подоспела помощь, и Хатымтай с товарищами попал в плен.

Ночью, когда Хатымтай лежал связанный по рукам и ногам, он услышал, как заржал его конь. Пленник свистнул. Конь

примчался к нему и ткнул мордой, словно говоря: «Вставай, садись!»

Но связанный Хатымтай только перевернулся со спины на бок. Тогда конь лег на землю и снова тихо заржал:

«Садись, помчимся домой!»

Но Хатымтай, хватаясь зубами за стремя, ронял слезы от бессилья.

Караульный услышал возню и поднял тревогу. Тогда конь схватил связанного Хатымтая и помчался в степь. Враги бросились в погоню за беглецами, но не смогли их нагнать. Через реки, овраги и горы конь пронес в зубах свою драгоценную ношу. Весь аул заплакал от радости, когда увидел спасенного Хатымтая.

В тот же вечер старый жирши сложил песню о коне Хатымтая и пропел ее. Снова плакали все: дети, старики и сам Хатымтай.

Слава о коне полетела по степи из юрты в юрту. Нашлись люди, которые захотели приобрести необыкновенного коня.

— Разве конь не лучше бестолкового человека, думающего, что можно продать друга?—отвечал покупателям Хатымтай.

Один молодой бай предложил за коня косяк кобылиц, отару овец, три юрты с добром и двух сестер-красавиц. Но Хатымтай, верный своему коню, только улыбнулся и отрицательно покачал головой.

Молодой бай потерял сон и ходил всю ночь около аула, думая, как бы похитить знаменитого скакуна. Но Хатымтай и его друзья зорко стерегли коня.

Тогда пошел молодой бай к хану и рассказал ему про коня Хатымтая. Хан послал гонца и велел купить коня.

— Он мне дороже жизни!— ответил Хатымтай.— Я не продам его даже хану.

Но разве у хана есть сердце?

— Достать мне коня или голову ослушника Хатымтая!— приказал своим визирям разгневанный хан.

Хитрые визири понимали, что казнь Хатымтая или насильственный угон его коня может вызвать большой ропот народа. Но они знали также, что за неисполнение ханского приказа придется положить свою голову под меч.

Визири нашли искусного вора, который взялся достать коня или голову Хатымтая.

С улыбкой на лице вор вошел в юрту Хатымтая. Хозяин строго соблюдал священные законы гостеприимства. Увидел он улыбающегося гостя и вспомнил народную мудрость: «Голодный путник уносит благополучие стада».

Но есть и другая пословица: «Сохрани юрту от беды и оговора, сохрани от человека, входящего с улыбкой и уходящего с ворчаньем». О ней Хатымтай и не подумал.

Свежим мясом кормил хозяин гостя, поил кумысом, предупреждал каждое его желание.

Вор в благодарность решил не убивать хозяина, а только похитить коня. Кушая конское мясо, гость приговаривал:

— Вкусное мясо! Хорошие казы!

— Прости меня, дорогой!—сказал Хатымтай.—Мой косяк пасется далеко, и я не мог зарезать жирного коня. А любимый конь, которого ты ешь, имел много жил.

Вор был так тронут неслыханным гостеприимством Хатымтая, что не смог уснуть ночью.

«Разве можно убить этого человека?— думал он.— Но и вернуться с пустыми руками к хану нельзя».

Заснул вор и увидел во сне хана, рубившего ему голову. Заплакал он от страха. Хатымтай услышал плач, проснулся и стал спрашивать гостя:

— Отчего ты плачешь, дружок? Какое у тебя горе на душе?

Ответил вор.

— Я обещал ханским визирям привести твоего любимого коня или доставить твою голову. Но скакуна ты зарезал для моего угощения, а убить тебя я не могу.

Выслушал Хатымтай гостя и сказал:

— Стоит ли мучиться из-за таких пустяков? Вот кинжал и моя голова. Отруби ее и отнеси хану.

Но вор плакал и твердил:

— Ой, не могу! Никак не могу!

В это время проснулась жена Хатымтая. Узнала она, в чем дело, и посоветовала мужу:

— Лучше сам иди вместе с гостем, и пусть хан тебя казнит.

Вор и Хатымтай вместе поехали к хану. Люди, узнавшие в пути, зачем Хатымтай едет в ханский дворец, седлали коней и ехали вслед.

Хан увидел, как крепко народ любит Хатымтая, и понял, что казнить его нельзя.

Тогда хан сам вышел из юрты и обнял Хатымтая.

С тех пор еще громче запели в степи песни о славном скакуне и его хозяине Хатымтае.

ИЛИ И КАРАТАЛ

У волшебника Балхаша была красавица дочь Или. Слава о ней шла по всей степи. Стали свататься ее женихи — богатые баи и ханы, но все они казались девушке недостойными ее красоты.

Тогда Балхаш решил устроить состязание для женихов.

— Кто окажется самым умным, ловким и сильным, тот получит Или в жены! — объявил волшебник.

Услышал об этом молодой Каратал. Жигит был очень беден. Но он имел пару прекрасных коней, отличался ловкостью, отвагой и силой. Каратал тоже поехал во дворец волшебника попытать счастья.

Балхаш не захотел и разговаривать с бедным жигитом. Но Или полюбила его с первого взгляда. Она упросила отца позволить Караталу принять участие в состязании женихов.

Каратал победил в борьбе и на скачках молодых баев и ханов. Однако Балхаш не сдержал своего слова. Он отказался иметь зятем бедняка-жигита.

Весь день проплакала красавица, а ночью к ней тайно пришел Каратал и предложил:

— Если любишь меня — бежим!

Или с радостью согласилась. В ту же ночь они умчались на конях Каратала.

Балхаш узнал об их бегстве. Гневным голосом, прозвучавшим по степи сильнее грома, он приказал остановиться беглецам. Но Или и Каратал не пожелали вернуться. Они мчались в родной аул Каратала.

Тогда волшебник перенесся в степь и у ног коней беглецов превратился в огромное озеро.

С тех пор оно стало называться его именем — Балхаш. Или и Каратала волшебник превратил в бурные реки, впадающие в разных местах в это озеро.

Много веков бурлят и волнуются они, напрасно пытаясь слиться воедино.

ГОРА БОР-ТАСТАГАН

Когда-то в Тарбагатайских горах великанша пасла коз и пряла пряжу. Обычно она сидела на больших Тарбагатаях, а ноги ее лежали на Тарбагатаях малых.

Однажды на ее стадо напал волк. Схватила великанша веретено и бросила в волка. Веретено упало в Сары-Далу и осталось там навсегда. Отсюда произошло и название горы Бор-Тастаган[1], что значит — брошенное в волка.

---

[1] Между северными отрогами Тарбагатайских и южными Калбинских гор лежит равнина Сары-Дала (Желтая степь). В середине этой равнины одиноко возвышается довольно высокая гора Бор-Тастаган.

ЧУБАР-АТ

На берегу реки Чемолган в давние времена жил казах. Имел он великое сокровище — бегунца Чубар-ата. Много призов взяла эта лошадь. На многие сотни верст гремела о ней слава.

Однажды была назначена аламан-байга[1] с богатыми призами.

Много казахов привели на нее своих лучших скакунов. Скачки были назначены на расстояние дневного пути. Рано утром начали жигиты состязание. Через два часа Чубар-ат далеко опередила своих противников и пошла тише.

Весь день, где вскачь, где рысью, а где и шагом Чубар-ат приближалась к цели.

Сто лошадей скакали за ней. Многие лошади пали. Многие наездники получили увечья.

К вечеру люди увидели на горизонте несколько лошадей. Впереди всех, далеко опередив своих противников, бежала Чубар-ат.

Перед самой целью был крутой и длинный подъем. Усталые

[1] Аламан-байга — скачки на большое расстояние.

лошади не могли подняться по нему. Добежав до подъема, они остановились. Их пришлось вести за повод. Только Чубар-ат, вытянувшись, как струна, взлетела на вершину и взяла первый приз.

С тех пор гора, на которой завершилось состязание, стала называться Чубар-ат.

О КОЛОДЦАХ АДАМ-КЫРЫЛГАН

Однажды кокандцы напали на казахский аул и угнали лучший скот. Казахи вооружились пиками и соилами и наказали разбойников. После этого, опасаясь мести кокандцев, они решили откочевать через пустыню Кара-Кум в дальнюю степь.

Собрали казахи остатки скота, навьючили верблюдов и тронулись в путь.

Только к вечеру дошел их караван до первых колодцев. Мутной и солоноватой воды здесь едва хватило людям и скоту.

Утром караван тронулся дальше. Путь теперь был еще тяжелее.

С трудом вытаскивали верблюды и лошади ноги из сыпучего песка. Люди задыхались от жары.

К вечеру караван едва добрался до вторых колодцев. Воды в них почти не оказалось. Ведра зачерпывали со дна жидкую грязь.

Перед восходом солнца казахи собрали совет. Решили они возвратиться на старое место.

Караван выступил в обратный путь. Почти половина скота осталась около колодцев. Умерли два пастуха и трое детей.

Караван шел через пустыню. Стояла страшная жара. Раскаленный песок жег ноги сквозь кожаные подошвы.

Усталые люди падали замертво. Подбирать трупы было некому. Женщины не замечали, что они держат в руках уже мертвых детей. Пройденный казахами путь был устлан трупами людей и животных.

С тех пор эти кара-кумские колодцы стали называться Адам кырылган, что означает — погибли люди.

МУДРЫЙ СТАРИК

В далекие времена жил хан. Он имел только одного сына, любившего охотиться.

Однажды во время охоты мальчик подъехал к озеру, где паслись куланы. Охотник выстрелил, пуля попала в одного кулана. Видя это, остальные куланы бросились на мальчика и растоптали его.

Хан волновался, что мальчик так долго не возвращается. Он приказал разыскать сына: «Кто придет ко мне с вестью о смерти сына и будет утешать меня, тому я залью уши расплавленным свинцом»,— предупредил он.

Никто не смел сообщить хану о смерти его сына. Лишь мудрый кюйши Кер-Буга решил оповестить хана об этом игрою на домбре.

Пришел старик к хану и стал играть: «Испуганный хромой кулан помчался в гору. Умер твой сын, Джучи-хан»...

Рассердился хан и закричал на старика: «Не тебе играть этот мотив и не мне слушать его. Я залью тебе уши свинцом!»

Тогда Кер-Буга ответил ему на это: «Если будешь поступать по справедливости, то залей домбру. Если будешь поступать по-упрямству, то залей мне уши свинцом».

Хан взял домбру, сделал в ней отверстие и залил свинцом. И стали с тех пор делать отверстие на крышке домбры.

ГОРА ТОЛӨГАЙ

Жил великан. И у него было два сына. Младший, купаясь в Иртыше, утонул. Великан стал разыскивать сына, но не нашел. Тогда он решил запрудить Иртыш. Великан отделил Тологай от Тарбагатайских гор и понес к Иртышу. В Калбинских горах он остановился у своего старшего сына и попросил его помочь ему донести Тологай до Иртыша. Он попросил сына не встречаться с женой и провести ночь в одиночестве. Сын нарушил завет отца и утром не смог нести гору. Тогда великан оставил Тологай в Калбинских горах[1].

ОБ ИССЫК-КУЛЕ

Когда-то на этом месте стояли богатые города, окруженные со всех сторон горами. Воду жители брали из подземных водоемов, а ключ от них хранился у отшельника. Когда нужна была вода, брали ключ у этого отшельника, отпирали водоемы и брали воду, а потом опять запирали и возвращали ключ.

Однажды ключ взяла девушка. Она назначила свидание своему возлюбленному у водоемов. Нечаянно она уронила ключ в воду, испугалась и убежала. А вода все прибывала и прибывала. Она залила все города и на их месте образовалось озеро. Города остались на дне озера. Их видно там и по сей день.

УРОЧИЩЕ ЧОМ-КАЛГАН

Было время, когда кокандские ханы владели казахской степью и собирали с казахов обильную дань.

Вблизи Отар, в долинах реки Копе, кочевал в те годы казахский род. Не вытерпели казахи угнетения кокандцев. Жестоко разделались они со сборщиками дани. Одних убили, других прогнали.

Послал кокандский хан несметное войско для расправы с восставшими.

Вырезали кокандцы всех мужчин, угнали в плен женщин и детей. Имущество разграбили.

Заволновались казахские аулы. В роде Шапрашты нашелся храбрый батыр Суранчи Ахылбеков. Стал он собирать по степи жигитов. Собрал небольшое, но храброе войско.

Повел это войско батыр на кокандцев. Поздно вечером подошли казахи к кокандскому стану и разбили свой лагерь.

Знал Суранчи, что не победить ему кокандцев в открытом бою. Приказал он жигитам развести как можно больше костров, бить палками в доски, кричать и свистеть. А сам отправил послов к кокандцам и потребовал сдачи в плен.

Кокандцы подумали, что Суранчи собрал огромное войско, и растерялись. В их рядах началась паника.

А Суранчи только этого и ждал. С гиком и свистом ринулись жигиты на кокандский лагерь.

Кокандцы бросились в бегство. Они не успели даже надеть седла на верблюдов и оставили их в степи.

С тех пор эта местность, где происходила битва, стала называться Чом калган, что означает — «остались верблюжьи седла.

ШОЙТАС-МОЛ

Раньше нетронутые степи круглый год стояли белыми: зимой от снега, летом от ковыля. Гуляли по ним дикие звери да кое-где мелькали аулы казахов. Был у них свой хан, да пришелся не по нутру, прогнали они его и порешили с тех пор не заводить больше у себя хана.

И жили казахи без хана неплохо. Ясака не платили, оброков никаких не имели, прочих тягот не несли. Что заработают, все в своей семье оставалось. Жизнь проходила сплошным праздником. Днем люди работали, вечер придет — у костров собираются. От песен и плясок степь стонет, и зверь прочь бежит.

Но недолго казахи жили вольготно. Прошел слух, что с востока идет грозный калмык Наги-хан. По пути он выжигает степи и аулы, отнимает скот, а людей в плен забирает. Старикам головы сечет, на молодых колодки надевает и в свой улус отправляет.

Казахи от этих вестей в смятение пришли, места в степи не находят. То туда, то сюда метнутся в поисках спасения, но степь не лес—не спрячешься, особенно со стадами. И чем ближе подходил Наги-хан, тем больше теряли люди головы. И в

самом деле — с голыми руками на врага не пойдешь и никакое оружие не спасет, если в коллективе крепкой головы нет, которая могла бы взять на себя руководство народом.

Белобородые аксакалы потихоньку от людей собираются и втихомолку обсуждают, как завести себе хана. С ним-де лучше дело пойдет.

Аулы один за другим в страхе покидают стоянки и бегут в Бурту, а того не понимают, что хан и в Бурте их отыщет, и там бока им нахлыщет.

Первым понял это молодой храбрый Шойтас. Собрал он сородичей и говорит:

— Доколе же мы будем отступать? Так можно на край света убежать и защиты не найти.

Ему седобородые аксакалы отвечают:

— У нас нет хана, нет войска, а без этого одно спасенье — бегство.

— Хан — это стариковские выдумки,— сказал Шойтас.— Обойдемся без хана, а вот без войска, правильно, с Наги-ханом бороться нельзя. Но учтите, что и войско без вождя, что стадо без пастуха. При первом появлении волков стадо разбежится, и волку не составит труда поодиночке перерезать весь скот. Такая же участь ждет и нас, если придет Наги-хан.

Аксакалы ответили на это Шойтасу.

— А вот, чтоб с нами не случилось так, как с овцами при появлении волков, следует выбрать себе хана.

— Не всякий хан может водить войско,— сказал Шойтас.— Нам нужен полководец, а не нахлебник. Кто согласен жить и работать под Наги-ханом?

Молодежь промолчала, аксакалы не решались открыто выступать за избрание хана. Шойтас продолжал:

— Может быть, вы хотите откупиться, тогда выбирайте

старшин. Пусть с каждой юрты они соберут золото и серебро и понесут хану.

Аксакалы вспомнили деяния своих старшин и никак не хотели, чтоб они у них были. И опять промолчали.

— Ну тогда бегите без оглядки куда глаза глядят,— сказал Шойтас.— Придет Наги-хан, подушит вас, как котят.

Аксакалы и на этот раз упорно молчали. А Шойтас хотел знать, чего же в конце концов нужно казахам, и продолжал:

— Коли не хотите Наги-хану кориться и добром с ним делиться, становитесь стеной, как один! Будем драться не на жизнь, а на смерть.

Жигиты повскакивали с мест. Кто коня взнуздывает, кто саблю на себя вешает, кто копье из юрты вытаскивает. Конные встали направо, пешие — налево. Аксакалам ничего не оставалось делать, как тоже взяться за оружие и встать плечом к плечу с жигитами.

Шойтас смотрит на выстроившиеся ряды и думает: «Войско как войско. Еще голову ему—и хоть сегодня в бой». Глаза Шойтаса блестят от радости. С бронзового лица не сходит довольная улыбка. Смотрят на него казахи и думают: «Лучшего предводителя и не найти».

Обошел Шойтас ряды казахов и с радостью произнес:

— Собрались молодец к молодцу. Счастлив тот, кто поведет нас на битву!

— Достойней тебя у нас нет. Веди нас на Наги-хана,— вскричали казахи. Ляжем костьми, а рабами не согласимся быть. С тобою мы — в огонь и в воду.

Поблагодарил их Шойтас и стал готовиться к бою. Со степи прискакали разведчики и донесли, что войско Наги-хана в трех переходах. Шойтас выслушал и сказал.

— Я готов с ним померяться силой хоть сегодня

Не успели ускакать разведчики, как появились другие и донесли, что Наги-хан уже в двух переходах. Шойтас выслушал и сказал.

— Я готов с ним померяться силой хоть сейчас!

На заре следующего дня прискакал третий разведчик и доложил, что его разведывательный отряд попал в засаду и порублен воинами Наги-хана.

Шойтас выслушал и сказал:

— Жалеть не приходится: где лес рубят—там щепки летят. Мои казахи в долгу у Наги-хана не останутся.

Только он это вымолвил, как на высоте закурилась степь. Как саранча, осевшая на степь, лавиной движется вперед, оставляя после себя черным поле, так войско Наги-хана грозной тучей выползло из-за холмов и, оглушая гиканьем и свистом всю округу, раскатилось во фланги казахам. А войска Наги-хана глазом не окинешь и число в уме не прикинешь. Тысячи бунчуков, сотни зеленых знамен, лес копий — глядеть страшно.

Еще бы, смерть идет!

Но молодой храбрый жигит Шойтас ряды врага не считает и о смерти не думает. Он зорко прикидывает глазом маневры неприятеля и старается угадать его слабые места.

Вот уже правое крыло войска Наги-хана вплотную приблизилось к казахам. Зычно кричит Шойтас:

— Казахи, смело в бой за свободу, за вольные ковыльные степи. Умирайте, но не сдавайтесь врагу, рубитесь до последнего издыхания. Помните, неволя — хуже всякого бедствия.

Шойтас дал коню шпоры и лихо ворвался в центр вражеских рядов. Завязалась сеча. Люди метались, как безумные. Звенели сабли, ломались копья, падали кони. Люди валились на землю, как ковыль под косою. Шойтас врубался все глубже и глубже во вражеские ряды. От него не отставали и жигиты.

Они рубили направо и налево, грудью защищали друг друга. Но силы были неравны. К войску Наги-хана подходили все новые и новые подкрепления. У Шойтаса же в запасе не было ни одного казаха. Оборонявшиеся чувствовали усталость. Ряды их редели, а в некоторых местах уже не смыкались и пятились к берегу реки.

Шойтас поспешил к отступающим. С его сабли струилась кровь, сжатая рука была в крови, на лице кровавый шрам, голова без малахая. Конь тоже ранен, но оба они держатся бодро. Конь не сбавляет хода, лишь временами от боли потряхивает косматой гривой. Всадник крепко держится в седле, и могучая рука беспощадно разит врагов. Подскакав к своим, он крикнул:

— Братья-казахи! По ту сторону реки наш позор, наше рабство. Умрем, а речку не отдадим.

У казахов разгорелась кровь. Еще дружней, еще ожесточенней и напористей они встретили наседавшего врага. Но к Наги-хану подошло новое подкрепление. Казахи не устояли и вошли в речку. Стоя по грудь в воде, они продолжали рубиться. У Шойтаса оставалась горстка храбрецов, но он не прекращал рубить врага. Лицо его было устало и озабочено, но движения тверды и уверенны. Бросив раненого коня на берегу, он разил врага саблей и пикой. Стоя по горло в воде, он дрался так же свободно, как будто побоище происходило на степи.

Хан увидел Шойтаса и закричал:

— Попей, Шойтас, водички, авось горячка твоя пройдет, и ты благоразумно сложишь оружие.

— Нет, Наги-хан,— отвечал ему из воды Шойтас,— казахи с оружием не сдаются.

— Ну околевай! — гневно крикнул Наги-хан и послал к реке подкрепление.

Завязалась еще более ожесточенная сеча. Ломавшиеся копья трещали, как конопляная костра в мялке. Звенели и лязгали сабли. Глухо ухали тяжелые топоры. Свистели стрелы. Река сделалась красной от крови. Недаром казахи ее потом прозвали Кан-су, что означает — кровавая вода. Но она тогда не только окровавилась, но и заполнилась трупами так, что вода вышла из берегов.

С обеих сторон силы полегли немалые. Но ни та, ни другая сторона о сдаче не мыслила. У Наги-хана оставались еще резервы. Шойтас не хотел позора своему народу и не переставал рубиться, памятуя, что в своем доме и стены помогают.

Силы были явно неравны. Наги-хан выгнал Шойтаса с горсткой храбрецов из реки и потеснил в степь.

— Складывай оружие, Шойтас,— закричал Наги-хан,— не то перебью вас сейчас!

— Казахи с оружием не сдаются,— снова отвечал ему Шойтас.

С новой силой разгорелась сеча. Наги-хан, наблюдавший за ходом боя, бросился со свитой на утомленных казахов. Пущенная им стрела пронзила Шойтасу сердце. Падая, он успел крикнуть:

— Братья-казахи, я умираю, но вас заклинаю прогнать врага из родных степей.

Полные гнева и мести за гибель своего предводителя, казахи, пренебрегая смертью, ударили по вражеским рядам. Неожиданный ход борьбы смешал ряды Наги-хана. Они дрогнули и побежали позорно. Побежал и Наги-хан.

Кончался день. Кровавое солнце печально уходило за курившиеся степи, а войско Наги-хана, преследуемое казахами, все бежало и бежало. Оно уже не оборонялось, а молило лишь бога, чтоб скорее пришла ночь и спасла их от преследования.

Глубокий овраг преградил путь отступавшим. Бежать стало некуда. Наги-хан повернул свои разбитые ряды, чтоб оборониться от наседавших казахов.

Опять началась еще более кровавая сеча. Дрались, не жалея живота. Ни та, ни другая сторона пленных не брала. Из свиты Наги-хана уже никого не оставалось. Они пали при бегстве. Ему приходилось теперь одному и командовать, и рубить, и подбадривать обессилевших воинов. Но все эти меры не помогали. Войско таяло с каждым часом. Смерть витала уже над головой Наги-хана. Тут он понял, что его затея победить казахов является несбыточной, а поэтому нет смысла продолжать бесцельную сечу. У него оставался один выход — умереть! Наги-хан собрал уцелевших жигитов и ринулся с ними в самую гущу неприятеля. Но не успел он и саблей взмахнуть, как десяток пик вонзились ему в грудь. Наги-хан пал. Вместе с ним погибли и его жигиты.

Овраг, у которого был разбит Наги-хан, казахи назвали Битти-су, что значило: «битти» — конец битве, «су» — кровопролитие.

На солнечном восходе следующего дня казахи собрали тела своих ратных людей. В первую очередь отыскали тело павшего доблестного полководца Шойтаса и по всем обычаям старины предали земле. На месте погребения насыпали высокий холм, который и по сей день прозывается Шойтас-мол — курган Шойтаса. Подле него молчаливо стоят другие курганы, а вокруг — разной величины и формы надгробные памятники.

КАК АСАН-КАЙГЫ ИСКАЛ ЖЕР-УЮК

Асан-Кайгы услышал, что есть на свете Жер-Уюк, счастливая страна. В той стране много плодородной земли и многоводных рек. Народ в ней живет, не зная нужды, горя, гнета и вражды. Жаворонок вьет там свое гнездо на пушистой спине барана.

«О, если бы мой народ поселить в такой стране!»— возмечтал Асан-Кайгы.

Сел он на Желмая[1] и отправился искать счастливую землю. Повстречалась ему на пути древняя крепость Сауран.

— Зачем построили ее на пустыре в глубине безводной степи?— подивился странник.— Не грохочет здесь горный поток, нет здесь лесов. Едва ли этот город будет долговечным, а люди, живущие в нем, счастливыми.

Поехал Асан-Кайгы дальше. Приехал в город Туркестан, но и он не понравился ему.

— На каждом шагу арык журчит. Бедная здесь земля. Измученные женщины, худые мужчины. В нищете здесь народ живет.

[1] Быстроногий верблюд.

Три раза побывал Асан-Қайгы на Мангистау[1] и три раза возвращался оттуда. Сыновья, сопровождавшие его, спросили:

— Можно ли на Мангистау разводить скот?

Ответил Асан-Қайгы:

— Нет лучшей земли, чем Мангистау!— Но все же не остался он там — не было и там свободы человеку.

Ехал Асан-Қайгы через Тесик-тау[2], а когда проехал ее, завалил за собой отверстие в горе.

Увидел он Жетысу и сказал:

— Каждое дерево здесь плодоносит. Хорошее место для человека. Но и здесь не дают ему жить.

И проехал дальше.

Баян-аульские горы ему понравились.

— Овцы не станут жиреть, если не пасти их на Баяне.

И для жайляу он избрал себе Баян, но навсегда и здесь не остался.

К реке Қаратал Асан-Қайгы обратился с укором:

— Эй, Қаратал! Далеко ты несешь свои воды. Но бесполезно: пастбищ мало.

Посетив Аспру, Асан-Қайгы предупредил:

— Эй, Аспра! Живи в мире с соседом! Твоим травам воды хватит!

Соседом он назвал киргизский народ, живущий рядом с казахами. И поехал Асан-Қайгы дальше. Побывал он на реках Таласс и Келес, протекающих на юг мимо города Аулие-Ата[3] по восточной его стороне. Увидел он, что это хорошие места для скотоводства, и сказал:

— Эй, два Таласса и один Келес! Без скота жизнь здесь не

---

[1] Мангистау — полуостров Мангышлак.

[2] Тесик-тау — дырявая гора.

[3] Ныне город Джамбул.

будет в достатке. Скоту на ваших пастбищах не надо опасаться джута.

Но и здесь не остался Асан-Қайгы. Когда увидел он черноземную полосу Ауан в землях Жуалы[1], то воскликнул:

— Травы твои тучные, Ауан, снега глубокие, земля жирная. Истинную цену твою узнает земледельческий народ.

И последовал в сторону Ак-Мечети[2]. О землях, что лежали на Сыр-Дарье, сказал он:

— Эй, Ак-Мечеть! Каждый твой кустик хранит по куску мяса! Народу твоему не видать джута. Только следи за глазами своего скота, ибо земля твоя пыльная.

Но и здесь не остался Асан-Қайгы.

Свернул он к Қарсакпаю. Огляделся кругом и воскликнул:

— Кругом солончаки. Под горами твоими лежит медь. К твоим горам придут все народы, Қарсакпай. Будешь ты славен своими сокровищами. Народ твой не будет голоден!

И последовал Асан-Қайгы дальше.

Про Нарын-Самар он так сказал:

— Эй, Нарын! Годовалый твой жеребенок подобен жеребцу. Годовалый верблюжонок—вожаку. Но зима твоя длинная. Холодный апрель тяжел для бедных. Даже мая и июня твоего опасаюсь. Нет, земля здесь совсем не похожа на Жер-Уюк.

Прибыв на реку Чингирлау, Асан-Қайгы остановил своего Желмая, слез с него и стал кормить его и поить.

— Табуны твоих лошадей не сами собой развелись,— сказал он. Их размножил ты, Чингирлау! Раздери губы коню, недовольному тобой.

И здесь Асан-Қайгы заночевал.

На следующий день подъехал он к горе Жанарыстан, что

---

[1] Джувалинский район, Южно-Казахстанской области.

[2] Ныне город Қзыл-Орда.

возвышается на берегу Урала. Слез Асан-Кайгы с Желмая, подошел к могиле батыра Жанарыстана, низко поклонился ей и заплакал.

— О славный батыр! Одинокий стоишь ты в стороне!

Посмотрел Асан-Кайгы и земли Жидели-Байсан.

— Хороша твоя почва, Жидели-Байсан!—воскликнул он.— Не знаю, сможет ли мой верблюд поднять клочок твоей земли, если я отрою и погружу на него?

Но и эту землю не признал он за Жер-Уюк и поехал дальше.

Долго странствовал Асан-Кайгы, все искал на свете счастливую страну, где много плодородной земли и много водных рек, где народ живет, не зная нужды, горя, вражды и гнета, и где жаворонок вьет свое гнездо на пушистой спине барана.

Но так и не нашел Асан-Кайгы счастливую землю Жер-Уюк.

Умер Асан-Кайгы в той местности, где начинаются горы Улу-Тау.

СКАЗОЧНАЯ СТРАНА БАРСА-КЕЛЬМЕС[1]

Трое отважных жигитов, желая удостовериться в истине слышанных ими рассказов о горе Барса-Кельмес, с крутыми подъемами, расположенной на острове того же названия, решились подняться на эту гору. Едва один из них достиг вершины горы, как вдруг с возгласами восторга и удивления скрылся из виду, назад не вернулся. Другой, подстрекаемый тем же любопытством, решил последовать первому, но третий товарищ, боясь, чтоб и он не пропал, согласился отпустить его не иначе, как перевязав поперек веревкою, концы которой оставил у себя.

Взойдя на поверхность горы, жигит вскрикнул и бросился бежать, но был удержан и притянут вниз в совершенном исступлении и лишенный дара речи. Спустя трое суток, он начал говорить и рассказал, что за горой находится прекрасная долина, изобилующая разными ароматными цветами, травами и плодовыми деревьями; воды в источниках прозрачны, как стекло, и блестят, как серебряные нити. Вся долина заполнена предметами неги и роскоши; удивительные красавицы, подобные райским гуриям, поют, пляшут, манят к себе, и так очаровательны, что вызывают непреодолимое желание остаться с ними.

[1] «Если пойдет — не вернется».

КОБЛАН-СИЛАЧ И ДВА МЕШКА

Коблан-силач был такой могучий, что перекидывал волков через дувал, как котят. Говорят, он снова появился в наших краях.

Вот едет он однажды к дальнему кочевью и видит женщину, сидящую у мазара. У ног ее стоят два туго набитых мешка. Один поменьше, другой — на три пальца пошире, на три пальца повыше.

Остановил Коблан коня. Пожалел уставшую женщину и говорит:

— Хочешь, подвезу? Мешки приторочим к седлу.

Соскочил с лошади, взялся за меньший двумя пальцами. Мешок не шелохнулся, словно прирос к земле. Взялся тремя пальцами — чуть шевельнул мешок. Схватился всей рукой — едва оторвал от земли.

За второй мешок ухватился Коблан обеими руками. Еле-еле поднял его. Ноги от великой натуги сразу по колени в землю ушли. Вытер силач пот со лба.

— Вот так мешок!— сказал он.— Железо перед ним легче пуха. Что в них?

— Хлеб!— ответила женщина.— В первом урожай прошлого года, во втором — нынешнего.

— Второй мешок больно уж тяжел!

— Урожай большой был!

— Год счастливый выпал?

— Большая вода помогла!—ответила женщина и показала в правую сторону.

Посмотрел Коблан и глазам своим не поверил — откуда взялась такая полноводная широкая река?

«Видно, Сары-Су повернула в другую сторону»,— подумал он.

Невдомек было старому Коблану, что перед ним не Желтая река, а большой канал, построенный батырами.

КОРКУТ

Давным-давно жил на свете мудрец, умеющий предсказывать людям будущее. Звали его Коркут. Он много путешествовал, много видел и знал. Видел и плохое и хорошее, все взвешивал, размышлял, старался во всем разобраться. Особенно занимала его мысль о смерти. Он не раз задавал себе вопрос, почему умирают люди: одни стариками, другие молодыми; одни счастливыми, другие — в несчастье; одни только что родившись, другие — дожив до глубокой старости. Отчего все это? Но сколько он ни думал, ответа найти не мог. И чем старше становился сам, тем чаще думал о смерти. Смерть стала даже сниться ему.

Однажды Коркут увидел во сне людей. Они копали могилу.

— Кому предназначена эта могила,—обратился к ним Коркут.

— Для пророка Коркута,— ответили ему.

Коркут вздрогнул и, ничего не сказав, быстро ушел. Он решил покинуть эти места и на следующий день отправился в другой конец земли. Он путешествовал по безводной пустыне

Бетпак-Дала и по Сары-Арке[1], но где бы он ни был — перед его глазами вставала вырытая для него могила.

Не найдя успокоения в чужих краях, Коркут вернулся в родные места, на берег Сыр-Дарьи.

«Здесь мое спасение от смерти»,— решил он и, поселился на родине.

Аул, где жил Коркут, находился на берегу реки, но он ни дня не был дома, а все странствовал. Он ни на минуту не выпускал из рук кобыз[2] и настолько увлекся игрой, что забыл о смерти.

Но как-то во сне он услышал голос: «Ты умрешь тогда, когда произнесешь слово «смерть».

Прошло много времени. Коркут все странствовал и совсем не думал о смерти.

Однажды бычок Коркута убежал с привязи. Коркут отправился на поиски, в гневе говоря: «Умру, но найду».

Сказал — и пожалел. Он находился теперь на волоске от смерти. «Нужно уходить скорее из этих мест»,— решил Коркут и, оседлав Желмая, отправился в дорогу. Он побывал и на востоке, и на западе, и в Сары-Арке, и на юге, и опять везде его преследовала вырытая могила.

Убедившись, что ему все равно не спастись от смерти, Коркут решил вернуться на родину.

Боясь, что на земле его застигнет смерть, он расстелил на воде чудесный ковер и стал плавать на нем по Сыр-Дарье, неустанно наигрывая на кобызе.

Коркут пел о своих думах, которые не покидали его во время долгих путешествий. Коркута слушали птицы, останавливая свой полет, слушал ветер, прекратив свое движение; звери

[1] Центральная часть Казахстана.

[2] Кобыз — национальный музыкальный инструмент (струнный смычковый).

Сары-Арки приходили на берега Сыр-Дарьи послушать его. Даже река временами останавливала течение, чтобы послушать звуки кобыза.

Сыр-Дарья стала спасительницей мудреца. А он плавал на своем чудесном ковре и, устремив взгляд в прозрачную как слезы воду, все играл и играл. И смерть, слушая успокоительные кюи[1] Коркута, завороженная стояла поодаль, боясь прервать сладостную ее сердцу мелодию.

Так Коркут боролся со смертью. И когда однажды, уставший и утомленный, он задремал, преследовавшая его смерть обернулась ядовитой змеей, подплыла к нему и ужалила. Коркут заболел и вскоре умер. Его похоронили на берегу Сыр-Дарьи возле Кармакши и рядом с ним положили кобыз.

Умер Коркут, но кюи его не умолкли: струны кобыза продолжали звучать. И кто проходил мимо могилы, мог услышать их печальный звон. И в этом звоне, в шорохе травы, в налетевшем ветерке было слышно лишь одно слово: «Коркут», «Коркут».

Все, кто слышал игру Коркута, сделали такие же кобызы и стали играть его песни.

---

[1] К ю й — мелодия.

ОТВЕТ КЮЙШИ

В одном ауле жили два друга. Когда один из них решил жениться, другой тоже подыскал себе невесту. Женились друзья в один день на веселых красивых девушках.

Прошло несколько месяцев. Встретились женщины у колодца и заспорили, кого из них муж больше любит. Одна говорит:

— Меня больше любит мой муж. Видишь, скоро сына ему рожу,— и она показала на свой живот.

Другая посмотрела на нее с насмешкой.

— Может быть, первый месяц и любил тебя муж,— сказала она.— А за что будет любить теперь, когда ты стала некрасивой? Вот я так всегда нравлюсь своему мужу. Походка моя осталась прежней, а талия тонкой, как у девушки.

— Это неважно,— отвечала первая.— Мой муж очень любит меня. Я ему не только жена, но и мать его будущего ребенка. Он вдвойне любит и бережет меня.

Спорили, спорили женщины, а переспорить друг друга не могли.

В это время мимо проходил старый кюйши[1]. Остановился он, послушал и покачал головой.

Женщины обратились к нему:

— Рассуди нас, добрый кюйши. Скажи, кто из нас прав?

И рассказали старику о своем споре.

Посмотрел на них кюйши, улыбнулся, сел и заиграл на домбре. Нежно зазвучали послушные струны. Прислушались женщины к музыке и словно увидели перед собой картину.

Идет по дороге молодая девушка. Резвы ее ноги. Тонок, как камыш, стан. Высока упругая грудь.Весело девушке, прыгает она, словно козленок, рвет цветы, бегает за кузнечиками и бабочками, увертывается от рук веселых жигитов. Вот окружили они ее и хотят поймать. Но ловка и проворна девушка. Быстрой лисичкой ускользает она от жигитов. И снова она идет по дороге — гибкая и сильная. Высокие травы наклоняются к ее ногам, чтобы остановить красавицу, опутать ее смуглые ноги...

Снова ударил старый кюйши по струнам, и еще нежнее зазвучали они. И увидели молодухи другую картину.

Идет по дороге женщина. Тихо ступают ее ноги. Осторожно она несет полный драгоценный живот. Нежной материнской любовью светятся ее глаза. Веселые жигиты расступились по сторонам и молча сняли шапки. Один поднес женщине букет цветов, другой предложил румяное яблоко, третий заботливо спросил:

— Может быть, проводить тебя?

Женщина посмотрела на них и улыбнулась. Много счастья было в этой улыбке. Осторожно ступая, она шла своей дорогой. Густая трава раздвинулась, чтобы не помешать пройти матери.

---

[1] К ю й ш и — акын-мелодист.

Стадо овец, бежавшее навстречу, остановилось и освободило ей путь.

Шла женщина — гордая, счастливая, неся под сердцем самое драгоценное на свете — будущего человека...

Домбра умолкла.

— Вот мой ответ на ваш спор!— сказал кюйши.

Старик снял малахай и, поклонившись куда-то в сторону, как бы идущей матери, продолжал свой путь.

Женщины больше не спорили. Они разошлись по домам. Одна — счастливая и довольная, другая — грустная, с низко опущенной головой.

ХАН И АКЫН

Это было во времена кокандского ханства. Бий-мурза со своими сорока визирями ездил по аулам казахских степей и обирал народ. Некому было жаловаться на тяжкие поборы. Хан был силен и жесток. Бий-мурза появлялся, как смерч, над аулом. И за каждую девушку старше тринадцати лет брал лошадь и один халат. А самую красивую увозил на ночь в свою юрту. Сорок аяров защищали бия-мурзу от ярости народа. Плакала степь широкая, жемчужины слез собирались в ручьи, и вода с шумом бежала в море-океан. Откочевывали казахи на жайляу, в горы, но бий-мурза находил их везде. И снова в страхе дрожали девушки, и снова жигиты были полны злобы, но беспомощны.

Старшина рода, белый и мудрый старик, сказал:

— Надо обмануть бия и всем девушкам переодеться в одежду женщин.

И когда приехал бий-мурза, в ауле не оказалось ни одной девушки. Рассвирепел бий. Он созвал своих аяров и приказал им:

— Соберите в ауле всех молодых женщин.

У почетного старца была дочь Ханым. Была она очень красива. Народ называл ее Алтыншаш — золотоволосая. Ее ресницы были словно из золота, а вместо глаз светились изумруды. Хороша была Ханым, и не один жигит мечтал о том, чтобы на него ласково взглянула Ханым. И когда один из аяров подъехал к Ханым и поцеловал ее, брат Ханым молнией налетел на аяра и зарубил его. Тогда жигиты бросились на остальных аяров и всех перебили. Брат Ханым примчался к юрте бия-мурзы, зарубил мурзу и выпил глоток его крови.

Долго скрывались в горах жигиты, опасаясь мести хана. Тяжело было женщинам в аулах, но и тяжело было жить в вечном страхе за свою судьбу и судьбу своих дочерей.

И решили жигиты поехать к кокандскому хану с повинной. Они отобрали триста лучших лошадей и отправились к хану. С ними поехал акын степей, лучший песенник народа ходжа Мадали.

Желтую степь сменила яркая зелень, стройные тополя гордо смотрели в небо, и их верхушки трепетали, перешептываясь с ветром. Между чинарами расположилось стойбище кокандского хана.

Жигиты остановились неподалеку от стойбища. Хан сказал:

— Пусть придет ко мне тот, кто убил бия-мурзу.

Брат Ханым и акын явились к хану. И акын Мадали запел:

Девушек много в степях у тебя,
И честь их и жизнь в руках у тебя.
Срывают тюльпаны, но будет ли прок,
Если еще не раскрылся цветок.
Слезами мои затуманил глаза
Делами своими изменник мурза.

Чапаны из шелка у нас отбирал,
Жирных коней косяки угонял,
Он девушек лучших, гяур, осквернял.
Не бий он — гиена, степная гроза.
За это убит он, изменник-мурза.

И хан простил их. Понравилась хану песня акына Мадали, и он сказал:

— Хорошую песню спел ты, акын. Скажи, чего хочешь, и я тебе дам.

И акын Мадали снова запел:

У Ак-Мечети, где местность Ихан,
Я землю лелеял и землю пахал.
Пупок там мой срезан, и грязь от белья
Смывала водою река Сыр-Дарья
И если не жалко, о светоч зари!
Мне землю родную мою подари!

И хан рассердившись сказал:

— Дарю тебе землю, только под юртой твоей.

БЫТОВЫЕ САТИРИЧЕСКИЕ СКАЗКИ

ЗОЛОТАЯ ОСЛИЦА И ВОЛШЕБНЫЙ ЗАЯЦ

В далекие времена жили на белом свете богач Абралы и бедняк Сабралы.

Абралы был купец и торговал скотом.

Сабралы был хлебопашец и с утра до вечера трудился на своем крохотном участке земли. Помогал ему только один черный вол с обломанным рогом. А жил бедняк вместе с женой в дырявой, черной от дыма юрте. Дожил он до сорока лет, но детей не нажил.

Часто говорил Сабралы жене:

— Если родишь мне сына, я пошлю его учиться, и будет он у нас ученый. А если родишь дочь, мы отдадим ее замуж за того, кто даст нам калым «сорок семь»[1].

[1] «Сорок семь» голов скота — принятый по обычаю выкуп за невесту.

Вот родила жена сына.

Обрадовался Сабралы. Терпеливо стал ждать бедняк, когда мальчику исполнится девять лет, чтобы отвести его в школу.

А сын рос на славу — здоровый, сильный и сметливый.

Станут бороться — всех переборет. Затеят драку — всех победит.

Смотрит на сына отец — налюбоваться не может. Говорит сам себе: «Растет мое счастье!»

Исполнилось мальчику девять лет. Отвел Сабралы его к мулле и просит:

— Сделай из него ученого!

Оставил мулла у себя мальчика для обучения. И в науках сын Сабралы обогнал своих сверстников.

Однажды мулла сказал своему ученику:

— Пойди к отцу и скажи, чтобы он заплатил за твое ученье три дилла. Без денег не являйся ко мне.

Пришел мальчик домой. Передал отцу слова муллы.

«Где взять три дилла? — задумался бедняк.— Если продать единственного помощника — черного вола, то как же тогда пахать землю?»

Целую ночь не спал Сабралы. Все размышлял — где достать деньги. Не хотел он оставлять сына неучем. Решил бедняк отвести на базар вола.

Еще не взошло солнце, встал он и пошел в хлев.

Гладит Сабралы вола по шее и приговаривает:

— Прощай, мой помощник! Честно заменял ты мне и верблюда и лошадь. Попадешь теперь, бедная скотина, к воруперекупщику жадного купца Абралы!

Попрощался бедняк с волом, разбудил сына и наказывает ему:

— Пока стоит утренняя прохлада, отведи нашего вола на базар. Продай его и заплати мулле за твое ученье.

Удивился сын и говорит:

— Разве я сумею продать вола? Меня могут обмануть хитрые люди.

Отвечает отец:

— Не бойся, сынок. На базаре нет других покупателей, кроме перекупщиков Абралы. Все равно, кто из нас поведет вола на базар, ты или я. Ему одна дорога — в руки Абралы.

— А кто такой Абралы?— спросил мальчик.

— То же, что и хан. Он купец, старшина и судья. Никто не смеет на базаре покупать скот без его разрешения.

И стал бедняк объяснять сыну, как следует продавать вола:

— Приведешь ты его на базар. К тебе подойдет первый перекупщик. Запроси с него пятнадцать дилла. Он тебе предложит один дилла. Ты не уступай. Потом подойдет второй перекупщик. Запроси с него двадцать дилла. Он тебе предложит два. После подойдет третий. Ты требуй с него двадцать пять дилла, а с четвертого — тридцать. И так с каждого следующего покупателя запрашивай на пять дилла дороже. Наконец к тебе подойдет аксакал низкого роста, широколицый и курносый. Проси у него триста дилла. Аксакал удивится и спросит, почему ты так дорого ценишь своего вола. Отвечай ему правду. Скажи: вол самый обыкновенный, но тебе нужны деньги, чтобы заплатить мулле за ученье. Может быть, аксакал и заплатит три дилла. Иначе такой цены нам никто не даст.

Привел мальчик вола на базар. Остановился на самом видном месте. Ждет покупателей.

Подходит к нему слуга Абралы и спрашивает:

— Сколько хочешь за вола?

— Пятнадцать дилла.

— Молодец купец!— сказал с насмешкой перекупщик.— Умеешь ценить кривую жердь. Разве это вол? Кожа да кости, и одного рога не хватает. Хочешь за свою дохлятину один дилла?

— Нет. Пятнадцать дилла.

Подходит второй перекупщик к мальчику:

— Сколько стоит вол?

— Двадцать дилла.

— Кто же даст тебе такие деньги? Самый лучший вол стоит два дилла, а твой годится для живодерни. Возьми полтора, скажи спасибо и иди домой!

— Нет. Двадцать дилла.

— Тогда подожди дурака, который тебе даст столько.

Ушел второй перекупщик. Подходит третий. Потом четвертый, пятый, шестой. Все торгуются, но никто не дает за вола больше двух дилла.

Начали люди расходиться с базара. Подходит к мальчику невысокий широколицый аксакал.

— Столько стоит вол?

— Триста дилла.

Покачал головой аксакал:

— Ты не купец, а глупец! За триста дилла можно скупить на базаре весь скот. Кто же даст тебе за старого однорогого вола такие деньги? Говори настоящую цену.

— Триста дилла!

— Может быть, твой вол особенный, если ты просишь так много золота?

Мальчик ответил:

— Нет, аксакал. Но мне надо много денег, чтобы заплатить долг мулле за ученье. Я хочу учиться и быть ученым человеком.

— А сколько ты задолжал мулле?

— Три дилла.

— Вот тебе три дилла.

Мальчик хорошо помнил напутствие отца. Взял он деньги, отдал вола и, радостный, побежал домой.

Снова призадумался Сабралы: как быть?

Если отдать три дилла мулле, то не будет ни вола, ни денег. А через полгода мулла снова потребует плату за ученье.

Думал-думал бедняк и надумал.

Купил Сабралы за два дилла длинноухую ослицу, всю ночь кормил ее клевером, а утром повел на базар.

Не доходя до площади, напоил он ослицу холодной водой. Раздулся у ослицы живот, стала она тяжело дышать.

Остановился Сабралы на базаре. Подходит к нему перекупщик Абралы.

— Сколько стоит ослица?

— Две тысячи дилла.

Рассердился покупатель:

— Кто тебе даст две тысячи за такую длинноухую ослицу, тот в жизни не увидит ни одного дилла!

Повернулся перекупщик, но Сабралы схватил его за рукав и шепчет:

— Всю жизнь жалеть будешь, если не купишь ослицу, Судьба тебе сокровище посылает. Купи ее для Абралы и будешь самым дорогим другом ему. Ничего для тебя не пожалеет.

Заинтересовался перекупщик:

— Чем же замечательна твоя ослица?

— А вот чем. Погони ее и скажи: «Дай дилла!» Как ослица споткнется, так вместе с пометом выбросит дилла. Погонишь ее два раза в день — получишь два дилла. Вот почему она стоит так дорого.

Загорелись у перекупщика глаза от жадности. Решил купить ослицу в подарок Абралы. Говорит он продавцу:

— Если не врешь, покажи, как она выбрасывает золото, тогда я куплю ее.

— Хорошо!

Стегнул Сабралы ослицу несколько раз бичом. Побежала она и стала выбрасывать помет. А вместе с ним выпала и дилла, которую Сабралы заранее спрятал под хвост ослице, когда привел ее на базар.

Видит перекупщик — нет никакого обмана. Предлагает он за ослицу тысячу дилла.

Долго торговались они, наконец Сабралы уступил:

— Ладно, бери ослицу за тысячу дилла.

Отдал перекупщик деньги. Ведет ослицу и думает:

«Тысячу дилла ослица отдаст быстро, а дальше можно будет собирать чистые барыши. Абралы обрадуется такому подарку».

И повел перекупщик ослицу к богачу. Тащит ее прямо в дом к нему.

Абралы разгневался:

— Что ты, пустая голова, вместе с ослом лезешь в чистую комнату? Здесь не хлев. Убирайся вон!

Успокаивает его перекупщик:

— Не сердись, повелитель! Это — золотая ослица. Сам аллах посылает ее тебе!

— Что ты мелешь, дурак?

— Я говорю правду. Если погнать эту ослицу и сказать: «Дай дилла!», вместе с пометом она выбросит вот такую золотую монету.

Перекупщик показал дилла, полученный от Сабралы, и продолжал:

— Один дурак продал мне это сокровище за тысячу дилла. Я преподношу его тебе, повелитель! Пригласи своих друзей. Пусть они посмотрят, как ослица будет давать золото. Я видел эту картину собственными глазами и собственными руками поднял дилла. Тут нет никакого обмана.

Посмотрел Абралы монету, попробовал ее зубами — не фальшивая!

Обрадовался богач и пригласил к себе в гости всех баев и мулл. Рассказал он им о золотой ослице. Гости поздравили его с покупкой.

— Редкая находка попалась вам в руки, аксакал!

— Большое счастье владеть золотой ослицей!

А мулла сказал:

— Это еще лишнее доказательство, что вы, Абралы-ага,— любимец аллаха!

Расселись гости в самой большой комнате.

Перекупщик втащил ослицу и принялся гонять ее по ковру. Гоняет, гоняет и приговаривает:

— Дай дилла! Дай дилла!

Но ослица не только монеты, даже помета не дает.

Гости мигнуть боятся, глядя на хвост ослицы. Каждому хочется собственными глазами видеть, как ослица выбросит золотую монету.

Перекупщик бьет ослицу все сильней и сильней. Пот с него градом льет. Ругается он. Изнемог от усталости, а все же кричит:

— Дай дилла, проклятая! Дай дилла!

Но вот ослица подняла хвост, испоганила все ковры, а золотой монеты не выбросила.

Стали баи подшучивать над Абралы. Смеются и говорят:

— Такое зрелище можно в любой час на улице увидеть!

А другие рассердились:

— Ты мог и один любоваться на ослиный хвост, если тебе это нравится. Зачем надсмеялся над нами?

А те, кто боялся богача, ничего не сказали и ушли обиженные.

Абралы решил жестоко наказать перекупщика. Но гости ему сказали:

— Не он виноват, а обманщик, продавший простую ослицу за золотую. Вот кого следует проучить хорошенько.

Абралы послушал совета гостей и послал перекупщика искать обманщика.

— Приведи его ко мне! Я сам с ним расправлюсь!

А Сабралы в это время готовил для богача новый подарок.

Изловил он двух одинаковых зайцев и сделал для них два одинаковых ошейника. Одного зайца Сабралы привязал в комнате, а с другим решил спрятаться невдалеке от дома.

Жене он сказал:

«Если придут к нам люди, прими их любезно и хорошенько угости. Если они спросят тебя, где я, объясни: «Муж работает в поле, но его можно позвать!» Подойди к зайцу и прикажи ему: «Беги, зайчик, в поле, позови скорее Сабралы». После этого отвяжи зайца и выпусти во двор.

Только успел спрятаться Сабралы, подъезжают к дому двое посланцев Абралы и спрашивают:

— Здесь живет Сабралы?

— Здесь,— отвечает жена и приглашает непрошенных гостей в дом.

Помогает она им сойти с коней, ведет в комнату, стелет самые лучшие одеяла. Начинает готовить угощение. Высыпает на скатерть баурсаки. Наливает гостям чай.

— Из какого аула приехали, уважаемые гости? — спрашивает хозяйка.— И зачем вам понадобился мой муж?

— Мы из аула бая Абралы!

— Вот как!— обрадовалась хозяйка.— Тогда вы самые дорогие и желанные гости в нашем доме. Прошу вас, погостите у нас несколько дней.

А гости уже обратили внимание на зайца. Размышляют: почему у него на шее такой красивый ошейник? Но спросить хозяйку стесняются — нехорошо мужчине проявлять перед женщиной любопытство.

Сказали гости:

— Хотели бы мы повидать хозяина дома!

— Хорошо. Сейчас позову вам мужа.

Подошла женщина к зайцу, отвязала и говорит ему:

— Сабралы на том же месте, где он работал вчера. Беги быстрее, зайчик, и скажи, что приехали дорогие гости от бая Абралы!

И пустила она зайца на волю. Тот стрелой помчался в лес.

Через час приходит Сабралы. Гости ничего понять не могут: держит бедняк в руках зайца с красивым ошейником, того самого, что хозяйка на их глазах за мужем посылала.

Привязал Сабралы зайца на прежнее место и поздоровался с гостями. А те переглянулись — никогда такого диковинного зайца не видели.

Бедняк спрашивает:

— По какому делу приехали люди Абралы-бая?

А сам гладит и ласкает зайца.

Думают гости: если притащат они Сабралы к своему господину, проку для них будет мало. А если вместо Сабралы привезут волшебного зайца, богач может их наградить.

И говорят они хозяину:

— Слышали мы, что есть у тебя волшебный заяц, который понимает человеческую речь. Хотим мы приобрести его для Абралы. Не продашь ли?

— Нет, отвечает Сабралы.— Не продам. Он у меня за сына, товарища и сторожа.

— Мы дадим за него тысячу дилла!

Долго уговаривали они бедняка, наконец тот сказал:

— Не хочется мне огорчать вас и Абралы-бая. Так и быть, берите волшебного зайца за тысячу пятьсот дилла.

Отсчитали гости деньги, взяли зайца и, радостные, поспешили домой.

— Привезли обманщика? — спрашивает Абралы.

— Нет, но мы привезли тебе волшебного зайца, Абралы-ага! — говорит перекупщик.

Начал он расхваливать свое приобретение. Послушал богач и сказал:

— Ты уже опозорил меня один раз с ослицей. Убирайся прочь с твоим зайцем. Тебя, должно быть, опять надул Сабралы.

Но перекупщик клянется:

— Нет, это настоящий волшебный заяц. Мы сами видели, как он сбегал в поле и позвал Сабралы домой. Здесь не может быть никакого обмана.

Убедил он богача. Принял Абралы подарок и велел привязать зайца в своей комнате.

Вот собирает снова Абралы гостей и говорит им:

— Мы виноваты перед вами, почтенные гости, что показали вам простую ослицу вместо золотой. Но зато сегодня мы вам покажем настоящего волшебного зайца.

А было у богача четыре жены. Старшая из них жила в двух верстах от его дома. Отвязал Абралы зайца и приказывает ему:

— Беги, зайчик, к моей старшей жене. Передай, что скоро придут к ней гости. Пусть приготовится к встрече, сварит мяса и ждет нас.

Вывел Абралы зайца за дверь и отпустил. Тот мигом скрылся с глаз. Только его и видели!

Гости посидели некоторое время у Абралы и отправились вместе с ним к старшей жене.

Приходят и видят — в доме беспорядок. Никто их не ждет, мясо не варится, на хозяйке старое, грязное платье.

Рассердился богач:

— Я послал к тебе зайца и велел приготовиться к встрече гостей. Как ты смела ослушаться меня?

— Что ты плетешь? — удивилась жена.— Пусть я ослепну, если видела зайца. Ты совсем сошел с ума! Разве заяц понимает человеческую речь? Тебя снова кто-нибудь одурачил, как с золотой ослицей.

Отчитала жена своего глупого мужа. Гости смеются над одураченным баем. Пришел Абралы в ярость. Приказал слугам убить перекупщика. Набросились слуги, начали его избивать. Чуть не убили. Но снова нашлись заступники. Говорят они баю:

— Подожди казнить его. Пусть лучше он поймает и приведет обманщика. Посмотрим на этого мошенника.

Согласился Абралы. Приказал он двум слугам ехать вместе с перекупщиком за Сабралы.

Но бедняк хорошо знал, что богач не простит ему насмешки. Решил он уехать от него подальше.

Денег теперь у него было много. Тысячу дилла он получил за золотую ослицу да полторы тысячи за волшебного зайца.

На новом месте в большом довольстве зажил Сабралы.

Сына своего он отдал в хорошую школу

ЖИРЕНШЕ И ХАН

Жиренше[1] пас лошадей хана. Раз убежали у него лошади. Поехал он их искать. Доехал до перекрестка и остановился. Не знает, по какой дороге ему дальше ехать. Увидел девушку, собиравшую топливо, и спрашивает ее:

— По какой дороге лучше ехать?

Отвечает она:

— По левой поедешь — дальше, но ближе будет. По правой поедешь — ближе, но дальше будет!

— Как же это так? — не понял Жиренше.— Ближе, а дальше будет?

— А там грязь!

Спросил Жиренше:

— Где ты живешь?

— В той юрте, у которой сорок дыр.

Нашел Жиренше в ближайшем ауле самую дырявую юрту и высватал девушку в жены. Была она очень красивая. Увидел ее хан, надумал взять себе и решил извести Жиренше. Позвал он пастуха и приказывает:

[1] Жиренше — острослов.

— Сшей мне сапоги из камня!

Пришел Жиренше домой и жалуется жене:

— Хан велит сапоги из камня сшить. Что мне делать?

— А ты попроси у него дратву из масла и шило из воску,— посоветовала жена.

Отправился Жиренше к хану. Стал просить дратву из масла и шило из воску.

Говорит ему хан:

— Чудак! Как же можно сделать дратву из масла, а шило из воску?

Отвечает пастух:

— А без них сапоги из камня сшить невозможно.

Тогда приказывает хан Жиренше сварить ему быка, но так, чтобы в кишках ничего не было и чтобы он не был резан.

Пришел Жиренше домой и рассказал жене о новом повелении хана.

Говорит ему она:

— Возьми быка, давай ему пить только солонцовую воду и гоняй два дня.

Поступил Жиренше по совету жены. Ничего в быке не осталось. Сварил он его и стал разрезать при хане. Смотрит хан и видит: бык не зарезан и ничего в кишках нет. Только маленькая травка осталась в желудке. Но Жиренше ее незаметно проглотил.

Призадумался хан: как извести хитрого пастуха?

Дает он ему девять баранов и велит, чтобы они через девять дней по ягненку принесли.

Пришел Жиренше домой, рассказал жене.

Успокоила его жена:

— Это он нам девять баранов на еду дал!

Прошло девять дней. Велела жена заколоть баранов, вымазала руки в крови и идет в аул к хану.

Хан встретил ее и спрашивает:

— Почему у тебя руки в крови?

Отвечает женщина радостно:

— Жиренше сейчас парнишку родил.

— Что ты глупости говоришь?— рассердился хан.—Разве мужчина может родить?

— А как же ты хочешь, чтобы тебе бараны ягнят принесли?— сказала женщина.

Видит хан — ничего нельзя сделать с Жиренше. Решил он его убить. Позвал к себе и сказал:

— Собирайся со мной на охоту.

Почуял пастух недоброе и рассказал жене.

Сделала она из своего молока кумыс, дала мужу и сказала:

— Сам не пей, но как хан захочет пить — дай ему. Тогда он тебя не тронет.

Поехал хан с пастухом на охоту. Захотел хан пить. Жиренше дал ему кумыса. Напился тот и спрашивает:

— Откуда ты взял такой сладкий кумыс?

Рассказал пастух правду, ничего не утаил.

— Теперь твоя жена мне мать!— сказал хан, повернул коня и поехал к себе домой.

А Жиренше к жене возвратился.

МУДРЫЙ АЯЗ

Давным-давно это было. Жил на земле хан. Звали его Маден. Имел он сорок визирей. Однажды он призвал их к себе и сказал:

— Вы отмечены печатью мудрости и осчастливлены высоким положением при моем дворе. Мне угодно дать вам испытание. Найдите самого ничтожного человека из всех живущих на свете, самую никудышную птицу на земле и самую никчемную траву в степи. Даю вам одиннадцать месяцев срока. Если в течение этого времени не исполните моих приказаний — жестокое наказание постигнет вас. Так говорю я, хан Маден!

Коли хан приказал — ничего не поделаешь. И визири, посоветовавшись между собой, отправились искать самого ничтожного человека, самую никудышную птицу, самую никчемную траву.

Долго искали визири. Много испытали они бед и лишений, пока нашли то, за чем послал их хан.

Нашли они самую худшую из трав — шенгель: скот отказывается есть ее колючки; когда идешь мимо, она цепляется за одежду и рвет ее. «Наверное, это и есть самая никчемная

трава в степи»,— решили визири и, набрав ее целый вьюк, отправились дальше.

Ехали они, ехали, вдруг смотрят — сидит в кустарнике фазан, небольшая невзрачная птица.

«Это и есть, наверное, самая никудышная птица»,— подумали визири.

Они изловили фазана и поехали дальше.

На склоне горы встретили они человека, одетого в лохмотья. Он пас не более десятка овец. Визири стали внимательно разглядывать его: не это ли самый ничтожный человек из всех людей, живущих на земле? Пока визири рассматривали его, человек сам обратился к ним:

— О высокочтимые, что вас так удивляет во мне?

Визири рассказали ему о поручении хана.

— Нам осталось найти самого ничтожного человека, и мы смогли бы тогда смело вернуться домой,— сказали они.— Но мы потеряли надежду найти ничтожного человека, и поэтому душа каждого из нас полна страха. Твой жалкий вид поразил нас, и вот мы стоим и глядим на тебя: не ты ли и есть самый ничтожный человек?

Оборванец ответил:

— Ну что же? Меня зовут Жаман[1]. Должно быть, это я и есть. Ведите меня к хану, и ваше дело будет сделано.

Визири согласились с Жаманом и повезли его во дворец. По дороге Жаман посоветовал визирям выбросить фазана и шенгель-траву, а вместо них взять кара-кога и сороку. Визири потребовали объяснения, но Жаман заявил, что ответит лишь самому хану, и визири сделали, как он советовал.

Когда визири предстали перед ханом, он, посмотрев на Жамана, сказал:

[1] Жаман — дурной, плохой, ничтожный человек.

— Человек, которого вы привели, действительно похож на ничтожного. Ничтожнее его уже, наверное, нет никого на свете! Отведите его пока на кухню, пусть повар накормит его похлебкой с хлебом. Завтра я буду с ним говорить.

Увели Жамана на кухню.

— А что касается никчемной травы и никудышной птицы, — продолжал гневно хан,— то вижу я, что вы их отыскать не смогли. Ведь издавна считается никудышной птицей фазан, никчемной травой — шенгель. Незачем было ездить так далеко: кара-кога заполняет все берега моих озер, а сороки живут в любом из моих лесов. И хотя вы это отлично знали, вы все же притащили их сюда!

Визири ответили:

— Хан! Ты прав. Мы действительно взяли сначала шенгель и фазана, но по дороге Жаман сказал нам, что самая никудышная птица — сорока и самая никчемная трава — кара-кога, и посоветовал нам взять именно их.

Задумался хан.

— Э-э! Что-то есть на уме у Жамана. Приведите-ка его сюда.

Жамана привели к хану. Хан посмотрел на Жамана и спросил:

— Откуда тебе известно, что кара-кога самая никчемная трава, а сорока никудышная птица?

Жаман ответил:

— Великий хан! Я стал ничтожным не в старости, а еще смолоду: всю жизнь я работал у чужих людей. Когда я приносил в зимовье шенгель и топил ею очаг, то жар держался в печи до утра, как будто я топил саксаулом. Тогда я понял, что хотя шенгель рвет одежду и скот не ест ее, но все же шенгель полезна человеку. А кара-кога? Когда я бросал ее в огонь, она

не горела; когда я пытался раздуть пламя, оно потухало. Тогда я подумал: «Может быть, скот будет есть ее?» Но скот не ел этой травы, отходя от нее прочь. Вот почему я решил, что кара-кога и есть самая никчемная трава.

— А сорока? Откуда ты взял, что она никудышней фазана? — спросил хан.

— Каждый знает, что фазан приятен на вкус,— сказал Жаман.—Нельзя винить его за то, что у него невзрачный вид,— таким уже сотворила его природа. А вот сорока хотя и красива перьями, но никудышна нутром. Подобно тому, как пестры ее перья, нет меж сороками согласья: две сороки вместе не летают, две сороки вместе не сидят. Человеку от нее никакой пользы нет, в пищу она не годится. Поэтому сорока — самая никудышная птица.

— Хорошо,— сказал хан,— ты все правильно говоришь. Но откуда ты знаешь, что ты и есть самый ничтожный человек?

— О хан!— ответил Жаман.— Мне пятьдесят лет. Ровесники мои давно поженились. Их окружают дети, жены им прислуживают, посторонние оказывают уважение. А я скитаюсь по миру, тружусь на чужих людей. Кто же тогда ничтожный человек, кто же тогда Жаман, как не я?

Хан покачал головой.

— Ой, рад бы я был, если бы ты действительно оказался жаманом! Ну, ладно. Ты сказал все правильно. Теперь вот послушай. Есть у меня чудесный конь, взгляни на него и скажи, каков он.

— Хорошо!— согласился Жаман.

Когда привели коня, Жаман внимательно его осмотрел и сказал:

— По виду у коня недостатков нет. Позволь, хан, проехать на нем.

Хан согласился. Жаман переехал на коне через реку и, вернувшись, сказал:

— Мой хан! У этого коня нет недостатков, если не считать, что у него в повадке есть что-то коровье.

Хан удивился.

— Ох, злодей! Ты угадал! Мать этого жеребенка пришлось прирезать, и, пока он вырос и смог сам пастись, его кормили коровьим молоком. Как ты догадался?

— Я заметил, что, переходя реку, конь этот задние ноги отряхивал, а голову все время пригибал к воде. Корову хоть сорок раз напои, она не пройдет через реку, чтобы не напиться в сорок первый.

Окружавшие хана визири с удивлением посмотрели друг на друга. Хан некоторое время сидел задумавшись. Потом он сказал:

— У меня есть драгоценный камень. Этот камень обладает чудесным свойством, подобно перстню Соломона, посоху Моисея, сумке Давида. Отгадай, каким свойством обладает мой камень?

И хан велел принести из своей сокровищницы драгоценный камень. Жаман взвесил камень в руке и сказал:

— Твой камень, хан, действительно чудесен! Но кто-то позавидовал тебе и сглазил его: в нем завелись два черноголовых червя. Они уже источили сердцевину камня. Пройдет два года — камень расколется и потеряет свое чудесное свойство.

Приближенные хана не знали, верить Жаману или нет. Тогда хан решил проверить сам и приказал расколоть камень. В нем нашли двух черноголовых червей.

— Откуда ты узнал, что в камне живут черви?— спросил хан.

— По своему чудесному свойству камень должен был бы

обладать необыкновенной тяжестью,— ответил Жаман.— Но он оказался легче, чем я того ожидал. Отсюда я заключил, что в нем должна быть пустота.

Тогда хан задал еще вопрос:

— Ты, оказывается, не Жаман, а мудрец! Так вот, скажи, пожалуйста, как древен мой ханский род?

Жаман обошел вокруг ханского трона и, глядя хану прямо в глаза, ответил:

— Мой хан! В мудрости ты не уступаешь никому, но в твоем роду был единственный хан — ты сам. Родители твои были простыми людьми, а не потомками древнего ханского рода.

— Что ты болтаешь!— гневно воскликнул хан.— Я происхожу из рода, семь колен которого были ханами!

Но Жаман продолжал стоять на своем.

— Нет, повелитель,— сказал он.— Только ты один хан. Твои родители были простыми людьми.

Хан приказал позвать свою мать.

— Пусть не окажется она повинной в крови человека и скажет правду: я не могу простить Жаману подобной дерзости и прикажу отрубить ему голову!

Когда пришла мать хана, и ей рассказали все, что говорил Жаман, она, глубоко вздохнув, обратилась к хану:

— О мой сын! Я стара. На склоне жизни я не хочу быть причиной смерти невинного. Я одна хранила тайну. Но зачем мне ее беречь, если тайну эту знает еще Жаман? Отец твой имел до меня девятнадцать жен и одну за другой убил их за то, что они рожали ему дочерей. Двадцатой женой его стала я. Когда я забеременела, то, испугавшись за свою жизнь, обратилась к знахарям. Они мне предсказали, что я рожу дочь. Я долго горевала в ожидании дочери и своей смерти. В эти дни у одного

простого человека, жившего недалеко от нашего дворца, жена была тоже беременна. Я снова призвала знахарей, и они открыли мне, что во чреве простой женщины растет сын. Тогда я вызвала простую женщину к себе и поведала ей свое горе. Я подарила ей много золота и просила ее, если у нее родится сын, отдать его мне взамен моей дочери, сохранив тайну до могилы. Женщина согласилась. Когда пришел час мне рожать, хан был на охоте. Мы разрешились с простой женщиной одновременно. Чтобы сохранить тайну, мы не допустили к себе никого постороннего. Левой рукой я отдала свою дочь, а правой рукой приняла к себе тебя, сын мой.

И она горько заплакала.

— Если это так,— сказал хан, обращаясь к Жаману,— то я менее достоин трона, чем ты, мудрый!

И он сошел с трона, уступив Жаману ханское место.

— Нет, хан! — сказал Жаман.— Я простой человек, и у меня нет желания занимать ханский трой. Я удовольствуюсь тем, что буду находиться в твоей тени. Садись же на свой трон, хан Маден!

Хан вернулся на трон и сказал:

— Как же ты узнал, что я сын простого человека?

Тогда Жаман ответил:

— Умен я или глуп, прав ли, виноват, но когда я пришел к тебе, я был твоим гостем. Ты послал меня на кухню и велел накормить похлебкой с хлебом. Ты не назвал ту пищу, которую едят ханы, а назвал ту, которая считается лучшей у народа. В этом проявилась твоя простота, и я догадался, что ты хан не по рождению.

Вся свита хана и визири не переставали удивляться проницательности Жамана.

А хан по-прежнему управлял своими подданными. За ум и

находчивость хан полюбил Жамана, назначив его своим визирем. А остальные сорок ханских визирей впали в немилость.

Однажды, выйдя из дворца; Жаман увидел неподалеку большую белую юрту. Возле юрты толпился народ, ожидая очереди, чтобы войти внутрь. Жаман вернулся во дворец и спросил хана, что это за сборище.

Хан сказал:

— Тут живет один человек: по положению простолюдин, по богатству хан, по имени Вали. У него есть дочь, зовут ее Менды. С пятнадцати лет выбирает она себе жениха и не может выбрать, потому что хочет, чтобы жених превосходил ее умом. Сейчас ей уже тридцать пять и до сих пор жених не нашелся. Люди, которых ты видал возле юрты,— баи и мурзы, которые хотят победить ее сердце.

Выслушал все это Жаман и подумал: «А ну, пойду-ка я попытаю счастья!»

И вечером, когда народ разошелся по домам, Жаман подошел к белой юрте. К нему вышла стройная молодая девушка. Увидав невзрачного Жамана, она грубо спросила:

— Тебе чего нужно?

— Мое дело не к тебе,— спокойно сказал Жаман.— Мое дело к твоей госпоже. Иди, скажи ей!

Служанка засмеялась и, вернувшись к своей госпоже, сказала:

— Ты хотела, госпожа моя, выбрать себе хорошего мужа, а люди из-за того осмелели без меры: приходят всяк, кому не лень. Вот сейчас пришел такой человек, что на него и смотреть противно, а спрашивает тебя!

Менды улыбнулась.

— Хотя он невзрачен, откуда ты знаешь, кто это? Вот возьми эти вещи и отнеси ему.

Служанка завернула в шелковую скатерть драгоценный камень, оселок и нож и отнесла Жаману. Жаман осмотрел вещи и сказал:

— Пойди к своей госпоже, возьми у нее те предметы, которых тут не хватает, чтобы сделать все так, как она хочет.

— Ой-бой! — сказала служанка, воротясь к своей госпоже.— Жаман просит то, чего недостает.

— Хорошо! — сказала Менды.— Отнеси ему вот и это! — И она указала служанке на молоток и наковальню.

Жаман положил на наковальню оселок и ударом молотка расколол его пополам. Потом он отбил нож от рукоятки и наконец, превратил драгоценный камень в два осколка. Сделав все это, он собрал осколки, отдал служанке, приказав отнести их девушке.

Увидав разбитые вещи, Менды вскочила.

— Если это не черт, то это и есть тот, кого я так долго ищу! — воскликнула она.— Зови его сюда!

Обомлевшая служанка не знала, что и думать. Она позвала Жамана, он вошел в юрту, спокойный и медлительный. Говорят, Менды встретила его с почетом.

Раньше к ней приходили сыновья баев, ханов. Всем им посылала Менды те же вещи, что и Жаману. Но они, ничего не поняв, лишь возмущались, говоря: «Разве в моем доме нет ножей! Или в казне нет драгоценных камней? Или, наконец, я не видел простого оселка?» — и уходили недовольные.

В тот же вечер, когда Жаман был у Менды, ее братья держали между собой совет.

— Как же так? — говорили они.— Ей уже тридцать пять лет, она все выбирает себе жениха?! Тут что-то неладно! У нее, наверное, есть тайный дружок. Надо его изловить!

И вот поставили они возле юрты Менды караульных.

Чуть свет Жаман, покинув теплые объятья девушки, счастливый, зашагал домой. Едва он сделал несколько шагов, на него накинулись караульщики, схватили и приволокли к братьям девушки. А те в свою очередь привели его к хану.

— Вот,— сказали они,— поймали, хан, твоего визиря! Ночью, тайно он ходил соблазнять девушку. Не успел Жаман поселиться в твоем дворце, как начал обижать народ.

Хан махнул рукой, и братья ушли.

— Ну,— спросил хан строго, когда они остались с Жаманом наедине,— был ты у девушки?

— Нет.

— Но ведь братья ее говорят, что тебя изловили у нее.

— Они клевещут на меня, хан,— ответил Жаман.— Меня поймали, когда я шел через поле.

— Из уважения к твоей мудрости,— сказал хан,— я даже хотел уступить тебе свой трон. Но ты не принял трона. Тогда я сделал тебя главным визирем. А Вали-бай, отец этой девушки, мне не менее дорог. Скажи правду, и я обещаю тебе сосватать девушку.

Но Жаман продолжал отпираться. Тогда хан рассердился и приказал палачам повесить Жамана. Палачи повели Жамана к виселице, накинули на его шею петлю и подняли его высоко под перекладину.

Жаман читал молитвы. Потом он стал хрипеть. Уже дыхание его остановилось, как вдруг, рассекая толпу, прискакал всадник на белом коне, в белой одежде, с лицом, закрытым покрывалом, и ловким ударом сабли перерубил веревку. Когда Жаман упал на землю, всадник сошел с коня, положил на грудь лежавшего саблю и так же быстро, как появился, умчался неизвестно куда.

Прошло немного времени, и Жаман пришел в себя. Палачи хотели было вешать его снова, но он сказал:

— Теперь ведите меня к хану!

И палачи повели его к хану.

Увидав Жамана, хан вскочил со своего трона и с гневом закричал:

— Почему до сих пор не казнили его?

Палачи, упав на землю, рассказали хану обо всем случившемся. Хан обернулся к Жаману.

— Что же, ты решился, наконец, сказать мне правду?

— О повелитель! — сказал Жаман.— Я пришел сказать всю правду.

— В таком случае скажи, правда ли, что ты был у Менды, дочери Вали-бая, в ту ночь?

— Правда.

— Дал ли ты слово, что женишься на ней?

— Да, дал слово.

— Почему же в тот раз ты не сказал мне об этом?

— Мой хан! — молвил Жаман.— В тот раз я не сказал правды по следующей причине. Когда я пришел к дочери Валибая и дал ей знать об этом, то она послала мне оселок, нож и драгоценный камень. Это означало: «До тех пор, пока оселок не сточится, до тех пор, пока нож не отделится от рукоятки, храни тайну. Человек, не раскрывший тайны за этот срок, своей верностью завоюет мое сердце, подобно тому, как силой рассекают драгоценный камень...» Так говорила она этими предметами.

Я ответил: «Тайну буду хранить до тех пор, пока голова моя не оторвется от плеч, подобно ножу, клинок которого я отделил от рукоятки. Тайну буду хранить, пока оселок не сточится, и я его разбил вдребезги. Буду хранить тайну и завоюю твое сердце подобно тому, как рассекаю драгоценный камень». И я сделал это. Как видишь, я дал слово. И потому в тот раз я не говорил правды. Но когда меня привели к виселице и стали вешать,

девушка, пожалев меня, прискакала на белом коне и, перерубив веревку, положила поперек меня свою саблю. Это означало: «Без вины за меня не погибай. Я убедилась в твоем мужестве и твоей верности. Поэтому я возвращаю тебе клятву!» Она сама освободила меня от связывающего мои уста слова, и я теперь говорю правду, истинную правду.

Убедившись в правдивости Жамана, хан созвал народ и устроил большой пир, длившийся тридцать дней и сорок ночей. Потом он сосватал Жаману красавицу Менды.

Однажды сорок визирей, возненавидевших Жамана с тех пор, как хан приблизил его к себе, держали совет.

— Так это продолжаться не может! — решили визири.— Надо посеять вражду между ханом и Жаманом. Надо привести хана к Жаману в гости, показать ему красавицу Менды. Хан не устоит перед ее красотой, и мы зажжем между ними огонь вражды.

Уговорившись, они стали наперебой хвалить хану красавицу Менды.

Хан поддался уговорам и, побывав в доме Жамана, собственными глазами убедился в необычайной красоте Менды.

«В самом деле,— подумал хан,— она достойна меня!» Вернувшись во дворец, он призвал к себе сорок визирей.

— У меня не было никаких мыслей против Жамана,— сказал он, обратясь к визирям.— Вы заронили их во мне. Я увидел красоту Менды и теперь спрашиваю вас, к какой хитрости вы прибегнете, чтобы мне овладеть ею?

Визири ответили:

— Мы уже придумали, господин наш! Позови Жамана. Пошли его в Барса-Кельмес, в страну, откуда никто не возвращается. Там он и умрет. После его смерти кто же возьмет его жену, как не ты, хан?

Хан послал за Жаманом жигита. Подошел жигит к юрте Жамана и стал смотреть через щель. Видит: лежит Жаман на кошме, отдыхает. А жена его сидит возле него, смотрится в зеркало, любуется собой и говорит Жаману:

— Я удивляюсь делам аллаха. Он объединяет таких людей, разница между которыми, как между небом и землей. Смотрю я на себя и вижу, что подобна четырнадцатидневной луне, достигшей полнолуния. Смотрю на тебя — ты подобен озеру, вода которого высохла.

Жаман поднял голову:

— Не так ты говоришь, Менды! Ты соблазнилась не моим темным цветом кожи или моей старостью, а вышла замуж за мой ум,— закончил он рассмеявшись.

Менды, улыбнувшись словам мужа, обернулась. Жигит, входивший в это время в юрту, пораженный ее красотой, потерял сознание и упал.

Жаман и его жена спрыснули жигита водой и, когда он пришел в себя, стали расспрашивать. Жигит сказал, что хан послал его за Жаманом, и ушел.

Когда жигит вернулся во дворец, хан недовольно сказал:

— Ты ушел давно! А мы тут сидим и ждем тебя.

Жигит рассказал хану, как все было, и хан от его речей еще больше загорелся желанием.

Когда жигит ушел, Жаман спросил жену:

— Пойти к хану или нет?

— Иди,— сказала Менды.— Я давно думаю, что он хочет послать тебя в Барса-Кельмес. Коли пошлет — согласись. Но не бери в дорогу быстроногого скакуна, не бери и плавного иноходца. А возьми самую сытую отъевшуюся лошадь из табуна. Сорок визирей будут тебя провожать на трехдневное расстояние. Но лишь только они скроются из виду, ты вернись обратно,

зайди в лес, зарежь своего откормленного коня и принеси его мясо домой. Вот мы и будем питаться им.

Когда Жаман пришел к хану, хан сказал:

— Я хочу тебя послать в дальний трудный путь. Моя надежда не на твое мужество, а на твой ум. Поедешь?

— Поеду,— сказал Жаман.— Посылай, куда хочешь!

— Есть такая страна,— сказал хан, — называется она Барса-Кельмес. Там пасется овца, один волос которой золотой, а другой серебряный. Если ее зарезать, то из шкуры выйдет шуба. Хочу я носить такую шубу. Над той страной летает утка, крылья которой из серебра, а перья из золота. Из них я хочу сделать себе венец. Там живет великан—у него есть черный аргамак. За один шаг он сто верст перешагивает. Я хочу сесть на этого коня. Вот иди—достань мне шкуру овцы, перья утки и аргамака!

Жаман, выбрав из табунов самого откормленного коня, пустился в путь. Сорок визирей провожали его на трехдневное расстояние. А проводив, вернулись назад. Едва скрылись визири, Жаман повернул своего коня, заехал в густой черный лес Каратогай. Там он зарезал своего коня, сходил домой за вьючной лошадью, привез в свою юрту мясо и посолил его. Под кроватью вырыл Жаман глубокую яму. Днем сидел в ней, а ночью вылезал наверх и, питаясь мясом коня, жил со своей женой беззаботно.

Прошел год. Однажды, будто бы для того, чтобы высказать соболезнование, хан приехал к красавице Менды. После угощения хан начал:

— Когда я посылал своих визирей за самой никчемной травой, за самой никудышней птицей, за самым ничтожным человеком, то твой муж оказался этим Жаманом. Но хотя он был Жаманом, я, покоренный его умом, даже уступил было ему ханский трон. Благодаря своему уму он женился на тебе. Но

теперь, видно, зря я понадеялся на него, послав его по одному важному государственному делу. Срок возвращения его прошел. Быть может, такова воля аллаха... Но я не хочу оставить тебя одинокой. Недаром говорят: «Когда умрет старший брат, жена его остается в наследство младшему». Жаман мне был как брат — вот и решил я взять тебя к себе, заботиться о тебе.

— Э-э! — сказала Менды.— Если такова воля аллаха, то ничего не поделаешь! Когда он впервые приехал к вам, мой хан, у вас в руках был драгоценный камень. Этот камень вы, по совету Жамана, разбили. После этого камень стал никчемным. У каждой вещи, хан, есть свое время, в которое она дороже, чем в любой другой час. Тогда я была девушкой, а теперь я подобна рассеченному камню: все равно, служа тебе, я не угожу! Поэтому лучше не трать, хан, времени попусту!

Говорят, что хан, смущенный ответом красавицы Менды, вернулся домой ни с чем.

Хан ушел, Менды кликнула Жамана из ямы.

— Теперь иди к хану и сам отвечай! — сказала она.

Едва хан вернулся во дворец и уселся на троне, как раскрылись двери и, склонясь в приветствии перед своим господином, вошел Жаман.

Хан совсем растерялся.

— Ух! — сказал он.— Когда ты вернулся? Ну, рассказывай!

Жаман ответил:

— Рассказ мой короток. После того как визири проводили меня, один голодный лев стал преследовать меня. Тогда я решил: «Чем идти в Барса-Кельмес, лучше расправиться с этим врагом!» И, вынув из ножен саблю, я сам пошел на льва. Он сначала забрел в мой аул, забрался в мою юрту, а потом выскочил оттуда, если глаза мои не ошибаются, забежал в твой дворец, хан!

Хан не знал, что сказать—то краснел, то бледнел. Наконец он собрался с духом:

— Я виноват перед тобой, Жаман! Я ошибся. Я поддался соблазну шайтана, причиной чего были мои визири. Теперь они сделают зло либо тебе, либо мне. Лучше всего ты уезжай куда-нибудь!

Жаман согласился, и хан, навьючив сорок верблюдов драгоценностями, отправил его в страну соседнего хана Акшахана.

Жаман стал жить в стране Акшахана и прослыл там одним из самых уважаемых людей.

Тщетно пытался хан забыть Жамана. Дни шли за днями, но мысль об утерянном друге не давала ему покоя.

Однажды, когда хан отдыхал на кошме, устремив взор на шанрак, к нему вошли сорок визирей.

Хан поднял голову и сказал:

— Враг нагрянул, страна в волнении, гибель близка! Что это значит? Отгадайте. Иначе я вас казню!

Визири посовещались между собой и поехали к Жаману, чтобы тот разгадал слова хана. Жаман, приветливо встретив сорок визирей, выслушал их и сказал:

— Тут ничего мудреного нет. Сейчас я вам все объясню. Вот лежал он у себя в юрте и вспоминал происшедшее. Пока хан лежал, глядя на шанрак, одна из перекладин — кульдиреуш[1] выпала. Хан решил вас испытать и сказал эти слова, потому что, когда враг разрушает юрту, то начинает это дело с кульдиреуша. Вернитесь назад, вставьте выпавшую перекладину на место, и хан будет доволен.

Визири вернулись к хану и говорят:

— Повелитель! Кульдиреуш выпал. Разреши его вставить.

Хан рассмеялся.

[1] Кульдиреуш — перекрестные реечки в потолочном круге юрты.

— Кто это вас научил?

Визири сказали правду.

Тогда хан стал наставлять визирей:

— Хоть он и был Жаманом, зато в трудные минуты, благодаря своей мудрости, помогал нам выйти из беды. Он всегда шел навстречу каждому, готовый помочь советом и делом. Вы же из зависти сделали так, что я расстался с ним. Если бы он теперь не выручил вас советом, все бы вы были казнены. Недаром говорят: «Не рой яму другому — сам в нее попадешь».

Сорок визирей хотели угодить хану, всячески пытаясь развеселить его. Они каждый день устраивали игры и пиры, но ничего не могло развеселить хана. В своей тоске по Жаману он был безутешен.

Однажды в сопровождении сорока визирей хан поехал на охоту. В погоне за зверем на склонах гор они встретили старика, пасшего овец.

Сказав обычное приветствие, хан спросил старика:

— Отец! Сколько лет прошло с тех пор, как вершина этой горы покрылась инеем?

— Наверное, лет двадцать,— ответил старик.

— А сколько времени прошло с тех пор, как подножие этой горы покрыл иней?— спросил хан.

— Лет пятнадцать,— ответил старик.

— А сколько лет прошло с тех пор, как с вершины этой горы течет ручей?— снова спросил хан.

— А этому уже, наверное, лет десять,— ответил старик.

Хан задумался на мгновение, а потом спросил еще:

— Отец! Ты из скольких состоишь?

— Ой, светик мой!— ответил старик.— Когда ложусь, нас двое, когда встаю — четверо.

— Дед!— сказал тогда хан.— У меня есть сорок пестрых

гусей. Мне нужно, чтобы их перья были выдернуты незаметно, чтобы мясо их было сварено без огня, чтобы их зарезать без крови. Найдется ли такой человек, который мог бы сделать это?

— Найдется!— сказал старик.— Если найдешь такого человека, так он больше сделает.

Хан удовлетворился словами старика, повернул коня и поехал домой. По дороге он сказал визирям:

— Вы слышали, что говорил я и что отвечал мне старик? Так вот, отгадайте, что это все значит! Даю вам одиннадцать месяцев срока. Если не отгадаете, то ни одного не оставлю в живых!

Визири растерялись и, убедившись в том, что им самим ничего не придумать, опять поехали к Жаману за советом.

— Это дело будет нелегким. Все вы, сорок визирей, осуждены на смерть. Ничего не поделаешь, надо отгадывать! Но я вам помогу. Кажется, я нашел выход. Вы должны оставить одного коня живым, а остальных зарезать. Свою одежду вы должны сжечь и на костре, который из нее получится, сварить мясо одного коня. После этого я сяду на оставшегося живым единственного коня и погоню вас нагими к хану. Если вы не сочтете недостойным это для себя и потом не будете мне мстить, то я заступлюсь за вас перед ханом.

Визири в один голос ответили:

— Ой-ой, господин Жаман! Не будем сердиться! Лишь бы остаться нам живыми. Хан очень сердит на нас!

Дошла до хана весть о том, что едет к нему Жаман. С сорока жигитами выехал хан навстречу Жаману. На полдневное расстояние приказал хан расстелить по степи шелковые ковры, чтобы ноги дорогого Жамана не касались земли. У самой своей юрты приказал хан поставить Жаману белый шатер.

По приезде друга хан забыл про визирей и устроил пир, длившийся тридцать дней и сорок ночей.

Визири начали роптать.

— Наш хан думает только о себе. Он занят только своими забавами и пустяками-загадками!

Услыхав это, Жаман вызвал их во дворец и перед ханом, перед народом сказал им:

— Тот старик, которого встретил на охоте хан, был мудрецом. Хан угадал в нем ум и поэтому обратился к нему в надежде, что он мудрым советом поможет исправить его визирей. Когда хан спросил: «Сколько лет прошло с тех пор, как вершина этой горы покрылась инеем?»— это означало: «Сколько лет прошло с тех пор, как седина появилась на твоих волосах?— Когда хан спросил: «А сколько времени прошло с тех пор, как подножие этой горы покрыл иней?»—это означало: «Сколько лет прошло с тех пор, как борода твоя стала седой?» Когда же хан спросил: «А сколько лет прошло с тех пор, как с вершины этой горы течет ручей?»— это означало: «Сколько лет прошло с тех пор, как текут из твоих глаз старческие слезы?» А то, что хан спросил: «Ты из скольких состоишь?»—означало: «Сколько в твоей семье душ?» А старик ответил: «Когда ложусь, нас двое, когда встаю — четверо». Это означало: «У меня умерла жена, и я женился на женщине, у которой умер муж. Когда мы ложимся спать — нас двое, а днем, когда я нахожусь на пастбище, я думаю о своей покойной жене, а моя жена вспоминает дома о своем покойном муже».

Сорок пестрых гусей, которых нужно ощипать незаметно, зарезать без крови и сварить без огня,— это вы, сорок безмозглых визирей, которых нужно, не убивая, исправить. А старик сказал: «Если найдешь достойного человека, так он больше сделает!» Этим самым он направил хана ко мне.

Когда вы в поисках ответа на ханскую загадку явились ко мне, я снял с вас одежды и велел сжечь их. Это означало, что я выщипал у гусей незаметно их перья. Я велел вам зарезать ваших лошадей, значит, я сварил вашу силу без огня. А то, что я вас босыми и нагими, словно стадо баранов, пешком пригнал ко дворцу хана, это равносильно тому, что я вас зарезал без крови. Думаю, что на этом заботы хана о вас кончаются,— закончил Жаман.

Тогда хан обратился к Жаману:

— Раз ты благополучно вернулся ко мне, я прощаю визирей. Не однажды разжигали они между нами огонь раздора. Они были причиной твоего изгнания. Я хотел, чтобы они были побеждены и признали свою вину. Мое желание исполнилось. Мой народ!— сказал хан, обернувшись к стоявшей перед дворцом толпе.— Вот уже сколько времени, как я ханствую над тобой. Теперь я передаю ханство моему другу Жаману! О Жаман! Не отказывайся теперь от трона!

Хан Маден взял под руку Жамана и посадил его на трон. Устроили большой пир, продолжавшийся тридцать дней и сорок ночей. Народ посадил Жамана на белую кошму и, подняв, как это велит древний обычай, высоко, провозгласил его ханом. Так Жаман, самый ничтожный человек из всех живущих на свете, стал ханом.

Жаман послал жигитов за женой, красавицей Менды, находившейся в стране Акшахана.

Вскоре хан Жаман без войны, благодаря своему уму, завладел пятью ханствами. Люди из других ханств, покидая свою страну в поисках справедливости, приходили сюда и лишь здесь, у хана Жамана, находили ее.

Говорят, что с тех пор за справедливость и мудрость наро-

ды пяти ханств назвали Жамана Аяз-бием, и это прозвище сохранилось за ним до самой смерти.

Аяз-бий был справедлив. Он всегда бескорыстно решал дела. Помогал бедным.

Свои старые пожитки — рваный малахай и худую шубу — повесил он над дверьми своего дома.

И когда, возгордившись своим ханским положением, отклонялся Жаман, хан Аяз, от истины, взглянув на висящие одежды самого ничтожного человека из всех живущих на свете, он говорил себе:

— Эй, Аяз! Не гордись тем, что ты богат, не гордись тем, что ты хан! Аяз, узнай силу свою! Муравей, узнай свою дорогу!

БЕДНЫЙ СТАРИК

Жил старик со своею старухой в ветхой лачужке у моря. Старик ловил по две рыбки в день — одну для себя, другую для старухи. Этим они и питались.

Как-то поймал старик только одну рыбку. Понес он ее домой. По дороге рыбка заговорила человеческим голосом:

— Отпусти меня, аксакал, в море. Когда-нибудь я тебе пригожусь.

Пожалел старик рыбку и отпустил ее.

Три раза попадала она в сети, и всякий раз он бросал ее в море.

Поймал старик рыбку в четвертый раз и сказал:

— Теперь я тебя не отпущу. Мне очень хочется есть.

Ответила на это рыбка:

— Я морской владыка, хан Шабак. Отпусти меня, аксакал, и будем с тобой друзьями. Живу я на дне моря. Приходи ко мне в гости.

— Как же я найду тебя?— спросил старик.

Ответила ему рыбка:

— Спустись на дно. Увидишь след овечьего стада. Иди по следу и придешь ко мне.

Старик бросил рыбку в море и пошел домой.

Через несколько дней собрался он в гости к хану Шабаку.

Спустился старик на дно морское и увидел стадо овец.

Нашел он пастуха и спрашивает:

— Чье это стадо?

— Хана Шабака!— отвечает пастух.

— Он мой друг,— сказал старик.— Я иду к нему в гости.

Узнал пастух, как старик подружился с морским владыкой, и спросил:

— Какую награду потребуешь от друга, аксакал?

Старик ответил:

— Я человек бедный. Что даст он мне, то и возьму!

Сказал ему пастух:

— У хана Шабака есть черный сундук, в нем находится синий сундук, в синем хранится маленький белый сундучок. Попроси его.

Пришел старик к хану Шабаку. Хорошо тот его принял. Погостил старик несколько дней и собрался домой.

Спрашивает его хан Шабак:

— Друг мой, что тебе подарить?

Отвечает старик.

— Подари мне белый сундучок!

Велел хан Шабак принести черный сундук. Вытащил из него синий, а из синего — белый. Отдал его старику и сказал:

— Когда придешь домой, сожги сперва свою старуху и лачужку, а после открой этот сундучок.

Пришел старик домой, сжег свою лачужку вместе со старухой, а потом открыл сундучок.

Вышла из него красивая девушка, а за нею стадо верблюдов, табун лошадей, отара овец.

Помолодел в одно мгновение старик, превратился в статного красивого юношу. Женился он на красавице. Стал богачом и назвал себя новым именем Тулакбай. После этого перекочевал он в орду могущественного хана.

Однажды хан охотился в лесу. Его сокол прилетел к юрте Тулакбая и сел на нее. Хан послал своего визиря за соколом. Подъехал визирь и, не слезая с лошади, крикнул:

— Хабарлас![1]

Из юрты вышел Тулакбай, а за ним его молодая жена.

Увидел визирь красавицу и чуть не ослеп от ее красоты.

Поскакал он к хану и сказал, что встретил невиданную красавицу. Хан сел на коня и поехал проверить слова визиря. Пленился он красотою молодой жены Тулакбая и сказал ему:

— Твоя жена очень красива. Я хочу жениться на ней. Давай играть в прятки. Если ты три раза найдешь меня, то возьмешь моих трех жен и будешь вместо меня ханом. А если я тебя три раза отыщу, то возьму твою жену и все твое богатство.

Тулакбай согласился. Пошел хан прятаться. Тулакбай переоделся бедняком и хотел отправиться на поиски его. Но жена спросила:

— Где ты думаешь найти хана?

Тулакбай ответил:

— Должно быть, он спрятался в своей юрте между сундуками.

Сказала ему жена:

— Нет, так ты не найдешь хана. Надень свою богатую одежду, иди к его юрте. Возле нее валяется колотушка. Подни-

[1] Хабарлас! — Эй, хозяин, выходи!

ми ее и войди в юрту. Посередине ты увидишь золотой колышек, наполовину вбитый в землю. Ударь по колышку колотушкой. Тогда хан сам выйдет к тебе.

Тулакбай все сделал по совету жены. Надел богатую одежду, нашел колотушку, ударил по золотому колышку, и хан отыскался сразу.

Теперь пошел прятаться Тулакбай.

Он спросил жену:

— Где мне надежнее укрыться от хана?

Жена обратила его в воду, вылила в чайник и стала кипятить.

Долго искал хан и не нашел Тулакбая.

Наступила для хана вторая очередь прятаться.

Спросил Тулакбай жену, где его искать.

Ответила жена:

— Войди в юрту хана. К решетке привязан его лук. Отрежь веревку, и хан сам выйдет к тебе.

Тулакбай так и поступил. Вошел в ханскую юрту, нашел привязанный лук и отрезал веревку. Вышел хан и признался, что он проиграл второй раз.

Пришел Тулакбай домой. Жена превратила его в тулак[1], положила на него шерсть и стала бить палкой.

Ищет хан Тулакбая — никак найти не может. Признал он себя побежденным и пошел прятаться в третий раз.

Жена опять дает совет Тулакбаю:

— Иди к лошадям хана. Найди рыжего коня с белой звездой на лбу. Скажи конюхам, что это твой конь, убежавший из табуна. Сядь на него и скачи до тех пор, пока он не выбьется из сил. Тогда конь превратится в хана.

---

[1] Тулак — высохшая кожа животных, на которой казашки бьют шерсть палками, чтобы она сделалась мягче.

И на третий раз хан не сумел спрятаться.

Осталась последняя игра.

Жена превратила Тулакбая в веретено и села прясть пряжу.

Не сумел найти его хан. Вышел победителем в игре Тулакбай.

Но хан, хотя и проиграл, а своего обещания не исполнил.

Предлагает он новое условие:

— Пустим бежать наших рабынь. Если твоя рабыня придет первой — ты возьмешь моих трех жен и будешь вместо меня ханом. А если моя рабыня — я возьму твою жену и все твои богатства.

— Хорошо,— согласился Тулакбай, хотя у него и не было своей рабыни.

Пришел он к жене, рассказал ей о предложении хана.

Сказала жена:

— Иди к моему отцу. У него есть быстроногая рабыня. Она выручит тебя.

Пошел Тулакбай к морскому царю. Привел от него быстроногую рабыню.

Началось состязание в беге.

Рабыня Тулакбая взяла с собой ведро вина.

Вот отбежали рабыни полпути. Угостила рабыня Тулакбая свою соперницу вином. Охмелела та и заснула.

Прибежала рабыня Тулакбая первой, и выиграл он у хана состязание.

Пришлось хану отдать ему своих трех жен и ханский трон.

Наступила ночь. Жена сказала Тулакбаю:

— Иди к новым женам и проживи у них три дня, а потом приходи опять ко мне.

Но Тулакбай провел с новыми женами не три дня, а три месяца.

Когда он вернулся к первой жене, она ему сказала:

— Почему ты не послушал меня, Тулакбай!

Рассердилась она на мужа и ушла к отцу.

Проснулся утром Тулакбай и видит: отросла у него прежняя седая борода, лежит он в прежней своей ветхой лачуге, а возле него спит его старуха-жена.

СТАРИК И ЕГО ДОЧКА

Жил на свете старик с двенадцатилетней дочкой. Имел он верблюда, лошадь и ишака; пропитание добывал себе продажей дров.

Однажды навьючил он дрова на верблюда и приехал на базар.

Подошел к нему неизвестный человек и спрашивает:

— Почем дрова?

— Три теньги.

— Возьми за все десять тенег!

Старик с радостью согласился. Привез дрова на двор покупателя.

Когда старик свалил дрова и получил десять тенег, покупатель велел ему привязать во дворе и верблюда.

— Я купил дрова с верблюдом вместе. Иначе зачем бы я тебе заплатил вместо трех тенег десять?

Поспорили они и отправились к бию, чтобы разрешить спор.

Бий спрашивает старика:

— Правду ли сказал покупатель, что он заплатил десять тенег за все?

— Правда.

— Тогда он прав. Отдай ему верблюда.

Заплакал старик от обиды и пошел домой.

На другой день навьючил он дрова на лошадь и опять поехал на базар.

На этот раз случилась с ним такая же беда.

Тот же человек обманул его теми же хитрыми словами. И опять бий сказал, что покупатель прав,— вместе с дровами он купил и лошадь.

На третий день старик навьючил ишака и собрался на базар.

Подошла к нему дочка и сказала:

— Дрова повезу продавать я. Верблюда и лошадь у тебя отобрали обманом. Пусть попробуют отнять у меня ишака.

И девочка поехала на базар. Подходит к ней тот же покупатель и говорит:

— Продашь дрова как есть со всем за пять тенег?

Ответила ему девочка:

— Продам, если дадите деньги со всем.

— Дам.

Привезла она дрова, свалила и спрашивает:

— Дядя, где привязать вашего ишака?

Указал покупатель место.

Стал он рассчитываться с девочкой, протянул ей деньги.

А девочка схватила его за кисть руки и говорит:

— Вы обещали отдать деньги со всем, в чем они находятся, то есть с рукой вместе.

Поспорили они и пошли судиться к бию.

Бий взамен руки присудил покупателю отдать девочке пятьсот дилла.

Отдал покупатель деньги и говорит при судье девочке:

— Многих я людей обманул, а ты меня провела. Хочешь еще получить пятьсот дилла? Давай устроим состязание: кто больше небылиц наговорит, тот выиграет пятьсот дилла.

Положили они деньги перед бием.

Покупатель, как старший по возрасту и мужчина, первым начал:

— Однажды посеял я пшеницу. Такая она хорошая уродилась, что человека на верблюде скрывала. Один раз сорок козлов забрались в нее и выйти не смогли. Убрали осенью пшеницу, а козлов так и не нашли. Обмолотили зерно, намололи муки, стала жена печь лепешки. Вынула из печи, подала на стол. Отломил я кусочек, начал есть. В это время закричал у меня во рту козел и выскочил. А за ним еще тридцать девять. Козлы эти, пропавшие в пшенице, так разжирели, что каждый из них был больше четырехгодовалого быка.

Девушка выслушала и говорит:

— Вы сказали сущую правду. Такие случаи бывали в наших краях часто. Теперь послушайте, что я вам расскажу. Посредине своего аула я посеяла хлопковое семечко. Выросло из него громадное дерево. Тень падала на расстояние одного дня езды. Когда созрел хлопок, я наняла пятьсот рабочих, чтобы его собрать. Потом хлопок продала и на вырученные деньги купила сорок наров[1]. Навьючила их дорогими тканями и отправила с двумя старшими братьями в Бухару. Три года от них не было ни слуху ни духу, а вчера меня известили, что они убиты. Я думаю, что это правда, потому что вижу халат своего среднего брата на вас. Я сама его сшила, и в нем он уехал в Бухару. Значит, вы убили моих братьев, завладели их товарами и нарами.

Покупатель дров позеленел от злости.

[1] Нар — одногорбый верблюд, символ мужества, силы.

Он понял, что девочка его победила.

Если признать рассказ ее правильным, то придется уплатить девочке кун[1] за ее двух убитых братьев и, кроме того, возвратить сорок наров, навьюченных товарами. А если признать рассказ ложным, за небылицу, то уплатить по договору пятьсот дилла.

Мужчина предпочел отдать пятьсот дилла.

— Ты перехитрила меня,— сказал он девочке.

Умная дочка принесла в этот день отцу тысячу дилла.

---

[1] К у н — выкуп, уплачиваемый убийцей или его родичами родным убитого с целью освобождения от кровной мести.

СУД БИЯ БАЛЬТЕКЕЯ

В древние времена в кочевьях рода Аргын доживал свою старость богатый торговец Нуржан.

Было у него три сына — Акыт, Сабит и Хамит.

Умирая, старик позвал их и объявил им свою последнюю волю:

— Все мое богатство, все мои табуны и стада принадлежат вам троим поровну. Живите дружно, не ссорьтесь, ведите торговые дела сообща и не обижайте моих жен. Оставляю вам тысячу пятьсот дилла, которые я берег на черный день. Берегите деньги на крайний случай, когда постигнет вас несчастье. Тогда разделите золото по-братски между собой, и пусть каждый сам по себе на свой страх продолжает торговлю. Заройте золото в горах, в сохранном месте, чтобы никто, кроме вас троих, не знал о нем.

Оставив такое завещание, Нуржан умер.

Сыновья похоронили отца и сразу после поминок поспешили выполнить его последнюю волю.

Они отправились в горы Чингыз, нашли там глубокую пещеру, спрятали в укромном месте мешок с золотыми монетами,

засыпали его землей, а вход завалили камнями. Окончив это дело, братья, никем не замеченные, направились домой.

В первые годы после смерти отца они жили дружно и удачно вели сообща торговые дела. Потом между ними начались разногласия, и дело дошло до крупной ссоры. Торговля от этого пришла в упадок. А тут еще зима выдалась тяжелая. Во время джута полегли все бараны и лошади, а летом от чумы погиб весь рогатый скот. Наступило полное разорение.

Вспомнили братья отцовский завет жить дружно, но было уже поздно.

Решили они разделить отцовское золото, чтобы в одиночку начать торговлю.

Отправились братья в горы Чингыз, нашли пещеру, где был зарыт клад, раскопали яму и вытащили мешок с монетами.

Пересчитали они их и обнаружили пропажу: в мешке не хватало ровно пятисот дилла.

— Кто мог взять третью часть нашего клада?— вскричал изумленный Акыт.— Вор утащил бы весь мешок. Это дело рук кого-нибудь из нас! Кто же взял свою долю?

— Не я! — ответил Сабит.

— И не я! — повторил за ним Хамит.

— В таком случае, вы думаете, что это сделал я?— спросил с возмущением Акыт.

Братья крепко поссорились, чуть не подрались.

Но Акыт сказал:

— Не будем напрасно спорить и браниться. Никто из нас не сознается, а злость может довести не только до драки, но и до убийства. Поедемте к мудрому бию Бальтекею. Он справедливо рассудит нас и найдет виновного. Положимся на его мудрость.

Сабит и Хамит согласились. В тот же день братья отправились в путь.

Вот едут они степью и дружно разговаривают, забыв о ссоре. Акыт посмотрел на зеленую траву и сказал:

— Должно быть, близко аул. Я вижу на траве след сильно усталого верблюда, совершившего дальний переход с тяжелой поклажей.

Сабит взглянул на траву и сказал:

— Правда, здесь прошел верблюд, у которого правый глаз кривой.

Хамит подумал и добавил:

— Да, Сабит прав — верблюд был слеп на правый глаз. И ты, Акыт, сказал тоже правду — верблюд шел под вьюком. Он нес бадью с медом.

Отъехали братья довольно далеко и встретили всадника, судя по одежде — татарина. Остановились, поздоровались.

Татарин сказал:

— Друзья, я потерял верблюда. Не видали ли вы его?

— Нет!

Поехали они рядом. Разговорились. Акыт спросил:

— Верблюд был усталый и шел под тяжелым вьюком издалека?

— Да, да... Мы с хозяином проехали Кара-Кумы и сорок дней уже в пути.

— Твой верблюд приметный,— сказал Сабит.— Он ведь кривой на правый глаз.

Татарин насторожился:

— Кривой! Откуда же ты знаешь, если его не видел?

А Хамит успокоил:

— Ты не беспокойся. Он под тяжелым вьюком далеко не уйдет. Бадью с медом не так легко нести.

— Аллах великий!— вскричал татарин.— На верблюде навьючен мед. Значит, вы его видели, а если отказываетесь, значит, сами и украли моего верблюда. Лучше признавайтесь, а не то я вас потащу на суд к мудрому бию Бальтекею! Придется вам не только отдать верблюда, но заплатить штраф и судебные издержки.

Братья перемигнулись между собой и согласились:

— Ну, что же, поедем вместе к бию. Нам по пути!

Поехали они вчетвером дальше. Приехали в аул Бальтекея. Бий, узнав, что к нему прибыли дети славного Нуржана, принял их с распростертыми объятиями.

— Рад, очень рад, что аллах привел встретить дорогих гостей!— говорил Бальтекей.

Он распорядился освободить для братьев отдельную юрту и заколоть самого жирного барана.

Братья расположились на отдых. Им принесли хорошее угощение: чай, баурсаки, изюм, урюк.

Бальтекей только на минуту заглянул к гостям в юрту, чтобы посмотреть, как устроили сыновей Нуржана, и сообщить им, что скоро подадут плов. Степной обычай не позволял утомлять почетных гостей постоянным присутствием, пока они не отдохнут с дороги.

Однако Бальтекея очень интересовали приезжие, и он то и дело наблюдал за ними сквозь небольшую дырочку в кошме.

Вот жигит принес блюдо с пловом и бережно поставил его перед гостями. Братья стали есть.

— Знаете что,— сказал Акыт,— баран, которого заколол хозяин для нашего угощения, сосал не свою матку, а суку.

— А рис, из которого приготовлен плов, рос на кладбище,— заметил Сабит.

— Об этом нетрудно догадаться,— отозвался Хамит.—

Скажу больше: наш гостеприимный хозяин — незаконнорожденный.

Бальтекея удивил подслушанный разговор и возмутило подозрение Хамита, порочащее честь его матери.

Он решил немедленно проверить, насколько основательны предположения гостей. Бий велел позвать к себе чабана.

— Какого барана ты зарезал для гостей?— сердито спросил Бальтекей.— Говорят, его выкормила сука?

— Справедливо говорят, бий!— ответил чабан.— Позапрошлой весной у меня в стаде прежде срока объягнилась одна овца и пропала. Я пожалел ягненка и принес его к суке, у которой были маленькие щенята. Она и выкормила ягненка...

— Хорошо, иди и позови ко мне узбека, у которого мы покупали вчера рис.

Пришел заезжий торговец, и бий спросил его:

— Где ты сеял свой рис? Правда ли, что он вырос на могилах?

— Вполне возможно, бий! Моя пашня находится в логу, на том месте, где давным-давно было кладбище...

Бальтекей разинул рот от удивления и побежал в юрту к своей матери.

— Что с тобою, сын мой?— спросила она, увидав озабоченное лицо Бальтекея.

— Матушка,— сказал бий,— не желаю тебя оскорбить, но я должен знать правду. Скажи, как звали моего отца. Тот ли человек дал мне жизнь, имя которого я ношу? Открой мне тайну моего рождения.

После недолгого колебания мать рассказала сыну:

— Лет пятьдесят назад в наш аул, когда отец твой был в отсутствии, случайно заехал умный человек, бий. Он переночевал в нашей юрте и уехал, оставив по себе хорошую память.

Твой покойный отец был человек недалекого ума, и ты пошел не в него. Где бы тебе быть бием и таким умным, если бы не тот случайный гость! Вот тайна твоего рождения и твоей славной мудрости!

Бальтекей совсем растерялся, убедившись в справедливости замечаний своих гостей. Он удивился их необыкновенной проницательности и захотел найти ей объяснение.

На следующее утро бий пришел к братьям и сказал:

— Любезные гости, вчера вы говорили странные загадки. Прошу вас, объясните мне их смысл. Как вы могли знать, что заколотый для вас баран был вскормлен собакой?

— Очень просто,— ответил Акыт.— Здесь никакой загадки нет. У меня хорошее обоняние, и я заметил, что мясо в плове отзывало псиной. Догадаться нетрудно, что ягненок вскормлен не овцой, а собакой.

— Хорошо! Но откуда стало известно, что рис вырос на могилах?

Сабит ответил:

— У меня тоже тонкий вкус и обоняние не хуже, чем у брата. Я ощутил в рисе запах гнили, какой присущ могилам. В степи много старых заброшенных кладбищ, и я подумал, что твой рис был посеян на одном из них.

— Ясно,— сказал бий.— Но вот что особенно поразило меня — это ваше предложение, что я будто бы незаконнорожденный сын моего отца. Откуда могла прийти такая мысль вам в голову?

— У старых людей на это есть верная примета. Незаконнорожденный при разговоре потупляет глаза в землю или поглядывает на собеседников исподлобья. Не сердись на меня. Бальтекей, я сделал свое замечание не в обиду тебе и никак не думал, что ты можешь услышать мои слова.

Объяснения братьев вполне удовлетворили Бальтекея, и он спросил:

— Скажите же теперь, любезные гости, о цели вашего приезда.

Акыт хотел ответить, но в эту минуту в юрту вошел татарин, потерявший верблюда. Он обратился к бию с просьбой разобрать его жалобу на сыновей Нуржана.

Бий начал суд. Татарин рассказал о встрече с братьями, передал содержание разговора, внушившего ему подозрение, и выразил уверенность, что сыновья Нуржана сами украли верблюда или знают вора, но не хотят его выдать.

— Что вы на это скажете, друзья?— спросил Бальтекей.

Первым выступил Акыт. Он сказал:

— Увидев след верблюда на мягкой траве, я заметил, что в некоторых местах его ноги скользили. Обыкновенно верблюд ступает твердо, не скользит, потому что на ступнях у него имеются шероховатые твердые мозоли. Когда же он проходит далекий путь, эти мозоли стираются, ступня делается гладкою. Заметив скользящие следы верблюда на мягкой траве, я понял, что он прошел большой путь и сильно устал.

Вторым выступил Сабит.

— А я,— сказал он,— обратил внимание, что верблюд срывал траву только с левой стороны, а не с двух сторон, как это обычно бывает. Это навело меня на мысль, что он был слеп на правый глаз.

Бальтекей одобрительно кивнул головой и взглянул на Хамита. Тот заговорил:

— А я заметил, что на траве, которую задевал верблюд своим вьюком, а в особенности там, где он, уставший, опускался на брюхо, собиралось очень много мух. А так как муха льнет к сладкому, то я догадался, что верблюд нес бадью с медом.

Бий одобрительно улыбнулся:

И, обратившись к татарину, сказал:

— Ну, любезный, ступай ищи своего верблюда в степи. Ты сам видишь, что они ни в чем не виновны.

Татарин ушел, а бий спросил братьев:

— Теперь расскажите, зачем вы ко мне пожаловали? Какое у вас дело к бию?

Акыт рассказал о завещании отца, о зарытом в пещере кладе и о таинственном исчезновении пятисот золотых монет.

— Из-за этого вышел у нас спор. Мы не можем уличить друг друга, но наверное знаем, что золото взял кто-нибудь из нас троих,—закончил свой рассказ Акыт.

Сабит и Хамит подтвердили его слова:

— Да, посторонний человек унес бы все золото, если бы случайно наткнулся на него.

Бальтекей погладил седую бороду и сказал в задумчивости:

— Вы правы! Я поразмыслю об этом, найду виноватого и дам вам совет. Но прежде я хочу рассказать одну историю.

И Бальтекей стал рассказывать:

«Неподалеку от меня живет хороший человек. У него была дочь, славная девушка, редкой красоты. Она полюбила молодого жигита из соседнего аула. Жигит тоже полюбил ее. Встречались они часто, но пожениться не могли, потому что принадлежали к одному роду.

Однажды приехал к этому соседу богатый старик с молодым сыном и высватал девушку. Сват пригнал с собой табун лошадей и тут же заплатил большую часть калыма.

Перед первой брачной ночью девица сказала своему жениху:

— Милый мой, теперь я твоя душой и телом. Ты завтра увезешь меня с собой, и я никогда уже больше не увижу одного

жигита, которого очень любила. Позволь мне сперва сходить к нему проститься. Он живет недалеко, я скоро вернусь. Я не обману тебя, и тебе не придется ни в чем меня упрекать.

— Хорошо,— сказал жених,— иди и простись с возлюбленным. Только приходи скорее.

Девушка нарядилась в лучшую одежду и отправилась знакомой дорожкой в соседний аул к возлюбленному. Жигит ждал ее. Она кинулась к нему на грудь, заплакала и поведала свое горе.

Что делать? Жигит понял, что беду поправить нельзя, за девушку отец уже получил калым. Надо было расставаться навсегда. Поплакали они вместе и простились. Жигит проводил девушку на дорогу, здесь попрощался еще раз и пошел, не оглядываясь, домой.

Девушка тоже поспешила в свой аул. На середине пути на нее напали воры. Они сняли с нее все дорогие украшения и оставили в одной рубашке. Бедная девушка не могла от страха вымолвить слова. Одному из воров стало жаль ее, и он сказал товарищам:

— Зачем нам обижать беззащитную девушку. Возвратим ей отнятые вещи, и пусть она идет с миром. Сделаем в своей жизни хоть одно доброе дело.

Воры подумали и согласились. Они пощадили девицу, возвратили ей все награбленное и удалились. Она благополучно дошла до дому, где ее ждал молодой муж.

Рассказала она ему обо всем случившемся, и легли они спать. Муж понял, что жена не обманула его при встрече с возлюбленным».

Бальтекей закончил свой рассказ и помолчал минуту. Потом он сказал:

— Друзья мои, теперь скажите мне, как умные и рассу-

дительные люди, кто из троих поступил великодушнее: молодой ли муж, отпустивший свою жену на свидание с возлюбленным; возлюбленный ли, благородно простившийся с девушкой, или же вор, сжалившийся над беззащитной девушкой?

Братья задумались.

— Я одобряю поступок молодого мужа, отпустившего девушку проститься с возлюбленным!— сказал Акыт.

— Нет, влюбленный жигит поступил благороднее, уступив свое право на любовь другому,— возразил Сабит.

— А я считаю,— сказал Хамит,— лучше всех поступил вор. Он остановил товарищей, и те возвратили ей вещи. С тех пор, может быть, у них проснулась совесть. Это настоящее великодушие!

Бальтекей, выслушав братьев, поднялся с места и обратился к Хамиту:

— Я вижу,— сказал он,— что ты тронут великодушием вора. Раскаяние его ты ценишь выше других чувств. Оно тебе понятнее и ближе твоему сердцу. Отдай же взятые тобой пятьсот дилла. Они не миновали твоих рук.

Бий поклонился и вышел из юрты. Пристыженный Хамит сознался перед братьями, что он взял свою долю из клада.

ХАН И БЕДНЯК

Жил на свете мудрый бедняк. Был у него сын. Однажды отец сказал ему:

— Никогда не дружи с дураком. Никогда не бери денег взаймы у только что разбогатевшего человека. Никогда не посвящай жену в свои тайны.

Сын долго раздумывал над советами отца. Решил он проверить их мудрость.

Подружился он с дураком. Занял деньги у недавно разбогатевшего человека. Тайно от жены зарезал барана и, указав на забрызганную кровью одежду, сказал ей:

— Вымой кровь. Вчера я убил человека. Смотри, никому об этом не говори.

Ответила ему жена:

— Да что ты! Кому я скажу? Неужели ты меня до сих пор не узнал?

Прошло несколько дней. Сын бедняка нарочно поссорился со своей женой. Она побежала к хану и рассказала ему, что ее муж убил человека.

Хан назначил суд и велел привести убийцу.

По дороге на суд сын бедняка зашел к своему другу, дураку, и попросил его быть свидетелем. Дурак знал, что кровь была не человеческая, а баранья. Но из осторожности он все же отказался идти в свидетели.

— Мне некогда. Я занят!

Сын бедняка пошел дальше. Дорогой ему повстречался недавно разбогатевший человек, у которого он взял на днях деньги в долг.

— Куда идешь?

Рассказал сын бедняка. Заимодавец забеспокоился:

— Знаешь что, дорогой,— сказал он.— Отдай мне долг на всякий случай.

Пришел сын бедняка на суд к хану. Рассказал он ему всю правду. Хан поверил и оправдал его.

Поразился хан мудрости отца и настойчивости его сына.

«Эти люди умнее меня,— подумал хан и встревожился: — А вдруг мудрый бедняк сам захочет стать ханом?»

И решил хан извести мудреца и его сына.

Велел он выкопать глубокую яму и бросить туда бедняка вместе с сыном, а яму завалить землей.

Прошло несколько лет. Люди, знавшие мудрого бедняка, давно забыли о нем.

Но вот случилась с ханом беда. Подавился он косточкой, и никто не мог спасти его.

Визири сказали:

— Зачем ты, хан, зарыл мудреца и его сына в землю? Они бы вылечили тебя.

Ответил хан:

— А может быть, эти люди еще живы? Идите откопайте их!

Пошли визири и отрыли яму. Мудрец и сын были живы.

Когда их зарывали в землю, бедняк взял с собой мешок курта. Он и спас узников от голодной смерти.

Выслушал бедняк просьбу хана и ответил визирям:

— Передайте хану, что мы к нему не пойдем. Он нас без вины зарыл в яму.

Вернулись визири к хану. Передали слова бедняка.

А хан чувствует, что пришла к нему смерть, и говорит:

— Обещаю отдать им свое богатство и трон, только пусть мне помогут.

Пришли бедняк и его сын к хану. Стал хан просить прощения и помощи.

— Очень дорогой ценой можно вылечить тебя, хан,— сказал бедняк.— Ты должен зарезать своего единственного сына.

— Хан долго не соглашался. Но визири потребовали от него этой жертвы, и хан, наконец, согласился.

Привели ханского сына, связали ему руки и ноги. Приготовили нож.

Больной хан с ужасом смотрит на эти приготовления.

Взял бедняк в руки нож и говорит:

— Надо повесить кошму, закрыть сына, а то хан может умереть.

Повесили кошму. Хан затаил дыхание и ждет. Вдруг он слышит предсмертный хрип. Брызнули у хана слезы из глаз. Захлебнулся он в плаче и в этот миг косточка, застрявшая в горле, вылетела.

Подвели к хану его единственного сына и показали зарезанного барана, который был приготовлен заранее тайком от него.

Хан сдержал свое слово. Уступил он мудрому бедняку свое богатство и трон.

ЛОВКИЙ ОБМАНЩИК

Однажды Алдар-Косе[1] нашел в степи обглоданную баранью лопатку. Поднял он ее и зашел в юрту к жадной старухе. Старуха варила мясо.

Сказал Алдар-Косе:

— Положи и мою лопатку в котел со своим мясом.

— Давай,— согласилась старуха.

— Только смотри, бабушка, чтобы твой котел не съел ее.

Удивилась старуха его словам:

— Разве котел может съесть кость или мясо? Не бойся, клади, пусть варится.

Мясо в котле сварилось, а лопатка оказалась без мяса. На ней и прежде его не было.

Подивилась старуха такому чуду. Делать нечего, отдала взамен лопатку с мясом.

Взял Алдар-Косе ее и говорит:

— Я повешу свое мясо здесь, а завтра возьму.

[1] Имя Алдар-Косе состоит из двух слов: алдар — обманщик, косе (косу) — человек без бороды. Алдар-Косе значит безбородый обманщик.

— Повесь, где хочешь,— ответила старуха.—Не пропадет.

Повесил Алдар-Косе лопатку с мясом на стене над ягнятами[1] и сказал:

— Бабушка, как бы твои ягнята не съели мясо.

Старуха даже рассердилась:

— Что ты глупости говоришь! Ягнята мяса не едят!

Наступила ночь. Когда все заснули, Алдар-Косе встал, объел дочиста мясо с лопатки, а жиром намазал ягненку рот. Потом лег спать.

Утром Алдар-Косе сказал:

— Бабушка! А ведь твой ягненок съел мое мясо!

Видит старуха—у ягненка жирные губы. Не стала спорить, отдала ягненка за съеденное мясо.

Пошел Алдар-Косе в гости к баю. Взял с собой ягненка.

Спрашивает хозяина:

— Можно пустить моего ягненка в твое стадо?

— Можно,— согласился бай.

— Боюсь только, как бы бараны его не съели.

— Не слыхал я, чтобы бараны ели друг друга,— сказал бай.— Не бойся, не съедят.

Пустил Алдар-Косе ягненка в стадо, а сам остался ночевать у бая.

Наступила ночь. Пастух заснул. Алдар-Косе пришел в стадо, поймал своего ягненка, зарезал, тушу его спрятал, а кровью вымазал рот самым жирным баранам. И опять спать лег.

Утром пошел Алдар-Косе в стадо за своим ягненком. Не нашел его и говорит баю:

— Должно быть, съели моего ягненка твои бараны!

---

[1] В случае непогоды маленьких ягнят берут в кибитку.

Пошел бай в стадо. Заметил кровь на губах некоторых баранов и подумал: должно быть, на самом деле сожрали.

Сказал он Алдару-Косе:

— Бери себе тех баранов, на губах которых есть кровь.

Отобрал Алдар-Косе восемь баранов и отправился в путь.

По дороге встретил он человека, везущего умершую девушку.

Предложил ему Алдар-Косе:

— Отдай мне мертвую девушку, а я тебе дам восемь баранов!

Человек согласился. Взял он восемь баранов и отдал Алдару-Косе тело мертвой девушки да еще лошадь в придачу добавил.

Алдар-Косе продолжал свой путь.

Вот подъехал он к своему аулу. Одна девушка увидела его и сказала подругам:

— Алдар-Косе везет свою невесту.

Выбежали девушки посмотреть.

Тогда Алдар-Косе вынул шило и ударил лошадь в бок. Испугалась она и сбросила с себя Алдара-Косе и мертвое тело.

Поднялся Алдар-Косе, пошел к аксакалам в аул и сказал:

— Вот, отцы, что наделали ваши дочки. Испугали лошадь, сбросила она мою жену и ушибла насмерть.

Обсудили аксакалы его слова и решили:

— Наша вина, и должны мы тебя вознаградить. Выбирай себе любую из тех девиц в жены.

Алдар-Косе того и ждал.

Выбрал он самую красивую девушку и женился на ней.

ЧУДЕСНАЯ ШУБА АЛДАРА-КОСЕ

Только в лисьей шубе в такую холодную зиму нельзя было замерзнуть! А в дырявой-предырявой шубенке Алдар-Косе мерз каждый день.

Ехал он раз по степи — руки, ноги озябли, нос посинел, скорей бы до теплой юрты добраться!

Ветер свистит, за уши хитреца хватает. А в степи нигде не видно дыма над аулом.

Напрасно махал камчой Алдар-Косе: старый тощий конь не мог бежать. Взмахнет он гривой и опять шагом идет.

«Плохой конь—долгая дорога,—качая головой, говорил сам себе всадник.— Ехать еще далеко, собачьего лая не слышно, и ни одной юрты в степи нет. Пропадешь при таком морозе!»

Вдруг увидел он, едет навстречу всадник. По хорошему бегу коня Алдар-Косе догадался, что едет бай. Хитрец сразу же смекнул, что делать. Он распахнул свою дырявую шубенку, выпрямился в седле и запел веселую песенку.

Встретились путники, остановили коней и поздоровались.

Бай в теплой лисьей шубе ежится от холода. Алдар-Косе шапку набок сдвинул, отдувается, точно сидит на солнцепеке в летний жаркий день.

— Неужели ты не замерз?— спрашивает бай хитреца.

— Это в твоей шубе холодно, а в моей очень жарко,— отвечает Алдар-Косе.

— Как же может быть в такой шубе жарко?— не понимает богач.

— А разве не видишь?

— Вижу, что вороны рвали твою шубенку и в ней дыр больше, чем меха!

— Вот и хорошо, что дыр много. В одну дыру холодный ветер входит, в другую выходит. А мне тепло остается.

«Надо у него эту чудесную шубу выманить»,— думает бай.

«Вот тепло будет, если байскую шубу надеть!»— размышляет хитрец.

— Продай мне твою шубу!— сказал бай Алдару-Косе.

— Не продам. Я без своей шубы сразу замерзну.

— Не замерзнешь! Возьми в обмен мою лисью шубу,— предложил бай.— Она тоже теплая.

Алдар-Косе сделал вид, что и слышать не хочет. А сам одним глазом смотрит на теплую шубу, а другим на байского скакуна любуется.

— Шубу отдам и денег прибавлю! — стал соблазнять бай.

— Денег мне не надо. Вот если коня дашь в придачу, тогда подумаю.

Обрадовался бай, согласился. Снял свою шубу и отдал коня.

Надел Алдар-Косе лисью шубу, пересел на байского скакуна и помчался, обгоняя ветер.

Хорошо теперь было Алдару-Косе ездить от аула к аулу в теплой шубе, на хорошем коне.

В каждой юрте спрашивали у хитреца:

— Откуда у тебя лисья шуба и конь-бегунец?

— Сменял на чудесную шубу, в которой было семьдесят дыр и девяносто заплат...

Потешая людей, Алдар-Косе рассказывал, как бай накинулся на его дырявую шубенку и отдал ему свою лисью.

Смеялись люди, угощая кумысом хитреца. Когда смех ослабевал, Алдар-Косе каждый раз повторял:

— Далек путь или близок, узнает тот, кто проедет. Горькую еду от сладкой отличит тот, кто поест!

ЖАДНЫЙ БАЙ И АЛДАР-КОСЕ

Жил на свете Шигай-бай, прозванный за необыкновенную жадность Шик-бермесом[1]. Во всей степи не было человека скупее его. Много было у него баранов, быков и лошадей. Но жадность богача не знала пределов. Священный закон гостеприимства для бая не существовал. Вход в юрту Шигай-бая был закрыт для проезжих. За всю свою жизнь он никому не дал куска.

— Ну, меня бы он накормил!— уверенно сказал Алдар-Косе.

— Не думаю,— ответил известный острослов Жиренше.

Они поспорили и уговорились: если Алдар-Косе ухитрится поесть у Шигай-бая, то Жиренше отдаст Алдару-Косе все, что тот потребует.

Заправив полы халата за пояс, Алдар-Косе сел на коня и отправился в путь. К вечеру он доехал до аула Шигай-бая. Осторожно добравшись до юрты богача, Алдар-Косе увидел вокруг нее разостланный камыш. Жадный бай по шороху узнавал о приближении гостя и успевал спрятать пищу, которую варили дома.

Алдар-Косе потихоньку собрал камыш и проложил себе дорогу к юрте. Он нашел маленькую дырочку в кошме и заглянул внутрь. На таганке кипел котел. Шигай-бай делал колбасу. Хозяйка ощипывала гуся. Служанка опаливала баранью голову, а дочка месила тесто. Алдар-Косе неожиданно вошел в юрту и отдал салем.

В один миг исчезли колбаса, гусь, баранья голова и тесто. Гость сделал вид, что ничего не заметил.

---

[1] Ш и к — роса. Шик-бермес — не дающий капли воды.

Шигай-бай сказал с притворной улыбкой:

— Рады видеть тебя, Косе! Садись и будь гостем. Только прости, попотчевать тебя нечем.

— И на добром слове спасибо!— ответил Алдар-Косе и занял самое почетное место в юрте.

— Что нового в степи?— поинтересовался хозяин.

— А что ты хочешь знать, добрейший Шигай-бай? То, что я видел, или то, что я слышал?

— Слухи часто бывают ложью. Я им не верю. Лучше расскажи про то, что ты видел.

Алдар-Косе стал рассказывать:

— Еду я к тебе и вижу: по дороге ползет длинная-предлинная змея. Увидела она меня, зашипела и свернулась так же, как та колбаса, которую ты спрятал под себя, добрейший Шигай-бай. Я схватил камень величиной с баранью голову, вроде той, на которой сидит твоя служанка. Бросил я камень в змею, она от удара расплющилась и стала, как тесто, которое находится под твоей дочерью. Если я сказал хоть одно слово неправды, пусть меня ощипают, как гуся, спрятанного твоей женой.

Шигай-бай побагровел от ярости и бросил колбасу в котел. Хозяйка опустила туда же ощипанного гуся, а служанка опаленную голову барана.

И хором они воскликнули:

— Варитесь пять месяцев!

Алдар-Косе быстро разулся, поставил свои сапоги у двери и ответил:

— Отдохните, мои сапожки, десять месяцев!

После этого он растянулся на кошме, так как время было позднее, и притворился спящим. Хозяева услышали его храп и тоже улеглись спать.

Алдар-Косе дождался, когда хозяева крепко заснули, потихоньку встал, подкрался к котлу, выловил гуся, съел его, потом достал баранью голову и закончил ужин колбасой.

Насытившись, он изрезал на кусочки кожаные сапоги хозяйской дочки и кинул их в котел.

Сытый и довольный своей проделкой, Алдар-Косе лег спать.

Ночью Шигай-бай проснулся, разбудил потихоньку домашних и велел подать ужин. Гостя он не пригласил.

Стали хозяева есть. Жевали-жевали жесткую кожу, никак не могли разжевать, чуть зубы не переломали.

— Спрячь мясо до завтра,— сказал Шигай-бай,— а нам налей сурпы.

Прошла ночь. Собрался утром Шигай-бай в поле, позвал жену и говорит ей на ухо:

— Дай мне с собой айрана, только незаметно, чтобы не видел Косе.

Жена наполнила выдолбленную тыкву айраном и дала мужу. Шигай-бай сунул тыкву в карман и хотел выйти из юрты. Но Косе увидел, что карман его оттопырился, кинулся хозяину на шею и принялся его обнимать.

— Ну, прощай, добрейший Шигай-бай, сегодня, возможно, я уеду от тебя.

А сам вертит бая из стороны в сторону, тормошит его изо всех сил. Айран из тыквы льется на ноги баю. Тот терпел, терпел и не выдержал. Бросил тыкву и закричал:

— На, пей мой айран, пей, пусть лопнет твое брюхо!

Ушел в этот день Шигай-бай голодным из дому. Идет он степью и думает: «Как мне избавиться от такого вредного гостя!»

На другое утро снова бай говорит жене шепотом:

— Испеки, жена, лепешку, но только так, чтобы Косе не видел!

Испекла жена лепешку, вынула ее из горячей золы и дает мужу. Только он откусил кусок, входит Алдар-Косе. Шигай-бай мигом сунул лепешку за пазуху. Но Алдар-Косе заметил это.

— Должно быть, я сегодня уеду!— сказал он и обнял хозяина, словно прощаясь.— Любезный и добрейший Шигай-бай! Я не знаю, как благодарить тебя за твое гостеприимство...

Говоря эти слова, он все сильнее и сильнее прижимал к себе хозяина. Горячая лепешка жгла баю голый живот. Наконец Шигай-бай не вытерпел и крикнул:

— Чтоб тебе подавиться, Косе, моим хлебом! На, ешь!

Но Алдар-Косе съел лепешку и не подавился.

Бай опять ушел в поле голодный.

Прошло несколько дней. Шигай-бай никак не мог отделаться от непрошенного гостя. Каждое утро тот собирался в путь, но после оставался до следующего дня.

Алдар-Косе приехал к Шигай-баю на вороном жеребце с белой приметной лысиной. Он стоял в конюшне вместе с лошадьми хозяина. Богач решил отомстить Алдару-Косе и зарезать его жеребца. Но Косе узнал о злом намерении богача, подслушав его разговор с женой.

«Погоди, ты пожалеешь, вредный бай!»— сказал себе Косе и отправился на конюшню.

Он замазал навозом лысину своей лошади, а на лбу одной из лошадей Шигай-бая, тоже вороной масти, нарисовал мелом белое пятно.

В полночь Шигай-бай пошел в конюшню и кричит оттуда:

— Косе! Вставай, твоя лошадь запуталась в поводу. Сейчас она подохнет!

— Так зарежь ее скорее, чтобы не пропало мясо! — сказал Алдар-Косе и повернулся на другой бок.

Шигай-бай и зарезал вороного жеребца с белым пятном на лбу.

Утром хозяин и гость пошли свежевать лошадь. Алдар-Косе опустился возле нее на колени и стал жаловаться на судьбу, отнявшую у него последнего коня. Незаметно он стер меловую лысину и радостно воскликнул:

— Слава аллаху! Это не моя лошадь, добрейший Шигай-бай. Ты ошибся. У моей — белое пятно на лбу.

Недолго думая, Алдар-Косе побежал к табуну, нашел свою лошадь, стер навоз и подвел ее к Шигай-баю.

— Вот мой конь!

Богач в припадке гнева готов был разорвать на части Алдара-Косе, но с большим трудом сдержался.

Наконец, к большой радости бая, Алдар-Косе по-настоящему стал собираться домой. Посмотрел он на свои рваные сапоги и сказал:

— Надо их починить. Не дашь ли мне биз[1], добрейший Шигай-бай?

Бай торопился в степь к своим баранам и ответил:

— Жена, дай ему, что он просит!

Вышел хозяин из юрты, а Алдар-Косе говорит старухе:

— Шигай-бай велел мне отдать вашу дочь Биз!

— Да ты с ума сошел! — возмутилась старуха. — Да разве я отдам красавицу такому проходимцу, как ты!

— Не надо кричать, байбише,— ответил спокойно Алдар-Косе.— Муж приказал, а твое дело — слушаться.

— Мой муж не дурак. Убирайся вон!

— Тогда спросим его, байбише.

[1] Биз — шило. Биз — имя женщины.

Побежали они вдогонку за баем. Алдар-Косе крикнул:

— О добрейший Шигай-бай! Байбише не дает мне биз! А без биз я не могу тронуться в путь.

Шигай-бай испугался, что Алдар-Косе еще задержится в его ауле, и крикнул жене:

— Отдай ему скорее биз, и пусть он убирается на все четыре стороны!

Старуха даже рот разинула от удивления. Алдар-Косе быстро оседлал своего коня, посадил впереди себя девушку, которая давно мечтала покинуть скрягу-отца, и скрылся в степи. А старуха так и осталась стоять с раскрытым ртом.

Привез Алдар-Косе Биз в свой аул, оставил ее, а сам отправился к Жиренше. Рассказал он, как провел жадного бая, и говорит:

— Ты мне проиграл. Я пожил у Шигай-бая и был сыт.

— Ну, что же,— ответил Жиренше,— обмануть бая-дурака нетрудно. Ты вот попробуй меня обмани. Тогда получишь все, что желаешь!

Алдар-Косе согласился, и они, покинув аул, отправились в степь. Жиренше ехал верхом, а Алдар-Косе шел пешком.

Прошли друзья немного, вдруг Алдар-Косе остановился и говорит:

— Чтобы тебя провести, мне нужен пестрый мешок, а он остался дома. Придется вернуться.

— Возьми моего коня, чтобы не терять времени! — предложил Жиренше.

Алдар-Косе сел на лошадь, отъехал немного и сказал:

— Вот я тебя и обманул. Была у тебя лошадь, а теперь нет ее! Счастливо оставаться, Жиренше!

Алдар-Косе ускакал, а Жиренше побежал домой.

Рассказал он жене про свою беду.

— Хорошо,— сказала жена.— Сиди дома и жди меня с лошадью.

Взяла она старое одеяло, свернула его так, словно ребенка спеленала, и побежала пересечь дорогу Алдару-Косе. Встретились они и тронулись дальше вместе. Алдар-Косе едет на лошади, а женщина идет пешком. Добрались до речки. Видит Алдар-Косе, что его спутница собирается вброд переходить реку, и говорит ей:

— Дай мне ребенка, я перевезу на тот берег.

— Он может проснуться,— отказалась женщина.

— Тогда возьми мою лошадь и переезжай.

— Спасибо!

Села женщина на лошадь, добралась до середины реки и крикнула:

— И самого хитрого хитреца проведет простая женщина. Не горюй, Алдар-Косе, ты, кажется, еще молод! Когда вырастут у тебя борода и усы, может быть, женщину и проведешь. Желаю тебе удачи!

Перебралась женщина на другой берег, помахала ему рукой и ускакала на лошади своего мужа.

АЛДАР-КОСЕ И СКУПОЙ ДРУГ

Однажды в аул, где проживал Алдар-Косе, приехал неизвестный человек. Вскоре он познакомился со всеми и подружился с Алдаром-Косе. Всем он был неплох, и только одно не нравилось Алдару-Косе в новом друге — его необычайная скупость. Был он скрягой. Так и прозвали его люди.

В те времена у степного властителя-хана росла дочь Хан-

шаим — девушка редчайшей красоты. Много ходило о ней разговоров в степи. Многим хотелось взглянуть на красавицу хотя бы одним глазом. Но прежде чем посмотреть на ханскую дочь, нужно было уплатить ее отцу тысячу рублей.

Захотелось и скряге взглянуть на Ханшаим. Не имея тысячи рублей, он сказал:

— Тебе все доступно, Алдар-Косе. Устрой так, чтобы я посмотрел красавицу даром. Едем в ханский дворец.

Когда они выехали в путь, Алдар-Косе сказал скряге:

— Дай мне взаймы два рубля, а когда мы возвратимся в аул, я верну тебе эти деньги.

«Два рубля не тысяча!»— подумал скряга.

Но, протягивая деньги Алдару-Косе, он все же предупредил:

— Я даю тебе два рубля только с условием, что ты мне отдашь их сразу же, как мы вернемся домой.

Алдар-Косе не любил повторять сказанного. Он молча взял деньги.

Едут они дальше. Повстречался им пастух, гнавший большую отару овец.

Алдар-Косе сказал ему:

— Дорогой мой, я дам тебе два рубля, а ты выбери мне самого плохого козленка из твоего стада.

Пастух согласился. Выбрал он самого худого и хромого козленка и подогнал к Алдару-Косе.

Тогда Алдар-Косе сказал:

— А может быть, ты возьмешь у меня два рубля и козленка, а взамен дашь мне одного ягненка?

Пастух задумался:

«Пожалуй, выгодно будет взять два рубля и козленка обратно и отдать только одного ягненка».

— Хорошо! — сказал пастух.

Пустил он козленка в стадо, выбрал лучшего ягненка и отдал Алдару-Косе.

— Светик мой ненаглядный! — сказал Алдар-Косе.— Давай условимся так. Забирай себе и деньги, и козленка, и ягненка, а мне дай одну козу.

И это предложение пастуху пришлось по душе. Он решил, что счастье повстречало его и принесло ему богатство. Пастух забрал ягненка и отдал Алдару-Косе козу.

Потом они обменялись еще несколько раз, и дело кончилось тем, что Алдар-Косе получил у пастуха самого жирного барана. Пастух остался доволен. Ему и невдомек было, что он отдал лучшего барана за два рубля.

Забрали путники барана и поехали своей дорогой. К вечеру въехали они в огромную долину, где находился ханский дворец.

Алдар-Косе и скряга поспешили к нему и увидели речку, преграждающую путь ко дворцу. По берегу зеленели густые кустарники, а через реку к воротам дворца проложен был широкий мост.

Алдар-Косе и его друг остановились у моста и раскинули в кустах белый шатер.

Прошло немного времени, и на тропинке, ведущей к речке, появилась служанка с ведром. Она зачерпнула воду и заметила двух незнакомцев возле шатра.

— Кто вы такие? — спросила служанка.— И почему раскинули здесь свой шатер?

Алдар-Косе ответил:

— Мы люди неба. Впервые мы видим человека земли. Скажи, кто ты такая?

Перепуганная служанка ничего не ответила. Подхватила

она ведро с водой и побежала во дворец. Здесь служанка обо всем рассказала дочери хана.

Красавица Ханшаим встревожилась и решила посмотреть на неведомых пришельцев с неба.

— Я слышу гул голосов,— сказал Алдар-Косе, обращаясь к скряге.— Слуги сопровождают красавицу Ханшаим, идущую к нам. Смотри внимательно, иначе никогда больше не увидишь ее.

Распахнулись ворота ханского дворца, и в сопровождении свиты появилась одетая в парчу и золото Ханшаим. Лучи солнца вспыхивали в самоцветных камнях, украшавших ее одежду. Они ослепляли взор, и скряга не мог разглядеть лица красавицы.

А Ханшаим посмотрела на противоположный берег реки и удалилась в свои покои.

Вскоре на той же тропинке опять с ведром в руках появилась служанка. Зачерпнув воду, она взглянула в сторону шатра и увидела, как два незнакомца рубили топором связанного барана.

— Что вы делаете? — спросила служанка.

— Мы режем барана,— ответил Алдар-Косе.

Убежала служанка во дворец и сказала ханской дочери:

— Небесные люди не умеют резать барана. Они рубят его топором.

Это было настолько невероятно, что ханская дочь решила сама посмотреть невиданное зрелище.

Опять распахнулись ворота дворца. Красавица Ханшаим появилась на берегу, но и на этот раз скряга не смог разглядеть ее лица.

— Сходи к ним и покажи, как надо резать барана! — сказала ханская дочь служанке.

Служанка перешла мост, научила неизвестных пришельцев пользоваться ножом и вернулась во дворец.

А красавицу Ханшаим разбирает любопытство узнать, что делают неизвестные люди. Снова послала она служанку. Та сбегала на речку, посмотрела и рассказала удивительные вещи:

— Небесные люди вырыли большую яму, сложили в нее мясо, залили водой, опрокинули вверх дном котел и на котле стали разжигать костер. Эти чудаки не умеют варить мясо!

— Пойду и научу их сама! — решила пораженная красавица Ханшаим.

Перешла она в сопровождении слуг через мост и направилась к шатру.

— Смотри!—сказал Алдар-Косе скряге.— Красавица Ханшаим идет к нам. Теперь ты сможешь разглядеть ее, если будешь внимателен.

Ханшаим подошла к костру и, не сказав ни слова незнакомцам, приказала слугам приготовить обед.

Слуги вытащили из ямы мясо, вымыли его в реке, потом сложили в котел и разожгли под ним костер. В это время скряга не спускал глаз с красавицы Ханшаим.

Наступил вечер.

— Сходи и посмотри, что делают небесные люди! — сказала Ханшаим служанке.

Та выполнила ее приказание и быстро вернулась.

— Они вытаскивают из котла куски горячего мяса и прикладывают их к щекам!— доложила она своей госпоже.— Они не умеют есть!

Ханшаим велела позвать своих слуг и вместе с ними направилась к шатру. Здесь она сама показала небесным людям, как нужно кушать вареное мясо, а скряга опять не спускал с красавицы глаз.

Ханшаим решила, что небесным людям будет холодно ночевать на берегу реки, и пригласила их во дворец.

Слуги приготовили для них богатый ужин, а затем отвели в особую комнату с пышными постелями.

Через некоторое время Ханшаим послала свою служанку посмотреть, как отдыхают гости.

Служанка вошла в комнату и увидела пустые постели. Два гостя, подвесив себя за ноги к потолку, отдыхали в таком положении.

— Что вы делаете? — спросила удивленная служанка.

— Спим! — ответил Алдар-Косе.

Рассказала служанка Ханшаим, и красавица снова в сопровождении слуг явилась к небесным людям. Слуги сняли гостей с веревок и усадили их на постель.

Всю ночь рассказывал Алдар-Косе красавице Ханшаим разные чудесные небылицы, но ничего не сказал о себе и своем друге.

Утром они тронулись в обратный путь.

Едут час, другой, третий. Наконец скряга сказал:

— Дорогой мой, то что было, прошло. Я жду, когда ты мне возвратишь два рубля.

— Хорошо! — ответил Алдар-Косе.— Я отдам, как приедем в аул. У меня, ты знаешь, нет при себе денег.

На пути скряга заехал в сеседний аул и остался там жить.

Но через каждые два-три дня он приходил к Алдару-Косе и требовал возвратить долг.

Однажды, увидев приближающегося скрягу, Алдар-Косе лег на кошму, накрылся одеялом и сказал жене:

— Сейчас придет мой друг требовать долг. Скажи ему, что я болен!

Жена Алдара-Косе встретила скрягу у входа в юрту.

— Где мой друг? — спросил скряга.

— Он болен.

Догадавшись, что Алдар-Косе притворился больным, скряга ласково сказал:

— Что с ним стало? Взгляну-ка я на своего друга. Не доведи аллах умереть ему! А если это случится, я сам обмою и похороню дорогое тело моего друга.

Вошел скряга в юрту и увидел: лежит Алдар-Косе бледный. Глаза у него провалились. Действительно человек тяжело болен.

Сел скряга у изголовья своего друга. Ни слова не говорит, только тяжело вздыхает.

Но Алдар-Косе и его жена понимают, что скряга жалеет не своего друга, а пропавшие два рубля.

Постонал, постонал Алдар-Косе, вздохнул тяжело и вытянулся.

Скряга обмыл покойника, надел на него саван, вырыл глубокую могилу и, похоронив Алдара-Косе, сказал:

— Теперь я буду спокоен!

Вечером жена Алдара-Косе откопала могилу мужа и помогла ему выйти. Идут они вдвоем по аулу и встречают скрягу.

— Возьми свои два рубля! — крикнул ему Алдар-Косе.

Но скряга не взял денег; услышав голос покойника, он упал без чувств и умер от страха.

АЛДАР-КОСЕ И ЧЕРТИ

Однажды Алдар заснул около очага. Выспался, только хотел открыть глаза — чувствует, что-то возле него крутится. Приоткрыл он тихонько один глаз, видит — два черта. «Притворюсь-ка я мертвым, что они с мертвого возьмут?»— подумал он, скорей прикрыл глаза, лежит и не дышит.

А черти были голодные. В поисках съестного они наткнулись у очага на Алдара-Косе и обрадовались.

— Слушай, Кулан,— говорит один.— Давай нашепчем сонному дурные мысли. Проснется — сделает, как мы сказали.

— Давай, Тулен,— говорит другой.— Вор ведь половину ест, а другую у него из-под носа черти берут!

Они вскочили ему на грудь и давай нашептывать в оба уха.

— Казах, казах, пойди своруй,— шепчет Тулен.

— Казах, казах, пойди обмани!— шепчет Кулан.

А Алдар лежит, как мертвый. Бились они с ним, бились, и шептали, и кричали,— он не просыпается. Они даже устали и, убедившись, что перед ними действительно мертвый, начали совещаться.

— Пойдем,— говорит Кулан.— На что нам мертвый казах?

— Нет,— говорит Тулен.— Нам и мертвый пригодится. Давай воскресим его, вот он и будет на нас работать!

— Что ж, давай. Только как?

— Это же был нищий казах, видишь, у него и савана нет,— говорит Тулен.— Пойдем сами украдем казы пожирнее и кумыса, положим рядом — он живо воскреснет!

«Э,— думает Алдар,— легко же вы меня поймать хотите!

Так я и пойду вам в кабалу за казы!» Однако, когда они принесли казы и дали ему понюхать, он все же не стерпел. Рот его сам собою раскрылся в сторону казы, и черти завизжали от радости, а Алдар испугался, что выдал себя. «Ладно, съем казы, а там посмотрим, что делать»,— подумал он и продолжал лежать неподвижно, пока черти не скормили ему все казы и не вылили ему в рот весь кумыс. Тогда он открыл глаза и встал, а черти сразу сделались невидимыми и вскочили ему на плечи, чтобы управлять его поступками. Но Алдар-Косе громко заплакал:

— Кто это меня оживил? Ой-ой, кому нужно было такое дело? Душа моя обрела успокоение после всех невзгод, перенесенных мною в жизни... Ой-ой, я с таким трудом умер, а теперь опять все сначала? Что ж, пойду утоплюсь!

И он, будто в отчаянье, так ловко схватился руками за голову, что прижал ноги чертей к себе, и с плачем, шатаясь, побрел к обрыву. Черти испугались, что он сейчас утопит их вместе с собой, и скорее обернулись видимыми.

— Слушай, жигит,— сказал Тулен.— Зачем тебе умирать? Мы будем все время с тобой, и вместе мы прекрасно заживем.

— А кто вы такие?— спросил Алдар-Косе, будто бы ничего не понимая.

— Да мы черти, Тулен и Кулан. Мы научим тебя ловко воровать и мошенничать, а доходы пополам!

Алдар подошел уже к самой реке. Тут он задумался и потом решительно сказал:

— Нет, друзья, все-таки ничего не получится. Вы ведь невидимы, и, если мы попадемся, бить будут одного меня! Меня и так уж много били, я лучше утоплюсь. И вам помогу; вы еще не умирали и не знаете, как это спокойно быть покойником: все равно тебе — голоден ты или сыт!

И он опять шагнул к обрыву. Черти не на шутку перепугались. Тулен закричал:

— Постой! Не прыгай! Мы сделаем тебя таким, как мы! Ты тоже будешь невидимый, как черт.

— Ну, это разговор другой,— сказал Алдар.— А что надо сделать?

Тулен дал ему монету. Алдар положил ее под язык, мигом превратился в черта, и втроем они пустились в путь к большому городу. Шли они, устали. Тогда Кулан, перемигнувшись с Туленом, предложил:

— Слушайте, друзья, чем нам всем уставать, не лучше ли ехать по очереди на плечах другого? Алдар посильнее, он может нести нас сразу обоих, а сам потом поедет тоже на нас двоих.

Алдар и Тулен одобрили это.

— Ну, кто первый повезет, мы или ты?— спросил Тулен.

— Я бы рад оказать вам услугу,— ответил Алдар-Косе,— но только я после смерти не совсем еще отошел, едва плетусь. Давайте я поеду первым, отдохну, а там вас повезу.

— Ладно,—согласились черти,—только уговоримся, сколько времени каждый везет.

— Да чего же проще? Я затяну песню, и, если вы позволите посидеть на ваших плечах, пока песня не кончится, то мне вполне достаточно будет времени, чтобы отдохнуть.

Черти согласились. Алдар уселся к ним на плечи и негромко затянул:

— Алялай, лалялай, ай-ай-алялай...

Черти везли, везли его, «алялай» все тянется, уж дело к вечеру подошло, а песне и конца нет. Тулен не вытерпел:

— Слушай, друг, когда же кончится твоя песня?

— Да я еще и первой строчки не спел,— удивился Ал-

дар.—Вот сейчас начну вторую: ари-айдм, ари-айдм, ари-айдм...

Черти так устали, что, не выдержав, прислонились к дереву, чтобы отдохнуть. Дерево было сухое и дуплистое, от тяжести чертей и Алдара оно повалилось, и в дупле оказался слиток золота величиной с конскую голову. Тулен первый увидел его и быстро сел на слиток.

— Говорят, у найденного ножа на сорок обхватов тяжбы,— сказал Тулен.— Я боюсь, мы перебранимся из-за этой находки. Давайте делать по обычаю: пусть находка достанется тому, кто почтеннее всех возрастом.

Кулан живо смекнул, куда клонит Тулен: чертям было по тысяче с лишним лет. Алдар тоже понял, что черт хитрит, но не показал и виду.

— Что верно то верно,— сказал Алдар,— старшему всегда уважение. Ну, давайте считаться, кто из нас старше!

Тогда Тулен сказал:

— Я, должно быть, старше вас обоих: когда я родился земля была величиной с островок. Нет, пожалуй, еще меньше: с потник... Нет, вот сейчас я вспомнил: она была величиной с ладонь.

Кулан удивился:

— Опрмай, кто бы мог думать, что ты моложе меня? Когда я родился, земля еще не была отделена от неба, и байгу в честь моего рождения отцу пришлось устроить на облаках.

Алдар-Косе, услышав это, начал реветь во весь голос. Черти подумали, что он жалеет золото, и начали его утешать. Но Алдар, не слушая их, проливал обильные слезы, а потом начал биться головой о землю и причитать: «Ой, светик мой, никогда я тебя не увижу!»

— Ну что ж ты плачешь? — сказал Тулен.— Раз решили так решили. Золото берет Кулан.

— Что мне ваше золото!—вскричал в слезах Алдар-Косе.— Никакое золото не заменит мне моей потери. Ой, Кулан, когда ты заговорил о своем рождении, ты разбередил во мне старую рану. Я стараюсь об этом не вспоминать, а ты, как нарочно, напомнил. Знаешь ли ты, что во время байги в честь твоего рождения мой младший сын провалился сквозь гнилое облако и упал в неведомый простор, где потом устроили землю? Вот мое горе, которое я ношу в себе и которое ты оживил!

Алдар опять зарыдал и закричал так, что самим чертям стало тошно. Не зная, как заставить его замолчать, они уговорили его взять золото. Но и взяв его и снова забравшись вместе с ним на плечи чертей, Алдар еще два дня плакал так, что черти под ним шли мокрыми. Это горе убедило их, что он говорил правду.

Потеря золота обозлила чертей, да и таскать на себе Алдара, песня которого все не кончалась, им порядком надоело. Устроились они как-то на ночь в брошенной тесной землянке, и Тулен начал такой разговор:

— Слушай, Алдар, видно, песня твоя никогда не кончится. Мы согласны, что тут ты нас перехитрил, но по справедливости надо сделать другое условие. Пусть теперь поедет на других тот, кто сильнее. Давайте драться!

Алдар-Косе подумал и согласился.

— Хоть это и нарушение договора, ну уж ладно. А чем будем драться? Только тут и есть, что курык да камча.

— Вот курыком и камчой и будем драться,— сказал Тулен, обрадовавшись и думая про себя: «Ну, теперь я отомщу этому казаху. И вздую его и верхом на него сяду!»

Алдар повертел в руках длинный курык, примерился к камче и протянул курык Тулену:

— Знаешь, по справедливости, возьми ты себе курык: ты

ростом поменьше, тебе надо оружие подлиннее. А я возьму камчу.

«Вот дурак,— думает Тулен.— Совсем глупый этот казах! Сам отдает лучшее оружие!» Алдар-Косе взял камчу и, оглянувшись с беспокойством, сказал:

— Давай лучше драться здесь, в землянке, а то кто-нибудь увидит нас, подымет шум. Согласен?

— Согласен, согласен!— кричит Тулен.— Давай драться!

— Давай начнем,— сказал Алдар и замахнулся камчой. Тулен тоже замахнулся курыком, но длинный шест зацепился за стенку, и, как ни вертелся Тулен в тесной землянке, он ни разу не смог ударить Алдара. Между тем Алдар так отвозил его своей камчой, что Тулен оказался весь в крови.

— Кяп-кяп,— постой, погоди! — закричал он.— Давай меняться оружием!

— Давай,— согласился Алдар,— я и то пожалел, что отдал тебе лучшее оружие. Только выйдем из землянки, тут такая пыль поднялась, что дышать нечем.

Тулен обрадовался этому. «Тут я никак не мог размахнуться как следует, а уж на просторе я ему покажу!»

Они вышли на воздух и стали опять драться. Длинным курыком Алдар-Косе пуще прежнего избил Тулена, не дав ему даже подойти.

Ночью черти, посовещавшись, тихонько выбрались из землянки и убежали от Алдара-Косе, оставив ему и волшебную монету и золото.

ДВА ПЛУТА

В давние времена, во времена короткого хвоста, жили на свете два веселых плута: один гулял в Сырдарьинских степях, другой — в степях Сары-Арка. Широко разносилась слава об их проделках, и не раз им случалось слышать рассказы друг о друге.

И в конце концов надумали они каждый про себя сойтись где-нибудь один на один, испытать свою ловкость, померяться хитростью.

Смазав жиром сапоги и подоткнув полы халатов, отправились они в путь. Шли, шли и в некий день из дней встретились на караванной дороге подле только что поставленного мазара. Как старые друзья, поздоровались они, обнялись и повели беседу.

— Новости есть? — спрашивает сырдарьинский плут.

— Новости есть,— отвечает сарыаркинский плут.— Видишь, стоит новый мазар? Недавно похоронен в нем один знаменитый бай. Много скота, много золота он оставил. И все осталось его придурковатому сыну.

Сырдарьинский плут говорит:

— Бай не даст того, что имеет, а бедняк не должен зевать...

Давай-ка выманим у байского сына сто червонцев и разделим их пополам.

Сарыаркинский плут отвечает:

— Масло тебе в рот! Я согласен. Но как это сделать?

Плут да плут — два плута, долго ли им сговориться? Закусили, закурили, так и этак поразмыслили и приняли решение.

Сырдарьинский плут забрался в мазар и там притаился, а сарыаркинский обмотал голову зеленой чалмой и под видом странствующего ишана явился в аул покойного бая.

— Дитя мое,— сказал плут байскому сыну,— было время, отец твой взял у меня червонцы, говоря: «Верну тебе деньги полностью, как только потребуешь. Жив буду — сам отдам, мертв буду —сын отдаст». Наступил срок получить мне старый долг. Исполни же завет отца.

Сын бая и рот раскрыл от такого известия. Ведь берущему и шести мало, а дающему и пять много! Подумав, он сказал:

— Чем ты докажешь, что в словах твоих нет обмана?

Плут горестно покачал головой и ответил со вздохом:

— Если ты не веришь зеленой чалме, так сходи на могилу отца, может быть, он сам откроет тебе истину.

В великой тревоге приблизился молодой бай к мазару и, дрожа от страха, спросил:

— Отец, правду ли говорит ишан в зеленой чалме, что ты должен ему сто червонцев?

И тут сырдарьинский плут отвечает ему из мазара глухим голосом:

— Правду, правду он говорит, сын мой! Из-за этого долга страшные муки я здесь терплю. Верни поскорей деньги ишану, дай отдохнуть мертвым костям!

Весь в холодном поту прибежал байский сын домой и, ни слова не говоря, выложил плуту сто червонцев.

Припрятал сарыаркинский плут золото за пазуху и думает так:

«Пусть посидит дружок в мазаре, пока ему не наскучит, а я один в степи не заблужусь».

Миновали дни и недели. Он возвратился в свою кибитку, тайком зарыл золото под очагом и строго наказал жене:

— Если нагрянет к нам такой-то и такой-то человек, скажи ему, что я скоропостижно умер и погребен по закону[1]. Постарайся его спровадить поскорей, а пока он не уйдет, каждый вечер приноси мне еду в овраг. Там я буду до времени.

А сырдарьинский плут ждал товарища в темном мазаре и понял наконец, что тот его обманул. Кое-как выбрался он на свет и, глядя в сторону Сары-Арки, сказал:

— Обширна степь, но человек проворен! Не скроешься ты от меня, приятель, если правда, что снег не держится на колу. Погоди немного, светик мой,—что положил ты в казан, то попадет тебе в черпак!

С этими словами он затягивает кушак и пускается в дорогу разыскивать след обманщика. Идет день, идет ночь, идет месяц; рассекая пространство, он движется вперед. И вот находит он в степи кибитку беглеца, открывает дверь, переступает через порог.

Едва завидев незнакомого человека, жена сарыаркинского плута заплакала и стала причитать:

— Умер мой несчастный муж, вот уже три дня, как его по-

---

[1] Мотив мнимой смерти для сокрытия украденного или избавления от уплаты долга распространен в фольклоре всех тюркских народов. Сравни у нас с азербайджанской сказкой «Два жулика» и туркменской «Как Кель был батраком»

хоронили. Кто бы ты ни был, чужеземец, оставь меня наедине с моим горем!..

«Напрасно ты куешь холодное железо, хозяйка!»—думает сырдарьинский плут, но вслух говорит, обливаясь слезами:

— Женщина, ты разорвала мне сердце своими словами. Умер мой друг, ой, беда, беда! Как уйду я из жилища покойного, не помянув его и не оплакав? Обещаюсь перед богом провести здесь сорок лет, покуда глаза мои не ослепнут от слез.—И, не переставая рыдать, усаживается поудобнее на почетном месте.

Идут дни за днями, живет сырдарьинский плут в чужой кибитке, поминает друга его же бараниной и кумысом. И не скрылось от его глаз, что хозяйка каждый вечер исчезает куда-то с полным мешком. Однажды плут украдкой проследил за ней и узнал дорогу к оврагу.

Как-то раз позвали хозяйку в гости. Нарядившись в праздничные одежды, она ушла на весь день и вернулась только к ночи. Сырдарьинский плут не стал терять времени даром: он переоделся в платье хозяйки, набил мешок разной снедью и, когда стемнело, спустился в овраг к сарыаркинскому плуту.

Сарыаркинский плут набросился на еду и, не замечая обмана, спросил:

— Ну что, тот мошенник не собирается еще уходить?

Изменив голос, сырдарьинский плут отвечал:

— Нет, не трогается с места, притворяется, будто сокрушен печалью. А сам все что-то ищет да высматривает. Видно, ты припрятал что-нибудь от него. Боюсь, как бы он не нашел спрятанное.

Сарыаркинский плут смеется.

— Не бойся, глупая, пусть он высохнет, как иргаевая пал-

ка[1], все равно ничего не найдет, но на всякий случай присматривай за очагом. Если что будешь замечать, дай знать мне.

— Хорошо,— говорит сырдарьинский плут, а про себя шепчет: «Ага, вот оно что — под очагом!»

Когда хозяйка явилась домой, сырдарьинский плут, как ни в чем не бывало, сидел на своем месте, попивая кумыс, проливая горькие слезы. Она второпях схватила мешок и побежала к мужу, ожидая, что он станет бранить ее за опоздание.

Сарыаркинский плут, завидя жену, очень удивился и сказал:

— Говори скорей, что случилось? Почему ты пришла второй раз?

Жена отвечала:

— Да будет долог твой век, дорогой, что с тобой? Я прихожу сегодня впервые.

— Ой, безумная, ты погубила мою голову!— вскричал плут и, не чуя ног, помчался к кибитке.

Но там на месте золота уже дует ветер.

Недаром, оказывается, старики говорят: «Не хвались силой — нарвешься на сильного; не хвались хитростью — нарвешься на хитрого».

Подумав, сарыаркинский плут сказал так:

— Удача поворачивается к нам то лицом, то спиной. А кто предается печали, тот увеличивает трудность своего положения. И только дурак, рассердившись на вшей, бросает шубу в огонь.

Тут он простился с женой, сел на безрогого бычка и, погоняя его суковатой палкой, направился в Сырдарьинскую степь.

---

[1] Иргай — жимолость, из нее делают палки, рукоятки для плети.

Той порой, что сарыаркинский плут ехал степью, расспрашивая про дорогу, сырдарьинский плут добрался до дому и велел жене, чтобы она тотчас же оповестила весь аул о его внезапной смерти, а сам закутался с головой в саван, вытянулся и стал, как неживой. Жена послушно исполнила все, что он требовал. На вопли женщины стали собираться люди из соседних кибиток, пошумели, пожалели, потом снесли мнимого покойника в заброшенный мазар и приступили к поминальному пиру.

В самый разгар пира подъехал к аулу на своем безрогом бычке сарыаркинский плут. Разузнав, что это за пир и кого поминают, он сразу обо всем догадался: «Э-э-э, знакомая песня», но представился, будто поражен горестной вестью, и, зарыдав, воскликнул:

— Если умер мой друг, умру и я. Нет без него счастья, и жизнь без него темна. Об одном прошу, положите меня рядом с другом, не разлучайте нас хоть после смерти.

Проговорив такие слова, он повалился на землю, затаил дыхание и притворился мертвым. И похоронили его в тот же день и положили рядом с приятелем.

Вот народ разошелся, и оба плута остались в мазаре наедине.

— Ас-салямалейкум! — тихонько говорит сарыаркинский плут.

— Валейкум-ас-салям! — так же тихонько отвечает сырдарьинский плут.

— Не пора ли нам поделить байские червонцы?— спрашивает сарыаркинский плут.

— Что же, может, и пора,— отвечает сырдарьинский плут.

И только они начали этот разговор, как вдруг снаружи раздался топот, шум и звон, и в мазар ввалилась шайка разбойников — сорок отчаянных головорезов.

Усевшись в круг, разбойники стали делить добычу. На долю тридцати девяти человек приходилось по куче золота, а сороковому должен был достаться старый меч. Но никто из разбойников не соглашался взять меч. Всякому хотелось получить золото. Поднялся спор. Тогда главарь шайки говорит:

— Глупцы, разве добрый меч не дороже пригоршни монет? С ним удалец защитит свою жизнь и добудет богатство. А этот старый меч достоин служить и батыру. Полюбуйтесь-ка, как я с одного взмаха разрублю пополам этих двух мертвецов!— и и он выхватил меч из ножен.

В то же мгновение, не дожидаясь беды, оба плута в своих белых саванах вскочили с земли и закричали страшным голосом:

— Темные грешники, проклятые кровопийцы! Мало вам слез живых, так вы посягнули уже и на мертвых?! Ужасайтесь! Трепещите! Час вашей казни настал!

Что тут было! «Ошалевшая утка ныряет хвостом...» Бросив все драгоценности, друг через друга кинулись разбойники кто куда: одни попали в двери, другие лбом пробили себе выход. Спустя миг, они были от мазара на расстоянии трехдневной езды.

Тут плуты скинули саваны, разделили по-братски сокровища и, от души посмеявшись над своими похождениями, разошлись в разные стороны.

ПОКА НЕ ВЫРАСТЕТ ХВОСТ У КОНЯ

Бедняк, у которого не было своей лошади, попро́сил у бая коня для работы. Бай дал ему старую лошаденку, а хомута не дал.

Взял бедняк коня и привязал к его хвосту телегу. Сел и поехал. По ровному месту телега шла хорошо, но когда стали подниматься в гору, хвост у коня оторвался.

Бай подал на бедняка в суд.

На суде бай сказал:

— Пусть этот бедняк работает на меня до тех пор, пока не вырастет у коня хвост до земли.

Судья знал, что бай даст ему подарки, и стал на его сторону.

Он начал читать приговор:

— Пока не вырастет хвост у коня...

В это время бедняк из-под полы показал судье туго набитый мешок.

Судья подумал, что бедняк сулит ему подарки, прокашлялся и снова начал читать приговор:

— Пока не вырастет хвост у коня, оставить его тому, кто на нем работал.

Из суда бедняк вышел очень довольный. Он вскочил на бесхвостого коня и, запев веселую песенку, поехал домой.

По дороге его нагнал на хорошем скакуне судья и потребовал мешок с подарками.

Засмеялся бедняк, развязал мешок и стал выбрасывать камни.

— Камни! — воскликнул удивленный судья и с руганью накинулся на бедняка.— Зачем ты меня обманул, мошенник?

— Нисколько! — ответил бедняк.— Я тебе показывал на мешок и объяснял: «Если ты присудишь в пользу бая, то я тебя побью камнями, которых у меня полон мешок».

Судья повернул лошадь и уехал домой.

О ЛЕНТЯЕ

Жил на свете ленивый человек. У отца его было несметное богатство, да и сам он владел целым аулом и ни в чем не нуждался. Всего у него было вдоволь. Вздумал ехать — конь готов! Вздумал поесть-попить — бесбармак и кумыс его ждут. За всю жизнь он былинки не переломил своими руками. Осока и камыш вокруг его аула никогда не выкашивались. Если лежал он на левом боку, ему лень было перевернуться на правый. Таков был этот лентяй.

Однажды жители аула всполошились, увидев охваченную пламенем степь. Огонь быстро приближался. Все жители бросили свои жилища и спешили перебраться со скотом на новые места. А байский сын лежал в белой юрте и даже не сдвинулся с места — ему лень было подняться.

— Вставай, мурза! — сказали ему.— В степи большой пожар. Весь народ откочевал.

— Ну что же, пускай кочует.

— Мурза, ты останешься один!

— Ну и что же из того, что один! — ответил он и продолжал лежать не двигаясь.

Кто-то второпях, усталый и встревоженный, еще раз напомнил ему о пожаре:

— Зимовка в огне, нужно уходить отсюда.

Он ответил:

— Пусть горит, что из этого.

Перекочевав на новые места, жители аула были удивлены поступком своего господина и решили, что он является праотцом всех лентяев.

— Когда пожар застанет его в постели, может быть, тогда от страха он станет проворнее. Оставим его! — сказали жители.

В огне пылали зимовки, арбы, загоны для скота. Но владелец большого аула продолжал лежать в юрте.

Когда пожар стих, несколько жигитов поехало на место старой стоянки. Среди обгорелых остатков белой кошмы, в куче пепла, нашли они своего господина. Он был похож на опаленного барана. Один из жигитов слез с коня, подошел к нему и спросил:

— Мурза! Твоя леность привела тебя к смерти. Покаялся ли ты?

— Ну и что из того, что я умру? — пробормотал он слабым голосом и скончался.

КОМУ КОРОВУ КОРМИТЬ

Жил дряхлый старик Ит-аяк со старухой Шуйке. Была у них корова, такая же старая, как ее хозяева. Однажды в морозный день старик велел старухе дать сена корове.

— Сам иди и корми ее,— ответила старуха.— В такой морозный день я не пойду сгребать снег с сена. Я не молоденькая.

— И я не пойду! — рассердился старик.

Долго спорили они, никому не хотелось выходить на мороз. Наконец решили: кто первый скажет слово, тот и должен будет накормить корову.

Хитрая старуха позвала шутника и попросила его заставить заговорить старика.

Пришел шутник, поздоровался:

— Здравствуй, Итке!

Старик молчит.

— Ты что молчишь? Болен разве?

Старик еще крепче сжал губы.

Шутник стал щекотать Ит-аяка, щипать, драть за уши.

Старик терпит и молчит.

Вынул шутник бритву и стал скоблить сухую голову. Старику хоть и больно, но крепится, звука не проронит.

Сбрил шутник Ит-аяку бороду и даже брови, вымазал лицо сажей. Молчит старик, словно воды в рот набрал.

Побежал шутник за старухой и говорит:

— Ну, Шуйке, теперь можешь идти, все сделано. Старик ждет тебя.

Старуха бежит домой и радуется, что кормить корову ей не придется.

Открыла она дверь и увидела своего старика, бритого и выпачканного в саже.

— Милый Итке, голубчик! — завопила старуха.— Кормилец мой, что с тобой сделалось?

— Тебе, Шуйке, давать сено корове! Иди корми ее!

ДУРАК

В одном ауле жил дурак. Глупее его не было во всей степи. Сытым он бывал редко, но работать не хотел. Весь день валялся на траве да пел глупые песни.

Частенько жена его бранила:

— Бессовестный лентяй! Бедные люди трудятся целые дни, не жалея сил. Один ты лежишь без дела. Попросил бы у соседей пару быков да вспахал бы клок земли и посеял хоть немного проса. Стыдно мне побираться по чужим юртам.

Дурак вначале отмалчивался, а потом сказал:

— Не напрасно ли ты, жена, толчешь камни? Заладила: «Просо, просо!» Для чего оно тебе?

— Как для чего?! Было бы у нас просо, была бы и похлебка в казане.

Дурак рассердился:

— Вот глупая! Откуда же тебе в казан попадет похлебка?

— Да ведь она из проса делается!

— Так ты бы так сразу и сказала! — вскричал дурак и побежал к соседям просить быков.

Запряг дурак в плуг пару быков, выехал в степь и стал па-

хать. Сначала все шло хорошо, но неожиданно плуг зацепился за что-то, и быки остановились. Кричал на них дурак, руками махал — не идут быки. Рассердился он, выдернул плуг. Видит — лежит в борозде слиток золота величиной с конскую голову.

«Ой-ой! Как же теперь быть? — задумался дурак.— Как избавиться от этой блестящей диковины?»

Думал-думал и решил: «Спрошу совета у опытных людей!»

Вскоре в степи показался одинокий всадник.

— Эй, дружок! — закричал ему дурак.— Скачи скорей сюда. Помоги моему горю.

Всадник завернул коня. А дурак думает:

«Напрасно я окликнул этого человека. Кто знает, что у него под шапкой. Лучше уж я посоветуюсь с кем-нибудь другим!»

И он накинул на золото халат, а сам уселся сверху.

— Зачем ты меня звал? — спросил всадник.

— Дружок мой, пусть у тебя на языке всегда будет халва! Вот стоит пара волов. Скажи, который из них проворней — черный или пестрый?

— Ну и дуралей! Кому же об этом знать, как не тебе? — рассердился всадник и с бранью умчался прочь.

«Счастливо я, кажется, отделался. По роже видать, это был вор»,— решил дурак.

Через некоторое время проезжал мимо другой всадник.

— Эй, человек! — закричал дурак.— Скачи ко мне, беда случилась.

Всадник повернул коня, а дурак снова забеспокоился:

«Если первый был вор, то этот может оказаться разбойником!»

— Ну, что тебе надо? — спросил всадник, осадив коня.

— Дорогой мой! — заговорил дурак.— Да не укусит тебя

за ногу ни блоха, ни собака! Скажи мне, сколько я вспашу сегодня и сколько оставлю на завтра?

— Скажу я тебе только одно,— сердито ответил всадник.— Кто встретится с умным — сделает дело, а кто с дураком — потеряет время!

Хлестнул он коня и ускакал.

А дурак остался один и стал размышлять:

«Видно; никто меня не выручит из беды, кроме хана. Мулла недаром говорит: «У хана ум сорока человек!» Отнесу я ему золото, и пусть он скажет, что мне делать с ним».

Завернул дурак слиток в халат и погнал быков в аул.

Дома украдкой от жены спрятал он золото в сундук и лег спать. Однако жена заметила, как он прятал, и ночью потихоньку развернула сверток. Увидела она золото и обомлела от радости. Мигом спрятала женщина слиток подальше, а вместо него в халат положила круглый камень.

Утром поднялся дурак с постели, вытащил из сундука сверток и отправился к хану за советом.

Прошел он шесть степей, миновал шесть горных перевалов и добрался до ханского дворца.

— С каким делом ты осмелился явиться ко мне?— спросил хан дурака.

— Господин! Прикажи развернуть этот сверток!—торжественно сказал дурак и положил его на ковер.

Хан повел бровью, и визири мигом развернули дырявый халат.

— Я вижу круглый камень,— сказал хан.— Почему ты принес его своему владыке?

Дурак даже вспотел от неожиданности.

«Спасаясь от дождя, я, кажется, попал под снег!»—подумал он с ужасом.

А вслух сказал:

— Господин, пощади! Жена моя твердит, что этот камень весит десять чараков, а, по-моему, в нем не будет и восьми. Наш мулла говорит: «У хана ум сорока человек!» Рассуди нас с женой, кто прав?

— Этот человек или большой дурак, или опасный мошенник,— сказал хан.— Бросьте его в темницу и сторожите.

Очнувшись в сырой темнице, дурак присел на корточки и стал размышлять:

«Как же так? Ведь я нашел в земле слиток золота, а не камень. Он был вот такого размера или, пожалуй, даже вот такого...»

Визири подметили, что узник что-то обмеривает в воздухе руками, и доложили хану.

— Приведите его!— приказал хан.

Во второй раз предстал дурак перед ханом.

— Что это ты мерял в тюрьме?— спросил хан.

— Господин!—ответил дурак.— Я от скуки рассуждал, у кого длиннее борода: у тебя или у нашего козла. По моим расчетам, у тебя все-таки длиннее.

Хан от ярости замотал головой. Визири без чувств упали на ковер. Стража потащила дурака из дворца.

— Привязать его к дереву на солнцепеке!— закричал хан. Повесить ему на шею мешок с верблюжьим пометом и пусть стоит до тех пор, пока сам не захочет рассказать мне всю правду о себе.

Приказ хана был выполнен немедленно и в точности.

Прошло немного времени, и к хану явился визирь.

— Великий хан! Привязанный к дереву человек умоляет тебя выслушать его.

Хан вышел во двор и увидел дурака, прикрученного арка-

ном к дереву. На груди бедняги болтался зловонный мешок.

— Говори, что ты хотел сказать!— произнес хан, приблизившись к дереву.

— Господин!— отвечал дурак.— То, что я хочу тебе сказать, никто не должен слышать.

Хан, морщась и зажимая нос, подставил ухо.

— Господин! Меня всю жизнь называют дураком. Но я никому не сделал зла и без вины терплю наказание. Но тот дурак, который придумал вешать людям на шею такую дрянь, поистине заслуживает палки. Ты только понюхай, что за вонь!

Хан от подобной наглости окончательно рассвирепел и приказал избить дурака палками и прогнать из столицы.

Почесывая синяки и размазывая слезы, приплелся дурак в свой аул. Возле юрты его встретила жена.

— Негодница! — сказал дурак.— Меня обидели и побили, и все из-за твоего проса.

— Ладно, не плачь,— весело ответила жена.— Больше тебе не придется сеять проса.

— А как же быть с похлебкой?

— Будет у нас теперь и похлебка, и мясо, и всего вдоволь.

Вошли они в юрту. Поставила жена перед мужем бесбармак, жирную карта, казы, куырдак и баурсаки.

— Ешь!— угощала она.

Сразу забыл дурак о своих злоключениях. Накинулся он на вкусные кушанья и ел, пока не покраснели глаза.

А потом свалился набок и заснул. Пусть спит!

СВЯТОЙ ОСЕЛ

Пришел однажды в город престарелый казах с мешком костей за спиной. Встречных людей он спрашивал, где находится склад конторы «Утильсырье». Добрался, наконец, старик до склада и вывалил на весы груду костей. Кладовщик посмотрел на них и говорит:

— Забирай, аксакал, свой товар. Этим костям сто лет, перегнили они и нам не подходят.

Пригорюнился старик, но делать нечего — стал собирать кости в мешок.

Собрал и говорит:

— Начальник! Дай мне рубль, и я расскажу тебе, чьи это кости.

Кладовщик пожалел старика, дал ему серебряный рубль. И услышал он такой рассказ.

* * *

Давным-давно у переправы через реку Чу была могила святого. Ее охотно посещали богомольцы. Старый дервиш лечил здесь больных и предсказывал судьбу, собирая щедрые по-

даяния. Дервишу и мне, его ученику, жилось хорошо. Так я прожил с ним несколько лет.

Однажды решил я совершить путешествие в святую Мекку и сказал своему учителю:

— Благослови меня, отец, хочу идти в город пророка.

Благословил меня дервиш и подарил мне своего единственного старого осла. На нем и отправился я в далекое путешествие.

На седьмой день пути споткнулся мой осел, упал и сдох. Сел я около него и стал горевать, опасаясь идти дальше пешком. Вдруг вижу — по дороге в мою сторону едут всадники. Не хотел я, чтобы меня укорили они обидными словами, подумав, что осел подох по моей вине. Быстро оттащил я его в сторону от дороги и набросал груду камней.

Всадники поравнялись с ослиной могилой, увидели мою дервишскую одежду и спросили, почему я плачу.

И я ответил им:

— Вдвоем с моим лучшим другом я направился в город пророка. На этом месте меня постигло несчастье. Друг мой умер, а я теперь плачу над его могилой.

— Видно, большой праведник был твой друг, если ты так сильно убиваешься!— сказали всадники и бросили мне несколько золотых монет.

Уехали они, а я остался на могиле, чтобы отдохнуть и собраться с силами для дальнейшего путешествия.

Вдруг вижу я: идет большая толпа. Это были жители соседнего города. Всадники, подарившие мне золотые монеты, рассказали им, что поблизости умер и похоронен святой. Вот жители и пришли просить меня остаться жить на могиле моего друга.

— Ты ни в чем не будешь нуждаться!—пообещали они мне.

Оказывается, в этом городе не было до сего времени ни одной святой могилы.

Я решил, что неразумно было бы отказываться от счастья, которое неожиданно упало мне с неба. И я согласился.

Слава о моем святом друге быстро росла. С каждым днем приходило все больше и больше паломников. Приношения были обильны и богаты.

Прошло несколько лет, и меня посетил мой учитель, дервиш.

— Слава о твоем святом дошла и до меня,— сказал он.— Я решил поклониться его праху, чтобы он замолил мои грехи перед аллахом. Но скажи мне, кто твой святой и как ты очутился здесь?

Я рассказал учителю всю правду, хотя и боялся, что он рассердится на меня. Но он только лукаво улыбнулся. И тут я задал ему вопрос, который никогда не осмеливался задать раньше. Я спросил его:

— Скажи, учитель, а кто был тот святой, на могиле которого живешь ты?

— Это была мать твоего святого,— отвечал мой учитель.

БАЙ И ПАСТУХ

Жили в степи два брата-бедняка. Пошел старший наниматься к баю в пастухи. С баем уговор такой: если работник откажется от какой-либо работы, то ничего за свой труд не получит. А если хозяин хоть один раз рассердится на работника, то должен отдать ему половину своего скота.

Договорились, и целый год работник работал хорошо.

Подошло время расчета. Хозяин пустился на хитрость.

Говорит он работнику:

— С завтрашнего дня ты будешь по утрам доить коров, днем собирать кизяк, а вечером чинить мою одежду.

Работник возмутился:

— Ты, хозяин, наверное, с ума сошел — заставляешь меня делать женскую работу[1].

А бай посмеивается. Он уже не одного работника так обманул.

Отказался бедняк от работы и ушел к себе в юрту, ничего за свой труд не получив.

Младший брат выслушал рассказ старшего и пошел наниматься к баю. Он нанялся на тех же условиях.

---

[1] В старину среди казахов-мужчин считалось большим позором исполнять женскую работу.

Хозяин дал ему пасти отару овец.

В первый жаркий день пастух угнал далеко в степь овец и три дня не гонял их на водопой. Потом пригнал к высокому обрыву над рекой. Овцы увидели воду и стали прыгать с обрыва. Так все стадо и утонуло.

Когда хозяин узнал об этом, он стал ругать работника.

А пастух сказал:

— Ну, хозяин, раз ты сердишься — давай расчет!

Приходится баю отдавать работнику по уговору половину скота, а жалко.

Вот зарезал он двух баранов и спрятал их в мешок. Но пастух подсмотрел и вынул бараньи туши. А сам забрался в мешок.

Ночью бай взвалил мешок на плечи и отправился подальше в степь, чтобы спрятаться от работника. Идет и сам себе говорит:

— Как хорошо, что я избавился от такого работника!

— Нет, еще не избавился!— шепчет на ухо баю пастух.

— Проклятье!— крикнул бай и отрезал себе ухо.

А работник начал шептать в другое ухо.

Тогда бай отрезал и второе.

Подошел бай к реке и развязал мешок. Вылез оттуда работник. Бай не подал виду, что удивился.

Подошло время ложиться спать.

— Ты ложись сбоку,— предложил бай работнику.

— Хорошо!— согласился работник и растянулся на самом краю обрыва.

Ночью он перебрался на другое место.

Бай хотел спихнуть его в воду, но упал сам с обрыва и утонул.

ТУЛПАР

Жил на свете рыжий мулла. Нанял он работника по имени Отежан и сказал ему:

— Работай, Отежан, усердно, не ленись. Придет время расчета, и я щедро награжу тебя. Пока же не спрашивай с меня платы, но помни, что слово муллы тверже камня!

Целый год работал Отежан на муллу, от зари до зари, не зная отдыха. Наступил день расчета. Позвал мулла работника в юрту и сказал ему:

— Я доволен тобой, Отежан. Думаю, и ты будешь мною доволен. Получай свое жалованье.

И мулла протянул на ладони дынное зернышко.

— Хозяин!— сказал Отежан.— Ты, видно, шутишь? Я проработал у тебя целый год.

— Глупая голова!— рассердился мулла.— Неужели тебе мало? Ты посадишь это зернышко, а осенью оно даст плод. От плода ты получишь сто зернышек и весной посадишь их. К осени у тебя будет сто плодов, и в каждом из них по сто зернышек... Через десять лет ты станешь первым богачом в степи!

Кто поборет дерево, тот переспорит муллу! Стиснул Отежан зубы, взял дынное зернышко и вышел из юрты.

В тот же день он посадил зернышко и стал заботливо ухаживать за ним. Через несколько месяцев выросла большая душистая дыня. Когда она созрела, Отежан срезал ее и понес продавать.

Повстречался ему бай.

— Куда идешь?

— На базар!— ответил Отежан.

— А что несешь?

«Видно, не слишком умен бай, если спрашивает!— подумал Отежан.— Попробую продать ему».

И сказал он баю:

— У моего отца есть крылатый конь — тулпар. Он снес вот это яйцо. Скоро из него должен вылупиться жеребенок. Я несу его на базар продавать.

Бай сразу оживился:

— Продай мне!

— Купи! — ответил Отежан.— Если хватит денег.

— А почем ты ценишь яйцо тулпара?

— В городе мне дали бы за него сто золотых, а с тебя я возьму пятьдесят.

Бай обрадовался и отсчитал деньги. Отежан отдал дыню и сказал на прощанье:

— Будь осторожен! Смотри не урони.

Бай бережно завернул дыню в полу халата и зашагал в свой аул. Пришлось ему подыматься в гору. Дошел он до перевала, а здесь споткнулся и выронил дыню. Покатилась она с горы, ударилась о куст таволги и разлетелась вдребезги.

В ту пору под кустом спал заяц. Перепугался он насмерть, выскочил и дал стрекача.

Бай решил, что из яйца вылупился жеребеночек, и закричал:

— Тулпар! Тулпар! Обожди!

Подобрал бай полы халата и понесся с горы за зайцем. Но чем громче он кричал, тем быстрее улепетывал заяц. Наконец длинноухий совсем исчез из виду.

Вернулся бай домой. Рассказал он обо всем жене. Стала его жена ругать.

— Эх ты, разиня! Не смог поймать тулпарчика! Глядишь, я покрасовалась бы на нем на зависть всему аулу.

Тут бай схватил палку и принялся колотить жену:

— Я тебе покрасуюсь! Ведь он еще жеребеночек...

Потом он вспомнил, что тулпар убежал, загрустил и лег в постель. Всю ночь бай не сомкнул глаз, а утром взял уздечку и отправился на поиски убежавшего жеребеночка.

Тем временем Отежан вернулся в родной аул и тоже рассказал жене о сделке с баем. Жена поделилась с соседкой. А когда две женщины что-либо знают, то знает весь аул. Скоро узнал об удаче Отежана и рыжий мулла.

Позвал он к себе Отежана и сказал:

— Я рад, что тебе посчастливилось выручить за дыню пятьдесят золотых. Но почему ты до сих пор не принес мне моей доли?

— Хозяин!— удивился Отежан.— Я не пойму, о чем ты говоришь. Ведь ты собственной рукой отдал мне дынное семечко.

— Правда,— согласился мулла,— я отдал тебе дынное семечко, но я не давал тебе землю, на которой ты вырастил дыню. За землю ты обязан заплатить мне двадцать пять золотых.

Кто поднимет гору, тот переспорит муллу! Бросил Отежан двадцать пять золотых и сказал:

— Подавись, мулла, этими деньгами и запомни мои слова:

попадешь ты когда-нибудь на аркан к шайтану за свою жадность!

Вышел Отежан из юрты и увидел перед собой бая, которому продал дыню.

— Светик мой!— вскричал бай.— Да умножится твое счастье! Ты-то как раз и нужен мне. Случилась большая беда. Я уронил яйцо тулпара. Убежал мой тулпар! Не знаешь, где мне его искать?

— Как же, знаю,— ответил Отежан.— Твой тулпар сидит в этой юрте. Только ты его не узнаешь. Он отрастил себе длинную бороду и нарядился в белую чалму.

Бай кинулся в юрту и увидел муллу, собиравшего на четвереньках золотые монеты.

— Так вот ты где спрятался от меня, проклятый тулпар!— закричал бай.— А я-то тебя ищу... Теперь ты от меня не уйдешь!

Бай накинул уздечку на голову муллы и потащил его из юрты. Мулла взвыл диким голосом и стал упираться. Бай рассердился и пустил в ход камчу. Завертелся мулла вокруг бая и решил, что за его душой явился шайтан, как предсказал Отежан.

— Тулпар! Тулпар! Стой!— вопил бай, нахлестывая муллу.

— Шайтан, шайтан! Отпусти!—молил мулла.

Весь аул сбежался на их крики. Все смеялись до упаду. А больше всех смеялся Отежан.

ВОР-НЕВИДИМКА

Как-то старый вор отчитывал своего сына:

— Вот уже три года бьюсь я с тобой, а все не могу сделать из тебя настоящего вора. Брал бы ты пример с меня: я украду яйцо из-под сороки, и сорока ничего не услышит.

— Хорошо,— говорит сын вора,— покажи-ка мне, отец, свое уменье.

Они отправились в лес и отыскали там столетнее дерево: в ветвях его было скрыто сорочье гнездо, а в гнезде сидела на яйцах сорока. Старый вор взобрался на дерево и запустил руку в гнездо. Сорока даже не встрепенулась и продолжала сидеть как ни в чем не бывало. Тем временем сын вора отпорол потихоньку у отца подошву, вынул из сапога стельку и встал в сторонке, приняв простодушный вид. Старый вор, окончив свое дело, спустился с дерева: в руке у него было сорочье яйцо.

— Видишь,— говорит он сыну,— а сорока думает, что у нее в гнезде все в порядке.

Тогда молодой вор громко рассмеялся и спрашивает:

— А у тебя у самого, отец, все ли в порядке?

Оглядев себя с головы до ног, старый вор только тут заметил, что у него из сапога пропала стелька. Он обнял сына и сказал:

— Теперь я вижу, что ты вор из воров и даже меня превзошел в воровской сноровке. Иди же, куда хочешь, добывай себе денег и счастья.

Сын отправился в путь. Шел он три дня и три ночи, прошел три горы и три долины и, наконец, вышел на большую дорогу.

Той порой некий бай вел по дороге к городу козу и козленка. Козу он тащил за собой на веревке, а козленок бежал следом. Вор подкрался сзади, унес козленка в кусты и там перерезал ему горло. Бай не заметил пропажи и все шел да шел вперед, а когда оглянулся, то очень удивился, не увидев козленка.

«Э-э-э, подумал бай,— видно, отстал козленок дорогой? Надо за ним вернуться». И, привязав козу к дереву, он направился в обратную сторону.

Тут вор, перерезав веревку, увел и козу.

Бай шел по своим следам, пока не выбился из сил, но, не найдя козленка, вернулся на старое место. Смотрит, а там, где была привязана коза, только болтается обрывок веревки. Ничего не понимая, бай схватился за голову и стал звать на помощь.

Между тем вор переправился вброд через реку и, спрятавшись на другом берегу, трижды подал голос, подражая блеянию козы:

— Ме-е, ме-е, ме-е...

Бай обрадовался, услышав блеяние, и сказал самому себе: «Должно быть, коза перешла реку и пасется с козленком где-нибудь на лужайке».

Недолго думая, он скинул с себя одежду и, войдя в воду, поплыл на другой берег. А вор в это время перебежал брод, схватил его одежду и снова скрылся в кустах. Бай переплыл реку, обшарил весь луг, но не отыскал ни козы, ни козленка. Когда же он в отчаянии приплыл назад, то не нашел и одежды. Тут он, голый, повалился на землю, стал плакать и причитать во весь голос, проклиная вора и жалуясь на свою участь.

Случилось так, что в ту пору проходил мимо караван с богатыми товарами, и караванщики решили стать здесь на ночлег. Услышав это, голый бай подошел к ним и, рыдая, стал их уговаривать:

— Уезжайте отсюда поскорей, это нехорошее место! Поселился тут вор-невидимка, обокрал он меня, ограбит и вас!

Караванщики рассмеялись:

— Нас-то вор не проведет, мы выставим на ночь стражу!

Они развьючили верблюдов, сложили товары в кучу и легли спать, оставив возле товаров двух караульщиков.

Караульщики развели костер и стали поджидать вора. Наступила ночь. Один караульщик говорит:

— Видно, не придет уже вор.

А другой в ответ:

— Нет, придет непременно.

Первый опять свое:

— Не придет вор!

Второй не уступает:

— Нет, придет!

Пока они спорили, вор подполз к ним незаметно и, нацелившись, сунул первому караульщику палкой в глаза. Тот заревел от боли.

— А-а-а,— закричал он,— так ты еще и драться!

И набросился с кулаками на товарища. Они сцепились и с бранью начали кататься по земле. От шума и криков проснулись караванщики. Они решили, что стража поймала вора. Прибегают к костру и видят: лежит на земле человек, а другой сидит на нем верхом и что есть силы колотит его кулаками. «Ну, так и есть,—думают караванщики,— вот караульщик оседлал вора, да, видно, один не может с ним справиться». Они навалились на лежавшего, сбились в кучу, машут кулаками и уже ничего в темноте не могут разобрать—где вор, где караульщик, кто здесь свой, кто чужой.

— Держи вора, бей вора! — кричат караванщики и знай тузят друг друга по чем ни попало. Между тем вор не зевал: он угнал всех верблюдов и спрятал их за горой.

Стало светать. Караванщики опомнились, осмотрелись и видят: все они в синяках и ссадинах, а вора между ними нет, и верблюдов след простыл. Тогда пустились они в погоню за вором и вскоре исчезли вдали.

Тут вор вышел из своей засады, навьючил тюки с товарами на верблюдов и отправился в город. В городе он продал все, что добыл в дороге и поселился в маленьком домике неподалеку от базара.

В том городе жил султан. И вот вскоре до вора дошел слух, что у султана среди других сокровищ есть слиток золота величиной с конскую голову. Но где его султан прячет — никто не мог сказать.

Однажды ночью вор подкрался к кибитке султана и, заглядывая в нее сквозь щелочку, закричал:

— Султан, проснись, твое золото украли!

Султан вскочил с постели и стал будить жену:

— Жена, слышишь, кричат, что мое золото украли!

Султанша приподняла свое изголовье, и под ним засверкало золото.

— Да нет же,— говорит она,— золото на месте. Это, видно, кого-то другого обокрали!

И султан захрапел опять, а вор запомнил, где лежит золото. На другую ночь он залез через шанрак в кибитку султана, вытащил из-под изголовья султанши слиток и, незамеченный, выбрался вон.

Когда султан узнал об исчезновении золота, он пришел в страшное бешенство и дал себе слово во что бы то ни стало изловить вора. Он повелел рассыпать посредине улицы мешок денег, а по сторонам поставить стражу и хватать всякого, кто сделает попытку поднять хоть одну монету.

Услышав об этом, вор переоделся водоносом, а пятки намазал глиной, потом взял в каждую руку по ведру и принялся таскать воду взад и вперед мимо стражи.

Стражники говорят между собой:

— Этот человек — честный водонос, он не выпускает из рук ведер и даже не смотрит на рассыпанное золото.

А вор, идя в одну сторону, незаметно наступал пяткой на монету, идя в другую сторону, делал то же самое. Монеты прилипали к пяткам, и так он по одной денежке унес все золото.

Вечером стражники спохватились, но было уже поздно. Дрожа от страха, они отправились к султану с повинной.

Выслушав стражников, султан рассвирепел еще больше и повелел наказать их палками и бросить в темницу. И распорядился положить посредине улицы мешок, полный золота, а по сторонам опять поставить стражу. «Не так-то легко будет украсть мешок с золотом»,— думает султан.

Вор же и на этот раз не задумался.

Он купил белого скакуна, вымазал ему один бок сажей и,

вскочив в седло, как ветер промчался мимо стражи, на скаку схватил мешок и скрылся с глаз.

Когда стражники прибежали к султану и стали наперебой рассказывать ему о случившемся, султан прикрикнул на них и спросил:

— Скажите же, разини, на какой лошади был вор?

Одни ответили:

— На белой.

А другие сказали:

— На черной.

— Вы, должно быть, сговорились и дурачите меня заодно с вором, негодяи!— в гневе воскликнул султан и повелел тотчас же казнить всех стражников.

Вскоре после того вор, бродя за городом, встретил дочь султана, гулявшую в кругу подружек. Ни в степи, ни в горах не было подобной красавицы, и среди небесных звезд одна только Омир-Зая[1] могла бы быть ей соперницей. Вся она была осыпана драгоценными украшениями, и вор долго не знал, на чем ему остановить взор, пока не увидел ослепительного ожерелья, охватившего шею девушки. В нем было сто самоцветных камней, и наименьший светился, как луна, а самый крупный блеском затмевал солнце.

С тех пор вор лишился сна и покоя. Ни на мгновенье воспоминание об удивительном ожерелье не выходило у него из головы, и он день и ночь только и думал о том, как бы им завладеть. «Я умру, если не добуду ожерелья дочери султана»,— повторял он самому себе и, наконец, решился действовать.

Однажды на склоне дня, когда на базаре уже прекратился торг и люди расходились по домам, вор постучался к мяснику.

[1] Омир-Зая — Венера.

— Послушай, приятель,—сказал он,—мне нужен фунт мяса.

Мясник отвесил кусок мяса и уже хотел отворить дверь лавки, чтобы передать его покупателю, но вор сказал ему:

— Я очень тороплюсь, протяни мне мясо в эту щель.

Когда же в щели появилась рука мясника, вор ударил по ней со всего размаху ножом и, спрятав отсеченную руку в карман, исчез за поворотом улицы.

В полночь он пробрался в кибитку султанской дочери. Она крепко спала, и ожерелье своим сиянием освещало ее лицо. Была она так прекрасна, что вор невольно залюбовался ею. Сняв ожерелье с шеи девушки, он склонился над нею и поцеловал ее в губы. Дочь султана проснулась и схватила вора за руку.

— Наконец-то ты попался, проклятый вор, теперь уж ты не уйдешь! — вскричала она.

— Госпожа,— вкрадчиво и покорно сказал вор,— не поднимай среди ночи шума, я и так не собираюсь от тебя бежать.

Дочь султана поверила ему: крепко сжимая руку вора, она стала ожидать рассвета. Прошло много времени, и вор начал умолять девушку.

— Госпожа, у меня совсем затекла рука. Сжалься надо мной, возьми меня за другую руку.

— Хорошо,— ответила дочь султана,— протяни мне другую.

И тогда вор протянул ей руку мясника. Она уцепилась за мертвую руку и не отпускала ее до утра, думая, что держит вора, а вор ползком выбрался из кибитки и был таков.

Когда рассвело, дочь султана, увидев, что вор ее перехитрил, стала кричать и звать на помощь. На ее крики прибежал султан. Выслушав рассказ о том, что случилось ночью, он сказал:

— Вор, желая скрыться, отрезал себе руку, теперь-то я разыщу его!

Султан приказал в тот день созвать и выстроить рядами на городской площади всех подданных. Когда народ собрался, он стал ходить по рядам, отыскивая вора по руке, но все было напрасно. Наконец он заметил в одном из рядов безрукого человека и радостно воскликнул:

— Вор, вор, схватите его!

Стража схватила безрукого, и тут султан узнал в нем мясника. Тогда он в отчаянии разорвал на себе одежды и сказал:

— Не тот вор, кому принадлежит эта рука, а тот вор, кто украл эту руку!— И, опечаленный, он ушел в свою кибитку.

Через короткое время к султану прибыл гонец от хана и передал ему такое послание: «Если ты, султан, так ничтожен, что не можешь справиться с вором, хозяйничающим в твоей ставке, то ты должен отдать мне все свои владения. А не отдашь, я все равно возьму их силой».

Султан сильно обеспокоился этой вестью и отвечал хану через гонца так: «О великий хан, ты вправе был бы отнять мои владения, если бы я не смог обнаружить обыкновенного вора. Но тот вор, который причинил мне столько огорчений, превосходит хитростью всех бывших до него, и даже сам ты, о могущественный хан, не смог бы с ним сладить».

Когда хан получил ответ султана, им овладела страшная ярость, и он тут же снова отправил к султану гонца.

«Дерзкий султан,— писал хан,— даю тебе сроку сорок дней! Если за это время вор унесет из моего дворца хоть щепку, я отдам тебе половину моих земель и вместе со своим войском стану являться к тебе на помощь по первому твоему зову; если же вору не удастся меня обмануть, ты отдашь мне всю

свою страну, и я не оставлю в твоей ставке камня на камне и тебя самого навеки сделаю рабом».

Услышав эту угрозу, султан совсем смутился. Он созвал мудрецов и визирей и три дня совещался с ними. Потом он приказал собрать на площади всех своих подданных и, сидя перед ними на коне, прочитал им послание хана и сказал:

— Вас здесь много, и я не знаю, кто из вас вор. Но кто бы из вас ни был вором, я обещаю: если он в течение сорока дней украдет у хана какую-нибудь вещь, я отдам ему в жены свою дочь и сделаю своим наследником.

Сказав это, султан удалился в свою кибитку и сорок дней оставался там один, не смыкая глаз и не принимая пищи.

Когда миновало тридцать девять дней, вор сказал себе: «Пора приниматься за дело».

Он купил верблюда и козлиную шкуру с рогами, к каждому волоску на шкуре пришил по бубенцу, положил шкуру в мешок и, сев на верблюда, отправился в столицу хана. Прибыв в столицу, он зашел в чайхану и там провел весь день, играя в кости. Когда же наступила ночь, он вскинул на плечи мешок и, взяв повод верблюда, направился к ханскому дворцу. Он привязал верблюда перед дворцом, а сам по дереву забрался во внутренние покои. Здесь он вынул из мешка козлиную шкуру, напялил на себя шерстью вверх, улегся под дверью ханской спальни и стал кататься с боку на бок.

В это время хан ложился спать и, смеясь, говорил ханше:

— Завтра истекает срок моего договора с султаном. Завтра он сам отдаст мне свои владения!

Вдруг за дверью спальни раздался страшный шум и звон. Хан побледнел и, не веря своим ушам, спросил у жены:

— Жена, слышишь ли ты звон? Что бы это могло быть?

Ханша, дрожа, отвечала:

— Я слышу звон, но не знаю, что это такое. Пойди взгляни, кто осмелился беспокоить нас перед сном?

Хан взял в руки светильник и, холодея от страха, вышел за дверь и перед ним запрыгал вор, тряся козлиными рогами и неистово гремя бубенцами.

— Кто ты? — чуть слышно спросил хан.

:— Я шайтан,— отвечал вор.

— Что тебе надобно от меня? — еще тише спросил хан.

— Я пришел за твоей душой.

Тут хан упал перед ним на колени и стал умолять позволить ему проститься с женой.

— Хорошо,— сказал вор,— иди простись с женой. Но не заставляй меня долго ждать, я тороплюсь в преисподнюю!

Хан, как безумный, вбежал в спальню, крича:

— Жена, жена, это шайтан пришел за моей душой! Спрячь меня куда-нибудь поскорее!

Ханша открыла сундук, и хан залез туда на самое дно. Потом она сама забралась туда же и захлопнула крышку. Тогда вор вошел в спальню, перевязал сундук волосяным арканом, вынес его на улицу, взвалил на верблюда и поехал назад.

Еще не всходило солнце и все спали, когда вор вернулся в ставку султана. Он сразу же поехал к султанской кибитке, поставил сундук у дверей, а сам ушел домой.

Утром султан вышел из кибитки и, увидев сундук, обрадовался и развеселился. Он приказал снова созвать весь народ.

Когда все собрались, султан сказал:

— Вот стоит сундук из ханского дворца. Пусть же выйдет ко мне вор, укравший его, и скажет, что в нем находится, и я награжу его, как обещал.

Тогда из толпы один за другим стали выходить юноши,

мужи и старики, и каждый из них называл себя вором, но никто не мог сказать, что спрятано в сундуке.

Наконец выступил вперед настоящий вор. Он сказал:

— Я вор, которого ты, султан, не мог поймать; я украл и этот сундук. Спрятаны же в нем хан и ханша.

Никто не поверил вору, и все стали смеяться над ним.

Тогда султан повелел открыть сундук. Слуги осторожно приблизились к сундуку и распахнули крышку.

И тут из сундука вышли хан и его жена, не смея поднять глаз от стыда и унижения.

И султан сказал хану:

— Ты насмехался надо мной, когда вор похищал мои вещи, так вот теперь он украл тебя самого!

Потом он вывел за руку из кибитки свою дочь и обратился к вору с такими словами:

— Вот тебе моя дочь. Отныне ты будешь моим визирем и наследником. Искусный вор — лучший помощник султану в его делах.

ПИСКУН

В одном ауле жил богатый старик. Имел он десять сыновей. Старшие девять были задиры и драчуны, а самый младший был уступчив и робок. Братья постоянно обижали и колотили его, а он, не смея перечить им ни в чем, только прятался по углам да пищал потихоньку. За это так и прозвали его — Пискун.

Умирая, старик призвал к себе сыновей и приказал им все его имущество разделить между собой поровну.

Но старшие сыновья не послушались отца. Они забрали себе все самое лучшее, а Пискуну дали лишь то, что им самим не было нужно. Каждому из них досталось по десяти быков и по богатой кибитке, а Пискуну — один хромой бык да ветхий шалаш.

Стал жить Пискун в шалаше, а чтобы не умереть с голоду, нанялся к братьям в батраки. Он работал на них в поле с утра до ночи и получал за это только объедки из их казанов. Каждую минуту со всех сторон сыпались на него насмешки и попреки, и не было дня, чтобы он трижды не пожелал себе смерти.

Когда Пискун возмужал и окреп, стал он замечать, что хоть братья и богаче и сильнее его, но умом они не превосходят и годовалой овцы. И решил он тогда разделаться с ними за все, что вытерпел от них.

Однажды хромого быка Пискуна ужалила змея, и он околел. Ничего не говоря братьям, Пискун перерезал горло мертвому быку и стал снимать с него шкуру.

Увидев его за этим занятием, братья вскричали в один голос:

— Что ты наделал, глупец?

— Да вот видите,— отвечал Пискун,— зарезал я своего быка. Пришло мне в голову, что сам он не стоит того, что можно выручить за его шкуру.

— Ну-ну, посмотрим мы на твою выручку,— сказали братья и громко рассмеялись.

А Пискун содрал шкуру, взвалил ее на плечи и отправился в соседний аул. Там отыскал он кибитку богатого бая и стал ходить перед ней взад и вперед.

Бай заметил его.

— Эй, жигит,— закричал бай,— продаешь шкуру?

— Продаю,— ответил Пискун.

— А что хочешь за нее?

— А что дашь?

— Дам меру пшеницы.

— Согласен,— сказал Пискун и вошел в кибитку бая.

— Послушай-ка, жена,— сказал бай,— возьми у этого парня бычью шкуру да отсыпь ему меру пшеницы, а я пойду присмотрю за работниками в поле.

Сказал и ушел.

Пискун получил свою пшеницу и тоже уже совсем было собрался уходить. Но тут в кибитку вошел брат бая и, отозвав

хозяйку в сторону, стал шептать ей что-то на ухо. Пискун прислушался.

— Сегодня ночью,— шептал брат бая,— мы с тобой сделаем, что задумали. Я приду к тебе в полночь с ножом, мы убьем твоего мужа, тело его зароем в землю, а золото поделим пополам.

Услышав это, Пискун как бы нечаянно уронил мешок и рассыпал пшеницу.

Жена бая накинулась на него с бранью и, присев на корточки, принялась помогать ему подбирать пшеницу, чтобы только скорее выпроводить его из кибитки.

Но Пискун нарочно не торопился и подбирал с земли по одному зернышку. Так они ползали по земле, пока подле кибитки не раздались шаги бая.

Жена и брат бая переполошились.

— Полезай скорее в ступу!— крикнула хозяйка своему сообщнику.

И только он скрылся в ступе, как в кибитку вошел бай.

— Ты что здесь делаешь до сих пор?—спросил бай Пискуна.

— О мой бай,— ответил тот.— Я рассыпал нечаянно пшеницу и собирал ее, чтобы и зерна не валялось у тебя под ногами. Да кроме того, я хотел дождаться тебя, чтобы сообщить тебе кое-что. Не буду долго томить: я видел, как в эту ступу заползла огромная змея. Боюсь, не наделала бы она тебе беды.

Бай побледнел и затрясся от страха.

— Как же теперь быть?— спросил он, пятясь к двери.

— Есть выход,— сказал Пискун.— Так и быть, я выручу тебя по дружбе. Прикажи только сварить побольше киселя, и тогда змее не уйти из кибитки живой.

Бай тотчас же приказал жене сварить казан киселя, и Пискун стал медленно лить его в ступу.

Брат бая заметался в ступе, а бай, видя, как она раскачивается из стороны в сторону, говорил Пискуну:

— Ты мой спаситель, ты мой спаситель! Не случись ты здесь вовремя, погиб бы я со всем моим домом.

Пискун перелил весь кисель, прикрыл ступу кошмой и посоветовал баю не открывать ее три дня.

— Останься у меня на эти три дня,— взмолился бай.— Вот тебе в награду десять золотых.

Пискун взял деньги и остался у бая.

Ночью бай заснул, а жена его, поднявшись с постели, хотела вынуть из ступы труп и похоронить его втихомолку, Пискун заметил это и громко кашлянул.

Перепугавшись, жена бая дала ему еще двадцать золотых, чтобы только он не выдавал ее мужу.

Тогда Пискун помог ей зарыть мертвеца, и бай за три дня ни о чем не догадался.

Через три дня Пискун вернулся домой. Он показал братьям тридцать золотых и сказал, что выручил их за шкуру быка.

Когда братья увидели у Пискуна столько золота, они чуть не умерли от досады и зависти. Они ворочались без сна всю ночь, а наутро, как только показалось солнце, зарезали всех своих быков, содрали с них шкуру и понесли продавать.

Они ходили весь день, побывали во многих аулах, но никто даже и не взглянул в их сторону.

Злые и усталые, вернулись они домой поздней ночью и тут же порешили жестоко отомстить младшему брату.

Наутро братья толпой отправились к Пискуну.

Завидев их издали, он убежал в степь.

Братья долго искали его; не найдя, подожгли шалаш. Ког-

да Пискун вернулся, на месте шалаша лежала лишь куча остывшей золы. Он собрал золу в мешок, навьючил на ослика и погнал его мимо аула братьев.

Братья, стоя у дверей своих кибиток, смеялись ему в лицо.

— Что ты собираешься делать с золой?— спросили они Пискуна.

— Я везу ее продавать в город. Хочу получить за нее мешок золота,— как ни в чем не бывало отвечал он.

Путь Пискуна лежал мимо дворца хана.

В дворцовом саду играли и резвились молодые ханские жены. Увидев на дороге ослика, они пристали к Пискуну, чтобы он позволил покататься на нем.

— Хорошо,— сказал Пискун.— Только знайте, что осел мой навьючен золотом, и золото это заколдованное. Если кто-нибудь из вас, сидя на осле, в мыслях пожелает смерти хану, оно тут же превратится в золу. Смотрите же, вам придется тогда платить мне сполна.

Красавицы сделали вид, что рассердились на невежу-погонщика.

— Что ты такое говоришь, грубиян! Ты, видно, забыл, что перед тобой ханские жены.

Отчитав Пискуна, они стали по очереди кататься на ослике по дороге туда и обратно, и это доставило им большое удовольствие.

Когда они, накатавшись вволю, наконец вернули ослика хозяину, тот прежде всего поспешил заглянуть в мешок.

Едва приоткрыв его, он пронзительно вскрикнул и, повалившись на землю, стал плакать и причитать:

— Бедная моя головушка, мое золото превратилось в золу. Ханские жены разорили несчастного погонщика.

Видя, что от него теперь не отвязаться, и, опасаясь, как бы

хан не услышал его стонов, красавицы побежали во дворец и вынесли оттуда по пригоршне золота. Они высыпали золото в мешок Пискуна: мешок стал полон.

Пискун взвалил его на осла и, весело напевая, пустился в обратный путь.

Когда братья увидели у Пискуна столько золота, они совсем обезумели от досады и зависти. Недолго думая, они сожгли свои кибитки со всем, что в них находилось, и, навьючив мешками с золой десять ослов, двинулись в город.

Там они простояли на базаре три дня, и никто даже не взглянул в их сторону, а когда они сами предлагали прохожим купить у них золу, те поднимали их на смех, как сумасшедших.

Злые и голодные, вернулись они к месту, где недавно стояли их красивые кибитки, так разговаривая между собой:

— Мы обладали богатством и почетом, Пискун же превратил нас в нищих, презираемых всеми. Мы не утешимся до тех пор, пока не сживем его со свету.

Однажды, когда Пискун спал на траве, братья подкрались к нему, связали по рукам и ногам и, зашив в кошму, понесли его топить в реке.

На пути они увидели несметное множество народа.

«Что за сборище?» — подумали они и, бросив тюк на дороге, поспешили к толпе.

Там они узнали, что по случаю смерти хана народ собрался выбирать нового.

Между тем дорогой проходил один бай, знаменитый в округе своей глупостью. Он наткнулся на тюк и, заметив, что в нем зашит человек, стал расспрашивать его, за что он терпит такую муку.

— Видишь ли, добрый человек,— отвечал Пискун,— меня хотят избрать ханом вместо умершего, но я отказываюсь наот-

рез, потому что мне противна власть и роскошь. За свое упрямство я и подвергнут этой пытке.

«Вот так дурак,— подумал бай.— Он отказывается от своего счастья. А я так совсем бы непрочь был сделаться ханом».

И он обратился к Пискуну:

— Послушай, любезный. Мне стало жаль тебя. Я готов очутиться на твоем месте, чтобы только избавить тебя от страданий. Больше того, я дал бы тебе кошелек золота, если бы ты согласился зашить меня вместо себя в кошму.

Пискун не заставил себя долго просить. Как только он оказался на свободе и получил кошелек, он наскоро зашил бая в кошму и скрылся среди народа.

Вскоре братья вернулись, подхватили тюк и поволокли его к реке.

У бая все внутренности переворачивались на ухабах и кочках, но он не переставал орать во все горло:

— Я хочу быть ханом! Я хочу быть ханом!

— Ты будешь ханом подводного царства,— смеясь, сказали братья и, раскачав тюк, бросили его с обрыва в воду.

Они возвращались назад радостные и довольные, рассуждая о том, что никогда больше Пискун не будет дурачить их своими проделками.

А Пискун тем временем шел да шел по степи.

Наконец достиг он владений другого хана. Первое, что он увидел здесь, было неисчислимое стадо баранов. Стадо караулил старый пастух. Голова его была покрыта отвратительными болячками, и он стонал от боли.

— Здоров ли ты, добрый человек?—приветствовал пастуха Пискун.— Чье это такое огромное стадо ты пасешь?

— Пасу я стадо нашего хана, а здоровье мое сам видишь

какое: вот уже тридцать лет мучат меня проклятые болячки на голове. А ты кто такой, прохожий?

— Я лекарь,— ответил Пискун, не моргнув глазом.

Тогда пастух начал кланяться и просить вылечить его от болячек.

— Хорошо,— сказал Пискун,— я вылечу тебя.

Он велел пастуху зарезать молодого козленка, мясо сварил и съел, шкуру выбросил, желудок положил в яму.

— Опусти голову в яму,— сказал Пискун пастуху,— надень на нее желудок козленка и оставайся в таком положении до вечера. Вечером я смажу тебе темя особой мазью, и ты будешь совершенно здоров. А пока я сам попасу твоих баранов.

Пастух не знал, как и благодарить Пискуна; он сделал все, что тот ему приказал.

Но лишь только голова пастуха исчезла в яме, Пискун поднял с земли его палку и не спеша погнал гурт в свой аул.

— О всемилостивый аллах! Да ведь мы же бросили тебя в реку, каким же чудом удалось тебе спастись? И откуда у тебя эти бараны?— встретили Пискуна братья.

— Братья,— сказал им Пискун,— вы много сделали мне зла, но я не помню обид и не хочу скрывать от вас того, что видел и слышал под водой. Как только я ступил на дно, взору моему открылась долина; по ней ходили бессчетные стада баранов, и в их пастухе я сразу узнал нашего покойного отца. Он очень обрадовался, увидев меня, тут же выделил мне часть баранов и указал дорогу, по которой я легко выбрался из подводного царства. Прощаясь со мной, отец очень просил, чтобы и вы навестили его и заодно угнали бы к себе остальных баранов, потому что ему уже трудно становится их пасти.

У братьев глаза разгорелись и рассудок помутился от за-

вести. Они окружили Пискуна и наперебой стали приставать к нему.

— Дружок,— говорили они,— прости нас. Ты будешь нашим любимым братом. Покажи ты нам, как пробраться к отцу. Мы никогда не забудем тебе этой услуги.

— Что с вами поделаешь,— как бы нехотя сказал Пискун.— Ладно уж, идите за мной.

Он привел братьев к реке. На берегу паслось стадо баранов, и их отражение мелькало в воде. Пискун, показав братьям на отражение, стал уверять их, что это одно из многочисленных подводных стад...

У братьев и дух захватило при виде баранов. А Пискун довел их до самого бурного водоворота и остановился.

— Прыгайте здесь,— сказал он.

Сначала братья не решались прыгать, но наконец самый старший из них и самый жадный поборол страх и, подобрав полы халата, с разбегу бухнулся в воду. Он, как камень, пошел ко дну, и только палка, которая была у него в руке, на мгновение показалась над поверхностью и снова исчезла под водой.

Тогда Пискун закричал:

— Смотрите, смотрите, брат уже отыскал отца, и вот он машет вам палкой, чтобы вы поспешили за ним.

Тут братья один за другим попрыгали с берега и пропали в водовороте.

А Пискун прожил еще много лет и немало совершил различных дел.

АЛДАР-КОСЕ И ПАХАРЬ

Вздумал однажды бай стать пахарем. Выменял он в соседнем ауле за двух баранов самый лучший плуг, взял из своего табуна двух сытых волов и выехал в поле.

Пашет час, другой, третий. Волы послушно ходят по борозде, не чувствуя усталости. А с пахаря пот градом льет—не привык он к тяжелой работе, не поспевает за плугом. Перед глазами будто костры жаркие пылают... И кажется пахарю, что не земля вьется из-под плуга, а бегут ему навстречу черные змеи, обвивают его ноги и руки, и не может он дальше идти.

Случилось так: после долгого путешествия попал Алдар-Косе в поле. Гонит он перед собой стадо баранов, добытое хитрыми уловками в спорах, и видит невдалеке измученного, уставшего пахаря.

— Айпырмай-ай! Да это никак наш сосед, бай Жарты-бай пашет. Что это ему вздумалось перед смертью собственным горбом потрудиться? Вот уже удобный случай посмеяться. Лучшего и не встретишь.

Укрыл Алдар-Косе свое стадо за ближайшим холмом и по-

шел к пахарю. Тот остановился, опустил поручни плуга и, узнав в подошедшем человеке Алдара-Косе, поздоровался с ним.

После взаимного приветствия Алдар-Косе сочувственно покачал головой и говорит:

— Э-э, дорогой сосед, как ты устал! Пора тебе и отдохнуть. Если пойдешь отдыхать, я с удовольствием на твоих волах поработаю, помогу тебе. Согласен?

Бай Жартыбай только и ждал этого. Передал он своих волов Алдару-Косе, а сам отошел в сторону, прилег у ближайшего холма на траву, укрылся халатом и тут же крепко уснул. Он даже и не заметил стада баранов, которое Алдар-Косе предусмотрительно укрыл за холмом.

Увидев, что бай Жартыбай уснул, Алдар-Косе принялся за работу. Первым долгом он отрезал волам хвосты и тут же воткнул их в землю, а волов угнал за холм к своему стаду.

Затем, уставший не меньше пахаря Жартыбая после длительного путешествия, Алдар-Косе присел около плуга отдохнуть и задремал.

В это время и проснулся бай Жартыбай. Первым удивило его то, что Алдар-Косе бездельничал. Он сидел около плуга и явно спал. Затем бай Жартыбай обнаружил, что его волы исчезли, а на полосе вместо них торчали хвосты. Он подошел и разбудил Алдара-Косе. Тот, сразу вскочив, с неменьшим удивлением спросил у пахаря:

— Повадки твоих волов до сих пор были такими или они изменились с тех пор, как на них начал пахать я?! Одним словом, только я взялся за плуг, твои волы ни с того ни с сего начали мычать. Мычали они, мычали, да и ушли в землю. Теперь вот одни хвосты торчат.

Бай Жартыбай возмутился:

— Что ты мелешь?! Разве волы могут уйти в землю?

Сказав это, пахарь направился к тому месту, где из земли торчали хвосты, с явным намерением выдернуть их.

Алдар-Косе с криком бросился предупредить его.

— Дорогой мой,— сказал он,— не тяни! Умоляю тебя, не тяни. Иначе ты можешь оторвать волам хвосты и толку от этого будет мало. Я же спросил у тебя, если у твоих волов такова повадка уходить в землю, то они и сами выйдут.

Но рассерженный бай Жартыбай, думая, что Алдар-Косе смеется над ним, подбежал и, ухватившись за хвосты, выдернул их из земли.

Тогда Алдар-Косе с возмущением говорит:

— Я же тебе сказал, что нельзя тянуть волов за хвосты. Не согласился — теперь пеняй на себя!

С этими словами Алдар-Косе удалился восвояси.

КАК МОЛОДОЙ ТАЗША[1] ОБДУРИЛ СТАРОГО

В старину у одного мальчика — Тазши умерли отец и мать. Остался он круглым сиротой. Однажды идет Тазша по базару, а навстречу ему — старик и спрашивает:

— Ты что тут ходишь сынок?

— Родителей себе ищу,— отвечает Тазша,— у кого нет сына, сыном могу стать, у кого нет внука — внуком.

— Вот и кстати, у меня нет сына. Пойдешь ко мне?— предложил старик. Тазша согласился, и пошли они домой.

Однажды старик говорит приемному сыну:

— На верхушке вон того самого высокого дерева есть гнездо птицы аксары, а в гнезде — яйца. Влезь ты на то дерево, незаметно для птицы, возьми их из гнезда и принеси мне.

— Хорошо! — согласился Тазша. Подбежал он к дереву, и так быстро и тихо пробрался к самой верхушке, что ни один лист на дереве не шелохнулся. Незаметно для птицы взял он из-под нее одно яйцо и принес старику.

Тогда старик говорит ему еще:

— А теперь отнеси яйцо обратно и так же незаметно для птицы аксары положи его обратно в гнездо.

---

[1] Тазша — паршивый. Нарицательный образ в сказках восточных народов, обычно хитрец.

Тазша исполнил и это.

— Ну вот, оказывается, ты молодец! — похвалил его старик.— Будет из тебя толк...

Через несколько дней после этого старик и старуха говорят своему приемному сыну:

— Вот в этом доме живут одинокие, как и мы, старик со старухой. Да только они не то что мы — жадные. Имеется у них горшок с топленым маслом. Сами они это масло не едят и другим не отдают. А чтобы горшок с маслом не украли, ночью ставят его между собой, да так и спят. Заберись ты к ним и принеси этот горшок с маслом...

— Ладно! — говорит Тазша.

И ночью, когда старик и старуха уснули, поставив горшок с топленым маслом между собой, Тазша забрался в хату, улегся между ними и, подталкивая старика в бок, говорит ему старушечьим голосом:

— Эка ты привалился, старый хрыч! Отодвинься-ка подальше!

Старик отодвинулся. Тогда Тазша подтолкнул старуху под бок и стариковским голосом ей говорит:

— Ты и сама мне покоя не даешь! Отодвинься-ка подальше!

Старуха отодвинулась, Тазша забрал горшок с маслом и был таков. Но не успел он дойти до дому, как старики обнаружили пропажу.

Старик-то, оказывается, и сам был Тазша, и будучи молодым, тоже никому не уступал в хитрости. Он сразу и догадался, чьих рук это дело, а догадавшись, побежал в дом, где жил Тазша, опередил его, взял ведро и стал дожидаться.

Подходит молодой Тазша к воротам, а старый Тазша подает ему через забор ведро и старушечьим голосом говорит:

— Милый ты мой сыночек, принеси-ка мне ведро водицы, а масло подай сюда.

Тазша быстро сбегал за водой, вернулся домой и передает ведро старухе, а та удивленно посмотрев, сказала:

— Не воды я у тебя просила, а просила достать горшок с маслом у скупых стариков.

Догадался молодой Тазша о хитрой проделке старого Тазши да скорее побежал к его двору. Надел белый старушечий платок, встал у ворот и ждет. Старик только-только домой доплелся, молодой Тазша закричал ему через забор гневным старушечьим голосом:

— И куда это ты запропастился, старый дармоед! Разве не знаешь, что волк угнал со двора всех наших коз?! Беги скорее за ним, а то он всех коз перережет.

Старик бросил горшок с топленым маслом и побежал за козами. А молодой Тазша подхватил масло и на этот раз благополучно принес его домой.

Старый Тазша бегает и туда и сюда — нигде найти коз не может. Вернулся домой, а козы как стояли так и стоят в хлеву, целы и невредимы. Понял старый Тазша, что его надули, и сам о себе подумал:

«Так тебе и надо, старый дурак. В молодости ты и сам немало надувал людей, вот на старости тебе этим же и отплачивают...»

Утром старый Тазша пошел к приемному отцу молодого Тазши и говорит ему:

— Твой приемный сын украл у меня горшок с топленым маслом. Если он не возвратит мне масло, я его убью...

— Не видел я никакого масла,— отвечает тот.— Если ты уверен, что он украл, поступай с ним как знаешь. Я вмешиваться не буду..

Тогда пострадавший Тазша решил жестоко наказать молодого Тазшу. Взял он острый топор, незаметно пробрался на старое заброшенное кладбище и укрылся в развалинах склепа. А жена его, будто ничего не зная об этом, позвала к себе молодого Тазшу и говорит ему:

— Милый ты мой сиротка! Есть на старом кладбище у разваленного склепа могила моего отца. На вот тебе горячий хлебец, сходи на его могилу и там скушай на помин его души... От сироты до бога молитва скорее дойдет. Другим мальчикам я не верю...

Молодой Тазша, ничего не подозревая, готов услужить старухе. Взял он горячий хлебец, опоясался толстой веревкой и пошел на кладбище. Там Тазша отыскал у разваленного склепа могилу, сел на нее и начал есть горячий хлебец. В это время из развалин склепа поднялся страшного вида старик с острым топором в руках. Тазша сразу узнал старика и понял, какую жестокую шутку решили с ним сыграть.

Но кому охота умереть преждевременно?

В одно мгновенье вскочил молодой Тазша, бросился на старика, выхватил у него топор, связал старика толстой веревкой и оставил его на могиле. Сам идет домой и песенку веселую напевает. Встретила его старуха, спрашивает:

— Ну как, помянул старика?

— Помянул,— отвечает молодой Тазша.— Прочитал на его могиле коран и на помин его души съел ваш горячий хлебец. Вы не беспокойтесь, старик ваш в раю блаженствует...

Испугалась старуха, побежала на кладбище разыскивать погибшего мужа, а тот жив и здоров, лежит на могиле, веревкой по рукам и ногам связан.

Вот как молодой Тазша обдурил старого, посмеялся над ним.

КАК ТАЗША ДВУХ ХАНОВ ПРИМИРИЛ

Однажды тот же Тазша решил подшутить над самим ханом. Пробрался он в ханскую казну и унес оттуда мешок золота. Хан узнал о краже, созвал всех своих визирей-мудрецов и стал советоваться с ними, как найти и уличить вора.

Один из визирей сказал:

— Вокруг казны нужно вырыть глубокий ров и наполнить его клейстером. Ночью вор не заметит рва, упадет в него и уже не выскочит. Тут мы его и поймаем!

Всем, а главное, и хану понравился этот совет. Так и сделали.

Но Тазша каким-то образом уже разведал об этом и вечером говорит своему приемному отцу:

— Вчера я был один и потому так мало захватил золота из ханской казны. Сходим сегодня вместе и принесем больше...

Позарился приемный отец на золото, согласился. Пошли они вместе. А Тазша нарочно так поступил: зол он был на приемного отца. Не вступился тот, когда Тазша горшок с топленым маслом принес, а выдал его старому Тазше. «Ладно,— думает Тазша,— отомщу я тебе».

Пошли они. Только подошли ко рву, Тазша столкнул приемного отца в ров, а сам благополучно возвратился домой.

Утром ханская стража обнаружила во рву испачканного клейстером человека и сообщила об этом хану. Хан через своих глашатаев объявил народу:

— Никто и никогда не нарушит благополучия хана! Не может преступление против ханского двора остаться безнаказанным! Сегодня ночью пойман вор, пробиравшийся в ханскую казну. Завтра он будет повешен. Пусть все до единого придут и присутствуют на казни.

Хитрый хан думал, что во время казни кто-нибудь да не выдержит и заплачет. Таким образом обнаружатся соучастники вора и его близкие родственники. Тогда и их можно повесить.

Тазша понял хитрый замысел хана и говорит своей приемной матери:

— Завтра, когда ты пойдешь на казнь, захвати с собой ведро простокваши. Будут казнить твоего мужа, заплачешь ты и сразу опрокинь ведро с простоквашей. Схватят тебя ханские слуги, спросят: «Почему ты плачешь?»,— а ты и скажи им в ответ: «На последние деньги купила я для своего ребенка простокваши, да вот оступилась и пролила ее. Потому, мол, и плачу...»

Приемная мать так и сделала. Схватили ее ханские есаулы, она им и ответила, как научил ее Тазша, так и избежала участи своего старика.

Не сбылась ханская хитрость при казни, тогда он придумал еще одну уловку. Был у него один беспокойный нар[1], каких не встретишь. Увидев даже издали постороннего человека, он начинал кричать во всю верблюжью глотку.

[1] Нар — одногорбый верблюд.

Отпустил хан своего нара в степь, а кругом него расставил тайную охрану. Если вор задумает украсть нара, тот, увидев постороннего человека, конечно, закричит. Тут стража, как бы ни спала, проснется и схватит вора.

Прознал Тазша и об этой уловке хана, и решил во что бы то ни стало увести нара из-под самого носа стражи.

Пошел Тазша в степь, а с собою прихватил сноп клевера. Идет и издали показывает сноп клевера нару. Тот, желая полакомиться клевером, поднялся на ноги и пошел к Тазше. А Тазша потихоньку да полегоньку все дальше и дальше нара уводит. И увел он нара так далеко, что ханская стража не могла услышать верблюжьего крика. В густых зарослях камыша Тазша привязал нара, а сам удалился восвояси.

Тогда хан придумал третью уловку. Приказал он поставить в чистом поле нарядно убранную кибитку и поселить в ней его дочь-красавицу. А через глашатаев объявить народу: «Кто сумеет ночью пробраться в кибитку и склонить на любовь мою дочь-красавицу, за того я и выдам ее».

Сам же дал дочери булатный меч и приказал отрубить руку тому, кто к ней прикоснется. Так хотел хан поймать неуловимого хитреца.

А хитрый Тазша прознал и об этой уловке хана. Решил он и на этот раз одурачить своего властителя.

Когда наступила ночь, Тазша незаметно пробрался к дому мясника, постучал в окно и говорит ему:

— Эй, мясник! Для ясноликого хана требуется баранья брюшина. Медлить нельзя, подай брюшину через окно, не открывая двери. Кто осмелится нарушить приказание хана, тот будет немедленно казнен!

Устал мясник за день, хотелось ему поспать, да разве можно ослушаться приказания хана. Подал мясник брюшину через

окно, а Тазша ножом отхватил ему руку по локоть и унес вместе с брюшиной.

Ушел Тазша к роднику, наполнил брюшину водой по самое горлышко, завязал и, пробравшись в кибитку к спящей дочери хана, разбудил ее. В темноте поговорил с нею о том, о сем и тут же просит: «Разрешите мне на минутку выйти из кибитки по нужде?» А ханская дочь не хочет отпустить неизвестного жигита. Тогда Тазша говорит:

— Если ты мне не веришь — на, подержи мою руку, я и тут нужду справлю.

Подал Тазша ханской дочери руку мясника, проколол шилом брюшину. Вода из нее льется, а Тазша был таков!

Наутро ханская дочь сообщила отцу:

— Был у меня сегодня ночью в кибитке какой-то человек. Но он сам отрубил себе руку и скрылся.

Через глашатаев собрал хан весь свой народ и обнаружил безрукого мясника. Но тот правдиво рассказал всю историю, убедил хана в своей невиновности и освободился.

Тогда, огорченный своими неудачами, хан глубоко задумался и наконец придумал четвертую уловку. Он решил сам тайно поселиться в кибитке и лично задержать своего противника.

Тазша узнал и об этом.

Надел на себя богатый женский наряд и, превратившись в молодую красивую невесту, смело вошел в кибитку. Здесь он почтительно поклонился и сел перед ханом. На вопрос хана, кто она такая, Тазша ответил:

— Я жена твоего прославленного Карабатыра, а теперь вдова. Мой муж погиб в сражении с твоим противником, соседним ханом. Меня хотят выдать замуж за деверя. Но я не хочу

идти за него. Прошу твоей милости дать мне волю самой выбрать себе мужа по душе...

Хан позарился на красоту молодой вдовы и говорит:

— Что ж, у тебя может быть хороший выбор. Выходи за меня.

— Если будет на то ваша милость,— почтительно поклонился Тазша,— за вас я согласна выйти...

Так, разговаривая о том о сем: о красоте и богатстве, о счастье и радости, Тазша, будто случайно увидев около кибитки виселицу, наивно спросил:

— Что означают эти палки с перекладинами? Зачем они здесь?

— Это и есть виселицы,— пояснил хан,— на них вешают преступников...

— Ах, как это интересно! — выразил свое притворное изумление Тазша.— Покажите мне, как вешают преступников, повесьте меня...

Но куда там! Виданное ли дело, чтобы хан накинул грубую петлю на шею такой красавицы. Очарованный ее красотой, хан решил на свою шею накинуть петлю и разъяснить, как все это делается. Накинул он себе петлю на шею и говорит:

— Ты изо всей мочи потяни за конец той веревки. А когда мои ноги отстанут от земли и я начну задыхаться, ты поскорее отпусти, а то я умру...

Тазша так и поступил: потянул за конец веревки, а когда пятки хана отстали от земли и он только чуть пальцами касался земли, Тазша крепко прикрутил веревку на кол, а сам забрался в ханскую казну и унес еще один мешок золота.

Наутро увидел народ подвешенного на виселице своего хана. Слуги сняли его бесчувственное тело и принесли во дво-

рец. Здесь были собраны все знаменитые знахари, все снадобья перепробовали они и наконец оживили хана.

Весть о печальной участи хана быстро дошла до всех соседних государств. И вот один из властительных соседей жестоко посмеялся над осрамившимся ханом.

— Какой же это хан?! — смеясь, говорил властительный сосед,— два раза у него украли из казны золото, увели нара. Тогда он по своей воле предложил вору собственную дочь-красавицу. Но и этого оказалось мало бестолковому хану. Он сам позволил повесить себя и осрамиться перед всем миром! Чем быть таким ханом, во сто крат лучше и спокойнее пасти баранов!

Пострадавший и осрамленный хан, услышав такие оскорбления от своего кровного врага — соседнего хана, через глашатаев объявил всему народу:

— Клянусь богом и бородой пророка ничем не обидеть вора, только прошу его объявиться всенародно. Я поручу этому вору одно важное дело и, если он справится с ним, то не только прощу ему все старые преступления, но и немедленно выдам за него свою дочь-красавицу!..

После такой страшной клятвы хана Тазша—мудрый дурачок—решил, что бояться ему теперь нечего, и поспешил во двор хана. Здесь он всенародно признался хану во всех проделках. И хан сказал ему:

— Я прощаю тебе все. Но только отомсти моему врагу — хану соседнего государства—за его глупые оскорбления. Захвати в плен этого хана и приведи ко мне. Тогда, как я обещал, выдам за тебя свою родную дочь-красавицу.

Тазша, не колеблясь, дал свое согласие и тут же приступил к делу.

Позвал он к себе лучших мастеров города и сделал им нес-

колько заказов. Одному — изготовить крытую со всех сторон и сверху большую арбу, другому — отлить из чистого серебра множество колокольчиков, третьему — сковать из тонкой жести огромный кистень и, наконец, четвертому — сшить из шкур серых козлов широкую шубу и высокую шапку.

Снаружи и изнутри арбы Тазша приказал навесить как можно больше серебряных колокольчиков, надел на себя шубу и шапку шерстью кверху, на руки и ноги нацепил множество серебряных колокольчиков, взял в руки огромный сверкающий кистень из жести и стал похож на страшного колдуна. В таком виде Тазша и въехал на своей арбе в город соседнего хана.

На большой городской площади Тазша заблеял по-казлиному, зазвонил во множество серебряных колокольчиков и грозно закричал во весь голос:

— Я посланец самого бога! Ваш хан—злодей и осужден богом на жестокую кару. Если вы схватите его и выдадите мне добровольно,— вам божья милость, а если не выполните моего требования, тогда я вот этим тысячепудовым кистенем разрушу ваши дома, город превращу в пепел, а вас всех уничтожу!..

Жители города испугались жестокой божьей кары, напали на своего хана, связали его по рукам и ногам и выдали Тазше. Тазша бросил связанного хана в арбу, привез и сдал его своему хану.

Сел хан на золоченый трон, а на пол перед собой приказал посадить своего связанного по рукам и ногам противника и говорит ему:

— Вот ты смеялся над моей глупостью, а как же сам теперь очутился в положении пленника? Никогда не следует смеяться над чужим несчастьем. Ты видишь,какие умные и хитрые люди живут в моей стране. В них — сила, а не в нас!

С этими словами хан развязал пленника и обнял его в знак

примирения. Оба хана были немало поражены находчивостью Тазши, хвалили его смелость и острый ум, поочередно предлагали ему в жены своих дочерей и любую половину своего состояния. На этот раз Тазша от всего отказался, заявив:

— Благодарю вас за милость и внимание. Вы нашли путь согласия, а у меня своя дорога к счастью!

С этими словами Тазша и покинул ханский дворец.

СКАКУН

В далекие времена жил скупой бай. Было у него три взрослых неженатых сына. Бай дорожил своим хозяйством и говорил близким друзьям:

— Женитьба сыновей совсем разорит меня. За каждую невесту придется дать большой калым. Пусть лучше они подождут жениться!

Однажды братья собрались и стали толковать о своей горькой участи. Старший и средний сказали младшему:

— Наше терпение не сломит скупости отца. Сходи к нему и скажи, пусть он сделает все, чтобы женить нас.

Младший брат пошел к отцу и передал просьбу от имени всех братьев.

Отец сказал:

— Придет осень, маленькие жеребята в табунах перестанут сосать маток и станут взрослыми. Тогда я исполню вашу просьбу.

Наступила осень, но бай не сдержал своего обещания.

Он дал новый срок:

— Когда пройдет морозная зима и холода сменятся теплом, я вас женю.

Зима оказалась несчастливой. Во время джута погиб весь

скот. Спасли братья только одного жеребенка. Кормили они его клевером, сами недоедали, но делились с ним кусочками хлеба.

Скупой бай не вынес голода и умер вместе с женой. Сыновья остались нищими. Ходили они по аулам и просили милостыню.

Подрос жеребенок и обещал стать конем невиданной красоты. Был он весь белый. Шерсть его блестела на солнце, как серебро. Грива была мягкой и пушистой.

Однажды младший брат сказал:

— Отдайте мне жеребенка. Я буду ездить по аулам, и все, что соберу, привезу вам.

Братья согласились. И стал младший брат кормить их. Так прожили они зиму и лето.

Однажды в соседнем ауле богатый бай устраивал большую байгу. Пятьдесят самых лучших иноходцев должны были принять участие в скачках.

Накануне байги младший брат встретил в степи гончую собаку.

«А ведь я смогу испытать прыть моего жеребенка!»— подумал он и обрадовался.

Жигит поравнялся с собакой, шевельнул поводьями и тронул коня. Конь перешел на рысистый бег. Собака, не отступая, бежала рядом с ним. Первое время жигит видел бегущую собаку. Но скоро гончая осталась далеко позади. Конь как будто плыл над степью — так лихо мчал своего седока.

Приехав домой, младший брат сказал:

— Наш жеребенок подобен стреле, пущенной из лука. Он легко обогнал гончую собаку. Я думаю, завтра на байге он обгонит любого иноходца.

Вспотевшего и уставшего жеребенка братья поставили на ночь отдохнуть. Утром они отправились на байгу.

Здесь уже красовались две лошади хана Барака. Ни одна байга не обходилась без них. Ни один конь еще не мог затмить славы двух знаменитых иноходцев. Но братья все же решили испытать счастье.

Посадили они на своего жеребенка бедного мальчика, которого в насмешку называли Паршивым.

Байские сынки сели на лучших скакунов и поехали к урочищу Кара-кой. Оттуда должна была начаться байга. Вместе с ними поехал и Паршивый.

Всю дорогу байские сынки смеялись над бедным мальчиком, сталкивали его с лошади, сбивали с головы шапку.

Когда подъехали к урочищу Кара-кой, подростки выстроились в один ряд, а мальчику пришлось встать позади них.

Начался бег.

Некоторое время мальчик отставал от своих соперников, но потом его жеребенок помчался быстрее ураганного ветра.

Мальчик нагнал первого всадника, сорвал с него шапку и сунул к себе под бешмет. Так он поступил и с остальными соперниками, пока не опередил всех. Позади остались и знаменитые кони хана Барака.

Близился конец бега.

Юные всадники, приближаясь к аулу, должны были кричать имена своих отцов. А бедный мальчик не знал, как поступить ему,— кричать ли имя хозяев жеребенка, или имя своего отца. И он закричал:

— Скакун! Скакун!

Хан Барак следил за скачками, ожидая, что его лошади, как и всегда, обгонят других. Но тут он увидел белого жеребенка, мчавшегося впереди всех.

— Не ошибаюсь ли я?— обратился хан Барак к народу.— Правда ли, что этот белый паршивый жеребенок идет впереди?

— Да, правда! Это лучший скакун на байге!— ответил народ.

Хан Барак рассвирепел и крикнул:

— Этот паршивый мальчишка пристал по дороге! Мы не пускали на байгу жеребенка. Немедленно уберите его!

Слуги поспешили выполнить приказание хана и бросились ловить жеребенка. Но он сшиб несколько человек и проскочил вперед.

Бедного мальчика из боязни ханского гнева никто не посмел встречать. И только никому не известная девушка поймала узду белого скакуна и помогла мальчику соскочить на землю.

Возмущенный хан Барак кричал:

— Эту лошадь нельзя считать. Она не участвовала в байге.

Тогда мальчик поднялся на сопку и сказал народу:

— Вот шапки моих соперников. Откуда же они у меня, если я не участвовал в скачках?

И мальчик бросил шапки на землю.

Опозоренный хан Барак отвернулся, ударил кулаком своего знаменитого иноходца и покинул байгу.

За победу своего жеребенка братья получили богатый приз — сорок иноходцев. Десять из них они отдали мальчику.

После байги дела у братьев поправились, они женились и стали жить хорошо.

А жеребенок получил большую славу в народе.

НАБЛЮДАТЕЛЬНОСТЬ КАЗАХА

У одного казаха затерялся верблюд. Он отправился на поиски. В дороге он встретил трех спутников, тоже казахов.

— Не видали верблюда?— спросил он незнакомцев.

— Да видеть-то мы видали одного. Постой,— говорит один из спутников,— твой верблюд кривой?

— Да! — ответил хозяин пропавшего верблюда.

— И хромой на правую заднюю ногу?— спрашивает второй прохожий.

— Да! — ответил ему хозяин пропавшего верблюда.

— И куцехвостый?— спросил третий.

— Да, да! Значит, вы украли моего верблюда. Подавайте мне его сейчас же,— закричал на них хозяин пропавшего верблюда.

Дело дошло до суда: потерпевший обвинял казахов в краже верблюда. Спутники не считали себя обвиняемыми. Первый из них сказал:

— Я не крал верблюда, но что верблюд этот был одноглазый — это я заключаю из того, что он рвал траву с одной стороны дороги, другая же сторона — с травою.

Второй обвиняемый сказал в дополнение первому: верблюд хромой — видно из того, что на месте, где он стоял, имеется отпечаток трех ног, а четвертую, больную, он держал в воздухе.

Третий обвиняемый сказал:

— Верблюд был без хвоста. Это я заключаю по следу помета по дороге: верблюд с хвостом разбрасывает помет далеко в стороны.

Судья отпустил обвиняемых, а доносчика наказал.

ЯСНОВИДЯЩИЙ

В давние годы в дальнем ауле жил бедняк. Только и было у него добра, что лисий малахай да конь-иноходец. Малахай уже совсем износился — дыра на дыре, зато конь был такой, что не было ему равного в целом свете: солнце завидовало его красоте, ветер завидовал его бегу.

В другом ауле жили два богача — старшие братья этого бедняка. Имели они тридцать табунов лошадей, тридцать стад баранов, тридцать кибиток, полных ковров, посуды и оружия.

Но все им было не в радость. Они не могли забыть ни на минуту, что их младший брат обладает конем, какого нет на свете, и только и думали о том, как бы этого коня извести.

Однажды бедняк надел свой драный малахай, вскочил на коня и поскакал к братьям.

Как увидели его братья, так отвернулись в сторону, лица их почернели от злости. Бедняк поклонился им низко и говорит:

— Братья, вконец меня бедность одолела, хочу наняться в батраки, да конь мне связал руки. Не возьмете ли вы его до

осени в свои табуны? Вам от того убытку не будет, а с меня свалится забота. Осенью же я вам заплачу за услугу.

Богачи переглянулись, подмигнули друг другу и отвечают бедняку приветливо и ласково.

— Мы, брат, всегда тебя выручить рады. Пусти коня в наш табун, пусть себе гуляет до осени. И платы нам за это никакой не надо.

Поблагодарил бедняк братьев, отвел коня в табун, а сам, довольный и веселый, вернулся домой.

Весна миновала, наступило лето. Бедняк работал в батраках и не унывал: сам сыт и за коня спокоен.

Но вот как-то раз прибежал к нему неизвестный человек и объявил, что он хочет сообщить ему по секрету важное известие. Бедняк последовал за ним, и когда они остались наедине, незнакомец назвался табунщиком его братьев и сказал:

— Послушай, друг,— беда: издыхает твой иноходец. До смерти заездили его твои братья — не протянет он, видно, и трех дней. Жаль мне стало тебя, вот и пришел я тебе об этом сказать. Только уж ты не выдавай меня. А начнут тебя спрашивать, кто тебе рассказал правду, ты отвечай: «Я — ясновидящий, мне все известно, что делается на свете».

Сказал и ушел. А бедняк заплакал горько и тотчас же отправился к братьям.

Он повстречался с ними на дороге и, плача, стал их стыдить и укорять:

— Братья, как вам не совестно обижать беззащитного бедняка? Что я вам сделал дурного, за что вы погубили моего коня?

Богачи поняли, что бедняк обо всем проведал, и стали отпираться:

— Ты, видно, спятил или пьян, что такое мелешь. Конь твой жив и здоров и ходит невредимый в наших табунах.

— Нет, братья,— сказал бедняк,— не обманывайте меня: вы до смерти загнали моего коня, и он не протянет и трех дней.

— Да кто тебе рассказал обо всем?— спросили богачи.

— Мне никто ничего не говорил, но я стал ясновидящим и теперь знаю все, что делается на свете,— отвечал бедняк.

Мало-помалу вокруг братьев начал собираться народ, и все хотели узнать, о чем у них идет спор.

Бедняк повторил все, что рассказал ему табунщик, и толпа направилась к табунам богачей, чтобы проверить, не клевещет ли он на братьев. Когда люди пришли на место, все увидели, что бедняк говорил правду: конь его, едва живой, лежал на земле, он тяжело дышал, и бока его были покрыты язвами.

Тогда народ, негодуя и грозя, стал требовать, чтобы богачи отдали бедняку взамен иноходца десять лучших своих скакунов.

Богачам ничего не оставалось делать, как подчиниться общему приговору. Но с тех пор их ненависть к брату возросла еще больше, и они лишь поджидали случая, чтобы его погубить. И вскоре такой случай явился сам собой.

Однажды у хана той страны пропал огромный золотой слиток, которому не было цены.

Хан сильно огорчился, узнав о пропаже, и повелел объявить по своему ханству, что всякий, кто укажет, где спрятано золото, получит тысячу отборных баранов и триста дойных кобылиц.

Когда слух об этом дошел до богачей, они явились к хану и сказали ему так:

— О великий хан, у нас есть младший брат, который обладает даром ясновидения и знает, что делается на свете. Мы слышали, как он хвалился перед своими друзьями, что мог бы

в одну ночь разыскать вора, да только не хочет тебе угождать. Стоит тебе пригрозить ему смертью, и слиток к рассвету будет в твоих руках.

Хан поверил братьям и тотчас же приказал привести бедняка.

Когда бедняк явился, хан сказал:

— Говорят, ты называешь себя ясновидящим... Я хочу убедиться, правда ли это. Добудь к рассвету слиток, который украли у меня, и я сверх обещанной награды дам тебе еще караван верблюдов. Если же ты не исполнишь моего приказания, я велю привязать тебя к хвосту бешеной лошади и пустить в степь.

Бедняк сразу догадался о хитрости братьев и, дрожа от страха, отвечал хану:

— О великий хан, распорядись, чтобы твои слуги поставили для меня в степи кибитку. Я переночую в ней один, творя необходимые заклинания, и, может быть, к утру мне удастся найти твое золото.

А сам подумал: «Пусть поставят мне кибитку в степи, уж я в полночь как-нибудь из нее убегу».

И вот возвели для бедняка среди степи богатую кибитку, и он остался в ней один. Как только наступила полночь, он нахлобучил на голову малахай и начал осторожно подбираться к выходу.

В это время мимо проходил на ночной промысел вор, укравший ханский слиток. Он увидел богатую кибитку и решил, что в ней можно чем-нибудь поживиться. Вор уже принялся открывать дверь, как вдруг она распахнулась перед ним и он растянулся у ног бедняка.

Бедняк, недолго думая, навалился на него сверху и схватил его за горло.

Тогда вор стал его умолять:

— Пощади меня и отпусти на волю, я дам тебе слиток золота, который украл у хана.

— Хорошо,—сказал бедняк,— я отпущу тебя, но прежде скажи, где спрятан ханский слиток?

— Иди отсюда прямо на восток и ты увидишь высокий курган и на нем большой черный камень. Под тем камнем и зарыт драгоценный слиток.

Бедняк отпустил вора и, так как уже начинался рассвет, направился к хану.

Он повел хана на восток, и за ними следовала вся ханская свита и множество слуг.

Когда они пришли к черному камню, бедняк приказал слугам рыть землю, и те откопали слиток.

— Э-э-э,— сказал хан бедняку,— да ты, кажется, и впрямь ясновидящий. Стану же я тебя держать на примете.

Он был так обрадован, что тут же повелел выдать бедняку тысячу баранов, сто дойных кобылиц и караван верблюдов и разрешил ему вернуться к себе домой.

Вскоре тот же вор увел у хана любимого его скакуна. Хан даже занемог от горя. Он опять призвал к себе бедняка и обратился к нему с такими словами:

— Если ты действительно ясновидящий, то скажи, где мой конь, и я награжу тебя вдвое щедрее против прошлого. Если же ты откажешься отвечать или ответишь невпопад, я прикажу отрубить тебе голову, а тело твое выбросить в степь волкам.

Бедняк похолодел от страха, но ничего не посмел возразить хану, только попросил снова поставить ему в степи кибитку. Хан исполнил его просьбу.

Оставшись наедине, бедняк стал размышлять, как бы ему избавиться от смерти. Так он провел время до полуночи, при-

даваясь крайней скорби, а в полночь украдкой вышел из кибитки и пустился бежать куда глаза глядят.

Наконец он прибежал в глухое ущелье между двумя высокими горами и здесь в изнеможении свалился под деревом и заснул крепким сном.

В это же ущелье прискакал на ханском коне вор. Осмотревшись кругом, он убедился, что здесь ему нечего опасаться, и он решил остаться в ущелье до утра.

Он привязал коня к дереву, а сам, не заметив спящего человека, улегся тут же и тотчас захрапел на все ущелье.

Бедняк проснулся от страшного храпа и долго не мог понять, откуда он исходит. Наконец, он различил сквозь мрак лежащего подле него человека и привязанного к дереву коня. Сомнений не было — перед ним вор и конь хана. Сердце его застучало от страха и радости.

Осторожно поднявшись на ноги, он отвязал коня, одним прыжком вскочил в седло и, гикнув, понесся к ханской кибитке.

Когда на рассвете хан услышал конский топот, он выбежал из кибитки и, увидев под бедняком любимого коня, долго не мог поверить своим глазам. И только когда он подошел к коню, и конь заржал, он убедился, что это его скакун. Тут на радостях хан приказал немедленно выдать бедняку все, что ему было обещано, и в знак особой милости пригласил его выпить с собой чашку кумыса.

Слуги вынесли из кибитки для хана шелковые подушки и подали ему золотую чашу. А бедняк уселся прямо на землю поодаль от хана, и слуги налили ему в деревянную чашу свежего кумыса, наполовину разбавленного овечьим молоком.

Когда хан выпил почти весь свой кумыс, в его чашу вскочил огромный кузнечик. Хан хотел поймать его, но кузнечик из-под самых пальцев выпрыгнул на землю. Хан хотел прихлопнуть

его ладонью, а он опять вскочил в чашу. Тут хан изловчился, схватил кузнечика и зажал его в кулаке.

А бедняк ничего этого не видел.

— Эй, ясновидящий,— сказал хан бедняку,— хочу я тебя испытать в последний раз: скажи, что у меня в руке?

«Ну,— подумал тот,— вот я и попался, теперь мне не будет от хана пощады». И он, тяжело вздохнув, громко сказал самому себе:

— Раз ушел и два ушел, а в третий скажи, что смерть нашел.

А хан подумал, что он говорит про кузнечика.

— Молодец, ты отгадал! — сказал хан и оторвал кузнечику голову. Он долго смеялся над затейливым ответом бедняка, а потом одарил его подарками и отпустил домой.

С тех пор бедняк навсегда избавился от нужды, а братья-богачи, узнав о его удаче, не перенесли огорчения и умерли в один и тот же день.

ХИТРЫЙ БЕКЖАН

Давным-давно жил хан. У этого хана был подчиненный по имени Бекжан. Он украл деньги. Об этом никто не знал. Хан приказал созвать весь народ на пир, расставить гостям кибитки, а перед каждым гостем положить по одному серебряному гривеннику. Кто возьмет гривенник, тот, значит, и украл у хана деньги. Хитрый Бекжан скоро разузнал в чем дело. Он смазал подошвы своих сапог клеем и стал обходить гостей с кумганом в руках, предлагая им вымыть перед едою руки. Все гривенники пристали к его подошвам. Так хан и не узнал, кто украл деньги.

У хана был верблюд, который мог угадывать, где находится потерянная вещь. Им захотел теперь воспользоваться хан. Пустили этого верблюда. Верблюд весь день ходил около юрт, а к вечеру улегся около кибитки Бекжана. Бекжан догадался, почему выпустили ханского верблюда, зарезал его, а мясо спрятал. Хан и об этом поступке хитрого Бекжана не мог ничего разузнать. Тогда он придумал еще способ поймать вора. Хан приказал врыть столб и на самый верх его положить мешок с деньгами. По ту и другую сторону столба был приставлен ка-

раул по пятидесяти человек на каждой стороне. Бекжан и тут схитрил и обманул хана, взял его мешочек с деньгами.

Он достал белую лошадь, вымазал правую сторону своей одежды и лошади грязью. Затем он сел на лошадь, быстро подъехал к столбу, схватил мешочек с деньгами и исчез. Хан приказал разыскать вора.

И вот те из стражи, которые стояли на правой стороне говорили, что вор был на черной лошади и в черной одежде; а стоявшие по левую сторону утверждали, что он был на белой лошади и в белой одежде. Так хан и не нашел вора. Он собрал опять весь свой народ на пир и объявил, что он готов выдать свою дочь за таинственного хитреца. Бекжан узнал об этом, явился к хану и рассказал ему обо всех своих проделках. Хан выдал за Бекжана свою дочь и устроил по этому случаю большой пир. Так-то вот Бекжан достиг своей цели.

НЕБЫЛИЦЫ
и
АНЕКДОТЫ

СОРОК НЕБЫЛИЦ

Было то или нет — суди сам.

В давно прошедшие времена один хан народом повелевал, народ от этого хана беды претерпевал. Хан делал, что хотел, народ молча все терпел.

Играет кровь у бездельника-хана от выпитого вина; потеряв разум, объявил он своему народу.

— Если — кто бы он ни был — без задержки расскажет мне сорок небылиц, такого человека я с головы до пят осыплю золотом. Я одарю его богатством, достаточным на всю жизнь. Если такому человеку будет угодно, я выдам за него свою дочь, посажу рядом с собою, сделаю визирем... Но если — кто бы он ни был — в рассказе его окажется хоть одно слово правды,— такого рассказчика я тут же повешу!

Объявление хана дошло до ушей всех. «Без надежды — один сатана»,— говорит пословица; у многих зачесались языки, многим захотелось ханской награды.

Голодные бедняки, безлошадники, те, кого нужда связала по рукам и ногам, захотев сразу разбогатеть, подумали. «Что тут трудного? Тот, кто уже разделся, не побоится нырнуть». Рассуждая так, они являлись перед ханом. И немало невинных людей было повешено.

Другие же, в особенности приезжие, представ пред грозным ханом с готовой сказкой на устах, увидев повешенных, от испуга не могли ничего сказать, лишались рассудка и, таким образом, тоже напрасно погибали.

Ханский дворец весь был завален повешенными и заставлен виселицами, когда перед ханом предстал один мальчик-сирота, задавленный нищетою, захудалый, вшивый, ни разу в жизни досыта не наедавшийся, весь в лохмотьях, с посиневшими губами, с израненными ступнями и растрескавшимися ладонями.

— Душа моя,— сказали мальчику люди, сидевшие у порога ханского дворца,— ты совсем юн, как бесперый гусенок, здесь побывали люди гораздо старше тебя и то погибли напрасно. Неужели с юных лет ты не находишь места в жизни? Ко всему надо спешить, кроме смерти,— говорит пословица. Послушайся нас, вернись!

Мальчик, не слушая их, вошел в ханский дворец и приветствовал хана, согнув колени. Хан спросил:

— Ну, что хочешь сказать?

— Таксыр[1], я пришел рассказать вам сорок небылиц,— ответил мальчик.

---

[1] Таксыр — повелитель

Хан, насмехаясь над мальчиком, молвил:

— Как сможешь ты справиться с задачей, с которой и взрослые не справились?

— Не тот знает, кто много жил, а тот, кто много видел, говорит пословица,— ответил мальчик.

— На заре жизни ты напрасно погибнешь,— сказал хан.

— Таксыр! Моя жизнь не краше, чем у тех, кого ты повесил. Но уж если падать, говорит пословица, так падать с хорошего верблюда.

— Если так, рассказывай,— разрешил хан.

— Таксыр!— начал сирота.— То, о чем я хочу тебе рассказать, было еще тогда, когда небо было не больше потника, а земля не крупнее седла, и меня еще не было вовсе на свете. В то время я был еще в семени отца, в утробе матери и кормился тем, что пас лошадей своего внука. За пятнадцать лет я заработал себе на калым, поскорей родился, сосватал себе невесту и женился. Самый младший из пятерых моих детей как раз вчера достиг двадцати пяти лет, сейчас он на десять лет старше меня самого.

Однажды в знойный летний день я погнал лошадей моего внука на водопой к разлившемуся по всей степи колодцу. О таксыр! Вы сами поймете, какой жаркий был день: вода в колодце замерзла, лед был толщиной в рост человека. Не слезая с коня, я стал рубить его топором, чтоб добраться до воды, да не вышло, только топор выщербился. Тогда я засунул топор за воротник, вынул из кармана лом, чтобы пробить лед,— да не вышло, только лом согнулся. Не зная, что делать, я стал терять-ся, но тут меня осенила счастливая мысль: я схватил себя за глотку, оторвал голову от туловища и один раз слегка ударил по льду своим виском. Ой, таксыр мой, тут ни одного словечка

лжи: лед тотчас разломался, и столько воды вытекло, что я спокойно напоил своих лошадей, поставив их в один ряд. К счастью, колодезная вода оказалась соленой, и лошади напились так, что животы их раздулись, и потом охотно стали пастись на льду, где росли густой ковыль и высокая полынь.

Я прикрыл глаза, чтобы заснуть, и увидел, что среди лошадей не оказалось семисаженного рыжего жеребенка, рожденного от пестрой двухвершковой кобылы. Что же, думаю, конокрад украл или волк съел? Стал озираться по сторонам — нигде не видать. Тогда я воткнул свой курык в лед, забрался на него и стал глядеть вокруг. Нет, не видать! Думая, что курык оказался слишком низким, я воткнул в его петлю нож — опять ничего не видно. Тогда я надел на нож ножны, забрался по ним еще выше — нигде не видать моего жеребенка! Воткнул я в конец ножен веревочную камчу, снова забрался на самую макушку, опять не видать нигде жеребенка! Что же, думаю, теперь делать? Тут меня еще раз осенила счастливая мысль, у меня была с собой иголка, которую я всегда носил под языком, о ней-то я и вспомнил.

Я воткнул ее в рукоять камчи, снова забрался на самую ее верхушку, но опять ничего не увидел. Тогда в отчаянии я вынул глаза, поднял их в руках над головой, осмотрел ими всю степь — ничего нет! Не зная, что делать, я обратился за советом к своему курыку. Курык, чтоб ему пусто было, начал поносить меня. Что же, как бы ты думал, сказал он мне, ругаясь вовсю? «Если ты не дохлая собака, то вместо того чтобы глазеть на землю, закрыл бы ты глаза покрепче и взглянул бы на небо»,—вот что сказал мне мой курык. Я возразил ему: «Ой, ой, разве ты не видишь, что все небо покрыто тучами?». Он еще пуще разозлился и закричал: «Эх ты, дурень, разве у тебя нет рук? Отодвинь часть туч в одну сторону, часть в другую!» По-

думал я над его словами и понял, что курык мой правду говорит. Я бросил вниз ненужные мне теперь глаза, протянул руку и раздвинул тучи, потом зажмурился и взглянул на небо. О чудо, что же нужно больше? Я увидел своего рыжего жеребенка: взобравшись на веточку высокого дерева и там же ожеребившись, он стоял себе преспокойно у самой Полярной звезды, кормя молоком сына, который находился у Венеры, у склона горы Кап. Я так обрадовался, будто жена родила мне сына и, не мешкая, тут же бросился в море, отделявшее меня от моего жеребца, сделав из своего курыка лодку а из ножа — весло. Но не тут-то было, почему-то я стал тонуть. Тогда я сделал из ножа лодку, а из курыка весло и таким образом в одно мгновенье пронесся через море.

Добравшись до жеребца и рожденного им жеребенка и боясь, что они опять убегут, я привязал жеребца к хвосту жеребенка, а жеребенка к хвосту жеребца, переплыл море и пустил их пастись на лед. Тут я увидел на льду, что под невыросшим еще старым раскидистым тростником лежал неродившийся жирный заяц. Я тотчас схватил свой лук и пустил в зайца стрелу, но она отскочила от его меха. Тогда я сбегал за стрелой, принес ее обратно, перевернул тупым концом и вновь ее пустил. Стрела прошла теперь зайца насквозь.

Затем я привязал свою лошадь к торчавшему изо льда столбику и начал собирать кизяк в полы халата, чтобы поджарить зайца. Вдруг гляжу: лошадь моя, закрыв от испуга глаза хвостом, бьется на привязи, как бешеная. Свалив в кучу собранный кизяк, я побежал было к лошади, но кизяк вдруг сделал— фрр... и разлетелся в разные стороны: оказывается, я насбирал на льду перепелок, приняв их за кизяк! Осмотрев лошадь, я понял, что по ошибке привязал лошадь к шее белого лебедя. Испугавшись взмаха крыльев, лошадь бесилась и брыкалась.

Я вытащил свою иголку и, не имея под рукой молотка, вбил иголку в лед своей головой, привязал коня к иголке и получил наконец возможность отдохнуть. Собрался было прирезать пойманного зайца, но в ножнах не оказалось ножа. Эх, думаю, где же он запропал? Думал, думал, три дня и три ночи думал, наконец вспомнил: ведь я же сам воткнул его в конец курыка, он там и остался! Лень мне было съездить за ним, я вытащил один из передних зубов и стал им резать зайца. Я всегда славился как хороший резник, и, применив все свое искусство, я закончил резку зайца за каких-нибудь пять дней. Высушил мясо, засолил его песком, а одну ляжку зайца положил в котел, чтобы натопить себе сала. Но сало все время вытекало из котла. Тогда я выкинул целый котел, взял дырявый и что же получилось, таксыр? Когда-нибудь вы видали такую штуку? Ни одной капли сала не вытекло, и набралось его столько, что я наполнил им кишки верблюда, кишки вола и кишки самого зайца, и еще осталось пудов шесть.

Видя, что сала мне не хватит и на завтрак, я подумал. «Лучше я смажу им свои сапоги, все-таки польза». Но сала едва хватило на пятки одного сапога, голенище его осталось несмазанным. И другой сапог тоже остался без смазки.

«Храбрец своим трудом должен хоть раз насытиться»,—говорит пословица. Я взял в руки кусок мяса и, дождавшись, когда он поджарился на солнце, потянул его ко рту. Вот так штука! Моего рта не оказалось почему-то на месте! От испуга сердце у меня похолодело: ойбой, где же мой рот? Я стал водить рукой по лицу, отыскивая его. Что же оказалось? Недоставало не только рта: всей головы не оказалось на моей шее. Ой, таксыр! До сих пор я трясусь, вспоминая свой тогдашний испуг.

«Эх, эх, как же я буду жить без головы?»— задумался я, схватившись за затылок. В это время кто-то дотронулся до моего плеча: «Маке! Не знаете ли вы, чья это голова?» Всмотревшись, я увидел, что голова моя и что принес мне ее мой собственный сын, тот самый, который родился ровно двадцать шесть лет спустя. «Светик мой, где ты ее нашел?» — спросил я. Мой сын ответил: «Она лежала там, где ты разбивал лед, я сразу узнал, что она твоя, потому и принес сюда». Ой, таксыр! До сих пор я смеюсь, вспоминая свою тогдашнюю радость.

Голова моя оказалась сильно утомленной от долгой бессонницы, и, пристроив ее на место, я улегся, постлав себе постель изо льда и покрывшись снегом. Согревшись, я заснул как убитый. Около середины ночи я проснулся от сильного шума и возни. Испугавшись, я стал озираться — и что же оказалось? Мои сапоги дрались и были все в крови. «Эй, батыры, что с вами?» — спросил я. Оставшийся без смазки сапог слезливо ответил: «Этот жадюга выпил все сало, а я не попробовал его!» Второй возражает: «Разве ты достоин сала, ничтожный?» Я рассердился, щелкнул пальцами по лбу того и другого и, расставив их в разные стороны, опять улегся спать.

Проснувшись утром, я увидел, что оставшийся без смазки сапог, разобиженный, удрал ночью — чтоб ему ослепнуть! «Ах ты, стервец!»—крикнул я и, всунув обе ноги в оставшийся сапог, пустился в погоню по следу убежавшего сапога. Месяц иду, другой иду... От тоски по убежавшему сапогу умерла оставшаяся дома жена.

В один из дней я добрел до садовника, который, вырастив дыню на затылке вола, сидел и варил эту дыню. Когда она сварилась, он протянул мне ее и сказал: «Светик мой, у тебя есть нож, разрешь ее и кушай на здоровье!» Я вытащил свой

нож и вонзил его в дыню. Но лезвие выпало из рукоятки и провалилось внутрь дыни. «Эх, думаю, правду говорят, что кому не повезет, того собака и на верблюде укусит! Вот все время мне не везло, нож этот с малых лет всегда и везде был со мною, как же я мог оставить его внутри дыни? Раздевшись, я нырнул внутрь дыни и начал разыскивать свой нож—искал в горах, искал в песках, искал в долине, выбился совсем из сил. Наконец я повстречал такого же неудачника, как и я, который бродил, отыскивая свою потерю. Я стал было расспрашивать его, не видел ли он моего ножа, описав ему подробно его масть, вид, тавро, походку и кличку. Чтоб ему пусто было! Он ни с того ни с сего взял да плюнул мне в лицо. «Что с тобой, взбесился ты, что ли?»— напустился я на него. Но он тоже оказался горячим и грозно мне крикнул: «Я в течение нескольких месяцев, загнав нескольких коней, ищу в этой дыне целый табун моих пропавших лошадей. Ты же ищешь какой-то четырехвершковый, ничего не стоящий нож, да еще расспрашиваешь!» Я был сильно разгневан его словами и вступил с ним в жестокую драку. Оба мы оказались в крови, ни одного волоска не осталось в бороде у обоих.

Наконец и я и он сильно утомились, выбились из сил и, прекратив драку, взяли один у другого по понюшке табаку, понюхали и разошлись восвояси.

В поисках ножа я набрел на большое сборище по случаю чьих-то поминок. «Вот, думаю, хорошо угодил; тут-то я поспрошаю народ и о своем пропавшем сапоге и о пропавшем ноже». И что же? Среди молодых жигитов, разносивших гостям мясо, я еще издали увидел свой собственный сапог — он так и кинулся мне в глаза. Я обрадовался так, как будто жена моя родила мне сына. Сапог мой также заметил меня и весь покраснел от смущения. Он нес объемистую посудину, наполнен-

ную лошадиным мясом, казы, джалом и прочими лучшими яствами. «Вот это не то ли самое сало, которого ты когда-то пожалел дать мне полизать?»— сказал он, поставив передо мною полный казан. Ой, таксыр мой! До сих пор я краснею, вспоминая мой тогдашний стыд.

Забрав с собой оба сапога, я вернулся к лошадям. От съеденного мяса и от сильного зноя меня одолела жажда. Я наклонился над прорубью и стал пить. Напившись, хотел подняться и никак не могу. Что же оказалось? Пока я пил воду, к моим усам примерзло шестьдесят диких уток и семьдесят селезней. «Куда, думаю, мне столько дичи?» Променял я их на одного журавля, который был ростом с верблюда и пил воду из глубокого колодца, даже не нагибаясь...

Тут хан, видя, что рассказ близится к концу, а сирота не сказал еще ни одного слова правды, закричал в гневе:

— А может быть, не так уж глубок был твой колодец?

— Может быть, и не так глубок: камень, брошенный в него утром, лишь к вечеру падал на дно,— ответил мальчик.

— Ну, может быть, в те времена дни были короткие,— возразил хан.

— Дни, и верно, были короткими; в те времена стадо баранов проходило всю степь от края до края за один день,— сказал мальчик.— Все, что я тебе рассказал, таксыр, произошло в один день. А если б я стал рассказывать, что произошло в следующие, я бы состарился прежде чем кончился рассказ.

Хан приказал выдать сироте обещанное золото, отдал за него свою дочь, а сам, не снеся досады, слег и умер через три дня.

НЕБЫЛИЦА

Жил старик со старухою. Детей у них не было. Однажды старик, сидя на камне у кибитки, посматривал на небо. В это время пролетела муха и что-то попало старику в глаз. Поплелся он к своей старухе.

— Вынь, Машан, из глаза моего сор,— сказал он.

С большим трудом старуха вытащила оттуда тазовую кость быка, которого склевала в прошлом году одна молодая ласточка. А ласточку эту съела муха.

Старик бросил тазовую кость в море и она образовала большой остров, на котором зимовали потом сорок тысяч кибиток казахов.

Казахи эти не знали, что остров их стоит на тазовой кости. В одну буранную темную ночь на острове раздался треск, поднялся шум и остров задрожал. Казахи испугались и бежали в разные стороны. На следующий день смельчаки решили сходить на остров и посмотреть, что такое случилось там ночью. Казахи нашли на одном конце острова лисицу, которая грызла остров. Убили они лису и стали снимать с нее шкуру и смогли

снять лишь верхнюю боковую часть, а другую не могли, так как не в силах были повернуть лису.

Шел мимо старик, бросивший в море тазовую кость. Он содрал вторую половину шкуры, принес ее домой и попросил старуху сделать из лисьей шкуры малахай и шубу.

Сняла старуха мерку с головы старика и сказала:

— Из лисьей шкуры можно сшить малахай, шуба не выйдет.

Рассердился старик.

— Отдай, старуха, этот мех кому-нибудь,— сказал он.

И отдала старуха лисью шкуру соседу. А сосед из нее сшил две шубы и тысячу восемьсот пятьдесять пять малахаев.

БАЙ, МУЛЛА И МЕД

Ехал мулла с баем по степи, нашли они пчелиный мед. Каждый закричал.

— Мой мед!

Спорили, спорили, наконец, бай говорит.

— Мед будет тому, кто дольше промолчит.

Сели и молчат. Вдруг мулла подсел к меду и начал есть. Бай от злости даже позеленел и закричал.

— Что ты делаешь?

— Свой мед ем,— сказал мулла,— ведь ты первый заговорил!

И спокойно стал доедать остатки меда.

КАК ЖИГИТ МУЛЛУ УГОЩАЛ

Один жигит рассказывает соседям:

— Приезжает ко мне мулла и требует, чтобы я накормил и его и ишака. А у меня, кроме мяса и сена, ничего не было. Предложил, что было. Мулла и ишак посмотрели, покачали головами и отправились дальше.

Соседи в один голос закричали.

— Не может быть, чтоб мулла отказался от мяса, а ишак от сена.

— Да я мулле дал сена, а ишаку мяса,— сказал жигит.

РАССКАЗЧИК И МУЛЛА

Жил в одном ауле знаменитый рассказчик, и больше всего он рассказывал сказки о проделках тамошнего муллы.

Приходит к нему мулла и говорит:

— Не рассказывай про меня сказок.

— Хорошо,— сказал рассказчик,— буду говорить были.

— Это еще хуже! — закричал мулла.

ТОЛКОВАТЕЛЬ СНОВ

Приходит бедняк к мулле и говорит:

— Я сон видел, будто ты стал богатым, получил у бедняков много-много баранов. К чему бы это?

— Хороший сон,— сказал на это мулла.— Сам аллах напомнил, что ты мне должен дать барана.

Пришлось бедняку дать барана мулле.

Через некоторое время он снова приходит и рассказывает:

— Мулла! Опять я хороший сон видел: будто ты всех своих баранов беднякам роздал.

— Мало ли какая чушь может присниться!— равнодушно ответил мулла.

ТРИ ОХОТНИКА

Жили на свете три охотника — два бородатых и один безбородый. Как-то раз они отправились в степь стрелять птиц. Весь день проходили напрасно и только под вечер случайно подстрелили дрофу.

Вот поставили охотники шалаш, развели костер, хотели было разделить дрофу, да и стали в тупик: дрофа ведь одна, а их трое.

Бородатые тогда и говорят:

— Пусть дрофа достанется тому, кто дольше всех просидит молча, не скажет ни слова.

— Ладно,— соглашается безбородый,— будет по-вашему.

Уселись они перед костром, молчат, точно у каждого камень во рту, и только посматривают друг на друга — кто же первый заговорит?

Час прошел, другой прошел, третий — никто не раскрывает рта. Тогда безбородый молча взял дрофу и стал ее ощипывать.

Бородатые смотрят на него и ни гу-гу. И только когда он обсосал последнюю косточку, бородатые завопили в один голос:

— Да как ты смел против уговору съесть дрофу! Ведь это разбой!

А безбородый смеется:

— Вы, видно, забыли уговор, если злитесь на меня. Было

сказано — кто дольше промолчит, тот и получит дрофу. Верно? Вы первые начали драть глотки. Стало быть, дрофа моя. Так о чем же тут еще спорить?

Почесали бородатые свои бороды и видят — попали они впросак. Пришлось им лечь спать с пустым желудком. На другой день подстрелили охотники двух гусей и одного куличка.

— Как же мы разделим добычу?— спрашивают бородачи.

А безбородый отвечает.

— Вас двое, а я один. Гусей тоже двое, а куличок один. Возьмите же себе куличка, а я возьму двух гусей. Тогда нас будет трое и вас трое.

— Э-э-э, брат!— сказал бородатый, ты, кажется, хочешь нас надуть. Всякий скажет, что гуси лучше куличка.

Безбородый и глазом не сморгнул.

— Это верно,— сказал он,— гуси лучше куличка. Так ведь и вы лучше меня. Вот я и предлагаю вам вместо себя куличка, а себе вместо вас беру гусей.

Переглянулись бородатые — будто и правильно рассуждает безбородый. Почесали они бороды, вздохнули и принялись за куличка. А безбородый вдоволь наелся гусятины.

КАК БЕЗБОРОДЫЙ СЪЕЛ ЛЕБЕДЯ ОДИН

Подстрелили охотники лебедя, ощипали его, сварили, сняли с огня казан.

— Как же мы разделим лебедя?—спрашивает один из них.

— А вот как,— ответил другой,— оставим мы на ночь лебедя в казане и ляжем спать. Кому приснится самый необыкновенный сон, тому и достанется лебедь.

Легли спать. Безбородый растянулся и сразу же заснул, захрапел, а бородатые охотники до полуночи проворочались с боку на бок — все выдумывали себе сны помудреннее. Утром безбородый и говорит:

— Ну, рассказывайте ваши сны.

Первый бородатый охотник сказал:

— Снился мне удивительный сон, будто я превратился в тулпара. За плечами у меня выросли крылья, на ногах серебряные копыта, а на плечах золотая грива. Тряхнул я гривой, взмахнул крыльями, ударил копытами, и в три прыжка перемахнул степь из конца в конец. Тут явился передо мной неведомый прекрасный богатырь. Он вскочил мне на спину, и я, почуя на себе могучего седока, взвился так высоко, что не увидел земли. У меня закружилась голова, и я проснулся.

Второй охотник, тоже бородатый, сказал на это:

— Хороший твой сон, приятель, а мой лучше. Снилось мне, будто я и есть тот неведомый и прекрасный богатырь. И вот вдруг подбегаешь ко мне ты, обернувшись тулпаром. Вскочил я тебе на спину, ухватился за гриву и взвился на небо. Скачем мы по нему все дальше и дальше — впереди солнце, позади луна, под ногами звезды, молнии, облака. И со всех сторон летят ко мне юные пери в светлых одеждах и целуют, осыпая драгоценными подарками, а я тянусь к ним, но не могу поймать ни одну из них и не могу остановить тулпара. Тут сон мой кончился, и я не знаю, что было дальше.

Тогда безбородый говорит:

— Хороши ваши сны, приятели, ах, как хороши! Где уж мне тягаться с вами. Снилось мне, будто сидим мы в одном шалаше, и вдруг один из вас превратился в тулпара, а другой в неведомого прекрасного богатыря. Тулпар тряхнул гривой, взмахнул крыльями, ударил копытами и в три прыжка пере-

махнул степь из конца в конец. Тут, откуда ни возьмись, появился перед ним неведомый богатырь, он вскочил к нему на спину и взвились они в небо. Заплакал я горько и говорю: «Эх,— не вернутся теперь, видно, мои приятели на землю. И лебедь уж больше им не нужен. Дай же я хоть помяну их с честью». Взял с горя да и съел лебедя.

— Что? Что ты говоришь?!—вскричали разом бородатые.— Этого не может быть.

Заглянули в казан, а там одни только лебяжьи косточки плавают.

ПРИМЕЧАНИЯ

Ер-Тостик. Из рукописного фольклорного собрания Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР. В русском переводе (Н. Анова) сказка опубликована впервые в сб. В. Сидельникова «Казахские народные сказки», М., 1952, стр. 270. Казахский вариант был опубликован В. Радловым на казахском языке в «Образцах народной литературы тюркских племен», ч. III, 1870, и на русском языке Г. Потаниным в «Живой старине» (1916, вып. II, III).

Три сестры. Записано в ауле № 1, Буртинской волости, Илецкого уезда, Тургайской области. Опубликовано на русском языке в газете «Оренбургский листок», 1894, №№ 39, 40; в сб. В. Сидельникова «Казахские народные сказки», М., 1952, стр. 178. Печатные казахские варианты на казахском языке с параллельным русским переводом имеются в сб. А. В. Васильева «Образцы киргизской народной словесности», Оренбург, 1898, вып. I.

Нами текст заимствован из фольклорных материалов Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР. Сказка дана в переводе Н. Анова.

Три брата. Записано А. Белослюдовым со слов казаха Наркуша Тарабаева, уроженца долины Нарыма, живущего в деревне Быковой, Верх-Бухтарминской волости, Змеиногорского уезда, Томской губернии. Опубликовано в «Записках Западно-Сибирского отделения Императорско-

го русского географического общества», 1916, т. 38, стр. 23. Вариант этой сказки есть в собрании Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР. Сказка дана в переводе Н. Анова.

Незнайка. Записан со слов Исена Утеулиева из аула № 7, Джембетинского уезда, Уральской области. Из фольклорных материалов Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР. Впервые на русском языке была опубликована в сб. В. Сидельникова «Казахские народные сказки», М., 1952, стр. 205.

Три сына бедняка. Записано со слов Махмуда Уралова из аула № 9, Тургайского уезда, Черпаланской волости. В русском переводе впервые была опубликована в сб. В. Сидельникова «Казахские народные сказки», М., 1952, стр. 213. Взята нами из рукописного собрания Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР.

Аламан и Жоламан. Из архива Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР. Записано со слов Махмуда Уралова из аула № 9, Тургайского уезда, Черпаланской волости. В русском переводе Н. Анова впервые была помещена в сб. В. Сидельникова «Казахские народные сказки», М., 1952, стр. 233.

Хан и мудрый визирь. Записано со слов Махмуда Уралова из аула № 9, Тургайского уезда, Черпаланской волости. Из материалов Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР. Впервые в русском переводе была опубликована в сб. В. Сидельникова «Казахские народные сказки», М., 1952, стр. 237.

Ермек. Из рукописного собрания Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР. Записано со слов Махмуда Уралова из аула № 9, Тургайского уезда, Черпаланской волости. В русском переводе впервые была опубликована в сб. В. Сидельникова «Казахские народные сказки», М., 1952, стр. 242.

Добрый и злой. Из рукописного собрания Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР. Записано со слов Махмуда Уралова из аула № 9, Тургайского уезда, Черпаланской волости. Очень распространенная сказка среди казахского народа. Относится к циклу сказок о правде и кривде. Казахские варианты на русском языке опубликованы в «Акмолинских областных ведомостях», 1893, №№ 11—13 («Особое Прибавление»); «Оренбургском крае», 1898, № 98; «Тургайской газете», 1903, № 9; «Ярославских губернских ведомостях», 1893, № 32;

«Ленинской смене», 1937, № 67; «Литературном Казахстане», 1938, № 1; сб. «Казахские сказки», Алма-Ата, 1940 и др. Сказка дана в переводе Н. Анова.

Красавица Кункей. Из рукописного собрания Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР. Записано в ауле № 4, Тастюбинской волости, Акбулакского района, Актюбинской области. Данная запись сказки «Красавица Кункей» впервые опубликована в переводе Н. Анова в сб. В. Сидельникова «Казахские народные сказки», М., 1952, стр. 253.

Богатый и бедный. Сказка взята из антологии казахской литературы «Песни степей», изд. под ред. Л. Соболева, М., 1940, стр. 158. Перепечатано в сб. В. Сидельникова «Казахские народные сказки», М., 1952, стр. 261. Сказка дается в переводе Л. Макеева.

Чудесный сад. Сказка взята нами из «Хрестоматии по литературе народов СССР, составленной Д. И. Климовичем, М., 1957, стр. 607—611. Сказка дана в переводе Л. Макеева.

Ушко. Из сборника Н. Северина «Казахские сказки», М., 1940, стр. 24—28. Данная запись является вариантом сказки «Сорок ушей». Близкий вариант опубликован А. А. Диваевым в «Этнографическом обозрении», 1909, № 4. В сборнике «Сорок небылиц» (Алма-Ата, 1935) вместо бараньего ушка действует козлиный хвостик, и конец сказки несколько иной.

Бекболат. Из рукописного фольклорного собрания Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР. Записано со слов Курмана Татимбетова. В литературной обработке Л. Макеева сказка помещена в сборнике «Казахские и уйгурские сказки», Алма-Ата, 1949, стр. 21—31. По некоторым своим сказочным мотивам близка к казахской сказке «Уш-кыз» (газета «Оренбургский листок», 1894, №№ 39, 40) и к сказке «Три брата» («Записки Западно-сибирского отделения Императорского русского географического общества», 1916, т. 38). В данном варианте публиковалась впервые в сб. В. Сидельникова «Казахские народные сказки», М., 1952, стр. 64.

Три товарища. Записал Г. Н. Потанин в Кокчетавском уезде, Акмолинской области. Опубликовано в «Живой старине», 1916, № 2—3, стр. 162 — «Казак-киргизские материалы». В тексте записи нами переведены казахские названия персонажей, сохраненные у Г. Н. Потанина.

Жигит и волчица. Записано в ауле № 4, Тастюбинской волости, Акбулакского района. Печатается в данной записи по сб. В. Сидельникова «Казахские народные сказки», М., 1952, стр. 42. По своему основному сюжету и некоторым мотивам сказка эта восходит к казахским сказкам о красавице-жене: «Иди туда — принеси сюда» (см. сказку, опубликованную в «Киргизской степной газете», 1897, № 51), «Уш-кыз» (в газете «Оренбургский листок», 1894, № 39, 40), «Легенда о Компыр-Дюване» («Туркестанские ведомости», 1911, № 267) и другим. Некоторые места сказки очень сходны со «Сказкой о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина. В настоящем своем виде сказка была помещена в сб. В. Сидельникова «Казахские народные сказки», М., 1952. В сб. «Казахские и уйгурские сказки» (Алма-Ата, 1949) она дана в литературном изложении Л. Макеева.

Дед Канбак. Из сборника Л. Макеева «Казахские и уйгурские сказки», Алма-Ата, стр. 51—54.

Три задачи. Записано Д. Рубежным в Караганде от шахтера шахты № 20 Джаспысбаева. Опубликовано в журнале «Народное творчество», М., 1938, № 10—11, стр. 71—72.

Бараны волков пугают. Записал А. Е. Алекторов. Опубликовано в «Особом Прибавлении» к «Акмолинским областным ведомостям», 20 сентября 1892 г., № 39. Перепечатано в «Астраханском вестнике» за 1893 г., № 1253.

Почему верблюд оглядывается, когда пьет. Из сборника Н. Северина «Казахские сказки», М., 1940, стр. 20. Перепечатано в сб. В. Сидельникова «Казахские народные сказки», М., 1952, стр. 22 и в сб. «Казахские народные сказки», М., 1953, стр. 12.

Почему у перепела хвост короткий. Записал Джагфар Айманов. На казахском языке с параллельным русским переводом помещена в «Киргизской степной газете» за 1894 г., № 32, стр. 3. Казахские варианты на русском языке опубликованы в газете «Оренбургский листок» за 1894 г., № 44, в сб. «Средняя Азия», 1910, № 9—10, стр. 165 (публикация П. Семеновича), в «Сборнике материалов для статистики Сыр-Дарьинской области» за 1895 г., вып. IV, стр. 1—62. Русский вариант, очень близкий к казахской сказке, записал В. М. Сидельников в 1935 году в селе Русская Барковка, Ставропольского района, Куйбышевской области (В. Сидельников и В. Крупянская, «Волжский фольклор», М., 1937, № 1,

стр. 27). Этот вариант был использован А. Н. Толстым при обработке русской сказки «Лиса и дрозд» (А. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, М., 1948, том XII, стр. 178). Имеется хакасский вариант в сб. Б. Балтера «Хакасские народные сказки», под ред. В. Сидельникова, Абакан, 1955, стр. 83.

Кто сильнее? Из сборника «Средняя Азия», Ташкент, 1910, № 2, стр. 66—67. Есть эта сказка в сб. В. Сидельникова «Казахские народные сказки», М., 1952, стр. 25.

Почему у зайца три губы. Из сборника Н. Северина «Казахские сказки», М., 1940, стр. 94. Среди казахских фольклорных материалов данной сказки нами не обнаружено. Очевидно, составитель сборника «Казахских сказок» Н. Северин слышал ее лично от кого-нибудь или заимствовал из какого-либо печатного источника, несколько изменив ее.

Савраска. Из сборника К. В. Дубровского «Сибирские сказки», М., 1923, стр. 55—56. Сказка оригинальна и встречается редко.

Лиса, верблюд, волк, лев и перепелка. Из рукописного фольклорного собрания Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР. Дана в переводе Н. Анова. В другом переводе эта сказка опубликована в сб. «Сорок небылиц», Алма-Ата, 1935, стр. 76—83. Казахские варианты на русском языке опубликованы А. А. Диваевым, 1895, вып. IV, стр. 1—62— «Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», в «Этнографическом обозрении» за 1903 г., № 1, стр. 98—111. В диваевских вариантах вместо льва участвует тигр, а вместо волка — боров и свинья. Встреча лисы с перепелом отсутствует. Этот сказочный эпизод дан Диваевым в качестве самостоятельной сказки «Лиса и перепел», которая, кстати, очень популярна среди казахов Оренбургских степей (ныне Чкаловской области), в Поволжье.

Спор животных. Из сборника Н. Северина «Казахские сказки», где она дана под названием «Самый счастливый год», М., 1940, стр. 85. Эта оригинальная сказка очень популярна среди казахов, встречается в многочисленных вариантах как в периодической печати, так и в отдельных сборниках казахского фольклора. См. казахские варианты на русском языке в «Астраханском справочном листке» за 1882 г., № 138 (Н. Иванов, «Спор животных»), в «Астраханском вестнике», 1894 г., № 183 (А. Е. Алекторов, «Мушель»), в «Уральских войсковых ведомостях» за

1889, № 10 («Мюнель»), в «Акмолинских областных ведомостях» за 1889, № 9 («Спор животных»).

Лиса, медведь и пастух. Из рукописного фольклорного собрания Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР. Наиболее популярная сказка среди казахов. Русский текст помещен в антологии казахской литературы «Песни степей», под ред. Л. Соболева, М., 1940, стр. 208. Казахский вариант на русском языке опубликован А. А. Диваевым в «Сборнике материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», 1894, вып. III, стр. 1—84—«Лисица, медведь и пастух».

Лисица, черепаха и клещ. Из рукописного сборника казаха Чимкентского уезда, Ногай-Курганской волости, Иркем-Бека Ахим Бекетова. Из фольклорных материалов института языка и литературы Академии наук Казахской ССР. Публикуется впервые в нашем переводе.

Глупый волк. Из рукописного сборника Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР. Публикуется впервые в нашем переводе.

Почему у лисы длинный хвост, а у зайца короткий. Из рукописного сборника Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР. Публикуется впервые.

Собачонка и кошка. Из рукописного сборника Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР. Публикуется впервые в нашем переводе.

Храбрый осел. Из «Хрестоматии по литературе народов СССР», составленной Д. И. Климовичем. М., 1947, стр. 623.

Хатымтай и его скакун. Из сборника Н. Северина «Казахские сказки», М., 1940, стр. 11—18. Казахские варианты на русском языке опубликованы И. И. Крафтом в сб. «Из киргизской старины», Оренбург, 1900, стр. 144 — «Хороший человек»; «Тургайские областные ведомости», 1898, № 14; «Тургайская газета», 1908, № 33.

Или и Каратал. Это предание записано Д. Рубежным от колхозника Муканша Сафарова в колхозе «Кзыл-Жулдуз», Нуринского района, Казахской ССР. Опубликовано в журнале «Народное творчество», 1938, № 10—11, стр. 72.

Гора Бори-Тастаган. Записал О. Альджанов в 1894 году. Из фольклорных материалов Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР. Публикуется в нашем переводе.

Чубар-Ат. Записал колхозник Н. Березовский из колхоза «Красный партизан». Алма-Ата. Впервые это предание было опубликовано в газете «Казахстанская правда» от 15 мая 1936 года, № 110.

О колодцах «Адам кырылган». Это предание записано колхозником Н. Березовским из колхоза «Красный партизан». Алма-Ата. Впервые опубликовано в газете «Казахстанская правда» от 24 мая 1936 г., № 118.

Мудрый старик. Из сборника Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР. Записано в 1922 году от Махмуда Уралова, аул № 9, Тургайская область. Это предание относится к «кюй-легендам». Публикуется впервые в нашем переводе.

Гора Тологай. Записал О. Альджанов в 1894 году. Из собрания Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР. Публикуется впервые в нашем переводе.

Об Иссык-Куле. Из материалов Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР. Перевод наш. См. «Вестник Центрального музея Казахстана» за 1930 г., № 1, где приведена заметка А. Шостака о «Потонувшем городе». Там же дана легенда про озеро Иссык-Куль, на дне которого (по народным преданиям) находится древний город Чиунниг («Семипалатинские областные ведомости», 1890, № 31, 33; «Тургайские областные ведомости», 1892, № 48).

Урочище Чом-Калган. Предание об урочище «Шом-каган» записал колхозник Н. Березовский из колхоза «Красный партизан». Алма-Ата. Опубликовано в газете «Казахстанская правда» от 18 июля 1936 г., № 164. Сюжет данного предания близок к известной исторической поэме Джамбула «Суранши-батыр» («Собрание сочинений», Алма-Ата, 1946, стр. 500. Перевод П. Кузнецова.)

Шойтас-мол. Предание записано П. Завьяловским от Петра Прокопьевича Ходырева, 56 лет, бывшего аульного учителя, в г. Чкалове в 1938 году. Опубликовано в сб. П. Т. Завьяловского «Предания и сказки оренбургских степей» под ред. В. Сидельникова, Чкалов, 1948, стр. 35—49.

Как Асан-Кайгы искал Жер-Уюк. Из собрания Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР. Перевод Н. Анова. Опубликовано в сб. В. Сидельникова «Казахские народные сказки», М., 1952, стр. 250. О преданиях об «Асан-Кайгы» см. в «Истории Казахской ССР», т. I, Алма-Ата, 1949, стр. 163; Джамбул «Собрание сочинений», Алма-Ата, 1946, стр. 467 («Утеген-батыр»).

Сказочная страна Барса-Кельмес. Из «Энциклопедического лексикона», Спб, 1836, т. VI, стр. 35, перепечатано в «Петербургских ведомостях» от 1889, № 17, стр. 75—76. См. А. Омелин, «Барса-Кельмас» в «Казахстанской правде» от 10. VI, 1945 г.

Коблан-силач и два мешка. Записал А. Омелин со слов строителей большого Чуйского канала, колхозников Чуйского района Джамбулской области, Казахской ССР. Опубликовано это предание в «Казахстанской правде» за июнь 1941, № 143 — «Балуан и два капа».

Коркут. Записано Е. Исмаиловым из уст народных акынов. Легенда встречается у многих собирателей фольклора. См. варианты этого текста: А. Диваев. «Несколько слов о могиле святого Коркута». «Зап. Восточного отделения Русского археологического общества», № 10, стр. 193; В. Бертельд. «Еще известие о Коркуде». «ЗВРАО», 1909, т. XIX, вып. 1, стр. 73; Спиридонова П. С. «Один из вариантов о «Хор Худе». «Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии», 1909, стр. 18; Э. Маргулан. «Коркут мелодист». «Известия Казахского филиала АНСССР», серия филологическая, вып. 1, 1944; М. Ауэзов. «Коркут». «История Казахской литературы», 1948, стр. 88—91. В данном сборнике легенда дана в переводе М. Досалиевой и Л. Золотовой.

Ответ Кюйши. Это предание относится к группе «кюй-легенд». Обычно перед исполнением кюя на домбре кюйши передает кратко содержание предания или легенды, заканчивая его традиционной фразой: «А теперь слушайте, как расскажет об этом домбра». Предание опубликовано М. Воронцовым в журнале «30 дней» (1937, № 9, стр. 51) под названием «Легкая походка». Под названием «Ответ кюйши» это предание было опубликовано в сб. В. Сидельникова «Казахские народные сказки», М., 1952, стр. 17.

Хан и акын. Записано от Джамбула Джабаева. Запись и обработка Эмиля Беккера. Взято нами из «Собрания сочинений» Джамбула Джабаева. Алма-Ата, 1948, стр. 35.

Золотая ослица. Записано со слов Махмуда Уралова, аул № 9, Черпаланской волости, Тургайского уезда, Тургайской области. Из рукописного фольклорного собрания Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР. Казахский вариант на русском языке опубликован

Н. Пантусовым в «Известиях общества археологии, истории и этнографии» (Казань, 1909, т. 25, стр. 23—30). «О Момунбае и семи каракчах», записано Н. Пантусовым в г. Копале со слов Нисана Кемпрешева. Сказка дана в переводе Н. Анова.

Жиренше и хан. Записал А. Белослюдов от Нуркуша Тарабаева, шестнадцати лет, уроженца долины Нарыма, живущего в деревне Быковой, Верх-Бухтарминской волости, Змеиногорского уезда, Томской губернии. Опубликовано в «Записках Западно-Сибирского отделения Императорского русского географического общества», 1916, т. III, стр. 30.

Эта сказка об умном Жиренше является одной из самых распространенных казахских сказок, высмеивающих глупость бая и мудрость любимого народного героя Жиренше и его жены — красавицы Карашаш. С именем Жиренше (что значит, красноречивый, острослов) связано значительное количество сказок-анекдотов, сказок новеллистического характера. Многие сказки о Жиренше посвящены борьбе его с ханом или бием. Имя Жиренше стало нарицательным.

Сказка эта относится к антибайским сказкам. Казахские варианты на русском языке опубликованы в «Акмолинских областных ведомостях», 1869, № 39. Литературное приложение, лист 5, стр. 17, «Джереншe Шешень» (публикация С. Туранова) и в «Сборнике материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», 1894, вып. III и другие.

Мудрый Аяз. Из рукописного фольклорного собрания Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР.

Записано от Сагды Комекбаева. Опубликовано на русском языке в антологии казахской литературы «Песни степей», изд. под редакцией Л. Соболева, М., 1940, стр. 188—203. В антологию она была перепечатана из журнала «Литературный Казахстан», 1938, № 10, стр. 111—115. Вошла она и в сборники В. М. Сидельникова «Казахские народные сказки», М., 1952, стр. 161 и «Казахские народные сказки», М., 1953, стр. 108. На казахском языке эта сказка есть в «Киргизской степной газете», 1897, № 46 (с параллельным русским переводом). Варианты данной сказки опубликованы в сб. И. И. Крафта «Из киргизской старины», Оренбург, 1900. Этот крафтовский вариант был опубликован в «Тургайской газете» (№ 32) с подзаголовком «Не все то золото, что блестит».

В сказке упоминается сказочная страна «Барса-Кельмас» или «Бирса-Кильмас». Об этой сказочной стране существует ряд народных преда-

ний. См. в данном сборнике народные сказания «Как Асан-Кайгы искал Жер-Уюк» и «Сказочная страна Барса-Кельмес».

Сказка «Мудрый Аяз» приведена в переводе Виктора Важдаева.

Бедный старик. Записано в ауле № 3, Карачиганской волости, Уральского уезда, Уральской области. Опубликовано в газете «Оренбургский листок», 1894, № 41, стр. 2., «Бедный старик» («Кедей-шал»). Встречается редко.

Старик и его дочка. Записано А. А. Диваевым в Чимкенте и опубликовано в «Сборнике материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», Ташкент, 1892, т. II, стр. 2—5. Казахский вариант на русском языке в журнале «Литературный Казахстан», 1938, № 5, стр. 56 (перепечатана Л. Климовичем в «Хрестоматию по литературе народов СССР», М., 1947, стр. 607). См. также казахскую сказку «Близнецы» («Егыз»), опубликованную в «Оренбургском листке», 1894, № 42.

Суд бия Бальтекея. Из рукописного фонда Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР. Опубликовано в альманахе «Дружба народов», М., 1941, № 8, стр. 325—333. Имеется в сб. В. Сидельникова «Казахские народные сказки», М., 1952, стр. 191. Варианты на русском языке см. в «Особом Прибавлении» к «Акмолинским областным ведомостям» за 1889 г., литературное приложение, лист 5—6, стр. 20—22. «Три брата» (запись Адыкова); за 1892, № 78 (запись А. Е. Алекторова); в «Астраханском вестнике», за 1893, № 1294 (запись А. Е. Алекторова).

Хан и бедняк. Записано со слов Махмуда Уралова из аула № 9, Черпаланской волости, Тургайского уезда, Тургайской области. Из рукописного фольклорного собрания Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР. Впервые было опубликовано в сб. В. Сидельникова «Казахские народные сказки», М., 1952, с. 133.

Ловкий обманщик. Записано в ауле № 4, Аманкульской волости, Тургайской области. Опубликовано в «Оренбургском листке», 30 октября 1894, № 4, стр. 2. Варианты на русском языке есть в «Записках Западно-Сибирского отделения Императорского русского географического общества», 1916, т. 38, стр. 28 (публикация А. Белослюдова), и в сб. Л. Макеева «Казахские сказки», Алма-Ата, 1940, стр. 31.

Чудесная шуба Алдара-Косе. Из сборника Н. Северина «Казахские народные сказки», М., 1940, стр. 44—45.

Жадный бай и Алдар-Косе. Записано Н. Пантусовым. Опубликовано в «Известиях Общества археологии, истории и этнографии», Казань, 1909, т. 25, вып. 1, стр. 2—6. Вариант этой сказки опубликован в сб. «Сорок небылиц», Алма-Ата, 1935.

Алдар-Косе и скупой друг. Из сборника «Казахские сказки», Алма-Ата, 1940, стр. 48—54. На русском языке опубликовано в журнале «Литературный Казахстан», 1939, № 5, перепечатано в сб. «Казахские и уйгурские сказки», Алма-Ата, 1949 г.

Алдар-Косе и черти. Из антологии казахской литературы «Песни степей», изд. под ред. Л. Соболева, М., 1940, стр. 170—173. Казахские варианты на русском языке см. в «Туркестанских ведомостях», 1913, № 10, «Как Алдар-Косе надул черта», в «Особом прибавлении» к «Акмолинским областным ведомостям», 1889, № 6 — «Алдар-Косе обманывает шайтана».

Два плута. Взято из «Хрестоматии по литературе народов СССР», составленной Л. Климовичем, М., 1947, стр. 616.

Пока не вырастет хвост у коня. Из сборника Н. Северина «Казахские сказки», М., 1940, стр. 50.

О лентяе. Записано от Джамбула Джабаева. Взято из «Собрания сочинений» Джамбула, Алма-Ата, 1946, стр. 35. Перевод Л. Макеева.

Кому корову кормить. Из «Киргизской степной газеты», 1894, № 34, стр. 3 (здесь имеется и казахский текст). См. также в «Киргизской степной газете», 1894, № 37, 38.

Дурак. Из журнала «Литературный Казахстан», 1938, стр. 75—77. Перевел Л. Макеев.

Святой осел. Записано Баймуратом Нуразовым от конюха совхоза «Пахта-Арал». Опубликовано в «Совхозной газете» от 2 ноября 1937 г. Очень близкий вариант был помещен в газете «Пионер Востока», Ташкент, 1935, № 4.

Бай и пастух. Из сборника Н. Северина «Казахские сказки», М., 1940, стр. 31—33. См. варианты в «Оренбургском листке» за 1894 г., № 49.

Тулпар. Из журнала «Литературный Казахстан», 1938, № 5, стр. 64.

Вор-невидимка. Из антологии казахской литературы «Песни степей», изд. под ред. Л. Соболева. М., 1940, стр. 174—180.

Пискун. Из сборника «Сорок небылиц», Алма-Ата, 1935, стр. 59.

Алдар-Косе и пахарь. Взято из сб. Л. Макеева «Казахские и уйгурские сказки», Алма-Ата, 1949, стр. 76.

Как молодой Тазша обдурил старого. Взято из сб. Л. Макеева «Казахские и уйгурские сказки», Алма-Ата, 1949, стр. 89.

Как Тазша двух ханов примирил. Взято из сб. Л. Макеева «Казахские и уйгурские сказки», Алма-Ата, 1949, стр. 92.

Скакун. Из сб. Л. Макеева «Казахские сказки», Алма-Ата, 1940, стр. 3—8. Впервые эта сказка была опубликована в газете «Ленинская смена», 12 мая 1935, № 4, перепечатана в журнале «Литературный Казахстан», 1937, № 5, стр. 82, в сб. «Казахские и уйгурские сказки» (Алма-Ата, 1949, стр. 42) она помещена с большими разночтениями в сравнении с текстом, помещенным в «Казахских сказках», 1940.

Наблюдательность казаха. Из материалов фольклорного собрания Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР. См. вариант этой сказки в данном сборнике — «Суд Бия Бальтекея». Сказка «Наблюдательность казаха» в ином варианте входит одним из эпизодов в сказку «Суд бия Бальтекея».

Ясновидящий. Из материалов Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР. См. варианты этой сказки в «Тургайской газете», 1898, № 36 «Счастливый бедняк», запись Н. Борисовского; «Киргизской степной газете», 1894, № 48 — «Бедняк Мараде»; «Астраханском справочном листке», 1883, № 105 —«Нечаянно».

Хитрый Бекжан. Из материалов Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР. См. варианты сказок в «Тургайских областных ведомостях», 1897, № 19, 21, 23 и др. А. Васильев. «Образы киргизской народной словесности». Оренбург, 1898, вып. 1.

Сорок небылиц. Из антологии казахской литературы «Песни степей», изд. под ред. Л. Соболева. М., 1940, стр. 146. Перевод и обработка Л. Соболева.

Небылица. Из материалов Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР.

Бай, мулла и мед. Из газ. «Безбожник» от 7 мая 1941, № 18. См. сказку «Три охотника» в данном сборнике.

Как жигит муллу угощал. Из газеты «Безбожник» от 1 июня 1941, № 22.

Рассказчик и мулла. Из газеты «Безбожник» от 8 июня 1941, № 23.

Толкователь снов. Из газеты «Безбожник» от 25 мая 1941, № 21.

Три охотника. Из сб. «Сорок небылиц», Алма-Ата, 1935, стр. 70—75. См. варианты в данном сборнике «Ловкий мулла» и сказку русскую в сб. «Волжский фольклор», М., 1937, стр. 55 — «Как мужик гусей делил».

Как безбородый съел лебедя один. Из сб. «Сорок небылиц», Алма-Ата, 1935, стр. 74—75. См. сказку в данном сборнике — «Толкователь снов».

КАЗАХСКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА

(БИБЛИОГРАФИЯ)

Абрамов Н. А. *Станица Верхлепсинская.* «Тобольские губернские ведомости», 1868, №№ 18, 14. Предание о вершинах Лепсы.

Адыков *Б. Киргизская сказка*[1] «Особое прибавление» к «Акмолинским областным ведомостям», 1889, № 16, «Киргизская степная газета», 1890, № 16 (О царе, видевшем сны).

Адыков Б. *Три брата. Сказка.* «Особое прибавление» к «Акмолинским областным ведомостям», 1889, Литературное приложение, лист 5—6, стр. 20—22.

Айманов Д. *Лиса и перепел.* «Киргизская степная газета». 1894, № 32.

Айманов Д. *Старик Шилз.* Народная сказка. «Киргизская степная газета», 1894, № 30.

Айнак-куль. Народная легенда. «Закаспийское обозрение», 1901, № 21.

Алача-хан. Киргизская сказка. «Закаспийское обозрение», 1902, № 335.

Алдар-Косе. Безбородый обманщик. «Оренбургский листок», 1894, № 44.

Алдиар. Народное предание. «Тургайская газета», 1898, № 25.

Алекторов А. Е. *Айтуган-батыр.* «Астраханский вестник», 1893, №№ 1267, 1274.

[1] Раньше казахов (киргиз-кайсаки) и киргизов (каракиргизов) называли киргизами.

Алекторов А. Е. *Батыр Нарык и его сын.* Сказка. «Киргизская степная газета», 1896, № 33.

Алекторов А. Е. *Злой Калий.* Из рассказов Бахти-Гирея Ай-хан Султанова. «Астраханский листок». 1893, № 1. (Приведена сказка «Злой Калий»).

Алекторов А. Е. *Ильгезер-батыр.* Сказка. «Астраханский вестник». 1897, № 2543.

Алекторов А. Е. *Как отомстил Алатык за убийство своей матери.* Сказка. «Особое прибавление» к «Акмолинским областным ведомостям», 1892, № 17.

Алекторов А. Е. *Каратай.* Народная сказка. «Киргизская степная газета», 1896, №№ 40, 41.

Алекторов А. Е. *Кесене.* Предание. «Оренбургский листок», 1899, № 37.

Алекторов А. Е. *Сказка.* «Киргизская степная газета», 1896, №№ 37, 38. (Вариант сказки «Старик, хан и жигиты»).

Алекторов *А. Е. Киргизские сказки.* «Акмолинские областные ведомости», 1892, №№ 38, 39. (Сказки: «Один, да лучше девяти», «Лисица и старик», «Два барана», «Скупой Уш-Терек»).

Алекторов А. Е. *Киргизские сказки.* «Астраханский вестник», 1893, № 1253. (Сказки: «Хитрость лучше богатства», «Два барана», «Лухман-Хоким»).

Алекторов А. Е. *Киргизские сказки.* «Астраханский вестник», 1893, № 1281. (Сказки: «Мулла Омар», «Джиренше-Шешене и Алдар-Косе», «Саксаул и сосна»).

Алеторов А. Е. *Сказки.* «Астраханский вестник», 1893, № 1302. (Сказки: «Старик, хан и джигиты», «Как отомстил Алатык за убийство своей матери», «Лисица и заяц»).

Алекторов А. Е. *Козыбай-Казы.* «Туркестанские ведомости», 1911, № 270. (Легенда о чудесной цепи, определявшей виновность человека).

Алекторов А. Е. *Народная литература киргизов.* «Астраханский вестник», 1894, № 1324. (О хане-женщине. См. роман Н. Н. Каразина. «Двуногий волк», Спб, 1886).

Алекторов А. Е. *Одна литература киргизов.* «Астраханский вест-

ник», 1894, № 1318. (Сказки: «Чудесный нож», «Сила пророчества Сулемана», «Скупой Уш-Терек»).

Алекторов А. Е. *Предания киргизов.* «Астраханский вестник», 1894, № 1338. (Предания: «Легенда о вершине Таз-Таг», «Легенда о горе Большое Богдо», «Легенда о Хазоразбанде», «Легенда о горе Кхан»).

Алекторов А. Е. *Предания киргизов.* «Астраханский вестник», 1894, № 1331. («Легенда о происхождении султанов», «Век человека», «Человек и собака», «Мушель»).

Алекторов А. Е. *Предания киргизов.* «Астраханский вестник», 1894, № 1351. (Народные предания: «Видение братьев», «Хошлык — увеселительный»).

Алекторов А. Е. *Предания киргизов.* «Астраханский вестник», 1894, № 1351. (Легенда «Оазис Тамды и происхождение ключей»).

Алекторов А. Е. *Сказки.* «Астраханский вестник», 1893, № 1308. (Сказки: «Царь Сулейман», «Небылица», «Родные братья»).

Алекторов А. Е. *Сказки.* «Астраханский вестник», 1893, № 1288. (Сказки: «Змей полосатый», «О том, что было давно, очень давно»).

Алекторов А. Е. *Три брата.* Сказка. «Особое прибавление» к «Акмолинским областным ведомостям», 1892, №№ 7, 8; «Астраханский вестник», 1893, № 1294.

Алекторов А. Е. *Хасан.* Сказка. «Астраханский вестник», 1894, № 1510.

Алекторов А. Е. *Чудесный нож.* Сказка. «Оренбургский край», 1893, № 87, «Астраханский вестник», 1894, № 1318.

Александров Е. *Легенда о Джанкенте.* «Туркменские ведомости», 1885, №№ 45—46. См. также «Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии», 1897—1898; «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии», 1910, вып. XXII, стр. 222; «Народная легенда о судьбе города Жанчи-Кента», «Алма-Ата», казахская сказка, Журн. «30 дней», 1938, № 1, стр. 72.

Альджанов О. *Легенда о богатом Корынбае.* «Киргизская степная газета», 1894, № 17.

Альджанов О. *Легенда о горах Тологае и Бор-Тастагане.* «Киргизская степная газета», 1894, № 29.

Альджанов О. *Предание об Алаша-хане и об его сыне Джучихане.* «Киргизская степная газета», 1897, №№ 13, 14, 18.

ник», 1894, № 1318. (Сказки: «Чудесный нож», «Сила пророчества Сулемана», «Скупой Уш-Терек»).

Алекторов А. Е. *Предания киргизов.* «Астраханский вестник», 1894, № 1338. (Предания: «Легенда о вершине Таз-Таг», «Легенда о горе Большое Богдо», «Легенда о Хазоразбанде», «Легенда о горе Кхан»).

Алекторов А. Е. *Предания киргизов.* «Астраханский вестник», 1894, № 1331. («Легенда о происхождении султанов», «Век человека», «Человек и собака», «Мушель»).

Алекторов А. Е. *Предания киргизов.* «Астраханский вестник», 1894, № 1351. (Народные предания: «Видение братьев», «Хошлык — увеселительный»).

Алекторов А. Е. *Предания киргизов.* «Астраханский вестник», 1894, № 1351. (Легенда «Оазис Тамды и происхождение ключей»).

Алекторов А. Е. *Сказки.* «Астраханский вестник», 1893, № 1308. (Сказки: «Царь Сулейман», «Небылица», «Родные братья»).

Алекторов А. Е. *Сказки.* «Астраханский вестник», 1893, № 1288. (Сказки: «Змей полосатый», «О том, что было давно, очень давно»).

Алекторов А. Е. *Три брата.* Сказка. «Особое прибавление» к «Акмолинским областным ведомостям», 1892, №№ 7, 8; «Астраханский вестник», 1893, № 1294.

Алекторов А. Е. *Хасан.* Сказка. «Астраханский вестник», 1894, № 1510.

Алекторов А. Е. *Чудесный нож.* Сказка. «Оренбургский край», 1893, № 87, «Астраханский вестник», 1894, № 1318.

Александров Е. *Легенда о Джанкенте.* «Туркменские ведомости», 1885, №№ 45—46. См. также «Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии», 1897—1898; «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии», 1910, вып. XXII, стр. 222; «Народная легенда о судьбе города Жанчи-Кента», «Алма-Ата», казахская сказка, Журн. «30 дней», 1938, № 1, стр. 72.

Альджанов О. *Легенда о богатом Корынбае.* «Киргизская степная газета», 1894, № 17.

Альджанов О. *Легенда о горах Тологае и Бор-Тастагане.* «Киргизская степная газета», 1894, № 29.

Альджанов О. *Предание об Алаша-хане и об его сыне Джучихане.* «Киргизская степная газета», 1897, №№ 13, 14, 18.

Альджанов О. *Собачонка и кошка.* «Киргизская степная газета», 1894, стр. 3—4; «Тобольские губернские ведомости», 1893, № 22, с. 427.

А. М. Мудрый вельможа. Сказка. «Акмолинские областные ведомости», 1892, №№ 23, 25.

Асан-Кайгы. Легенда. «Киргизская степная газета», 1897, № 47, 1901, № 13.

Аяз-Бий. Казахская сказка. Написана со слов сказителя Сагды Кошекбаева. «Литературный Казахстан», 1938, № 10, стр. 111—115.

Ауэзов М. *Казахский эпос и дореволюционный фольклор.* См. «Песни степей», М., 1940, стр. 11—16. (Автор дает характеристику лучшим казахским сказкам).

Ауэзов М. и Соболев Л. *Эпос и фольклор казахского народа* Журн. «Литературный критик», 1939, № 10—11, стр. 210; 1940, № 1, стр. 169. (Характеристика сказок).

Балуан и два капа. (Из новых легенд о воде). Записано А. Омелиным со слов сказителей, колхозников Чуйского района, Джамбулской области. «Казахстанская правда», 1941, 20. VI., стр. 3.

Бай и красноармеец. Как умер глупый волк. Сказки. Газ. «Рабочая Москва», 1936, № 119. 26 мая.

Бекимов М. *Почему сложилось мнение у киргизов, что земля держится на рогах быка.* «Средняя Азия», 1911, № 3, стр. 107. (Народная легенда о происхождении земли).

Березовский. *Н. Легенда об урочище Чом-Калган.* «Казахстанская правда», 1936, 18. VII.

Березовский Н. *Легенда об урочище Чом-Калган.* «Казахзахстанская правда», 24.V.1936.

Березовский Н. *Легенда о мудром хане.* «Социалистическая Алма-Ата», 1938, 28.II.

Березовский Н. *Легенда о «Мын Джилны».* «Казахстанская правда», 9.V.1936, стр. 4.

Березовский Н. *Чубар-Ат.* Легенда. «Казахстанская правда», 15.V.1936.

Бийсенов М. *Карый-желик.* Сказка. «Тургайская газета», 1895, № 47.

Бийсенов М. *Уркер. Легенда о Большой Медведице.* «Тургайская газета», 1897, № 25.

Бирса-Кильмас. «Энциклопедический лексикон», 1836, т. VI.Бин-Бра. Стр. 35. (Легенда об острове «Барса-Кельмес»).

Богатырь Ай-Моко. Сказка «Тургайская газета», 1897, № 107.

Борисовский *Н. Звезда Зугра.* Легенда о Венере. «Тургайская газета», 1898, № 40.

Борисовский Н. *Из рассказов о киргизах.* «Закаспийское обозрение», 1900, № 264. (Народные сказки: «Спор», «Наблюдательность киргиза»).

Борисовский Н. *Счастливый бедняк.* Народная сказка «Тургайская газета», 1898, № 36.

Брат и сестра. «Тургайская газета», 1898, № 24.

Бту-Ажа. Казахская сказка. «Социалистическая Караганда» 1936, 30.X.

Бир Шинкильдек и тогиз Тонкильдек. Сказка. «Оренбургский листок», 1894, № 36.

Белослюдов А. *Киргизские сказки.* «Записки Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества», 1916, т. XXXVIII, стр. 23—32. (Сказки: «Три брата», «Девять глупых и один умный», «Алдар-Косе», «Джереншe». Сказки записаны в д. Быковой, Верх-Бухтарминской волости, Змеиногорского у., Томской губ. от Нуркуша Тарабева).

Валиханов Ч. Ч. *Предания и легенды Большой киргиз-кайсацкой орды.* См. Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова, Спб, 1904, стр. 283—305. См. Рецензии: «Живая старина», 1906, XV, вып. 1.

Валиханов Ч. Ч. *Статьи, переписка.* Алма-Ата, 1947. (Предания об Аблае, стр. 13; легенда о мертвом и живом и о дружбе их, стр. 33; о сходстве сказочных мотивов в казахских сказках с русскими (стр. 74) и др.).

Васильев А. *Киргизские сказки.* «Тургайская газета», 1898, №№ 4, 5. (Народные сказки: «Хитрый Бекжан», «Алдар-Косе», «Девять крикунов и один визгун», «Лиса и Салекбай»).

Васильев А. *Образцы киргизской народной словесности.* Оренбург. Вып. 1, 1898, стр. 89. (Сказки: «Девять братьев», «Тазша», «Девица Карашаш», «Ирмагамбет» (вариант предыдущей сказки), «Батыр Камырбай», «Старик и старуха» (Две сказки), «Алтын Айдар», «Богатырь Ирбусун», «Кара батыр», «Сын богача и красавица», «Золотой

нож», «Ученый сын», «Сорок ушей», «Караглыш», «Алибек», «Хитрый вор», «Хитрый Бекжан», «Алдар-Косе», «Бухарец и киргиз», «Сказка о лисице», «Лисица и журавль», «Девять крикунов и один визгун», «Сын Томая» (небылица), «Три брата». См. рецензию, П. Мелиоранского, «Записки Восточного отд. Русского археологического общества», 1899, вып. XI, стр. 360.

В. Г. *Поездка в долину озера Иссык-Куль.* «Семипалатинские областные ведомости», 1890, №№ 31, 33. (Сказание о древних обитателях озера Иссык-Куля).

Войцехович А. *Легенда относительно постройки Ташработа.* «Киргизская степная газета», 1894, № 2.

Волк в пыли (Пастух и волк). «Особое прибавление» к «Акмолинским областным ведомостям», 1889, № 19.

Волчья шкура. Легенда. «Киргизская степная газета», 1900, №№ 14, 15.

Ворона называет своих детенышей голосистыми, а еж — мягкими. Сказка. «Киргизская степная газета», 1889, № 13.

Г. А. *Странички из жизни киргиз.* «Семиреченские областные ведомости», 1911, № 71. (Упоминание о сказках, легендах и преданиях).

Г.-Н. С. *Джиреше и Алдар-Косе.* «Особое прибавление» к «Акмолинским областным ведомостям», 1889, № 5.

Г.-Н. С. *Киргизская легенда.* «Акмолинские областные ведомости», 1899, № 9 (сказка «Спор животных»). «Особое прибавление» к «Акмолинским областным ведомостям», 1889, № 10 («Мючель». Легенда).

Годлевский С. Ф. *Байбатча.* Киргизская народная сказка. «Киргизская степная газета», 1897, № 3—4.

Годлевский С. Ф. *Волшебный камень.* Киргизская народная сказка, «Киргизская степная газета», 1896, №№ 27, 28.

Голодная степь и ее предания. «Киргизская степная газета», 1898, №№ 8, 9, 10. (Народная легенда о Ширин-кыз и могучем Фархате).

Грен А р. *Из путевых заметок о киргизской степи.* От форта № 1 (Казала) до форта № 2 (Кармакчи). Форт № 2, остров Кош-Курганский, разлив Кара-Уаяка и пути к форту Перовский. «Инженерный журнал», 1862, № 4, стр. 127—151. (Пересказ народной легенды об урочище Куркыт).

Губарев К. *Киргизская степь.* «Современник», 1864, т. Спб, отд.

1, кн. 5—6, стр. 361. (Приведена народная легенда о «Джасыбаевской могиле»).

Грубая благодарность. Киргизская басня. «Киргизская степная газета», 1894, № 46.

Гуси и девушка. Киргизская сказка. «Тургайская газета», 1895, № 12.

Даль В. И. *Повести, сказки и рассказы казака Луганского.* Спб, 1846, см. «Майна», «Бикей и Мауляна».

Дамрин Н. С. *Богатырь Курбугул.* Сказка. «Тургайская газета», 1898, № 22.

Даум и Мукуш. Сказка. «Тургайские областные ведомости», 1899, № 20.

Две сказки. «Акмолинские областные ведомости», 1883, № 44. (Сказки: «Саксаул и сосна», «Байгыз»); «Особое прибавление» к «Акмолинским областным ведомостям», 1889, № 12; Литературное приложение. Лист 2—3, стр. 8—10. (Сказки: «Саксаул и сосна», «Сулейман Падша» («Байгыз»).

Девять коварных и один пискун. Казахская сказка. «Литература и искусство», 1939, № 6, стр. 61—64.

Джамбул Джабаев. *Народная казахская сказка.* «Комсомольская правда», 24.II.1939 (сказка «Хан и акын»).

Джамбул Джабаев. *Сказка о лентяе.* «Литература и искусство», «Казахстан», 1939, № 2, стр. 98.

Джамбул Джабаев. *Собрание сочинений.* Алма-Ата, 1946. См. сказки: «Хан и акын», «Сказка о лентяе».

Джанкыз-Кала. Легенда. «Оренбургский листок», 1884, № 48.

Джангыз Агач. Легенда. «Киргизская степная газета», 1902, № 6.

Диваев А. А. *Алача-хан, Сказка.* Газ. «Окраина», 1894, №№ 52, 55; «Туркестанские ведомости», 1902, № 90.

Диваев А. А. *Как Алдар-Косе надул черта.* «Туркестанские ведомости», 1903, № 10.

Диваев А. А. *Как восьмидесятилетняя старуха родила сорок ушей.* «Этнографическое обозрение», 1809, № 4, стр. 90—95. Записано в Сыр-Дарьинской области.

Диваев А. А. *Киргизский рассказ о звездах.* «Известия Общества

археологии, истории и этнографии при Казанском университете» Казань, 1897, т. XIV, вып. 3, стр. 366.

Диваев А. А. *Киргизское описание солнца, находившегося на небесах».* «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете». Казань, 1897, т. XIV, вып. 3, стр. 370—377. (Народная легенда о происхождении солнца).

Диваев А. А. *Легенда о великане Адж по прозвищу Алангсар-Алиф.* «Туркестанские ведомости», 1908, № 88; «Протоколы заседания Туркестанского кружка любителей археологии», 1908—1909, XIII, стр. 20—24; «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском Университете», 1908, XXIV, вып. 5; «Зап. Восточного отд. русского археолог. общества», 1896, т. XI. Есть отдельный оттиск с пред. Н. Ф. Катанова, Казань, 1908 г.

Диваев А. А. *Мавзолей Кок-Кесене.* «Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии». Ташкент, 1905, вып. X, стр. 40—42. (Пересказ легенды о богатыре Санрык).

Диваев А. А. *Материалы этнографические о происхождении Албасты, Джинна и Дива.* «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете». Казань, 1897, т. XIV, вып. II, стр. 226—233. (Народные легенды).

Диваев А. А. *Несколько слов о могиле святого Хорхот-ата.* «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», 1895, № 10, стр. 193 (Легенда о могиле святого Коркыт-Ата).

Диваев А. А. *Олень и осел.* «Труды Общества изучения Киргизского края», 1922, вып. III, стр. 127—130.

Диваев А. А. *О трех мыслящих братьях.* Скачка. «Туркестанские ведомости», 1909, №№ 67, 71, 73, 75, 77. Есть отдельный оттиск, 1909, стр. 22.

Диваев А. А. *Похищенная царевна.* «Этнографическое обозрение», 1909, № 4, стр 88.

Диваев А. А. *Предание о возникновении города Ташкента.* «Протоколы заседаний Туркестанского кружка любителей археологии», 1899—1900, т. V, стр. 145—151.

Диваев А. А. *Предание о Хазряти-Исмаил-Ата.* «Туркестанские ведомости», 1901, №№ 20, 24, 25. Есть отд. оттиск, стр. 26.

Диваев А. А. *Семь сказок киргизов Сыр-Дарьинской области.* «Эт-

нографическое обозрение», 1906, № 1—2, стр. 114—127. (Сказки: «Тигр, медведь, лиса и мышь», «Змея и человек», «Див и ханская дочь», «Слепой», «Лягушка и суслик», «Абдул-Меджид», «Охотник Истан»).

Диваев А. А. *Сказки киргизов Сыр-Дарьинской области.* «Этнографическое обозрение», 1903, № 1, стр. 98—111. (Сказки: «Бедняк и нравоучения пророка Азрет-Хизра», «Счастье, богатство и разум», «Верблюд, тигр, боров и лиса», «Семь плешивых», «Царь и продавец разума», «О птице»).

Диваев А. А. *Сказки киргизов Сыр-Дарьинской области.* «Этнографическое обозрение», 1904, № 1, стр. 91—114. (Сказки: «Девять плешивых», «Мудрый визирь», «О проделках Ишана», «Богач и бедняк», «Два брата», «О глупой жене», «О царе», «Алдар-Косе»).

Диваев А. А. *Сказки киргизов Сыр-Дарьинской области.* «Этнографическое обозрение», 1912, № 1—2, стр. 200—208 (Сказки: «Восемь плешивых», «Мудрая девица», «Умный сын»).

Диваев А. А. *Сорок небылиц.* «Труды Общества изучения Киргизского края», 1922, вып. III, стр. 138.

Диваев А. А. *Царь-девица и черный раб.* Сказка. «Тургайская газета», 1904, № 18.

Диваев А. А. *Четыре века.* «Туркестанские ведомости», 1906, № 24, стр. 148.

Диваев А. А. *Этнографические материалы.* «Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области». 1891, вып. I, отд. II, стр. 68—106 (Сказки: «Зналайдар-хан и Сагат», «О трех мыслящих братьях», «Кудесник поневоле»).

Диваев А. А. *Этнографические материалы.* «Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», 1892, вып. II, стр. 1—31. (Сказки: «Старик», «Чудное избавление», «Молод, но умен», «Лукавая девица», «Ловкий малый», «Дурак», «Щедрый и скупой», «Сметливый царь», «Мудрый царь», «Лихие мысли»).

Диваев А. А. *Этнографические материалы.* «Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области,» 1894, вып. III, стр. 1—84. (Сказки: «Похождение одной лисицы», «Секрет о жене», «О глупости», «Мышь-девица», «Джереншe», «Неудавшаяся охота лисицы», «Мужественная девица», «Дочери крылатых духов», «Лисица, медведь и пастух», «Находчивое решение дочери Тагайхана», «Три мудрых совета»).

Диваев А. А. *Этнографические материалы.* «Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области». 1895, вып. IV, стр. 1—62. (Сказки: «Чудный охотник», «Из прошлого трех женщин», «Три неудачника», «Лиса, волк и тигр», «Лиса и ворона», «Волк и лиса», «Лягушка и утки», «Хитрая лисица», «Неустрашимый волк», «Лисица, тигр, верблюд и свинья», «Лисица и перепел»).

Диваев А. А. *Этнографические материалы.* «Сборник материалов Сыр-Дарьинской области», 1896, вып. V, стр. 1—60.)Сказки: «Справедливый посредник», «Находчивая девушка», «Царь, визирь и девочка», «Похождение паршивого», «Глупец», «Лухман-Хаким», «Невольник-сплетник»).

Диваев А. А. *Этнографические материалы,* «Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», 1897, вып. VI, стр. 91—122. (Сказки: «Приключение Мамека», «Лисица, черепаха и клещ», «Кто иногда коварнее: человек или Мэл-ун?», «Старик и див», «Гермафродит», «Царь-девица»).

Диваев А. А. *Этнографические материалы,* «Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», 1901, вып. IX, стр. 1—65. (Сказки: «О Джалмавыз-Кампыре», «О семигловой Джалмавыз-Кампыре»).

Диваев А. А. *Этнографические материалы,* «Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области». 1905, вып. XII, стр. 1—32. (Сказка «Благо, полученное от мудрых советов»).

Диваев А. А. *Этнографические материалы,* «Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области». 1907, вып. XIII, стр. 1—32. (Сказки о похождении плешивого мальчика).

Долбаев Р. *Иди туда — принеси сюда.* Сказка. «Киргизская степная газета». 1897, № 51; 1898, №№ 1, 2.

Дубровский К. В. *Сибирские сказки.* М., 1943, стр. 67, (стр. 51—58 — Казахские сказки).

Дюйсенбаев Р. Верблюд, лисица, волк и тигр. Сказка. «Киргизская степная газета», 1896, № 43.

Евреинов А. *Внутренняя или Букеевская киргиз-казачья орда.* Жур. «Современник», 1851, т. XXIX, отдел II, стр. 50—96. (Автор замечает, что по вечерам рассказываются предания о былом, султанах и богатырях).

Егыз. Близнецы. Сказка. «Оренбургский листок», 1894, № 42.

Жаба. Казахская сказка. Газ. «Социалистическая Караганда», 1936, 30. X.

Жалмауыз Кемпир. Сказка. «Акмолинские областные ведомости», 1888, № 43.

Житков М. Н. *Два киргизских предания о неблагодарности.* «Оренбургские губернские ведомости», 1850, № 49.

Жиреше и Карашаш-Слу. Казахская сказка. «Литературный Саратов», 1937, № 3, стр. 186.

Ж. М. Ч. *Шик-Бирмес-Шигайбай и Алдар-Косе.* Легенда. «Акмолинские областные ведомости», «Особое прибавление», Литературное приложение, 1889, лист. 6, стр. 17—20.

Завьяловский П. Т. *Предания и сказки Оренбургских степей.* Под ред. В. М. Сидельникова. Чкалов. 1948. (предание «Шойтас-Мол»).

Злая женщина и нечистая сила. «Тургайская газета», 1897, № 140; «Тургайская газета», 1908, № 34.

И. Сыддык. *Сказка.* «Тургайская газета», 1901, 18.

Ибрагимов М. *Наказанный хитрец.* «Тургайская газета», 1898, № 13.; «Наказанный хитрец», «Киргизская степная газета», 1898, № 33.

Ибрагимов М. *Хороший человек.* Сказка. «Тургайские областные ведомости», 1898, № 14.

Иванников С. *Зауралье.* «Тургайская газета», 1896, №№ 12, 15. (Народные предания о происхождении Венеры).

Иванов Н. *Нечаянно.* Сказка. «Астраханский справочный листок», 1883, № 105.

Иванов Н. *Спор животных.* Сказка. «Астраханский справочный листок», 1882, № 138, стр. 2.

Иванов Н. *Хитрый старик.* Сказка. «Волжский вестник», Казань, 1885, 219, стр. 2.

Иванович О. *Легенда о Кемпир-Дювале.* «Туркестанские ведомости», 1911, № 267.

Иванов Н. *Легенда о происхождении денег.* «Тургайские областные ведомости», 1899, № 10.

Ивановский А. *Киргизская легенда о веретене, обратившемся в гору.* «Этнографическое обозрение», 1893, № 1, стр. 145—146.

Ивановский А. *К вопросу о дуалистических поверьях о миро-*

здании. «Этнографическое обозрение», 1891, № 1, стр. 250. (Сказки: «Человек и собака», «Пестрые коровы»).

Ивановский А. *Легенды о колосе и о манне небесной.* «Этнографическое обозрение», 1890, № 4, стр. 263.

Ивановский А. *Происхождение огня.* По сказаниям киргизов. «Этнографическое обозрение», 1890, № 4, стр. 265.

Ивановский А. *Хан Итбай.* Сказка. «Русские ведомости», 1894, № 171, «Киргизская степная газета», 1895, № 19.

Ильин Н. Д. *Отчего Аму-Дарья изменила свое течение.* «Русский Туркестан», 1904, №№ 111, 116, 122, 128, 134, 140, 145, 151.

Исаков Л. *Благоразумная Зулейка.* Сказка. «Оренбургский листок», 1903, № 37.

Исаков Л. *Лиса и волк.* «Тургайская газета», 1896, № 80.

Исаков Л. *Таз-Таг.* Легенда. «Тургайские областные ведомости», 1891, № 12.

Исаков Л. *Чудесный источник.* Сказка. «Тургайские областные ведомости». 1894, №№ 47, 48.

И. С. Ш. *Степные очерки и картинки.* Газ. «Оренбургский край», 1893, №№ 79, 82, 101. (В № 96, в очерке «Брак в степи» дается предание о калыме).

История Казахской ССР. т. I. Алма-Ата, 1957. Издательство АН Казахской ССР. См. гл. VIII, стр. 199—218 (о сказке); гл. XIX, стр. 457—462; гл. XXII, стр. 559—567.

Итыгыль. Сказка. «Тургайская газета», 1897, № 86.

Кабдагул. Легенда. «Тургайская газета», 1901, №№ 30, 31.

Казанцов И. *О киргизах Западной и Средней частей, называемых оренбургскими или зауральскими.* Газ. «Санктпетербургские Ведомости», 1839, № 17 (Народное предание о горе Бирса-Кильмас).

Казахские народные сказки. М., 1953 (из сб. В. М. Сидельникова «Казахские народные сказки», М., 1952).

Казахские сказки. Журн. «Колхозник», 1936, № 4 стр. 54.

Казахские сказки. Журн. «30 дней», 1936, № 11, стр. 49.

Казахские сказки. Журн. «Народное творчество», 1938, № 10—11. стр. 72.

Казахские сказки. «Дочь дровосека», «Чудесный сад», «Тулпар» Журн. «Литературный Казахстан». 1938, № 5, стр. 56.

Казахские сказки. «Дурак», «Два плута». Журн. «Литературный Казахстан», 1938, № 8, стр 75.

Казахские сказки. «Тепен-Кок», «Богатый и бедный», «О добром и злом». Журн. «Литературный Казахстан», 1938, № 1, стр. 88.

Казахские сказки. «Длительность человеческой жизни», «Судья бая». Альманах «Дружба народов», 1941, кн. 8.

Как погиб Бузай-Хан. Газ. «Социалистическая Караганда», 1937, 12. V, стр. 3, журн. «Литературный Казахстан», 1937, № 2—3, стр. 143.

Калмаков Н. *Некоторые семейные обычаи киргизов северных уездов Сыр-Дарьинской области.* «Кауфманский сборник», 1910, стр. 221. (Легенда о происхождении возвышенностей Баш-Косоун Урта-Косоун, Аяк-Косоун и «Почему вода в реке Сары-Су соленая»).

Калмык-Тологой, или Калмыцкая голова. Журн. «Сибирский Вестник», 1890, № 40 (Легенда о происхождении горы Калмык-Тологой и сопок Ак-Тас и Кызыл-Тас).

Каразин Н. Н. *Сказки о женском царстве.* «Древняя и новая Россия», 1875, т. III, № 11, стр. 290—294; «Астраханский Вестник», 1894, № 1324; Роман Н. Каразина «Двуногий волк», Спб, 1886.

Кастанье И. А. *Древности киргизской степи и Оренбургского края.* «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии». Оренбург, 1910, вып. XXII, стр. 330. (Упоминания и ссылки на народные предания о курганах, приведены отрывки из этих преданий).

Кедей-шал. Бедный старик. «Оренбургский листок». 1894, № 41.

Киргизская легенда. «Уральские войсковые ведомости», 1889, № 18. («Спор животных»).

Киргизская сказка о Лухман-Хокиме. «Особое прибавление» к «Акмолинским областным ведомостям», 1891, № 35.

Киргизская сказка. Три девушки. Газ. «Оренбургский листок», 1894, №№ 39, 40.

Киргизская сказка. «Тургайская газета», 1908, № 31. («Старый казах хитростью избавляется от лисы и дива»).

Киргизская сказка. «Средняя Азия», 1911, № 1, стр. 92. («Лиса готовит обед льву»).

Киргизские басни и сказки. «Киргизская степная газета», 1900, № 3 («Мальчик и старик», «Спор животных»).

Киргизские легенды. «Тобольские губернские ведомости», 1894, № 22, стр. 427—430. («О богатом Қарынбае», «Собачонка и Қошка»).

Киргизское предание. «Московская иллюстрированная газета», 1892, № 274. (Народное предание о горе Қхан).

Киргизское предание о горе Тулагай. «Тургайская газета», 1896, № 89.

Киргизское предание о Хабарлине и Токтамаш-хане. «Труды Оренбургской архивной комиссии», 1910, вып. XXII, стр. 95.

Киргизское сказание о Циклопе. «Этнографическое обозрение», 1915, № 3—4, стр. 62—67.

Киргизы Зайсанского приставства. «Сибирская газета», Томск, 1881, № 31. (Народная легенда о созвездии «Лось»).

Киттары М. *Гора Богдо и озеро Баскунчакское.* «Журнал Министерства внутренних дел», 1848, часть XXIV. (Народные сказания о горе Богдо и об озере).

Клеменц Д. *Киргизы.* «Энциклопедический словарь», т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К°», 1913, т. 24, стр. 142. (Народное предание. «Почему казахи «первые песенники на свете»).

Коблов А. *Дети Токпана.* Киргизская легенда. «Тургайская газета», 1908, №№ 21, 22.

Коблов А. *У одной невесты три жениха.* «Тургайская газета», 1908, №№ 21, 22.

Комекбаев С. *Аяз-Бий.* Казахская сказка. «Литературный Казахстан», 1938, кн. 10, стр. 11—115.

Конь Абдуллы. Легенда. «Киргизская степная газета», 1901, № 8.

Копеев Ю. *Алтай-пастух.* Легенда. «Киргизская степная газета», 1894, № 6, стр. 3.

Копеев Ю. *Киргизская легенда.* «Акмолинские областные ведомости», 1893, № 13. (Легенда о хане Аблае).

Копеев Ю. *Человек и его век.* Ворон и сокол. «Особое прибавление» к «Акмолинским областным ведомостям», 1889, Литературное приложение, лист 6, 7, стр. 22—26.

Корольков Я. И. *Сказание об Иссык-Куле.* «Особое прибавление» к «Акмолинским областным ведомостям», 1890, № 37, стр. 2.

Красивая походка. Казахская сказка. Журн. «30 дней», 1937, № 9, стр. 51.

Корреспондент. Восточное обозрение. Перовск. Газ. «Восточное обозрение», 1883, № 28, стр. 5—6 (Легенда о происхождении земли).

Крафт И. И. *Из киргизской старины.* Оренбург, 1900, стр. 157. (Сказки: «Иван Калита», «Предсказание кудесника», «Легенда о святом пророке Илье», «Благоразумный совет», «Справедливый судья», «Злая женщина и нечистая сила», «Хороший человек», «Завещание отца», «Алдиар», «Пастух и змея», «Наблюдательность киргиза», «Мышь и змея», «Вор и блоха», «Осел и суслик», «Лягушка и муравей», «Наказанный хитрец»).

Крафт И. И. *Из киргизской старины.* «Кырык джигит и кырык кыз». «Тургайская газета». 1903, №№ 20—21.

Кривда и правда. Легенда. «Акмолинские областные ведомости». «Особое приложение», 1893, №№ 11—13; газ. «Оренбургский край», 1893, № 98.

Кто сильней. Сказка. сб. «Средняя Азия». 1910, № 2, стр. 66—67.

Легенда о Коркыте «Казахстанская правда», 1937, 18. V.

Легенда о построении мечети в городе Туркестане. «Окраина», 1896, № 86.

Легенда про былое киргизов. «Киргизская степная газета», 1900, №№ 46, 50 (Легенда о батыре Сергале).

Лерх П. И. *Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г.,* Спб, 1870 (Упоминание о легенде «О дворце царя Джанджархана»).

Лесная Л. В. *Сказки народов.* М., 1939. Под ред. проф. Ю. М. Соколова, стр. 125—189. (Казахские сказки).

Лиса и перепел. Сказка. Газ. «Оренбургский листок», 1894, № 44; журн. «Мурзилка», 1836, № 3, стр. 11—12.

Литвинов Д. И. *«Киргизское предание о произрастании дуба в Акмолинской области».* Труды ботанического музея при Академии наук», 1905, вып. II, стр. 48—57.

М. Легенда о потопе. Газ. «Оренбургский листок», 1898, № 18. (Народная легенда о происхождении мышей, кошек и др. животных).

М. *Сказка о карге-бае.* «Оренбургский листок», 1892, № 45.

Макеев Л. *Казахские сказки.* Алма-Ата, 1940, стр. 54.

Макеев Л. *Казахские и уйгурские сказки,* Алма-Ата, 1949.

Маллицкий Н. *Ак-Тюбе.* «Известия Об-ва археологии, истории и

этнографии при Казанском университете». Казань, 1897, т. XIV, вып. 2, стр. 234. (Народная легенда о городе Ак-Тюбе).

Материалы к изучению киргизского народного эпоса. «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», Казань, 1904, т. XX, вып. 4—5, стр. 218—232. (Сказки: «Об одном богатыре, победившем злых духов», «О богаче», «О Карашаш-Сулу и Каражан-батыре», «Об Алдар-Косе» и др. Предисловие к сказкам Н. Катанова).

М. Е. *Легенда.* «Туркестанские ведомости», 1900, № 90.

Мелков А. А. *Девять киргизских сказок.* «Труды научного Об-ва по изучению Киргизского края». 1925, вып. IV.

Мелков А. А. *Материалы по киргизской этнографии.* «Труды Общества по изучению Киргизского края», 1922, вып. III, стр. 142. (Сказки: «Три брата и бык», «Дикарь», «Младший сын богача», «Конбак-шал», «Зенги-баба», «Тазша», «Хитрый старик», «Ученый джигит», «Кер-буга Куйши», «Бедняк», «Хитрый вор», «Три брата», «Глухой старик»).

Михайлов К. *Длительность человеческой жизни.* «Туркестанские ведомости», 1913, № 108.

Михайлов К. *Зухра.* Легенда. «Туркестанские ведомости», 1913, № 136 (Народная легенда о планете Венере).

Мнимый Знахарь. Сказка. Газ. «Оренбургский листок», 1894, № 43.

М-ов А. *Лисица и лев.* Сказка. «Акмолинские областные ведомости». «Особое приложение», 1891, № 18.

Мощенский В. *Базай-батыр и его сын Куругла.* «Тургайская газета», 1905, №№ 31, 33, 34.

Мудрый Аяз. Сказка. «Киргизская степная газета», 1897, № 46, «Тургайская газета», 1908, № 32.

Мышь и змея. Басня. «Киргизская степная газета», 1897, № 45.

Наблюдательность киргиза. «Тургайская газета», 1898, № 36; «Закаспийское обозрение», 1900, № 264.

Народы, кочующие вверху реки Енисея. «Сибирский Вестник», Спб, 1818, ч. II, стр. 1(87). (На стр. 10—11 делаются краткие замечания о сказках).

Насыров А. К., Поляков П. А. *Сказки казанских татар и сопоставление их со сказками других народов.* «Известия Об-ва археологии, истории и этнографии», Казань, 1900, вып. II, стр. 1—32; вып. III, стр.

33—64; вып. IV—VI, стр. 65—112. Есть указание на казахские параллели к татарским сказкам. О связи казахских сказок с русскими.

Невольник. Предание о киргиз-кайсацком хане Абгулхане. «Тургайская газета», 1900, № 1.

Нестеров А. Д. *Прошлое приуральских степей и предания Киргиз-Казелинского уезда.* «Записки Восточного отделения русского археологического общества», Спб, 1900, т. XII (1899), вып. IV, стр. 95—105. (Народные легенды о происхождении Аральского моря).

Нуразов Б. *Казахская сказка.* «Безбожник», 1934, № 6, стр. 2; Известия ВЦИК, 17. V. 1936.

Нурушев С. *К истории развития басенного жанра в казахской литературе.* «Вестник АН Казахской ССР», 1951, № 1, стр. 97—107.

Нурушев С. *Творческое наследие И. А. Крылова в казахской литературе XIX в.,* отв. редактор В. М. Сидельников, Алма-Ата, 1951, стр. 104.

Нурушев С. *Возникновение и развитие басенного жанра в устном творчестве казахов.* «Известия АН Казахской ССР», 1954, в. 1—2, стр. 158—171.

Образцы киргизской народной словесности. Сказки. «Тургайские областные ведомости», 1897, № 19, 21, 23, 25, 26, 35, 40—43, 46, 47, 51, 52. (Сказки: «Старик и старуха» (два варианта), «Мальчик Тазша», «Девица Карашаш», «Ирмагамбет», «Батыр Камырбай», «Алтын-Айдар», «Богатырь Ирбусун», «Карабатыр», «Сын богача и красавица», «Золотой нож», «Ученый сын», «Сорок ушей», «Алибек», «Хитрый вор», «Хитрый Бекжан», «Карагдыш»).

О добром и злом. Казахская народная сказка. «Ленинская смена», 18. V. 1937, № 67, стр. 4; «Литературный Казахстан», 1938, № 1, стр. 98.

Оль Н. *Три неволи.* Из старых преданий. «Киргизская степная газета», 1901, № 52; 1902, №№ 1, 4, 5 («О богатыре Алкане и о коне его Кара-Булате»).

Орлов В. *Джестернак.* «Средняя Азия», 1910, № 11, стр. 116—122. (Народная легенда).

Орта Жуз. Алдар-Косе и змея. «Киргизская степная газета», 1901, № 14.

Орта Жуз. Байгыз. Легенда. «Киргизская степная газета», 1899, № 39—40.

Орта Жуз. Человек и птичка. «Киргизская степная газета», 1899, № 37.

Орта Жуз. Лисица и журавль. «Киргизская степная газета», 1900, № 48.

Орта Жуз. Такк Сумимен. Легенда. «Киргизская степная газета», 1900, №№ 4, 5.

О сорока сыновьях Ауэз-хана. Казахская сказка. «Социалистическая Караганда», 1939, 28. IV.

Остроумов Н. *Новые варианты сюжета о Полифеме (одноглазе).* Журн. «Этнографическое обозрение», 1891, № 2, стр. 202—207. (Автор пересказывает две казахские сказки).

Остроумов Н. *Одиссеев Полифем в киргизских сказках.* «Средняя Азия», 1910, вып. III, стр. 61—64.

О суевериях киргизов. «Киргизская степная газета», 1894, № 47. (Приведены легенды о происхождении земли, о землетрясении и др.).

О трех братьях. Сказка. Газ. «Оренбургский листок». 1894, № 49.

Отчего зло на свете. «Киргизская степная газета», 1895, № 2, стр. 3 (Сказки: «Спор птиц», «Спор змеи и оленя»).

Пантусов Н. *Материалы к изучению казах-киргизского наречия.* Вып. III. (Сказка о Кара-Мергене), Казань, 1901, стр. 35.

Пантусов Н. *Материалы к изучению казах-киргизского наречия.* Вып. IV. (Сказка об искусном воре, сделавшемся впоследствии ханом). Казань, 1901, стр. 30.

Пантусов Н. *Материалы к изучению казах-киргизского наречия.* Вып. V. (Три сказки о женщинах). Казань, 1902, стр. 23.

Пантусов Н. *Образцы киргизской народной литературы, собранные и переведенные Н. Н. Пантусовым.* «Известия Общества археологии истории и этнографии». Казань, 1909, т. XXV, вып. 1, стр. 1—55. (Сказки: «О святом Ишане», «О справедливом царе», «О хане и Хизре», «Пророк Сулейман», «О голубях», «О Мамунбае и семи каракчах», «Чик-бермес», «Алдар-Косе»).

Пастух и змея. Сказка. «Тургайская газета», 1898, № 25.

Пастух-мальчик. Сказка. «Киргизская степная газета», 1898, № 48, 49.

Пацевич Г. *Легенда о мазаре Аулиэ-Ата и Кара-хан.* «Коммунист», 1940, №133.

Песни степей. Антология казахской литературы. М., 1940, стр. 146—211. (Сказки: «Сорок небылиц», «Мудрый Жиренше и красавица Карашаш», «Богатый и бедный», «Алдар-Косе и Шигайбай», «Алдар-Косе и черти», «Невидимый вор», «Пискун», «Аяз-бий», «Лиса, верблюд, волк, лев и перепелка», «Храбрый осел»).

Полферов Я. *Айтолкон-Там.* «Тургайская газета», 1896, 1 января. (Предание о могиле красавицы Айтолкон).

Полферов Я. *Кызыл-Там.* «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии», 1910, вып. XXII, стр. 74—77. (Предание о красавице Уйли и Зайсе).

Полферов Я. *Среди киргизских могил.* «Тургайская газета», 1896, № 6 (Народное предание о брате Батыя — Батак-батыре).

Полферов Я. *Среди киргизских могил.* «Тургайская газета», 14. IV. 1896. (О красавице Уйли и Зайсе — пересказ народной легенды).

Потанин Г. Н. *Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе,* 1899, стр. 894. (Автор на громадном материале доказал влияние восточного эпоса, в том числе казахского, на эпос европейских стран от Византии до Франции и Италии).

Потанин Г. Н. *Греческий эпос и ордынский фольклор,* «Этнографическое обозрение», 1894, № 2, стр. 1—67. На стр. 36 упоминается казахская сказка о Шингысе.

Потанин Г. Н. *Дочь моря в степном эпосе.* «Этнографическое обозрение», 1892, № 1, стр. 36—69. (Легенда об острове Барса-Кельмес (Аральское море).

Потанин Г. Н. *Казах-киргизские и алтайские сказки, предания и легенды.* «Живая старина», 1916, вып. II—III, стр. 47—198. (Сказки: «Алдар-Косе», «Талас-пай Мерген», «Ир-Гокше и его сын Ир-Госай», «Ер-Тостик», «Алеуке-батыр», «Сын Алекея», «Мерген-Дарьши», «Дети Дарьши-Мергена», «Неверная жена» и др.).

Почему у совы нет ноздрей. Казахская сказка. Журн. «30 дней», 1936, № 11, стр. 49—53.

Предание об Иссык-Куле. «Восточное обозрение», 1890, № 6.

Предание об основании города Туркестана и окрестных кишлаков. «Труды. Сыр-Дарьинского статистического комитета», 1887—1888, стр. 12.

Предание об киргиз-кайсацком хане Абдул-Хаире. «Тургайские областные ведомости», 1899, № 52.

Приключения хитреца Алдар-Косе. Казахская сказка. «Литература и искусство Казахстана», 1939, № 5, стр. 75—81.

Путинцев М. *От Семипалатинска до Копала.* Из путевых записок. «Военный сборник», 1865, № 12, стр. 363. (О народных легендах).

Развалины на дне озера Иссык-Куля. «Тургайские областные ведомости», 1892, № 46. (О легенде про озеро Иссык-Куль).

Рассказы о лентяях. «Киргизская степная газета», 1894, № 34.

Рубежный Д. *Свободолюбивый юноша.* Старинная казахская сказка. «Правда южного Казахстана», 1938, 20. V, № 114.

Самый сильный. Казахская сказка. «Наши достижения», 1936, № 8, стр. 98.

Санкаев О. М. *Завещание отца.* Сказка. «Тургайская газета», 1898, № 15.

Саркин Н. Я. *Добро и зло.* Сказка. «Тургайская газета», 1903, № 9.

Саркин Н. Я. *Плохого мужчину исправит хорошая женщина.* «Тургайская газета», 1903, № 11.

Святой осел. Казахская сказка. «Народное творчество», 1937, № 5, стр. 16; «Совхозная газета», 1937, 2. XI.

С. Е. *Из киргизских сказаний.* «Сибирская газета», 1885, № 19. (Об основании Баян-аула, Семипалатинской области).

Северин Н. *Казахские сказки.* Журн. «30 дней», 1936, № 8, стр. 34.

Северин Н. *Казахские сказки.* М., 1940, стр. 104, Детгиз.

Северин Н. *Кот, тигр и человек.* Казахские сказки. «Мурзилка», 1936, № 1, стр. 13—14.

Сейдалин Ж. Ш. *Происхождение кукушки.* Народное предание. «Тургайская газета», 1898, № 17.

Семенович П. *Перепелка и лисица.* «Средняя Азия», 1910, № 9—10, стр. 165—168.

Сидельников В. М. *Казахские народные сказки под ред.* М. Ауэзова и Н. Анова. М., 1952.

Сидельников В. М. *Красноармейский фольклор.* М., 1938. (См. стр. 146, № 108, сказка «Бай и красноармеец»).

Сказка. «Киргизская степная газета», 1894, № 48 (Сказка о бедняке Марале).

Сказка. Лисица и заяц. «Амолинские областные ведомости», «Особое приложение», 1890, № 48.

Сказка. Пестрые коровы. «Особое приложение» к «Акмолинским областным ведомостям», 1890, № 49.

Сказка. «Сорок небылиц». (По туркменскому, узбекскому и киргизскому варианту). «Живая старина», 1912, вып. II—IV, стр. 477—484.

Сказки. «Особое прибавление» к «Акмолинским областным ведомостям», 1890, №45 («Медведь и лисица», «Человек и собака»).

Сказки. «Чудесный сад», «Дочь дровосека», «Два плута», «Алдар-Косе и Шигай-бай», «Храбрый осел». См. Климович, Хрестоматия по литературе народов СССР, М., 1947, стр. 607—625.

Сказки и легенды. См. «История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней», Алма-Ата, 1943, стр. 140—142, 2-е изд., Алма-Ата, 1949.

Смирнова Н. С. *Об источниках и вариантах казахского героического и сказочного эпоса.* «Вестник АН Казахской ССР», 1953, № 4, стр. 33—42.

Сорок дев. Легенда. «Окраина», 1891, № 9.

Сорок небылиц. Из сборника казахских сказок «Сорок небылиц»; «Казахстанская правда», 24. X. 1935, стр. 6.

Сорок небылиц. Казахские сказки. Алма-Ата, 1935, стр. 100. (См. рецензию в «Лит. Казахстане», 1936, № 1, стр. 86).

Спор. Сказка. «Тургайская газета», 1898, № 36.

Старик Шияз. Сказка. «Тобольские губернские ведомости», 1894, № 33.

Стремоухов Н. *Киргизский певец.* Сказка. «Детское чтение», 1884, № 1.

Сунгуров А. *Ширин-кыз.* Легенда. «Средняя Азия», 1910, в. I, стр. 49 (Народное предание об орошении Голодной степи рекой Сыр-Дарьей).

Сынгич-Агач. Сказка. «Закаспийское обозрение», 1901, № 176.

Таз-Бала. Казахская сказка. «Литературный Казахстан», 1938, № 11, стр. 46.

Таз-Таг или Лысая гора. Легенда. «Акмолинские областные ведомости», «Особое приложение», 1890, № 14.

Танабай и Бабыр. Рассказ из киргизского быта. «Киргизская степная газета», 1897, № 40, 41, 43 (о рассказывании сказок девушками друг другу по вечерам).

Тепен-Кок. Казахская народная сказка. «Ленинская смена», 1935, № 64; «Литературный Казахстан», 1937, № 5, стр. 82—86; 1938, № 1, стр. 88—90.

Три девушки. Сказка. «Оренбургский листок», 1894, №№ 40, 99.

Три сына. «Кирг. степная газета», 1894, № 50.

Тулебаев А. *Киргизская легенда об Ак-Тюбе.* «Туркестанская туземная газета», 1896, № 42, стр. 7—8.

Туранов С. *Джиренше Шешен.* «Акмолинские областные ведомости», «Особое прибавление», 1889, № 39. Литературное приложение. Лист 5, стр. 17.

Туранов С. *Чудесные слова.* Легенда «Киргизская степная газета», 1894, № 23.

Ужгин Крест. *Шайтан.* Легенда. «Оренбургский край», 1906, № 221.

Хан и табунщик. Сказка. «Казахстанская правда», 4. X. 1936, стр. 3; «Огонек», 1937, № 12, стр. 6.

Хак-Сак. Легенда. «Тургайские ведомости», 1913, № 92, (Легенда о кукушке).

Харузин А. *Степные очерки* М., 1888, стр. 192, (Гл. IV — Народное сказание о горе Большая Богдо).

Харузина В. Н. *Сказки русских инородцев с краткими бытовыми очерками и иллюстрациями.* М., 1898 (Сказки, «Итыгиль», «О богаче Карынбае»).

Хитрость лисы. Сказка. «Тургайская газета», 1903, № 8.

Хитрость ребенка. Сказка. «Астраханский Вестник», № 233.

Хитрый Бекжан. Сказка. «Киргизская степная газета», 1898, № 32.

Хороший человек. Сказка. «Тургайская газета», 1908, № 33.

Ш—в Г. *Из быта киргизов.* «Туркестанские областные ведомости», 1912, № 220. (Приведена легенда о хлебопашестве казахов).

Шелковая девушка. «Колхозник», 1937, № 1, стр. 110.

Шостак А. *Потонувший город.* Заметка. «Вестник Центрального музея Казахстана», 1930, № 1. (Легенда о потонувшем селении в озере Иссык-Куле).

Шубинский П. П. *Голодная степь и ее предания.* «Правительственный вестник», 1898, №№ 11, 12.

Эль-Регистан. *Сорок небылиц и одна правда.* «Известия», 24. X, 1935, № 249.

СОДЕРЖАНИЕ

В. Сидельников. Народный сказочный эпос казахов V

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

Ер-Тостик 3
Три сестры 36
Три брата 53
Незнайка 60
Три сына бедняка 69
Аламан и Жоламан 89
Хан и мудрый визирь 94
Ермек 100
Добрый и злой 106
Красавица Кункей 109
Богатый и бедный 119
Чудесный сад 131
Ушко 139
Бекболат 143
Три товарища 150
Жигит и волчица 151
Дед Канбак 161
Три задачи 166

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

Бараны волков пугают 171
Почему верблюд оглядывается, когда пьет 172
Почему у перепела хвост короткий . 173
Кто сильнее? 175
Почему у зайца три губы 177
Савраска 179
Лиса, верблюд, волк, лев и перепелка 181
Спор животных 187
Лиса, медведь и пастух 190
Лиса, черепаха и клещ 195
Глупый волк 197
Почему у лисы длинный хвост, а у зайца короткий. 198
Собачонка и кошка 199
Храбрый осел 201

ПРЕДАНИЯ И ЛЕГЕНДЫ

Хатымтай и его скакун 207
Или и Каратал 211
Гора Бори-Тастаган 213
Чубар-ат 214
О колодцах «Адам-Кырылган» . . 216
Мудрый старик 218
Гора Тологай 219
Об Иссык-Куле 220
Урочище Чом-Калган 221
Шойтас-мол 223
Как Асан-Кайгы искал Жер-Уюк . 230
Сказочная страна Барса-Кельмес . 234
Коблан-силач и два мешка 235
Коркут 237
Ответ кюйши 240
Хан и акын 243

БЫТОВЫЕ САТИРИЧЕСКИЕ СКАЗКИ

Золотая ослица и волшебный заяц 249
Жиренше и хан 260
Мудрый Аяз 283
Бедный старик 284
Старик и его дочка 290
Суд бия Бальтекея 294
Хан и бедняк 304
Ловкий обманщик 307
Чудесная шуба Алдара-Косе 310
Жадный бай и Алдар-Косе 312
Алдар-Косе и скупой друг 318
Алдар-Косе и черти 325
Два плута 331
Пока не вырастет хвост у коня . . 338
О лентяе 340
Кому корову кормить 342
Дурак 344
Святой осел 349
Бай и пастух 352
Тулпар 354
Вор-невидимка 358
Пискун 369
Алдар-Косе и пахарь 378
Как молодой Тазша обдурил старого 381
Как Тазша двух ханов примирил . 385
Скакун 393
Наблюдательность казаха 397
Ясновидящий 399
Хитрый Бекжан 406

НЕБЫЛИЦЫ И АНЕКДОТЫ

Сорок небылиц 411
Небылица 420
Бай, мулла и мед 421
Как жигит муллу угощал 422
Рассказчик и мулла 422
Толкователь снов 422
Три охотника 423
Как безбородый съел лебедя один . 424
Примечания 427
Казахская народная сказка. Библиография 440

Редактор Л. Золотова.
Художеств. редактор Э. Полякова.
Иллюстрации и форзац художника
К. Баранова. Суперобложка художника
Н. Гаева. Переплет и титул художника
К. Халитова. Заставки, инициалы и
шмуцтитулы художника А. Шипова.
Техредактор С. Ищанов. Корректор М. Кац.

Подписано к печати 13/II 1958 года. Изд. № 27.
Формат 84×108 1/16=30,5 п. л.— 50,02 усл.-п. л.
(21,40 уч.-изд. л.+7 вклейки). Тираж 25000.
Цена 17 руб. 25 коп.
Полиграфкомбинат Главиздата Министерства
культуры КазССР, г. Алма-Ата,
Пастера, 31. Заказ № 1788.

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
Институт языка и литературы

КАЗАХСКИЕ СКАЗКИ

Том II

Составление и редакция
доктора филологических наук
В. С. СИДЕЛЬНИКОВА

КАЗАХСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Алма-Ата — 1962

Художник
Е. СИДОРКИН

Ответственная за выпуск Л. Золотова. Художественный редактор Н. Гаев.
Техн. редактор К. Фаритденов. Корректор Л. Овсянникова.

Сдано в набор 27/IX-1960 г. Изд. № 15. Подписано к печати 16/II-1961 г.
Формат 84×108$^{1}/_{16}$—28 п. л.—45,92 услов. печ. л. (уч.-изд. л. 28,6).
УГ00600. Тираж 80000 экз. Цена 2 руб.

Заказ № 2065. Полиграфкомбинат Главиздата Министерства культуры КазССР.
г. Алма-Ата, ул. Пастера, 39.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Институт языка и литературы Академии Наук Казахской ССР планирует издание казахских народных сказок и преданий на русском и казахском языках в нескольких томах. В 1958 году в Казахском издательстве художественной литературы был выпущен первый том сказок и преданий. Данное издание является вторым томом, включающим сказки волшебные, поэтические народные предания, сказки о животных, острые бытовые сказки, шуточные анекдоты и небылицы.

Все сказочные материалы, так же как и сказки первого тома, знакомят нас с далеким прошлым казахского народа, с его бытом, лучшими мечтами и стремлениями, с чудесной природой солнечного Казахстана.[1]

Во второй том включены традиционные сказки, но часть из них дана уже в современной интерпретации. Это относится к текстам, записанным в наше время.

Тексты казахских сказок выбраны нами из отдельных сборников, ставших библиографической редкостью (сборники сказок И. Крафта, А. Васильева, А. Диваева и другие), из газет старых и современных, как, например, «Степная киргизская газета», «Тургайская газета», «Астраханский листок», «Социалистическая Караганда», «Казахстанская правда» и другие, а также из журналов: «Живая старина», «Этнографическое обозрение», «Живописное обозрение», «Записки Русского Географического общества», «Труды Общества по изучению Киргизского края», «Средняя Азия», «Литературный Казахстан» и т. д. Есть тексты, которые публикуются впервые: две казахские сказки даны в русском переводе с китайского языка и извлечены из сборника «Избранных китайских сказок» (Пекин, 1958) и из китайского журнала «Миньцзянь вэньсюе» (1956, № 5). Перевод для нас сделан Б. Л. Рифтиным. Сказка «Как был

---

[1] См. нашу вводную статью «Народный сказочный эпос казахов», «Казахские сказки», Алма-Ата, 1958, том I, стр. V—XXIV.

наказан Карахан» и предание о Боровом записаны для нас студентом Московского Литературного института в Алма-Атинской области А. Лопатиным. Сказку «Слепой лодырь» записал и прислал оренбургский писатель-фольклорист П. Т. Завьяловский. Использованы нами и архивные материалы Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР.

Как известно (об этом писали и мы в вводной статье к первому тому казахских сказок), многие дореволюционные тексты казахских народных сказок переделывались муллами, баями, буржуазными националистами, царскими чиновниками и др. Они их использовали в своих целях, при публикации переделывали. Особенно это касалось сказочных концовок (см. сказки в «Степной киргизской газете» и других буржуазных изданиях). Поэтому некоторые народные сказки, подвергнутые подобной обработке, нами привлекались, но с исключением из них всего наносного, антинародного. Иначе: текст подобных сказок тщательно нами редактировался. Но при этом редактировании сохранялось все народное, сохранен и казахский национальный колорит.

Многие сказки даны в переводах таких знатоков казахского быта и народной поэзии, как А. Алекторов, А. Диваев, А. Васильев и др. Есть переводы, выполненные современными переводчиками: Е. Малюгой, Н. Севериным и другими. Часть сказок переведена нами.

Каждый сказочный текст в конце книги снабжен необходимыми примечаниями, указаны основные варианты, прежние публикации, отмечена связь той или иной сказки с эпосом и другими жанрами казахского устного творчества. Имеются ссылки на русские, башкирские, хакасские и другие сказки.

Следует отметить, что в настоящее время наблюдается огромный интерес к сказкам наших народов, в том числе и к сказкам казахского народа, в странах народной демократии. Так, например, в 1956 году несколько казахских сказок опубликовано в сборнике «Золотая юрта», изданном на немецком языке в Берлине. Казахские сказки публикует китайский журнал «Миньцзянь вэньсюе» («Фольклор»). Сборник казахских сказок вышел в Софии на болгарском языке в 1956 году. Одна сказка об Алдаре-Косе включена в сборник Вл. Становского «Дерево сказок со всего света», Прага, 1958, стр. 59 (на чешском языке).

Составитель

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

САЛАХБАЙ И ЛИСА

Осторожно ступая, шла лисица по лесу. Вдруг ветер принес запах жареной птицы. Лиса постояла, подумала и побежала трусцой. Спустилась к ручью и увидела старое огневище.

«Здесь недавно люди были!» — решила лисица. На кусте висела жареная птица. «Наверно, забыли! Вот хорошо!».. У лисицы даже слюнки потекли. С разбегу прыгнула она, схватила жареную птицу и — попала в капкан.

— Ой-ой, отпусти! — завизжала лиса.

Но стальные пружины капкана крепко ухватили лису за ногу. Му-

чилась лисица, за одну ночь похудела. Утром пришел охотник Салахбай, увидел добычу, крикнул:

— Хорошо, что ты, кумушка, попалась,— теперь заживем!

— Ну разве разбогатеешь от одной лисьей шкуры? — ответила лисица охотнику.

— Вижу, что тебе, лисица, жалко расстаться со шкурой,— сказал Салахбай и замахнулся на нее дубиной.

— Не убивай меня, я тебе достану скот, юрту из белой кошмы и красивую жену.

— Льстивый язык у тебя, лисица, но жестокое сердце.

— Салахбай, ты хитрее меня. Ежели я обману, ты ведь все равно поймаешь меня и с живой шкуру снимешь.

— Ну, хорошо, один раз поверю лисице! — сказал охотник и освободил ее из капкана.

Лисица побежала в степь к богатому баю. Пришла в юрту богача и сказала:

— Отдай свою дочь замуж за Салахбая.

— Отдам, но мне нужен за нее большой калым [1].

— Проси. Но мы тебе заплатим зверями.

— И так можно. Пригоните мне пятьдесят лисиц, пятьдесят волков и пятьдесят барашков.

— Согласна! — ответила лисица.

— Жаксы! [2] — сказал бай.— Чем тебя, кумушка, угостить? Ты ведь кумыса не любишь.

— Угости меня сырым мясом.

Наелась лисица мяса и с собой взяла большой кусок.

Идет лисица по лесу — навстречу ей голодный волк.

— Ай, вкусное мясо! Дай мне, сестрица, кусочек!

— Ишь ты какой! Я несу своим детишкам, а если хочешь сытно поесть, собери пятьдесят волков, я вас поведу на пир к одному знакомому баю, он всех хорошо накормит.

Побежал волк, от радости кувыркается, кричит во весь голос — собирает волков.

Вот пятьдесят волков с лисицей впереди идут в гости. Подошли к юрте бая, лисица крикнула хозяину:

---

[1] К а л ы м — выкуп, который, по обычаю, давал жених за невесту.

[2] Ж а к с ы — хорошо.

— Отворяй железные ворота, принимай волков и не жалей угощения.

Бай запер волков в железный сарай и не жалел угощения для сватьи.

Лисица наелась, и опять с собой хороший кусок мяса взяла. Пошла в степь, к баранам. Обманула их и к баю пригнала. Потом в лес побежала лисиц собирать. Их она уговаривала:

— На свадебном пиру моего друга Салахбая будет десять дней угощение для всех.

Вот она пригнала к баю пятьдесят лисиц — последний калым — и отправилась за женихом.

Рассказала лисица Салахбаю о предстоящей свадьбе. Грустно улыбнулся охотник и сказал:

— Как я к невесте в юрту явлюсь? Одежда у меня дырявая, не на что купить подарков, и нет коня, чтобы поехать.

— Я одену тебя в одежду, красивее которой трудно найти.

Лисица сшила ему халат из листьев и цветов, и они пошли к невесте.

Юрта богача стояла на берегу реки. Утром, на заре, подошли лисица и Салахбай к реке.

— Ты стань около воды, а я буду кричать. Когда выбегут люди из юрты бая, бросайся в воду и плыви.

Встал Салахбай у воды, а лисица закричала:

— Спасите, погибаем!

Выбежали люди из юрты и увидели, как сверкнула золотистая одежда на человеке. Плывет Салахбай, рвется одежда, уносит вода листья и цветы, сшитые травой. Когда спасли жениха, лиса всем стала рассказывать:

— Беда с нами дорогой случилась: напали на нас разбойники, отняли дорогих коней, гнались за нами до самого берега реки, но поймать не могли — вас испугались.

На жениха надели бархатный халат и красные сапоги.

На свадьбе было много мяса и кумыса. Десять дней пировали, а потом все отправились в юрту Салахбая. Тут жених совсем испугался, хотел даже ночью убежать в горы.

Но лисица ему говорит:

— Кто не пьет кумыса, тот не сватает жены. Теперь мы заживем хорошо.

Салахбай с молодой женой, ее матерью, отцом и гостями поехали домой. А лисица вперед побежала. По дороге она увидела большую отару овец.

— Кто хозяин этих овец? — спросила она пастухов.

— Айдагар [1],— ответили ей пастухи.

— Ой, плохо вам будет,— жалобно заговорила лисица.

— А что?

— Вон, видите, пыль в степи, это едут богатыри. Айдагар — их враг, и вас убьют вместе с ним.

Испугались пастухи, не знают, что делать. А лиса им говорит:

— Не бойтесь, скажите, что эта отара — Салахбая, и вас не тронут.

Лисица дальше побежала, туда, где паслись косяки Айдагара. Там она тоже пастухов научила, как спастись от богатырей, и везде пастухи отвечали гостям:

— Это — Салахбая!

Едут гости и удивляются большому богатству Салахбая — лошадь хороша в теле, разговоры хороши у богатых. А Салахбай боится: вот-вот узнают о его бедности и убьют за обман.

— Бежим в горы, пока не убили! — тихо шепчет Салахбай лисе.

— Один шарик бараньего помета может испортить целый круг масла. Не будь дураком, сиди важнее в седле. Богатый ездит важно, а бедный ковыляет.

Вскоре они увидели в цветущей долине большую белую юрту.

— Вот и наша юрта виднеется! — закричала радостно лиса.

Все всадники хотели галопом помчаться туда, но лисица их остановила:

— Вы здесь подождите, а я пойду приготовлю все для встречи.— И побежала вперед. Она ворвалась в юрту Айдагара и со слезами на глазах заговорила:

— Ой, беда, ой, беда! Едут богатыри! Вон они — тебя ищут, убить хотят.

Выбежал Айдагар из юрты — в степи огни дымятся. Испуганный Айдагар спросил лисицу:

— Что теперь делать?

---

[1] Айдагар (Айдахар) — змей, удав.

— Убежать от них трудно, кони у них быстрее ветра, лучше спрячься в сено, а я скажу, что ты убежал.

Когда змей спрятался в сено, лисица бросила в стог горящую головешку.

Салахбай и гости увидели у юрты большой огонь и примчались. Лисица встретила их с поклонами, предложила выпить освежающего кумыса.

Свадьбу отпировали и зажили весело. Лисица не захотела уходить опять в горы, где реют беркуты и не всегда бывает свежее мясо, где охотник ставит капканы на лисицу и бьет их из ружья, а осталась жить у Салахбая.

ИТЫГИЛЬ

Жил на свете богатый человек. Он владел несметным количеством скота. Было у него девять сыновей. Когда сыновья подросли, они стали просить отца отпустить их со скотом в отгон. Отец пустил их. Но когда сыновья ушли, богатый человек осиротел и обеднел. Соседи его откочевали, он остался один в степи со своей женой. Вскоре после этого у него родился десятый сын, его назвали Итыгиль.

Вырос Итыгиль, узнал, что у него есть девять братьев, и поехал отыскивать их. Долго ехал он по степи и наконец увидал юрту, к которой было привязано девять жеребцов одинаковой масти. Итыгиль догадался, что это юрта братьев. Он вошел в юрту и сказал сидящим в ней, что он — Итыгиль, их десятый брат. Потом стал просить их вернуться к родителям.

— Отец наш беден, кочует одиноко,— сказал он,— гоните скот на то урочище, где я оставил его.

Но братья отвечали:

— Скота у нас такое множество, что согнать его с места невозможно.

Тогда Итыгиль выбрал себе коня, сел на него и поехал вперед — и весь скот пошел за ним вслед. Скоро все десять братьев достигли со своим скотом долины, где стояла одинокая кибитка их отца. И стали они жить опять вместе с родителями.

Надумали братья жениться. Стали они просить отца, чтобы он нашел им жен; они хотели, чтобы все жены были непременно из одной семьи. Нечего было делать — поехал старик отыскивать невест своим

сыновьям. Ездил он долго по степи, но все не пришлось ему встретить семью, где бы было столько дочерей. Наконец он увидал на холме белую юрту, из верхнего отверстия ее высовывалось несколько девичьих голов. Девушки пели песню. Обрадовался старик, что наконец нашел семью, в которой было много девушек, стал их считать и опечалился, он насчитал их всего девять. Однако он все-таки заехал в белую юрту. От хозяев он узнал, что у них всего десять дочерей, но что десятая дочь, Канджикей, такая красавица, что ее никогда не выпускают на божий свет. Обрадовался старик и тотчас же начал сватовство. Родители девушек сказали ему:

— Девять старших дочерей мы отдаем без калыма, но за красавицу Канджикей калым положим большой. Кто хочет взять за себя красавицу Канджикей, тот должен дать нам столько лошадей, чтобы ими можно было наполнить четыре долины и чтобы лошади были четырех различных мастей.

Старик вернулся домой опечаленный — где достать такой огромный калым? Но Итыгиль сказал, что добудет.

Он пошел на берег озера, и по его зову из воды стали выходить лошади, одна за другой. Скоро они наполнили четыре долины, в каждой долине стояли лошади одной масти.

Поехал после этого старик в белую юрту и говорит:

— Калым готов, подите и возьмите его. Со мной же отпустите всех десять девушек.

Собрались девушки ехать со своим будущим тестем. Красавица Канджикей попросила на прощанье у родителей дать ей в приданое коня Джал-Куйрука и верблюдицу, которая могла нести кладь сорока верблюдов. Провожая дочерей, мать наказала Канджикей не делать стоянки около озера. Но когда они доехали до озера, старик решил остановиться на ночлег.

Напрасно уговаривала его Канджикей последовать завету матери — он не послушался ее. Рано утром старик встал и видит, что верблюдица Канджикей стоит в самой середине озера. Он пошел, чтобы вывести ее, и тут вдруг его схватил за бороду шайтан[1] — держит и не отпускает. Начал молить его старик, а шайтан и говорит:

— Я отпущу тебя и отдам тебе верблюдицу, но ты за это отдай мне на три года сына своего Итыгиля.

[1] Шайтан — злой дух.

Как ни жалко было отцу Итыгиля, но он обещал шайтану исполнить его желание.

Вернулся старик в свой аул и устроил пир. Девять старших братьев разобрали своих невест, а Итыгиль узнал, что отец обещал отдать его шайтану на три года, загрустил и не пошел на пир. Тогда двое товарищей его пришли за ним и привели на пир. Красавица Канджикей увидела его и сказала:

— Поезжай и возврати себе свободу. Вот тебе перышко филина — зажжешь его, когда надо будет освободиться от чар шайтана. Дам я тебе и коня моего Джал-Куйрука, он пригодится тебе. Но береги его, помни, если этот конь погибнет, умрешь и ты.

Сел Итыгиль на доброго коня Джал-Куйрука и поехал к озеру. Тотчас же выскочил к нему шайтан и говорит:

— Сейчас же поезжай к Тохтамыс-хану и высватай мне его дочь.

Отправился в дальний путь Итыгиль. Долго ехал он по степи, пока не достиг кочевья Тохтамыс-хана. Рассказал он хану, зачем приехал. Хан и говорит:

— Устрою я сначала байгу [1], победишь на байге — твоей будет моя дочь.

Итыгиль пошел к верному коню своему Джал-Куйруку. Конь говорит:

— Не бойся — первым на байге окажусь я. Только свей три аркана вместе и протяни в три ряда поперек того пути, по которому мне придется бежать, чтобы мне не пробежать дальше и не убиться.

Но Итыгиль забыл слова своего верного коня и натянул аркан только в два ряда. Началась байга. Джал-Куйрук прибежал первый, но он рассек арканы, упал и расшибся. Горько заплакал Итыгиль. Однако Джал-Куйрук ожил и поднялся на ноги.

— Только ради Канджикей ожил я,— сказал он,— а не ради тебя.

Тохтамыс-хан отдал Итыгилю свою дочь.

Едут назад к шайтану Итыгиль и дочь Тохтамыса. Вдруг видят — на дороге камень, а под ним кто-то стонет. Стала упрашивать дочь Тохтамыса своего спутника:

— Не поднимай камня, не обращай внимания на стоны.

Но Итыгиль не послушался, отвалил камень. Из-под него вышел

---

[1] Байга — состязание в беге и скачке.

человек и стал благодарить Итыгиля за спасение. Это был сам шайтан. Он хотел хитростью погубить Итыгиля. Ночью, когда дочь Тохтамыс-хана расположилась на ночлег с Итыгилем, шайтан подкрался к их юрте, срезал повод Джал-Куйрука и вскочил на него. Итыгиль услыхал шум и вышел из юрты. Но тут шайтан схватил его и бросил под тот самый камень, из-под которого выпустил его Итыгиль. Итыгиль очутился в глубокой пропасти. Не знал он, как ему теперь быть. Вдруг он вспомнил про филиново перышко, которое ему дала Канджикей. Он взял и зажег его. Тотчас откуда ни возьмись явился крылатый змей. Змей велел Итыгилю сесть на себя и вынес его из подземелья. Он сказал Итыгилю:

— Я отнесу тебя туда, где теперь живет шайтан вместе с дочерью Тохтамыса.

Скоро они достигли кочевья шайтана.

Дочь Тохтамыс-хана увидала Итыгиля, обрадовалась и спрятала его в другую юрту. Итыгиль был худ и слаб, и дочь Тохтамыса потихоньку от шайтана каждый день велела резать быка. Ночью Итыгиль выходил из юрты и съедал быка. Так он набрался сил в три дня. На четвертый он тихо подкрался к юрте шайтана, срезал повод у Джал-Куйрука, который томился уже давно у шайтана, громко крикнул, схватил шайтана, связал его и бросил под камень. После этого Итыгиль забрал с собой дочь Тохтамыса и откочевал домой.

Между тем Канджикей, отправляя Итыгиля в путь, загадала: если Итыгиль умрет, то верблюдица принесет ей верблюдицу, а если он вернется домой, то у нее родится верблюжонок. Три года у верблюдицы не было никого. Вдруг в аул прибежал пастух и сказал, что у верблюдицы народился верблюжонок. Пора была ночная, но Канджикей так обрадовалась, что тотчас же побежала посмотреть, правду ли ей сказал пастух. Шла она, и встретился ей человек. Это был сам Итыгиль. Но Канджикей не узнала его. Итыгиль спросил ее, куда она идет.

— Неужели у вас нет людей — послать узнать, кого принесла верблюдица? — спросил он.

Канджикей объяснила ему, какое значение имеет это событие для нее, и поспешила дальше. Убедившись, что у верблюдицы родился верблюжонок, она в радости побежала домой. А навстречу ей уже вышли родные, чтобы известить о прибытии Итыгиля.

С тех пор Итыгиль стал кочевать своим аулом.

ЛЮБОПЫТНАЯ ЖЕНА

Мудрый Сулейман[1] знал язык животных. Как-то пришел к нему один казах и попросил научить его понимать язык животных.

— Ай, бедняга! На что тебе знать язык животных? Хорошо, я научу тебя, но услышанное от них никому не передавай. Если ты передашь кому-нибудь из людей, то погибнешь,— сказал Сулейман.

— Обещаю никому не говорить,— согласился казах.

Сулейман научил его понимать язык животных. Казах вернулся до-

[1] Мудрый Сулейман — царь Соломон.

мой. У него был вол, ишак, собака, двадцать кур и петух. На воле он пахал землю, а на ишаке возил в город продавать дрова.

Как-то раз хозяин целый день пахал землю на своем воле и лишь к вечеру вернулся домой. Ишак спросил вола:

— Как, друг, чувствуешь себя?

— Что и спрашивать,— ответил ему вол.— С утра до позднего вечера пахал землю, устал и еле дышу.

— Если так,— говорит ишак,— то я дам тебе совет: завтра утром ничего не ешь и не пей, и хозяин подумает, что ты болен. Он освободит тебя от работы.

На другой день вол притворился больным и отказался от корма. Но хозяин понял вчерашний разговор вола с ишаком и решил: «Если так, то пусть вол будет дома, а пахать я буду на ишаке».

И он с утра до позднего вечера пахал на ишаке. Когда ишак вернулся, вол спросил его:

— Ну, приятель, как ты себя чувствуешь?

— Чувствую себя хорошо, особенно не устал,— сказал ишак.

— Хозяин что-нибудь говорил обо мне? — спросил вол.

— Особенного разговора не было,— сказал ишак,— только хозяин говорил, что если и завтра ничего не будешь есть и пить, то значит ты болен серьезно и можешь околеть, и тебя нужно зарезать, пока ты не похудел от болезни.

Услыхал это вол, и сейчас же стал есть и пить. Хозяин громко расхохотался — он слышал их разговор.

— Чего ты хохочешь? — спросила жена.

— Так себе,— ответил муж.

— Неправду говоришь,— пристала к нему жена.— Ты над кем-нибудь смеешься. Скажи мне.

Чтоб отделаться от любопытной жены, хозяин сказал:

— Не спрашивай, жена. Если я скажу тебе о причине своего смеха, то погибну.

Пуще прежнего стала приставать жена к хозяину — скажи, да скажи.

— Хоть тебе за это придется погибнуть, а мне ты должен сказать правду,— потребовала жена.

Видит хозяин, что от жены просто не отделаешься, и решил объяснить ей причину смеха. Но перед этим он пошел к ручью, где гуляли

куры и петух. Хозяин решил подслушать в последний раз их разговор. Прибежала сюда и собака. Она плакала и со слезами на глазах говорила петуху:

— Ты знаешь, хозяин наш скоро погибнет.

— Ну и пусть гибнет,— сказал петух.

— Ты чего, дурак, радуешься? — сказала собака.

— Я не радуюсь, я смеюсь над глупостью хозяина,— ответил петух.— У меня двадцать кур, и я справляюсь со всеми, а мой хозяин с одной женой не может справиться.

— А что он должен сделать, чтоб жена его слушалась? — спросила собака.

— Если б он был умен,— сказал петух,— то в этом лесу вырезал бы хороший прут и наказал бы им жену.

Хозяин так и поступил: вырезал он прут да и давай жену по мягкому месту стегать. И с тех пор жена перестала любопытничать.

ЭРГОСАЙ-БАТЫР

Эргосай был такой бедняк, что в степи трудно второго такого найти. Раз пришел он к богатому соседу. В просторной юрте запах хороший. Посредине стоит большая чашка с мясом, от лапши с бараниной пар поднимается, кругом гости сидят, мясо едят и жир с пальцев облизывают.

Эргосай сел на корточки у порога и слюну глотает. Изредка бросали ему обглоданные кости, но чаще смеялись над ним.

— Зарезал бы ты, Эргосай, свою скотину!

Поглодал кости бедняк, но разве это пища для здорового человека? Злой, с пустым животом пришел он в свою юрту.

Тут как на зло в углу запищала единственная скотина — мышь.

Рассердился еще больше Эргосай, поймал мышонка и хотел убить. Но мышонок ему сказал:

— Какая польза тебе от того, что ты меня убьешь? Ведь шкура моя никуда не годится, и мясо — пища для кобчика[1], а не для человека. Лучше ты меня в советники возьми.

— Пусть будет по-твоему,— согласился Эргосай.

— Вот мой первый наказ,— сказал мышонок.— Пойди к кузнецу, закажи ему большой топор с надписью: «Славный батыр Эргосай убил этим топором триста семьдесят батыров».

---

[1] Разновидность ястреба.

Пришел Эргосай к кузнецу, заказал топор. Кузнец сковал топор и с насмешкой сказал Эргосаю:

— Эх ты, славный батыр Эргосай! Ведь тебе даже своего мышонка не убить!

Рассердился Эргосай, что его мышонком попрекают. Пришел домой с топором, на мышонка кинулся.

— Не тупи топор, не губи будущей славы, а лучше поезжай в степь на состязание батыров,— говорит мышонок.

Эргосай поехал в степь. Из аула в аул передавали весть о славном батыре.

Раз, когда он спал, к нему со стадом скота подъехали батыры. Увидели они топор с такой грозной надписью, сразу ускакали и оставили весь скот. Эргосай проснулся, забрал скот и пригнал его в свой аул. С тех пор не переводилось мясо в юрте Эргосая.

Как-то тяжело заболел мышонок. Заплакал Эргосай возле умирающего мышонка.

— Как мне теперь жить? — спросил он.

— Так же счастливо живи, не жалей угощения для певцов и музыкантов, чтобы они везде пели о твоем могуществе, тогда твоей славы хватит на всю жизнь,— сказал мышонок и умер.

Эргосай счастливо дожил до глубокой старости, и не переводились у него жирное мясо и вкусный кумыс.

КАРЫНБАЙ

Жил Карынбай в далекие времена, когда жаворонки свивали свои гнезда и выводили птенцов на спинах баранов.

Карынбай был богат. Стадам его не было счета. Верблюды, лошади, коровы и бараны Карынбая паслись на необозримых тучных лугах, охраняемые огромными злыми собаками.

Каждое утро Карынбай объезжал свои стада и кончал свой осмотр ко второй молитве, к полудню.

Карынбай не был доволен своим богатством и роптал на аллаха. Он был скуп, и все ему было мало. Своим бедным родственникам он никогда не помогал, милостыни не подавал. Напрасно люди старались поселить в его сердце сострадание. Он не хотел и слушать и говорил, что слишком беден, чтобы помогать другим.

— Вот увеличит аллах мои богатства, тогда буду помогать бедным,— говорил Карынбай.

Аллах увеличил его стада. Теперь Карынбай успевал их объезжать только к вечеру. Но все же он не был доволен своим богатством и говорил, что еще не может помогать бедным.

— Вот увеличит аллах мои богатства, тогда буду помогать бедным,— опять говорил Карынбай.

Аллах увеличил его стада. И опять Карынбай не был доволен и не помогал бедным. Тогда аллах послал к Карынбаю Жибраила, чтобы в последний раз испытать бая. Карынбай сидел в юрте, когда вошел к

нему бедный странник Жибраил и попросил у него приюта. При виде бедного путника Карынбай пришел в бешенство. Ни просьбы, ни мольбы не могли смягчить его черствого сердца, напрасно странник говорил ему, что прошел через пустынную страну, где нет ни людей, ни зверей, напрасно указывал на свое истомленное, исхудалое тело,— ничто не тронуло Карынбая.

Тогда странник ударил посохом о землю, и Карынбай вошел в нее по горло, а стада его были обращены в диких зверей. Они разбежались в разные стороны. И остался Карынбай ни с чем.

ЖИГИТ И МЫСТАН[1]

В незапамятные времена жил старик Мундыбай. У него был сын. Однажды Мундыбай пошел к колодцу, чтобы напоить скот. Велико было его удивление, когда вместо воды он увидел в колодце кровь. В то же мгновение какая-то непреодолимая сила втянула Мундыбая в колодец. Опомнившись, он увидел, что его крепко держит старая мыстан. Она хотела проглотить Мундыбая, но он взмолился:

— Дай мне еще пожить. Возьми все, что у меня есть, только оставь мне жизнь.

Мыстан подумала и сказала:

— Будешь жить, если отдашь мне своего сына.

Мундыбай согласился. Мыстан отпустила его и приказала завтра же перекочевать на другое место, а сына оставить. Возвратившись домой, Мундыбай долго не мог придумать, под каким предлогом оставить сына. Наконец у него возник хитрый план. Ранним утром Мундыбай собрал имущество и отправился вместе с сыном на новые места. Когда они расположились в соседнем урочище, сын Мундыбая решил поиграть с другими юношами в асык[2], но обнаружил, что пропали его золотая и серебряная бабки. Хитрый Мундыбай нарочно оставил бабки сына на старом месте. Он знал, что сын захочет вернуться за бабками, а там его схватит мыстан.

---

[1] Мыстан — ведьма.
[2] Асык — бабки.

Не зная коварного замысла отца, юноша спросил, какого коня ему взять, чтобы съездить за бабками.

— Возьми того коня, который первый на тебя взглянет,— ответил Мундыбай.

Юноша отправился на пастбище, где паслись отцовские кони. Первым поднял на него глаза вороной конь. Не долго думая, юноша вскочил на него и поскакал к недавно покинутым местам. Дорогой он поведал коню о своем горе. Умное животное усмехнулось и заговорило человеческим голосом:

— Впереди поважнее беда. Слушайся меня, и все будет хорошо. Когда приедем, ты увидишь, что какая-то старуха играет бабками. Ты скажешь: «Бабушка, отдайте мои бабки». Она ответит: «Возьми сам: когда сижу — встать не могу, а если встану — не сяду». Но ты не слезай с меня и скажи ей: «Если сяду на коня, то слезть не могу, а если слезу, то обратно не сяду». И тут же кричи: «Пожар, пожар!» Я тогда сделаюсь ниже травы, тише воды, подскочу с тобой к старухе, а ты нагнись, схвати бабки, и я умчу тебя домой.

Вот подъехали они к поляне, где недавно стояла юрта Мундыбая. Вместо юрты на этом месте сидела мыстан и играла двумя бабками.

Юноша, помня наказ своего друга-коня, сказал:

— Бабушка, отдай мои бабки.

Мыстан ответила:

— Когда сижу, встать не могу, а если встану — не сяду. Слезай с коня и возьми сам.

Молодой жигит ответил:

— Если сяду на коня, то слезть не могу, а если слезу — обратно не взберусь.

И стал громко кричать:

— Пожар, пожар!..

Старуха стала смотреть в ту сторону, куда указывал юноша. В этот момент черный конь сделался ниже травы, тише воды и подскочил к ведьме, а юноша схватил свои бабки, и они

ломчались прочь. Но мыстан погналась за ними. Она бросила под ноги коня свою острую косу и отрубила ему ногу. Лошадь продолжала мчаться на трех ногах. Тогда мыстан снова метнула косу и отрубила вороному все ноги. Юноше некуда было деваться. Угрожая косой, мыстан повела его. Долго они шли. Наконец пришли к огромному камню. Мыстан ударила о камень своей косой, и из камня посыпались огненные искры. Юноша внезапно очутился в подземелье. Здесь он увидел множество людей, прикованных к стенам тяжелыми цепями. Тотчас же к нему подошла мыстан и грозно сказала:

— Я хотела привязать тебя вместе с этими людьми, но передумала. Ты будешь пасти мой скот.

На подземельном пастбище паслось много коров и овец. Они рассказали юноше, что ведьма ежедневно пожирает одного человека, одну корову и одну овцу. Жалко стало юноше себя и всех узников мыстан, и он горько заплакал. Тогда подошла к нему бурая корова и сказала:

— Не плачь, жигит! Вся сила ведьмы в ее волшебной косе. Отними косу, и мыстан будет побеждена, а все мы получим свободу.

Глубоко в сердце юноши запали эти слова. Целыми днями и ночами стал он думать о том, как заполучить ведьмину косу. Однажды он пришел к мыстан и сказал:

— Бабушка, я не могу загнать одну телку. Дайте мне косу, я ее в миг загоню в хлев.

Старуха поверила ему. Взял жигит косу и побежал к своему стаду за советом: как быть дальше. Но мыстан, заподозрив недоброе, бросилась за ним вдогонку, чтобы отнять косу. Увидев погоню, жигит забрался на высокую березу. У мыстан было четыре огромных зуба. Она выдернула один из них и стала им рыть землю вокруг дерева, чтобы свалить его. В это время прилетела сорока.

— Бабушка,— сказала она,— ты устала рыть, дай я помогу тебе.

Взяв у мыстан ее зуб, сорока улетела. Ведьма рассердилась и, выдернув второй зуб, снова начала рыть землю. Тут подбегает волк и говорит:

— Дай, старая, я тебе помогу.

Взял волк второй зуб у ведьмы и убежал. Пуще прежнего рассердилась мыстан и выхватила третий зуб. Но тут к ней подбежала лиса и стала ее убеждать, что самой ей не свалить дерево. Пообещав помочь,

лиса взяла третий зуб и скрылась. Тут уж ведьма окончательно рассердилась, но только она вытащила последний свой зуб, как подкравшийся заяц схватил его и умчался.

Тогда жигит слез с дерева и взмахнул косой. Мыстан тут же умерла. А жигит собрал всех животных, птиц и пошел вместе с ними освобождать узников мыстан. Освободил их от цепей, ударил косой о стену подземелья — посыпались огненные искры, земля расступилась, и все вышли на свободу.

КАРГА-БАЙ[1]

Жил богач Тумен-бай. Однажды к его кибитке прилетел ворон и сел на ее верхушку. К потолку кибитки[2] была подвешена колбаса. Ворон схватил ее и улетел. Тумен-бай погнался за ним на коне. Ворон заметил погоню и сел на землю. Тумен-бай закричал:

— Отдай колбасу!

Тогда ворон ударился о землю, превратился в человека и проговорил:

— Эй, богач! Не отнимай у меня колбасу, отпусти меня: я еще пригожусь тебе.

Человек сообщил, что его зовут Карга-баем и что живет он очень далеко.

— Если ты будешь нуждаться в чем-нибудь,— сказал он Тумен-баю,— то приходи ко мне: я тебе помогу.

После этого Карга-бай превратился в ворона, взял колбасу и улетел.

Прошли годы, и вот в голодный год у Тумен-бая пал весь скот, и он обеднел. Вспомнил Тумен-бай о своем друге Карга-бае и решил навестить его, попросить у него богатства. Рассказал он обо всем своей жене и отправился в путь.

---

[1] Карга-бай — ворон-богач.

[2] Потолок кибитки — кибиточный круг.

Шел, шел Тумен-бай и наконец пришел к многочисленному стаду овец. Пастух спросил Тумен-бая, кто он и куда идет. Тумен-бай рассказал, что он друг богача Карга-бая и идет к нему просить богатства. Пастух выслушал и сказал:

— Меня зовут Кайбагаром. Я пасу стадо Карга-бая, который живет недалеко отсюда. Когда придешь к нему, то проси у него сундук, что лежит под изголовьем. Кроме этого сундука, ничего не бери.

Тумен-бай отправился куда указал ему пастух. Ласково принял его хозяин, хорошо угостил. Через два дня Тумен-бай засобирался домой. Карга-бай спросил у друга, что он желал бы взять у него. Тумен-бай ответил, что он взял бы сундук, который лежит на его постели в изголовье. Карга-бай отдал ему сундук с ключом. При этом он рассказал, что в сундуке содержится несметное количество разного скота, и велел другу не отмыкать сундука, пока не дойдет до дому.

Тумен-бай взял сундук, простился с Карга-баем и пошел домой. Дорогой он зашел в один аул и подошел к кибитке, возле которой играли мальчики в бабки. Тумен-бай оставил свой сундук с ключом возле играющих, попросил их посмотреть за сундуком, а сам вошел в юрту отдохнуть.

Как только ушел Тумен-бай, один из играющих мальчиков — Тазша-бала[1] — открыл сундук. Из него начал выходить разный скот. Тазша-бала сейчас же запер сундук, унес его в свою кибитку, а вместо него поставил другой, обыкновенный сундук.

Тумен-бай отдохнул, вышел из кибитки и взял этот сундук. Затем он пошел своей дорогой, не заметив обмана.

Тумен-бай пришел в свой аул и открыл сундук, но в нем ничего не было. Он разбил сундук и пошел опять к Карга-баю.

На пути к Карга-баю он опять встретил пастуха Кайбагара и рассказал ему о том, что сундук не имел никакого волшебного свойства.

Кайбагар посоветовал Тумен-баю попросить у своего друга котел-самовар. Если сказать ему: «Вари, котел, вари!», то появятся разные кушания.

Тумен-бай так и сделал — попросил у Карга-бая котел-самовар. Карга-бай дал ему этот котел, и Тумен-бай отправился домой.

Дорогой Тумен-бай опять зашел в тот аул, оставил свой котел и

---

[1] Тазша-бала — паршивый мальчик.

попросил мальчишек посмотреть за ним, но не говорить: «Вари, котел, вари!», а сам отправился в юрту напиться воды.

Тазша-бала подошел к котлу и сказал: «Вари, котел, вари!» В котле стали вариться разные кушанья. Тогда Тазша-бала взял котел-самовар, отнес его домой, а вместо него поставил обыкновенный котел. Вышел Тумен-бай, взял этот котел и пошел домой ничего не подозревая. Пришел, рассказал своей жене о чудесном свойстве котла и велел готовить обед, но не класть в котел ничего, а только сказать: «Вари, котел, вари!». Жена так и сделала, но в котле ничего не варилось.

Осерчал Тумен-бай, разбил котел и снова, в третий раз, пошел к Карга-баю.

Опять Кайбагар выслушал рассказ Тумен-бая и посоветовал ему попросить у своего друга волшебную колотушку[1].

Так Тумен-бай и сделал: выпросил у Карга-бая колотушку и отправился домой.

На обратном пути он опять зашел в тот аул, остановился у одной кибитки отдохнуть, а колотушку положил возле себя. К нему подбежали мальчишки. Тумен-бай сказал им:

— Не трогайте колотушку и не говорите ей: «Бей, колотушка!»

Как только Тумен-бай уснул, Тазша-бала сказал колотушке:

— Бей, колотушка!

Колотушка начала прыгать и бить Тазша-балу по голове, по спине, по ногам. Как ни старался он избежать ударов колотушки, но не мог. Тогда Тазша-бала разбудил Тумен-бая и сказал ему:

— Я у тебя взял волшебный сундук и котел, но сейчас же их верну, если ты остановишь свою колотушку.

Тумен-бай остановил колотушку, взял у Тазша-балы сундук, котел и пошел домой. Когда пришел домой, то открыл сундук, и из него вышло бесчисленное множество скота. Жена Тумен-бая стала приготовлять в котле-самоваре разные кушания, а колотушка служила защитой от врагов.

---

[1] Колотушки употребляются казахами при устройстве кибитки.

ЧУДЕСНЫЙ НОЖ

У Ирджана было два сына — Акылбек и Нуркала. Перед смертью отец стал делить свое наследство — скот.

— Мне ничего не нужно,— сказал Нуркала,— отдай только вот этот нож, что в золотой оправе, который ты всегда берег, отец!

Отдал Нуркале Ирджан свой нож, а старшему сыну — скот. Когда отец умер, Акылбек выгнал брата из дому. И пошел Нуркала странствовать по белу свету. Вскоре приютил его один добрый казах Сусанбай, который жил с женой Ирисгюль. Нуркала стал с ними жить, помогая им в хозяйстве.

Сусанбай был старый, детей у него не было, и он с женой своей Ирисгюль полюбил Нуркалу, как сына родного.

Однажды ночью Нуркала спал на открытом воздухе, в степи. И во сне увидел две полные луны. Утром он обратился к Сусанбаю за разъяснением этого сна. Сусанбай ответил ему, что одна луна всегда была, а вот другая луна — это дочь хана.

И стал с этих пор Нуркала думать о ханской дочери: ни ест, ни пьет, решил он жениться на ней.

— Иди к хану,— сказал он Сусанбаю,— и высватай за меня его дочь.

— Что ты, да разве хан отдаст за тебя Ай-Ханым? — сказал Сусанбай.

Нуркала и слушать не хотел: «Хочу на ханской дочери жениться» — да и только.

И пошел Сусанбай в ханский аул сватать Ай-Ханым за Нуркалу, а у самого ноги дрожат, зуб на зуб не попадает.

Хан стоял возле своей юрты, когда к нему подъехал Сусанбай. Поклонился Сусанбай баю до земли и рассказал, зачем он приехал. Нахмурился хан:

— Считал я старых людей всегда умными. Есть у тебя, старый дурак, жена и дети?

— Жена-то есть — Ирисгюль, а детей все время не было и нет; вместо сына я и взял к себе Нуркалу.

— Так, старый дурак, не забудь это: пусть твой Нуркала завтра же на той вон горе поставит золотой дворец, а если не поставит, тебе, ему и жене твоей Ирисгюль будет конец.

Хан ушел в юрту и лег в подушки. Больше со стариком Сусанбаем не стал разговаривать.

Опечалился старик Сусанбай и, понуря седую голову, тихо поехал домой.

— Пропали мы, Ирисгюль,— сказал он жене.— Ездил я к хану сватать его дочь за нашего Нуркалу, и велел хан построить в одну ночь золотой дворец на горе, которая видна из ханской кибитки.

Заплакала старуха:

— Жили столько времени и беды не знали, а вот, поди ты, надо же такому греху случиться.

Нуркала ничего не знал, его не было дома: он у колодцев скот поил; пришел в кибитку и видит: убиваются старики. Рассказал ему Сусанбай о их беде, а Нуркала засмеялся и говорит:

— Задача нетрудная, к утру построю дворец.

Вышел он из кибитки, оседлал коня и поехал к горе. Там он в глубокую полночь бросил отцовский нож на землю, и вдруг появился золотой дворец.

Вышел утром хан, смотрит и глазам своим не верит — на солнце так и сияет роскошный дворец Нуркалы, отливая золотом. Хан послал жигитов узнать, что это за чудо такое на вершине горы. Вернулись жигиты, про дворец говорят, какой он неописуемой красоты: таких в свете не было.

— Видно, судьба твоя, Ай-Ханым,— сказал хан, обращаясь к дочери,— выйти замуж за Нуркалу.

Начались свадебные пиры. Сусанбай с женою были почетными гостями. По аулу раздавались песни — это молодежь веселилась. А после свадебного празднества молодые поселились в золотом дворце.

РОГАТЫЙ ХАН

У Искандер-хана были на голове рога, но никто этого не знал. Узнавал об этом только тот, кто брил хана. А чтобы он не смог рассказать другим, хан после бритья рубил ему голову. Дошла очередь брить хана его любимцу. Жаль Искандеру казнить его, вот он и говорит:

— Вот ты теперь знаешь, что у меня есть рога, но никому не рассказывай об этом. Но человек не может держать тайну, и тебя будет тянуть рассказать кому-нибудь об этом. Когда ты не сможешь больше терпеть, пойди к колодцу, наклонись и крикни три раза: «А у Искандер-хана есть рога!» Как прокричишь, так у тебя отляжет от сердца, и ты опять сможешь молчать.

Ханский любимец обещал хранить тайну. Когда стало ему невмоготу, он пошел к колодцу и прокричал три раза:

— А у Искандер-хана есть рога!..

Колодец в это время был без воды, и в нем сидел преступник. Раньше сажали преступников в пустые колодцы. Ханский любимец прокричал и ушел. Преступник слышал это и запомнил.

Как-то мимо колодца шел караван. Люди решили достать воды из колодца. Спустили в колодец веревку с черпаком, но воды там не оказалось. А вместе с черпаком вылез преступник и рассказал, что у Искандер-хана есть рога. Все узнали об этом от проезжих. Весть дошла и до хана. Как только он узнал, что люди знают про его рога, сразу умер.

ХРАБРЫЙ АДА

Давным-давно жил один бедняк, всю жизнь он трудился изо всех сил, а ничего не скопил. Родился у него сын, красивый, умный, смышленый такой, по имени Ада. Все люди говорили, что это прямо счастливая звезда. Слава о нем разносилась все дальше и дальше. Одни говорили, что хану придется выдать за него самую красивую из своих дочерей, другие еще добавляли, что исполнится Аде восемнадцать лет,— так вот посмотрите! — он сам возьмет себе в жены ханскую дочь.

Как-то хан решил объехать ханство, посмотреть, что творится на свете. Переоделся в простое платье и поехал. Приехал он в ту деревню, где жил Ада, и спрашивает крестьян, что нового. Кто-то и скажи ему:

— У нас здесь в одном доме мальчик родился, так вот все говорят: исполнится ему восемнадцать лет, женится он на самой красивой из ханских дочерей.

Услышал хан эти слова, запечалился. Подумал он, подумал и решил дать самую высокую цену, лишь бы купить мальчика. Отец Ады сперва не соглашался, тогда хан стал по-всякому уговаривать его, что ведь в доме и нищета страшная, и прокормить-то ребенка нечем, и уговорил-таки бедняка продать сына.

Взял хан мальчика, тотчас же велел стражникам положить его в деревянный ящик, забить, поставить на коня и ехать. Проехали они безбрежную степь, проехали и бескрайнюю пустыню, подошли к большой реке, и велел тут хан своим стражникам сбросить ящик в реку. Посмот-

рел хан, как тонет ящик в волнах, и подумал: «Посмотрю я теперь, как ты сможешь жениться на моей дочери!» Громко расхохотался он и, довольный, отправился домой.

Ада в ящике качался на волнах то вверх, то вниз, и — странно! — ящик не шел ко дну, словно снизу кто-то поддерживал его. Плыл и плыл ящик и остановился перед мельницей у берега реки. Мельник в этот день шел по берегу, увидел ящик, давай звать старуху, чтоб вместе выловить. Сперва они думали, что в ящике какие-нибудь ценные вещи, а когда открыли, видят — пухленький, толстенький мальчик, брови черные, очи светлые, сидит внутри и улыбается им. А у мельника как раз не было детей. «Разве это не небо подарило нам его?» — подумали старики и стали воспитывать мальчика, как родного сына.

Дни сменялись, словно капли дождя; месяцы мчались, словно кони; годы текли, как вода. Вот уже прожил Ада в доме у мельника восемнадцать лет. Вырос он красивым, словно карагач, кто не взглянет, всяк порадуется.

Мельница стояла в десяти с небольшим ли[1] от ханского дворца. Однажды отправился хан объезжать свои владения, подъехал случайно к воротам мельницы, увидел Аду. «Такой красивый юноша! Неужели это в самом деле сын старика-мельника?»,— подумал он и принялся расспрашивать того.

Мельник рассказал всю правду, как восемнадцать лет назад приплыл деревянный ящик, как сидел в ящике мальчик, как они приютили и вырастили его, как все любят юношу, как он умеет трудиться, какой он умный.

— Вы так внимательны к нему, наверное, он тоже понравился вам? — спросил мельник.

Подумал хан, подумал и сказал:

— Сын воистину хорош, не можешь ли велеть ему отнести письмо моей жене?

— Жду мудрых указаний у ваших ног,— ответил мельник.

Хану уже ясно было, что юноша и есть тот, которого он восемнадцать лет назад сбросил с моста в реку. Чем больше он думал об этом, тем больше расстраивался. А ведь ему еще предстояло объехать другие места, и он написал жене: «Когда этот человек придет, немедленно убей-

[1] Ли — китайская мера длины, около половины километра.

те его. А все остальные дела пусть подождут моего возвращения во дворец».

Ада взял письмо и отправился в путь. Шел он, шел, прошел много полей и деревень, уже стемнело, а дворца все еще не было видно, и он понял, что заблудился. Стало совсем темно, идти дальше было нельзя, и оставалось только дойти до видневшейся впереди маленькой деревушки и попроситься на ночлег. Вошел он в деревню — нигде ни души, только одну старушку нашел. Посмотрела старушка на него, очень удивилась и спросила:

— Ты зачем сюда пришел? Ты куда идешь?

— Я несу жене хана письмо, да вот потерял дорогу, не знаю, как идти дальше, разрешите мне переночевать у вас. Я буду вам необычайно благодарен,— сказал ей Ада.

— Не выйдет, это пристанище разбойников. Они сейчас должны вернуться. Они не отпустят тебя, если увидят.

Ада до смерти устал, и ему было все равно. Он объяснил старушке, что у него нет никаких дорогих вещей и ему нечего бояться разбойников, и снова стал проситься переночевать. Он положил письмо на стол, улегся и тотчас же захрапел. И старушке ничего не оставалось, как махнуть на него рукой.

В полночь у ворот послышался шум, вернулись разбойники. Ада спал и ничего не слышал. Разбойники вошли в дом, увидели юношу и спросили у старушки:

— Что это за человек?

Старушка рассказала им все как было. Увидел тут атаман на столе письмо, схватил и открыл его. Взглянул и видит: хан безо всякой причины хочет убить человека. Разозлился атаман страшно, изорвал письмо в мелкие клочки, взял кисть и написал другое письмо: «Когда придет этот человек, немедленно выдай за него самую красивую из наших дочерей. А все остальные дела пусть подождут моего возвращения во дворец».

Ада проспал всю ночь, так ничего и не зная. Поднялся утром, посмотрел, видит — дома все только та же старушка, и письмо так же лежит на столе. Взял он его и отправился искать дорогу во дворец.

Прочла жена письмо, видит: Ада такой красивый да статный, радостно стало у нее на сердце, тотчас велела она устроить пышную свадьбу.

Прошло полмесяца, и вот вернулся хан. Увидел, что Ада женился

на самой красивой его дочери, и разгневался необычайно. Он поклялся, что его дочь никогда не будет принадлежать сыну бедняка, и сказал:

— Моя дочь может принадлежать лишь тому, кто сможет достичь страны великанов и принести три золотых волоса с головы их князя.

— Я непременно добуду их,— сказал Ада.

Распрощался он с женой и отправился в путь.

Ада прошел всю бескрайнюю степь, прошел большую пустыню и достиг одного города. Он хотел было идти дальше, но стражники, охранявшие город, задержали его и стали расспрашивать, что он за человек, зачем идет, да еще спросили, может ли он ответить на вопросы жителей города.

Ада рассказал стражникам о своем деле и добавил:

— Я могу ответить на ваши вопросы.

— Правда? — удивились стражники.— Тогда ты и есть тот человек, которого мы ждали. Объясни нам, пожалуйста, вот что: в этом городе есть парк, а в парке фонтан, прежде из него била струя воды, прекрасная, как серебро, а сейчас все пересохло, нет больше воды, в чем дело? Вот если ты найдешь причину, мы будем очень тебе благодарны.

— Я могу отыскать причину, только подождите, вернусь обратно и скажу вам,— спокойно ответил Ада.

Стражники пропустили его, и он продолжал свой путь вперед.

Он перевалил через высокую гору, перебрался через большую реку, и опять подошел к огромному городу. И вновь остановили его стражники и спросили, что он за человек, зачем идет и не может ли ответить на вопросы жителей города.

Ада рассказал стражникам о своем деле и добавил:

— Я могу ответить на ваши вопросы.

— Правда? — удивились стражники.— Тогда ты и есть тот человек, которого мы ждали. Объясни нам, пожалуйста, вот что: в этом городе есть дерево, на котором росли золотые яблоки. Прежде дерево пышно цвело и каждый год давало бесчисленное количество яблок, а сейчас оно завяло, не зреют уже золотые яблоки, листочка и то нет, в чем же дело? Если ты отыщешь причину, мы будем очень благодарны тебе.

— Я могу отыскать причину, подождите вот только — вернусь обратно и скажу вам.

Стражники пропустили его, и он продолжал свой путь вперед. Ада все шел и шел, он прошел уже семьдесят семь степей, пересек семьдесят

семь пустынь, переправился через семьдесят семь рек, побывал в семидесяти семи городах и под конец подошел к озеру Босытэн, через которое шла дорога в страну князя великанов. На берегу озера он повстречал перевозчика. Перевозчик спросил его, что он за человек, зачем идет и не может ли ответить на его вопрос.

Ада рассказал перевозчику о своем деле и добавил:

— Я могу ответить на твой вопрос.

— Правда? — удивился перевозчик.— Тогда ты и есть тот человек, которого я ждал. Я уже несколько десятков лет гоняю по озеру свою лодку. А сейчас я уже стар, вся голова побелела, пора отдохнуть, почему же никто не приходит сменить меня? Неужели же мне вечно тут держать перевоз?

Подумал Ада, подумал и сказал:

— Я могу ответить тебе, подожди только, вот вернусь обратно на этот берег и скажу.

И перевозчик перевез Аду через озеро Босытэн. Пробрался юноша через густые-прегустые заросли колючего терновника и оказался у дома князя великанов. Князя как раз в это время не оказалось дома, была только его старая бабушка, сидевшая в очках на вертящемся стуле.

Увидела старушка, что пришел красивый и стройный юноша, и приветливо спросила его:

— Зачем ты пришел?

Ада поклонился старушке и сказал:

— Бабушка, я перешел через тысячи гор и десятки тысяч рек, износил много туфель и носков, чтобы добыть три золотых волоса с головы князя великанов.

Посмотрела старушка на пыль на одежде юноши, на колючки в его волосах, жалко ей его стало:

— Ты перенес столько трудностей,— сказала она,— подожди, вернется князь, и я придумаю, как помочь тебе.

— Вот спасибо тебе, бабушка, только я еще хочу знать три вещи: почему засох фонтан, почему завяла золотая яблоня и почему никто не приходит сменить старого перевозчика?

— Хорошо, вот вернется князь, и я спрошу его, а ты внимательно слушай,— сказала старушка.

Затем она превратила Аду в муравья и спрятала у себя в рукаве.

Прошло немного времени, солнце опустилось за горы, вдруг подул сильный ветер — это возвращался князь великанов.

Вернулся великан, заворчал:

— Не дело! Что это здесь человечьим духом пахнет! — и стал рыскать по сторонам.

— Ты с ума сошел,— принялась ругать его старуха,— ведь я стерегла дом, как же мог пробраться в него чужой человек? Только я убрала, ты опять все вещи поразбросал.

Увидел великан, что бабушка огорчилась, и бросил искать, повалился на кровать, положил руки под голову и захрапел так, словно гром загремел.

Бабушка прижала к себе его голову и тоже притворилась спящей.

Прошла секунда, прошла минута, прошел час. Старушка ухватила золотой волос великана, дернула его, и волос упал вниз.

— А-а! Бабушка, что ты делаешь? — князь великанов проснулся от боли.

— Ай-я! Мне приснился сон, мне стало страшно, вот я и схватилась за твои волосы. Я видела город, раньше там бил фонтан с серебристой водой, а теперь вдруг высох, почему бы это?

— Если бы жители узнали причину этого, они бы умерли от радости! Это все потому, что на дне фонтана сидит жаба. Если убить ее, фонтан снова забьет серебристой водой,— сказал великан и захрапел так, словно загрохотал гром.

Прошла секунда, прошла минута, прошел час. Старушка опять ухватилась за золотой волос великана, дернула, и он упал вниз.

— А-а! Бабушка, что ты делаешь! — князь великанов вновь проснулся от боли.

— Ай-я! Мне опять приснился сон, стало страшно, вот я и схватилась за твои волосы. Я видела город, раньше там была яблоня с золотыми плодами, вся зеленая от листьев, каждый год, бывало, на ней созревало много золотых яблок, а теперь она совсем завяла. Почему бы это?

— Если бы жители узнали причину этого, они бы умерли от радости! Это все потому, что корни дерева грызет мышь. Если убить ее, дерево снова будет давать золотые плоды,— проговорил великан и захрапел так, словно загремел гром.

Прошла секунда, прошла минута, прошел час. Старушка опять ухватилась за золотой волос великана, дернула, и он упал вниз.

— А-а! — великан аж подскочил от боли.

— Какой-то странный сон! Я видела перевозчика, который держит переправу на озере Босытэн уже несколько десятков лет. Вся голова у него побелела, почему же никто не приходит сменить его?

— Ему надо передать рулевое весло человеку в красной одежде и быстро уйти, тогда он сможет отдохнуть на берегу! — проворчал великан.

Так прошла ночь. На другой день подул сильный ветер, и князь великанов опять ушел. Старушка велела Аде вылезти из ее рукава, вернула ему прежний вид, отдала ему три золотых волоса и проводила его.

День шел Ада, другой; месяц шел, другой; почти год шел Ада.

Подошел к озеру Босытэн, вышел на берег и сказал перевозчику, чтобы тот дождался человека в красном и отдал ему рулевое весло. Старик поблагодарил его и радостно проводил в дальнейший путь. Ада подошел к городу с высохшей яблоней и сказал стражникам, чтобы они убили живущую под деревом мышь. Стражники так и сделали, и вскоре на дереве вновь появились почки, распустились листья, зацвели цветы и завязались золотые яблоки. Горожане подарили Аде много дорогих подарков и проводили в далекий путь.

Ада подошел к городу с высохшим фонтаном и сказал стражникам, чтобы они убили жабу, которая живет на дне фонтана. Стражники так и сделали, и вскоре фонтан вновь забил серебристой струей. Жители подарили Аде прекрасную повозку и красивого коня и проводили его в далекий путь.

Ада вернулся во дворец, передал хану три золотых волоса. Радости ханской дочери не было предела, а хану и сказать-то нечего.

Потом Ада поведал хану, что у озера Босытэн есть удивительное сокровище, только хан должен обязательно идти за ним сам, да еще в красной одежде. Услышал это хан, тотчас же надел красный халат и отправился к озеру.

Увидел старый перевозчик издали, что пришел человек в красном, обрадовался, подождал, пока он подойдет к нему, и быстро сунул ему в руки рулевое весло. Хотел было хан оторвать руку от весла, да не тут-то было, так с этих пор хан вечно и возит людей через озеро Босытэн.

ХАН И БАУРСАКИ

У Искандер-хана были рога. Никто об этом не знал, кроме тех, кто брил его, но хан не выпускал их живыми от себя — казнил.

Пришла очередь брить хана сыну одной старушки. Она дала сыну баурсаков[1], которые сделала на масле, добытом из своего молока. Старушка рассказала об этом сыну и велела их есть во время бритья.

Вот сын пришел к хану и стал его брить. Во время бритья он ел баурсаки. Хан заметил это и спросил, что он ест, попросил дать и ему. Тот дал хану. Искандер-хан съел несколько штук, баурсаки ему понравились. Старухин сын рассказал хану, как были сделаны баурсаки. Искандер-хан сказал бривше му, что теперь они молочные братья, и не казнил его.

---

[1] Баурсаки — колобки из теста, жаренные на масле или на сале.

АЛЕУКО-БАТЫР

У Алеке был сын. Звали его Алеуко. Однажды он увидел во сне дочь хана и влюбился в нее. Алеуко решил разыскать ее. Пробрался он к девице, усыпил сторожей, переставил свечи, которые стояли в головах. Девица проснулась, увидела, что свечи переставлены, и приказала казнить сторожей, а на их место назначить новых. Но и этих Алеуко усыпил и переставил свечи. Девица увидела Алеуко и влюбилась в него. Она стала просить своего отца выдать ее за Алеуко. Но хан не согласился: человек черной кожи не может быть мужем его дочери. Но Алеуко не отступил от своего: он попросил отца высватать ему дочь хана. И тогда отец Алеуко пришел к хану и запел:

Ты железо, ты железо, а я уголь.
Я пришел расплавить железо.
Я пришел соединить детей взрослых.

Услышала ханская дочь и запела в ответ отцу Алеуко:

Моя яблочная шея утомилась, молодец.
На моей спине появился нарыв, молодец.
Убегай в горы, молодец!
Слепой Карьке догоняет, молодец...

Опять запел отец Алеуко:

Твоя яблочная шея утомилась, моя дорогая!
На твоей спине сделалась ссадина, моя дорогая!

В горы беги, моя дорогая!
Я не уйду, не сразившись с Карьке!

Хан не согласился выдать дочь за Алеуко. Но дочь не желала идти за другого. Тогда хан сказал:

— Пусть Алеке наполнит скотом все мои летовки, зимовки и осеневки. Если выполнит он это, то я выдам свою дочь за его сына.

Алеке выполнил желание хана. В это время Алеуко был в походе, и хан воспользовался этим и откочевал в другое место. Когда Алеуко вернулся, то не застал хана. Отправился жигит разыскивать свою любимую. Вот он доехал до большого моря, переправился на другой берег. Там он нашел хана, который собирался выдать свою дочь за слепого великана Карьке, и готовил свадьбу. Пришло время праздничных состязаний. Стали бороться. Вышел брат слепого великана. Никто его не смог осилить. Тогда Алеуко превратился в Тазша-балу и попросил разрешения бороться с великаном. Над ним стали смеяться. Но Алеуко взял брата Карьке за руку, ударил его о землю — разбился великан вдребезги. Тогда вышел сам Карьке. Тазша-бала сказал хану, что будет драться с Карьке лишь в том случае, если хан отдаст дочь за победителя. Хан не согласился, и борьба не состоялась.

Началась байга. Тазша-бала выехал на жеребенке. Сидевшие на бегунцах стали над ним смеяться. Они уехали вперед, а Тазша-бала остался позади. Когда они были на половине пути, он обратил своего жеребенка в его настоящий вид — в хорошего скакуна и обогнал своих соперников. Ханская дочь пошла посмотреть на победителя и заметила на руке Тазша-балы свой перстень. По этому перстню она узнала Алеуко и договорилась с ним бежать от отца. Ханская дочь была волшебница: она посадила Алеуко себе на спину и полетела. Слепой Карьке заметил это и погнался за ними. Тогда девица запела:

Больно моей спине,
Я устала.

Алеуко ответил ей:

Если ты устала, то остановись!
Я буду биться с ним...

Она остановилась, и великан догнал их. Алеуко сказал великану, что первым должен стрелять он, Алеуко, потому что является первым жени-

хом красавицы: он первый высватал ханскую дочь. Карьке согласился. Алеуко выстрелил в грудь противника и убил его. Со своей возлюбленной Алеуко возвратился к хану. Тот был вынужден отдать за него дочь. Навьючил хан на восемьдесят верблюдов разного добра и отпустил молодых. Алеуко со своей женой уехал в родной аул.

АБИ И ТАБИ

Жили два брата. Старшего звали Аби, а младшего — Таби. Однажды братья заблудились и вышли к камню, на котором было написано: «Если вправо пойдешь, то обязательно придешь—барса келер, а если влево пойдешь, то барса кельмес, то есть, не придешь». Заспорили братья: кому идти по счастливой дороге. Спорили, спорили и порешили: идти по дороге барса келер старшему брату. Пошел старший брат по дороге, что вправо шла, и пришел в город. Здесь он зашел к одному бездетному, рассказал ему, что заблудился. Человек этот усыновил его. И стал старший брат торговать. Вскоре он разбогател, женился на дочери бая, получил большое наследство.

Младший брат, что пошел по дороге барса кельмес, попал к старику, у которого и богатства-то — старуха да пять коз. Старик заставил Таби коз пасти.

Идет он однажды со своими козами по степи и видит — на небе два солнца: одно из них всходит и заходит, а другое и не закатывается. Вернулся он домой, спрашивает стариков: что это значит? Но те молчат и ему наказывают молчать, а утром в его тюсеке[1] нашли пятьдесят золотых. Таби решил оставить стариков, но они не отпустили его.

На следующий день младший брат увидел в степи белую юрту. Опять спросил стариков, но те молчат и ему наказывают молчать, а ут-

[1] Тюсек — матрац из войлока, обшитый материей.

ром в его тюсеке нашли еще пятьдесят золотых. Таби решил оставить стариков, но они не отпустили его.

Но вот и в третий раз Таби увидел в степи незаходящее солнце и белую юрту. Спросил стариков: что это значит? Но они молчат и ему наказывают молчать, а утром в его тюсеке нашли еще пятьдесят золотых. Таби решил оставить стариков, и на этот раз они отпустили его. Переоделся Таби в одежду Тазша-балы и пошел в тот город, где жила красавица, которой никто не нравился.

Пришел Таби к дому красавицы и просидел у дверей до позднего вечера. Красавица заметила его и решила, что это и есть ее жених. Стал Тазша-бала жить с красавицей. Но вскоре наскучила ему эта праздная жизнь. Ушел он из города.

Долго шел Таби по степи, утомился и решил отдохнуть. Сел он и видит — сидят два жаворонка и разговаривают между собой: «Недалеко отсюда, где родник Шик-бермес,[1] стоит карагач. Возле него лежит волшебная палка. Кто найдет ее, тот сможет людей превращать в животных». Проговорили так они и улетели.

Нашел Таби волшебную палку. Вспомнил хана своего и его коварных визирей. Решил он проучить их. Вернулся Таби в родные места и прямо к хану зашел. Сидит хан в юрте своей, а возле него приближенные. Дотронулся Таби до них палкой своей — и превратились визири в кобыл, а хан жеребцом стал.

И зажил народ легко и свободно, а ханом своим избрал Таби.

---

[1] Шик-бермес — не дающий ни капли воды, высохший родник.

КЕНДЕБАЙ НА КОНЕ КЕР ГУЛА

В далекие времена, когда хвосты коз были короткими, в ущелье Кара-Тау жил бедняк со своей женой. Звали его Казангап. Сам он промышлял соколиной охотой и рыболовством, а жена пряла шерсть, плела сети, латала старье. Этим они и добывали себе средства для жизни.

Бежали дни, катились годы, и вот жена Казангапа стала тяжелой, а через девять месяцев родила беленького пухленького сына. Обрадовались отец и мать, почувствовали, что стали сильными. Нарекли они сына Кендебаем.

Растет Кендебай не по месяцам, а по дням. Через шесть дней он уже смеялся, через шесть месяцев пошел, а через шесть лет он стал настоящим жигитом. И был он такой сильный, что побеждал каждого, кто вступал с ним в схватку, а кто пробовал бороться с ним, того он клал на обе лопатки. Провалится, бывало, незадачливый верблюд в колодец, Кендебай схватит его за ноги и без труда вытащит. Подрос он и стал с отцом ходить на охоту, а скоро и один отправлялся охотиться на зебр. Прослыл он самым метким стрелком, потому что попадал стрелой в глаз быстроногой сайги. Штабелями складывал он убитых архаров и коз, зебр и косулей. Бедняцкие семьи, жившие по берегам Кара-су, всегда обращались к Кендебаю за помощью. И всегда он помогал им.

Однажды Кендебай охотился в горах Кара-Тау. В глубоком ущелье паслись лошади. Вдруг он увидел, как на одну жеребую кобылу бросился волк. Кендебай спрыгнул с коня, подбежал к волку, схватил его за хвост,

приподнял и стал крутить волка вокруг себя, потом размахнулся и изо всей силы ударил его о скалу. Волк тявкнул и испустил дух. Кендебай снял с него шкуру и подошел к кобыле. Кобыла в муках умирала, а в животе ее бился жеребенок. Жалко стало Кендебаю жеребенка, и он, не долго думая, вынул из ножен булатный нож, вспорол кобыле живот и вытащил жеребенка. Жеребенок оказался необычайно крупным. Кендебай привез его домой и стал ухаживать за ним — чистил его, поил молоком зебры.

Не по дням, а по часам рос жеребенок, и через шесть месяцев превратился в настоящего коня длиной в шесть аршин. Назвали его по масти — Кергула.

Кендебай приучил Кергулу к верховой езде и стал ездить на охоту. Скоро Кергула стал самым быстроногим скакуном в округе — никто не мог его догнать, никто от него не мог уйти, а еще он мог зубами схватить на лету птицу. А хозяин его вмиг догонял на нем и хватал за хвост диких коней и зебр.

Кендебай был добрым юношей. Он всегда утешал тех, кто плакал, помогал бедным, отдавал им все свое добро. Всюду он появлялся на своем коне, и люди стали звать его не иначе как Кендебай на коне Кергула. Далеко вокруг разнеслась слава о доброте Кендебая.

Однажды Кендебай, охотясь, удалился далеко от родных мест. В одном урочище он увидел мальчика. Мальчик горько плакал. Рядом паслись ягнята. Подъехал к нему Кендебай, спросил:

— Кто тебя обидел, бала? Почему в глазах твоих слезы, а на душе тоска?

Мальчик был одет в лохмотья, вся его голова была в чесотке, но он бойко ответил:

— Потерял я мать — потерял я счастье, лишился я отца — лишился я опоры.

И мальчик опять горько заплакал.

— Говори яснее,— сказал Кендебай.— Что случилось?

Мальчик перестал плакать, вытер глаза, вздохнул тяжело и стал рассказывать.

— Сейчас мне шесть лет. А когда было два года, враги напали на наши аулы, разорили и угнали всех коней. Отец мой был батыром. Мергенбаем его звали. Спал он всегда богатырским сном, как и подобает батыру. В то время, как раз после долгого похода, отец спал шесть су-

ток подряд. И вот спящего отца враги связали и забрали в плен. Мать моя бросилась выручать отца. Жестокий и неумолимый враг схватил ее и тоже увез. Я остался круглой сиротой и пошел к баю Таскара пасти его ягнят. И вот все мои одежды порвались, сам я похудел, губы мои потрескались, голову покрыла чесотка. Поэтому в глазах у меня слезы, в душе — тоска и горе. Я горюю по отцу и матери, а мой хозяин — бай горюет по табунам коней, которых угнали враги.

— Успокойся, юный друг,— говорит Кендебай, я разыщу твоих родителей.

Мальчик обрадовался и пригласил Кендебая пожить здесь, вместе с чабанами, два-три дня.

Кендебай согласился и поехал к шалашу чабанов. А мальчик остался пасти ягнят.

Кендебай подстрелил зебру, ободрал ее и стал готовить обед. Вечером пришли чабаны, но мальчика с ними не было. Кендебай ждал его, не смыкая глаз. Поздно ночью пришел мальчик, усталый, голодный.

— Почему ты так поздно возвратился? — спросил Кендебай.

— В аул ходил,— ответил мальчик. И лег спать.

Утром юный чабан встал вместе со всеми и, веселый, погнал на пастбище своих ягнят. Вечером мальчик опять не пришел вместе со всеми. Кендебай поехал искать и нашел его в степи. Мальчик лежал без памяти. Когда он пришел в себя, Кендебай спросил его, что случилось. Мальчик молчал. Кендебай рассердился, тогда мальчик рассказал:

— Вчера и сегодня вечерами прилетали шесть лебедей и кружили надо мной. Они громко кричали и спрашивали:

Здесь ли небезызвестный Кендебай-сал,
Чей верный конь Кергула на привязи не дремал,
На скаку развевал ветер гриву коня,
Раздувались и клешни у тебя.

Я им ответил:

Кендебай-сал — это я, что таить,
Мой верный конь Кергула на привязи не стоит,
На скаку развевает ветер гриву коня,
Раздуваются и клешни у меня.

Тогда лебеди спустились на землю и стали бить меня крыльями. Я упал и потерял сознание.

На следующий день Кендебай переоделся в одежду мальчика и пошел вместо него пасти ягнят.

Как только стало смеркаться, прилетели шесть лебедей. Они сделали шесть кругов над головой Кендебая, опускаясь все ниже и ниже. Затем подали голос:

Здесь ли небезызвестный Кендебай-сал,
Чей верный конь Кергула на привязи не дремал.
На скаку развевал ветер гриву коня,
Раздувались и клешни у тебя.

Голосом юного чабана Кендебай ответил:

Кендебай-сал — это я, что таить.
Мой верный конь Кергула на привязи не стоит.
На скаку развевает ветер гриву коня,
Раздуваются и клешни у меня.

Лебеди опустились на землю и стали бить Кендебая крыльями. Кендебай стал ловить их. Испугавшись, лебеди взлетели. Одну из них Кендебай успел схватить за ноги, но не удержал, птица вырвалась, а в руках у Кендебая остался кебис[1]. Кендебай еще несколько дней подряд ходил пасти ягнят в надежде, что лебеди прилетят еще. Но они больше не прилетали, и Кендебай, распрощавшись с чабанами, вернулся домой. Он на целый год заготовил мяса для отца и матери, затем надел свои богатырские доспехи и отправился на поиски родителей юного чабана.

Конь Кергула вихрем понесся вперед. Шестимесячную дорогу он покрывал за шесть прыжков. Птицы не успевали подняться в воздух — Кергула перешагивал их. Мимо всадника сплошной цепью неслись назад горы, озера, леса, болота, равнины. Так летел Кендебай днем и ночью. Летел неделю, летел месяц. И вот впереди показалась высокая гора, вершина которой уходила в небо. У подножия этой горы Кергула заговорил человеческим языком.

— Мой друг Кендебай, то, что ты ищешь, теперь недалеко. За этой горой будет широкая река. Посредине реки стоит остров. На острове живет хан дьяволов. Шесть лебедей, которые прилетали к тебе тогда,— это дочери хана. Кебис, который ты прячешь под мышкой, оставила младшая дочь этого хана. Родители юного чабана тоже здесь. Они сидят в глубо-

[1] Кебис — женская обувь.

ком зиндане. Двери в зиндан заперты на замок. Ключ от этого замка лежит на дне моря, куда стекаются шестьдесят рек. Человеку не под силу добраться до дна. На том склоне горы встретишь высокого рослого мужчину, который будет пасти коров. Он тоже пленник хана, превращенный в раба. Ты подойди к нему, дай ценности и поменяйся одеждами. Затем отпусти его на волю, а сам оставайся пасти коров. Сейчас вырви у меня из хвоста один волосок и отпусти меня. Вооружение свое оставь на мне. Пока ни я, ни твои вооружения тебе не нужны. Когда я понадоблюсь, зажги волосок.

Кендебай вырвал из хвоста коня волосинку и пошел искать пастуха. Пастух с радостью поменялся с Кендебаем одеждой, взял драгоценности и пошел восвояси. Кендебай остался пасти коров.

Наступил вечер. Коровы сами пошли по направлению к острову, но на пути была речка, и коровы остановились. Как ни кричал Кендебай на коров, чтобы они шли в воду, коровы не двигались с места. Тогда Кендебай разозлился, стал хватать коров и перебрасывать их на ту сторону. Увидела все это младшая дочь хана, которая сидела на берегу, и закричала пастуху:

— О негодяй, ты же погубишь коров. Почему, как обычно, не говоришь: «Раздайся, река, раздайся!»

Кендебай обрадовался и громко сказал:

— Раздайся, река, раздайся!

Река сразу же раздалась, и открылся проход к острову.

Освоил эту тайну Кендебай и продолжал пасти коров.

Однажды хан позвал своих двух сыновей и сказал:

— Сегодня ночью вороная кобыла должна жеребиться. Она принесет нынче десятого жеребенка. Но вы знаете, что жеребенок в ту же ночь исчезает. Сегодня покараульте кобылу и спасите жеребенка.

Кендебай подслушал этот наказ хана сыновьям. Вечером, когда сыновья хана пошли караулить кобылу, Кендебай незаметно пошел за ними. Через некоторое время ханские сыновья сладко захрапели. Всю ночь сидел Кендебай, не смыкая глаз. На рассвете кобыла принесла крылатого жеребенка с золотым хвостом и боброво-шелковистой шерстью. Вдруг небо заволокло черными тучами. Тучи свернулись в клубок, опустились на землю, окутали жеребенка и подняли в воздух. Кендебай схватил жеребенка за хвост, хвост оторвался и остался в руках Кендебая. Кендебай

спрятал золотой хвост жеребенка за пазуху и пошел спать. Утром хан спросил сыновей, что они видели. Сыновья ответили:

— Кобыла не ожеребилась, ничего не случилось.

В это время в дом вошел Кендебай.

— Разреши, всемогущий хан!

— Говори, что ты хочешь? — сердито крикнул хан.

— Сыновья твои лгут. Незаметно для них я караулил кобылу. В полночь эти парни заснули. На рассвете кобыла принесла крылатого жеребенка с золотым хвостом и боброво-шелковистой шерстью. В это время с неба спустилась туча, надвинулась на кобылу и унесла жеребенка. Наверное, среди тучи была какая-нибудь хищная птица, и она унесла жеребенка в когтях. Я успел схватить жеребенка за хвост, хвост оторвался и остался у меня в руках.

Хан нетерпеливо перебил его:

— Где этот хвост?

— О всемогущий хан, наберитесь терпения. Если бы я хотел присвоить себе золотой хвост жеребенка, я бы не пришел сюда. Вот хвост,— и Кендебай вынул из-за пазухи хвост. Дворец озарился ярким золотистым светом. Сыновья хана потупили глаза.

— Сейчас же вы, все трое, отправляйтесь на поиски и найдите хищную птицу и жеребенка. Если не найдете, не показывайтесь мне на глаза! — приказал хан.

Кендебай перешел реку и зажег волосинку. К нему вмиг явился его конь. Кендебай надел свои богатырские доспехи, сел на коня и тронулся в путь.

Через некоторое время конь остановился и заговорил:

— Вот там видишь пылает — это огненное море. Нам надо перешагнуть это море. Закрой глаза и не открывай до тех пор, пока я не разрешу. Если откроешь, мы оба погибнем.

Кендебай закрыл глаза. Конь вздыбился и полетел вперед. Кендебая обдало горячим воздухом, потом подул сильный ветер. Прошло некоторое время, и Кендебай услышал голос своего коня: «Открой глаза!» Кендебай открыл глаза и видит: стоят они на острове среди бушующего моря. Огляделся Кендебай и увидел восемь золотохвостых коней и одного жеребенка без хвоста: они пили воду из золотого желоба.

Конь Кергула опять заговорил:

— Вон там видишь высокий тополь. На вершине его есть гнездо двуглавого орла-великана Самрук. Этот хищник один раз в шесть месяцев улетает за добычей. И возвращается через пятнадцать дней. Сегодня его нет — улетел промышлять. Возвратится он через шесть дней. Чтобы не попасть ему в когти, мы должны покрыть шестимесячное расстояние за шесть часов. Садись на меня и возьми золотой желоб. Кони и жеребенок пойдут следом за желобом.

Но мы с этими конями и жеребенком не сможем напрямик перешагнуть огненное море. Надо будет обогнуть это море. Путь нам предстоит длинный. На этом пути нас ждут три преграды: семиглавый великан, страшный лев и, наконец, лукавая баба-яга. Всех их мы должны победить. Это будет зависеть от твоей богатырской силы, храбрости и хитрости. Ну, не будем терять зря времени, поедем!

Кендебай поднял золотой желоб, сел на Кергулу и тронулся в путь. Золотохвостые кони последовали за ним. Через некоторое время впереди показалась гора. Что за чудо? Гора качалась и двигалась прямо на них. Глядит Кендебай и глазам своим не верит. И вдруг он увидел, что это вовсе не гора, а семиглавый великан — див. Кендебай опустил на землю желоб. Золотохвостые кони и жеребенок остановились и окружили желоб.

Кендебай взял свой шокпар весом в сто батпанов и во весь дух помчался навстречу семиглавому великану. Пролетая мимо дива, он со всей силой ударил его тяжелым шокпаром. Одна голова дива отлетела и покатилась по земле. Кендебай повернул коня обратно и, промчась мимо дива, еще раз ударил его по голове. Еще одна голова дива слетела. Так Кендебай снял все головы, и див горою свалился наземь. Кендебай вырезал у дива глаза и спрятал в мешок. Затем он вернулся к желобу, поднял его на седло и, увлекая златохвостых коней и жеребенка, продолжал свой путь.

Могучий Кергула вихрем несся вперед. Пыль за ним тянулась несколько верст; вмиг он промчался через несколько перевалов, и Кендебай услышал страшный рев. На этот раз он оставил Кергулу возле златохвостых спутников, а сам пеший отправился в ту сторону, откуда слышался рев. Прошел Кендебай несколько шагов,— какая-то струя воздуха потянула его вперед. Кендебай увидел перед собой широкую, как пещера, пасть льва, и понял, что его тянет в эту пасть. Богатырь быстро вынул из ножен алмазный меч длиной в шесть сажен и протянул перед собой по-

перек. Алмазный меч рассек льва пополам. Кендебай выколотил клык льва и спрятал в мешок.

Опять двинулись вперед. Сколько бугорков, сколько гор промчалось мимо них назад, неизвестно, стал стелиться густой черный туман. Сделалось совсем темно, и только хвосты коней кое-как освещали дорогу золотым блеском. Вдруг наступила светлая полоса и показалась какая-то девушка — писаная красавица. Кендебай сошел с коня и направился в сторону девушки. Девушка долго и пристально вглядывалась в лицо Кендебая:

— С дороги, наверное, очень устал, добрый путник,— заговорила она.— Идем в мой терем, отдохнешь!

Вспомнил Кендебай, что Кергула предупреждал про лукавую бабу-ягу. Это, верно, она явилась перед ним в облике девушки-красавицы. Конь говорил: кто пойдет в ее терем, никогда обратно не вернется. И Кендебай ответил:

— Да, я устал с дороги. Веди меня в свой терем.

Девушка повернулась, чтобы вести Кендебая за собой. В этот миг Кендебай нанес ей сильный удар мечом. Блеснула молния, и все вокруг покрылось черным туманом. Затем туман постепенно рассеялся, и Кендебай увидел на месте девушки рассеченную надвое дряхлую старуху. Кендебай отрубил голову старухи и положил в мешок.

И опять заговорил Кергула:

— Через владения этой злой старухи не удавалось ни пройти, ни проскочить, ни пролететь не только людям, но и зверям и птицам. Пока никто не знает, что эта страшная старуха подохла, мы можем здесь отдохнуть три-четыре дня.

Кендебай согласился, и они стали отдыхать. Когда подошло время ехать дальше, Кендебай взял драгоценности злой старухи, навьючил их на Кергулу, сел на него верхом, взял на седло золотой желоб и в течение нескольких дней достиг острова хана дьяволов.

Хан оказал Кендебаю большое уважение: посадил его на почетное место и спросил, как его зовут, откуда он родом. Кендебай ответил:

— Я сын простого человека. Мое имя Кендебай. В народе меня зовут Кендебай на коне Кергула. Я приехал в эту страну не ради забавы, а по делу. Я ищу возможности отстоять свою честь. Коль будет дозволено, я скажу все.

— Говори, говори, мой сын! — ответил хан.

— Несколько лет тому назад воины ваши напали на нашу страну и ограбили ее,— сказал Кендебай.— Они угнали скот, связали и увезли нашего батыра. Я приехал сюда, чтобы освободить и увезти с собой этого батыра. Это — раз. А второе вот что. Однажды я пас скот. Надо мною кружились лебеди. Я схватил одну из них за ногу, но она вырвалась, и у меня в руках остался золотой кебис. Говорят, что этот кебис принадлежит кому-то из вашей страны. Я приехал вручить этот кебис его хозяйке.

Кендебай протягивает золотой кебис хану. Хан отвечает:

— Ты прав, сынок. Это по моему велению мои воины совершили набег на вашу страну, пригнали скот, связали и привезли сюда батыра. Батыр по имени Мергенбай и его жена сидят у меня в зиндане. Я посылал к нему своих людей и велел сказать: «Я жалую ему свободу, если он будет служить мне». Но он оказался упрямцем, отказался наотрез. «Я не стану служить своему врагу. Пусть он прежде всего прикажет развязать мне руки и ноги. Только потом я стану с ним говорить»,— ответил он. Развязать его мы опасались. В этом мы преследовали еще одну цель: поймать тебя. До нас доходила твоя слава, мы знали о тебе. Я хотел послать тебя за хищным Самруком, который каждый год уносил моих жеребят. Поскольку я не мог тебя подкараулить и поймать, я приказал ограбить твою страну в надежде, что ты сам придешь к нам отстаивать честь своей страны. Прошло после того два года. Но ты не являлся к нам. Поэтому мои шесть дочерей летали в вашу страну искать тебя. Этот кебис принадлежит моей младшей дочери. Теперь ты должен выполнить мое желание. В таких-то краях живут: семиглавый великан —див, страшный лев и лукавая баба-яга. Ты должен убить их и доставить мне их головы. Если ты выполнишь все это, я тебе верну вашего батыра, верну весь скот. Кроме того, я выдам за тебя мою младшую дочь, и ты будешь моим зятем.

Кендебай пошел и принес мешок, который был привязан к седлу Кергулы. Он вытряс перед ханом мешок, оттуда вывалились глаза дива, клыки льва и голова бабы-яги. Хан был удовлетворен и приказал освободить из заточения батыра Мергенбая, его жену и других пленников. Он также вернул весь скот. Затем выдал младшую дочь за Кендебая и устроил веселье на тридцать дней и пир на сорок дней. После этого он проводил Кендебая в его родные края. Через несколько дней Кендебай

был в своей стране. Он вручил народу его скот. Батыр Мергенбай и его жена нашли своего сына.

На радостях был устроен богатый пир.

Ни один враг не мог осмелиться напасть на эту страну, пока здесь жил Кендебай. И эту страну стали называть не иначе, как страной Кендебая на коне Кергула.

ЦАРЬ И БЕРКУТ

В далекие незапамятные времена жил царь, он очень любил охоту на диких зверей. Однажды во время охоты увидел он беркута, сидящего на дереве. Царь решил подстрелить беркута, но тот вдруг заговорил человеческим голосом:

— Эй, всемогущий царь, не убивай меня, сейчас я не могу летать. Но когда окрепну, пригожусь тебе.

Царь сделал вид, что не слышал просьбы птицы и прицелился. Беркуту пришлось еще и еще раз повторить свою мольбу. Интересно стало царю, что это за необыкновенный беркут, который, как человек, разговаривает. Опустил он лук и решил взять с собой птицу. Привез он ее домой и стал кормить.

Прошло два года. Царь разорился и стал беднее самого бедного казаха. И вот настало такое время, что не только птицу кормить, самому нечего стало есть. Решил он отпустить птицу на волю. Но беркут не мог взлететь.

— Эй. царь,— умоляет он,— покорми меня еще год, и я тогда сделаю тебя богатым.

Жалко стало царю беркута, оставил его. Занимает он у соседей скот и еще один год ухаживает за беркутом. Через год беркут становится могучим и сильным. Сажает он на спину царя и улетает вдаль.

Летят они в поднебесной вышине и вдруг видят: внизу лазурью стелется морская гладь. Беркут неожиданно опускается и бросает царя в

пучину волн. Как только царь коленями коснулся поверхности воды, беркут схватил его и унес вверх.

— О могучий царь, ну как, страшно было тебе? — спрашивает он.

— Я думал, что уже погиб,— отвечает царь.

Когда они снова летели через море, беркут опять бросил царя и опять подхватил его. На этот раз царь погрузился в воду по пояс. Пролетая над третьим морем, беркут снова повторяет все это и спрашивает:

— О могучий царь, страшно ли тебе было?

— Ну, если еще раз бросишь, то я не выдержу и умру от страха.

— Нет, больше бросать не буду. Помнишь, как я сидел на дереве, а ты три раза целился в меня? Мне тогда было тоже страшно.

Они долго летели молча. Потом беркут говорит:

— Посмотри, царь, что видно внизу, что вверху?

— Внизу видна земля, а вверху — небо,— отвечает царь.

— Посмотри теперь по сторонам.

— Справа — степь, а слева виднеется одинокий домик,— говорит царь.

— Это дом моей младшей сестры,— говорит беркут.— Мы сейчас прилетим туда.

Сестра обрадовалась брату, повела его в дом, а на царя даже не взглянула. В доме она стала угощать брата, а про царя и не подумала. Вечером спустила с цепи собаку. Собака кинулась на царя. Вышел из дому беркут, увидел, что царя не приняли. Обиделся он на сестру и не захотел больше здесь оставаться. Посадил он царя на спину, и полетели они дальше.

Через некоторое время беркут спрашивает царя:

— Что видишь позади?

Царь оглядывается и отвечает:

— Вижу огненно-красный дом.

— Это горит дом моей младшей сестры,— говорит беркут.— Она натравила на тебя собаку, теперь отплачивается за это своим домом. А теперь посмотри вверх и вниз.

— Вверху — небо, внизу земля видна,— сообщает царь.

— Посмотри вправо и влево,— говорит беркут.

— Справа — голая степь, слева виднеется одинокий дом,— отвечает царь.

— Это дом моей средней сестры,— говорит беркут.— Мы сейчас прилетим к ней в гости.

Опустились они у дома. Навстречу им выбегает сестра. Она так же, как и младшая, с радостью принимает брата, на царя не обращает внимания и оставляет его во дворе. А вечером так же, как и младшая сестра, отпускает собаку, чтобы та искусала царя. Беркут обиделся и на среднюю сестру и покинул ее дом.

Полетели они дальше.

Через некоторое время беркут спрашивает царя:

— Что видишь позади?

— Вижу огненно-красный дом,— отвечает царь, оглянувшись назад.

— Это горит дом моей средней сестры. Я поджег его за то, что она нас с тобой плохо приняла. Теперь будет дом моего старшего брата и матери.

Прошло совсем мало времени, и они опустились у дома. Вышла навстречу к ним мать беркута, приняла гостей тепло и радушно. Беркут обращается к царю:

— О могучий царь, ложись, отдохни. Скоро я посажу тебя на корабль и отправлю домой. За твою доброту ко мне я отблагодарю тебя по достоинству.

Отдохнул царь, пришел беркут, чтобы проводить его на корабль. Принес он с собой два маленьких сундука: один — красный, другой — голубой.

— Пока не доберешься домой, не смей открывать,— наказывает на прощанье беркут, а когда будешь дома, отнеси красный сундук на заднюю сторону дворца и там открой. Голубой сундук откроешь на передней стороне дворца.

Поблагодарил царь беркута за дар, попрощался с ним и поплыл. Через несколько дней корабль царя приплывает к какому-то необитаемому острову и останавливается у берега.

Интересно царю, что в сундуках. «Почему бы не открыть сундуки и не посмотреть?» Открывает он красный сундук. О чудо! Весь остров наполняется скотом. Очень пожалел царь, что открыл раньше времени сундук. Как теперь вместить весь этот скот в такой маленький сундучок? Заплакал царь от горя. Вдруг из воды выходит человек и спрашивает:

— Отчего плачешь?

Рассказал ему царь о своей беде. А тот и говорит:

— Я вмещу в твой сундук весь этот скот, но ты за это дашь мне тот предмет в твоем доме, о котором ты даже не подозреваешь?..

«Что же у меня может быть дома такое, о существовании чего я не знаю?» — думает царь, и наконец соглашается дать.

Таинственный человек собрал весь скот в сундук и исчез.

Долго ли, скоро ли, приплывает царь в свой родной край, в свой дом. Пока его не было дома, жена родила сына. Увидел царь сына, целует его, а сам горько плачет. Спрашивает его царица:

— Чего, мой царь, так горько плачешь?

— Оттого, что стосковался по вас,— сказал царь и пошел на заднюю сторону своего дворца. Открыл он красный сундук, и вся окрестность наполнилась всеми видами скота. Пошел потом царь на переднюю сторону дворца, открыл голубой сундук и вскрикнул от неожиданности. Вокруг него выросли сады, заполненные разными певчими птицами, а прямо перед ним появился изумительный дворец с цветами и фонтанами. Как рукой сняло все горести с души царя, он забыл о своем обещании, данном таинственному человеку на острове.

Однажды царь был на охоте, он устал и сел отдохнуть возле реки. Вдруг видит, из воды высунулся тот таинственный человек, с которым он встречался на острове, и говорит:

— Ты не забыл свое обещание?

Царь в слезах пришел домой и рассказал обо всем царице и сыну. Поплакали, поплакали они, да нечего делать: обещал — выполни. Назавтра царь и царица приводят сына-царевича на берег реки и в слезах прощаются с ним.

Убитый горем царевич побрел неизвестно куда и попал в густой темный лес Видит, стоит лачуга, зашел он в лачугу, а там сидит баба-яга с пронизывающими огненно-красными глазами. Спрашивает она у царевича, кто он такой, откуда и куда идет. Рассказал юноша обо всем.

— Я тебе помогу,— говорит баба-яга.— Иди к берегу реки и спрячься там в камышах. Прилетят двенадцать лебедей На берегу реки они сбросят с себя перья, превратятся в девушек и станут купаться. Ты тихонько подкрадись и выкради перья самой старшей лебеди. Ее зовут Гайнижамал Она будет умолять тебя, но ты не давай ей перья. Не давай до тех пор, пока она не назовет свое имя и не пообещает стать твоей женой. Потом пойдешь дальше. Тебе встретятся три человека — бери их с собой, они будут твоими друзьями.

Послушался царевич бабу-ягу. Пошел он к реке и спрятался в камышах. Через некоторое время прилетают двенадцать лебедей. Они сбросили с себя перья и стали красивыми девушками. Когда они ушли купаться, царевич подкрался к тому месту, где они раздевались, и собрал перья самой старшей из девушек. Накупались девушки, вышли из воды, стали одеваться. Только одна не находит свою одежду. Все уже улетели, одна Гайнижамал осталась на берегу. Вышел тогда царевич из камышей, бросилась к нему девушка:

— Дай мою одежду! Я пригожусь тебе, когда ты придешь к моему отцу — водяному. Дай одежду и отпусти меня!

Царевич и слушать не хочет. Тогда девушка называет свое имя и говорит:

— Я буду твоей женой. Я приду к тебе в любое время, когда буду нужна.

Тогда царевич возвратил ей перья. Гайнижамал оделась и улетела вслед за девушками. Пошел царевич своей дорогой. По пути он встретил трех витязей, суровых, как зимний день, и все вместе пошли дальше.

Пришел царевич к водяному. Встретил его водяной упреком:

— Друг мой, почему так долго не шел ко мне. Я устал от ожидания. Вот тебе задание. Ты должен сегодня за ночь построить мост через реку. Не построишь — отрублю голову.

Заплакал горько царевич и пошел к выходу. Увидала его Гайнижамал из окошка и окликает:

— Царевич мой, о чем плачешь?

Рассказал ей царевич о поручении ее отца.

— Не плачь,— утешает девушка,— иди во дворец и спокойно отдыхай до завтра. А поручение отца — не твоя забота.

Ушел царевич. Вышла Гайнижамал из дворца, произнесла волшебное слово. Вмиг перед ней появился весь материал для постройки моста. Сказала она второе волшебное слово и указала рукой, в каком месте через реку должен быть построен мост.

Утром Гайнижамал приходит к царевичу и будит его:

— Вставай, мост готов.

Царевич взял метлу и пошел к мосту. Пришел и давай мести вокруг моста, будто заканчивает работу. Подошел к нему водяной похвалил за мост.

Преследователи возвратились обратно и доложили водяному обо всем, что видели по дороге. Водяной пришел в ярость и велел повесить гонцов. Затем он снаряжает в погоню других. Тогда Гайнижамал превратила мужа в старого ходжу, а сама превратилась в мечеть. Прискакали преследователи, спрашивают:

— Эй, ходжа, не проезжали ли здесь девушка и жигит?

— Проезжали,— отвечает ходжа,— но этому прошло много времени, тогда я был молодым, а эта мечеть только строилась.

Преследователи возвратились и доложили водяному обо всем, что видели:

— О наш владыка, ни следа, ни духа их нет. Нам попались по дороге только один дряхлый ходжа и старая мечеть.

Водяной приказал повесить и этих гонцов, и поехал в погоню сам. Узнала об этом Гайнижамал и превратила коней в речку со вкусной прохладной водой, а мужа и себя в уток. Прискакал водяной к реке, прильнул к воде, стал пить. Вода показалась ему вкусной, и он пил и пил до тех пор, пока не лопнул живот. Как только водяной умер, беглецы снова обратились в самих себя и поскакали дальше. Когда они подъехали к владению отца царевича, Гайнижамал сказала:

— Поезжай вперед и обрадуй отца и мать. Я буду ждать тебя здесь. При встрече можешь целоваться со всеми, но не целуйся с сестрой, а то забудешь меня.

Приезжает царевич во дворец отца. На радостях целуется со всеми и забыл о том, что Гайнижамал наказывала не целоваться с сестрой. Поцеловался он с сестрой и забыл про Гайнижамал. Ждет его Гайнижамал день, ждет другой, ждет третий. Не едет царевич за ней. И она превратилась в бедную старушку и пошла в город. Поселилась она в доме одной старушки. А в городе уже идет слух о том, что царевич женится на дочери одного здешнего султана. Объявлено, что каждый, кто желает побывать на свадебном пиру, должен принести с собой одну тушпару[1].

Старуха, в доме которой поселилась Гайнижамал, тоже захотела погулять на свадьбе. Она замесила тесто, чтобы приготовить тушпару.

Гайнижамал просит ее.

---

[1] Тушпара — большой пирог.

— Дайте я приготовлю тушпару и понесу к царевичу, может быть, он окажет мне милость.

Гайнижамал вмесила в тушпару двух голубей — самца и самку. Когда пирог был готов, она вместе со своей хозяйкой пошла во дворец, где шел пир. Обслуживающие слуги взяли у нее тушпару и поставили перед царевичем. Тот взял ножик и разрезал тушпару, чтобы попробовать. Из тушпары вылетела голубка с сыром в клюве. За ней вылетел голубь и закричал:

— Дай мне половину сыра!

А самка отвечала ему:

— Не дам, а то ты забудешь меня, как забыл царевич о Гайнижамал.

Царевич сразу узнал красавицу Гайнижамал, бросился обнимать ее. Начался свадебный пир по случаю женитьбы царевича на Гайнижамал. Жили они долго и счастливо.

КАРАТАЙ

Жили три брата. Старшего звали Сарытай, среднего — Торытай, а самого младшего — Каратай. Братья занимались охотой. Каждый день двое из братьев отправлялись на охоту, а один оставался дома и варил обед.

Однажды уехали на охоту средний и младший братья, а старший — Сарытай остался дома. Вот сварил Сарытай мясо и поджидает братьев. Вдруг снаружи раздался громовой голос. Сарытай выбежал из юрты и видит: сидит верхом на коне старик ростом в один аршин, борода у него в сорок аршин, сам страшный и грозный на вид. Сарытай подумал, что это сам дьявол. Старик угрожающе крикнул:

— Сними меня с лошади!

Испугался Сарытай, снял старика с лошади, завел его в юрту и стал угощать незваного гостя. Поставил он перед ним блюдо с мясом, гость вмиг съел все и еще потребовал. Сарытай еще достал из котла мяса. Старик наелся досыта и отправился восвояси. Возвращаются братья с охоты, голодные, усталые. А есть нечего. Сарытай рассказал обо всем.

На следующий день дома остался средний брат — Торытай. Только он кончил варить обед, как-за дверями кто-то страшным голосом заорал. Это приехал вчерашний старик. Торытай снял его с коня, завел в юрту. Старик и у него потребовал мяса. Съел он все мясо, даже котел вылизал, наелся и уехал.

Настала очередь младшего из братьев — Каратая остаться готовить обед.

Уехали братья. Каратай, напевая песню, варил мясо у очага. Вдруг за юртой раздался громовой голос. Каратай смело вышел наружу и увидел верхом на коне старика ростом в один аршин и бородой в сорок аршин. Старик по своему обыкновению угрожающе крикнул Каратаю:

— Сними меня с лошади!

Каратай нисколько не испугался его грозного крика и спокойно ответил:

— Наши гости сами сходят с коней. Здесь нет прислуг, чтоб их снимать и сажать на коней.

Нечего делать, старик сам сходит с коня и заходит в юрту. Там он властно приказывает:

— Давай мяса.

Каратай достает из котла кусок мяса и преподносит старику. Тот проглотил его вмиг и опять требует. Каратай отвечает ему:

— Наши гости обычно не едят мяса больше того, что им дают. Так что стыдно требовать еще мяса.

Старик, не обращая внимания на слова Каратая, встает, идет к котлу и начинает хозяйничать. Самовольничание старика возмутило Каратая, и он схватил его за длинную бороду. Старик оказался не по росту сильным. Завязалась драка. Весь день бились они в смертельной схватке. Наконец Каратай вышел победителем и привязал старика его же бородой к высокому тополю.

Ночью, когда братья спали, старик перерезал бороду и убежал. Проснулись братья — старика нет, осталась одна борода.

Отправились братья в погоню за стариком. Шли, шли они по следам старика, вдруг следы повели в пещеру, под землю. Каратай обвязался вокруг пояса арканом, и братья спустили его в подземелье. В подземелье Каратай увидел белую юрту, в ней сидели три красавицы. Заметили девушки Каратая, встали и вежливо поклонились ему. Каратай спросил у них:

— Сестреночки мои, не видели ли вы старика ростом в аршин и с бородой в сорок аршин?

— Видели,— отвечают девушки.— Но ты берегись этого злодея. Он убьет тебя. Жалко нам тебя, невинного человека. А старик живет в юрте по соседству.

— Нет, я должен пойти к этому злодею. Но прежде скажите, кому вы помогли бы, если он вступит со мною в схватку?— спрашивает Каратай.

— Мы бы помогли тебе,— отвечают девушки.

Каратай решил помериться силой и пошел прямо к юрте старика. Как только он открыл дверь, старик сразу же набросился на него. Стали они драться. Вот уже и день на исходе. Устал Каратай.

— Старик, отпусти меня попить воды,— просит он.

Старика тоже мучила жажда, и он отпустил его. Пришел Каратай к девушкам и попросил пить. Девушки дали ему воды, да не простой, а такой, от которой у человека силы прибавляются.

Старик тоже пришел к девушкам, тоже попросил воды. Девушки дали ему воду, которая истощает силы человека.

Снова схватились Каратай и старик, и на этот раз Каратай легко сбил старика с ног. Убив злодея, Каратай пришел к девушкам.

— Милые мои сестреночки, большое вам спасибо за помощь. Но скажите, какими судьбами вы попали сюда?

На глазах девушек навернулись слезы. Старшая из них рассказала.

— Слушай внимательно нашу историю, незнакомец. Мы сестры, дочери одного бая по имени Сарманкул. У нашего отца величественный дворец, утопающий в зелени садов. Мы росли в этом дворце. Каждый день гуляли в саду. А там пели разные птицы, росли благоухающие цветы, журчали звоном серебра ручейки. Круглый год наливались разные плоды. Однажды мы были в саду дольше обычного, не заметили, как наступил вечер. Вдруг весь сад заволокли тучи. Поднялась буря, ударил гром, засверкали молнии, разразилась гроза. Гнулась и стонала земля. И вдруг кто-то незаметно подкрался к нам и потянул вниз. Вмиг мы очутились в этой белой юрте. Оказывается, нас украл властелин этих мест, только что убитый тобой старик. Ты наш спаситель, и за это мы желаем тебе счастья, вечной радости и веселья. Спасибо тебе, отважный юноша.

Каратай отвязал от себя аркан, обвязал им старшую из сестер и подал братьям знак, чтобы они тянули аркан. Старшие братья вытянули аркан и видят: на конце аркана не младший брат, а девушка. Братья были поражены. Но умная девушка рассказала им все и заставила еще опустить конец аркана вниз. Братья вытянули еще двух девушек. Кра-

сота девушек была неописуема. Зависть охватила братьев, и они оставили Каратая в подземелье, взяли с собой девушек и уехали.

Младшая из сестер была самой красивой и самой умной. Увидела она бессердечность, жестокость братьев и обратилась к ним:

— О жигиты, зачем вы оставили в беде, в смертельной опасности своего брата? В чем он виноват перед вами? Каратай спас от беды и вас и нас. Бессердечно наказывать невинного человека.

Но слова девушки не дошли до злодеев-братьев. Тогда она заявила:

— В таком случае я с вами не пойду!

Братья связали ей руки и ноги и насильно повезли с собой.

Теперь речь о Каратае.

Отправил Каратай наверх последнюю девушку и стал ждать конца аркана, чтобы подняться самому. Но аркана не было. Каратай подумал, что братья забыли про него, и стал звать их. Никто не отзывался. Понял тогда Каратай, что бросили его братья, и заплакал от обиды. Но слезами горю не поможешь, надо что-нибудь придумать, не сидеть же здесь и ждать смерти. Огляделся Каратай вокруг и увидел недалеко от себя какую-то дыру. Пошел он к этой дыре. Видит, сидит белобородый старик, перед ним горит огонь. Старик, нагнувшись над какой-то толстой книгой, сосредоточенно читает. Он так был занят своим делом, что не заметил, как подошел к нему Каратай.

— Салем-алейкум! — громко приветствовал Каратай старика.

Увидел старик Каратая, и у него от радости заблестели глаза, на старческом лице появилась улыбка.

— Добро пожаловать, милый Каратай!

Каратай удивился: откуда этот незнакомый старец знает его имя?

— Ты мой долгожданный гость,— продолжал старик.— Подойди поближе, садись, ты, дитя человеческое, и слушай мой рассказ. Я в этой подземной глуши живу уже сорок лет. Всю свою жизнь я читаю эту книгу. Нас с тобой свела сама судьба. Я буду тебе отцом, ты мне сыном. На лбу твоем сияет звезда счастья, ты будешь счастлив. Старшие братья обидели тебя, ты на время лишился верной и любящей девушки. Но она тебя не забыла. Днем и ночью она думает только о тебе. Братья твои мучают ее. Но ты с нею обвенчаешься и будешь жить счастливо и в достатке. Твоему счастью будут завидовать враги, а друзья будут радоваться. Пусть тебя не огорчают эти временные неудачи. Теперь приляг, отдохни, наверное, устал с дороги.

Каратай обнял ноги старца и заснул. Старик этот был волшебник. Жалко ему стало отважного юношу, и он решил помочь ему..Как только Каратай уснул, старик прочитал волшебную молитву и превратился в лебедя. Спящего Каратая он положил себе на спину, и в одно мгновение они очутились на поверхности. Каратай спал еще три дня и три ночи. Старик не отходил от него ни на шаг. Как только Каратай проснулся, старик исчез.

Пошел Каратай домой. Сестры-красавицы с радостью встретили его, а братья стали умолять простить их за подлый поступок.

Каратай был добрый юноша. Простил он братьев, женился на младшей из сестер, старших отдал в жены своим братьям. Взял он молодую жену и навсегда уехал от своих братьев, которые причинили ему столько зла.

ЛЕГЕНДА О МЕРТВОМ И ЖИВОМ И ОБ ИХ ДРУЖБЕ

В старину было у одного бая три сына. Потерялся раз у этого бая один косяк кысраков [1]. Вот и говорит отцу старший сын:

— Отец! Дай я поищу скот, кысраков!

— Ступай, сын мой, ищи! — говорит отец.

Сын садится на лошадь, берет провизию... и оружие...

Видите, отец был чародей и хотел испытать детей: он отправляется через шесть степей и, обратившись в шесть волков, ждет сына. Увидевши шесть волков, сын испугался, убежал домой и лег.

Средний сын просится тоже у отца искать лошадей, и он также прибежал домой, испугавшись волков.

Остается самый младший, он говорит:

— Я буду искать.

— Ладно! — отвечает отец.

Отец-то был испытатель. Обратился он в шесть тигров и лег на пороге. Увидевши отца, обратившегося в шесть тигров, сын ударил несколько раз по лошади и бросился на тигров. Только что он хотел всадить копье.

— А-а! — говорит отец,— это ведь я. Знаю я, что ты всадишь копье.

— Да, я знал.

— Ну, подними руки, я благословлю.

---

[1] Лошадей.

Тут он дает благословение и говорит:

— Дай тебе благополучный путь перед собой, да обрящешь искомое,— и еще говорит: — Не забудь, сын, когда придется тебе быть в местах необитаемых... не оставляй могил, если будут встречаться ночью — ночуй при них.

По прошествии многих дней однажды на закате солнца младший сын увидел группу могил, вокруг не было жилищ (кочевок). Видит, на западной стороне их стоит свежая черная могила. Приходит, говорит:

— Суйлям!

Когда сказал суйлям, он услышал ответ.

— Кого спрашиваешь?

И выходит молодой человек с прекрасно выведенными бровями.

— Кого спрашиваю? Я божий странник, думаю на ночлег.

— Сходите (с лошади),— говорит, а сам поддерживает за узду, ссаживает, оказывает почесть. Взял за руку, и говорит мертвый живому:

— Закрой глаза, и когда я скажу, тогда открой,— и ведет. Когда сказал: «Открой»,— (младший сын) видит: прекрасная юрта, войдешь — не выйдешь, пахнет... так хорошо (запах свежей травы). Как только сели (у него был черный слуга): «Ступай,— говорит,— веди для гостя барана». Черный слуга вышел и привел, держа за шею серого барашка. Зарезав, как следует сварили, съели и легли, как следует. Настало утро; умыв лицо и руки, мертвый дал гостю остатки вчерашнего ужина. Сидя таким образом, сказал мертвый: «Давай двое будет друзьями».— «Будем, так будем!» — Тут же открыв груди и обнявшись, сделались друзьями. «Теперь поеду,— говорит живой,— искать кысраков». «Хорошо, друг, но наперед расскажем свои тайны. Я был единственный сын одного бая. Отец мой был богат. Раз наш народ повел войска на войну, я тоже оконился. Тогда один всадник в загнутой черной шапке, на черной с лысиной лошади, с длинной красной пикой в руках, с острой черной бородкой вышел, говоря: на единоборство! Я тоже вышел. Он от людей и жилищ, а я от набежников. Он поправил копье — и я тоже, у меня копье было короче, у него длиннее. Его удар достиг наперед, и я был убиг. За то, что я умер от врага на войне, бог сделал меня таким саидом[1]. В этот поход подо мною была худая лошадь. Отец был богат, у него были две лошади... полетит — птица не нагонит, погонится не-

[1] Саид — шаид (шахид) — мученик за правое дело.

приятель — не настигнет; я на одну было сел, да отец не позволил. Если, друг мой, хочешь быть со мной другом, то сегодня доедем до нашего аула, у нас будем ночевать, твои кысраки в нашем стаде ходят, размножившись до 90 лошадей. Если меня почитаешь другом, то распори двух лошадей айчубарых,[1] они ходят вместе (бир уюр)». «Ладно,— говорит живой,— распорол бы, друг, да жаль — нет у меня ножа». У мертвого жигита был маленький хорошенький ножик. «Возьми его,— говорит,— и распори. Я тебя прошу: когда будешь у наших, то не показывай ножика: моя сестра узнает, и тебе будет жутко». Живой молодец приехал и стал на ночлег у отца мертвого своего друга. Настало утро. Пришли с урусей[2] табуны. Сел он на лошадь и выехал навстречу табуну. Пастухи были все молодые, он не принял их за людей, а два айчубара играют в табуне, он схватил их и разрезал им желудки. «Бай! Бай! Один человек распорол двух айчубаров»,— крича, прибежали мальчики до аула. Кто же станет смотреть,[3] когда распороли айчубаров; со всех сторон погнались севшие на лошадей. Схватили живого друга и привели к баю. И этот бьет и другой бьет; бьют сначала связанного и одетого, а потом стали раздевать, сняли все, остались сапоги. Когда сняли сапоги, ножик и выпал. Сестра мертвого друга стояла тут. Как увидела ножик, тотчас узнала. «Ой-бай! — крикнула она,— это ножик брата»,— и схватила его в руки. Прежде били — не били, а настоящее битье началось теперь. «Это он убийца!» — кричат кругом и хотят его убить. Но друг прежде сказал ему: «Если очень станут мучить, то скажи все, как было». Видя, что не избежать смерти, он сказал: «Джурт![4] Правду скажу — умру, не скажу — умру! Я прошу всего три слова — сказать или нет?». «Скажи,— говорят,— если имеешь что». От начала рассказал все: «Я был сын одного бая» и проч. Все рассказал. Теперь никто не поверил. «Ложь,— говорят,— убьем! Говори правду, ты убийца». «Народ, вы мне не верите; если я вам покажу моего друга, то поверите?» «Джарайде![5] Прекрасно, покажи только, поверим». Бай начал собирать народ свой, чтобы идти на могилу сына. Сели на лошадей, а нашему жигиту дали не корову, а около того. Да ведут его в середине толпы: все еще не доверяют. Дохо-

---

[1] Айчубар — табун молодых чубарых (пестрых) лошадей.
[2] Т. е. с пастбища, с отгона.
[3] Т. е. кто же останется равнодушным.
[4] Народ.
[5] Ладно.

дят до кладбища. «Народ,— говорит жигит,— когда увидите, стойте вы-здесь, да не плачьте, я вызову моего друга». Народ остановился, но отец-бедняк не выдержал, пошел вслед за жигитом. Мертвый друг все это знает уже давно — аравахам все известно. Хотя отец его и оскорблял, но он думает дать ему салем и выходит. С отцом поздоровался... приходит потом мать, с ней тоже поздоровался. Затем сестра единственная и с нею невеста, которую он оставил у родителей на правой стороне (т. е. в девицах). Невеста было подошла вперед, он оттолкнул ее мизинцем правой руки. Побыл с сестрой. Бедняжка, увидя единственного брата, давно умершего, не выдержала, и одна слеза покатилась и упала на правое плечо мертвеца. Слеза капнула, и брат исчез неизвестно куда. Народ после поверил жигиту. «Хорошо! Молодец!» и стал не как прежде: стал почитать (жигита). «Ты,— сказал бай,— друг моего единственного светильника, ты мне теперь то же, что он; возьми половину моего скота и моих душ». «Ничего мне не нужно, отдай моих кысраков». Старик два раза повторил свое предложение; (жигит) два раза отказал и, поклонившись, расстался с баем и погнал 90 своих кобыл. Поехал опять на кладбище, расположил в стороне около свой косяк, а сам подъехал к могиле и говорит: «Достум!» Друг не выходит. До трех раз кричал: «Друг!» В четвертый раз (друг) вышел, бледный, изнеможенный «Я,— сказал мертвый,— давно слышал твой голос, да нельзя было мне скоро выйти. Слеза моей сестры, упавшая на мое плечо, сделалась морем и потопила меня. Когда ты звал меня в первый раз, я был на той стороне реки, в другой — я был в середине, в третий — я вышел из воды и переводил дух. Ох! Измучился я совсем в эти дни». Тут он повел друга в свое жилище, и они прожили вместе несколько дней, лошади паслись и ничто (плохое) не могло им сделаться. Стал живой друг собираться домой. «Ну, друг,— сказал тогда мертвец,— ты, друг, уедешь с лошадьми и подводами цел и невредим домой. Своих ты застанешь в приготовлениях на войну. Твой «дом» (т. е. родные) будут говорить: не ходи в поход, ты и так приехал измученный, истощенный! Но ты не слушай их и поезжай на другой же день в поезд». Приехал (джигит) домой, все обрадовались. Отец, мать, родные стали уговаривать, чтобы он не ездил, но он, помня слова друга, переночевал день дома, да и в путь. Друг ему еще говорил на прощанье: «Когда достигнете вражьих аулов, все ударят в коней, ты скачи один по западной стороне; на тебя бросится из аульных людей один — в черной с загнутыми полями шапке, на черной с лысиной лоша-

ди, с длинным красным копьем и с черной острой бородкой. Ты ссадишь его при помощи бога. Это тот самый, что убил меня. Ты зарежь его, говоря: «Дойди до моего друга». Заколи и лошадь, говоря: «Дойди до друга». Как было сказано, как только что они бросились на аул, он поскакал один по западной стороне и, как сказал друг, появился перед ним чернобородый. Он ссадил его и зарезал, говоря: «Дойди до друга». Заколол и черную лошадь с лысиной, говоря: «Дойди до друга». Друг-мертвец говорил ему еще: «Когда все бросятся на добычу, ты скачи на запад, там на краю аула увидишь только что поставленный белый отав [1]; привяжи на правой стороне дверей лошадь свою. В отаве увидишь молодую, только что взятую женщину и двух девиц, ястреба и черную борзую собаку в ошейнике. Всех их зарежь, говоря: «Дойди до друга». Джигит, зарезав чернобородого человека и его лошадь, поскакал на запад. Видит белый отав, перекинул повод в правый косяк дверей, вбежал в юрту и видит молодую женщину, двух девиц — сказал бы: солнце есть глаз, сказал бы: месяц есть рот. Зарезал молодую, говоря: «Дойди до друга»,— зарезал старшую девицу с теми же словами; другую же девицу стало ему жаль, он поцеловал ее, но, подумав, тоже зарезал. С ястребом и собакой не стал думать. Друг говорил ему еще: «Все будут брать казну несчетную; ты ничего не бери. Перед отавом будет тополь, около него зеленый прут; сруби их; тут же увидишь верблюжий помет, собери его вместе, и все это навьючь на черного нара, который ходит у дверей отава, и вези домой». Отряд возвращался, стали доходить до своих кочевок, вдруг сделалась буря; два дня, две ночи она продолжалась; весь скот, награбленный разбежался и частью погиб, даже свои лошади погибли у войска. Джигит счугурил [2] верблюда и лежал себе около него спокойно.

Друг говорил ему еще: «Когда останется полдня езды до аула, тогда возьми зеленый прут и ударь им мешок с пометом, говоря: «Бисмилла алдракбан рахым!» [3]. Пойдут из него верблюды с криком, лошади с ржаньем, коровы с мычаньем и овцы с блеянием. Потом ударь зеленым прутом тополь — дерево, говоря: «бисмилляхи» и проч., и дерево обратится в золото и серебро — одно колено золота, другое — серебра, одно колено золота, другое — серебра». Хозяин был чародей и, таким обра-

---

[1] Отав (отау) — юрта молодых супругов.
[2] От казахского слова «шогермек» — уложить верблюда.
[3] Казахское произношение молитвы из корана — бисмилла аррахман аррахим — «Во имя милостивого бога».

зом, спасал золото от воров, скот от падежа и волков. Приехали домой: все товарищи идут пешком, пальцы в ноздрях, а он не может управиться со своими стадами. Золота и серебра — богатства всего мира.

Проживши дома дня два-три, поехал к другу на кладбище: «Салем алейкум, достум!» «Суйлем»,— говорит мертвый друг, выходит и вводит в могилу. Живой друг был изумлен: джигит в черной шапке, молодая келинчек[1], две девицы, ястреб, собака — все сидят тут. Друг его посмотрел на младшую из девиц и засмеялся, посмотрел и он на нее и видит: в том самом месте, куда он поцеловал, черное пятно на щеке. «Бедный ты человек,— сказал мертвый друг,— я доволен тобой. Младшая тебе понравилась, ее ты возьми себе, с меня будет келинчек со старшей девицей». Погостил он тут, а джигит в черной шапке прислуживает им. «Пора,— говорит он,— возвратиться (домой)». «Хорошо, — говорит ему мертвый друг,— когда ты приедешь домой, в аулах ваших будут разъезжать торговцы с товарами на двух телегах; у них есть две лошади: одна гнедая, другая рыжая; лошади тощие, но ты их купи, сколько бы ни стали просить владельцы. Сначала купи гнедую, потом рыжую, три года не клади на них укрука, ни узды, ни седла с потником, не клади на них раздвоенных лядвей. Через три года зарежь гнедую, разбей все косточки, даже пальцев, и смотри на можжечок: если он не будет весь белый и хоть капля черноты, то отпусти рыжую лошадь еще на год в табун. По прошествии четырех лет на пятый привяжи ее к веревке у юрты, давай один только раз сорвать траву и один глоток воды, но все не езди; лошадь будет, как нагайка. Через несколько времени ты почувствуешь боль в голове; пройдет — хорошо; если же станет все увеличиваться, садись на рыжую лошадь и скачи ко мне. Не забывай». Друзья простились. Джигит приехал в свой аул, видит: татары торгуют, у них две лошади, как говорил друг его,— гнедая и рыжая. Он стал просить продать ему гнедую, дает за нее две лошади, караванчи просит три. Дал. Стал торговать рыжую. Караванчи сам был испытатель, потребовал пять лошадей. Купил. На три года пустил в табун, как говорил друг; на четвертый убил гнедого и в пальцах нашел черноту в ноготь большого пальца. Еще год держал в табуне. На пятый год рыжую лошадь стал держать у юрты на веревке. Однажды заболела голова и не поправляется. Джигит тайну свою никому не говорил — ни отцу, ни матери, ни друзьям и сверстни-

[1] Келиншек — молодуха (Ч. В.)

кам: знал ее бог, мертвый друг и он сам, только трое. «Оседлайте-ка рыжку,— сказал он, видя, что болезнь увеличивается,— я порассеюсь... Стал ездить (по аулу); «Кош, кош, аман бул[1]»,— сказал он народу и ударил лошадь. Скачет к другу. Друг все это знает, хотя не видит. «Плохо моему другу,— думает он,— рыжая лошадь, «тулпар»[2], когда разгорятся бока, пожалуй, унесет мимо и не остановишь». Приказал бабам крутить шелковый аркан в сорок маховых саженей, чтобы им захватить друга. Видит — друг скачет; бросил аркан и захватил им друга, а рыжий тулпар пронесся далее, так разгорячился. Поднял друга и внес в свою могилу. Азраил-Джебраил — душеберущий (ангел), между тем, гнался и был готов бросить укрук, но рыжего тулпара не мог все-таки догнать. Вслед за другими пришел в могилу и Азраил-Джебраил, говоря: «Давай беглеца моего! Здесь он, беглец мой». «Не дам,— сказал мертвый друг,— я божий саид, и бог обязался до трех раз исполнять мою просьбу. Ступай отсюда». Азраил-Джебраил пришел к богу и сказал: «Твой приказанный от нас убежал, и один человек не дал: «Не дам,— сказал,— я саид божий, и бог обязался до трех раз исполнять мою просьбу».—Что нам теперь делать!» Всевышний бог сказал: «Правда, правда! Он мой саид! Взял, так взял, пусть будет по его просьбе». Таким образом, они стали с другом жить вместе и достигли всех надежд своих.

---

[1] В тексте искажено переписчиком (кой-как). Восстанавливается по смыслу казахской фразы: «кош, кош, аман бол!», т. е. «прощайте, будьте здоровы!»

[2] Боевой конь, скакун.

КЫЗЫЛ-БАТЫР И ДИВ

В далекие времена жил хан. У него была красавица дочь. В нее были влюблены все ханы, все батыры и все дивы. Влюблен в нее был и сам величайший Див. Он решил сосватать эту девицу и послал к хану сватов: «Пусть хан выдаст за меня дочь свою».

— Дочь я свою не выдавал за ханских сыновей,— сказал хан сватам Дива,— а за вашего Дива никогда не выдам. Кроме того, я дал полную волю дочери самой выбирать жениха: за кого она захочет, за того и выйдет.

Вернулись сваты от хана с таким ответом к Диву. Див разгневался, собрал большое войско и пошел войной на хана. Когда он подошел к городу, где жил отец красавицы, то увидел многочисленное войско. Хан предвидел гнев Дива и на всякий случай приготовился к встрече. Несколько дней шло кровопролитие. Победу одержал Див. И когда дочь хана узнала об этом, она послала своего человека к Диву сказать, что готова идти за него замуж, пусть он не истребляет население ее города. И поставила ему одно условие: праздновать ее свадьбу сорок дней и для народа устроить веселье тоже на сорок дней. Див согласился и приступил к свадебному торжеству. Долго веселился народ. И когда все торжества подходили к концу и Див собрался обвенчаться по обычаю с ханскою дочерью, приехал в город батыр по имени Кызыл со своими друзьями и приближенными. Он подъехал к ханскому дворцу и

вызвал красавицу. Див узнал об этом, надел доспехи, сел на коня и— прямо ко дворцу, чтоб снести голову ханской дочери и батыру.

Когда он подъехал ко дворцу, то увидел дочь ханскую с батыром.

— О, Кызыл-батыр,— сказал Див.— Оба мы любим эту девицу Я не хочу застрелить тебя врасплох, а горю нетерпением помериться с тобою силой.

— Это дело ты говоришь,— сказал Кызыл-батыр.

— Так как я старше тебя,—сказал Див,— то и стрелять буду первый.

— Стреляй!— сказал Кызыл.

Когда Див выстрелил, то боевой конь батыра подскочил к небу, и стрела пролетела под ним, не причинив вреда Кызылу.

Настала очередь Кызыла. Он выстрелил и убил Дива. И после победы над Дивом Кызыл был обвенчан с ханскою дочерью.

Оказывается, дочь хана выговорила 80 дней у Дива для того, чтобы дождаться своего возлюбленного Кызыла, который только и мог ее спасти. Благодаря своему уму она добилась себе счастья, и народ был спасен от гибели Кызыл-батыром.

ИДИ ТУДА — ПРИНЕСИ СЮДА

Жил хан. У него был умный визирь. Он много занимался делами хана, переутомился и умер. После его смерти хан выбрал двух визирей на его место, иначе и не справиться со всеми делами. У покойного визиря остался сын. Как-то раз хан спросил его, не смог бы он заменить своего отца — быть визирем.

— Если хан найдет меня способным, то думаю, что справлюсь с такой задачей,— ответил умный юноша.

Хану понравился такой ответ, и он сделал юношу визирем. Молодой человек был страстным охотником и каждый день приносил хану по девяносто уток.

Однажды, охотясь, он увидел на озере утку, красивую в своем разноцветном оперении. Молодой охотник собрался убить утку, но она заговорила человеческим голосом:

— Визирь, не убивай меня! Я одна из трех дочерей могущественного царя. Играя с двумя своими сестрами, я заблудилась и теперь одинока. Если ты оставишь мне жизнь, то я сделаюсь твоей женой.

Сказав это, утка превратилась в красавицу. Оказалось, что она была из царства пери. Визирь женился на ней и долго не являлся к хану. Хан никак не мог объяснить отсутствие визиря и послал за ним слуг. Они нашли его дома. Как только слуги пришли, жена визиря обернулась

в золотой ящик. Посланные донесли хану, что юноша нашел себе золотой ящик и не хочет уходить от него.

Хан приказал сейчас же позвать визиря к себе. Но жена визиря велела мужу сказать ханским слугам, что он болен и огорчен, что хан не осведомляется о здоровье своего верного слуги.

Наконец визирь явился к хану. Тот спросил его, почему он не был во дворце так долго. Визирь отвечал то же, что слуги хана.

— Не правда,— сказал хан.— Ты нашел золотой ящик, который тебе дороже, чем я.

И хан решил извести визиря.

— В одном городе есть замечательный орел,— сказал он визирю,— который имеет перья девяноста цветов. Достань мне этого орла, если не достанешь, то я сниму с тебя голову.

Визирь возвратился домой и передал жене, что ему сказал хан. Жена что-то прошептала в свой платок и выпустила его из рук. Платок исчез и через час был на месте. Развернув платок, жена выпустила из него орла. В назначенный день орел был доставлен хану.

Хан дал новое задание визирю:

— В таком-то городе есть медведь. У него шерсть девяноста цветов. Доставь его в неделю мне, не то сниму с тебя голову.

Пришел визирь домой, сообщил жене и это приказание хана. Жена опять достала чудесный платок, который через час доставил медведя на дом. В назначенный день медведь был отведен к хану. Хан молча принял его.

После ухода визиря хан позвал своих двух старых визирей и сказал им:

— Было два задания, послав на которые, я хотел погубить ослушавшегося меня визиря, но он вернулся невредимым. Теперь найдите вы какое-нибудь трудное дело, которое он не мог бы выполнить. Если он не исполнит моего приказания, я велю его казнить, если же вы не найдете неисполнимое, то велю вас казнить.

Оба визиря с мешками золота пошли по городу и спрашивали каждого прохожего, не знает ли он такого дела, которого бы нельзя исполнить. Никто не знал такого дела. Наконец один слепой сказал:

— Дело, которое нельзя исполнить,— это: «Иди туда — принеси сюда».

Визири пришли к хану и сказали, что слышали они про такое невыполнимое дело. Хан позвал молодого визиря и сказал ему:

— Найди мне «Иди туда — принеси сюда». Не найдешь — снесу голову.

Визирь передал задание хана своей жене.

— Какой хитрец нашел ему это?— сказала она.— Этого ты не найдешь среди людей, а найдешь среди пери.

Затем она дала мужу свой чудесный платок и сказала, чтоб во время пути он не вытирал лицо и руки чужим платком, а вытирал бы только этим.

— В твое отсутствие,— сказала она,— я обращусь в печь в этом доме и буду ждать твоего возвращения. О смерти твоей меня известит этот платок.

Молодой визирь попрощался с женой и пошел в далекий путь. Вот приходит он в неизвестный ему город. А в нем ни одного человека. Визирь ходил по всем улицам, наконец увидел мальчика и пошел к нему. Как только он приблизился к мальчику, тот вскрикнул и упал.

Визирь спрятался. На крик мальчика слетелись пери и стали гадать: отчего мальчик упал в обморок? Явился их мулла и сказал, что его задел человек. Пери стали искать человека и нашли визиря. Они повели его к своему царю, который хорошо принял его и спросил: откуда он, куда и зачем идет?

— Я путешествую,— сказал визирь,— по приказанию своего хана хожу и ищу «Иди туда — принеси сюда».

Царь пери велел хорошенько угостить путника и отпустить. Когда визирь был в гостях у царя пери, он вынул платок, чтоб утереть свое лицо. Жена царя заметила это и спросила:

— Откуда, путник, ты достал этот платок?

— Платок мой собственный,— сказал путник.

— Скажи мне правду, а то я велю казнить тебя,— сказала ему жена царя пери.

— Платок этот моей жены,— сказал визирь.

— Но этот платок,— продолжала жена царя пери,— принадлежит моей сестре, которая, купаясь однажды в озере, исчезла.

Потом она стала подробно расспрашивать о том, с какой целью ее зять путешествует. Визирь рассказал ей о своей встрече с уткой, ее сестрой.

— Я ищу «Иди туда — принеси сюда»,— закончил свой рассказ визирь.

— Если это здесь есть,— сказала сестра его жены,— то мы поможем тебе взять, если нет, то укажем, где искать.

Но в этом городе не оказалось «Иди туда — принеси сюда». Визирю указали, куда следует идти. Он отправился в путь и прибыл в другой такой же город, где жила вторая сестра его жены. Она обещала помочь зятю. Муж ее объявил, что он даст много золота и серебра тому, кто укажет или расскажет, где находится «Иди туда — принеси сюда».

Но никто на его просьбу не явился и ничего не указал. Только одна слепая лягушка, которая жила на дне глубокого колодца, сказала, что она готова указать просимое, если ей дадут золото. Царь велел насыпать в колодец золота. Тогда лягушка сказала:

— Теперь надо построить из драгоценных камней корабль.

Царь и это исполнил. Когда корабль был готов, лягушка и визирь отправились в плавание.

Плывут они и видят город.

— Этот город,— сказала лягушка,— принадлежит большому царству. Царь этого города никогда не видел чужеземца. Выйдет он на берег, а ты и явись к нему. Царь тебя примет хорошо как чужеземца и скажет слугам: «Иди туда — принеси сюда». Один жигит принесет тебе большую чашку с мясом и чашку чаю. Возьми только одну чашку, другую предложи жигиту. Если он станет пить, то ты спасен, если нет, то тебе будет конец.

Сказав это, лягушка исчезла.

Визирь вышел на берег. Его встретил сам царь и приказал отвести во дворец. Царь сказал одному из своих жигитов:

— Иди туда — принеси сюда!

Жигит принес две чашки — одну с чаем, другую с мясом. Путник выпил чай, а чашку с мясом передал «Иди туда — принеси сюда» — жигиту, принесшему угощение. Это было его имя. Жигит принял угощение, возвратился к царю и сказал:

— Столько лет я служу тебе, царь! Но ты меня ни разу не сажал за свой стол, а путник из предложенного ему угощения одну чашку сам выпил, а другую предложил мне. И обратился он ко мне, как к равному. Я иду с ним.

И он уехал с визирем. Так была выполнена и третья задача хана: «Иди туда — принеси сюда» был найден.

Трогательна была встреча визиря с женой, они оба плакали от радости. Доволен был и народ возвращению молодого визиря. Убили старого хана за несправедливое отношение к визирю, а молодого визиря назначили на его место.

СПОР БРАТЬЕВ И РЕШЕНИЕ ШУЮТЕ

Жил богатый казах, и было у него три сына. Когда отец состарился, и пришло время ему умирать, он призвал сыновей и сказал им:

— Дети мои! Вот я умираю, и все мое богатство завещаю вам поровну. Каждый из вас на доставшуюся ему часть наследства может купить то, что он найдет для себя самым лучшим.

Старик умер. Сыновья его, поделив между собой наследство, разбрелись в разные стороны для того, чтобы каждому для себя купить то, что он найдет лучшим.

Старший купил себе волшебное зеркало,— такое чудесное, что в нем можно было видеть все, что делается на белом свете.

Средний брат приобрел у какого-то волшебника склянку с жидкостью, которая могла не только излечивать больных от всяких болезней, но и оживлять умерших.

А младший брат — он был хороший наездник — купил себе верблюда Желмая, который мог мчаться по земле с быстротою пули.

После этого братья опять сошлись все вместе, как это было условлено между ними раньше, и стали друг другу рассказывать о своих покупках.

Когда они все трое разглядывали волшебное зеркальце старшего брата, то увидели в нем, что во дворце у хана, живущего за тридевять земель, умирает его любимая дочь-красавица.

Тотчас же сели они все трое на верблюда Желмая и с быстротою пули домчались до того города, где жил хан. Явились они во дворец, где лежала больная ханская дочь, и дали ей волшебного лекарства.

Красавица сразу ожила и побежала к своему отцу. Хан очень обрадовался, позвал он братьев и объявил:

— Кто из вас вылечил мою дочь, за того отдам ее замуж.

Братья стали между собою спорить, кому из них должна достаться в жены ханская дочь.

Старший брат говорит:

— Если бы не было моего зеркальца, мы бы не узнали, что красавица больна. Поэтому красавица должна быть моею женой.

Второй брат, средний, на это возразил:

— Правда, зеркальце показало нам, что красавица больна. Но ведь не оно исцелило ее, а мое волшебное питье. Поэтому красавица должна выйти за меня.

— Нет, красавица должна быть моею женой,— сказал им на это младший брат.— Ведь если бы не было моего Желмая, мы не приехали бы сюда вовремя!

Услыхал их спор хан и сказал:

— Вас может рассудить только мудрейший старец Шуюте, что проживает в здешнем городе.

И хан велел позвать во дворец мудрого старца. Мудрец явился по ханскому зову и, выслушав спор братьев, сказал:

— Старший из вас не прав. Хоть зеркало и показало вам, что красавица при смерти,— но не в нем сила. Ведь солнце и месяц видны всем на земле, но никто не может взять их руками.

— И ты не прав,— обратился мудрец к среднему брату: хоть твое лекарство действительно может исцелять больных и воскрешать мертвых, но ведь оно не действует на расстоянии, и, находясь в другом городе, вы не могли бы возвратить к жизни красавицу. Ведь так? Вся сила — в верблюде Желмае,— закончил мудрец.— Не будь верблюда, вы не домчались бы так быстро в столицу. Поэтому хозяин Желмая по праву может стать мужем красавицы.

Так младший брат сделался ханским зятем. Старшие братья остались жить при нем, и зажили они все дружно. А верблюда Желмая младший брат всю свою жизнь берег и холил.

КЕБИС, ВОЛШЕБНОЕ КОЛЬЦО И ВЕТОЧКИ

Как-то раз шел жигит по степи, очень долго шел. Его мучил голод и томила жажда, но вокруг ничего не было. И вот он увидел глубокую яму, в которую шел спуск по лестнице. Жигит решил, что в яме живут люди, и спустился в нее. Пройдя несколько шагов, он увидел огромную дверь, возле которой лежал камень. Жигит перешагнул его, дверь открылась. Он перешагнул порог, и дверь закрылась. Оказался он в узкой длинной комнате. Жигит пошел по ней. В конце комнаты была большая яма, наполненная человеческими костями, оторванными руками и ногами. И среди всего этого валялись вырванные глаза. Жигит пришел в ужас, страх одолевал его, но дальше идти некуда да и назад не было уже хода: дверь за ним закрылась и не открывалась больше.

Вдруг жигит заметил вверху небольшое отверстие, через которое пробивались лучи света. Отверстие было очень высоко. Чтобы добраться до него, жигит стал складывать человеческие кости. Так три дня и три ночи складывал он эти кости. Наконец добрался до отверстия. Хотел пролезть в него, вдруг появился какой-то человек в золотых кебис и загородил ему путь. Жигит ухватился за ноги человека, и тот вдруг стал подниматься вверх — все выше и выше увлекая за собой и жигита. Они поднялись высоко-высоко, потом человек в золотых ке-

бис стал опускаться. Жигит оторвался и упал на землю. Человек, который его таскал, превратился в тучу, стал подниматься выше и выше и наконец исчез. Остался от него один кебис. Жигит спрятал кебис под рубаху и пошел. Пришел он в неведомый город. Видит, жители этого города собираются откочевывать.

— Почему вы уходите из города? Зачем бросаете его? — спросил у них жигит.

И ответили на это ему жители:

— Посредине города находится маленькая лужа. В неделю один раз она разливается и заполняет город водой. Если мы бросим в воду красавицу-девушку и барана, то вода входит в берега, перестает разливаться. А если мы ничего не даем луже, то вода уносит и разрушает все. Сегодня день разлива. Вот мы и уходим из города.

— Я пойду и сделаю так, что вода не будет разливаться,— сказал жигит,— обещайте только мне то, что я захочу.

Жители согласились.

— Сделай только так,— сказали они,— чтобы лужа не разливалась больше.

Жигит прождал три дня, на четвертый день лужа разлилась. Жигит взял с собой кинжал, сел в лодку и поплыл на середину разлившейся лужи. Плывет он в лодке и видит: в воде торчит указательный палец, а на нем золотое кольцо. Он ухватился за палец, и завязалась борьба. Три часа шла борьба. Вода остановилась на одном уровне. Наконец палец вырвался, и у жигита осталось золотое кольцо. Он спрятал его вместе с кебис.

Вода быстро стала убывать, и в конце концов исчезла даже лужа Тогда юноша и говорит жителям города:

— Вы обещали дать мне то, что я захочу.

— А что ты хочешь? — спросили жители города.

— Постройте мне хороший дом, найдите мне хорошую невесту и дайте богатство. Я останусь здесь жить.

— Нет,— сказали люди,— мы не сможем тебе построить дом, мы не сможем тебе найти невесту. Дать можем только деньги.

— Если вы не дадите мне то, что я хочу,— сказал жигит,— то я уйду от вас. Денег мне ваших не надо.

И молодой путник пошел дальше.

Через девять дней он попал в другой город. Жители и этого города собрались перекочевывать.

— Зачем вы это делаете? — спросил жигит.

— Уж третий день, как умер сын хана,— ответили ему жители,— Каждый день в двенадцать часов ночи мертвец приходит в город, носится по улицам в виде верблюда и кричит — пугает женщин и детей. Вот мы и решили покинуть эти места.

— Я пойду на могилу ханского сына,— сказал жигит,— и сделаю так, чтобы он не мог выйти из нее. За это вы должны дать мне то, что я попрошу.

Жители согласились.

Солнце еще не закатилось, а жигит уже пришел на могилу и стал ждать. Вдруг раздался грохот, шум, в ушах зашумело. Оглянулся жигит вокруг — ничего нет. Долго он так сидел. От нечего делать взглянул на небо и увидел: прямо к нему летела черная туча. Жигит неподвижно сидел и наблюдал. А туча прилетела, превратилась в человека, и стал этот человек железной лопатой и мотыгой раскапывать могилу. Разрыл он могилу, побрызгал какой-то водой, и сын хана ожил. Человек-туча поставил лопату и мотыгу в углу могилы, а сам превратился в красивую девушку. И бросилась эта девушка к ханскому сыну, стала его целовать и ласкать.

Жигит воспользовался этим, взял лопату и мотыгу. Девушка исчезла. Лопата и мотыга обратились в две маленькие веточки. Сын хана остался живым.

Жигит спрятал веточки, не показав их сыну хана, и сошел к нему в могилу. В ней он пробыл до утра. Взошло солнце. Оба они пошли в город, прямо к отцу покойного. Жигит оставил ханского сына на дворе, а сам вошел в дом. Поклонился отцу покойного и попросил разрешения говорить. И когда получил его, то сказал так:

— Я привел вашего сына живым.

— Ты шайтан! — сказал хан.— Как ты мог привести умершего? Ты шайтан! Уходи от меня!..

— Если ты не веришь,— сказал жигит,— то пойди во двор и посмотри. Он там стоит.

Вышел хан во двор и удивился: перед ним стоял его сын. Обнял он

его, заплакал. Вошли они в дом. Хан позвал и жигита, угостил его, велел собрать весь народ, чтобы всех угостить в честь возвращения сына. Был устроен большой той. После пира жигит и говорит жителям:

— Теперь выполните мое желание.

— Чего же ты хочешь? — спросили они.

— Я хочу быть вашим ханом,— сказал жигит.

Хан у них был, и они не согласились на просьбу жигита.

Рассердился жигит и ушел от них.

Идет он по голой степи. Прошло четыре дня. Хочет жигит есть и пить. А день был жаркий. На небе появилась туча. Казалось даже, что пойдет дождь. Жигит обрадовался, что сможет напиться. Посмотрел на небо и что же видит: на небе огромная туча, а в ней дом, из золота и серебра.

«Как бы подняться в этот дом?» — подумал жигит, но ничего не смог придумать. Тогда он вспомнил про свои волшебные веточки: «Вот если б эти веточки превратились в большое дерево, по нему бы я смог влезть туда». Только он достал эти веточки, бросил на землю — сразу же перед ним появилось роскошное дерево, уходившее своей вершиной к воздушному дворцу. Вошел в него по дереву жигит, и дерево опять превратилось в веточки. Он спрятал их.

Идет жигит по комнатам дворца, рассматривает. Зашел в последнюю комнату. В ней стояли три кровати с пуховиками, покрытыми белыми покрывалами. Посредине комнаты стоял стол, покрытый белой скатертью с кисточками. На столе лежали книги, зеркало и коль-бака (озерная лягушка). На стенах висели картины. На одной из них был нарисован пророк Магомет с войском — он воевал с пери. Тут же висели картины, на которых были нарисованы разные пери.

Жигит сел за стол и подумал: «Кто может прийти сюда? Кто-то обязательно придет, но кто? Скроюсь я». И он залез под одну из трех кроватей. Лежит и ждет. Пролежал так он несколько часов. Вдруг через окно влетели три лебедя. Прилетели они и сели на стол. Оглянулись кругом, сбросили с себя лебединый покров и — превратились в красивых девушек.

Причесались они перед зеркалом и стали рассматривать картину войны пророка с пери. Смеялись над ней... Одна из них стала готовить чай, остальные две уселись за стол и стали рассматривать книги. Скоро

и чай появился на столе. Девушки пьют чай с конфетами и фруктами, беседуют между собой, делятся новостями.

— Хочу вам рассказать свое приключение,— сказала одна из них,— да не знаю, поверите ли вы мне.

— Говори, говори,— просят девушки,— мы тоже тебе расскажем — и у нас были приключения.

— Я выстроила под землей себе дом,— начала свой рассказ девушка.— В этом доме была только одна дверь. Эта дверь закрывалась, как только человек переступал ее порог. Сама же я спускалась сверху в небольшое отверстие и съедала пришедшего туда. Но однажды, когда я опускалась в свое подземелье, меня кто-то схватил за ноги. Как я ни старалась не давать свои ноги, он снял с меня один кебис. Не знаю этого человека, но кто бы он ни был, я пошла бы за него замуж.

Стала рассказывать другая девушка:

— И со мной было приключение. Я устроила в одном городе лужу, которая по моему приказанию разливалась и покрывала весь город, если жители этого города не давали мне одну красавицу-девушку и барана. Но кто-то снял с меня волшебное кольцо, и я лишилась власти. Не знаю этого человека, но кто бы ни был он, я бы пошла за него замуж.

Наконец третья девушка рассказала.

— Я любила ханского сына, но он меня отвергал. Я усыпила его прежде чем он должен был умереть. Отец решил, что он умер, и похоронил жигита. Я прилетала к его могиле, раскапывала ее и наслаждалась его ласками. Но однажды кто-то отобрал у меня две волшебные веточки, которыми я разрывала могилу жигита. Я бы пошла замуж за этого смелого человека.

Жигит выскочил из-под кровати и сел к столу. Девушки испугались, бросились к лебединым покрывалам, но жигит остановил их.

— Не бойтесь! — сказал он им.— Узнаете ли вы эти вещи? И он положил на стол кебис, золотое кольцо и две веточки. Девушки, увидев свои вещи, оставили лебединые покрывала, подошли к столу.

— Я искал вас,— сказал им жигит,— и вот нашел. Берите свои вещи, но не изменяйте своим обещаниям.

И стали жить они все вместе. И до сих пор живут.

БАТЫР, ПОБЕЖДАЮЩИЙ ЗЛЫХ ДУХОВ

Жил в старину один бай. Много добра у него было: и табуны лошадей и стада баранов, и никто в той стране не мог сравняться с ним в этом богатстве. И была у бая кобыла, которая наполовину была из золота, а наполовину из серебра. Каждый год кобыла приносила по жеребенку — такому же, как она сама. Но каждый год на заре, когда она жеребилась, спускалось с неба облако и уносило жеребенка. Так продолжалось много лет.

У бая было три сына. Сыновья выросли, и как-то раз отец позвал их к себе:

— Я стар и при жизни хочу определить, кому и что дать в наследство. Теперь из жеребят, похищенных облаком, составились бы целые табуны лошадей, но облако по-прежнему похищает их. Кто из вас узнает, куда прячет облако эти табуны, которые должны быть наполовину из золота, а наполовину из серебра, тому они и достанутся.

Сыновья согласились караулить то облако. И вот старший из них пошел в табуны в тот день, когда пришло время жеребиться кобыле. Поймал он ее и ждет, что будет. Вдруг является облако и похищает жеребенка. То же самое произошло и при среднем брате во второй год.

Наконец отправляется младший брат. Идет он в табуны, а сам думает, что это облако не простое, а какая-то нечистая сила. Поймал он кобылу, стреножил ее и ждет, что будет.

Поутру кобылу жеребится. Как только жеребенок начал расправлять ноги, с неба спустилось на землю облако. Как только оно схватило жеребенка, младший брат выстрелил в него. Облако взвизгнуло по-женски и уронило что-то на землю. Младший брат прибежал на то место, где был жеребенок, и видит: на земле лежит женский палец. Он взял его, завернул в тряпицу и ушел домой.

Пришел он к отцу и стал проситься у него пойти поискать то место, куда облако прячет жеребят.

Отец благословил его, и жигит отправился в путь-дорогу.

Долго он скитался по белому свету и наконец пришел в одно место, где было большое скопище народа. Жигит вошел в толпу, спросил, почему здесь такое сборище? И народ рассказал ему, что они собрались принести жертву аллаху, чтобы он избавил их хана от страшных мучений, которые он терпит в своей могиле. Каждый вечер на его могилу прилетает на белой лошади какой-то человек в белом одеянии и перепрыгивает через могилу. После этого хан встает из могилы и бьется в страшных мучениях. И так мучается до белой зари, пока человек в белом одеянии не исчезает. У хана осталась красавица дочь, она дала слово выйти замуж за того, кто избавит умершего отца от неизвестного посетителя его могилы.

Жигит просит указать ему, где похоронен хан, и отправляется на его могилу. В сумерках появился человек в белом одеянии, перескочил через могилу и крикнул: «Встань!». Хан очнулся. Жигит схватил незнакомца за концы его одежды и вырвал у него из рук нагайку. Человек в белом одеянии что-то произнес по-женски и исчез. По утру жигит пошел к ханской дочери и сказал ей, что незнакомец больше не явится. И действительно, хан не вставал больше из могилы. Человек в белом одеянии и на белой лошади исчез.

Ханская дочь предложила жигиту свою руку, но он попросил ее подождать и отправился дальше в путь-дорогу.

Долго шел он по пустынным местам и наконец видит: опять народ собрался на берегу большой реки. По реке плывет корабль, а народ на берегу плачет. Жигит попросил объяснить: почему народ плачет, что у них за горе? И ему рассказали:

— Много погибло народу в этой реке. Только корабль доплывает до середины реки, как из воды показывается рука и топит корабль.

Жигит сел на этот корабль. Когда корабль дошел до середины ре-

ки и из воды показалась рука, чтобы схватить корабль и потопить его, жигит наклонился и схватил эту руку. Рука взвизгнула по-женски, вырвалась, а в руках у жигита остался перстень. С тех пор народ благополучно переправлялся через реку.

Пошел жигит дальше. Шел, шел — утомился, изнемог и решил отдохнуть. Вдруг видит, в стороне от дороги три белые кибитки стоят. Вошел жигит в одну из них — никого, вошел в другую — никого, входит в третью — слышит разговор девушек.

Говорит одна из них:

— Каждый год я похищала у одного бая жеребят наполовину из золота, наполовину из серебра, и сейчас у меня целые табуны лошадей, они пасутся за высокими горами. Но однажды, когда я явилась за жеребенком, какой-то жигит выстрелил в меня и отшиб у меня палец. За этого жигита я охотно бы вышла замуж.

Стала рассказывать вторая девушка:

— Жил по соседству с нами один хан, который постоянно сватался за меня и до своей кончины не переставал свататься. Я дала слово отомстить ему. Вот и летала каждую ночь на его могилу, воскрешала его и причиняла страшные муки. Но однажды какой-то жигит поймал меня за концы моей одежды, вырвал у меня волшебную нагайку. За этого жигита я непременно бы вышла замуж.

— Я б охотно вышла замуж за жигита, который у меня сорвал с пальца перстень,— сказала третья девушка.— Я топила много народу в реке, когда корабль выплывал на середину реки. Но какой-то жигит поймал меня за руку и сорвал с меня волшебный перстень. Встретить бы этого смелого жигита!

Как только проговорила это третья девушка, жигит вышел из-за укрытия и сказал им, что он тот самый жигит, которого они разыскивают.

Девушки стали просить жигита убить их братьев — дау. Без их разрешения они не смогут выйти за него замуж, а братья не согласятся. Девушки обещали помочь ему в борьбе с дау.

К вечеру пришли дау. Их было трое. Жигит вступил с ними в поединок: убил одного, другого, но третьего побороть было трудно. Стали драться жигит и дау, не уступают друг другу. Наступил вечер — они

борются. Устали оба. Вот уже полночь, а они дерутся. Вдруг прибегает одна из сестер дау и бросает под ноги брата просо, а под ноги жигита золу. От проса дау поскользнулся и упал. Жигит убил его. Потом он забрал с собой девушек, за горами нашел табуны, погнал их домой. Долго шли они и наконец дошли до ханской дочери. И ее взял с собой жигит.

Так жигит вернулся благополучно к отцу.

КРАСАВИЦА МИРЖАН И ВЛАДЫКА ПОДВОДНОГО ХАНСТВА

Жила на свете бедная вдова. Была у нее единственная дочь, первая в роде красавица. Звали ее Миржан.

Раз в жаркий день пошли девушки к реке купаться, позвали с собой Миржан. Разделись, вошли в воду. Девушки говорят:

— Какая ты красивая, Миржан! Если бы хан увидел тебя, он сказал бы: «Свет мой Миржан, я отдам тебе все свои сокровища, только будь моею!»

Застыдилась Миржан, потупила взор.

— Зачем вы так шутите, подружки? Хан и не глянул бы на меня. Ведь я беднее всех в ауле.

И едва она это сказала, как вдруг забушевала в реке вода и послышался из пучины чей-то могучий голос:

— Свет мой Миржан, я отдам тебе все свои сокровища, только будь моею!

Перепуганные девушки с визгом кинулись на берег, схватили свои одежды и понеслись толпой в аул. А про Миржан и забыли.

Стоит красавица на берегу и видит: на ее платье, свернувшись в семь колец, лежит огромный змей, высоко поднял голову, глаз с нее не сводит.

— Свет мой Миржан! — говорит змей.— Я владыка подводного ханства. Люблю тебя больше жизни. Будь моей женой! Подарю тебе свой

хрустальный дворец. Решайся! Дашь слово выйти замуж за меня — верну тебе платье, нет — унесу его на дно. Что тогда делать будешь?

Растерялась Миржан, не помня себя от страха, дала слово. И вот уже змея нет как нет, лишь круги побежали по реке, волны о берег плещутся. Оделась девушка кое-как и пустилась бежать вслед за подружками. Вбежала в юрту, упала перед матерью и разрыдалась.

— Что с тобой, душа моя? — встревожилась вдова.— Кто тебя обидел?

Рассказала Миржан, что с ней приключилось, ломает руки.

— Как теперь быть? Дала я слово. Разве можно от слова отступиться?

Гладит ее мать по голове, прижимает к груди, утешает:

— Успокойся, дитя мое. Страшный змей тебе, видно, почудился. Не бывает такого на свете. Сиди дома, не выходи никуда.

Прошла неделя. Повеселела Миржан. Мать ее на вороний шаг из юрты не пускает, и сама далеко не уходит.

Вот однажды выглянула старуха за дверь и схватилась за голову:

— Ойбай, конец нам приходит! Сколько видит око, ползут от реки черные змеи к нашей юрте!..

Побледнела Миржан:

— Это за мной!..

Заперли дверь, заложили ее всем скарбом, спрятались под кошму и не дышат от ужаса.

А змеи ползут и ползут, все ближе и ближе — шум стоит над степью. Подползли к юрте — нет входа. Зашипели гады, свернулись клубками, прянули на юрту, рассекли хвостами кошмы, изломали кереге, ворвавшись внутрь, подхватили бесчувственную Миржан и понесли к реке. С громкими воплями бежала вдова следом, протягивая руки к дочери,— не догнала. Погрузились змеи в воду, и с ними исчезла красавица Миржан.

Шатаясь от горя, возвратилась старуха к своему разоренному жилищу, повалилась на землю, запричитала:

— Погибла моя дочь Миржан! На век обездолил меня проклятый змей!..

Катилась луна за луной, шло время. Совсем одряхлела одинокая вдова, согнулась ее спина, побелели волосы. А все чего-то ждет, все смотрит потухшими глазами в степную даль, куда унесли дочь черные змеи.

Вот как-то сидит она в печали у порога своей нищей юрты и вдруг видит: идет к ней молодая женщина, нарядная, как ханша, правой рукой ведет мальчика, а на левой держит девочку.

Затрепетала старуха.

— Ойпырым-ай! Миржан! Дочь моя! Ты ли это?

Обнялись, поцеловались, вошли в юрту. Смотрит старуха на дочь, на внучат и глазам своим не верит.

— Откуда же ты пришла, Миржан?

— Я пришла из подводного ханства. Мой муж — его владыка.

— Хорошо ли тебе живется под водой?

— Нет никого счастливее меня. Но я соскучилась по тебе, мать, и захотела показать тебе наших деток.

— Неужели же, дочка, ты уйдешь назад к проклятому змею? Неужто снова покинешь свою горемычную мать? —спросила вдова, а про себя подумала: «Никогда не бывать этому! Ни за что теперь не расстанусь со своей Миржан...»

— Милая мать,— отвечала Миржан,— прости меня, но я не могу долго у тебя гостить. К вечеру мы должны быть дома, в подводном дворце. Муж ждет нас. Я люблю его, мать. Он отец моих детей. И он лишь на земле принимает облик змея, в своих же владениях — это прекрасный богатырь, каких нет меж людей.

Задумалась мать, долго молчала, а потом и говорит:

— Что ж, видно, участь наша такая. Но как же ты снова найдешь дорогу в подводное ханство?

— А вот как. Я подойду к реке и крикну: «Ахмет, Ахмет, я твоя жена, приди, мой свет, поднимись со дна!» — И муж тотчас явится передо мной и отведет нас во дворец.

«Хорошо,— подумала старуха,— знаю теперь, что мне делать». Тут она заплакала и стала умолять дочь:

— Не хочешь жить со мной всегда — переночуй в родном жилище хоть одну ночку!..

Пожалела Миржан старую мать, согласилась остаться у нее до утра. Рада старуха, сразу помолодела.

А день уже на исходе. Ночь наступила. Заснули дети, заснула и красавица Миржан. Тогда старуха поднялась потихоньку с постели, отыскала в потемках топор и крадучись выбралась из юрты.

Подошла она к реке, встала над обрывом и крикнула громким голосом:

— Ахмет, Ахмет! Я твоя жена, приди, мой свет, поднимись со дна!

В тот же миг змей появился из воды и, положив голову на берег, ласково сказал:

— Наконец-то ты пришла, моя Миржан! Заждался я тебя, истосковался по детям...

Не стала медлить старуха, взмахнула топором и отсекла змею голову... Покатилась голова по берегу. А река сделалась красная-красная от крови.

На утро проснулась Миржан, собрала детей и стала прощаться с матерью:

— Прощай, мать, приду к тебе через год.

Приближается красавица к реке,— мальчика за руку ведет, девочку на руках несет. Стала над водой, зовет мужа:

— Ахмет, Ахмет! Я твоя жена, приди, мой свет, поднимись со дна!

Нет никого. Подождала Миржан, кличет снова:

— Ахмет, Ахмет! Я твоя жена, приди, мой свет, поднимись со дна!

Все не выходит из темных глубин владыка подводного ханства. Заныло сердце у Миржан, присмотрелась она к реке — а вода-то вся красная-красная от крови... и голова змея рядом в камыше лежит.

Все поняла Миржан, заплакала, стала детей целовать:

— Умер родитель ваш!.. Я виновата в его гибели... Нет у вас отца, не будет и матери!

Глянула она в последний раз на детей и говорит:

— Ты, дочка, ласточкой будь,— низко летай над водой! А ты сын, будь соловьем,— на заре рано песни пой! Я же, мать ваша, кукушкой стану, с места на место кочевать стану, по мужу тосковать буду, печально куковать буду!..

Сказала — и обернулись все трое птицами, взмахнули крыльями, разлетелись в разные стороны.

ГАНИ И АЛИМ

В былые времена в одном ауле жил с матерью жигит Гани. Каждый день он уходил в лес, стрелял птиц и зверей, шкуры продавал, а мясо, если оно было съедобно, шло в пищу. Тем и жили.

Однажды Гани принес с охоты зайца, разрубил его и говорит:

— Свари, мать, заднюю часть сегодня, а переднюю припрячь до завтра.

Только сказал — соскочила с пня передняя часть и наутек, а задняя за ней следом. И скрылись вдали.

Гани остолбенел:

— Что за диво, мать! Никогда бы не поверил, что может такое случиться. Не сон ли это?

Мать отвечает:

— Нет, мой сын, это не сон. Случаются в жизни чудеса еще и помудренее. Сходи-ка к старому Алиму, он тебе кое-что порасскажет...

Пошел Гани. Входит к Алиму, почтительно отдает салем. Алим приветливо встретил жигита и стал спрашивать, по какому делу он к нему явился.

— Говорят в народе,— отвечал Гани,— вы, дедушка, много удивительных историй знаете. Вот я и пришел послушать, набраться ума.

Понравился Алиму жигит, усадил его старик рядом с собой и начал рассказ.

— Давно это было. Был я тогда молод, строен и силен, как ты, Га-

ни. Приглянулась мне одна красавица — женился я. Хорошо, весело мы жили с женой первое время. И не думалось мне, простаку, что подстерегает меня великое горе.

Стала жена чаще и чаще из дому уходить, по целым дням пропадать. Подозрительно мне это показалось. Говорю ей раз: «Ты где все бродишь? Что дома не бываешь? Смотри, привяжу тебя арканом!» Сверкнула глазами, переменилась в лице, вижу — крепко рассердилась.— «Что так глядишь? — спрашиваю.— Разве я тебе не муж?» Молчит, а в глазах — лютая злоба. Стоим друг против друга. Вдруг выхватила она откуда-то тоненький прутик, хлестнула меня трижды и проговорила быстро: — «До сих пор ты мне мужем был, теперь псом будь!»

Хотел я прикрикнуть на нее за такие речи, раскрыл рот — нет человеческого голоса, а вместо слов только — гав! гав! гав! Превратила меня жена в собаку. Колдунья она была.

Горькие дни наступили. Каких только мук не вытерпел я от бессердечной: в дом не пускала, кормить не кормила, сто раз на день палкой колотила да ногой пинала.— «Что,— спрашивает со смехом,— хочешь теперь знать, где я бываю, почему дома не сижу?» Невмочь мне стало. Чувствую — смерть приходит. Решился я, и убежал от жены.

Шел, шел, пришел в лес. Там на поляне пастух стадо стережет. Приблизился я несмело к человеку. Он не прогнал меня, а накормил и приласкал. Остался я здесь, стал верно служить пастуху. Забредет корова в чащу — я тотчас заворочу ее, волк ли, чужой ли кто покажется — никого к стаду не подпускаю. Пастух так на меня полагался, что совсем за стадом глядеть перестал. Пригонит поутру коров в лес, а сам уйдет и только к вечеру явится снова.

Как-то раз бай увидел пастуха в ауле среди дня и говорит ему в сердцах: — «Ты вот слоняешься здесь, как купец по базару, а коровы в лесу без надзора, кто захочет, тот и угонит стадо. Не годится так делать: взялся пасти, так паси!»

Пастух в ответ: — «У меня в лесу есть такая собака, что ни вора, ни зверя к стаду не подпустит и коровам не дает разбрестись. Нет ей цены. Надежнее всякого пастуха».

Бай говорит: — «Давай биться об заклад! Если я не уведу от собаки из стада корову, плачу тебе триста рублей, а если уведу,— ты что мне дашь?» — «Если уведешь корову, бай,— отвечает пастух,— весь век бесплатно у тебя батрачить буду».

Согласились. Отправился бай в лес, начал подбираться к коровам. Да не тут-то было: налетел я на него, как шайтан, поднял лай, изорвал на непрошенном госте всю одежду.

Вернулся бай назад ни с чем, перепуганный, в лохмотьях. Пришлось ему отдать работнику обещанные триста рублей.

После этого случая пастух меня еще больше полюбил. Но все же, тяжко мне было оставаться бессловесной тварью. «Неужто,— думаю,— жена не забыла свой гнев? — Небось, она и сама уже жалеет о том, что натворила».

Ободряя себя надеждой, поспешил я на родину. Подхожу к дому, скребусь под дверью. Открылась дверь: на пороге жена, нарядная и красивая. Я с мольбой глядел ей в лицо и жалобно взвизгивал. А у нее в глазах по-прежнему была одна только ненависть.— «Зачем явился? — спросила она грозно.— Не хочешь ли все-таки проведать, куда я хожу и где пропадаю? Так вот же тебе!» — И, выхватив волшебный прутик, она хлестнула меня, приговаривая.— «До сих пор ты собакой был, теперь дятлом будь!» В то же мгновение я превратился в птицу и с печальным криком полетел в лес.

Вскоре зима наступила. Холодно, голодно стало в лесу. Перелетаю с ветки на ветку в тревоге: того и гляди, в когти хищной сове попадешь... Жизнь не мила, и погибать страшно.

Однажды в чащу пришли дети. Болтают между собой, смеются. Сжалось у меня сердце, заплакал бы, кажется, если б птицы плакать умели,— так потянуло меня к людям!

А ребятишки расставили силки для птиц и убежали. Не долго думая, я слетел с дерева и — будь что будет! — нарочно запутался в силке. Слышу: опять идут сюда дети. Увидев в силке добычу, они обрадовались, зашумели, раскричались и, счастливые, понесли меня в аул. Тут они дали мне творогу, чистой воды и все любовались моими пестрыми перышками, усевшись в кружок.

В это время в хижину вошел старый человек, с бородой, белой, как туман. Он посмотрел на меня пристально и спросил детей: «Что это у вас?» Дети наперебой закричали: «Это дятел! Мы поймали его в лесу».

Старик покачал головой и сказал: «Нет, внучата, не дятла вы поймали...»

Понял я: мудрый это человек, много знает. Я замер и жду, что будет дальше.

Старик же достал из потайного места тонкий прутик и, дотронувшись до моей спины, произнес: — «До сих пор ты дятлом был — снова человеком будь!»

И я стал человеком, таким, каким был прежде. Чуть не лишился я рассудка от радости. Не помню, что говорил, не помню, какими словами благодарил своего избавителя.

Когда же я опомнился, добрый старик угостил меня, точно самого близкого родича, и приказал рассказать о себе всю правду. Долго я говорил, ничего не утаил, а старик внимательно выслушал меня и сказал: — «Смело возвращайся, Алим, в свое жилище, отныне жена не властна над тобой. Возьми в подарок от меня волшебный прутик. Он поможет тебе отомстить колдунье».

Простился я с мудрым старцем почтительнее, чем с отцом, и направился в свой аул. Долог ли, короток ли был мой путь — не заметил я.

Стучусь в дверь дома. Выходит жена, все такая же нарядная и красивая. Увидела меня — и отшатнулась. Взмахнула волшебным прутиком, но я опередил ее и ударил своим, говоря:

— Ты женой мне была, теперь зайцем будь! Хотела меня запугать — живи сама в вечном страхе!

Не успел я произнести свои слова, как жены уже не было рядом: превратившись в зайца, она умчалась в степь.

С той поры и живу один. Много лет миновало. По правде сказать, я давно простил жену и рад был бы снять с нее заклятие, да не могу узнать, куда она запропала, нигде не встречаю заколдованного зайца.

Услышав про заколдованного зайца, Гани насторожился и в волнении начал рассказывать Алиму о том странном происшествии, которое его привело к старику. Алим ударил ладонями по коленям и вскочил с места:

— Что ты наделал, Гани! Ведь заяц, которого ты разрубил,— моя жена. Иду искать ее!

И только Алим с жигитом перешагнули порог, как видят: скачет на двух ногах передняя часть разрубленного зайца, а задняя ее догоняет. Вот догнала — и заяц сросся вдруг и кинулся, дрожа, к ногам Алима. Старик хлестнул зайца прутиком и проговорил:

— Была ты зайцем — женой мне будь! Про то, что минуло, навек забудь!

Смотрит Гани: стоит перед ними красавица, каких не много на свете

отыщешь. Даже зажмурился юноша от такой красоты. А когда открыл глаза, то еще больше поразился: и Алим, что только что был седобородым стариком, стал тоже молодым, стройным и сильным!

Обнялись муж и жена. Много тут радости было. На другой день Алим богатый той справил на весь аул. И первыми его гостями на тое были Гани с матерью.

В скором времени и Гани женился. Хорошую жену взял.И все, о ком рассказано в этой сказке, жили долго, дружно и счастливо.

ТРИ БРАТА И ПРЕКРАСНАЯ АЙСЛУ

Жили в одном ауле три кровных брата. Были это такие силачи и удальцы, что все сверстники гордились ими, все девушки заглядывались на них, все старики их хвалили. Крепкая дружба связала братьев с младенческих лет: никогда они не разлучались, никогда не ссорились, ни о чем не спорили.

В какой-то из дней выехали братья в степь на охоту с беркутом. Долго не попадались им на глаза ни зверь, ни п . Уже готовы были они повернуть коней к аулу, как вдруг видят: бежит по степи, прижимаясь к земле, лисица, красная, как огонь,— много денег дадут за шкурку такого зверя! Кинул старший брат беркута вверх — расправил крылья беркут, взмыл в поднебесье и пал с высоты молнией на лисицу.

Погнали жигиты коней, вихрем примчались к месту, где опустился беркут, глядят и дивятся: лисицы нет, будто ее не бывало, а птица сидит на камне, и камень тот не простой — рука и резец великого мастера изобразили на нем девушку, прекрасную обликом. А внизу надпись:

«Кто найдет этот камень и принесет ко мне, тот будет моим повелителем и супругом».

Без слов и движения стояли жигиты перед удивительным камнем, и у каждого в сердце все жарче разгоралась любовь к той, что, как живая, смотрела на них с портрета.

Старший брат сказал:

— Как нам быть и что предпринять? Ведь мы втроем нашли чудесный камень.

Средний брат сказал:

— Бросим жребий: пусть судьба укажет, кому идти за красавицей.

А младший молвил:

— Братья, мы вместе нашли чудесный камень, так давайте же вместе разыскивать и прекрасную. И если мы будем так удачливы, что увидим ее наяву, пусть она сама выберет себе мужа.

На том и порешили. Подняли камень, а под ним в кожаном мешке лежит драгоценный клад — три тысячи старинных червонцев. Разделили находку поровну и, не заезжая в аул, пустились в странствия на поиски невесты.

Всю степь изъездили молодцы из края в край, истерли седла, изорвали сбруи, насмерть загнали скакунов,— нигде нет девушки, подобной той, что вырезана на камне. Наконец прибыли путники в столицу хана. Тут же на окраине встретили они старую женщину, и, показав ей камень, спросили, не знает ли она, в какой земле живет красавица, изображенная на портрете..

— Как же мне не знать? — отвечала женщина.— Это дочь нашего

хана. Ее зовут Айслу. Нет на свете девушки, равной ей красотой и достоинствами.

Поблагодарив старуху, братья не чуя усталости, поспешили во дворец хана. Стража, видя в их руках заветный камень, пропустила жигитов.

Представ перед прекрасной Айслу, юноши застыли в оцепенении: красавица носила имя луны, а сама была, как солнце.

— Кто вы? — спросила Айслу.— И какое дело вас привело ко мне?

Старший брат ответил за всех:

— Госпожа, охотясь в степи, мы нашли камень с твоим изображением и вот, исходив полсвета, принесли его тебе. На камне есть надпись — ты знаешь ее содержание. Исполни обещанное, Айслу! Выбери себе в мужья одного из нас.

Красавица поднялась с драгоценных ковров и, приблизившись к братьям, сказала:

— Доблестные жигиты, велик ваш подвиг, и я не отрекаюсь от обещания. Но как мне поступить по справедливости, если вас трое и все вы равны передо мной? Как отличить достойнейшего? Хочу испытать вашу любовь. Я стану женой того из вас, кто добудет для меня самый диковинный подарок. Согласны ли на такое условие?

Поклонились ей братья и тотчас снова отправились в дорогу, не ведая того, что дочь хана уже полюбила всей душою младшего из них. И так велика была ее любовь, что с этого дня и часа стала она бледнеть и таять, точно от тяжкого недуга, а вскоре слегла в постель и перестала узнавать даже родного отца. Хан был в отчаянии. Он созвал лекарей и бахсы со всего света, посулив тысячу верблюдов тому, кто исцелит его дочь. Полный дворец набилось знахарей и колдунов, но прекрасной дочери хана с каждым днем становилось все хуже и хуже.

А три брата в это время были далеко от столицы. Долго шли они общим путем, но вот дорога разделилась, и жигиты разошлись в разные стороны, договорившись при прощании через тридцать дней вновь встретиться на этом месте.

Старший брат пошел вправо и через некоторое время достиг большого города. Обойдя все лавки, он увидел в одной из них удивительной работы зеркальце в золотой оправе.

— Что стоит это зеркальце? — спросил юноша.

— Зеркальце стоит сто червонцев, а тайна его — пятьсот.

— В чем же его тайна?

— Это зеркальце таково, что если на утренней заре поглядеть в него, то увидишь все совершающееся на свете.

— Вот такая-то вещь мне и нужна!— сказал себе юноша.

Без раздумья отсчитал он деньги, спрятал на груди покупку и зашагал назад к условленному месту.

Средний брат двинулся прямо, по средней дороге. Вот он вошел в незнакомый город. На базаре, где торговали иноземные купцы, бросился ему в глаза яркий ковер, вытканный причудливыми узорами.

— Какова цена ковра?— спросил он у продавца.

— Ковер стоит пятьсот червонцев и тайна его столько же.

— О какой тайне ты говоришь?

— Да ведь это ковер-самолет! Он может доставить человека в один миг в любое место.

Юноша отдал продавцу все свои деньги, и, свернув ковер в трубку, с торжеством покинул город.

Младший брат на распутье повернул влево. Придя в какой-то город, он долго скитался по улицам, заглядывая во все лавки, но нигде не попадалась ему вещь, достойная возлюбленной. Он совсем уже потерял надежду и пал духом, когда в грязной лавчонке безобразного старика заметил некий блестящий предмет.

— Что это? — спросил жигит.

Торговец подал ему золотой гребень,— усыпанный самоцветными камушками. Глаза у юноши загорелись.

— Что просишь за гребень?

Торговец хрипло засмеялся и проговорил со злобой:

— Проваливай лучше отсюда! Где тебе купить такую редкость? Тысячу червонцев стоит гребень и две тысячи его тайна.

Сердце у юноши упало: у него не было таких денег. Но он все же спросил:

— Какая же у твоего гребня тайна, что ты ценишь ее столь дорого?

Старик отвечал:

— Если этим гребнем расчесать волосы больного, он обретает здоровье, а если расчесать волосы умершего, он оживет.

— У меня есть всего тысяча червонцев,— сказал печально юноша.— Сжалься, отдай мне гребень за эти деньги. В нем мое счастье.

— Ладно,— зловеще скривив рот, прошамкал старик,— бери

гребень за тысячу червонцев, если согласен дать в придачу кусок своего мяса.

Понял тут юноша, что перед ним не торговец, а кровожадная Жалмауыз-кемпир, но не дрогнул и не отступил. Он молча высыпал из кармана деньги, потом вытащил из-за голенища нож, вырезал из своей груди кусок мяса и подал кровавую плату страшилищу. Так гребень стал его собственностью.

Ровно через тридцать дней братья снова сошлись на распутье. Они крепко обнялись, расспросив друг друга о здоровье, стали хвалиться своими покупками.

— «Чей же подарок больше понравится Айслу?— думал каждый про себя.— Все одинаково хороши: и зеркальце, и ковер, и гребень...

Ночь прошла в разговорах, а утром, когда поднялась звезда Айман-Шолпан и восток запылал зарею, братьям захотелось узнать, что творится на свете, и они взглянули в зеркальце.

Весь мир проплыл перед их глазами, и наконец показалась столица хана. Но что это? Улицы перед дворцом запружены печальной толпой: там кого-то хоронят. Вот на богатых носилках несут покойника, а следом весь в слезах, согнувшись от горя, идет хан. И братья в ужасе догадались: прекрасная Айслу умерла.

В ту же минуту средний брат развернул волшебный ковер, и все три жигита ступили на него, держась друг за друга. Ковер взвился под облака, а через мгновение опустился перед раскрытой могилой ханской дочери. Народ расступился. Хан глядел сквозь слезы на внезапно слетевших с неба трех жигитов, не соображая, что происходит. А младший брат кинулся к мертвой красавице и расчесал ее длинные волосы золотым гребнем.

Вздохнула Айслу, встрепенулась и встала на ноги, прекрасная, как прежде, даже прекраснее. Хан прижал дочь к груди. Народ шумел ликуя. В радости и веселье все направились к дворцу.

В тот же день хан устроил щедрый той, созвав на него всех жителей столицы. Был приглашен даже нищий старик, что питался отбросами на базаре. На почетном месте сидели три брата, и сама Айслу подносила им кушанья и кумыс. И тут жигиты вновь обратились к красавице с вопросом, кого из них она намерена избрать в мужья.

Опечалилась Айслу, слеза набежала на ее глаза.

— Я люблю одного,— но все вы трое и после испытания равны передо мной, ибо каждый из вас принес мне невиданный подарок.

Она рассказала все отцу, просила дать ей совет и благословение. Подумав, хан произнес:

— Не будь зеркальца, что добыл старший брат, вы, жигиты, не узнали бы о смерти Айслу; без ковра, который купил средний брат, вы не поспели бы вовремя на похороны; а без гребня младшего брата вы не вернули бы жизнь моей дочери. Я охотно отдам вам половину моего богатства, но не в силах решить, кому отдать в жены Айслу.

Внезапно раздался в толпе голос старика-нищего, что питался на базаре отбросами:

— Великий хан, позволь мне сказать слово.

Хан был счастлив в этот день.

— Говори,— разрешил он.

— Взвесив все обстоятельства, я рассудил бы братьев так: пусть Айслу принадлежит тому, кто дороже заплатил за свой подарок.

Хан кивнул:

— Да будет так!

— Я отдал за зеркальце шестьсот червонцев,— сказал старший брат.

— Я отдал за ковер тысячу червонцев,— сказал средний брат.

— Я отдал за гребень тысячу червонцев и... кусок своего тела,— сказал младший брат.

— Не может быть!— вскричал хан.— Говори правду!

Тогда младший из братьев распахнул халат, и все увидели на его груди зияющую рану.

Айслу вскрикнула и закрыла глаза руками. А хан обнял героя и сказал:

— Отдаю тебе в жены свою дочь! Будь моим зятем и наследником. И, повернувшись к гостям, он объявил во всеуслышание, что двух старших братьев назначает своими визирями, а старика нищего, давшего мудрый совет, верховным бием.

После этого вновь зашумел веселый той. И длился он тридцать дней, да провожали его сорок дней, а память о нем сохранилась до нашего времени.

КУРАЙ-ДЕД

Когда — не помню, где — не знаю, жил-поживал Курай-дед. Он от ветра шатался, от росы сгибался, всех на свете боялся. Звякнет поутру его старушка пустым ведром, а уж он ни жив, ни мертв: в кошму завернется, в комочек сожмется, трясется весь.

А жили они в тростниковом шалаше, на зеленой лужайке, у синего озера.

Всякий день выходил Курай-дед на рыбную ловлю, но сыт не бывал со старушкой ни разу: что ни попадало в его сети, все доставалось рыжей лисе.

Закинет дед сети — рыба в них так и валит. Он на берег улов вытащит, лоб бородой вытирает, а сам радуется:

— Вот рыбы-то сколько! На сто дней хватит. Будет теперь моя старушка по горло сыта!

А рыжая лиса уж тут как тут,— на пригорке станет, ногами топочет, зубы скалит. Как же деду не испугаться!

Бросается он со всех ног к шалашу, вопит во весь голос:

— Спрячь меня, спрячь поскорее, старушка! Опять лиса за рыбой пришла. Я ее боюсь.

Забьется Курай-дед в уголочек, горько плачет, бородой глаза трет, а старушка его утешает:

— Не плачь, Курай-дед, не горюй — ты завтра еще больше рыбы поймаешь.

А на завтра та же беда.

Раз шел Курай-дед берегом озера. О траву спотыкается, по сторонам озирается — страшно ему.

Время к вечеру было. Вдруг слышит дед над собой стон и звон. Ноги у него подкосились, малахай с головы свалился. А это комариный рой летел. Опустились комары деду на лысину, стали шалить.

Терпел, терпел Курай-дед и не вытерпел: хлопнул ладонью по лысине,— вся ладонь в крови, всех комаров убил.

Расхрабрился тут дед, расхвастался:

— Вот какой я батыр, вот какой удалец! Сто врагов победил. Ста недругов кровь пролил!

И решил он отправиться в дальние странствия, попытать удачи, поискать славы.

Раздобыл посошок, бородой подпоясался, со старушкой простился и двинулся в путь.

Шел, шел, нашел утиное гнездо и в нем двенадцать яиц. Зарыл он яйца в песок и думает: «На обратном пути возьму. Порадую старушку подарочком». И пошел дальше.

К вечеру устал Курай-дед. Лег отдохнуть до рассвета. Полбороды под себя подостлал, другой половиной укрылся и заснул, да так крепко, что и утро проспал.

Проходил мимо дау — одноглазый великан. Видит, спит на земле старичок, а рядом лежит палка. Вдруг Курай-дед потянулся, чихнул и проснулся.

— Долго же я спал,— говорит,— солнце уже высоко поднялось. Пора мне в дорогу!

— А ты кто такой?— спрашивает одноглазый великан.

— Я Курай-дед, батыр-удалец. Я сто врагов одним ударом истребил. А ты кто?

— Я дау — одноглазый великан. Пальцем погрожу — бурю осажу, пальцем постучу—гору сворочу, пальцем ткну—улетишь ты, Курай, на луну!

Испугался дед, но виду не подал.

— Если так,— говорит,— давай с тобой померимся силой.

Великан:

— Ладно, давай!

Вот привел Курай-дед одноглазого великана к тому месту, где были зарыты утиные яйца, и спрашивает:

— Можешь ли ты, одноглазый великан, мозг земли вышибить?

— Я все могу!— отвечает одноглазый великан. Брюхо надул, глаз свой выпучил, с горы разбежался, да как хватит пятками оземь— погнулась земля на сто верст, пыль поднялась до небес, а мозга земли не видно.

А Курай-дед лишь легонько наступил на утиные яйца, и брызнул из земли желток.

— Вот он — мозг земли!— говорит.— Где тебе, одноглазый великан, со мною тягаться!

Задрожал одноглазый великан всем телом.

— Победил ты меня, Курай-дед! Будь моим гостем.

Пошли они степью. Впереди забелела гора.

— Что за гора?— спрашивает Курай-дед.

— Это не гора,— отвечает одноглазый великан,— эта моя юрта.

Подходят они к великановой юрте. Хотел Курай-дед через порог переступить, да запутался в бороде. Говорит:

— Внеси-ка меня в юрту, приятель, а то как бы мне невзначай дверь не своротить.

Внес его одноглазый великан в юрту, посадил у очага на почетное место.

Осмотрелся Курай-дед по сторонам: вот юрта так юрта—от стены до стены день верхом скакать, три дня на арбе ехать!

— Хороша ли у меня юрта? — спрашивает одноглазый великан.

Курай-дед:

— Юрта хороша, только чуточку тесновата!

Тем временем сварилось мясо. Подает одноглазый великан гостю бычью ногу:

— Ешь, Курай-дед, на здоровье!

Курай:

— Спасибо, рахмет. Съел я вчера за обедом десять быков, так и сейчас еще сыт. Мне бы водицы испить...

Схватил одноглазый великан свое великанье ведро и к колодцу, а Курай-дед кричит ему вслед:

— Постой, постой, ты куда с ведром? Неси сюда весь колодец!

Ночь пришла. Легли спать. В полночь шепчет великан своей великанше:

— Не будет мне радости, пока жив Курай-дед. Он всех на свете сильнее. Нужно его убить!..

Курай-дед не спал, все это слышал. Положил он потихоньку на свое место деревянную ступу, а сам притаился за сундуком. И вот слышит: поднялся одноглазый великан с подушек, отыскал топор, подобрался к дедовой постели, да как хватит обухом по ступе — ступа в щепки.

Смеется одноглазый великан:

— Хоть ты, Курай-дед, и батыр-удалец, а пришел, Курай-дед, и тебе конец!— Повалился на подушку и захрапел.

А утром проснулись одноглазый великан и великанша и глазам не верят: лежит дед, как ни в чем не бывало, на белой кошме, будто от скуки в бороде волоски пересчитывает, зевает да почесывается.

— Ты бы,— говорит,— блох повывел. Они мне, проклятые, ночью спать не давали.

Побелел одноглазый великан от страха, глазом моргает, а сказать ничего не может.

Стал тут Курай-дед в обратный путь собираться. Зовет с собой одноглазого великана:

— Погостил я у тебя, одноглазый великан, и довольно. Пойдем-ка теперь ко мне,— я тебя еще и не так угощу!

Вот и пошли они — Курай-дед впереди, одноглазый великан — следом за ним.

Дошли до синего озера, добрались до зеленой лужайки, виден уже и тростниковый шалаш.

Выбегает из шалаша старушка и прямо деду на шею:

— Жив ли ты, здоров ли ты, Курай-дед? Где бывал? Что видел?

Курай-дед ей:

— После все, старушка, расскажу, а сейчас готовь-ка ты нам угощение получше. Я приятеля с собой веду.

Глянула старушка на одноглазого великана и только руками всплеснула.

— Да чем же мне вас угощать? Нет ведь у нас в шалаше ни крошки.

— Как так нет? — говорит Курай-дед.— Я же, уходя, оставил тебе семь одноглазых великанов. Неужто ты их всех прикончила?

Как услышал эти речи одноглазый великан, так и обомлел.

«Ну,— думает,— не будет мне здесь, видно, добра!» — Повернулся — да бежать. Шагнул раз — и скрылся с глаз.

На полпути встречается ему рыжая лиса.

Лиса:

— Здравствуй, дау — одноглазый великан, откуда бежишь?

Великан:

— Бегу я от Курай-деда. Он всех на свете сильнее! Хотел меня убить!

Рассмеялась рыжая лиса:

— Да я у этого деда каждый день весь его улов отнимаю! Он ведь всех на свете боится. Пойдем-ка к нему вдвоем. Мы его проучим!

И верит и не верит лисе одноглазый великан. Однако подумал и поплелся за лисой. Идет злой-презлой, страшно так глазом ворочает.

Дошли они до синего озера, добрели до зеленой лужайки, показался уже и тростниковый шалаш. А возле шалаша стоит дед Курай, бороду поглаживает, будто от радости приплясывает, и еще издали кричит:

— Ай да и молодец же ты у меня, рыжая лиса, спасибо за службу! Я уж было думал, что одноглазый великан совсем ушел из моих рук. Вдруг смотрю: ты его назад тащишь. Веди, веди его скорее! Мы со старушкой давно проголодались.

Рассвирепел одноглазый великан:

— Так вот что ты задумала, рыжая лиса!

Схватил лису за хвост — да об землю. Из лисы и дух вон. А сам бежать что было сил. Шагнул раз — и скрылся с глаз.

Захлопал в ладоши Курай-дед, запел от радости:

— Ай, жаксы! Ай, хорошо, вот любо! Будет у старушки лисья шуба!

Подошел Курай-дед к рыжей лисе: лежит лиса, не шевелится, ноги вытянула и зубы оскалила.

— Скалься, скалься,— говорит дед,— я теперь тебя не боюсь!

Начал он с рыжей лисы шкуру сдирать. Один бок ободрал, нужно бы ему лису на другой бок перевернуть, да как с ней сладишь! Тяжелая лиса, отъелась дедовой рыбой. Трудился-трудился, тужился-тужился,— пуп трещит, по бороде пот бежит, а лиса все ни с места. Махнул Курай-дед рукой.

— Зачем,—говорит,—старушке лисья шуба, она и в овчинной лучше всех!

И стали они жить по-прежнему. Только Курай-дед никого больше с тех пор не боялся. И рыбы у них теперь всегда было вдоволь.

СОРОК СЫНОВЕЙ АУЭЗ-ХАНА

В старину жил хан по имени Ауэз. Было у него сорок сыновей. Мечтал хан встретить такого человека, у которого было бы сорок дочерей и которые могли бы быть невестами его сыновьям. И вот однажды он узнал, что есть такой человек, у которого сорок дочерей. Послал хан к нему своих людей. Приехали они и стали сватать сорок дочерей этого человека за сорок сыновей хана Ауэза. Отец девушек сказал людям хана:

— Я отдам своих дочерей сыновьям хана без калыма, но пусть хан проложит прямую дорогу от моего дома до своего дворца; пусть он по обеим сторонам этой дороги разведет цветущие сады с ручьями, фонтанами и арыками. И пусть в этих садах всегда поют соловьи. И все это он должен сделать за один год.

Вернулись люди и рассказали все хану. Выслушал повелитель слуг своих и сказал:

— Хорошо!..

Вызвал хан к себе всех сыновей. При себе оставил только младшего сына, а остальных тридцать девять сыновей и много слуг отправил строить дорогу и сады. Долго трудились они, но дороги все не было, не расцветали и сады. Тогда младший сын заявил хану:

— Отец, отпусти меня к братьям. Я построю эту дорогу и рассажу сады.

— Где тебе, милый, одному сделать, когда все тридцать девять твоих братьев не смогли этого сделать,— сказал хан.— Они не сделали и сотой части.

Младший сын не отставал от отца, и хан согласился. По дороге младший сын хана встретил старца в белой одежде. Сын хана низко поклонился ему. Старец спросил:

— Куда и зачем идешь ты?

Сын хана все рассказал старцу. Тогда тот сказал ему:

— Я помогу тебе.

Потом старик задумался, помолчал немного и сказал:

— Закрой глаза, мой мальчик.

Сын хана закрыл глаза. Потом старец велел ему открыть, и сын хана увидел: прямая дорога вьется от дома того человека, у которого сорок дочерей, ко дворцу хана, по обеим сторонам ее — цветущие сады, а в них журчат ручьи, бьют фонтаны, поют соловьи. И слышит сын хана голос старика:

— Возвращайся, милый, домой. К невесте своей не спеши. А братья твои пусть едут. Когда они будут возвращаться, подымется сильный буран, им трудно будет ехать. Тогда предстанет перед ними большой красивый дом. Скажи им, чтобы они не останавливались в этом доме.

Проговорил это старец и исчез.

Вернулся сын хана домой. Братья спросили его:

— С чем вернулся?

Он ответил им:

— Я работу закончил.

Хан снова оставил при себе младшего сына, а старших отправил за невестами. Младший рассказал братьям о завете старца. Приехали братья к своим невестам, пожили у них несколько месяцев и наконец повезли их к себе домой. Дорогой их застиг буран. Все продрогли и устали. Вдруг перед ними вырастает большой белый дом. Они вспомнили завет старца — не вошли в него, а проехали мимо. Но сопровождавшая их свита не знала об этом завете и вошла в дом. Тогда и те, которые проехали мимо, вернулись и вошли погреться. В доме лежал дракон. Он сказал вошедшим:

— Я вас всех проглочу. Если же хотите жить, то привезите мне своего младшего брата.

Братья подумали и сказали дракону:

— Хорошо, мы доставим тебе его.

И благополучно поехали домой.

Младший брат все это видел во сне. Он переоделся нищим, взял посох, вышел навстречу к своим братьям. Они не узнали его и, не обратив никакого внимания, проехали мимо. Младший брат продолжал свой путь и наконец пришел к дракону. Тот увидел его, обрадовался и сказал:

— Хорошо, сынок, что пришел. Садись-ка мне на спину.

Младший сын хана сел на спину дракона. Дракон велел ему закрыть глаза. Потом сказал:

— Открой глаза и скажи, что ты видел?

Младший сын хана открыл глаза и ответил дракону:

— Я видел высокое дерево. На том дереве сидела красивая девица.

— Тогда слезай! — сказал дракон.

Младший сын хана слез. Тогда дракон сказал ему:

— Доставь мне эту девицу, и я тебя отпущу, если не доставишь, проглочу.

Пошел сын хана искать девицу. Шел он, шел, встретил царицу-лисицу. Она по лесу бежала, себе ногу сломала и теперь сидела, плакала. Младший сын хана выправил ей ногу. Лисица вырвала пучок своей шерсти, сказала:

— Когда я тебе нужна буду, спали один волосок, я мигом предстану перед тобой.

И младший сын хана пошел дальше. Встречает он по дороге раненого царя-муравья. Сын хана вылечил рану царя-муравья. Муравей дал ему камень и сказал:

— Когда я тебе буду нужен, положи камень в огонь, и я мигом предстану перед тобой.

Сын хана наконец пришел к девице. Спрашивает девица его:

— Откуда ты идешь и как сюда попал? Никогда здесь не ступала человеческая нога.

Сын хана ответил ей на это:

— Я сын хана. Отец во сне увидел тебя и полюбил. Он велел найти и привести тебя. Я много лет бродил, искал. И вот сегодня нашел.

Задумалась девица и ответила:

— У меня есть два желания. Если ты исполнишь их, я пойду с тобой.

— Хорошо,— сказал ханский сын,— я исполню твои желания.

Тогда девица сказала:

— У меня есть две лисицы — ты слови их; я высыплю в песок два мешка пшеницы — ты ее собери, чтоб ни одного зерна не осталось в песке.

И она выпустила двух лисиц и рассыпала в песок два мешка пшеницы.

Сын хана спалил один волос, и тут же явилась царица-лисица. Она сейчас же поймала двух лисиц. Потом сын хана положил в огонь свой камень, и тут же явился царь-муравей. Сын хана попросил, чтобы муравей собрал ему зерна пшеницы. Муравьи мигом собрали все зерна, и два мешка были наполнены пшеницей.

И девица пошла с сыном хана. Они шли несколько дней. По дороге сын хана рассказал девице всю правду. И девица на это сказала ему:

— Я раньше это знала, но пошла с тобою по своей воле. Теперь надо спасаться от дракона.

— А как спастись?— спросил сын хана.

— А вот как,— ответила девица:— ты к дракону придешь на день раньше и скажешь, что девица идет, что она уже в дороге. Когда он выйдет во двор и начнет от радости шипеть, ты открой его сундук. Там сидят два голубя, ты их убей. Тогда дракон тут же умрет.

Сын хана пошел к дракону.

— Привез девицу?— спросил дракон.

— Да,— сказал сын хана,— она скоро будет здесь.

Дракон вышел во двор, зашипел от радости. В это время сын хана открыл сундук, убил голубей и вышел во двор. Дракон уже издох.

И привел сын хана красавицу домой. Женился на ней и на первой своей невесте и стал жить, счастливый и богатый.

КАРА-МЕРГЕН[1]

В давно прошедшие времена среди казахов жил охотник по имени Кара-Мерген. Не было у него ни богатства, ни детей. Он охотился на маралов, куланов [2] и других зверей. С первых снимал рога, со вторых — саур [3], с последних — шкуры. Все это он продавал, тем и кормился. Если он уходил на охоту летом, то возвращался зимой, если зимой — возвращался летом. Ходил он на охоту всегда один, без товарищей. Однажды охотник взял ружье и отправился в путь, чтобы поохотиться в дальней местности, где летом и зимою не бывает аулов и где не был человек. Пробыв в дороге несколько дней, он приехал к одной большой горе и видит — нет никого, нет и следов человека. Он слез с лошади, взял ее за повод и пошел по ущелью. С большими трудностями достиг он вершины горы и остановился. Кругом было много зверей и птиц. Кара-Мерген сроду не видел такого изобилия и разнообразия трав и деревьев. Всюду распевали разноперые соловьи, воздух был пропитан запахом мускуса и гвоздики. Охотник построил себе жилище, лошадь пустил в травы. Через несколько дней лошадь так поправилась, не узнать было прежнюю худую клячу.

Охотник убивал зверей, снимал с них шкуры и рога, сушил и связывал в тюки.

Однажды вечером он варил мясо в медном котелке. Вдруг ему послышался какой-то шорох. Охотник удивился. «Что за шорох? Ведь здесь людей нет»! В это время в жилище охотника вошла женщина в синей

---

[1] К а р а — черный; мерген — стрелок.
[2] К у л а н — дикая лошадь.
[3] С а у р — кожа с крупа.

рубахе и, ничего не говоря, села, подогнув ногу. Охотник посмотрел на женщину: лицо желтое, глаза пестрые. Она пристально глядела на охотника. Охотник удивился и подумал про себя: «Человек ли это, в молодых летах оставшийся на безлюдье и одичавший, или другое какое вредное существо?» Вскоре мясо сварилось. Охотник снял котел с огня, воткнул кончик большого охотничьего ножа в кусок мяса, подал женщине и крикнул громко:

— На!..

Женщина, не высовывая рук из рукавов, молча приняла мясо и съела. Охотник достал кусок мяса побольше, подал ей и еще громче крикнул:

— На!..

Женщина так же молча взяла мясо и так же съела его. Тогда охотник убедился, что перед ним существо вредоносное, а потому все время, пока ел мясо, с опасением посматривал на женщину. Когда же кончил есть, взял в руки большой нож и громко закричал:

— Уходи! Я спать хочу...

Женщина произнесла: «Абую! Абую!» и уселась поудобнее, подогнув и вторую ногу. Охотник взял в руки ружье и опять закричал:

— Уходи! Я спать хочу...

Тогда женщина со словами «Абую! Абую!» встала с места, попятилась к выходу и вышла. Охотник видел в щелку, как она пошла тихим шагом и скрылась за бугром. Охотник хотел разобрать жилище и уйти на новое место, но потом раздумал: «Так нельзя! Побегу я, устану и где-нибудь засну, а она придет по следу моему и убьет. Лучше я придумаю какую-нибудь хитрость, подстерегу ее и убью из ружья». Он собрал в кучу ууки[1], положил на них потники с седлом, сверху закрыл своей одеждой и на один конец ууков надел шапку. Как будто человек лежит. Сам Мерген отошел в сторону на ружейный выстрел и спрятался в яме.

Через некоторое время небо покрылось тучами, пошел снег и покрыл всю землю, а затем небо прояснилось. Вдруг лошадь охотника, стоявшая на приколе, чего-то испугалась, потом послышался какой-то топот. Охотник подумал про себя: «Наверное, идет. Как мне быть?» Он глянул в ту сторону, откуда слышался топот, и увидел женщину. Она шла прямо на него.

---

[1] У у к и — длинные палки в юрте, одним концом прикрепленные к нижним решеткам (кереге), а другим концом к верхнему кругу (шанрак).

Охотник сделал выстрел и припал к земле. Женщина со словами «Абую! Абую!» бросилась на кучу ууков. Послышался треск палок. Потом она поднялась, озираясь по сторонам. И убедившись, что вокруг никого нет, стала рвать одежду охотника, которой были покрыты ууки.

Охотник решил, что это жалмауыз [1], помолился аллаху и выстрелил. Жалмауыз проговорила: «Да, так!» и ударила рукой по тому месту, куда попала пуля, некоторое время постояла на месте в недоумении, озираясь кругом, а потом пошла назад своим следом. Мерген снова выстрелил, жалмауыз сделала прыжок, снова ударила кулаком по тому месту, куда попала пуля, сказала «так! так!» и бросилась бежать.

Когда она скрылась за бугорком, Мерген подошел к ууками — они были перерезаны, словно ножом, а одежда была вся в дырах и разрезах. Мерген некоторое время стоял пораженный. Затем он решил проверить то место, где стояла жалмауыз. «Если пуля задела ее, то должна быть кровь»,— подумал про себя охотник.

Осмотрел он то место, где жалмауыз стояла при первом выстреле; и заметил кровь. А на месте второго выстрела кровь текла ручьем. Мерген немного успокоился. Когда стало светло, он отправился по следу жалмауыз и пришел к пещере. Держа ружье наготове, он устроил шум, но жалмауыз не показывалась. Тогда Мерген подошел к пещере, заглянул в нее и увидел мертвую жалмауыз. Ноги ее лежали снаружи грота. Мерген слез с лошади, вытащил труп за ноги из пещеры и увидел, что она вся, как человек, только ладони ее были из синего железа и похожи на лезвие ножа, а концы пальцев острые, как пики, и легко вонзаются в камни.

Мерген подумал, что у жалмауыз может быть муж, и он может прий-

---

[1] Жалмауыз — мифическое существо, пожирающее людей; баба-яга (Жалмауыз-Кемпир).

ти на место происшествия, поэтому поспешил убраться из пещеры. Он отрезал одну руку жалмауыз, сел на лошадь и поехал назад. Мерген собрал шкуры и рога убитых зверей и переехал в другие горы, где также было много зверей — маралов, оленей. Здесь, на новом месте, Мерген увидел одного оленя, подкрался, прицелился, но у него вдруг задрожали руки, и он не смог сделать выстрела. «Что за диво?»— подумал он, оглянулся и увидел возле оленя что-то белое. Мерген сделал выстрел в это белое, оно исчезло, а на этом месте осталась железная голова змеи. Пуля оторвала голову змеи. Охотник взял эту голову и положил к себе в кожаную сумку, полагая, что тут есть ок-жыланы [1], и отправился дальше, чтобы продолжать свою охоту в других горах. В пути Мерген почувствовал боль в боку. «Что такое?»— он посмотрел на свой бок и увидел: змеиная голова провертела дыру в сумке, шубе, халате, рубахе и штанах и вонзилась в бедро. Мерген испугался и выбросил эту голову. К вечеру он добрался до одной горы и остановился на ночлег. Утром Мерген проснулся и увидел много аулов и много привязанных к юртам кобыл. Юрты были так белы, что на них играли и отражались лучи солнца. Мерген удивился: «Откуда это? Здесь никогда не было людей. Демоны это или люди? Поеду к ним. Они, наверное, уже заметили меня». Сел он на лошадь и поехал к аулам. Подъехал и видит: табунщики ловят лошадей, укрючины у них из золота и серебра, а арканы из шелка. Никто не обратил внимания на Мергена. Возле привязанных кобыл он заметил старика, подошел к нему и поздоровался. Но старик лишь прошептал что-то. Неожиданно густой туман покрыл всю землю. Стало темно. Мерген стоял и читал про себя отходную, ожидая смерти. Вдруг какая-то невидимая сила потянула его лошадь за повод. Лошадь пошла. Мерген проехал некоторое время, и ему показалось, что кто-то тянет его за руку, как бы прося слезть с лошади. Мерген повиновался. Затем кто-то его потянул за полу одежды. Мерген пошел вперед и вошел в большую юрту. В юрте были золотые и серебряные шесты, атласные и шелковые ковры, одеяла из парчи и манглунга [2].

Откуда-то появилось шелковое одеяло и постлалось у передней стены в девять слоев. Ничего живого не было. Мерген хотел было сесть возле

---

[1] Ок-жыланы — змея со стальною головой. Она, по народным преданиям, летает, как стрела, и может пробить камень.

[2] Манглунг — китайская шелковая материя с вытканными драконами.

двери, но какая-то невидимая сила приподняла его и потянула в передний угол.

Через некоторое время появился самовар, постлалась скатерть, и на ней появились разные фрукты. Затем появились две чашки, и в них стал наливаться чай. Из одной пил Мерген, а из другой чашки чай исчезал сам собою.

Потом появился кумыс в серебряной миске с золотым ковшом. Кумыс супырился сам собою и наливался в золотую чашку. Мерген пил да пил и наконец сказал: «Напился». Тогда кумыс убрался сам собою и на смéну ему появилась целая тарелка казы [1] и карты [2].

Мерген подумал: «Наверное, хотят меня зарезать, предварительно откормив. Все равно буду есть досыта». И ел.

После появились фрукты с приятным запахом. Мерген опять стал есть. Но скоро он наелся. «Что за чудеса, кто это сделал?— подумал он.— Накормили меня вкусными кушаньями. Теперь бы посмотреть, кто это сделал, и тогда хоть умирай». Но никто не появлялся. Скатерть убралась сама. Появился кувшин с водою и полотенце. Вода полилась, и Мерген стал мыться. Вымыл он руки и вытер их полотенцем, расшитым золотом. Мерген посидел некоторое время, потом сказал:

— Хочу спать!

Появилась постель. Потом отворилась дверь и вошла девица, да такая красивая, что нет краше ее на свете. Красота девицы, как у полной луны. Одежда вся блестит — из золота, от лица светло вокруг. Мерген испугался и хотел встать, но девица остановила его и сказала:

— Не роняй своего достоинства и не унижайся.

Она поздоровалась с ним за руку, уселась рядом и прислонилась к нему. Мерген сказал ей:

— Сударыня! Не садись ко мне так близко: я грязный, от меня идет дурной запах.

Девица на это заметила ему:

— Перестань, не унижай себя.

Тогда Мерген сказал:

— Я бедный странник, сильно устал. Прикажи дать мне кошму, и я пойду спать около своей лошади.

— Хорошо! Постель уже готова, ложись.

---

[1] Казы — колбаса из конины.
[2] Карты — жирная колбаса из конины.

Мерген встал. Встала и девица. Она стала снимать с него одежду.

Мерген говорит ей:

— Перестань издеваться надо мной.

Тогда девица сказала:

— Для тебя приготовлена эта постель, ложись, не стесняйся.

Она завела его за занавеску и уложила в постель. Потом прилегла рядом и говорит:

Не бойся... Лежи спокойно.

Мерген спросил:

— Скажи, радость моя, кто ты такая, и что это за аулы?

Девица ответила:

— Мы—кочующие пери. Наш народ обитает в таких местах, куда не проникают люди. Если же они случайно попадают к нам, и наши люди увидят человека, то за него дают девицу, а отец этой девицы становится царем пери. Из числа восемнадцати тысяч видов божьих творений человек—лучшее создание. Теперь лежи до солнца и не смыкай глаз. Завтра весь наш народ придет приветствовать тебя. Если уснешь, лишишься меня и останешься без ничего. Лежи без опасения.

Мерген обнял девицу. Через некоторое время он захотел выйти во двор. Девица принесла драгоценную шубу, накинула на него и повела во двор. Мерген увидел свою лошадь, а возле нее свое седло и ружье. Мерген опять вошел в юрту и лег в постель. Он шутил и играл с девицей, а затем снова вышел во двор. Туман исчез. Начало светать. Мерген обрадовался наступлению утра, вернулся в юрту, снова лег в постель, обнял девицу. Девица шепчет ему:

— Не усни, до утра осталось совсем немного.

— Ой, душа моя,— сказал Мерген,— как я могу заснуть?

Но к несчастью веки у него сомкнулись, и он заснул. А когда проснулся, то ни юрты, ни девицы не было. Мерген впал в отчаяние:

— Что это такое? Не сон ли это?

Оглянулся он вокруг— лошадь ходит одна на приколе, ружье стоит, прислоненное к седлу, а сам он лежит на остатках от шелкового одеяла.

Мерген стал рыдать:

— Куда ты, моя радость, ушла?

Но как он ни плакал, ничего не выплакал. Тогда Мерген говорит:

— Сначала, когда увидели меня пери, я боялся, что они убьют меня. Теперь же я, наверное, умру с горя.

Прожил здесь Мерген несколько дней и вернулся домой. Распродал он рога и шкуры убитых зверей и выручил за них в десять раз больше, чем прежде. Продал он и куски шелковой материи, что остались у него, и выручил за них столько, сколько стоят шестьдесят кобыл. Жена его вдруг забеременела — а раньше не рожала детей. Мерген стал богатым. Но ничего его не радовало. Он скучал.

Однажды Мерген пошел на то место, где встретился с девицей.

— О, аллах,— сказал Мерген, обращаясь к небу.— Зачем ты мучаешь меня? Показал мне девицу и отнял. Лучше не создавал бы меня совсем. С девицей я разговаривал до утра, и каждое слово ее было мне милее всей моей прошлой жизни.— Он колотил себя кулаком в грудь и говорил:—Зачем только я уснул?

Вдруг Мерген услышал крик:

— Кара-Мерген! Кара-Мерген!

Мерген оглянулся, но никого не увидел. Вдруг снова голос:

— Бельмо тебе в глаз. Теперь ты меня не увидишь, как ни плач. Ты лишился меня. Не трудись искать, напрасно. Вот твой прошлогодний аминат. Воспитай его хорошо!

Голос умолк. И видит Мерген: сверху спустилась золоченая колыбель, а в ней мальчик. Мерген снова закричал:

— Скажи, моя душа, хоть еще несколько слов.

Но ответа не было. Мерген взял ребенка и вернулся домой. На радостях он устроил большое пиршество.

ВЕЛИКАН АЛПАМЫС

В минувшее давно время жил именитый богач Чурабай. У него был сын Алпамыс. В один из дней табуны лошадей Чурабая угнали калмыки.

— О, дитя мое, я уже сгорбился под тяжестью своих лет. Можешь ли ты отправиться в погоню за табунами, отбить их и отомстить врагу,— сказал в большом волнении Чурабай сыну.

Алпамысу было шесть лет, но он разгневался, как подобает батыру, поймал в табуне коня Байчубара, сел на него, стегнул и, не говоря никому ни слова, пустился в путь.

Калмыцкий хан увидел во сне этот выезд Алпамыса, и когда проснулся, то собрал свой народ и сказал:

— Видел я сон... Настали, знать, тяжкие времена: предстоит тяжелая борьба, ханство мое омрачится несчастьем. А чем оно вызвано? Враг предстал передо мною, словно черный самец-верблюд, и хочет ринуться на меня с разбегу. Он оборвет мои косы, он уничтожит мою челку, а статного и гибкого сына моего затопчет, превратит в прах.

— Да, надо полагать, что ханство твое будет взято сыном Чурабая— шестилетним Алпамысом,— сказали почтенные старики, истолковав сон хана.

— А можно ли при помощи обмана изловить этого молодца, пока он не доехал до нас? — спросил хан.

— Прикажи поставить на его пути одну юрту и дай мне сорок девиц,— сказала хану одна старуха.

Хан велел выставить юрту и приказал собрать сорок девиц. Старуха раздала девицам по чашке вина, усадила их в юрте, а сама отправилась навстречу Алпамысу. Села на дороге и ждет.

Показался Алпамыс. Лошадь его, завидя старуху, стала. Тогда Алпамыс, охваченный гневом, ударил Байчубара нагайкой. Лошадь легла.

— О, дитя мое, если лошадь твоя не идет, стало быть, она устала. Здесь ожидают тебя с нетерпением сорок девиц. Не медли, иди к ним,— сказала старуха Алпамысу.

Узнав, что его ждут девицы, Алпамыс стреножил лошадь и вошел в юрту. Смотрит, сидят девицы, и каждая держит в руках кесе[1] со сладким вином.

Девицы по очереди, одна за другой, стали подавать Алпамысу вино. Алпамыс опьянел и упал. Тогда сорок девиц подняли его и снесли в зиндан, а лошадь отвели к хану.

Сидит Алпамыс в темнице, мучается. Видит, летят мимо гуси. Алпамыс позвал их. Прилетел один гусь, спросил:

— О узник, кто ты?

— Я Алпамыс.

— Если ты Алпамыс,— сказал гусь,— то не выйти тебе из этой темницы.— И гусь улетел.

Через некоторое время пролетал над Алпамысом одинокий гусь. Алпамыс окликнул его.

— Что тебе нужно? — спросил гусь.

— Отчего ты слеп на один глаз? — спросил Алпамыс.

— Когда я был маленьким,— стал рассказывать гусь,— мать мою застрелил мерген. Я остался сиротой и хотел примкнуть к чужим гусям. Но они узнали, что я сирота, и выклевали мне один глаз, чтобы я не мог

---

[1] Кесе — чашка.

есть вместе с ними. Теперь я не подхожу к ним, чтобы не лишиться другого глаза. С тех пор и летаю один.

— Я напишу письмо и прикреплю к твоему крылу,— сказал Алпамыс.— Ты полетишь на озеро Кугалы-куль. Там сестра моя Карлугач охотится с соколом. Сокол тебя схватит, но сестра увидит письмо и сохранит тебе жизнь. Предупреждаю, когда будешь лететь над аулами, не кричи.

Гусь взял письмо и полетел.

Пролетал он мимо одного аула, позабыл наставление Алпамыса

и закричал. Хозяин аула подстрелил гуся. Когда он собрался резать его, то заметил под крылом письмо. Хозяин прочитал письмо и отпустил гуся. И гусь полетел дальше. Вот он прилетел и сел на озеро Кугалы-куль.

В это время сын Алпамыса, увидя в руках у другого ребенка птичье крыло, стал просить у сестры Алпамыса Карлугач, чтобы она ему добыла такое же крыло. Карлугач села верхом на лошадь и, взяв сокола, поехала на Кугалы-куль. Увидя там одиноко сидящего гуся, она метнула сокола. Гусь забился под соколом, письмо оторвалось и выпало. Прочитав письмо, Карлугач зарыдала, села на лошадь и поехала домой. Слезы ее лились на гриву коня. По дороге домой Карлугач свернула в аул своего приятеля Карабая.

Завидя едущую Карлугач, Карабай спрятался под кучу дров, боясь, что она будет у него что-нибудь просить. Но услышал Карабай, о чем говорила Карлугач его жене, вылез из-под валежника и сказал, что поедет отыскивать Алпамыса. Захватив с собою на десяти верблюдах провизии и шелковый аркан в сорок кулачей [1], он поехал. Через несколько дней он приехал к зиндану.

— О, Алпамыс, где ты? — начал звать Карабай своего друга.

Никакого ответа. Карабай подумал, что друг его умер, и стал горько рыдать. Слезы его стали падать на дно зиндана.

Алпамыс спал, но от холодных капель вздрогнул и проснулся. Поднял голову и видит — друг его Карабай сидит наверху у зиндана. Он пролил уже целое озеро слез и смочил себе усы и бороду. Алпамыс окликнул его и стал спрашивать о здоровье своих родных. Карабай спустил в зиндан шелковый аркан из сорока кулачей. Алпамыс ухватился за аркан и уже поднялся наполовину зиндана, но потом вдруг подумал: «А что если Карабай впоследствии станет попрекать меня тем, что он спас мне жизнь? Ведь будет зазорно». Алпамыс обрезал аркан и полетел обратно вниз.

Карабай подумал, что аркан сам оборвался от тяжести Алпамыса, заплакал от досады горькими слезами и направился к дому.

Теперь речь пойдет об Алпамысе.

У дочери хана был любимый козленок. Как-то раз козленок резвился у зиндана и упал туда к Алпамысу.

---

[1] Кулач равен приблизительно трем аршинам. Примечание Д. Диваева.

Пастух начал просить у Алпамыса козленка. Алпамыс не отдавал.

— Если ты мне не отдашь козленка,— сказал пастух,— я убью тебя камнем величиною с котел.

— Что ж, убивай,— сказал Алпамыс.

Тогда пастух спустил камень величиною с котел. Алпамыс подхватил его на лету и выбросил обратно на сорок аршин вверх.

— Меня убьет дочь хана,— умолял пастух.— Что тебе от меня надо, скажи? Требуй все, только отдай козленка.

— Ты должен ежедневно доставлять мне по барану,— приказал Алпамыс.

Пастух каждый день давал Алпамысу по одному барану, а когда баранов не стало, он отдал Алпамысу и козленка.

— Что мне делать теперь, ведь меня ожидает смерть, пожаловался пастух.

— Не горюй, пастух, вот тебе балалайка — поиграй на ней вечерком,— сказал Алпамыс.— Услышит ханская дочь балалайку и придет к тебе, но ты не сказывай ей, откуда взял балалайку. И если даже разрежет она тебе подошвы и насыплет туда соли, молчи. Но если она будет уж очень приставать к тебе и умолять, ты скажи, что балалайку подарил тебе узник из зиндана.

Пастух в точности выполнил совет Алпамыса. Он заиграл на балалайке, и ханская дочь пришла к нему.

— Откуда ты взял балалайку? — спросила она.

Пастух молчал. Ханская дочь разрезала ему подошвы и насыпала туда соли. Но пастух молчал. Что тут делать? Тогда она стала умолять пастуха, чтобы он сказал ей.

Пастух наконец сказал, что балалайку дал ему Алпамыс.

— Поведи меня к нему,— приказала дочь хана.

— У меня нет ног,— сказал пастух.

Дочь хана посадила его себе на шею и притащила к зиндану.

— О друг, я тебя очень люблю, только вот не знаю, как извлечь тебя из зиндана,— воскликнула ханская дочь.

— Меня может достать только мой конь,— сказал Алпамыс.

— Скажи, как его освободить,— попросила девица.

— Переоденься в плохую одежду, какую надевают юродивые,— сказал Алпамыс,— приди к хану и начни восхвалять его величие и справедливость. Он тебе за это от избытка чувств посулит тысячу рублей, но

ты денег не бери, а скажи ему, что конь его Байчубар тоскует, не ест корма и может погибнуть, что ты с раннего возраста воспитывала этого коня и знаешь, как заставить его есть корм.

Ханская дочь все это исполнила. Когда она освободила коня Байчубара, он прямо примчался к зиндану, увидел на дне колодца лежащего Алпамыса и горько заплакал. Слезы капали на лицо Алпамыса и разбудили его.

— О мой конь Байчубар,— сказал Алпамыс,— как я тебя долго ждал!

Тут Байчубар, присев на задние ноги, спустил свой длинный хвост в зиндан, Алпамыс ухватился за него; когда конь вскочил на ноги, узник с быстротой стрелы очутился на поверхности земли.

Когда настал вечер, Алпамыс сел на Байчубара и в течение ночи перебил всех врагов своих, а скот в сопровождении ханской дочери и пастуха угнал на родину.

У ОДНОЙ НЕВЕСТЫ ТРИ ЖЕНИХА

Богат, страшно богат Абдулгалим: пастухи его табунов и гуртов не знали даже, сколько было крупного скота, а сосчитать овец для них было делом прямо непосильным, и если иногда нужно было сосчитать овец хотя бы приблизительно, то для этого загоняли их поочередно — гурт за гуртом — в особый загон, и полный загон овец считался за тысячу. А сколько стояло в просторных кибитках Абдулгалима громадных сундуков, окованных железом, сколько было в этих сундуках бархата, шелка, ковров и драгоценных вещей! При одной мысли об этом у бедного казаха кружилась голова.

Премудрый аллах не всех одинаково награждает благами. Вот дряхлый старик, у него уже давно трясутся ноги, но по богатству и роскоши он подобен хану — таков был Абдулгалим, а какой-нибудь знаменитый жигит и батыр по целому году не имеет своего собственного кумыса.

Славился Абдулгалим своим богатством чуть ли не на всю орду, но весь свой долгий век не пригрел ни одной сироты, не бросил мяса голодному байгушу, так как был очень скупой и корыстолюбивый. В его роскошных кибитках никогда не раздавался шум пиров, его котлы никогда не окружала толпа кунаков, вблизи его летовок ни разу не гарцевали удалые жигиты на лихих аргамаках и не слышно было звуков домбры. Все знали скупость Абдулгалима, никто его не любил, и всякий сторонился его негостеприимного аула.

Так продолжалось до тех пор, пока не выросла его единственная дочь Шехезахита и не превратилась в невесту изумительной красоты. Ей не исполнилось еще и четырнадцати лет, а стоустая молва уже всюду разнесла по степи весть о ее ослепительной красоте. Красота эта описывалась такими заманчивыми словами, что у многих жигитов и батыров явилось желание побывать в ауле Абдулгалима и попытать счастья — посвататъ Шехезахиту; иные же не решались рассчитывать на удачу,— для них было большим счастьем просто взглянуть на красавицу.

Но одно дело посватать Шехезахиту, другое — добиться согласия ее отца. Абдулгалим долгое время даже не хотел видеть искателей руки его дочери и приказывал всем им отвечать, что Шехезахита еще очень молода, и он пока не думает выдавать ее замуж ни за кого,— приди хоть сам сын хана.

Между тем время шло, и Шехезахите минуло шестнадцать лет. Красота ее стала еще пышнее, и слава о ней распространилась по степи даже больше, чем молва о богатстве самого Абдулгалима. Услышал о ней и знаменитый среди жигитов и батыров Илентай. Он решил во чтобы то ни стало добиться руки Шахезахиты, хотя мать Илентая, почтенная старушка, и уговаривала его отказаться от своего решения.

— Знаешь,— говорила она,— Абдулгалим имеет несметные богатства. Хотя и мы богаты, но всего нашего богатства недостаточно на уплату того калыма, какой потребует жадный старик за свою дочь.

Однако сына нельзя было разубедить. Тогда мать попросила его дождаться весны и перекочевать по соседству к аулу Абдулгалима, а там, говорила она, будет видно, что делать. Сын согласился. Наступила весна, и Илентай со всем своим скотом и имуществом двинулся к заветной цели. В одно прекрасное утро он, наконец, достиг летовочных мест поблизости к аулу Абдулгалима и тотчас же захотел поехать к нему, но умная мать и тут остановила нетерпеливого сына и посоветовала поступить иначе: сначала найти женщину, которая имела свободный доступ к Шехезахите, и уговорить ее при помощи подкупа устроить свидание Илентая с красавицей. Такая женщина скоро нашлась, звали ее Зямал. Золото сделало свое дело, и Зямал согласилась устроить свидание.

Однажды Зямал пришла к Шехезахите и таинственно спросила:

— Милая Шехезахита, ты ничего не знаешь?

— Что случилось? — спросила Шехезахита.— Или отец просватал меня за старого жениха?

— О нет, не беспокойся,— сказала ей Зямал,— я сейчас узнала, что к нашему аулу прикочевал такой красивый жигит, каких ты и во сне не видела.

— Ты что-то, Зямал, скрываешь от меня,— с любопытством сказала Шехезахита,— не бойся, говори всю правду, я никому не скажу.

— Дело вот в чем,— начала Зямал,— к нашему аулу прикочевал Илентай, красивый собою, прикочевал издалека и именно для того, чтобы познакомиться с тобою и просватать тебя. Кроме красоты своей и знатности рода, Илентай очень богат, и, думаю, что отец твой останется доволен таким женихом. Но прежде чем сватать, Илентай желает видеть тебя и поговорить с тобой. Что ты скажешь на это?

Шехезахита едва устояла на ногах от охватившего ее волнения и долго молчала. Как быть? Страшно, ох как страшно прогневить сурового отца, да и как робкой и неопытной девушке идти на свидание с совершенно незнакомым жигитом?

— Ну, Шехезахита, решайся скорей,— торопила ее Зямал.— Такого жениха не найдешь. А тут вдруг явится какой-либо старик или урод, но богатый... Неужели для тебя все равно?...

— Как же, Зямал, мне быть? — спросила робко Шехезахита.— А если кто узнает?

— Не бойся,— подбадривала ее Зямал,— положись на меня. Завтра, чуть заря, пока еще в ауле спят, мы выйдем из юрты и пойдем к озеру, где в густом камыше переодетый оборванным байгушем будет ждать нас Илентай. Согласна?

— Согласна,— чуть слышно проговорила девушка.

Утром, лишь только занялась заря, Шехезахита и Зямал вышли из юрты и направились к озеру.

— Иди скорее, Шехезахита, нас могут увидеть,— торопила ее Зямал.

— Ой, боюсь! — шептала Шехезахита.— Не воротиться ли назад?

— Поздно! Слышишь, пастухи просыпаются и выгоняют скот из аула,— пугала ее Зямал.— Дадим им подальше отойти от юрт, тем временем нам нужно как можно быстрее спуститься к озеру, где уже ждет тебя Илентай.

Зямал схватила растерявшуюся от страха красавицу за руку, и они бегом пустились к озеру. Вот и озеро, и высокий камыш стоит, как стена, не колышется. У девушки забилось сердце, как у пойманного зай-

ца. Зямал тихо хлопнула в ладоши, и камыш затрещал, зашевелился, и из него сначала вынырнула шапка-малахай, а затем Илентай.

— Ты, жигит? — спросила Зямал.— Ты хотел видеть Шехезахиту. Она перед тобой. Смотри: хороша?

— Если бы у меня даже было полглаза...— начал Илентай, но Зямал перебила его:

— Илентай, не теряй времени на пустые слова! Скажи лучше, желаешь ли ты сватать Шехезахиту?

— Желаю ли!? — сказал Илентай.— Если на то будет согласна...

— А тебе, Шехезахита, нравится этот жигит? — спросила Зямал девушку.— Да говори же скорей!..

Вместо ответа девушка кивнула головой.

— И ты согласна быть моей женой? — уже решился спросить сам Илентай.

— Согласна,— был тихий ответ Шехезахиты.

— А будешь ли ты согласна бежать со мной, если твой отец не даст разрешения на наш брак,— спросил опять Илентай.

— Буду,— последовал ответ.

Илентай от радости подпрыгнул, подбросил малахай и быстро исчез в камыше, а Шахезахита с Зямал возвратились в свою юрту.

На другой день к аулу Абдулгалима на великолепнейшем аргамаке, в роскошном халате лихо подъехал Илентай в сопровождении десятка нарядных и статных жигитов. Одного из них Илентай отрядил к отцу красавицы с просьбой о гостеприимстве, а остальные с ним стали дожидаться возвращения посланного. Сверх ожидания Абдулгалим просил гостей немедленно к нему пожаловать. Он уже успел проведать, зачем явился к нему Илентай, и знал о знатности его рода, красоте, а главное — жадного старика интересовало его богатство: таким женихом брезговать не приходится даже ему, Абдулгалиму. Да и то нужно сказать, что Шехезахита уже на возрасте, а тут еще вокруг аула бродят бесшабашные жигиты — того гляди похитят невесту.

Неприятная дрожь пробежала по телу Илентая, когда он увидел лежащего на ворохе подушек Абдулгалима, без бровей, с брюзглым лицом и отвислою нижней губою; беззубый рот его шевелился и издавал какие-то невнятные звуки. Пришлось объясняться при помощи толмача.

— Я знаю, Илентай, зачем ты пожаловал ко мне. Но так ли велико

твое богатство, чтобы ты мог рассчитывать на мое согласие? — спросил Абдулгалим.

— За твою дочь, Абдулгалим, я готов отдать более половины всего своего богатства,— сказал Илентай.

— Не дурна твоя речь, Илентай,— сказал Абдулгалим,— сразу видно умного жигита... Я согласен.

Чтобы старик не передумал, Илентай в тот же день уплатил ему калым. Но вот беда: вскоре явился другой жених и предложил за Шехезахиту еще больший калым. Не устоял жадный старик — и просватал свою дочь и за этого жениха. Вслед за ним приехал в аул третий жених и стал давать вдвое больший калым. Долго упирался Абдулгалим, но страсть к наживе заставила его согласиться отдать свою дочь и за этого жениха.

Что теперь делать, как быть? Нельзя же одну невесту отдать трем женихам сразу. Удивительнее же всего было то, что Абдулгалиму и не приходила в голову мысль отдать два калыма обратно. Крепко задумался старый скряга, затосковал, перестал есть, лишился сна и даже стал мешаться умом. Между тем пришло время, когда женихи съехались в его аул, чтобы взять Шехезахиту. Тут-то они и узнали, что сделал с ними Абдулгалим.

Сначала женихи хотели отомстить Абдулгалиму, но дружно действовать не могли, так как сами перессорились из-за того, кому из них должна принадлежать Шехезахита: один кричал «моя», и другой кричал «моя», и третий — «моя». Ни один не соглашался ни за что уступить другому Наконец Илентай предложил решить спор судом. Отправились они к бию и поташили с собой Абдулгалима.

На суде Илентай доказывал, что он первый посватал Шехезахиту и первый получил согласие отца, следовательно, она должна принадлежать ему. Второй жених говорил, что он о сватовстве первого жениха не знал, а потому, раз Абдулгалим согласился выдать дочь свою за него, то он имеет полное право требовать ее себе. Третий жених говорил, что он также не знал о сватовстве первых двух, заплатил калым больше их, пусть они возьмут свои калымы обратно, он готов и еще на больший калым, только бы получить невесту.

Бию первый раз приходилось разбирать такое запутанное дело, тем более, что женихи не соглашались на взыскание с Абдулгалима своих калымов, и каждый из них желал завладеть невестой. Как бий

ни был умен и справедлив, но примирить трех женихов чрезвычайно затруднялся: все они имели совершенно одинаковые права на невесту, и решить дело в пользу одного из них, значило поступить несправедливо по отношению к двум остальным. Между тем бий уже много лет славился по степи как один из самых мудрых судей, и потерять эту славу для него было бы очень прискорбно.

После долгого размышления он было надумал рассудить так: пусть все три жениха получат свои калымы обратно и все вместе явятся к отцу невесты вторично сватать ее; на этот раз он, конечно, не посмеет просватать ее двоим или троим, а только одному из них. Но умный бий был дальновиден, он отлично понимал, что такое решение, хотя и будет беспристрастным, однако поведет к непримиримой вражде со стороны двух искателей руки невесты к ее отцу и будущему мужу, и вражда эта послужит причиной долголетних смут и обид между несколькими родами, а в роде и без того много неурядиц. Думал, думал бий, даже пот выступил на лбу. Наконец надумал:

— Видите,— обратился он к женихам,— я очень затрудняюсь рассудить ваш спор и прошу вас самих помочь мне. Вообразите себя на моем месте и будьте сами судьями вашего дела, но так, как будто бы это дело вас не касается. Скажите же мне, каким бы образом вы его решили?

Третий жених, надеясь на свое богатство и рассчитывая на корыстолюбие отца невесты, решил:

— Я бы присудил отдать невесту тому, кому согласится отдать ее отец.

— Пусть будет так,— подтвердил второй жених, я согласен на это, но с тем условием, чтобы передача невесты кому-либо из нас случилась не раньше двух недель.

За это время он решил во что бы то ни стало похитить невесту.

— Ну, а ты, Илентай, что же молчишь? — спросил бий первого жениха.

— Я бы отдал невесту тому, в чьей юрте она сейчас находится,— сказал Илентай.

Бий подозрительно и испытующе посмотрел в глаза Илентая и понял, что невеста уже принадлежит третьему жениху, но не подал виду, что знает это. Соперники же были уверены, что Шехезахита

находится в юрте своего отца, и выразили полнейшее удовольствие по поводу глупого, как им казалось, решения Илентая.

— Вот, жигиты,— сказал бий,— вы сами добровольно и по общему соглашению решили ваш спор. Решение это я признаю справедливым, и пусть никто из вас не вздумает его нарушить. Теперь же отправляйтесь и беспрекословно отдайте невесту тому, кому она должна принадлежать по единодушному вашему приговору.

При этом он многозначительно взглянул на Илентая и одобрительно кивнул ему головой. Нужно ли говорить, что в ауле Абдулгалима Шехезахиты не оказалось: жигиты Илентая при помощи хитрой Зямал сумели увезти тайно красавицу в аул ее избранника в то время, когда судьба ее решалась на суде бия. Таким образом, остальные два жениха, следуя своему же приговору, должны были, хотя и с затаенной злобой к счастливому сопернику, покориться и ни с чем отправиться восвояси. А Илентай, опасаясь их мести, вскоре откочевал в свои родные края.

КУБУГУЛ И АКБЕЛЕК-СЛУ

Как-то батыр Кубугул видел сон: в стране калмыков на реке Хоргосом стоит богатый дом калмыка-батыра. У него есть дочь — красавица Акбелек-слу, которую отец держит в неволе. И эта красавица обратилась к Кубугулу с просьбой — вызволить ее из неволи. Если он это сделает, то она выйдет за него замуж.

На другой же день Кубугул выехал из своего аула и после долгих странствий достиг берега реки, за которой стоял аул отца Акбелек-слу. Подъехав к реке, он увидел на другом берегу ту самую девицу, которую видел во сне. Возле нее была только одна старуха. Увидела девушка приближавшегося молодого всадника и быстро ушла домой.

Кубугул поздоровался со старухой. Потом стал просить ее, чтобы она устроила ему свидание с ее госпожой. Старуха сначала отказывалась, но когда Кубугул перекинул ей мешочек золота, то она сказала, чтоб он вечером ждал их.

Было уже темно, когда Кубугул заметил двух женщин, приближающихся к нему, это были Акбелек-слу и старуха.

Кубугул схватил девицу в свои объятья и нежно прижал ее к груди. Акбелек-слу сказала, что если он искал ее и желает увезти, то пусть не медлит, так как в доме могут заметить их отсутствие, и тогда им не сдобровать, так как отец ее считается самым сильным батыром во всем крае. При этом девица указала на лежащий недалеко от них камень и рассказала, что под этим камнем, за железными дверями стоит ба-

тырский конь и что взять его может тот, кто сдвинет этот огромный камень и разломает железные двери. Отец ее приходит сюда каждый день, но камень сдвинуть не может.

Выслушал Кубугул девицу, подошел к камню, взял его и отбросил на далекое расстояние, затем разломал железные двери и вывел оттуда коня. Кубугул посадил девицу на своего коня, а сам сел на батырского. Простились они со старухой и отправились в путь.

Всю ночь мчались они, перескакивая через реки и овраги. Утром подъехали к громадному озеру и остановились отдохнуть. Кубугул осмотрел все кругом, но никого не было видно, лишь дикие кони и сайгаки резвились на равнине вокруг озера да над озером носились тучи птиц, и их крик нарушал тишину летнего утра.

Кубугул хотел уже расседлать коней, как вдруг задрожала земля, и затем вдали показалось несколько всадников. С тревогою и испугом взглянула девушка на Кубугула. Несмотря на далекое расстояние, отделяющее их от всадников, Акбелек-слу узнала, что это едет ее отец со своими слугами. Кубугул успокоил девушку, а сам сел на своего могучего коня и помчался навстречу всадникам.

Девушка не успела еще опомниться от испуга, а Кубугул побил уже всех слуг отца своей невесты, а самого батыра, обезоруженного, привел на свой стан.

Акбелек-слу бросилась к отцу в ноги, стала просить у него прощения за самовольное бегство и за причиненное ему горе. Она стала просить благословение на вступление в брак с Кубугулом.

Отец поднял дочь свою и сказал, что если нашелся такой сильный и еще молодой жигит, который сумел выкрасть его Акбелек и вывести из-под земли коня, то против этого брака он ничего не имеет, да и не в силах был бы бороться с ним. Кубугул и Акбелек поблагодарили старого батыра и отправили домой.

После этого Кубугул оставил невесту, а сам пошел на озеро, чтобы убить на завтрак лебедя. Подошел он к берегу и увидел лебедицу с малыми лебедятами. Взял Кубугул лук и прицелился, но в этот момент лебедица закричала человеческим голосом:

— Жигит, не стреляй в меня, одинокую, и не дай погибнуть моим малым детям, а спеши скорее к своей невесте и спаси ее от злого духа, который живет в этом озере. Знай, что на случай нужды я тебе буду полезна.

Кубугул быстро побежал к стану и увидел, что невеста его уже мертва.

Кубугул сейчас же отправился к лебедице и рассказал ей о своем горе. Лебедица на это сказала:

— Теперь злой дух улетел за море. Подводное свое жилище он запер, а ключ поручил хранить большой черной птице, которая летает над облаками над этим озером. И вот, если ты хороший стрелок, то высмотри в вышине эту птицу и застрели ее, а я возьму у нее ключи, отопру дом и найду там пузырек с живой водой, тогда и оживим девушку.

Кубугул долго смотрел вверх, наконец увидел в безоблачном небе черную точку. Натянул он лук и спустил стрелу. Послышался страшный шум — это пораженная стрелою птица неслась вниз с быстротою падающей звезды. Птица упала на середину озера, и вода затопила берега.

Лебедица быстро подлетела к птице, взяла ключ, нырнула на дно и свободно вошла в дом злого духа. Отыскав пузырек с живой водой, она всю ее забрала себе в рот, а вместо взятой воды налила из другого пузырька смертельного зелья и поставила на прежнее место. Затем заперла снова дом, повесила ключи на птицу, а сама тотчас же полетела к Акбелек-слу. Увидел это Кубугул и быстро побежал к стану, но не успел он добежать до него, как увидел, что невеста идет сама к нему.

Через несколько дней Кубугул с невестою благополучно прибыл в свой аул и справил большой той.

ПОХИЩЕННАЯ КРАСАВИЦА

В прежние времена жил хан. У него была красавица дочь. В одну из ночей она исчезла. Встал хан утром, а дочери нет. Разослал он глашатаев, собрал свой народ, но никто не знает, куда делась его дочь.

Жила в эти времена одна старуха, было у нее семь сыновей —молодые жигиты, мудрые, находчивые. Если и мог кто отыскать дочь хана, так это только они. Хан знал про них. Вот он позвал их к себе.

— Если вы отыщете мою дочь,— сказал хан,— я вам уступлю свой трон, а если не отыщете,— сниму с вас головы.

Делать нечего — пообещали братья отыскать ханскую лочь. Вышли они в степь на поиски, стали искать следы похищения. Долго искали и наконец напали на эти следы.

В те времена жил и другой хан, который был влюблен в красавицу. И этот хан обладал особым искусством: он надевал на себя шкуру беркута-великана и совершал полеты. А когда сбрасывал с себя шкуру, снова превращался в хана.

Братья и заподозрили этого хана в похищении красавицы. Они отправились в город, где жил хан-беркут. Пришли братья в город. Один из них обладал редкой ловкостью. Про таких людей, как он, обыкновенно говорят: «Как каменная плоскость не принимает следов, так жидкое масло при падении не издает шума».

Вот этот жигит и решил отправиться за красавицей к хану-беркуту. Вошел он во дворец и видит: сидит птица-хранитель, а сам хан спит с девицей. Подходит он к птице-хранителю и начинает ее гладить. Потом уселся под шест, на котором сидела эта птица, и не дает ей заснуть. Как только птица задремлет, он сейчас начинает трясти камыш. От шелеста камыша птица и просыпается. Так продолжалось почти до утра. Изнуренная птица наконец заснула. Жигит осторожно взял девицу и, подложив хану в объятия намасленную свернутую кожу, скрылся с девицей. Добрался он с ней до своих братьев. А оттуда все семеро с ханской дочерью отправились домой, к своему хану.

Проснулась птица-хранитель, смотрит — девицы нет. Тотчас же полетела она за семью братьями. Догнала их около берега реки. Братья сидели и ничего не замечали. Птица-хранитель стремглав опустилась, подхватила девицу и поднялась к небесам.

— Застрели, пожалуйста, эту птицу,— сказали братья Мергену, своему младшему брату.

— Пусть немного отлетит дальше,— ответил им охотник.

— Но ведь она улетит тогда совсем,— сказали шесть братьев.

Когда птица со своею ношей стала скрываться с глаз, охотник выстрелил и попал прямо в птицу, не причинив вреда красавице. Птица стала падать в озеро. Тогда братья сказали брату — ловчему:

— Как бы девица в озере не утонула. Ты схвати ее.

Как только девица погрузилась в воду, ловчий подхватил ее.

Проснулся хан, глядит, девицы нет, птицы-хранителя тоже нет. Тогда он надел на себя шкуру беркута и полетел в погоню за братьями.

Увидели братья хана-беркута.

— Ты ведь хороший нырок,— сказали они одному своему брату.— Нырни, а мы последуем за тобой.

Ловкий нырок бросился с обрыва в воду и нырнул, за ним нырнули остальные шесть братьев. Заметив это, последовал их примеру и хан-беркут, но от сильного удара грудью о подводный камень разбился и умер.

Ловкий нырок вынырнул как раз против дворца своего хана. За ним вынырнули остальные братья. Явились они к хану и доложили, что привезли его дочь.

Хан выполнил свое обещание: дочь-красавицу соединил с одним из братьев, другому отдал свой трон, а остальных оставил при дворце.

ВОЛШЕБНЫЙ КАМЕНЬ

Жил некогда один богач. У него был единственный сын. Когда он достиг совершеннолетия, отец стал ежегодно посылать его одного на ярмарку. Первый раз он дал сыну тысячу рублей. Сын богача был неопытный в торговле и купил на эти деньги кошку. Когда возвратился сын, отец спросил его:

— Сын мой, что ты купил?

Сын ответил:

— Родной батюшка, я купил интересное животное, которое уничтожает мышей.

Ни слова не сказал на это богач.

Прошло время. Опять богач отправляет сына на ярмарку. На этот раз дал ему две тысячи рублей. Сын на эти деньги купил орла. Возвратился домой и говорит отцу:

— Родной мой батюшка, я купил такую птицу, которая, как ее выпустишь, не оставит в воздухе ни одной птицы.

Отец и на это ничего не сказал сыну.

В третий раз посылает он сына на ярмарку и дает ему три тысячи рублей. На этот раз сын привел гончую собаку. И тут отец не посмел упрекнуть сына за его глупую покупку. В четвертый раз отец посылает сына и дает ему четыре тысячи рублей. На этот раз сын купил большой ящик. Продавец предупредил, что яшик с секретом, и посоветовал

вскрыть лишь в самом безвыходном и затруднительном положении: если ящик вскрыть ради любопытства, он принесет много вреда.

На этот раз купец окончательно убедился, что сын его глуп, и, не интересуясь ящиком, купленным за большую сумму, выгнал сына из дому.

Сын богача взял все свои покупки и пошел от стыда в степь.

Долго ли коротко шел молодой изнеженный парень, от тяжести ящика устал. Вспомнил он слова продавца и вскрыл ящик. К его ужасу на дне ящика лежала большая змея. От испуга купеческий сын упал в обморок. Когда он очнулся, змея заговорила человеческим голосом:

— Купеческий сын, я рада, что ты купил меня. Я принесу тебе пользу. Слушай: унеси меня к моим родителям, и они наградят тебя. Животных и птицу оставь пока здесь.

Змея рассказала, где находятся ее родители, и сын купца решил испытать свое счастье. Дошел он до норы, где жили змеи, остановился и открыл ящик. Змея выползла, заползла в большую нору и вскоре воротилась с зеленым камнем в пасти. Отдала она камень купеческому сыну и сказала:

— Вот, родитель мой награждает тебя этим камнем за твою услугу, оказанную мне. Этот зеленый камень волшебный. Он будет исполнять все твои желания. Теперь воротись к своим животным, оставленным по дороге.

Сын купеческий решил тут же проверить силу волшебства и крикнул камню:

— Доставь меня к моим животным.

Едва успел он это сказать, как невидимая сила моментально домчала его по воздуху невредимым на место. Обрадовался сын купца, снова приказал камню:

— Унеси нас теперь в дальние страны, где меня никто не знает.

И только сказал это, как приказание его было выполнено: он очутился с животными в неизвестной стране. Зашел он в первую бедную хижину — его с радостью встречают старик со старухой. Стал он жить у них за сына, каждый день ездил на охоту и добычей кормил стариков.

Однажды выезжает он на охоту рано утром и видит: всходят два солнца. Удивился купеческий сын, поскорее вернулся домой и рассказал о виденном. Выслушала его мать и ответила:

— Это дочь известного хана Рустема сегодня встала рано, вместе с солнцем. Она первая красавица в нашем ханстве, и ее пленительная красота озарилась солнечными лучами.

Потерял покой купеческий сын, решил он во что бы то ни стало увидеть эту красавицу и жениться на ней. Стал он просить мать сходить к хану и посватать его дочь. Долго не соглашалась старуха, наконец уступила сыну.

Сын велел ей рано утром пойти к хану и подметать около его юрты. Когда ее увидят и спросят, зачем она тут, то пусть скажет, что пришла сватать дочь хана за своего сына. Хан прикажет бросить ее в яму. Но пусть она не боится, волшебный камень не даст ей упасть на дно ямы, и она благополучно вернется домой.

Старушка на следующий день еще до восхода солнца отправилась к юрте хана. Когда она пришла, все спали. Спала и красавица. Но вскоре все проснулись. Проснулся и сам хан. Он заметил старуху. На вопрос хана, зачем она здесь, старуха сказала, как ее учил сын. Оскорбленный хан приказал рабам отвести старуху в яму-темницу. Рабы исполнили приказание хана, но, к счастью старухи, вместо того, чтобы упасть в пропасть, она сразу очутилась дома. На другой день рано утром она опять пошла к хану сватать его дочь за своего сына. На этот раз хан приказал своим женам отравить старуху. Но на третий день старуха опять пришла сватать дочь хана. Хан удивился настойчивости старухи и приказал казнить ее. Старуху разрубили на части и сожгли. Но благодаря зеленому камню она снова ожила и в четвертый раз пошла к хану. Увидел ее хан, испугался. Он убедился в чудодейственной силе старухи и согласился отдать дочь за ее сына, но сначала она должна доставить ему калым: сорок вороных белоногих иноходцев, сорок таких же бегунцов, сорок одногорбых верблюдов одной масти, сорок таких же коров, сорок баранов, сорок коз одношерстных и в одну ночь построить золотой дворец между землей и воздухом, без устоев, и вырастить два тополя: один из драгоценных камней, другой — серебряный, и оросить арыком. Тогда только он согласится выдать свою дочь за сына старухи.

Бедная старушка с поникшей головой воротилась домой и рассказала обо всем сыну. Сын накормил ее и уложил спать, а сам вышел на улицу, поговорил с волшебным камнем, воротился в юрту и улегся спать. На другой день утром проснулся хан и видит перед собой дворец, золотой, воздушный, так и сияет весь, а вокруг скот пасется.

Тут хан посылает визирей за женихом и венчает свою прекрасную дочь с купеческим сыном.

Вскоре хан умер. Его место занял зять и стал управлять народом. Но, несмотря на все это, молодой хан не оставил привычки охотиться. Каждый день рано утром он ездил на охоту, и вот однажды на охоте хан встретил незнакомую старуху. Она стала просить хана взять ее к нему в услужение. Молодой хан из жалости привез ее к себе. Старуха заметила, что в доме вовсе нет слуг, но всю домашнюю работу исполняет какая-то невидимая сила. Тогда старуха спросила ханшу, что это значит. Та рассказала ей, что у мужа есть волшебный камень, который все выполняет. Тогда старуха попросила ханшу, чтоб она уговорила мужа не брать с собой камень, оставить его дома. Ханша упросила мужа. Он оставил камень дома, а сам уехал на охоту. Тут старуха, воспользовавшись отсутствием хана, взяла камень и приказала ему отвезти за тридесятое царство золотой воздушный дворец вместе с ханшей. Приказание старухи было исполнено, и молодая ханша очутилась в чужой стране. Она вышла замуж за другого хана, который нарочно посылал хитрую старуху. За свою хитрость она получила от хана много золота.

Когда хан возвратился с охоты, то ничего не нашел на месте дворца. Он понял, что это дело рук старухи. Бедный, без жены и волшебного камня, тайком от своих подчиненных скрылся он и поселился около одной реки, где занимался ловлей рыбы и кормил этой рыбой орла, кошку и гончую собаку.

Однажды собака с кошкой разговорились: хозяин наш купил нас за такую большую сумму, а мы вместо пользы приносим ему вред. Постараемся разыскать ему волшебный камень. И вот когда их хозяин спал, они отправились разыскивать волшебный камень. Долго они искали, наконец очутились в стране, где проживала жена их хозяина. Тогда они стали обдумывать, как добыть этот камень. Они явились во дворец хана и стали ласкаться к хану. Хану понравились животные, и он оставил их при дворце: кошка во дворце, а собака на дворе. Узнала кошка, что волшебный камень постоянно находится во рту хана. Однажды, когда хозяин ужинал, кошка поймала мышонка и заживо проглотила его. Хан заметил это и толкнул кошку. Тогда кошка выбросила мышонка обратно. Хан увидел это, плюнул и выплюнул камень. Кошка быстро схватила его и выскочила во двор. Там она передала камень собаке, и они помчались к своему хозяину.

Бежали они, бежали — добежали до реки, где жил их хозяин. Надо переправляться через реку. Кошка говорит собаке:

— Я сяду на твою спину, передай мне камень, ты при переправе можешь устать, и волшебный камень выпадет из пасти в воду.

Собака не дала, и во время переправы уронила камень в воду. В это время летела утка над ними, она схватила камень и полетела дальше. Но орел заметил это. Он полетел за уткой, поймал ее и принес хозяину.

Так камень возвратился к владельцу. Тут рыбак приказал волшебному камню немедленно доставить его жену и дворец золотой. Золотой дворец с женой, ханом и хитрой старухой были доставлены. Купеческий сын убил хана, старуху и свою жену, а сам со своими животными и с волшебным камнем отправился странствовать.

О ЖЕНСКОМ ХАНСТВЕ

Это было давно... Это было тогда, когда и земля, и небо, и люди, и обычаи — все было не такое, как теперь.

Большое на земле ханство было. Только оно одно и было такое, и никогда оно уже больше не повторится.

В этом ханстве ханом была женщина. Визири были тоже женщины. Хана звали Занай. И сидела Занай в городе Самирам.

Чудный это был город. Совсем не такой, как нынешние города. Стоял он не на земле, а высоко над нею на тридцати семи тысячах столбов. И никто не мог в него войти своею волею. Может быть, потому и держался он так долго. Были в нем и мужчины, но было их немного. Они сидели дома взаперти, убирали да малых детей нянчили — и не всех детей, а только мальчиков: девочки все были собраны в одно место и жили во дворце хана Занай, пока не вырастали.

А женщины делали все: и совет держали, и народ судили, и на войну ходили, и на охоту...

Новорожденных девочек всех оставляли, а мальчиков собирали вместе, клали в ряд, оставляли только одного живого из ста, а остальных сбрасывали вниз волкам, тиграм, львам и птицам хищным на растерзание. Выбирала того мальчика, одного из ста, счастливого, кому жить, вырастать можно было, старая и слепая старуха. Сама судьба, без ее воли, руками ее правила.

Раз пришло время родить самой Занай, хану этого города...

Когда осенью небо снимает свой халат и надевает серый, оно начинает плакать над землею, и много слез падает сверху на землю, вздуваются реки, наполняются до краев озера, а на небе слез все не убывает. Точно так начала плакать слепая старуха, когда пришло время родить Занай. И долго она плакала; целые реки слез-воды вытекли из глаз старухи вниз.

Собрался народ вокруг плачущей. Стали спрашивать:

— Чем вызваны у тебя эти слезы?

— Горе великое собирается над нашими головами,— сказала старуха,— и это горе сидит теперь во чреве нашей Занай. Она родит не девочку, а мальчика, и погубит этот новорожденный наше бабье ханство.

Старуха заплакала еще сильнее, так вся слезами и изошла, растаяла. Осталось от нее только место сырое, и то скоро на солнце высохло.

Задумалась Занай, а народ весь женский задумался еще больше. Собрался большой совет из старейших. Думал этот совет тридцать семь дней и тридцать семь ночей и ничего не выдумал.

Собрали тогда совет из молодых. Думал этот совет тридцать семь дней и тридцать семь ночей и ничего не придумал.

Решили собрать самых маленьких детей, и самая меньшая из них девочка — от земли только две ладони — говорит Занай и всему народу:

— О чем же вы грустите и задумались так? Когда Занай, наш хан, родит мальчика, возьмите его и сбросьте вниз волкам, львам, тиграм и птицам хищным на растерзание. Не кладите его в ряд, чтобы судьба его в живых не оставила.

Сказала это она, и всем в городе стало веселее. Узнали, как легко от злой беды-погибели отделаться. Только Занай, мать злополучная, еще больше прежнего задумалась, сидит на ковре золотом и глаз на народ поднять не хочет.

Догадались тогда, какой змей гложет ханское сердце. Отобрали двух приставниц, самых злых, самых зорких, и к хану сторожить роды приставили. Заперли Занай в ее женском дворце вместе с злыми, зоркими приставницами. Наказали им строго следить, как бы Занай, ради своего материнского сердца, ханство все не погубила.

Долго мучилась, крепилась Занай, а пришло уже последнее время, до родов только два раза должно было солнце подняться и два раза за землю опуститься.

Заговорила тогда Занай, мать злополучная, со своими слугами, зоркими приставницами.

— Дам вам золота столько, сколько с собою унести сможете, халатов цветных столько, сколько до ваших домов по земле уложить сможете... Спасите, сберегите моего сына.

— Нет! Этого мы сделать не сможем,— отвечали ей злые, зоркие приставницы.

— Позволю вам мужей выбирать по себе, не по жребию, а кого хотите. Позволю вам у других жен отбирать мужей, только спасите мне мое детище,— упрашивала Занай.

— Нет! Этого мы сделать не сможем,— отвечали ей злые, зоркие приставницы.

Только три часа до родов осталось. Подошли к ней, к Занай, ее злые, зоркие приставницы. Заиграло у Занай сердце радостью. Стали приставницы между собой перешептываться.

— Не хотим мы себе мужей брать из здешних,— сказали они,— а дай нам мужей из тех, что внизу ездят, кому в город наша дорога запрещается.

Долго крепилась Занай, не давала этого позволения, а в последних муках, когда голос новорожденного услыхала, согласилась и говорит злым, зорким приставницам:

— Берите себе мужей из тех, что внизу ходят, только спасите, сберегите мое детище.

Тогда взяли новорожденного злые, зоркие приставницы, спрятали его, а к Занай девочку положили. Потом вышли к народу и говорят:

— Обманула вас слепая старуха. Оттого она и умерла, что позволила своему языку на старости лет неправдою ворочаться. Родила Занай девочку, а не мальчика. Вот она, эта новорожденная. Идите все поздравлять своего хана, несите подарки родильные.

И пошла радость да веселье по всему городу, по всему ханству женскому, и понесли со всех сторон хану подарки родильные: адрассы [1], платки индийские, золото, сахар и нан [2]; погнали к хану лошадей, овец и верблюдов, каждого скота по тысяче, а злые, зоркие приставницы давно себе мужей высмотрели: два туркмена там ездили — шапки на них черные, глаза из-под тех шапок горят, как звезды из-за туч ночных,

[1] Адрассы — полушелковая узорная ткань.
[2] Нан — хлеб.

халаты золотом шитые, а кони все с головы до копыт каменьями дорогими обвешаны. Спустили они им лестницы и подняли в город вместе с их конями разукрашенными.

Каждый день солнце поднималось на небо, каждый день спускалось оно за землю, шло чередом время — за днями недели, за неделями месяцы, за месяцами годы. Растет да вырастает ханский сын у чужой матери, подрастает и ханская дочь-подкидыш. Всласть утешается Занай, издали на своего сына глядючи, всласть утешаются со своими мужьями злые, зоркие приставницы.

Прошло десять лет. Никакой беды не было над ханством, ниоткуда ее и не чуяли. Стала тогда Занай и ее злые, зоркие приставницы про себя посмеиваться над старухою-предсказательницей. Вырос ханский сын, краше всех мужчин в городе стал, и назвали его Искандером. Только одно такое имя и было во всем городе.

И стали на небе тучи скапливаться, и нависли эти тучи как раз над городом женского ханства. И недобрым духом от этих черных туч веяло. Большая беда-горе в степном ветре чувствовалась. И настало время тяжелое, беда горькая, откуда ее и не ждали.

Стали мужчины между собой поговаривать, стали они между собой перешептываться, стали они на женщин косо посматривать. А после собрались все посреди города на большой площади, стали в круг, и среди этого круга сын Занай. Заговорили тогда мужчины. Все заговорили, а только один голос слышался. Все головы думали, а бодро одна голова за всех думала. Это голова Искандера. Вот и говорят мужчины женщинам:

— Не хотим мы больше вашего порядка, старого, бабьего. Не хотим больше вашего хана-женщину. Выбрали мы себе хана нового, хана Искандера. А с новым ханом и время для нас пришло новое. Сами мы будем и народом править, и на войну ходить, и на охоту — сами будем жен себе выбирать. Вы, женщины, идите на наши места, во дворы ступайте детей качать да варить плов, шить наши халаты. Не позволим больше сыновей наших вниз бросать волкам, тиграм, львам и птицам хищным на растерзание. Отдайте нам ваши шлемы, шапки железные, а себе возьмите котлы и кунганы медные, чугунные. Отдайте нам калычи [1] острые, пики длинные, арканы тягучие, крепкие луки и стрелы, воло-

[1] Калыч — сабля.

сом оперенные, а сами возьмите иглу да лопату, кочерги, ложки, чтоб в котлах мешать. Не хотите волею отдать, возьмем силою. Выходите все женщины на бой с нами. Чья сила возьмет, того и верх будет.

Собралось женское войско. Сама ханша мечом опоясалась. Бились с мужчинами тридцать семь дней и тридцать семь ночей. Залили кровью все улицы, все площади, и взяли верх над мужчинами женщины. А потому взяли, что у мужчин были одни кулаки да руки голые, а у женщин пики, стрелы, калычи. Да мужчин было мало: по одному на сто женщин.

Окружили женщины мужчин тройною железною цепью, а их хана с головы до ног волосяными арканами опутали. Собрался суд. Стали судить непокорных. Судить того, кто всему ханству горем был, кто среди круга стоял, кто сильней всех с женщинами бился.

Присудили хана Искандера к смертной казни, к злой, лютой смерти, и такой, чтоб всем, глядя на нее, страшно было. Присудили судьи вырезать у него сердце кривым острым ножом и высоко сердце это на длинной пике над городом выставить, а потом снять с него кожу с живого, и снимать эту кожу медленно, каждый час по одной ладони. И казнить его, Искандера, должна сама Занай.

Вывели Искандера на высокое место, чтобы всем в городе было видно. Чтоб все видели эту лютую казнь и радовались.

Подошла Занай к приговоренному, смотрит на него, а сама ничего не видит. Не видит она ни сына своего злополучного, ни народа, что вокруг толпился, ни города своего, ни двора ханского, и неба не видит. Солнце глаза не слепит ей. Все затянуло перед ней слезами, туманом. И текут эти слезы двумя реками широкими по бокам, обе на запад, к морю далекому, песками окруженному.[1]

Тяжело матери поднять нож кривой острый на свое дите, и рука у нее стала словно железом окована. И заговорила тогда Занай со своим народом женским. Стала признаваться, каяться:

— Обманула я вас, погубила и себя и ханство все женское, а помогли мне в том мои слуги верные — злые, зоркие приставницы. Родила я сына, а не дочь и от вас его спрятала. Вот он, сын мой. Правду сказала слепая старуха. И над правдою той мы смеялись. Легче мне кривой нож на себя поднять и ханство погубить, чем ударить им сына своего. Мое родное детище... Я виновата, пусть и погибну первая...

---

[1] Легендарное происхождение рек Аму и Сыра. Примечание Н. Каразина.

И ударила себя Занай ножом этим заостренным прямо в грудь, в самую середину сердца. Пала она мертвая на свой ковер, золотом вышитый. Дрогнуло небо, черною тучею затянулось, и пошатнулись столбы высокие города. Как одна, вздохнули все женщины, а мужчины все обрадовались. Страх напал на женщин, разбежались они по своим домам от страха, спрятались, а оружие свое бросили на площади.

Подняли то оружие мужчины, наложили замки тяжелые на двери домов, где женщины спрятались, и стали городом управлять по-своему.

ЗНАЯ СКАЗКИ, НЕ УТАИВАЙ ИХ

Поехал жених с друзьями к своей невесте. По обычаю, в эту ночь все должны были рассказывать сказки друг другу. Наступил вечер. Друзья жениха, невеста и ее сестра рассказывали сказки. Пришла очередь жениха: он отказался, отговариваясь незнанием сказок. Ему не хотелось терять из-за сказок весеннюю ночь, и без того короткую; хотелось скорее остаться наедине с невестой. Удивились гости. Недовольны были и родители, сестра невесты.

Легли спать. Жених остался с невестой. Не спалось сестре невесты. Ей хотелось послушать сказки, которые рассказывает, как она думала, теперь жених своей невесте. Она стала подкрадываться к юрте, где были молодые. Вдруг видит, с двух сторон к этой же юрте приближаются два привидения. Они были сердиты на жениха и сговорились наказать его за то, что он не стал рассказывать сказки.

— Завтра после венчания,— говорит первое привидение,— они поедут к жениху. Я на дороге сделаюсь ручейком. Так как будет стоять сильная жара, то жених направится ко мне и будет пить воду. Я обращу его в насекомое.

Это привидение было сказкой о насекомых.

— А я обращусь в золотой нож с серебряной шейкой,— сказало второе привидение,— и буду лежать на дороге, на дневном расстоянии от тебя. Когда жених возьмет меня в руки, то я обрежу ему пальцы, и он обратится в нож.

Это привидение было сказкой об оружии.

Так решили наказать жениха привидения за то, что он знал сказки, но утаил их от гостей.

Утром было венчание. В полдень новобрачные навьючили приданое на верблюдов и отправились от невесты к жениху.

Сестра невесты стала проситься, чтоб они взяли ее с собой. Но жених отказал ей в этом. Тогда она поймала лучшего бегунца из стада и поехала за ними следом.

День был жаркий. Караван искал воды. Жених ехал впереди и высматривал, нет ли где колодца или ручейка. И вот видит он ручеек. Направился к нему, чтобы узнать, какая вода в нем, можно ли повернуть к ней караван. Заметила это сестра невесты, помчалась на своем бегунце, обогнала жениха, приехала к ручью и опоганила в нем воду. Рассердился на нее жених, поругала и сестра, но она не обратила на это никакого внимания.

Поехали дальше. Прошли день. Вдруг жених видит, что-то блестит на дороге. Это лежал нож золотой с серебряной шейкой. Жених поскакал туда, а сестра невесты обогнала его, схватила нож и разломала на мелкие части. Рассердился жених. Поругала и сестра. Стали ее спрашивать: почему она так поступила?

— Что я ни делаю — за все мне выговор,— сказала она.— Вот я и поступаю так.

Когда приехали к жениху, то рассказали обо всем родителям. Отец жениха позвал сестру невесты к себе и спросил, почему она так поступала?

Рассказала она обо всем. И когда все узнали, то стали ее благодарить, принесли ей богатые подарки.

ТРИ ДЕВУШКИ И ПРОЖОРЛИВАЯ СТАРУХА

В прежние времена жил один богач. У него было три дочери. Они очень много ели, и богач не любил их за это. Вот он решил от них избавиться.

— Любезные мои,— сказал он им,— сегодня возьмите по ведру и сходите в лес за ягодами.

А ведра он им дал с худым дном. Девушки не знали этого. Взяли они ведра и пошли в лес. Долго пробыли там, собирая ягоды. Отец в это время откочевал в другое место. Возвратились девушки домой, а там пустое место. И нашли они на прежнем месте, где стояла их юрта, зеркало, гребень и иголку. Переночевали они, а на утро отправились на поиски своих родителей. Шли, шли они — и пришли наконец к одной жулаймейке [1], в которой жила жалмауыз-кемпир. Когда они вошли, то застали там маленькую девочку — дочку жалмауыз-кемпир. Девушки спросили ее:

— Где хозяева этого дома?

— Хозяйка этого дома я да мать моя — жалмауыз-кемпир,— ответила им девочка.

Перепугались девушки, но остались ждать до вечера. К вечеру пришла жалмауыз-кемпир. Увидела она девушек, обрадовалась:

[1] Жулаймейка — конусообразная кибитка из войлока.

— Будет мне не один обед!

Утром она собралась уходить.

— Свари и приготовь мне младшую,— сказала она старшей из девушек и ушла.

К вечеру вернулась жалмауыз-кемпир. Девушки сварили ей в котле маленькую девочку, а сами убежали. Котел кипел. Жалмауыз-кемпир подошла к котлу и стала есть мясо. Когда уже все кончилось и осталась одна голова, она узнала, что это была ее дочь. Погналась жалмауыз-кемпир за девушками. А те увидели ее, старшая из них бросила гребень — сделался большой лес. Вырвала свой зуб жалмауыз-кемпир, сделала из него топор и стала рубить деревья. Порубила и стала опять догонять девиц. Средняя сестра тогда бросила иголку — поднялись высокие горы. С трудом через них перебралась жалмауыз-кемпир и снова побежала вдогонку. Тогда младшая сестра бросила зеркало — образовалось озеро. Не могла переплыть это озеро жалмауыз-кемпир и спрашивает девушек:

— Как вы переплыли?

— А мы привязали к шее камни и плыли,— сказали они ей.

Привязала старуха большой камень к своей шее, спустилась в воду и утонула. А девушки отыскали свой дом.

ЛЕВ И ЛИСА

Это было давно, когда звери сами выбирали себе царей и судей. И вот однажды звери выбрали царем льва, а лисицу бием. Ворона согласилась быть караульщиком, сорока — доставлять вести, а кошка пожелала быть благочестивым монахом, суфием.

— Что ж,— сказала лисица,— если против меня ничего не имеете, я согласна быть бием, наставлять уму-разуму и доносить обо всем льву.

Я согласна, но при условии: если вы дадите гарантию, что моя шкура уцелеет от беркута, если я буду уходить невредимой от охотников и, наконец, если за моим хвостом не будут гоняться собаки.

Тут все решили дать лисе право распорядительницы, так как она умная и все знает.

После выборов лиса ежедневно стала доставлять льву на обед по одному животному из какой-либо породы зверей. Сама она пользовалась остатками со стола льва.

— Как-то лисица встретила верблюда, отставшего от каравана, и уговорила его пойти ко льву, показаться. Верблюд сейчас же был растерзан, и его мяса хватило на несколько дней. После этого лисица встретила быка. Она предложила ему бросить свою работу на пашне и присоединиться к их компании. Она сказала быку, что если он будет служить у льва, то ни один человек его не сможет заставить трудиться на пашне, он будет постоянно жиреть и жить в свое удовольствие. Бык согласился.

— Я ваша слуга,— сказала лисица льву,— и привела к вам быка. Он не щадит своей жизни ради вас и пожелал быть вашим подданным.

Лев причислил быка к своей свите третьим лицом. Первым лицом был носорог, а вторым слон.

Уже лиса доставила к столу льва из каждой породы зверей по две туши. Дошла очередь до лисьей породы. Что делать? Лиса пустилась на хитрость. Вот она и говорит быку:

— Слушай, бык! Лев как будто переменил к тебе свое отношение. Видимо, он сердится на тебя. Ты зареви погромче, и всех напугаешь. Лев тоже испугается тебя.

И действительно, когда бык заревел во все горло, то лев сильно перепугался. Он не знал, что это кричал бык, и подумал — что ревет сильный зверь, чего доброго, может у него отнять царскую власть. Но в это время к нему прибежала лиса, приветствовала его и сказала:

— О, мой лев! Я вижу, печальны вы! Поведайте причину своей печали. Если у вас появился враг, то я уничтожу его.

— Хорошо,— сказал лев.— Я поведаю причину своей печали. Но ты дай слово, что никому не скажешь?

— Если я скажу кому-нибудь,— клялась лиса,— то пусть меня съест беркут, пусть меня укусит за хвост собака и чтоб мне попасть в капкан.

Лев рассказал ей, что слышал рев какого-то сильного зверя. Прежде такого сильного голоса он не слыхал.

— Если у кого громкий голос,— сказала лиса,— то это еще не значит, что зверь сильный.

Сказав это, лиса побежала к быку.

— Лев тебя испугался,— говорит она.— Ты должен пойти к нему. Когда подойдешь, ощетинься, рой землю ногами, наклони голову, вытаращи глаза и выстави рога. Если лев на тебя будет сердиться и махать хвостом, ты не бойся, подойди ближе и пырни его рогами. Он сейчас же убежит от тебя, испугается.

Убедилась лиса, что бык ее послушался, побежала ко льву и предупредила его о приходе быка. Посоветовала льву быть с быком осторожней.

— Когда бык станет подходить к вам,— учила лиса,— он непременно ощетинится, будет рыть землю, вытаращит глаза, выставит вперед рога и пойдет на вас. Это будет признаком его вражды к вам. Вы немедленно должны учинить с ним расправу.

И вот бык пришел ко льву: ощетинился, начал рыть землю, вытаращил глаза, выставил рога вперед...

Лев перепугался, зарычал, замахал хвостом, выпустил когти, сделал прыжок и задрал быка.

Лиса торжествовала. Для всех был праздник, мясом быка лакомились несколько дней. Негодовала только мышь:

— Что же это в самом деле такое?.. Все звéри из своего рода дали льву на обед по две туши, а лисицы все невредимы. Нужно взять и из их рода. Лиса нас всех обманывает, не нужен нам такой бий.

Недовольство зверей дошло до лисицы. Пришла она ко льву и говорит:

— У меня стало очень много врагов, и все это из-за вас. Конечно, вы убьете и съедите меня, но у вас ведь тоже есть враги: носорог и слон. Советую вам их уничтожить, а потом уж есть меня.

Лев сказал ей, что он не знает, как справиться с ними. Лиса предложила свои услуги.

— Я берусь их уничтожить,— сказала она.— Носорога утоплю в реке, а слона спущу в пещеру.

Сказав это она выкупалась в воде и прибежала к носорогу.

— Я сейчас переплывала реку. На той стороне видела много носорогов. Корма там прекрасные. Они пасутся беззаботно и просили вас перейти к ним. У льва вы ничего хорошего не найдéте.

— А там глубоко? — спросил носорог.

— Да, для меня глубоко, а вам вброд можно перейти.

Носорог бросился в реку, забежал в глубь и утонул.

Расправившись с носорогом, лиса побежала в сад, набрала винограда и рассыпала его около пещеры. Затем она побежала к слону и сказала, что возле пещеры с неба сыплется виноград да такой сладкий — она мокрая стала и вся засахарилась от него. Слон попросил показать дорогу к пещере. Лиса охотно согласилась.

Когда слон пришел к пещере, то ему показалось, что винограда мало. Лиса на это ему сказала, что виноград боится его взора, и поэтому не сыплется с неба. Она рекомендовала слону собирать виноград с закрытыми глазами. Слон последовал совету лисы и попал в пещеру. Через некоторое время слон погиб.

Лиса обо всем рассказала льву. Царь зверей пришел в восторг и стал говорить лисе, что теперь он сможет ее съесть спокойно.

Услышав это, лиса изменилась в лице, в глазах у нее потемнело, ощетинилась шерсть...

Лев схватил лису, стал спрашивать, почему она никого не дала ему из своего рода и сама не шла.

Лиса оправдывалась занятостью: рыскала по лесу в заботах о его столе. Как-то раз она откормила лисицу и вела к нему, но по дороге ее встретил другой лев и отобрал откормленную лисицу. Сказала это лиса и зарыдала.

Лев сжалился над ней и спросил:

— А где тот дерзкий лев, который отнял у тебя откормленную для меня лисицу?

Лиса взялась проводить льва. Она привела его к колодцу и сказала, чтоб он посмотрел в колодец.

Лев увидел внизу свое отображение и поверил, что это и есть тот дерзкий лев. Он выпустил когти и бросился в колодец. А лисица убежала, довольная своей проделкой.

КОТ, ТИГР И ЧЕЛОВЕК

Тигр встретил в лесу кота.

— Ты очень похож на меня, но почему ты такой маленький, даже меньше моих детенышей? — спросил тигр.

— Я был в руках человека,— ответил кот.

— Что ж, тебе пить-есть не давали?

— Что ты, что ты! — ответил кот.— Давали, даже от холода на печку прятали, от сильной жары берегли.

— Тогда не понимаю, отчего ты не вырос.

— Наверное, от страха перед человеком.

Захотелось тигру посмотреть на страшного человека. Кот повел его к людям. На лугу встретились коровы. Тигр первый увидел их и крикнул:

— Вот, наверное, люди!

— Нет, это коровы, их человек ест,— сказал кот.

«Действительно, наверное, большие и страшные это звери, если проглатывают таких животных с рогами»,— подумал про себя тигр.

Идут дальше. Увидели слонов. Тигр принял их за людей.

— Нет, на них люди ездят,— сказал кот.

Тигр даже немного струсил.

— Вон, вон человек! — крикнул кот.

Тигр стал смотреть выше леса.

— Да нет! Вон, видишь, стоит у дерева старик и рубит,— показывает ему кот.

— Эх ты, трусливый котишка, каких ты людей боишься.

И тигр смело пошел к человеку.

— Что ты делаешь,— спросил он его.

— Дерево рублю. Помоги мне,— ответил человек.

— Ишь ты какой! Ты вкусно пахнешь, я тебя съем,— сурово заревел тигр.

— Тигр, пожалей меня: у меня маленькие внуки, они без дров замерзнут.

— А ты зачем кота обижаешь?

— Да что ты, тигр? — удивился человек.

— Кис-са-нька, кис-са-нька! — ласково позвал старик кота.

Кот вскочил ему на грудь и стал мурлыкать песенку. Кот тоже сказал тигру:

— Не трогай моего хозяина, не будет в доме дров — не будет для меня зимой теплого местечка.

— Ну, хорошо,— прорычал тигр человеку,— я тебе помогу нарубить дров, чтоб кот не замерз, а потом я тебя все равно съем.

И сильный тигр стал помогать старику. Он прямо лапами стал ломать большие деревья. Стали они вместе работать, а старик думает, как бы ему от тигра спастись. Вот стал старик учить тигра, как скорее деревья ломать.

— Вот, вот сюда, рядом с этим клином, засовывай лапу,— сказал ласково старик.

Когда тигр глубоко засунул лапу, старик выдернул клин. На весь лес завизжал зверь.

Кот зажал лапками уши, спрятался в траву. Когда человек топором убил тигра, он нашел кота. Взял его за шиворот и, стегая прутом приговаривал:

— Не шляйся по лесам, не шляйся по лесам! Сиди больше на печке.

Вот почему тигры бросаются на человека, а кошки не ходят в лес — сидят больше на печке.

ВЕРБЛЮЖОНОК

Глупый верблюжонок убежал в степь. Пока сыт был и солнце грело, он прыгал и весело кричал:

— Крхммс — хх!..

Но когда солнце скрылось и он захотел есть, грустно стало. А как волки в кустах завыли: «У-у-у-у!» страшно стало верблюжонку, и он заплакал. Бегает в темноте, слезы роняет на землю, а кричать сильно боится, волки услышат — съедят.

Волки на ветру чуют запах верблюжонка и на все голоса перекликаются:

— Вкусное мя-я-со! Молочный верблюжонок!

Не жалея своих тонких ног, бегал верблюжонок, спасаясь от волков. Эта страшная ночь показалась верблюжонку длиннее всей прожитой жизни.

Но вот наступило утро, и солнце снова взошло. Убежали волки и спрятались в овраге. Обрадовался верблюжонок солнцу. Крик верблюжонка услышали в юртах, и два человека прибежали к нему Верблюжонок увидел людей и бросился к ним со всех ног. К одному приласкается, к другому бросится — радости нет конца.

— Это мой верблюжонок! — сказал один.

— Нет, мой. Видишь, он ко мне подбежал,— перебил второй.

Заспорили тут два человека о глупом верблюжонке. Тогда решили идти к судье, о мудрости которого говорили по всей степи.

Эдыге — так звали этого судью — выслушал их спор и сказал:

— Приведите ваших верблюдиц.

Когда хозяева пригнали верблюдиц, Эдыге спрятался за кучу кизяка и завыл волком. Верблюдицы подняли головы, а верблюжонок закричал. На крик верблюжонка из стада выбежала верблюдица и стала облизывать его. А другие верблюдицы с места не сошли. Верблюжонок жадно стал сосать материнское молоко.

Эдыге подозвал хозяина верблюдицы и сказал:

— Ну, теперь веди верблюдицу домой.

Хозяин повел верблюдицу. Сытый верблюжонок, ласкаясь, побежал рядом с матерью.

— А ты злой хозяин,— сказал Эдыге второму человеку.— Чье бы молоко стал сосать этот верблюжонок у тебя? Иди домой и помни, что жадность — преддверие всякого зла.

СИНЯЯ ЛИСИЦА

Одна лисица жила около города. Ночью она ходила по базару, собирала обрезки сала и мяса. Раз она забралась в лавку красильщика и вся вымазалась синей краской.

В таком виде лисица явилась в лес. В это время звери выбирали хана. Увидев синего зверя, они его выбрали ханом.

Лисица начала управлять ханством. Даже тигры и барсы покорялись ей. Но ханство лисицы продолжалось очень недолго. Пошел дождь и смыл краску с лисицы. Тогда все узнали рыжую кумушку. Ее не только прогнали с ханского места, но и жестоко избили.

ЛИСИЦА И ОБЕЗЬЯНА

Бежала как-то лисица, смотрит — лежит на капкане мертвая рыба. Не осмелилась она сунуться мордочкой и решила хвостом придвинуть рыбу к себе. И так и сяк изловчалась, но ничего не получается: рыба большая, тяжелая, а хвост лисы мягкий, бессильный.

Облизнулась лиса и побежала дальше, досадуя, что не полакомилась рыбкой. Встретилась ей обезьяна. Лиса низко склонила голову, виляет хвостом, извивается, сладко так улыбается.

Удивилась обезьяна: что это лисица такая приветливая?

— Доброго пути тебе, лисонька,— говорит она ей.— Прежде ты мне такого почтения не выказывала. Чем объяснить то, что ты мне сегодня оказываешь такую честь?

— С тебя суюнши [1],— отвечает лиса.— Все мы, звери, решили избрать тебя нашим верховным властелином — царем. Долго советовались между собой звери. Сначала они мне предложили стать их царем. «Ты, говорят, у нас настоящий мудрец. Царская корона тебе вполне подойдет. Не откажись стать нашим царем». Я им говорю: «Вот обезьяна гораздо умнее меня. Она похожа на человека. Послушайтесь доброго совета:

---

[1] Суюнши — вознаграждение за радостную весть.

избрать царем надо обезьяну. Она всегда рассудит и малых, и больших, и сильных, и слабых зверей и не станет чинить несправедливости. И ни в коем случае не избирайте царем льва. Он не будет разбираться, кто виноват, кто прав, и начнет убивать всех слабых. Он погубит всех зверей, и никто не наберется смелости пойти к нему с жалобой. Так сказала Я, и многие из собравшихся зверей одобрили мое мнение и зашумели:

— Правду сказала лиса. Вот умница! Льва действительно не следует избирать царем. Он может навредить всем. Лучше давайте изберем нашим царем обезьяну. Она будет заступницей слабых. Сама она похожа на человека, у нее должно быть много ума. Пойдемте искать обезьяну.

И все пошли искать тебя. Вот я раньше всех разыскала тебя и с почтением кланяюсь тебе, как нашему царю.

Поверила обезьяна лисице, обрадовалась и говорит:

— Хорошо, я согласна стать царем. Зачем отказываться, если все звери хотят этого. По мере возможности буду действовать всегда справедливо. А тебя я никогда не забуду. Заверяю тебя — будешь всегда довольна мною. Все твои просьбы буду выполнять, не оставлю без внимания. Вот мое суюнши. Теперь идем туда, где будет состояться церемония избрания царя. Веди меня.

Повела лиса обезьяну к тому месту, где стоял капкан с рыбой. Недалеко от капкана останавливается и обращается к обезьяне:

— О царь! Есть у меня одна просьба. Я очень голодная. Нет сил дальше идти. Ты соверши молитву, а я скажу: «Аминь!» Бог примет нашу молитву, и мы найдем что-нибудь поесть.

Обезьяна согласилась и совершила молитву, прося бога ниспослать им еду. Лиса вторила: «Аминь!» После молитвы лиса повела обезьяну вперед, и скоро привела ее к капкану с рыбой.

— Вот видишь,— говорит она обезьяне.— Бог принял нашу молитву. Мы наткнулись на готовую еду. «Кому суждено жить, тому хоть мертвую рыбу предписано находить»,— говорится в народе. Вот мы и нашли, бери и ешь.

— Ты ведь хотела есть,— отвечает обезьяна.— Бери и ешь. А я на радостях могу и не есть, я сыта.

— Я слуга царя,— хитрит лиса,— а слуга раньше царя не должен

есть. Я хоть и голодная, но умею держаться прилично, как это подобает сану моих предков.

Обезьяна стала брать рыбу и наступила на капкан. Он моментально схватил ее за ногу. Рыба подлетела и упала в стороне. Лиса схватила рыбу и начала есть. Обезьяна умоляет лису:

— Я откажусь от царского престола, только освободи мою ногу от этого проклятого капкана.

— Эй, обезьяна! — говорит ей лиса.— Ты всегда любила шутить. Может быть, и на этот раз шутишь? Не роняй своего достоинства, как говорится у людей. Я думала, что ты умнее льва. А ты такая же. Неужели ты не можешь избавиться от простого куска железа? А ты говоришь слова беспомощных. Счастья бывают разные. Одни из них цепляются за голову, другие за ноги. Обезьянушка, тебе это, наверное, известно. Ты должна терпеть свое счастье, хотя будет нога в крови, если даже изо рта пойдет кровь. К ногам твоим пристало железное счастье. Я тебя сделала царем над этим капканом. Пока до свиданья, будь здорова! Царствуй себе на здоровье долгие годы.

И лисица побежала прочь.

ЛИСА И КОЗА

Бежала как-то лиса в поисках добычи и провалилась в глубокую яму. Никак не могла она выбраться. Шла мимо коза, она хотела пить и искала воду. Увидела лису.

— Эй, лиса, что ты там делаешь? — спрашивает коза.

— Что я делаю? Наслаждаюсь прохладой. Там, наверху, и жарко, и душно, и воды нет. А тут, на дне ямы, так прохладно, и,кроме того, здесь прозрачная, чистая вода.

Обрадовалась коза, что можно прохладиться и напиться холодной воды, и прыгнула в яму. Лиса быстро прыгнула на козу, затем на ее большие рога и выпрыгнула из ямы. А коза осталась в яме.

Этот случай, говорят, послужил основанием для народного изречения: «Не верь лжи — наживешь беды».

НЕУДАЧА ЛИСИЦЫ

Как-то раз лисица отправилась на охоту. В чаще она наткнулась на какую-то сырую шкуру. «Если не рыба, так по крайней мере шурпа» [1],— сказала лисица и поволокла шкуру.

Пробегала она мимо одного аула, заметила индюшат. Лисица затряслась от удовольствия, бросила свою находку и направилась к индюшатам. Встретил лисицу беркут и спросил, куда это она так спешит.

— Разве не видишь,— ответила лиса,— вон пасутся индюшата, я горю желанием полакомиться хоть одним из них.

— О душа моя! Напрасно ты мчишься к ним. Я давно караулю их, глаза все проглядел. За ними наблюдает бедовый

[1] Шурпой или сурпой казахи называют суп, мясной бульон.

караульщик. Тебе, лиса, я б не советовал бросать шкуру. Вернись к ней, возьми и иди подобру-поздорову.

Но лисица не послушалась беркута и стала все ближе подползать к своей добыче. Зоркий сторож заметил ее и так метко бросил камень, что разбил у нее зубы.

С окровавленной мордой лиса вынуждена была вернуться к брошенной шкуре. Но шкуры на месте не оказалось. Ее похитил беркут.

Пожалела лиса, что вовремя не послушалась доброго совета.

ЛЯГУШКА И СУСЛИК

Однажды подружились лягушка и суслик. Вот как-то раз суслик говорит лягушке:

— О друг! Давно я хочу послушать твое пение. Да вот не удавалось свидеться с тобою: все приходится рыскать по степи в поисках пищи. Так вот, дай мне знать, когда тебе придет охота петь.

— Хорошо! — сказала лягушка. Она раздобыла длинную нитку, один конец ее привязала к ноге суслика, а другой — к своей ноге.

— Когда я дерну за нитку,— сказала она суслику,— ты будь готов слушать мое пение.

Сказала это лягушка и нырнула на дно озера.

В один из дней, по знаку лягушки, прибежал суслик к озеру и плотно прильнул к берегу, чтобы послушать пение своего друга. Вдруг откуда ни возьмись появилась в небе птица-мышелов, бросилась она на суслика, схватила его и поднялась вверх. За сусликом потянулась и квакающая лягушка: помните, она была привязана к суслику одним концом нитки?

На этом и кончилась их дружба...

ХИТРАЯ МЫШЬ

Сидела однажды мышь у своей норки. Неожиданно пошел град и переломил ей бедровую кость. Мышь пустилась бежать от страха. На дороге ей повстречался медведь.

— От кого ты так быстро убегаешь? — спросил он.

— На наш аул напал неприятель,— сказала мышь,— я ранена в бедро: вот и убегаю.

— О, если неприятель приближается,— сказал медведь,— то и я с тобой побегу.

И вот бегут медведь и мышь. Навстречу им — тигр.

— От кого вы убегаете? — спросил у них тигр.

— Да вот на наш аул напал неприятель, мы ранены в бедро,— ответил медведь.

— А, если так, то и я с вами побегу,— сказал тигр.

Бегут дальше. На дороге повстречали волка. Тот их и спрашивает:

— От кого вы убегаете?

— Да на наш аул напал неприятель,— ответил тигр,— вот мы и бежим. Мы все ранены в бедро.

— А, если так, то и я бегу с вами,— сказал волк.

Встретились они с лисой. Та спросила их:

— От кого вы убегаете?

— На наш аул напал неприятель,— сказал волк,— вот мы и бежим. Все мы ранены в бедро.

— И я бегу с вами,— сказала лиса.

По дороге они захватили с собой барсука. Много дней и ночей бежали они, проголодались и не знали, как утолить голод. Обратились тогда за советом к мыши.

Она на это им ответила так:

— Ведь дядю тигра все мы почитаем — кто же его тронет; медведь — наша сестрица — кто же ее тронет; волк нам доставляет вести — кто же его тронет; лисица наш рассыльный — кто ж ее тронет; а барсук нам никто, так будем его рвать и есть.

Разорвали они барсука и съели. Идут дальше. Опять проголодались и снова обращаются к мыши за советом.

— Ведь дядю тигра все мы почитаем — кто его тронет; медведь — наша сестрица, кто же ее тронет; волк нам доставляет вести — кто ж его тронет; а лисица нам никто, так давайте ее рвать и есть,— сказала мышь.

Разорвали лисицу и съели. Идут вчетвером еще несколько дней. Опять проголодались и снова за советом к мыши обратились.

— Ведь дядю тигра мы все почитаем — кто же его тронет; медведь — наша сестрица — кто ж ее тронет. А волк нам никто — будем его рвать и есть,— сказала мышь.

Набросились они на волка, разорвали его на части и съели. Идут приятели втроем. Опять проголодались. Обращаются к мыши за советом.

И мышь им ответила:

— Ведь дядю тигра все мы почитаем — кто ж его тронет; а медведь нам никто — так будем его рвать и есть.

Разорвали они медведя и съели. Наконец тигр и мышь остались вдвоем. Отправились они дальше в путь. Прошло несколько дней, и захотелось им есть. Они улеглись спать — вдали друг от друга. Когда обдирали медведя, мышь украла себе про запас два глаза медведя. И вот теперь стала втихомолку есть припрятанные глаза. Тигр заметил и спросил:

— Что ты это ешь?

— А я не могла больше вынести голода, вырвала себе оба глаза и вот теперь их ем,— ответила мышь.

— В таком случае и я вырву себе глаза,— сказал тигр. Вырвал и съел.

Вскоре тигр подох, а хитрая мышь много-много дней лакомилась мясом тигра. А потом благополучно вернулась к себе в норку.

ЗВЕРИ-ТОВАРИЩИ

Медведь, волк, верблюд и лиса были товарищами. Однажды они идут все вместе. Вот лиса и говорит волку:

— Давай съедим верблюда!

— Медведь будет серчать,— сказал волк.

Тогда лиса побежала к медведю и сказала ему:

— Волк хочет съесть верблюда.

Медведь не поверил ей. Идут дальше. Лиса подбежала к верблюду и сказала ему:

— Волк и медведь хотят тебя съесть.

— Зачем они меня хотят съесть? — спросил верблюд.

— Ты большой,— ответила лиса.— Твою шкуру и твои ноги можно продать.

Верблюд согласился, чтоб его съели. Лиса сообщила об этом товарищам, и они задрали верблюда. Волк и лисица стали чистить его кишки. Лисица хотела съесть одну кишку, но волк не позволил ей, боясь медведя. Лисица не послушалась волка и все-таки съела кишку. Медведь заметил, что не хватает одной кишки, и спросил:

— Кто съел кишку?

Лисица опередила волка и сказала быстро:

— Волк съел кишку.

Медведь бросился на волка, тот — бежать, медведь за ним. Лиса воспользовалась их отсутствием и спрятала все мясо. Вернулся медведь и спрашивает:

— Где мясо?

— А разве не помнишь? Ты сам его унес.

Так и ушел медведь без мяса. А лисица стала жить да мясом верблюда питаться.

ПАСТУХ И ЗМЕЯ

Как-то раз пастух пас баранов в степи. Недалеко от него случился пожар. И вдруг прямо на пастуха от огня ползет змея. Приблизилась к пастуху и стала просить спасти ее от огня. Пастух, не долго думая, спрятал змею в рукав. Когда кончился пожар, пастух стал вытряхивать змею из рукава. Змея не пожелала покидать теплого места и погрозилась, что укусит пастуха, если он будет вытряхивать ее.

Пастух напомнил ей, что за добро не платят злом, и попросил не кусать его, пока он не попросит быка рассудить их.

Бык выслушал обе стороны и сказал:

— Человек — враг мой: сколько я работал на него, а он, неблагодарный, за все это готовит меня на убой.

И он остался на стороне змеи.

Пастух не был доволен этим решением и обратился к коню. Конь, тоже недовольный человеком, поддержал решение быка, признал его справедливым.

Тогда пастух обратился к коту. Кот выслушал обе стороны, расследовал дело и решил, что змея должна покинуть рукав пастуха, ибо

за добро злом не платят. Но змея и слушать не стала, проворчала что-то в свое оправдание. Тогда кот сказал ей:

— Говори громче, я не слышу. Встань ко мне поближе, да подними голову.

Змея высунулась из рукава, подняла голову. Тут кот схватил ее, вытащил из рукава и убил.

МЫШЬ И ЗМЕЯ

Однажды мышь, возвратясь с прогулки, застала в своей норке змею. Испугалась мышь непрошенной гостьи, но не могла придумать, как выгнать ее, и отправилась к соседям рассказать про свое горе и попросить совета.

Собрались мудрые мыши, обсудили между собой это дело и сказали обиженной:

— Отступись от норки, выкопай себе другую и живи. Несправедливо поступила змея, отняв у тебя жилище, но ничего не поделаешь. А будешь приставать к змее, она тебя съест.

Погоревала мышь и примирилась со своим положением. Но она не могла забыть обиды и все думала, как бы отомстить своей обидчице.

В один жаркий день мышь заметила, что змея, греясь на солнце, уснула около норки, а недалеко от нее, в саду, спал лежа навзничь садовник. Мышь быстро подбежала к садовнику и укусила его за нос. Садовник, проснувшись от боли, погнался за мышью, которая, не торопясь, бежала к тому месту, где лежала змея. Садовник увидел змею и убил ее. Мышь тем временем убежала.

Так мышь отомстила своей обидчице и стала по-прежнему поживать в норке.

ОСЕЛ И СУСЛИК

В огороде поселился суслик и портил овощи. Однажды сторож увидел суслика, ударил палкой и, думая, что он мертв, выбросил из огорода. Пролежал суслик некоторое время без движения, потом очнулся и кое-как пополз в луга, где жил его приятель — волк.

Добрался он до волчьей норы, рассказал волку про свое горе и попросил его дать временный приют. Волк обрадовался гостю, побежал в окрестности искать добычу, чтобы угостить друга, но все старания оказались неудачей — волк вернулся в нору ни с чем. Тогда суслик говорит волку:

— Послушай, дружище: недалеко отсюда, в ауле, живет мой хороший знакомый — осел, я пойду за ним, приведу его сюда, а ты тут его задушишь, и будет нам пища на целую неделю.

— Отлично,— сказал волк,— я узнаю в тебе истинного друга.

Отправился суслик к ослу и видит: бродит тот около аула, собирает мелкую измятую траву.

— Друг мой,— сказал суслик,— ты, я вижу, совсем голодаешь, собираешь здесь плохую траву. Недалеко отсюда раскинулись роскошные луга, покрытые сочною травой, а какая там вода — просто удивление!

Пойдем туда, и ты насытишься на славу, а то просто жаль смотреть на тебя, бедного, изнуренного.

Послушался осел суслика, и отправились они в луга. Прошло немного времени, суслик утомился и попросил осла подвезти его. Осел взял суслика на спину, и пошли они дальше. Идут, и вот взошел осел на один пригорок, вдруг видит вдали в лугах волка.

— Знаешь что,— сказал осел суслику,— надо вернуться в аул.

— Зачем? — спросил суслик.

— Я забыл дома родительское наставление,— сказал осел.

Отправились в обратный путь. И осел дорогой рассказал суслику, что отец, умирая, оставил ему наставление, которое велел брать с собой всегда, когда предстоит опасный путь. Подойдя к аулу, осел громко закричал. На крик стали сбегаться с сильным лаем собаки. Суслик перепугался, соскочил с осла и хотел где-нибудь спрятаться, но не успел, и собаки разорвали его на клочки.

Так осел избежал встречи с другом суслика, с волком, и наказал суслика за обман.

КОТЫР-ТОРГАЙ

Может, было, может, не было,— прыгал по караванной дороге воробышек. Прыгал, скакал, червячков искал, да все понапрасну. Котыр-торгай — вот как его звали.

Зачесалась у воробышка спинка. Стал он тереться о жантак-траву, а злая жантак-трава взяла да и уколола его своими иголками.

Запищал Котыр-торгай жалобно:

— Вот ты какая, жантак-трава! Обидела меня. Не прощу тебе, злодейка, отомщу! Вспомнишь ты Котыр-торгая!

Полетел воробей к козам.

— Козы, козы, жантак-трава обидела меня. Съешьте ее за это!

Козы рожками замотали, копытцами затопали:

— Лети прочь, Котыр-торгай! Не хотим мы тебя слушаться.

Полетел воробей к волкам.

— Волки, волки, козы обидели меня. Загрызите их!

Волки рычат:

— Лети отсюда, Котыр-торгай, покуда цел! Не станем мы тебе подчиняться.

Полетел воробей к табунщикам:

— Эй, жигиты, волки обидели меня. Берите соилы, убейте волков!

Табунщики смеются:

— Лети дальше, Котыр-торгай! Мал ты нам указывать.

Полетел воробей к старой байбише. Это ее коней табунщики стерегли.

— Байбише, меня твои табунщики обидели. Накажи их как следует!

А байбише в ту пору овцу стригла. Замахнулась старая ножницами:

— Сгинь с глаз, шелудивый! Вот я тебя!

Вспорхнул Котыр-торгай и заплакал. Куда еще лететь? Кому пожаловаться?

Вдруг ветер пахнул. Котыр-торгай к нему:

— Ветер, ветер, защити меня! Байбише меня обидела.

Рассердился ветер:

— Разве можно маленьких обижать?

Налетел на старуху, подхватил овечью шерсть и унес под самые облака.

Старуха завыла и накинулась с досады на табунщиков:

— Так-то вы, негодные, моих коней стережете! Не видите, лежебоки, что волки близко ходят!

Схватили табунщики соилы, двинулись скопом на волков.

Испугались волки да бежать.

Увидели козы волков-разбойников, кинулись и они наутек.

— Это Котыр-торгай,— кричат,— на нас беду наслал!

Прибежали туда, где росла жантак-трава, да и съели злую колючку.

Доволен Котыр-торгай. Прыг-прыг! Скок-скок! Чирикает грозно:

— А ну, кто на свете такой храбрый, что осмелится обидеть могучего Котыр-торгая?!

СЕГИЗБАЙ И ДЕВОЧКА-МЫШКА

Жил когда-то старый охотник, по имени Сегизбай. Жена и дети у него давно умерли. Скучно было жить на свете одинокому старику.

Раз вышел он в степь на охоту и видит, кружит в небе коршун, а в когтях держит какого-то зверька. Вскинул Сегизбай лук и пустил в коршуна стрелу. Уронил раненый хищник свою добычу. А была это серая мышка.

Поднял ее сердобольный старик, стал гладить и ласкать. Превратилась вдруг мышка в девочку. Обрадовался Сегизбай.

— Вот и у меня теперь есть дочка.

Прижимая малютку к сердцу, прибежал в юрту, уложил дитя в постель, подоив корову, напоил молочком.

Прошли годы. Выросла девочка, невестой стала. Лучшие жигиты сватались за нее, хороший калым давали, а она не хочет и слушать о замужестве. Опечалился Сегизбай. Однажды говорит он дочери:

— Дочь моя, ты достигла уже совершеннолетия, пора тебе разжечь очаг в собственной юрте. Выбери же себе мужа по душе.

— Хочу,— отвечала девушка,— чтобы мужем моим был тот, кто всех сильнее на свете.

«Это Солнце» — подумал старик. Пришел он к Солнцу.

— О всесильное светило! У меня есть дочь. Она хочет быть женой сильнейшего в мире. Возьми ее в жены.

Отвечало Солнце:

— Иди к Облаку. Оно сильнее меня. Облако заслоняет от меня землю, и я не в силах сладить с ним.

Пришел Сегизбай к Облаку. А Облако говорит:

— Ветер сильнее меня. Он гонит меня с юга на север, с запада на восток и не дает нигде остановиться.

Отправился к Ветру Сегизбай. Выслушав старика, расшумелся Ветер:

— Да разве я сильный? Вон стоит Утес. Сколько ни тружусь, не могу его сдвинуть с места.

Поклонился Сегизбай Утесу:

— Ты сильнее всех. Возьми мою дочь в жены.

Утес ему отвечает:

— Если хочешь отыскать самого сильного, так знай: это серый мышонок, что изо дня в день терзает и точит меня, роя себе норы и ходы. Я ничего не могу с ним поделать.

Выскочил из норы мышонок и пищит:

— Нравится мне твоя дочь, старик, взял бы я ее в жены, да вот беда: не поместится она в моем жилище.

Тут дочь старика прибежала.

— Не хочу другого жениха! Этот мне милее всех.

Сделалась снова серой мышкой и юркнула в нору к мышонку.

Засмеялся Сегизбай:

Ворон летит на крик ворона. Кони по ржанию узнают друг друга. Наконец-то и моя дочь нашла себе пару.

ПОЧЕМУ У ЛАСТОЧКИ ХВОСТИК РОЖКАМИ

В первоначальные времена правил миром страшный змей Айдахар. Питался он кровью животных. Подлый комар служил у него на посылках.

Кликнул к себе змей комара, говорит ему:

— Облети всю землю, отведай тайком крови всех живых существ и, воротясь, доложи мне, чья кровь самая сладкая. На кого укажешь, тех и буду губить.

Полетел комар. Исполнив повеление, спешит обратно. На пути встречает его ласточка.

— Куда летал?

— По приказанию господина моего Айдахара облетел всю землю, чтобы узнать, чья кровь самая сладкая.

— Что же ты узнал?

— Слаще всего кровь человека,— пропищал комар.

Ласточка встревожилась.

— Не говори, комар, змею правду. Человек добр, не губи его.

— Нет, скажу!

Ласточка снова:

— Прошу тебя, не вреди человеку: он мне друг.

А комар:

— Нет, скажу!

Прилетает комар к Айдахару, и ласточка тут же вьется.

— Ну,— зашипел змей,— рассказывай все, что разведал! Но страшись, раб, произнести хоть слово лжи!

— Владыка мой и повелитель,— начал комар,— скажу тебе правду, ничего не утаю. Самая вкусная, самая сладкая кровь у...

Хотел он сказать «у человека», да не успел: ласточка стрелою кинулась к нему и отщипнула острым клювом кончик комариного языка.

Заметался комар над змеем:

— З-з-з... З-з-з... З-з-з... — Но сказать ничего не может.

А ласточка ласково щебечет:

— Я знаю, Айдахар, что хотел сказать комар: самая сладкая кровь — у змеи!

Рассвирепел змей на ласточку, ударив хвостом, прыгнул в небо с раскрытой пастью. Да ведь нет птицы быстрее и поворотливее ласточки. Метнулась она в сторону — и ушла от смерти. Успел Айдахар лишь за хвост ее ухватить. Вырвал из середины хвоста несколько перышек и — рухнул на землю, ударился о камень и испустил дух.

Вот почему у ласточки хвостик рожками, и вот почему люди так любят эту птицу.

ЧЕТЫРЕ ДРУГА

Когда-то жили мышь, лягушка, серна и утка в дружбе. Однажды сын хана со своею свитою поехал на охоту. Долго они не могли ничего встретить и вдруг увидели лягушку. Сын хана приказал поймать ее и положить в куржун, ибо лягушка — это признак того, что охота дальше пойдет удачнее.

Охотники исполнили приказание своего господина: поймали лягушку и положили ее в куржун. Это увидела утка и живо сообщила своим друзьям — серне и мыши, что их общий друг — лягушка попала в беду.

Друзья сильно горевали и начали совещаться: как выручить лягушку из беды. Вот мышь и говорит:

— Ты, серна, притворись хромою и пробеги перед ханским сыном, который наверняка погонится за тобой в надежде поймать тебя, при этом он сбросит с седла куржуны, чтобы легче было лошади скакать. В это время ты, утка, поспеши меня доставить к куржунам: я живо прогрызу их и освобожу лягушку. Тогда ты, утка, лети к серне и скажи ей о спасении лягушки,— пусть серна подумает о своем спасении, ведь у нее ноги быстрые.

Друзья послушались совета мыши, и все спаслись. Правда, каждый из них рисковал своей жизнью. Но дружба дороже всего.

ГРУБАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ

Сердитый бык, бодавший всех без разбору, как-то попал в яму. Как ни бороздил он рогами крутые стены этой ямы, но выбраться из нее никак не мог. Выбившись из сил, бык убедился, что дело плохо: придется пропадать. Стал он кричать громко — звать на помощь, авось, кто-нибудь да услышит, поможет ему.

К счастью недалеко от него паслось стадо баранов под охраной пастуха. Прибежали они на выручку.

— Будьте добры,— кричит им бык, вежливо и ласково,— не дайте погибнуть честной душе. Я отплачу вам: Я отроду не делал никому зла. Моя благодарность давно известна Зенг-бабе [1]. Друзья, вытащите меня. Любезный пастушок! Я тебе обещаю целую сабу молока, а вам, бараны, стог свежего сена.

— Бараны,— сказал пастух,— вытащим его и получим награду.

— Ну, что же, мы не прочь освободить невинного,— сказали бараны и помогли пастуху вытащить рогатого из ямы.

— Я сейчас отблагодарю вас,— сказал бык,— дайте мне сначала отдохнуть и собраться с силой.

А когда бык отдохнул, то стал опять бодать всех без разбора.

[1] Зенг-баба — святой, покровитель рогатого скота.

ЛИСИЦА И ВОРОНА

Однажды пестрая ворона, прикусив клювом кусок мяса, сидела на верхушке дерева, а под деревом, почуяв запах мяса, сидела лиса. Она горела желанием воспользоваться этим мясом, но как на грех ворона сидела слишком высоко.

Лиса пустилась восхвалять ворону:

— Клюв твой напоминает орлиный, грудь твоя похожа на ястребиную, крылья и хвост — на соколиные, глаза твои темны, как ночь, походка твоя напоминает походку черного гуся, а твоя фигура... Боже мой, что это за прелесть!.. Об одном сожалею, что не слышу твоего голоса.

После таких похвал пестрая ворона потеряла голову. Крикнула она во всю мочь, мясо вывалилось у нее изо рта и было схвачено на лету лисицею.

Лисица побежала дальше, а вслед ей ворона кричала:

— Лисица, лисица, твои прелестные и правдивые слова очень понравились мне, повтори же опять их.

— «Голодный не имеет ума, ближе желудка нет ничего» [1], когда я увидела у тебя во рту мясо, у меня помутилось сознание, и я бессовестно врала,— сказала лисица, и с этими словами скрылась.

---

[1] Народная поговорка.

БАРАН И КОЗЕЛ

В незапамятные времена жил старик со старухой. Были они бедные. У них было пять овец и пять коз — все их богатство. Питались они молоком да сыром. Было у них и мясо — они весь ежегодный приплод резали. Из шерсти и кожи делали себе одежду. И количество коз и овец старика и старухи, таким образом, не уменьшалось, но и не увеличивалось.

Овцы и козы на пастбище выходили сами, пили из ручейка и снова возвращались домой. Пастухом их были баран и козел. Зорко охраняли они все стадо. Старик и старуха больше всех любили козла и барана. Они казались им родными детьми. Баран и козел чувствовали эту любовь. Они охотно выполняли все желания своих хозяев. Умный был козел. Он никогда ничего зря не делал. Если козел раньше времени возвращался с пастбища, то хозяева знали: будет ненастная погода, и принимали меры предосторожности; если все стадо поднимало шум, металось из стороны в сторону, то надо было остерегаться волков, преследующих по пятам животных.

Баран и козел между собой были большими друзьями. Они помогали друг другу в беде. По своему характеру дополняли один другого. Баран был спокойным, чуть-чуть наивным и боязливым, но он твердо

верил своему энергичному и храброму другу. А козел был хитрым, умным и дальновидным. Он многое мог предвидеть. Зная эти свойства своих любимых животных, старики считали их своей главной опорой и как бы хранителями своего маленького стада.

Но вот старик заболел. Старуха днем и ночью ухаживала за ним. Баран и козел сами выходили на пастбище и сами возвращались обратно. Паслись они недалеко от дома — боялись волков.

Старику становилось все хуже и хуже. Старуха только и знала что плакала. Как-то раз пришел к ним скитающийся черный шаман. Он пощупал пульс старика, поиграл на кобызе, а затем сказал:

— Надо зарезать самый любимый скот и лечить его мясом.

Эти слова испугали старика и старуху — как же они могут зарезать барана или козла?

— Мы не можем принести в жертву наших священных животных — барана и козла,— сказали они,— лучше зарежем тебе самую жирную овцу.

Долго умоляли они черного шамана. Но тот был упрям.

— Лечение идет в пользу тогда, когда приносишь в жертву самое дорогое. Иначе я не стану лечить,— сказал он.

Старики не знали, что делать, оба горько плакали: если они не зарежут барана и козла, то старик так и не встанет, а если зарежут, то весь скот их пропадет. Долго они плакали и, наконец, решили зарезать барана и козла.

Первый это почувствовал козел. Он разбудил ночью барана и рассказал ему о горе, которое их постигло. Они плакали, гневно возмущались и решили незаметно от других овец и коз, тайком, покинуть родные места. Но не просто бежать хотели они, а уйти, чтобы разыскать целебные травы и вылечить ими старика.

Никто их не разыскивал. Кто же пустится в погоню. Старик — болен, старуха — не может. И баран с козлом спокойно продолжали путь. Шли они через рощи и поля, через горные ущелья, через равнины и холмы, ели зеленую траву, пили родниковую воду. Так прошло несколько дней. Почти на каждом шагу их подстерегала опасность. То они наталкивались на следы волков, то ночью вокруг себя слышали вой гиены, рев медведя, хрюканье кабана. Их охватывал страх. Они прятались и тайком ускользали от всех врагов.

Баран и козел точно не определили еще места своего пристанища.

Они не знали, где в лесной чаще растут целебные травы, да и опасно там — можно встретить хищников, которые могут их задрать, если наткнутся на них. А к людям пойти, то они зарезать их могут. Но и без помощи людей, без их защиты нельзя прожить. Рассуждая так, они шли по степному простору. Но вот козел посмотрел на тучу, которая надвигалась по ветру, заволновался и сказал барану:

— Будет сильный дождь. Давай, мой друг, сделаем курке [1].

— Делай,— сказал баран,— у меня шерсть густая, сам я жирный, так что мне и под дождем терпимо.

Козел нарвал травы и под кустарником сделал себе теплую защиту. К вечеру погода стала ненастной, черные тучи заволокли небо; грохотал гром, сверкала молния и лил сильный дождь.

Под кровлей, на теплой травяной подстилке спокойно лежал совсем сухой козел. Подставив под ветер и дождь свой широкий жирный курдюк, лежал в затишье баран. Но не долго он смог выдержать: вода стала просачиваться сквозь шерсть, а ветер пронизывал его до самых костей. Баран стал мерзнуть и наконец не выдержал и обратился к козлу с такими словами:

— Дружище, я был глуп. Если ты не поможешь мне, то я замерзну.

— Больше не делай таких глупых промахов,— сказал козел и впустил барана в свое укрытие.

Через некоторое время дождь перестал. Небо прояснилось. Баран и козел отправились дальше. В полдень козел на небе заметил облако.

— Сегодня будет снег и, возможно, буран,— сказал он.— Надо нам соорудить курке.

Но барана это не беспокоило.

— Снег — это не вода, чтобы просочиться через густую шерсть,— сказал он.— Заслоняясь от ветра широким курдюком, я смогу и так лежать, а тебе надо укрыться, у тебя шерсть редкая, кожа тонкая.

Козел не стал убеждать своего друга. Нарвал травы и под густым кустарником соорудил себе убежище.

К вечеру тучи заволокли небо, и хлопьями стал падать снег. Острый сильный ветер гнал снег, кружил его. Среди снежной метели козел спокойно лежал. А в затишье, возле укрытия козла, растопырив широкий курдюк и заслонясь им от ветра, лежал баран. Но пронзительный ветер,

---

[1] К у р к е — временное укрытие, шалаш.

бушующий буран не давали ему покоя. И наконец баран не выдержал и обратился к козлу с просьбой:

Дружище, а дружище! У меня положение плохое. Если ты не пустишь меня к себе, то я замерзну. Теперь я во всем буду слушаться тебя.

— Больше не делай глупостей,— ответил ему на это козел и впустил барана.

Но вот затих буран, прояснилось небо, и стало тепло. Баран и козел отправились дальше. На пути козел наблюдал за следами птиц, зайчат и волков, за тропами, проторенными кабанами, медведями.

Долго они шли. День клонился к вечеру. Наступили сумерки. Козел вдруг остановился и, обращаясь к барану, сказал:

— Друг мой, мы наткнулись на волчью нору. Вот следы.

— Тогда мы погибли, дружище,— испуганно сказал трусливый баран.

Козел вел себя спокойно.

— Убегать от волков нельзя,— сказал он.— Они увидят наши следы, учуют запах и непременно нагонят нас, куда бы мы ни ушли. Единственный путь к спасению — спрятаться в их нору.

Напуганный таким предложением, баран что-то бормотал невнятное:

— Что ты говоришь?! Что ты говоришь?!

Однако был не в силах возражать своему другу и последовал за ним.

Козел подвел его к волчьей норе. Она была широкая и имела просторные ответвления. Узкий проход у входа занял сам козел, а барана он поставил в засаду и наказал ему по его команде бить рогами волков. Сидели долго они и терпеливо ждали возвращения обитателей этой норы с охоты ночной.

К рассвету появился один волк. Усталый с ночного похода, он лениво подошел к яме и впрыгнул в нее. Затем стал входить в нору. Козел острыми, как пика, рогами задел за горло волка и прижал его шею к верхней стене норы. Затем крикнул барану:

— Бей, мой друг, бей!

Баран гнутыми тяжелыми рогами сильно ударил волка в бок. Тот завопил. Ребра и передняя нога хрустнули. Он упал, но, собрав последние силы, снова вскочил и убежал. Баран и козел преследовали его. На

бегу козел повторял страшные слова: «Бей, мой друг, бей!». Волк слышал это и еще сильнее бежал вперед. Ночевали баран и козел спокойно. Утром продолжали свой путь. К полудню козел сказал барану:

— Я слышу погоню: нас преследуют двенадцать волков. Давай скорее доберемся вон до того высокого тополя.

И они ускорили шаги. Когда же приблизились к тополю, стоявшему на возвышенном месте у обрыва широкой реки, показались волки. Они бежали сбитой стаей, поднимая пыль. Козел взобрался на самый верх тополя, а баран не мог подняться: ему мешал тяжелый курдюк. Тогда козел слез с тополя и помог барану подняться на нижний сук. Сам козел залез немного выше барана и стал наблюдать за приближающимися волками. Один среди них был хромой: это был тот волк, которому баран и козел на рассвете переломили ногу. Волки увидели на дереве козла и барана, обрадовались. Они начали со всех сторон подкапывать корни, чтоб свалить тополь. Но корни векового тополя были толстые и глубоко уходили в землю. Сняв верхнюю часть земли, волки увидели это и растерянно остановились. Они не знали, что им делать. Некоторые из них пытались прыгнуть на нижний сук тополя, где сидел баран. Но и это им не удавалось, срываясь, они падали на землю. Потом решили лезть один на другого и таким образом достать барана и козла. Внизу встал хромой волк, на него забрался другой, затем третий... Как только двенадцатый поднялся на самый верх и пастью хотел уцепиться за жирный курдюк барана, козел, не зная, что делать, крикнул барану:

— Бей, мой друг, бей!..

Эти знакомые страшные слова до смерти перепугали хромого волка. Ему казалось, что за этими словами опять последуют сильные удары в бока. Он рванулся в сторону. Остальные одиннадцать волков стали падать под обрыв, прямо в воду. Все они утонули в пучине. Страшно перепуганный волками баран, потеряв равновесие, свалился с тополя, но его спасла густая шерсть, которой он зацепился за сук. Козел помог ему слезть с дерева, и они снова продолжали свой путь. Вышли в горное ущелье, заросшее лесами. Наступил вечер, затем сумерки. Ночью в лесу было страшно. Оглядываясь по сторонам, они осторожно продвигались вперед. Каждый куст им казался медведем или еще каким-то страшилищем. Случайный треск вызывал у них страх, как будто бы голодный волк набрасывался на них. Но вдруг козел остановился у толстой вековой сосны и сказал:

— Друг мой, посмотри, это голова и туловище волка, недавно убитого охотником; кожу он здесь содрал.

Барану было страшно даже при виде мертвого волка, и он ничего не мог ответить козлу. А тот взял голову волка и сказал, что она пригодится. Затем положил ее между широкими гнутыми рогами барана, и они пошли дальше.

Наступила темная ночь. Кругом тишина. Лес и темные горные вершины стояли вдали. Только хруст слышен под ногами идущих рядом друзей. Боязливо шагая, они вышли на открытую полянку. Там у огня сидела целая стая волков. Убегать было поздно. Волки их заметили. Козел уговаривал друга не бояться, положить голову волка на землю и следовать за ним. Сам он смело пошел к волкам, сидящим у огня.

— Салем-алейкум,— обратился он к ним с приветствием и затем стал устраиваться поудобнее у костра. Баран от страха несколько отстал от него. Волки были поражены смелостью козла. Они радостно улыбались и перемигивались. Один из них, очевидно, вожак, сказал:

— Сам бог вас пригнал к нам!

Козел хоть и ожидал нападения, все-таки старался быть спокойным. Затем он, обращаясь к вожаку, сказал:

— Да, мы пришли к вам по божьей воле. Издавна вы были охотниками за бараниной, теперь мы стали охотиться за волчьим мясом.

Волки удивленно переглянулись. Вожак насмешливо и гордо сказал:

— Угощение для вас готово!

Но козел не унимался. Он сказал барану, который от страха затаил дыхание и стоял молча:

— Они не спешат угощать нас. Ты лучше иди, сорви голову одного из привязанных нами волков и принеси сюда. Мы съедим ее, поджарив на огне.

Баран не спеша отправился за головой, оставленной ими. Это вызвало страх среди волков. Они поглядывали с опаской в ту сторону, куда ушел баран. Кое-кто из них отходил в сторону и убегал. И вот из леса показался баран с окровавленной волчьей головой. Все ясно увидели это и разбежались в разные стороны. Положив волчью голову у огня, козел и баран в эту ночь спокойно отдохнули у костра.

Утром они опять тронулись в путь. Шли по лесу, и вдруг козел заметил волчьи тропы; вдали слышались голоса волков.

— Волки, которые ночью убежали от нас, пожаловались медведю,— сказал козел.— Теперь все вместе ищут нас, преследуют. Скорее нам надо залезать на сосну и поудобнее спрятаться.

Они подошли к сосне, густо обросшей толстыми ветвями. Козел помог барану подняться, потом сам впрыгнул на сук. В это время десять волков во главе с бурым медведем, неуклюже шагающим впереди, шумно разговаривая, стали подходить к сосне, на которой уже сидели баран и козел. Медведь говорил волкам:

— Дураки вы, каких я не встречал. Выпустили такой жирный кусок, который сам бог прислал вам. Позор! Вы, смелые волки, испугались кроткого, трусливого барана.

Волки шумят в ответ:

— Верно! Позор нам!.. Верно, что мы глупые волки!..

— Ах, если бы они попались мне... ммне... ммне... я этими острыми когтями сцапал бы их. Сейчас я поворожу: смогу ли добыть себе жирную пищу.

И медведь на задних лапах отошел в сторону и сел у сосны, на которой прятались баран и козел. Волчья стая окружила медведя. Поблескивая огненно-красными глазами, высунув языки, волки тоже уселись на корточки. Тяжелый баран, потеряв равновесие, с треском ломая сучья, повалился вниз. Козел поспешно закричал:

— Хватай самого сильного, самого жирного!..

Баран прямо рогами тяжело ударился о голову медведя. От неожиданного удара по голове медведь страшно заревел. Волки бросились бежать. Медведь испустил дух. Козел спустился вниз, помог встать своему другу, и они пошли дальше.

Козел и баран, питаясь травой, утоляя жажду из ручейков, несколько дней шли по лесу. Все еще не могли они найти целебную траву. Баран и козел знали, что убежавшие волки воют без умолку, зазывают своих братьев отомстить им. Они рассказали про них тигру.

Однажды козел услыхал издалека страшные голоса и сказал своему другу:

— По пятам нас преследуют волки. Впереди веет прохладой, там должна быть река. Скорее надо добраться туда.

Козел и баран зашагали быстрее. И скоро увидели большую реку. На середине ее был виден довольно широкий остров. За ним также разлилась вода. За водой темнела опять суша. А сзади с ревом и воем

показались волки, медведь и тигр. Тогда козел обратился к своему другу барану:

— Друг мой! Теперь настала твоя очередь прокладывать путь к спасению. Ты знаешь, я не мастер плыть, а ты — искусный пловец. Влезай первым в воду, а я буду плыть за тобой, придерживаясь за твой курдюк. Плыви прямо на остров.

Положив передние ноги козла на свой курдюк, баран поплыл, словно широкая лодка. Волки растерянно завыли на берегу. Сердито зарычал медведь:

— Не уйдете от нас!

Затем он скомандовал волкам:

— Давайте все в воду — и за ними! Приведите их ко мне!

Первым в воду бросился вожак, который тогда ночью у огня от страха сбежал, за ним бросились и другие волки и поплыли вдогонку за бараном и козлом. Однако волкам было не так-то легко плыть. Они брызгали водой, тонули, выплывали, опять скрывались под водой и медленно продвигались вперед. Некоторые из них, мешая друг другу, стали тонуть. Затем волки сбились со взятого ими направления и разбрелись кто куда. Каждый старался только бы спастись.

А баран и козел плыли ровно и выплыли прямо на остров. Баран то с радостью, то со страхом оглядывался на тонущих волков. А козел никого не опасался. Он быстро пошел в глубь острова, начал искать целебные травы. На острове было очень мало животных, и поэтому трава стояла густая-густая. И на маленьких кочках и среди камней росли разные благоухающие травы. Козел нашел среди трав несколько целебных. Он сорвал их и крепко прикрепил к рогам барана.

А на том берегу было уже более пятидесяти волков. Все новые и новые группы бросались в воду по требованию медведя. Самые лучшие пловцы из них ровными рядами медленно плыли к острову. Теперь было ясно, что если не все волки, то отдельные из них могут достичь берега. Тогда баран и козел стали готовиться к отплытию на противоположный берег реки. Как только плывущие впереди волки вышли на остров, баран и козел спустились в воду и поплыли дальше, на другой берег. Волки скалили зубы и с гневом смотрели вслед удаляющимся.

Баран и козел больше не оглядывались назад. Выплыв на другой берег, они пошли дальше. Наступила ночь, но по совету козла они продолжали идти. Козел объяснил своему другу:

— Часть волков может перебраться на этот берег и бежать по пятам. Нам надо до рассвета добраться до какого-то удобного места, где мы могли бы найти себе защиту.

Баран давно уже убедился в мудрости козла, и поэтому нисколько не сомневался в правоте его предложения. Он, как всегда, молча, кивком головы выразил свое согласие. Они вышли на широкую поляну, где стояли копны сена.

Козел, ведя за собой барана и внимательно приглядываясь, обошел всю поляну, усеянную копнами. Баран был несколько удивлен этим поступком козла.

— Какой же смысл шарить кругом все копны? — спросил он козла.

— Надо запутать следы,— сказал ему на это козел.— Теперь спрячемся под какую-нибудь копну. Вот если теперь придут волки, то они по нашим следам будут искать под всеми копнами и не сразу найдут нас. А пока они прощупают все копны, может быть, и хозяин явится сюда.

Баран был в восторге от такой дальновидности и мудрости своего друга.

— Мой друг любимый,— сказал он.— Я доволен тобой и твоим умом.

И он дружески крепко прижал козла к груди. У него на глазах блеснули слезы. Козел также обнял барана и тоже всплакнул. Оба они залезли под копну и уснули.

К рассвету сюда добрались волки. Они с воем шли по следам, разбрасывая то одну, то другую копну, искали барана и козла. От волчьего воя проснулись косари и с косами и граблями пошли на волков. В этот момент несколько волков начали уже разбрасывать ту копну, под которой лежали баран и козел. Но шум и крик бегущих косарей испугал волков, и они бросились наутек.

Баран и козел вышли навстречу косарям, слезы радости лились из их глаз. От усталости они больше не могли держаться на ногах. Увидев барана и козла, косари только теперь поняли, почему волки разбрасывали копны. Им стало очень жалко барана и козла. Один из косарей, старик, сказал:

— Не будем трогать этого барана и козла: видать, это хорошие благородные животные. Увезем в аул и пустим в стадо овец и коз.

Услыхав это, баран и козел сильно обрадовались, начали радостно

прыгать и, низко склоняя головы, выражали свое чувство благодарности. Это удивило и другого косаря.

— О, эти животные,— сказал он,— должно быть, очень разумные, кажется, все понимают. Их действительно не надо трогать.

Баран и козел и ему поклонились.Косари погладили их по голове, поласкали и повели к своим шалашам. Там один косарь ахнул от удивления:

— Откуда эти животные? Эти баран и козел принадлежат старику и старухе, живущим в урочище Ак-шокы. Они, бедные, их так ищут, у всех спрашивают, всех просят разыскать.

В этот день впервые за все время баран и козел спали спокойно, без тревог и боязни. На следующий день косари приехали в аул, и барана с козлом пустили в отару. Затем отвезли их к старику и старухе. От целебной травы, которую принесли козел и баран, старик быстро поправился. Баран и козел по-прежнему стали жить спокойно и вольно.

МУДРОСТЬ СОВЫ

В давние времена царствовал над людьми и всем живым на земле царь царей, лучший из лучших, мудрейший из мудрейших. Имя его было столь велико, что если написать его полностью самыми мелкими письменами и положить бумагу в степи, лучший конь устал бы скакать вдоль, прежде чем достиг бы середины. Человек не мог произнести мудрейшее имя царя царей при своей жизни — ее не хватило бы. И люди поэтому называли царя царей кратко — Сулейман.

Однажды любимая жена Сулеймана собралась родить.

— Не хочу,— сказала она своему супругу и повелителю,— родить на ложе из черного дерева. Не хочу, чтоб ложе было из слоновой кости, из яшмы и красного золота... Хочу родить на необыкновенном ложе, достойном любимой жены царя царей, чье имя — так велико оно — не успеет произнести до конца ни один смертный за свою жизнь, начни он говорить его хотя бы со дня рождения... Хочу родить на спинах птиц, живущих в твоем царстве.

Царь царей призвал к себе орла и сказал:

— Ты, орел, поставлен царем над птичьим народом. Ты повелеваешь всеми птицами земли, и лишь я один — царь царей — повелеваю тобой. Собери мне всех птиц земли: моя любимая жена желает родить на их спинах.

Орел поклонился и улетел. Не прошло и дня, как со всех сторон ко дворцу царя царей стали слетаться птицы. Неслись белые лебеди, длинноносые пеликаны, долгошеии фламинги, разноцветные попугаи, серые скворцы, черные вороны, пестрые куропатки, шустрые жаворонки, жирные тетерева, тяжелые дрофы, гордые соколы, злые коршуны, сизые голуби, белые стрепеты, синие ласточки, белоснежные чайки, грозные беркуты, болтливые сороки и множество всяких других птиц. Даже воробьи и те прилетали стайками.

Все птицы стремились ко дворцу Сулеймана, чтоб выполнить волю царя царей. Они уселись на большой поляне перед дворцом и запели так прекрасно, что сам царь царей не выдержал и вышел к ним, чтобы лучше слышать их пение. Потом птицы умолкли. Царские слуги пробили в их клювах отверстия, продели сквозь них длинный шелковый шнур. После этого слуги связали всех птиц за клювы, и ложе для любимой супруги царя царей было готово.

Царь царей огляделся. Орел собрал ему всех птиц, которые только жили на земле. Лишь одна сова не явилась. Ее не было среди птиц. Разгневался царь царей:

— Призвать ко мне мятежную сову! А не пойдет, доставить силою!..

Бросились слуги за совой и вскоре привели ее перед очи грозного Сулеймана.

— Как осмелилась ты ослушаться моего приказа? — спросил сову царь царей.

— О, мой повелитель! — сказала сова.— Разве ты наделил меня такими крыльями, на которых я могла бы лететь в сырую погоду? Или у меня есть такие глаза, которыми бы я могла видеть в солнечный день? Я летела медленно, повелитель, и поэтому опоздала. Я летела медленно, но зато наблюдала, что происходит на свете...

— Что же ты наблюдала, сова-птица? — спросил царь царей.

— Наблюдала я за тем, кого больше на свете: мертвых или живых,— сказала сова.

— И кого же оказалось больше? — спросил царь царей.

— Если считать спящих мертвыми,— сказала сова,— то мертвых больше.

— Еще что ты наблюдала? — спросил царь царей.

— Еще наблюдала я,— сказала сова,— чего больше на свете: пней или деревьев.

— Чего же больше?

— Если считать гнилые деревья за растущие, то деревьев больше,— сказала сова.

— Еще что ты наблюдала, мудрая сова? — спросил царь царей.

— Еще наблюдала я за тем, чего больше на свете: дней или ночей,— сказала сова.

— Ну, и чего же больше оказалось? — спросил ее царь царей.

— Если пасмурные дни считать за ночи, то ночей больше,— сказала сова.

— А еще что наблюдала ты? — спросил сову царь царей.

— Еще я наблюдала, повелитель, кого больше на свете — молодых или старых? — сказала сова.

— И кого оказалось больше?

— Если усталых считать за молодых, то молодых больше,— ответила сова-птица.

— Еще что наблюдала ты, мудрая сова? — спросил царь царей.

— Еще наблюдала я,— сказала сова-птица,— кого больше на свете: влюбленных или равнодушных.

— И кого же оказалось больше, мудрая сова?

— Если всех невстретившихся, разлученных и привыкших друг к другу считать за равнодушных,— сказала мудрейшая сова,— то равнодушных больше.

— Что же ты еще видела и слышала, сова? — спросил царь царей.

— Еще наблюдала я, сова, кого больше на свете: быстроногих скакунов или вьючных коней,— сказала сова.

— И кого же оказалось больше? — спросил царь царей.

— Если всадника, сидящего на быстроногом скакуне не считать за груз, то быстроногих скакунов больше,— сказала сова.

— А еще, сова, что ты наблюдала на своем пути? — спросил царь царей.

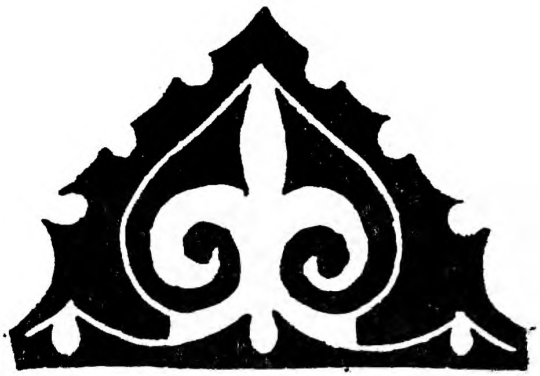
— А еще наблюдала я, мой повелитель, кого больше на свете: мужчин или женщин,— сказала сова.

— Ну и кого же оказалось больше?

— Если всех мужчин, находящихся во власти женщин, творящих глупости, считать за мужчин, то мужчин больше, мой повелитель,— сказала сова и умолкла.

Царь царей понял намек мудрой совы, велел развязать всех птиц и отпустить их на свободу, а любимой жене своей родить там, где ей заблагорассудится.

Вот почему изо всех птиц только у совы ноздрей нет.

ПРЕДАНИЯ

МЫН-ЖИЛКЫ

Много лет назад перед большим землетрясением один из казахских аулов, кочевавший в приилийских степях Сары-Тогум, откочевал весной со своим скотом в горы на жайляу и остановился в урочище Долансай.

Широко раскинулся аул по ущелью. Скот, пришедший с бесплодных степей, быстро поправлялся на сочной горной траве.

Но в мае усилилась жара, скот начал страдать от оводов и мошкары. Особенно трудно приходилось лошадям — ни днем, ни ночью насекомые не давали им покоя. Чтобы спасти лошадей от мучений, хозяева решили отправить их в глубь гор.

В один из ясных дней часть аула с тысячью лошадей ушла вверх по щели Аксай. Дорога была плохая, лошади с трудом пробирались меж камней по чуть заметной тропинке. Несмотря на трудности, люди с табуном лошадей благополучно дошли до альпийских лугов. Они выбрали для пастьбы великолепное место перед самыми ледниками, защищенное от жары, оводов и мошкары.

Аул расположился на обширном лугу. Привольно паслись лошади на альпийской траве — ни оводы, ни мошкара не тревожили их.

Однажды утром жители аула почувствовали, что земля под их ногами стала колебаться. Послышался подземный гул, полетели камни с горных вершин. Всполошился аул, заплакали дети, заголосили женщины, завыли собаки. Земля качалась, стоял беспрерывный гул. Лошади с ржаньем неслись по ущелью, спасаясь от летевших камней. Женщины и дети бросились под защиту утеса, стоявшего невдалеке.

Два пастуха погнали лошадей вверх по ущелью, где горы были сравнительно небольшие. Но едва лошади сбились в кучу, как часть близстоящей горы сорвалась вниз. Огромная каменная глыба, рассыпаясь в воздухе, полетела в ущелье и похоронила под собой весь тысячный табун лошадей и одного пастуха. Другого пастуха нашли наполовину заваленным глиной и мелкими камнями.

С тех пор это урочище в верховьях щели Аксай, что около самых ледников Ала-Тау, называется Мын-Жилкы — «тысяча лошадей».

ПОЧЕМУ КАЗАХИ ПЕРВЫЕ ПЕСЕННИКИ НА СВЕТЕ

Рассказывают старики, что в давние времена над землей летела песня, и в тех местах, где она пролетела низко, люди выучились петь. И всех ближе к земле летела песня над казахскими бескрайними степями. Вот почему казахи и стали первыми песенниками на свете.

ШИРИН-КЫЗ

В далекие времена на высоком берегу Дарьи в роскошном дворце жила красавица по имени Ширин-Кыз, что значит, «сладкая девушка».

Среди ее поклонников особенно нравились ей два: могучий Фархат и красивый Хозрой. Не зная, кому из них отдать предпочтение, она предложила им трудную задачу:

— Тому из вас,— сказала она,— суждено мной владеть, кто оросит всю Голодную степь водами великой Дарьи.

Фархат, отважный сын степей, долго не думал, взялся за железный кетмень и приступил к работам. Могучими ударами по скалам откалывал он большие каменные глыбы и запружал ими Дарью. Он хотел поднять воду реки и заставить ее хлынуть на обширную равнину. Работа спорилась в сильных руках степного богатыря.

Но что мог сделать слабый, изнеженный питомец города Хозрой? Мрачный, вернулся он домой, рассуждая, как поступить, и ничего не приходило ему в голову.

— Я дам тебе хороший совет,— сказала Хозрою колдунья.— Купи побольше плетенок из светлого камыша, темной ночью расстели их ровной полосой по степи, которая видна из башни красавицы. Завтра увидишь, что будет.

Рано утром, до зари, оба соперника были уже на работах. Фархат заканчивал свою плотину, Хозрой расстилал плетенки.

Как только первые лучи скользнули по гладкой поверхности земли и позолотили вершины снеговых гор, Ширин-Кыз отправилась из дворца купаться на Дарью. Каково же было ее удивление, когда с высоты утеса она увидела, что внизу вся степь покрыта водой, в которой блестит восходящее солнце. Оно сверкало по камышовому ковру Хозроя. Не веря своим глазам, красавица царевна воскликнула:

— Кто это сделал, кто провел эту воду?

— Я,— ответил лукавый Хозрой.

Ширин-Кыз позвала его во дворец, а слугам приказала начинать свадебный пир.

А злая колдунья обратилась к Фархату:

— Зачем напрасно тратишь свои силы? Красавица тебя обманула.

Подбросил Фархат с досады и горя свой кетмень высоко, наклонился под ним, тяжелое железо отрубило ему голову.

Во время свадебного пира Ширин-Кыз вспомнила о Фархате и решила взглянуть на его работу. Было уже за полдень, и солнце высоко стояло над землею, когда царевна приблизилась к Дарье. Река бешено рвалась через обломки скал, преграждавших ее течение. Здесь же, на обрызганных кровью камнях у бушующего потока, лежал обезглавленный труп батыра. Вдали ясно виднелись разостланные по степи плетенки. Наглый обман был обнаружен во всей своей наготе. Солнечные лучи, падая отвесно, не блестели уже на жестком, сухом камыше. Ширин-Кыз поняла, что она жестоко обманута коварным Хозроем. Жаль ей стало смелого, честного, трудолюбивого Фархата. В порыве отчаяния, она схватила отрубленную голову, поцеловала ее в холодные уста и, поразив себя кинжалом, упала мертвая на труп Фархата.

С тех пор протекли века. На высоком холме, где погибла Ширин-Кыз, насыпан могильный курган.

ПОЧЕМУ ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ ЛЕТАЕТ НОЧЬЮ

Солнце, Луна, Вода и Ветер обратились к Соломону с просьбой: разрешить им не двигаться, а стоять на месте, так как вечно двигаться утомительно. Змея стала просить у Соломона крылья, чтоб она могла летать.

Соломон собрал животных и птиц на совет. Последней на совет явилась летучая мышь и сказала:

— Если Солнце будет стоять на одном месте, то в одном месте будет светло, а в другом темно; то же самое будет, если и Луна перестанет двигаться по небу. Если Ветер будет дуть в одном направлении, то весь песок, вся пыль и весь сор будут снесены в одну кучу на одном конце земли, и не будет равновесия. А если Вода перестанет течь, она соберется в одном месте, и будет один водопой на весь мир,— нельзя же всему живому перекочевать в одно место. Просила она Соломона не давать крылья змее: она сгубит весь народ.

Не понравилось это просителям, и Солнце сказало, обращаясь к летучей мыши:

— Если ты, летучая мышь, будешь летать днем, то я сожгу тебя!

Обещала погубить летучую мышь и Луна. Ветер сказал, что унесет

ее. Вода — затопит, а змея — ужалит. Тогда Соломон сказал летучей мыши:

— Не летай днем и не летай в лунную ночь, а только когда наступит полная темнота...

С тех пор и летает мышь только темной ночью.

БАСКУНЧАК

Однажды жарким летом одно озеро сильно обмелело. Его дно, образованное из соленых кристаллов, почти высохло. Один казах решил сократить свой путь и свернул коня на белоснежную поверхность дна озера. Его сопровождала собака.

Благодаря своим добрым копытам, конь благополучно перевез своего седока через озеро, а собака не выдержала такого перехода. Она изодрала свои лапы о колючие кристаллы соли и, не достигнув половины пути, пала.

Пошли дожди. Труп собаки, пропитавшись солью, долго не портился и в бурные дождливые дни голова ее не раз показывалась на поверхности озера. Этого не могли не заметить местные жители. Отсюда и пошло название озера — Баскунчак, то есть «Сучья голова».

БАЯН-СЛУ И КОЗУ-КОРПЕЧ

В давние времена между горами Тарба-горой и Ала-Тау и озерами Балхаш и Ала-Куль кочевали два необычайно богатых, знатных и сильных султана: Карабай и Сарыбай.

Неразрывная дружба связывала их между собой много лет. Не проходило и дня, чтобы друзья не виделись друг с другом, не было так, чтобы один без другого поехал куда-нибудь в гости, чтобы охота, байга или какое-нибудь празднество устраивалось одним без участия другого. И радость и горе делили они пополам, а в беде и несчастии каждый старался помочь другому по мере сил и возможности.

Однажды весной оба друга выехали на охоту и, отъехав от своих аулов не далее, как на полдня езды, увидели на небольшом острове марала [1]. Подъехав на расстояние выстрела из лука, Карабай уже приготовился пустить в зверя свою стрелу, когда Сарыбай вдруг остановил своего друга:

— Не стреляй, брат, пожалуйста, и я тоже не буду: ведь это самка

---

[1] Марал — горный олень.

марала, и она только что собирается ягниться. Если мы убьем ее, то погубим вместе и ягненка. Вспомни, что у нас с тобой дома остались жены, беременные последние дни. И, быть может, пощадив неповинное животное, мы сделаем доброе дело, и аллах поможет нашим женам в минуту родов.

Послушался Карабай совета верного друга и, опустив лук, закинул его за плечо, а стрелу положил обратно в колчан, и поехали друзья дальше в поисках добычи.

Весь день проездили они, но зверя нигде не нашли, и к вечеру остановились на отдых у небольшого ручья. Тут, разговаривая о приключениях этого дня, они вспомнили о марале, и опять Сарыбай сказал другу:

— Послушай, друг, в этой встрече с маралом я вижу что-то недоброе. Когда хотел ты стрелять, вдруг почуяло мое сердце, что и мне недолго жить, что семья моя скоро осиротеет. Если случится со мной какая беда, прошу тебя, в память нашей дружбы, не оставь мою семью без помощи и совета.

Карабай утешал как мог своего друга, стараясь рассеять его мрачные предчувствия, но Сарыбай все время был грустен и наконец предложил Карабаю в ознаменование долголетней дружбы дать друг другу обет и скрепить его клятвой. Обет этот заключался в том, что если жены их разрешатся от бремени сыновьями, то чтобы сыновья эти жили между собой, как родные братья; если же родятся дочери, то и дочерям быть сестрами. А если у одного родится сын, а у другого дочь, то считать их со дня рождения женихом и невестой.

— Мы же, породнившись таким образом,— прибавил Сарыбай,— до самой смерти уже не будем разлучаться, все добро наше будем делить пополам, и со смертью одного из нас другой будет считать семью умершего друга своей собственной семьей.

И поклялись друзья друг другу в исполнении этого обета и объявили о нем всем слугам и гостям, бывшим с ними на охоте. И вот в то время, как они произносили обычную в этих случаях клятву, прилетел откуда-то сверху черный скворец и опустился на голову Сарыбая, потом скворец с громким щебетаньем начал прыгать то на одного, то на другого из друзей.

— Этот скворец предвещает нам радость,— сказал Карабай.— Это посланник от бога. Он благословляет наш обет.

— Да,— отвечал Сарыбай.— Но он же предвещает и несчастье одному из нас, а так как он прежде всего опустился на мою голову, то это несчастье угрожает мне.

Совершив обычную вечернюю молитву, друзья сели на коней и отправились домой в сопровождении свиты и гостей. Все ехали шагом, давая роздых измученным за день лошадям, и стало уже темнеть, когда оба друга заметили всадника, скакавшего им навстречу.

— Это, наверное, гонец от которой-нибудь из наших жен,— решили между собой друзья.

И действительно, это был гонец, он приближался к ним, радостно размахивая над головой шапкой.

— Суюнчи! — закричал он.— Жены ваши только что благополучно разрешились младенцами. У Карабая родился сын, а у Сарыбая — дочь. Спешите домой!..

Вихрем понеслись на своих лихих бегунцах Карабай и Сарыбай, и скоро вся свита осталась позади. Некоторое время друзья неслись рядом, но конь Сарыбая был лучше и скоро опередил коня друга.

— Не спеши! — кричал Карабай.— Придержи коня: ночь опускается на землю, и я не могу поспеть за тобой, потому что конь мой устал и спотыкается о камни!..

Но Сарыбай не слушал и все летел вперед, ударами плети подгоняя измученного коня.

Вдруг конь его, споткнувшись обо что-то передними ногами, перевернулся через голову, увлекая за собой и всадника. Подоспевший Карабай соскочил с лошади и бросился на помощь, но, нагнувшись к Сарыбаю, он с ужасом увидел, что друг его, ударившись головой о камень, лежал неподвижно, обливаясь кровью. Напрасно Карабай старался привести его в чувство: Сарыбай был мертв. И конь и всадник разбились насмерть. Подъехавшие охотники подобрали тело, и все тихо двинулись вперед. Карабай ехал грустный и задумчивый: и жаль ему было погибшего друга, и страх обуял его за будущее. «Прав был Сарыбай,— думал он,— когда говорил, что не радость, а несчастье предвещал нам скворец. Видно, обет наш не угоден богу, и смерть Сарыбая служит мне предостережением».

Когда печальный поезд прибыл домой, плач и рыдание женщин огласили аул: не радость и праздничное веселье приветствовали рождение младенцев, а общая печаль и неутешное горе семьи.

Похоронив Сарыбая, Карабай, верный данному слову, объявил всем о своем обете и, справив поминки, устроил пышное празднество в честь рождения младенцев. Празднество это длилось целый месяц.

Мальчика назвали Козу-Корпеч, а девочку Баян.

По обычаю, пригласили предсказателей, и один из них предсказал, что судьба новорожденных будет несчастна, если они когда-нибудь сочетаются браком.

Карабай, согласно обещанию, принял под свое покровительство семью умершего друга, в которой надзор за скотом и имуществом и все управление делами перешли к брату умершего Сарыбая — Апсебаю.

Но ни сам Карабай, ни жена его, мать Козу-Корпеча, ни ближайшие родственники не верили в благополучный исход обета и не желали будущего брака.

— Этот брак будет несчастьем,— говорила жена Карабая.— Не хочу я женить сына на дочери Сарыбая, которая, как только родилась на свет, так тотчас же погубила своего отца.

Того же мнения был и Карабай. «Судьба младенца будет несчастна,— думал он.— С самого начала все предзнаменования были неблагоприятны, а предсказание предвещателя указывает на то, что надо по возможности предотвратить этот брак».

Один только старый Апсебай, дядя Баян, не разделял общего опасения. Верный старинным обычаям, он не хотел, чтобы Карабай изменил клятве, данной покойному другу.

— Великое несчастье падет на голову твою,— уговаривал он Карабая.— Клятвопреступление — страшный грех, и бог накажет тебя, а по вине твоей покарает и сына твоего.

В глубине души Апсебай затаил намерение содействовать будущему браку и осуществить, если будет возможно, клятву, данную друзьями.

Мысль изменить обещанию все более и более овладевала Карабаем, но решиться открыто нарушить клятву он не мог, поэтому под разными предлогами Карабай стал отходить со своими стадами все дальше и дальше от семьи Сарыбая и к концу следующего лета откочевал в Тарбагатайские горы. Семья же Сарыбая и род его, потеряв из виду старого друга, с Апсебаем во главе ушла к северо-востоку, в глубь степей.

Еще при жизни своей Сарыбай, кочуя как-то в предгорьях Ала-Тау, наткнулся на кибитку бедного калмыка, который по болезни отстал от

своего рода и остался в горах один с немногочисленным скотом и малолетним сыном. Сарыбай принял их под свое покровительство, а когда старый калмык умер, Сарыбай взял мальчика к себе приемышем и стал держать его, как члена своей семьи, поручив ему наблюдение за частью хозяйства и скота.

Мальчика звали Кудар-Кул. Подрастая, он стал выказывать необычайную силу и мужество и, будучи внимательным и бережливым хозяином, понемногу забрал в свои руки все управление домашними делами и хозяйством. Жена Сарыбая, видя усердие и послушание Кудара, сильно привязалась к приемышу и, потеряв надежду выдать дочь свою Баян замуж за Козу-Корпеча, предназначала ее в жены Кудар-Кулу, чтобы Кудар, женившись на Баян, по достижении совершеннолетия сделался членом семьи и приемником покойного Сарыбая, у которого кроме Баян были еще три дочери: Ай, Тансык и Айгыр, мужского же потомства не было.

Прошло пятнадцать лет со дня смерти Сарыбая и рождения Баян, когда умерла и мать ее. Апсебай к этому времени состарился и одряхлел, и вся власть окончательно перешла в руки Кудар-Кула, который своей бережливостью и заботливостью не только не расстроил состояния Сарыбая, а приумножил его так, что семья его сделалась самой богатой во всей окрестности.

Баян же, подрастая, превратилась в девушку чудной красоты; прозвание «слу»[1] стало неразрывно соединяться с ее именем, и слава о красоте ее стала распространяться по всей степи. Место, где кочевала семья Сарыбая, получило в честь красавицы название Баян-аул и стало любимым местом собраний молодежи. Женихи, привлекаемые красотой и богатством невесты, стекались в Баян-аул со всех сторон с предложением и богатыми подарками, так что ревнивый Кудар, из боязни потерять невесту, решился сняться с места и со всеми родичами Сарыбая откочевать к месту своей родины, к горам Ала-Тау.

Более всего опасался Кудар-Кул появления жениха Козу-Корпеча, о котором ему было известно по рассказам, тем более что можно было ожидать во всякое время содействие ему со стороны старого Апсебая, оставшегося старшим в роде.

Апсебай уже давно успел передать Баян о клятве, данной Карабаем

---

[1] Слу — красавица.

ее умершему отцу, и не раз увещевал ее не изменять завету родительскому и не выходить замуж за Кудара, а до конца надеяться и ждать жениха, который рано или поздно должен явиться.

Старик неоднократно обращался к ворожеям и предсказателям и от всех получал ответ, что ждать осталось недолго, что жених явится, когда вырастет у него золотая коса; по этой косе и следует признать его. О предсказаниях и примете жениха Апсебай также передал Баян, и красавица дала дяде слово ожидать прибытия Козу-Корпеча и отказать Кудару: грубый, неуклюжий и огромного роста калмык был ей ненавистен своими ухаживаниями и любезностями.

Когда Кудар-Кул двинулся со всеми аулами и многочисленными стадами, Апсебай последовал за ними и, чтобы впоследствии не потерять дорогу и сообщить о ней Козу-Корпечу, если судьба приведет когда-нибудь увидеть его, он ставил по дорогам и урочищам приметы, уговаривая делать то же и Баян-Слу. На одной из гор Баян бросила свой золотой гребень, и гора эта с того времени и до последних дней сохранила название «Алтын-Тарак» [1], в другом месте она воткнула перо, которое носила в волосах,— каркара[2], и урочище это получило название «Каркарлы».

На новом месте три сестры Баян-Слу вскоре умерли, и она одна наследовала несметное богатство отца.

Кудар-Кул, отстранив совсем от дел старого Апсебая, неотступно стал преследовать Баян своими предложениями выйти за него поскорее замуж. Чтобы отделаться от назойливого жениха и оттянуть время брака до приезда страстно ожидаемого Козу-Корпеча, Баян-Слу, не имея силы противиться открыто желанию Кудара, пустилась на хитрость. Она обещала выйти за него замуж, но только после того, как он исполнит три дела, которые она ему поручит.

Кудар согласился, и Баян-Слу поручила ему заняться исчислением всего многочисленного скота своего отца. Когда эти работы были выполнены, она велела ему во всех местах безводной степи выкопать глубокие колодцы, чтобы пасущийся скот мог иметь везде достаточно воды. Последняя же, самая трудная работа заключалась в том, чтобы Кудар отыскал низменное место около могилы сестры Тансык, снарядил большой вьючный обоз с большими кожаными мехами и возил бы воду из

[1] Алтын — золото, тарак — гребенка.
[2] Каркара — женское украшение.

реки Аягуз до тех пор, пока не получится искусственное озеро, а берега этого озера Баян приказала обмазать солью, необходимой для скота.

Несмотря на непреодолимые трудности, Кудар-Кул решился выполнить и это последнее задание. День и ночь непрерывно продолжалась работа, бесконечный караван верблюдов в течение целого года двигался от урочища Тансык до реки Аягуз и обратно, и наконец искусственное озеро было готово, и в таком виде, под именем озера Тансык, существует до последнего времени. Баян, не имея более предлогов отказывать Кудару, вынуждена была наконец назначить день свадьбы, которая должна была состояться не позже следующего месяца.

Карабай, отделившись от семьи Сарыбая, прожил тоже недолго. Года через три он умер, настрого наказав перед смертью престарелой матери своей и жене, матери Козу-Корпеча, ничего не говорить мальчику о невесте его, Баян, из опасения, что брак этот состоится и повлечет за собой предсказанные несчастья.

Козу-Корпеч подрастал и годам к семи выглядел уже подростком, выказывая необычайную силу. Часто в играх со сверстниками и подростками он по неосторожности наносил тяжелые увечья товарищам, а в борьбе со взрослыми не только всегда оказывался победителем, но, в горячности, не рассчитав силу удара, убивал насмерть своих противников. Этими случаями Козу-Корпеч причинял немалое горе своей матери, и в особенности бабушке, которая после смерти Карабая осталась старшим и почетным лицом в роде.

Однажды бабушка его сидела у дверей своей юрты и пряла баранью шерсть, а Козу-Корпеч, которому было уже пятнадцать лет, играл с товарищами в асыки тут же неподалеку. Старуха была не в духе и с утра сердилась на внука, а Козу-Корпеч, желая досадить ей, стал бросать свои бабки так, чтобы они попадали к ней в пряжу и мешали работать. Один раз, изловчившись, Козу-Корпеч бросил свой асык так метко, что он попал прямо в натянутую на веретене пряжу и разорвал ее. Не помня себя от гнева, старуха встала с места и разразилась бранью и упреками:

— Вот какой ты большой болван вырос,— вскричала она.— Не лучше ли, вместо того, чтобы забавляться детскими играми, тебе сесть на коня и разыскать свою невесту!

— Какую невесту? — спросил Козу-Корпеч.

— Да твою невесту...— но тут, спохватившись, старуха попыталась

обратить все в шутку. Однако Козу-Корпеч так настоятельно стал допрашивать, что она была не в состоянии отговориться и сказала ему:

— Ступай к матери! Мать все знает и все тебе расскажет.

Мать сообразила, что бабушка не выдержала и нарушила слово, данное Карабаю, поэтому она всеми силами пыталась убедить сына, что это шутка, и кто невеста и где она живет — сказать не хотела. Тогда Козу-Корпеч, притворившись, что поверил словам матери, попросил ее приготовить ему его любимое кушанье курмач[1]. Мать обрадовалась и, приготовив курмач, подала его сыну на блюде. Козу-Корпеч, улучив удобную минуту, быстро сунул матери горячей пшеницы в руки и крепко зажал ее своей рукой. От сильной боли мать заплакала, а Козу-Корпеч стал допытываться: кто невеста и где она живет.

Не будучи в состоянии больше выносить боль, мать сказала:

— Невеста Баян — дочь Сарыбая, отпусти меня, я все скажу тебе.

Освободив руку матери, Козу-Корпеч выслушал подробный рассказ об обете Карабая и Сарыбая; но больше мать ничего не знала. Слава о красоте и богатстве Баян разнеслась повсюду, но с откочевкой Кудара из Баян-аула след затерялся, и где и как найти невесту, мать не могла объяснить Козу-Корпечу.

Козу-Корпеч решил ехать в Баян-аул и, там наведя справки, двинуться в дальнейший путь по следам Кудар-Кула.

— Не езди, сын мой,— умоляла мать,— отец твой завещал перед смертью отказаться от невесты, потому что брак этот принесет тебе несчастье.

— Если отец изменил своему слову, я должен исправить его грех и выполнить его клятву,— ответил Козу-Корпеч.

— Но невеста уже просватана за богатого Кудар-Кула, который убьет тебя.

— Я буду биться с ним насмерть, и, если мне суждено взять в жены Баян, я одолею, а если нет, то только смерть заставит меня отказаться от невесты.

— Но ведь невеста далеко, и где — никто не знает; путь предстоит долгий, дикие звери и злые люди подстерегут и погубят тебя в дороге.

— Не боюсь я ни зверей диких, ни злых людей, сумею защититься от них.

---

[1] Курмач — жареная пшеница, просо.

— На пути лежат озера глубокие, реки быстрые, горы высокие, леса дремучие. Где тебе преодолеть? Ты один, молод и неопытен.

— Я возьму себе такого коня, который переплывет озера и реки, перейдет и горы высокие, а в лесу я сам проложу себе дорогу, и хоть год буду прорубать себе путь, а назад не вернусь.

Видя, что никакие увещания не помогают и ничто не может помешать решению сына ехать в дальний путь, мать со слезами простилась с ним.

Выбрав себе лучшего коня из многочисленных табунов своих, вооружившись луком и стрелами, найзой [1] и калычом, выехал на другой же день Козу-Корпеч на поиски невесты.

А мать, все еще не теряя надежды вернуть сына с дороги, посоветовалась со старой бабушкой, и обе решили обратиться к одной колдунье за помощью.

Колдунья, приняв богатые дары, обещала воспрепятствовать Козу-Корпечу в пути и немедленно пустилась за ним. Опередив его, она обернулась дикой верблюдицей и бросилась Козу-Корпечу навстречу с яростным ревом. Но не сробел жигит, выхватил саблю и бросился на нее. Не выдержала верблюдица его натиска, повернула назад и пропала с глаз.

Поехал Козу-Корпеч дальше и вдруг видит, бурная и глубокая река преградила ему путь, с шумом и ревом несутся волны, белая пена кипит, как в котле.

Не стал Козу-Корпеч брода искать, а бросился прямо в кипящие волны на лихом коне своем. Но только что конь вскочил в воду передними ногами, как река исчезла и опять открылась гладкая дорога. Едет дальше Козу-Корпеч, а день уже начал склоняться к вечеру, и вот что-то засияло вдали — не то гора, не то лес раскинулся поперек дороги. Наступила почти ночь, подъехал он ближе и видит, что это лес, да такой густой, что не только верхом, а и пешком через него не пробраться, и так далеко раскинулся он, что конца-края ему не видно и объехать негде.

Остановился Козу-Корпеч, подумал, как быть, да, недолго раздумывая, выхватил саблю и стал лес рубить. «Буду,— думает он,— хоть

---

[1] Найза — пика.

год рубить, а все-таки назад не поеду». И только ударил он по первому дереву, повалилось оно со стоном, и лес разом пропал с глаз.

И горами, и озерами оборачивалась колдунья, но видит, что ничто не может остановить Козу-Корпеча, и решилась она на последнее средство — отвлечь его от дороги богатой добычей, сбить его с пути так, чтобы он заблудился и, не найдя дороги, повернул назад.

Обернулась она золотой лисицей и выбежала Козу-Корпечу навстречу. Только завидел он добычу, схватил лук и погнался за ней, думая подбежать и пустить стрелу, но лисица в тот миг, как он готовился выстрелить, спряталась в нору. Козу-Корпеч слез с коня и стрелой стал шарить в норе; нора оказалась глубокая, и стрела не достала лисицы, но когда он вынул стрелу из норы, то с удивлением увидел, что она вся озолотилась. Тогда Козу-Корпеч попробовал опустить в нору нагайку — нагайка тотчас же превратилась в золотую. Тут Козу-Корпеч стал спускать в нору все, что было у него с собой, и скоро весь седельный прибор, оружие, стремена, лук и стрелы — позолотились. Козу-Корпеч наконец, не найдя больше ничего, что можно было бы еще вызолотить, лег на землю лицом вверх и опустил в нору свою косу[1], а когда вытащил ее, то и коса тоже стала золотою.

— Ну, довольно,— сказал Козу-Корпеч, сел на коня и отправился в дальнейший путь. Но только он тронулся с места, как лисица опять выбежала из норы. Не стал Козу-Корпеч за ней гнаться — много и без того потерял он времени. И поехал он дальше, даже не оглядываясь на лису.

Долго ехал Козу-Корпеч и наконец прибыл к тому месту, где стоял когда-то аул Баян-Слу. Ничего не осталось от прежнего аула, только сорной травой заросли места, где стояли когда-то многочисленные юрты. Слез Козу-Корпеч с коня, привязал его к кусту на выстойку и решил сделать здесь привал, отдохнуть, переночевать, а назавтра осмотреть следы и ехать дальше.

Насбирал он сухого конского помета, развел огонь и стал жарить мясо убитой сайги. Вдруг видит, идет к нему старик, одежонка на нем худая, вся в лохмотьях, ноги босы и изранены о камни, сам он еле живой, идет и на палку опирается — видно, что человек больной. И стал расспрашивать Козу-Корпеч старика, когда он подошел к огню:

---

[1] Раньше в казахских семьях мальчик-первенец или любимец родителей носил на затылке небольшую косу.

— Откуда, бабай[1], идешь? Как зовут тебя и как ты очутился одинокий здесь, в этом пустынном месте?

— Зовут меня Апсебай,— ответил старик,— иду я издалека отыскать сына Карабая Козу-Корпеча и объявить ему о невесте его красавице Баян, которая со дня на день ждет его и не знает, как избавиться от ненавистного жениха Кудар-Кула.

И рассказал тут старый Апсебай все по порядку, начиная с того дня, когда умер Сарыбай, и кончая тем, когда злодей Кудар забрал все в свои руки и, опасаясь появления Козу-Корпеча, откочевал далеко, а его, старого, под конец выгнал из дому, не дав даже худенькой лошаденки.

— Много дней уже иду я,— говорил старик,— и немощи одолели, видно, умереть мне здесь, не исполнив обета, данного моим братом другу своему Карабаю.

Обрадовался тут Козу-Корпеч и открыл старику свое имя, но не сразу поверил Апсебай, покачал он недоверчиво головой и говорит:

— А покажи-ка мне свою косу!

Снял Козу-Корпеч шапку, и как увидел Апсебай золотую косу, обнял его и заплакал от радости.

Утром чуть свет поднялся Козу-Корпеч, но Апсебай уже не вставал: болезнь свалила старика. Кое-как собравшись с силами, рассказал он про дорогу, какие приметы поставлены на пути, через какие места надо ехать, все повторил по нескольку раз, чтобы Козу-Корпеч лучше запомнил, и потом окончательно впал в беспамятство...

Как ни спешил Козу-Корпеч в путь, но не решился оставить одного больного старика; впрочем, недолго пришлось ему ждать: к вечеру того же дня старик скончался.

Похоронив его, Козу-Корпеч поехал дальше; теперь он ехал уже по верной дороге, разыскал все приметы по пути и, следуя от одного урочища до другого, вскоре завидел вдали множество юрт и многочисленные стада. Это было место стоянки Баян и Кудар-Кула.

Не доезжая до аула, Козу-Корпеч слез с коня, расседлал его и пустил на волю; все свое вооружение и хорошую одежду сложил в потайное место, а сам, переодевшись в худенькую одежонку, отправился пешком в аул наниматься в табунщики. Прибыл он на место как раз в

---

[1] Бабай — (баба) — дедушка, добрый старец.

тот день, когда Кудар-Кул, окончив последнюю работу, заставил наконец Баян-Слу дать согласие на брак и назначить день свадьбы.

Нового табунщика приняли охотно, и Козу-Корпеч поступил в услужение к Баян-Слу под именем Котур-Тази. Она поручила ему пасти своих любимых коз, которых каждое утро сама навещала и доила.

В первый же раз, как увидал Козу-Корпеч свою невесту, дрогнуло его сердце, целый день ходил он сам не свой — до того поразила его красота Баян-Слу; хотя много слыхал он о красоте ее, но такой красавицы и во сне ему никогда не снилось.

Несколько дней уже прожил Козу-Корпеч в ауле своей невесты, а все не мог ей открыться, все ждал подходящего случая, а случай этот не представлялся.

Однажды Кудар-Кул уехал на несколько дней в горы к своим калмыкам, а Баян-Слу, оставшись одна, вздумала послушать песни. Приближенные указали ей на нового пастуха Котур-Тази как на большого мастера играть на домбре и петь песни. Послали за ним. Явился Козу-Корпеч, сел у порога юрты своей повелительницы, настроил домбру и запел. Много песен перепел он, а под конец запел о красавице, которой в свете нет краше, и как эта красавица ждет-поджидает жениха; пропел ей всю свою историю и под конец так закончил свою песню: «Скоро, скоро объявится жених; близко он, да не знает, примет ли его первая по красоте и богатству во всей степи девушка».

Поняла Баян, что про нее сложена эта песня и что неспроста певец спел ее, долго и пристально поглядела она на него, но как же было признать в бедном табунщике жениха? «Верно, гонец, посланный от него»,— подумала она и, улучив время, успела шепнуть ему: «Скажи, что давно жду его и приму как следует — только пусть спешит».

С тех пор часто стала ходить Баян к своему любимому стаду и подолгу засиживаться там и расспрашивать табунщика про желанного жениха...

Все рассказал ей Козу-Корпеч, только имени своего открыть не решался, а заметил, что, должно быть, понравился сам красавице, потому что, когда он, осмелившись, стал заигрывать и шутить с ней, она не обижалась на его шутки, весело смеялась и глядела на него ласково своими чудными глазами.

Случилось как-то вскоре, что любимая коза Баян-Слу соскочила неловко с обрыва и сломала себе ногу. Услышав про то, Баян сама по-

спешила к стаду и стала упрекать табунщика. Не стерпел наконец Козу-Корпеч, схватил красавицу в свои объятия и начал целовать. Осердилась Баян, вырвалась из рук табунщика и ударила его по голове: от этого удара шапка с головы Козу-Корпеча упала, и вдруг увидела красавица, как блеснула у него на затылке золотая коса. Вспомнила она о примете жениха и признала его; признался тогда во всем и Козу-Корпеч.

Весь этот день провели они вместе, обдумывая и соображая, как лучше устроить дело и объявить о свадьбе, и решили пока все держать в тайне — до откочевки на новое место; только не согласилась Баян-Слу оставить жениха в табунщиках и взяла его к себе в личную прислугу, велела одеться в хорошее платье и находиться при ней безотлучно.

Спустя несколько дней вернулся Кудар-Кул из поездки. Крепко не понравилось ему, что Баян выбрала себе в прислужники нового табунщика, не узнал он прежнего Котур-Тази в красивом и статном жигите.

С тех пор Кудар, не смея открыто противиться желаниям Баян-Слу и распоряжаться вопреки ее воле, стал искать предлога обвинить в чем-либо Козу-Корпеча и прогнать его, как человека неблагонадежного, однако Козу-Корпеч держал себя осторожно, никакого повода к обвинению не подавал.

Вскоре аул Баян-Слу перекочевал на новое место. По приходе туда, как обыкновенно, поставили юрты и стали городить загоны для мелкого скота, чтобы загонять его на ночь. Когда понадобилось забивать колья для загонов, оказалось, что Кудар-Кул забыл на прежнем месте свой молот, а была эта колотушка так тяжела, что десять человек не могли ее сдвинуть с места.

Вздумалось Кудару сыграть с Козу-Корпечем злую шутку — послать его за этим молотом, и когда он, не будучи в состоянии его принести, явится с пустыми руками, обвинить его в лени и нерадении; отколотить и прогнать из аула.

Придя по поручению Кудара на старое место, Козу-Корпеч нашел молот, надел ремень, который был у рукоятки, себе на палец и пошел обратно, помахивая молотом, как палочкой... Вдруг ремень оборвался и молот отлетел в сторону, да так далеко, что упал прямо на середину озера Ала-Куль.

Пришлось Козу-Корпечу вернуться в аул с пустыми руками. Расвирепел тогда Кудар-Кул:

— Ах ты ленивая собака, несчастный байгуш [1],— закричал он.— Тебе и баранов-то пасти нельзя доверить, а не только в прислужниках быть, убирайся вон отсюда, иди откуда пришел, и чтоб ноги твоей не было в ауле.

И бросился Кудар-Кул на Козу-Корпеча с кулаками. Не мог стерпеть Козу-Корпеч такой обиды, гневом загорелись его очи:

— Как ты смеешь называть меня нищим, безыменное отродье, приемыш! — вскричал он в ответ.— Я — Козу-Корпеч, сын знатного Карабая, а Баян-Слу — моя невеста!

И схватив Кудара за опояску поперек тела, Козу-Корпеч поднял его вверх и бросил на землю.

Чуть не насмерть хлестнулся Кудар-Кул о землю и долгое время лежал без памяти, а когда пришел в себя, то весь народ уже собрался около Козу-Корпеча и Баян-Слу и поздравлял жениха с невестой.

Понял Кудар, что пришел конец всем его надеждам и что ему ничего не остается больше, как собираться и ехать навсегда из аула Баян в горы к своим калмыкам.

— Ну, помни,— сказал Кудар на прощание Баян-Слу.— Так-то ты отблагодарила меня за все мои заботы о тебе и твоем добре! Так-то рассчиталась со мной за мои труды и работы, которые из хитрости заставляла делать меня, чтобы оттянуть время. Не один теперь я приеду к тебе, а подниму на весь ваш род целую волость калмыков, погублю твоего мальчишку-жениха, а тебя силой возьму в жены.

Уехал Кудар-Кул в горы, возмутил калмыков и пошел войной на Козу-Корпеча. А Козу-Корпеч, разыскав своего коня и оружие, собрал со всех аулов жигитов, вооружил их и приготовился к защите.

Недолго пришлось ожидать возвращения Кудара; с несметной силой появился он перед аулами, разъезжая сам впереди на своем богатырском коне Карабаке.

Выехал навстречу ему и Козу-Корпеч, двести отборных жигитов окружили его, ожидая знака к бою. Сам Козу-Корпеч был на рыжем коне, которому и цены не было: все оружие его блестело золотом, в руках было золотое копье с желтым знаменем.

С диким криком бросились калмыки на казахов, но не сробели жигиты и по знаку Козу-Корпеча, как соколы, полетели навстречу врагам. Впереди всех мчался вихрем Козу-Корпеч, направляясь в середину не-

[1] Байгуш — нищий, бедняк.

приятеля, где завидел он врага своего Кудара. Не выдержал Кудар и, опасаясь схватки один на один с Козу-Корпечем, замешался в толпе своих калмыков. Как трава под косой, стали валиться калмыки, поражаемые направо и налево меткими ударами Козу-Корпеча.

Не устояли калмыки против дружного натиска и скоро повернули назад, спасаясь от преследования, а Козу-Корпеч давно опередил всех и все летел вперед, настигая убегающего Кудар-Кула.

Вот уже близко враг... Видит Кудар-Кул, что не уйти ему от Козу-Корпеча, оглянулся он кругом — никого нет; не миновать, значит, схватки один на один. Обратил он назад своего Карабака, и грудь с грудью сшиблись и кони и всадники.

Истомился Козу-Корпеч предыдущей битвой с многочисленными врагами, а Кудар схватил его своими огромными руками и силился повалить с коня. Долго боролись два богатыря, то Кудар одолевает Козу-Корпеча, то Козу-Корпеч берет верх. Наконец изловчился Козу-Корпеч освободил он правую руку и со всего размаха ударил врага кулаком по голове. Помутилось в глазах у Кудар-Кула от этого удара, и, как подкошенный, рухнул он с коня на землю, а Козу-Корпеч уже спешился и, придавив коленом грудь врага, связал его арканом.

Взмолился Кудар и стал просить пощады, не смилосердился Козу-Корпеч, распалилось гневом его сердце. Привязал он врага за ноги к своему стремени и поволочил по земле. До самого вечера таскал он Кудара, и стал наконец Кудар просить отпустить его, обещая отказаться от всяких притязаний на Баян-Слу и давая клятву не иметь зла против Козу-Корпеча и ничего не предпринимать против него.

Смилостивился тогда Козу-Корпеч, развязал Кудара и отпустил его на все четыре стороны, обещая со своей стороны не только забыть все зло, но быть с этого времени добрым другом Кудару, если только он сдержит свое слово и откажется от Баян-Слу. Козу-Корпеч возвратил даже Кудару его коня и оружие и разрешил ему вернуться в аул Баян и, не опасаясь никакой вражды, продолжать жить, как и прежде, членом семьи.

Остался Кудар-Кул в ауле, и все пошло, по-видимому, так же как и раньше. Стали готовиться к свадьбе Козу-Корпеча и Баян-Слу, но не дремал Кудар-Кул, надолго затаил он злобу в сердце и, как только оправился, стал придумывать, как бы извести Козу-Корпеча и завладеть его невестой.

Прежде всего постарался он склонить на свою сторону старую тетку Баян-Слу, сестру покойного Сарыбая, а при содействии ее ему удалось заручиться союзниками и среди других родственников Баян, из которых одних он обольстил лаской и обещаниями, а других — золотом и подарками. Таким образом, более половины родственников вступили в соглашение с Кудар-Кулом и обещали ему свою помощь против Козу-Корпеча. Заручившись союзниками, Кудар опять стал разъезжать по аулам на своем Карабаке и громко кричать, что он не допустит свадьбы, что теперь он не поддастся Козу-Корпечу, а может даже голову его доставить в аул на пике.

Проведала об этом Баян-Слу и скоро убедилась, что почти вся родня готова препятствовать ее свадьбе с Козу-Корпечем. Нужно было придумать что-либо и не допустить схватки между Козу-Корпечем и Кударом, так как схватка эта могла окончиться общей ссорой и дракой между всеми родственниками... Большинство родни было на стороне Кудара, и потому победа могла легко оказаться на его стороне. Между тем Козу-Корпеч, узнав о замыслах Кудара, стал готовиться еще раз помериться с ним силой и дал себе клятву на этот раз не пощадить его. Собрав около себя горсть преданных жигитов, Козу-Корпеч в гневе грозил перебить всех сторонников Кудар-Кула, и только ласками и поцелуями удалось Баян-Слу укротить гнев своего друга и упросить его не затевать междоусобного побоища. Баян уговорила Козу-Корпеча удалиться на короткое время в уединенное место Чок-Терек, около озера Балхаш, сама же решила объявить родне, что жених ее уехал домой, и затем тотчас же отдать распоряжение о перекочевке на новое место, в ту сторону, где находились родственники Козу-Корпеча. Баян-Слу надеялась, что те из родственников, которые стали во враждебное к ней отношение, не пойдут с ней вместе, и она уйдет таким образом только с друзьями, а тогда Козу-Корпеч мог смело явиться к ней, не опасаясь Кудар-Кула, который, оставшись без союзников, смирится и покорится своей участи

После долгих колебаний Козу-Корпеч согласился наконец на предложение Баян-Слу и удалился на Чок-Терек, а Баян, объявив об отъезде жениха, отдала распоряжение о перекочевке и велела собирать и тюковать свое имущество. Предположение ее, видимо, оправдывалось: раздоры прекратились, сторонники Кудар-Кула, рассорившись с Баян, отказались следовать за ней и порешили остаться на прежнем месте; сам же Кудар-Кул заявил, что уедет к своим калмыкам и останется там

навсегда. Одна только старая тетка Баян-Слу не поверила племяннице и подозревала, что Козу-Корпеч где-нибудь скрывается поблизости.

День и ночь она стерегла Баян, ложилась спать в одной с ней юрте и все наблюдала, не получит ли Баян-Слу каких-либо вестей от своего жениха. И заметила тетка, что каждый день, на утренней заре, Баян тихо поднималась с постели, раздвигала войлоки юрты, и в отверстие влетал скворец, садился девушке на плечо и как будто бы что-то шептал ей на ухо.

«Это вестник от Козу-Корпеча»,— подумала старая женщина и решила поймать скворца и узнать от него правду. И вот, за день до предполагаемого выступления в путь на новое место, старуха поднялась утром раньше Баян, подошла к замеченному месту, раздвинула войлок и подставила к отверстию свой рукав. Не ожидая западни, скворец влетел в рукав, а старуха, захватив его, тотчас же удалилась к себе. Там она стала допытываться у птички, где скрывается Козу-Корпеч, но скворец молчал; тогда злая старуха стала пытать его, вырывая у живого перья, и теребила до тех пор, пока не оголила спинку и крылья, стараясь при этом ухватить и кожу. Скворец, несмотря на муки, все молчал и не хотел отвечать на ее вопросы. Наконец скворец не выдержал, сказал только: «Чок-Терек» и умер.

Чтобы скрыть следы преступления, старая тетка Баян зажарила скворца и съела его, а потом, призвав Кудар-Кула, рассказала ему обо всем. После некоторого размышления оба союзника решили, что Козу-Корпеч должен, по-видимому, скрываться в урочище Чок-Терек, а потому Кудар должен был тотчас же отправиться на это место и постараться захватить Козу-Корпеча внезапно.

В то же утро Кудар-Кул, пригласив бывших с ним в союзе родственников Баян, поехал в Чок-Терек. День был жаркий, и Козу-Корпеч, в ожидании вестника от невесты, беспечно заснул в тени тополя[1].

Заслышав приближавшийся топот, Козу-Корпеч проснулся и с недоумением увидел толпу ехавших к нему всадников, между которыми признал Кудар-Кула.

Вскочив на ноги, Козу-Корпеч схватил лук и стрелы и приготовился защищаться, но один из родственников крикнул ему, что Кудар-Кул приехал помириться и проститься, так как намерен откочевать в свои края, за хребет Ала-Тау.

---

[1] Терек — тополь. Чок-Терек — одинокое тополевое дерево.

— Если Кудар уезжает, то не может быть и речи о какой-либо вражде между нами,— сказал Козу-Корпеч,— я не помню зла и готов считать Кудара своим другом.

С этими словами Козу-Корпеч положил на землю лук и стрелы и пошел навстречу прибывшим. Но в это время Кудар-Кул, скрываясь за спиною всадников, незаметно натянул свой лук и пустил напитанную ядом стрелу, которая до половины впилась в грудь Козу-Корпеча. Он упал, обливаясь кровью.

В тот же день Баян, напрасно прождав скворца и томимая безотчетной тоской, собрала подруг своих и, под предлогом осмотра места для новой стоянки, выехала с ними на Чок-Терек навестить жениха. Но не доезжая половины пути до Чок-Терека девушка встретила группу всадников, впереди которой ехал на вороном коне Кудар-Кул, что-то высоко подняв на пике. Поравнявшись с Баян-Слу, Кудар, быстро встряхнув, опустил пику, и голова Козу-Корпеча упала на пыльную дорогу к ногам коня, на котором ехала Баян. Ни слова не вымолвив, Кудар поехал дальше.

С воплем упала Баян-Слу на землю и долго лежала так над головой возлюбленного; потом она встала и, приказав подругам возвратиться домой, отправилась одна в Чок-Терек, чтобы умереть там же, где кончил жизнь милый жених. Найдя тело его, она вынула из груди его стрелу, приложила к плечам отрезанную голову и, склонясь у трупа, стала, рыдая, молиться и просить бога оживить ее жениха, хотя бы на короткое время, чтобы проститься с ним. Долго так молилась она, не поднимая лица от дорогого трупа, и вдруг почудилось ей, кто-то стоит перед ней. Подняв глаза, она увидела незнакомого старика.

— О чем так горько плачешь, красавица? — ласково спросил старик.

— Ах, как мне не плакать, бабай: я потеряла любимого жениха, убит он вероломной рукой, и вот, в отчаянии, что не успела даже проститься с ним, я прошу у бога милости подарить мне снова жизнь его хотя бы на три дня.

Мало просишь, красавица, проси три года.

— Не нужно мне трех лет, я хочу умереть вместе с ним.

— Ну, проси хотя три месяца.

— Не нужно трех месяцев, довольно мне и трех дней.

— Ну, пусть будет по-твоему,— сказал старик и в ту же минуту ис-

чез, а Баян, радостная и умиленная, увидела вдруг, как голова Козу-Корпеча приросла к плечам, глаза открылись... Он вздохнул, приподнялся и сел.

Три дня и три ночи прожили неразлучно жених с невестой. Козу-Корпеч рассказал ей о вероломстве Кудара и взял слово с Баян-Слу отомстить за его смерть. Баян поклялась исполнить его желание и, совершив месть, умереть и лечь в одну могилу со своим женихом. В конце третьего дня Козу-Корпеч, почуяв близость смерти, крепко обнял свою подругу и скончался в ее объятиях.

После смерти Козу-Корпеча Баян-Слу возвратилась домой и, собрав всю родню и весь народ, объявила, что жених ее умер, что никаким ссорам и распрям теперь нет места, и что она готова выйти немедленно замуж за Кудар-Кула, только просит дать ей время похоронить Козу-Корпеча и справить по нем поминки. Обрадованный Кудар-Кул теперь опять был готов на все, что потребует от него Баян. Поэтому он согласился не только снова принять на себя все управление хозяйством ее, но и заняться устройством похорон и поминок.

Баян-Слу приказала ему приготовить для поминального обеда «сорок верблюдиц без верблюжат, сорок кобыл без жеребят, сорок коров без телят и сорок овец без ягнят» и пригнать этот скот к назначенному для похорон месту, близ реки Аягуз, и туда же пригласить на поминки весь народ. По пути к Аягузу Кудар должен остановиться у колодца в степи и ожидать там приезда Баян с телом Козу-Корпеча.

Сама Баян-Слу тем временем в сопровождении женщин, девушек и огромной толпы народа отправилась в Чок-Терек, где тело умершего Козу-Корпеча обрядили для похорон, завернув его в тонкие войлоки и дорогие ковры так, чтобы труп мог несколько дней лежать под открытым небом, пока готовится могила. Затем, навьючив тело на верблюда, весь похоронный поезд двинулся к месту погребения.

По приезде к колодцу, где дожидался Кудар-Кул, Баян-Слу притворилась больной и объявила, что не может следовать дальше до выздоровления, а выздоровление она получит только тогда, когда кто-либо из молодых жигитов решится спуститься в глубокий колодец и достать для нее воды своей шапкой, а так как колодец был очень глубок, то, вместо веревки, спускающийся должен был воспользоваться косой Баян-Слу. Наставленная шелком коса была так длинна, что хватала до самого дна колодца.

— Кто спустится, за того мне суждено выйти замуж,— прибавила в заключение Баян, очевидно, желая поручить это дело Кудар-Кулу.

Не задумываясь ни минуты, Кудар-Кул вызвался исполнить желание красавицы и, ухватившись за ее косу, стал спускаться в колодец. Но едва лишь он коснулся дна, Баян ударом ножа обрезала свою косу, и Кудар-Кул упал на дно. Принимая все это за шутку, Кудар, набрав воды, стал кричать, чтобы его подняли и, обращаясь к Баян, которая, склонившись, смотрела на него, сказал с улыбкой:

— Твоя шутка очень бы мне понравилась, но только не в таком тесном месте, здесь темно и холодно.

— Эта шутка,— ответила Баян,— похожа на ту, которую ты сыграл с моим женихом. Сиди же теперь здесь и моли бога, чтобы смерть пришла за тобой поскорее.

С этими словами Баян-Слу отошла от колодца и приказала закидать отверстие лесом, а сверху навалить камни и насыпать могильный курган.

Покончив таким образом с Кударом, Баян-Слу предстояло теперь сделать могилу Козу-Корпечу и в этой могиле умереть рядом с его трупом.

Отойдя к Аягузу, Баян выбрала возвышенное место и велела копать могилу и заготовить материал для памятника. В это время недалеко от их стана расположился на ночлег громадный купеческий караван, шедший к туркменам. Хозяин каравана, он же начальник его, заметив, вблизи стечение народа, отправился посмотреть, что это такое, и тут увидел Баян-Слу. Красота ее до того поразила караванбашу, что он целую ночь не мог после того уснуть, а утром послал к Баян посольство с предложением выйти за него замуж. В калым за невесту караванбаши предложил все богатство, какое заключалось в караване; если же красавица и на это не будет согласна, то начальник каравана приказал объявить ей, что он без нее не уйдет и в крайности готов овладеть ею силой. Крепко опечалилась Баян-Слу, получив это предложение. Еще раз предстояло ей отделаться от назойливого предложения и именно в то время, когда она уже мысленно простилась с жизнью и готовилась умереть. Чтоб не вызвать своим отказом каких-либо насильственных действий со стороны могущественного караванбаши, Баян решилась пригласить его к себе и лично переговорить с ним.

Когда купец прибыл, Баян-Слу приняла его с почетом, угостила из

собственных рук и на предложение объявила, что согласна выйти за него замуж, но не теперь, а тогда, когда покончит с постройкой памятника. Эта постройка должна затянуться надолго, а потому Баян просила караванбаши, не мешкая, ехать своим путем и отложить свадьбу до своего возвращения.

Очарованный ее красотой и любезностью, караванбаши, чтобы ускорить время брака, предложил постройку памятника взять на себя.

— У меня несколько тысяч людей,— сказал он,— и я все сделаю в короткое время, укажи только, где и какой величины поставить памятник.

Баян отвела его на место, где была уже выкопана яма, очертила палкой основание памятника, а для указания высоты его сняла и бросила вверх свою дорогую девичью шапку. В тот же день караванбаши, собрав весь свой народ, приступил к работе.

От гор Арганактинских до Аягуза он поставил цепь людей на таком расстоянии один от другого, чтобы камень для кладки памятника, добываемый из гор и обделанный мастерами, мог быть передаваем из рук в руки до самой могилы, где другие мастера укладывали его в стены. В очень скором времени памятник был готов. Баян осмотрела его и осталась довольна. Тело Козу-Корпеча внесли в открытую дверь памятника и опустили в яму; весь приведенный скот был заколот, и начался поминальный обед. Сама Баян-Слу разоделась в дорогие одежды и лично угощала гостей. Вся молодежь, очарованная красотой хозяйки, потеряла голову, и каждый готов был по желанию красавицы идти и делать все, что она захочет. Когда начались обычные игры и состязания на призы, капризная красавица вдруг объявила, что она сейчас же пойдет замуж за того, кто, взобравшись на самую вершину памятника, спрыгнет оттуда вниз. Охотников оказалось великое множество,и сам караванбаши, окончательно потерявший власть над своими подчиненными, погиб один из первых, выполняя условие состязания.

Когда все претенденты на руку Баян-Слу погибли, она собрала родственников, разделила между ними все свое несметное богатство и завещала похоронить ее в одной могиле с Козу-Корпечем. После этого она спустилась в яму, где лежало тело Козу-Корпеча, и кинжалом, который носила у пояса, ударила себя в грудь с такой силою, что сразу скончалась.

ПРЕДАНИЕ О ПРОИСХОЖДЕНИИ БОРОВОГО

В стародавние времена, когда казахи населяли предгорья Ала-Тау, жили у Балхаша, Арала и Каспия, везде в тех краях были горы, реки, леса, озера. В многоводных реках водилось множество рыбы, в непроходимых лесах было много зверя. Много веков так было. Но однажды один из казахских родов чем-то провинился, прогневил аллаха. Страшно разгневался аллах на людей, собрал он со всех мест леса, горы, реки уложил их в мешок и зашагал куда-то на север. Но мешок-то у аллаха был с дыркой. Шел аллах, шел. Захотелось ему чихнуть. Аллах чихнул и не заметил, как через дырку из мешка вывалилась часть собранного им леса, земли, гор, озер. И случилось это как раз на том месте, где сейчас стоит курорт Боровое. Так говорит предание...

ПЕВЕЦ И ЗЛОЙ ДУХ

Было это очень давно, в то время, когда народ наш имел еще ханов. Только никак не могу вспомнить, при каком именно хане это случилось. Да не в том дело! Довольно тебе знать, что тогда в наших местах и кочевал байчыгырский род. Куда он после делся, не знаю,— поговаривали, будто бы перекочевал куда-то далеко, к синим горам, к Китаю,— наверное не могу сказать...

Ну вот, к этому байчыгырскому роду и принадлежал один казах, сперва никому не известный, а потом прославившийся по всей великой степи. Джума-Кул, так звали его, на вид был такой некрасивый, что каждый от него отворачивался: ростом меньше десятилетнего мальчика, кривой, неуклюжий, неповоротливый; на лошадь сам взобраться не мог, верблюд у него из-под самого носа уходил, даже юрты не умел поставить, а чтобы усмотреть за табуном или стадом — об этом и говорить не стоит; одним словом, ни к чему не годный; кроме того, такой сумрачный и молчаливый — слова не добьешься. По правде сказать, и житье-то его было незавидное: родных никого, добра никакого! Наверное, он умер бы с голоду, если б не аул, который кормил и одевал его.

Но тут опять беда! Джума-Кул столько ел, что не было возможности накормить его досыта; всему аулу туго приходилось! Что делать?

Не на шутку перепугались: легко сказать, из-за одного человека всем байгушами сделаться. Собрались аксакалы и старики на совет и так обсудили дело: жаль человека, да и себя приходится жалеть, к тому же он чужой, неизвестно какого рода; решили пойти за советом к бию Исету. Сказано — сделано. Выслушал их бий, покачал головой и сказал:

— Дозволяю вам вывести его из аула и пустить на простор. Пусть идет, куда захочет; может быть, он и найдет себе счастье в другом месте. А все-таки, чтобы Джума не жаловался, что мы его голодным выгнали в степь, на прощание хорошенько накормите его и дайте ему все, что только он захочет. Завтра же снабдите его всеми припасами и проводите до следующего аула. И я от себя ему пришлю кое-что.

— Мудрый бий! Суд твой прав, и мы ему подчиняемся? — в один голос воскликнули аксакалы, сделали низкий поклон и пошли исполнять приказание.

Это был первый день, когда Джума-Кул наелся досыта. Он ел почти целый день — и сурпу[1], и каурдак[2], и пилау[3], и кеваб[4], и разные другие кушанья; к вечеру уморился, свалился на траву и захрапел так сильно, что все перепугались: не собрался ли он умирать... Но не от еды должен был умереть Джума-Кул...

Еще солнце не успело разогнать ночные тени, как аксакалы были уже на ногах. Осторожно они приблизились к месту, где заснул Джума-Кул, смотрят на бугор — никого нет, даже трава совсем выровнялась, и следов никаких не осталось.

«Вероятно, мы местом ошиблись!» — подумали старики и пошли в другую сторону. Опять неудачно. Прошли еще дальше — нигде не видать.

Куда же он мог деться, не приключилось ли с ним чего-нибудь после вчерашней сытной еды? Встревожились аксакалы. Им уже стало жаль человека — все-таки живая душа и свой брат, не пропадать же ему, как собаке. Не теряя времени, тотчас они оседлали коней и выехали в степь.

Вдруг слышат вдали голос, как будто и человеческий, а между тем очень похожий на голос добрых гениев: звонкий и нежный — подобного они во всю жизнь не слыхали. От удивления у стариков мозги пере-

---

[1] Сурпа — мясной бульон.
[2] Каурдак — поджарок из внутренности животных.
[3] Пилау — палау, плов.
[4] Кеваб — мясо, жареное на вертеле.

путались, сразу они все перезабыли: и приказ бия, и свою беду, и самого Джума-Кула. Какая-то невидимая и непреодолимая сила овладела ими и, точно верблюдов на аркане, потащила к месту, где раздавался удивительный голос. И там, на небольшом холме, близ муллушки[1] одного древнего батыра, поджав под себя ноги, сидел Джума-Кул лицом к месту рождения дневного огня; его голова была немного откинута назад, глаза совсем закрыты; он пел:

Приди, могущественный друг!
Приди скорей!
Я тебя жду!
Ты светел и чист, ничто не может сравниться с тобой.
Ты сильнее духа тьмы,
Так как он со страхом от тебя убегает;
Ты мешаешь ему задавить землю ужасною темнотою
И легко открываешь все его злые намерения.
Не правда ли, ты не забыл меня,
Ты придешь!
Как быстроногий кулан нетерпеливо бьет копытом
И ждет не дождется вырваться на простор, на свободу,
И как тихий баран весною поджидает молодую, сочную траву,
Как верблюд жалобно призывает своего заблудившегося
детеныша,—
Так и я жду и призываю тебя!

Мерно, плавно лились неподражаемые звуки, точно они с неба слетали на землю. Желая узнать, кого так призывал Джума-Кул, аксакалы начали оглядываться по сторонам и еще более удивились: все табуны и стада вместе с пастухами и собаками сбежались отовсюду и жадно прислушивались к чудной песне.

В это время бий Исет, прождав напрасно вестника, который должен был подробно сообщить об исполнении его приказаний, потребовал к себе молодых казахов и поручил им узнать, что сделали старики с Джума-Кулом и куда они скрылись. Но вся аульная молодежь понемногу собралась вокруг муллушки и тоже слушала дивного певца. А Джума-Кул не переставал петь:

Иди же скорее, мой добрый друг!
Освети, согрей меня, несчастного!
Хотя я человек, и среди людей родился,

[1] Муллушка — надмогильный памятник.

Но кроме тебя, у меня нет друзей.
Нет у меня отца, который научил бы чему-нибудь хорошему;
Нет у меня матери, которая бы приласкала
И поплакала надо мною;
Нет у меня братьев и сестер,
Которые бы защитили и повеселили меня.
Я здесь один, всем чужой!
Никто меня не любит,
Никто мне доброго слова не скажет,
Или смеются надо мною на радость духу тьмы,
Который хочет погубить меня,
Или отворачиваются от меня, точно от тарантула мохнатого,
Или же убегают, точно от каракурта ядовитого.
А я ведь человек!
Ты знаешь все это, и тебе жаль меня.
Приходи же скорей и защити меня,—
Я жду тебя!..

Услышали это старики и тихо заплакали; как снег тает летом на горах и чистыми струйками разливается по долине, так и у молодых казахов потекли из глаз ручьями прозрачные слезы. К ним присоединились женщины и дети и, подобно камням, остались неподвижны, боясь проронить хоть одно слово, один звук Джума-Кула.

Но вот вдали столбом заклубилась пыль, раздался конский топот, и появилась толпа всадников, вооруженных длинными пиками и меткими стрелами. Это были свирепые барымтачи. Доскакали они до холма и разом остановились как вкопанные. А Джума-Кул все пел:

Спеши, мой ясный друг!
Разве ты не слышишь моего слабого голоса?
Не понимаешь моей сердечной жалобы?
Не я виноват, что ростом ниже шелковой травы;
Не я виноват, что кривой саксаул прямее меня;
Не я виноват, что лягушка красивее меня;
Не я виноват, что песчинки ловчее меня;
Не я виноват, что черный жук сильнее меня;
Не я виноват, что пугливая коза смелее меня.
Всякий может меня обидеть!
А ведь и я бы мог быть батыром могучим,
Которому бы люди удивлялись,
Которого бы барымтачи боялись,

И все народы покорялись.
И я мог бы сесть на ретивого скакуна,
И разнести по всей широкой степи громкую славу о себе.
Но нет! злой дух помешал,—
Ты один меня не бросаешь.
Иди, беги, лети же скорей,
Я жду тебя!..

А между тем к Исету никто не спешит с ответом,— аул совсем опустел. Рассердился тут бий не на шутку, сам выехал на розыски и попал на тот же холм. Еще нежней, еще слаще запел Джума-Кул:

Покажись же наконец, мой искренний друг!
Время наступило,
Я жду тебя!
Уж пронесся по небу утренний ветерок,
Сдернул к самому краю скучную темноту;
Круглый месяц и слуги его — звезды
Очистили тебе место.
Все встало, принарядилось
И ждет тебя,
Не бойся, выходи!
Залей своим золотым светом землю,
Сожги жгучими стрелами злых людей,
Порадуй меня твоими победами,
Утешь меня подвигами,
Поиграй со мною,
Повесели меня!
Уж волк степной запрятался в кустах,
Ичкимер[1] вернулся в ущелья,
Тигр и барс после охоты залегли в камыши,
Уже люди проснулись
И готовятся к новым злым делам.
Пора уже и тебе своим блеском усмирить их гордость.
Вставай, мой друг,
Я жду тебя!..

Солнце наконец послушалось его и выглянуло сперва одним краем, а затем целиком выкатилось на небо. Джума-Кул вдруг умолк; грудь его тяжело подымалась, на лице выступили крупные капли пота. Он открыл глаза, взглянул на солнце, посмотрел вокруг себя и замер от изумления: лошади, бараны, верблюды, собаки, старые и молодые каза-

[1] Ичкимер — ящерица.

хи, женщины, дети, барымтачи и даже сам бий Исет стояли перед ним на коленях, околдованные его пением. Нахмурил Джума-Кул свои густые рыжие брови и сердито спросил:

— Что вам нужно! Зачем вы собрались здесь?

Все поднялись. Бий обратился к нему с такими словами:

— Мы пришли поклониться великому певцу нашего народа. Зачем же до сих пор ты так старательно скрывал от нас ту силу, которой бог так щедро наградил тебя?

— Мои песни не для людей,— ответил Джума-Кул.

— Но мы их слышали! — возразил Исет.— Оставайся же с нами, утешай аул, в котором ты вырос и провел всю жизнь.

Тут к Джуме приблизились барымтачи, низко ему поклонились и сказали:

— Мы собрались напасть на ваш аул, но ты своими песнями остановил нас и расплавил наши сердца... Мы никого не тронем и другим прикажем не тревожить места, где живет такой знаменитый певец.

С этими словами они ускакали.

Тогда бий и все казахи с восторгом воскликнули:

— Великое счастье послал нам аллах! Ты спас наши табуны, стада и юрты от разграбления, а нас самих от тяжелой неволи. Разнесется повсюду слава о тебе, и все нам будут завидовать!

Джума-Кула торжественно повели в аул.

Этот день все угощались и веселились. Но сколько ни просили Джума-Кула что-нибудь спеть, он наотрез отказывался и по-прежнему оставался сумрачен и молчалив — никакие просьбы, никакие хитрости не помогали. Зато под утро казахам снова удалось украдкой насладиться его неподражаемым пением; пришли люди из соседних аулов и тоже подивились незнакомым песням.

С этого дня для Джума-Кула началась другая жизнь. Он ни в чем не терпел недостатка, и на его ненасытность перестали жаловаться, так как отовсюду приезжали казахи, и каждый привозил с собою подарки и для самого певца, и для всего аула.

Джума-Кул, однако, по-прежнему продолжал дичиться, постоянно удалялся от всех, был угрюм и нелюдим. Только рано на заре можно было послушать его пение, но это было не легко, так как Джума старался менять места; если бы не его голос, который отовсюду можно было услышать, то, пожалуй, и найти-то его было бы невозможно. Даже хан

не раз приезжал к нему, несколько ночей не спал, чтобы только послушать певца.

Так шли дни за днями, и ничто не изменялось. На заре Джума пел, а вокруг собиралась толпа народа. Хотя славный певец и попривык немного к людям и даже иногда в песнях своих прославлял подвиги знаменитых батыров, а все-таки ни с кем не был ласков и был спокойным лишь в одиночестве. Не пересказать, сколько было с ним хлопот, но никто не жаловался на него, и все им гордились.

Все было бы хорошо, если бы беда не подкралась тихомолком и неожиданно не отняла у степи лучшего певца. Случилось это так.

Джума-Кул точно предчувствовал свой конец: вечером, накануне несчастного дня, он сказал казахам:

— Если хотите меня слушать, то слушайте издали; если подойдете близко, я перестану петь.

Все обещали исполнить его желание. Когда же перед зарею он вышел из аула, все последовали за ним. На этот раз Джума шел долго по песчаной степи, наконец сел на высокий бархан [1], по обыкновению, закрыл глаза и запел. Слов нельзя было разобрать, но голос по-прежнему был звонок и раздавался на несколько верст вокруг. Все с напряженным вниманием ловили дивные звуки, подобно могучему горному потоку разливавшиеся по воздуху. В этот раз всем жителям аула довелось увидеть что-то очаровательное — настоящее чудо!

Джума-Кул пел, повернувшись к востоку, и ни на что не обращал внимания; но вот, ступая осторожно по песку, показался пестрый, кровожадный тигр; он плотно прижался к песку, вытянул хвост, согнул спину... один скачок — и певца бы не стало... Но тигр остановился и замер. С другой стороны стоял второй тигр, там еще один... и еще... Сюда же приползли и красные хитрые лисицы, за ними появились и трусливые желтые волки; громадные орлы поналетели со всех сторон; тысячи малых птиц. Все замерли вокруг певца. Подоспели быстрые куланы, пугливые серны, неповоротливые черепахи, гибкие змеи и разные другие животные — всех и не пересчитать. Ни одного движения, ни одного постороннего звука — только песни Джума раздавались по степи. Вот и солнце выбралось из далеких песков, вытянуло вперед свои золотые иглы и стрелы и внезапно остановилось; поднялись вверх легкие

---

[1] Бархан — песчаный холм.

песчинки и повисли в воздухе; ветер подул было, но также был захвачен врасплох, не смея дохнуть и нарушить всеобщего внимания.

При виде всего этого казахами овладел страх. Вдруг певец умолк, последний звук пронесся в чистом воздухе и пропал вдали. Этого только и поджидал злой дух, завидовавший славе певца: заколыхались пески, поднялось черное облако и превратилось в страшного, черного старика. Взмахнул старик длинными рукавами — поднялся ветер, до самого неба взвились песчаные горы, и все разом обрушилось на Джума-Кула.

Казахи в ужасе вскрикнули, закрыли руками глаза и попадали на землю. Когда же они встали, ни старика, ни тучи, ни животных уже не было, и сам певец исчез.

— Не дадим погибнуть славному Джума-Кулу! — вскричали в один голос казахи и погнали к бархану своих коней. Но напрасно они искали, напрасно объездили все барханы, изрыли весь песок,— Джума-Кула не нашли.

С того времени было много хороших певцов у нашего народа, но такого певца, как Джума-Кул, еще не бывало.

СЧАСТЬЕ И МУДРОСТЬ

Поспорили раз Счастье с Мудростью. Счастье сказало:

— Я без Мудрости могу обойтись.

Мудрость сказала:

— Я сама по себе стою многого, но вместе со Счастьем значу в миллион раз больше, а вот ты без меня ничего не стоишь.

Счастье решило доказать, что без Мудрости оно может обойтись. Далеко в горах на торговом пути жил нищий мальчик. У него и имени-то не было. Караванщики прозвали его Таз-бала, потому что у мальчика на голове была парша. И вот Мудрость предложила Счастью покровительствовать над Таз-балой.

Лето выдалось сухое, и по торговому пути проходило мало караванов. Таз-бала голодал. Но в горах было много птиц, и мальчик камнями охотился на них. Мальчик и не замечал, что стоит ему взять в руки камень, как он тотчас же превращается в золото или алмаз. Таз-бала был глупым мальчиком и не понимал, что в его руках неисчислимые богатства.

Раз как-то на дороге показался большой караван. На привале караванщики хорошо накормили мальчика, и он уснул тут-же на траве.

Из-за пазухи мальчика выпало несколько камней, и их заметил караванбаши. Он разбудил мальчика и спросил:

— Где ты взял такие замечательные камни?

Мальчик ответил:

— Здесь много таких камней, пойдемте, покажу.

Караванбаши велел разгрузить товары и нагрузить верблюдов золотом и драгоценными камнями. Вскоре караванбаши разбогател и усыновил Таз-балу. Мальчик подрастал, и караванбаши решил женить его на дочери хана. Хан потребовал большой калым — семь верблюдов, нагруженных золотом. Караванбаши согласился, и Таз-бала обвенчался с дочерью хана.

В первую встречу с женой Таз-бала ударил ее в лицо и выбил три зуба. Хан узнал об этом, велел казнить Таз-балу.

В эту же ночь встретились Мудрость и Счастье.

— Вот видишь,— сказала Мудрость,— Таз-бала будет сегодня казнен, и ты ничем помочь ему не можешь.

— Тогда помоги ты,— сказало Счастье,— и я поверю, что без тебя обойтись не могу.

Мудрость снизошла на просьбу Счастья.

И вот когда стали казнить Таз-балу, он обратился к хану с такой просьбой:

— Великий хан, перед смертью я хочу сказать несколько слов.

Хан велел говорить.

— Меня обвиняют в том, что я избил свою жену. Это неправда. Я люблю ее, и если выбил ей три передних зуба, то сделал это для ее же пользы. Эти зубы некрасивы, и я очистил свою жену от скверны.

Хан тут же простил Таз-балу.

И опять в горах встретились Мудрость и Счастье. Мы не знаем, о чем они говорили, но известно нам, что с тех пор Счастье неотступно следует за Мудростью.

ЧЕРЕПАХА И ВЕТЕР

Старика Тербезеня из Ардыбайской долины считают мудрым. Он любит разные истории рассказывать. Каждое его слово разносится быстрее ветра по горным долинам Қызыл-Тас.

Тербезеня любят все, и слушают его, затаив дыхание. Слава о мудрости Тербезеня идет далеко-далеко, за самые высокие горы, что стоят за большим озером Сары-Қуль.

Вот что он поведал однажды:

В далекой стране Қызыл-Тас когда-то жил свободный народ. Жил он мирно, ни с кем не воевал, страна управлялась выборными старшинами.

И вот однажды батыр этой страны Сахрытпай был за тысячу верст от своей родины и узнал, что на его мирный народ идут войной жадные ханы. Надо было предупредить свой народ. Он написал на куске бересты письмо, но ни один гонец не брался доставить его в срок. Тогда Сахрытпай вышел в степь и крикнул:

— Мой народ в беде... Кто хочет спасти его?.. Придите мне на помощь...

Но никто из людей не отозвался на его зов. Только черепаха да ветер согласились помочь ему. Сахрытпай подумал и решил отдать

письмо ветру. А чтоб не обидеть черепаху — ей он передал другой кусок бересты с тем же содержанием.

Путь ветра и черепахи до страны Кызыл-Тас был долог и утомителен. Черепаха ползла добросовестно, ни на вершок не уклоняясь от своего пути, ни на минуту не задерживаясь. Но она ползла так медленно, и так знойны были вокруг пески и камни, что кусок бересты начал желтеть и трескаться. Но черепаха не волновалась. Черепаха ползла.

С пронзительным свистом летел ветер в страну Кызыл-Тас. Он летел, упиваясь своей быстротой, и в этом упоении забыл приметы дороги.

— Вот тебе письмо,— задыхаясь, сказал ветер одному старшине.

— Это не мне. Это в страну Кызыл-Тас,— сказал старшина, посмотрев на кусок бересты,— здесь Алагамия. Отсюда еще далеко до твоей страны. Тебе надо спешить.

И еще быстрее полетел ветер. Летел и любовался собой и опять сбился с пути.

— Это страна Сатыен,— снова сказали ветру, когда он опустился на землю.— Здесь нет старшины, а я — патша! А страну Кызыл-Тас надо уничтожить, испепелить и развеять под небесами, чтобы и духу ее не чувствовалось.

Патша схватил бересту, но ветер вырвал ее и с визгом понесся обратно.

Черепаха, пока ветер летел по черным землям, дотащилась до страны Кызыл-Тас, но кусок бересты настолько потерся и потрескался, что на нем нельзя было ничего разобрать. А ветер так и вернулся, не разыскав страны.

Жадные ханы пришли в Кызыл-Тас и разорили эту свободную страну, покорили весь народ. Разодрал на себе одежду Сахрытпай от гнева и горести. Затем долго кричал и отчаивался:

— Зачем ты послал черепаху и ветер, Сахрытпай!..

Зачем ты не послал человека, Сахрытпай!..

Что ты наделал, Сахрытпай!..

Долго потом он мучился, а затем взобрался на самую высокую гору, посмотрел в последний раз на солнце и бросился в ущелье, где мчались бурные воды. Так погиб Сахрытпай, который не мог перенести своей ошибки и гибели своей родины.

ХАЛЬ-БИБИ И АЙНАК-КУЛЬ

В глубокой древности, там, где кочевали казахи, а на широких степях в сочной траве паслись их быстрые кони, жил некогда хан. Многие земли он отнял у своих соседей, много богатств он накопил в своем громадном и красивом дворце. Был он могуч и славен.

Время летело незаметно и невидимой рукой серебрило бороду хана, когда-то черную, как крыло степного ворона, силы оставляли могучего повелителя. Хан стал замечать это. И вот однажды он призвал к себе самых мудрых и преданных приближенных и спросил, что может вернуть ему прежнее счастье и былую силу. Дал он им на размышления три дня.

Поклонились мудрейшие своему повелителю и ушли, озабоченные трудным поручением хана.

Три раза на ясном небе выходила полнолицая луна, три раза яркое солнце высушивало утреннюю росу на полях; с трепетом ждали придворные назначенного срока, пищи и сна лишились они за эти дни; никто из них не был уверен, понравится ли его совет хану.

На четвертый день вместе с первыми лучами солнца в ханские покои вошли мудрейшие. Сумрачно встретил их хан. Он приказал каждому в отдельности держать ответ.

Уже восемь из них, один за другим, высказали то, что считали самым удачным. Каждого молча выслушивал хан, лицо его делалось все мрачнее и мрачнее. Мудрейшие понимали, что не смогут угодить своему повелителю.

Наконец дошла очередь до последнего, девятого советника. Видя неудачу предшествующих, он пал на колени и с трепетом стал говорить хану:

— Господин! Велико и славно твое обширное ханство. Сам ты любим аллахом — да продлит он дни твоей жизни. Но вот уже сколько лет мы не видим на твоем лице улыбки ясной, как луч солнца, и кроткой, как серебряная луна, а потому и твой народ стал печален. Позволь мне высказать тебе совет, который родился в моей глупой голове.

— Говори,— сказал хан,— я тебя слушаю...

— Великий повелитель мой! Не гневись, если я скажу тебе, что между твоими женами нет ни одной, которая была б достойна твоей любви. А без любви, великий господин, человек сохнет, подобно цветку, лишенному воды и солнца.

— Ты сказал хорошо,— перебил его хан,— но в чем же совет твой, и как ты поможешь мне?

— На трех днях пути отсюда, великий повелитель мой, у одного очень богатого купца есть дочь такой красоты, какой, как я слыхал, еще не видел никто из смертных! Ей теперь пошла пятнадцатая весна, девушка свежа, как полевой цветок, и прекрасна, как сама Пери. Отец хочет отдать ее замуж за одного своего дальнего родственника, который уплатил за красавицу почти весь богатый калым. Но если, повелитель, тебе угодно будет иметь этот душистый цветок, то, хотя бы ценою жизни, я ручаюсь доставить ее пред твои очи.

Придворные вышли вместе с мудрецами из дворца. А девятый советник приступил к выполнению обещанного. Он переоделся в рубище нищего и с длинным посохом в руках отправился в путь.

На четвертые сутки он был уже возле дома красавицы. Он пел какие-то песни и просил подаяния. Красавица каждый день выходила гулять в свой сад, и там, собирая душистые цветы и любуясь наливавшимися гроздьями винограда, забавлялась песнями.

Нищий узнал об этом и решил пробраться в сад. В один день он добился этого и стал рассказывать девушке разные сказки. И каждый

день его сказки были все волшебнее и занимательнее. Красавице так понравились сказки, что она скучала, когда нищий не приходил.

Однажды, слушая очередную сказку этого мнимого нищего, девушка незаметно подошла к берегу реки, что была в конце сада. Когда она повернула обратно, нищий вдруг загородил ей дорогу, пронзительно свистнул, и в тот же миг неизвестно откуда появились всадники. Чьи-то сильные руки подняли девушку с земли и положили поперек седла. Длинная и мягкая кисея окутала ей глаза и губы, чтобы красавица не могла ничего видеть и не смогла бы позвать на помощь.

Быстрее ветра мчались кони, впереди всех несся коварный нищий. Отец красавицы во все стороны разослал гонцов в погоню, но напрасно: хитрый нищий наискось пересек реку со своими спутниками и тем совершенно спутал следы.

Когда девушка была доставлена хану, тот не мог оторвать глаз от ее лица — так была она прекрасна. Хан сразу полюбил красавицу и поместил ее не со своими женами, а отдельно. Назвал он ее Халь-Биби и построил ей дивный дворец с высокой башней на берегу озера, рядом со своим дворцом.

Красавица скучала по своим родным и близким. Хан со своими ласками был ей ненавистен. Часто выходила она на площадку высокой башни и любовалась озером. А озеро, точно влюбленное в красоту ее, схватывало образ красавицы и отражало в своих прозрачных серебряных водах. Такая ласка озера забавляла ее, как ребенка; она полюбила его светлую воду и назвала озеро «Айнак-куль», что значит — зеркало-озеро.

Хан большую часть времени проводил в тереме красавицы и был счастлив, если ему удавалось на пурпурных ее устах вызвать улыбку. Сам он сделался моложе на целый десяток лет. Мудреца, который так сумел угодить хану, он щедро наградил и сделал своим другом.

Был жаркий полдень. Хан с утра уехал со своею свитой на охоту и обещал быть только к вечеру другого дня. Солнце пряталось уже за горы, когда Халь-Биби увидела незнакомого ей человека. Он назвал себя продавцом драгоценных камней и пытался войти во двор терема, но стража его не пускала. Красавица приказала слугам пропустить продавца, привести его к ней. И каково было ее удивление, когда она в этом продавце редких камней узнала своего возлюбленного. Со слезами на глазах она рассказала жениху о муках, которые здесь

переносит. Жених дал клятву похитить ее в эту же самую ночь, лишь только тьма спустится на землю и стража уснет крепким сном. Велика была радость влюбленных, мало было слов, много жарких поцелуев, и под звуки их они не слыхали топота коней, на которых возвратился хан раньше назначенного срока после неудачной охоты.

Усталый и рассерженный несчастливым днем, хан прямо поднялся к Халь-Биби. Гневом засверкали его глаза, когда он увидел свою красавицу в объятьях неизвестного ему человека. Не помня себя от ярости, хан выхватил из-за пояса кривой нож и, бросившись на беспечного жениха красавицы, безумно целовавшего свою возлюбленную, вонзил острую сталь прямо в сердце несчастного. Бросив в сторону окровавленный нож, он схватил на руки обезумевшую от страха Халь-Биби и, посылая проклятия на голову коварного обольстителя, выскочил на площадку высокой башни и со всею силою бросил со страшной высоты дорогую ношу в воды озера. Вся стража, бывшая у дворца Халь-Биби, была казнена, а сам хан был так потрясен всем случившимся, что вскоре умер.

Озеро, принявшее тело Халь-Биби, навсегда сохранило память о ней: стоит только в ясную погоду посмотреть на зеркальную поверхность его, как на самой его середине будет виден прекрасный образ погибшей красавицы Халь-Биби.

О ЖИТЕЛЯХ ГОР АКТАУ

Горы Актау, иначе Белые горы, почти голы и скалисты. Представляют собой эти горы квадратную группу. В них много куропаток, живут и горные бараны, архары. Но в народе рассказывают, что когда-то в Белых горах обитали таинственные существа, а некоторые утверждают, что они живут и сейчас. Существа эти имеют облик человека, обросли шерстью и волосами и зовут их джизтырнаками, что значит когтистые. А многие говорят, что они похожи на женщин.

Как-то стрелок один, охотясь за архарами, встретился с таким джизтырнаком, поссорился с ним и, не долго думая, убил его. Был такой случай. Но взял он его хитростью. А как?

Покрыл охотник своим халатом труп убитого им архара, а сам спрятался за куст; джизтырнак принял покрытого халатом барана за охотника и запустил в него свои когти, но тут же упал мертвым от пули охотника.

Многие жители верят до сих пор в существование джизтырнаков. Один ходжа уверял, что сам видел, как в лунную ночь подходил к аулу джизтырнак и как потом он убежал, преследуемый собаками. Были и такие, которые видели жилища джизтырнаков в пещерах, устланных песком. Эти жилища наполнены, по их словам, каким-то особенным невыносимым запахом...

СКАЗАНИЕ О ЖОШИ-ХАНЕ И ЕГО СЫНЕ

В о времена грозного Жоши-хана расплодилось в степи множество куланов. Жестокий хан приказал истреблять их без жалости. Затаили куланы обиду на хана, решили отомстить ему.

Был у хана сын — богатырь и красавец. Его одного видел на свете Жоши-хан, им одним дорожил больше жизни.

Как-то раз отправился хановичсо свитой на охоту. Увидел он в степи хромого кулана, погнался за ним. Ветром летит добрый конь, перепелок в гнездах топчет, а не может настигнуть хромого кулана. Отбился хановичот товарищей. Долго длилась гонка — пал обессиленный конь юноши.

Огляделся хановичстоит на незнакомом перевале, кругом нет никого — ни хромого кулана, ни товарищей, лишь издыхающий конь под золотым седлом лежит рядом. Снял хановичс коня золотое седло, сел на перевале и задумался: как быть?

Вдруг откуда ни возьмись, словно черная туча, налетел на него табун разъяренных куланов — хромой кулан впереди. Подхватили они хановичаи унесли неведомо куда.

Прискакала к перевалу свита хана. Зарыдали воины: лежит мертвый конь, лежит золотое седло на земле, а любимого сына Жоши-хана

нет. Что сказать беспощадному хану? Понурив головы, тронулись всадники в обратный путь.

Перевал, где все это случилось, и поныне называют Алтын-мель «Золотое седло».

Ждал, ждал хан возвращения сына и почуял сердцем наконец, что дело неладно. Тогда он сказал:

— Если кто-либо решится сказать мне, что мой сын погиб, я залью тому рот расплавленным свинцом!

Все молчали. Выручил безвинных людей старый домбрист Кер-Буга.

Явился он к хану и говорит:

— Тахсыр! Позволь мне сыграть тебе что-либо на моей домбре.

— Играй, разгони тоску,— согласился хан.

И домбрист ударил пальцами по струнам. Зазвенела домбра, запела, заговорила человеческим голосом — все рассказала про то, как исчез ханович.

Узнав истину, хан побледнел и вскричал:

— Проклятый домбрист, я залью тебе глотку свинцом!

А старик спокойно отвечал:

— Не я тебе поведал печальную весть, а домбра,— ее и казни.

И хан велел вырезать в домбре дыру, наподобие рта, и налить в нее расплавленного свинца. В память о том случае домбры стали делать с отверстием на верхней доске.

Расправившись с домброй, хан не насытил своего гнева. Согнав из аулов и кочевок всех своих подданных, повелел он рыть в степи из края в край глубокий ров.

Когда работа была окончена, хан дал другой приказ: всем людям, что здесь были, и всем воинам окружить степь живой стеной, криками и оружием гнать куланов ко рву. Все было исполнено по желанию повелителя.

Бросились куланы, сколько было их в степи, в ужасе прочь от людей, попадали в ров и погибли. Всех куланов уничтожил Жоши-хан, остался только один хромой кулан-самка, а с ней маленький кулаченок.

— Не мой ли это сын? — подумал хан и пощадил животных.

От этих-то двух куланов и развелись впоследствии те, что встречаются до наших дней. А след страшного рва Жоши-хана и сейчас еще виден в казахской степи.

ЗВЕЗДА ОМИР-ЗАЯ

Не было звезды красивее Омир-Заи. Все светила небесные любовались ею. А она в те стародавние времена целую ночь не сходила с неба.

Прекрасная, круглолицая Луна возненавидела Омир-Заю, свою соперницу.

Однажды повстречались они в небе и стали перебраниваться, потом в гневе набросились друг на друга и подрались. Омир-Зая была проворнее: она вцепилась ногтями в Луну и всю ее расцарапала. До сих пор — присмотритесь-ка — на лице Луны видны темные шрамы.

Боги осудили Омир-Заю за злой нрав. Они повелели ей появляться на небе на самый короткий срок, и лишь тогда, когда нет на нем других светил: ни Солнца, ни Луны, ни звезд.

Оттого-то прекрасная Омир-Зая одиноко сияет на небесах только вечером после заката солнца и исчезает, едва потухнет вечерняя заря.

ЗВЕЗДА ИСЯК-КЫРГАН

Звезда Айман-Шолпан предшествует восходу солнца и возвещает наступление нового дня. Ее любят все люди. Но существует звезда во всем подобная Айман-Шолпан, и она, появляясь на небе среди глубокой ночи, обманывает путников и губит караваны. Называют ее Исяк-Қырган (Ослы погибли). А почему ей дано это название, про то рассказывают в народе так.

Шел большой караван ослов по пустынной степи. Достигнув колодца, погонщики остановились на ночлег. В полночь проснулся караван-баши и увидел на небосклоне яркую звезду. Стал он будить людей:

— Эй, поднимайтесь, пора в дорогу, утро наступает. Вот уже встала Айман-Шолпан, нужно торопиться, чтобы к полудню дойти до следующего колодца.

Тронулся в путь караван. Идет час, другой, третий, а ночь все длится, длится, коварная же звезда посветила и закатилась. Когда же поднялась истинная Айман-Шолпан и стало светать, люди поняли, что они сбились с дороги и заблудились в безводной пустыне. Стали искать колодец — не нашли. От бескормицы и жажды пали все ослы. А караванщики с верблюдами лишь через несколько дней чуть живые выбрались на дорогу к воде. Такова звезда Исяк-Қырган.

КУС-ЖОЛЫ[1]

Погляди в ясную ночь на звездное небо: через весь небосвод — от края до края — пролегла светлая дорога. Это Кус-жолы — Птичий путь.

Днем перелетные птицы видят с высоты всю землю, и потому никогда не могут заблудиться. А что бы они стали делать ночью, когда мир покрыт тьмой? По ночам — весной и осенью — путь к гнездовьям указывает птицам Кус-жолы.

---

[1] Кус-жолы — Млечный путь

ИТ-АЛА-КАЗ

Водится на свете чудесная птица Ит-ала-каз — полугусь, полусобака. Мало кто из людей видел ее, а гнездо птицы находить охотникам случалось.

Ит-ала-каз кладет яйца в заброшенных мазарах, на безлюдных холмах. И выводятся из тех яиц не птенцы, а борзые щенки. Сначала они бывают малы и слабы, но скоро, если только выживают, превращаются в охотничьих собак, которым нет цены. Называют этих собак кумаями.

У кумая грудь бывает белая или черная, а сила, быстрота, смелость и ловкость его такова, что ни один самый свирепый зверь от такого пса уйти не может.

Счастлив охотник, который добудет себе кумая. Но немного в мире таких счастливцев. Дело в том, что птица Ит-ала-каз ненавидит свое потомство. Как только из яйца вылупится щенок, мать бросает его на произвол судьбы, и он неминуемо погибает в гнезде голодной смертью.

Потому-то и редки так быстроногие куман.

ТЕМИР-КАЗЫК, АК-БОЗ АТ И КОК-БОЗ АТ, ЖЕТЫ КАРАКШИ

Много звезд на небе, и все они не стоят на месте — ходят по предназначенным путям. Лишь одна из звезд всегда неподвижна — это Темир-Казык (Железный кол). На вечные времена вбит Железный кол в небесную твердь. По этой звезде странники и путешественники отыскивают ночью верную дорогу.

К Железному колу прикованы золотой цепью два коня — Ак-боз ат (Белый конь) и Кок-боз ат (Сивый конь). Уже тысячи лет пасутся кони, расхаживая на привязи вокруг Железного кола.

Неподалеку в небе бродят Жеты каракши (Семь разбойников). Когда-то их было шесть, но, пленившись красотой одной из дочерей Уркер (Плеяды), они украли красавицу-звездочку и привели в свой стан. Эту звездочку и теперь можно отличить от других: она самая маленькая и слабая из семи.

Жеты каракши всякую ночь выходят на воровской промысел. Давно задумали они увести коней, что прикованы к Железному колу. То они осторожно подкрадываются к скакунам с запада, то переползают на восток, то поднимаются выше, норовя вплотную подобраться к коням. Но лишь только они готовятся схватить коней, начинается рассвет, просыпаются люди, и Семь разбойников прячутся до следующей ночи.

САКСАУЛ И СОСНА

Жили-были две семьи недалеко одна от другой: Саксаул с сыном Баялышем да Сосна с дочерью Арчой.

Жили они, как добрые соседи, пока Баялыш не вздумал свататься за Арчу. Очень уж не нравился Арче Баялыш за черный цвет кожи. Она ему и отказала.

Завязалась тогда между их родителями ссора, которую не мог прекратить явившийся примирителем Тобулга.

Видят Саксаул с сыном Баялышем, что плохое житье им стало, и решили они бежать вместе с Тобулгой на юг.

Выжив своих врагов, Сосна гордо подняла голову и вытянулась к небу. Сгорбился Саксаул с горя, а Тобулга от стыда, что не мог помирить Сосну с Саксаулом, покраснел.

Долго ничего не было слышно о дочери Сосны; потом уже узнали, что Арча влюбилась в Камень, бежала от матери и до сих пор живет за Камнем [1].

[1] То есть растет между утесами каменных гор.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ О БАТЫРАХ XVII В.

(Из записей Чокана Валиханова)

БАЙГОЗЫ-БАТЫР — ТАРАКТИНЕЦ. ВО время преследования торгоутов, бежавших из России, киргизы расположились на бивак, варили в своих походных котлах сушеное конское мясо, разводили в турсуках курт водой, словом, завтракали и подкреплялись на целый день. В палатке сидел Аблай и в другой Джаныбек-батыр чакчаковец-аргын, известный своей чрезвычайной гордостью. Батыр сидел молча и курил табак, тогда молодой киргиз дерзко подъехал к его палатке и, с лошади протягивая руку, сказал:

— Джаныбек-батыр, дай-ка трубку!

Джаныбек не обратил на него внимания и, чтобы показать совершенное презрение, с достоинством выколотил трубку о каблуки своих красных сапог, бережно и медленно положил в свою калту (карман). Скоро хан снялся с поля, и каждый род сгруппировался под своим значком, выехали вперед батыры в кольчугах, в шлемах с перьями, луками и стрелами, подошли к хану и образовали тоже кружок. Так вели совет: решено сделать нападение на неприятеля, хотя и в превосходном числе. Для расследования решено было послать караул, вызвали охотников; первый вышел молодой человек, который просил трубку у Джаныбека.

На вопрос Джаныбека-батыра у посланных после возвращения их с разъезда тот же молодой киргиз отвечал:

— Не много и не мало.

Бой начался, калмыков было 10 тысяч; киргизы потерпели ужасный урон, наконец не выдержали и бросились бежать. Впереди всех один высокий калмык на черной, как ночь, лошади, с знаменем в руке вбивался в ряды киргизов, сбросил многих с седла. Джаныбек находился при этой ретираде, кажется, в доброй среде бежавших, но говоря громко:

— Жаль, что не родилось ни одного киргиза, который мог бы убить этого болвана.

Тогда наш знакомец, тот молодой человек, о котором мы уже говорили, выехал вперед, обернулся, натянул стрелу; тетива взвизгнула, калмык закачался на лошади и упал, стрела завязла в шелку и пошла зигзагами. Молодой батыр был так недоволен, что стрела его пошла не прямо, проговорил:

— Этот, кажется, был в шкуре самого аллаха.

Смерть знаменосца произвела смятение в рядах неприятеля. Киргизы воспользовались, ударили назад, обратили калмыков в бегство и таким образом вырвали победу из рук неприятеля. Тогда Байгозы (это было имя молодого человека), закурив трубку и подходя к Джаныбек-батыру, сказал:

— Батыр, вот время, когда можно курить.

Так начал свое батырство Байгозы-тарактинец, и с этого времени все узнали его имя.

ТЕМИРДЖАН-БАТЫР. Киргизы Средней орды сделали набег на дикокаменных киргизов, «киргизы» были предуведомлены и были готовы для встречи известных гостей. Кайсаки бежали. Неприятель преследовал их до реки Или. Казаки переправились вброд. Киргиз Темирджан-батыр, увлекшись, зашел с малым числом удальцов, преследовал их на киргизский берег за Или. Тогда канджигалинец Томача-батыр, видя, что манап[1] увлекся слишком далеко и не имел товарищей, повернул назад и воткнул копье под самую грудинку лошади с такой силой, что благородное животное разом село на задние ноги. Манап быстро соскочил с лошади и бросился на сыргалинца Джаулубай-батыра; канджигалинец Исет-батыр, увидев опасность товарища, дал удар копьем — манап по-

[1] Манапами называли родоначальников дикокаменных киргизов.

валился на землю: Томача-батыр, он был низкого роста, но с великой душой, он сел на него и распорол живот — это был сокол, затравивший лебедя. Белое обнаженное тело батыра осталось в поле, белея, подобно белому савану[1].

Темирджан был красив в полном смысле: бел и дороден. Киргизы увидели смерть любимого манапа, начали преследовать с ожесточением. Сыргалинец Джаулубай был взят в плен, сошел с лошади, чтоб стрелять, затем взяты киргиз Усен-батыр и Алтай Байгузы-батыр. Байгузы-батыр был выбран по жребию, как жертва за смерть манапа. Его спросили: кто убил батыра? Он отвечал твердо:

— Я не хочу быть доказчиком ни на кого.

Его посадили, обратив лицом к Востоку, отмерили сорок шагов, и бурут с длинным ружьем сел напротив и начал медленно наводить оружие.

Сам Байгузы рассказывал после, как он решительно ничего не думал и не боялся.

— Завязав крепко на голове,[2] я сидел, ожидая выстрела, но не замечая того, когда брат покойника пришел ко мне и сказал: «Брат мой был шаит, я не хочу крови, ты, казах, свободен». Я не мог подняться, кровь в жилах совершенно остановилась и пот градом лил с лица.

Он был выменен на одного из братьев Темирджана, бывшего в плену у Аблая, и Джаулубай вышел с обещанием доставить выкуп. За него жизнью поручился товарищ по плену киргиз Усен. Он пас баранов и через несколько месяцев при благоприятном случае бежал.

---

[1] Белый жир (Ч. В.)

[2] Т. е. обвязав крепко голову.

НАРОДНЫЕ ПРЕДАНИЯ

(Из «Дневника поездки на Иссык-Куль» Чокана Валиханова)

УРОЧИЩЕ БАКАЛЫ

Бакалы — значит лягушечье место. Дикокаменный киргиз из рода Сарыбагаш уверял... что когда манап их Умбет-Али зимовал там, то в одном роднике всю зиму квакали лягушки. Он говорил также, что те лягушки имеют белую кожу и величиной в ладонь. То же говорят и киргизы.

ГОРА ТУРАЙГЫР

Турайгыр — значит гнедой жеребец. Предание киргизов говорит, что когда киргизы изгнали из этих мест калмыков-зюнгар, то на горе нашли гнедого жеребца. Турайгыр есть лучшее зимовье албанов. Говорят, что снегу там почти никогда не бывает, если и бывает, то небольшой и скоро проходит.

ПРОХОД САН-ТАШ

Сан-Таш — счетный камень. Проход этот получил свое название от груды камней, положенных в один курган. Высота кургана саж. в три, окружность саж. тридцать пять. Предание гласит, что когда Амир-

Темир-Курген, так называют на Сан-Таше Тамерлана, отправился в Китай для взятия себе в гарем дочери императора Каан-Чина (каан-чин есть титул императора китайского (по-тюркски) хакан-чин, император Китая,— (титул) обращен киргизами в собственное имя), то приказал каждому из своих воинов положить в одно место по камню. По возвращении своем, он велел всем солдатам взять по камню назад и положить на другое место. По оставшимся неподнятым камням он судил о своей потере. Место прежнего кургана лежит возле и теперь.

РЕЧКА КАРКАРА

Киргизы в один из набегов на калмык захватили на этой реке двух молодых девушек, дочерей Зайсана. Аул их только что снялся на кочевку. Они остались на месте, чтобы заняться туалетом и явиться на кош — сборное место — в нарядном и праздничном виде. На головах своих они имели перышки, султаны. Киргизы перья эти называют каркара. Вот и начало названия Каркары и легенда о том.

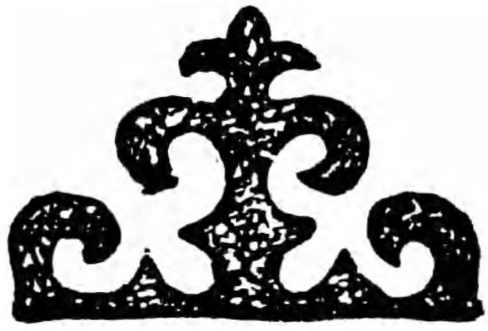
АЛТЫН-ЭМЕЛЬ

Хан Тайдзи выехал на охоту и стал с беркутом на возвышенной точке Алатау, при сверховьях Талгара, при Тау-Чокы. Беркут стал рваться, увидев барана (точку). Хан пустил его и на тулпаре (баснословный по быстроте конь) следовал за ним. Беркут на Цаган-Бугу взял белую лань, на Чоль-Тепе — козла. В этот чабу [1] лошадь хана перескочила через Или и задела копытом воду. Хан заметил это и изрек: этот ручей надо взять к сведению.

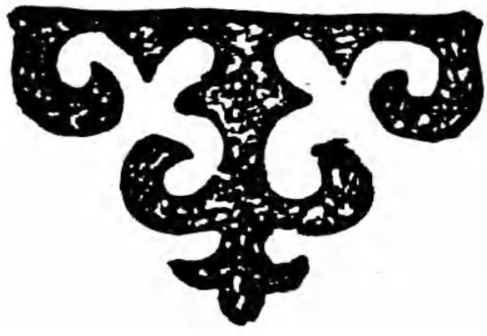
Рассказчик говорил, что на Тау-Чокы сохранились следы до сих пор чародея хана Тайдзи, и громадные шахматы его валяются до сих пор.

---

[1] Бег, поход, нападение. Ч. В. употребляет также написание «чапу». Примечание Маргулана.

БЫТОВЫЕ САТИРИЧЕСКИЕ СКАЗКИ

КАК АЛДАР УВЕЛ КОНЯ У ВОРА

Из родного аула в далекий край Алдар отправился пешком. Шел он дни и ночи через пустыни, степи и леса, останавливаясь на ночлег в аулах у бедных пастухов. Однажды в дом чабана, у которого остановился Алдар на ночлег, прибежал сын верблюдовода и говорит:

— В дом молодой жены Шигайбая приехал знаменитый вор и привел жеребца. Шерсть у него — золотом блестит, хвост и грива — по ветру развеваются, зубы как жемчужные, а глаза, как звезды, горят. А какой быстроногий! Говорят, птиц обгоняет. Шигайбай хочет пустить его в свой конский табун. Ведет вор его в шелковом недоуздке, под шелковым покрывалом. Увидел жеребца мой отец и говорит: «Племенной, видать, жеребец, развести бы у нас его потомство. Да только Шигайбай теперь никому в глаза не покажет и загонит его в Шиган».

— Конечно, так и будет! — говорят пастухи.— Взять от него хотя бы одного жеребенка!

— Есть о чем думать! — сказал им Алдар.— Я выпрошу коня у вора, а вам подарю по одному жеребенку.

— Эх, дорогой ты наш, ничего не получится...

— Шигайбай бережет его пуще глаза. Не отдаст тебе жеребца.

— Когда вор отправится в путь? Какой дорогой он поедет?

— Поедет он в дом Шигайбая, что в Шигане, завтра на заре, по дороге к дубовой роще.

— Тогда я еду сегодня,— сказал Алдар и тронулся в путь.

Доехал он до дубовой рощи, сел в укрытие за густым кустарником у тропы и стал поджидать вора.

Когда солнце было уже в зените и стало безжалостно палить, въехал вор в рощу, ведя жеребца в поводу. Сморенный хмельным кумысом и утомленный после бессонных ночей, он задремал в седле. Этого и хотел Алдар. Когда вор стал проезжать мимо него, он, осторожно сняв недоуздок, завел жеребца в лесную чащу и там привязал к дереву. Сняв с жеребца шелковое покрывало, Алдар покрыл им себя, надел недоуздок на свою голову и, вымазав лицо грязью, пошел в поводу у вора. Когда они отошли достаточно далеко, Алдар остановился и дернул за повод. Дремавший вор приоткрыл глаза, прикрикнул «но!» и оглянулся назад. Вместо коня он увидел какого-то дьявола под шелковым покрывалом. Испугался вор, бросил повод, хлестнул коня плеткой и бросился вскачь.

— Не бросай меня в лесу! — закричал Алдар ему вслед и, развевая по ветру свое покрывало, долго гнался за ним.

— Сохрани меня, аллах, прочь ты, дьявол! — закричал вор не своим голосом и пуще прежнего стал погонять коня.

Приехал он к Шигайбаю и рассказал ему всю правду, а Шигайбай разозлился на вора, отобрал у него коня, сдернул с него шубу, избил и выгнал из дому.

А Алдар верхом на лысом сером жеребце приехал в свой аул. Собрал он табун кобылиц, и лысая серая порода коней, так называемая казахская чистопородная, взяла свое распространение от того красавца-коня.

ШУТКА АЛДАРА-КОСЕ

Жили когда-то два неразлучных друга. Один из них был глухой, а другой — слепой. Несмотря на то, что природа так несправедлива была к ним, дружба их была прочна, и приятели чувствовали себя счастливыми.

Так и прожили бы друзья до конца своей жизни, если бы не шайтан. Когда люди живут в мире и согласии, то шайтану не нравится это. Всеми силами он старался всегда поселить между ними вражду. Так вышло и теперь: старый шайтан, видя счастливую жизнь глухого и слепого, решил поссорить их и отправил к ним молодого шайтана. И тот принялся за дело. Но что только ни делал шайтан, как он ни ухитрялся — все было напрасно.

Потерпев неудачу, молодой шайтан вернулся к старому и сказал, что порученного ему дела он не смог выполнить. Старый шайтан разозлился на молодого, отодрал его розгами, а потом прогнал со своих глаз.

Пришлось идти самому. В своем успехе старый шайтан был уверен. Однако радовался он преждевременно: поссорить друзей оказалось не так-то легко, как он думал. Шайтан пустил в ход все средства, все свое искусство, но сколько ни бился, все без толку. Он поражен был та-

кой неудачей. Первый раз в жизни пришлось ему отступать от намеченной цели. Рассвирепел старый шайтан и, понуря голову, поплелся восвояси. На обратном пути шайтан совершенно случайно встретил идущего человека. Это был его давнишний приятель Алдар-Косе, шутник и балагур.

Увидев печального шайтана, Алдар-Косе спросил:

— Откуда и куда ты идешь?

Шайтан подробно рассказал ему обо всем случившемся. Выслушал Алдар-Косе и говорит:

— Не тужи, дело вовсе не безнадежное: если ты не смог рассорить друзей, то я смогу, только ты дашь мне обещание впредь всегда слушать меня и во всем повиноваться мне.

Как ни прискорбно было шайтану подчиняться человеку, но он согласился. И Алдар-Косе тут же решил немедленно приняться за дело. Возвратившись домой, он переоделся, сел верхом на лошадь и отправился к друзьям. А друзья жили в ветхой землянке. Подъехав к их жилищу, Алдар-Косе остановился у окна и важно спросил:

— Кто дома есть?

Слепой, услышав зов незнакомца, послал глухого узнать, кто подъехал к их жилищу и что надо ему. Алдар-Косе только этого и ждал. Он быстро приблизился к глухому, нанес ему два сильных удара по лицу и сказал:

— Это вот тебе, а это — твоему другу!

После этого Алдар-Косе уехал.

Слепой, услышав слова незнакомца, очень обрадовался: он думал, что к ним приехал добрый человек и привез обильное подаяние. Слепой с нетерпением ожидал возвращения глухого друга и, когда тот вошел, спросил его:

— Ну, что, друг, каково подаяние и велико ли оно?

Глухой вернулся возмущенный. На слова друга он сказал:

— Какое там подаяние! Незнакомец нагрубил мне: два раза ударил по лицу.

Слепой не поверил:

— Не может быть! Я сам слышал, как одну часть незнакомец подал тебе, а другую велел передать мне.

Как ни уверял глухой своего слепого друга, последний настаивал на своем. И тогда глухому ничего не оставалось делать, как вручить

приятелю по принадлежности его часть. Он подошел к слепому и что было силы ударил по лицу. Слепой не стерпел и в свою очередь ударил друга.

Так подшутил над друзьями Алдар-Косе. Они поссорились, но не надолго. Помирил их опять тот же Алдар-Косе. Но после этого случая шайтан боялся его и старался не встречаться с ним.

ТРИ ВОРА

Один человек повел продавать на рынок осла и козу. Человек ехал на осле, а коза бежала сзади, привязанная к хвосту осла. У козы на шее звенел колокольчик.

Три вора увидели этого человека и решили своровать козу, осла и одежду.

Первый вор подкрался сзади, отвязал козу, а колокольчик быстро перевязал ослу на хвост.

Человек едет, слышит — колокольчик звенит, значит, коза сзади бежит. Долго так ехал, потом оглянулся и увидел, что нет козы.

Остановился, слез с осла и в сильном огорчении сам с собой разговаривает.

— Вот чудеса, колокольчик на хвосте осла привязан! Правда, коза моя хитрая, но таких шуток еще не проделывала.

В это время к нему подошел второй вор и спросил:

— Что с тобой?

— Да вот, коза потерялась.

— А я видел твою пропавшую!

— Где?

— Да вон за тем лесом козу человек ведет.

Обрадовался хозяин и стал просить вора.

— Подержи осла, а я человека с моей козой догоню.

А вор отказывается:

— Да мне некогда, надо домой идти.

— Ну ради моего горя, помоги!

Вор согласился и остался с ослом. Обманутый хозяин долго ходил, козу искал. А когда вернулся, то осла с человеком на дороге не было. Вот идет, горюет: теперь он потерял козу и осла. А третий вор сел на дороге у реки и плачет.

— Чего ты плачешь? — спросил его хозяин осла и козы.

— Да вот, лег отдохнуть, а мешок с деньгами выкатился и упал в воду. Плавать я не умею. Помоги мне вытащить его из воды, тебе дам половину! — ответил ему третий вор.

Человек с радостью согласился, разделся и полез в воду.

Пока он нырял и разыскивал мешок, вор похватал его одежду и скрылся.

ГЛУПЕЦ

В древние времена жил один богач. У него был глупый сын. После смерти отца этот глупец получил в наследство семь домов. Стал он считать эти дома, но никак не мог сосчитать: получалось шесть домов. Много раз он пересчитывал и все не досчитывался одного дома. Дураку и в голову не приходило считать и тот дом, в котором он сидел. Этот-то дом и был седьмым. В этот день у него ночевал гость, утром он ушел. Дурак заподозрил гостя в краже дома и отправился за ним в погоню. Встречных он спрашивал, не видали ли они человека с домом в руках. Зная глупца, прохожие отвечали, что видели бегущего человека с домом.

Изнемогая от погони, глупец остановился, сел возле пруда и заснул Мимо шел прохожий, увидел спящего глупца и решил подшутить над ним. Он обрил ему усы и бороду.

Когда глупец проснулся, то решил продолжать свою погоню. Он умылся, стал утираться и заметил, что у него нет ни усов, ни бороды. Тогда глупец призадумался, а потом решил, что дом украли не у него, а у того, кто был с бородой и усами. Он успокоился и вернулся домой.

МАМЕК

В древние времена жил бедняк. У него было три сына. Старший из них решил постичь ремесло сапожника и пошел к мастеру просить взять его в ученики.

Мастер выслушал молодого человека и сказал:

— Я могу тебя взять, если ты выполнишь мое поручение.— Если не выполнишь, я тебя убью.

Принес он решето и приказал наполнить его водой. Будущий ученик взял решето, но как он ни старался наполнить его водой, она сейчас же вытекала обратно. Так он и вернулся к хозяину без воды. Сапожник решил, что ученик его дурак, и умертвил его.

Спустя некоторое время пришел к этому мастеру средний сын бедняка. Мастер согласился его взять, но дал такое же поручение — принести в решете воды. Не раз зачерпывал средний сын бедняка решетом воду — она сейчас же вытекала обратно. Так он и вернулся к хозяину без воды. Сапожник решил, что ученик его дурак, и умертвил его.

Настала очередь третьего сына бедняка, самого младшего. Он знал об участи своих братьев, был озлоблен на сапожника и решил ему отомстить.

Сапожник согласился его взять.

— Возьми вот это решето и принеси мне воды. Принесешь — будешь моим учеником, не принесешь — отправишься по следам своих братьев.

Мамек, так звали младшего сына бедняка, принял от мастера решето, а затем, увлекая сапожника разговорами, незаметно похитил у него сапожного клею и отправился за водой. Придя к реке, Мамек залил решето клеем, просушил на солнце и, почерпнув полное решето воды, принес своему учителю.

— Ты достоин,— сказал сапожник,— я беру тебя в ученики, но твердо помни: всякое мое поручение ты должен выполнять немедленно.

Мамек обещал выполнять все, что ему прикажут.

Как-то сапожник попросил Мамека понянчить плачущего ребенка. Как ни старался Мамек унять ребенка, тот продолжал реветь.

— Хвати его о землю, чтоб он не мог больше плакать,— закричал в гневе хозяин.

Мамек дал обещание выполнять все поручения хозяина беспрекословно: он схватил ребенка за ноги и ударил о землю.

— Что ты сделал, безумный?! Ведь ты убил ребенка!

— О мой учитель! Я не хотел ослушаться твоего приказания и выполнил его,— сказал ему на это Мамек.

Погоревал, погоревал сапожник и поручил ученику вырыть могилу на кладбище, величиною с ухо. Мамек выполнил все, как ему приказали. Сапожник взял покойника и отправился на кладбище. Долго он искал там выкопанную могилу, но не нашел.

— Где же ты выкопал могилу,— спросил он Мамека.

— Вот, здесь,— ответил ученик, приподнимая свою ногу и указывая на крошечную ямочку.

— Да ты с ума сошел,— сказал сапожник.— Разве здесь можно поместить ребенка. Беги скорей за кетменем.

Мамек побежал за кетменем. Дома он застал мать сапожника, стал у нее просить кетмень. Но она горько плакала и не обращала никакого внимания на него. Мамек убежал обратно к хозяину и сказал ему, что старуха не дает ему кетменя.

— Ах, чтоб ей издохнуть! — сказал хозяин.— Иди обратно, ударь ее кетменем и неси его сюда.

Мамек прибежал домой, схватил кетмень, ударил им старуху и вернулся на кладбище. Сапожник похоронил ребенка и хотел уже идти домой, но Мамек остановил его.

— Разве не будем копать могилу матушке? Ведь я убил ее по вашему приказанию.

Похоронил сапожник свою матушку и решил избавиться от ученика.

— О жена! — сказал он.— Напеки побольше лепешек и уложи их в мешок. Мы должны скрыться от Мамека...

Все это слышал Мамек. Когда настала ночь, он встал, выложил из мешка лепешки, а сам влез в него. Через некоторое время сапожник вскочил с постели, взял на плечи мешок и вместе с женой пустился в путь. Всю дорогу сапожник оглядывался, а когда убедился, что Мамек их не преследует, воскликнул:

— О боже! Избавил ты меня от Мамека!

— Нет, не избавил,— сказал Мамек из мешка.

— О боже! Даже голос его остался в моих ушах,— сказал сапожник и отрезал себе оба уха. Пошли они дальше. Долго шли. Остановились на отдых. Сапожник опять воскликнул:

— О боже! Избавил ты меня от Мамека!..

— Нет, не избавил,— сказал Мамек из мешка.

— О боже! Должно быть, со струею воздуха через нос я проглотил голос Мамека,— растерянно прошептал сапожник и отрезал себе нос.

Пошли они дальше. Сапожник всю дорогу рыдал и приговаривал:

— Создатель, когда же я избавлюсь от Мамека?!..

— Пока не умрешь,— сказал Мамек.

Только теперь сапожник убедился, что Мамек в мешке, и он несет его на своих плечах. Развязал он мешок и выпустил своего ученика.

Пошли они дальше втроем. Сапожник и говорит своей жене:

— Приготовь постель Мамеку у берега реки, и мы его столкнем в воду.

От чуткого уха Мамека это не ускользнуло. Настал вечер. Мамек лег у берега реки. Сапожник и жена его последовали примеру Мамека. Мамек не спал, он следил за своим хозяином. Когда была уже полночь, Мамек передвинул спящую жену сапожника на свое место, а сам лег рядом с сапожником, прикрыв свою голову платком. Проснулся сапожник, разбудил Мамека, приняв его за свою жену, и с его помощью столкнул жену в реку. От удовольствия, что покончил с Мамеком, сапожник потирал руки. Но не долго восторгался сапожник. Когда стало уже светло, он увидел, что вместо Мамека утопил свою жену. Со слезами и криком он бросился бежать. Мамек преследовал его. Сапожник

спрятался в камышах. Мамек стал искать его. Ехали по дороге всадники, увидели Мамека, подъехали к нему.

— У нас заболел хан,— заговорили они.— Мы посланы табибами [1] отыскать такого человека, который не имеет ни ушей, ни носа. Табибы говорят, что желчь такого человека только и может спасти хана.

— Вы вовремя подъехали сюда,— сказал им Мамек.— Я представлю вам такого человека, если дадите мне за это немного денег.

Всадники дали Мамеку мешочек с деньгами.

— Теперь прошу вас поджечь этот камыш со всех четырех сторон,— сказал Мамек,— и вы получите то, что искали.

Всадники сделали так, как им сказал Мамек. Камыш запылал, сапожник выскочил, но тут же был схвачен. А Мамек, довольный, что отомстил за смерть своих братьев, побрел дальше...

---

[1] Табиб — врач.

КЕЙКУВАТ

Жили семь братьев. Был у них сосед по имени Кейкуват. Семь братьев были очень хитры, но Кейкуват был хитрее всех. Вот раз Кейкуват пришел к братьям и сказал:

— Пустите мою единственную корову в ваше стадо.

— Хорошо, пусть будет так,— сказали братья.

Кейкуват пригнал корову в общее стадо. Пасется в стаде братьев корова Кейкувата, а братья ворчат:

— Что мы, пастухи, что ли? Корова соседа. Убьем ее!

Они убили корову Кейкувата и затащили ее в болото, а хозяину сказали:

— Корова твоя утонула.

Пошел Кейкуват к болоту и стал снимать шкуру с коровы. В это время к роднику подошли шесть белоголовых верблюдов. Хитрый Кейкуват вымазал кровью белые головы верблюдов. Скоро к нему подошел один человек и стал спрашивать:

— Не видал ли ты шесть верблюдов?

— Вон в ложбине лежат верблюды. Если твои, возьми их. А если они не похожи на твоих, пригони их ко мне.

Человек посмотрел на верблюдов, не узнал их и пригнал к Кейкувату:

— Это не мои верблюды, у меня были белоголовые.

Кейкуват навьючил шкуру коровы на одного из верблюдов и повел их домой. Семь братьев увидели верблюдов у Кейкувата, удивились:

— Откуда ты взял это богатство?

— Оказывается, если накрошить сердце и печень коровы, начинить ими желудок и вынести на рынок, то выручишь много денег. Но я по глупости продал дешево, взял только шесть верблюдов.

Семь братьев, жадные до богатства, побежали домой и зарезали всех своих коров. Вот отправились они продавать на рынок желудки, начиненные сердцем и печенью. Там над ними только потешались.

Семь жадных братьев бросились искать обманщика. Но Кейкуват вовремя успел убежать. По дороге он встретил бая, ехавшего верхом.

— Куда ты так торопишься? — спросил его бай.

— Да вот хотят меня сделать ханом, а я не хочу. Если хочешь быть ханом, давай поменяемся одеждой! — ответил Кейкуват.

Бай соскочил с лошади и быстро разделся. А Кейкуват схватил под мышку байскую одежду и умчался на его лошади.

Не успел бай повязать пояс, как налетели семь братьев, стали его бить. Крепится бай, молчит, все еще думает о сладости ханской власти.

Братья запихали его в мешок и подтащили к реке, а сами кричат:

— Теперь, бездельник, когда будешь тонуть, что ты нам скажешь!?

Тут бай испугался и завопил:

— Ой, не хочу я быть ханом!

— Там самое хорошее место для такого хана! — засмеялись братья и бросили мешок в реку.

Прошло несколько дней. Кейкуват, одетый в богатую одежду, пригнал домой большую отару байских овец.

Удивленные братья не поверили своим глазам.

— Ты ли это с таким богатством, Кейкуват?

— Мое доброе имя лучше богатства.

— Но где ты взял овечью отару?

— Что за глупый вопрос! Вы же сами меня отправили в этот счастливый путь.

Глаза у семи братьев загорелись жадностью, и они стали просить Кейкувата помочь отправиться им на дно реки за овцами.

Кейкуват охотно согласился, а они все сейчас же пошли.

Братья по совету Кейкувата положили камни за пазуху, и старший из них побрел в реку. На глубоком месте он сразу окунулся, и посох выплыл наверх. Кейкуват закричал:

— Скорей помогайте ему. Ваш брат не может справиться с баранами. Они даже посох вышибли из рук у него.

Шесть остальных братьев кинулись в воду. Скоро все семь посохов поплыли вниз по реке.

УЧЕНЫЙ ЖИГИТ

В старину жил ученый жигит. Вздумалось этому жигиту найти себе хорошую жену. Покинул он родной край и отправился на поиски жены.

После долгих скитаний встретился он с двумя странниками. Жигит и говорит им:

— Давайте сократим путь!..

— Как можно сократить дорогу? — подумали спутники и решили, что жигит сумасшедший.

Пошли дальше. И вот они увидели молодые всходы хлеба.

— Съеденные это хлеба или еще не съеденные? — спросил жигит.

Такой вопрос еще больше поразил спутников, и они решили, что он действительно сумасшедший.

Вошли в город. Встретился им человек. Он нес покойника.

— Какого человека ты несешь, мертвого или живого? — спросил жигит этого человека.

«Ну, он, несомненно, сумасшедший»,— решили путники. Все же один из них пригласил жигита к себе в гости. Когда вошли в дом, хозяин обратился к своей взрослой дочери:

— Я привел гостя, но полагаю, что он сумасшедший, потому что говорит всякую несуразицу.

Дочь попросила отца рассказать ей, что говорил жигит. Отец согласился.

— Шли мы вдвоем,— начал он.— По дороге встретили жигита и отправились дальше вместе. Дорогой жигит предложил нам сократить путь. Но разве можно сократить дорогу? Затем мы вышли на пашню, где стояли еще зеленые хлеба. Наш спутник спросил, какие они, съеденные или еще не съеденные. И, наконец, в городе, увидя покойника, он спросил: умершего несут или живого. Неужели ты не знаешь, что в гроб кладут только покойников? — спросили мы.

— Не этот жигит сумасшедший, а вы сами,— ответила дочь.— Если он предложил сократить дорогу, то он просил рассказать ему что-нибудь. Во время беседы и дорога кажется короче. А когда он спросил вас, что это за хлеба, это значило: кем засеяны поля — собственным трудом или чужим. При встрече с покойником он хотел узнать, есть ли у умершего дети или нет. Он вовсе не сумасшедший, просто вы его не поняли.

После этого хозяин решил, что гость умный человек. Он предложил ему в жены свою дочь. Ученый жигит согласился: девушка ему понравилась своим умом и красотой.

Так жигит нашел себе спутницу — хорошую жену.

МЕТКИЙ СТРЕЛОК

Жил в степи Койчи, мудрый пастух. Вот раз к нему пришли два охотника с убитой лисицей.

— Я убил! — сказал первый.

— Нет, я,— перебил второй.

Койчи взял в руки лисицу, посмотрел и увидел, что она убита одной пулей в голову, вторая пуля только обожгла волоски на хвосте.

— Меткий стрелок убил, но который из вас, трудно узнать,— ответил им Койчи.

— Я попадаю в монету, брошенную вверх,— сказал первый.

— Я не пробовал стрелять по деньгам, но могу убить летящую ласточку.

— У вас есть сыновья? — спросил у них Койчи.

— Да, великое счастье не обошло нашей юрты,— ответили охотники.

— Тогда хорошо. Оставьте ваши ружья и приходите завтра с сыновьями, попробую решить ваш спор.

Утром, когда охотники пришли с сыновьями, Койчи их спросил:

— Вы, наверное, убили лисицу, сидящую у добычи?

— Нет, я убил ее на бегу! — выкрикнул первый.

— Хорошо,— ответил Койчи.— Потом он взял лисицу и положил на голову сына этого охотника.

— Тебе, попадающему в брошенную монету и в глаз бегущей лисицы, нетрудно будет попасть в мертвого лежащего зверя.

Охотник взял ружье и начал прицеливаться, но выстрелить не решился. Койчи подошел к нему и сказал:

— Темная ночь не имеет глаз, твое хвастовство не имеет предела.

Тогда Койчи переложил лисицу на голову второго мальчика и сказал его отцу:

— Ну, теперь ты попробуй.

Этот охотник поднял ружье и сразу выстрелил.

Первый охотник, отказавшийся стрелять, подбежал к лисице и, осматривая, крикнул:

— Тут нет второй раны!

А меткий охотник в ответ сказал:

— Чтобы не портить шкурки, я целился в старую рану.

Но его соперник, человек завистливый и злой, не поверил этому и расковырял рану у лисицы. Но там была только одна пуля.

— Он великий обманщик, а не меткий стрелок, и пулю пустил в небо.

Народ, который собрался послушать решение мудрого пастуха, в недоумении посматривал на Койчи. Первый охотник продолжал:

— Разве у вас не дрогнет рука, когда вы, целясь в лисицу, лежащую на голове сына, увидите заплаканные глаза родного ребенка? Вот почему я не выстрелил, а стрелять в небо, как сделал этот обманщик, я не хотел.

Народ почти поверил такому объяснению. Даже второй охотник был удивлен и подумал про себя: «Неужели сегодня и моя рука дрогнула? Кажется, ведь я видел смеющиеся глаза своего сына и не трусил?»

Его любимый сын, не обращая ни на кого внимания, достал ножик и хотел распороть лисицу.

— Что ты хочешь сделать? — ласково спросил его Койчи.

— Достать пулю из живота, наверное, лисица ее со злости проглотила,— ответил мальчик.

— Не ищи в лисице пули. Ее там нет.

Мальчик поднялся, швырнул лисицу к ногам старого Койчи и закричал:

— Врешь ты, старик.

Слезы обиды горячим ручьем брызнули у мальчика. Он вытянул волосок около уха и крикнул отцу:

— Отрежь пулей этот волосок!

Когда отец поднял ружье, сын снова крикнул:

— И опять не поверят, скажут, что ты стрелял в небо, а я сам оторвал волосок... Мудрый Койчи! Подойди ко мне и сам держи волосок.

Койчи быстро подбежал к нему и сказал:

— Вот пули твоего отца и его недруга! — и он достал пули из кармана.

Тут все поняли, что Койчи еще вечером разрядил ружья охотников.

Улыбка, как солнце, сразу высушила слезы мальчика.

— Прости меня. Да будет счастливой твоя мудрая жизнь! — сказал мальчик.

— Да сбудутся твои слова, выходящие из младенческих уст, не умеющих лгать! — ответил Койчи.

В это время завистливый соперник меткого охотника вскочил на коня и помчался в степь.

— Да покроется твой глаз, попадающий в хвост лисицы, бельмом! Да разорвется твой язык, так умеющий врать! — кричали ему вдогонку из толпы.

НАХОДЧИВЫЙ ВИЗИРЬ

Хан Джанибек имел вороного коня, отличавшегося красотой и быстротою. Хан очень любил своего скакуна. Он прозвал его — «Крылатый Воронко».

Но вот конь занемог. И когда слуга стал об этом докладывать хану, тот и слушать не захотел.

— Если кто мне доложит, что мой конь околел,—сказал грозно хан,— то я прикажу тому залить рот свинцом.

В одну из ночей конь действительно издыхает. Слуга не знает, как об этом доложить хану. Встречается ему визирь хана — Джеренче. Слуга и обратился к нему с просьбой: рассказать о смерти коня хану.

Джеренче явился к хану, приветствовал его, осведомился о здоровье. Хан принял приветствие и спросил Джеренче: не знает ли он что-нибудь о его коне?

Джеренче на это ответил так:

— Таксыр! Конь ваш не открывает более очей, не подбирает протянутых ног и не ест корма.

— Значит мой Воронко околел? — спросил хан.

— Да, великий мой господин,— сказал на это ему Джеренче.— Вы не ошиблись, когда своими устами произнесли это роковое слово «околел»...

Хан вспомнил о своих угрозах и простил слугу.

БЕДНЯК АХМЕТ И НЕСПРАВЕДЛИВЫЕ СОВЕТНИКИ ХАНА

Давно-давно в степях Сары-Арка кочевал мудрый и справедливый хан. И были у хана четыре советника: трое — знатные богачи и один — старик-бедняк.

Однажды поспорили ханские советники: кто добрее и сострадательнее, бедняки или богачи?

Богатые советники говорили, что только им присуще чувство милосердия и сострадания, что только они отзываются на чужие страдания.

Бедный советник промолчал, а через день пришел к хану и сказал:

— Мудрый хан, если хочешь узнать правду, оденься похуже и пойдем со мною.

Так и сделали. Одел бедняк хана в грязные лохмотья, посадил на ишака и повез по степи. Подъехали к юрте первого богатого советника.

— Ассалям-алейкум,— приветствовали они его.

— Кто вы такие и куда едете? — спросил богач, не отвечая на приветствие.

— Мы каирчи[1],— ответил старик,— кто что подаст, тем и питаемся. Будь милостив, пусти переночевать.

---

[1] Каирчи — нищие.

— Нет-нет,— замахал руками советник,— тесно у меня в ауле, вот вам чашечка проса — и ступайте отсюда.

Не пустил ночевать их и второй советник. Он подал им кусочек заплесневелого хлеба. Третий, самый богатый, советник не только ничего не дал, но еще собак на них спустил.

Долго ехали они степью и перед закатом солнца увидели три юрты. Две из них были байские, а третья — его работника, бедняка Ахмета. Увидал гостей Ахмет, вышел из юрты, принял ишака, помог слезть хану и ввел гостей в свою бедную юрту. Постелил самую лучшую кошму и приготовился колоть барана.

— Что ты хочешь делать, сын мой? — спросил старик.

— Заколоть барана для вас.

— Но мы едим только почки, сын мой, а чтобы накормить нас, нужно четырнадцать почек.

Ахмет вышел из юрты и посоветовался со своею старой матерью, потому что было у них всего-навсего семь баранов.

— Нельзя не накормить гостей,— говорила мать.

Зарезали они баранов, сварили почки, а мясо решили продать на базаре и на эти деньги купить три-четыре барана.

На утро хан и старик уехали.

Вот хан созывает своих советников и объявляет им, что у него кто-то украл семь баранов. Поехали богатые советники искать вора и первым долгом бросились на базар. Застали они там Ахмета, который продавал мясо семи баранов, взяли они его и повели к хану.

— Вот,— кричали они,— вор, укравший твоих баранов.

Выслушал их хан и сказал:

— Вы не только скупы и жадны, но и несправедливы. Не крал он никаких баранов. А вот ваше милосердие,— и он вынул чашечку проса и кусочек хлеба. Вы не только не накормили меня, но даже ночевать не пустили.

И велел мудрый хан всем трем советникам отдать Ахмету по десять баранов.

АЛДАР-КОСЕ И ЕГО СПУТНИК

Вместе со своим товарищем Алдар-Косе отправился путешествовать. Товарищ его был очень хитрый, но Алдар-Косе оказался хитрее.

Дорогою товарищ Алдара-Косе говорит:

— Обмани меня!

Алдар-Косе подумал и сказал:

— Обмануть бы тебя я мог, но, видишь ли, тот, кто умеет обманывать, остался у меня дома. Одолжи мне твоего коня: я привезу его сюда.

Спутник согласился. Алдар-Косе сел на коня и говорит:

— Вот я и обманул тебя.

С этими словами он покинул своего спутника и ускакал на его лошади.

АЛДАР-КОСЕ И ЗМЕЯ

Алдар-Косе подружился со змеей. И вот пошел он однажды с нею на охоту. Дорогой они нашли слиток золота величиной с лошадиную голову. Делить его им не хотелось, а уступить кому-нибудь одному из них было жаль. Как тут быть? Змея тогда сказала Алдару-Косе:

— Пусть это золото достанется тому из нас, кто окажется старше годами.

Алдар-Косе согласился, и они начали припоминать, кому сколько лет теперь. Змея говорит, что когда она родилась, солнце было величиною с ухо, а земля — с потник. Алдар-Косе услышав это, заплакал. Тогда змея спросила его удивленно, о чем он плачет.

Алдар-Косе, едва удерживаясь от слез, ответил ей, что тогда именно, когда солнце было величиной с ухо, а земля с потник, у него умер старший сын; теперь, вспомнив об этом дне, который, по рассказам змеи, совпал с днем рождения ее, он и заплакал.

Так Алдар-Косе перехитрил змею и получил все золото.

АЛДАР-КОСЕ И ДЬЯВОЛ

Алдар-Косе подружился с дьяволом. И вот решили они вместе посеять пшеницу. Когда пшеница выспела, Алдар-Косе сжал ее и обмолотил, солому сложил в одну кучу, а зерно — в другую. Затем он позвал дьявола и спросил:

— Какую ты кучу возьмешь: большую или маленькую?

Дьявол решил взять побольше:

— Дай мне большую!

Алдар-Косе с удовольствием отдал дьяволу солому, а себе взял зерно.

БУХАРЕЦ И КАЗАХ

Как-то раз по дороге шли бухарец и казах. И вот нашли они деревянную табакерку. Каждому хотелось владеть этой табакеркой. Думали они думали, как тут быть, и придумали — отдать табакерку тому, кто из них старше. Стали спрашивать друг друга, кто когда родился.

Бухарец говорит:

— Я родился в тот день, когда первый раз появилась на небе Венера.

Услыхал это казах и зарыдал:

— Ойбой, а у меня в этот самый день умер старший сын!

Так казах завладел табакеркой.

ПУТЕШЕСТВЕННИК И ЛЕНТЯЙ

Шел как-то один путешественник со своим другом по дороге, путешественник — впереди, друг — позади.

Вечером подошли они к одному городу, отыскали постоялый двор и остановились на ночлег. Путешественник решил было развести огонь и приготовить ужин, достал немного денег и дал приятелю, чтобы тот сходил и купил немного рису и муки.

— Я целый день шел и страшно устал, не пойду,— сказал друг. «Пусть он немного отдохнет»,— подумал путешественник и принялся разводить огонь. Огонь разгорелся, и он снова стал просить друга:

— Пойди купи муки и бобов.

— Я не умею покупать, просажу все деньги, тогда что? — ответил друг.

Нечего делать, пришлось путешественнику идти самому. Он купил немного муки и бобов и сказал приятелю:

— Ну, теперь уже достаточно отдохнул, давай просеем муку и переберем бобы.

— Ничего не выйдет, мои руки очень неловки, мне этого хорошо не сделать.

Путешественнику пришлось самому просеять муку и перебрать бобы.

Прошло некоторое время, путешественник снова обратился к приятелю:

— Братец, еда скоро поспеет, сейчас нужно взять чайник и сходить раздобыть чайку, я отсчитаю тебе деньги.

— Я и этого не смогу сделать,— отмахнулся приятель.

Рассердился путешественник и сам сходил за чаем.

Когда ужин сварился, приятель тотчас вскочил и приветливо сказал путешественнику:

— Я действительно ни в каких делах не понимаю, заставь меня что-нибудь сделать, ничего не выйдет. Если б хоть одно дело мог сделать, и то было бы хорошо. А теперь давай поедим.

Путешественник, конечно, не дал ему есть, и с тех пор зарекся никогда больше не водить дружбу с лентяями: ведь ленивый человек не может быть хорошим другом.

АЛДАР-КОСЕ И ЧЕРТ

Алдар-Косе подружился с чертом. И вот стали они спорить: кто лучше обманет.

— Ты чего боишься? — спросил черт у Алдара-Косе.

Алдар-Косе ответил, что он боится курту, казы, масла, а также карагайника, и в свою очередь спросил у черта:

— А ты чего боишься?

Черт ответил, что боится кузнечного горна.

Вот Алдар-Косе и говорит:

— Давай, кто кого перепоет; у кого песня будет длиннее, тот и выиграет. Пусть один поет, а другой его везет.

Черт согласился. Алдар-Косе сел первый на черта, завязал ему глаза (такой уговор был) и запел:

— Гой, гой, гой, гой!..

Черт возил, возил его, все плечи стер. Алдар-Косе направил его к кузнице. И как только въехали в нее, Алдар-Косе слез с черта и открыл ему глаза. Черт как увидал кузнечный горн, испугался и убежал.

Черти вздумали отомстить Алдару-Косе: напугать его тем, чего он боится. Алдар-Косе от них спрятался в карагайник, а черти решили уморить его и стали бросать к нему в карагайник курт, казы, масло. Много набросали, думая, что теперь-то Алдар-Косе погибнет. Черти убежали, а Алдар-Косе собрал казы, курт и масло и поехал домой.

КУ-БАЛА

Жил Ку-бала[1]. Он был очень хитрый. Узнал про это хан и решил проверить его хитрость.

«Ну,— думает хан,— меня-то он не обманет». И поехал к Ку-бале. Ку-бала увидел хана, встал под деревом, обхватил ствол и держит. Подъехал хан, увидел это и спрашивает, зачем он держит дерево.

— Если я отпущу его,— сказал Ку-бала,— то оно упадет.

— Обмани меня,— просит хан.— Говорят, что ты ловко обманываешь?

— Я мог бы обмануть тебя,— ответил ему на это Ку-бала, но я забыл дома книгу, по которой я обманываю. Если ты дашь, хан, своего коня, то я привезу книгу и тогда обману тебя.

Хан дал Ку-бале своего коня. Ку-бала сел на ханского коня и уехал. А хан остался под деревом ждать его. Ку-бала приехал к жене хана и сказал, что тот просил ему взять у нее сорок золотых монет. Видя Ку-балу на ханском коне, жена хана поверила и дала золото. Ку-бала уехал домой. А хан и сейчас, говорят, ждет Ку-балу.

---

[1] Ку-бала — хитрый мальчик, дитя.

СТАРИК И ЖИГИТЫ

Один хан ехал с тридцатью жигитами. По пути они увидели высокий холм, на нем сидел старик. Подъехал хан к старику и спрашивает:

— Давно ли холм покрыла седина?

— Лет уж тридцать будет,— ответил старик.

— Ты с двумя, старик? — спросил хан.

— С четырьмя, хан,— ответил старик.

— С дальним как? — спросил хан.

— Близок,— говорит старик.

— А с близкими-то как? — спросил хан.

— Далек,— ответил старик.

— По одной с тридцати? — спросил его хан.

— Твоя воля, хан,— ответил на это ему старик.

— Так вперед возьми,— сказал хан.

— Не обманут, хан! — ответил старик.

Простился хан со стариком и поехал. Едет, улыбается, а жигитов любопытство берет: о чем хан со стариком разговаривал?!

— Скажи нам, хан,— обратился один из них,— о чем это ты говорил на холме со стариком?

— А ты не догадываешься? — сказал хан.

— Не догадываюсь,— ответил жигит.

— А ты подумай хорошенько,— сказал хан.

Думал жигит, думал и ничего не придумал. И стал опять приставать к хану: скажи да скажи.

— Спроси у своих товарищей,— сказал хан.

Но и товарищи жигита ничего не поняли из разговора хана со стариком. А любопытно было знать это.

— Даю вам два дня,— сказал хан,— если за это время догадаетесь, о чем мы говорили, будет к вам великая милость, а не догадаетесь — худо вам будет!

Ничего не придумали жигиты и решили отправиться к старику и спросить его: о чем они с ханом говорили? И вот приехали они к нему и спрашивают:

— О чем это говорил ты, дедушка, с ханом? Мы жигиты того самого хана.

— Не скажу, люди добрые: хан узнает — недоволен будет.

Пристали жигиты к старику: скажи да скажи.

— Ладно,— говорит старик,— сколько вас было?

— Тридцать.

— Давайте все тридцать мне по лошади,— сказал старик жигитам.

— Дали бы, да не здесь наши лошади,— ответили жигиты.

— И пригнать не можете? — спросил старик.

— Пригнать-то пригоним,— сказали жигиты,— только скажи!

— Вперед пригоните,— сказал старик,— а потом уж скажу.

Уехали жигиты за лошадьми. Пригнали их к старику.

— Вот тебе, дедушка, тридцать коней, говори только, о чем ты беседовал с нашим ханом?

И старик рассказал им следующее:

— Первый вопрос: «Давно ли холм покрыла седина?» — значит: давно ли поседел я? — Тридцать лет, дорогие мои! Второй вопрос: «Ты с двумя, старик?» — значит: могу ли я ходить? Где уж ходить мне, ползаю кое-как на четвереньках. И сказал я: «С четырьмя, хан». «С дальним как?» — Хорошо ли вижу предметы вдали? Вижу еще, и сказал я, что «близок». Когда же тут вот, недалеко предметы,— совсем почти не вижу, значит — «с близким-то я далек».

Любопытны вы, что и говорить,— сказал старик.— Знал это и хан. Знал он, что из разговора нашего вы ничего не поймете, и к нему при-

станете. Вот и сказал он: «По одной с тридцати». Это значит: станут жигиты меня расспрашивать, а я им предложу самим узнать. Они не смогут отгадать и пристанут к тебе — так за рассказ-то свой возьмешь ли по одной лошади с жигита? Твоя воля, говорю. Чтобы вы меня не обманули, хан посоветовал вперед взять, лошадей-то, а я сказал, что «не обманут».

Опустили головы жигиты и поехали к хану. Хорошо, что он их ни о чем не расспрашивал, а они промолчали.

СВЯТОЙ ЛОДЫРЬ

Один бедный казах старался выбиться из нужды и с утра до позднего вечера, не разгибая спины, трудился у себя в хозяйстве. Но прошло много времени, казах тяжелой работой подорвал здоровье, а нужда так и не оставила его. Бросил тогда он все свои дела и отправился за советом к мулле.

Мулла выслушал внимательно, подумал немного и дал совет:

— Принимай у себя в доме благочестивых людей, слушай их советы и наставления, и тогда дом твой будет полон счастья и достатка.

Казах поблагодарил муллу и ушел обрадованный. На пути ему встретился дервиш. Казах посчитал за честь принять у себя благочестивого человека и оказал ему радушный прием.

Прошла неделя. На мужскую половину избы робко входит жена и жалуется, что гость их прожорлив, как утка, и способен объесть хозяев до костей.

— Сошли его как можно скорей,— сказала она мужу,— иначе он превратит нас в нищих.

Казах выслушал жену и говорит:

— Нельзя так поступать с благочестивым гостем. Пусть мирно живет под нашим кровом. Он принесет нам счастье.

Жена поклонилась покорно и вышла, не сказав ни слова.

Прошла вторая неделя. Жена опять приходит к мужу и со слезами на глазах просит:

— Сошли благочестивого дервиша как можно скорее из дому. У нас уже ничего не остается.

Муж выслушал и в раздумье произнес: «Пусть будет по-твоему», а жене сказал:

— Иди с миром!

Жена поклонилась покорно и вышла. Казах тоже вышел из дому и направился в сад. Благочестивый дервиш беззаботно вытянулся под деревом и, закинув руки за голову, наблюдал, как над его головою летали жучки и порхали бабочки.

— Отец мой,— кланяясь в пояс, заговорил казах,— я благословляю день твоего прихода в мой дом, но не огорчайся и не обижайся на меня,— я должен отдать твое место другому гостю.

Благочестивый дервиш, не переменив позы и не подняв головы, равнодушно ответил:

— Хорошо, сын мой! Пусть будет по слову твоему. Завтра на рассвете я оставлю твой гостеприимный кров. Ты разбуди меня пораньше, и я уйду по холодку.

На заре следующего дня обрадованный казах направился в сад, где под лозами винограда почивал благочестивый дервиш. Он нашел его крепко спящим.

— Вставай, отец мой! Светает. Пора в путь. Мой петух уже приветствует восход солнца.

— Как?— удивленно произнес дервиш, поднимая голову,— у тебя еще петух имеется? Я сегодня, значит, могу хорошо пообедать!

Благочестивый дервиш повернулся на другой бок и заснул крепче прежнего, а хозяин с опущенной головой стоял подле него и раздумывал: «До встреч с благочестивыми людьми я в хозяйстве кое-что имел, а ныне одного благочестивого дервиша повстречал — и уже последнего петуха приходится лишиться. Что же будет со мной, если их у меня перебывает с десяток?»

Казах не только постарался забыть совет муллы, но и сам всем друзьям настойчиво советовал гнать в шею всех благочестивых.

БАКА

Давным-давно жил старик по имени Бака. Тихий это был старик, никому грубого слова не скажет, ни на кого обиды не затаит и даже ребенку не пригрозит.

Любил Бака размышлять вслух, и прозвали его за это в шутку Кудесником. Постепенно его имя стало забываться, и все стали звать его Кудесником.

Однажды Бака вместе с другими аулчанами поехал в город за покупками. Когда они возвращались домой, начался дождь. Путники решили остановиться в одном ауле. Случилось так, что дождь загнал в этот же аул и одного торговца. Все заночевали в доме богатого человека. Утром после чая путники уже собрались в дорогу, как торговец поднял шум — у него пропал товар. Хозяин дома собрал всех и заявил:

— Пока не найдется потеря, никто никуда не поедет. Найдите или заплатите. В моем доме никого, кроме вас, не было, значит, и товар взял кто-то из вас.

Хитрые путники сговорились и решили насмеяться над своим тихим товарищем. Они сказали хозяину:

— Вот этот наш спутник — кудесник, предугадатель. Мы оставляем его, он найдет вора, кто бы ни был им.

Не ожидал Бака такой злой шутки от товарищей. Стал он объяснять хозяину:

— Хозяин, не верьте им, они шутят. Я вовсе не кудесник.

Но тот даже бровью не повел, не посмотрел на Бака и сказал путникам:

— Хорошо, я верю вам, можете уезжать, а кудесник, если не найдет вора, то отдаст свою лошадь.

Уехали аулчане. Бака так и сяк просил хозяина отпустить его, но упрямый богач был неумолим. Он даже обвинил в воровстве самого Бака.

Заплакал бедный старик:

— О боже, смолоду я избегал хитрых людей, которые могут оставить человека в беде. Один только день пришлось мне водиться с ними, и вот попал в беду.

Богатый хозяин стал кричать, замахиваться плетью.

— Я тебя проучу, упрямец ты этакий. Будешь знать, как скрывать воров.

Понял старик, что не смягчить мольбой жестокого сердца, и решил искать другие пути к избавлению от беды.

— Хорошо, я найду вора,— говорит он хозяину.— Поставьте мне отдельную юрту, а коня привяжите около юрты. Оставьте меня одного на ночь, утром я скажу, кто украл товар.

Приказал хозяин своим слугам поставить юрту для кудесника и привязать около юрты коня.

Остался Бака один. Вот уже и ночь наступила, ворочается Бака с боку на бок, никак уснуть не может, проклинает своих аулчан, которые ввергли его в беду, ругает и бога. В полночь вышел он из юрты — хотел убежать, пока все спят. Видит, привязана около юрты лошадь, а седла на ней нет — хитрый хозяин нарочно спрятал седло, чтобы старик не смог убежать.

Опечалился Бака: седло было чужое, Бака не имел своего седла и выпросил у соседа. Теперь ему стыдно было возвращаться без седла, и он решил поискать его. Тут заметил он, что из одной юрты пробивается свет, интересно стало старику узнать, почему в такую позднюю пору не спят люди, подкрался он к юрте, приник ухом к кошме.

— А что если этот человек действительно кудесник и угадает, что мы украли товары торговца? — услышал он мужской голос.

— Не мели небылицы, какой он кудесник? Лучше посмотри — вот я отрезала с краю вершок, кажется, это сатин,— отвечает женский голос.

— А много там материи?

— Много, целый кусок.

— А ты спрятала в надежное место, никто не найдет?

— Кому вздумается искать под одиноким деревом, что стоит недалеко от утеса Шокытас?

Услышал все это Бака и перестал искать седло. Возвратился он в свою юрту и крепко уснул.

Наутро хозяин приходит к старику.

— Ну, мой кудесник, что узнал за ночь?

Помолчал немного Бака, потом спокойно заговорил:

— Собери всех людей своего аула.

Когда народ собрался, Бака сказал:

— Товар торговца не мог уйти далеко. Может быть, кто из вас, по молодости побаловался и признается в этом?

Все переглядываются, а бай-хозяин говорит:

— Люди, слышите, что говорит кудесник. Если кто пошутил и взял товар, то верните добром.

— Боже сохрани,— загудели кругом.— У каждого у нас есть скот, пусть подохнет он, если мы брали.

Заметил Бака, что одна молоденькая женщина то и дело оглядывается на него удивленно, и думает: «Наверное, это ты украла».

Хозяин обратился к старику:

— Кудесник мой, видишь, народ клянется, что не брал.

— Хорошо,— говорит старик после недолгого молчания.— В таком случае я на первый раз покажу, где лежит украденный товар. Где-то возле этого аула должна быть каменная глыба — утес Шокытас. Недалеко от него стоит одинокое дерево. Под этим деревом закопан товар торговца. Но имейте в виду — от конца куска материи отрезан вершок.

Удивились люди, пошли все к утесу, раскопали материю и убедились, что действительно с одного края кусочек отрезан. Люди громко восхищались стариком.

— Вот это кудесник! Он все знает.

Возвратились с материей в аул. Среди толпы Бака опять заметил ту же самую женщину, что тогда так пристально смотрела на него, на

ее лице было не удивление, а страх, растерянность. Теперь Бака не сомневался, что товар украла эта женщина.

Окружил народ хозяина и кудесника.

Хозяин сидит молча. Он озадачен тем, что ворами оказались не гости, которые ночевали у него, а сородичи, жильцы его аула.

— Хорошо, мой кудесник, проговорил он через некоторое время. Ты угадал, где лежала краденая вещь. Молодец за это. Теперь скажи, кто украл?

Долго молчал Бака, думал, что сказать, потом заговорил:

— Думаю, что товар был взят без злого умысла. Зачем указывать на человека, который пошутил, заставлять его краснеть?

Тогда хозяин говорит:

— Я вправе думать, что ты сам взял товар и спрятал его под дерево.

Сильно обиделся старик.

— В таком случае я скажу,— сказал он, приподнял голову и посмотрел на женщину, которую подозревал. Женщина опустила глаза. Бака еще раз убедился, что товар украла она.

— Материю взяла,— начал было Бака, но тут один мужчина средних лет перебил его.

— По глупости взяла она... моя жена. Вы уж простите ее. Она затаила обиду на торговца-татарина за то, что он обсчитал ее.

Хозяин-бай даже почернел от злости. Женщина-воровка была женою его брата.

После этого в народе пошла молва, что Бака действительно кудесник, что его недаром и раньше считали кудесником, что старик благословлен самим аллахом. Какая бы беда ни случалась — потеряется ли овца или теленок, заболеет ли кто,— бежали скорее к старику за помощью. Как ни отмахивался от них Бака, как ни убеждал их, что он простой смертный, никакой не кудесник, люди не верили ему и просили помочь.

Однажды у богатого и знатного бия случилась беда: потерялся любимый нар — одногорбый верблюд. День и ночь по всей округе рыскали слуги, но не могли найти нара. Тогда хозяин оповестил всех о своем решении:

— Тот, кто взял моего нара, пусть незаметно приведет его и оставит

поблизости от моей усадьбы. Я все равно найду вора и накажу — до тла разорю его аул, мужчин превращу в рабов, а женщин — в рабынь. Самого вора сошлю на край света, туда, где люди ездят на собаках.

Однако угроза не помогла. Нара не было, и никто ничего о нем не сообщал. Решил бий собрать всех гадальщиков, шаманов, кудесников. Кто-то сказал, что в одном ауле живет один старик. Люди и имя-то его забыли и зовут Кудесником.

Приказал бий привезти этого старика.

Бака прибыл в аул бия. Встретил его хозяин и рассказал о своей беде. Закончил свой рассказ так:

— Вот ты должен найти моего нара. Не найдешь — отрублю тебе голову.

Упал Бака перед бием на колени, стал умолять:

— Почтенный бий! Меня в шутку озорники назвали кудесником. Я вовсе не кудесник. Не могу я найти нара.

Разгневался бий, стал бить старика плетью. Некуда старику деваться, чтобы избавиться от побоев, согласился искать нара.

Как и прежде, попросил Бака поставить для него отдельную юрту, привязать коня и оставить его одного.

Выполнил хозяин просьбу старика, поставил ему юрту.

Остался Бака один. Не спится старику, проклинает он все на свете: всех святых и тех, кто придумал легенду о кудесниках. «Не уйти мне от смерти»,— думает он.— Недаром говорится: «Злые насмешки доведут до беды».

Настала полночь. Вышел старик тихонько из юрты, огляделся— никто не следит за ним. «Помоги, аллах»,— прошептал он и направился к тому месту, где должен был стоять его конь. Коня не было.

— Прожорливый негодяй, завистник на чужое добро,— стал ругать он хозяина,— ты не брезгуешь даже последним топором, кетменем бедных крестьян. Теперь ты наложил лапу на моего коня! Ты хочешь возместить свой убыток последним конем бедняка!

Заплакал старик от обиды, долго плакал, но ничего не выплакал. «Пусть лучше конь останется, чем самому пропадать»,— решил он и пешком отправился в путь. Боясь погони, он бежал по бездорожью, пробирался через заросли камыша, наконец остановился, чтобы перевести дух и поразмыслить, куда идти. Думал, думал и — будь что бу-

дет! — двинулся дальше. Началась топь. Он устал и еле продвигался вперед. Вдруг увидел недалеко что-то темное. Подошел, глядь, лежит одногорбый верблюд. «Наверное, это и есть тот нар»,— подумал он и пошел по своему следу назад. Добрался кое-как до одинокой юрты и спокойно лег спать.

Долго спал он, проснулся — солнце стояло уже над юртой — и не спеша пошел к бию.

— Ну как, можно найти мою пропажу?—встретил его вопросом бий.

— Трудно найти,— ответил Бака.— Ваш нар отправился в такой путь, откуда нет возврата.

— Неужели погиб мой нар? — воскликнул тревожно бий.

— Да, он погиб,— подтвердил Бака.

Заплакал от горя бий, стал причитать:

— Мой благородный нар, ты один стоил всех моих табунов коней, всех отар овец, всех коров и верблюдов. Как же мне теперь жить без тебя?

«О жадная собака, разве тебе мало оставшегося скота?»— подумал Бака.

Перестал бий плакать, накинулся в ярости на старика:

— Скажи, кто убил моего нара? Я найду и уничтожу этого негодяя, если даже он улетел в небо или провалился сквозь землю. Назови мне его имя.

— В смерти вашего нара человек не виноват. Это воля аллаха,— ответил Бака и сказал, где находится труп нара.

Бий послал гонцов проверить, правду ли говорит кудесник. Гонцы подтвердили, что нар действительно застрял в грязи и погиб.

Так Бака во второй раз был избавлен от беды.

Еще пуще пошла в народе молва о таинственной способности старика. Молва переходила из уст в уста, пополнялась все новыми и новыми выдумками. И дошла та молва до ханского дворца. Скучавший от безделья ханский сын захотел проверить способности редкого кудесника. Позвал он своих семерых палачей и приказал им:

— Живого или мертвого, но привезите этого негодяя ко мне. Посмотрю, что он за кудесник.

Приехали палачи в аул, где жил Бака, передали приказание ханского сына.

Взмолился Бака:

— Я вовсе не кудесник. Это меня в шутку называют так, смеются надо мною озорники.

— Об этом ты сам скажешь ханскому сыну. Коль добром не пойдешь, поведем тебя силою; изобьем, а затем привяжем к хвосту коня.

Пришлось старику ехать.

Ханский сын увидел вдалеке гонцов и поехал навстречу — так не терпелось ему скорее увидеть кудесника. По дороге ему попалась лягушка, хлестнул он ее кнутом — промахнулся, второй раз ударил — опять мимо, в третий раз наконец убил ее. Он слез с лошади, снял шапку, прикрыл ею лягушку и стал поджидать едущих. Скоро всадники подъехали. Ханский сын даже не ответил на приветствия своих гонцов — он не видел никого, кроме кудесника, и тут же задал ему задачу.

— Эй, недостойный, ты называешь себя кудесником и унижаешь этим всех настоящих кудесников. Теперь пришел твой конец. Меня тебе не обмануть. Говори, что у меня под шапкой. Говори скорее; угадаешь — будешь жить, не угадаешь — я вырву тебе горло, и — конец твоему кудесничеству.

— Ты прав, милый юноша, я вовсе не кудесник, злые люди смеются надо мной, называя кудесником,— заплакал Бака, и из глаз его покатились крупные слезы.

— Не отговаривайся,— закричал ханский сын и ударил старика плетью.

Жалко стало старику самого себя:

— Ох бедный, бедный Бака,— шепчет он (Бака — по-казахски лягушка) — первый раз тебе удалось уйти от смерти, второй раз удалось, а в третий раз, видно, ты погиб.— И он сокрушенно опустился на землю.

Легкомысленный ханский сын был поражен.

— Вот это кудесник! — воскликнул он.— Прости меня, отец. Ты не только угадал, что у меня под шапкой лягушка, а точно сказал, что я третьим ударом убил ее. Это восхитительно.

Счастливый Бака еле сообразил, что опять отделался от беды. Поднялся он и уже спокойно ответил:

— Милый юноша, когда ясно одно, другое само собой выясняется.

После этого народ еще больше стал прославлять чудесные способности старика, а сам Бака, довольный тем, что остался жив, возвратился домой.

НАИВНЫЙ И СМЫШЛЕНЫЙ

В далекие времена жил хан. Служил у него один умный визирь. Хан очень любил визиря. Случилось так, что жены хана и визиря в один день родили сыновей. Чтобы еще больше закрепить узы дружбы, хан и визирь решили вскармливать детей грудью то одной, то другой матери.

Когда дети выросли, у хана умерла жена, и он женился на молодой. Но молодая жена считала хана слишком старым для себя. Ей больше нравился сын хана, но сказать об этом она никому не смела.

Однажды юноши играли в саду, стреляли из лука. Стрела ханского сына нечаянно влетела в окно горницы мачехи.

— Сходи и принеси мою стрелу,— попросил ханский сын своего друга. Но сын визиря отказался.

— Пока мы с тобой равные. Вот когда сядешь на трон и станешь ханом, я буду выполнять все твои указания. Не выполню — можешь наказать меня, даже убить. А сейчас иди за стрелой сам.

Нечего делать, пошел ханский сын за стрелой. Вошел он в горницу мачехи и видит, мачеха держит в руке его стрелу.

Взяла она юношу за руку, чтобы он не ушел, и говорит:

— Я люблю тебя, и эта любовь не дает мне ни спать, ни есть. Я

убью хана. Ты станешь ханом и женишься на мне. Согласен? Отвечай же мне!

Но сын хана ничего не ответил, он вырвался из рук мачехи и ушел.

Рассердилась жена хана, решила оклеветать юношу, она ударила себя по носу и с окровавленным лицом пошла к хану.

— Подлый сын твой пришел ко мне и сказал: «Я убью своего отца и женюсь на тебе».— Он схватил меня, я вырвалась. Тогда он избил меня. Вот лицо, нос — все в крови,— заявила она мужу.

Хан пришел в ярость и приказал повесить сына. Но палачи не нашли ханского сына и возвратились с пустыми руками.

Визирь слышал жалобу жены хана и подумал про себя, нет ли тут клеветы. Он разыскал ханского сына и посоветовал ему на время уехать с глаз подальше. Чтобы не было скучно, отпустил с ним своего сына. Юноши сели на коней, взяли соколов и отправились на охоту. Визирь к седлам привязал мешочки с золотом и серебром и благословил детей в путь.

— «Ярость хана длится сорок дней»,— говорится в народе. Гуляйте в степи сорок дней. А потом ждите от нас вестей,— сказал он им на прощание.

Едут юноши, захотели пить, но воды нигде не было. Особенно тяжело переносил эту беду сын хана. Подъехали юноши к подножию одной горы, сын визиря оставил своего друга и соколов, а сам поехал в горы искать воду. Сидит ханский сын, ждет, вдруг видит, откуда-то с высоты капает вода. Вот чудо-то! Он вынул из мешочка золотую пиалку и подставил под эти капли. Через некоторое время пиалка наполнилась, и только хотел ханский сын выпить воду, как один из соколов мигом очутился возле него и ударом ноги выбил из его рук пиалку. Вода разлилась. Ханский сын, измученный жаждой, разозлился и убил сокола.

— Ты не хотел, чтобы я пил эту воду!

Он опять подставил пиалку. Постепенно она снова наполнилась водой, и только он стал подносить пиалку к губам, как второй сокол выбил у него пиалку и разлил воду. Ханский сын убил и второго сокола. И опять он поставил пиалку и стал ждать. Ну, думает, на этот раз я напьюсь. Через некоторое время пиалка наполнилась, и он уже взял ее в руки, но тут к нему подскочил его друг и крикнул:

— Стой, стой, не пей! Я тебе принес чистую, прозрачную воду, пей вот эту воду.

Напоив друга, он стал рассказывать:

— Неподалеку от нас, там наверху, лежит мертвый дракон. Вот эти капли, что падают сверху,— яд, который течет из его пасти. Соколы оказали тебе большую услугу. Зря ты их убил. Кроме того, недалеко отсюда я обнаружил большую реку. Поедем туда. Там, может быть, живут люди. Я видел следы домашних животных.

И друзья немедля отправились в путь. Скоро они приехали к широкой реке, вдоволь напились воды, напоили коней. Затем стали есть. Вдруг они увидели: по реке плывет парусная лодка, полная девушек. Девушки шумно пели и играли на музыкальных инструментах. Все веселились, и лишь одна была грустна, как птичка в клетке. Девушка заметила, что на нее смотрят жигиты, взяла золотую пиалку и наполнила ее водой. По краям пиалки поставила две палочки, потом достала из кармана золотую расческу и три раза провела ею по голове. На все это с любопытством смотрели два друга. Когда лодка отплыла, сын визиря спросил своего друга:

— Что это за девушки? Ты видел, что делала грустная девушка?

— Она взяла пиалку, наполнила водой, поставила по краям две палочки. Затем расчесала голову три раза. Все это я видел, но ничего не понял,— ответил сын хана.

— Я понял, кто она такая, и понял, что она говорила,— сказал сын визиря.— Она дочь хана. Ее окружают подружки, они поют, веселятся, забавляют ее. Ханская дочь поняла, что ты сын хана, и подала тебе знаки. Она взяла пиалку и наполнила водой. Значит, у нее есть отдельный терем. По сторонам пиалки она подняла две палочки, значит, у терема стоят два дерева. Она провела расческой по волосам три раза. Значит, будет ждать тебя там три дня. Следовательно, нам надо поехать к ней. Ее терем должен быть в этом направлении, куда они уплыли. Давай поедем, и если бог даст, то я тебя женю на этой девушке.

И жигиты, оседлав коней, отправились в путь. После небольшого переезда они очутились в городе и остановились у одной старушки. Она их приняла, как своих сыновей.

— Апа, скажите нам, где находится терем ханской дочери? — спрашивают друзья.

— Милые детки, терем ханской дочери стоит вон там, где видны два дерева. В неделю раз она приходит туда со своими подругами, и все веселятся там, качаются на качелях.

Вечером сын визиря приводит своего друга к терему ханской дочери и устраивает его неподалеку. Затем говорит ему:

— Жди здесь, только не засни. Она сегодня ночью должна выйти сюда.

А сам возвратился в дом старушки.

Ханский сын очень устал, и, как только его друг ушел, он уснул. Вышла ханская дочь из своего терема, увидела спящего жигита, села у его изголовья и стала ждать, когда он проснется. Долго сидела, но жигит не просыпался. Тогда она положила ему за пазуху яблоко и ушла.

Утром проснулся ханский сын: никого вокруг нет, и девушка не пришла. Загрустил он. Подходит к нему друг. С обидой обратился ханский сын к нему.

— Мой друг, ты солгал мне, что сюда должна прийти ханская дочь. Ты это сделал для того, чтобы самому поудобнее расположиться в доме старушки, а меня вытеснил на улицу под открытое небо.

— Ханская дочь не могла обмануть,— отвечал сын визиря.— Может быть, она приходила, а ты спал?

И он стал осматривать все кругом — нет ли каких следов, говорящих о приходе девушки, и обнаружил яблоко.

Вечером сын визиря опять оставил своего друга у терема и строго-настрого наказал, чтобы тот не спал. Но ханский сын с наступлением темноты опять заснул. Утром приходит сын визиря и снова находит в кушаке своего друга яблоко. Девушка приходила, когда ханский сын беззаботно спал.

В третий раз сын визиря оставил у терема своего друга.

— Ну смотри же, не усни. Сегодня последний день. Она больше не придет. Нет, ты уснешь. Сейчас я сделаю так, чтобы ты не уснул.— Сын визиря достал острый нож и порезал своему другу палец.

Сын хана от боли вскочил.

— Теперь ты не уснешь,— говорит ему сын визиря.— Только делай вид, что спишь. Ханская дочь придет, опять положит яблоко и пойдет. Тогда ты схвати ее за платье и скажи: «Большое спасибо за яблоки.

Мы давно в пути и очень устали с дороги». Думаю, после этих слов она остановится и ты поговоришь с ней.

И сын визиря ушел.

Лежит сын хана, спать хочет, но боль в пальце не дает ему уснуть.

В полночь слышит, идет ханская дочь. Он сразу притворился спящим. Девушка подошла, увидела, что жигит спит, сунула ему за пазуху яблоко и повернулась, чтобы уйти. Ханский сын быстро поднял голову и схватил ее за подол платья. Затем сказал, как научил его друг. Девушка улыбнулась и осталась с ним.

Всю ночь они говорили, устали и к утру незаметно для себя заснули. На рассвете увидели ханские охранники: ханская дочь, обнявшись с неизвестным жигитом, спит. Рассказали хану, тот в гневе приказал арестовать обоих, а в полдень, когда соберется народ,— повесить на площади.

Пришел утром сын визиря на то место, где вечером оставил своего друга, и не нашел его. Возвратился он в город, а там на устах у всех новость: дочь хана возле своего терема была застигнута спящей с неизвестным жигитом. Теперь их повесят.

Задумался сын визиря: как спасти друга от верной гибели? И придумал. Переоделся он в девичье платье, прикрепил косы и стал совсем как четырнадцатилетняя девочка. Затем он отправился к дворцу и стал просить охрану пустить его к ханской дочери.

— Я,— говорит,— ханской дочери давала на сохранение свой драгоценный перстень. Мне надо взять его у нее, а то ханскую дочь повесят, и мой перстень пропадет.

Говорит он так, а сам сует охранникам золото. Охранники пустили его.

Вошел он в помещение, где сидели его друзья, и говорит:

— Время не терпит. Вы, девушка, наденьте мою одежду и накиньте на себя вот эту вуаль. Когда будете проходить мимо охраны, выставьте руку так, чтобы был виден перстень. Если они спросят, взяли ли перстень, скажите: «Да, взяла». Затем идите к себе в терем и спокойно спите.

Когда девушка ушла, сын визиря велел своему другу надеть одежду девушки. Переоделся тот и стал удивительно похож на ханскую дочь. Только он успел прикрепить косы, как дверь с грохотом открылась и

вошли нукеры хана, чтобы увести заключенных на плахи. Сын визиря обратился к ним:

— У нас есть разговор к хану. Ведите нас к нему!

Нукеры докладывают хану:

— Дочь ваша и ее избранник хотят что-то сказать вам!

Хан велит привести их.

— Что вы хотите сказать,— спрашивает он у молодых людей.

Сын визиря отвечает:

— Я сын такого-то хана. На нашу страну напал враг. Я с моей сестрой спаслись бегством и попали в ваше владение. Моя сестра ночью боится оставаться одна, и мы под открытым небом спали вместе. В вашем городе мы искали убежище, но охранники застали нас спящими и насильно привели сюда. Мы ни в чем не виноваты! Вот все, что я хотел вам сказать.

Хан все время поглядывал на девушку и никак не мог признать в ней свою дочь. Он срочно послал гонца за своей дочерью. Гонец долго не возвращался, хан поехал в терем дочери сам, и застал свою дочь безмятежно спящей на золотом ложе. Рассердился хан. В гневе приказал он повесить охранников.

Хану понравился бойкий юноша, и он принял его к себе на службу. А его «сестру» отправил в терем своей дочери, чтобы она жила возле нее.

Сын визиря служил хану верой и правдой. За это хан скоро назначил его визирем при себе. Постепенно юноша стал самым любимым визирем хана.

Однажды юноша тайно послал к своей «сестре» человека с просьбой встретиться с ним. Когда друг пришел, он сказал:

— Завтра мы с ханом поедем на охоту. Ты переоденься в мужскую одежду и встреть нас в степи. При встрече пожалуйся хану, что я не возвращаю тебе долга. Хан скажет тебе: «Говори, что он тебе должен, я заплачу». Ты не соглашайся. Тогда он скажет: «Возьми у него сестру и будь доволен». Ты также не соглашайся. Наконец хан не выдержит и скажет: «Возьми и мою дочь». Тогда ты дай свое согласие.

Назавтра хан со своей свитой выезжает на охоту. На условленном месте встречает его молодой жигит и говорит, что ханский визирь давно не возвращает взятый долг. Хан ему отвечает:

— Возьми у меня, что он должен.

Юноша не соглашается.

— У него есть сестра, бери ее!— говорит хан.

Юноша не соглашается.

— Вдобавок бери и мою дочь!— говорит хан.

Юноша согласился, и охотники поехали дальше. После охоты хан говорит своему любимцу-визирю:

— Приведи свою сестру и обвенчай ее с женихом.

Визирь отвечает:

— Вы лучше обвенчайте с ним свою дочь. Пусть она будет у него старшей женой. А моя сестра пусть будет младшей женой. Ей и этого хватит.

Хану понравилось предложение визиря. Он устроил свадебный пир на сорок дней и веселье на тридцать дней. После свадьбы он позвал к себе любимого визиря и сказал:

— Мой визирь, обвенчай свою сестру с моим зятем.

Визирь встал с места, виновато опустил голову и обратился к хану:

— У меня есть великая просьба, хан мой!

— Говори, мой визирь!

— Я скажу, если только вы обещаете пощадить меня.

Хан обещал, и сын визиря с начала до конца подробно рассказал обо всем случившемся.

Хан выслушал все это и остался очень довольным смышленостью визиря. Затем дал ему много драгоценностей, снабдил также дочь и зятя всем необходимым, наделил их богатством, золотом и отправил на родину.

Старый хан встретил друзей с распростертыми объятиями. Затем он приказал повесить свою молодую жену, которая смутила всех, а в честь сына устроил пир и веселье.

Слава о смышлености сына визиря разнеслась далеко за родные края.

КАК БЫЛ НАКАЗАН ЖАДНЫЙ КАРАХАН

В древние времена, когда дед моего деда был таким, какой ты сейчас, бала, а может, и того раньше, в предгорьях могучего Ала-Тау жил хан по имени Карахан. Баранов у него было, что в пустыне песчинок, лошадей в табунах паслось, что в туче капель воды. Никто не считал их. А если бы и вызвался кто, все равно бы сбился со счета: попробуй сосчитай, сколько в степи ковыля...

Самые жирные бараны нагуливались в отарах Карахана. Самые теплые юрты из белого войлока были у Карахана. Самые резвые скакуны водились в его табунах. Карахан ел самое жирное мясо. Карахан спал на самых теплых одеялах. Карахан ездил на самом быстроногом жеребце...

Ох, и конь был у него, бала! Норовистый, сильный, горячий. Стоит он у юрты, трясет головой и нетерпеливо переступает ногами, а как только сядет на него Карахан, дотронется своей камчой — он помчится быстрее ветра. Много скачек видели горы. И всегда на них победителем был Ала[1], скакун Карахана.

— Эй, вы, голодранцы!— говорил обычно Карахан после скачки,

[1] Ала — пестрый, пегий конь.

обращаясь к беднякам.— Со мной, с Караханом, вздумали тягаться?! Скорее Ала-Тау в степь превратится, чем кто-нибудь из жетаков меня обгонит.

Много лет так велось: не было казаха богаче Карахана, не было коней резвее его скакуна...

Но вот однажды был большой той. Лучшие жигиты с гор и степей собрались для участия в байге — кто быстрее всех проскачет от одной горы до другой. Приготовились жигиты, но Карахан вышел вперед и, бахвалясь, сказал:

— Эй, вы, голытьба! Жигиты на клячах! Аллах свидетель: если кто меня опередит, тот получит из моего стада столько баранов, сколько зерен проса поместится на одной лепешке!

Приумолкли жигиты. Каждый из них знает: не обогнать Карахана, не увидеть позади себя гриву его скакуна. Пришпорили они коней, помчались что было мочи. Да где там — уходит от них Карахан.

Никто уже не сомневался в победе Карахана. Но вдруг откуда-то появился никому неведомый жигит. Конь у него худой, не чета коню Карахана. Этот жигит вышел вперед и вот-вот догонит Карахана. Услышал хан приближающийся топот, оглянулся назад испуганно. Но когда увидел скакуна жигита, рассмеялся. Хохочет Карахан:

— Какой-то глупец на заморенной кляче решил меня обогнать! Он вздумал тягаться со мной, с Караханом!

Но вот жигит настиг Карахана, и не успел тот глазом моргнуть, как он вырвал у него камчу, хлестнул ею своего коня и вихрем помчался к горам.

Оторопел Карахан. Стал горячить своего коня, понукать его, бить каблуками, но конь — ни с места. Удивился народ: не может понять, что произошло? Карахан бьет коня, кричит, ругается, машет руками, а конь — словно камень.

Молодой жигит домчался до гор, соколом взвился под могучими хребтами и исчез где-то далеко за ними. Как бешеный волк, взвыл Карахан, когда увидел это, грохнулся, словно мешок, на землю. Подхватили слуги его чуть живого, вылили на него сто бурдюков воды, влили в его рот сто пиал кумыса, завернули его во сто одеял — такая дрожь его стала бить, потом положили на повозку и повезли в аул.

Много ли, мало ли воды утекло, но только стал Карахан выздоравливать. Сидел он однажды на кошме в своей белой юрте, ел бесбармак

и запивал сурпой. Мясо сам ел, а кости женам, как собакам, отдавал доедать. Сколько он съел мяса, сколько выпил кумыса — трудно сказать. Вдруг послышался конский топот, в ауле появился всадник. Он узнал юрту Карахана и подъехал к ней. Жигит вошел к Карахану и сказал:

— Пришла пора держать свое слово, Карахан. Отдавай долг: готовь мне столько баранов, сколько зерен проса уместится на одной лепешке.

Задрожал хан, узнав своего противника. Вспомнил он свое обещание. Взял бы он его обратно, да поздно. Что делать? И решил идти на хитрость.

— Ладно,— сказал Карахан.— Дай время, баранов тебе приготовлю, но ты верни камчу.

Подумал жигит и говорит:

— Бери свою камчу. Но без обмана. Обманешь— пожалеешь.

Карахан обещал сдержать свое слово и отдать сполна: за зерно — барана.

Поверил жигит хану или не поверил — не знаю. Но он отдал камчу, вскочил на коня и умчался в степь.

Карахан ликовал. Еще бы, ведь камча была не простая. Она имела волшебную силу. Любого, даже заморенного коня, она могла заставить рысью бежать. Обрадовался хан, но потом спохватился: камча-то у него, а как быть с долгом?

Взял Карахан лепешку, насыпал на нее зерен и попросил сосчитать их. Считали, считали слуги Карахана и насчитали многие тысячи. Жалко Карахану столько отдавать баранов жигиту. Позвал он своего главного визиря и наказал ему:

— Даю тебе тысячу аскеров, отправишься с ними в степь до Балхаша и Орала, и сколько есть там отар, забирай себе. Пусть расплачиваются жетаки за то, что скот их дедов пасся на земле дедов хозяина этой земли, великого хана Карахана.

Отправились аскеры в путь. А в это время откуда-то появился жигит и потребовал у хана долг.

— Давай, Карахан, рассчитаемся,— сказал он.— Настало время!

Взмолился старый Карахан:

— Дай срок, жигит. Подожди, пока овцы объягнятся, больше получишь.

— Ладно,— сказал жигит.— Подожду, но в последний раз.

Долго не было вестей о визире и аскерах. Но потом вернулись они со множеством баранов. Дотла ограбили по ханскому приказанию бедняков. Хан доволен был, выскочил из юрты, от жадности глаза у него разгорелись, и стало жалко ему отдать все это богатство жигиту. Стал думать он: как бы ему обмануть жигита. Думал, думал и придумал:

«Уговору о размере лепешки не было».

Обрадовался хан своей выдумке, приказал испечь такую лепешку, какую даже бедняки не пекут, меньше твоего кулачка, бала. Испекли лепешку, насыпали зерен на нее, сосчитал Карахан и обрадовался: совсем мало зерен было на ней. Отобрал он скот и ждет жигита.

Через некоторое время примчался жигит. Вошел в юрту и сказал:

— Ну, хан, не могу больше ждать. Отдавай долг.

— Ну, что ж,— сказал Карахан.— Изволь, получи свой долг. И подает жигиту самую маленькую лепешку, на которой поместилось чуть больше десятка зерен.

Посмотрел жигит на Карахана и говорит:

— Нет, Карахан. Так мы с тобой не рассчитаемся. Ты не сдержал свое обещание. И жигит вышел из юрты. Крикнул он в степь, да так крикнул, что все бедняки услышали его.

— Карахан лгун и обманщик,— говорил жигит.— Он грабитель. Эй, народ! Отвечай, что сделать с ханом? Как наказать его? Как вы скажете, так и будет.

Съехались люди со всех сторон к жигиту, зашумели, взволновались.

— Столько раз ударишь Карахана камчой,— сказали они,— сколько он отнял у нас баранов.

Подумал жигит и сказал:

— Пусть будет по-вашему. Камчой так камчой. Но только этого ему мало. А пусть он примет столько ударов, сколько ремней в его камче.

Испугался Карахан. Зовет слуг, приказывает им связать жигита и разогнать бедняков. Но слуги не слушались Карахана. Жигит взял у Карахана камчу, выволок его из юрты, положил на землю и размахнулся камчой со всего плеча.

Ударил жигит раз — шакалом взвыл Карахан. Овцы от этого крика сбились в кучу. Ударил жигит второй раз — как барс, зарычал

Карахан, лошади на дальних пастбищах задрожали. Ударил жигит в третий раз — испустил дух Карахан.

Поднял жигит тело Карахана, уложил его на своего скакуна и ударил его камчой. Взвился конь высоко над горами, над степью и сбросил тело Карахана. И где упало тело жадного хана — выросла верблюжья колючка, ядовитая трава. Чабаны и доныне далеко обходят это место. В нем водятся скорпионы да змеи.

МОМУНБАЙ И КАРАКЧИ

В старину жил Момунбай. В это же время жили и семь молодцев, которые не пропускали благополучно ни встречного, ни поперечного, отбирали у идущего навстречу кетмень, у идущего вперед топор и творили другие злодеяния, за что и приобрели в народе прозвище Жеты каракчи — Семь воров.

Однажды каракчи разговорились между собой:

— Вот Момунбай только и делает, что пасет свой скот. Давайте разорим его.

Порешили и сделали. Потерял Момунбай родственников, друзей, приятелей. Дети малые да жена больная в юрте. Из скота уцелел единственный ишак. Вот и решил Момунбай отомстить каракчи.

«Ведь я в нынешнее положение попал исключительно из-за Семи воров,— размышлял он.— Дай-ка я сделаю им то, что в состоянии сделать: ведь существуют же в народе слова: «Пакостить тому, что тебе пакостит». Достал Момунбай из сундука три серебряные монеты, положил их в карман, сел на своего ишака и поехал по направлению аула Жеты каракчей. Подъезжая к аулу, Момунбай остановился, вынул из

кармана монеты и спрятал их под хвост ишаку, а затем, подъехав к каракчам, сидевшим за аулом на бугре, произнес:

— Мир вам!

Каракчи ответили:

— Мир и тебе!

— Благополучны ли твои головы[1] и скот? — спросили они.— Счастливого пути! Куда, Момунбай, направляешься?

— Домашние мои слава богу,— ответил Момунбай.— Зачем вы спрашиваете про скот, который вы сами присвоили? Вот теперь у меня нечем семью кормить, а потому и еду в этот аул (он указал на соседний аул), кто-нибудь из прежних друзей сжалится надо мной и даст что-нибудь.

Сказав это и попрощавшись с каракчами, Момунбай поехал своей дорогой. Незаметно он воткнул в круп своего ишака шило. От боли ишак прибавил ходу и замахал хвостом. На землю упала одна серебряная монета. Эту проделку Момунбай повторил несколько раз: серебряные монеты падали одна за другой. Каракчи удивились этому чуду и решили расспросить Момунбая, в чем тут дело.

На следующий день они приехали к Момунбаю и спрашивают:

— Вчера, когда ты отъезжал от нас, из твоего ишака сыпались серебряные монеты. Объясни нам, что это за чудо?

— Из прежнего моего скота остался только этот один осел,— сказал Момунбай,— и благодаря этому ослу мои дети одеты и обуты. Он кормит нас. А достоинство его в том, что он испражняется чистым серебром, если его кормить овсом. А если накормить ячменем, то он будет давать золотые тилли.

Услыхав это, каракчи еще больше удивились. Они стали советоваться между собой, а потом решили во что бы то ни стало приобрести этого ишака.

— Украсть последнего ишака у Момунбая будет уже грешно,— сказали они,— давайте купим его, сколько бы ни запросил за него Момунбай. Ведь мы затраченные деньги потом вернем.

Вот один из них и обратился к Момунбаю:

— Момунбай, продай нам своего ишака.

Момунбай не соглашался, но потом они уговорили его и за очень

---

[1] Т. е. домашние.

большое количество тиллей купили ишака. Вернулись каракчи с ишаком в свой аул, накормили его досыта ячменем и стали извлекать из него золото: повалили ишака на землю, связали ноги, на зад повесили кап,[1] чтоб не рассыпалось золото. Двое из каракчей придерживали кап, а остальные усердно колотили ишака по животу. От сильных ударов ишак стал испражняться. Каракчи обрадовались, думая, что выходит золото. Они усилили удары. Когда кап был полон, каракчи прекратили колотить ишака и стали вытряхивать мешок, но из него вышли одни нечистоты, золота не оказалось. Каракчи долго стояли, разинув рты, не понимая, в чем тут дело. Затем они развязали ишаку ноги, но он был мертв. Поняли каракчи, что Момунбай обманул их, рассердились на него, порешили отомстить.

На другой день все Семь каракчей сели на коней и поехали к Момунбаю. Он увидел их и догадался, зачем они едут. Вбежал Момунбай в юрту, взял кусок бараньей кишки, наполнил ее кровью барана, зарезанного по случаю удачной продажи ишака, привязал кишку вокруг шеи своей старухи и сказал:

— Как только каракчи станут входить в юрту, ты кинься бежать, я с руганью и бранью с ножом погонюсь за тобой, а ты, пробежав немного, падай. Я подбегу к тебе и перережу на твоей шее кишку. Ты захрипи и притворись мертвою. Через некоторое время я буду играть на дудке и, подойдя к тебе, пну ногой в голову, а ты вставай со словами: «Ах, как я крепко уснула!»

Каракчи подъехали к юрте, привязали лошадей и вошли в нее. В это время старуха Момунбая выбежала из юрты и бросилась в степь. Момунбай погнался за ней с ножом. Старуха споткнулась и упала. Момунбай, подбежав к ней, ударил ножом по горлу: хлынула кровь, старуха захрипела и притворилась мертвою. Момунбай вернулся в юрту сердитый, постоял молча, не обращая внимания на каракчей. Каракчи тоже молчали и не смели заговорить с ним. Через некоторое время Момунбай взял свою черную дудку, обтянутую кишкою (для крепости), и, поиграв на ней, подошел к «мертвой» старухе, пнул ее ногою в голову. Старуха очнулась со словами: «Ах, как я крепко уснула!» Каракчи удивились и обратились к Момунбаю с такими словами:

---

[1] К а п — шерстяной мешок квадратной формы.

— Объясни, Момунбай, что это за чудо: ты на наших глазах заре-зал свою старуху и оживил ее? В чем тут дело?

— Нет тут никакого чуда,— сказал Момунбай,— все это от черной дудки произошло: стоит только поиграть на ней и пнуть ногою в голову, любой покойник встанет как ни в чем не бывало.

Каракчи забыли о своей мести и решили приобрести дудку Момунбая. Долго они уговаривали его продать волшебную дудку, Момунбай не соглашался. Но потом продал дудку за большое количество тиллей. Радостные каракчи вернулись домой. Жен не оказалось дома. Они воспользовались отсутствием мужей, пошли в соседний аул посудачить. Каракчи отправились разыскивать их. Найдя их в соседнем ауле, они тут же их всех зарезали, чтоб потом оживить при помощи чудесной дудки. Через некоторое время один из каракчей взял эту дудку и пнул свою жену в голову, но она не очнулась. Второй каракчи взял дудку, поиграл и пнул свою жену в голову, но она не вставала. Проделал все это и третий, и четвертый, и пятый, и шестой, и последний — седьмой, но результаты одни и те же. Убедились они тогда, что дудка никакой чудесной силой не обладает, и Момунбай их обманул. Еще сильнее они рассердились на него и решили отомстить.

А Момунбай знал, что каракчи узнают про обман, и говорит своей старухе:

— Я надул каракчей здорово, теперь они не оставят меня в покое и будут мстить. Возьму я постель и продукты и пойду вон в ту моллушку, что на большой дороге, домой буду ходить по ночам. Если приедут каракчи и будут спрашивать меня, скажи им, что я умер и похоронен в этой могиле.— Момунбай взял постель, еду и пошел в могилу. Через несколько дней приехали каракчи к Момунбаю, но его не было дома. Старуха с распущенными волосами с плачем встретила их. Каракчи спросили ее, в чем дело, почему она плачет. Старуха стала им рассказывать:

— Бог сначала лишил меня скота, а затем лишил единственной опоры в жизни: отнял у меня Момунбая. Он умер. Похоронила я его вон в той могиле, что на большой дороге.

Каракчи выслушали старуху и порешили отомстить Момунбаю хотя бы мертвому.

Как-то раз они награбили много золота и серебра и возвращались

домой. Им пришлось идти той дорогой, где стояла могила Момунбая. Когда каракчи подъехали к могиле, то один из них и говорит:

— Давайте заедем в могилу Момунбая и там разделим нашу добычу.

Другие согласились, и вот каракчи с мешками золота и серебра вошли в могилу Момунбая. Смотрят каракчи: лежит Момунбай в постели, как живой, в изголовьях у него саба[1] с кумысом и чашка с вареной бараниной. Увидев Момунбая в такой обстановке, каракчи подумали, что он угодник аллаха и попал прямо в рай. Затем они стали делить добро: разложили золото и серебро на отдельные кучки, спрашивали кому какую кучку взять. Расшумелись, стали кричать. В это время Момунбай встал с постели и закричал: «Все это не ваше, а мое». Каракчи страшно перепугались, побросали все свое добро, выскочили из могилы, сели на коней и ускакали. Момунбай собрал все золото и серебро, отнес его домой, а сам вернулся в могилу. Он знал, что каракчи опомнятся и вернутся назад. А каракчи тем временем подумали, что Момунбай и мертвый не оставит их. Один из каракчей говорит своим товарищам:

— Давайте обгадим его могилу.

Другие согласились с ним. Сев на коней, они отправились на могилу Момунбая. Подъехали к могиле, один из них слез с коня, спустил штаны и сказал: «Вот тебе за все твои проделки». В это время Момунбай снизу ткнул его раскаленным железным прутом. Каракчи вскрикнул и побежал прочь, говоря: «Дух Момунбая наказал нас за надругание над его могилой». Решил проделать это же и другой каракчи и получил то же самое. Все каракчи получили по уколу железным прутом. В страшном гневе они вернулись домой. Возвратился после этого Момунбай и зажил хорошо. Слух о том, что Момунбай воскрес из мертвых, дошел до самого хана. Хан удивился этому чуду и решил поговорить с Момунбаем. Он послал за ним человека и, когда Момунбай пришел, спросил его:

— Я слышал, Момунбай, что ты умер, а потом воскрес. Скажи мне правду, как это случилось.

— Действительно, тахсыр, я умер,— ответил Момунбай.— После меня осталась одна вдова да малые дети, много скота и разного доб-

---

[1] Саба — кожаный мешок для хранения кумыса.

ра и семь моих рабов. После моей смерти рабы не стали слушаться старуху, малолетних сирот. Разобрали они мое добро и разбежались. Обиженные сироты стали усердно молиться богу, и бог сжалился над ними — он оживил меня.

Хан, пораженный рассказом Момунбая, рассердился на его рабов и спросил Момунбая: не знает ли он, где они сейчас. Момунбай указал на каракчей. Хан немедленно послал за ними. Когда те пришли, хан с гневом спросил их:

— Как вы осмелились обижать сирот?

Каракчи ответили, что они никогда и ни у кого рабами не были и никого не обижали. Тогда Момунбай сказал:

— Быть может, я ошибаюсь. У моих людей было тавро, и если у них нет тавра, то, значит, ошибаюсь.

Хан спросил:

— Какое тавро было у твоих людей?

Момунбай объяснил, что у его рабов на заду был след от железного прута. Тогда хан велел раздеть каракчей: у всех их оказалось тавро. Хан признал Момунбая справедливым и приказал всех каракчей с имуществом передать во владение Момунбая.

ЖИРЕНШЕ-ШЕШЕН

Однажды Аз-Джанибек послал Жиренше осмотреть местность, куда можно было бы перекочевать аулом. Когда Жиренше поехал, к нему присоединился какой-то пожилой человек на карем иноходце. На пути Жиренше сказал:

— Давай заставим кипеть деревянный котел!

Когда проехали еще немножко, Жиренше сказал:

— Давай, заменим худых лошадей жирными!

Человек, ехавший подле него, сказал:

— Какой ты глупый! Разве у нас есть жирные лошади?

Доехали они до одной реки. Товарищ послал Жиренше узнать брод. Жиренше съездил, вернулся и говорит:

— Видел два брода: один далеко, но близко; другой близко, но далеко.

Товарищ говорит:

— Какой ты глупый! Говоришь: далеко, но близко; близко, но далеко. Покажи мне близкий брод!

Жиренше показал ему близкий брод, а сам уехал на дальний. Жиренше скоро перешел через реку, а за близким бродом оказалась

топь, старик завяз и насилу выбрался на берег. Вылез из грязи, поехали опять вместе. Приехали в большой табун. Жиренше сказал:

— Этот скот богача, у которого много детей.

Подъехали к другому табуну, Жиренше опять сказал:

У этого богача нет детей.

Едут дальше. На дороге показалась большая белая юрта. Из юрты вышла девушка — дочь спутника Жиренше. Она всегда встречала отца и держала лошадь, когда он слезал.

Жиренше поехал дальше.

Дочь спросила отца, кто этот спутник? Отец ответил дочери:

— Это глупый человек, дочь моя!

— А что он сказал глупого? — спросила дочь.

— Когда мы выехали от Джанибека,— сказал отец,— он предложил вскипятить деревянный котел. Разве можно кипятить в деревянном котле? Потом он сказал: «Оставим худых лошадей, сядем на жирных». А жирных лошадей нет. Потом сказал еще, что есть два брода: один далеко, но близко, другой близко, но далеко. Разве это не глупости?

Дочь выслушала отца и говорит:

— Он умный человек, а вы, отец,— глупый! Деревянный котел вскипятить, значило покурить трубку. Оставим худых лошадей, сядем на жирных — значило: покормим лошадей. Брод близкий, но далекий — значит: он близко, но худой, топкий; далекий, но близкий — значит: до него дальше, но по нему переезд через реку удобнее. У бая одного табуна много детей — это он узнал потому, что в табуне все лошади были худые, заезженные; про ваш табун он сказал, что у хозяина детей нет, потому что все лошади, он видел, жирные. Это — умный человек, его нужно позвать в дом и угостить.

— Ступай сама и пригласи,— сказал отец.

Девица догнала Жиренше и привела в свою юрту. Угостила его. Во время еды Жиренше посмотрел на девицу и погладил усы, девица погладила одну косу. Жиренше погладил бороду,— девица погладила волосы. Жиренше согнул свои пальцы в кулак — ему сделали постель. Легли спать. Когда отец девицы заснул, Жиренше подошел к дочери хозяина и говорит:

— Я погладил усы, это значит, я спрашивал, даст ли мне тебя твой отец, если я дам скота столько, сколько волос в моих усах.

— А я погладила одну косу,— сказала девушка,— это значит: отец не отдаст меня даже за столько скота, сколько волос в моей косе.

— Я погладил бороду,— продолжал Жиренше,— этим я хотел спросить, не отдаст ли тебя отец за столько скота, сколько волос в моей бороде.

— Не отдаст даже за столько,— сказала девица,— сколько в моей голове волос.

— Каким образом возьму тебя? — спросил тогда Жиренше.

— А есть ли у тебя скот? — спросила девица.

— Есть только один сивый бык,— ответил Жиренше.

— Зарежь этого быка,— сказала девица.— Привези мясо к нашей юрте и спрячь его в разных местах юрты. Потом иди к хану, прикажи позвать сыщика, скажи, что у тебя потерялся сивый бык, и проси обыскать весь народ, а после всех пусть обыщут нашу юрту. Отец мой трус. От страха он, может быть, выдаст меня за тебя.

Жиренше сделал так, как сказала девица: взял сыщика, обыскал весь народ, пошли к отцу девицы и нашли мясо в его юрте. Забрали хозяина и повели к хану. Он перепугался и говорит:

— Отдам весь мой скот, только отпусти!

— Не отпущу,— говорит Жиренше.

Хозяин обещал отдать все имущество, но Жиренше не соглашается.

— Что же ты возьмешь? — спросил он Жиренше.

— Отдай дочь! — сказал Жиренше.

Хозяин белой юрты отдал тогда свою дочь Жиренше.

Имя девицы было Карашаш, что значит — черные волосы. Жиренше женился на ней.

СЛЕПОЙ И ЗРЯЧИЙ

В далекие времена жил слепой на оба глаза. Как-то раз пришло ему на ум предъявить свои права на жену зрячего.

— О люди,— сказал слепой,— жена моя была недовольна, что я слепой, познакомилась с посторонним мужчиной и сбежала от меня. Я не знал, где она скрывается. Сегодня я случайно нашел ее.

И он ухватился за платье жены зрячего человека. На крик слепого сбежались люди. Они были уверены, что слепой говорит правду, стали его жалеть. Слепой повел пойманную им женщину и ее мужа к бию. Когда пришли они к судье, он и говорит:

— О тахсыр! Вот эта женщина была моей женою, а этот неизвестный мужчина сбил ее с пути, забрал к себе. Только сегодня я нашел их и привел к вам. Разберите мое дело и верните мне жену.

Бий стал разбирать дело слепого.

— Что вы скажете на это? — спросил он у женщины и у зрячего мужчины.

— Я жена вот этого зрячего человека,— сказала женщина,— а слепого совсем не знаю.

— Женщина действительно моя жена,— сказал зрячий,— я с нею повенчан и заплатил калым.

Бий посадил всех троих в отдельные юрты и незаметно поставил людей подслушивать: о чем будут говорить они, каждый в отдельности.

— О боже! Чем же я тебя прогневила, что ты послал ко мне какого-то слепого? Не допусти, чтоб я попала к нему в руки,— рыдала женщина в своей юрте.

— О лживый слепой! Зачем ты мстишь мне за мое добро? Ты должен получить возмездие,— говорил раздраженно зрячий.

— О ты слепой! Ловко ты затеял дело. Если аллах поможет, то ты будешь иметь жену,— рассуждал сам с собой слепой.

Поставленные судьею люди донесли обо всем бию. Он потребовал к себе слепого, зрячего и его жену и рассказал им, о чем они размышляли вслух, оставаясь каждый в отдельной юрте. Раздосадованный слепой прикусил свой палец до крови и застыл в таком положении.

Бий вручил женщину зрячему, а слепого наказал за клевету.

АЛДАР-КОСЕ И АЛАЧА-ХАН

Однажды Алдар-Косе пришел к хану и сказал, что знает одно искусство и желает поведать об этом хану. Алача-хан стал слушать, а Алдар-Косе начал так:

— Господин! Дай мне один батман золота: я его посею, оно станет расти и, следовательно, увеличится. В этом и состоит мое искусство.

— А если ты посеешь золото,— сказал хан,— да оно у тебя не уродится, что тогда я должен сделать с тобой?

— Тогда лишишь меня жизни,— сказал Алдар-Косе.

Дал хан ему золота на три тысячи тиллей. Алдар-Косе отправился домой, а хан стал ежедневно справляться о его действиях. Алдар-Косе поехал в горы и на склоне одной из них начал пахать, показывая вид, что он сеет золото, громко приговаривая: «Родись из одной тилли тысячи».

Все это видели слуги хана, а Алдар-Косе делал вид, что не замечает их.

Осенью, когда народ уже снял с полей хлеб, хан послал к Косе слуг с требованием отдать ему полученный урожай золота. Слуга стал

вести переговоры через стенку юрты, и кто-то женским голосом ответил, что Алдара-Косе нет дома. Тогда посланный от хана вошел в юрту и увидел прехорошенькую девушку. А это был сам Алдар-Косе, переодетый. Слуга спросил девушку, где Алдар-Косе. Та ответила, что вследствие засухи, золото, посеянное ее братом, не уродилось, поэтому он, из опасений ханского гнева, отправился добывать золото для возврата Алача-хану. Если же не будет золота, то Алдар-Косе не вернется совсем. Слуге хана понравилась сестра Алдара-Косе, и он о ней рассказал хану, когда вернулся. Хан велел привести девушку к нему и поселил ее со своими дочками. А у него их было две. Слуги выполнили это приказание. И живет Алдар-Косе с ханскими дочерьми, пьет, ест и вместе с ними спит.

Вскоре один из любимых визирей хана отправил к своему повелителю свата, прося руки одной из дочерей хана.

Хан задумался над этим предложением, но потом решил отдать ему сестру Алдара-Косе. Свадьба была устроена на славу. Пировали ее тридцать дней. Наконец после больших и пышных свадебных пиршеств, состоялись проводы невесты к жениху. Визирь уже было решил принять невесту в дом, но она попросила его не спешить и отдохнуть недельку после дороги. Потом попросила приготовить двух хороших коней и пригласила жениха прокатиться в степь. Когда все было готово, то невеста заявила, что хорошо бы взять с собой вина. Визирь исполнил и это ее приказание.

И вот они в степи. Через некоторое время, после прогулки, они сидели вдвоем и пили вино. Затем визирь опьянел и заснул. Воспользовавшись этим, мнимая сестра Алдара-Косе сбросила с себя щегольские женские наряды и, обратившись в настоящего Алдара-Косе, отправилась к хану.

Предстал Алдар-Косе перед ханом. Привел ему двух коней под дорогими чепраками да кошелек с тиллями прихватил у визиря.

— Господин!— сказал Алдар-Косе. В текущем году дождей не было, поэтому золото, данное мне тобой для посева, не дало урожая. Чтобы избежать гнева, я отправился добыть золото, чтобы возвратить повелителю. Как видите, аллах помог мне, и я имею возможность рассчитаться... Но как можно, господин, обижать маленького человека. В мое отсутствие дом мой подвергся нападению твоих слуг. Моя сестра похищена и выдана замуж против ее воли.

Озадаченный неожиданным появлением Алдара-Косе и тронутый его несчастьем, которому хан был сам причиной, Алача-хан сказал:

— Сестра твоя выдана замуж за лучшего человека, и было бы грешно жаловаться на такой брак. А ты тронул меня своей честностью. Я возвращаю тебе все то, что ты привез мне. Отныне ты будешь моим зятем и визирем.

Алдар-Косе был на седьмом небе от радости. Так ловко он обманул хана и его визиря.

СПРАВЕДЛИВЫЙ СУДЬЯ

Однажды к судье явились на суд двое мужчин и одна женщина. Первый из них — мулла — доказывал, что женщина эта — его жена. Другой утверждал, что женщина — его жена. Сама женщина заявляла, что она жена первого. Выслушав спорящих, бий сказал:

— Оставьте женщину у меня и приходите завтра, я объявлю свое решение.

После этого приходят к судье мясник и его покупатель за разрешением спора о червонцах. Спор этот возник из-за того, что к мяснику пришел покупатель и при получении сдачи взял вместо медной монеты червонец, утверждая, что ему следовало получить червонец. Мясник оспаривал несправедливость покупателя. Свидетелей ни у того, ни у другого не было.

— Отдайте мне червонец и приходите завтра за решением,— сказал бий.

Затем явились еще двое мужчин. Они спорили из-за лошади: один утверждал, что лошадь принадлежит ему, а другой считал себя хозяином. Свидетелей и других доказательств у них не было, но каждый из них утверждал, что лошадь его доморощенная.

— Приходите завтра, а лошадь поставьте ко мне во двор,— был на это ответ бия.

На следующий день в назначенный час предстали все перед бием. Он объявил им свое решение: женщина должна принадлежать первому, как его жена, червонец принадлежит мяснику, а несправедливо оспаривавшие должны уплатить аип.[1]

Споривщие беспрекословно повиновались справедливому решению и удалились.

А последним двум мужчинам, которые оспаривали лошадь, судья предложил, каждому в отдельности, указать свою лошадь, стоявшую с другими лошадьми одинаковой масти. Споривщие, подойдя к лошади, правильно указал ту самую лошадь, о которой шел спор.

Тогда судья объявил, что лошадь принадлежит первому из них, а другому приказал платить штраф за ложные показания. И тот, который по справедливости получал свою лошадь, был удивлен: как это мог судья решить правильно. Он попросил бия рассказать о всех своих справедливых решениях. Судья согласился и рассказал следующее:

— Это очень нетрудно было сделать. Когда все ушли, я заставил оставшуюся у меня женщину вычистить чернильницу и письменные принадлежности. Спустя немного времени, я увидел, что все было исполнено с большой аккуратностью, и чернильный прибор стоял на своем месте, поставленный опытною рукою. Я не сомневался уже, что женщина была женою муллы, так как хорошо умела обращаться с этими предметами, тогда как другой из них был неграмотный и таких вещей у себя не имел.

Оставленный у меня червонец я опустил в горячую воду и увидел, как на поверхности воды всплыли жирные пятна. Значит, червонец долго находился в руках, запачканных салом, и стало быть, он принадлежит мяснику.

Трудно было решить о лошади, так как оба споривших ее признали среди других лошадей. Но, когда подходил неправильно споривший, лошадь вздрогнула и фыркнула, а когда подошел настоящий ее хозяин, то лошадь узнала его и ласково взглянула. Я и решил поэтому, что лошадь принадлежит ему.

---

[1] А и п — штраф.

ВЕРНОЕ РЕШЕНИЕ

Однажды к бию пришли двое с просьбой решить их спор. Первый из них заявил, что он перед отъездом куда-то, по своим делам, дал своему соседу на хранение сто золотых, а когда вернулся, сосед стал отказываться, утверждая, что никаких золотых не получал. Передача денег происходила в лесу, без свидетелей. Сосед просителя стал отрицать это показание и утверждать, что он в лесу не был.

— Не помнишь ли ты место, где передавал золотые,— спросил бий первого просителя, истца.

— Как же, помню, под одним деревом, которое я хорошо запомнил и могу указать,— ответил истец.

— Значит, у тебя есть и свидетель. Возьми мой перстень с именной печатью и отправляйся сейчас же к тому дереву, под которым передавал ты деньги, приложи к дереву печать и скажи, чтобы оно явилось ко мне для допроса,— сказал бий.

Истец отправился исполнять поручение бия, а ответчик остался у бия ожидать окончания дела.

Судья спустя некоторое время спросил ответчика:

— Как ты думаешь, дошел он теперь до того дерева?

— Нет, еще не мог дойти,— сказал ответчик.

Спустя еще некоторое время судья снова задал прежний вопрос.

— Теперь, должно быть, дошел,— сказал ответчик.

Возвратился истец. Он сказал, что в точности выполнил поручение бия, но дерево не только не пошло к допросу, но даже и не пошевельнулось.

— А я уже допросил дерево, и оно подтвердило твой иск,— сказал бий.

Тогда ответчик стал доказывать, что он все время сидел возле судьи и никакого дерева не видел.

— Но ты оспаривал раньше, что совсем не был в лесу, а между тем на мои вопросы отвечал сначала, что истец не мог еще дойти к дереву, а затем, что он уже дошел. Значит, истец говорил правду, указывая, что передача золотых происходила под деревом, иначе ты не мог знать даже приблизительно местонахождения дерева. Возврати золотые и уплати штраф за намерение утаить их,— объявил свое решение бий.

Ответчик повиновался верному решению судьи: вернул сто золотых и уплатил штраф.

ВОЛШЕБНАЯ ПТИЦА АЛДАРА-КОСЕ

После смерти отца Алдар-Косе простился с братьями и родичами и отправился в странствия по степи. Подтянув кушак, опираясь на палку, идет день, идет ночь, идет месяц, идет год. И вот привел его путь к подножию неведомой горы. Как лежащий нар-великан, преградила гора дорогу. Снежная вершина вознеслась в облака, по отвесным склонам только голые скалы: не за что уцепиться копыту архара, не то что ступить человеку.

Призадумался Алдар-Косе, но тут же сказал себе:

— Нет невозможного для человека. Самое крепкое железо покорно молоту кузнеца. Если смелый не боится смерти, неужели его устрашит крутой подъем? Будь что будет! Я взойду на эту гору и переберусь через нее!..

Переночевал. Перезимовал. А по весне с песней принялся за дело: скалы долбил, ступени мастерил, шаг за шагом поднимался все выше и выше.

Настал день и час — Алдар-Косе, собрав последние силы, шагнул еще раз и — ступил обеими ногами на вершину. Бросил он взор вперед и, увидев прямо перед собой светлое солнце, вскрикнул от радости и упал без чувств на камни.

Долго лежал он неподвижно, а, очнувшись, приоткрыл глаза,— и что же? Байгус — птица сидит у него на груди, вертит головкой в разные стороны, видно, приняла человека за обломок скалы.

Схватил птицу Алдар-Косе, быстро связал ей крылья.

— Вот хорошо,— говорит,— ты еще, байгус-птица, крепко мне пригодишься! — А у самого под малахаем уже сто мыслей, сто разных затей.

Посадив птицу на правое плечо, стал Алдар-Косе спускаться с кручи. Вот сходит он в долину, озирается вокруг: зеленые склоны, могучие ели, цветущие жайляу, прозрачный родник. А у родника стоит новая юрта, белая юрта, белее яйца, и над ней вьется дымок. Хорошо!.. Залюбовался Алдар.

«Друга это жилище или врага? Люди здесь обитают или страшные дэу? Зайти или пройти мимо? Не следует медлить и не нужно спешить», — думал он.

Осторожно подкрался, заглянул в дверную щелку, видит: на богатом ковре сидят двое — мужчина и женщина, пьют пенный кумыс, лакомятся душистой колбасой, шепотом ведут о чем-то беседу.

«Э, да здесь, гляжу, пир идет! А где пир, там и гости. Войду!» сказал про себя Алдар-Косе.

Прислушался. Мужчина говорит тихонько, наклоняясь к уху женщины:

— Вот-вот явится твой муж, нам нужно торопиться. Спрячь меня в сундук и запри на ключ. Мужа встреть поласковее, чтобы он не почуял дурного. Накорми его сытно, напои кумысом, постели постель помягче. А как он захрапит, открой сундук, я мигом прикончу старого скрягу. Богатство возьмем себе. Заживем по-байски!

— Апчхи! — чихнул Алдар-Косе.

Заговорщики в страхе вскочили с места и заметались по юрте. В мгновение мужчина забрался в сундук, а хозяйка заперла его там и спрятала ключ под косою.

«Все понятно»,— сказал себе Алдар и шагнул через порог.

Хозяйка глядела на него исподлобья с недоумением и злобой. А Алдар-Косе:

— Здравствуй, келин! Окажи милость, позволь усталому путнику отдохнуть у твоего очага.

— Шайтан тебя принес, непрошеный гость! Как ты меня напугал!

А Алдакен уже примостился на почетном месте, скрестив ноги, и улыбается во весь рот.

— Чему улыбаешься?— спрашивает женщина. А сама думает: «У этого прохвоста что-то есть на уме»...

— Я улыбаюсь вот этой сабе с кумысом да вот тому блюду с колбасой,— умильно говорит Алдар.

— Ну так ешь и пей! Только поскорей проваливай!

Когда говорят «ешь и пей», Алдар отлично слышит, когда говорят «проваливай»,— он глухой. Подсел Алдар к черной сабе и к деревянному блюду, напился, наелся, сколько вместила утроба, и растянулся тут же на узорном ковре.

Видя, что странник не торопится в дорогу, женщина достала золотой и говорит:

— Вот тебе червонец, бродяга. Возьми и уходи вон!

Алдар-Косе, получив деньги, стал благодарить и кланяться, целый час, а, может, больше кланялся и благодарил, а потом сказал:

— Прощай, хозяйка, ухожу, совсем ухожу, навсегда ухожу... Вот только покормлю в дальнюю дорогу свою волшебную птичку.

И пускает он на ковер птицу поклевать крошки пищи. Байгус клюет, время течет, хозяйка злится, Алдакен усмехается.

Вдруг подле юрты заржал конь. Дверь распахнулась. Входит бай, владелец юрты, в дорогих одеждах. Останавливается в изумлении.

— Кто этот чужой человек, жена? Что за птица у него? Отвечай!

Не успела женщина и рта раскрыть, как Алдар-Косе уже ответил за нее:

— Почтеннейший бай, я странствующий бахсы-колдун и лекарь. А птица моя — это волшебная птица! Она знает все тайны, предсказывает будущее, исцеляет недуги.

Бай подозрительно оглядел незнакомца и, усевшись у очага, где только что нежился Алдакен, стал говорить:

— Кто бы ты ни был, пришелец,— бахсы ли, проходимец ли,— выслушай, что скажу. В нашем крае нет человека богаче меня. Все четыре вида скота я имею: лошадям, коровам, верблюдам и овцам счета нет. Только все это мне не в радость. Дом с детьми — базар, дом без детей — мазар. Нет у меня сына. Ой, горе! Сорок жен брал, у сорока бахсы побывал, сорок наров отогнал мулле — не дает аллах дитя. Что делать?

Старость близка. Кому достанется мое богатство? Если ты вправду бахсы, не поможешь ли моей беде? Хорошую плату дам.

Алдар поднял птицу к лицу и, сжимая ее рукой, спросил:

— Волшебная птица, скажи, можно ли помочь горю этого достойного человека?

Птица запищала.

— Можно! — вскричал Алдар.— Можно, дорогой бай! Волшебная птица говорит — «можно!»

И начинается ворожба. По юрте, точно вихрь, носится Алдакен, выкрикивает непонятные слова, разбрасывает вещи; держа птицу над головой, то и дело дергает ее за хвост. Птица пищит, Алдар кричит:

— Истину говоришь ты, волшебная птица! Истину говоришь!

Бай, вытаращив глаза, смотрел на все это и дивился.

«Таких бахсы никогда не видел. Счастье, это случай привел его в мое жилище».

А Алдар-Косе кружился по юрте все быстрее и быстрее, в движении незаметно срезал ключ с косы хозяйки и также незаметно отпер желтый сундук. Потом остановился, вытянувшись, среди юрты, и страшным голосом произнес:

— Э, бай мой, дело плохо!

Бай побледнел, жена задрожала. А Алдар:

— В желтом ящике лежит черная беда на шелковом одеяле. Злой дэу поселился, бай, под твоим кровом. Из-за него-то и нет у тебя детей. Нужно его выселить!

Бай трясется, а все же думает про себя:

«А не жулик ли этот бахсы? Не дурачит ли он меня без совести, толкуя про дэу? Посмотрим, что будет дальше, однако».

А вслух:

— Выселяй, светик, выселяй поскорей!

Алдар-Косе знает, что ему делать! Схватил ковш, зачерпнул из казана над очагом кипятку и, приподняв крышку сундука, плеснул туда разок и другой. Раздался дикий вопль, крышка сундука слетела с петель, и одним прыжком, что был как десять прыжков, ошпаренный жигит вымахнул из юрты, вышибив дверь с порогом.

Бай лежит без дыхания. Молодка забилась под ковер. Алдакен, держась за бока, раскачивается от смеха. Но вот опомнился бай и кинулся обнимать Алдара:

— Тысячу раз спасибо тебе, душа моя! Выгнал из дому беду! Не будь тебя, погубил бы меня проклятый дэу. Теперь окрепли надежды на бога. Награжу тебя по заслуге. Есть у меня в табуне один конь, не конь — медведь. Бери его!

Алдар и ушам не поверил, а бай, помолчав, продолжал:

— Чтобы черная беда не вернулась в мой дом,— как знать, дружок! — продай мне свою волшебную птицу. Большой выкуп получишь, назначь цену!

Тут Алдар замахал руками:

— Что ты, что ты, бай, и не помышляй об этом! Без волшебной птицы у меня жизнь будет темней непроглядной ночи. Не проси, бай, не проси!

Бай не отстает, Алдар не сдается! До ночи шла тяжба, наконец Алдар уступил:

— Ладно, бай, так и быть — оставляю тебе волшебную птицу! Без обмана говорю: за сорок коней ее купил. Хозяин птицы до сих пор по ней плачет. И я буду так горевать. Дашь пятьдесят коней — птица твоя!

Бай остолбенел.

— Это слишком много. Лошадь ведь не тушкан.

— Не хочешь — не надо. Волшебная птица тоже не воробей!

Видит бай: некуда деваться.

— Даю сорок,— говорит.

— Мало сорок. Давай пятьдесят.

— Сорок!

— Пятьдесят!

— Сорок!

— Пятьдесят!

Двое хитрых сшибутся, скоро ли договорятся? Целый месяц, а то и год стоял шум в юрте бая. Сходились и расходились, торговались, рядились, били по рукам. Не устоял бай. Вытер пот со лба и сказал:

— Бери пятьдесят! За мной волшебная птица!

От радости или от горя, вправду или для виду, заголосил Алдакен на всю юрту и, прижимая птицу к груди, стал с ней прощаться:

— Прощай, мой друг, прощай, волшебная птица! Как буду жить без тебя на свете? Где найду приют одинокой голове?

Три дня, и еще три дня, и всю неделю прощался Алдар-Косе с птицей,— жил в довольстве, пил кумыс, ел казы, сладко спал на мягкой

постели, пока не сказало ему сердце: «Беспредельны земные дороги, а жизнь человеческая коротка. Не теряй времени, Алдакен!»

Тогда сел он на медведь-коня, затянул песню и погнал шестом перед собой косяк байских скакунов, не гадая о том, что ждет его впереди, не печалясь о том, что оставил за спиною.

БАЙ-МУЗЫКАНТ И АЛДАР-КОСЕ

В одни времена с Алдаром-Косе жил бай. Был он глуп, как бараний курдюк, а мнил себя великим музыкантом. Когда он, надув щеки и выпучив глаза, высвистывал что-то на сабызге, люди убегали в степь, а собаки поднимали такой вой, точно чуяли поблизости волчью стаю. Но бай был доволен. Ему казалось, что никто в мире не сыграет лучше его.

Однажды этот бай призвал к себе Алдара-Косе и говорит:

— Алдар-Косе, есть пословица: «Спрашивай не того, кто долго жил, а того, кто много видел». Ты исколесил всю степь, в разных странах побывал, всех людей знаешь. Так послушай мою игру да скажи, есть ли где другой такой музыкант, как я?

Пока бай говорил, Алдар-Косе оглядел юрту и едва мог скрыть удивление — никогда еще он не видел столь богатого убранства: повсюду бархат, шелк, ковры, на стенах драгоценная сбруя, украшенная золотом и серебром.

«Не уйду отсюда с пустыми руками»,— думает Алдар-Косе, низко кланяясь хозяину.

Тут бай приложил сабызгу к губам и стал изо всех сил дуть в ее отверстие. Из дудки вырвался пронзительный писк, и тотчас люди, что

были в ауле, опрометью бросились в степь, а все собаки дико завыли.

Алдакен же, не моргнув глазом, стоял с видом восхищенного посреди юрты и только прищелкивал языком.

— Ну, каково? — спросил самодовольно бай.

— Почтеннейший бай,— отвечал Алдар-Косе и даже притворно вытер слезу полой халата,— слушая вашу необыкновенную игру, я забыл, что нахожусь на земле, мне показалось, что я слышу, как поют райские гурии. Вы — поистине великий музыкант!

Бай осклабился от похвал и сказал:

— Ты мне нравишься Алдар-Косе,— я, пожалуй, подарю тебе свой старый халат.

— Вы — великий музыкант,— продолжал Алдар-Косе,— но не прогневайтесь, господин, на мои слова: я встречал человека, который играл на сабызге лучше, чем вы.

Бай насупил брови и метнул на гостя сердитый взгляд.

— В чем же состояло искусство того человека, о котором ты говоришь?

— Тот человек,— сказал простодушно Алдар,— настолько овладел своим инструментом, что мог три часа подряд играть на нем с закрытыми глазами.

Бай расхохотался:

— Только и всего? Да я хоть пять часов буду играть, не глядя на пальцы. Не веришь? Тогда завяжи мне платком глаза.

Алдакен того и ждал. И вот бай с завязанными глазами старательней прежнего стал дуть в сабызгу. Еще дальше в степь убежали люди, еще отчаяннее завыли псы, а Алдар-Косе той порой принимается за дело. Ступая на цыпочках, он вынес из юрты все добро, нагрузил его на байского нара и преспокойно тронулся в путь.

До самого вечера свистел, надрываясь, бай и наконец совсем обессилел.

— Ну, что скажешь? — спросил он. Но ответа не было. Бай сорвал с глаз повязку и завопил не своим голосом: юрта пуста — ни добра, ни Алдара.

На крик прибежали из степи люди, хихикая и зажимая рты, снарядили погоню, да куда там: степь широка, нар силен, а Алдакен умен. И не всякий, кто гонится, хочет догнать.

ОБМАНУТЫЙ ТОЛСТЯК

Какой-то толстяк направился в гости к родичу. На голове он нес казан с просом — подарок хозяину. В ожидании веселья и угощения он был в отличном настроении и задирал шуточками всех прохожих.

Вдруг навстречу на сивом коне трусит Алдар-Косе, размахивает камчой, должно быть, торопится куда-то.

— Эй, Алдар-Косе,— кричит ему толстяк,— куда спешишь? Погоди немного. Говорят, тебе случалось обманывать самого шайтана. А вот меня, дружок, так нипочем не обманешь!

Алдар-Косе, погоняя коня, отвечал с тревогой:

— Плохое ты выбрал время для шуток, добрый человек. Конец света наступает. Смотри-ка, все небо в пламени, того и жди, что обвалится!

Толстяк в страхе глянул на небо, казан упал с головы, и просо рассыпалось по дороге.

— Ойбай, что же я наделал!— завопил толстяк.

А Алдар-Косе, придержав коня, смеется:

— Трудно обмануть умного, а глупец сам себя обманет.

КАК АЛДАР-КОСЕ БАТРАКОВ УГОЩАЛ

Случилось однажды Алдару-Косе наняться к баю в работники.

— Как живется? — спрашивает он у других байских батраков, своих товарищей.

— Плохо живется,— отвечают те,— совсем забыли запах мяса.

— Не унывайте, накормлю вас мясом за счет хозяина.

Батраки только головами покачали:

— Не обращайся с просьбой в юрту, где не бывает гостей,— так говорит народ, Алдакен.

— А я и не собираюсь просить что-нибудь у бая. Сам даст...

— Что ты такое задумал, отчаянная голова?

— Не подует ветер — не пошевельнется тростник,— уклончиво ответил Алдар-Косе.

В тот же день — неизвестно, как и почему,— лучший баран из байской отары свалился в яму и вывихнул ногу.

Бай схватился за виски.

— Ой, Алдар-Косе, пропадает баран. Что делать?

— Прирежь его живее! — говорит батрак.

— Так ведь жалко: одним бараном у меня меньше будет,— плачет бай.

— А если жалко резать, пусть себе подыхает,— преспокойно говорит Алдар-Косе.

Делать нечего, зарезал бай барана.

Алдар-Косе радуется:

«Хорош баран! Отлично закусим с товарищами».

А бай облупил с барана шкуру и говорит:

— Алдар-Косе, снеси баранью тушу на базар, продай ее там подороже.

Алдар-Косе думает:

«Не будет, бай, по-твоему! Прольется на тебя из посудины то, что ты в нее налил».

Взвалил он тушу на спину и побрел на базар. Ходит туда-сюда среди толпы и покрикивает:

— Эй, люди добрые! Продаю за червонец дохлого барана. Покупайте дохлого барана! Кому нужен дохлый баран?

Смеются люди:

— Ну нет, Алдар-Косе, на этот раз никого ты не проведешь. Не нужен нам твой дохлый баран. Тащи его туда, откуда принес.

Алдару-Косе по душе такие слова. Вернулся он к баю, скинул на траву барана и, вытирая рукавом пот, говорит:

— Придется, бай, нам самим съесть мясо. Никто не покупает барана. Напрасно я силы тратил. Не нужен, говорят, никому.

Бай не поверил работнику.

— Как так — баран не нужен? Почему не нужен? Такой хороший баран! Такой жирный баран! Врешь ты все, Алдар-Косе. Завтра вместе пойдем продавать мясо.

Ночь миновала, и рано утром явились бай и Алдар-Косе с бараньей тушей на базар.

Бай кричит:

— Эй, люди добрые! Покупайте барана! Продаю барана! Кому нужен баран?

А Алдар-Косе подтягивает:

— Покупайте вчерашнего барана. Это тот самый баран! Берите за червонец вчерашнего барана!

Тут уж народ не стерпел:

— Проваливайте прочь, бездельники! И гроша вам не дадим за падаль. Ешьте сами свою дохлятину!

Пришлось торговцам убираться с базара.

— Что будем делать дальше? — спрашивает Алдар.— Съедим мясо или выбросим его в овраг волкам?

— Дай подумать, Алдакен, дай подумать,— сокрушенно отвечает бай. И что же он придумал?

Созвал бай к своей юрте всех батраков и держит речь:

— Батраки, ходят глупые толки, что я злой человек, скупой человек, жадный человек. Пусть аллах накажет болтунов за клевету. Сегодня вы узнаете, каков ваш хозяин. Хочу вас угостить на славу. Вари, Алдар-Косе, барана! Только уговор такой: твердое в казане — мое, жидкое — ваше.

Переглянулись батраки, да ничего не сказали. Ладно и так: коль нет надежды на мясо, и мясной отвар — неплохая еда.

А Алдар-Косе уже хлопочет в стороне: горит костер, кипит казан, варится баранья туша. И так долго варил Алдар-Косе мясо, что бай забеспокоился.

— Скоро ли будет обед, Алдар-Косе?

— Скоро, скоро, потерпи, бай!

Когда же мясо так разварилось, что все отвалилось от костей, Алдар спрашивает у хозяина:

— Повтори, бай, что твое в казане — твердое или жидкое?

— Твердое! Твердое! — поспешил ответить бай, рассчитывая хитростью получить все мясо.

— Грызи же твое твердое, пока зубы не переломаешь! — говорит Алдар-Косе и бросает баю, как собаке, голые кости.— А нам пусть достается жидкое.

Уселись батраки вокруг казана и принялись за еду.

Бай посинел от злости, а работники посмеиваются. Наевшись досыта, вытерли они усы и сказали разом:

— Спасибо за угощение, Алдакен!

ХАН И СТРАННИК

Шел издалека нищий. Шел он жаркою безлюдною степью и дошел до города, где жил хан. А когда вошел в город, то пошел прямо к его дворцу. В больших просторных коридорах дворца было прохладно и чисто. Нищий расстелил свои лохмотья на полу, развязал дорожную сумку и сел поесть и отдохнуть.

Тут же при дворце была и ханская стража. Удивились стражники такой смелости, не знали, что им делать, а потом, опомнившись, стали гнать нищего из дворца. Нищий не уходил.

— Не гоните,— упрашивал он стражу.— Отдохну и уйду.

На шум вышел сам хан.

— Ты что здесь делаешь? — спросил он нищего.

— А вот, хан, хочу пообедать,— отвечает смелый нищий.— Пообедаю да и сосну часика два, а потом пойду дальше.

— Дерзкий нищий,— крикнул грозно на него хан,— разве ты не видишь, что это дворец, а не гостиница?!

— Дворец? — спросил спокойно странник.— Но скажи мне, великий хан, кто жил в нем прежде тебя?

— Мой отец,— ответил хан.

— А прежде твоего отца?

— Мой дед.

— А прежде деда?

— Прадед.

— А после тебя кто будет в нем жить?

— Мой сын.

— А после твоего сына?

— Мои внуки и правнуки, если аллаху угодно будет продолжить мой род.

— Вот видишь,— сказал странник хану,— как часто меняются в этом дворце гости, как в гостинице.

Призадумался грозный хан, велел накормить старика и предложил ему большой подарок. Странник поел, отдохнул, а подарок не взял.

— Я странник,— сказал он,— и богатый подарок мне не нужен.

Передали это хану. И еще раз задумался хан над словами нищего странника.

СПРАВЕДЛИВЫЙ ПОСРЕДНИК

Некто, идя по дороге, встретил пасущихся верблюдов. И чтоб очистить себе дорогу, он бросил палку, на которую опирался, в животных, но так неосторожно, что вышиб одному верблюду глаз.

В стороне наблюдал за ним хозяин. И когда это произошло, то он стал просить с него кун[1]. Чтоб избавиться от него, виновный пустился бежать. И когда он добежал до обрыва, то бросился с него и упал прямо на дряхлого старика, который спал под этим обрывом. Своей тяжестью он раздавил этого старика. Сын старика, спавший рядом с ним, проснулся, увидал виновного и стал требовать кун.

Виновник побежал дальше и добежал до берега одной реки. Здесь был перевозчик. Он стал его просить переправить его на другой берег. Лодочник потребовал деньги. У виновного их не оказалось. И он пообещал лодочнику один черак[2] мяса. Лодочник перевез его, но мяса не было, тогда лодочник потребовал собственного мяса виновного из его икр. Долго он держал за горло виновного, подошли и другие истцы. Стали спорить и судить. Но вот на шум их подошел почтенный и сметливый человек. Спорящие попросили рассудить их, обещая повиноваться его решению.

---

[1] Кун — выкуп, уплачиваемый убийцей или его родичами родным убитого с целью освобождения от кровной мести.

[2] Черак — мера веса — 5—6 фунтов.

Выслушал их жалобы старик, а потом обратился к хозяину верблюда со следующими словами:

— О юноша! Я поставлю вот на такое расстояние одного верблюда и дам тебе палку. Ты должен прицелиться в глаз животного и бросить эту палку, и если тебе удастся вышибить глаз, то я присужу тебе кун не только за увечье, но даже за целого верблюда. Но если ты не вышибишь глаза, то будешь тут же сам умерщвлен.

Задумался тогда владелец верблюда. Он не был уверен, что попадет в глаз животного, отказался от своего иска и ушел.

Тогда бий обратился к другому истцу — сыну умершего старика.

— О мой жигит! Я уложу этого человека под обрыв, а ты должен прыгнуть на него. Если он будет раздавлен тяжестью твоего тела, то я плачу за него кун. Но если он останется жив, то ты отвечаешь своей жизнью. Согласен ли ты на это?

«Хорошо, если он умрет под моею тяжестью, а вдруг останется жив, тогда ведь мне самому будет очень плохо»,— подумал второй истец, отказался от своей жалобы и скрылся.

Остался лодочник. Бий предложил ему вырезать с икр должника один черак мяса, но так, чтоб непременно в обрез черак. Если же он вырежет на один золотник больше или на один золотник меньше, то, он, лодочник, будет отвечать своею головою.

Сообразив, как тяжелы условия бия, лодочник от своего иска отказался и пошел своею дорогой.

ГЛУПЕЦ И КАЗИЙ

Как-то раз глупец пошел на базар, чтоб купить себе для белья маты[1]. И когда он сидел в лавке, то вспомнил наказ жены: купить ей какой-нибудь подарок. Бродя по базару, он никак не мог придумать, что именно купить ей в подарок. И вдруг увидел торговца, который продавал арбуз. Глупец, до этого не видавший арбуза, был очень удивлен. Он спросил продавца: что это он продает. Тот смекнул, что перед ним не совсем умный человек, и ответил, что это у него тулпар[2] и что он скоро родит жеребенка. Продавец посоветовал глупцу купить арбуз. Глупец заинтересовался тулпаром, заплатил деньги и, радостный, пошел домой. Арбуз он положил в полу халата. Торговец предупредил покупателя, чтобы он был осторожен с тулпаром и не клал его на землю — может убежать.

Дорога, по которой шел глупец, поднималась круто в гору. Долго он шел, наконец, дошел до вершины, пола халата вырвалась у него из рук, и арбуз вылетел. Он покатился вниз, ударился о куст и разбился вдребезги. Под кустом тем сидели два зайца, которые от неожиданности, как бешеные, выскочили и бросились с быстротою стрел в разные

[1] Мата — туземная бумажная материя низшего качества. Прим. А. Диваева.
[2] Тулпар — чудесный крылатый конь, скакун.

стороны. Глупец, убитый горем, смотрел сверху и сокрушался, что лишился тулпара и будущих его жеребят. Опечаленный, вернулся он домой и обо всем рассказал жене.

Жена выслушала и сказала мужу, что, должно быть, аллах обделил их счастьем, иначе тулпар не разбился бы, и они могли бы ездить на его жеребятах.

Глупец, услышав это, рассердился на жену и стал ее бить за то, что она высказала желание поездить на жеребятах, у которых спина еще не окрепла, и можно сломать им хребты.

Глупец настолько поверил в тулпара, что отправился разыскивать его жеребят.

Пришел он в город и спросил первого встречного: не видал ли он двух жеребят тулпара. Неизвестный человек шел от судьи и, видимо, был недоволен несправедливым решением его. Он ответил глупцу с усмешкой, что тулпар его теперь занимает должность казия в городе и имеет на голове целую охапку салля и что он может смело идти к нему, накинуть на голову его узду и вывести из дому.

Глупец последовал совету незнакомца, пришел к судье, сорвал с его головы салля и, накинув уздечку, поволок его из комнаты. Один из присутствующих, сметливый человек, догадался, что, вероятно, глупец этот кем-нибудь одурачен. Он, наверное, думает, что казий — купленный им тулпар, поэтому накинул на него уздечку. Сметливый человек взял от казия ту сумму, за которую был приобретен арбуз, и отдал глупцу.

СМЕКАЛКА ЛУЧШЕ БОГАТСТВА

Жили три брата — Шулай, Аман и Мамык. В народе они пользовались дурной славой: жили разбоем. Как-то раз захотелось им ограбить Кызука. Был такой человек. Никто не знал: богат он был или беден. Ходили слухи, что у него много богатства в сундуках, но никто этого богатства не видел: Кызук никого к себе не впускал, не любил гостей. Одни говорили, что он скуп и потому разбогател, другие рассказывали про его силу и храбрость, а третьи — про его бессилие и трусость. Видимо, во всех разговорах была доля правды. Слышали все это и братья, и потому не решались нападать на Кызука, пока сами не узнают, что это за человек. Они пригласили Кызука к себе в гости.

Стал собираться в гости Кызук, а сам побаивается: неладные, думает, они люди. Не ехать нельзя, да и ехать страшно: не ехать — братья станут сердиться, а поехать... все может быть.

Трусливый, но хитрый был Кызук, а силы в нем нисколько не было. Думал, думал и поехал в гости. Приехал. Братья встретили его и говорят:

— Напоим тебя и накормим, но сначала бери ведра и за водой иди. Сейчас самовар поставим, в котле мясо сварим.

Говорят так братья, а сами думают: «Пойдет Кызук — значит, трус он, и мы с ним справимся; не пойдет — надо придумать что-нибудь еще, чтобы видно было Кызука насквозь».

А Кызук говорит:

— За водой я пойду, но без ведер,— с лопатой.

Засмеялся Шулай, а Мамык подал гостю лопату. Идет к колодцу Кызук. Братья смотрят ему вслед да пересмеиваются:

— Вот нашелся чудак — воду лопатой за версту хочет носить.

Колодец в лощине был. Зашел Кызук в лощину и стал колодец окапывать. Ждут-пождут братья Кызука, а его все нет.

— Ступай, Мамык,— говорит Шулай,— посмотри, куда делся Кызук, не свалился ли он в колодец да не утонул ли?

Пошел Мамык и видит — Кызук у колодца стоит да землю роет лопатой.

— Что, Кызук, ты делаешь? — спросил Мамык.

— Колодец далеко от вас,— сказал Кызук,— вот я хочу кругом обрыть его да в кибитку перетащить,— все будет лучше, чем ходить за целую версту.

Вернулся Мамык и рассказал братьям, что видел.

— Вот чудак,— сказал старший брат,— он оставит нас совсем без воды, если притащит в кибитку колодец. Воду-то мы выпьем, а колодца не будет. Иди ты, Аман, и принеси два ведра воды — на самовар и в котел.

Смеется над ними Кызук:

— И народ же вы! Не хотели в доме колодец иметь, а зимой было бы очень хорошо: не ходить в лощину за целую версту: одумаетесь, пожалуй, и самим захочется перенести, да где вам поднять, а я уж не пойду, не понесу.

— Сходи теперь за кизяком [1]! — сказал ему Шулай.

Тут же пошел Кызук. Время идет, а его все нет.

— Куда он делся? — говорит Мамык.— Я уж раз восемь сходил бы, вьюков десять набрал бы. Пойду посмотрю.

Идет Мамык и видит — Кызук кизяк собирает и в кучу складывает. Большая куча, словно холм какой.

— Куда это ты набрал столько кизяку? — спросил его Мамык.

---

[1] Кизяк — верблюжий, коровий и овечий помет, которым в степи кочевники топили.

— А хочу, Мамык, удружить тебе — побольше кизяку собрать — на всю зиму. Принести-то недолго, а собирать вот долго, помог бы ты мне.

Удивился Мамык и думает: «Эка сила — на всю зиму враз кизяка хочет принести». Взял он, сколько нужно было на топливо, и позвал с собой Кызука.

Смеется Кызук:

— Чудаки вы! На всю зиму зараз хотел вам кизяку принести, так вот — не надо, а придет зима, идти в степь не захочется.

— Выбери, Кызук, теперь в стаде барана и тащи сюда — зарежем,— сказал Аман.

— Иди-ка сам,— ответил на это ему Кызук, я и без того уж находился.

Нечего делать — пошел Аман и выбрал лучшего барана. Поставили самовар, сварили мясо, наелись и напились.

— Завтра ко мне приходите,— говорит Кызук,— колодец мой у самой юрты стоит, кизяку я запас на целую зиму, найдется и мясо.

Сказал так и поехал домой. А когда приехал, то сказал жене своей:

— Ступай, Ульшеу, к реке и набери там побольше камыша.

Пошла жена к реке, набрала вязанку камыша и принесла. Расстелил Кызук камыш по полу в юрте и накрыл его коврами. Приехали гости: Шулай, Аман и Мамык. Сели они в юрте, а под ними хрустит.

— Что это,— спросили братья,— хрустит-то под ногами?

— А это кости убитых мною героев,— сказал Кызук.— Их много лежит под коврами. Но вы не бойтесь: вы мне не враги, да и не герои. Сидите и ждите обед.

Затем Кызук обратился к жене:

— Свари-ка нам, Ульшеу, побольше мяса да подай кумысу.

— Надо барана резать,— сказала жена.

— Вот, глупая баба, барана вздумала резать! — сказал ей на это Кызук.— Да баран-то денег стоит, а деньги даром не даются. Одного из гостей, что поменьше, зарежем, мясо сварим, все сыты и будем.

Сказал Кызук и сердито покосился на жену.

Вскочили братья и говорят:

— Прощай, Кызук, нам надо домой идти: как-нибудь еще зайдем.

— Что же? — сказал Кызук.— Милости просим. Заезжайте. Гостям

я всегда рад. «Кто гостю не рад, тому дорога в ад»,— говорится в народе.

Вышли братья от Қызука, сели на коней, едут, разговаривают: «Экий сквалыга Қызук! И барана-то жаль ему. Хотел брата нашего заре-зать и им угостить. Не поедем больше в гости, ничем не заманит нас». Едут и разговаривают так, а навстречу им мелкий воришка Аяк, на пе-гой лошаденке трусит.

— Здорово, братья! Откуда?

— В гости к Қызуку ездили, да едва живыми выбрались: совсем было в котле Мамыка сварил.

Смеется Аяк:

— Нашли кого бояться. Это самый трусливый, самый бессильный в орде человек. Я его и то в страхе держу. Вернемся, и вы увидите.

Подумали братья и решили вернуться.

Глядит Қызук и не верит глазам: опять едут братья к нему, а меж-ду ними Аяк. Испугался Қызук: погубит его Аяк,— стоит, дрожит, жене слова сказать не может.

Подъехали братья, слезли с коней, идут за Аяком.

— Здорово, Қызук!

— Здорово, Аяк! Видно, за старый долг в уплату ко мне братьев привел,— сказал Қызук.— Да мне их не надо, я с тебя деньги не возьму, братья — гости мои.

— Так вот оно что,— сказал Шулай.— Надул нас Аяк, хитрит, собака.

Кинулись братья к Аяку, стали бить его, а Қызук стоит да приго-варивает:

— Следует проучить его, чтобы людьми хорошими долгов не платил.

С тех пор Қызук стал жить да поживать и никого не бояться.

КАК ЖИРЕНШЕ ЖЕНИЛ СВОЕГО СЫНА

Однажды девушки отправились собирать дрова. Собрали они по вязанке. Вдруг пошел дождь. Все побросали свои дрова и убежали в юрты; только одна осталась в поле, прикрыла подолом свою вязанку и сидит. В это время проезжал известный острослов Жиренше-Шешень и спросил девушку, почему она, как другие, не убежала, а сидит под дождем, мокнет.

Девушка ответила:

— Хотя меня и замочит дождь, зато я приду с сухими дровами, зажгу огонь, скоро высохну и обогреюсь.

Жиренше не спросил ее имени и уехал.

Прошло немного времени, и Жиренше решил отыскать умную девушку, чтобы женить на ней своего сына. Взял он сына, поехал с ним по аулам и в каждом ауле бил его. Когда Жиренше спрашивали, за что он бьет сына, он отвечал: «За то его бью, что он все делает, как ему скажешь». Все удивлялись глупости отца, одна только девушка сказала:

— И бей его: его нужно бить, пока он не станет поступать по своему уму-разуму.

Тогда Жиренше узнал, что это та самая девушка, которую он ищет. Взял он ее замуж за своего сына.

ЖАДНЫЙ БОГАЧ

Давлет слыл в ауле за самого богатого аксакала. И жил он не в юрте, а поставил русскую избу и жил с женами в светлых горенках.

Баранов у Давлета не счесть, мясо не переесть. Кобылиц — косяки, кумыса — бурдюки.

Живет Давлет припеваючи.

Но был он негостеприимен и жаден до крайности. Гостей потчевал одним чаем и то примечал, кто сколько выпьет. Родных принимал и тем жаловался, что у него каждый день народ, со стола посуда не сходит. От некоторых родных и знакомых Давлет просто прятался, считая, что их угощать не за что.

Случилось раз его племяннику запоздать в дороге, подъехал он в сумерках к дому Давлета. Остановил лошадь у ворот, а сам подошел к окошку. Старшая жена кормила мужа ужином. Хозяин сидел средь избы на полу. Перед ним лежали баранья голова, колесо конской колбасы и стопа лепешек.

Племянник постучал кнутовищем в окно. Дядя приказал жене припрятать все со стола, сам пошел встречать гостя.

Когда племянник вошел в избу, в комнате и не пахло ужином. Тогда он решил посмеяться над жадным дядей. Сели чай пить, он и говорит:

— Я в пути задремал и видел сон, будто ползет через дорогу змея толщиной, как ваша колбаса. Я соскочил с лошади, схватил камень с баранью голову, что давеча лежала перед вами, и как хвачу этим камнем змею, она и расплющилась в тоненькую лепешку, точь-в-точь такую, какую вы ели перед моим приездом.

Дядя понял, что племянник через окно видел его за ужином. Это его взбесило, но он и виду не подал, а приказал старшей жене принести к чаю баранью голову, колбасу и лепешки.

После ужина племянника положили спать в сенях. Ночью он слышит разговор. Дядя уговаривает бедняка-соседа зарезать лошадь племянника.

— Он сегодня меня обидел,— жаловался дядя,— помоги мне зарезать его кобылу. Я тебе уступлю за труды ноги, голову и требуху. Ребятишки все съедят.

Сосед после некоторого раздумья согласился, и они разошлись наточить ножи и приготовить печь.

Племянник не хотел терять единственную в хозяйстве лошадь и решил крепко наказать дядю.

Пока те точили ножи, племянник нашел в углу сеней известь, оставшуюся от осеннего ремонта избы, и ею побелил лучшую лошадь дяди пегой масти, а свою, сивую лошадь, вымазал коровяком. От этого она стала пегой и в темноте походила на дядину.

В полночь дядя с соседом вошли в сарай, повалили лошадь сивой масти и перерезали ей горло.

Утром дядя будит племянника и говорит:

— Ночью приходили воры и зарезали твою лошадь.

— Нет,— ответил племянник,— лошадь резал ты с соседом и не мою, а свою собственную.

— Твоими устами говорит шайтан,— сказал дядя.

Но племянник не стал спорить. Он взял ведро с водой и направился в сарай. Здесь он смыл водой и стер мочалкой с лошади коровяк. Дядя увидел, что лошадь в самом деле не его, а племянника.

С тех пор Давлет перестал принимать у себя гостей.

ГЛУПЫЙ ХАН

Однажды русский царь позвал в гости бухарского хана и показал ему свою столицу, дворцы, церквей сорок сороков, купецкие хоромы и торговые ряды. Позавидовал хан русскому житью и решил у себя построить такой же город. Собрал он своих подданных и говорит им:

— Не быть у нас больше аулу. Повелеваю разломать мазанки и юрты и на их месте построить дворцы, мечети и торговые ряды.

И народ, от мала до велика, от бедного до богатого, принялся за ломку и стройку.

Живший здесь вор-разбойник незадолго до ханского указа ушел в другое царство на разбой, а когда через много лет вернулся ночной порой, то вместо аула нашел город с башнями, минаретами и торговыми рядами.

Вор подумал, что жители успели за этот срок разбогатеть, и решил поживиться. Он подкрался к крайнему дому, где жил бедняк, но войти не смог: дверь оказалась на засове. Тогда он решил, пробраться в дом через крышу. Поднялся вор на нее и ступил. Крыша не выдержала тяжести и провалилась. Вместе с ней провалился и вор и упал прямо на ногу хозяину.

Бедняк проснулся и от испуга и боли поднял крик. Вор убежал. Утром бедняк приходит к хану и заявляет ему, что хочет развалить свою хибарку, в которой едва не погиб от вора. Бедняк рассказал, как ночью к нему постучался в дверь вор, а потом он взобрался на крышу, провалился и наступил ему на ногу. Хан выслушал бедняка и велел поймать вора.

Слуги быстро его изловили и привели ко дворцу.

— Скажи,—спросил вора хан,— правда ли, что ты ночью упал с крыши и чуть не задавил бедняка?

Вор ответил:

— Правда, я его чуть не задавил!

Тогда хан приказал:

— Отрубить ему голову!

Вор не хотел помирать и заплакал:

— Я не виноват, хан! Виноват в этом сам бедняк: зачем он так плохо сколотил крышу, что человек мог провалиться.

Хан выслушал вора и говорит:

— Права твоя речь! Отрубить голову бедняку.

— Бедняку тоже не хотелось помирать, и он стал оправдываться.

— Крышу делал не я,— сказал он,— а плотник, за что же рубить мне голову?

Хан согласился и говорит:

— Права твоя речь. В этом виноват плотник.

Он отпустил вора и бедняка и приказал поймать плотника. Слуги разыскали его на работе и привели ко дворцу.

Хан его спрашивает:

— Ты сколачивал бедняку крышу?

— Я,— отвечает плотник.

— Ты сколотил так плохо, что ночью вор провалился и чуть не задавил хозяина. Отрубить ему голову! — приказал хан.

Палач уже занес топор над головой плотника, но тот отскочил в сторону.

— Хан, повремени казнить, дай слово вымолвить. За труды не секут людям головы.

— Но ты сделал плохую крышу, и через это мой верноподданный едва не погиб от руки разбойника.

— Я в этом виноват меньше всего,— ответил плотник,— пильщики

резали доски очень тонкими, от этого они и переломились. Следует пильщиков наказать, чтобы они не портили чужое добро.

Хан подумал и сказал:

— Ты правду говоришь. Иди с миром.

Плотник ушел, а хан приказал привести к нему пильщиков. Слуги стащили их с козел и приволокли ко дворцу.

— Вы резали доски бедняку? — спрашивает их хан.

— Мы,— отвечают пильщики.

— Из-за вас мой правоверный слуга едва не погиб. Вы резали доски так тонко, что они не выдержали вора. Тот провалился и упал на хозяина. Теперь у него болит нога.

— Наше дело маленькое,— отвечают пильщики.— Мы пилили доски по указке хозяина. Какие он приказал, такие мы изготовили. Ему было сказано, что эти доски пригодны только на забор, а он из них потолок настлал. Так пусть же за свое неразумие хозяин расплачивается.

Хан подумал и сказал:

— Вашими устами говорит истина. Во всем виноват только бедняк.

Он отпустил пильщиков и приказал слугам казнить бедняка. Ко дворцу привезли лес для виселицы.

Бедняк видит, что ему теперь не сдобровать, и пошел на хитрость. Он подбежал к слугам и начал торопить их с постройкой виселицы. Хан узнал это и говорит:

— Не торопись, бедняк, на тот свет: все равно тебе в раю места нет!

— Хан, хан,— отвечает бедняк,— поэтому я решил занять чужое место.

Хан удивился и спрашивает:

— Как же это ты можешь сделать?

— Я хочу занять место твоего тестя, великого визиря. Умирая перед моим приходом сюда, он заявил: кто опередит его смерть, тот получит его место в раю. Потому-то я так и тороплю твоих слуг. Пусть они помогут мне занять место визиря.

Услыхал хан это, и взбрела ему мысль опередить бедняка и завладеть местом визиря. Он вскочил в петлю и кричит слугам:

— Затягивайте скорей! Я хочу быть на месте великого визиря.

Слуги не посмели ослушаться и выполнили приказ хана.

Так одной дурной головой на свете стало меньше.

БАТЫР

Жил по ту сторону Ика киргиз[1]. У него было две жены и два сына. Имелось у него хозяйство — две кобылы, два жеребенка, две коровы и два теленка.

Пришел в степь джут, и скот начал падать. Загоняет однажды по осени киргиз коров в куру — одна идет, а другая — никак. Рассердился он, забрался сам в куру и, схватив корову за хвост, с такой силой дернул ее к себе, что на корове шкуры как не было. Хозяин тогда решил, что он батыр, и собрался ехать громить богатых аксакалов. Перед отъездом он отказал жеребенка от гнедой кобылы старшему сыну, а от серой — младшему и отправился в степь.

Подъезжает к аулу. У юрт встречают его собаки. Они дружно залаяли, окружили его, но вскоре поджали хвосты и лениво разошлись по юртам. Батыр приходит к мулле и хвастается, что он очень сильный: съедает враз по целому барану и одной рукой сдирает кожу с коровы. С этим он вызывает муллу побороться.

Трусливый мулла отказывается и, чтоб откупиться от батыра, отдает ему кое-какое имущество.

---

[1] Раньше деления на кара-киргизов и киргиз-кайсаков не было. Оба этих народа назывались киргизами.

Батыр роздал это имущество бедным и направился в следующий аул. У первой же юрты на него набросилась стая собак, едва не стащила с лошади.

«Тут меня убьют»,— подумал батыр, останавливая лошадь у юрты бая.

Навстречу ему вышел хозяин. Батыр сообщил ему, что он съедает враз по барану и одной рукой сдирает кожу с коровы. С этим он вызывает аксакала побороться. Аксакал принял предложение и кликнул людей своих. Сбежались жигиты, стащили батыра с лошади, выкололи ему глаза и бросили в яму.

Прошло много лет. Сыновья этого батыра выросли и спрашивают у матерей, где их отец. Матери рассказали, что отец их был батыром: враз съедал барана и одной рукой сдирал кожу с коровы. Поехал он бороться с богатыми аксакалами и не вернулся.

Сыновья отправились в степь на поиски отца. Приехали они к тому мулле, что отказался бороться с их отцом, и спросили об отце. Мулла испугался и заявил, что он знать не знает, ведать не ведает о таком батыре.

Сыновья садятся на лошадей и едут дальше. Приезжают к тому самому аксакалу, что выколол их отцу глаза, и спрашивают, не приезжал ли к нему батыр, враз съедавший барана и одной рукой сдиравший шкуру с коровы. Аксакал подумал и ответил, что о таком он слыхом не слыхал и видом не видал. Отец из ямы услышал разговор и кричит детям:

— Врет аксакал, врет. Он мне выколол глаза и спрятал в яму.

Братья поспешили к яме и на дне ее увидели слепого старца. Сердца их наполнились гневом. Они схватили бая и выкололи ему глаза, столкнули в яму, а отца посадили на коня и поскакали в ковыльную степь.

Только на берегу Ика сыновья увидели, какой отец грязный и в струпьях весь. Они раздели его и завели в воду. Батыр окунулся раз, и седину с него как рукой сняло. Окунулся второй раз — глаза прозрели, окунулся в третий — и по жилам заструилась молодецкая кровь.

Батыр вышел из воды и поклялся солнцу перевести в степи всех богатых аксакалов.

МУДРЫЙ ЖИРЕНШЕ И КРАСАВИЦА КАРАШАШ

В давние времена жил мудрец по имени Жиренше-Шешен. Ум этого человека был глубок и беспределен, как море, речь текла из его уст, подобно песне соловья. Но, несмотря на все свои достоинства, был Жиренше беден, как никто в степи; лачуга его была так убога, что когда он ложился, то ноги его торчали за порогом, а в ненастную погоду ветер и дождь свободно проникали в нее сквозь множество щелей.

Как-то раз ехал Жиренше с товарищами по степи. День клонился к вечеру, и всадники торопили коней, чтобы засветло добраться до жилья.

Вдруг путь им пересекла широкая степная река. На том берегу реки был аул, а на этом несколько женщин собирали в мешки кизяк.

Подъехав к ним, всадники учтиво поздоровались и спросили, как переправиться через реку.

Тогда из толпы женщин вышла молодая девушка, которую подруги

называли красавицей Карашаш. Было на ней ветхое, залатанное платье, но вся она сияла невиданной красотой: глаза у нее были, как звезды, рот, как месяц, а стан, точно стройная и гибкая лоза.

— Есть два брода,— сказала девушка.— Тот, что налево,— близок, да далек; тот, что направо,— далек, да близок.— И она указала две тропинки, ведущие к бродам.

Один лишь Жиренше понял слова девушки и повернул коня направо.

Через некоторое время он увидел брод. Дно здесь было песчаное, вода мелкая. Он без труда переехал реку и быстро доскакал до аула.

А товарищи его выбрали ближний брод и вскоре раскаялись в этом. Не достигли они и середины реки, как кони их глубоко увязли в тине, и им пришлось спешиться на самом глубоком месте и с поводом в руке брести к берегу. Уже смеркалось, когда мокрые и озябшие, въехали они в аул.

Жиренше остановил коня у крайней юрты. Это была самая бедная юрта в ауле, и он сразу догадался, что она принадлежит родителям той девушки, которая указала ему брод. Жиренше дождался товарищей, и лишь только всадники сошли с коней, как навстречу им вышла мать Карашаш и попросила их быть гостями ее семьи.

Они поблагодарили добрую женщину и вошли в юрту.

Внутри юрта была так же бедна, как и снаружи. Вместо ковров хозяйка постелила гостям сухие шкуры шерстью вверх. Спустя некоторое время в юрту вошла и Карашаш с полным мешком кизяка за плечами.

Пора была весенняя, и перед закатом прошел сильный ливень. Все женщины вернулись из степи с мокрым кизяком, и семьи их в эту ночь легли спать без ужина.

Одна только Карашаш принесла сухой кизяк. Она развела костер, обогрела и обсушила гостей.

— Как ухитрилась ты уберечь кизяк от дождя? — спросили ее приезжие.

И девушка рассказала им, что когда начался дождь, она легла на мешок с кизяком и заслонила его своим телом. У нее вымокло платье, но платье ведь легко высушить у очага. Она не могла поступить иначе, так как отец ее — пастух, возвращается к ночи голодный и мокрый, и ему худо пришлось бы без огня. Другие женщины во время дождя сами спрятались под мешками, но замочили и одежду и кизяк.

Гости выслушали ответ девушки и подивились ее уму.

Между тем им захотелось узнать, какое угощение ждет их за ужином.

Карашаш сказала им так:

— Отец мой бедный, но гостеприимный человек. Когда пригонит он байское стадо, то, если добудет, зарежет для вас одного барана, а не добудет,— так даже две овцы.

Никто, кроме Жиренше, не понял слов девушки, все приняли их за шутку.

Пришел отец Карашаш. Увидев у себя чужих людей, он побежал к баю просить барана на ужин нежданным гостям.

Бай прогнал его, не дав ничего.

Тогда пастух зарезал свою единственную овцу, которая вскоре должна была принести ягненка, и из ее мяса приготовил вкусное кушанье для приезжих жигитов.

Только тут гости поняли значение слов Карашаш.

Жиренше за ужином сидел напротив Карашаш. Пленившись ее красотой и умом, он тайком приложил руку к сердцу в знак того, что горячо ее полюбил.

Карашаш, не спускавшая с него глаз, заметила это движение и дотронулась пальцами до своих глаз: она хотела этим сказать, что его чувства не укрылись от ее взора.

Тогда Жиренше погладил себя по волосам, желая спросить, не потребует ли за нее отец в калым столько скота, сколько у него волос на голове.

Карашаш провела рукой по шерсти кожи, лежавшей под ней, намекая, что отец не отдаст ее и за столько голов скота, сколько шерстинок на бараньей коже.

Жиренше, вспомнив о своей бедности, печально опустил голову.

Девушке стало жаль его. Она отвернула уголок кожи и прикоснулась пальцами к ее гладкой стороне. Так дала она понять Жиренше, что отец отдаст ее и даром, если найдется достойный жених.

Пастух все время наблюдал за безмолвным разговором молодых людей. Он понял, что они полюбили друг друга и что Жиренше так же умен, как и его дочка. Поэтому, когда Жиренше решился просить у него Карашаш себе в жены, он с радостью согласился.

Через три дня привез Жиренше молодую жену в родной аул.

Слава о прекрасной и мудрой Карашаш быстро облетела всю степь и наконец достигла дворца хана.

Слушая льстивые речи своих визирей о том, что нет на свете женщины красивее и умнее Карашаш, хан загорелся завистью к бедняку Жиренше и решил отнять у него жену.

Однажды прискакал к лачуге Жиренше ханский гонец и именем хана приказал ему немедленно явиться с женой ко дворцу.

Делать нечего, отправились они в путь.

Как только хан взглянул на Карашаш, он тут же полюбил ее и, решив во что бы то ни стало сделать ее своей женой, повелел Жиренше остаться у него в услужении...

Днем Жиренше служил в ослепительном ханском дворце, а вечером, усталый, возвращался в свою хижину к Карашаш.

И тут, наслаждаясь своей свободой, он склонялся головой на колени любимой жены, говоря:

— Какое счастье сидеть в своей лачуге! Она просторнее ханских палат.

А ноги его в это время торчали за порогом.

Шло время, а хан не переставал думать о том, как бы погубить Жиренше и овладеть Карашаш. Много раз давал он ему опасные и мудреные поручения, но Жиренше всегда быстро и точно исполнял их, и не было повода его казнить.

Случилось так, что хан проезжал со своей свитой по степи. День был ветреный. По степи катилось перекати-поле. Хан сказал Жиренше:

— Догони перекати-поле и разузнай у него, куда и откуда оно катится. Смотри, не добьешься от него ответа — не сносить тебе головы.

Жиренше погнался за перекати-поле, настиг его, пронзил копьем и, постояв над ним некоторое время, вернулся назад.

Хан спросил:

— Ну, что сказало перекати-поле?

Жиренше ответил:

— О великий хан, перекати-поле шлет тебе поклон, а сказало оно мне вот что: «Куда и откуда я качусь — ведомо ветру, где остановлюсь — ведомо оврагу. Это понятно само собой. То ли ты дурак, что задаешь мне такие вопросы, то ли хан дурак, что прислал тебя расспрашивать меня об этом».

Хан понял намек, но ничего не ответил Жиренше и лишь глубже затаил злобу против него.

Другой раз хан приказал Жиренше под страхом смерти явиться к нему так, чтобы было это ни днем, ни ночью, ни пешком, ни на коне, чтобы не оставался он на улице и не вошел во дворец.

Опечалился сначала Жиренше, но потом посоветовался с Карашаш, и они вместе придумали, как выйти из затруднения.

Жиренше явился к хану на утренней заре, сидя верхом на козе и остановился под самой перекладиной ворот.

Опять не удалась ханская хитрость. Тогда он изобрел новую.

Когда наступила осень, он потребовал к себе Жиренше и, вручив ему сорок баранов, сказал:

— Я даю тебе этих баранов, и ты должен ходить за ними всю зиму. Но знай: если к весне они не принесут по ягненку, как овцы, я прикажу отрубить тебе голову.

Жиренше побрел домой в глубокой печали, гоня перед собой стадо баранов.

— Что с тобой, муж мой? — спросила его Карашаш.— Отчего ты так печален?

Жиренше рассказал ей о сумасбродном приказании хана.

— Возлюбленный,— воскликнула Карашаш,— стоит ли горевать по пустякам! Зарежь к зиме всех баранов, а по весне — увидишь сам — все обойдется как нельзя лучше.

И Жиренше сделал так, как сказала Карашаш.

Наступила весна.

И вот однажды постучался у дверей хижины Жиренше ханский гонец и объявил, что следом за ним скачет сам хан: хочет он узнать объягнились ли его бараны.

Опечалился Жиренше, чувствуя, что уж теперь не избегнуть ему смерти.

А Карашаш говорит:

— Не горюй, дорогой. Спрячься в степи и не показывайся до вечера. Я сама приму хана. Все обойдется как нельзя лучше. Иди.

Жиренше послушался жены и ушел в степь, а Карашаш осталась в хижине. Вскоре слышит она конский топот и грозный голос:

— Эй, кто там! Откликайтесь!

Карашаш по голосу сразу узнала хана. Она вышла из хижины и низко поклонилась ему.

— Где же твой муж? Почему он не встречает меня? — сердито спросил хан.

И Карашаш ответила ему почтительно:

— О могущественный хан, смилуйся над моим несчастным мужем: он отлучился из дому, чтобы угодить тебе. Как услышал он, что ты едешь навестить нас, так вошла к нему в сердце скорбь, потому что бедны мы и ничего нет у нас в запасе для угощения знатных гостей. Мой муж поспешил в степь, чтобы подоить свою ручную перепелку и из ее молока приготовить для тебя кумыс. Войди в нашу лачужку, великий хан, муж скоро вернется и угостит тебя на славу.

Хан рассвирепел.

— Ты смеешься надо мной, негодная женщина! — закричал он.— Где это видано, чтобы доились перепелки!

— Чем ты поражен, ясноокий хан? — как ни в чем не бывало сказала Карашаш.— Разве тебе неизвестно, что в стране, которой управляет мудрый, случаются и не такие чудеса? Не твои ли сорок баранов собираются объягниться со дня на день?

Хан понял, что попал впросак. Не зная, куда деваться от стыда, он круто повернул коня, что есть силы хватил его плетью и скрылся с глаз.

С той поры он оставил Жиренше и Карашаш в покое, и они счастливо прожили вместе до глубокой старости.

Жиренше был на охоте, когда умерла Карашаш.

По обычаю того времени, товарищи его выехали на дорогу, чтобы уведомить его о несчастье.

Вдали показался Жиренше. Он ехал шагом и пел веселую песню. У седла его висело три убитых лебедя.

Товарищи пригласили Жиренше присесть возле них и, не решаясь сообщить ему горестную весть, начали беседу издалека.

— Ты повсюду прославился своей мудростью, Жиренше,— сказали они.— Так ответь же нам: чего лишается человек, когда у него умирает отец?

— Умер отец — рухнули стены крепости, хранившие человека от бед.

— Хорошо,— сказали товарищи.— Чего же лишается человек, когда у него умирает мать?

Жиренше ответил:

— Умерла мать — иссяк родник любви, поивший человека.

— Хорошо,— сказали товарищи.— С чем же ты сравнишь смерть брата?

Жиренше ответил:

— Умер брат — пала опора, поддерживавшая человека.

— Скажи же напоследок, мудрый Жиренше, что теряет человек со смертью любимой жены?

— Моя Карашаш умерла! — вскричал Жиренше, сразу догадавшись обо всем.

Он хотел поспешить к телу своей возлюбленной и, весь в слезах, стал подниматься на ноги, опираясь на рукоять плети. Но рукоять переломилась под ним, и Жиренше мертвый повалился на землю.

УМНАЯ КАРАШАШ

Хан позвал к себе Жиренше, дал ему трехлетнего быка и велел сварить его живым. Привел Жиренше быка домой, спрашивает жену, что делать. Жена сказала:

— Это легко!

Велела принести пять пудов соли. Жиренше принес. Положили в котел пуд соли, налили воды. Затем стали гонять быка. Бык устал; от усталости он разбросал свой помет. Они напоили быка раствором соли и привязали его. Утром на другой день жена опять велела гонять быка; опять выпоили быку целый котел воды, в котором была соль растворена. В течение пяти дней растворили пять пудов соли и выпоили быку. На шестой день она опять велела гонять быка. Бык перестал давать помет. На седьмой день хан спрашивает:

— Сварили ли быка?

— Сварили,— отвечают ему.

Хан приказал зарезать быка. Зарезали. Когда вскрыли внутренности,—крови нет. Осмотрели кости — только в мозговой кости нашли немного крови.

Так Карашаш выполнила задание хана.

ХАН И КАРАШАШ

Хану понравилась красавица Карашаш, жена остряка Жиренше. Хан отправил Жиренше с поручением в дальний путь, чтоб застать жену его одну. Эту затею угадала Карашаш. Она купила несколько яиц и покрасила их в различный цвет.

Как только Жиренше отправился в путь, хан явился к Карашаш. Она встретила его, как полагается встретить почетного гостя: поставила самовар на накрытый чисто стол, фрукты, овощи и покрашенные яйца.

Хана несколько удивило то, что яйца были покрашены в различный цвет. Но он промолчал и ничего не сказал Карашаш. И когда он, очистив скорлупу, съел несколько яиц, Карашаш спросила хана:

— Мой повелитель! Вам понравились окрашенные в различные цвета яйца! Одни кажутся краше других. Отличаются ли они по вкусу, или все одинаковы?

Хан ответил Карашаш на ее вопрос так:

— Все одинаковы, словно одной курицы яйца. Хотя окраска скорлупы различна, содержание их одинаково.

Тогда Карашаш сказала хану:

— Точно так же и у женщин внешний вид различен, как у этих разноцветных яиц. Одни — красавицы, другие — менее привлекательны, а третьи просто некрасивы. Однако все они остаются женщинами.

Хан был посрамлен. Он не знал, что ответить Карашаш на это, и уехал к себе во дворец.

КУЗНЕЦ И ЕГО ВЕРНАЯ ЖЕНА

Давно, говорят, это было. Жил в одном городе искусный кузнец. Руки его могли сотворить все, что в состоянии придумать человеческий разум, не могли только добыть вдоволь хлеба для мастера и его жены. Бедно жил народ в том городе, а кузнец, нигде не находя работы, бедствовал больше всех. Никогда он не предавался унынию, всегда шутил с товарищами и пел песни, но сердце его от забот почернело, как уголь. Сам-то он готов был сносить любые невзгоды, да горько ему было смотреть, как бьется в нужде молодая жена, такая красавица, какие рождаются раз в сто лет. Вот и запало кузнецу в голову отправиться

на заработки в столицу хана, где богатым людям, быть может, понадобятся изделия его рук.

Прощаясь с женой, он сказал:

— Жизнь моя! Ухожу в чужой край на три года. Будешь ли ты помнить меня до встречи? Будешь ли верна мне в разлуке?

Наклонилась красавица к земле, сорвала голубой цветочек и подала его мужу с такими словами:

— Возлюбленный мой! Возьми этот цветочек и храни его так, как я стану хранить свою супружескую честь. Где бы ты ни был, сколько бы ни странствовал, знай: пока не увянет цветок, не увянет моя любовь к тебе...

Придя в столицу, кузнец зашел в чайхану, чтобы выпить с дороги чашку чаю. Здесь среди разного сброда увидел он трех богато одетых

мужчин, которые сидели в молчании, не притрагиваясь ни к еде, ни к питью, точно их тяготило какое-то горе. Заметив вошедшего незнакомца, люди эти стали разглядывать его так пристально, что кузнецу сделалось не по себе.

— Что вы так смотрите на меня, почтенные гости? — заговорил кузнец.— Я бедный, но честный человек. Пришел в столицу из дальних мест поискать работы. Я мастер, кузнец, и кто поручит мне какое-либо дело, не пожалеет вовек, что связался со мною.

Трое мужчин переглянулись между собой, и старший из них, подозвав кузнеца, сказал ему дружелюбно:

— Слушай, кузнец, внимательно каждое мое слово. Мы трое — визири хана, о чем не знает и не должен знать хозяин чайханы. Не праздность и любопытство, а важное дело заставляет нас бродить по базарам и караван-сараям, по чайханам и прочим людным местам. Хан повелел нам построить для него дворец из золота и серебра, обещая награду, если желание его будет исполнено, и угрожая смертью, если дворец не будет воздвигнут в срок. Мы находимся в большом затруднении, так как время течет, а нам никак не удается отыскать во всей столице мастера, который решился бы взяться за столь необычную работу. Не поможешь ли ты нам если не делом, то хоть советом?

Просияв от счастья, кузнец сказал:

— Мудрые визири, сама судьба открыла передо мной дверь в эту чайхану. Дайте мне сколько нужно золота и серебра, дайте семьдесят помощников, и я построю к сроку такой дворец, какого еще не было ни у одного хана.

В тот же день кузнец приступил к работе. Запылали горны, зазвенел под молотом драгоценный металл, забегали туда-сюда проворные люди, выполняя распоряжения главного мастера. В назначенный срок дворец был готов. И правда, никогда еще ни одну столицу не украшало подобное здание: золото и серебро, из которых были возведены его стены и кровля, не стоили ничего в сравнении с его красотой.

Когда хан увидел новый дворец, он, как дитя, вскрикнул от восхищения и тут же утроил жалованье своим визирям. Потом он сказал:

— Хочу видеть мастера, создавшего на земле это неземное чудо!

Привели кузнеца, хан обнял его нежней, чем сына, и произнес слова, каких от него еще никто не слышал:

— Отныне,— сказал хан,— ты будешь моим ближайшим советни-

ком и другом. Мне угодно, чтобы никто из моих подданных или чужеземных владык не воспользовался бы твоим дарованием и мастерством. Ты будешь жить со мной в этом прекрасном дворце и будешь работать только для меня.

С этой минуты визири, хотя они были обязаны теперь кузнецу жизнью и несметным богатством, затаили против великого мастера зависть и злобу и стали поодиночке и сообща думать о том, чтобы как-нибудь погубить его наветом и клеветой.

Кузнец поселился во дворце. Что ни день — он подносил хану какую-либо диковинную вещь, причем всякий новый подарок затмевал изяществом и тонкостью работы предыдущий. Хан все больше привязывался к кузнецу, а визири все больше его ненавидели. Они следили за каждым шагом простодушного мастера и вскоре приметили, что время от времени он вынимает из-за пазухи какой-то голубой цветок, подолгу глядит на него, шевеля губами, нежно целует и вновь бережно прячет на груди.

Явившись к хану, визири доложили:

— Всесильный хан! Любимец твой кузнец — колдун и чародей. Он построил дворец и добился твоего расположения с помощью волшебного цветка, который прячет от глаз честных людей. Нам кажется, что злодей нечто замышляет против тебя и твоей священной жизни.

Хан был мнителен и горяч. Он приказал немедленно позвать кузнеца, и когда тот прибыл, в гневе воскликнул:

— Что это за цветок ты таишь от меня на своей груди? Отвечай, если хочешь пощады.

Кузнец сразу сообразил, кто выдал его тайну, и тогда, вынув неувядающий цветок, он чистосердечно рассказал хану о своей красавице-жене, о прощании с ней, о ее напутственных словах.

— Этот наглец осмеливается говорить ложь своему повелителю,— прервал кузнеца старший визирь.— Нам хорошо известно, что жена давно ему изменила. Нет женщины, которая не польстилась бы на деньги и на подарки. Эта же и за грош готова впустить к себе на ночь мужчину. Если великий хан позволит, я докажу ему это.

Хан сказал:

— Хорошо.

А кузнеца он велел, до возвращения с доказательствами первого визиря, взять под стражу, не чиня ему вреда.

И вот первый визирь поскакал в город, где жила жена кузнеца, свел здесь знакомство с каким-то темным человеком и, подкупив его, открыл перед ним свои замыслы.

Тот сказал:

— Нет ни в городе, ни в целом свете женщины, более непорочной и любящей, чем жена кузнеца. Одна Жалмауз-кемпир может помочь тебе в задуманном предприятии.— И, не откладывая до завтра, он привел к визирю зловредную старуху.

Жалмауз-кемпир прогнусавила:

— Если у тебя, пришелец, найдется тысяча червонцев для жены кузнеца и если ты согласен хорошо заплатить мне за услугу, я употреблю всю хитрость, чтобы свести тебя с этой женщиной.

Получив тысячу червонцев, Жалмауз-кемпир половину забрала себе, а другую половину принесла жене кузнеца, говоря:

— Дочь моя, муж твой скитается по чужим городам и, видно, давно забыл про тебя. Эти деньги посылает тебе на мелкие расходы один достойный человек, который горячо тебя любит. Он знатен и богат, и если ты будешь ласкова с ним, он тебя озолотит и осчастливит.

Молодая женщина отвечала:

— Добрая старушка! Приведи этого человека ко мне в гости. Я оставлю открытой калитку. Укажи ему вход, а сама отправляйся домой. Он получит то, чего заслуживает.

Старуха встретилась с визирем и сказала:

— Жена кузнеца так и ухватилась за деньги. Она на все согласна. Нынче вечером ты будешь с нею. Заплати же теперь мне за труды.

Визирь сунул старухе пригоршню золотых — так он был доволен удачей.

Когда стемнело, визирь уже был в доме кузнеца. Красавица с улыбкой и шутками приняла гостя, усадила его у очага и поставила перед ним кумыс и всевозможные кушанья. Но только визирь, разнежась, протянул руку к угощениям, как вдруг раздался резкий стук в калитку.

— Что это? — в страхе спросил визирь.

Жена кузнеца хорошо знала, что это: она еще днем подвесила у калитки молоток мужа, а теперь ночной ветер раскачал его, и молоток забарабанил по дереву. Но женщина сделала вид, что и сама она тоже ужасно перепугана, и, всплеснув руками, быстро заговорила:

— О мой драгоценный гость, должно быть, это стучится мой брат.

Он не задержится долго. Спрячься, прошу тебя, на минутку в соседней комнате!..

И открыла перед гостем дверь.

Едва визирь ступил на порог, женщина подтолкнула его сзади, и несчастный полетел вниз головой в глубокую темную яму. А жена кузнеца захохотала наверху.

В эту минуту, сидя под стражей в ханском дворце, кузнец достал голубой цветок и поглядел на него: цветок был свеж и пахуч, как в день разлуки с любимой. И кузнец нежно поцеловал его.

На другой день жена кузнеца кинула в яму ворох овечьей шерсти и приказала своему пленнику расчесывать ее.

— Да смотри, работай усердно, не то в полдень не получишь просяной лепешки!

Много дней провел визирь в яме за работой, получая на обед просяную лепешку, а хан все ждал его, и наконец ожидание наскучило ему.

Однажды он говорит второму визирю:

— Видно, твой старший приятель ничего не добился, раз он не смеет показаться мне на глаза. Горе вам, если вы оклеветали мастера! Визирь похолодел от страха, он не захотел признаться в злом умысле против кузнеца.

— О великий хан,— сказал он,— мы говорили тебе чистую правду. Прикажи — и я докажу тебе это.

Хан сказал:

— Хорошо!

Миновало какое-то время, и со вторым визирем произошло все точь-в-точь так же, как и с первым. Потратив напрасно деньги и старания, и он угодил в темную яму. Очутившись на дне, он разглядел в яме человека, расчесывавшего овечью шерсть.

— Кто ты? — спросил второй визирь.

— А ты кто? — спросил у него первый визирь.

Тут они узнали друг друга и принялись ссориться, упрекая один другого в своей нежданной беде. А жена кузнеца хохотала наверху.

Потом она опустила в яму прялку и приказала второму визирю прясть овечью шерсть.

— Да смотри у меня, будешь работать плохо—не получишь в обед просяную лепешку!

Кузнец же в ту пору опять вынул голубой цветок и увидел, что он

все так же свеж, все так же пахуч, как и прежде. И он радостно улыбнулся.

Хан же, не дождавшись второго визиря, посылает к жене кузнеца третьего.

— Если ты не явишься назад через три недели, то тебе и тем двум негодяям не уйти от виселицы!..

В тоске и смятении, предвидя недоброе, двинулся в путь третий визирь, и предчувствия его не обманули: вскоре его постигла горькая участь сообщников, и он встретился, хоть и без радости, с ними на дне сырой ямы. Все трое винили друг друга в случившемся. А жена кузнеца хохотала где-то вверху.

Новый узник получил от женщины ткацкий станок и такое наставление:

— Ты должен соткать мне за три недели красивый ковер. Берись-ка живей за работу да не ленись: от тебя самого будет зависеть, достанется ли тебе в полдень просяная лепешка.

А голубой цветок кузнеца был так свеж и пахуч, точно его только что сорвала рука возлюбленной.

В один из дней хан приказал привести к нему кузнеца. Когда кузнеца привели, он сказал:

— Три моих визиря до сих пор не вернулись ко мне от твоей жены. Я подозреваю, что она погубила их колдовством. Если это так, я снесу голову ей и тебе. Но ежели визири напрасно очернили тебя, еще более суровая кара постигнет их. Я вознамерился сам побывать в твоем доме и узнать истину. Ты будешь сопровождать меня в пути.

Через некоторое время пышный ханский караван уже входил в город кузнеца. Приблизившись к своему дому, кузнец обратился к хану с просьбой разрешить ему предупредить жену о приезде такого высокого гостя. Хан дал согласие, и кузнец вошел в калитку.

Увидев мужа, красавица бросилась к нему на грудь, и они в немногих словах рассказали друг другу все, что случилось с ними после разлуки. Потом кузнец с почетом ввел в дом хана и его свиту.

Поклонами и приветствиями встретила женщина могущественного посетителя. И была она так прекрасна собой, движения ее отличались таким достоинством, а речь — таким умом, что хан сразу смягчился сердцем и милостиво принял угощение из рук простой горожанки.

Сидя на красивом ковре с чашей кумыса, хан спросил:

— Женщина, не являлись ли к тебе в отсутствие мужа — один за другим — три моих визиря?

— Да будет долог твой век, великий хан! Место визирей — подле своего повелителя. Какие намерения, кроме недостойных, могли бы привести их в жилище бедной и одинокой женщины?

Хан смолчал и, чтобы скрыть свое смущение, спросил снова:

— Где ты, женщина, приобрела богатый ковер, что лежит подо мной?

— Великий хан, этот ковер соткали мои служанки.

Хан сдвинул брови.

— Служанки? Но твой муж говорил мне, что покинул тебя в жестокой бедности. Откуда же у тебя появились деньги, чтобы содержать служанок?

— Мои служанки выполняют все, что я им прикажу, за просяную лепешку в сутки.

— Этому невозможно поверить,— сказал подозрительно хан.

— Властитель, сейчас ты увидишь моих служанок собственными глазами, и они подтвердят мои слова,— проговорила женщина и скрылась за дверью.

Вытащив из ямы трех визирей, она сказала им шепотом:

— Беда, вернулся мой муж. Стоит ему увидеть вас в своем доме — и вы пропали. Я наказала вас за дерзость, но не желаю вашей смерти. Вот вам бритва — сбрейте поскорей усы и бороду; вот вам мои старые платья,— переоденьтесь в них не мешкая, и я выведу вас из дома под видом своих подруг.

Визири беспрекословно выполнили все, что потребовала женщина. Тогда она приказала им взяться за руки и ввела их в комнату, где в свое время каждый из них ждал угощения и любовных утех, а ныне восседал хан, окруженный телохранителями.

Увидев перед собой своего грозного владыку, визири остолбенели, хан же долго смотрел на них в недоумении и наконец сказал:

— Какие странные у тебя служанки, женщина. Ростом и станом — это мужчины, а по обличию и одежде — женщины. Мне кажутся знакомыми их лица. Кто эти оборотни?

— Это те,— сказал кузнец за жену,— что чернили перед тобой меня и порочили мою верную супругу. Такова истина, мой хан.

Тут визири рухнули на колени и повинились во всех своих черных делах.

В гневе слушал их хан вначале, но потом, когда визири дошли до своих злоключений в доме кузнеца, губы его дрогнули, плечи затряслись, и он так рассмеялся, что расплескал на свой шелковый халат весь кумыс из чаши.

А кузнец с женой покорно ждали своей участи.

И вот, насмеявшись до слез, хан приосанился и сказал:

— Давно у меня не было такого веселого дня. Пусть же с этих пор три глупца, которых провела женщина и которых я прежде называл своими визирями, служат при мне презренными шутами. Ты же, мой славный мастер, и твоя верная жена поедете со мной в столицу, как мои дорогие гости, и я награжу вас по заслугам и достоинствам.

Прошли годы. Давно уже истлели кости хана и визирей, ставших шутами, и кузнеца, и его красавицы-жены, а создания рук старинного мастера и его история сохранились в народе до наших дней.

НЕБЫЛИЦЫ И АНЕКДОТЫ

КТО БОЛЬШЕ ВСЕХ

В одном степном озере жил золотистый карась. Огромный карась. Он мог проглотить с рогами быка.

Карась любил в солнечные дни нежиться на солнце. Выплывет наверх, и чуть-чуть шевеля плавниками, спит.

Вот раз над озером летел орел. Увидел он светящуюся чешую карася и стрелой пал на него. Бедный карась только в воздухе понял, что это не сон.

Летел орел, взмахами крыльев нагоняя тучи. Слезы карася пролились на землю дождем.

Старый пастух спрятался от дождя под бородой большого козла. Орел спустился вниз и сел на козлиные рога. Сидит на рогах, расклевывает карася.

Пастух высунулся из-под козлиной бороды и посмотрел в небо. В это время из клюва орла вылетела кость и попала старику в глаз. Старик позвал людей из аула и сказал.

— Мне в глаз попала какая-то соринка.

Лег пастух на спину, сорок человек сели в лодку и поплыли по глазу пастуха, чтобы вытащить кость. Достали кость из глаза и бросили на землю. Из кости потекли реки. Цветы и травы зацвели на земле. Народ в этой долине стал зимовать и проводить лето. Хорошо жили: жирели бараны, паслись косяки кобылиц, плодился скот. Но появился большой зверь, он стал съедать в одну ночь по десяти коров и по сто овец. Никто не мог увидеть зверя. А след его далеко уходил в горы.

Вот сто лучших охотников поехали ловить большого зверя. Долго они ездили. Наконец увидели на горе лисицу. Большая лисица, сама она на вершине сидит, а кончик хвоста — внизу у ручья.

Долго охотники за этой лисицей гонялись и наконец убили. Шкуру сняли только с одного бока. На другой бок мертвую лисицу перевернуть не могли. Так половину шкуры на месте и оставили. Из снятой шкуры сто охотников сшили себе по шубе.

В этой же степи жила одна великанша. У нее родился ребенок, и сыночку понадобилась шапка. Великанша пошла к убитой лисице, одной рукой перевернула ее и сняла другую половину шкуры.

Пока великанша шкуру выделывала, рос сыночек. Когда стали шить шапку для ребенка, этой лисьей полушкурки хватило только на половину шапки.

Кто в этой стране великанов больше всех?

ЖАУЫРЫН[1]

У одного бая был серый бык, который сорил золотом и мочился серебром. Этого быка пасли три сына бая: младший пас хвост быка, средний — бок быка и старший — голову.

Однажды к младшему брату подъехал проезжий человек. Пастух бычьего хвоста и говорит гостю:

— У быка запор, и он перестал сорить золото: угостить гостя нечем. Поезжай дальше, там мой брат пасет бок быка. Он угостит тебя.

Целый день ехал проезжий человек и только к вечеру добрался до среднего брата. Он рассказал среднему брату, что был у младшего и тот сказал ему, что бык перестал сорить золото и ему угостить нечем.

Средний брат сказал, что и он не может накормить его: бык перестал мочиться серебром. Послал он гостя к старшему брату, который пас голову.

Поехал он с утра и только к вечеру доехал до головы быка. Рассказал старшему брату, что видел его младшего и среднего братьев и что они сказали, что бык не дает ни золота, ни серебра. Вот он и пришел к нему.

---

[1] Жауырын — лопаточная кость.

На это старший брат сказал ему, что и он заметил перемену в быке. Бык ест траву, но жвачку потерял. Когда они разговаривали, прилетел орел-богатырь, схватил быка и улетел. Долго он летел. Потом опустился над стадом коз, которое паслось в степи. Сел на рог одного козла и стал есть быка. Под бородой козла, в тени, спал пастух. Лопаточная кость быка выпала из когтей птицы и попала в глаз спавшего. Пастух пошел к своей жене. Та увидела кость серого быка и начала вытаскивать, но кость не выходила. Тогда она взяла курек,[2] выковырнула ею кость из глаза мужа и бросила в степь. Пошел дождь. В ямочной части лопатки скопилась вода, образовалось озеро, и теперь люди стали останавливаться около озера во время перекочевки. Бежала как-то мимо лисица, заметила на лопатке остатки сухожилия, схватила лопатку и убежала с нею. Народ стал догонять лису, чтоб отнять у нее лопатку. Скоро догнали лисицу и убили. Стали снимать с нее шкуру; сняли с одной стороны, обращенной кверху, но шкуру на другой стороне должны были оставить неснятой, потому что не могли перевернуть лисицу на другой бок.

Из снятой половины шкуры сшили всему кочевому народу шапки. В это время у одной казашки родился сын. Она тоже решила сшить ему шапку, пошла и сняла шкуру с другой стороны, но этой шкуры хватило лишь на четверть шапки.

Решить надо, кто больше: серый ли бык, козел ли, птица ли, сын казашки, пастух или лисица?

---

[2] Курек — лопата.

ВЕРНЫЙ СОН

Однажды три охотника, пробыв целый день на охоте, убили только одного гуся. Усталые и голодные, они возвратились к своему становищу и стали варить гуся.

Когда гусь был готов, охотники стали спорить, кто должен съесть его, так как на всех одного гуся было маловато. Каждому из охотников обидно уступать другому добычу, а потому все, по общему согласию, порешили: оставить сваренного гуся до утра, а утром отдать его тому, кто увидит наиболее подходящий сон.

Легли спать. Когда двое заснули, третий охотник тихонько встал, съел гуся и опять закрыл казан.

Утром все проснулись. Стали рассказывать сны. Вот первый охотник и говорит:

— Мне снилось, что я ездил на коне куда-то далеко и дорогой встретил большую птицу. Она села ко мне на седло и не отставала от меня.

— А мне снилось,— сказал другой,— что у меня выросли крылья, и я летал высоко, как птица.

Тогда третий охотник, тот самый, который съел гуся, сказал:

— Вот правда: действительно, один из вас уезжал куда-то, а другой улетел. Мне одному ничего не оставалось делать, как съесть гуся, от которого вы оба отступились.

Посмотрели в казан — гусь действительно был съеден.

УПРЯМАЯ ЖЕНА

Никто не помнит, когда именно, в давно минувшее или недавнее время, у одного смирного, добродушного и умного человека была очень злая, ревнивая и упрямая жена. Она постоянно преследовала своего мужа, бранила его и все делала наперекор его желаниям.

Долго мучился бедный мужик, старался всеми силами достигнуть спокойной жизни, но никак ему не удавалось это. Испробовав все средства для укрощения жены и, видя, что упрямая жена чем дальше, тем больше становится злою, он решился на последнее средство: удалиться от жены в такое место, чтобы она не могла найти его. Но и это ему не удалось сделать тайно. Тогда он решил отыскать такой уголок, чтобы никто не смог найти его. К счастью, недалеко от жилища была огромная пропасть, такая большая, что не видно было конца и края. Эту пропасть и задумал избрать для своего убежища мужик. В один прекрасный день он стал собирать веревки для того, чтобы спуститься по ним в пропасть, но как ни старался делать это скрытно от жены, не мог. Увидела жена и спрашивает:

— Ты куда это собираешься?

— Нужно, дело есть,— ответил ей муж.

— Д-е-ло! Я тебе дам дело. Ты хочешь промотать веревки. Нет, этому не бывать, пойдем вместе,— закричала на бедного мужа жена.

Делать было нечего: пошли они вместе. Пришли к пропасти. Мужик стал привязывать один конец веревки, чтобы спуститься в пропасть.

— Ты что это делаешь? — спросила жена.

— Хочу спуститься в пропасть,— сказал мужик.

— Зачем? — спросила строго жена.

— Там лежит богатый клад,— сказал ей на это мужик.

— Ну так я сама спущусь туда и достану,— решила жена.

— Незачем тебе трудиться,— стал возражать муж,— лучше я достану, а ты обожди меня здесь.

Долго спорили между собой, в конце концов мужик должен был уступить упрямой жене.

И когда она спустилась в пропасть, он обрезал веревку, и так избавился от сварливой жены.

НАХОДЧИВАЯ ДЕВУШКА

Хан влюбился в дочь бедняка. Она была молода и красива. Хан послал сватов.

— Слишком уж стар хан, а дочь моя молода. Поэтому я не могу согласиться на предложение хана,— сказал отец девушки сватам.

— У хана неограниченная власть, и потому он волен взять меня, когда ему заблагорассудится,— сказала дочь своим родителям.

Затем, обращаясь к сватам хана, она сказала:

— Я не могу противиться желанию хана и выйду за него замуж, если он не откажется заплатить за меня калым — двадцать козлов, тридцать зрелых быков, сорок молодых жеребцов, пятьдесят верблюдов и шестьдесят меринов.

Ответ этот сейчас же передали хану. Он задумался над ним, а потом сказал:

— Да, она права, и возражать против этого не приходится. В двадцать лет человек бывает ярый, как козел; в тридцать, словно бык; в сорок, как жеребец; в пятьдесят, как зрелый верблюд, а в шестьдесят...

Хану уже шестьдесят лет, на что и намекала своим калымом ему находчивая девушка.

ПРИМЕЧАНИЯ

САЛАХБАЙ И ЛИСА

Сказка взята из сборника Н. Северина — Казахские сказки, Л.—М., 1940, стр. 62—69. Среди сказок тюркоязычных народов этот сюжет встречается редко; он распространен в русском сказочном эпосе: А. Афанасьев. Народные русские сказки. М., 1936, том I, № 164 — «Козьма Скоробогатый»; Д. Садовников. Сказки и предания Самарского края. СПб., 1884, № 15. В данной сказке степной колорит, черты казахского быта. Встречаются народные пословичные выражения: «Один шарик бараньего помета может испортить целый круг масла».

ИТЫГИЛЬ

Сказка взята из сборника В. Н. Харузиной — Сказки русских инородцев. М., 1898, стр. 105. Сказка «Итыгиль» является вариантом известной народной сказки-повести «Ер-Тостик». См. казахский текст в сборнике Е. Исмаилова «Қазақ ертегілері», Алма-Ата, 1956, том I, стр. 3; русский текст в сборнике В. Сидельникова — Казахские сказки. Алма-Ата, 1958, том I, стр. 3. См. также записи Г. Н. Потанина «Ер-Тостик» в «Живой старине», 1916, вып. II—III, стр. 85. Сказка «Ер-Тостик» записана была и Радловым у тюменских татар в д. Калмак-лар; В. Васильевым — «Караглыш». Есть киргизский вариант, опубликованный Алеевым в «Сибирских отголосках» (Журнал, Томск, 1906, № 5). В данном варианте имя героя — Итыгиль. Он также рожден чудесным образом.

ЛЮБОПЫТНАЯ ЖЕНА

Из архивных материалов Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР. Сказка дана в обработке В. Сидельникова. См. хакасский вариант в сборнике Б. Балтéра — Хакасские народные сказки. Редакция и предисловие В. Сидельникова. Абакан, 1955, стр. 115. Очень распространенная сказка среди казахского народа

и среди других тюркских народов под названием: «Мудрый Сулейман», «Царь Соломон» и др. Есть русские сказки на этот сюжет: А. Афанасьев. Народные русские сказки. М., 1938, том II, № 247; «Записки Красноярского подотдела Русского Географического Общества». Красноярск, том I, вып. I, 1902, № 47; И. Худяков. Великорусские сказки. М., 1860, вып. I, № 38.

ЭРГОСАЙ-БАТЫР

Сказка взята из сборника Н. Северина — Казахские сказки, Л—М., 1940, стр. 55—58. Сравни русскую сказку «Фомка — широкая борода», записанную В. Н. Добровольским в Смоленской области — «Народное поэтическое творчество Смоленской области», Смоленск, под редакцией и с предисловием проф. В. М. Сидельникова, 1954, стр. 120. В казахском фольклоре существует эпос «Эр-Кокше» и «Эр-Косай» (см. сборник В. Радлова).

КАРЫНБАЙ

Из книги В. Н. Харузиной — Сказки русских инородцев. М., 1898, стр. 110. См. вариант в «Киргизской степной газете» за 1894, № 17 — «Легенда о богатом Карынбае» (текст на казахском и русском языках); есть вариант в «Тобольских губернских ведомостях» за 1894, № 22, стр. 427—430 — «О богатом Карынбае».

ЖИГИТ И МЫСТАН

Старинная казахская сказка. Записал Д. Рубежный. Опубл. в «Правде Южного Казахстана» от 20 мая 1938, № 114, стр. 5. Некоторые мотивы данного сказочного сюжета (не слезая с коня, жигит схватывает бабки) сходны со сказкой «Ер-Тостик» (жигит, не слезая с коня, берет нож). См. В. Сидельников. Казахские сказки. Алма-Ата, 1958, том I, стр. 3. Есть сходные мотивы с русскими сказками: «Ох», «Хитрая наука», «Отдай, чего дома не знаешь» и др. См. Н. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929, стр. 29, № 325.

КАРГА-БАЙ

Сказка записана в Уральской области и опубл. в «Оренбургском листке» за 1892 от 1 ноября, № 45.

Мотивы данной сказки мы встречаем в русской сказке «Морской царь и Василиса Премудрая». В казахской сказке хищная птица за оказанную ей услугу дарит своему благодетелю три предмета: сундук, котел и колотушку. В русской — орел

дарит своему благодетелю тоже три предмета, среди которых также есть сундуки: в одном из них скот, в другом деревья. Есть сходства и со сказками о скатерти-самобранке и драчун-дубинке. Подобные сказки, где услуги оказывают своим благодетелям хищные птицы, есть и в татарском и башкирском сказочном эпосах. См. «Записки Оренбургского отдела Русского Географического Общества», 1875, вып. III, стр. 202.

ЧУДЕСНЫЙ НОЖ

Сказка опубликована в газете «Оренбургский край» за 1893, № 87, стр. 2. Есть и другие варианты этой сказки. См. В. Сидельников. Библиографический указатель по казахскому устному творчеству. Алма-Ата, 1951, вып. I. Везде сказка приведена в записи Л. Е. Алекторова.

РОГАТЫЙ ХАН

Опубликовано в «Живой старине», 1916, выпуск II—III, стр. 165. См. в этом же журнале второй вариант этой сказки, стр. 166, а также в «Восточном обозрении», 1890, № 6. Есть близкая к данному варианту башкирская сказка о народном музыкальном инструменте — курае, напоминающем свирель, в сборнике А. Усманова. Башкирская народная сказка. М., 1949, стр. 25.

На Востоке существуют народные легенды и поэмы о рогатом хане — Искандере Зулхернаипе (Об Александре Македонском). Есть они и у казахов. См. «Песнь Карабая» в поэме «Козы-Корпече и Баян-Слу»:

Жил да был один султан,
Подшутил над ним шайтан:
У султана Бен-ага

Выросли рога.
Ой-бой-бой, ой-бой-бой-ой!
Ой-бой, бой, ой-бой-бой-ой!
Он рога свои скрывал,
А цирюльник чтоб молчал,
Как окончит брить —
Так приказ — казнить...
Ой-бой-бой, ой-бой-бой-ой!
Ой-бой-бой, ой--бой-бой-ой!

Раз цирюльник был умен
И сказал султану он:
— Господин мой Бен-ага,
Срежу, дай, рога!
Ой-бой-бой, ой-бой-бой-ой!
Ой-бой-бой, ой-бой-бой-ой!

Тут султан покорно лег.
А цирюльник с места скок.
Бритвой горло полоснул,—
Тот и не моргнул.

Ой-бой-бой, ой-бой-бой-ой!
Ой-бой-бой, ой-бой-бой-ой!

А цирюльник звал народ:
— Ваш султан рогат, как скот!
Вот как Бен-ага
Удалил рога...

«Песнь о Козы-Корпече и Баян-Слу», Алма-Ата, 1933, стр. 16.

ХРАБРЫЙ АДА

Сказка китайских казахов, записанная Синь Лином в степях Синьцзяна Китайской народной республики. Опубл. на китайском языке в журнале «Миньцзянь вэньсюэ» («Фольклор»,) 1956, № 5 (редакция Ла Гана). Русский перевод для нашего сборника сделал Б. Л. Рифтин. См. вариант данной сказки в сб. В. Сидельникова.— Казахские сказки. Алма-Ата, вып. I, 1958, стр. 94 — «Хан и мудрый визирь».

ХАН И БАУРСАКИ

Опубл. в «Живой старине» за 1916 год, вып. II—III, стр. 166.

АЛЕУКО-БАТЫР

Сказка опубликована в журн. «Живая старина», 1916, вып. II—III, стр. 95. Мы даем первую часть сказки. О вариантах см. А. Веселовский. Сказания о красавице в тереме.— «Журнал Министерства народного просвещения», часть CXCVI, отдел 2, стр. 183.

АБИ И ТАБИ

Из «Живой старины», 1916, вып. II—III, стр. 144. Публикация Г. Н. Потанина. Сказка дана в нашей обработке. Некоторые места сказки (сказочный мотив с ковром-самолетом или летающим троном, волшебная палка) схожи с русскими сказками.

КЕНБЕБАЙ НА КОНЕ КЕРГУЛА

Сказка взята из фольклорных материалов, собранных в 1946 году экспедицией проф. Е. Исмаилова — Казак ертегілері, т. I, Алма-Ата, 1957. На русском языке печатается впервые в переводе Л. Золотовой.

ЦАРЬ И БЕРКУТ

Опубликовано на казахском языке в сборнике под редакцией проф. Е. Исмаилова — Казак ертегілері, т. I, Алма-Ата, 1957. Перевела на русский язык Л. Золотова.

КАРАТАЙ

Сказка опубликована на казахском языке в сборнике под редакцией проф. Е. Исмаилова — Казак ертегілері, т. I, Алма-Ата, 1957. На русский язык переведена Л. Золотовой.

ЛЕГЕНДА О МЕРТВОМ И ЖИВОМ И О ДРУЖБЕ ИХ

Записал Чокан Валиханов. Опубл.— Чокан Валиханов. Избранные произведения. Под редакцией акад. Академии наук Казахской ССР А. Х. Маргулана. Алма-Ата, 1958, стр. 168—176. Текст нами не подвергался никакой редакции. Примечания к тексту Валиханова и Маргулана.

КЫЗЫЛ-БАТЫР И ДИВ

Из рукописи Ходжабая Амалдыкова (Казалинский уезд. Кучербаевской волости, Сыр-Дарьинской области). Перевод А. Диваева. Опубликовано в «Этнографическом обозрении» за 1906, вып. 1—2, стр. 119—121.

ИДИ ТУДА — ПРИНЕСИ СЮДА

Сообщена в редакцию «Киргизской степной газеты» казахом Рахметом Далабаевым из Баян-аульской волости, Павлодарского уезда. Опубл. в «Киргизской степной газете» на русском языке и арабским шрифтом за 1897, № 50; 1898, №№ 1, 2.

СПОР БРАТЬЕВ И РЕШЕНИЕ ШУЮТЕ

Взято нами из сборника К. В. Дубровского. Сибирские сказки. М., 1923, стр. 58—61. Кроме этой сказки, в сборнике напечатаны казахские сказки: «Собака и кошка», «Ученый жигит», «Савраска» и др.

КЕБИС, ВОЛШЕБНОЕ КОЛЬЦО И ВЕТОЧКИ

Сказка записана А. Мелковым от казаха аула № 7 из рода Байлы, племени Токуш, Джамбетинского уезда, Уральской области — Утеулиева Исена. Опубл. в «Трудах Общества по изучению киргизского края». Оренбург, 1922, вып. III, стр. 149—156. А. Мелков замечает в сноске к тексту, что, «судя по обстановке и мифологическим существам, это не чисто киргизская сказка» (киргизы тогда не разделялись на киргизов и казахов). Но таких сказок много среди казахов, есть они и в нашем первом томе «Казахских сказок», Алма-Ата, 1958, стр. 234 — «Сказочная страна Барса-Кельмес» и др.

БАТЫР, ПОБЕЖДАЮЩИЙ ЗЛЫХ ДУХОВ

Записано Н. Катановым от казахов в Уральской области и опубликовано в «Известиях Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», 1904, том XX, вып. 4—5, стр. 220—222.

Начало сказки напоминает русскую сказку о Сивке-бурке или о Жар-птице, похищающей яблоки. Вторая часть текста сходна с предыдущей сказкой: «Кебис, волшебное кольцо и веточки». Ср. также азербайджанскую сказку в «Известиях Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», 1894, том XII, стр. 48.

КРАСАВИЦА МИРЖАН И ВЛАДЫКА ПОДВОДНОГО ХАНСТВА

Сказка записана в Алма-Ате. Представлена нам переводчиком Е. Е. Малюгой из рукописного сборника П. Кочеткова. Варианты этой сказки часто встречаются не только у русских, но и у других народов.

ГАНИ И АЛИМ

Из рукописного сборника П. Кочеткова. Представлена нам переводчиком Е. Е. Малюгой. Некоторые сказки сходны с известной сказкой о «Золотой сайге» (см. литературную обработку Сейжана Омарова, Детгиз, 1958 г.) Записана от жителя северных районов Казахстана. Перевод сделан Е. Е. Малюгой.

ТРИ БРАТА И ПРЕКРАСНАЯ АЙСЛУ

Сказка сообщена в 1936 году Е. Е. Малюге слушателем алма-атинских курсов книготорга Исятием Бакаевым из чимкентских мест. Сказка нам представлена Е. Е. Малюгой в его переводе. См. вариант этой сказки в книге К. В. Дубровского, Сибирские сказки, М., 1923, стр. 58,— «Спор братьев и решение Шуюте».

КУРАЙ-ДЕД

Запись и перевод Е. Е. Малюги. См. вариант данной сказки в первом томе «Казахских сказок», Алма-Ата, 1958, стр. 161 — «Дед Канбак».

СОРОК СЫНОВЕЙ АУЭЗ-ХАНА

Из фольклорных материалов Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР. Перевод Эмиля Беккера. Опубликована в газ. «Социалистическая Караганда» от 28 апреля 1939 года. На казахском языке есть в сборнике Е. Исмаилова, «Қазақ ертегілері», Алма-Ата, 1957, стр. 125. Сходные мотивы встречаются в русских сказках о Василисе Премудрой и Кощее, о Сивке-бурке и др. См. также казахскую сказку «Три брата» в сб. В. Сидельникова. Казахские сказки. Том I, Алма-Ата, 1938, стр. 53—59.

КАРА-МЕРГЕН

Записано Н. Н. Пантусовым. См. «Материалы к изучению казах-киргизского наречия». Казань, 1901, выпуск III. Киргизская сказка о Кара-Мергене. Текст, транскрипция и перевод. Некоторые мотивы сказки сходны с народным преданием о жителях гор Актау — А. П. Хорошхин. Сборник статей, касающихся Туркестанского края. СПб., 1876, стр. 428.

ВЕЛИҚАН АЛПАМЫС

Перевод А. Диваева с рукописи казаха Иркембека Ахенбекова из Чимкентского уезда, Ногай-Куринской волости. Опубликовано в газете «Туркестанские ведомости», 1916, от 8 и 9 октября, №№ 217, 218. См. поэму «Алпамыс», опубликованную А. Диваевым в «Сборнике материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», 1901, том X. О казахских версиях «Алпамыса» см. тезисы научного сотрудника Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР «Казахские версии «Алпамыса» — Т. Садыкова — «Тезисы докладов и сообщений регионального совещания по эпосу «Алпамыс», Ташкент, 1956, стр. 43 (тезисы). См. также эпос «Алпамыс-батыр» в сборнике «Казахский эпос», Алма-Ата, 1958, стр. 515. Библиографию сказаний об Алпамысе и вариантов эпоса см.— В. Сидельников. «Библиографический указатель по казахскому устному творчеству», Алма-Ата, выпуск I, 1771—1916 гг., 1951.

У ОДНОЙ НЕВЕСТЫ ТРИ ЖЕНИХА

Записал и передал А. Коблов. Опубликовано в «Тургайской газете» за 1908 год, № 21 (25 мая 1908 г.), № 22 (1 июня 1908 г.).

КУБУГУЛ И АКБЕЛЕК-СЛУ

Записал Н. С. Дамрин на р. Кара-Хобде со слов казаха Байбусына Курмантаева. Опубл. в «Тургайской газете» за 1898, № 22 (31 мая). Некоторые мотивы сходны с русскими сказками: «Кощей Бессмертный», «Василиса Прекрасная».

ПОХИЩЕННАЯ КРАСАВИЦА

Перевод с рукописи казаха Чимкентского уезда, Ногай-Куринской волости, Иркембека Ахенбекова. Опубликовано А. Диваевым в «Этнографическом обозрении» за 1909 (1910) год, № 4, стр. 88—90.

Есть некоторые мотивы (крадет красавицу с постели хана), близкие к сказкам из цикла сказок про ловкого вора. См. Андреев-Аарне, Указатель сказочных сюжетов. Л., 1929, № 1525.

ВОЛШЕБНЫЙ КАМЕНЬ

Сообщено С. Ф. Годлевским. Перевод Нуржанова. Опубл. в «Степной киргизской газете» за 1896, №№ 27, 28. См. русские сказки на этот сюжет по указателю сказочных сюжетов Андреева-Аарне, М — Л. 1929, № 560: герой получает от спасенной им змеи волшебное кольцо и женится на царевне; царевна похищает кольцо, благодарные животные (кошка и собака) возвращают его герою. См. в данном сборнике казахскую сказку «Чудесный нож», где некоторые мотивы схожи (сватание ханской дочери, постройка дворца и др.); казахскую сказку «Аби и Таби».

О ЖЕНСКОМ ХАНСТВЕ

Записал Н. Каразин от восьмидесятилетней старухи во время Аму-Дарьинской экспедиции, в которой он принимал участие. Записал он на Чимбайском базаре. Старуха эта,— рассказывает Н. Каразин,— была одета по-киргизски (по-казахски), в верблюжьем желтоватом халате и в белом джавлуке (род тюрбана) на голове.

«Это была живая библиотека всевозможных местных легенд и сказок,— говорит он.— Она говорила местным наречием, но с киргизским акцентом. У нее была своеобразная манера говорить, выработанная, может быть, ее исключительным ремеслом

рассказчицы. Сказав фразу, она останавливалась, выжидала несколько времени, словно давая этою паузою слушателям время вникнуть хорошенько в смысл сказанного, а потом продолжала далее до новой остановки».

Каразин записал много легенд и сказок, и записал он их с буквальной точностью. «Переводил подстрочно, а потом уж,— говорит он,— округлял свой перевод, тщательно сберегая оттенки и смысла и подлинника».

Сведений о сказочниках прошлых времен в казахской фольклористике мало. Поэтому сообщение о своих наблюдениях Н. Каразина представляют несомненную ценность.

Сказка и сведения о сказочнице опубликованы в журнале «Древняя и новая Россия», 1875, том III, № 11, стр. 291—294. См. «Астраханский вестник», 1894, № 1324 (запись Алекторова); роман И. Коровина. Двуногий волк, СПб. 1886.

ЗНАЯ СКАЗКИ — НЕ УТАИВАЙ ИХ

Записал А. Баржаксин в Атбасарском уезде. Опубл. в «Записках Западно-Сибирского отдела Русского Географического Общества», 1916, том 38, стр. 36—37.

ТРИ ДЕВУШКИ И ПРОЖОРЛИВАЯ СТАРУХА

Записал и перевел М. Миропиев. Опубл. в Записках Русского Географического Общества по отделу этнографии». СПб., 1888, х. X, вып. 3, стр. 35—37. См. Русские сказки о бабе-яге.

ЛЕВ И ЛИСА

Записал А. Диваев в г. Чимкенте от Султана Ходжина из Арысской волости. Опубл. в «Сборнике материалов для статистики Сыр-Дарьинской области». Ташкент, 1894, том III, стр. 18—24.

КОТ, ТИГР И ЧЕЛОВЕК

Сказка дана в обработке Н. Северина. Опубл. в журнале «Мурзилка», 1936, № 1, стр. 13.

ВЕРБЛЮЖОНОК

Сказка взята из сборника Н. Северина. Казахские сказки. М — Л, 1940, стр. 20.

СИНЯЯ ЛИСИЦА

Сказка взята из сборника Н. Северина. Казахские сказки. М — Л, 1940, стр. 74.

ЛИСИЦА И ОБЕЗЬЯНА

Предлагаемый вариант сказки взят из сборника под ред. проф. Е. Исмаилова «Қазақ ертегілері», т. I, Алма-Ата, 1957. На русском языке печатается впервые в переводе Л. Золотовой.

ЛИСА И КОЗА

Опубл. на казахском языке в сб. под ред. проф. Е. Исмаилова «Қазақ ертегілері, т. I, Алма-Ата, 1957. Текст печатается в переводе Л. Золотовой. Подобные сюжеты часто встречаются и в русских сказках. См. А. Андреев, «Указатель сказочных сюжетов», Л., 1929. № 31, стр. 17.

НЕУДАЧА ЛИСИЦЫ

Записано А. Диваевым со слов казаха Кум-Арыкской волости, Меркенского участка. Аулиеатинского уезда, Муллы-Кула Танакузова. Опубл. в «Сборнике материалов для статистики Сыр-Дарьинской области». Ташкент, том 1894, стр. 56.

ЛЯГУШКА И СУСЛИК

Опубл. А. Диваевым — «Семь сказок киргизов Сыр-Дарьинской области» — в журн. «Этнографическое обозрение», 1906, вып. I—II, стр. 122, № 5.

ХИТРАЯ МЫШЬ

Записал А. Диваев в Сыр-Дарьинской области. Опубл. в журн. «Этнографическое обозрение», 1906, вып. I—II, стр. 114.

ЗВЕРИ-ТОВАРИЩИ

Записал Г. Н. Потанин. См. «Живая старина», 1916, вып. II—III, стр. 152.

ПАСТУХ И ЗМЕЯ

Взято нами из «Тургайской газеты» за 1898, № 25. См. казахскую сказку «Хитрость ребенка», опубликованную в «Астраханском вестнике» за 1890, № 233; ср. русскую сказку «Старый хлеб да соль забываются».

МЫШЬ И ЗМЕЯ

Взято нами из книги И. И. Крафта. «Из киргизской старины». Оренбург, 1900, стр. 126.

ОСЕЛ И СУСЛИК

Взято нами из книги И. И. Крафта «Из киргизской старины». Оренбург, 1900, стр. 132—134.

КОТЫР-ТОРГАЙ

Котыр-Торгай или Шелудивый воробей. Эта детская сказка была записана в 1936 году Е. Е. Малюгой от учащихся алма-атинской образцовой школы № 25. Им же сделан и перевод сказки.

СЕГИЗБАЙ И ДЕВОЧКА-МЫШКА

Перевод и обработка сказки сделаны Е. Е. Малюгой. Сходные мотивы см. в сказке Виктора Важдаева «Самый сильный», сделанной им по мотивам казахских народных сказок. Журнал «Наши достижения», 1936, № 8, стр. 98. Сказки в обработке писателя В. Важдаева были опубликованы в журн. «Колхозник», 1936, № 4, стр. 54; журн. «30 дней», 1936, № 11, стр. 49; тот же журнал за 1937, № 9, стр. 51 и др.

ПОЧЕМУ У ЛАСТОЧКИ ХВОСТИК РОЖКАМИ

Сказка представлена нам переводчиком Е. Е. Малюгой. Перевод сделан Е. Е. Малюгой.

ЧЕТЫРЕ Д[illegible]ГА

Записал Н. Н. Пантусов. Опубликовано в «Известиях Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», Казань, 1909, том XXV, вып. I, стр. 21—22.

ГРУБАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ

Взято нами из «Степной киргизской газеты», 1896, № 46, стр. 4.

ЛИСИЦА И ВОРОНА

Записал А. Диваев. Опубл. в «Сборнике материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», 1895, вып. IV, стр. 137.

Возможно, эта сказка появилась на основе переводов Абая басен Ив. Крылова «Ворона и лисица». См. С. Н. Нурушева. Творческое наследие И. А. Крылова в казахской литературе XIX века. Алма-Ата, 1951, стр. 54.

БАРАН И КОЗЕЛ

Записано в 1929 году Е. С. Исмаиловым от старика Кульбекова Шаймардена в Энбекшилердеском районе, Кокчетавской области. Впервые эта сказка была опубликована под ред. Исмаилова в 1955 году в детском издательстве.

Сказка перекликается с казахской сказкой «Бараны пугают волков» — См. В. М. Сидельников. Казахские народные сказки. М., 1952, стр. 21; с русской сказкой «Портной и волки» (волки становятся друг на друга, лезут на дерево, чтобы достать добычу, нижний волк убегает). См. Н.П. Андреев-Аарне. Указатель сказочных сюжетов. № 121, Л., 1929, стр. 19. На русском языке сказка печатается впервые в переводе В. Сидельникова. Казахский текст см: Е. Исмаилов. Казак ертегілері. Алма-Аты, 1957, стр. 218—232.

МУДРОСТЬ СОВЫ

Сказка нами взята из журнала «30 дней», № 11, 1936. 49—51. Литературный пересказ В. Важдаева.

МЫН-ЖИЛКЫ

Записал колхозник П. Березовский из колхоза «Красный партизан». Алма-Ата. Опубл. в газ. «Казахстанская Правда» от 9 мая 1936, № 105.

ПОЧЕМУ КАЗАХИ ПЕРВЫЕ ПЕСЕННИКИ НА СВЕТЕ

Взято из «Энциклопедического словаря», изд. т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К°», 1913, том 24, стр. 142. См. Ч. Ч. Валиханов. Сочинения, СПб., 1904, с. 223 — почему каракалпаки почитаются в статьях первыми поэтами или песенниками.

ШИРИН-КЫЗ

Опубл. в «Правительственном вестнике» за 1898, № 12, стр. 3. См. вариант в «Киргизской степной газете», 1898. №№ 8, 9, 10. «Ширин-Кыз» является устным пересказом поэмы узбекского поэта XV века Алишера Навои «Фархад и Ширин». Предание было очень распространено и встречается в различных вариантах. См. В. Сидельников. Библиографический указатель по казахскому устному творчеству. Вып. I. 1771—1916. Изд. АН Казахской ССР. Алма-Ата, 1951.

ПОЧЕМУ ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ ЛЕТАЕТ НОЧЬЮ

Опубл. Г. Н. Потаниным в «Живой старине», 1916, вып. II—III, стр. 113.

БАСКУНЧАК

Записал М. Я. Киттары в 1847 году. Опубл. в «Журнале Министерства внутренних дел», 1848, часть 24, стр. 14 — статья М. Киттары «Гора Богдо и озеро Баскунчакское». См. также «Астраханские губернские ведомости», 1848, №№ 47, 48.

БАЯН-СЛУ И КОЗЫ-КОРПЕЧ

Предание записано Е. З. Барановым и опубликовано им в литературном приложении к журналу «Нива», 1899, кн. 2, стр. 307—343. Перепечатано в кн. И. А. Кастанье. Древности киргизской степи и Оренбургского края. Оренбург, 1910. Варианты народного предания неоднократно опубликовывались в различных журналах и газетах: «Тургайская газета», 1900, № 6; «Исторический вестник», 1913, № 10, стр. 285; «Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», 1896, вып. V. стр. 1—60; «Акмолинские областные ведомости», 1877, № 1, 3.; «Записки Западно-Сибирского отдела Русского Географического Общества», 1885, кн. VII, вып. I, стр. 27; «Русское богатство», 1896, № 8, стр. 60 (замечания и сведения о повести приводятся Г. Н. Потаниным), «Сибирская газета», 1885, № 19; впервые народная поэма на этот сюжет в прозаическом пересказе со стихотворными вставками была опубликована на башкирском языке Тимофеем Беляевым. Русский пересказ (краткое изложение) этой легенды был сделан кем-то для А. С. Пушкина в 1833 году во время его поездок по оренбургским и тургайским степям с целью собирания материалов для своей «Истории Пугачева». См. Великс Ю., Песков Г. «Пушкин и казахская легенда о Козу-Корпече и Баян-Слу» — «Литературный Казахстан», 1938, № 3, стр. 90; Модзалевский Л. Запись казахского предания в архиве Пушкина.— «Временник пушкинской комиссии», 1937, вып. III, стр. 323. Приведем этот текст:

(ПРЕДАНИЕ КЫРГЫЗ, РАСПОЛОЖЕННОЕ НА ПЕСНЯХ О РОМАНЕ КОСУ-КУРПЕЧ)

Река Аегузь, вытекающая из гор Тарбагатая (некогда знаменитая своими рудокопями) и впадающая в большое озеро Балхаш или Тенис [1], на половине течения сей реки на дороге, идущей из Семипалатной в китайский город Кулжу (близ ныне) от открытаго на сей реке аегускаго округа около 50 пер. в память историческаго романа батыря Косукурпечя и любезной его Сулу-баяне сделан из (гранитового) камня памятник вышиною до 9 сажень, внутри оного поставлены 4 статуи 1-я Косу-Курпече, 2-я Сулу-баяни и еще к сему роману принадлежащих 2 статуи, всех 4.

Предание о сем романе у кыргыз в песнях передаетца в следующем изъяснении.

В прежние времена жили два приятеля, кои хотели еще более между собою сблизитца, положили завет родившиеся от них первые дети мужеска и женска пола (должны) соединить браком. В скором времени родился у одного сын названой Косукурпечь, а у другаго дочь Сулу-баяна, у Косукурпеча отец умер. Малолетний сын от сего пришол в нищету, а отец Сулу-баяны более разбогател и не желая дочь отдать за бедняка, откочевал в отдаленные страны. Между тем Косукурпечь начал возмужать и осведомился, что за него помолвлена невеста по имени Сулу-баяна (но), отец которой откочевал неизвестно куда, Косукурпечь (почувствовал обиду) удалением его суженой почувствовал желание отыскать ее и по праву высватания взять взаму-(же)ство. Пустился в путь отдаленный, неизвестный, странствуя по аулам напоследок достиг того места, где живет Сулу-баяне, видая ее часто занимаясь паствою и уборкою скота, вместе получили (некотору) склонность, не зная однакожь, что оно засватаны. В одно время в ауле Баяны сделался набег, мущины и здоровые женщины пустились на защиту, Косукурпечь и Сулу-баяна остались одни в табунах скота и доением кобыл. Присем случае открылась склонность Баяны, но Косукурпечь чувствуя свою бедность и оттого некоторое рабство, не щитал вправе приступить к взаимной любви, но взаимность и [redacted]овие отцев привела их в страстных любовников.

Родные и женихи Баяны, заметив сие, препятствуя намерениям любящихся, старались отклонить любовь их и в особенности соперник Кул, которой всячески желал погубить Косукурпеча. Однажды съехавшись в поле Кул и Косукурпечь, последний требовал у Кула удачного выстрела в мизинец, каковой исполнил желание удачно отстрелив у Косукурпеча мизинец и как стрела его была вымазана ядом и оттого Косукурпеча в ближних горах находил(ся)в мучении болезни. Сулу-баяна, невидя возлюбленнаго, отыскала его в умирающем положении. Все старания ее к излечению остались тщетны, после чего прибегла к усердным молитвам богу. Как были услышаны явился ей почтенных лет старец, который спросил что она желает, которая просила оживить возлюбленнаго на три дня, что и было исполнено. Где Сулу-баяна и провела с Косукурпечем в совершенной радости и веселье, песни слышали родные ее. Покончившы 3 сутки Косукур. помер (Сулу-баяна похор).

Сулу-баяна, обратясь в аул свой, увидясь с женихом своим Кулом объявя ему, что она лишилась возлюбленнаго своего и желает смыть лютую печаль свою, просит

---

[1] Тенис — море. Примечание автора записи.

Кула выкопать колодесь своими руками и достать свежей воды, которой она умоется. Колодесь был готов и дабы несомневался Кул последствий Баяна при спуске в колодесь Кулу, дала держатца за длинные ее косы, кои она обрезала и Кул пал в колодесь, где Сулу-баяна поспешила его забросать землей, сама пришла в кибитку отца, легла между сестрами и подругами. По утру нашли ее заколовшуюся.

Запись сделана чернилами неизвестной рукой на пяти листах большого формата и хранится в Институте русской литературы АН СССР (собрание П. Е. Щеголева). Запись нами приведена точно, с соблюдением особенностей подлинника.

В 1927 г. появляется поэтическое переложение этого предания Георгием Тверитиным. Песнь о Козы-Корпече и Баян-слу. Казахская легенда. Предисловие и примечания Смагула Садвокасова. Изд. Наркомпроса Казахстана, Кзыл-Орда. Это издание потом неоднократно переиздавалось. См. ряд исследований в «Записках семипалатинского отдела Общества изучения Казахстана», 1929, т. 4, вып. XVIII (сюжет, параллели и библиографии), а также работу современного казахского литературоведа И. Дюсенбаева «О казахском социально-бытовом эпосе» (кандидатская диссертация), частично эта работа опубликована в «Трудах отдела народного творчества Института языка и литературы АН Казахской ССР», Алма-Ата, вып. I, 1955 г. стр. 43—60. Об алтайских и башкирских вариантах этого предания см. в статье Л. Климовича. Заметки об эпическом творчестве Советского Востока — «Вопросы изучения эпоса народов СССР». М., 1958, стр. 239. Библиография преданий на этот сюжет есть в кн. В. Сидельникова. Библиографический указатель по казахскому народному творчеству. Алма-Ата, 1951, вып. I.

ПРЕДАНИЕ О ПРОИСХОЖДЕНИИ БОРОВОГО

Записал студент Литературного института им. А. М. Горького А. П. Лопатин в 1951 году в Акмолинской области. См. сб. очерков «Казахстан» 1940 — очерк С. Муканова «Золотой край», где приведено народное предание, близкое к записи А. Лопатина.

ПЕВЕЦ И ЗЛОЙ ДУХ

Взято из воспоминаний Н. П. Стремоухова «Киргиз — певец», опубл. в «Детском чтении», СПб., 1884, вып. III, стр. 255—272. Предание дано в нашей литературной правке. «Сказка» записана от старого казаха. «Старик оказался очень интересным и разговорчивым собеседником,— пишет Н. П. Стремоухов.— Он предупредительно давал объяснения на все мои распросы и охотно знакомил меня с обычаями своего племени, видимо, польщенный моими отзывами о всем происходившем перед нами; само собой разумеется, я не скупился на похвалы, в надежде побудить его еще к большей откровенности...

— А как тебе нравятся наши песни? — вдруг спросил меня старина.

— Они так хороши, что я даже и усталость забыл,— поспешил я ответить.

Но к моему великому удивлению старик пристально посмотрел на меня, состроил презрительную гримасу и, покачав головою, серьезно проговорил:

— Вероятно, тебе не приходилось ничего лучшего слышать.

Я в свою очередь с недоумением взглянул на старика, напрасно стараясь угадать, смеялся ли он надо мною, или же говорил серьезно,— морщинистое лицо его осталось невозмутимым.

— А тебе разве они не нравятся? — удивился я.

— Нет, песни хорошие,— задумчиво произнес старик.— Только они не так поются...— и он с досадой махнул рукою.— Вот прежде так были певцы... Но это было очень давно. И народ был другой, лихой, свободный, все батыры, один сильнее, ловчее и храбрее другого. На всякий, самый отчаянный подвиг всегда готовый. Глазом моргнуть не успеешь, как он уже в седле; рукою даже к луке не притронется, гикнет так, что с одного конца степи до другого слышно, голосом своим буран заглушит и несется быстрее ветра и прямее стрелы. Горе неприятелю, он его в траве сыщет, из песка вырвет, со дна реки вытащит. Вот о таких батырах и распевать было можно...

Мал, глуп, непонятлив был,— и то врезались в памяти песни эти. Звонкие, удалые, страшные такие, что кровь в жилах останавливается... Теперь их не поют, пожалуй, мало кто и помнит. Да певцы-то были особенные,— не то, что теперь. Мой дед рассказывал об одном певце. Такого больше не было да и не будет!

Старик преобразился: согнутый его стан выпрямился, глаза загорелись, голос окреп, лицо оживилось и дышало молодою отвагою; последние же слова он произнес тихо, с отчаянием и, опустив голову на грудь, погрузился в воспоминания о давно и безвозвратно минувшем времени.

Мне, однако, не хотелось лишиться интересного собеседника,— и, помолчав немного, я обратился к нему:

— Что же тебе рассказал твой дед?

Старик медленно поднял голову и, угадав на моем лице любопытство, отрывисто сказал:

— Хорошо! Ты хочешь слушать... Хорошо!.. Я тебе расскажу...

Мы отошли в сторону и удобно расположились на небольшом бугорке, в конце аула...

— Так слушай же,— начал старик...

(стр. 259—261)

СЧАСТЬЕ И МУДРОСТЬ

Перевод Э. Беккер. Опубликовано в «Литературном Казахстане» за 1938 год, № 11, Стр. 46—47 — под заголовком «Таз-Бала».

ЧЕРЕПАХА И ВЕТЕР

Это народное предание взято нами из сборника «Уральских сказок», составленного В. П. Бирюковым и опубл. в 1940 году в Челябинске, стр. 37—39. Сказка записана среди сибирских казахов.

ХАЛЬ-БИБИ И АЙНАК-КУЛЬ

Данная легенда была заимствована редакцией «Закаспийского обозрения» из сказаний казахов Тургайской области. См. «Тургайские областные ведомости» за 1900, № 90. Нами текст взят из «Закаспийского обозрения», 26 января 1901, № 21.

О ЖИТЕЛЯХ ГОР АКТАУ

Это предание сообщает А. П. Хорошхин в своей книге «Сборник статей, касающихся Туркестанского края». СПб., 1876, стр. 428—429. Подобную легенду о встрече с одичавшим человеком в песках между Аму и Бухарой приводит А. Вамбери. «Путешествие по Средней Азии из Тегерана через Туркменскую пустыню по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, предпринятое в 1863 году с научною целью по поручению Венгерской Академии в Пеште членом ее А. Вамери». М., 1867, стр. 369.

Подобные существа встречаются в народных преданиях и сказках народов Сибири. В. Орлов в своем примечании к тексту этой легенды «Джезтырнак» (Жур. «Средняя Азия», 1910, № 11, стр. 116—122) указывает, что он слышал ее во многих местах Ферганы и Сыр-Дарьинской области.

См. М. Миропиев. Демонологические рассказы киргизов. СПб., 1888, стр. 15 — «Жез-Тырнак»; А. Диваев. Джез-Тырнак. Этнографический очерк — «Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», Ташкент, 1904, вып. XI.

СКАЗАНИЕ О ЖОШИ-ХАНЕ И ЕГО СЫНЕ

Перевод этой сказки сделан Е. Е. Малюгой. См. сказку «Мудрый старик» в первом томе «Казахских сказок», Алма-Ата, 1958, стр. 218. Есть эта сказка в обработке Н. Колпаковой «Мастер Али». Данное предание является вариантом известного кюя-легенды «Аксак-кулан». Сказание в переводе Е. Е. Малюги состоит из трех частей: «Перевал Алтын-Эмель», «Почему домбру делают с отверстием» и «Откуда взялись куланы».

ЗВЕЗДА ОМИР-ЗАЯ

Венера, вечерняя звезда. Это предание было рассказано С. Сейфуллиным переводчику Е. Е. Малюге. См. вариант в «Тургайской газете», 1898, № 40 — запись Н. Борисовского.

ЗВЕЗДА ИСЯК-КЫРГАН

Звезда Юпитер, по-казахски называется «Сары-Жулдуз» — желтая звезда. Предание рассказано С. Сейфуллиным переводчику Е. Е. Малюге. Дано предание в переводе Е. Е. Малюги.

КУС-ЖОЛЫ

Кус-жолы — Млечный путь. Перевод Е. Е. Малюги.

ИТ-АЛА-КАЗ

Предание о сказочном псе — кумае. Кумаями казахи называют лучших охотничьих собак. Сравни название лучших скакунов — «Тулпар». Перевод сделан Е. Е. Малюгой.

ТЕМИР-КАЗЫК, АК-БОЗ АТ и КОК-БОЗ АТ, ЖЕТЫ КАРАКШИ

Полярная звезда, Малая Медведица и Большая Медведица. Предание рассказано С. Сейфуллиным переводчику Е. Малюге. Это предание было использовано в свое время М. Пришвиным в «Черном арабе». Перевод сделан Е. Е. Малюгой.

САКСАУЛ И СОСНА

Записал А. Алекторов. Опубл. в «Астраханском вестнике» за 1893 год, № 1281. На казахском языке опубл. в «Особом прибавлении к Акмолинским областным ведомостям», 1883, № 12. Встречается это народное предание и в других публикациях.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ О БОГАТЫРЯХ XVII В.

Из записей Чокана Валиханова. Чокан Валиханов. Избранные произведения. Под редакцией акад. Академии наук Казахской ССР А. Х. Маргулана. Алма-Ата, 1958, стр. 124—125, 126—127.

НАРОДНЫЕ ПРЕДАНИЯ

Из «Дневника поездки на Иссык-Куль» Чокана Валиханова.— Чокан Валиханов. Избранные произведения. Под редакцией акад. Академии наук Казахской ССР А. Х. Маргулана. Алма-Ата, 1958, стр. 244, 247, 256, 257, 281, 282.

КАК АЛДАР УВЕЛ КОНЯ У ВОРА

Взята сказка из журн. «Советский Казахстан», 1957, № 3, стр. 123. Сказка дана в переводе Ш. Рахимбекова. Подобные сказки встречаются у других тюркоязычных народов. Есть сказки о ловком и хитром обманывающем жадных богатеев бедняке и в удмуртском фольклоре, где он называется иногда «Алдар-Иван», «Алдар-Агай».

ТРИ ВОРА

Взято из сб. Н. Северина. Казахские сказки. Л-М. 1940, стр. 78—80. Этот сюжет с различными отклонениями и дополнениями разрабатывается и в русских сказках. См. сюжеты сказок в «Указателе сказочных сюжетов» Н. П. Андреева. Л., 1929, стр. 89 — о хитрых и ловких людях, №№ 1525—1639. Близкие к данному сюжету сказки под № 1625, Д. «Герой обманывает воров: крадет быка или козла» и т. п.

ГЛУПЕЦ

Записано А. Диваевым от Муллы-Кула Танакузова из Кум-Арысской волости, Меркенского участка. Опубл. в «Сборнике материалов для статистики Сыр-Дарьинской области». Ташкент, 1896, том V, стр. 73—74.

МАМЕК

Записал А. Диваев от Ханыя Даульбаева из Чимкентского уезда, Буралдаевской волости. Опубл. в «Сборнике материалов для статистики Сыр-Дарьинской области». Ташкент, 1897, вып. VI, стр. 91. Казахские варианты см. в сб. В. М. Сидельникова. Казахские сказки. Алма-Ата, 1958, том I, стр. 363 — «Пискун»; стр. 352 — «Бай и пастух». Имеется вариант, близкий к этой сказке в данном сборнике,— сказка «Кейкуват». Данные сказочные мотивы в различных сочетаниях встречаются часто в русских сказках о дураках. См. Н. Андреев. Указатель сказочных сюжетов. Л., 1929, № 1685, близкий — «А» — «Дурак домовничает: делает все неладно»...

КЕЙКУВАТ

Из сборника Н. Северина. Казахские сказки. Л—М., 1940, стр. 70—73. См. казахскую сказку «Пискун» в сб. В. Сидельникова. Казахские сказки. Алма-Ата, том I, 1958, стр. 369; сказку «Мамек» в данном сборнике.

УЧЕНЫЙ ЖИГИТ

Записал А. Мелков от Махмуда Уралова из аула № 9, Тургайской области, в 1922 году. Из фольклорных материалов Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР.

МЕТКИЙ СТРЕЛОК

Взято из кн. Н. Северина. Казахские народные сказки. Л—М., 1940, стр. 81—84.

НАХОДЧИВЫЙ ВИЗИРЬ

Опубл. в «Сборнике материалов для статистики Сыр-Дарьинской области». Ташкент. вып. I, 1891, стр. 99. Записал сказку А. Диваев, литературная обработка Вик. Сидельникова.

БЕДНЯК АХМЕТ И НЕСПРАВЕДЛИВЫЕ СОВЕТНИКИ ХАНА

Записал Н. Березовский. Опубл. в газ. «Социалистическая Алма-Ата», 28 февраля 1938, № 48.

АЛДАР-КОСЕ И ЗМЕЯ

Опубл. в «Киргизской степной газете» (на русском и казахском языке — арабским шрифтом), Омск, 1901, № 14.

АЛДАР-КОСЕ И ЕГО СПУТНИК

Взято из «Тургайской газеты», 1898, № 4, См. об Алдаре-Косе, обманывающем Джиренше, в сказке «Алдар-Косе», опубл. Г. Н. Потаниным в «Живой старине», 1916. вып. II—III, стр. 169.

АЛДАР-КОСЕ И ДЬЯВОЛ

Опубл. в «Тургайской газете», 1898, № 4.

БУХАРЕЦ И КАЗАХ

Записал А. Васильев. См. А. Васильев. Образцы киргизской народной словесности. Оренбург, 1898, вып. I, стр. 71. Литературная обработка наша.

ПУТЕШЕСТВЕННИК И ЛЕНТЯЙ

Сказка записана от китайских казахов. См. Цзя Чжи и Сунь Цзянь-бин. Избранные сказки Китая. Пекин, 1958, стр. 430. Русский перевод сделан для нашего сборника Б. Л. Рифтиным. На русском языке публикуется впервые.

АЛДАР-КОСЕ И ЧЕРТ

Записал А. М. Головачев от Бийсомбал Аккожина в г. Акмолинске. Перевод Итджана Ильясова (казах Коржункульской волости). Опубл. в «Живой старине», 1916, вып. II—III, стр. 170. См. варианты в «Тургайской газете» за 1898, № 4 — сказки об Алдаре-Косе.

КУ-БАЛА

Из «Живой старины», 1916, вып. II—III, стр. 132. Публикация Г. Н. Потанина.

СТАРИК И ЖИГИТЫ

Сказку записал А. Е. Алекторов во втором приморском ауле. Опубл. в газ. «Астраханский вестник», 1893, № 1302. См. русские сказки «Петр и мужик», «Иван Грозный и старик».— И. Сенигов. Народные сказки и песни об Иоанне Грозном. СПб., 1898.

СВЯТОЙ ЛОДЫРЬ

Записал П. Т. Завьяловский в Оренбургском крае. Опубл. в его сб. «Сказки». Чкалов, 1953, стр. 45—47.

БАКА

Сказка взята нами из сборника Е. Исмаилова — Казак ертегілері, т. I. Алма-Ата, 1957. Перевод на русский язык сделан Л. Золотовой. См. варианты этой сказки: «Счастливый бедняк» — «Тургайские областные ведомости», 1898, № 36, запись Н. Бо-

рисовского; «Бедняк Мараде» — «Киргизская степная газета», 1894, № 48; «Нечаянно»— «Астраханский справочный листок», 1883, № 105 и сказку «Ясновидящий», опубл. в сб. В. Сидельникова. Казахские сказки. Алма-Ата, 1958, стр. 399. Есть варианты казахские в сб. Е. Исмаилова. Казак ертегілері, Алма-Ата, 1956, том I.

НАИВНЫЙ И СМЫШЛЕНЫЙ

Текст впервые опубликован на казахском языке в сбор. «Тарту», 1924 г. Затем включен в сб. Казак ертегілері под ред. проф. М. Исмаилова, т. I, Алма-Ата, 1957. На русском языке печатается в переводе Л. Золотовой.

КАК БЫЛ НАКАЗАН ЖАДНЫЙ КАРАХАН

Записал студент Литературного института имени А. М. Горького А. П. Лопатин в 1952 году в Алма-Атинской области. Публикуется впервые.

МОМУНБАЙ И КАРАКЧИ

Записал Н. Пантусов. Опубл. в «Известиях Общества археологии и этнографии», Казань, 1909, том XXV. вып. I, стр 23—30. См вариант этой сказки в сб. В. Сидельникова. Казахские сказки. Алма-Ата, 1958, вып. I, стр. 249 — «Золотая ослица и волшебный заяц».

ЖИРЕНШЕ-ШЕШЕН

Записал Г. Н. Потанин. Опубликовано в «Живой старине» за 1916, вып. II—III, стр. 68—69.

СЛЕПОЙ И ЗРЯЧИЙ

Из рукописи Муллы-Али Махди-баева Сыр-Дарьинская область. Перевел А. Диваев и опубликовал в «Этнографическом обозрении» за 1906 год, вып. 1-2, стр. 121-122.

АЛДАР-КОСЕ И АЛАЧА-ХАН

Опубликовано в «Закаспийском обозрении» за 1902, № 335.

СПРАВЕДЛИВЫЙ СУДЬЯ

Записал И. Крафт в вольном переводе со слов Мембетжана Ибрагимова — почетного аксакала Буртинской волости, Актюбинского уезда. Опубликовано в кн. И. Крафта. Из киргизской старины. Оренбург 1900, стр. 128—131.

Первая часть сказки сходна со сказкой о «Слепом и зрячем» — «Этнографическое обозрение». 1906. вып. 1—2. стр. 121; вторая часть — см. сказки первого тома: «Суд бия Бальтекея», «Наблюдательность «казаха», «Мудрый Аяз» и др.

ВЕРНОЕ РЕШЕНИЕ

Записал И. Крафт в вольном переводе со слов Мембетжана Ибрагимова — почетного аксакала Буртинской волости, Актюбинского уезда. Опубл.— И. Крафт. Из киргизской старины. Оренбург, 1900, стр. 131—132. См. примечание к сказке «Справедливый судья».

ВОЛШЕБНАЯ ПТИЦА АЛДАРА-КОСЕ

Перевод Е. Е. Малюги. Подобные сказочные мотивы часто встречаются в казахских сказках об Алдаре-Косе. Они очень популярны в устном бытовании. В данную сказку привнесены некоторые мотивы из волшебной сказки.

БАЙ-МУЗЫКАНТ И АЛДАР-КОСЕ

Сказка из распространенного цикла сказок об Алдаре-Косе, очень популярного в народе. Перевод сделан Е. Е. Малюгой.

ОБМАНУТЫЙ ТОЛСТЯК

Сказка относится к циклу известных сказок об Алдаре-Косе. Перевод Е. Е. Малюги.

КАК АЛДАР-КОСЕ БАТРАКОВ УГОЩАЛ

Сказка принадлежит к циклу об известном сказочном герое казахского народа Алдаре-Косе. Перевод Е. Е. Малюги.

ХАН И СТРАННИК

Опубликовано в «Степной киргизской газете» от 25 декабря 1891, № 51.

СПРАВЕДЛИВЫЙ ПОСРЕДНИК

Записал А. Диваев со слов Тойтанова П. М., Перовский уезд, Кис-Бугутской волости. Опубл. в «Сборнике материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», Ташкент, 1896, вып. V, стр. 64—67. К этой сказке А. Диваев приводит нравоучительное стихотворение одного певца-импровизатора. Дан приблизительный перевод текста:

Справедливого бия дела не покидают,
Он не допускает хитрости в тяжбах,
Дела о куне улаживает двумя словами,
Не роняя никогда репутации человека.
Скромный, хотя и не насытится, скажет — сыт.
Каждое дело он стремится направить к лучшему;
Напротив, дурной бий не исправит дела,
Он пачкает сажею белое в черное.
Хороший бий врагов делает друзьями;
Дурной бий на иск твой подводит встречный,
По пословице: «Хотел застрелить киика [1],
Но лишь спугнул его».
Хороший человек мирит поссорившихся
И умом своим припаивает их друг к другу,
Дурной человек, чтобы воспламенить,
Раздувает давно потухшую кляузу.
Для хороших людей пылающее пламя — болото.
Клевета, никем не возбуждаемая, возобновляется дурным.
Между хорошими и дурными бывает разница;
Если продолжать говорить,—
Передать можно много мыслей.

Там же, стр. 67—68.

См. русские сказки о Шемякином суде. А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки, том I. Изд. 3-е, М., 1897, стр. 277; И. П. Сахаров. Русские народные сказки. СПб., 1841 и др. Имеется ряд повестей на эту тему и литературных обработок этого сюжета. См. В. П. Адрианова — Перетц. Русская демократическая сатира XVII века, М—Л, 1954, стр. 193.

[1] Киик — дикий козел.

ГЛУПЕЦ И КАЗИЙ

Записал А. Диваев со слов казаха Чимкентского уезда, Азы-Хана-Ходжи. Опубл. в «Сборнике материалов для статистики Сыр-Дарьинской области». Ташкент, 1896, вып. V., стр. 88—90.

Вариант этой сказки см.— В. Сидельников. Казахские сказки. Том I, Алма-Ата, 1958, стр. 354 — «Тулпар». На этот сюжет есть русские сказки. См. Н. Андреев. Указатель сказочных сюжетов. Л., 1929, № 1676 — Кобылье яйцо (человек сидит на нем, надеясь высидеть жеребенка; принимает за жеребенка убегающего зайца); Д. К. Зеленин. Великорусские сказки Вятской губернии. Петроград, 1915, стр. 130. Н. А. Иваницкий. Материалы по этнографии Вологодской губернии. М., 1890, стр. 45.

СМЕКАЛКА ЛУЧШЕ БОГАТСТВА

Сказку эту записал А. Алекторов в первом приморском округе Внутренней киргизской орды. Опубл. в «Астраханском вестнике», 1893, № 1253, стр. 2. Начало сказки перекликается с русской сказкой «Змей и цыган», вторая часть напоминает отдельные эпизоды из казахской сказки «Дед Канбак» из сб. В. Сидельникова. Казахские сказки. Алма-Ата, т. I, 1958, стр. 161. Вариант ее есть и в данном сборнике — «Курай-дед». На казахском языке — в сб. Е. Исмаилова. Қазақ ертегілері. Алма-Ата, 1957.

КАК ЖИРЕНШЕ ЖЕНИЛ СЫНА

Записал А. Алекторов. Опубл. в «Астраханском вестнике» за 1893, № 1281.

ЖАДНЫЙ БОГАЧ

Записал П. Т. Завьяловский от Абдриева Мухаммедзяна — пастуха Кувандыкского пригородного совхоза Оренбургской области в 1938 году.

Абдриев по профессии лесоруб и сплáвщик леса. На пятнадцатом году своей жизни он впервые взялся за багор и вместе с братом доставил из Башкирии в Оренбург первый плот. Затем с каждым годом их рейсы начали удлиняться — сначала до Уральска, потом и до Гурьева. Во время «плавания» ему приходилось встречаться с башкирами, киргизами и казахами. От них он слышал много преданий и сказок. «Абдриев рассказывает свои сказки живо и увлекательно,— пишет П. Т. Завьяловский.— Глаза его временами разгораются, он энергично жестикулирует. Прекрасно владея русским языком, сказочник без особого усилия воссоздает далекое прошлое». (П. Завьяловский. Предания и сказки Оренбургских степей», Чкалов, 1948, стр. 160).

Сказка опубликована в сб. П. Завьяловского. Предания и сказки Оренбургских степей. Чкалов, 1948, стр. 155. См. казахские варианты про жадного бая и Алдара-Косе. В. Сидельников. Казахские сказки. Алма-Ата, 1958, том I, стр. 312—318.

ГЛУПЫЙ ХАН

Записал П. Т. Завьяловский от Абдриева Мухаммедзяна в 1938 году. Опубл. в сб. П. Завьяловского. Сказки. Чкалов, 1953, стр. 63.

БАТЫР

Записал П. Т. Завьяловский от Абдриева Мухаммедзяна в 1938 году. Опубл. в сб. П. Завьяловского. Предания и сказки Оренбургских степей. Чкалов, 1948, стр. 155.

См. варианты в данном сборнике — «Эргосай-батыр»; русские сказки: В. Н. Добровольский. Народное поэтическое творчество Смоленской области. Смоленск, 1954, стр. 120 — «Фомка — широкая борода»; Н. Андреев. Указатель сказочных сюжетов. Л., 1929, № 1640 — Счастье по случаю: убивает одним ударом семь мух, к нему присоединяются богатыри, побеждают врагов, Фома Беренников с завязанными глазами убивает главного противника, он становится мужем царевны.— А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки, 234, 235; сб. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915, 72 и др.

МУДРЫЙ ЖИРЕНШЕ И КРАСАВИЦА КАРАШАШ

Перевод Е. Е. Малюги. Взято из его сб. «Сорок небылиц», Алма-Ата. 1936 г. Отдельные мотивы этой казахской сказки совершенно в иной интерпретации встречаются в других сказках: «Ученый жигит», «Карашаш и хан», «Жиренше-Шешен», «Как Жиренше женил своего сына».

УМНАЯ КАРАШАШ

Записал Г. Н. Потанин. Опубл. в журн. «Живая старина», 1916, вып. II—III, стр. 68-69.

ХАН И КАРАШАШ

Из рукописных материалов Института языка и литературы АН Казахской ССР. На казахском языке опубликовано в сб. Е. Исмаилова. Казак ертегілері. Алматы, 1957, том I. Перевод В. Сидельникова и Х. Сыздыкова. Сказка очень близка к некоторым мотивам известной древнерусской повести о Петре и Февронии Приведем то место из русской повести XV века, которое очень схоже со сказкой о Карашаш: «Они же пловуще по реце в судех Некто же бе человек у блаженныя княгини Февронии в судне, его же и жена в том же судне бысть. Той же человек, приим помысл от лукаваго беса, възрев на святую с помыслом. Она же, разумев злым помысл его, вскоре обличи и. Рече ему: «Почерпи убо воды из реки сиа с сю страну судна сего». Он же почерпе. И повеле ему испити. Он же пие. Она же рече: «Почерпи убо воды з другую страну судна сего». Он же почерпе. И повеле ему паки испити Он же пие. Она же рече: «Едина есть, госпоже, вода». Паки же она рече сице: «И едино естество женьское есть. Почто убо, свою жену оставя, чюжиа мыслиши!» Той же человек, уведе, яко в неи есть прозрениа дар, бояся к тому таковая помышляти». Н. К. Гудзий. Хрестоматия по древней русской литературе XI-XVII веков. М., 1952, стр. 242.

КУЗНЕЦ И ЕГО ВЕРНАЯ ЖЕНА

Сказку эту нам любезно представил Е. Е. Малюга, ему принадлежит и перевод ее. Хотя в данной сказке есть «волшебные элементы», но в целом она сатирическая. Поэтому мы ее и поместили в раздел бытовых казахских сказок. Содержание ее напоминает нам древнерусскую повесть о Карпе Сутулове (Ю. М. Соколов. Повесть о Карпе Сутулове. Текст разыскания в истории сюжета. М., 1914 г.) На этот сюжет имеется ряд народных сказок: см. Н П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов. Л., 1929 — № 882: А Спор о верности жены: герой спорит с купцом о верности жены своей; В. Верная жена (Рыцарь за прялкой. У нас: визирь за ткацким станком): муж уезжает на чужбину; жена дает ему рубашку, на которой в случае ее измены появится черное пятно (у нас: голубой цветок); трое знакомых мужа (у нас: три визиря) пытаются соблазнить жену, но она запирает их в подвал и заставляет прясть (кто не работает, тот не получает пи ци).

Уместно здесь вспомнить и гоголевскую «несравненную» Солоху и ее поклонников, не говоря уже об основном мотиве — несколько ухаживателей своим последовательным приходом пугают друг друга и прячутся — некоторые подробности из «Ночи перед рождеством» находят себе также соответствие в отдельных эпизодах: место, в которое поклонники прячутся, грязное (у Гоголя: мешки из-под угля; в нашей сказке — темная яма); посрамление происходит на глазах публики; в нашей сказке — перед ханом.

Сказки с подобным сюжетом встречаются и у других народов. В сб. М. П. Драгоманова, например, есть украинская сказка «Гибель четырех попов».

КТО БОЛЬШЕ ВСЕХ

Взято из сб. Н. Северина, Казахские сказки. Л—М, 1940, стр. 17. См. варианты в сб. В. М. Сидельникова. Казахские сказки. Алма-Ата. 1958, том. I, стр. 420—421 — «Небылица».

ЖАУЫРАН

Опубл. в «Живой старине», 1916, вып. II-III, стр. 138. Публикация Г. Н. Потанина.

ВЕРНЫЙ СОН

Записано И. Крафтом со слов Мамбета Асавова. Опубл. в кн. И. Крафта. Из киргизской старины. Оренбург, 1900, стр 135. См. варианты в первом томе «Казахских сказок», Алма-Ата, 1958, стр. 422, 423, 424.

УПРЯМАЯ ЖЕНА

И. Крафт. Из киргизской старины. Оренбург, 1900, стр. 137—138. Подобные сказки-анекдоты встречаются у всех народов. См. русские народные сказки — Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов. Л., 1939, № 1365: «Упрямая жена», «Кошено — стрижено» и др.

НАХОДЧИВАЯ ДЕВУШКА

Записал А. Диваев со слов казаха Чимкентского уезда, Буралдаевской волости, Халы-бия Даулбаева. Опубл. в «Сборнике материалов для статистики Сыр-Дарьинской области». Ташкент, 1896. вып. V, стр. 72.

КАЗАХСКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА

Библиография

1957—1959 [1]

АЛИЕВА М., ЖАКТЕКЕЕВА З. Казахские сказки. Журн. «Советская этнография», 1959, № 1, стр. 179.

Рецензия на сборники казахских народных сказок: Е. Исмаилова (на казахском языке, Алма-Ата, 1957) и В. Сидельникова (на русском языке, Алма-Ата, 1958 г.).

АЛТАЙСКИЙ К., КАРАТАЕВ М. Степь поет. Песни, айтысы, поэмы акынов Казахстана. Алма-Ата, 1958, стр. 271.

В предисловии упоминаются народные сказки и легенды.

ВАЛИХАНОВ ЧОКАН. Избранные произведения. Редакция академика Маргулана. Алма-Ата, 1958, стр. 643.

Имеются материалы по казахской мифологии, этнографии и народной сказке.

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭПОСОВ НАРОДОВ СССР. Издание АН СССР. Сборник статей. М., 1957, стр. 290.

Во многих статьях упоминается о сказочных мотивах, в том числе и казахских.

ГАБДУЛЛИН МАЛИК. Казахское народное поэтическое творчество дооктябрьского периода. Автореферат диссертации на соискание степени доктора филологических наук; Алма-Ата, 1958.

Казахским народным сказкам посвящена третья глава данной диссертации.

ИСМАИЛОВ Е. Акыны. Монография о творчестве Джамбула и других народных акынов. Алма-Ата, 1957.

Говорится о сказителях и акынах, об их поэтическом репертуаре, где упоминаются и сказочные материалы.

ИСМАИЛОВ Е. Акыны. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Алма-Ата, 1957 г.

Говорится о сказителях и акынах, об их поэтическом репертуаре, куда входили и сказочные материалы.

ИСМАИЛОВ Е. Два русла казахской поэзии. «Советский Казахстан», 1958, № 8, стр. 138.

---

[1] Начало библиографии (1771—1956 гг.) см. в первом томе казахских народных сказок, изданном в 1958 году.

Об использовании писателями сюжетов — эпической и сказочной народной поэзии.

ИСТОРИЯ КАЗАХСКОЙ ССР. Том I, Алма-Ата, 1957, стр. 609. Издат. АН Казахской ССР.

Гл. II — культура сакских племен (стр. 39); культура усуней и кангюй (стр. 40); гл. IV — верования и религия (стр. 102—106); литература и наука (стр. 106—111); гл. VIII — народные обычаи (стр. 185—187); верования и религия (стр. 187—192); устное творчество казахов (здесь и о сказке, стр. 199-218); гл. XVI — казахская литература XVIII и начала XIX вв. (об акынах, сказителях, стр. 356—360); устное народное творчество (стр. 457—462); гл. XXII — устное творчество и искусство (стр. 559—567).

КАЗАХСКИЕ СКАЗКИ. Алма-Ата, 1959, стр. 360.

По сборнику М. В. Сидельникова. Казахские сказки. Алма-Ата, 1958, том I.

КАК АЛДАР-КОСЕ ПОЛУЧИЛ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРОЗВИЩЕ «КОСЕ» Казахская сказка в переводе Ш. Рахимбекова. Газ. «Ленинская смена» от 3 ноября 1957 г.

КАК АЛДАР УВЕЛ КОНЯ У ВОРА. Казахская народная сказка. Перевод Ш. Рахимбекова. Журн. «Советский Казахстан», Алма-Ата, 1957, № 3, стр. 122.

КАРАТАЕВ МУХАМЕДЖАН. Рожденная Октябрем. Статьи и очерки о казахской литературе. Алма-Ата, 1958, стр. 575.

Есть упоминания о народных сказаниях, легендах и о сказителях. См. также его автореферат к диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук — «Рожденная Октябрем», Алма-Ата, 1958, стр. 24.

КАРРЫЕВ Б. Казахские сказки. Газ. «Литература и жизнь», от 21 июля 1958, № 113.

Рецензия на сб. В. Сидельникова. Казахские сказки. Алма-Ата, 1958, том I.

КЛИМОВИЧ Л. И. Заметки об эпическом творчестве Советского Востока. См. в сб. «Вопросы изучения эпоса народов СССР», М., 1957, стр. 239.

Сказания казахские о «Козу-Корпеш и Баян-Слу».

КЛИМОВИЧ Л. И. Хрестоматия по литературе народов СССР. М., 1959. См. стр. 677—806 — «Казахская литература».

РАЧКОВА Л. Научные экспедиции. Газ. «Казахстанская правда» от 30. IV. 1957.

Об организации в 1957 году научных экспедиций, в том числе и фольклорных по записи новых вариантов поэм, песен и сказаний казахского народа.

СИДЕЛЬНИКОВ В. Казахские сказки. Издание АН Казахской ССР. Том I, Алма-Ата, 1958, стр. 463.

СМИРНОВА Н. С. Казахская литература. Хрестоматии для 8 класса русских школ Казахстана. Казучпедгиз, 1959, стр. 164.

Стр. 63-96 — исследование и тексты по казахской сказке.

СМИРНОВА Н. С., ГУМАРОВА М. Г. «Камбар-батыр». Под редакцией М. Ауэзова и Н. Смирновой. Алма-Ата, 1959, изд. АН Казахской ССР.

Имеются сказочные варианты «Камбар-батыра».

СЫДЫКОВ Т. Казахские версии «Алпамыса». Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Алма-Ата, 1958, стр. 16.

О сказаниях об Алпамысе.

САДЫКОВ Т. Казахские версии «Алпамыс». См. Тезисы докладов и сообщений регионального совещания по эпосу «Алпамыш». Ташкент, 1956, стр. 43—44.

О народных сказаниях об Алпамысе.

ТАЖИБАЕВ А. Поэты, давайте встречаться регулярно. «Литературная газета» от 5. VII 1958 г.

О сходстве сказок, легенд, эпических поэм у тюркских народов.

ТОЛЫБЕКОВ С. Е. Особенности художественного образа в казахском фольклоре. «Советский Казахстан», 1959, № 12, стр. 115—117.

ТРЕНЧЕНИ — ВАЛЬДАПФЕЛЬ ИМРЕ. Мифология — перевод с венгерского Е. Н. Елеонской. Редакция и предисловие проф. В. И. Авдиева М., 1959.

См. стр. 80—85, Казахское сказание «Чингис» из ст. В Радлова.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

Салахбай и лиса 9
Итыгиль 14
Любопытная жена 18
Эргосай-Батыр 21
Карынбай 23
Жигит и мыстан 25
Карга-бай 29
Чудесный нож 32
Рогатый хан 35
Храбрый Ада 36
Хан и баурсаки 43
Алеуко-батыр 44
Аби и Таби 47
Кендебай на коне Кергула 49
Царь и беркут 59
Каратай 67
Легенда о мертвом и живом и об их дружбе . . 72
Кызыл-батыр и див 79
Иди туда — принеси сюда 81
Спор братьев и решение Шуюте 86
Кебис, волшебное кольцо и веточки 88
Батыр, побеждающий злых духов 93
Красавица Миржан и владыка подводного ханства 97
Гани и Алим 101
Три брата и прекрасная Айслу 106
Курай-дед 112
Сорок сыновей Ауэз-хана 118
Кара-Мерген 122
Великан Алпамыс 129
У одной невесты три жениха 135
Кубугул и Акбелек-Слу 142
Похищенная красавица 145
Волшебный камень 148
О женском ханстве 153
Зная сказки, не утаивай их 159
Три девушки и прожорливая старуха 161

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

Лев и лиса 165
Кот, тигр и человек 169
Верблюжонок 171
Синяя лисица 173
Лисица и обезьяна 174
Лиса и коза 177
Неудача лисицы 178
Лягушка и суслик 180
Хитрая мышь 181
Звери-товарищи 184
Пастух и змея 186
Мышь и змея 188
Осел и суслик 189
Котыр-торгай 191
Сегизбай и девочка-мышка 193
Почему у ласточки хвостик рожками 195
Четыре друга 197
Грубая благодарность 198
Лисица и ворона 199
Баран и козел 200
Мудрость совы 210

ПРЕДАНИЯ

Мын-жилкы 217
Почему казахи первые песенники на свете . . 219
Ширин-кыз 220
Почему летучая мышь летает ночью 222
Баскунчак 224
Баян-Слу и Козу-Корпеч 225
Предание о происхождении Борового 246
Певец и злой дух 247
Счастье и Мудрость 255
Черепаха и ветер 257
Халь-биби и Айнак-куль 259
О жителях гор Актау 263
Сказание о Жоши-хане и его сыне 264
Звезда Омир-Зая 266
Звезда Исяк-Кырган 267
Кус-жолы 268
Ит-ала-каз 269
Темир-Казык 270
Саксаул и Сосна 271
Исторические предания о батырах XVII в. . . 272
Народные предания 275

БЫТОВЫЕ САТИРИЧЕСКИЕ СКАЗКИ

Как Алдар увел коня у вора 279
Шутка Алдара-Косе 282
Три вора 285
Глупец 287

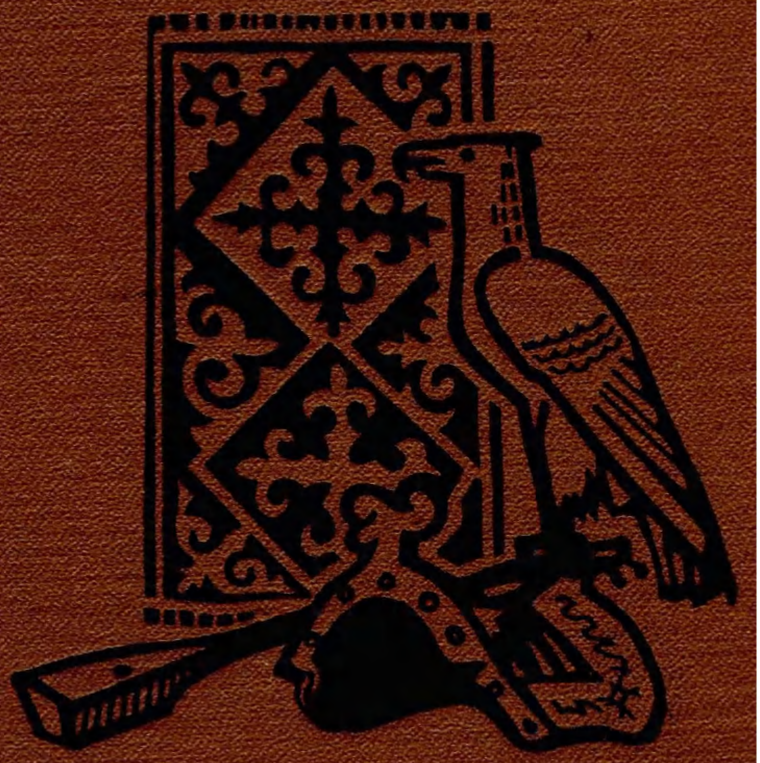
Мамек 288
Кейкуват 292
Ученый жигит 295
Меткий стрелок 297
Находчивый визирь 300
Бедняк Ахмет и несправедливые советники хана 301
Алдар-Косе и змея 303
Алдар-Косе и его спутник 304
Алдар-Косе и дьявол 305
Бухарец и казах 306
Путешественник и лентяй 307
Алдар Косе и черт 309
Ку-бала 310
Старик и жигиты 311
Святой лодырь 314
Бака 316
Наивный и смышленый 323
Как был наказан жадный Карахан 330
Момунбай и каракчи 335
Жиренше-Шешен 341
Слепой и зрячий 344
Алдар-Косе и Алача-хан 346
Справедливый судья 349
Верное решение 351
Волшебная птица Алдара-Косе 353
Бай-музыкант и Алдар-Косе 359
Обманутый толстяк 361
Как Алдар-Косе батраков угощал 362
Хан и странник 365
Справедливый посредник 367
Глупец и казий 369
Смекалка лучше богатства 371
Как Жиренше женил сына 375
Жадный богач 376
Глупый хан 378
Батыр 381
Мудрый Жиренше и красавица Карашаш . . . 383
Умная Карашаш 390
Хан и Карашаш 391
Кузнец и его верная жена 392

НЕБЫЛИЦЫ И АНЕКДОТЫ

Кто больше всех 403
Жауыран 405
Верный сон 407
Упрямая жена 409
Находчивая девушка 411

Примечания 413
Библиография 443

398-34
К-143

АКАДЕМИЯ НАУК
КАЗАХСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ
имени М. О. АУЭЗОВА

КАЗАХСКИЕ СКАЗКИ

ТОМ III

Составление и редакция
доктора филологических наук
В. М. СИДЕЛЬНИКОВА

ГОСУДАР. ЦЕНТРАЛЬНАЯ
ТЕАТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

КАЗАХСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
АЛМА-АТА — 1964

ОСНОВНОЙ
ФОНД

АБОНЕМЕНТ

Институт литературы имени М. О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР третьим томом «Казахских сказок» заканчивает издание сказочного эпоса. Всего в трехтомное издание вошло 366 сказок.

Сказка, как и другие виды и жанры устной поэзии казахского народа, на протяжении многих столетий развивалась как одна из важнейших форм выражения национального самосознания народа. Она была очень популярна. В ней казахский народ рассказывал о своем горе, пережитых муках во время кочевой жизни в прошлом, о вековой ненависти к своим угнетателям: ханам, баям, муллам и царским чиновникам. В ярких сказочных образах казахский народ выражал стремление к лучшей жизни: он мечтал о «счастливой стране» (см. народное предание о Жер-Уюке) и свободном труде. В сказках мы видим ироническое отношение народа к лодырям и тунеядцам (см. сказки «Святой осел», «Святой лодырь», «О лентяе» и др.).

Сказка свидетельствует об огромной поэтической фантазии казахского народа, его талантливости, мудрости и нравственной чистоте. Сказка — замечательное культурное наследие. Она вошла в золотой фонд многонациональной литературы и искусства всего советского народа. Ее читают не только дети, но и взрослые.

Народная сказка всегда привлекала внимание казахских и русских писателей. Они широко пользовались и пользуются ее материалом в своем творчестве: берут занимательные сказочные сюжеты, отдельные художественные образы, композиционные приемы и вообще сказочную поэтику. Здесь нужно назвать таких писателей, как Владимир Даль, Николай Каразин, Сакен Сейфуллин, Сабит Муканов, Габит Мусрепов и другие. А Мухтар Омарханович Ауэзов изучал народную

сказку и написал о ней специальное исследование («Мысли разных лет», Алма-Ата, 1959, стр. 213—271).

Мухтар Омарханович принимал деятельное участие и в издании казахских народных сказок. Наш первый сборник «Казахских сказок» был подготовлен и издан нами в Москве в 1952 году под его научной редакцией. В дальнейшем не раз приходилось обращаться к нему за консультацией при исследовании казахской сказки. Профессор Ауэзов «благословил» нас и на трехтомное издание сказок. А получилось это так. К декаде казахского искусства и литературы в Москве, которая должна была проходить в декабре 1958 года, мы с Е. С. Исмаиловым решили подготовить том народных сказок на казахском и русском языках. Обратились за советом к М. О. Ауэзову. Он поддержал нашу идею, одобрил план, дал ряд указаний по отбору сказочных текстов, внес несколько дружеских замечаний в предисловие, дал ряд советов при классификации сказок и т. д. При создании последующего, второго тома мы также ощущали близость этого чуткого и отзывчивого человека, его непосредственное участие в нашей коллективной работе.

Мимо сказочного эпоса не проходили и музыканты. Сказочные сюжеты, мотивы мы встречаем в творчестве таких композиторов Казахстана, как Бахитжан Байкадамов (опера «Меруерт»), Евгений Брусиловский (опера «Кыз-Жибек»), Дмитрий Мацуцин, Капан Мусин, Мукан Тулебаев и др. Сказка органически входила в народные музыкальные произведения (см. записи народных кюйев в сборниках А. В. Затаевича), героический эпос (отдельные мотивы, эпизоды, образы, поэтика). Поэтому при изучении эпоса и других видов и жанров казахского народного творчества нельзя не обращать внимания на это.

Особенно насыщена сказочными мотивами социально-бытовая народная поэма «Козы-Корпеч и Баян-Сулу» и героический эпос «Алпамыс».

В данный том, кроме текстов из различных газет, журналов и этнографических сборников (А. Диваева, А. Васильева, И. Крафта), вошло большое количество неопубликованного ранее материала из рукописного архива фонда института литературы им. М. О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР. Тексты сказок, записанные дореволюционными собирателями, не обрабатывались, а были лишь подвергнуты небольшой редакторской правке.

В конце третьего тома дается сводный «Алфавитный указатель сказок», помещенных во всех трех томах; сводный «Словарь казахских слов», встречающихся в сказочных текстах, продолжение «Библиографии казахской сказки» и работ о сказочном эпосе. Эти указатели, как нам кажется, помогут лучше и быстрее ориентироваться читателю во всем сказочном материале. Они будут служить вспомогательным научным аппаратом при изучении сказок.

Составитель приносит свою глубокую благодарность за советы и дружескую помощь чл. корр. АН Казахской ССР Е. С. Исмаилову, доктору филологических наук, старшему научному сотруднику Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР Б. Каррыеву, редактору государственного издательства художественной литературы Казахстана Л. А. Золотовой, переводчику Евг. Малюге из Ленинграда, фольклористам — сотрудникам института литературы им М. О. Ауэзова АН Казахской ССР.

Проф. В. Сидельников.

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

ПРОДАВЕЦ РАЗУМА

В прежние времена был один царь. Каждый день он садился у окна и наблюдал, что делает его народ. И вот как-то он заметил, что народ собрался в одну кучу, а потом разошелся. Царь спросил своего визиря:

— Почему вон на том месте собирался народ?

Визирь ответил:

— Туда каждый день приходит один человек и продает разум, а собравшиеся покупают у него этот разум.

Царь был озадачен. «Если бог не дал разума,— подумал он,— то как же его купишь?» И вот он пришел к продавцу разума и сказал:

— Есть ли у тебя подходящий для меня разум?

— Кто вы такой будете? — спросил продавец.

— Я царь! — ответил повелитель.

Тогда продавец сказал:

— Если вы царь, то у меня есть подходящее для вас нравоучительное слово, но вы прежде должны дать мне тысячу диллей *.

Царь дал ему тысячу диллей. Тогда продавец сказал:

— Всякое дело начинай подумавши; не подумаешь — пожалеешь.

Слова эти царь приказал написать на всех стенах своего дома для того, чтобы каждый мог их прочесть.

Однажды царь позвал к себе цирюльника. Когда цирюльник шел к царю, то его встретил визирь и спросил:

---

* Объяснение всех казахских слов дано в «Словаре казахских слов» в конце книги.

— Какой бритвой ты будешь брить царя?

Цирюльник показал свою бритву с деревянной ручкой.

— Вот этой,— сказал он.

— Для волос царя должна быть вот такая бритва,— сказал визирь и дал цирюльнику золотую бритву.

Цирюльник заткнул свою бритву за пояс и взял в руки золотую бритву. Но когда он вошел к царю, то обратил внимание на надпись. Цирюльник был грамотный. Он прочел: «Всякое дело начинай подумавши; не подумаешь — пожалеешь...» Цирюльник достал свою бритву и стал брить царя, а золотую положил перед ним на стол. Царь с гневом спросил его:

— Слушай, цирюльник! Ты, должно быть, нашел золотую бритву для меня неподходящей? Золотую выставил перед моими глазами, а волосы мне сбрил бритвой с деревянной ручкой?

— О тахсыр! Сами же вы написали: «Всякое дело начинай подумавши; не подумаешь — пожалеешь...» Вот я и решил взять свою бритву, так как золотую дал мне визирь и я не знаком с ее секретом.

Царь потребовал к себе визиря и сказал:

— Сейчас же сбрей этой бритвой свои волосы!

Цирюльник взял золотую бритву и стал брить голову визиря. Пока он брил, визирь отдал богу душу.

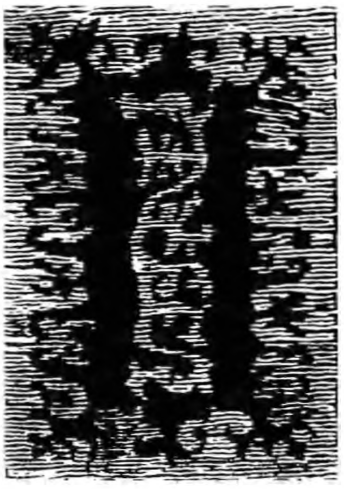
Оказалось, что этот визирь ненавидел царя. Он обмакнул золотую бритву в яд и дал ее цирюльнику. Если б цирюльник не прочитал надписи, то обрил бы царю волосы отравленной бритвой.

Царь поблагодарил цирюльника за находчивость и сообразительность, одарил его и отправил домой.

Когда царь пошел разыскивать продавца разума, то его уже не было: он куда-то исчез бесследно.

САПОЖНИК И ХАН

●

Один хан задумал проверить, как народ исполняет его повеления. Он приказал своим визирям объявить, чтоб его подданные ничего не делали и не зажигали по ночам огней.

Визири доложили хану, что приказ объявлен и народ точно выполняет его. Хан переоделся нищим и отправился ночью по городу. Вот идет он по темной улице, заметил огонек. Подошел к дому, открыл дверь и попросил милостыню.

В этом доме жил сапожник. Он сидел за работой. Когда вошел нищий, сапожник встал с места и подал ему маленькую лепешку.

— Ведь от хана последовало распоряжение, чтобы никто ничего не делал и по ночам не зажигали свечей,— сказал нищий.— Почему ты не исполняешь волю своего повелителя?

— Ты получил милостыню,— сказал сапожник,— ну и иди себе с богом. Хан, который отдал такое повеление,— дурак! Посуди сам, если б я не работал, как бы стал существовать? Человек я бедный. От работы своей ежедневно получаю четыре теньги пользы и четыре убытку.

Хан ничего не возразил на слова сапожника и вернулся в свой дом. Он потребовал к себе визирей и сказал им:

— Я полагал, что вы умнее обыкновенных людей, и потому выделял вас от прочих, осыпал милостями. Теперь задам я вам вопрос, на который вы должны ответить. От занятий своих я получаю ежедневно четыре теньги убытку и четыре теньги прибыли. Так вот, сколько я имею прибыли

и сколько пользы? Даю вам три дня сроку: если вы не ответите мне на этот вопрос или не найдете такого человека, который смог бы ответить на него, я вас прикажу казнить.

Прошло три дня, а визири так и не могли разгадать заданного вопроса. Они собрались уже было бежать от гнева хана, как в это время к ним пришел сапожник и заявил, что он отгадает вопрос хана, если ему дадут за это хорошее вознаграждение.

Визири с большой радостью дали сапожнику четыре тысячи диллей и повели его к хану.

— О тахсыр,— сказал сапожник.— Четыре теньги убытку и четыре теньги прибыли я получаю следующим образом. Отдаю одну теньгу — новый долг плачу, отдаю другую теньгу — старый долг плачу, третью теньгу в колодец бросаю, а на четвертую теньгу сам с женой живу.

— Что одну теньгу тратишь на себя и жену, то всякому понятно,— сказал хан.— А ты вот разъясни нам, куда остальные три теньги деваешь.

Сапожник сказал:

— Одну теньгу я даю взаимообразно своему сыну для того, чтоб он меня кормил на старости лет. Одну теньгу плачу как старый долг отцу и матери за то, что они меня вскормили и вырастили, наконец, одну теньгу бросаю в колодец, то есть кормлю дочь.

Хану понравился такой ответ сапожника, и он сделал его своим визирем.

ЖАНЫДЫЛЬ

●

Жил смелый человек по имени Жаныдыль. У него была красавица сестра. В эту девицу был влюблен хан. Хан несколько раз просил брата отдать за него замуж сестру, но тот не соглашался. Девушке тоже нравился хан. И вот она притворилась больной. Брат был очень огорчен и не знал, что делать. Хан позвал к себе одну старуху и сказал ей:

— Иди и скажи Жаныдылю, что ты лекарка и что его сестре может помочь «ангельская вода». Если спросит, где взять такое лекарство, ты скажи, что там-то и там-то, и отведи его туда, где много бед, где по дороге он мог бы встретиться с жалмауыз-кемпир. Сделай так, чтобы он не вернулся назад.

Старуха пошла к сестре Жаныдыля и стала врачевать. Она трясла больную, шептала что-то, а потом сказала Жаныдылю:

— Есть «ангельская вода». Только ею можно вылечить твою сестру. Но лекарство это трудно найти. Я знаю, где оно находится.— И старуха рассказала, как идти за этой водой.

Жаныдыль отправился. Хан забрал к себе сестру Жаныдыля, а его жену сделал рабой.

Долго ехал Жаныдыль, повстречался ему дом. Возле дома сидела страшная женщина. Она в котле с сорока ушами вскипятила масло, бросила в масло человека и, сделав из него каурдак, стала есть. Это была жалмауыз-кемпир.

Жалмауыз-кемпир увидела Жаныдыля и подбежала к нему, чтобы поймать и бросить в котел. Жаныдыль стал

бегать вокруг котла, жалмауыз-кемпир — за ним. У старухи закружилась голова, она споткнулась и упала. Жаныдыль поднял ее и бросил в огонь. После этого он вошел в дом жалмауыз-кемпир и увидел много людей. Они ждали своей участи. Жаныдыль освободил их всех, роздал им богатство старухи и отпустил домой. Один из освобожденных сказал Жаныдылю:

— Вы сами избавились от жалмауыз-кемпир и нас освободили. Да пошлет вам бог благополучия на вашем пути! Куда вы идете?

— В этой стране есть «ангельская вода»,— сказал Жаныдыль.— Она помогает от болезней. Вот я и иду за этим снадобьем.

Тогда человек сказал:

— До этой воды — трудный путь. Недалеко отсюда живут дяу — братья жалмауыз-кемпир. Когда дойдете до них, увидите собаку, а перед ней — жантак. Возьмите у собаки жантак и бросьте его верблюду, который будет лежать тут же. У верблюда отнимите кость и бросьте ее собаке. Далее три мальчика будут играть в бабки. Если они станут ссориться, вы их помирите. Потом вы встретите караульщика — дяу с белым пятном на лбу. Он погонится за вами, но мальчики его задержат. Вы пойдете дальше и встретите каменные двери, за ними — «ангельская вода». Скажите: «Ах боже!» — и дверь откроется. Наберите воды и отправляйтесь обратно.

Жаныдыль проделал все так, как ему было сказано. Он взял у собаки жантак и бросил верблюду, а кость — собаке; помирил подравшихся мальчиков. Подъехал к двери, сказал: «Ах боже!». Дверь открылась, он набрал воды и отправился обратно. Когда Жаныдыль приехал домой, то не застал сестры и жены. Ему рассказали, что произошло во время его отсутствия. Жаныдыль убил хана и вернул свою жену. Сестру он привязал к хвостам сорока лошадей и пустил в поле. Кобылицы разорвали ее на сорок частей.

АТУМТАЙ И НАШАРВАН

●

190137

Жили когда-то два друга. Одного из них звали Атумтаем, а другого — Нашарваном. Атумтай был щедр, а Нашарван — справедлив. Жили они оба в большой дружбе и согласии. Так бы и прожили до конца своей жизни без ссор, если б не было на земле шайтанов. Шайтаны позавидовали такой дружбе и решили нарушить ее.

Однажды старый шайтан спросил своего сына:

— Остался ли на свете человек, не сбитый нами с истинного пути?

— Да, отец! — сказал сын.— Есть еще такие праведные люди, которые не поддались нашему искушению, это Атумтай и Нашарван. Если взяться за них, то думаю, нам удастся сбить их с истинной дороги. Для этого нам необходимо влезть в их души и раздружить так, чтоб они питали друг к другу вражду...

Так они и сделали. Через некоторое время друзья стали непримиримыми врагами.

Как-то справедливый Нашарван отправился в поле на прогулку. Шайтан уже сидел в его душе и тотчас же сообщил своему сыну, влезшему в душу Атумтая, чтобы он внушил ему также выехать в поле. Атумтай вооружился шашкой и поехал на прогулку в поле.

Соперники встретились. Атумтай заметил, что Нашарван не имеет никакого оружия, и решил убить его. Но Нашарван угадал желание своего прежнего друга и воскликнул:

ГОСУДАР. ЦЕНТРАЛЬНАЯ ТЕАТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

2—2381

— О Атумтай! Ты всегда был щедр, отдай мне твою шашку и докажи этим, что ты остался таким же!..

«Что делать? — подумал Атумтай.— Если отдать шашку, значит, подвергнуть себя опасности быть изрубленным собственною шашкою; если же не удовлетворить просьбу противника, значит, навсегда лишиться чести и быть в глазах Нашарвана скупым». Подумал так Атумтай и решил отдать шашку.

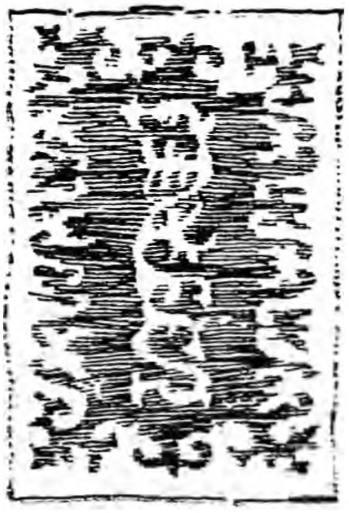
— Возьми мою шашку,— сказал он,— но помни, ты также должен доказать мне свою справедливость!..

Получив оружие, Нашарван хотел было изрубить Атумтая, но тотчас же изменил свое решение, вспомнив намек Атумтая на «справедливость». И вместо того, чтобы умертвить бывшего своего друга, он бросился к Атумтаю и крепко сжал его в своих объятьях.

Само сердце подсказало друзьям, что они поддались искушению шайтана.

УДАВ-ЖЕНЩИНА

●

В древние времена жил один богатый человек Абдулла. Он имел единственного сына красавца. Настало время юноше жениться, отправился он искать себе жену. Три года путешествовал юноша по разным землям и нигде не мог встретить женщину, которая бы ему понравилась. Потеряв всякую надежду, он уже возвращался в родной аул, как вдруг на пути встретил девушку, которая поразила его своей красотой. Юноша пламенно влюбился в нее и не замедлил жениться. Первые годы он прожил с молодою женой очень счастливо. Но потом стал быстро чахнуть и превратился в скелет. Лицо его стало желтым, как шафран.

Юноша имел все, но не было у него здоровья. Решил он послать во все стороны людей, чтобы разыскать опытного табиба или кудесника.

Через некоторое время его люди привели кудесника. Юноша обратился к нему с такими словами:

— О кудесник! Я нахожусь во власти злого недуга. Исцели и спаси меня!..

Кудесник раскрыл свою книгу, долго всматривался в нее, потом произнес:

— О мой юноша! О болезни твоей я прочел в этой книге. Ты страдаешь от своей жены. Хотя жена твоя и носит человеческое подобие, но она не человек, а змея-удав. Можешь убедиться в этом. Ложась спать, убери из юрты всю воду, не оставляй ни капли и не смыкай очей всю ночь. Ты увидишь чудеса.

Юноша в точности исполнил требование кудесника. Подошла глубокая ночь. Жена юноши лежала, лежала, вдруг осторожно подняла голову, стала вытягиваться и постепенно превратилась в змею. Змея поползла по юрте, отыскивая воду. Воды не оказалось. Тогда змея стала быстро удлиняться и выползать из юрты по направлению к речке, протекавшей недалеко от аула. Оставив хвост в юрте и достигнув головой берега, она напилась, обратилась вновь в красавицу и легла возле мужа.

Юношу охватил ужас. Он то обливался холодным потом, то его бросало в жар. Наконец ночь прошла, стало светать.

Утром позвал он кудесника и рассказал ему, что видел ночью. Кудесник посоветовал собрать всех мастеров и немедленно выстроить железный дом о семи стенах, снабдив его крепкими замками. Когда будет все готово, заманить туда жену и запереть, а затем, скупив у всех хлебопашцев солому, обложить дом и поджечь. Огонь должен пылать до тех пор, пока стены не накалятся докрасна и не погибнет в огне удав-жена. При этом кудесник предупредил, что если юноша не последует его совету, то жена его через два года окончательно обратится в удава и проглотит всех жителей аула.

Собрал юноша многочисленных мастеров, и скоро железный дом был готов.

— О моя дорогая! — сказал юноша жене.— Какие хоромы я выстроил тебе! Не хочешь ли полюбоваться ими.

Повел он жену в отстроенный дом. И как только жена вошла в него, он быстро запер двери на замок и распорядился, чтоб дом обложили соломой. Спустя час железный дом был в пламени, а вслед за этим послышалось такое страшное шипение, что задрожала земля. Это было последнее издыхание удава.

Так юноша спас себя и жителей аула от удава...

ЩЕДРЫЙ И СКУПОЙ

●

Однажды Щедрый и Скупой вздумали вместе идти на поклонение. Скупой всю дорогу пользовался хлебом и водой Щедрого. Наконец у Щедрого все запасы истощились. Он стал просить у Скупого, но тот ему сказал, что не желает оказаться в таком же положении и поэтому ничего не даст. Щедрый не мог следовать дальше и остался в пещере, до которой они дошли. Скупой пошел один.

В пещере, чтоб утолить голод, Щедрый взял в рот какую-то травку и с этой минуты стал понимать язык всех растений и животных.

К вечеру в пещеру вбежали волк и лисица, прилетела сорока. Лисица спросила сороку, что она ела сегодня. Та ответила, что до сих пор голодна.

— А вот под этим тополем есть мышонок,— сказала лисица.— Он постоянно играет золотыми монетами и, любуясь ими, насыщается.

Волк указал на противоположные горы и рассказал, что там есть бай, имеющий тысячу баранов и одного золотого козла, благодаря чему он, волк, сыт. Если голову козла отдать слепому, он станет зрячим.

— А вот под теми деревьями хранится казна, оставшаяся после семи царей,— сказала лисица,— и я по милости этой казны сыта.

Рано утром звери ушли из пещеры. Щедрый направился к мышиной норке и нашел там золотые монеты. Затем Щедрый пошел к баю и купил у него козла. Щедрый знал, что у царя есть слепая дочь. Пошел он к царю и вызвался

вылечить его дочь. Царь согласился. Голова козла тут же была сварена и подана слепой дочери царя. Она съела и тотчас же стала видеть.

Обрадованный царь выдал дочь за Щедрого и устроил той. Царь сказал зятю, что готов исполнить любое его желание. Щедрый попросил у царя тот самый родник, где под деревьями хранилась казна. Царь согласился отдать ему тот родник. Достал Щедрый казну и стал жить со своей женой в веселье и в довольстве.

Вернулся Скупой и позавидовал Щедрому. Он спросил его:

— Как ты сумел стать богатым? А я скитаюсь, переношу голод и холод...

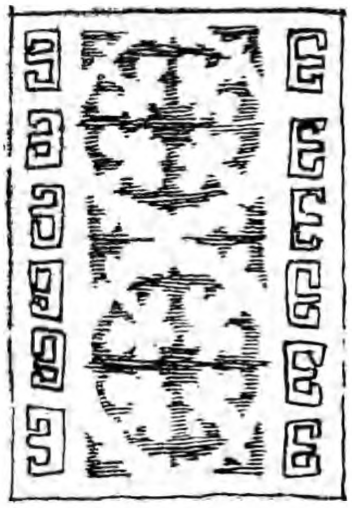
Щедрый рассказал ему все без утайки. Скупой отправился в пещеру. Спрятался, ожидая зверей и сороку. Ночью они появились. Первой вошла лиса. Она стала говорить, что кто-то слышал их разговор и похитил все достояние, надо быть осторожными. Лисица предложила обыскать пещеру, нет ли в ней кого. Стали искать. Вдруг лисица закричала:

— В пещере человек!..

Волк схватил Скупого и растерзал...

СЧАСТЬЕ КАДЫРА

●

Жили два брата. Старший был разумный и работящий, а младший — бестолковый, ленивый и завистливый. Звали его Кадыр.

Пришел Кадыр к брату и говорит с досадой:

— Почему так получается, брат, скажи, сделай милость! Одного мы с тобой рода-племени, одного отца дети, а доля у нас разная. Тебе удача во всем, мне ни в чем нет удачи. Твои овцы плодятся и тучнеют, мои — дохнут одна за другой, твой конь первым доскакал в байге, а мой сбросил меня на полдороге, у тебя за столом всегда мясо и кумыс, а у меня незаправленной похлебки не вволю, у тебя ласковая жена, а на меня ни одна девушка не смотрит, тебя уважают даже старики, а надо мной без стыда глумятся подростки...

Улыбнулся старший брат и отвечал:

— Не иначе мне счастье мое помогает.

— Почему же оно не помогает мне?

— У каждого свое счастье, Кадыр. Мое любит трудиться, твое, видно, спит себе где-то под карагачом.

«Постой же,— думает Кадыр,— разыщу и я свое счастье, заставлю работать на себя».

И в тот же день пустился он в странствие на поиски того карагача, под которым надеялся найти свое счастье.

Идет да идет. Далеко забрел. Выскочил из-за камня косматый лев, стал впереди на дороге, ждет. Испугался Кадыр, а бежать — все равно никуда не убежишь: голая степь кругом. Что будет?

Лев говорит:

— Ты кто такой?

— Я Кадыр.

— Куда идешь?

— Иду искать свое счастье.

— Ну, тогда слушай, Кадыр,— сказал Лев,— когда найдешь счастье, спроси у него, что мне делать, чтоб у меня прекратилась резь в животе. Никакие травы не помогают. Замучился я, совсем пропадаю. Обещаешь исполнить мое поручение — не трону тебя, не то — загрызу.

Кадыр поклялся раздобыть для льва совет или лекарство, и тот уступил ему дорогу.

Идет дальше Кадыр. Видит: среди выжженного солнцем поля сидят старик, старуха и девушка чудной красоты, все горько плачут, точно по покойнику.

Остановился Кадыр.

— О чем вы плачете, люди?

— Велико наше горе,— отвечает старик.— Три года назад купил я это поле, отдал за него все, что имел за душой. Не щадя сил, возделываем мы землю, как мать за младенцем ухаживаем за посевом. А урожая еще не собрали ни разу. Дружно поднимаются всходы, буйно зеленеет поле весной, суля обильную жатву, но к середине лета, сколько ни поливай землю, посев сохнет и сгорает до самых корней. В чем причина такой беды, никто сказать не может. Помирать приходится, добрый человек. Нет у нас счастья.

Говорит Кадыр:

— А у меня хоть и есть счастье, да оно спит где-то под развесистым карагачом. Вот иду его разыскивать.

Тут старик стал упрашивать Кадыра:

— Душа моя, да не подует тебе ветер в лицо, да не уместятся твои успехи за пазухой! Если поможет тебе случай найти свое счастье, не откажи, спроси у него, не знает ли оно, отчего погибают наши посевы. Век буду тебе благодарен.

Кадыр пообещал старику вернуться на это место с ответом и снова тронулся в путь.

Через сколько-то дней Кадыр пришел в большой город, который оказался столицей хана. Едва он появился на улицах среди шумной толпы, как на него набросилась стража и за шиворот потащила в ханский дворец. Кадыр от такой неожиданности совсем потерял голову и, не ведая, в чем его

вина, готовился к самому худшему. Но хан встретил его милостивой улыбкой и ласковыми словами.

— Будь моим гостем, чужеземец,— сказал хан,— и расскажи, кто ты и куда идешь.

Кадыр упал на колени и, путаясь в словах, рассказал о себе хану.

Выслушав его, хан приказал:

— Встань и подойди ко мне, Кадыр. Не бойся меня. Я обращаюсь к тебе не как к рабу, а как к другу. Есть у меня просьба к тебе. Когда ты встретишься со своим счастьем, спроси его, почему я, владыка обширного, богатого и могущественного ханства, не испытываю радости и горько тоскую в золотом дворце. За ответ, какой бы он ни был, я щедро вознагражу тебя.

И вот Кадыр снова в пути. Три года пространствовал он по свету, пока не нашел то, что искал. Пришел он к высокой черной горе и видит: у отвесной скалы стоит развесистый карагач, а под ним спит в тени мертвым сном, раздетое и разутое, немытое и нечесаное, какое-то существо, похожее на человека.

«Неужели это и есть мое счастье?» — подумал Кадыр и принялся будить лежебоку:

— Вставай, проснись, пора приниматься за дело! Вон счастье моего брата трудится на него не покладая рук. Что ж ты не хочешь служить мне? Проснись, поднимайся скорее!

Долго он кричал и тузил под бока кулаками лежащего. Наконец счастье пошевелилось, потянулось, приподняло голову и, зевая, стало протирать глаза.

— Это ты, Кадыр? Напрасно ты таскаешься по свету, ноги бьешь. Лежал бы ты лучше вот так под развесистым карагачом, спокойнее бы тебе было. Счастье помогает умным да трудолюбивым, как твой брат, а таким, как ты, глупцам и бездельникам, и счастье не впрок. Ну да раз уж ты пришел ко мне, то садись и говори, чего от меня хочешь, как нашел сюда дорогу, что видел, с кем встречался, о чем беседовал.

Начал Кадыр рассказ, а счастье, позевывая, его слушает. Дослушало до конца, поучило, что кому отвечать на обратном пути, и потом говорит:

— Скажу я по твоим рассказам, Кадыр, что много в тебе

плохого, однако есть и хорошее. За хорошее и хочу наградить тебя. Ступай домой. Большое счастье ждет тебя впереди. Не всякому такое дается. Смотри только, не упусти его по своему ротозейству. Прощай!

Растянулось опять Кадырово счастье на траве под карагачом и захрапело на всю долину. Принялся было Кадыр тормошить его, чтобы узнать толком, что же именно ждет его впереди, да куда там — весь вспотел, а счастья так и не добудился. Постоял он, повернулся и зашагал по собственному следу туда, откуда пришел.

Добрался до столицы, явился к хану. Хан обрадовался ему, выслал прочь всех слуг и телохранителей, усадил гостя рядом с собой:

— Говори, Кадыр!

И Кадыр сказал:

— Счастье мое открыло мне причину твоей печали. Ты правишь страной, и все называют тебя ханом, думая, что ты мужчина. А ведь на самом деле ты женщина. Тебе тяжко скрывать истину и не под силу одной нести воинские труды и заботы правления. Избери себе достойного мужа, и веселье снова вернется к тебе.

— Правду сказало твое счастье, Кадыр,— промолвил в смущении мнимый хан и снял с головы драгоценную шапку: черные косы упали на цветной ковер, и увидел Кадыр перед собой девушку прекрасную, как полная луна.

Закрасневшись, хан-девица сказала:

— Ты первый, жигит, узнал мою тайну. Будь же моим мужем и ханом моей страны.

Остолбенел Кадыр от таких слов, но вдруг замотал головой и замахал руками:

— Нет, нет, не хочу быть ханом, ничего мне от тебя не надо. Мое счастье ждет меня впереди!

И пошел он дальше.

Вот встречают его с поклоном и приветствиями старик, старуха и их красавица-дочь.

— Что скажешь нам в утешение, дорогой Кадыр?

— Скажу я вам,— ответил Кадыр,— что в древние времена на месте вашего поля один богач, напуганный набегами иноземцев, зарыл сорок корчаг с золотом. Оттого-то и не родит ваша земля. Выройте золото, и почва опять станет плодородной, а сами вы будете богаче всех в этом краю.

Закружились от радости бедные люди, смеются и плачут, обнимают Кадыра.

Старик говорит:

— Ты осчастливил нас, Кадыр. Оставайся же с нами. Помоги нам вырыть золото. Бери себе половину клада, бери в жены нашу дочь. Будь моим сыном и зятем.

Понравились Кадыру старики, еще больше понравилась ему их дочка, и все-таки он покрутил головой и сказал:

— Нет-нет. Счастье мое еще ждет меня впереди.

И пошел дальше.

Шел, шел — истоптал сапоги, растер ноги, чуть ковыляет по пустынной тропе. Увидел камень, присел и задумался:

«Вот уж скоро конец пути, а где же мое обещанное счастье?»

И только он подумал так, глядь — а перед ним стоит лев.

— Ну,— говорит лев,— принес ли ты мне, Кадыр, совет или лекарство?

— Лекарство не принес, но есть верное средство избавиться тебе от хвори. Съешь мозги самого глупого на свете человека — и сразу станешь здоров.

— Спасибо, Кадыр. Буду повсюду теперь искать такого глупца. Может, ты мне поможешь в этом? Расскажи-ка, каких людей видел в странствии, о чем говорил с ними. Пока не расскажешь, не отпущу тебя домой.

Делать нечего, стал Кадыр рассказывать и про свой разговор со счастьем под старым карагачом, и про хан-девицу, и про стариков с их красавицей-дочкой.

Засверкали у льва глаза, защелкали зубы, поднялась грива. Говорит он:

— Ну и дурак же ты, Кадыр! Такое счастье было у тебя в руках, а удержать ты его не смог. Ты отказался от власти и почета, ты отказался от богатства и благополучия, ты отказался от двух прекрасных невест... Да если я трижды обойду всю землю, все равно не найду человека глупее тебя. Твои-то мозги и исцелят мою утробу!..

И, разбежавшись, лев кинулся прыжком на Кадыра. Кадыр с перепугу, как заколотый баран, повалился на землю. Это его и спасло: лев, не рассчитав прыжка, ударился грудью о камень и тут же околел.

— Какое счастье! — вне себя от радости вскричал Кадыр.— Смерть угрожала мне, а я остался жив! Какое счастье!

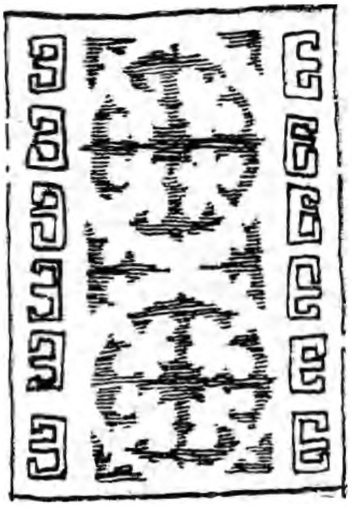
Когда Кадыр возвратился в аул, никто не узнал его: точно второй раз родился жигит, новым человеком стал. Всегда веселый, со всеми приветливый, он больше ни на что не жаловался, никому не завидовал. С утра до вечера он работал, распевая песни, и все наперебой хвалили его за рассудительность и добрый нрав. День ото дня умножался достаток Кадыра, обзавелся он семейством и зажил в радости и почете.

— Как поживаешь, Кадыр? — спрашивали его друзья.

— Счастливее всех на свете! — отвечал с улыбкой Кадыр.

ТРИ МУДРЫХ СОВЕТА

●

У одного богатого казаха был единственный сын. Он постоянно пас лошадей. Однажды к нему подошел неизвестный человек и говорит:

— Дитя мое! Дай мне лошадей, я тебе за это дам три мудрых совета.

Юноша согласился и отдал целый косяк лошадей. Неизвестный сказал:

— Дитя мое! Где ты отведал хлеб-соль, не будь тому соперником; от ранней готовой пищи не отказывайся *; и если правая рука твоя начнет драку, то левая должна разнимать.

Сказал неизвестный человек эти слова, забрал лошадей и скрылся.

Когда юноша вернулся домой, то все рассказал отцу. Отец разгневался на сына, стал его ругать, а потом выгнал вон.

Долго скитался юноша по разным местам. Пришел он как-то в город и подошел к ханскому двору. Заметили его ханские охранники.

— Что ты здесь делаешь? Не хочешь ли быть полезным человеком? — обратились они к пришельцу.

— Отчего же? — сказал юноша.— Ведь я не калека. Если есть дело, то почему же не заняться? Праздного бог убьет!..

---

* У мусульман было принято: если угодишь утром на готовую пищу, то должен непременно отведать ее, даже если не хочешь есть. Примечание А. Диваева.

Стража пришла к хану и доложила, что появился в городе юноша чужестранец, видимо, очень умный, и изъявляет желание служить ему. Хан попросил привести этого чужестранца. Когда юношу привели, он очень понравился хану. Хан назначил его своим телохранителем.

Юноша выполнял службу исправно. Прошло некоторое время. Жена хана влюбилась в юношу и как-то говорит ему:

— Я буду твоей... Будем же любить друг друга, шутить, веселиться!

Юноша вспомнил совет неизвестного человека: «Где ты отведал хлеб-соль, не будь тому соперником» — и отказал жене хана. Тогда ханша решила отомстить юноше. Она пожаловалась хану, что юноша груб с ней, не дает проходу.

— Я его велю убить,— сказал хан.

Тайно он приказал своим истопникам бросить утром на горячие угли того, кто к ним придет первым. Затем подозвал юношу и сказал ему, чтоб он утром отправился к истопникам и принес мешок углей. Юноша сказал: «Слушаюсь, тахсыр» — и на другой день отправился к истопникам.

По дороге он встретил старушку.

— Дитя мое! — сказала старушка.— Отведай у меня хлеба-соли!..

Юноша поблагодарил старушку и сказал:

— У меня спешное дело, я иду по приказанию хана.

На это старушка заметила ему, что еще рано и он успеет сходить по важному делу. Тогда юноша вдруг вспомнил второй мудрый совет неизвестного человека: «От ранней готовой пищи не отказывайся» — и вошел в юрту к старушке.

В это время ханская жена, узнав об ожидающей юношу страшной смерти, в отчаянии прибежала к истопникам, чтобы в последний раз посмотреть на него, но была тут же схвачена и брошена в огонь. А юноша, закусив у старушки, отправился к истопникам, взял у них мешок угля и принес хану.

Увидав юношу совершенно невредимым, хан пришел в изумление. В то же время хану доложили, что его жена исчезла из дворца. Куда она девалась — никто не знал. Хан послал узнать к истопникам, какими судьбами юноша остался жив? Истопники ответили, что они в исполнение

повеления хана бросили в огонь его жену, так как она пришла к ним первая.

Когда хану принесли такой ответ, он назвал юношу колдуном и хотел весь свой гнев выместить на нем. Видя это, юноша сказал:

— Тахсыр! Если вы пощадите меня, я вам доложу всю истину.

— Хорошо, говори,— сказал хан.

— Я был сыном богатого отца и пас своих лошадей. Однажды ко мне подошел неизвестный человек и сказал: «Дитя мое! Дай мне косяк лошадей, я тебе за это скажу три мудрых совета». Я исполнил его просьбу, а он мне сказал: «Где ты отведал хлеб-соль — не будь тому соперником», «От ранней готовой пищи не отказывайся» и «Если правая рука твоя начнет драку, то левая должна разнимать». Выучив это, вечером я пришел домой и за расточительность был прогнан из дому. После долгих скитаний я пришел в этот город и стал служить вашей милости...

Все это время и днем и ночью ханым не давала мне покоя и просила, чтобы я ее полюбил. Если полюбить ее, подумал я, значит, идти против первого мудрого совета: «Где ты отведал хлеб-соль, не будь тому соперником». Поэтому я всегда уклонялся от искушения. Когда вы послали меня за углем, мне встретилась старушка. Она пригласила меня к себе в юрту отведать готовую пищу. Тогда я вспомнил второй мудрый совет: «От ранней готовой пищи не отказывайся». Я вошел в юрту к старушке и на скорую руку закусил, потом пошел к истопникам и принес вам углей. А где ханым и что с ней стало, я не знаю. Вот и все, что я хотел вам сказать.

Хан выслушал юношу внимательно, а потом сказал:

— Ты, юноша, не виновен! Жена же моя сама себя наказала.

После этого хан щедро наградил юношу, дал ему коня и отпустил домой.

Долго шел он. Наконец показался родной аул. Юноша стал думать: «Да, порядочно прошло времени с тех пор, как я ушел из дому. Интересно, что теперь делает моя жена?!» С этою думой он ночью вошел в свою юрту и застал там незнакомого жигита. Он вынул саблю и замахнулся, чтобы нанести удар, но в этот миг вспомнил третий мудрый

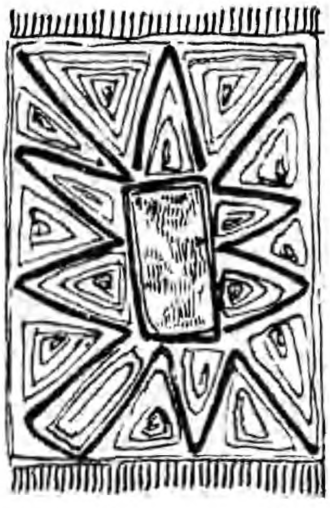
совет: «Если правая рука начнет драку, то левая должна разнимать» — и схватил левою рукою свою правую, в которой была сабля. Жена проснулась и стала кричать, но, увидев мужа, замолкла. Муж стал укорять жену в неверности. Но она на это ему сказала:

— Когда ты покинул дом, я осталась в положении... Юноша не кто иной, как твой сын!..

Отец бросился к сыну, стал его крепко обнимать. Потом извинился перед женой.

Так юноша вернулся в родной аул к своей семье.

ДОЧЬ ХАНА И ВИЗИРЬ

У дочери одного хана были гусь с гусыней и четыре гусенка. Как-то раз случился пожар, и золотой дворец, где жила дочь хана, сгорел. Во время пожара гусь улетел, а гусыня, защищая детей, сгорела. Узнала об этом дочь хана и сказала отцу, что она никогда не выйдет замуж.

В соседнем ауле жил другой хан. У него был визирь, которому он доверял все свои тайны и давал самые ответственные поручения. Однажды этот хан видел сон, будто он влюбился в ханскую дочь и держал ее в своих объятьях. Но сон был неожиданно прерван: вошел визирь и разбудил его. Хан схватил саблю и хотел отрубить визирю голову. Но визирь быстро убежал. Когда хан несколько опомнился, визирь вошел к нему с приветствием. Хан принял его, но не так ласково, как прежде. Тогда визирь сказал хану:

— Вы же сами разрешили мне входить к вам в любое время. Я к вам пришел по важному делу, а вы сердитесь на меня, не имея на то никаких оснований.

Хан сказал ему на это:

— Я не скажу тебе причины моего гнева, потому что ты не сможешь исполнить того, что могло бы потушить гнев.

— Скажи, тахсыр,— сказал визирь.— Если я не исполню твоего желания, отрубишь мне голову.

Хан рассказал ему сон.

— А вы помните лицо девушки? — спросил визирь.

— Помню,— сказал хан.

— Я обещаю найти ее, только соберите мне всех искусников и ремесленников,— сказал визирь.

Когда искусники и ремесленники собрались, визирь описал им наружность девицы. Художники написали ее портрет. Затем визирь приказал обнести аул стеной, устроить двое ворот — с одной стороны аула и с другой,— поставить столбы и к столбам прикрепить портрет дочери хана. Сторожам был дан наказ: кто подойдет к столбам и засмеется, глядя на изображение, того схватить и вести к хану.

Однажды к портрету подошел прохожий. Посмотрел он на портрет и удивился:

— О! Откуда это?

Схватили его сторожа и привели к визирю. Тот ласково встретил путника, угостил и спросил:

— «Откуда?» Почему ты произнес эти слова, когда увидел изображение девицы?

Тот сказал:

— Это изображение похоже на дочь нашего хана. Поэтому я очень удивился: почему оно здесь?!

Визирь спросил, есть ли муж у девушки. Человек ответил, что она дала слово никогда не выходить замуж.

— Почему? — спросил визирь.

— У нее было два гуся,— рассказал прохожий.— Во время пожара золотого дворца гусь улетел, а гусыня, спасая своих детей, сгорела. Ханская дочь подумала, что мужчина не бывает другом женщины.

Выслушав рассказ, визирь отправился к хану и передал ему то, что услыхал от прохожего. Потом он вернулся к прохожему и пообещал ему большой подарок, если тот отведет его в свой аул и покажет, где живет девица. С собой визирь повел искусников и ремесленников. Когда они пришли, человек сказал:

— Нужно подождать ханскую дочь. Скоро она выйдет с сорока подругами на прогулку, тогда вы можете ее встретить.

Визирь сказал:

— Иди сейчас к ханской дочери и скажи ей, что ты был в таком-то ауле, набрал там много ремесленников и искусников и возвратился. И если кому надо что-то сделать, то они все исполнят искусно.

Человек сделал так, как велел ему визирь. Он сказал

ханской дочери, что был в одном ауле и привел оттуда много ремесленников и искусников, которые могут все делать.

Девица велела поместить их в своем дворце — она даст им задание. Ремесленники расположились во дворце ханской дочери. С ними пришел и визирь. Он спросил девушку, что надо делать, и попросил все записать на бумажке. Когда ремесленники закончат работу, то позовут ее. Девушка записала все и ушла.

Люди визиря провели канал, нарисовали дворец, сделали изображение двух сайгаков и изображение хана. Еще написали четырех сайгачат. Эти сайгачата утонули в реке, за ними бросился отец-сайгак и тоже утонул. А мать осталась. Когда все было готово, пригласили девицу — ханскую дочь. Она пришла, увидела портрет хана, спросила:

— Что это за изображение?

Визирь ответил:

— Это изображение нашего хана!

— А зачем вы изобразили его? — спросила она.— Мы должны каждый день смотреть на вашего хана?

Потом она увидела сайгаков и тоже спросила:

— Зачем они здесь?

Визирь ей на это сказал:

— У нашего хана было два сайгака. Их дети стали тонуть в канале, и самец, спасая своих детей, тоже утонул. Самка убежала.

Тогда девица заметила:

— Ваш хан подходящий для меня!

Визирь спросил:

— Почему вы так говорите?

И она рассказала ему то, что произошло с гусями в ее дворце во время пожара.

— Значит,— сказала она,— я напрасно думала, что только женщина думает о детях.

— Наш хан,— сказал визирь,— тоже думал, что одни мужчины думают о детях, и решил не жениться.

Тогда девица пошла к своему отцу и сказала, что хочет выйти замуж за этого хана, и показала его портрет и изображение зверей.

Отец согласился. Устроили свадьбу. Было сорокадневное празднество по этому поводу. Визирь дал тому прохожему дорогие подарки.

ДОЧЬ ВИЗИРЯ

Был хан. Он много слышал о женской неверности и потому не решался жениться. Через каждые три дня он брал девицу, а потом убивал ее.

Однажды очередь дошла до дочери одного визиря. Этот визирь, придя домой, стал плакать. Дочь спросила его:

— О чем ты плачешь?

Рассказал отец, что ее ожидает смерть. Тогда дочь и говорит:

— Не плачь! Бог даст, я или умру, или избавлю всех девиц от такого хана.

Визирь отвел свою дочь к хану. С самого начала девица стала занимать хана всевозможными интересными рассказами. Хан в течение тридцати дней все слушал и не казнил девушку. Народ обрадовался: казни прекратились.

Как-то раз хан сказал дочери визиря:

— Я поеду на охоту и вернусь через год, а ты за это время роди мне сына, похожего на меня. Кобыла моя должна принести жеребенка, похожего на моего черного жеребца.

Когда хан удалился, дочь визиря вызвала своего отца, рассказала ему все. Отец заплакал. Но девушка успокоила его и сказала, что и она намерена идти в поход. Собрала ханша множество служанок, переодела их в мужское платье и сама надела ханское платье. И все поехали вслед за ханом. Встретились они с ним на охоте. Люди дочери визиря оказались лучшими стрелками-охотниками, чем люди самого хана.

Хан спросил их:

— Кто вы такие?

Они сказали, что сын их хана приехал на охоту, они из его свиты. Хан познакомился с сыном хана. Девица пригласила хана в гости. Она угощала его, разговаривала с ним. Потом они стали играть в шахматы. Девица обыграла хана: выиграла у него золото, серебро и черного жеребца. Все это она отправила к своему отцу, наказав, чтоб он пустил черного жеребца в косяк. Сама девица осталась на охоте. Как-то раз она сказала хану:

— Вы мне очень понравились. У меня есть сестра, которую я не хочу ни за кого выдавать замуж. Я познакомлю вас с ней.

Хан согласился. Поставили палатку. Девица, переодетая в женское платье, пришла к хану. Хан сразу же влюбился в нее. Он не хотел отпускать от себя девицу, но она не оставалась долго. Так повторялось несколько дней. Когда девица уходила от хана, она переодевалась в мужское платье и отправлялась на охоту.

Через некоторое время девица возвратила хану золото, серебро и черного жеребца.

— Мне,— сказала она,— ничего этого не нужно!..

Тогда хан стал просить ханского сына выдать за него свою сестру, но тот отказался, отговариваясь тем, что он дал обет не выдавать ее ни за кого.

Хан умолял ханского сына привести с собою сестру, когда он к нему соберется в гости. Тот обещал.

Девица вернулась домой раньше хана. Прошло несколько дней, и она родила сына, а черная кобыла принесла жеребенка.

Пришла весть, что хан возвращается. Дочь визиря встретила его. Хан спросил ее, исполнила ли она его приказание. Она ответила:

— Исполнила!..

Дочь визиря попросила привести жеребенка — его нельзя было отличить от черного жеребца, на котором хан приехал. Она попросила принести своего сына — его нельзя было отличить от хана. Не поверил хан. Стал он сердиться, что дочь визиря обманула его.

Тогда ханша спросила его:

— Когда вы были в степи на охоте, не встречались ли там с сыном такого-то хана?

— Встречался,— сказал хан,— и охотился с ним.

— Не выигрывал ли он вашего черного жеребца? — спросила дочь визиря.

— Выигрывал.

— А не знакомил ли он вас со своей сестрой? — спросила дочь визиря.

— Да, и это было,— сказал хан.

Тогда дочь визиря сказала:

— Ханский сын, с которым вы познакомились, это была я; его сестра — это тоже была я.

Тогда хан сказал ей на это:

— Такой глупой женщины, как ты, я еще не видел! Неужели ты хочешь обмануть меня? Уходи отсюда!..

Дочь визиря вышла, переоделась в то мужское платье, в котором она была на охоте и виделась с ханом, а также переодела в мужское платье людей, с которыми ездила на охоту, и послала сказать хану, что приехал его друг. Хан вышел навстречу и поздоровался. Потом хан сказал гостю:

— Моя коварная жена хочет обмануть меня и выдумывает разные небылицы.

И он рассказал все своему другу, что с ним произошло во время приезда его домой.

Гость на это сказал хану:

— Та — ваша жена и есть.

И дочь визиря сняла свое мужское платье. Хан очень удивился, сознался в своей глупости и женился на ней.

НАГРАДА МУДРОСТИ

●

Жил когда-то Знаменитый человек, имени которого теперь уже никто не помнит. Славился он своей красавицей дочерью. Многие хотели взять ее в жены, но старик ни за что не желал расставаться с ней.

Однажды девушку похитили. Знаменитого человека охватило отчаяние. Не зная, что предпринять, чтобы найти дочь, он созвал всех своих соседей и сказал:

— Горе мне! Дочь мою похитили. Не найдется ли среди вас смельчак, который бы отыскал и вернул мне дочь.

Но все молчали. И вдруг из толпы раздался голос:

— Мы, здесь сидящие, не в силах помочь тебе. Но я знаю того, кто может это сделать. Недалеко отсюда живет Учитель восьми братьев. Обратись к нему.

Обрадовался Знаменитый человек и тотчас же отправился к Учителю восьми братьев. Тот принял его хорошо и, узнав о его несчастии, молвил:

— Только мои ученики могут тебе помочь.

И он позвал своих учеников. Когда юноши явились, Знаменитый человек обратился к ним с вопросом:

— Что вы умеете делать?

Старший брат сказал:

— Я могу и днем и в самую темную ночь идти по следам любого живого существа.

Второй юноша сказал:

— Я умею видеть любые предметы на самом далеком расстоянии.

Третий юноша сказал:

— Я умею переправляться через моря и реки на своей шапке.

Четвертый юноша сказал:

— Я умею вырывать добычу из когтей хищной птицы так, что она это не сразу заметит.

Пятый юноша сказал:

— Я умею выстрелом из ружья разделять обнявшихся в полете птиц, не причинив им вреда.

Шестой юноша сказал:

— Я умею на лету ловить падающие сверху предметы.

Рассказали о своем умении и последние два брата. Выслушав юношей, Знаменитый человек сказал:

— Найдите мне мою дочь. Тому из вас, кто это сделает, я отдам ее в жены.

Братья охотно отправились на поиски. Старший брат быстро нашел след девушки в лесу, где она гуляла. Все дружно пошли по следу. Но вот след кончился. Вдали раскинулась бескрайняя степь.

Тут проявил свои способности второй юноша. Он быстро оглядел местность на десятки тысяч шагов вокруг. Невдалеке он увидел реку с нависшими над нею скалистыми берегами. По ту сторону реки на скале сидел огромный двуглавый орел, держа в своих когтистых лапах девушку. Братья поспешили к реке. Посредством шапки третьего юноши они переправились на другой берег. Четвертый юноша, незаметно подкравшись к хищнику, высвободил девушку из его страшных когтей и поспешил назад к ожидавшим его братьям. Но едва он спустился со скалы и присоединился к братьям, как орел понял, что его провели. Он взмахнул могучими крыльями, закрыв ими полнеба. Покружив над растерявшимися юношами, он выхватил из их рук девушку и снова взвился высоко-высоко.

Первым опомнился пятый брат. Он вскинул ружье — раздался выстрел. Девушка отделилась от орла и камнем полетела вниз. Но не дремал шестой юноша. Он поймал девушку на лету, не дав ей разбиться об острые скалы.

Орел не желал расставаться со своей добычей. Он снова погнался за братьями. Но седьмой юноша мгновенно выстроил огромную железную крепость. Братья и девушка укрылись за толстыми неприступными стенами. Теперь погоня их не страшила. Но как добраться до аула, где живет

Знаменитый человек? Стоит им покинуть крепость, как враг снова настигнет их. Тут выступил вперед самый младший брат и сказал:

— Сейчас мы будем у юрты Знаменитого человека!

И он трижды ударил ногой о землю. В ту же минуту они оказались перед Знаменитым человеком. Горячо обнимая дочь, он спросил у юношей, кто из них спас девушку.

Юноши сказали, что они все спасали его дочь, что ни один из них без помощи остальных не возвратил бы дочь отцу.

Задумался Знаменитый человек. Ведь он обещал выдать девушку замуж за того, кто ее вернет ему. Кому же отдать предпочтение? Поразмыслив, он сказал:

— Ваши таланты одинаково достойны награды, но ее еще больше достоин Учитель, давший вам мудрость. Поэтому я отдам свою дочь в жены вашему Учителю.

КАРАГЛЫШ

Жили-были пять братьев. Они засеяли полдесятины пшеницы около одного большого дерева. Когда пшеница выспела, братья стали замечать, что кто-то по ночам приходит и ест ее. И вот они стали караулить пшеницу. Первым остался караулить старший брат, но он никого не видел. Затем стали караулить другие три брата, а на пятый день — младший брат, по имени Караглыш.

Когда он караулил, к пшенице слетела с неба черная кобылица и стала ее есть. Караглыш поймал кобылицу. Тогда она вдруг заговорила:

— Пусти меня, Караглыш. У меня есть пять жеребят. Если ты меня отпустишь, то я их всех отдам тебе и твоим братьям.

Караглыш отпустил кобылицу. Она привела жеребят и раздала их братьям. Самого младшего жеребенка отдала Караглышу.

Когда братья пустили жеребят вперегонки, то первым пришел жеребенок Караглыша.

Однажды Караглыш в одном месте увидел дым. Подъехал он ближе и увидел жилище ведьмы. У этой ведьмы было пять дочерей. Караглыш вошел в жилище ведьмы: на полу сидели ее дочери и играли. Когда они увидели Караглыша, то все разбежались. Караглыш спрятался под ковер. Когда дочери ведьмы вернулись, то он их всех переловил: четырех взял под мышки, пятую — на плечо, сел на коня и ускакал. Но ведьма догнала его и сказала:

— Караглыш, я завтра тебе отдам своих дочерей, а сейчас ты сам у меня заночуй.

Караглыш возвратился к ведьме и отдал ей дочерей. Ночью ведьма устроила Караглышу юрту, принесла постель. Через некоторое время Караглыш вышел и видит, что жеребенок его плачет:

— Ведьма в эту ночь хочет убить тебя и уже пошла в кузницу точить железный зуб.

Выслушал Караглыш своего жеребенка и вернулся в юрту. Со страха он не мог заснуть. Вдруг кто-то подошел. Это была ведьма. Она проверяла, заснул ли Караглыш. И когда увидела, что он еще не спит, сказала:

— Спи, молодец!

Но Караглыш не смог спать.

Через некоторое время ведьма опять подошла к юрте Караглыша, глянула в щель. И когда увидела, что он еще не спит, сказала:

— Спи, молодец!

Так она приходила несколько раз до самого утра, но Караглыш не спал. Тогда ведьма вынуждена была отдать своих дочерей братьям, которые вскоре прибыли к Караглышу. Отдавая дочерей, ведьма сказала:

— Недалеко отсюда есть три горы. Не вздумайте ночевать на средней.

Когда наступил вечер, братья Караглыша расположились на ночлег на средней горе, а сам Караглыш остался ночевать на крайней.

На другой день поутру слышит Караглыш, что братья его плачут, а им кто-то говорит:

— Приведите ко мне Караглыша, тогда я вас отпущу!

Караглыш вошел в юрту братьев и увидел там змéя, который не выпускал братьев. Караглыш остался у змея, а братья ушли. Змей и говорит Караглышу:

— У одного сильного царя есть бессмертная дочь, приведи ее ко мне! Приведешь, я тебя отпущу!

Караглыш согласился и отправился в путь. По дороге он встретил человека, который на одну гору надвигал другую. Караглыш спросил его:

— Что ты тут делаешь?

Тот ответил ему:

— Я желаю быть спутником Караглыша и ожидаю его.

Караглыш отправился дальше с этим великаном. Когда они ехали, то их встретил еще один человек, который мог забрать в рот всю воду из озера. Они его тоже взяли с собой. Затем встретили человека, обладавшего прекрасным слухом; потом попался им хороший стрелок и, наконец, бегун. Последний был настолько ловок, что у двух сорок, сидевших на дереве, незаметно менял хвосты.

Все они сели на лошадь Караглыша и отправились на поиски царевны. Ехали они долго и вдруг увидели две горы: с одной ручьем кровь текла, а с другой — нечисть. За этими горами расположен был аул того самого царя, у которого была бессмертная дочь. Горы эти состояли из костей тех, кто приходил за царской дочкой и, не достигнув цели, погибал. Караглыш пошел прямо к царю и сказал:

— Я приехал за твоей дочкой!..

— Хорошо,— сказал царь.— Я предложу тебе пять поручений. Если ты их выполнишь, то получишь мою дочь, если нет — то я велю тебя убить.

Караглыш согласился на эти условия.

Сначала пустили лошадей вперегонки: и вот, оказалось, что первой пришла лошадь Караглыша. Затем устроено было состязание в беге людей. Караглыш пустил своего спутника-бегуна, а царь — какую-то старуху. Старуха эта взяла с собой ведро меду. Дорогой она давала мед своему противнику и таким образом напоила его допьяна. Бегун заснул. Старуха поставила возле него ведро и побежала...

Караглыш велел своему слухачу узнать: сколько человек идет по дороге? Тот прислушался и говорит:

— Идет только один человек!

Караглыш велел своему спутнику-стрелку выстрелить в ведро. Тот выстрелил, и бегун проснулся. А когда он увидел, что старуха убежала вперед, взял горсть песку и стал ее догонять. Догнал бегун старуху и говорит:

— А ну-ка, старуха, взгляни сюда!..

И как только она оглянулась в сторону бегуна, то он бросил ей в глаза песку. Она закрыла рукою глаза и не могла бежать дальше. Бегун прибежал первым. Опять победил Караглыш.

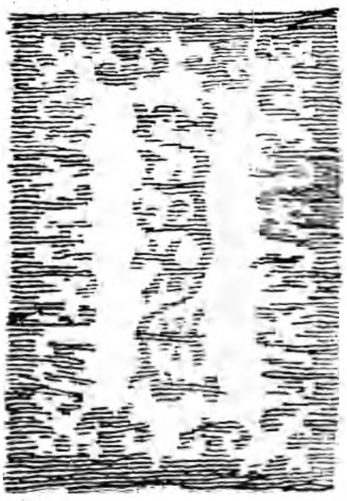
Наконец царь велел всем отправиться в железный дом, построенный на горячих углях, и стал дуть со всех сторон мехами. Второй спутник Караглыша набрал в рот воды из

озера. И когда дом стал сильно нагреваться, он выпустил всю воду и таким образом спас всех от гибели.

Царь вынужден был отдать свою дочь Караглышу. Он взял ее и вернулся к змею, а его спутники остались там, где впервые с ним встретились. На прощанье Караглыш предложил им свою одежду, но они отказались, не взяли ее.

Караглыш отдал змею дочь царя, а сам благополучно вернулся к братьям.

ЗОЛОТОЙ НОЖ

В старину жил один торговый человек. У него был сын. Как-то раз собрался торговец ехать в город на базар. Сын попросил отца купить для него золотой нож. Отец обещал выполнить просьбу сына.

Приехал купец в город, разыскал самого лучшего мастера и заказал ему сделать золотой нож. Скоро нож был готов. Купец взял его, справил все свои торговые дела и поехал домой. В пути на него напали сорок разбойников. Они убили купца и взяли его имущество. А когда стали делить все между собой, то произошел спор из-за ножа. Нож всем понравился, и никто не желал уступить его другому. Долго они спорили, и наконец один из разбойников сказал:

— Не следует нам ссориться из-за какого-то ножа, по нему нас могут разыскать. Оставим его в груди убитого.

Все согласились с этим охотно. Вонзили золотой нож в грудь убитого купца и разошлись по домам.

Печальная весть дошла до сына. Он тотчас же отправился в поиски и через некоторое время нашел отца. Вытащил он нож из груди отца, а труп его схоронил.

Спустя два года сын купца обеднел и стал заниматься хлебопашеством. В это время в аул приехал наместник хана. Он когда-то был знаком с погибшим купцом. И вот сейчас он решил проведать друга, справиться о его здоровье. В ауле рассказали, что купец умер два года назад, а сын его живет очень плохо и занимается хлебопашеством. Гость пожелал видеть сына своего друга и отправился к нему. Тот тепло принял наместника, зарезал барана и долго бе-

седовал с ним. Наутро гость стал собираться домой. Сын купца вспомнил про золотой нож и сказал гостю:

— У меня есть золотой нож. Я хочу его подарить вам в память об отце.

И он достал нож. Гость осмотрел внимательно нож и сказал:

— Скажу тебе три совета: во-первых, никогда не говори своих тайн жене; во-вторых, никогда ни с кем не спорь; в-третьих, никому не показывай этого ножа.

Купеческий сын обещал помнить эти советы и исполнять их в точности.

Гость уехал. Купеческий сын отправился на бахчи посмотреть, как растут арбузы. Он увидел много арбузов. На каждом стебле росло по два арбуза, что по народным приметам считалось дурным предзнаменованием. Чтоб предотвратить беду, надо по обычаю принести в жертву барана и его мясом угостить соседей.

Вернулся купеческий сын с бахчей, рассказал все жене и собрался на базар за бараном. Но жена остановила его:

— Не торопись на базар, успеешь!..

Жена давно была знакома с одним человеком. Она тайно от мужа встречалась с ним. И теперь все рассказала ему про арбузы и про то, что муж идет на базар за бараном.

— Когда муж появится на базаре,— сказала она,— ты спроси его, зачем он пришел? И когда он расскажет обо всем, ты скажи ему: «Разве у такого человека могут арбузы расти попарно?» Тогда он тебе ответит: если у него выросли арбузы попарно, то ты уступишь ему свою жену. А ты на это скажи: а если не попарно, то ты уступишь свою жену.

После такого сговора любовник отправился на базар. Там он встретил купеческого сына и спросил его, зачем он приехал на базар?

— Хочу купить барана,— сказал сын купца.

— Зачем тебе баран?

— У меня выросли арбузы попарно, и я хочу принести в жертву барана и угостить соседей,— сказал купеческий сын.

— Разве у такого человека могут расти арбузы попарно? — удивился любовник.

— Пойдем посмотрим,— сказал купеческий сын.— Если у меня арбузы уродились попарно, то ты даешь мне свою жену, а если нет, то я тебе — свою.

Тот согласился, и они отправились на бахчи. А когда пришли, то увидели на каждом стебле только по одному арбузу. И пришлось купеческому сыну уступить свою жену. Жена, конечно, была очень довольна. Это она срезала со стеблей по одному арбузу.

Еще хуже стал жить купеческий сын. Вспомнил он про друга своего отца и пошел к нему за советом. Пришел, рассказал обо всех проделках жены и о своем несчастии. Тот посоветовал силою привести в дом жену и подать жалобу хану.

— Хан пошлет тебя ко мне, а я придумаю, как сделать лучше,— сказал он.

Так купеческий сын и сделал: привел свою жену в аул и подал жалобу хану. Жалоба попала к тому наместнику, который давал ему советы и наставления.

Наместник сказал:

— Я воткну кол, и кто из вас добежит первый до кола и выдернет его, тому будет принадлежать женщина.

А купеческому сыну сказал, пусть он немного приотстанет, и когда его противник подбежит к колу, пусть обнимет свою жену.

Так и случилось: для разрешения спора оба мужа явились к судье — наместнику. Судья воткнул кол и велел спорящим бежать вперегонки. Когда один схватил кол, а другой — женщину, судья прокричал:

— Кто что схватил, пусть тем и владеет!

Купеческий сын должен был взять жену, а его соперник — палку.

СТАРИК И ДЯУ

Жил старик Баяшал со своей старухой. Ловил рыбу и тем питался. Но старик был так бессилен, что даже лиса обижала его: она отнимала у него половину улова.

Как-то раз пришел к нему дяу.

— Что ты за человек? — спросил старик.

Дяу рассказал, кто он такой, и предложил старику попробовать силу, побороться. И если старик окажется сильнее, то получит от него кусок золота с конскую голову и кусок серебра с баранью голову.

— Бороться не стоит,— сказал старик,— при борьбе можно порвать друг на друге одежду.

И Баяшал предложил испробовать силу другим способом. Дяу согласился. Пошли они в лес. Вот старик и говорит великану:

— Давай дергать деревья с корнем! Посмотрим, выдернешь ли?

Стал великан дергать деревья и много повыдергал. Осталась одна большая лесина.

— Ну и эту выдерни,— сказал старик.

Великан попробовал, но выдернуть не смог. Тогда он обратился к старику:

— Если выдернешь это дерево, значит, ты сильнее меня.

Подошел старик к лесине и стал щупать корни.

— Что ты делаешь? — спросил дяу.

— А вот смотрю, глубоко ли в землю ушли корни у этой лесины,— ответил старик.

Баяшал пощупал корни, порыл землю около них и говорит:

— Далеко ушли корни — через семь почв. Около корней много животных и насекомых живет. Если я выдерну эту лесину, то всех придется потревожить. А если это дерево свалится, то или солнцу, или луне глаза может выбить. Если луне глаза выбьет, то по ночам будет темно — и воровство на земле усилится, а если солнцу глаза вышибет, то вечная тьма настанет.

Выслушал великан старика и сказал, что нехорошо, если ночи станут безлунными, а солнечный свет исчезнет.

— Ну, в таком случае давай иначе силу попробуем,— сказал старик.— Вот посмотрим, кто из нас воду из камня выдавит.

Дяу согласился. Тогда старик взял незаметно в одну руку яйцо и камень и сжал изо всей силы. Яйцо раздавилось, и великан подумал, что это из камня потекла вода.

Затем дяу взял камень и стал давить, но сколько ни давил, воды не было.

— А теперь,— сказал Баяшал,— кто из земли кишки выдавит?

У старика оставались бараньи кишки, он их зарыл в землю. На это место и привел он дяу, говоря, что здесь брюхо земли находится. Стал Баяшал топтать землю и вытащил кишки. Великан был удивлен: такой силы он никогда не видал. Затем сам стал давить землю ногами, но кишок не было. И пришлось ему тогда признать, что старик сильнее его. Дал он старику кусок золота величиной с конскую голову и кусок серебра величиной с баранью голову. Баяшал не смог унести домой золото и серебро и опять пустился на хитрость:

— Если я принесу золото и серебро домой сам, то, пожалуй, могут сказать, что я украл его. Если уж ты хочешь сделать мне подарок, то дари мне золото и серебро, когда мы придем домой.

Согласился великан. Вот пришли они в юрту. Старик сказал старухе:

— Ну-ка, старуха, вари мясо.

— Что ты,— сказала старуха,— ведь ты сам знаешь, что у нас нет ничего.

— Как нет ничего? — удивился Баяшал.— А положи-ка в казан голову вчерашнего великана и грудинку тогдашнего. Но если будет мало, то положи и вот этого всего.

Как услыхал дяу этот разговор, испугался, бросил золото и серебро и бросился бежать из юрты, да так быстро, что унес на плечах двери от юрты. Бежит он, а навстречу ему лиса.

— От кого ты так бежишь? — спрашивает лиса дяу.

Тот рассказал ей, что старуха и старик хотели его сварить. Засмеялась лиса: какая у старика сила, если она отбирает у него половину улова. Великан не поверил лисе. Тогда лиса сказала ему:

— Не веришь, пойдем! Я покажу тебе. Держись за мой хвост, чтобы не отстать.

Согласился дяу. Ухватил он лису за хвост, и они пошли к старику. Увидала их старуха и говорит:

— Ой-бой, старик, конец нам пришел! Лиса ведет дяу к нам в юрту. Что делать?

— Ничего,— говорит старик,— сейчас что-нибудь придумаем.

Вышел он из юрты и закричал громко:

— А-а! Ты, лиса, в первый раз заплатила долг великаном и теперь великана привела! Хорошо!..

И старик побежал к дяу. Тот испугался, поднял лису за хвост и стал размахивать ею, защищаясь от старика. И так он размозжил лисе голову, что из нее дух вон. А сам великан убежал.

ЖИГИТ И БОГАЧ

В давние времена жили старик со старухой. У них было три сына и пять коз. Вот старший сын решил отправиться в чужие края на промысел да поучиться различным ремеслам. Зарезал он одну козу, забрал все мясо с собой в дорогу, не оставив родителям ни кусочка, и пошел. Шел он, шел — пришел к одному богатому ремесленнику и нанялся к нему в работники.

Богач этот был злым человеком. Он обманом заставил жигита лечь в сундук, где и уморил его голодом.

Средний сын старика также решил отправиться по той же самой дороге, по которой ушел старший брат. Он также зарезал козу, взял все мясо и ушел от родителей. И с ним случилось то же, что и со старшим: богач уморил его голодной смертью.

Настала очередь младшего сына. Он также решил учиться различным ремеслам на чужой стороне. Зарезал он козу, половину мяса оставил родителям, а другую половину взял себе на дорогу. Навалил он на спину ношу и с родительского благословения отправился в путь.

Идет он дорогой, и вот навстречу ему попадается большое стадо баранов. Поговорил жигит с пастухом и узнал, что бараны эти принадлежат богачу-ремесленнику. Пастух спросил жигита:

— Сынок, куда ты путь держишь?

— Иду, дедушка, учиться разным ремеслам,— ответил ему жигит.

— Смотри, сынок,— сказал пастух,— никому не говори об этом. Есть пословица: «Себя не обманывай, другим не открывай своей тайны...».

Распрощался жигит с пастухом и пошел дальше. На ночлег он остановился в доме богача-ремесленника. Переночевал юноша, стал утром собираться в путь. Спрашивает его богач:

— А куда ты, жигит, путь держишь?

— Да вот ищу такого человека, у которого, подобно тебе, нет сына, я бы хотел ему заменить его.

Тогда богач:

— Что же, оставайся у меня, будь моим сыном. Выбери большого белого барана, зарежь его и поешь досыта берцовой части. А я отправлюсь в путь.

С этими словами бай уехал. А жигит остался дома за сына.

У богатого ремесленника была дочка. Она увидела жигита и сказала ему:

— Брат мой! Не ешь берцовой кости, а повесь ее на решетку. Когда подойдет к ней белая гончая собака и бросится на нее, ты ударь ее топором и убей.

Зарезал жигит большого белого барана, устроил той, пригласил соседей. Мясо от берцовой кости он повесил на решетку. Подбежала к решетке белая гончая собака, схватила мясо. Жигит тут же бросил в нее топором, но промахнулся. Собака убежала.

Вернулся богач. Он знал, что жигит не выполнил его наказа. Гончая белая собака — это был сам богач. Рассердился хозяин на своего приемного сына и запер его в сундук. Он решил его уморить голодною смертью, как уморил братьев жигита. Дочь богача видела все это и решила тайно от отца кормить жигита через проделанное в дне сундука отверстие.

Спустя несколько дней приходит к богатому ремесленнику отец жигита и спрашивает:

— Не было ли здесь моего сына? Не видели ли вы его?

— Нет, не видел,— сказал богач.

Разговор этот слышал жигит. Он закричал из сундука:

— Неправда! Я здесь!..

Старик по голосу узнал своего сына, открыл сундук, взял его и увел из дома богача.

Идут они по дороге, сын и говорит отцу:

— Я превращусь в большого черного барана, а ты поведи меня на базар и продай за хорошую цену, только веревку не отдавай.

Отец согласился. Сын превратился в большого черного барана, а отец повел его на базар и продал там.

А сын превратился в человека и пришел к отцу.

— Теперь я сделаюсь вороным конем,— сказал он.— Ты поведи меня на базар и продай, но только захвати назад чембур.

Сказано — сделано. Сын стал вороным иноходцем, отец повел его на базар, продал там за хорошую цену и, захватив чембур, вернулся домой.

Через день сын вернулся домой.

— Теперь я сделаюсь верблюжонком,— сказал он,— вместо веревки у меня будет цепь. Ты поведи меня на базар, продай, а цепь возьми обратно.

Превратился жигит в верблюжонка, и отец повел его на базар. Дорогой встретился ему богатый ремесленник, который узнал о проделках жигита. Он купил у старика верблюжонка за сто рублей. Старик отдал верблюжонка, забыв снять с него цепь.

Богач привел верблюжонка домой, дал дочке своей подержать повод, а сам пошел за ножом, чтоб зарезать верблюжонка. Но дочка быстро разгадала намерения своего отца, перерезала цепь и выпустила верблюжонка на свободу. Верблюжонок убежал. Богач бросился за ним в погоню. Тогда жигит превратился в лису, а богач — в гончую собаку и стал преследовать лису. Жигит превратился в утку, а богач — в ястреба; из утки жигит превратился в жаворонка, а богач в пустельгу. Наконец жаворонок не выдержал преследования, сел на круг юрты и превратился в тряпку. Тут богач обратился в человека и только было хотел схватить тряпку, как она быстро превратилась в просяное зерно, а богач — в петуха. И только петух собрался склевать это зерно, оно превратилось в кошку. Кошка прыгнула на петуха и загрызла его.

Расправившись с богатым ремесленником, жигит вернулся в юрту и женился на дочке злого колдуна.

ДУЙСЕНЬ И ДЯУ

Жил некогда жигит Дуйсень. Он пас своих коз. Однажды Дуйсень отправился с козами в степь, намаялся, устал и уснул подле стада. Пробегали мимо волки и угнали все стадо. Когда Дуйсень проснулся, то не нашел ни одной козы. Загоревал он: что делать? Подумал и решил идти куда глаза глядят. Долго он скитался по степи и напал на след дяу. Страшно испугался Дуйсень, но делать нечего: придется встретиться с дяу. Вот и дяу. Подошел Дуйсень к великану. Дяу ласково обошелся с ним и пригласил к себе в юрту. Как только Дуйсень вошел в юрту, дяу набросился на него и связал. Огляделся Дуйсень и увидел много таких же связанных, как он.

Дяу откармливал своих пленников, чтобы потом зарезать их и съесть. Каждое утро дяу съедал одного из связанных и уходил в степь.

Однажды дяу рано ушел в степь и долго не возвращался. А когда вернулся, то крепко заснул. Дуйсень высвободил кое-как руки и, раскалив проволоку, выжег дяу глаза. Взревел дяу, вышел из юрты, сел на край колодца. Дуйсень подошел к нему незаметно и столкнул в колодец.

Расправившись с дяу, Дуйсень вернулся в юрту, развязал пленников и отпустил всех по домам. Все богатство дяу он взял себе и отправился к своим родным. Когда он пришел, то узнал, что за время его скитаний по степи умер отец. Забрал Дуйсень мать-старуху, братьев и вернулся в юрту дяу. Поселился в ней.

Не сказал Дуйсень никому про свою расправу с дяу, но просил не подходить к колодцу.

Однажды мать Дуйсеня, разбираемая женским любопытством, не выдержала и подошла к колодцу. Дяу увидал старуху и попросил принести длинную веревку, по которой он мог бы выбраться из колодца. Принесла старуха веревку и вытащила дяу. Она привела его в юрту, накормила и спрятала. Детям ничего не сказала, боясь гнева Дуйсеня.

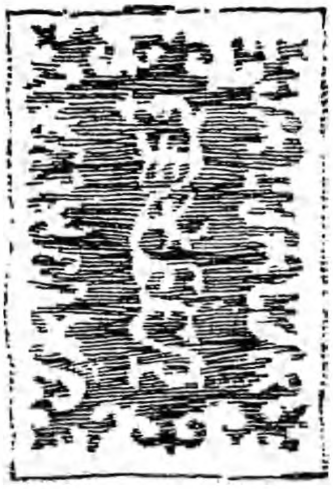
Так прошло много времени. У старухи родился сын. Детей в это время не было дома. Мать завернула ребенка в лохмотья и положила на той дороге, по которой обычно дети возвращались домой. Идут вечером Дуйсень с братьями и видят на дороге ребенка. Взяли они его, принесли к матери. Та приняла ребенка и стала кормить его.

Шло время. Мальчик быстро рос. Он полюбил своих братьев. Когда ему исполнилось четыре года, он однажды услышал, что старуха и дяу собираются убить его братьев. Матери надоело постоянно прятать дяу от своих детей. Мальчик выбежал из юрты и сел на дороге, по которой братья всегда возвращались домой. Братья встретили мальчика, взяли его на руки и пошли вместе с ним. Мальчик дорогой рассказал им, что в юрте живет какой-то страшный великан, которого старуха прячет перед их приходом, и что этот великан со старухой задумали отравить братьев, подсыпав яд в кислое молоко.

— Вы не пейте это молоко,— сказал мальчик,— а дайте мне, и я разолью его.

Братья так и сделали. Когда мать поставила на стол молоко, мальчик разлил его. Старуха страшно рассердилась и стала бить мальчика. Дуйсень заступился за брата. Дяу не выдержал, выскочил из своего убежища и повалил Дуйсеня. Он хотел зарезать его и попросил у старухи нож. Но мальчик опередил старуху, схватил нож и воткнул его в грудь дяу. Великан свалился на бок. Дуйсень высвободился из-под дяу и зарезал его. Убил он и злую старуху. Освободились братья от дяу и злой старухи и зажили спокойно.

ЕРМАГАМБЕТ

В давние времена жил один богатый казах. Детей у него не было.

Как-то раз хан отдавал свою дочь замуж и по этому поводу устроил большой той. На этот той он пригласил только семейных. Бездетным не велено было приезжать на праздник.

Вот стали съезжаться гости. Приехал на празднество и казах, у которого не было детей. Привез он с собой много кумыса, на семи верблюдах. Но хан не впустил его. Разгневанный казах вылил весь кумыс на землю и вернулся домой.

Дома он зарезал вола, принес его в жертву аллаху, а сам отправился со своей женой искать себе детей. К вечеру они остановились возле могилы и заночевали. Во сне жена увидела какого-то человека, и тот спросил ее: сколько она желает иметь детей — сто или одного. Она ответила, что довольно было бы и одного. Утром она рассказала сон мужу.

Вернулись супруги домой, и через месяц жена родила сына. Назвали его Ермагамбетом.

Быстро рос Ермагамбет. На шестом году он уже охотился на диких зверей. Однажды он возвращался с охоты домой вместе со своими товарищами. Встретился им один человек и сказал Ермагамбету:

— У твоей матери родилась дочь. Но родители хотят убить ее.

Ермагамбет быстро погнал своего иноходца в аул. Приехал домой, вошел в кибитку и попросил разрешения у родителей посмотреть на сестру. Ермагамбет взял сестру, вскочил на коня и скрылся в степи.

Стали они жить вдвоем. Брат занимался охотою, а девочка быстро росла и превращалась в красавицу.

Однажды девушка пошла по воду и увидела плавающее бревно. Она решила написать записку и вложить в середину бревна. Написала она так: «Я очень красивая девушка. Возле меня нет никого, кроме брата». Оттолкнула она это бревно, и оно поплыло дальше.

Долго плавало бревно и наконец подплыло к берегу. В это время одна казашка мыла белье и увидела бревно.

— Ну-ка вытащу бревно,— сказала она,— пригодится на дрова.

Вытащила она бревно, принесла его домой, и когда стала колоть дрова, из него выпала записка. Взяла она записку и пошла к грамотею. Грамотей прочел ее и оставил у себя, а на другой день доставил записку хану. Хан прочитал записку и отправился на поиски красивой девушки, захватив с собой свиту слуг. В степи они встретили Ермагамбета. Хан спросил его:

— Если это твоя сестра, то согласен ли ты добровольно отдать ее мне в жены? Или ты хочешь, чтоб я взял ее силою?

Ермагамбет рассердился на хана, побил его вместе со свитой и отправился в свою юрту. А когда приехал, то сразу же заснул крепко.

Увидала сестра, что брат ее спит, взяла иноходца и отправилась на нем в степь прогуляться. Поднявшись в гору, девушка увидела много убитых. Решила она осмотреть всех: нет ли среди них живого. Нашла одного. Девушка привезла его в юрту и спрятала в сундук. Этот человек оказался самим ханом. Когда брат уезжал на охоту, она выпускала хана, разговаривала с ним.

Девушка понравилась хану, да и хан полюбился красавице. Решили они извести Ермагамбета. Но как? Думали, думали, девушка и говорит:

— Я притворюсь больной и буду просить брата отправиться в чужие края за знахарем.

Вернулся как-то брат с охоты. Девушка легла в постель, притворившись больной.

— Слушай, брат,— сказала она.— Где-то есть человек, который умеет лечить. Съезди, привези его ко мне, больна я.

Жалко стало Ермагамбету сестру. Распростился он с с ней и отправился в дальний путь.

Разъезжая повсюду, Ермагамбет натолкнулся на бедную юрту. Жила в ней старуха. Она спросила жигита, куда он путь держит. А когда узнала, то стала отговаривать его. Но Ермагамбет настоял на своем и попросил старуху указать ему дорогу к знахарю. Старуха согласилась и сказала:

— Дверь, что ведет к этому знахарю, отворяется ровно в полдень; в это время только и можно его захватить.

Ермагамбет так и сделал: ровно в полдень он подошел к двери и, захватив с собой знахаря, вернулся к старухе. Переночевал у нее. Во время сна старуха заменила знахаря простым человеком. Ермагамбет не заметил этого. Утром он отправился к сестре. Вошел в юрту, видит, сестра здорова.

Брат снова стал охотиться, а сестра и хан все придумывали, как бы его погубить. Вот как-то она и говорит хану:

— Когда брат вернется, я приглашу его играть. Я свяжу ему руки, а ты в это время убьешь его.

Вернулся брат. Сестра пригласила его играть. Он согласился. Девушка связывала ему руки, но он легко их развязывал. Наконец сестра стала выпытывать у него: чем можно его связать, чтоб он не смог развязать рук. Ермагамбет сказал, что есть у него ремень из тигровой шкуры. Сестра быстро достала этот ремень, связала брату руки и дала хану меч:

— Теперь ты можешь его убить!..

Но хан перепугался и не смог выполнить ее просьбу. Тогда она сама решила это сделать. Но брат сказал ей:

— Можешь меня убить, сестра, но об одном прошу тебя: когда ты убьешь меня, тело мое сложи в мешок, привяжи этот мешок к седлу моей лошади и пусти ее в степь.

Так она и сделала, как просил брат. Лошадь ушла в степь и прибежала к той старухе, которая подменила Ермагамбету знахаря. Разными средствами старуха оживила Ермагамбета. Он поблагодарил ее и отправился к сестре. Застал он ее с ханом. Убил Ермагамбет сестру, а хана привез в аул к отцу.

Обрадовался отец возвращению сына, устроил той, а хана убил за то, что он не пустил его на свадьбу своей дочери.

МУДРАЯ ДЕВУШКА

Давно когда-то в степи жил богатый казах Едельбай. У него было три сына. Двух старших он женил. Пришла очередь младшего, Жандаулета.

Для самостоятельной жизни нужны сообразительность и изворотливость. Чтобы испытать сына, Едельбай приказал ему погнать на базар сорок козлов и, не продавая этих козлов, купить сорок аршин ситца. Долго думал Жандаулет, а решить задачу отца не смог. Добравшись до города, он попросился к одному казаху-бедняку на ночлег. Во время ужина он с сокрушением рассказал о задаче отца. Дочь хозяина, красивая девушка, выслушав его, сказала:

— Решить задачу очень легко. Нужно снять с козлов рога, продать их и купить ситцу.

Жандаулет так и поступил. Но отец не поверил, что сын сам решил задачу, и допытался, как было дело. Едельбай не постоял за калымом и женил сына на мудрой девушке, считая, что глупому мужу нужна мудрая жена.

Через некоторое время Едельбай отправился в город. Он спросил перед поездкой снох: кому что купить?

Старшая просила купить ей сундук с зеркальными стенками внутри, средняя — ковер с красивым узором, а младшая сказала:

— Мне подарков не надо. Об одном прошу — возьми эту сумку и, не рассматривая, что в ней находится, привези обратно.

Удивился Едельбай, но все же взял сумку снохи. На обратном пути он очень заинтересовался этой сумкой, но

когда увидел в ней обглоданные локтевые кости овец, шибко рассердился на младшую сноху и разбросал кости по степи. Сейчас же на Едельбая напали разбойники. Едельбай предложил им выкуп: шестьдесят старых верблюдов и семьдесят молодых. Разбойники согласились освободить Едельбая и вернуть ему караван.

И вот когда разбойники отправились в аул за верблюдами, то их предводитель спросил Едельбая:

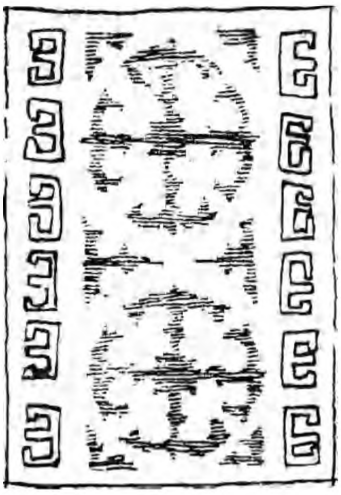
— Мы давно за вами следим, но вас было сорок один человек, и справиться было невозможно. Скажи, пожалуйста, куда девались сорок человек?

Тут только Едельбай понял, что кости в сумке были волшебными. Когда разбойники явились в аул за выкупом, младшая сноха разгадала намек Едельбая на молодых и старых верблюдов. Она позвала к себе шестьдесят аксакалов, и они решили не давать разбойникам выкупа, а на выручку Едельбая послать семьдесят лучших молодых жигитов.

Так, благодаря мудрости девушки, Едельбай был выручен, а разбойники перебиты.

КАРАЖАЙ

●

Жил-был казах. У него было два сына. Младшего звали Каражай. Он был батыр. Отец заказал для него у лучшего кузнеца оружие. Хорошее это было оружие, и отец заплатил за него большую цену.

Однажды отец послал своего младшего сына отыскать место для новой стоянки, куда бы они могли перекочевать со своими стадами.

Каражай отправился в степь. Долго он шел, и вот показалось вдали озеро. Он подошел ближе и увидел, что место это очень удобно для стоянки: много хорошей травы и вода подле. Подъехал Каражай к самому озеру и видит: стоит на берегу какая-то старушонка. Подошел к ней. Старуха и говорит ему:

— Не перекочевывай сюда. Если перекочуешь, то я возьму или тебя, или белую верблюдицу.

Эта старуха была мыстан.

Ничего на это не ответил ей Каражай и вернулся домой.

— Ну что, нашел? — спросил отец.

— Нашел,— сказал сын и рассказал подробно о новом месте, утаив лишь разговор со старухой.

Скоро юрты были сложены, и все отправились в путь. Приехали на место. Отец заметил, что Каражай проехал озеро и остановился далеко от воды. Не понравилось ему это.

— Разве ты не мог найти место рядом с озером. Посмотри, как там хорошо,— сказал отец.

Сын рассказал про свой разговор со старухой. Отец не послушал сына и поставил юрты возле озера.

В эту же ночь пропала белая верблюдица. Загоревал отец Каражая. Взял он оружие сына и отправился искать верблюдицу. Несколько дней ходил он по степи, но все напрасно. Вернулся домой. Переночевал одну ночь дома и снова отправился на поиски. Далеко отъехал старик от своих кибиток и вдруг видит — из ямы торчат горбы белой верблюдицы. Подошел он к ней, а рядом сидит старуха и держит верблюдицу за повод.

— Отдай мою верблюдицу,— сказал отец Каражая.

— Не отдам,— сказала мыстан.

— Возьми за эту верблюдицу самого лучшего верблюда,— говорит отец Каражая.

— Нет, мне не надо другого верблюда,— ответила ему на это старуха.

— Возьми весь мой скот,— умолял ее отец Каражая,— только верни мне белую верблюдицу.

И на это не согласилась мыстан. Тогда отец Каражая сказал:

— Если ты не хочешь весь мой скот за одного верблюда, то возьми моего любимого сына.

— Хорошо,— сказала старуха,— я согласна, но как же ты мне его отдашь?

— Я оставлю тебе его оружие, а сам перекочую на другое место. Сын мой вспомнит про оружие и придет за ним сюда. Тогда ты и схватишь его.

Старуха отдала белую верблюдицу. Отец Каражая вернулся домой, торопливо сложил юрты, завьючил все богатство и откочевал на новые места.

На новом месте сын вспомнил про свое оружие и стал спрашивать отца, где оно.

— Ах, сынок,— сказал отец,— твое оружие отобрала у меня какая-то старуха, когда я искал верблюдицу. Она хотела меня зарезать, и я откупился твоим оружием.

Недолго раздумывая, сын быстро собрался и пошел искать старуху. Нашел он ее и потребовал свое оружие. Не дает старуха оружия. Два дня упрашивал Каражай старуху вернуть ему оружие, но та и не думала отдавать. Проголодался Каражай. Стал просить он оружие поохотиться, чтоб не умереть с голоду. Сжалилась старуха. Пошел Каражай на охоту. Убил он несколько зайцев, уток и вернулся обратно. Старуха стала ласковее с ним.

Через несколько дней Каражай снова отправился на охоту. Старуха дала ему оружие, но просила не охотиться на белой горе с тремя выступами.

— Ты не подходи даже близко к этой горе,— сказала она.— Там живут разбойники, и они убьют тебя.

На горе на той жили сыновья старухи — дяу. Каражай не послушался старухи и пошел к белой горе. Увидела это старуха и пошла за ним по пятам.

— Не подходи к горе, остановись! — услыхал вдруг Каражай голос из недр горы.

Но он не испугался и подошел ближе к горе. И вдруг видит, идет ему навстречу дяу.

— Ты зачем сюда пришел? — спросил дяу Каражая.— Воевать будешь со мной или только бороться?

— Давай бороться,— сказал Каражай.

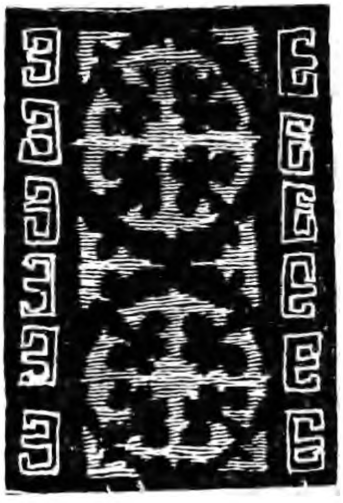
Стали бороться. Каражай сразу же поборол великана: повалил и зарезал.

Подошел Каражай ко второму выступу и опять увидел дяу. Опять они стали бороться. И этого Каражай поборол и зарезал. Так он поступил и с третьим сыном старухи.

Увидала мыстан это и набросилась на Каражая. Завязалась борьба. Долго боролись они, и старуха не выдержала: убил ее Каражай.

Забрал Каражай свое оружие и отправился домой. Отец на радостях устроил большой той.

НАХОДЧИВОСТЬ ДЕВУШКИ

В прежние времена жил один богатый казах. Было у него двое детей: сын и дочь. Как-то он сказал сыну:

— Дитя мое, когда ты вырастешь большим, женись по собственному выбору. Жену бери из девушек.

Вот настало время жениться сыну, и он отправился по аулам разыскивать себе жену. Отыскал он одну женщину и явился к отцу.

— Вот я нашел себе невесту,— сказал он.

— Женщину или девушку? — спросил отец.

— Женщину,— ответил сын.

— Нет, не бери ее, возьми лучше девушку,— сказал отец.

Опять пошел искать сын невесту, и опять ему полюбилась женщина.

Отец опять стал возражать:

— Нет, не бери женщину.

Опять сын пошел искать невесту. Через некоторое время вернулся к отцу.

— Ну что же, нашел невесту? — спросил отец.

— Найти-то нашел, но опять женщина,— сказал сын.

— Ну что ж, женись,— смирился отец.

Сын женился.

Как-то богач заболел. Позвал он сноху и сказал ей:

— Слушай, сноха, у меня есть большое наследство для вас. Я никому об этом не говорил: ни сыну, ни дочери. Когда они будут в нужде, ты выдай им это богатство...

Богач указал на порог юрты.

— Там вы найдете зарытое состояние,— сказал он это и умер.

А сноха не будь плоха. Она не сказала никому об этом наследстве. Где-то на стороне сблизилась она с одним человеком, достала наследство и обогатила этого человека.

Потом ей захотелось избавиться от мужа, и она послала его на базар с кладью.

Сын богача взял кладь и поехал в город. Там он узнал, что хан любит играть в карты, и пошел к нему. Игра хана заключалась в следующем: он брал деньги, завязывал их в узелок, а потом, поставив кошке на хвост свечу, пускал ее. Кошка бросалась бежать. Проигрывал тот, в чью сторону падала свеча.

Стал хан играть с сыном богача. Как только хан пустил кошку, свеча отлетела в сторону сына богача, а кошка побежала в сторону хана.

Таким путем сын богача проиграл всю свою кладь, а потом и самого себя.

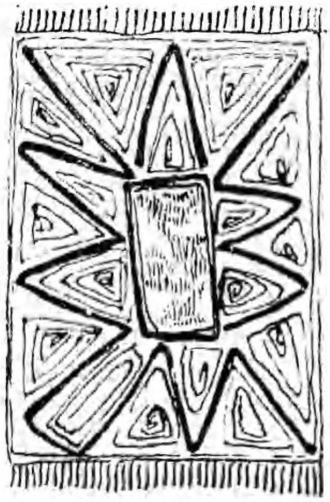
Узнала об этом его жена. Решила она извести и сестру мужа и послала ее в город. Но девушка была умная. Она узнала о проигрыше брата и решила перехитрить хана. Поймала она мышонка и отправилась в город. Пришла к хану, вызвалась играть с ним. Хан согласился. Как только он пустил кошку, девушка показала ей в рукаве мышонка. Кошка бросилась в ее сторону, и свеча повалилась в сторону хана. Играли еще и еще раз. Хан проиграл не только свое состояние, придворных, но и самого себя.

Взяла девушка хана и поехала с ним домой. Подданные хана стали упрашивать ее вернуть им хана, уступить его за выкуп. Девушка ответила, что за выкуп не отдаст его, а пусть они вернут ей того человека, которого обыграл хан.

Подданные обрадовались и привели девушке ее брата. Девушка вернула им хана.

ЗОЛОТОВОЛОСЫЙ ТОТАМБАЙ

●

В старину жил один бедный человек. У него было девять сыновей и одна дочь. Старшие братья ничем не выделялись, а у младшего были золотые волосы. Звали его Тотамбай. Была у них на всех одна кобылица. Жеребилась она каждый год, но каждый раз спускалось с неба черное облако и похищало жеребенка. Братья караулили поочередно, но ничего не смогли сделать.

Настала очередь караулить жеребенка младшему брату. Пошел он в степь за кобылицею и ждет, когда появится черное облако. К утру Тотамбай задремал, но был разбужен каким-то шумом: с неба спускалось черное облако. Тотамбай выстрелил в это облако. Облако задрожало, и из него что-то выпало на землю. Это оказался женский палец. Когда Тотамбай пришел домой, то увидел, что у сестры не хватает одного пальца. Тотамбай сделал вид, что не заметил ничего, а когда пришли братья, он им сказал, что сестра их колдунья. Братья не поверили и выгнали младшего брата из дому.

Тотамбай ушел в соседнее ханство и нанялся там в пастухи. Каждый раз, когда он пригонял стадо к реке на водопой, там купались дочери хана. Так случалось несколько дней. Младшая дочь заметила золотоволосого пастуха и влюбилась в него.

Старшие дочери вышли замуж за богатых и знатных. Много калыма получил за них отец. Младшая дочь выбрала себе пастуха, но отец не дал согласия. Дочь вышла

замуж против воли отца и ничего от него не получила: в чем была, в том и пошла.

Живут Тотамбай с женой год, живут два... Хан не желает видеть своего бедного зятя. Но вот однажды хан заболел. В разные концы были посланы гонцы за знахарями и колдунами. Много наехало их. День и ночь они ворожили и гадали, призывали покорных им нечистых духов, но ничего не могли сделать — хан не поправлялся. Наконец один из них сказал хану, что он может поправиться, если поест мяса дикой козы. Позвал хан своих любимых дочерей с мужьями и сказал им, чтоб они достали ему мясо дикой козы. Собрались зятья на охоту. Попросился и Тотамбай, но хан посмеялся над ним. Тотамбай повторил свою просьбу, и хан дал ему лошадь, но самую захудалую.

Тотамбай вскоре убил несколько коз, а зятья хана ни одной. Стыдно им было, и они стали просить Тотамбая, чтоб он уступил коз им. Тотамбай согласился, но при одном условии: поставить каждому под рубашку тавро. Они согласились.

Вернулись охотники во дворец. Хан был доволен. Сварили мясо и накормили им хана. Он быстро поправился. Любимые зятья были награждены.

Однажды хан опять позвал своих любимцев и сказал им:

— У меня было пять дочерей, а осталось только три. Две дочери были украдены страшными великанами — дяу. Прошу вас отыскать и освободить их. За это вы получите все мое богатство.

Любимые зятья хана согласились выполнить просьбу хана и отправились искать дяу. Не отстал от них и Тотамбай. Долго они ехали пустынными местами, утомились и решили отдохнуть. Тотамбай легко вынес все эти трудности, он не остановился на пути, а продолжал ехать дальше.

Едет Тотамбай да посматривает. Вдруг он видит, стоят пять белых юрт. Подъехал Тотамбай, остановился. Зашел в первую юрту жигит и видит: сидит женщина. Она спросила Тотамбая, кто он, откуда? Рассказал Тотамбай обо всем. Тогда женщина и сказала, что она и есть дочь хана, а сестра ее живет в соседней юрте. Вскоре вернулись дяу и вступили с Тотамбаем в поединок. Долго они бились, наконец Тотамбай убил дяу. Сестры стали благодарить своего

избавителя. Затем они собрались и отправились с Тотамбаем к отцу.

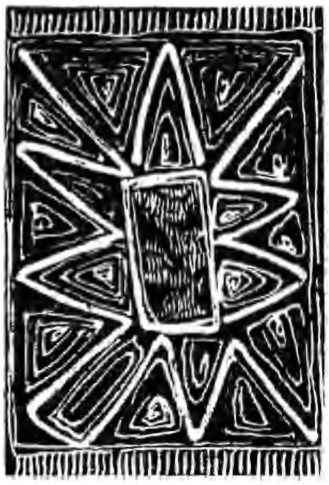
На обратном пути Тотамбаю встретились любимцы хана, усталые, голодные. Тотамбай накормил их и пригласил отдохнуть с ним. Они согласились. Тотамбай обыкновенно спал сорок дней и сорок ночей. И пока он спал, зятья хана забрали женщин и уехали вперед, чтоб получить от хана обещанное.

Хан сдержал свое слово. Он был рад возвращению дочерей, устроил той, отдал все свое богатство зятьям. Про Тотамбая зятья сказали, что он умер в дороге.

Той продолжался сорок дней, и к концу тоя вернулся Тотамбай. Он рассказал хану, как убил диких коз, дяу и что его любимцы ничего не сделали. Хан не поверил. Тогда Тотамбай назвал его любимцев хвастунами и попросил хана, чтоб он заставил их раздеться и посмотрел под рубашкой тавро. Хан так и сделал. И когда он убедился в правоте Тотамбая, то прогнал обманщиков от себя, а богатство передал Тотамбаю.

ЗЕНГИ-БАБА

●

Добр был к людям Зенги-баба, покровитель рогатого скота. Многие хитрецы в былые времена пользовались из корысти его простотой и щедростью. Ведь если Зенги-баба на кого взглянет, тот сразу сделается богачом. Вот и лезли к нему на глаза толпами без всякой совести разные проходимцы. Зенги-баба рассердился наконец и стал отворачиваться при приближении людей.

Жил на свете бедняк. Только и было у него скота, что единственный верблюд. Захотелось бедняку хорошей жизни. Стал он думать, как заставить Зенги-баба хоть разок поглядеть на него. И придумал. Заколол он последнего верблюда, снял с него шкуру, набил ее сеном, взвалил чучело на спину и начал кружить по степи.

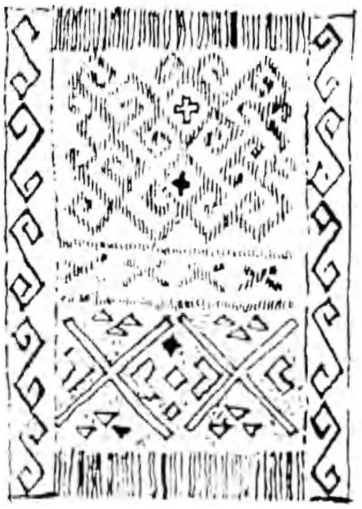
Увидели его люди и закричали:

— Смотрите-ка, какое чудо: человек верблюда несет!

Услышал это Зенги-баба, и разобрало его любопытство: как так, неужто и вправду человек поднял верблюда? Не стерпел старик, глянул на бедняка. А тому того и надо. Ушел он из дому с верблюжьим чучелом, а вернулся с целым стадом коров.

РАЗУМ, НАУКА И СЧАСТЬЕ

●

Разум, Наука и Счастье поспорили между собой: кто из них лучше, кто сильнее? Решить сами они не смогли и пошли к биям, чтоб те их рассудили.

Бии сказали так, обращаясь к Счастью:

— Ты, Счастье, изменчиво и неразборчиво, часто появляешься там, где не надо; осчастливишь человека, заставишь его волноваться, страдать, а потом покинешь. Познакомься лучше с Разумом, будешь долго жить.

— А ты, Наука,— сказали бии,— сильна во всем мире. Ты можешь заставить черный камень расплавиться, сверкать на весь мир, иногда делаешь что-то из ничего, многое превращаешь в ничто. Ты можешь и создавать и разрушать. Познакомься и ты с Разумом, тогда долго проживешь в почете.

Разуму судьи сказали:

— Нет в мире лучшего друга у человека, чем ты. Но когда человек в гневе, ты появляешься и исчезаешь, уступив место злу. Возвращаешься лишь тогда, когда зло уже сделало свое дело. Ты принимаешься исправлять его ошибки, но не всегда тебе удается это сделать. Если бы ты с самого начала не покидал человека, то зло не заняло бы твое место.

Обращаясь ко всем, судьи сказали так:

— Ты, Разум, будь человеком, ты, Наука, будь конем, а ты, Счастье,— кнутом. И если вы объединитесь, то всем будет хорошо.

ЖЕЗТЫРНАКИ, ПЕРИ И МАМАЙ

●

В давно прошедшие времена три жигита отправились в далекий путь. В дороге они встретили пастуха.

— Чей это аул виднеется вдали?— спросили они.

— Это аул батыра Мамая,— ответил пастух.

Жигиты поехали дальше и встретили другого пастуха. Опять спросили:

— Чей это аул?

— Это аул батыра Мамая,— ответил пастух.

Так они спрашивали девять пастухов в девяти аулах и получали один и тот же ответ: «Это аул батыра Мамая». К вечеру жигиты добрались до десятого аула. Они слезли с коней и подошли к белой юрте на краю аула. Возле юрты стоял молодой казах. Они спросили его:

— Чей это аул и можно ли здесь переночевать?

— Это аул батыра Мамая,— ответил жигит.— Пойду спрошу аксакала: разрешит ли он вам остановиться.

Путники удивились: кто же такой батыр Мамай? Один это человек или целое селение так называется? Но вот возвратился жигит и сказал, что батыр Мамай разрешает им остановиться на ночлег. Жигиты вошли в юрту, поздоровались по обычаю. Пол юрты был устлан стеганными одеялами, на них лежали подушки. А на подушках сидел бледный старик с длинной седой бородою.

Он заметил гостей и сказал:

— Проходите, проходите ближе!

Гости прошли и сели на почетное место. Когда они сели, старик спросил:

— О жигиты, что в мире нового?

Гости ответили ему:

— А в пути то новое, что мы проехали девять аулов и приехали в десятый. Всюду нам отвечали, что это аул батыра Мамая. Скажите: этот батыр Мамай один человек или так называется все население?

Тогда старик сказал, обращаясь к старухе:

— Эй, байбише, постели мое одеяло поближе к гостям. Хочу рассказать им свою историю.

Байбише исполнила просьбу старика, и тот, сев поближе к гостям, начал свой рассказ.

— Эх, дети мои! — сказал он.— Я и есть тот батыр Мамай, о котором вы слышали. В девяти аулах — мои сыновья... Я расскажу вам о своей мечте. Посмотрим, что вы скажете о ней. Среди девяти сыновей,— начал он свой рассказ,— у меня была единственная дочь Бикеш. И первая моя мечта — это если б дочь моя была мужчиной, а сыновья женщинами.

— Почему вы так говорите, аксакал? — спросили жигиты.

Тогда Мамай продолжил свой рассказ:

— Когда-то мой дед и отец ушли охотиться в Ушарал и не вернулись. Они бесследно исчезли. Я рос один. И вот, когда я вырос, я подумал: дед и отец погибли на Ушарале. Почему? Что там за чудовища обитают? Поеду-ка туда и все разузнаю. В наших краях жил жаурынчи. Я пошел к нему и рассказал обо всем. Он долго играл на кобызе, а потом сказал:

— Если хочешь послушать моего совета, то не ходи туда. Там погибли твои дед и отец, погибнешь и ты.

— Но я не захотел и слушать его. Что б ни было там, я должен туда поехать и узнать: почему мои дед и отец погибли. Был у меня гнедой иноходец. Оседлал я его и поехал на Ушарал. Через несколько дней я приехал на эти острова. Они были богаты растительностью, дичью, зверями. Там был непролазный лес. Место опасное. Постоянно приходилось быть настороже. Но где те чудовища, которые пожрали моего деда и отца? Жил я там в постоянном ожидании опасности. Наконец мне стало все это надоедать, и я решил вернуться. Перед отъездом я подстрелил дичь и решил сварить ее, подкрепиться на дорогу. Развел костер и

стал варить мясо. Вдруг мой конь зафыркал и забеспокоился. «Здесь что-то неладно»,— подумал я и решил: как закончу варить мясо, быстро соберусь в обратный путь. Вдруг листья зашелестели, и я увидел: прямо на меня движется какое-то существо. Когда существо приблизилось, я рассмотрел женщину темно-коричневого цвета, очень высокого роста. Она подошла к огню и присела. Не отрывая от нее глаз, я одной рукой держал ружье, а другой подкладывал хворост в огонь. Мясо сварилось. Женщина не уходила. Я, продолжая держать наготове ружье, доставал мясо из котелка. Потом взял жилик и протянул женщине. Она открыла рот. Я протолкнул мясо вместе с костью в открытый рот. Женщина мигом проглотила весь кусок и продолжала молча сидеть. Молчал и я, но не спускал с нее глаз. Я думал: стоит мне отвернуться на минутку, как она может меня ударить. Наконец она не выдержала молчания, поднялась и ушла.

Я решил ехать и уже оседлал коня. Вдруг у меня возникла мысль: а что скажут родичи, когда я вернусь? А нука, останусь здесь ночевать. Будь что будет. Я отрезал в свой рост осину, одел ее в свой чапан, под один конец бревна положил седло, как под голову. Сам зарядил ружье и взобрался на дерево. Конь остался в стороне привязанный.

Ночь была светлая, и все кругом хорошо просматривалось. Вдруг конь мой опять заржал, забеспокоился, как в первый раз. Смотрю, бежит коричневая женщина. Увидела чучело, бросилась на него и стала избивать. Чудовище решило, что это я сплю. Недолго думая, я прицелился и выстрелил. Женщина подпрыгнула и побежала, оставляя кровавые следы.

Я быстро слез с дерева, оседлал коня и — за ней. Чаща мешала двигаться на коне, я спешился и пошел по следам. Пройдя несколько шагов, я увидел лачужку, вошел в нее и на полу увидел эту женщину. Она была мертвая. Я отрезал у нее руки. Они были твердые и с железными когтями. Это был жезтырнак. В стене лачужки торчал белый топор. Я все прихватил с собой и отправился домой. Когда приехал, то сейчас же пошел к жаурынчи.

— Вот руки жезтырнака,— сказал я ему.— А этот топор я нашел в лачужке. Ты отговаривал меня ехать на

Ушарал, а я не послушал твоего совета и убил своих врагов. Этот жезтырнак сожрал моих деда и отца.

Тогда жаурынчи сказал мне:

— Это чудовище — синий ноготь. Оно может изрубить человека на мелкие кусочки. К тому же их было двое: муж и жена. Ты убил женщину, теперь остался ее муж. Он найдет этот белый топор везде, куда бы ты его ни спрятал, и изрубит много людей в наших аулах. Не надо было тебе его брать. Но раз уж взял, то теперь слушай, что я тебе скажу. Тебе каждую ночь придется жить без сна и ждать это чудовище. А если ты уснешь и не убьешь его, то он перережет весь аул. Убить его можно только лишь его топором. Руби сразу голову.

Напуганный таким предсказанием, я стал каждый день ждать чудовище. Вскоре засватали мою дочь Бикеш. Когда я получил за нее весь калым, то поставил ей отдельную юрту, выделил скот. А затем спросил дочь:

— Бикеш, что тебе еще надо от меня? Я отдам тебе все, что ты попросишь!..

Тогда дочка сказала мне:

— Не нужен мне твой скот, не нужна мне твоя юрта. Если ты считаешь меня своей любимой дочерью, то отдай мне белый топор.

Я оторопел.

— О дочь моя,— сказал я,— если я тебе его отдам, то сам погибну.

Но она ничего не хотела слушать, настаивая на своем.

— Если не отдашь топор, то не считай меня своей дочерью,— говорила она.

Что мне оставалось делать? Я отдал ей топор.

Я отвез ее в выстроенный для нее шатер, а сам продолжал караулить жезтырнака, но со своим простым топором.

Что же сделала Бикеш? Для чего ей был нужен мой топор? Она тоже стала поджидать чудовище: каждый день и каждую ночь стояла возле юрты. Мужу она ничего не рассказывала и лишь отговаривалась: «Потом узнаешь». Муж стал за ней следить.

Однажды ночью — а ночь была светлой — аульные собаки с лаем кинулись за аул. Бикеш посмотрела в ту сторону, куда побежали собаки, и увидела идущего человека.

Он был высокого роста. Собаки кидались на него и лаяли, он приседал, а затем снова поднимался и шел. Так было несколько раз. Наконец человек дошел до первой юрты, вошел в нее, но быстро вышел, зашел во вторую и тоже быстро вышел. Так он заходил во многие юрты. И наконец очередь дошла до юрты Бикеш. Она приготовила топор и стала ждать. И как только чудовище приблизилось, Бикеш ударила его белым топором прямо по голове. Голова сразу же свалилась с плеч. Бикеш разбудила мужа и, указывая на мертвое тело, раскрыла ему свою тайну. Затем Бикеш зашла в те юрты, где побывал жезтырнак. Везде лежали умертвленные им люди. Бикеш и ее муж сели на коней и приехали ко мне, прихватив белый топор и голову жезтырнака.

— Отец, я возвращаю тебе топор,— сказала Бикеш.— Когда я выпрашивала его у вас, я думала, пусть умру одна, а братья мои и отец останутся. Если б вы не отдали мне его, то погибли бы все ваши сыновья, а вы б спаслись. Кому тогда были б нужны? Вот он, топор, возьмите!..

Вот какая у меня Бикеш. Я тогда и подумал: почему Бикеш не мужчина?! Это моя первая мечта, дорогие гости... Как, по-вашему: хорошая эта мечта, и мечта ли это?

— Да, это мечта, и очень хорошая,— сказали жигиты.

— А вот моя другая мечта,— сказал аксакал.— После того, как не стало жезтырнаков, я жил спокойно. Но вот однажды решил развеяться и поехал к холму Кубажон. Был такой холм возле моего колодца, который носил название Шыныpау. Вода в колодце была свежая, прозрачная и как будто бы целебна. Сев на своего скакуна Жайдаккера, я выехал на Кубажон. И когда я приехал и поднялся на этот холм, то увидел что-то странное: вокруг колодца стояли белые юрты, а возле них играли девушки, белые, словно березки. Что за чудо, подумал я. Ничего подобного раньше здесь не было. Как это могло случиться? Откуда все это? Долго я стоял в нерешительности и недоумении. Если туда поехать — могут убить. Соберу людей и тогда поеду. Но вдруг мне пришла мысль: батыр, а боится идти один. Гордость батыра взяла верх, и я решил подойти к этим девушкам. И как только я приблизился к ним, они окружили меня с криком: «Жених приехал! Жених приехал!»...

Одни держали узду лошади, другие дергали меня за бороду, третьи мяли мне бока. И все время кричали: «Жених! Жених!»... Потом затащили меня в юрту, усадили на подушки, стали угощать всевозможными напитками и кушаньями. Сами тоже стали есть, приговаривая: «Кушай, милый женишок, кушай!»... И все время старались меня задеть, стукнуть, щипнуть. Я почувствовал себя тридцатипятилетним жигитом. Но вот подошел вечер, наступала ночь. Зашли две девушки и сказали, что жених должен пройти в большую юрту и вылить на огонь масло. Девушки вскочили, схватили меня и, тормоша и дергая, втащили в большую юрту. Затем дали мне ведро с маслом и приказали лить его в огонь. Я выполнил этот обряд жениха и сел на золотое сиденье рядом с девушкой писаной красоты. Она была прекрасна. Вся в светлых нарядах. И я в это время почувствовал себя уже двадцатипятилетним жигитом.

Девушки ухаживали за нами: приносили разные кушанья, напитки. Но тормошить меня они все же продолжали и кричали: «Жених! Жених!»

Я совсем помолодел! Когда кончилось пиршество, красавица приказала подружкам приготовить постель. И когда все было готово, она пригласила меня пройти к этой постели. За нами пошли и девушки. Затем они все вышли, и мы остались вдвоем. Красавица уложила меня, а сама села поодаль и сказала мне:

— Ты должен не спать до утра и смотреть в огонь.

Я принял это условие. Сел и стал смотреть в огонь, не моргнув глазом. Но в таком положении я не смог долго просидеть, забылся и заснул. А когда утром проснулся, то никого не было. Возле меня стоял мой конь и лежало ружье. Подо мной было одеяло, то, на котором я сидел и смотрел в огонь. Я быстро одумался, вскочил, поднял одеяло и вдруг заметил записку. Взял я эту записку и прочитал: «Я дочь царя пери. Зовут меня Мухирия. Я слышала, что ты батыр и убил на Ушарале жезтырнаков. Я была поражена твоей храбростью и полюбила тебя. Долго я искала встречи с тобой. Мне сказали, что у тебя есть холм Кубажон, колодец Шынырау и что ты бываешь там. И я решила, если ты жив, то я непременно тебя там увижу. Я поселилась возле этого колодца. Прошло восемь лет, и вот ты, мой долгожданный, явился. Но ты постарел, и сильно. Я была в

надежде, что у тебя есть силы подарить мне сына, и решила тебя испытать. Если б ты просидел до утра и не заснул, я б вышла за тебя замуж. Но ты, мой милый, стар, и я для тебя теперь не существую. Как память обо мне оставляю одеяло. Храни его как знак моей любви». Вот это одеяло,— сказал аксакал. Затем он обратился к гостям с вопросом: «Как вы думаете: мечта ли это?» И сам же ответил: «Да, это мечта! Вот эти мечты и состарили меня»,— сказал аксакал, заканчивая свой рассказ.

На следующий день жигиты выехали из десятого аула батыра Мамая.

БАТЫР БОРАН

В давние времена жил батыр Боран. У него был друг Каскарау, с которым он был в ссоре. У Каскарау была невеста из рода Ногай. Как-то раз ногайцы откочевали в другое место и увезли с собой девушку. Каскарау не поехал за ней, а собрал своих людей и спросил у них: как ему поступить? Место, куда перекочевали ногайцы, было очень далеко. Они перешли через море. А это море было очень широкое. Объехать его можно только за три месяца. Был и другой путь — это идти с одного берега до другого. На этот переход надо было затратить пятнадцать дней. Но короткий путь опасный. Он покрыт камышами. А в них водились страшные звери: медведи, тигры, волки и другие разные чудовища.

Каскарау обратился к своим людям, и они ему сказали так:

— О чем ты говоришь, Каскарау? В старину говорили: «Хоть тысячу раз каркнет ворона, не придет год, а гусь крикнет один раз — и год явится». Что из того, что мы собрались? Помочь тебе мы ничем не можем. Зачем ты ссоришься с Бораном? Кто тебя защитит, если нападут враги? Сам ты не сможешь выстоять против них. Прекрати ссору с батыром. Таков наш тебе совет! Мы заставим тебя преклонить перед ним колено!..

И они принесли в дар Борану дорогой ковер и черного нара. Привели к нему и Каскарау.

— Мы привели к тебе твоего друга,— сказали люди, обращаясь к Борану.— Мы заставили его преклониться перед

тобой, сказав ему: «Не считай годы, а почитай людей». В народе говорят: «Честь родины — честь батыра». Разве не видишь, что запятнана честь нашего рода. Ногаи увезли нашу невесту. Вот мы и пришли сообщить тебе об этом.

— Я так и думал, что вы собрались сюда не зря,— сказал Боран.— И я знал, что вы об этом мне скажете. Но я в большом затруднении. Не ногайцев я боюсь! Было б не к лицу батыру об этом говорить. Путь туда далек и труден. Нельзя ехать в объезд в течение трех месяцев. Есть другая дорога: от одного берега к другому. Это расстояние можно преодолеть за пятнадцать дней. Но дорога идет через камыши. А в камышах бродят хищные звери.

Люди вздрогнули от страха, а потом сказали:

— Боран! Если тебя не страшит расстояние, то мы поедем с тобой. Мы будем сопровождать тебя.

— Нет! — сказал Боран.— Я не хочу, чтоб говорили: «Боран испугался трудного перехода и поехал в объезд моря». Лучше мне умереть, чем слышать это. Я поеду трудной дорогой, и много людей мне не надо. Дайте мне десять жигитов, которые смогут готовить обед. Дайте им двадцать самых лучших коней из табуна. А у меня есть свой конь, свое оружие. Чтоб не откладывать, мы отправимся в следующий понедельник. Вы должны в этот день нашего отъезда собрать весь народ и устроить той.

Как сказал Боран, так и было сделано.

Боран отправился в путь. Жигиты готовили ему горячую пищу. Где остановятся, там Боран лежит, поджав руки к животу. Лежат и девять жигитов, а десятый готовит пищу. Так они двигались. Но вот въехали в заросли камыша. Здесь было не до сна. Они ели только горячую пищу и медленно продвигались. Страшные звери то показывались, то удалялись. И вновь появлялись. И вдруг из зарослей вышел страшный медведь и заревел во всю свою пасть. Жигиты Борана, никогда не видевшие подобного зверя, попадали с лошадей. Но Боран не испугался и очень громко крикнул. Медведь исчез. Тогда Боран поднял своих жигитов и сказал:

— Что с вами? Зверь страшен? Но если он опять выскочит и заревет, снова будете падать с коней? Так, что ли?

Но тут опять выскочил медведь и зарычал пуще прежнего. Боран рванулся к нему навстречу и крикнул громко.

Медведь снова исчез в зарослях. На этот раз жигиты не попадали с коней. Они крепко держались за гривы.

— Видите, какой он страшный,— сказал Боран.— Несколько дней мы ехали без опаски, а тут на́ тебе!.. Наверно, он бросится в третий раз. Тогда я пойду на него. Может быть, сама смерть привела его ко мне. Прошу вас, не пугайтесь его рева. Если упадете с лошадей, то не унести вам костей. И не мешайте мне...

Боран не договорил. Из зарослей вышел медведь и крикнул изо всех сил. Боран не растерялся и тоже крикнул. Но на этот раз медведь не испугался батыра и кинулся на него. Боран соскочил с коня и пошел на медведя. Они сцепились в страшной схватке. И когда медведь собирался положить свои лапы на плечи Борана, батыр схватил медведя одной рукой за горло, а другой ударил его по голове. Удар был так силен, что голова сразу же разлетелась на куски.

Так они избавились от первой опасности, встреченной на своем пути. Прошло четырнадцать дней. На пятнадцатый день стали уже выходить на другой берег, как вдруг на пути встретились заросли. Обращаясь к жигитам, Боран сказал:

— То, что вы видите, называют загоном для овец. Я слышал, что здесь собирается нечистая сила. Нам надо остановиться, накормить коней, не снимая с них седел, а пораньше утром выехать в путь. Пока не наступила ночь, приведите в порядок свои доспехи и будьте готовы ко всему.

Сказал так Боран и прилег. Девять жигитов тоже прилегли, а десятый стал готовить обед. Он развел костер — дым пошел на него. Он удивился: «Почему дым идет в мою сторону?» Поднял жигит голову и видит: прямо перед ним сидит страшное волосатое чудовище. Жигит крикнул и разбудил товарищей. Все они прижались к Борану. То же самое, точь-в-точь, проделало волосатое чудовище. Оно было не одно, сзади него сидели такие же чудовища. Это были жезтырнаки. Вся их сила была в руках. Пальцы на них, как когти орла. Тело все покрыто густой шерстью.

Боран попросил своих жигитов сесть — и чудовище усадило своих. Боран не знал, что делать дальше. Он не на шутку перепугался чудовища, которое его передразнивало. Боран решил прибегнуть к хитрости. Он подошел к костру

и подбавил огня. И чудовище проделало то же самое. Боран подошел к мешку с продовольствием, вытащил кусок бараньего сала и насадил его на палку. Нож спрятал в мешок, подошел к костру и стал растапливать сало. И когда оно растопилось, Боран стал размазывать его по голому телу. Затем бросил жезтырнакам палку, обнял огонь и сказал: «Иди, батыр, померимся силами». Чудовище проделало то же самое. Но как только оно подошло к огню, сало загорелось и пламя охватило все волосатое тело чудовища. Жезтырнак бросился к своим. Пламя перекинулось на них. Все страшилища побежали в камыш — загорелся камыш. Жезтырнаки стали гасить огонь водою. Дым застилал их. Одно из чудовищ, убегая, крикнуло: «Подожди, Боран, мы еще встретимся!»

Боран воспользовался суматохой, вскочил на коня и вместе со своими жигитами тронулся дальше в путь. А огонь разгорался все сильнее. Ехали они спокойно целый день. К вечеру огонь стал утихать, дым рассеялся. Жигиты радостно проговорили:

— О господи! Кажется, счастливо мы отделались!

— Подождите радоваться,— сказал Боран.— Ведь вы слышали, что сказал один из них: «Подожди, Боран, мы еще встретимся». Значит, они не оставили нас. Вот управятся с огнем и догонят. И чем эта встреча кончится для нас, неизвестно.

Но вот дым совсем рассеялся, и они увидели пыль. Это двигались чудовища.

— Ну, друзья,— сказал Боран,— теперь они нас догонят. Если они придут сюда, вы не мешайте мне с ними сражаться, уходите. Я не обижусь.

Жигиты стали возражать Борану и говорить, что первый раз они испугались спросонок, не разобравшись, в чем дело. Их десять, и они могут противостоять десяти.

Так они ехали и спорили. И вдруг заметили приближение чудовищ. Жигиты забыли о своей храбрости и решили последовать совету Борана. Они поехали вперед, оставив батыра одного. Боран повернул коня на восток и стал ждать. Жигиты к вечеру добрались до высокого холма и стали наблюдать с высоты. Они плакали: «Если Боран погибнет, не видать и нам родины!». Потом вдруг они заметили на дороге что-то черное. Одни говорили, что это Боран,

другие — чудовища! Недаром в народе говорят, что «трусливому все двоится».

Но вот один из них крикнул:

— Да это ж наш Боран!..

Подъехал Боран. Все были очень рады его видеть. Батыр изменился в лице, побледнел, осунулся, глаза впали. Он и его конь были в крови. Когда жигиты обступили Борана, он сказал:

— От врагов мы счастливо отделались. Есть ли здесь вода? Надо переночевать, напоить коней, отдохнуть и завтра — в путь.

Боран слез с коня. Попросил подложить седло под голову и заснул богатырским сном. Жигиты от волнения не могли заснуть и всю ночь просидели возле костра, готовя обед Борану.

Утром они прибыли к ногайцам. Сваты не могли устоять перед батыром. Они делали то, что он им приказывал. И снарядив невесту Каскарау, они с почестями проводили гостей.

На обратном пути жигиты увидели трупы жезтырнаков, которых перебил Боран. Их было больше шестидесяти...

ЧУДЕСНАЯ ПТИЦА

●

В очень давние времена жил хан. У него было трое сыновей: Асан, Усен и младший — Хасан. Хасан был красивый, умный и к тому же батыр. Однажды хан увидел во сне чудесную птицу. Когда птица смеялась, изо рта ее падали цветы, а когда плакала — из глаз сыпались бусинки жемчуга. Хан решил раздобыть эту птицу. Позвал он к себе Асана и Усена.

— Во сне я видел чудесную птицу. Когда она смеется, из ее рта сыплются цветы, когда она плачет, из ее глаз сыплются бусинки жемчуга. Найдите ее и доставьте мне, если не найдете, велю отрубить вам головы! — повелел он сыновьям.

Асан и Усен испугались угрозы отца.

— Мы найдем ее во что бы то ни стало и привезем вам,— сказали они и отправились в путь.

Хасан об этом ничего не знал. Только через сорок дней ему стало известно, что Асан и Усен отправились на поиски чудесной птицы. Опечаленный тем, что его братья отправились в такой опасный путь, а он остался дома, Хасан в слезах пришел к отцу и сказал:

— Отец, почему меня не отправили вместе с Асаном и Усеном, или вы не доверяете мне?

— Нет, сын мой. Асана и Усена я отправил на очень опасное и трудное дело, а ты еще мал для такого поручения.

Хасан стал упрашивать отца отпустить его на поиски чудесной птицы. Отец согласился, и Хасан поехал вслед за братьями. Хасан догнал братьев, уехавших на сорок дней

раньше его, и втроем они продолжали путь по большой дороге.

Доехали братья до развилки трех дорог. Одна дорога шла вправо, другая — влево, а третья — прямо. У каждой дороги стояли три камня с надписями. На камне у первой дороги было высечено: «Поедет — вернется». На втором: «Поедет — может вернуться, а может не вернуться». А на третьем камне высечено: «Поедет — не вернется». Асан решил ехать по дороге «Поедет — вернется». Усен — «Может вернуться, а может не вернуться». Хасану досталась дорога «Поедет — не вернется».

И братья разъехались.

Едет Хасан несколько месяцев и несколько дней — впереди показался большой город. Вокруг города паслось много газелей. У Хасана уже давно кончилась пища, и он ехал голодный. Он решил подстрелить одну газель. Снял с плеча лук и только натянул тетиву, как газели сбежались, окружили его и жалобно заплакали. Хасан удивился: «Какие они разумные!» — опустил лук и направился в город. Подъехал он к большому дворцу, вошел в него и крикнул: «Эй, кто здесь есть?» Никто не отозвался. Посмотрел он по сторонам и увидел большое золотое блюдо, наполненное жареным мясом. Проголодавшийся до изнеможения Хасан протянул к блюду руку. Вдруг раздался повелительный голос: «Эй, человек, убери свою руку!» Потом появилась страшная старуха с торчащими зубами, вся в лохмотьях, что-то пробормотала себе под нос и топнула об пол ногой. Хасан превратился в газель. Старуха схватила Хасана за шею, отвела и пустила к стаду.

Хасан потерял человеческий облик, но не потерял разума. Он отделился от других газелей и направился по дороге, которой приехал сюда. Прошло несколько дней — и он увидел большой красивый дворец. Хасан-газель вошел во дворец. Навстречу ему вышла красивая девушка и, вглядываясь в газель, сказала: «Ты же не газель, а человек. Если я превращу тебя снова в человека, ты женишься на мне?» Хасан-газель ничего не ответил. «Тебя в газель превратила моя мать-колдунья. Она отняла у тебя дар речи!» Девушка схватила горсть песку и бросила в морду газели. Газель обернулась в жигита. Когда к жигиту вернулся дар речи, он вежливо поклонился девушке, поблагодарил

ее и рассказал все, что произошло с ним. Девушка также рассказала Хасану все, что с нею приключилось.

— Я единственная дочь той самой жалмауыз-кемпир, которая превратила тебя в газель,— сказала она.— Мне было тяжело видеть, как мать издевается над людьми, превращая их в животных, взяла свое приданое и думала, что никогда больше не увижу человека, а тут сам аллах послал мне тебя. Теперь я от тебя не отстану.

— Я не могу жениться на тебе, я должен выполнить обещание, данное мною отцу,— ответил Хасан.

— Какое же обещание ты дал отцу?

Хасан рассказал, как его отец во сне увидел чудесную птицу и повелел отыскать ее.

Выслушала девушка слова Хасана и заплакала.

— Если ты и дальше будешь искать эту птицу, то я потеряю тебя,— говорила она.— Эта птица принадлежала мне и умела говорить человечьим языком. Дочь царя дяу по имени Кульжахмал пришла с войском и отобрала ее у меня. Ты, конечно, найдешь становище тех дяу, но добыть птицу тебе будет нелегко.

— Я готов на любые лишения. Я должен во что бы то ни стало найти птицу и доставить ее отцу. Если я достану птицу и вернусь живой и невредимый, то заеду и женюсь на тебе,— дал обещание Хасан. Девушка перестала плакать и указала Хасану дорогу.

— Ты должен ехать на запад девяносто дней. После этого встретишь гору. Через нее пройдешь тоже за девяносто дней. На другой стороне горы у подножия стоит одинокое большое дерево. На том дереве есть гнездо самрука, может быть, птица доставит тебя до становища дяу,— напутствовала девушка.— А моя мать, пока жива, не даст нам жить спокойно, она сделает какое-нибудь зло. Смерть ее зависит вот от этого.— Девушка протянула Хасану стрелу.— Пустишь в любую сторону — она все равно попадет в лоб моей матери.

Хасан не замедлил взять стрелу и выпустить ее из лука. Стрела попала прямо в лоб жалмауыз-кемпир, и она тут же испустила дух.

Простился Хасан с девушкой и поехал на запад. Прошло девяносто дней, и он доехал до высоких гор, вершины которых упирались в небо. С большим трудом перевалил

жигит через горы, потом доехал до большого одинокого дерева и присел отдохнуть в его тени. «Эй, человек, спаси нас, спаси!» — вдруг услышал он пискливые голоса птенцов самрука. «Что случилось с бедняжками?» — подумал Хасан и бросился в их сторону. Огромный удав полз по стволу дерева вверх, намереваясь проглотить птенцов. Хасан выхватил меч и изрубил удава на куски. Спасенные птенцы горячо благодарили своего избавителя. Они были голодны и вмиг проглотили куски тела удава.

Вдруг поднялся сильный ветер и пошел ливень.

— Откуда ветер, откуда дождь? — спросил Хасан у птенцов.

— Это не ветер, это летит наша мать. Ветер от ее крыльев, а дождь — ее слезы. Наша мать ежегодно на этом дереве выводила своих птенцов. Когда мать улетала за кормом для птенцов, удав, которого вы убили сейчас, выползал из своей норы, проглатывал вылупившихся птенцов и прятался в своей норе. Вот и сейчас наша мать возвращается с охоты и думает, что не увидит нас живыми. Мать очень любит человеческое мясо. Она может проглотить вас, спрячьтесь под нашими крыльями.

Хасан спрятался. Прошло немного времени, и самрук грузно опустилась на дерево. От тяжести самрука дерево изогнулось и достало до земли. Мать принесла оленей, газелей и много других зверей и сложила в большую кучу. Увидев, что ее птенцы живы и невредимы, птица перестала плакать. Ветер утих, засверкало солнышко. Самрук, глотая слюну, стала оглядываться по сторонам.

— Чую запах человека, вы не видели его? — спросила она у птенцов.

— Если вы не тронете, мы покажем человека,— ответили они. Самрук в знак согласия кивнула головой. Когда птенцы выпустили из-под крыльев Хасана, птица подхватила его и хотела проглотить. Но птенцы запищали и впились ей в горло. Самрук выпустила Хасана.

— Почему вы его жалеете. Какое добро сделал вам этот человек? — спросила мать.

— Он убил удава и спас нас от смерти,— запищали птенцы.

Самрук поблагодарила Хасана, расспросила, почему он пришел сюда и чем она может помочь ему. Хасан без

утайки рассказал все и попросил доставить его в становище дяу. Самрук согласилась. Она посадила Хасана на спину и полетела к становищу дяу.

Летели они семь дней и семь ночей. Перелетели через океан, пустыню, и когда подлетели к большой огненной реке, у самрук от голода закружилась голова, помутнело в глазах, и птица не знала как быть.

— Эй, человек, боюсь, что мы не долетим до места, силы меня покидают, скоро упаду! — обратилась она к Хасану.

Хасан, не задумываясь, вырезал у себя из бедер два куска мяса и протянул птице. Самрук проглотила мясо и полетела дальше.

— Откуда такое мясо? Оно очень вкусное и придает большую силу! — сказала птица.

— Эти куски я вырезал из своих бедер,— ответил Хасан. Самрук быстро провела крыльями по ранам Хасана, и они вмиг зажили.

Прошло немного времени, и они прилетели в земли дяу.

— Когда дяу ложатся спать, они засыпают на сорок дней. Вот уже три дня как они спят. Я тебя буду ждать здесь еще три дня. Если за это время ты не вернешься, ждать дольше не стану и улечу,— сказала ему самрук.

Хасан обещал вернуться через три дня и направился в город.

Город дяу был очень красивый: тут все было построено из золота. Хасан, не видевший раньше такого чудесного города, забыл про чудесную птицу, про самрук и стал осматривать все улицы. Переходя с улицы на улицу, он пришел к красивому дворцу и вошел в него. Во дворце спали сорок девушек, подальше от них в одной комнате спала еще одна девушка на золотой кровати. Он прошел вперед, переступил порог этой комнаты и увидел на скатерти разнообразную пищу. Он протянул руку к пище, но кто-то пронзительно взвизгнул.

— Эй, человек, почему без разрешения берешь чужую пищу? — услышал он голос. Хасан оглянулся и увидел в клетке птицу. Сказав эти слова, птица расхохоталась. Из ее рта посыпались цветы. Это была та самая птица, которую разыскивал Хасан. Его радости не было предела. Хасан решил взять птицу и только протянул руку к клетке, как птица снова завизжала.

— Ты меня не заберешь,— сказала птица,— если я запою громким голосом, все спящие дяу этого города проснутся. А один грамм твоего мяса здесь стоит тысячу дилля.

Хасан в слезах стал молить птицу. Он рассказал о своих мучениях в пути, об уговоре жениться на ее прежней владелице. Птица сжалилась над Хасаном.

— Хорошо,— пропищала она,— можешь забирать меня. Только о своих приключениях в пути напиши записку и вложи в карман девушки, спящей на золотой кровати.

Хасан выполнил все, что сказала птица. Потом взял клетку и вернулся к самрук. Самрук уже приготовилась было улетать. Жигит с клеткой сел на спину огромной птицы, и они без особых трудностей прилетели в гнездо самрука. Чтобы перелететь дальше, самрук дала Хасану одно свое перо. Это было волшебное перо. Хасан с птицей сел на перо самрука и прилетел к девушке. Не было предела ее радости. Отдохнули они там несколько дней, и Хасан с девушкой и птицей сел на перо самрука и полетел на свою родину.

Летят они несколько дней, видят: идет по дороге человек. Смотрит Хасан, а это его средний брат Усен. В пути у него кончилась пища, и он нанялся к одному баю в пастухи. Усен прожил скудную жизнь и теперь пешком пробирался на родину. Он был худой и в грязных лохмотьях.

Хасан переодел брата в новую одежду, накормил сытно, посадил на перо, и полетели они дальше.

В пути они встретили Асана, изможденного пуще Усена. Шея у него была, как палочка, лохмотья на нем еле держались. Хасан также накормил его, как и Усена, переодел и посадил на перо самрука.

Однажды они остановились на ночлег. Уснул Хасан богатырским сном, а Асан и Усен стали тайно совещаться:

«Наш отец и до этого больше любил Хасана, а теперь и вовсе будет любить. А если узнает, что мы нанимались в пастухи, оскорбится и велит повесить нас,— рассуждали братья.— Нам надо убить Хасана, и мы скажем, что сами нашли птицу.

Пришли они к Хасану.

— Достань нам из колодца воды.

Хасан послушался, привязал за пояс веревку и спустился в глубокий колодец. Когда Хасан достиг середины колодца, Асан и Усен перерезали веревку. После того они едва не подрались из-за девушки: каждый из них хотел взять ее себе. Девушка ни за кого не пошла и убежала в степь. Асан и Усен с птицей вернулись в родной аул. Поклонились они отцу и сообщили, что привезли чудесную птицу.

— Где Хасан? — спросил их отец.

— Хасан не послушался нас и когда купался в море, его проглотила акула,— ответили они.— Но мы отомстили за Хасана — убили эту акулу.

В это время проснулись дяу. Узнала дочь хана дяу, что исчезла ее птица в клетке, и подняла тревогу на весь город. По записке, оставленной в кармане, она узнала, что птицу увез человек. Собрала она свое войско и полетела на поиски своей любимицы.

Однажды отец Хасана захотел послушать пение птицы. Птицу посадили в золотую клетку и заставили петь. Она запела протяжным жалобным голосом. Услышали воины дочери хана дяу пение птицы, налетели на аул Хасана и, превратившись в людей, опустились прямо на аул. Увидели жители аула ,что с неба падают люди, испугались и начали прятаться у своего хана.

Дочь хана дяу пришла на то место, где сидела птица, и вызвала к себе хана. Хан надел пояс, помолился аллаху и пришел к дочери хана дяу.

— Эй, хан людей? — обратилась к нему девушка.— Какой ваш сын привез эту птицу, покажите мне его. Я буду говорить с ним.

— О дочь дяу! Эту твою птицу я видел во сне, захотел хоть раз посмотреть на нее. Из трех сыновей, отправившихся на поиски этой птицы, вернулись двое. Они сообщили, что самого младшего и любимца моего где-то в пути проглотила акула. Из-за большого горя я заболел и только сейчас впервые вижу эту птицу. Остальное спросите у тех сыновей, которые вернулись живыми.

Дочь дяу позвала Асана и Усена.

— Как вы привезли птицу, расскажите мне,— обратилась она к ним.

— О, что тут особенного, мы поехали на скакунах и привезли! — ответили братья.

— Вы лжете, я сейчас заставлю рассказать обо всем птицу, и если вы солгали, то велю сейчас же отрубить вам головы! — пригрозила дочь хана дяу.

Птица рассказала все.

— Хасан был жигитом великодушным и скромным. Он в слезах просил меня, и я согласилась сама ехать с ним. Со мной вместе Хасан приехал к моей прежней хозяйке. Когда мы направились сюда, в пути нам встретились голодные, совсем опустившиеся Асан и Усен. Хасан накормил их, а они учинили над ним злодеяние, обманули и оставили в колодце. После того они спорили из-за моей прежней хозяйки. Каждый из них хотел жениться на ней, а она убежала от них в степь. Они, должно быть, еще живы,— поведала птица.

У дочери дяу был быстроходный воин. Он мог за час облететь весь мир. Она вызвала этого воина и отправила его на поиски Хасана, а Асану и Усену отрубила головы. Хан не противился ее воле. Когда Асан и Усен были обезглавлены, быстроходный дяу доставил Хасана и девушку.

Дочь хана дяу осталась довольна отвагой и человечностью Хасана и своими руками подарила птицу его отцу. Хан поблагодарил дочь хана дяу и устроил той на сорок дней, на котором пировали люди и дяу.

СОВЕТ ГОЛУБЕЙ

Когда-то давно жила стая сизых голубей со своим ханом. Жили они дружно, не зная горя. Однажды несколько голубей залетели в чужие края. Встретился им в пути караван-сарай. Много лет там проживали люди, и в сараях было рассыпано несметное количество зерна. Но теперь никого не было.

— Теперь в этих сараях могли бы жить мы,— обрадовались голуби. Прилетели они домой и пришли к своему хану.

— Великий хан! Мы были в далеких краях и принесли хорошую весть. Мы нашли заброшенный караван-сарай. Там очень много зерна. И нет людей. Вот бы переселиться туда!

— Оставьте эти разговоры,— рассердился хан.— Будем жить здесь, где привыкли. Не зря говорят: «Где-то есть золото, а придешь — нет и бронзы», «В погоне за большим потеряешь и малое», «В поисках блага как бы не нажить скандала».

— Любимый хан,— загалдели голуби.— От имени всех ваших подданных просим вас. Люди бросили сарай, он совсем пустует. Теперь мы должны поселиться в том сарае. Пути туда три-четыре дня.

— Не нравится мне ваша затея. Но раз вы все решили перебраться, что ж, переселимся,— согласился хан, и все направились к тому караван-сараю.

Пролетели голуби два дня, на пути встретили рассыпанное зерно. Обрадовались голуби, приземлились и начали жадно клевать зерна. Не знали птицы, что это была при-

манка. Охотник расставил сети и рассыпал зерно. Наелись голуби, а подняться не смогли. Все они вместе с ханом попали в сети.

Охотника не было на месте. Увидел черный ворон, что голуби попали в сети, закаркал и полетел сообщить охотнику. Услышал охотник карканье ворона, подумал: «Ворон каркает, значит в сеть кто-то попал»,— и побежал на то место.

Хан голубей обратился к своим подданным:

— Останавливал я вас — не послушались, теперь видите, что случилось с нами из-за жадности. Сейчас придет охотник, отрежет нам головы. Мясо съедят, а из перьев сделают подушки.

Заплакали голуби, стали прощаться с жизнью.

— Пришла мне одна мысль,— заговорил снова хан голубей.— Давайте соберемся с силами и дружно вспорхнем. Быть может, мы разорвем сеть.

Так голуби и сделали. Рванулись они вверх и поднялись в воздух вместе с сетью. Полетели дальше, к караван-сараю. Охотник увидел голубей уже в воздухе. Предатель черный ворон решил узнать, куда летят голуби, чтобы потом сообщить охотнику, и — вслед за ними.

Перепуганные голуби не останавливались в пути и приземлились только у караван-сарая. Ворон тоже прилетел и сел на площадь перед дворцом.

Голуби залетели во дворец. В полу было много мышиных нор.

— Проведите меня ближе к норам,— приказал хан голубей.

Голуби подвели его к норам.

— Эй, аксакал мышей, выйди из своей норы! — воскликнул хан голубей.

Из норы показался хан мышей. Цари поклонились друг другу, голубь сказал:

— О хан мышей, мы все попали в сети и переживаем горе. Окажите нам услугу, освободите нас от проклятых петель.

Хан мышей дал приказ своей армии, и мыши перегрызли петли и освободили голубей от сети. Голуби горячо благодарили хана мышей.

— О хан мышей, нет предела нашей вам благодарности.

Пусть вознаградит вас аллах богатствами мира за вашу доброту. Говорят: «Добру отвечают добром». Я хочу послужить вам чем смогу,— сказал хан голубей.

— О хан голубей,— ответил хан мышей,— я не хочу считать вас обязанным мне за сделанное нами добро. Но и не желаю сближаться с вами. Ведь есть и другая известная пословица: «Добру отвечают злом».

— О хан мышей! Вы спасли нас от смерти. Как же я могу ответить злом за такое добро?! — сказал голубь.

— Эх вы, голуби, вы вероятно не слышали, как в прошлом добру отвечали злом.

— Какое же было сделано зло за добро, расскажите мне,— обратился хан голубей.

— Слушайте внимательно, я расскажу вам, как это было. В давние времена группа купцов отправилась в путь,— начал хан мышей.— Среди них был бедный человек на тощем коне. Когда купцы стали проезжать большой лес, конь бедного человека устал и не захотел идти. Тогда его попутчики-купцы обратились к нему:

— Мы не будем ждать тебя, покорми своего коня и один догонишь нас,— сказали они и уехали.

Бедный человек присел и горько подумал: «Если бы у меня было богатство, разве я отстал бы от них?» Вдруг он увидел, что горит лес, огонь приближается к нему и слышится какой-то сильный шум. Он повернулся в ту сторону, откуда слышался шум, и увидел, как большая змея, спасаясь от огня, взобралась на дерево. Дерево загорелось снизу, и пламя постепенно поползло вверх. Испуганная змея извивалась и в отчаянии шипела.

«Эта змея попала в когти смерти. Ведь она тоже создание природы, ей тоже хочется жить. Я спасу ее, быть может, и мне кто-нибудь сделает добро»,— подумал путник и достал коржин. Подойти к дереву было невозможно, он привязал коржин к длинной палке и протянул к змее. Змея залезла в коржин, и путник спустил ее на землю. Затем он отнес коржин подальше от огня.

— Эй, змея, ты тоже существо, созданное природой, и я решил спасти тебя, теперь ты можешь выйти из коржина,— сказал человек змее.

Змея выползла из коржина и обвилась вокруг шеи несчастного путника.

— Эй, змея, почему ты так поступаешь? — обратился к ней встревоженный путник.

— Я исполню свой обычай — ужалю тебя. Ты должен знать, что добру отвечают злом,— сказала змея.

— Почему ты должна жалить меня? Ведь я тебя спас от верной гибели,— удивился путник.

— Я укушу тебя за то, что ты спас меня от смерти. Говорят же: «Добру отвечают злом»,— ответила змея.

— Нет, змея, добру всегда должно последовать добро. Никогда я не слышал, чтобы добру отвечали злом,— сказал бедный путник.

— Еще никогда не было, чтобы добру отвечали добром. Всегда отвечали злом. Если ты не веришь, спроси у других. Если они скажут, что добру отвечают добром, тогда я отстану от тебя. Если же скажут, что добру всегда отвечают злом, то я ужалю тебя,— предложила змея, все еще не выпуская путника из своих колец.

Путник согласился, взял свой коржин, оставил на месте своего коня и со змеей на шее побрел искать, кто бы их рассудил.

Путник пришел к абрикосовому дереву, сел в его тень и горестно вздохнул: «Из-за бедности своей и тощего коня я отстал от своих спутников. Решил сделать благородное дело и попал в беду. Вся моя вина в том, что я спас эту змею от верной смерти». Потом он взглянул на абрикосовое дерево.

— Эй, абрикосовое дерево, ты тоже создание природы, я попал в беду, рассуди нас, кто из нас прав? — взмолился он в слезах.

Дерево обрело дар речи и ответило ему:

— Тому, что сделал ты, ответить добром не могут. Я тоже убедилось — добру отвечают злом. Послушай, что я расскажу. Я ежегодно давало много плодов. Мой владелец ежегодно наслаждался ими и отдыхал со своей семьей в моей тени. Прошло два года, как я состарилось, высохло и не даю плодов. Вчера хозяин пришел, посмотрел на меня и сказал: «Это дерево плодов больше не дает, нужно его срубить и распилить на топливо». Я подумало: «Оказывается, добру отвечают злом: сколько лет я дарило ему свои плоды, а теперь он хочет срезать меня на топливо. Почему

бы не дать мне постоять еще, пока придет мой конец и я свалюсь само. Это ответ злом за добро».

— Ты сказало неверно, добру не должны отвечать злом,— не согласился путник и пошел дальше.

Долго брел он, на пути встретил пасшегося на лугу вола. Подошел он к волу и рассказал ему о своем горе. Вол выслушал и ответил, что добру отвечают злом.

— Послушайте, что произошло со мной,— сказал вол путнику.— Когда я родился, меня с первых дней отняли от сосков матери, привязали за шею и не давали мне вдоволь сосать материнское молоко. А когда я подрос, мне проткнули ноздри, посадили на меня мальчика и впрягли в работу. Потом я стал волом и пахал землю. Летом на мне выгоняли отары овец. Подвозку дров, воды — все делали на мне, и я не имел ни одного дня отдыха. Пшеница, просо без меня не возделывались, и никакая работа без меня не делалась. И вот я состарился. Я думал, что меня освободят от мук. Нет, меня еще долго гоняли. Вот исполнился год, как меня откармливают. Вчера мой хозяин пришел с мясником и сказал: «Посмотри, какой жирный стал мой вол, как думаешь, сколько пудов мяса даст?» — Лишь тогда я узнал, что меня откармливали, чтобы зарезать. Разве это не зло за добро? Сколько я трудился на него! Разве нельзя было освободить на старости и дать дожить спокойно до смерти?

— Слышишь, что говорит вол? — спросила змея путника.

— Нет,— запротестовал путник,— найдем еще кого-нибудь, третьего. Если еще третий скажет так же, я соглашусь с тобой.

Несчастный путник снова побрел дальше. Навстречу ему лиса.

— Эй, лиса, у нас к тебе просьба,— сказал путник. Лиса испугалась человека, отскочила подальше на пригорок.

— Что хотел?

— О лиса, скажи нам: следует ли за добро отвечать злом? — спросил человек.

— По какому же это случаю? — спросила лиса.

Человек рассказал о своем споре со змеей.

— До меня вы у кого-нибудь спрашивали об этом?

— Да, мы обратились к двоим. Они сказали, что добру отвечают злом, и привели примеры из своей жизни.

А лиса уже обдумывала свой ловкий обман.

— Да влезет ли змея в тот коржин, о котором вы говорите? — спросила лиса.

— Как же, я сидела в нем,— ответила змея.

— Мне что-то не верится, влезь обратно в коржин,— сказала лиса.

Змея сползла с шеи человека, влезла в коржин и высунула голову.

— Ты же сказала, что влезаешь в коржин, а у тебя голова торчит.

— Голова тоже влезает,— ответила змея и спрятала голову.

— Что ты стоишь, недогадливый человек, завяжи коржин покрепче да раздави змею вон тем камнем. Избавься скорее от нее,— сказала лиса путнику.

Путник поступил по совету лисы и камнем убил змею. С помощью хитрой лисы человек избавился от смерти.

— Если бы лиса ответила справедливо, то добру должно было последовать зло,— закончил свой рассказ хан мышей.

— Вы правы, мудрый хан мышей. Скажите мне, почему оставили этот дворец его владельцы?

— На то была важная причина,— ответил хан мышей.— В этом дворце когда-то жили люди. Когда они ели, мы не давали им покоя, уносили их пищу. Иногда они даже оставались голодными, их пища бывала очень испачкана мышами.

Однажды к ним приехал в гости чужестранец. Для него приготовили разное угощение. Чтобы в пищу не попали мыши, старшина каравана хлопал в ладоши.

— Эй, старшина каравана, хлопать в ладоши у нас считается нехорошей привычкой. Почему вы так поступаете? — обратился гость.

— В нашем дворце очень много мышей. Они даже попадают в пищу. Я хлопаю в ладоши — пугаю мышей.

— Если здесь так много мышей, то у них должно быть сокровище. Соберите своих людей и откопайте сокровище мышей,— посоветовал чужестранец.

Старшина каравана собрал своих людей, они вооружились кирками, кетменями, разорили наши норы и забрали все сокровище. После этого мы ни днем ни ночью не давали им покоя: портили продукты, прокусывали детям носы и уши. Люди убедились, что нас не одолеть, и решили оставить дворец.

Хан голубей и хан мышей закончили беседу и разошлись.

Ворон, прилетевший вслед за голубями, видел, как мыши избавили голубей от петель, и слышал разговор голубя с мышью от начала до конца.

«С этими мышами нужно подружиться. Если я случайно попаду в силки, то они и меня могут спасти»,— подумал черный ворон и подошел к норам.

— Эй, мышь, выйди из норы,— каркнул он.

— Что хотел? — спросила мышь, выглянув из норы.

— Я хочу сдружиться с вами!

— Выслушай, черный ворон, мы молим аллаха, чтобы он близко не подпускал тебя к нам. На всей земле нет существа черней тебя. Твое нутро чернее, чем внешность. Не дай аллах сблизиться с тобой.

— Нет, милая, я не буду причинять тебе зла. Вы всегда должны оказывать нам помощь.

— Слушай, ворон, мне больше не о чем с тобой говорить, упаси аллах, чтобы видеть тебя,— сказала мышь и скрылась в норе.

Ворон остался жить во дворце. Мыши видели его ранними утрами, поздними вечерами и постепенно привыкли к нему. Однажды хан мышей обратился к ворону.

— Эй, ворон, у меня есть одна мечта. Если ты поможешь осуществить ее, я сдружусь с тобой,— сказал он.

— Скажите, великий хан, я готов служить вам.

— У меня есть подруга. Когда-то мы не могли расставаться с ней дольше чем на час. Но вот уже четвертый год, как я не видел ее. Большое горе постигло нас. По воле аллаха посредине наших поселений образовалась большая река, и мы не можем переправиться друг к другу. Я прошу тебя: если ты доставишь меня к моей подруге, я буду дружить с тобой.

— Хорошо, я готов помочь вам,— ответил ворон.

Посадил он на спину мышь и полетел через реку. Несколько дней летел ворон, наконец опустился на островок, чтобы отдохнуть. Оглядываясь по сторонам, хан мышей заметил у лужицы свою подругу-лягушку. С радостью встретились друзья, стали наперебой спрашивать друг у друга о житье-бытье. Лягушка спросила, как хан мышей добрался до нее.

— Я подружился с вороном и прилетел на его спине.

— О, как ты мог подружиться с вороном? Ведь на всем свете нет существа коварнее его.

— Верно говоришь, подруга, но я очень истосковался по тебе и был вынужден сдружиться с вороном. Только благодаря ему мы встретились с тобой.

— Но ты не должен был поступать так. Этот ворон из тех, кто добру отвечает злом. Как только он проголодается, в тот же миг склюет тебя. Разве ты не слышал, как в прошлом четыре друга пожертвовали жизнью один ради другого?

— Расскажи, я послушаю,— попросил хан мышей.

— В прошлые времена жили четыре друга. Это были: мышь, лягушка, газель и утка. Однажды сын хана со своими нукерами выехал на охоту. Долго ему ничего не встречалось. Но вдруг откуда-то выскочила лягушка. «Может быть, нам повезет на охоте, пусть тому будет приметой эта лягушка, поймайте и положите ее в коржин!» — приказал он нукерам. Его спутники поймали лягушку и посадили в коржин. Увидела это утка и быстро сообщила газели, а газель донесла мыши.

— Произошло несчастье, нашу верную подругу — лягушку поймал сын хана и увез,— сказала утка.

Тут три подруги задумались, как спасти лягушку.

— Газель, ты притворись хромой и пробеги перед сыном хана. Он увидит тебя, бросит коржин и погонится за тобой. Утка постарается меня доставить к коржину, а я прогрызу его и вызволю лягушку. Потом утка сообщит тебе и ты убежишь от хана,— предложила мышь.

Все согласились. Газель притворилась хромой и пробежала перед сыном хана.

— Смотрите, хромая газель! — воскликнул сын хана и, оставив все, бросился в погоню за добычей.

В это время утка доставила мышь к коржину, мышь прогрызла мешок и вызволила лягушку. Когда они убежали, утка полетела и сообщила газели. Услышала газель, что лягушка спасена, и весело пустилась наутек.

Вот так они спасли свою подругу. Если дружить, то надо дружить, как они. А ворон, как только проголодается, сделает зло. У него нет верности! — закончила рассказ лягушка.

В это время проголодавшийся ворон озирался по сторонам в поисках какой-нибудь пищи, но ничего не нашел. Вдруг свой взгляд он остановил на хане мышей. Забыл он свою клятву, схватил мышь и съел. Лягушка отскочила и, спасаясь, прыгнула в воду.

ЖАЙЫК И ЕДИЛЬ

●

Жили на свете два брата-охотника Жайык и Едиль. Жайык был старший, а Едиль — младший. Тем, что добывали на охоте, они кормили бедных и сирых всего аула. По первой пороше уходили братья на охоту в разные стороны и сходились только к концу дня. Однажды Жайык, встретившись с братом вечером в шалаше, рассказал ему, что произошло с ним днем.

— Я видел такое, что диву дашься. Я напал на след босого человека. Пошел я по следу и пришел в густые заросли камыша. Долго петлял след, потом привел в шалаш, сделанный из камыша. Вошел я в шалаш, но там никого не было. Я вышел из шалаша и, не зная, сон это или явь, подошел снова к следу. Кроме моего следа и следа босой ноги, ничего вокруг не было. Я снова вошел в шалаш — и остановился в недоумении.

«Эй, Жайык! Зачем пришел сюда, кого ищешь?» — раздался голос. Я огляделся. В шалаше по-прежнему никого не было.

— Во время охоты я встретил след босого человека и пришел сюда,— ответил я.

— Послушайся меня, тогда тебе будет сопутствовать удача. Если же не послушаешься, жалмауыз-кемпир съест тебя,— снова раздался голос. Я зарядил ружье, зажег фитиль.

— Если ты жалмауыз-кемпир, попробуй подойди, съешь меня,— приготовился я.

Но и тут никто не явился. Тогда я повернулся и ушел.

Едиль не поверил брату.

Наутро они вдвоем пришли в тот камыш, но ни шалаша, ни следа не было. И камыш стоял нетронутый.

— Ты солгал,— сказал Едиль.

Жайык уверял, что все правда.

Едиль навьючил на коня всю свою добычу и поехал в аул. Жайык остался в степи. Через некоторое время Едиль вернулся к Жайыку, а того и след простыл. «Может быть, он поехал вверх»,— подумал Едиль и пошел по берегу реки. В густом темном лесу он убил кулана и к вечеру, разделав тушу, насадил на металлический штырь грудинку и стал жарить ее на костре. Когда стемнело, он увидел бегущего к нему со стороны леса человека, укутанного с головой в шекпен. Человек подбежал и сел у костра. Едиль отрезал кусочек грудинки и протянул пришельцу. Тот схватил грудинку — что-то лязгнуло.

— Несдобровать бы тебе, если бы ты не дал мне мяса! — рявкнул человек и ушел.

Едиль, опасаясь недоброго, отыскал бревно, положил его на землю и накрыл своим шекпеном. А сам зарядил ружье и притаился невдалеке. Когда огонь угас, тот человек выскочил из темноты и, что-то бормоча, бросился к бревну. Опять послышался лязг. Едиль выстрелил. Человек взмахнул руками и грохнулся на землю. Охотник подошел к убитому и увидел, что все ногти на пальцах неизвестного существа были медные. Пуговицы на одежде были золотые и серебряные, а на лбу сверкал один-единственный глаз. Это был жезтырнак. Охотник срезал у жезтырнака когти и положил их в сумку.

Едиль пробыл в лесу еще два дня. И убил еще двух жезтырнаков. После этого охотник вернулся в аул. Он никому не стал рассказывать, что убил жезтырнаков.

А Жайыка так и не было.

В ауле жил человек по имени Кара. Пришел к нему Едиль и сказал:

— Мы с Жайыком будем охотиться, а ты будешь возить в аул добычу.

Кара согласился. Поехали они искать Жайыка, долго искали, но не нашли. Друзья случайно набрели на большое стадо овец. Пастуха нигде не было видно. Невдалеке стояла белая юрта, охотники подъехали к ней.

— Эй, есть кто в юрте? — крикнули они.

— Заходите,— ответили изнутри.

Охотники спешились и, прихватив с собой, на всякий случай, оружие, вошли в юрту. Дверь с шумом захлопнулась за ними. В юрте сидела женщина спиной к двери и кормила грудью ребенка. Не оборачиваясь, она сказала:

— Едиль, ты убил трех моих невесток. Трех сыновей убил Жайык. Жайыка я сварила и съела. Я не искала вас, вы пришли ко мне сами. Теперь одного из вас я распорю, а другого повешу.

Это была жалмауыз-кемпир. Едиль всю ночь подстерегал жалмауыз-кемпир, чтобы расправиться с ней. И только утром он застрелил жалмауыз-кемпир, когда она вышла из юрты. Едиль кинулся к юрте, но дверь была наглухо закрыта и никакими силами ее нельзя было открыть.

Всех овец жалмауыз-кемпир Едиль пригнал в аул, роздал людям и рассказал все, что произошло. Рассказал и о гибели Жайыка от руки злой старухи. Были устроены поминки по Жайыку. Людям, собравшимся на поминки, Едиль сказал: «Поедем в юрту жалмауыз-кемпир и заберем остальное богатство». Но люди побоялись, не пошли. Тогда Едиль поехал один и забрал все богатство жалмауыз-кемпир.

Прошло два года. Едиль выдал свою дочь замуж. Дочь попросила у отца в приданое шолпы жалмауыз-кемпир.

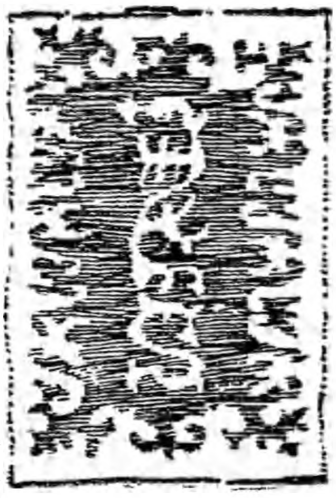
— У жалмауыз осталась еще одна дочь, если ты возьмешь шолпы, она убьет тебя,— отговаривал отец дочь.

Но девушка настаивала на своем. И Едиль уступил. Тут же наказал он дочери, чтобы в течение двух-трех лет она не спала ночами.

Много времени прошло с тех пор. Однажды дочь жалмауыз-кемпир, убивая всех, кто попадался ей в пути, пришла в аул Едиля. Ночью она зашла в юрту дочери Едиля. Едва жезтырнак переступила порог, как дочь Едиля сильным ударом рассекла нечистой силе голову. Так была убита последняя дочь жалмауыз-кемпир. С тех пор люди стали спать спокойно, нажили себе много скота и жили дружной семьей.

САПОЖНИК

●

В старину жил один бедный сапожник. У него было много детей. Сапожник работал от зари до зари, не разгибая спины, но его заработка хватало лишь на то, чтобы один раз покормить своих детей.

Когда не было работы в ауле, сапожник брал на плечи свой ящичек с шилом и гвоздями и отправлялся в соседние аулы.

Шел однажды сапожник в дальний аул. Дорога была незнакомая, и сапожник заблудился.

Долго шел он, устал. Наконец на пути ему повстречался дом. Сапожник постучал в окно, но ему никто не ответил. Тогда он вошел. Дом оказался пуст.

— Что ж, переночую, а завтра со свежими силами снова в путь,— сказал сам себе сапожник и расположился на ночлег.

Среди ночи послышался сильный шум и грохот. Сапожник поднял голову и увидел: втискивается в дверь огромное чудовище. На лбу у него сверкает один-единственный глаз. Это был дяу-великан.

— Кто в моем доме? — заревел дяу страшным голосом.

— Я, сапожник.

— Что ты умеешь делать?

— Я шью сапоги,— ответил сапожник.

— А, это хорошо. Как раз у меня сапоги износились. Спи, а утром будешь работать.

Сказав так, великан лег у самого порога и сразу же захрапел.

Лежит сапожник, притворился спящим, а сам думает:

«Кончилась моя жизнь. Если я умру, то и дети мои умрут от голода».

Мало-помалу страх прошел, и сапожник стал думать, как спастись ему от великана. Долго думал он и наконец придумал убить дяу. Взял он в руки свой острый сапожный нож, подошел тихонько к спящему великану и со всего размаху воткнул его в глаз чудовища.

Великан дико взревел от страшной боли и, ослепленный, стал метаться по комнате, раскинув руки, чтобы поймать своего врага.

Сапожник незаметно проскользнул на улицу и был таков.

Когда настало утро, запечалился сапожник.

— Что же я буду делать без ящика, без него я как без рук — не смогу работать.

Горевал, горевал, да и вернулся в дом великана за своим ящиком. В доме была тишина. Вошел сапожник, видит: растянулся среди комнаты великан и не дышит. Осмелел он, стал рассматривать при свете хозяйство дяу и нашел сундук, полный золота. Сапожник от радости забыл про свой ящик, поднял кое-как сундук с золотом на плечи и пошел домой.

С тех пор семья сапожника не знала бедности.

ИСКУССТВО ЕГЕЛЬМАНА

●

Жил в Багдаде один мудрый человек по имени Егельман. Все люди страны знали Егельмана. Обиженные приходили к нему за советом, спорящие — чтобы мудрец рассудил их, больные шли избавиться от недуга, а умные любили побеседовать с мудрым человеком.

Прослышал хан о мудрости Егельмана и повелел позвать его к себе. Привели царские слуги Егельмана к хану, и стал он жить при дворе.

Хан часто совещался с мудрецом и не переставал восхищаться его умом.

Однажды хан позвал к себе своего верного визиря и сказал ему:

— А не сделать ли нам Егельмана визирем — уж очень он умен!

Не понравились визирю слова хана. Понял он, что царь хочет избавиться от него.

— О мой хан! — взмолился визирь.— Не делай этого. Не люблю я этого человека, он хитер, как сто чертей. Ему нельзя доверяться: он умеет делать то, чего не умеют другие. Я боюсь, что в один из дней он погубит нас всех и станет ханом.

Задумался хан:

— Да, ты прав. Только умные люди способны причинить хану вред. Что же нам делать с мудрецом. Ведь выгнать его мы не можем — он обидится и отомстит нам.

Обрадовался визирь.

— О хан мой! Поручи это дело мне, я как-нибудь найду способ извести Егельмана.

— Разрешаю,— ответил хан и удалился в свои покои.

С этого дня Егельмана не стали приглашать к хану.

Когда Егельман спрашивал, почему его не пускают к хану, ему отвечали, что хан занят.

Однажды визирь пришел к Егельману и сказал:

— Эй, Егельман, хан задает тебе несколько вопросов. Будешь ли ты отвечать на них?

— Я всегда готов с радостью служить хану,— ответил мудрец.

Первый вопрос: «Каким образом хан должен обогатить свой народ?» Второй вопрос: «Каким образом хан может вытравить злобу у своих подчиненных?»

Подумал Егельман и ответил:

— Дайте мне два года сроку.

Визирь:

— Даю тебе две недели. За это время ты должен написать на эти вопросы научные труды.

Понял Егельман, что его дни сочтены.

Сказал он визирю:

— У меня есть книга, написанная два года назад. В ней как раз есть ответы на эти вопросы. Я просмотрю книгу за эту неделю, исправлю кое-что и дам вам.

Нечего было сказать визирю, и он ушел.

Ровно через неделю Егельман пришел к визирю:

— Книга готова, но я хотел бы сам вручить ее повелителю.

Визирь привел Егельмана к хану.

Хан увидел мудреца, обрадовался.

— Угостите мудреца самыми лучшими винами и самыми вкусными блюдами,— приказал он визирю.

Вскоре перед мудрецом стоял стол, накрытый всевозможными кушаньями. Егельман почувствовал, что в вино примешан яд — визирь решил отравить его.

«Ах так! — подумал мудрец.— В таком случае тебе даже жалеть не придется о сделанном».

Егельман незаметно достал из кармана какой-то прозрачный кристаллик и опустил его в чашу с вином. Когда кристаллик растворился, мудрец выпил вино как ни в чем не бывало.

— Хорошее вино,— проговорил он и поставил чашу на стол.

Затем он незаметно для других обмакнул пальцы в яд, отстоявшийся на дне чашки, и обратился к визирю.

— Дорогой визирь! Вот вам книга. Она очень полезна, особенно важны вот эти страницы.

С этими словами мудрец провел пальцами, обмоченными в яд, по страницам открытой книги. Затем он попросил у хана разрешения и удалился.

Как только за Егельманом закрылась дверь, хан и визирь взяли книгу и прочитали:

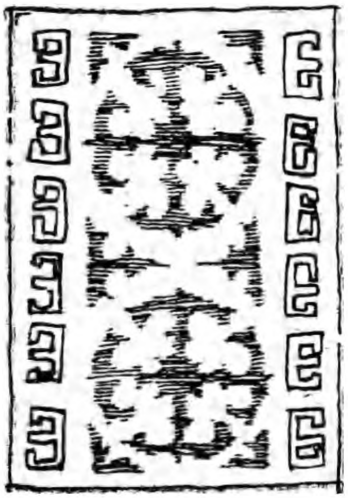
«Если хан хочет видеть своих людей незлобивыми, добрыми, пусть сначала сам освободится от злобы».

«Если хан хочет видеть свой народ богатым, пусть воспитывает в них трудолюбие».

«Кто бы ты ни был, оближи эту страницу книги девять раз, и у тебя никогда не уменьшатся силы».

Обрадовались хан и визирь и стали в драку лизать книгу. Тут и пришел им конец.

НАХОДЧИВЫЙ МАЛЬЧИК

У одной вдовы было двое детей — сын и дочка. Жили они так бедно, что никогда не наедались досыта и одевались в лохмотья. Подросли дети, а бедность и не думала покидать дом вдовы. Однажды сын спрашивает у матери:

— Что такое счастье?

— О сын мой,— отвечает ему мать,— счастлив тот, кто всегда сыт, одет и никогда не печалится. А если у этого человека есть еще мудрый друг, который может помочь ему советом в трудную минуту, то большего счастья и не надо.

Сказала так мать и горестно вздохнула. Но сын не отходил от матери, думая о чем-то своем. Потом снова обратился к ней:

— В одном предании говорится, что смелому батыру всегда сопутствуют счастье и удача. Как это понять, растолкуй мне.

— Это правда, сынок,— ответила мать.— Если стремиться к определенной цели, то счастье и удача не покинут тебя. Если будешь настойчивым и упрямым в достижении цели, то непременно добудешь счастье.

— В таком случае я сам должен найти свое счастье, а не ждать, когда оно придет ко мне.

Сказав так, сын попросил у матери позволения отправиться на поиски счастья. Мать приготовила сыну толокно на масле и проводила его в дальний путь.

Долго шел юноша, перевалил через несколько гор, перебрался через много рек, наконец повстречался ему на пути густой лес. В этом лесу жили пери — неземные существа.

— Эй, сын человеческий,— закричали в один голос пери,— зачем пришел сюда? Разве ты не знаешь, что здесь тебя ждет смерть?

— Не боюсь я смерти,— бесстрашно ответил юноша.— Если хотите померяться со мной силой — выходите.

— Мы готовы,— ответили пери.— Вот наши условия: кто выжмет масло из этого черного камня, тот победитель. А победителю принято повиноваться во всем.

— Согласен,— ответил юноша, а сам думает, как бы ему перехитрить пери.

Первыми взялись за дело пери, но сколько они ни давили камень, ничего у них не вышло — камень остался сухим. Бросили они камень на землю и повалились в изнеможении.

Настала очередь юноши. Стал он растирать руки, как бы готовясь взяться за трудное дело, сунул их незаметно за пазуху, где у него лежало жирное толокно, обмазал руки и снова стал растирать. Потом подошел к камню и сжал его. Показал он жирные руки пери:

— Вот я выжал из камня жир. Теперь вы все должны слушаться меня.

Нечего делать, согласились пери. Повели они жигита к себе домой, оказывая ему почет и уважение. Угостили, приготовили ему постель, уложили спать. Остался юноша один, не идет к нему сон. Еще за столом заметил он, что пери шепчутся о чем-то между собой, и догадался, что они хотят убить его. Взял парень постель, перенес ее в другой угол комнаты, а старое место прикрыл своим шапаном.

Глубокой ночью пери проснулись, влезли на крышу и сбросили сверху огромный камень на постель гостя. Утром они вошли в комнату — жигит жив и здоров. Растерявшиеся пери завопили в один голос:

— О дорогой гость! Как вам спалось?

Ответил им жигит:

— Спал я хорошо, только вот блох у вас много.

Задумались пери: как бы избавиться от гостя. Если его камень не взял, то он всех погубит. Решили пери наградить юношу богатыми дарами и выпроводить из своего царства. Так и сделали. Нагрузили они несколько пери золотом и дорогими подарками и наказали им проводить гостя до самого дома.

Идет юноша домой, позади него — пери. Лежит на дороге толстое бревно. Остановился юноша.

— О, это бревно будет очень кстати для веретена моей матери.

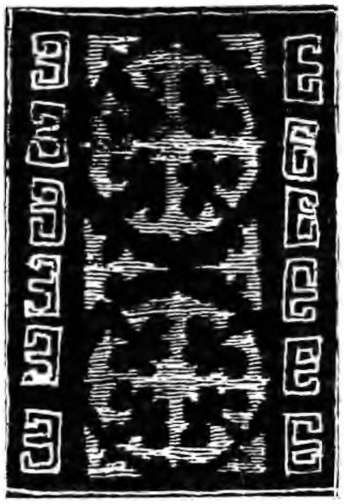
С этими словами он нагрузил бревно на пери и пошел дальше. Пери переглянулись между собой, мол, не только юноша, но и его мать такая же сильная.

Юноша благополучно добрался домой. Пери отправились назад.

С того времени вдова с детьми не знала нужды.

ЖЕНЩИНА-ЖУМСАУК

●

Давным-давно жила женщина-жумсаук. Она доставляла много беспокойства людям, хитростью заставляя их работать на себя.

Один всеми уважаемый аксакал решил проучить женщину — устыдить ее. Но жумсаук, еще издали заметив аксакала, закричала:

— Кто бы ты ни был, прихвати со двора собачью миску!

Седобородый подумал: «Устыжу я ее»,— и принес собачью миску в дом. Жумсаук притворилась, будто только что увидела почетного аксакала, и затараторила:

— О боже! Это вы? Мне, право, стыдно. Будь проклята эта миска... Выбросите ее, пожалуйста!

— Наконец-то ты устыдилась! — и довольный аксакал пошел ставить собачью миску на место. Женщина-жумсаук громко захохотала ему вслед. Тут только седобородый сообразил, что простые люди услуживают для жумсаук один раз, а он услужил дважды.

РАБ КОНЮХ

●

У одного хана было три скакуна. Хан очень любил их и никому не доверял, кроме одного самого преданного раба. Только из рук этого раба он получал перед прогулкой одного из скакунов и, возвратившись, снова отдавал в его руки.

Как-то раз в беседе с визирями хан похвалил раба.

— Работящий у меня конюх,— сказал хан,— а главное — честный, никогда не лжет, что бы ни случилось.

Не понравились визирям слова хана.

— Э, не спешите с похвалой, тахсыр! Нет такого бедняка, который не умел бы лгать. Видно, вашему рабу не выпадал такой случай, чтобы он вынужден был солгать.

— Зачем напрасно наговаривать на доброго человека,— пристыдил хан визирей.— Я уверен, что конюх мой даже умирать будет — не солжет. Я верю в него, как в самого себя.

Тогда старший визирь говорит хану:

— Тахсыр мой! Что дадите мне в награду, если я заставлю вашего раба солгать?

— Если мой раб солжет,— отвечал ему хан,— я уступлю тебе трон хана. Но если проспоришь ты — не сносить тебе головы.

Обрадовался визирь и сам установил себе срок — четыре дня.

У старшего визиря были три дочери красавицы. Ни с солнцем, ни с месяцем нельзя было сравнить их красоту.

Пришел визирь домой, позвал к себе дочерей.

— Дети мои,— сказал он им.— Я поспорил с самим ханом. Я уверял его, что заставлю конюха солгать своему

господину. Если бы удалось сделать это, я стал бы тогда, с помощью аллаха, ханом. Или меня ждет смерть.

Задумались дочери: как же помочь отцу, как заставить конюха солгать хану?

Снова обращается визирь к дочерям своим:

— Вижу, дети мои, вы готовы помочь своему родителю. А это не трудно сделать. Я придумал уже, как следует поступить.

— Мы слушаем тебя, отец,— промолвили девушки и придвинулись ближе к визирю.

— Если так, то вот вам мой совет. С сегодняшнего дня каждая из вас по очереди будет ходить к конюху, когда он будет ночью пасти скакунов, и останется с ним до рассвета. Перед уходом он спросит, чем вас отблагодарить за визит? Вы попросите в награду голову одного из скакунов. Раб не посмеет отказать вам в просьбе, и таким образом, когда будут убиты все три скакуна, конюх не осмелится сказать хану такой правды и вынужден будет солгать.

Девушки согласились с решением отца.

В первый день отправилась к рабу старшая дочь. Она надела самую лучшую одежду и стала такая красивая, словно пери. Увидел ее конюх и растерялся, от восторга не смог вымолвить ни слова. Никогда еще к нему не подходила такая красавица. Наконец опомнился конюх:

— О ханым! Счастливого вам пути!

Дочь визиря улыбнулась и ласково так говорит:

— Я пришла сюда, чтобы разделить с тобой эту ночь. Я дочь главного визиря. Мне отбою нет от сыновей беков, ханов и визирей. Но ни один из них мне не по душе. Их любви навек я предпочитаю твою на одну ночь.

— О ханым! — раб от радости совсем потерял голову.— Вы правильно сделали, что пришли ко мне.

До самого утра девушка оставалась с конюхом. Когда она засобиралась домой, раб спросил ее:

— Ханым, какая у вас будет просьба на прощанье?

— Я хотела бы получить голову одного из скакунов.

Не раздумывая долго, конюх одним ударом свалил коня, отрубил ему голову и преподнес девушке. Взяла девушка голову коня и не спеша пошла домой.

Вечером явилась на пастбище средняя дочь визиря. Она была нежна, словно ангел, и конюх был очень рад ее при-

ходу. Всю ночь она оставалась с рабом, а утром, как и ее сестра, получила в знак благодарности голову скакуна.

На третий день пошла к конюху младшая дочь визиря и вернулась утром с головой скакуна.

Три дня бедный раб не мог набраться духу рассказать хану о случившемся. Наконец он решился и пришел во дворец. Хана не оказалось на обычном месте, и конюх положил на трон свою шапку. На миг он вообразил шапку ханом, отошел к двери и вернулся к трону.

— Где ты пропадал целых три дня? Почему не докладывал мне, как чувствуют себя мои любимые скакуны?..— спросил конюха воображаемый хан.

— О тахсыр мой! Кони ваши здоровы, накормлены и вымыты,— мысленно ответил раб и устыдился своих слов.

Он вышел за дверь и снова возвратился к трону.

— Почему тебя не было три дня? Как поживают мои кони? — снова спросил воображаемый хан.

Тогда раб:

— О тахсыр! Скакуны сильно заболели, вот уже три дня не берут корма.

И опять раб устыдился своих слов, покачал головой и вышел из зала.

Еще и еще раз подходил конюх к мнимому хану и опять осуждал себя за ложь. Наконец — будь что будет! — решил он рассказать хану всю правду. Пришел он в ханскую орду, где хан обычно совещался со своими визирями и беками.

— Эй, где ты пропадал эти три дня? — крикнул хан, завидев конюха.— Не случилось ли что с моими любимыми конями?

И ответил раб:

— О тахсыр мой! Вот моя голова. Хотите снять ее — я готов. Нет у вас больше скакунов.

И раб рассказал хану все, ничего не скрывая.

Хан очень огорчился, узнав о гибели своих любимых коней. Он долго не мог вымолвить ни слова, потом обернулся к сидевшему рядом главному визирю. Визирь заплакал и упал хану в ноги, моля его о пощаде. Но хан был неумолим. Он позвал палачей и приказал отрубить визирю голову. А на его место назначил раба конюха.

Так раб своей честностью достиг счастья.

СИЛА ИСКУССТВА

●

У хана Хасена был единственный сын Идрис. Ехал он как-то своим аулом, повстречал красивую девушку и влюбился в нее. Дурия была дочерью простого крестьянина Сатбая. Потерял Идрис покой, и вот посылает он к Сатбаю сватов. Ответил старик сватам:

— Пусть дочка сама решает, за кого ей выходить замуж.

Уехали сваты ни с чем.

Приехал Идрис сам к Сатбаю. Вышла к нему Дурия, узнала, зачем приехал Идрис, и сказала:

— Что это тебе, сыну хана, пришло в голову жениться на крестьянке?

Ответил девушке Идрис:

— Душа моя Дурия, только тебя я люблю больше своей жизни.

Задумалась Дурия, потом спросила:

— А что ты умеешь делать?

— Ничего не умею делать,— ответил Идрис.

— Не решаюсь я выходить замуж за жигита, который ничего не умеет делать. Как же мы без труда будем жить? Нет, ошибся ты, Идрис,— не по пути нам с тобой.— Сказала так Дурия и повернулась, чтобы уйти.

— Не говори так, дорогая Дурия,— остановил девушку Идрис.— Зачем мне работать? Скоро я стану ханом — к чему хану ремесло?

Ответила Идрису умная девушка:

— Сегодня ты хан, а завтра, может быть, станешь ничем. Как можно предвидеть, что будет завтра. Несчастен тот, кто не владеет никаким ремеслом. Человек, обладаю-

щий ремеслом, и на вершину заберется, и против течения поплывет, а человек, ничего не умеющий делать, жалок, он только ропщет на судьбу.

Оскорбленный словами девушки, Идрис вернулся во дворец и все рассказал отцу.

Собрал хан подчиненных ему мастеров и говорит им:

— Моего сына нужно выучить за короткий срок какому-либо ремеслу. Сколько дней понадобится, чтобы обучить его?

Все мастера ответили по-разному. Одни сказали, чтобы научиться мастерству, нужно шесть месяцев, другие — три месяца, третьи — один месяц.

Среди собравшихся был скромный старик Токтыбай в красивом шерстяном колпаке. Он долго молчал. Когда все сказали свое слово, в круг выступил Токтыбай.

— О великий хан,— сказал Токтыбай.— Не обессудь меня, если я покажусь тебе хвастуном. Я могу выучить твоего сына ремеслу за пятнадцать дней.

Обрадовался несказанно хан и велел Токтыбаю немедленно начать обучать сына ремеслу.

Токтыбай славился на всю степь тем, что шил красивые шляпы. Стал он учить этому искусству Идриса. Идрис оказался очень прилежным учеником и уже через несколько дней самостоятельно сделал колпак.

Вернулся он домой и сразу же заявил отцу, что он намерен, не откладывая, ехать к Сатбаю и высватать его дочь.

— Поезжай, сын мой,— ответил хан.— Покажи девушке свое искусство.— И пожелал Идрису удачи.

На этот раз Дурия не посмела отказать жигиту: и собой он хорош и ремесло знает. Согласилась она выйти за Идриса замуж.

Привез Идрис домой невесту и устроил богатый пир.

Прошло сколько-то дней, говорит Дурия Идрису:

— Ну-ка, покажи свое искусство.

Принес Идрис шерсти и необходимые инструменты, быстро сделал красивый колпак.

Похвалила мужа Дурия:

— Хороший колпак. А теперь к твоему ремеслу мы добавим еще и мое ремесло. Мы разошьем колпак цветными нитками. Узоры будут обозначать буквы, а буквы в свою

очередь — слова. Никто, даже ханы, не знают значения вышитых узоров. А нам это когда-нибудь пригодится.

Случилось так, что хан Хасен занемог, слег и скоро умер. Идрис занял место отца. Перевез он к себе родителей Дурии, и стали они жить одной семьей.

Молодой хан решил поближе познакомиться со своим народом, узнать о его нуждах. Переоделся он нищим, взял палку и отправился в странствие.

Скоро ли, долго ли шел Идрис, подходит к большому городу. В каком бы доме попроситься на ночлег? Видит, из одной трубы густой дым валит. «Готовят что-то вкусное»,— решил Идрис и вошел в дом. В доме было четверо мужчин. Все они были в фартуках, с ножами в руках. Они резали большими кусками мясо и кидали его в кипящий котел. Идрис поклонился хозяевам, сделал салем, но мужчины не ответили на приветствие — только переглянулись между собой, и в глазах их запрыгали радостные огоньки. Идрис не сразу заметил в темном углу пятого человека — увидел только тогда, когда все четверо накинулись на человека и втолкнули его в дверь в стене.

Понял Идрис, что попал в дом людоедов. Повернулся он, чтобы уйти, но не успел — схватили его людоеды и втолкнули в дверь в темном углу. В темнице сидело двое узников. Один из них горько плакал, другой смеялся.

— Почему ты плачешь? — спросил Идрис беднягу.

— Сегодня меня должны зарезать и съесть,— ответил плачущий.

— А ты чему смеешься? — спросил Идрис второго.

— Меня зарежут завтра. Еще целые сутки я буду жить — этому и радуюсь.

Потом плачущий обратился к Идрису:

— Может быть, сначала зарежут тебя — ты жирнее нас.

Испугался Идрис. «Что же придумать, если случится так, как сказал узник?» Вдруг вспомнил он о своем ремесле. «Вот единственное, что может меня выручить из беды!»

Прошло немного времени — пришли людоеды. Схватили они Идриса.

— Не убивайте меня,— взмолился Идрис.— Я принесу вам много пользы.

— Какая от тебя польза? — засмеялись людоеды и поволокли Идриса к двери.

— Я могу сделать красивый колпак. Если вы покажете этот колпак ханше, то получите за него две тысячи дильды. Дайте мне только шерсти и необходимые инструменты.

Послушались людоеды нищего, принесли ему шерсти и инструменты. Через четыре дня колпак был готов. На полях колпака были вышиты красивые узоры.

Взяли людоеды колпак, и двое из них отправились во дворец хана. Подали они колпак Дурии, и та, взяв его в руки и взглянув на узоры, сразу все поняла. Обрадовалась Дурия.

— Сколько вы хотите за шляпу? — спросила она пришельцев.

— Две тысячи дильды,— ответили разом людоеды.

— Вот вам деньги,— протянула она мешочек с дильдами.

Как только разбойники вышли, Дурия приказала сорока нукерам вооружиться и ехать вслед за ней, не упуская разбойников из виду.

Когда людоеды въехали к себе во двор, жигиты Дурии окружили дом. Испугались разбойники, стали резать себя ножами. Двое умерли, а двоих удалось взять живьем. Дурия нашла ключ от темницы и открыла дверь.

Увидел Идрис свою жену, заплакал от радости, а потом приклонил голову к ее ногам. Засмеялась Дурия и, подняв мужа, сказала:

— Вот какую силу имеет искусство: если бы ты не умел ничего делать, то пропал бы в этом доме, съели бы тебя людоеды.

Хан Идрис приказал повесить оставшихся в живых людоедов, а найденные в их доме вещи и деньги раздать бедным людям.

ХРАБРЕЦЫ

●

Давным-давно у богатого бая был единственный сын — надежда отца, его счастье, его настоящее и будущее.

Но как на беду, только мальчик немного подрос, стал ему сниться каждую ночь один и тот же сон: будто гонится за ним огромный черный волк. Зверь хочет съесть его и уже вот-вот схватит за ноги. С криком, весь в холодном поту просыпался несчастный... Он потерял покой и сон: днем его не интересовали игры, ночью он боялся заснуть.

Отец и мать стали расспрашивать сына: уж не заболел ли? Мальчик рассказал им о страшном сне. Родители очень испугались. Сзывает бай толкователей снов. Как ни бились они — не могли разгадать сон мальчика. Но однажды к родителям пришел дряхлый старец, вещий пророк.

— Волк не отстанет, пока не съест вашего сына,— сказал он.— И никакая каменная крепость и железные засовы не спасут его.

Убитые горем плачут бедные отец и мать.

— Помоги нам, достопочтенный, подскажи, как спасти наше дитя!

— Спасет он себя лишь сам, если сможет убежать и скрыться от волка,— ответил старец и тут же исчез.

Бай бросился искать коня для побега сына. Много дней он объезжал свои неисчислимые табуны, но так и не выбрал подходящего скакуна.

— Сын мой,— сказал отец,— иди в табун и сам выбирай себе спасителя.

Мальчик взял уздечку и пошел к старому пастуху, который много лет пас байские табуны. Поведал мальчик о своем горе и попросил:

— Дедушка, вы лучше всех знаете коней моего отца. Найдите скакуна, который бы спас меня от волка.

— Свет мой, всю жизнь я пасу этих коней, но ни на одного не могу положиться в такой беде. Есть тут один мухортенький пятилетний конек. Хоть он и тощ так, что ребра можно пересчитать, но по резвости в табуне нет ему равных. Днем он скачет — травки не щипнет, ночью резвится — даже на рассвете не вздремнет. Подсмотрел я за ним один секрет: в темноте от его копыт искры огненные летят. Вот я и думаю, что кроме мухортого ни один конь тебя не спасет. Взнуздай его да и скачи.

Мальчик попрощался с матерью и отцом, родными местами, оседлал мухортого и без промедления отправился в путь. Он опустил узду и дал коньку волю: пусть мухортый скачет, куда сам хочет. Так они ехали несколько дней. Однажды, оглянувшись, мальчик заметил еле заметную завесу пыли. «А вдруг это бежит волк, чтобы съесть меня»,— подумал мальчик и стал сильнее подгонять конька. Да и мухортый, за несколько дней объезженный, голову поднял выше, тверже начал ступать, шерсть на нем лоснится.

Скачет наш герой еще три дня, оглянулся и видит: завеса пыли приближается! Словно поняв седока, конь понесся еще быстрее. Так они скачут еще два дня. Сзади послышался гулкий топот. Оглянувшись, мальчик застыл в страхе: черное чудовище, распластавшись, вынырнуло из столба пыли и нагоняет его.

Пот градом катится с мухортого, заливает ему глаза. Мальчик протирает глаза конька, пуще прежнего его подгоняет. Чем ближе топот чудовища, тем стремительнее, словно птица, летит мухортый, чуть касаясь копытами земли. Уносит конь мальчика от верной гибели. Казалось, никакому зверю не догнать его, но черное чудовище все ближе, ближе.

Напрягая последние силы, мухортый проскакал еще один день.

Оглянувшись в третий раз, мальчик обомлел: рядом с хвостом коня он увидел клыкастую пасть и свисший язык

Черного волка, преследовавшего его во сне. Ростом волк был с теленка. Белой пеной клубится у него слюна. Зверь жаждет сожрать мальчика. Бедняга понял: сама смерть догнала его. Мухортый, весь подобравшись, будто понимая, что кроме него некому защитить малыша, летит выпущенной из лука стрелой. Казалось, ничто живое не могло бы выдержать, а мухортый бежит, не уступает. Как же не полюбоваться красотой бега мухортого конька, как не прославить его выносливость и храбрость!

Соленая влага ела глаза коня, он ничего не видел впереди... У мальчика не было сил вытирать пот с морды мухортого. Проклятый волк! Мухортый сделал все, что мог, больше нет сил. От пасти чудовища до мальчика один вершок.

Волк вытянул шею, приготовился впиться клыками в жертву и утолить свою жажду. Мальчик считает свои последние минуты и прощается с белым светом. На коня больше нет надежды. Вокруг ни души. Все кончено.

— Вот она — смерть! Сейчас это чудовище сожрет меня! — закричал мальчик плача. Волк разинул пасть, чтобы сожрать несчастного! Вдруг в это время издалека послышался собачий лай. Зверь насторожился и чуть приотстал. Мухортый тотчас заметил это. Он почувствовал от радости прилив сил и понесся вперед, как истинный тулпар.

Волк оправился от замешательства и нагнал свою жертву. Только он раскрыл пасть, чтобы сожрать несчастного, как послышался собачий лай, на этот раз ближе. Волк насторожил уши и приостановился. Мухортому этого-то и надо было. Как ветер рванулся он вперед. С диким рыком, с горящими глазами, брызжа клубами пены, снова нагнал свою жертву Черный волк. Только раскрыл он свою черную косматую пасть, чтобы сожрать мальчика, как раздался громкий собачий лай. Теперь он был совсем близко. Зверя будто ножом полоснули, он сразу остановился.

Тулпар летел, все дальше унося седока от страшного преследователя. Вот они скрылись, уже невидимые глазу чудовища.

Долго ли коротко они так летели, наконец вдали показалась одинокая юрта.

Подскакав к ней, конь остановился со всего бегу, и мальчик вылетел из седла. Он очнулся лишь, когда к его руке

кто-то нежно прикоснулся и стал настойчиво теребить. Чуть приоткрыв глаза, мальчик увидел перед собой красивую серую собаку. Она была величиной с теленка, грудь широкая, морда длинная, пасть черная, уши чутко навострены, глаза разумные и светятся, как огни. Собака обнюхала мальчика и успокоенная легла рядом: словно хотела согреть его своим теплом и защитить от всякого.

Из юрты вышли люди. Заметив мальчика, они подняли его и внесли в помещение. Стали расспрашивать, кто он и откуда. Но бедняга ничего не мог ответить, сознание снова покинуло его. Вечером пришел хозяин дома. Это был рослый смуглый мужчина. Плечи его были так широки, что на них свободно мог усесться человек. Взгляд его карих глаз был проницателен. Казалось, жигит все видит и все знает.

— Расскажи, дорогой, что с тобою приключилось,— обратился он к мальчику. Тот рассказал жигиту все как было.

— Я и предполагал, что это ты,— сказал жигит.— Я знаю, чей ты сын, и знаю о твоем несчастье. Черное чудовище — не просто волк. Это злой дух, который жаждет власти над миром. Стоит ему съесть тебя, отведать человеческого мяса, как он начнет пожирать всех людей на земле. Он считается храбрейшим среди волков. А тулпар, унесший тебя от Черного волка, твой мухортый,— храбрейший среди всех тулпаров. Он еще жеребенком знал, что Черный волк преследует тебя и хочет съесть. Мухортый жил лишь одной мечтой — спасти твою жизнь. И с самого рождения готовил себя к этому, закалялся: мало ел, много резвился. Спасение тебя — цель его жизни. Мечта его сбылась. Будь на месте мухортого любой другой тулпар — растерзал бы тебя Черный волк. Помогла мухортому моя чернопастая собака — храбрейшая среди всех собак. Чернопастый за день до приближения тебя к юрте почуял, что волк готов исполнить свой чудовищный замысел. Тут-то и залаял он. Что касается меня, то я — храбрейший изо всех людей на земле. Мухортый знал, что мы с Чернопастым находимся здесь. Поэтому-то он и направил свой бег сюда.

До сих пор все идет, как хотел я. Но злой дух не успокоился. Черный волк еще не ушел, он подкарауливает тебя, спрятавшись вон за тем холмом. Сюда волк не подходит,

потому что сейчас мы, трое храбрецов, все вместе и нас не одолеть. Но мы не будем сидеть сложа руки. Чуть только займется зорька, пойдем выслеживать Черного волка, чтобы уничтожить его, освободить тебя, а вместе и всех людей от страшного преследователя. Ложись и спи — на сегодня с тебя достаточно.

Мальчика накормили и уложили спать. Утром хозяин разбудил гостя и говорит:

— Садись на своего конька и поезжай вон к тому холму, где затаился Черный волк. Я с Чернопастым буду ждать там. Как только спущу собаку, она схватится с волком. Тут нам надо не зевать. Подъезжай поскорее со стороны волка, я же пойду со стороны собаки. Стоит волку почуять твой запах, он повернет к тебе голову. Чернопастый тут же свернет ему шею, а я помогу прикончить совсем. Только в этом твое спасение, не робей и не мешкай. Я бы заменил тебя, сам бы сел на твоего конька, да он не поднимет меня. Подъезжай к волку смелее и раньше, чем я подойду к собаке. Если опережу тебя, не миновать беды: Чернопастый учует меня — повернет ко мне голову, и волк в одно мгновение растерзает его. Пусть придает тебе храбрости мысль, что ты спасешь всех людей на земле.

Мальчик видел, как, приблизившись к холму, жигит спустил собаку. Чернопастый помчался к вершине холма. Его хозяин потихоньку двинулся туда же.

— Пора и мне,— сказал сам себе мальчик и направился к другой стороне холма.

Чернопастый уже добрался до вершины. Черный волк заметил его. Они остановились друг против друга, готовые в любое мгновение схватиться насмерть. Рыча и вздыбя шерсть, непобедимый среди волков и храбрейшая из собак следили за малейшим движением друг друга. Вид их был страшен: глаза горят, пасти оскалены, шеи раздулись и шкура вот-вот лопнет.

Громовое рычание известило окрестные степи, что двое непобедимых ринулись в бой. Они вцепились передними лапами друг в друга, стоя на задних. Их когти, как клещи, впиваются в горло противника. Кровь льется ручьями.

Мальчик, услышав громовое рычание зверей, застыл на месте. Он боялся ступить вперед даже на шаг. «А вдруг волк сейчас сожрет меня»,— мелькнуло в его голове.

Жигит же в это время подумал: «Наверное, мальчик добрался до волка, надо поспешить на помощь». Храбрец взбежал на вершину и увидел смертельную схватку зверей. Мальчика не было видно. Через несколько секунд лишь показалась его макушка: малыш переборол страх и пытался подняться на холм. Но было поздно. Чернопастый почуял приближение хозяина и молнией бросился в его сторону. Этого достаточно было волку: в мгновение ока он впился в горло противника и сомкнул свои смертоносные клыки. В гневе жигит выхватил из ножен кинжал и рванулся вперед. Не успел Черный волк разомкнуть клыки, как его брюхо было рассечено пополам. Потоком полилась с холма черная кровь. Чудовище подыхало рядом с мертвой собакой.

Жигит сел, обнял труп своей любимицы и горько заплакал. Мальчик подошел к нему, ничего не осмеливаясь сказать в свое оправдание.

— Видишь, малыш, что наделала твоя робость. Отныне ни одна собака не осмелится напасть на волка, волки будут властвовать над собаками, потому что храбрейший волкодав Чернопастый принял смерть, защищая тебя. Я же, храбрейший жигит на земле, убил Черного волка. И отныне волки будут бояться людей, человек будет властвовать над волками.

КАИМ БАТЫР

●

В давние времена в городе Басре жил бай Алган. Было у него трое сыновей: Берген, Мерген и Каим. Бай владел несметным количеством скота.

Когда сыновья подросли, бай позвал к себе старших — Бергена и Мергена.

— Вы оба уже взрослые. Каим еще молод. Заберите весь скот и ухаживайте за ним, а я уже стар,— сказал им отец.

Братья стали отказываться.

— Нет, отец. Не нужен нам твой скот. Он нажит нечестно, в таком скоте не будет прока. Мы сами наживем себе скот.

Отец всячески уговаривал сыновей, но они наотрез отказались. Так и не сумел старик убедить детей и, выпасая скот, досадовал: «О аллах, ты наделил меня этим скотом, так возьми же его сам!»

Однажды вечером старик возвращался со скотом домой и неожиданно встретился с аксакалом, ехавшим верхом на ишаке.

— Эй, Алган-бай! Чем ты так огорчен? — спросил старец.

Все рассказал ему Алган:

— Я молю аллаха: он мне дал этот скот, теперь прошу, чтобы сам же забрал его у меня.

— Вправду ли говоришь ты это? — спросил аксакал.

— Вправду,— ответил бай.— Пусть аллах хоть сейчас заберет скот.

— Тогда поступи так, как я скажу. У тебя дома есть черный пес. Увидев тебя, он выбежит навстречу. Подзови

его и пни по голове. В косяке у тебя есть серый жеребец. Когда загонишь скот во двор, три раза ударь того жеребца уздечкой по голове. В стаде верблюдов у тебя есть черный верблюд-вожак. Его ударь три раза по голове поводком. Среди твоих коров есть серый бык. Его тоже ударь три раза. Ударь также серого барана. Входя в дом, пни три раза правую створку двери, а левую — два раза. Побей палкой горящий в доме огонь и разбросай пепел по воздуху. Потом ложись спать и ни о чем не думай. Если хочешь избавиться от своего скота, выполни мои советы,— сказал аксакал и тут же исчез.

Обрадовался старик. Пригнал он скот домой, ударил, как сказал аксакал, жеребца, верблюда, быка, барана и пса. Вошел в дом, пнул три раза правую и два раза левую створки двери, потом стал палкой хлестать горящий огонь и развеял по воздуху пепел. Увидела это старуха и испугалась: не с ума ли сошел старик? Поужинали старики и легли спать. Когда перевалило за полночь, старик проснулся и слышит невнятный шум за дверью. Вышел во двор и видит: его овцы превратились в мышей, коровы — в маралов, лошади — в куланов, верблюды — в жирафов, и все бегут прочь. Вернулся старик в дом и разбудил старуху.

— Эй, старуха, вставай, наш скот разбрелся, уйдем и мы, без скота нам делать нечего.

И побрели старики вслед за мышами.

Что же произошло с их сыновьями?

На следующий день старший сын проснулся, когда солнце было уже высоко над землей. Смотрит, матери нет, нет и ее одежды. Вышел во двор — нет скота. Видит, лежат только черный пес и черный ягненок. Подошел он к псу, позвал его — пес ни с места. Подошел второй сын, узнал, что произошло, и тоже стал звать собаку. Собака не шевельнулась. Вернулись братья в дом и разбудили младшего брата, Каима.

— Вставай! Родители сбежали от нас и угнали весь скот,— сказали они.

Вышел младший брат и увидел пса с ягненком. Позвал он собаку, та встала и визжа бросилась к мальчику на грудь.

Стали братья жить втроем. Ухаживали за ягненком. Но

вот у них кончилось все съестное, и братья решили зарезать ягненка.

Каим сказал:

— Как-то отец говорил: «Если зарезать черную овечку и перед сном подложить под голову заднюю ногу, не съев ни кусочка мяса, можно увидеть во сне, что ждет человека впереди». Давайте зарежем ягненка, ногу по очереди подложим под голову и увидим, какая жизнь ждет нас.

Послушались старшие братья младшего. Зарезали они черного ягненка, и старший брат Берген первый положил под голову ногу ягненка. Наутро он и рассказал свой сон:

— Во сне я на рыжем жеребце пас косяк лошадей какого-то бая. Доставалось мне за это в день кесе недобродившего кумыса, а иногда и того не было.

— Вероятно, тебя в жизни это и ждет,— разгадал его сон Каим.

На следующий вечер ногу ягненка положил под голову средний брат — Мерген. Во сне он на лысом воле тоже пас корову какого-то бая. Иногда ему доставалось на ночь кесе кислого молока, а иногда и вовсе ничего не доставалось.

— Значит, и тебе суждено жить так,— сказал Каим.

Каиму приснилось, что шанырак на ночь остался открытым. В его отверстие виднелась Малая Медведица. Потом на его обнаженную грудь лил дождь. Каим вскочил с постели и понял, что это был сон. Рассвет еще не наступил. «Если я расскажу братьям про свой сон, то эти негодники могут наговорить дурные мысли. Лучше я скажу, что никакого сна не видел»,— решил он.

Когда наступило утро:

— Ну что тебе приснилось, Каим, говори! — потребовали старшие братья.

— Ничего не приснилось,— скрыл Каим.

— Ах ты бездельник,— разгневались братья,— ты не хочешь нам рассказать свой сон.

Они избили Каима и прогнали из дому.

Побрел Каим куда глаза глядят. За ним увязался черный пес. Вот идет Каим неделю, месяц и вышел к одной быстрой реке. На другом берегу человек пас волов. Каим крикнул ему:

— Эй, ата, переправьте меня через реку.

— Зачем мне переправлять тебя? — ответил ему старик.

— У меня нет родителей. У кого нет детей, я могу быть им сыном,— сказал Каим.

Старик сел на вола и переправил Каима на другой берег.

— Дитя мое, ты в самом деле хочешь стать моим сыном? Если ты говоришь правду, то эти волы, что я пасу, принадлежат хану Шигаю. За один год своего труда я получаю одного вола. Скоро я получу вола, зарежу его, созову народ, дам тебе в руки жилик и усыновлю,— сказал ему старик.

— Пусть будет ваша воля, ата. Стану вашим сыном,— ответил Каим.

Старик выпросил у хана вола, зарезал его, созвал народ, вручил Каиму жилик и усыновил его.

Когда Каиму исполнилось тринадцать лет, он сказал отцу:

— Вот что, ата. Вы меня усыновили, чтобы я избавил вас от бедности. Вы уже состарились. Теперь я буду пасти волов. А вы отдыхайте.

— Нет, мой милый, в это время свирепствуют овод и шершень, волы могут разбежаться. Буду пасти сам,— ответил старик. Каим даже слушать не хотел. Убедившись, что мальчика не уговорить, старик разрешил Каиму погнать на выпас сорок волов. Каим пас волов до вечера, а вечером пригнал домой всего двадцать восемь волов.

— А где же еще двенадцать волов, сынок? — тревожно спросил отец.

— Они пасутся там, в степи. Завтра пригоню всех вместе,— ответил Каим. Но на следующий день он пригнал лишь десять волов.

— Эй, сынок, где волы? — опять спросил отец.

— Они присоединились ко вчерашним волам. Завтра соберу всех волов вместе и пригоню,— ответил Каим. На следующее утро отец напутствовал:

— Сегодня, мой мальчик, пригони всех волов до единого.

Каим на выпас погнал десять волов, а к вечеру вернулся только сам.

— Эй, сынок, где волы? — опять спросил отец.

— О ата, вы знаете эту местность? — обратился он к отцу.

— Еще как! Ведь я родился и вырос в этих местах,— ответил старик.

— Тогда знаете Бас-тюбе? *

— Нет.

— А Май-тюбе? **

— Нет.

— Знаете ли Кзыл-тюбе? ***

— Нет.

— Может быть, знаете Бок-тюбе? ****

— Тоже нет.

— А Кок-тюбе? *****

— Совсем не слышал!

— Ой, ата, что же вы тогда знаете? Ваши сорок волов пасутся на тех сопках. Завтра пойдем вместе и пригоним,— сказал Каим.

На следующее утро старик разбудил мальчика, и пошли они в горы. Когда пришли, отец увидел, что головы сорока волов сложены в одну кучу, мясо — в другую, потроха — в третью, шкуры — в четвертую. Вот что означали названия Бас-тюбе, Кзыл-тюбе, Бок-тюбе и Кок-тюбе. Увидел старик зарезанных волов и потерял от горя рассудок.

— Ах ты шайтан! Убьет теперь хан нас обоих. Не сыном, а горем явился ты ко мне. Сейчас же донесу на тебя хану, сотрет он тебя с лица земли! — закричал старик и бросился бежать в аул.

— Я сам расскажу хану,— сказал Каим.

Прибежал Каим в аул, когда люди уже собирались спать, и постучался в дверь хана.

— Что случилось? — спросил хан из покоев.

— У меня прошение к вам,— обратился Каим.

— Прошение свое скажешь завтра. В конце двора стоят два саврасых тулпара. Пройди туда и ложись возле них,— приказал хан.

---

* Сопка «Головная».

** Сопка «Жировая».

*** Сопка «Красная».

**** Сопка «Помётная».

***** Сопка «Голубая».

Добрался Каим до конца двора, тут к нему подходит человек.

— Эй, ты уже пришел? — спросил неизвестный.

— Да, пришел,— ответил Каим.

— На, седлай этих тулпаров,— сказал неизвестный. Каим оседлал тулпаров, человек подошел снова и сказал:

— Этот коржин положи под себя. Ну, надо побыстрее уехать отсюда.

Они вскочили на тулпаров, кони рванулись, и всадники ускакали из аула.

Наутро оказалось, что спутником Каима была девушка.

— О аллах, что это такое? С кем я еду? — забеспокоилась девушка. Она достала из-за пазухи книжку-гадалку и заглянула в нее. В книжке было написано: «Это батыр по имени Каим. По воле аллаха ты будешь его суженой».

Тут же девушка натянула поводья.

— Эй, Каим, остановись,— воскликнула она.— Пора подкрепиться.— Они спешились и стали натягивать шатер. Вдруг раздался чей-то страшный раскатистый голос. Путники не обратили на это внимания и продолжали свое дело.

Этими землями владел хан Будур. Охранял их Черный дяу, которому одно ухо служило постелью, а другое покрывалом. Крика дяу боялись не только животные, но даже насекомые. Каим же с девушкой пробыли здесь четыре дня, и сколько ни кричал Черный дяу, они не обращали на него никакого внимания.

Вызвал к себе Будур-хан визирей и сказал:

— Черный дяу кричит уже четыре дня. Узнайте, что случилось с ним, он не дает людям покоя.

Приехали визири к дяу.

— Что с тобой случилось? Вот уже несколько дней ты кричишь и никому не даешь покоя.

— Сегодня четвертый день, как остановился на земле хана один мальчишка и не уезжает. При нем находится белая гончая, черный пес и беркут, с ними он выезжает на охоту. Жена остается дома. Сколько бы я ни кричал, он не боится,— ответил дяу.

— Надо донести хану,— сказал один из визирей.

— Нет, вначале надо узнать, потом донести хану,— сказал другой. И они приехали к шатру Каима.

Был полдень, Каим сидел в шатре.

— Эй, другом или врагом прибыл ты сюда? — обратились визири к мальчику.

— Спросите своего хана, что он желает — дружбу или вражду. Я готов на то и другое,— ответил Каим.

Визири вернулись к хану.

— Какой-то мальчик поселился на вашем угодье. Сколько дяу ни кричал, тот и ухом не повел. Мы поехали к нему и спросили: «Друг он или враг?» Он ответил нам: «Сообщите своему хану, что я готов и к дружбе и к вражде, пусть выбирает сам». Вообще этот мальчик ничего не боится. И еще, тахсыр, если бы вы видели его жену, красивее ее на свете не сыскать, а муж у нее совсем мальчик! — наперебой рассказывали визири.

— Скажите им, что мы будем друзьями, и перевезите их ближе к аулу! — повелел хан.

Каим с женой поселились возле ханского аула. Приехал к ним хан со своими нукерами и поздравил с новым поселением. Когда хан вернулся в свою орду, он созвал всех приближенных.

— Я влюбился в жену этого мальчика и хочу жениться на ней. Придумайте что-нибудь,— сказал хан собравшимся.

— Мой повелитель,— обратился к нему главный визирь.— В нашем ауле есть мыстан. Она сделает так, чтобы девушка стала вашей женой.

Вызвали мыстан. Подумала старуха и обратилась к хану:

— Напейтесь крови черной овечки, обильно изрыгайте ее и катайтесь по полу. Затем созовите народ и дайте мне проверить ваш пульс. Я скажу: «Болезнь очень опасная. Нужно найти молоко айбокена». Вы подготовьте людей. Когда зададите вопрос: «Кто найдет молоко айбокена?», пусть они как один закричат, что это под силу только Каиму.

Зарезал хан черную овечку, напился ее крови, начал обильно изрыгать ее и, скрутившись, безумно катался по полу. Созвали весь народ. Когда все собрались, мыстан стала прощупывать пульс хана.

— От вашей болезни есть единственное средство, это молоко айбокена. Ничем другим вы не излечитесь,— сказала она хану.

— О люди, кто достанет молоко? — обратился главный визирь к собравшимся.

— Найдет только Каим,— закричали все хором.

Хан пригласил к себе Каима и сказал:

— Ну, друг мой, жизнь моя, видать, в твоих руках. Никто, кроме тебя, не добудет молоко айбокена. Поезжай за ним.

— Пойду домой и подумаю,— ответил Каим. Он вернулся к себе и рассказал об всем жене. Взглянула жена в книжку-гадалку и сказала:

— У хана есть белая кольчуга и белый меч, который складывается вдевятеро. На привязи стоит лысый вороной тулпар. Попроси все это. Если даст, поезжай, а не даст — откажись.

Пришел Каим к хану и попросил все, что перечислила жена. Когда он назвал лысого вороного тулпара, хан с радостью подумал: «Каим легко нашел свою смерть». Тот скакун сбросил и раздавил многих людей аула и потому был прикован цепью к вбитым в землю четырем кольям. «Как только Каим освободит коня, не успеет он сесть, как тулпар раздавит его»,— заключил хан.

— Сходи и приведи коня,— сказал хан.— Потом я выдам все остальное.

Хан вызвал коневода и приказал:

— Отдай этому человеку лысого вороного тулпара!

Услышали это люди аула и собрались все. Коневод отомкнул дверь, а сам стал подсматривать в щель, через которую подавал коню корм. Только вошел Каим в конюшню, как лысый вороной заржал. Каим сорвал все цепи на ногах коня, сделал из пояса петлю, накинул на шею и вывел тулпара во двор.

— Ой-бой, он достоин быть ханом! — восхищались собравшиеся.

Каим явился к хану, тот испугался и выдал мальчику остальное снаряжение.

Каим получил все необходимое для дороги и вернулся домой.

— Как только выедешь из дома, найди местность с хорошим пастбищем и дай коню возможность пятнадцать дней сытно отдохнуть. Только потом приступи к поиску айбокена,— посоветовала жена.

Каим двинулся в путь. По пути он на пятнадцать дней отпустил коня на отдых. После этого доехал до одной горы и взобрался на ее вершину. Неожиданно конь заговорил:

— Каим, взгляни по сторонам, что видишь вокруг?

— Кроме густорастущих сосен и берез, ничего не видно,— ответил Каим.

— Тогда послушай, что я тебе расскажу. Я был любимым конем такого же батыра, как ты. Хан послал того батыра за молоком айбокена. Тогда мы пришли и остановились точно на этом месте. Я не заметил, как подскочил айбокен. Я метнулся в сторону, но тот успел стащить с меня хозяина и тут же растерзал. Я спасся благодаря своей быстроте. Отомстить айбокену за хозяина не хватило моих сил, и я от злости начал убивать людей хана. Будь это дети или взрослые, я кусал, бил копытами и убивал без разбора. Меня поймали и приковали к четырем кольям в том железном сарае, откуда ты вызволил меня. Сегодня исполнилось тридцать три дня, как меня приковали. Вот что произошло со мною. А ты все же внимательнее посмотри по сторонам, не видно ли чего?

Каим посмотрел вокруг.

— На верхушке одного дерева в густом сосновом бору что-то белеет,— ответил он.

— Это и есть айбокен. Он хотел полететь на луну и расшибся. Сейчас он повис на дереве. Сук пронзил ему круп. Направь меня в его сторону и освободи поводья. Я буду скакать изо всех сил. Когда я проскочу около него, ты переруби сук мечом. Айбокен рухнет на землю. Мы не будем возвращаться к нему — поскачем дальше. «Вернись, вернись!» — крикнет он тебе. Но ты не оглядывайся. Он позовет второй раз. И только когда взмолится он в третий раз: «Вернись, друг мой»,— тогда только пойди к нему. Перевяжи ему рану своей рубахой. Потом скажи, что тебе нужно,— сказал тулпар.

Каим едва успел обнажить свой меч — лысый вороной тулпар уже был возле айбокена. Взмахнул Каим мечом — и айбокен рухнул на землю. «Вернись!» — тут же вскрикнул айбокен. Каим-батыр не обратил на это внимания. Айбокен окликнул во второй раз. Каим скакал дальше. Он вернулся лишь тогда, когда тот крикнул в третий раз. Каим

подскочил к айбокену, промыл и перевязал его рану рубахой.

— Ну, друг мой, что ты пожелаешь от меня? Я исполню твое желание, сделаю тебе все, что в моих силах,— обратился к батыру айбокен.

— Заболел наш хан, ему нужно молоко айбокена. Я ищу это молоко,— ответил Каим.

— Это нетрудно сделать. Я сейчас крикну, и сюда соберутся разные животные. Среди них будет и самка айбокена с шестью сосками. Она будет стоять головой на запад. Выступи вперед и взмахни кнутом. Она пойдет за тобой. Приедешь к хану, подои айбокена и напои своего хана. Если не захочет хан молока, погладь животное по лбу и скажи: «Разгроми аул хана». Тысячная армия не остановит ее. Всех уничтожит. А если послушается тебя хан, тогда погладь животное по груди и произнеси: «Возвращайся в свои горы». Не успеешь моргнуть, как она исчезнет. Когда у тебя будут другие дела, найдешь меня здесь.

Сказал так айбокен и крикнул три раза. Тут же начали сходиться со всех сторон разные животные. Самым последним прибыла самка айбокена длиной в четыре метра и остановилась головой на запад. Каим стал впереди нее, взмахнул кнутом и поехал — самка айбокена последовала за ним.

Приехал он в свой аул в тот же день.

— Ой-бой-бой, Каим раздобыл не только молоко — привел самого айбокена! — восхищались люди. Услышал об этом хан и затрясся от испуга.

Каим привел айбокена в ханскую ставку. Увидел хан айбокена и забегал по комнате.

— О дорогой Каим, прошло много времени, как ты уехал. Я принял разные лекарства и выздоровел. Не мучай теперь айбокена, отпусти его обратно,— затрепетал он.

— Возвращайся в свои горы,— сказал Каим и погладил грудь айбокена. Не успел он оглянуться, как айбокен уже исчез.

Хан снова вызвал к себе мыстан.

— На этот раз Каим вернулся невредимым. Что еще можешь придумать. Нет мне жизни без нее. Как трава, иссыхаю я от любви. Возьми половину моего состояния, найди

какой-нибудь выход, чтобы я мог жениться на ней,— умолял он ведьму.

— Есть еще один выход,— сказала мыстан.— Если даже тысячи жизней у Каима, он не вернется из этой поездки. Для этого вы должны снова напиться крови черной овечки и валяться по полу, изрыгая кровь. Соберите людей и дайте мне пощупать пульс. Тогда я скажу: «Ваша болезнь опасней первой, будете болеть длительное время. Нужно достать молоко морской коровы. Морская корова находится под охраной трех дяу по имени Ак-дяу, Кара-дяу и Кзыл-дяу. Между нами и теми дяу стоят шесть гор. На вершину Куз-тау не только человек, птица не сможет подняться. А дальше стоит гора Тас-тау. Там одни скалы, гладкие как зеркало. Даже горный тур сорвется с них, не говоря уже о человеке. А за ними лежит Кар-тау. Там день и ночь падает снег. Толщина снега достигает тысячу метров. Через них и подавно не перейти. Еще дальше находятся горы Муз-тау. Они скользкие и выше, чем все остальные. Самой быстрокрылой птице понадобится целый месяц, чтобы пролететь без отдыха от их подножия до вершин. За ними лежат горы Саз-тау. Стоит упасть маленькому камешку на их поверхность, они тут же втянут его в себя. И наконец встретятся горы От-тау. Не только человек, даже птица не перелетит через них. Пламя, поднимающееся от них, достигает самого солнца. Вот туда и посылайте врага своего. Как только Каим уедет, через несколько дней можете обвенчаться с его женой.

Напился хан крови черной овечки и стал кататься по полу. Собрался весь народ. Мыстан взялась за пульс: «Ой, ой, ой, сказать правду или нет?» — и нарочно закатила глаза.

— О мудрая, говори все, не утаивай! — взмолился хан. Люди тоже поддержали его.

— Тогда я скажу вам все, не примите только близко к сердцу. Болезнь хана намного опаснее прошлой. Если даже найдется средство для лечения, он пролежит два-три месяца, а если не найдется, через три месяца умрет,— ответила мыстан.

— Какое же нужно ему лечение? — загалдели визири.

— Кроме молока морской коровы, ничем другим нельзя вылечить его,— заключила мыстан.

— Ой-бой,— обратились визири к собравшимся,— кто может найти ту морскую корову?

— Ее найдет Каим,— ответил кто-то, и все обратились к Каиму.— У нас говорят: «Рождаешься для себя, а страдать будешь за народ»,— сослужи эту службу, наш храбрый батыр.

Каим дал клятву раздобыть это молоко.

На следующий день Каим выехал на поиски морской коровы. Пусть он пока едет, а мы вернемся к хану.

Спустя три дня хан пригласил своих визирей и отправился за женой Каима. Жена Каима знала об этом давно. Она взяла свою книжку-гадалку, прочитала заклинание — и вокруг дома возникла крепость о девяти стенах.

Увидел это хан, собрал весь подвластный ему народ и приказал разрушить стены крепости. До вечера сумели разрушить только восемь стен. Последнюю крепость решили разнести утром следующего дня. Глянули утром: снова возникло девять стен. И так каждый день. Разрушенные Будур-ханом стены возникали снова.

Вернемся к Каим-батыру.

Каим приехал к своему другу айбокену, рассказал все и попросил помощи.

— Помочь я ничем не могу,— ответил айбокен.— Та корова находится под присмотром дяу — Ак-дяу, Кзыл-дяу и Кара-дяу. Чтобы попасть туда, нужно преодолеть шесть гор. Даже птицы не могут перелететь через те горы. Выслушай, что я посоветую тебе. Посмотри, вон стоит байтерек, дотянувшийся до самого неба. На вершине его вьет гнездо самрук. Ежегодно могучий удав проглатывает ее птенцов. Если ты убьешь того удава и избавишь птенцов от смерти— кто не любит свое дитя? — птица доставит тебя куда захочешь. Ничего другого я не смогу придумать.

Приехал Каим к высокому байтереку. Один лист этого дерева так велик, что вполне может служить навесом. Смотрит Каим: на вершине в гнезде сидят три птенца. Каждый из них с верблюда величиною. Перья у птенцов только начали пробиваться. Каим отпустил коня пастись и стал ждать удава. Ждал, ждал — не заметил, как задремал. Проснулся от странного звука — это визжали птенцы. «Почему они так визжат?» — подумал он и стал оглядываться кругом. Вдруг видит: вверх по стволу ползет к птенцам

огромный удав. Каим выхватил складывающийся вдевятеро белый меч и взмахнул им. Надвое рассек он голову удава. Затем рассек на куски его туловище и сел отдохнуть.

Вдруг поднялся сильный ветер. Каим посмотрел по сторонам и увидел: летит огромная птица. Ветер был поднят взмахами крыльев птицы. Это и была самрук. Когда птица села на гнездо, дерево согнулось и едва не переломилось.

— Дети мои, я чувствую запах человека,— сказала она, подавая птенцам принесенную пищу.

— Кого бы вы хотели видеть — друга ли врага? — запищали птенцы.

— Сперва хотела бы увидеть врага,— отметила мать.

Птенцы показали на убитого удава. Птица вмиг проглотила удава.

— Теперь покажите мне друга,— сказала она.

— Выходи,— запищали птенцы Каиму. Когда Каим вышел из-за дерева, птица кинулась и хотела проглотить его. Птенцы схватили мать за горло и не дали проглотить Каима.

— Очень жаль, дети мои,— сказала мать, выпустив Каима.— Если бы я проглотила и обратно изрыгнула его, то у него была бы сила тысячи человек. А сейчас он обрел силу только ста человек.— Потом самрук расспросила Каима, куда и зачем он едет. Каим сказал, что он разыскивает молоко морской коровы.

— Это дело трудное, я не смогу достать тебе такого молока. Я могу только доставить тебя туда, а в остальном поступай как можешь сам,— ответила ему птица.

— Хорошо, вы меня доставьте только туда,— согласился Каим.

— Тогда жди меня здесь две недели, я заготовлю детям пищу. Припасу также для нас сорок мес воды. На нашем пути лежит огненная гора, вода может нам пригодиться,— сказала птица.

Каим остался на месте, а птица улетела. Она два раза в неделю возвращалась в гнездо и заготовила детям пищу на целый месяц. Потом запаслась водой и на третьей неделе сказала Каиму:

— Ну, полетим.

Целый месяц летела самрук высоко-высоко в небе.

— Посмотри вниз, что видишь? — сказала однажды птица Каиму.

— Вижу землю величиной с потник,— ответил Каим.

— Мы летим низко,— сказала птица и взмыла еще выше. Так они летели еще несколько дней.

— Взгляни-ка еще раз вниз,— сказала самрук.

— Земля не больше ушка большой иглы,— ответил Каим.

— Закрой глаза,— сказала птица, и Каим зажмурил глаза.

— Теперь открой.

Каим открыл глаза и увидел: от сорока мес воды не осталось ни капли.

Птица приземлилась и сказала:

— Иди вдоль берега. Придешь к мосту. Перейдешь его и окажешься у дома Ак-дяу. Захвати с собой мое перо. Где бы ты ни ночевал, воткни перо около костра наискось к дому.

Самрук простилась с Каимом и поднялась в воздух. Каим сел на своего коня и приехал к большой белой юрте. В юрте сидела девочка пятнадцати-шестнадцати лет. Губы девочки были зажаты железным замком.

— Чья это юрта? — спросил Каим у девочки.

— Эта юрта Ак-дяу,— ответила она.

— Где он сам?

— Ушел на охоту.

— Тогда я остановлюсь у вас,— сказал Каим и вошел в юрту. Там стояли одна саба кумыса и полный казан мяса.

— Подай мясо и кумыс,— сказал Каим девочке.

— Отец будет ругать меня,— ответила девочка.

Каим сам взял мясо и кумыс.

— Ешь,— обратился он к девочке.

— Отец будет ругать. Он зажал мне губы, чтобы я ничего не ела.

— Твой отец не вернется и ругать тебя не будет,— сказал батыр, снял зажимы с губ девочки и дал ей есть.

— Какой дорогой возвращается твой отец? — спросил он.

— Вот этой,— указала девочка.

Каим поехал по той дороге. Въехал он в лес, привязал коня к дереву, а сам притаился в засаде. Прошло немного

времени, впереди показался Ак-дяу. На руке его сидел беркут, следом бежала гончая. Беркут клекотал, собака выла, а кольчуга чуть ли не разрывалась на нем от натуги.

— Эй, проклятый пес, пусть твой вой погубит тебя самого, твой клекот, беркут, будет твоей же смертью, а ты, кольчуга, чтобы одряхлела! Все мое тело содрогнулось, когда родился Каим!..

— Что я сделал тебе плохого,— закричал Каим и выскочил из укрытия. Схватились они насмерть. Долго бились. Наконец Каим поднял Ак-дяу над головой и ударил о землю. Отрубил ему голову и поехал к его дому. Девочка увидела голову и заплакала, жалко ей было отца.

Каим поехал дальше и приехал к юрте Кара-дяу. Там было два казана мяса и две сабы кумыса. Дома была единственная дочка. Он вошел в юрту и увидел, что губы девочки тоже зажаты. Он сломал зажимы, посадил девочку рядом, накормил и расспросил, какой дорогой возвращается ее отец. Потом поехал навстречу. У Кара-дяу также выла собака, клекотал беркут и разрывалась кольчуга.

— Эй, проклятый пес, пусть твой вой погубит тебя самого, твой клекот, беркут, будет твоей же смертью, а ты, кольчуга, чтобы одряхлела! Все мое тело вздрогнуло, когда родился Каим!..— злился дяу.

— Что я сделал тебе плохого,— крикнул Каим, и они схватились. Каим одолел дяу, отрубил голову, привез дочери и сказал:

— На, возьми, твой отец отправился туда, откуда больше не возвращаются!

Приехал он после того в юрту Кзыл-дяу. Там тоже сидела девочка с зажатым ртом.

— Ты чья? — спросил ее Каим.

— Я дочь Кзыл-дяу,— ответила она.

— Тогда дай кумыса,— сказал он. Здесь было три казана мяса и три сабы кумыса. Девочка подала.

— Сними зажимы на губах и садись со мной пить кумыс,— предложил он ей.

Девочка не отказывалась, как прежние, сама сняла зажимы и стала с Каимом пить кумыс.

— Скажите, вы Каим-батыр? — спросила она.

— Да, как ты узнала?

— У моего отца есть два брата. Когда они соберутся, говорят: «Нам смерть принесет только Каим-батыр. Все мы погибнем от его руки». И вот я чувствую, близок час моего дорогого отца. Ты будешь драться с ним семь дней и семь ночей. Потом из носа моего отца начнут спускаться белый и красный шелковые шнурки. Когда можно будет хорошенько ухватиться за них, ты ухватись и вырви их. Они и есть жизнь моего отца. Конечно, ты его победишь и в другом случае. Но если эти шелковые шнурки достигнут земли, то они опутают тебе ноги, и пока порвутся, ты будешь драться не меньше одного месяца. А отец мой возвращается по этой дороге, поезжай, выедешь ему навстречу.

Каим выехал на дорогу и слышит: так же воет собака, клекочет ловчий.

— Эй, проклятый пес, пусть твой вой погубит тебя самого, твой клекот, беркут, будет твоей же смертью, а ты, кольчуга, чтобы одряхлела! Все тело мое вздрогнуло, когда родился Каим,— ворчал дяу.

— Эй, дяу, что я тебе сделал недоброго,—заорал Каим, выскочив из укрытия.

Они дрались отчаянно. Семь дней и семь ночей продолжалась их битва, и на восьмой день из носа Кзыл-дяу выступили на вершок белый и красный шелковые шнурки. Каим ловко ухватил их и вырвал. Кзыл-дяу грохнул на землю. Каим отрубил его голову и привез дочери.

— На, это голова твоего отца,— сказал он.

— В скорой смерти отца я виновата сама, не то он пожил бы еще немного,— ответила девочка.

В доме Кзыл-дяу Каим нашел морскую корову. Он остался ночевать в доме Кзыл-дяу. Перо огромного самрука он, слегка покосив, воткнул возле огня.

— О, что я вижу, Каим вернулся! — услышал он наутро чей-то голос. Это была дочь Кара-дяу. Во второй день Каим заночевал в доме Кара-дяу. Перо птицы он воткнул наискось у костра.

— О! Каим вернулся! — опять услышал он голос на следующее утро. Это была дочь Ак-дяу. Она сгоняла в кучу весь свой скот. Смотрит Каим и не верит глазам своим: он со скотом и дочерью Кара-дяу за ночь очутился у юрты Ак-дяу. Заночевал он в тот день в юрте Ак-дяу. И опять во-

ткнул перо птицы у огня... На четвертый день он очутился у своего дома. Обрадовалась жена, что муж жив и невредим.

Прилетела самрук.

— Ну, батыр мой, это все, чем я могла послужить тебе за спасение тобой моих детей. Не обижайся за малую услугу и прошу освободить меня,— сказала птица. Каим поблагодарил птицу и распрощался с нею.

«Вернулся Каим и привез не только молоко морской коровы, даже дочерей трех дяу»,— говорили всюду люди аула.

— О мой повелитель, по вашей воле я привез вам морскую корову, можете даже съесть ее мясо,— доложил Каим хану.

— Дорогой мой, после твоего отъезда я принял разные целители и сейчас чувствую себя хорошо,— ответил хан. Потом он вызвал к себе мыстан.

— Этот дьявол опять вернулся, что еще можешь придумать? — напустился он на ведьму.

Долго думала мыстан.

— Ничего придумать не могу,— ответила она.

Хан тут же умер от разрыва сердца.

По просьбе людей Каим стал ханом.

Прошло сколько-то времени, и старшая жена Каима родила мальчика. Назвали его Арпалысом... На следующий год другие три жены тоже родили сыновей. Был устроен той на несколько дней.

Когда Арпалысу исполнилось шесть лет, он с сыном дочери Кара-дяу стал ходить на прогулку в горы. Отец подарил им одинаковые кольчуги и вооружение воина. Когда Арпалыс брал в руки копье, на его наконечнике сверкала искра.

— Сын мой, пока что избегай встречи с противником. Искра на наконечнике твоего копья может погаснуть. Коль не послушаешься меня и затупится наконечник твоего копья, то опусти его в конский помет,— говорила мать.

Как-то Арпалыс с друзьями поднялся на гору. У подножия на другой стороне показался большой табун скота.

— Вы подождите здесь, а я поеду и узнаю, кто там обитает,— сказал Арпалыс своим друзьям и направился к ста-

ду. Пришел и видит: стоит много юрт. Из крайней большой юрты послышалось пение. Арпалыс подъехал к юрте, привязал лошадь к столбу, копье прислонил к юрте, вошел внутрь и приветствовал хозяев. В постели лежал на спине великан и напевал песню:

Старец жалуется на поясницу,
Я же силы свои хвалю.
Я готов с любым батыром сразиться,
Даже с войском — всех разгромлю.

Великан пел и не обратил никакого внимания на приветствие мальчика. Рассердился Арпалыс: «Если ты батыр, то посмотрю я на тебя!» — закричал он, выбежал на улицу, схватил копье, вскочил на коня и помчался к табуну лошадей великана.

Жена великана выбежала за ним, увидела, что он поскакал к табуну, и снова влетела в юрту.

— Напрасно ты не принял приветствие этого мальчика. Он не простой, а батыр. На наконечнике его копья сверкают искры. Сейчас он угонит лошадей. Только ты не сразу вступай с ним в поединок. Сперва пошли других воинов. Когда мальчик убьет нескольких из них, копье его затупится. Вот тогда ты вступи с ним в поединок. Иначе тебе не одолеть его,— сказала она мужу.

Арпалыс с ходу вспугнул большой косяк лошадей и погнал его. Конопасы видели это, но испугались Арпалыса и не посмели вступить с ним в бой. Но один из них расхрабрился и догнал Арпалыса.

— Эй, батыр,— крикнул он,— хозяин этого стада такой же батыр, как и ты. Его боевой конь среди этих лошадей. Оставь хотя бы его коня.

— Хорошо, забери коня,— сказал Арпалыс.

Мухортый конь был крупного телосложения. Прискакавший поймал коня. Он доставил его хозяину и объяснил все, что произошло. Рассердился великан.

— Пока я догоню вас, преграждайте ему путь! Если же вы его упустите, тогда я сперва расправлюсь с вами! — пригрозил он приехавшему.

Все погнались за Арпалысом. Вслед за ними поскакал и сам великан.

Догнали конопасы мальчика. Всех их побил Арпалыс. А вот и сам великан. Ударил его Арпалыс, но его пика не смогла пронзить врага. Погасли искры. Арпалыс разогнал лошадь и с ходу воткнул копье в повстречавшийся конский помет. Увидел это великан и повернул коня обратно. Догнал его Арпалыс, вонзил в него пику, и великан грохнулся на землю, как дерево, вырванное с корнями.

Арпалыс приехал к друзьям, и они поехали в аул. По пути в одной лощине они увидели человека. Он шел, все время падая и вставая.

— Поезжай, узнай, кто этот бедняга,— сказал Арпалыс одному из друзей.

Скоро посланец вернулся.

— Там старик и старуха. Приветствовал я их, а они не ответили. Они что-то высматривают, потом падают и царапают землю. Я ничего не понял.

— Побудьте здесь, я сам поеду, узнаю,— сказал Арпалыс и, взяв с собой сына дочери Кзыл-дяу — Аима, поскакал к старцам. Когда мальчики поклонились, старик резко поднял голову.

— Ой, мои милые, неужели это вы, если не сам Каим, то его дети? — сказал он и зарыдал. Это оказались отец и мать Каима, некогда отправившиеся за мышами. Посадили дети стариков на коней и отправились домой. Одного из братьев Арпалыс послал к Каиму.

— Скажи отцу, что я нашел деда, пусть отец захватит с собой кесе меду и выедет нам навстречу.

Получил Каим такое сообщение и подумал: «Что это значит, мой же сын повелевает мной!» Не понял он смысла слов Каима, но все-таки выехал навстречу с полным кесе меда. Со слезами радости повстречался он с отцом и матерью. Когда все успокоились, он спросил Арпалыса.

— Сын мой, почему твое послание ко мне было столь повелительного тона?

— Отец мой, ты великий хан. Узнав о родителях, ты выехал бы из аула со слезами на глазах. Что могли бы подумать люди о своем хане? Я хотел, чтобы ты был величавым, как всегда,— ответил сын.

Привез Каим родителей домой и устроил большой той.

Однажды его сыновья Касым и Есим вдвоем отправились в дальнее путешествие. Ехали они несколько месяцев

и въехали в темный лес. На пути они встретили большой табун лошадей. Кони паслись по масти: белые — в одном табуне, серые — в другом, саврасые и вороные — в третьем. Касыму и Есиму понравились табуны, и они решили угнать их в свой аул. Так и сделали. Вечером остановились на ночлег. Ночью пошел ливень, и они в поисках укрытия пришли в старый, заброшенный там. Касым раньше Есима стреножил коня и вошел в там. Вверху кто-то бегал от одного угла к другому.

— Кто там, человек или шайтан? Если человек, то отзовись, если шайтан, то я сейчас же убью тебя,— заорал Касым-батыр.

— Я человек,— послышался дрожащий голос.

— Что ты здесь делаешь?

— Я расскажу тебе все,— ответил незнакомец. Подошел он к Касыму и сел возле него.— Я сын бая, нас было трое. Наш отец угнал свой скот и сам скрылся. Оставил нас. Мы стали бедными и не знали, куда податься. Младший брат Каим тоже сбежал от нас. Бедняжка, не знаю, где его застала смерть. Мы со старшим братом нанялись пастухами — я пас лошадей, а мой брат — коров. Бай решил сменить свое становище. И когда вчера мы проезжали через эту местность, из-за бугра выскочил человек на белоснежном коне и помчался за нами. Вслед за ним — другой, третий... и так сорок человек на белоснежных конях набросились на нас. Я упал с коня и притворился мертвым. Когда они уехали, я кое-как добрался до этого тама и скрылся здесь.

— Вы говорите, что Каим — сын убежавшего бая? — спросил Касым.

— Да, мой милый, но откуда ты его знаешь? — удивился незнакомец.

— Мы сыновья Каима,— ответили Касым и Есим. Тут они обняли друг друга и отправились в путь. В пути повстречали еще одного человека.

Это оказался старший брат Каима. После объятий и поцелуев к ним подошел какой-то старик.

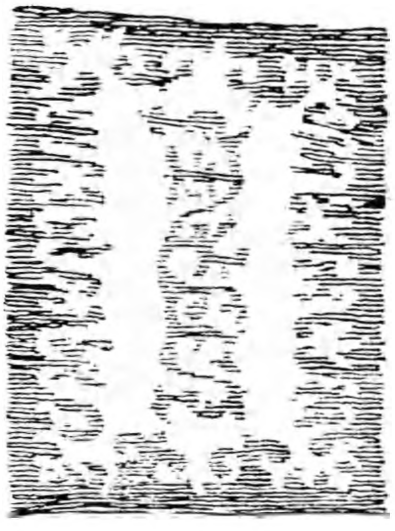
— Дети мои, вы говорите о Каиме — сыне Алганбая? — обратился он.

— Да,— ответили ему.

— Ой-бой, сын мой, он еще жив! Когда я усыновил его, он женился на дочери хана Шигая и скрылся с нею,— сказал старик.— Вот это его вторая мать,— указал он на старуху, стоявшую в слезах.

Так через много лет вся семья собралась вместе.

БАТЫР АБАТ

Давно это было. Тогда у калмыков правил хан по имени Барби, а у казахов еще жив был Асанкайгы — заступник и страдалец народный.

Зависть грызла калмыцкого хана день и ночь. Во сне и наяву не давали ему покоя заливные луга и светлые воды казахской реки Нуры. Чудилось ему, что владеют этими богатствами не их вечные хозяева — казахи, а он, хан Барби. И стал он располагать кочевья своей орды на этих землях. Если встречал недовольство — убивал всякого. Взроптали казахи: лучшие пастбища у захватчика! Да делать нечего: казахские богачи продались хану и пошли с ним заодно. Куда податься? Кому пожаловаться? В прежние времена за бедняков заступился бы умный и великий Асанкайгы, да стар он стал. Вспомнили тут бедняки, что у Асана есть сын — батыр по имени Абат. И отправились они к нему.

— Наши кочевья и воды захватили калмыки. Кто сопротивлялся — всех уничтожили. Богатые баи и беки нашли с калмыками общий язык. Лишенные средств для жизни и защиты, мы пришли за помощью к тебе.

— О родичи мои! — ответил им батыр Абат.— Пожалею ли я себя, если враг топчет родную землю, угнетает родной народ? Пойду посоветуюсь с отцом — он много видел, много знает.

Рассказал батыр Абат отцу о случившемся. Отвечает ему Асан-кайгы:

— Сын мой, свет очей моих! Необдуманный поступок всегда кончается неудачей. Всякое дело надо прежде хоро-

шо обдумать. Калмыков много, и они сильны. Не спеши с решением, я сам поеду в их стан, все разузнаю и разведаю.

Обрядился старый мудрец в одеяние бедного пастуха и отправился в лагерь калмыков. Стража доложила хану, что по всему стану бродит какой-то нищий старик. Он о многом расспрашивает, на вопросы не отвечает. И повелел хан схватить непрошеного и привести во дворец. А надо сказать, что хан Барби был не только жаден, но и горяч не в меру.

— Скажи, мерзавец! — закричал он на мудреца.— С какой целью ты бродишь среди моих людей, все высматриваешь и выспрашиваешь? Кто ты и кем ты подослан?

— Разве может быть страшен тебе, молодому и сильному, старик, отживший свой век? Не я мерзавец, а твои баи и беки — это они угнали мой скот. Следы скота привели меня сюда. Если ты и вправду справедливый хан, каким хочешь казаться, вели возвратить мою потерю.

Сразу поостыл от этих слов заносчивый хан Барби.

— Я вижу, ты смелый и мудрый человек. Если следы твоего скота ведут сюда, разыщу твою потерю и велю с миром отпустить тебя. Но прежде ответь на мои вопросы:

— Кто в твоем народе самый сильный и храбрый, кто самый великодушный?

Отвечает ему Асан:

— Самый сильный у нас Абат, он храбрее и великодушнее всех.

— Кто у вас из мужчин самый неревнивый?

Отвечает Асан:

— Абат самый неревнивый изо всех мужчин.

— Кто у вас самый меткий стрелок? У кого самый зоркий глаз?

— Самый меткий Абат среди нас, глаз его самый зоркий.

— Кто у вас ближе всех и дороже народу? Если враг нападет, налетит как туча, кто защитит народ ваш?

— Абат ближе всех и дороже народу. Если враг налетит как туча, Абат-батыр первый встанет на защиту народа и родины.

— Хорошо,— сказал хан Барби.— На все вопросы ты отвечаешь одно и то же — «Абат». Кто ж он таков и чей сын он?

— Абат — сын Асанкайгы. Не спроста к имени Асана народ прибавил «кайгы» — «горе», «горемычный». Асанкайгы безраздельно переживает со своим народом все горе и невзгоды.

И ответил честолюбивый калмыцкий хан:

— Я доволен твоим ответом. Хотел бы я хоть раз взглянуть на этого батыра и испытать его. Таков ли он на самом деле, каким ты его славишь? Но для всего свой черед. Ты, старик, поезжай к себе. Скот твой велю найти и возвратить.

На прощанье хан подарил Асану коня и дорогой халат. Довольный, мудрец отправился в аул.

Хан Барби собрал визирей и беков на совет.

— Надо испытать батыра, которого так расхвалил этот старый казах. Вы должны придумать немедленно, как это сделать.

Первым заговорил старший визирь:

— О повелитель мой, я предлагаю снарядить сорок конных жигитов. Скрытно, ночью они должны напасть на табуны Абата. Если Абат и вправду храбрый батыр, он не будет скликать народ для защиты своих табунов. Батыр один выйдет против сорока. Тут его и надо схватить. Если Абат и вправду сильный, то он один отобьется от сорока. Тут жигиты должны рассказать ему обо всем и просить прощения. Если Абат и вправду великодушен — он не будет мстить побежденным и отпустит их домой.

Согласился хан со словами визиря. Отобрали калмыки сорок лучших жигитов. Хорошо вооруженные, сев на скакунов, направились они к аулу Абата. Двигались только ночью, днем скрывались в прибрежных камышах озер.

Каждый раз перед сном Абат объезжал свой аул вокруг. У его юрты всегда стоял наготове оседланный конь, оружие его всегда было в порядке. И на этот раз Абат объехал вокруг аула и лег спать. Но сон его был чутким. Сквозь дрему послышался ему конский топот со стороны табунов. Вооружившись и вскочив на коня, Абат помчался туда. Еще издалека он увидел, что сорок жигитов угоняют его табун. Спокойно Абат слез с коня, натуго затянул подпругу и снова верхом направился наперерез табуну.

Сорок жигитов-калмыков заметили Абата. С гиком и свистом пустились они к батыру. Абат не подпустил к себе

ни одного, отразил атаки всех, сразил десятерых. Тридцать пленных калмыцких жигитов он пригнал в аул. Взмолились пленные о пощаде:

— Не враги мы тебе, а батыры, как ты. Приехали испытать твою храбрость и силу. Ты доказал их на деле. Так будь еще и великодушен: не унижай нас и отпусти.

И ответил калмыкам батыр Абат:

— Хорошо, отпускаю я вас. Поезжайте к своему хану и скажите, что мы, мирные казахи, живущие на всех этих огромных пространствах, никогда не были посмешищем для врага. Пусть хан подумает над этим. И передайте, что мы с ним еще встретимся.

Приехали калмыки домой, рассказали все. Подивился калмыцкий хан храбрости, силе и великодушию Абата. И решил он его испытать во второй раз.

По всей орде разослал хан Барби приказ. «Тому, кто в точности выполнит мою волю, я уплачу стоимость двух человек. Пусть доброволец явится ко мне сам».

Услыхал о приказе один бедняк. Жил он в безысходной нищете и не мог прокормить свою семью. Прикинул бедняк: все равно пропадать мне с семьею от голода. Если и не смогу выполнить ханский приказ — без сожаления пойду на плаху. А если посчастливится выполнить ханскую волю — получу стоимость двух человек. Как не радоваться! Это большие деньги, только они спасут детей моих от голодной смерти.

Пришел он к хану и сказал:

— Если уплатишь стоимость двух человек, то я готов исполнить твой приказ, о великий хан!

Хан выдал бедняку обещанное, нарядил его франтом, дал пару лошадей и наказывает:

— Поезжай в аул Абата. Выследи, когда его не будет дома, и ложись в постель рядом с его женой. Продолжай лежать и тогда, когда Абат вернется и увидит тебя. Как он поведет себя — об этом ты придешь и расскажешь точно.

Бедняк засомневался:

— О хан мой, если жена Абата живет с ним в любви и согласии, то она и близко не подпустит меня к себе!

— Что бы с тобою женщина ни делала, что бы ни говорила — не уходи. Ведь ты же согласился выполнить любой мой приказ! Как ты смеешь роптать?

«И то правда,— подумал бедняк.— Положить голову на плаху я всегда успею. Лучше доверюсь судьбе, поеду в аул Абата».

Ехал бедняк день, ехал два, на третий приехал в аул. Спрятавшись поблизости, стал наблюдать.

Абат по своему обыкновению объезжал перед сном вокруг аула. Вдруг в овраге он увидел пару привязанных коней, а у аула притаившегося мужчину. Когда Абат подъехал, калмык упал от страха на землю и закрыл лицо руками.

— Кто ты и откуда? — спросил Абат. Трясясь как в лихорадке, калмык рассказал всю правду, без утайки.

— Ради своих голодных детей я решил испытать судьбу. Кажется, она меня подвела. Теперь я в твоей воле. Вот моя голова — можешь казнить меня.

— Побереги свою голову, бедняга, для другого случая. А теперь договоримся с тобою о дружбе. Я очень обижен на этого самого Абата,— схитрил батыр.— Идем со мною, я знаю, где он живет. Его сейчас нет дома, слышно, батыр отправился в набег. Я помогу тебе одурачить его.

Привел Абат калмыка к своей юрте. Калмык взмолился:

— Зайдите первым, не губите меня.— Абат вошел в дом, снял доспехи, возвратился и говорит калмыку:

— Можешь входить: в юрте никого нет, и жена Абата как раз легла спать.

Калмык пошел в юрту, но не успел войти, как споткнулся о нарочно подставленные Абатом таз и ведро. От их грохота проснулись все домашние. Перепуганный калмык бросился удирать. Вдогонку ему зло залаяли собаки, от их лая проснулся весь аул. Люди заметили убегавшего калмыка, поймали и привели к Абату.

— Ну и труслив же ты, бедняга! Заяц храбрее тебя. И такого труса хан послал, чтобы опозорить меня, батыра Абата! Передай своему хану, пусть не беснуется. Если хочет потягаться со мною, пусть вызывает на честный бой, как батыр батыра.

Калмык вернулся к хану и рассказал ему обо всем увиденном и услышанном.

И послал хан Барби своих гонцов к батыру Абату с богатыми дарами и приглашением в гости.

Посоветовавшись с отцом, Абат принял от хана и дары и приглашение. Захватив с собою пять сотен жигитов — верных товарищей своих,— отправился Абат в ставку хана на озеро Кабанье, близ реки Нуры. С почестями встретил их калмыцкий хан. Он велел поставить сто белоснежных юрт и разместить в них гостей. Так делал хан Барби, чтобы подружиться с Абатом и переманить батыра на свою сторону...

Все знали, что хан Барби был страстным охотником. Но всякий раз, как только хан выезжал на охоту и пускал на зверя своего беркута, из темного ущелья окрестных гор вылетала какая-то диковинная желтая птица. Она нападала на ханских ловчих и клювом в голову убивала их. Хан был метким стрелком и мог бы подстрелить эту хищницу, но ему хотелось поймать ее живьем. И решил он поручить это своему почетному гостю — батыру Абату, чтобы заодно и испытать, так ли меток Абат и зорок его взгляд, как об этом говорил когда-то Асанкайгы. С этой целью приглашает он Абата на охоту. Батыр согласился и велел оседлать своего любимого иноходца Таспу.

С ханом Барби на охоту
Поехал батыр Абат,
Под ним — гнедой иноходец,
За ним — небольшой отряд.
Он знает, каких жигитов
Брать на охоту с собой:
В меткой стрельбе из лука
Ему не уступит любой.
И хан не один, конечно,
С ним тоже дружки-стрелки,
И беркут, готовый в небо
Сорваться с его руки.
Скачут все вместе, и ноздри
Вспотевших коней дрожат.
К горным дорогам привычны
И тот и другой отряд.
Хан — бывалый охотник,
Рассказывать не устает
Про разные приключенья,
И редко когда соврет:
— Охотился я однажды
Вот в этих самых горах.
Был беркут со мной, что мог бы
Нагнать и на волка страх.

Лишь только на холм поднялся,
Вот тот, что травой зарос,
Так сразу же их увидел —
Пасущихся диких коз.
Рукою подать — так близко.
Восторг охватил меня.
Я беркута отпускаю,
Пришпориваю коня.
Уж беркут добычу выбрал,
Вниз камнем летит... как вдруг
Послышался, нарастая,
Какой-то свистящий звук.
Гляжу: то желтая птица
Вылетела из-за скал
(Я даже во сне такую
Не видел и не слыхал),
Как будто стрела пронзила
Небесную синеву...
И,— с головою пробитой,
Мой беркут упал в траву...
С тех пор эта желтая птица,
Горный обживши край,
Следит за моей охотой —
Хоть беркутов не пускай.
Не птица — чудо из сказки,
Никак не могу понять.
Поймать бы ее живою,
Да, видно, не мне поймать.
Ведь птица летит так быстро —
Едва поспевает взгляд...
Про меткость твою из лука
Я слышал, батыр Абат.
Берись-ка поймать — и, если
Удача выпадет нам,
В награду все, что попросишь,
Я непременно отдам...
Хан не успел похвалиться
Своим несметным добром —
Козы, почуя опасность,
Бросились прочь табуном.
Охотники — вслед за ними,
Крича и толкаясь... как вдруг
Послышался, нарастая,
Все тот же свистящий звук.
И ханова — не другого —
Сбив беркута на лету,
Желтая птица спокойно
Вновь набрала высоту.
— Стреляй же! — батыру Абату

Хан Барби говорит.—
Стреляй в нее поскорее,
Не то она улетит.
— Во что стрелять? — уточняет
Батыр, поднимая лук,
И слушает, как затихает
Крыльев свистящий звук.
— Стреляй по крылу любому,
Стреляй, но один лишь раз.
И если желтую птицу
Живою возьмем сейчас,
То клятву свою сдержу я,
Достойно воздам хвалу...
— Согласен! — батыр ответил
И тут же пустил стрелу.
И что же? Внезапно крыльев
Прервался далекий свист,
И птица упала вниз,
Словно осенний лист.
Нашли ее на вершине,
Где не росла и трава,
Стрелой лишь крыло задето,
Сама же она — жива.
— Слава! — вскричали калмыки,
И хан, восторг не тая,
Сказал:
— В подобную меткость,
Признаться, не верил я.
Но если словам не верил —
Поверю своим глазам.
По подвигу и награда:
Все, что попросишь, отдам!

Батыр Абат напомнил обещание хана:

— Ты возвратишь казахам нечестно захваченные тобою земли нашего края, реки Иргиз и Тургай и все их притоки, земли между Волгой и Уралом и степи Сары-Арки.

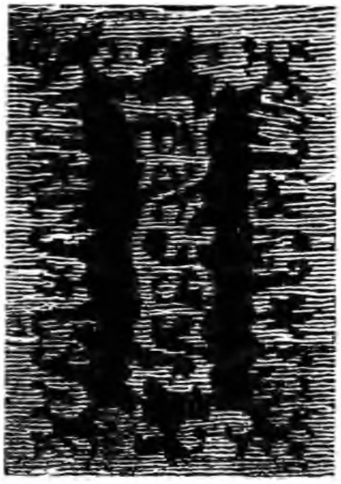
Хан Барби круто повернул коня и собрался уезжать.

— Даю тебе, хан, на раздумье три дня,— сказал батыр Абат.— Ответ твой буду ждать вон на той вершине Холма трех быков.

В народе не напрасно говорят, что с тех пор калмыки больше не кочевали по земле казахской.

БАТЫР АКЖАН

●

Жил бай. Владел он большими стадами разного скота. Что ни год, то множились стада бая, и все труднее стало присматривать за ними: то птицы и звери нападут, то вор появится и угонит косяк лошадей.

И вот в одну из осеней, когда по утрам степь стала седеть от инея, загоревал бай. «Приближается долгая зима, как уберечь стада от лютых холодов, зубов хищников и завистливых людей?» И надумал бай поискать в степи опытного табунщика, смелого и меткого стрелка, кому можно было бы доверить табуны.

Был в степи такой казах, известный табунщик, батыр и меткий стрелок Акжан, богатство которого и было что гнедой конь. Приезжает к нему бай и умоляет:

— У меня шесть табунов лошадей. Если они благополучно перезимуют, один табун будет твой.

Что батыру воры и хищники! Согласился Акжан и попросил бая дать ему в помощники пять человек. Выделил бай пять человек — один из них был брат бая.

Выбрал Акжан сочные пастбища. Табунщики поставили в затиши шестикрылую юрту, чтобы готовить здесь пищу и отдыхать по очереди.

За днями проходят дни, за месяцами — месяцы. Никто не увел ни одного коня, ни один зверь не полакомился кониной.

Однажды Акжан, как обычно, отсылает табунщиков отдохнуть и остается с табунами один. Табунщики развели огонь, приготовили пищу, подкрепились, отдохнули. Пора было ехать к табунам, дать отдых батыру. Брат бая, разомлев в тепле после сытной пищи, заупрямился, не

захотел ехать к табунам и лег спать. Табунщики не стали с ним спорить, сели на коней и уехали.

Скоро к юрте подъехал Акжан.

Смотрит Акжан: юрта странно приподнята над землей. Подъехал батыр ближе — внутри сидит огромное одноглазое чудовище — дяу и жарит на огне байского брата. Батыр не испугался: он вошел в юрту и выстрелил прямо в глаз великана. Дяу взревел от боли, вскочил и бросился наутек, унося на себе юрту. Акжан на коне преследовал дяу. Долго бежали они, наконец страшилище скрылось в огромной пещере.

Батыр спешился и вошел в пещеру. Осмотрелся он и увидел дяу. Тот был мертв. Забрал Акжан юрту и вернулся к табунам.

— Я должен поехать в аул и рассказать баю о случившемся,— сказал батыр табунщикам, попрощался с ними и поехал.

До аула было три дня пути. Весь день ехал Акжан, к вечеру заехал в один аул, чтобы переночевать. В юрту, где остановился Акжан, вошел незнакомый человек. Поговорив о том о сем, он ушел, спросив почему-то у хозяев, где они постелят своему гостю. Хозяева недоумевали, зачем это нужно незнакомцу, но Акжан догадался, что братья убитого им дяу хотят отомстить ему. «Держись, Акжан, ночью тебе предстоит бой!»

Батыр положил на свою постель бревно, укрыл его своим чапаном, а сам спрятался в овраге около юрты и стал ждать. Глубокой ночью вдруг прилетела огромная птица, опустилась у дверей юрты и превратилась в огромного человека. Это был дяу. Дяу вошел в юрту, но тут же вышел, волоча за собой бревно. Акжан выстрелил из лука, великан взвизгнул и побежал, увлекая бревно. Акжан сел на коня, поехал по следу дяу и нашел его мертвым.

С рассветом батыр продолжал путь и опять остановился на ночлег в чужом ауле. Здесь точь-в-точь повторился случай с дяу, Акжан убил и этого.

На третий день батыр добрался до своего аула, рассказал людям о поединке с тремя дяу, а баю поведал о смерти его брата. Бай очень горевал, да что делать — мертвые не воскресают от слез. Устроил бай в честь батыра Акжана богатый той, на котором гуляли все люди аула.

БАТЫР НАУША

●

Батыр Науша был выходец из богатого двенадцатиколенного Малого Жуза. Науша рано остался сиротой и долго был беспризорным, пока не подобрал его один бай из рода Алим.

Богатый был этот бай. Одних только лошадей у него было несколько сот, а другого скота он и счету не знал. Год от года множились стада бая, и одна только беда была у него: время от времени нападали на табуны воры и угоняли скот, особенно лошадей.

Распалилось от гнева на воров сердце маленького батыра, и вот однажды он обращается к своему приемному отцу:

— Отец, разрешите мне пасти лошадей. Помощников не надо — и один управлюсь.

Растрогался бай:

— Сын мой! Разве ты сможешь одолеть опытных воров. Эти злодеи убивают табунщиков — взрослых мужчин. Где уж тебе, ребенку, справиться с ними?!

Но Науша стоял на своем, и бай уступил.

Обрадованный первым успехом Науша тайно от отца заказал из двенадцати ремней восьмивершковую камчу и айбалта.

Самый лучший скакун из табуна отца стал конем маленького батыра. Прикрепил мальчик балта между седлом и домброй, взял в руки камчу и, оставив всех табунщиков дома, выехал в ночное.

Не сходя с коня, объезжает маленький батыр табуны, чутко прислушиваясь к темноте. Наступила глубокая ночь.

Вдруг забеспокоились лошади — помчался мальчик на шум и видит: три вора делят табун на части. Закричал Науша, но на него даже внимания не обратили. Погнали воры табуны — заплакал мальчик и — за ними:

— Братцы, не угоняйте моих лошадей. Не пользуйтесь тем, что я мал.

Лишь смех в ответ. Разгневался маленький батыр, настиг он двух воров, ехавших рядом позади табунов, и сильными ударами камчи сбил их с коней. Третий вор бросился наутек, но мальчик и его настиг и сбил с коня. Собрал он вместе всех лошадей, прихватил коней воров и приехал домой. Вместе с табунами пригнал он и воров, окровавленных, связанных одним арканом.

Восторженно встречали аулчане маленького героя. А бай на радостях устроил богатый той. С этого времени ни у бая, ни у его соседей не стали пропадать лошади. Возликовали казахи — появился у них наконец защитник, и среди родов Алимулы и Байулы стали называть храброго мальчика батыром.

Прошло сколько-то лет — подрос Науша и затосковал по родным краям. Просит он отца отпустить его на родину.

Жаль баю расставаться с отважным жигитом, но разве удержишь человека силой? Раз задумал Науша уехать, рано или поздно уедет — отпустить его лучше добром.

Согласился бай и решил наделить жигита лошадьми и богатством, чтобы помнил он своего приемного отца. Но ничего не захотел брать Науша. Попросил он только двух верблюдов для переезда, двух коров и двух помощников. Еще он сказал отцу, что хочет взять одного коня из табуна.

— Бери самого лучшего скакуна,— сказал бай.

Пришли вечером Науша с баем к табунам. Науша и говорит:

— Отец, я лягу спать. Ночью ко мне подойдет конь и обнюхает со всех сторон. Вы запомните этого коня — он будет моим.

Лег Науша, а бай остался в седле. Глубокой ночью подошла к Наушану трехлетняя серая кобылица, тощая, облезлая, обнюхала юношу со всех сторон и осталась около него до утра. Науша проснулся утром и заявил, что его лошадь пришла к нему.

— Зачем тебе эта паршивая кобылица? Любая другая лучше этой,— недоумевал бай.

— Нет, отец. Эту серую я приметил еще жеребенком. Не хочу другой.

Бай приготовил все, что хотел подарить Наушану: табун лошадей, сотню овец, двух коров, двух верблюдов и двух помощников. Проводил он сына до Урала и со слезами на глазах благословил в путь.

С родом Алим граничил другой род, где жил батыр Силыбай. Огромного роста, толстый, сильный, Силыбай был непобедим в этих краях. Был он чванлив и горд не в меру. Его раздражали разговоры о каком-то там низкорослом, ничем не примечательном с виду Наушане. Люто возненавидел Силыбай своего соперника и готов был померяться с ним силой, чтобы навсегда закрыть рты людям, восхищавшимся храбростью маленького батыра. Наушан знал о настроении Силыбая и готовился к встрече с ним.

Любил народ своих батыров, гордился ими. И больно было им знать, что Силыбай не признает своего маленького брата. Собрались однажды аксакалы двух родов и стали думать, как бы подружить им жигитов. И решили они устроить богатый той, пригласить на него батыров и познакомить их. При первой встрече они не посмеют драться, скорее всего подружатся.

И вот уже все приготовления к тою закончены. Силыбай приехал раньше Наушана и после взаимных приветствий расположился в отведенной для него юрте. Наушана тоже встретили с почетом и привели в юрту Силыбая.

— Силеке,— обратились аксакалы к батыру,— ваш младший брат Наушан пришел отдать вам салем.

Но Силыбай как лежал, вытянувшись во весь свой могучий рост, так и остался лежать, только голову слегка приподнял.

— Казахи часто не могут отличить настоящего батыра от обыкновенного жигита,— брезгливо бросил Силыбай.— А этот и на человека-то едва похож. Есть кому подавать руку.

— Эй, Силыбай! — обиделся Науша.— Не слишком ли много берешь на себя? Не быть мне батыром, если будущей весной я не оставлю от тебя мокрого места.— Оскорбленный батыр выбежал из юрты, крикнул своих жигитов,

вскочил на коня, и скоро только облако пыли заклубилось вдали.

Шли дни за днями. На смену лета пришла зима, после долгой зимы наступила весна.

Силыбай со своими жигитами перешел Урал и разорил род Байулы. Науша был в отлучке и не мог помешать разбойникам. Но когда до батыра дошел слух о постигшей его родичей беде, он собрал своих верных жигитов и помчался вдогонку врагам. Уверенный в своей силе, Силыбай не торопился. Он гордо восседал на белом скакуне, сам одетый во все белое. Сабля его с белым флажком на конце была наготове.

«Ишь, какой самоуверенный, наглец»,— подумал Науша и приказал своим жигитам быть осторожными, не проливать безрассудно кровь.

— Если случится так, что Силыбай одолеет меня, вы, не мешкая, уходите,— наказывал он друзьям.— Если же я сшибу Силыбая, вы бросайтесь на его людей.

Гикнув громко, Науша во весь дух ринулся на Силыбая. Не сбавляя хода, он промчался мимо невозмутимо сидящего на своем коне Силыбая, и враг поскакал следом за ним. Что есть силы скакали лошади батыров, и когда Силыбай стал настигать своего соперника, тот неожиданно резко повернул коня и помчался навстречу противнику. Силыбай не растерялся и принял лобовой бой. Он взмахнул для сокрушительного удара саблей, но Науша ловко сломал рукоять его сабли и вонзил пику в висок противника. Силыбай тяжело рухнул на землю.

Увидев гибель своего батыра, люди Силыбая бросились наутек. Не стали преследовать их жигиты Наушана, они собрали весь скот, богатство и вернулись домой.

* * *

На западной стороне земель рода Байулы были две долины с прекрасным водопоем — озерами «Шандыкол» и «Тамдыкол». И вот возле этих озер на высоком холме поселился дракон. Не стало житья людям. Дракон поедал всех, кто появлялся у озер,— и скот и людей. Задумали люди откочевать из этих мест, но на выручку пришел Науша. Он дал слово батыра избавить народ от страшного чудовища. Взял он саблю и отправился к дракону. Жигиты видели,

как он пошел на дракона, взмахнул саблей. Дракон взметнул хвост. Какое-то время не было видно ни батыра, ни дракона. Но вот показался Науша и медленно, еле волоча ноги, направился к жигитам. Все бросились к батыру, подхватили его на руки. Науша был очень бледен. Когда он несколько оправился, то рассказал:

— Я отрубил голову страшилищу, но он в предсмертных судоргах задел меня хвостом, и я потерял сознание. Когда очнулся, то увидел, что лежу под хвостом дракона. Я с трудом высвободился — такой он большой и тяжелый. Скажите родичам, пусть остаются на местах — дракона уже нет.

Народ горячо благодарил своего славного батыра.

ТЕЛЬКОНУР

●

Статным и ловким красавцем рос жигит Мордан. Но поскупилась жизнь на его счастье. Щедра была она лишь на черные дни, лишения, беды и обиды, потому что беден был жигит и одинок. Богатые родичи, как чужого, стороной обходили Мордана при встрече, труд же его считали своим и забывали платить.

«Чем в родном краю горе мыкать, поеду по белу свету счастья искать»,— решил бедняк. Пошел он в табуны самого богатого своего родича и поймал там лучшего скакуна — конь серый в яблоках, шерсть лоснится, как бархат, глаза горят, копыта выбивают огонь из земли. Серый на всех бегах брал первую награду... На нем и отправился Мордан в неведомые края.

Ехал он не спеша, на пути не встретил ни жилья, ни человека. Лишь на пятнадцатый день заметил вдалеке незнакомый аул. Приехал туда Мордан и попал прямо на байгу. Хозяева предложили гостю участвовать в бегах, показать, на что способен он и его конь. Жигит согласился и пришел на своем Сером первым. Аксакалы с почестями предложили победителю награду: верблюда и дорогой ковер. А молодые жигиты держались на отшибе и косились в сторону Мордана. Приглядывались они не столько к нему самому, сколько к его коню. Понял Мордан, что попал в аул конокрадов и несдобровать теперь ни ему, ни его Серому. И пустился жигит на хитрость.

— Не нуждаюсь я ни в ковре, ни в верблюде,— заявил он присутствующим.— Ведь я родственник самого Субебая.

Все знают в округе влиятельного Субебая — он никому не простит обиды своего родича. И отпустили Мордана из аула с миром: не тронули ни его самого, ни коня его. Да еще на прощание наполнили гостю переметную суму — коржин — золотыми и серебряными монетами. Ехал дальше Мордан, посвистывал. Заехал он на ярмарку, купил там дорогую красивую одежду, приоделся и стал краше прежнего.

Ехал жигит не спеша и на пятнадцатый день приехал в аул прославленного на всю степь богатого бая Субебая.

Увидав Мордана, спросил Субебай, кто он, откуда и куда едет. Ничего не скрыл жигит, рассказал все как есть.

— Я одинокий бедняк, уехал из родных мест на коне родственника. В ауле, за пятнадцать дней пути отсюда, была байга, я обогнал всех. Тут позарились нечестные люди на скакуна моего, не пойми я их замысел вовремя — несдобровать нам с конем. Спасся лишь тем, что назвался твоим родичем, достопочтенный Субебай.

Баю пришлись по душе и ловкость и находчивость Мордана, и повел он такие речи:

— Что бы ты спросил с меня, жигит, если бы я предложил тебе быть моим старшим табунщиком сроком на пять лет?

— Зачем спешить с ответом. Пять лет — срок немалый,— отвечает разумный Мордан.— Сначала поедем к твоим табунам, там я познакомлюсь с твоими табунщиками, коней посмотрю. Тогда и ответ дам тебе, Субебай.

— Хорошо,— согласился бай. Как решили, так и сделали: на рассвете поехали к табунам, через сутки были уже на месте.

Поздоровавшись с гостями, табунщики стали прогонять перед ними коней.

Время клонилось к вечеру, а табунам Субебая не было конца. Вдруг Мордан заметил жеребенка, который по очереди сосал двух маток. Ему, верно, не было и году, а выглядел он как двухгодовалый. Мордан попросил поймать Тельконура * и привести к нему. Когда табунщики это сделали, обратился Мордан к Субебаю:

---

* Т е л ь к о н у р — бурый жеребенок, сосущий двух маток.

— Вот за этого сосунка, бай, я буду работать у тебя два года.

— Что попросишь за остальные три?

— Не будем вперед загадывать, достопочтенный Субебай. Всему свое время,— ответил жигит. Бай подумал и согласился. В честь сговора приказал он зарезать самого жирного годовалого жеребенка и приготовить из него бесбармак.

На ужин созвал Субебай всех своих табунщиков и сказал им:

— Я первый хозяин этим табунам, Мордан — второй. Я назначаю его старшим над вами — слушайтесь и не прекословьте.

Когда пиала с ароматным кумысом прошла один раз по кругу, стали все просить Мордана отдать им «дань гостя», как этого требовал обычай. По своему желанию гость должен был или спеть песню, или сыграть на домбре, или рассказать интересную историю. Иначе хозяева придумывали гостю наказание.

Мордан как будто только и ждал просьбы хозяев. Мигом он сходил за Тельконуром и привязал его за вбитый поблизости от очага колышек. Из коржина вытащил самодельную дудочку, уселся поудобнее в кругу пастухов и заиграл.

Не смеет шелохнуться Субебай, на полуслове замерли пастухи, травы прилегли к земле, месяц выглянул из-за туч, ярче вспыхнул костер над казаном, недопитым стоит ароматный кумыс, дымится в пиалах мясо жеребенка. Трели, одна напевнее другой, сменяли друг друга, и казалось, что это не жигит играет на дудке в кругу пастухов, а с неба льются причудливые, еще никем никогда не слыханные звуки.

Тельконур насторожился, поднял голову, спину выпрямил, изогнул шею дугой и вдруг плавно пошел под музыку!

— Что за чудо! — не сдержали тут своего удивления табунщики.— Первый раз видим, чтобы конь так подчинялся власти музыки. Да он же пляшет!

— Не всякий конь любит музыку и понимает ее, как этот. Тельконур как раз тот конь, который мне и нужен. Вы

помогли мне проверить его. Отныне нет для меня вернее друга, чем Тельконур,— сказал Мордан.

— Свет мой,— обратился к жигиту растроганный Субебай.— Почему ты не сказал мне раньше, что владеешь таким мастерством. Не табунщиком бы тебе быть, а учителем. Четырнадцатую весну встречает моя дочь Кенжетай, смышленее и милее ее нет никого у нас в роду. Научи, жигит, мою единственную своему дивному искусству. Наезжай иногда к нам в аул, доставь нам с Кенжетай удовольствие.

— Хорошо,— согласился Мордан. Он прополоскал свою дудочку водой и положил на место.

Через несколько дней приехал жигит в аул бая. Кенжетай с нетерпением ждала «волшебного музыканта», так назвал его отец. Не успел Мордан приветствовать хозяев, как Кенжетай уже просила его сыграть на свирели.

Усадили Мордана на самое почетное место, и заиграл он веселую музыку. По солнышку зажглось в глазах Кенжетай, лучами засветился ее ясный взор, сидела девочка как зачарованная.

С тех пор Мордан стал часто навещать аул, и через два года Кенжетай постигла мудрость его науки, а через год, на семнадцатую свою весну,— превзошла в музыкальном искусстве своего учителя.

Надо сказать, что познали молодые люди не только тайну искусства, но и еще одну, более сокровенную. Жигит и девушка полюбили друг друга всей душой, но боялись в этом признаться даже самим себе.

В честь восемнадцатой весны дочери Субебай устроил богатый той. Именинница на нем пленила взор всех людей своей красотой, слух — волшебной игрой на свирели. Все поздравляли ее и возносили хвалу, Мордан преподнес Кенжетай свою самодельную дудку.

Пришла и девятнадцатая весна Кенжетай... Степь, как яркий ковер, цвела желтыми и красными тюльпанами. Краше цветов была в степи Кенжетай. Призвал в этот год Субебай к себе Мордана и сказал ему:

— Срок твоей службы истек, жигит. Говори свою просьбу: что ты хочешь с меня за неоплаченные три года?

— Не надо мне, бай, никакой с тебя платы. Жил я у тебя неплохо, доволен и этим.

— Сам аллах послал тебя ко мне. Растрогал ты мою душу, и поступлю я с тобой по-отцовски. Поезжай по белому свету, ищи себе по нраву невесту. Я обещаю за нее выплатить любой калым, сколько бы табунов ни запросили. Еще построю тебе дом, и чтобы был он не только твоим, но и домом твоей названой сестры Кенжетай. В любое время, когда ей захочется, пусть живет Кенжетай у тебя.

И собрался Мордан в путь, искать невесту. Перед дорогой зашел он попрощаться с Кенжетай.

— Кого ты едешь искать, жигит? — спросила его девушка.— Разве сердце не подсказывает тебе, кто твоя избранная? Никуда не отпущу тебя, Мордан!

— Опомнись, душа моя,— взмолился жигит.— Закон сильнее нас. Разве твой богатый отец согласится выдать за меня, своего батрака, тебя — единственную дочь свою?

— Был бы ты согласен, отца не будем просить об этом. Я убегу с тобою из дому тайно хоть на край света.

— Не за себя страшусь, за тебя, Кенжетай, поймают нас — растерзают, как кровожадные шакалы.

— Мне не страшна с любимым и смерть, страшнее — жить без тебя. Кто нас может поймать, если ты сядешь на Тельконура, а я на гнедого скакуна отца? Нет еще таких быстрых коней в округе.

— Если ты говоришь так, радость моя, Кенжетай, буду ли я перечить? Поеду первым, чтобы отвести подозрение. Остановлюсь у озера Дайык. Дико там и пустынно, но для нас страшнее зверя сейчас — лихой человек. На берегу озера буду ждать тебя, моя нареченная.— Так сказал Мордан и поехал, весь сияя от радости. Не верилось ему, бедняге, что пришло и к нему счастье, которое он так долго искал. Через сутки он был на берегу озера Дайык. Расседлал Тельконура, пустил пастись. Сам же прилег отдохнуть. Сквозь сон услышал Мордан ржанье коня, открыл глаза — рядом Кенжетай на Гнедом.

— Не будем мешкать, отправимся дальше, как бы не настигли нас люди отца, дома теперь обо всем догадались,— торопит девушка жигита. И поскакали они вдоль озера Дайык искать брод, чтобы переправиться на другой берег.

Но броду не было, не было даже удобного спуска к воде. Всадники остановились на высоком яру. Впереди, с той

стороны озера, слышалось грозное рычанье тигра, уханье дикого кабана... Обернулась назад Кенжетай — вьется в степи облако пыли.

— Нас заметили! — вскричала девушка.— Чем попасть в руки наймитов отца — лучше погибнуть в волнах озера. Дорогой мой, выбора нет. Доверимся коням, пустим их вплавь.— Подхлестнул Тельконура Мордан, подчинился хозяину конь — прямо с обрыва бросился в синие волны Дайыка и поплыл к другому берегу. Как ни билась со своим конем Кенжетай, ничего не могла поделать: страшился Гнедой воды. Тут послышалось ржанье коней преследователей. Услышал родные голоса Гнедой — вот-вот повернет им навстречу. Только на мгновенье растерялась Кенжетай, соскочила она с седла и с яра прыгнула прямо на коня Мордана. Тельконур только сильнее фыркнул и пошел вперед, будто не вода была под ним, а родная степь.

— Стреляйте из лука! — услышали беглецы позади себя грозный крик Субебая.

Стрелы засвистели над головами, фонтанами бурлили воду, но, словно заколдованные, девушка и жигит оставались невредимы. Наконец выстрелы прекратились — Субебай понял бесцельность стрельбы и приказал прекратить ее.

— Все равно,— сказал он своим сподручным,— леса и горы на том берегу кишат дикими зверями и змеями... Нечестивцы сполна заплатят за мой позор — звери растерзают их. Вы, мои верные слуги, должны поведать об этом народу, чтобы людская молва не поносила попусту мое имя: «Мол, дочь Субебая сбежала с его батраком». Раскинем шатры, расседлаем коней, дадим им отдых и сами подкрепимся ужином и сном.

Поставили слуги Субебая для него юрту, разожгли костры и отправились кто ловить рыбу, кто стрелять дичь. Рыбы в озере было столько, что оно кипело, как казан с ухой. Дичи в лесу было столько, что он казался райским: на каждой ветке сидели птицы, внизу пробегали никогда не пуганные охотником косули и олени.

Конюхи купали лошадей, спутав, отпускали их пастись по шелковой траве. Лишь Гнедой не давал себя поймать, отбегал в сторону нерасседланный... Время клонилось к полуночи, когда после ужина люди улеглись отдохнуть.

Все угомонилось. Не плеснет рыба, не вскрикнет птица, не хрустнет ветка под ногой чуткого оленя. Только с другого берега стали слышнее истошные крики гиен и вой голодных шакалов. И всякий раз Субебай творил молитву аллаху и просил у него отмщения.

Еще раньше, когда заря загорелась на востоке и бледноликий месяц рассыпал столб серебряных монет в водах Дайыка, Кенжетай и Мордан благополучно подплывали на Тельконуре к противоположному берегу. Они развели костер, обсушились. Мордан отправился ловить рыбу все из того же благодатного озера Дайык. Кенжетай расседлала Тельконура и отпустила его пастись. Путать его девушка не стала, подумав про себя: «Пусть отдохнет получше». Конь повалялся на берегу, вошел в воду. В это время заржал на другом берегу Гнедой, он всегда в табуне пасся рядом с Тельконуром. Не успели беглецы и ахнуть, как их конек стремительно переплыл озеро и стал рядом с Гнедым. Обрадовались люди Субебая: скот возвращается к хозяину — быть добру. Самый продажный из слуг смекнул: «Есть возможность угодить баю — озолотит». Взнуздал Тельконура, переложил с Гнедого на него седло. С одной стороны седла приторочил волосяной аркан, с другой — коржин со стрелами и луком. Наймит решил приволочь баю трупы растерзанных, это ли не услуга! Занес он ногу в стремя... В это время с другого берега послышалась скорбная, проникающая в душу мелодия. Свирель пела и, рыдая, выговаривала, как человек, слова песни:

О Тельконур, наш Тельконур!
Зачем нас предал, Тельконур?
Зачем оставил, Тельконур,
В минуту, тяжкую для нас?

О Тельконур, наш Тельконур!
Был жеребенком Тельконур,
Надеждой был ты, Тельконур,
Считали другом мы тебя...

О Тельконур, душа моя,
Ты слышишь, как поет свирель?
Ты спас нам жизни от людей,
Вернись, спаси нас от зверей!

Тельконур рванулся от седока в сторону и бросился в волны Дайыка. Никто не успел и ахнуть, как конь уже отряхивал с себя воду на другом берегу. Он подошел к обрадованным беглецам и протяжно заржал.

Первой опомнилась Кенжетай, она проворно расседлала коня и сказала:

— Мордан, Тельконур привез нам второе седло и волосяной аркан. Посмотрим, что у него в коржине.

Лишенные помощи добрых людей, беглецы очень обрадовались, что в коржине было как раз то, что им надо здесь, в необитаемом месте,— лук и стрелы.

— Я заметил поблизости следы табуна диких коней — куланов. Постараемся поймать их — для этого у нас теперь есть прочный аркан. Будет конь — пригодится и второе седло,— сказал жигит девушке. Направил он Тельконура к расщелине между скал. Вдруг Тельконур заржал — и в ответ послышалось ржание целого конского табуна. Загикав и засвистав, жигит отделил несколько диких лошадей от косяка и погнал их в густой кустарник. Загнанные куланы запутались в чаще. Без труда заарканил двух куланов Мордан. Одного, самого упитанного, прирезали на пропитание, другого, рослого и сильного, обуздали, надели на него седло. Мордан мигом вскочил на дикого коня. Словно молния, метался тот, взвиваясь на дыбы, норовя сбросить смельчака. Но человек подчинил своей власти дикое животное! Конь, взмыленный, присмиревший, понес седока ровной рысью к Кенжетай.

Ночь провели беглецы у костра, на рассвете тронулись в путь. Ехали они все время на запад... Долго ли, коротко ли, показались вдалеке берега полноводной реки Чу. Кони ускорили свой бег, повеселели путники.

По берегам Чу кочевал род Кулжабая. Люди в нем были гостеприимными и добрыми. Хозяева оставили Мордана и Кенжетай жить у себя.

Вечерами Кенжетай выходила на берег реки, и далеко-далеко была слышна песня ее свирели:

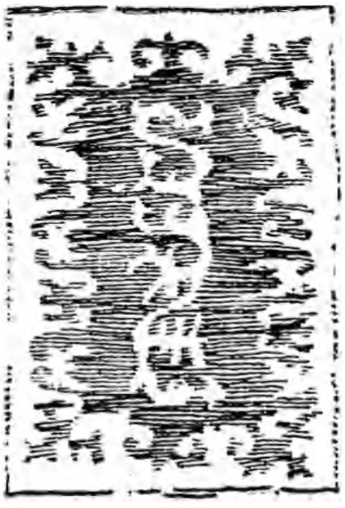
О Тельконур, наш Тельконур!
Ты нас не предал, Тельконур!
Нас не оставил, Тельконур,
В минуту, тяжкую для нас.

О Тельконур, наш Тельконур!
Был жеребенком Тельконур,
Надежда наша, Тельконур,
Считаем другом мы тебя.

О Тельконур, наш Тельконур!
Ты спас нам жизни, Тельконур,
Лишь в честь тебя, наш Тельконур,
Поет свирель — душа моя.

КАК ДОЧЬ ХАНА ВЫБИРАЛА СЕБЕ МУЖА

●

Давно это было. Жил-был богатый хан. И была у него дочь красавица, такая умная да пригожая, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Влюбленные сохли, огонь любви сжигал их, но посвататься к красавице не смели. Всем вокруг известна была воля хана-отца:

— Принуждать насильно дочь свою к замужеству не стану: кто мил будет сердцу ее, за того и отдам.

Проходит год, два — никого не полюбила ханская дочь, а время идет... Пошла она раз к отцу и сказала:

— Цветы на яблоне отцветут и завянут. Пройдет и моя красота. Пора мне, отец, выбирать себе достойного друга. Объяви народу: всякий, кто хочет просить руки моей, пусть приносит подарок. Замуж выйду лишь за того, чей подарок будет лучше всех. Остальным прикажи срубить головы!

Во все концы земли разъехались ханские глашатаи. Они объявили волю своего повелителя:

— Всякий, кто бы он ни был, если хочет просить руку дочери хана, пусть готовит лучший из лучших подарок. Сумеет достойный угодить госпоже нашей — быть ему нареченным. Остальные пусть готовят свою голову на плаху!

Страшно наказание, но оно еще сильнее разжигало воображение влюбленных: каждый считал себя избранным. Красота ханской дочери многих свела с ума. И потянулись со всех концов земли в ставку хана жигиты, и бедные и

богатые. Под богатыми гарцевал рысак и позади тянулись караваны верблюдов с подарками, бедные шли пешком. Несли они в руках искусство мастерства своего: кто расшитые узорами ремни и сапоги, кто дивной работы ларцы и украшения...

Но ничем не удивишь ханскую дочь. Все она имела во дворце отца своего. И росла гора отрубленных голов. Скоро она стала выше минарета.

В это время на стыке трех дорог, которые бежали из трех городов в ставку хана, встретились три жигита. У одного приторочен был к седлу ковер, второй вез в руках зеркало, третий держал у сердца спрятанное яблоко. Встретились жигиты и разговорились, каждый начал расхваливать достоинство подарка своего.

Говорит первый жигит:

— Мой ковер доставит тебя вмиг, куда только захочешь.

Говорит второй жигит:

— В зеркале моем можно увидеть все, что делается на земле.

И говорит третий жигит:

— Яблоко мое воскрешает душу и тело умирающего.

И договорились жигиты не расставаться, помогать друг другу. «Хоть один из нас добьется милости непокорной красавицы»,— решили друзья. Попросили двое третьего — хозяина зеркала:

— Посмотри и скажи нам, что делается на белом свете.

— Везде спокойно,— отвечал тот.— Только у ханского дворца льется кровь рекой и морем разливаются слезы матерей. Народ проклинает ханскую дочь. От огорчения она заболела и лежит при смерти, уже глаз не открывает.

Сели друзья на ковер и в мгновение ока очутились у ханских ворот. Стража повела их к хану, рассказали жигиты, зачем прибыли. Допустил хан всех троих в покои дочери. И дал ей тут жигит — владелец яблока — отведать целебный плод... Откусила красавица яблоко один раз — в глазах у нее засветилась жизнь, откусила второй — кровь заиграла румянцем в лице, после третьего раза здоровехонькая и веселая поднялась она с постели. Тут преподносят ей два других жигита свои подарки — ковер и зеркало, расхваливают их достоинства. Но ханская дочь возвратила

с поклоном и ковер и зеркало. В мужья себе выбрала хозяина яблока.

И взроптали отверженные:

— Как так получается? Не было бы зеркала — не узнали бы мы, что ты при смерти. Не было бы ковра, не успели бы мы увидеть тебя в живых. Почему же ты берешь в мужья того, который всего-навсего привез тебе яблоко?

Отвечает жигитам ханская дочь:

— Не сердитесь на меня: так велит мне мой долг. Ваши подарки я могу возвратить, а его — нет: яблоко я съела. Да и прибыли бы вы сюда хоть раньше, хоть позже — не воскресили бы меня. Целебным яблоком ваш друг спас жизнь мою, и теперь принадлежит она только ему. Вы помогли жениху моему добраться ко мне вовремя, за это дарую вам жизнь вашу. Возвращайтесь по своим домам.

С этими словами ханская дочь пошла сказать отцу о дне своей свадьбы.

ЗАГОВОРЕННАЯ ДЕВУШКА

●

Давно это было. У одного зажиточного человека подрастал единственный сын.

Годы шли, мальчик возмужал, превратился в красивого рослого жигита. По храбрости не было равного ему в ауле. Да вот плохо: ни одна из девушек не только в родном ауле, но и в окрестных кочевьях не нравилась нашему жигиту. Одна удалась умом, да некрасива, другая лицом взяла, да характер сварливый, третья хозяйка плохая, четвертая жадная. Родители и сваты с ног сбились.

Думал, думал отец — не оставаться же парню холостым! — и решил отправить сына путешествовать в дальние края — авось там присмотрит он себе девушку по сердцу.

Собрался жигит в путь, простился с родными, вскочил на коня и помчался навстречу неведомому. Ехал он день, ехал два, вот уже месяц прошел с тех пор, как переступил он порог родной юрты, во многие аулы заезжал, много хороших девушек повидал, но той, что заставила бы забыть обо всем на свете, так и не встретил.

Пошел второй месяц странствий... Ехал как-то наш жигит через дремучий лес, целый день ехал, и перед закатом вынес его конь на прогалину. Глазам своим не поверил жигит: стоит перед ним красивый дом, такого он никогда не видел не только в родном ауле, но и в городе, подъехал ближе и увидел, что перед домом на траве лежит девушка. Да какая! Черные толстые косы змеями обвивают неподвижное тело, сквозь алые полуоткрытые губы виднеются зубы — как жемчуг, брови ровными дугами осеняют непод-

вижно прикрытые веки, ресницы — как мохнатые шмели, на щеках алеет румянец — ярче утренней зари. Наклонился над ней жигит и отшатнулся — красавица не дышала. Мертва! Дотронулся до руки и обрадовался — нет, покойники такими не бывают! Принялся он звать девушку, тормошить ее, водой из арыка побрызгал, нет, не шелохнется, не откроет глаз. Вбежал жигит в прекрасный дом, а он пуст! Что тут делать! Положил жигит девушку поперек седла, вскочил на коня и как только мог быстро поскакал к родному аулу.

С удивлением встретили его родители: вот так сын — привез мертвую невесту!

Жигит собрал жителей аула и обратился к ним с такими словами:

— Эту девушку надо оживить во что бы то ни стало. Кто оживит красавицу — пусть берет ее себе.

Желающих нашлось много — и девушка хороша, и калыма платить не надо. Узун-кулак передал эту историю и в другие аулы, со всех сторон начали съезжаться жигиты попытать счастья. Чего только они не применяли — девушка не оживала!

Однажды, когда аулчане уже совсем потеряли надежду, в юрту через шанырак влетел воробей, сел на неподвижное тело девушки, повертелся, почирикал и давай клевать нежное горло красавицы. Все всполошились, хотели прогнать воробья, да вдруг девушка зашевелилась. Бросились к ней, глянули на то место, куда клевал воробей, и ахнули — в шею была воткнута булавка. Наш жигит быстро вытащил булавку, и ко всеобщей радости красавица ожила.

— Уф,— промолвила она, садясь и потягиваясь,— и долго же я спала!

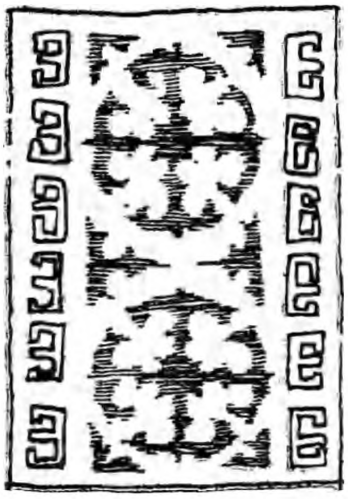
Тут ей рассказали, как все было на самом деле, и спросили, как же это она спала столько месяцев.

— Я не сама уснула,— пояснила красавица.— Один злой старик выкрал меня из родительского дома, хотел на мне жениться, я не соглашалась. Долго уговаривал он меня, я не поддавалась. Тогда злодей заколдовал меня, и перешел бы мой волшебный сон в вечный, если бы не этот жигит.

Надо ли говорить, сколько баранов было зарезано и сколько опустошено бурдюков душистого кумыса на свадебном тое прекрасной девушки и храброго жигита?!

ОХОТНИК

●

Что было, то прошло и быльем поросло. Давным-давно в одном ауле жил охотник. Не простой он был человек, а уважаемый и всеми в ауле от мала до велика почитаемый.

Пошел как-то он на охоту в горы. Ходил, ходил — нет на земле ни единого следа ни зверя, ни птицы. Без добычи в аул возвращаться нельзя — ждут голодные дети и старики. И пошел охотник в ту сторону, где редко бывали люди, а если и бывали, то не возвращались... День шел, ночь шел охотник и выбился из сил. Только хотел он присесть отдохнуть на камне, как услышал какие-то звуки, похожие на стон человека. Огляделся вокруг — никого. Догадался охотник, что стоны идут из-под камня, на котором сидит он. Приподнял охотник камень — под ним зияет черной дырой вход в пещеру.

Вошел смельчак в пещеру, смотрит — что за чудо: в пещере много людей и скота. Люди плачут и в горе рвут на себе волосы. Не успел охотник ни о чем спросить их, как на него налетела хозяйка пещеры — людоедка баба-яга. Дико хохоча и причмокивая, она связала охотника и бросила рядом с костром...

Понял несчастный, что спасет его тут не сила, а хитрость: отстегнул он от пояса флягу с вином и швырнул ее под ноги старухе. Та заметила флягу, отведала из нее крепкого напитка — он ей понравился. И выпила баба-яга все вино до дна. Сначала людоедка прыгала вокруг вертела на костре и бесновалась, потом сморил злодейку крепкий сон. Этого-то и надо было охотнику.

Развязал он на себе веревки, зарезал одну козу, снял с нее шкуру и уложил в сторонке. Потом схватил раскаленный вертел и начал хлестать людоедку по глазам. Взвыла баба-яга от боли, кинулась на охотника, да промахнулась... Глаза ее были выжжены, и ничего она теперь не видела. Бегала баба-яга, бегала по пещере, кроме коз, никто не попадается под руку!.. Тогда отодвинула людоедка камень у входа в пещеру и начала выгонять коз на улицу. Пропуская каждую, по спине гладила, проверяла — не человек ли? Охотник накрылся шкурой убитой козы и вышел вместе со всем стадом. Храбрости и ловкости у него втрое стало больше: шел он на святое дело — хотел во что бы ни стало спасти своих товарищей по несчастью.

Стал он прямо против бабы-яги, натянул крепко тетиву лука своего и пустил в людоедку стрелу. Попала стрела в сердце злодейки, и упала та замертво.

Сказал тут охотник пленникам бабы-яги:

— Теперь вы свободны, расходитесь по домам! Но прежде обойдем пещеру, посмотрим, какая она и что в ней есть.

За первой пещерой тянулась вторая, вся она была завалена серебром и золотом. Из третьей пещеры навстречу людям вышли малолетние дочь и сын бабы-яги и кинулись молить охотника о пощаде. Не тронул их добрый человек — вспомнил он и свою малолетнюю дочь, оставленную в родном ауле...

Набрали люди серебра и золота, сколько могли унести, и отправились каждый своей дорогой. Охотник же вдобавок к драгоценностям в свою сумку положил и медные когти бабы-яги. Не год и не два выбирался храбрец из царства бабы-яги, наконец пришел в родной аул. Дома его поджидала дочь-невеста. Пока отец странствовал, она выросла и расцвела. Решил отец выдать дочь замуж...

Тут откуда ни возьмись приехал в аул неизвестный жигит и посватался к дочери охотника. Молодые друг другу понравились, отец не сказал слова против. В сказке все быстро делается. Через три дня жених выплатил отцу невесты калым — табуны скота. На четвертый день отпраздновали свадьбу.

Когда стали собираться молодые в аул жениха, подскакал он к своей невесте:

— В приданое проси у отца серебро и золото, что набрал он в пещере, да медные когти бабы-яги.

Пристала дочь к охотнику:

— Дай, отец, мне в приданое серебро и золото, а в придачу — медные когти бабы-яги.

Удивился охотник просьбе дочери — никто до сих пор не знал его тайны с пещерой, но наделил ее и серебром и золотом. Не хотел охотник отдавать только медные когти людоедки. Но дочь стояла на своем. Только не могла она понять, почему отец повернется к ней — улыбается, отвернется — слезы льет. Не устоял охотник перед просьбой дочери, отдал ей медные когти. Отдавал их охотник и наказывал:

— Дочь моя единственная, даю тебе то, чего хочешь сама. Только никогда не отставай во время кочевья от других своих родичей. Помни всю жизнь просьбу мою.

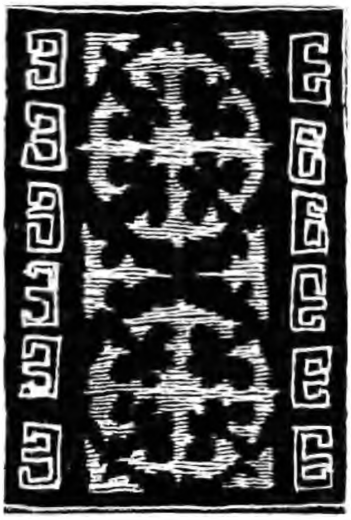
Привез жених невесту в свой родной аул. Не успела дочь охотника привыкнуть к своей новой родне, как муж ее отправился гостить в дальний аул. В его отсутствие и снялась родня с кочевья. Дочь охотника не свернула свою юрту, она ждала возвращения мужа... Невдомек ей было, бедной, что гостил он у своей сестры — дочери убитой охотником бабы-яги...

В одну темную ночь прилетела дочь бабы-яги к одинокой юрте, схватила медные когти и растерзала ими дочь охотника. Юрту разнесла в клочья и пустила по ветру...

Так наказала судьба дочь охотника за то, что забыла она наказ отца.

АЙГУЛЬ

●

Жил в давние времена на свете один бай и была у него единственная дочь Айгуль, девушка необычайной красоты. Акыны слагали про нее песни, сравнивая ее очи с солнцем, а рот с полумесяцем. А самое главное, в придачу к красивой внешности аллах даровал Айгуль еще и доброе сердце.

Берегли и лелеяли красавицу родители. Как говорят в народе, не давали крылатому крылом коснуться, клюватому — клювом. Без провожатого девушка не ступала и шагу, проворные служанки предупреждали каждое ее желание.

Так и росла байская дочь, но вот однажды захотелось ей в час заката, когда солнце огромным багровым шаром спускается за край степи, погулять по саду. В этом саду было много цветов, и росли они на берегу громадного озера.

Долго гуляла девушка, наслаждаясь благоуханием прекрасных цветов, гудением шмелей, шелестом листьев и свежим ветерком, поднимавшим на воде шаловливую рябь. Вдруг перед ней вырос как из-под земли человек в черной одежде. Испугалась Айгуль, бросилась бежать, но незнакомый жигит так ласково окликнул ее, что к девушке сразу вернулось мужество, и она пошла шагом, потом обернулась, и кончилось тем, что она позволила жигиту увлечь себя к самому берегу озера.

Легковерное девичье сердце! Сама того не заметив, Айгуль очутилась с жигитом на плоту, и, весело смеясь, они оттолкнулись от берега и поплыли на середину озера, к острову.

Тем временем родители хватились Айгуль, стали звать — нет дочери, послали служанку к соседям — тоже нет, кинулись на берег озера — и там нет девушки. Исчезла бесследно байская дочь! Наконец догадались, что колдун увез девушку на остров. Сколько было стонов и слез! Бай послал гонцов по всей степи искать мужчин, желающих освободить Айгуль из колдовского плена.

Прошло сколько-то дней, и перед баем предстал жигит с лицом цвета пшеницы и заявил, что готов отправиться на поиски девушки. Звали жигита Байсерэ.

В длинный путь взял Байсерэ еды, кумыса, айрану. Сопровождали его сорок четыре жигита. Долго плыли они. Наконец вдали показался остров.

Пристав к берегу и оставив у воды несколько человек, чтобы они сварили к обеду мясо, Байсерэ с остальными направился в глубь острова поохотиться. Только они скрылись с глаз, как к казану подошел колдун и опрокинул его.

Вечером вернулся Байсерэ и очень рассердился, узнав о проделке колдуна. Готовить обед в следующий раз он решил сам.

На другой день, когда Байсерэ уже кончил варить мясо, к костру приблизился колдун, вежливо поздоровался и сел возле казана. Байсерэ стал его угощать. Гость не отказался. Съев несколько кусков, он неожиданно ударил кулаком по дастархану, и на нем появилось вино. Стали пить вино. Байсерэ не столько пил, сколько делал вид, что пьет, а колдун пьянел все больше и больше. Дождавшись, когда злодей окончательно охмелел, жигит зарезал его.

Только испустил колдун дух, как невдалеке от костра возник дом. Войдя в него, жигиты увидели Айгуль. Бедная девушка была прикована цепью к стене. Со слезами обратилась она к Байсерэ:

— О храбрый жигит! Кто бы ты ни был, ступай скорей отсюда. Придет злой колдун и убьет нас обоих.

Байсерэ показал Айгуль кольцо, которое получил от ее отца. Айгуль, увидев знакомое кольцо, успокоилась, когда же узнала, что колдун убит, то радости ее не было конца.

Освободив Айгуль, все отправились в обратный путь. Только доплыли до середины озера, как Байсерэ вспомнил, что оставил кольцо на окне в доме колдуна. Он вернулся на остров, кольцо лежало на том же самом месте, где он его

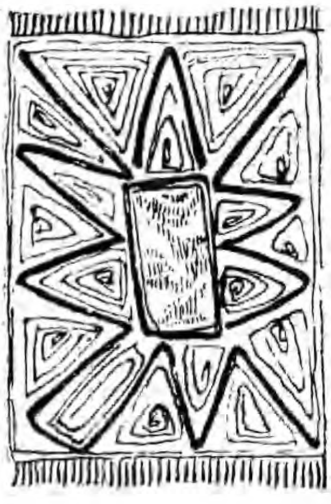
оставил. Схватив кольцо, жигит помчался к берегу, торопясь присоединиться к своим товарищам. Вдруг глядит, на дороге лежит рваный кошелек. Взял его, а он битком набит деньгами! Обрадовался жигит, да рано: не успела Айгуль ступить на сушу, как опять стала пленницей, ее похитил другой колдун в облике старца.

Очень горевал Байсерэ. Но делать нечего — опять пришлось тронуться в путь, снова искать Айгуль. Долго путешествовал жигит, и только через год счастье улыбнулось ему — он нашел аул, в котором прятали девушку. В этом ауле готовились к свадебному тою — выдавали замуж Айгуль. Чтобы выручить любимую, Байсерэ пришлось отдать все деньги из найденного кошелька.

Вскоре Айгуль и Байсерэ поженились и жили долго и счастливо.

КРАСАВИЦА МАЛХУАН

●

Бывает же такое: пройдет по жизни человек, и никто его после смерти словом не помянет — ни худым, ни добрым. О красавице Малхуан вся степь заговорила не только после ее заката, но и задолго до восхода. За шестьдесят лет оракулы предсказали рождение Малхуан. Неведомо откуда появились ее портреты и разошлись по всем народам, населяющим землю. Людей зачаровала неземная красота девушки.

Узун-кулак донес весть о красавице и до ушей хана, богаче и влиятельнее которого не было на всем белом свете. Сорок дворцов, один краше другого, возвышались у хана. Но изо всех выделялся тот, что построен был заморскими мастерами. По глазури и яхонту плавали месяц с солнцем из серебра и золота, между ними — коралловые звезды... В этом-то дворце и приказал хан повесить портрет Малхуан. Красота ее затмила искусство заморских мастеров! «Как появится красавица на свет, разыщу ее во что бы то ни стало и женюсь»,— поклялся хан. Ключи от дворца он спрятал в свое шаш-бау — ленту косы, расшитую драгоценными камнями.

А надо сказать, что был у того хана единственный сын — совсем еще мальчик... Играл наследник однажды с сыном визиря около дворцов и захотелось ему осмотреть, внутреннее убранство этих дивных строений. Попросил он ключи от дворцов у матери. В тридцати девяти дворцах побывали дети, от последнего, сорокового, ключа не было. Побежал снова сын к матери, просит ключ от сорокового дворца.

— Свет мой,— отвечает ханша,— нет у меня ключа. Отец никому его не доверяет и носит в своем шаш-бау. Шаш-бау хан выплетает лишь во время молитвы.

Еще больше захотелось мальчику побывать в таинственном дворце. «И потомки духов хитрят»,— вспомнил он слова своего учителя и выкрал ключ у отца.

Переступили они с сыном визиря порог дворца и... остановились: с портрета им улыбалась красавица Малхуан. Губы ее, как полумесяц, очи — два ясных солнца. Сыну хана показалось, что свет глаз девушки ожег ему сердце. Мальчику сделалось дурно, и он упал без чувств. Долго не приходил несчастный в себя, потом открыл глаза и с помощью друга кое-как добрался домой.

Заболел сын хана, слег в постель. Один за другим осматривали его лучшие лекари — не могли разгадать причину недуга. Сам больной не говорил ни слова. С каждым днем становилось ему все хуже и, пожалуй бы, скончался — не приди к хану старый отшельник. Он посмотрел на мальчика и сказал отцу:

— Тяжела болезнь сына вашего, нелегко и исцеление. Вылечит его лишь красавица Малхуан, если вы найдете ее и сосватаете за своего сына. Сейчас девочке восемь лет, она дочь некоего Даута, что живет в горах Шенгерле.

Дрогнуло каменное сердце отца. Но не от жалости к сыну, а от мысли, что наследник может помешать исполнению его заветной мечты. И созрели в голове хана, как яйца в гнезде змеи, коварные планы.

— Сын мой, радость моя единственная,— заговорил льстиво хан.— Ты вырос и можешь держаться в седле. Поезжай, найди свою красавицу и привези ее сюда. В попутчики даю тебе сына визиря. Да поможет вам обоим аллах.

Приказал хан одеть мальчиков в красивые одежды, наградил лучшими доспехами, посадил на рысистых коней и велел трогать.

Ехали, ехали мальчики и доехали до такой темноты, что хоть глаз коли. Как быть, куда ехать дальше? Вдруг впереди показался белобородый старец с факелом в руке. Он спросил всадников:

— Дети мои, кто вы, как сюда попали и куда путь держите?

Рассказали мальчики старцу все без утайки.

— Приедет издалека шестилетний ребенок — ему должен помочь шестидесятилетний — такой обычай казахов,— ответил старец. Он осветил дорогу и знаком приказал друзьям следовать за ним. Сорок дней и сорок ночей вел старец путников краем вечной темноты. Лишь на сорок первый день выбрались они к солнечному свету. Тут сказал аксакал своим спутникам:

— Труден и далек ваш путь, труден и опасен. Едете вы мальчиками, доедете — юношами. Первой повстречается вам баба-яга. Не пугайтесь ее — все обойдется. Она даст вам в поводыри подпаска. С его помощью и доберетесь до Шенгерле, где живет красавица Малхуан. Да поможет вам аллах!

И год и два ехали жигиты. Однажды увидели: далеко в степи дым к небу столбом тянется. Подъехали — юрта бабы-яги. Радостно приняла их старая колдунья. Не успели жигиты рассмотреть страшилище, а она уже одного из них — сына хана — проглотила. Проглотила и так захохотала, что живот ее заколыхался, как саба с кумысом, потом выплюнула молодца обратно и заговорила:

— Испугались, щенки? Ваше счастье, что вы такие хорошие да пригожие — приглянулись мне. Будете помнить, в чьей земле были!

Улеглась старая ведьма у очага, жигитам велела рассказывать: кто они, куда путь держат и зачем их сюда занесло.

Друзья рассказали все старухе.

— Обещаю,— отвечала им баба-яга,— вы достигнете своей цели. Малхуан уже недалеко: вот за юртой виднеются горы — это и есть Шенгерле. За горами растет дремучий лес, в том лесу и стоит дворец вашей красавицы. День и ночь стережет ее колдунья-наставница. Ходит колдунья в облике животного. Но не печальтесь — старуха падка на золото, а на его блеск, говорят, и змея из гнезда вылезает. Уплатите колдунье побольше — она сама себя продаст, не то что красавицу Малхуан. Я сказала все. Остальное объяснит вам мальчишка-подпасок. Да сопутствует вам удача, ступайте.

Перевалили жигиты через горы — впереди дремучий лес. Из лесу вышел мальчик с длинным кнутом, в дырявой шапке. Догадались друзья, что это и есть подпасок. Расска-

зали они мальчику, кто послал их к нему, и попросили указать путь ко дворцу Малхуан. Отвечает им пастушок:

— Говорить мне об этом нельзя, колдунья услышит. Я могу только указывать путь, если умные — поймете, куда ехать.

С этими словами пастушок поднял правую руку и пошел от жигитов прочь. Те переглянулись, пожали плечами — ничего не понимают... Потом сын визиря говорит:

— Смотри, вон и ворона летит с той стороны, куда пошел мальчик, значит там поблизости есть жилье. Поехали!

Только кони жигитов сделали по шагу, как их откуда ни возьмись окружило стадо ревущих быков. Вот-вот на рога подденут — разнесут в клочья. Больше всех ярится самый рогастый... Вспомнил тут сын хана совет бабы-яги, швырнул под ноги быку тысячу диллей. Ой бай-ау! Шкура с быка спала, и вышла из нее старуха! Она с жадностью схватила золото.

— Эй, жигиты! Я знаю, чего вы хотите. Если вам нужна красавица Малхуан, подходите поближе,— кричит ведьма.

Подъехали к ней друзья.

— Один из вас,— говорит старуха,— должен несколько дней учиться у меня колдовству. Усвоив урок, он пойдет к Малхуан.

Долго советовались юноши, кому из них обучаться колдовству и первому идти к красавице. Потом сговорились, что пойдет сын визиря — ему безопаснее первому увидеть ослепительную красоту девушки.

Поучился сын визиря три дня у колдуньи — отправился во дворец давать урок... Малхуан была не только красива, но и догадлива. Юноша робко переступил порог, еще застенчивее поднял на красавицу глаза. Малхуан поняла: не без умысла пришел жигит! Немедля дважды ударила она его по щекам, и сын визиря, оглушенный, упал без сознания. Внимательно рассмотрела Малхуан юношу — и благородство черт его, и красота смягчили сердце хозяйки. Привела она жигита в чувство, спросила:

— Кто ты и зачем пришел? Да не пытайся хитрить!

Рассказал сын визиря красавице все как есть. Задумалась она, потом и говорит:

— Мне по нраву ваши храбрость и отвага. И если сын хана так же хорош собой, как и отважен, я готова назвать его своим суженым. Только вот горе: еще раньше вас прибыл в нашу страну могущественный калмыцкий хан. Он был храбрым и мужественным в пути, но стар и немил мне. Он пригрозил, что если я откажусь стать его женой, он разорит и уничтожит страну моего отца. Что делать? Я дала согласие быть женой хана. Уже закончился свадебный той, три дня идут молодежные игры. На завтра назначен день моего отъезда в чужую страну... Вы с хановичем подоспели вовремя и теперь спасите меня. Век я этого не забуду, не зря говорят: добро и зерно одинаковы — что посеешь, то и пожнешь...

Вы с сыном хана спрячьтесь в могильном склепе моего деда. Завтра, как буду проезжать мимо, попрошусь у хана проститься перед дальней дорогой с прахом покойного. Он не может не разрешить. В склепе один из вас должен быстро переодеться в мое платье и ехать с ханом вместо меня. Аллах всемилостив, он поможет смельчаку возвратиться домой.

Назавтра так все и сделали. Вместо Малхуан отправился с ханом в его страну сын визиря. Он сидел рядом с владыкой в платье Малхуан, опустив свои длинные ресницы. Старый жених ничего не понял.

В своей стране хан устроил богатый свадебный той со скачками. Радовался старик: после тоя молодая жена будет жить вместе с ним!

Но Малхуан — сын визиря — сказала хану после тоя нежным голоском:

— Господин мой, вы сорок дней не должны подходить ко мне. Исполните мое желание — клянусь любить вас до конца своей жизни. Не исполните — худо нам будет обоим.

Хан согласился. А надо сказать, что во время скачек «невеста» подружилась с сестрой хана Еркежан. Понравилась красавица сыну визиря, и решил жигит выкрасть ее.

— Еркежан,— обратился он как-то к девушке все тем же притворным голоском,— возьми у брата двух тулпаров, поучи меня верховой езде.— Еркежан так и сделала. Очень удивилась она, когда ее невестка с ловкостью лихого наездника помчалась за барханы. Еле догнала Еркежан «подругу». Еще больше удивилась девушка, когда вместо мнимой

Малхуан перед нею стоял статный юноша во всех воинских доспехах. Надо вам сознаться: Еркежан и раньше иногда казалось, что любит она так горячо не свою подругу, а нареченного... Потому что видела в невестке много мужского, когда они оставались наедине... Как обрадовалась этой перемене Еркежан! А она-то, бедняжка, уже готовилась подчиниться власти своего брата, который просватал ее за такого же старика, как и сам.

Приехали Еркежан и сын визиря к дому Малхуан и сына хана, и все четверо зажили там счастливо. Малхуан заколдовала вход и окна дома. Он казался снаружи гладким куполом, и никто чужой теперь не мог войти в него.

В стране калмыков поднялся великий переполох: исчезли невеста хана и сестра! Люди хана шныряли по всей стране, как голодные волки,— беглянок и след простыл. Разыскал хан старую колдунью, падкую на золото. Дал ей денег, да мало, потому что сам по жадности мог поспорить с любой ведьмой. Колдунья указала дом беглецов, но больше помогать скряге не стала. Подъехал хан к этому дому, смотрит: ни окон, ни дверей — стоит какой-то купол. Рассердился он на колдунью, решил больше с нею не связываться, возвратился домой. А старуха захотела получить подачку и с другой стороны. Открыла она купол и сказала беглецам:

— Дети мои, теперь вы свободны, идите, куда хотите. Опасность вам не грозит. Мне же полагается от вас суюнши — подарок за радостную весть.— Дал сын хана много золота старухе. Добром проводила колдунья молодых.

Ехали они ехали, добрались до студеного ручья. Здесь под сенью деревьев и разбили шатры, прилегли отдохнуть. Крепко уснули все, кроме сына визиря. Тревожные мысли разгоняли его сон. И надо же было случиться такому, что как раз над ним сели две вороны, и говорит одна другой почеловечьи:

— Пай-пай! Как красив сын хана! Но как коротка жизнь его!

— Почему? — удивилась другая.

— Разве ты не знаешь? Его отец поклялся прахом своих предков завладеть красавицей Малхуан еще до ее

рождения. Теперь услышал старик, что едут молодые: день не ест, ночь не спит — все думает, как избавиться от сына. Хан осыпал любимого тулпара наследника ядом и высылает его навстречу путникам. Если кто проговорится об этом,— тут же прокаркала ворона,— пусть по колено превратится в черный уголь.

Помолчав, ворона продолжала:

— Хан готовит для сына пищу с ядом. Кто сообщит об этом наследнику — пусть по грудь превратится в черный камень!

— Япырай! Сколько опасностей подстерегают сына хана! Даже его любимого котенка отец велел натереть ядом... Кто скажет это — станет черным камнем!

И вороны тотчас улетели.

Совсем загоревал сын визиря. Он разбудил всех и сказал: «Не будем медлить, дом близко, поехали!»

Ехали они, ехали — повеяло дымом их родины. Как ветер, обгоняя птиц на лету, вынесся путникам навстречу любимый тулпар сына хана. От нетерпения он грыз удила. Только наследник хотел пересесть на коня, как сын визиря выхватил из ножен свою саблю и зарубил тулпара. Очень огорчился сын хана, но ничего не сказал другу.

Въехали странники на родимый двор. С почестями встретил их хан и тут же отдал приказание начинать той. Девушек он чествовал во дворце, где висел портрет Малхуан, жигитов — отдельно. Не успел сын хана сесть за стол, как его друг у всех на глазах опрокинул все кушанья — никому не дал до них дотронуться. Подивился сын хана такому поступку, но и на этот раз ничего не сказал. Здесь же на пиру договорились, что все четверо лягут спать в одних покоях.

Как договорились, так и сделали. Заснули все, не спится только сыну визиря. Смотрит он — на постель сына хана прыгнул котенок. Схватил верный друг снова свою саблю и зарубил котенка. Свалился тот на пол, но капелька крови попала на грудь Малхуан. Нагнулся сын визиря над девушкой, не зная в отчаянии что делать... В это время проснулся сын хана:

— Сколько ни корми щенка, все равно из него вырастет кобель! — вскричал он в гневе.— Вот ты каков, решил

завладеть моей невестой! Ну берегись... сейчас же пойду к отцу и потребую над тобою расправы!

Гнев делает человека безумным. Но страшнее всякого гнева подлость человеческая. Обрадовался хан. Теперь он избавится хоть от сына визиря! Тотчас сколотили на дворцовой площади виселицу и согнали туда весь народ...

Когда душу жжет безмерное горе, язык человека пылает, как горящая головня. «Все равно погибать,— думает сын визиря,— поведаю я народу правду о хане». Не успел народ расслышать последних слов о подлости своего властелина, как исполнился наговор ворон: у всех на глазах превратился сын визиря в черный камень.

Перед этим хан съежился, как саба, из которой вылили кумыс, теперь же, когда свершилось знамение злых духов, он зло рассмеялся:

— Хотел оболгать меня, на которого не поднимается десница самого всевышнего! Нет, дорогой! Кто входит ко мне пламенем — выходит золой...— Он трижды плюнул на черный камень и удалился в покои.

От горя сын хана не находил себе места. Он понял, как жестоко неправ оказался перед своим верным другом. Он пришел к визирю и сказал:

— Облегчите горе мое, накажите меня как можете, я в ваших руках.

— Мои глаза не видят сына — радость души, пусть и твои не видят света белого.— И визирь выколол глаза наследнику. Он навьючил на спину юноши черный камень, которым стал его сын, крепко привязал его и велел идти прочь.

Долго ли, коротко ли шел сын хана, дальше идти не мог. Камень вдавливал его в землю, веревки впивались в тело, кровь сочилась со спины... Сел сын хана под деревом, проклиная себя и свою судьбу. Вдруг слышит рядом голос:

— Какие здесь воды и травы целебные — воскресят и мертвого!

— Да,— отвечает второй,— у меня была на ноге рана, я промыла ее из этого вот ручья — и раны как не бывало!

Откуда силы взялись у сына хана! Он поднялся и принялся все обшаривать. Наконец вот он и ручей! Набрал несчастный полные пригоршни прохладной воды и плеснул себе в лицо. Омыла вода глаза и свершилось чудо —

сын хана прозрел! Кое-как снял с себя камень и бросил его в воду. Ой бай-ау! Из студеной воды поднялся здоровый и невредимый его верный друг — сын визиря.

Обнялись друзья на радостях и решили пока не возвращаться на родину.

Они нанялись пасти коней к одному баю. И случилось так, что однажды их хозяин засобирался на ханский той. Хан давал его в честь своей женитьбы на красавице Малхуан и женитьбы визиря на Еркежан.

Жигиты-пастухи попросили у бая коней, чтобы тоже поехать на праздник. Бай даже не удостоил их ответом. Тут вспомнил сын визиря о своих уроках колдовства... Он достал из кармана два волоска — от своего рысака и любимого тулпара сына хана,— поджег их, и кони тотчас прискакали.

Приехали жигиты на той, Малхуан и Еркежан сразу узнали, кто это приехал, но виду не подали.

В самый торжественный момент хан поднялся со своего трона и сказал о том, что его счастье безмерно: он женится на Малхуан. Но радость его сменилась страхом, когда к трону подошли его сын и сын визиря. Хан побледнел, как будто его укусил скорпион, и не мог вымолвить ни слова.

— Когда подстрелят орла, у него глаза горят огнем мести. Когда отнимают любимую — огонь мести горит в сердце,— сказал сын хана.

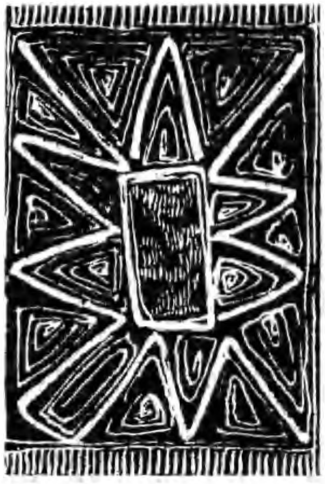
Сын визиря во второй раз поведал народу всю правду о скитаниях своих и сына хана. Напоследок добавил:

— Да превратится хан в волка, а визирь в собаку, вечно голодных и рыщущих в поисках пищи! — И сбылось его заклинание.

Жигиты зажили со своими возлюбленными счастливо и спокойно.

КУНШЕ, ПОТЕРЯВШАЯ СЫНА

●

После смерти мужа горько и одиноко жилось бедной Кунше. Отрадой был для нее только маленький сын. Теплее ласкового луча солнца согревал он душу матери, когда улыбался ей из колыбели. Но беда, говорят, всегда имеет семь братьев. Вслед за первым несчастьем пришло и второе: вошла однажды Кунше в юрту и... не нашла в ней сыночка! Ни ходить, ни ползать малыш не умел, куда же он мог деваться? Обыскав все, в отчаянии выбежала мать на улицу. Как подстреленная птица, металась она по аулу, взывая о помощи:

— Люди, люди, не видали ли моего сына? Помогите, помогите мне разыскать его!

Ни одного человека не осталось равнодушным к горю вдовы.

Аксакалы собирали в ауле совет: судили, рядили — не знали, как облегчить горе Кунше, где искать ребенка. Жигиты объехали всю степь вокруг — ничего радостного не привезли матери. Женщины каждое утро приходили к ней и не находили слов утешения.

Кунше, похудевшая и простоволосая, неподвижно и молча сидела у остывшего очага и отрешенно смотрела помутневшими от горя глазами в одну точку.

Один за другим, как караваны в степи, тянулись дни. Так прошло четыре года. И посоветовал кто-то бедной вдове разыскать мудреца и прорицателя Толыбая. Говорили, что знает он языки тысяч зверей и птиц, на расстоянии угадывает мысли людей, точно предсказывает, что за тулпар вы-

растет из народившегося жеребенка. Не может старый мудрец не сказать, куда девался ребенок!

И села Кунше на рыжего коня, на котором ездил еще ее муж, и отправилась разыскивать жилище Толыбая. Ковыльные степи сменялись сыпучими песками, пустыни — заливными лугами, на пути вставали высокие горы и широкие реки, а Кунше все ехала. Не один рассвет сменялся закатом, не один закат сменялся рассветом, а обездоленная мать все была в дороге. Уже сама стала как тень, конь исхудал — скелет скелетом, а жилища мудреца не было видно.

Не напрасно говорят в народе, что сколько сокол ни парит по поднебесью — все равно он высмотрит добычу, и сколько бедный заяц ни мечется по земле — все равно погибать ему в зубах зверя хищного. Ехала, ехала бедная Кунше — настал и ее смертный час: больше ни она, ни Рыжий и шагу ступить не могут, а кругом — безводная пустыня.

— О аллах всемогущий,— взмолилась мать,— пусть я сгорю пеплом, но дай, прошу тебя, жизнь моему сыну!

Подняла Кунше глаза к небу, а там дымок тянется. Далеким миражем маячит на горизонте одинокая юрта... И откуда только сила взялась — добрела женщина до жилища!

Войлок юрты почернел и стал ветхим от времени, но еще старше выглядел хозяин ее. Высокий и смуглый, он казался высохшим дубом. Ветер перебирал пряди огромной белой бороды. Сквозь дыры одежды виднелось иссохшее тело.

— Дочь моя,— обратился он к Кунше,— я давно тебя жду, два дня назад ласточки принесли мне вести о тебе. Какие тяжкие муки заставили тебя так страдать, зачем ты пришла ко мне, старому Толыбаю?

Из последних сил выговорила вдова:

— Лишилась я единственного сына, дорогой отец! И как беспомощная птица с обрезанными крыльями, кружусь и не могу найти его! Помоги мне, всевидящий, посоветуй, где искать?! — И тут же упала, лишившись чувств.

Толыбай свистнул по-птичьи — прилетела большая стая ласточек. Они крыльями навевали свежий ветерок на Кун-

ше, в клюве приносили ключевую студеную воду и окропляли лицо женщины. Только пришла в себя бедняжка, как ласточки, по взмаху руки Толыбая, помчались в ее аул. К вечеру они принесли оттуда серую мышь с палец величиной. Толыбай спросил, не видала ли мышь, куда девался из юрты маленький мальчик? И ответила мышь:

— Сына Кунше украла женщина с глазами навыкате.

Перевел Толыбай Кунше на человеческий язык слова мыши, снова заплакала бедняжка, забилась, как перепелка в сетях.

— Ойбай-ау, это Айжарык! Я и раньше подозревала ее в этой жестокости: у нее никогда не было детей, и вдруг в шестьдесят лет родился ребенок!

Снова Толыбай засвистел по-птичьи. Опустились на его плечи два огромных черных беркута.

— Летите в аул Кунше,— приказал им мудрец,— принесите сюда Айжарык с ее сыном.

Взмыли беркуты к небу и уже к утру прилетели обратно. Один принес на крыльях страшную старуху. Лицо ее было морщинистым, как опорожненный бурдюк, глаза выпучены, как перевернутые пиалы, плечи, как два седла — на каждое можно посадить по человеку.

Другой беркут бережно опустил на землю мальчика. Он был хрупким и белокожим, глаза, как у верблюжонка, с удивлением смотрели на мир. Казалось, малыш ничуть не испугался ни птиц, ни чужих людей, только смотрел на все с любопытством. Чуя сердцем в Кунше родную мать, он протянул к ней ручонки. Айжарык стукнула его по рукам и притянула к себе.

— Отдай ребенка матери! — сказал ей сурово Толыбай.

— Да ты рехнулся, старый! Видано ли, чтобы мать отдавала свое дитя. Это мой сын, и никому я его не отдам.

Малыш все тянулся к Кунше, не отрывал от нее радостных глаз.

— Не хочешь послушаться меня — пеняй на себя,— сказал Толыбай.— Я разделю ребенка между вами! — и старец кинулся к ребенку с секирой.

Айжарык сразу согласилась со словами Толыбая:

— Мудрое твое решение, да будет так! — и толкнула мальчика под секиру.

Кунше не дала мудрецу ступить и шагу вперед. Она

обвила его ноги руками, зарыдала, как раненая лебедь, взмолилась:

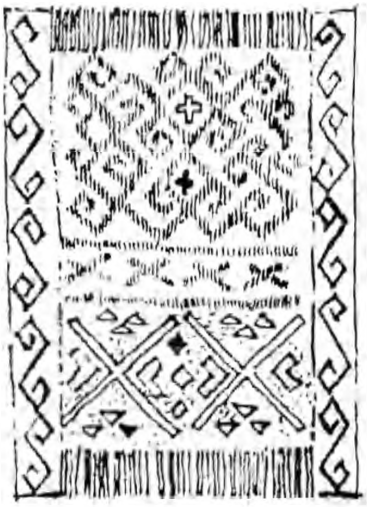
— О святой отец, не губи невинного. Отдай дитя Айжарык, пусть живет у нее, лишь бы жив был!

— Эй, Айжарык,— вскричал в гневе мудрец,— у тебя не сердце, а холодный камень! Отдай же, старая ведьма, ребенка родной матери! — и подвел мальчика к Кунше. Дитя радостно обняло мать... Усадил их Толыбай на беркутов и отправил в родной аул.

Злая Айжарык, опозоренная, до сих пор одиноко сидит в пустыне, от стыда не смея поднять головы. От времени она, говорят, превратилась в серый камень.

ПТИЦА СЧАСТЬЯ

●

Было время, когда богачи ходили в дорогих одеждах, а бедняки носили короткие рваные шубейки. Жил тогда под небом очень скупой бай Келден. Много разного скота было у жадного бая, присматривали за ним пастухи и рабы. И был среди пастухов Казангап — совсем еще мальчик. Пас он байских ягнят. Не было у Казангапа ни отца, ни матери, и он неотлучно находился с ягнятами — днем на пастбище, ночью спал вместе с ними в загоне.

В одну из ночей приснился Казангапу удивительный сон, будто светит над его головой солнце, снизу сияет месяц, а у ног дерутся двое ягнят, вот-вот разобьют себе лбы. Испугался пастух: не приведи аллах, убьют друг друга ягнята, бай не пощадит, выгонит бедного сироту. Бросился он к ягнятам с криком, чтобы разогнать их, и проснулся. Смотрит: тихо вокруг, ягнята мирно спят.

До самого рассвета не сомкнул глаз пастух, все думал, к чему бы этот странный сон, а утром рассказал о приснившемся байскому сыну Асаубаю — своему ровеснику. Асаубай с интересом выслушал пастуха и попросил продать ему сон. Пусть мальчик взамен возьмет сколько хочет скота из табунов отца. Растерялся Казангап: не знал он, всерьез говорит Асаубай или шутит. Пообещал он дать ответ через три дня и погнал ягнят пастись.

Весь день ломал голову парень:

«Сон мой хороший: не стал бы Асаубай покупать дрянной сон. Старики говорят, что сны иногда сбываются. Если я захочу продать сон, Асаубай обманет меня — ничего не

заплатит, да еще и надсмеется. А не продам — изобьет и выгонит. И так и так плохо. Широка степь — уйду я лучше куда глаза глядят».

И Казангап ушел.

Много дней сменилось ночами, идет Казангап все дальше и дальше от родных мест. Заночует, где застанет темнота, а с рассветом — дальше. В один из вечеров остановился он у группы тополей, что стояли одиноко в степи. Устроил себе постель, закусил чем бог послал, лег и сразу же заснул крепким сном. Пусть спит, не будем тревожить его, а наш рассказ пойдет о другом.

Местностью той, где стояли тополя, владел хан Таусагор. Суров был хан Таусагор, но справедлив. Далеко за пределами своего ханства знали Таусагора как честного и умного и шли к нему за советами.

У хана были две дочери-красавицы, Гуляйим и Гулмахира. Девушки отличались незаурядным умом, Гулмахира к тому же была волшебница — она знала язык джинов и пери. Сестры жили дружно, любили друг друга. Когда они подросли, то поклялись никогда не разлучаться.

Настала пора выдавать дочерей замуж, и хан нашел им женихов — сыновей богатых и знатных родителей. Отцы договорились сыграть обе свадьбы в один день.

Загрустили девушки — не нравились им женихи. Да и разлучаться они не хотели. Думали, думали, как им быть, и придумали выйти замуж за одного жигита. Был такой жигит в степи, бедный, пастух бая, но хорош собой. Звали его Сагитом.

Послали сестры верного человека за жигитом, и когда он приехал, объявили ему о своем желании выйти за него замуж. Растерялся юноша и в то же время обрадовался. Спросил он, что ему нужно делать. Умная Гулмахира предложила: пусть Гуляйим с Сагитом бегут, найдут пристанище, а потом к ним приедет и она, Гулмахира. Совет Гулмахиры понравился, и Гуляйим решила бежать этой же ночью. Она условилась с Сагитом встретиться в полночь в степи — у тополей.

Ночь была темная-претемная. Сагит пошел к назначенному месту, но скоро сбился с пути и заблудился.

В полночь приезжает Гуляйим к тополям и видит спящего жигита (помните, там ночь застала Казангапа?) Раз-

будила девушка его, думая, что это Сагит, велела сесть на коня, которого привела в поводу, и они молча поехали.

Когда рассвело, Гуляйим удивилась, увидев рядом с собой незнакомого жигита, грязного, одетого в рванье. Юноша тоже удивленно смотрел на нее. Чуть не заплакала от досады девушка: вот как зло обошлась с ней судьба! Но нет назад пути, будь что будет. И девушка решила соединить свою жизнь с этим человеком — видно, сам аллах послал ей мужа.

Жигит был молод, статен, прекрасен лицом, а глаза так и полыхали огнем. Понравился он Гуляйим. Рассказала девушка о себе, Казангап тоже поведал ей о своем горе. Понравились они друг другу. Гуляйим дала юноше одежду, припасенную для Сагита, велела ему вымыться в реке и переодеться.

Выбрали они место на берегу реки, сделали балаган и стали жить. Гуляйим велела Казангапу говорить всем посторонним, что они брат и сестра. Казангап стал охотиться и ловить рыбу. Гуляйим помогала ему.

Однажды на балаган наехали охотники. Это был со своими друзьями главный визирь местного хана Касен. Очень понравилась ханскому визирю Гуляйим, и он замыслил недоброе. Вернулся домой Касен и рассказал хану о девушке невиданной красоты. Долго расхваливал он девушку.

— Она единственная достойна быть вашей женой,— льстил хитрый визирь немощному, болезненному хану.

Крепко засела в голове хана мысль о Гуляйим, решил он во что бы то ни стало сделать ее своей женой. Поручает он визирю любыми средствами доставить девушку во дворец.

Вызывает Касен Казангапа и говорит ему:

— Наш хан тяжело болен. Помочь ему может только «белое лекарство Сулеймена». Найди это лекарство, иначе не сносить тебе головы.

Убитый горем Казангап вернулся домой. С тревогой встретила его жена.

— Чем озабочен ты, любимый мой. Никогда еще не видела я тебя таким печальным.

Рассказал Казангап о поручении визиря.

— Это сущие пустяки,— успокоила Гуляйим мужа.— Завтра же иди к главному визирю и попроси у него скакуна из табунов хана. Скакуна буду выбирать я. Пусть визирь

прикажет прогнать мимо меня всех лошадей цепочкой, по одной.

На следующий день рано утром пастухи, по приказанию Касена, прогнали перед Гуляйим и Казангапом все табуны. Уже много сотен коней прошли перед глазами молодых людей. И вот наконец Казангапу приглянулся вороной конь.

Но Гуляйим посоветовала поймать приглянувшегося ей серого коня.

Помчится как вихрь
быстроногий жорга,
Стучат по такыру
копыта.
Любого ты с ним
одолеешь врага,
Ведь конь — это крылья
жигита.

Послушал Казангап умную жену, поймал серого коня. Собрала Гуляйим мужа в дальнюю дорогу, на прощанье дала письмо.

— Езжай во владения моего отца хана Таусагора,— говорила она.— Письмо отдашь моей сестре Гулмахире. Она поможет тебе найти «белое лекарство». Тебе трудно будет войти во дворец. По обеим сторонам ворот высятся горы, они постоянно то сходятся, то расходятся. Когда горы раздвинутся и откроются ворота, быстро проезжай, иначе будешь раздавлен вместе с конем.

Поехал Казангап. Долго ли, коротко, приезжает, во владения хана Таусагора, проезжает через ворота и вручает письмо Гулмахире.

Обрадовалась Гулмахира весточке от сестры, приняла тепло жигита, спрятала его подальше от глаз сурового отца. Взяла девушка свой волшебный платок, взмахнула им — вмиг собрались вокруг нее джины и пери. Повелела девушка им раздобыть «белое лекарство Сулеймена».

На следующий день Казангап с «белым лекарством» отправился домой. Приехал жигит, но хан Асаухан уже не нуждался в лекарстве, аллах призвал его к себе на небеса.

Умер хан, и люди решили выбрать себе нового хана. Выпустили они, по обычаю, из клетки «птицу счастья». Ханом должен стать тот, на чей дом сядет птица. Птица полетела в сторону от города и уселась на балаган Казангапа и Гу-

ляйим. Разгневался Касен и приказал выпустить птицу еще раз. Опять птица села на балаган Казангапа. Выпустили птицу в третий раз, и снова она села на балаган. Однако не суждено было Казангапу управлять народом. Касен объявил, что птица ошиблась, села не на тот дом.

Совсем не стало житья Казангапу: всячески преследовал его Касен. Гуляйим, боясь за жизнь мужа, посылает его с письмом к отцу. Скоро прибыл с войском Таусагор и устроил суд. Велел он в назначенный день выпустить «птицу счастья». Птица в четвертый раз села на балаган Казангапа.

Зарезали, по обычаю, белого верблюда, посадили Казангапа на белую кошму и провозгласили его ханом.

Гулмахира, приехавшая с отцом, вместе с Гуляйим рассказала отцу все от начала до конца и слезно просила не разлучать их. Таусагор согласился и устроил большой свадебный той.

Люди не помнили хана справедливее Казангапа. Он всячески старался облегчить жизнь народа и пользовался за это всеобщим признанием и любовью.

Прошло время, и жены в один день подарили Казангапу сыновей.

Однажды усталый Казангап лег спать пораньше. Малютки-сыновья играли возле постели отца в асыки. У обоих было по литому из золота асыку-битку. Только хан задремал, как вдруг раздался стук. Открыл Казангап глаза и видит: у изголовья сидит одна жена, у ног — другая. Дети играют в асыки. И тут Казангап вспомнил свой давнишний сон, как над его головой сияло солнце, у ног светила луна, а двое ягнят бились лбами. Счастливый хан рассмеялся и рассказал женам о причине смеха. Женщины рассказали о себе и Сагите.

На следующий год Казангап по просьбе жен разыскал Сагита — он батрачил у одного бая — и сделал его своим главным визирем. Сагит оказался на редкость умным жигитом и хорошо помогал хану. Скоро он женился на красивой девушке. Обе семьи жили дружно до самой смерти.

АКБАЙ

Жил в давние времена бай Серикбай. Был у него сын по имени Акбай. Задумал Акбай жениться и стал искать себе невесту. Искал, искал, да все не мог найти девушку себе по нраву. Ближние аулы объездил жигит, стал собираться и в дальние, а тут дошел до него слух, что один знатный бай устраивает байгу, кокпар и богатый той.

«Съедется много народу,— подумал Акбай,— будут красавицы из многих аулов, авось найдется там для меня невеста».

Взял он с собою сорок жигитов и пустился в дальнее путешествие. На пятнадцатый день пути прибыли они на место. Акбая и его спутников приняли с почетом, отвели для жилья богато убранные юрты, поили душистым кумысом, угощали жирной бараниной.

Сорок дочерей было у знатного бая этого аула, сорок красавиц, но больше всех понравилась Акбаю Бибисары. Еще далеко было до конца празднества, а он решил к ней посвататься. Улучив момент, когда красавица осталась одна, Акбай осторожно спросил ее:

— Свободно ли ваше сердце.

— Свободно,— ответила Бибисары,— но только потому, что я решила выйти замуж лишь за того, кто полностью выполнит одно условие. Многие жигиты из знатных родов просили моей руки, и всем я ставила это условие, но выполнить его никто не смог.

— Нельзя ли мне попытать счастье?

— Не советую,— возразила красавица.— Вы наш гость,

и если не сможете выполнить, что я велю, стыдно будет и вам и мне.

— Выполню! — воскликнул в нетерпении жигит.— Разве вы придумали то, чего не бывает на свете? Скажите же, что надо сделать?

— Ладно. Слушай, жигит. Надо раздобыть четыреста лошадей одного возраста — пяти лет и пяти мастей, по восемьдесят голов каждой масти: желто-пегих, рыже-пегих, белых, темно-рыжих, темно-гнедых. Да смотри, чтобы в каждой масти нельзя было отличить одну лошадь от другой. Вот мое условие. Кто бы его ни выполнил — раб или бий — я выйду за него замуж.

Задумался Акбай: условие трудное, да награда того стоит. И решил он попытать счастья. Три месяца сроку дала ему красавица.

Вернулся Акбай домой. Вместе с сорока верными жигитами целые дни пропадал он в табунах своего отца. К исходу третьего месяца дело было сделано — все четыреста лошадей пяти лет, пяти мастей были отобраны, да еще взял Акбай девяносто лошадей в подарок девушке.

Семь дней гостил Акбай в ауле отца Бибисары. Ни одного изъяна не нашел в лошадях бай и пообещал жигиту через год выдать за него дочь.

Год пробежал быстро. Опять Акбай держит путь к аулу Бибисары. С ним верные его сорок жигитов. Когда до аула остался только один конский переход, Акбай сказал спутникам:

— Я поскачу вперед, а вы приезжайте завтра,— и, хлестнув камчой своего иноходца, умчался.

Навстречу своей беде торопился жигит!

Подскакал он к юрте невесты, вбежал в нее, огляделся и остолбенел: Бибисары, его Бибисары, покоилась в объятиях табунщика Кодара!

Увидев Акбая, коварная вскочила и, схватив горсть песку, бросила его в лицо жигиту. В тот же миг несчастный Акбай превратился в собаку! Бибисары была колдуньей!

Но Акбай не лишился человеческого разума и понимал человеческую речь. Выскочив из юрты, он стал ждать своих товарищей. Те, приехав в аул, начали его разыскивать. Видят, за ними неотступно следует белый пес. А вдруг

бешеный? И решили его убить. Услышав это, бедный Акбай ринулся прочь. Бежал, бежал степью и встретил караван. Сжалился над бездомным псом караван-баши, не прогнал. Акбай пошел с караваном.

Один молодой погонщик верблюдов приласкал пса, начал его кормить и диву дался: не берет пес пищу с земли! Положил погонщик пищу в чашку — собака с жадностью стала ее поглощать! «Что за чудо? Не простая это собака»,— догадался молодой человек и по прибытии в аул взял Акбая в свою юрту.

Как-то одна молодуха никак не могла разродиться. Думали, что пришла ее смерть, Акбай трижды обежал вокруг юрты, где лежала женщина, пролаял, и через минуту младенец появился на свет. О чудесной собаке узун-кулак разнес весть по всей степи, и стали приходить к погонщику больные люди с просьбой дать собаке полечить их. Хозяин Акбая взимал за лечение плату и скоро разбогател.

Акбая хорошо кормили, спал он на мягкой постели, но сильно тосковал по прежней жизни.

И настала ночь, когда он не выдержал и убежал. Бежал он в аул Бибисары. Три дня прорыскав по степи, увидел наконец Акбай знакомую юрту, перед юртой в большом казане варилось мясо. Заглянул он, виляя хвостом, в юрту в надежде выклянчить костей. Еду подавала сестра Бибисары, посмотрела она на собаку и что-то необычайное почудилось ей в обличье пса. Подумав немного, она спросила: «Уж не Акбай ли ты?» Но разве собака могла ответить?! Она только заглядывала в глаза и виляла хвостом. Женщина все-таки отвела пса в свой аул и в течение семи дней произносила заклинания. К Акбаю вернулся человеческий облик. Тогда женщина дала ему одежду, коня и сказала:

— Вот тебе горсть земли, я ее заколдовала. Брось ее в лицо Бибисары.

Лукавая Бибисары, увидев жигита, не растерялась и успела первой бросить ему в лицо землю. Несчастный Акбай на этот раз превратился в жаворонка. Выпорхнув из юрты, он взлетел в поднебесье и помчался над степью.

Однажды, собирая зерна в поле, Акбай попал в силки, поставленные аульными ребятишками. Дети схватили его, привязали к лапке нитку и заставили летать. Какая-то женщина, увидев жаворонка, выпросила его у детей. Эта жен-

щина была младшей сестрой Бибисары, она знала об ее колдовских проделках и жалела Акбая.

— Если хочешь получить власть над Бибисары,— сказала она,— подлети незаметно к юрте, выхвати спрятанное под правой косой волшебное кольцо. С его помощью ты опять превратишься в человека, и станут исполняться все твои желания.

Бибисары и Кодар спали крепким сном, и Акбаю ничего не стоило взять кольцо. Став человеком, он бросил в любовников горсти земли. Кодар превратился в кабана, а Бибисары в суку. Они выскочили из юрты, и жители аула их убили.

Родители Бибисары три дня угощали Акбая и все разыскивали дочь. Не найдя ее, они захотели вернуть жениху скот, но Акбай не взял.

— Мне не нужен скот,— сказал он.— Лучше дайте мне юрту вашей дочери и еды на полгода да пошлите со мною шесть человек помочь поставить юрту.

В безлюдной местности, у подножия горы близ ручья, поставили юрту. Акбай отпустил людей и остался один.

У бедного жигита от всего пережитого помутился разум!

Однажды, к несчастью, он потерял волшебное кольцо Бибисары, значит, теперь и желания его не могли исполняться.

Совсем пал духом жигит, затосковал больше прежнего, и вылились его думы в песню:

Я степями гнал косяки коней,
Но мужем не стал красотки своей.
Знать, нечестно нажит отцовский табун —
Слезами омочен каждый скакун.
Что мне деньги и скот,
Коль любимой нет?
Без ее очей мне немил весь свет.
Я живу один
У подножия гор,
По хребтам скользит
Мой горящий взор...
Вот сорвался вихрь
С снеговых вершин,
Прошумел и стих...
Снова я один.

Однажды известный охотник Сурмерген, бродя в горах, повстречал трех маралов и подстрелил самого большого. Разведя костер, он начал жарить внутренности. Нечаянно оброненный Сурмергеном кусок печени упал на тушу убитого марала, тот вскочил и на глазах пораженного охотника бросился бежать. К нему присоединились выскочившие неизвестно откуда два других марала.

Сурмерген кинулся вдогонку, на ходу натягивая тетиву, но стрела, описав в воздухе круг, опустилась к ногам охотника, другая — тоже. Выпустил Сурмерген беркута, тот, покружив в вышине, быстро снизился и сел на луку седла.

Тут оживший марал остановился и крикнул:

— Эй, Сурмерген, на склоне гор у ручья стоит одинокая юрта, в ней живет жигит Акбай. Поезжай к нему.

— Эй, Сурмерген,— подхватили два других марала,— отправляйся к батыру Акбаю,— затем, вытянув свои рогатые головы, все три марала запели:

Скачи, Сурмерген, скачи
Туда, где звенит ручей,
Туда, где сидит Акбай
У юрты белой своей.

От нас передай ему:
Пусть к людям вернется он,
Скажи, что есть на земле
И свет, и добро, и закон!

Пускай, не жалея себя,
Трудится честно батыр,
Тогда обретет он вновь
Любовь, и покой, и мир.

— Кто вы? — вскричал Сурмерген, но только цокот копыт был ему ответом.

Погнал Сурмерген коня, долго ехал, пока не увидел белую юрту на берегу ручья. Бедный Акбай лежал, обняв землю, и что-то заунывно напевал.

— Очнись, жигит! — сказал Сурмерген,— выслушай мое слово. Худого тебе не скажу.

— Как ты попал ко мне,— поднял голову Акбай.— Зачем тебе несчастный, молящий аллаха о смерти?

— Меня зовут Сурмерген — жестокий стрелок. Всю жизнь я уничтожал зверей и птиц — невинных творений аллаха. А вот недавно я стал свидетелем чуда,— и Сурмерген рассказал Акбаю о трех маралах и спел их песню.

С последними словами этой песни окреп разумом Акбай. Теперь он знал, что делать и как жить дальше!

Обрадовался Сурмерген: дело сделано! Вскочил он на коня, но конь затоптался на месте и, как ни погонял его охотник криками и камчой, не сделал ни шагу вперед.

После встречи с маралами Сурмергена мучило раскаяние, что он убил в своей жизни столько живых существ, а тут еще Акбай ему говорит: «Давай посадим у моей юрты сад, пусть вырастет много плодовых деревьев и цветов».

Согласился охотник — и работа закипела.

А через семь лет у ручья уже шумел большой сад. Ветви деревьев гнулись под тяжестью плодов, в цветах жужжали пчелы, пение птиц ласкало слух.

Как-то раз, наслаждаясь вечерней прохладой, Сурмерген и Акбай сидели на берегу ручья. Вдруг к ручью один за другим подбежали три марала и стали пить воду у большого камня. Присмотревшись, Сурмерген вскочил: это был тот самый необыкновенный марал и его товарищи. Жигиты бросились к ним, но животные, прокричав: «Ждите добрых дней», умчались прочь, задевая сучья своими великолепными рогами.

Опомнившись, Акбай и Сурмерген обратили внимание, что на камне, у которого маралы пили воду, возникли буквы. Присмотревшись, жигиты прочли такую надпись:

Ты видел много зла, Акбай,
Познал ты много бед,
Но на земле оставил ты
Прекрасный, светлый след:
Деревья кронами шумят
У быстрого ручья.
Прохладу путнику дарят,
Покой усталому сулят.
Все будут много лет подряд
Благословлять тебя.

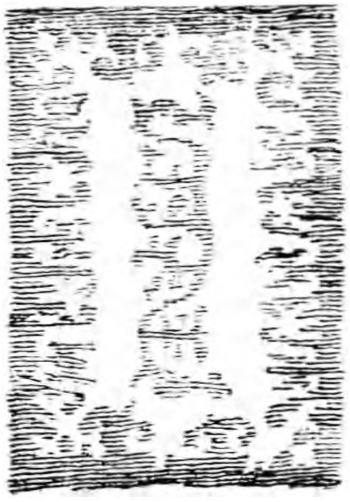
Подивились жигиты еще одному волшебству и стали обсуждать, как быть дальше, да вдруг видят — в одном из отпечатков копыт маралов на прибрежном песке что-то блестит. Подошли поближе — кольцо! Волшебное кольцо коварной колдуньи Бибисары!

С помощью кольца добрались жигиты до своих родных кочевий.

Радостно встретили Акбая его престарелые родители. Был великий той. С тех пор Акбай зажил счастливо, ибо стали исполняться все его желания.

АКШАХАН И МЕНДИСУЛУ

●

Жил батыр Нарок. Был он честен, прям, обладал редким даром красноречия и пользовался за это в народе большой любовью. Прослышал хан Акшахан о батыре и приблизил его к себе. Стал Нарок жить при царском дворце, участвовать в правлении государством. Не по нраву пришлось это советникам хана: какой-то сомнительный батыр загородил их от хана. Решили они изжить славного батыра. Думали завистники, как вызвать у хана гнев на Нарока, и придумали.

У Нарока была красавица жена, да и умом она удалась под стать мужу. Вот и решили советники сыграть на слабости хана к женскому полу. Пришли они однажды к хану и ну наперебой расхваливать жену батыра: красивее ее нет женщины во всем царстве, а умом она может потягаться с самим ханом.

— Она единственная достойна быть вашей женой и украшением ханства.— Так напоследок сказали советники хана и, низко поклонившись, удалились.

Коварство удалось: потерял хан покой и сон, день и ночь думает о жене батыра. Совсем извелся. И вот позвал он как-то советников и просит помочь ему.

Советникам того и надо. Они давно уже придумали, как заполучить им жену ненавистного батыра. Говорят они хану:

— Тахсыр, напишите хану кереев письмо, в котором попросите убить подателя письма, и пошлите с ним батыра Нарока.

Так хан и сделал. Скоро письмо было готово и вручено Нароку.

Но не так легко было провести славного батыра: разгадал он намерение хана, никуда не поехал, а спрятался в своем доме и стал ждать что будет.

Хан не замедлил исполнить свой коварный замысел. Послал он к Мендисулу человека сообщить о своем желании быть гостем красавицы.

И вот хан со свитой в доме жены батыра. С большим почетом встретила Мендисулу повелителя, щедро угостила его. Совсем потерял голову хан. Выпроводил он всех и попросил красавицу стать его женой.

Отвечала умная женщина:

— О тахсыр, ваше предложение для меня большая честь, но моим ответом вам будет такой рассказ. Послушайте внимательно.— И Мендисулу рассказала:

— У моего деда было бесчисленное количество скота. Особенно много было лошадей. Но вот беда: из табуна стали исчезать кобылицы, по одной каждый день. Как ни смотрели табунщики, не могли уследить. Тогда дед сам сел на коня и отправился к табуну. Едет он степью и вдруг видит: у подножия горы лежит лев. Вот, оказывается, кто крадет кобылиц! Подъехал дед ко льву.

— Эй, зверь, это ты воруешь моих кобылиц?

Заговорил лев:

— Да, я. Вы — бай, и если будете давать мне по кобылице, не обеднеете. Не дадите — сам возьму. Пойдете против меня — лишитесь всех табунов.

Испугался дед и стал сам отдавать льву по кобылице каждый день.

Шло время, и однажды лев не принял жертву деда. Удивился дед:

— Эй, лев! Или тебе приелось кобылье мясо?

— Я не питаюсь объедками других,— отвечал лев.

Ничего не понял дед:

— Что ты говоришь? Какие же это объедки? Это живая кобылица из моих табунов. Она родилась и выросла у меня.

Лев сказал на это:

— Когда кобылица была еще жеребенком, кто-то, видимо, волк, хотел полакомиться ее мясом, но ему не удалось

это, он успел только вонзить зубы в ее бедро. Я чувствую запах другого зверя, и мне неприятно это.

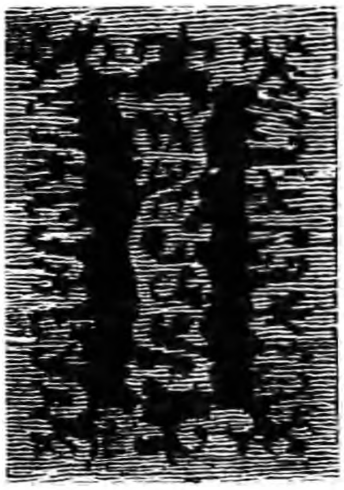
Дедушке нечего было ответить на это.

— Вот и вся история, тахсыр,— закончила рассказ Мендисулу.

Понял хан, к чему женщина рассказала эту историю, и, пристыженный, понурив голову, молча вышел из дома.

Не мог батыр Нарок простить Акшахану его поступка, оставил он его и ушел со своей красавицей женой к хану кереев.

КУЛЕКЕН

Давным-давно жил на казахской земле злой и жадный хан Садык. Он был очень богат. На обширных пастбищах хана выпасались стада всех четырех видов скота: верблюды с налитыми горбами, резвые кони, упитанные коровы, овцы с жирными курдюками.

Жить бы да радоваться хану, да вот беда: послал ему аллах только одно единственное дитя — сына Кулекена. Бывает такое — жены бедняков каждый год носят под сердцем плод, а в ханской семье за долгие годы только один ребенок!

Наконец, когда Кулекену исполнилось двадцать пять лет, жена хана забеременела. Хану нужен был только сын, и он решил: если родится девочка, умертвить ее.

На беду родилась дочь. Наемные убийцы тотчас же проникли в юрту роженицы, но Кулекен заслонил своим телом малютку-сестру и прогнал головорезов.

Хорошо знал бедный юноша своего свирепого отца, он понимал, что разгневанный хан повелит убить и его, и новорожденное дитя, поэтому, не тратя времени даром, стал готовиться к бегству. Сборы были недолги — приходилось спешить. Новорожденную сестренку Кулекен бережно завернул в одеяло, вскочил на своего сорокааршинного тулпара, обливающаяся слезами мать подала ему дитя, тулпар, взметая вихри пыли, помчался и в один мах преодолел такое расстояние, какое другие кони и за месяц не пробегали.

В горах, в пещере нашел приют Кулекен и стал там жить и растить, как умел, маленькую сестру. Пищу добывал он

охотой, а когда девочка подросла, стала помогать брату хозяйничать. В мире и спокойствии прошло пятнадцать лет. Много воды утекло, но не таков был хан Садык, чтобы не думать о мести. Все эти годы он посылал лазутчиков во все концы света с наказом разведать, где скрываются брат и сестра, и в один злосчастный день беглецы увидели себя окруженными нукерами хана.

Растерялся Кулекен, но вдруг его саврасый конь заговорил человеческим голосом: «Натяни подпруги, жигит, возьми меч в руку и закрой глаза, открой их после того, как я три раза чихну».

Кулекен удивился, но, делать нечего — повиновался. Когда он открыл глаза, то увидел, что из многочисленного войска хана невредимым остался только один человек, остальные убиты или ранены. Кулекен вызвал нукера на поединок и убил его. Не желая пугать сестру окровавленной одеждой, Кулекен пошел к ручью, чтобы смыть кровь с рук.

В это самое время на поле битвы пришла его сестра и увидела много трупов и раненых. Подошла поближе, а тут ей один раненый говорит: «Девушка, ты так хороша и добра, неужели ты не захочешь мне помочь? Чем больше я на тебя смотрю, тем больше чувствую в сердце своем любовь к тебе. Не оставь меня, спаси от смерти».

Понравились глупой льстивые речи. Принесла она раненого нукера домой, спрятала и стала лечить его, а скоро сделалась его женой. И все это она скрыла от брата. Спустя еще некоторое время почувствовала она себя беременной. Что делать? Признаться Кулекену страшно. На помощь пришел случай: уехал Кулекен по делам и вернулся, когда ребенок уже родился. Что же придумала хитрая женщина? Перед возвращением Кулекена положила она сына на дорогу, по которой должен был ехать брат. Кулекен, увидев малое дитя, спрыгнул с коня, подобрал младенца и, обрадованный, поехал домой.

— Сестра,— радостно воскликнул он, протягивая ребенка.— Аллах посылает нам отраду в нашей одинокой жизни. Возьми малыша, ухаживай за ним, вырастет — будет нам утешением.

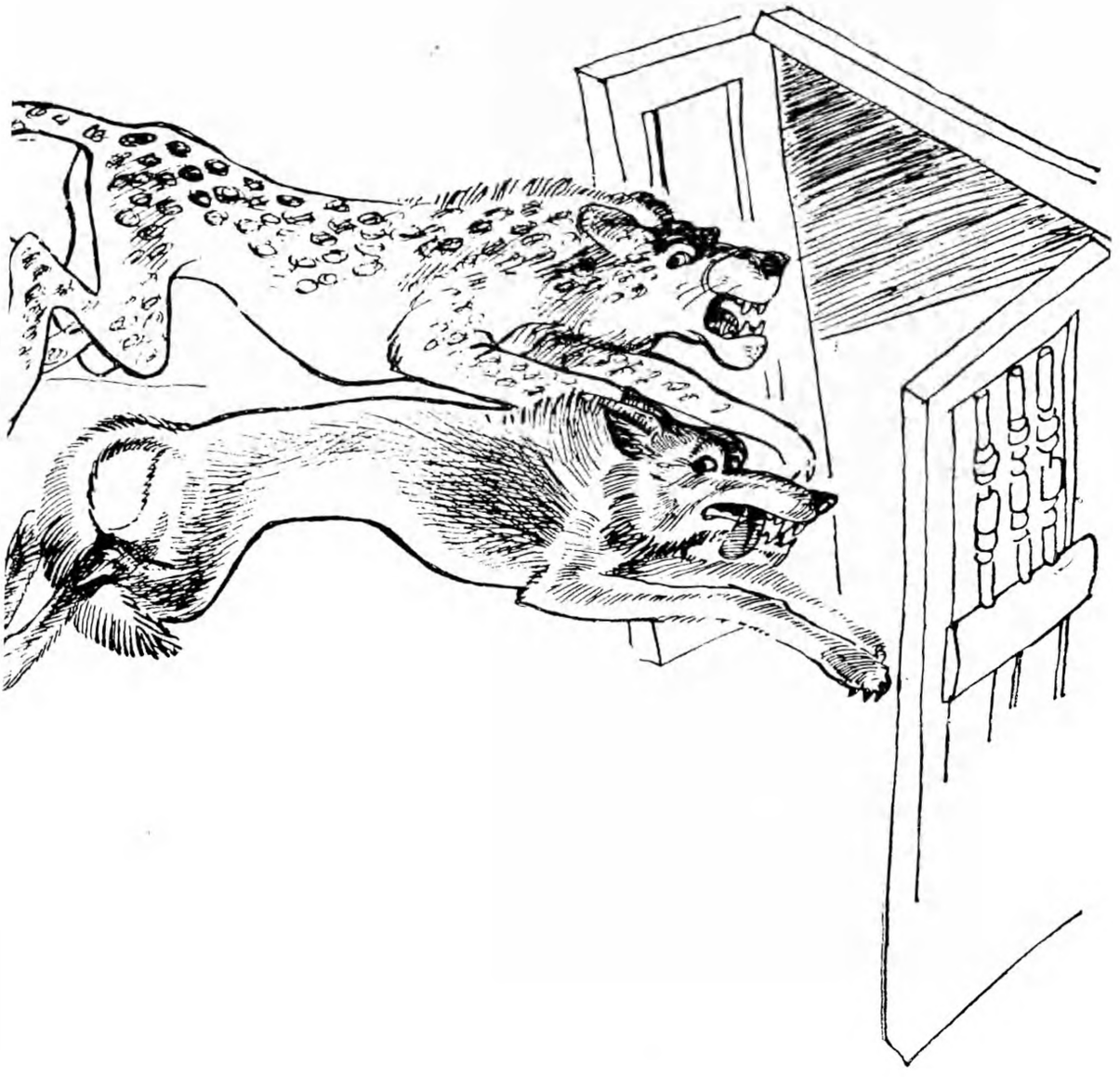
Лукавая женщина, умело притворившись, будто видит ребенка впервые, взяла дитя и, понятно, хорошо ухаживала за ним.

Так шли годы... Прошло еще шестнадцать лет. Все бы хорошо, да мешал Кулекен сестре и ее любовнику, с которым все эти годы она встречалась тайно, и задумали они черное дело — убить Кулекена.

Однажды, когда, вернувшись с охоты, утомленный Кулекен уснул, они подкрались к его постели, и любовник уже занес было меч над головой жигита, как вдруг проснулся мальчик.

Увидев расправу, он, закричав, бросился на своего отца. От шума Кулекен проснулся, вскочил и мечом, предназначенным для его головы, убил и коварную неблагодарную сестру, и ее любовника.

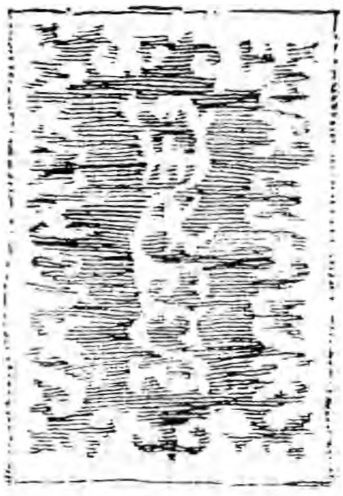
Так ребенок, подобранный некогда на дороге, спас Кулекену жизнь.

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

КАК СОРОКА ОБМАНУЛА ЛИСИЦУ

●

Увидала как-то раз лисица сороку и притворилась мертвою. Сорока спустилась с дерева и села на лисицу. И чтоб убедиться в том, что лисица мертвая, она пересела ей на голову, а потом перешагнула на морду. Лисица моментально схватила сороку за ногу. Заплакала горько сорока.

— О моя сорока! О чем ты так плачешь? — спросила лисица.

— В детстве меня всегда ругали родители. Они желали, чтоб меня схватила лисица, подняла на высокую гору и сбросила бы оттуда так, чтобы на каждом камне я оставила по клочку своего мяса и перья. Теперь проклятье их исполняется: я схвачена тобою,— продолжала рыдать сорока.

Лисица решила выполнить волю родителей сороки. Она поднялась на самую высокую кручу и бросила оттуда сороку. Сорока в восторге захлопала крыльями и улетела.

Лисица с разинутой пастью осталась на месте.

ЛЯГУШКА И УТКИ

Много лет назад две утки и одна лягушка были в большой дружбе между собой. Но вот настал день, когда в озере стало мало воды, и утки решили перебраться в другое место. Узнала об этом лягушка и стала проситься, чтоб подруги взяли ее с собой: она так привыкла к ним, что даже считает себя одного с ними рода. Утки согласились выполнить просьбу лягушки. Взяли они дощечку, посадили на нее лягушку и, взяв дощечку лапками за оба конца, полетели. Лягушке строго приказали, чтобы она во время полета не кричала.

Пролетали они мимо одного аула. Лягушка не выдержала жажды и квакнула. Этот крик услыхали люди аула и стали смотреть вверх. А когда увидели уток, подняли шум, стали бросать в них камнями. Испуганные утки разлетелись в разные стороны и уронили лягушку.

ЛИСИЦА

Живет старик со старухой. Ловит рыбу. Но каждый день лисица отбирает у него весь улов. Голодно старикам из-за проделок лисицы. Старуха посоветовала старику взять с собой топор и убить лисицу. Старик взял топор и пошел на рыбную ловлю. Но хитрая лисица не подошла к нему. Всю рыбу старик погрузил в телегу и отправился домой.

Лисица легла на дороге, притворившись мертвой. Едет старик и видит: лежит лиса мертвая. Обрадовался он, поднял лисицу и бросил в телегу, где была рыба. Сел старик и поехал дальше. Дорогой он размечтался о том, как сдерет с лисы шкуру и сошьет себе тумак. Затем он стал рассуждать, какой материей покрыть его. Пока он думал да мечтал, лисица съела всю рыбу и незаметно выпрыгнула из телеги.

Приехал старик домой и кричит:

— Ну, старуха! Я тебе привез не только рыбу, но и лисицу. Бог дал! Сшей мне из нее тумак!

Посмотрела старуха в телегу, а там ни рыбы, ни лисицы!

КОЗА И ГЛУПЫЙ ВОЛК

●

Как-то раз голодный волк отправился на поиски пищи. Долго он ходил, вдруг повстречалась ему коза. Волк и говорит ей:

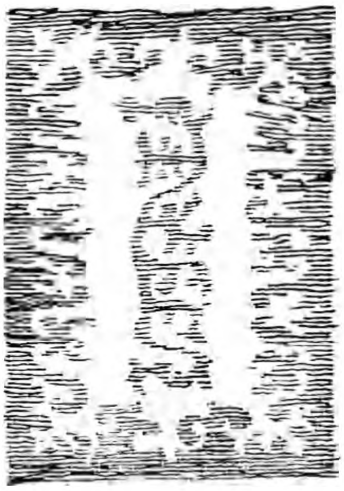
— Иди-ка сюда! Я должен тебя съесть!..

— Ну, что ж! — сказала коза спокойно.— Чему бывать, того не миновать. Но ты видишь, какая я худая. Из меня мало толку, а вот я сбегаю сейчас домой и приведу своего козленка. Вот уж тебе будет чем полакомиться!

Волк согласился, и коза убежала. Только ее волк и видел.

ЛИСИЦА И ЖУРАВЛЬ

●

Подружилась лисица с журавлем. Вошли они в нору. Следы их увидал один охотник. Подошел он к норе и стал разрывать ее. Вот журавль и говорит лисице:

— Лисица, у тебя, говорят, шестьдесят видов хитрости, а у людей — шестьдесят две. Придумай что-нибудь, а то нас убьют!

— Ничего не могу придумать,— говорит лисица.

Тогда журавль, видя, что уж нет возможности выйти из норы, сказал:

— Вот что я придумал: когда охотник просунет руку и вытащит меня, я притворюсь мертвым. Он подумает, что я пойман тобою, и бросит меня; я в это время полечу, охотник будет смотреть на меня, вот ты тогда и выбегай из норы.

Лисе это очень понравилось. Она согласилась. Журавль лег перед выходом и притворился мертвым. Охотник просунул руку в нору и, вытаскивая журавля, сказал:

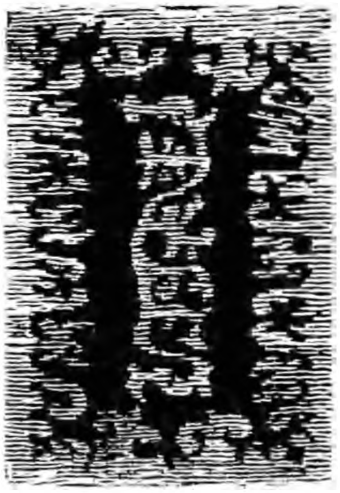
— Должно быть, этого журавля лиса принесла себе в пищу.

Взял он журавля и бросил в сторону. Журавль крикнул и полетел. Охотник ахнул и стал смотреть на улетавшего журавля. Лиса воспользовалась этим и выбежала из норы.

Так журавль и лисица спаслись от охотника.

ХИТРАЯ ЛИСА И ГЛУПЫЙ ВОЛК

●

Однажды лисица, бегая по степи, встретила капкан с целым курдюком бараньего сала. Увидев такую соблазнительную приманку, она подошла было к салу, но в этот момент подбежал волк.

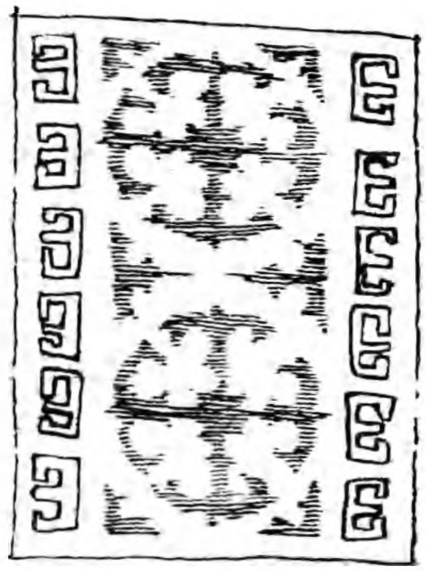
Лиса немедленно стала восхвалять потомство волка, его храбрость и силу. При этом она прибавила, что уже давно ожидает его, ибо сама не осмелилась воспользоваться таким лакомством, отдавая предпочтение ему. На это волк воскликнул:

— Да ведь здесь почти батман сала!.. Тут что-то кроется неладное, иначе бы не валялось на дороге такое сокровище.

— Эх, ты! — с негодованием проговорила лиса.— Я не прикасалась к салу потому лишь только, что считала и считаю тебя старше себя. Если ты не пожелаешь, то я сама съем.

С этими словами лиса направилась к капкану. Тогда жадный волк бросился на сало, но капкан крепко захватил его. Лисица схватила сало и убежала.

ЛИСИЦА И ПЕТУХ

Однажды подружились петух и лисица. Лисица думала про себя: «Когда я буду голодна, петух послужит мне пищей, а пока сыта — будет другом». А петух думал иначе: «Лисица хитрая, и я смогу у нее чему-нибудь поучиться. А если она меня обманет, то я покончу с ней дружить».

Вот как-то лисица проголодалась и схватила петуха. Петух взмолился:

— Ведь я твой друг! Чем я провинился перед тобою?

— Да, ты был другом,— сказала лисица.— Но у меня есть друзья ближе тебя. Вот по желанию этих друзей я и хочу съесть тебя. Кроме того, приятель, ты совершил три тяжких греха!

— Как!? — спросил петух.

— Да очень просто,— ответила лиса.— Во-первых, ты многих беспокоишь своим криком. Как будто люди без твоего крика не знают, что на дворе солнышко всходит или полночь настает. Поверь мне, что люди все знают и даже там, где нет петухов. Во-вторых, ты нарушаешь закон, имея девять жен, и, в-третьих, султаны из перьев везде принято носить на голове, а ты, бестия, носишь на хвосте... Это твои тяжкие грехи. За все это я тебя съем!..

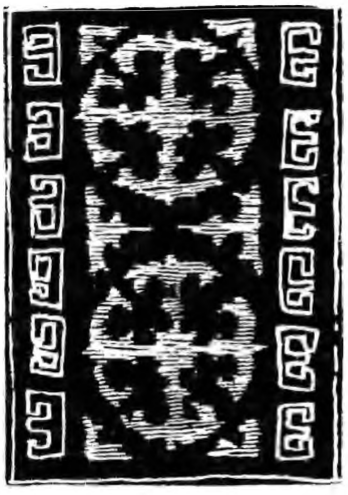
Выслушал петух этот приговор и сказал так лисе:

— Хорошо, дружок, в грехах своих я сознаюсь, но прошу у тебя одно: перед смертью моей не откажи произнести за мою душу молитву, ведь все же мы с тобой были приятелями.

Лиса, желая исполнить последнюю просьбу петуха, подняла обе лапки вверх, а петух в этот момент вырвался и взлетел на дерево.

ТРИ ДРУГА

●

Может, было то, может, не было,— подружились, говорят, когда-то, подружились и побратались ягненок, козленок и теленок.

Раз козленок говорит приятелям:

— Братцы, кто из вас видел, как солнце по вечерам уходит за горы?

— Я видел,— сказал ягненок.

— И я видел,— сказал теленок.

— Так давайте,— предложил козленок,— пойдем втроем и разведаем, где же прячется на ночь солнышко.

— Я бы рад пойти с тобой, да пастухи нас не пустят,— вздохнул ягненок.

— Пастухи нас не пустят,— отозвался теленок.

— А мы удерем от пастухов! Пусть потом ищут нас, если охота. Степь широка: всю не объехать, не обойти, арканом не измерить, глазом не окинуть...

И в тот же день козленок, ягненок и теленок тайком убежали из стада.

Вот идут они степью. Долог путь, но гора все ближе и ближе. Радуются друзья. Вдруг перед ними арык. Как перебраться? Козленок говорит:

— Ничего, перескочим!

— Я боюсь,— сказал ягненок.

— И я боюсь,— сказал теленок.

— Эх вы, трусишки,— смеется козленок.— А вот я так ничего не боюсь.

Разбежался он и вмиг перескочил на другой берег.

Прыгнул за ним и ягненок — тоже удачно, только заднее копытце замочил.

Потоптался, потоптался на месте теленок, делать нечего — скакнул и он. Скакнул — да бултых в воду! Чуть было не захлебнулся. Приятели за уши вытащили.

Козленок говорит:

— Мы тебя, теленок, от смерти спасли. Ты должен отплатить нам за услугу. Подвези-ка нас на спине до горы. Ты ведь сильный.

Сели верхом на теленка два озорника, едут, посмеиваются.

Прошло сколько-то времени, устал теленок, запыхался. Мычит жалобно:

— Тяжело мне. Я вам не верблюд. Довезу до камня, что белеет впереди, а там хватит, слезайте.

Доехали до камня, а это не камень вовсе — дорожный мешок на земле лежит, туго-претуго чем-то набитый. Видно, какой-то ротозей проезжал здесь и потерял на пути поклажу. Развязали мешок, а в нем четыре звериных шкуры, одна другой дороже: барсова, медвежья, волчья и лисья.

— Хорошая находка,— сказал козленок.— Она нам пригодится.

Побрели пешком дальше. Вот уже гора совсем рядом, рукой достать. Под горой стоит белая-белая юрта, в юрте шум и гам, и песня, и звон домбры. Постояли путники, переглянулись и — будь что будет! — отворили дверь.

Видят — в юрте пир идет. Дикие звери свой праздник справляют. Пестрый барс кумыс пьет, толстый медведь халву сосет, сивый волк баурсаки уплетает, рыжая лиса на домбре играет.

Трынды-трын, домбра моя!
Нынче все мы здесь друзья.
Завтра — снова мы враги:
Каждый шкуру береги!

Ввалились в юрту козленок, ягненок и теленок и замерли у порога: сразу поняли, что попали в беду. А звери как увидели нежданных гостей, так глазищи у них и загорелись: такая лакомая закуска сама к ним в зубы идет! Подмигнула хитро лиса шайке хищников, поднялась с места и, облизываясь, повела лукавые речи:

— Милости просим, дорогие гости. Сам аллах посылает вас на наш праздничный пир. Садитесь поближе к очагу, детки. Сейчас мы вас так угостим, что вам никогда больше кушать не захочется. А покамест не сыграете ли вы нам на домбре, не потешите ли песенкой?

Ягненок потупился — и молчит. Теленок попятился — и молчит. А козленок тряхнул кудрявой шерсткой и говорит бойко:

— Давай, лиса, домбру! Спою вам и сыграю. Только слушайте, звери, получше.

И он ударил по струнам:

Трынды-трын, моя домбра!
Пусть не ждут враги добра.
Пестрый барс нам нипочем,
Толстый мишка нипочем,
И волчище нипочем,
И лисица нипочем.
Как накинемся втроем,
Всех злодеев задерем!

Слушают звери и ушам своим не верят: что за дерзкая песенка!

— Да вы кто такие? — зарычал барс.

— Мы охотники степные,— отвечал козленок.

— А куда идете? — взревел медведь.

— Несем товар на базар.

— А какой у вас товар? — прошамкал волк.

— Звериные шубы.

— Где же вы их взяли? — взвизгнула лиса.

— С ваших родичей сняли,— говорит козленок и вытряхивает из мешка все четыре шкуры — барсову, медвежью, волчью и лисью.

Окаменели зубастые разбойники от страха, потом взвыли каждый по-своему, да разом в дверь, да бежать кто куда без оглядки.

Козленок, ягненок и теленок остались в чужой юрте хозяйничать. Закусили они с дороги вкусными звериными кушаньями и стали думать, как дальше быть.

Козленок говорит:

— Хорошо, что мы недругов так напугали, но плохо будет, коли они, опомнившись, вернутся назад. Тогда уж нам не сберечь костей. Побежим-ка лучше, не ожидая горя,

поскорей домой. В родном стаде нам и вправду никакой зверь не опасен. В родном стаде нас жигиты-пастухи никому в обиду не дадут.

Не пришлось козленку долго друзей уговаривать.

— Верно ты, братец, говоришь,— сказал ягненок.

— Правильно говоришь,— сказал теленок.

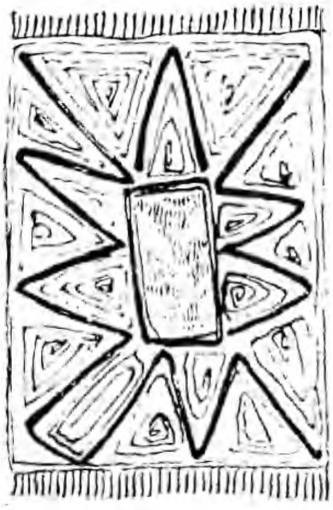
И через минуту далеко уже были они от белой юрты, еще дальше от горы. Впереди мчался козленок, вслед за ним — ягненок, а теленок — сзади.

К вечеру домой поспели. Пастухи так им обрадовались, что и бранить не стали. Вот как все славно получилось.

Одно нехорошо: так и не узнали три дружка, где солнышко на ночлег прячется.

КОСАЯК

●

Жил некий славный богатырь. Не было ему равного ни по росту и дородности, ни по силе и доблести, ни по уму. Все любили и почитали его, даже звери приходили к нему за советом и помощью, потому что он один из людей знал язык животных и птиц.

В один из дней прибежал к нему запыхавшийся волк и проговорил в тревоге:

— Спасайся, богатырь, сам и спасай нас! Движется от границ степи по нашей земле семиглавый змей Айдахар. Хребет его, как поднебесная гора, хвост — как крутобережная река. Никого на пути своем он не щадит и не милует.

Надевает богатырь шлем и кольчугу, опоясывается булатным мечом и мчится на своем быстроногом коне навстречу чудовищу. Вот приближается он к Айдахару и видит: крепким сном спит змей, раскидав по степи во все стороны семь своих страшных голов. Осадил коня богатырь и сказал:

— Не велика честь для героя сражаться со спящим!

И он крикнул раз и другой — и до семи раз, и с каждым криком пробуждались с зловещим свистом одна за другой змеиные головы. Тут богатырь обнажил свой меч и напал на чудовище. От шести взмахов могучей руки покатились по земле шесть змеиных голов, а когда замахнулся богатырь на седьмую голову, обернулся Айдахар косаяком * и, обгоняя птиц, ускакал в степной простор. Много развелось с тех пор в степи этих трусишек. И кому теперь придет в голову, что этот забавный зверек был когда-то страшным драконом?

---

* Косаяк — тушканчик.

ЧЕРЕПАХА

●

Может было это, может, не было, а если было, то в те незапамятные времена, когда все звери и животные жили в мире и согласии, а питались травами да плодами. Еды в степи хватало на всех, и никто из животных не заботился о завтрашнем дне. Только одна жаба была жадна и запаслива: натаскала она в подземную пещеру всякой снеди на многие годы. Смеялись звери над ее скаредностью, а она спокойно отвечала:

— Вы смеетесь, пока сыты. Придет голод — наплачетесь.

Сбылись предсказания жабы. Сожгло солнце растения, иссушило землю — начался голод.

Пришли звери к жабе с мольбой:

— Выручи нас из беды, раздели между всеми твои запасы. Будущим летом мы снова наполним доверху твои кладовые.

Жаба сказала:

— Кто дает, тот разоряется, кто продает, тот умножает свой достаток. Покупайте мои товары!

Выставила жаба весы и гири и начала торговлю.

Все, что только было у них, сносили звери жабе за пищу, а та всякий день повышала цены и никому не отпускала ни крошки в долг. Но алчность никогда не насыщается. Решилась жаба ради наживы пойти на страшный обман. Стала она по ночам обтачивать гири, чтобы потом у всех на глазах, без страха попасться, обвешивать покупателей.

Долго ее хитрость оставалась незамеченной. Звери тощали и гибли, жаба раздувалась и богатела. Но меч не

спрячешь в мешке, злодейство не прикроешь тайной. Открылся обман жабы. Заподозрив торговку в плутовстве, ринулись звери к складам жабы с грозными криками:

— У нее неправильные гири! Проверим ее гири!

Проверили. И оказалось, что жаба за полчарака брала плату, как за чарак, за полбатмана, как за батман.

Взвыли звери от негодования. Потащили они виновницу жабу в степь, окружили ее несметной толпой и стали судить.

Сначала хотели ее убить или уморить голодом, да пожалели. Потом порешили было заточить преступницу в ее же подземных кладовых. Но тут раздался из толпы чей-то голос:

— Пусть жаба в назидание всем обманщикам, всем корыстолюбцам, всем, кто вскармливает свое благополучие чужим горем, несет заслуженную кару не в темном подземелье, а на виду у всех живых существ. Скуем из ее проклятых гирь железный сундук с отверстиями для ног и головы и замкнем преступницу в этот сундук на вечные времена.

Так и сделали. С тех пор многие тысячелетия таскает на себе обманщица жаба свою тяжкую тюрьму. Исхудала, сморщилась, еле передвигает ноги и стала похожа в своем панцире на оживший камень. Казахи и прозвали ее тасбака — каменная жаба. Русские называют ее черепахой.

А есть еще обыкновенные жабы. Страшась участи своей родички, они таятся днем в земляных норах и лишь с наступлением темноты выходят на промысел.

КУКУШКА

Жили две сестры. Отца, матери у них давно не было. Старшая сестра завладела всем родительским имуществом, вышла замуж за бая, а младшую взяла себе в батрачки. С утра до ночи работала сиротка на сестру и ее мужа, но никак не могла им угодить.

Как-то из байского табуна пропала лошадь. Кликнули бай с женой свою батрачку и приказали строго-настрого:

— Иди ищи лошадь! Хоть день, хоть год ищи — без лошади назад не возвращайся!

Кинулась сиротка в степь, и в лес, и в горы — нигде нет лошади. Идут дни за днями, она мечется туда-сюда и даже подумать не смеет, чтобы вернуться домой. А потом и вовсе путь потеряла. Бежит в слезах куда глаза глядят и только повторяет:

— Ат жок! Ат жок! *

Вдруг выросли у нее за спиной крылья, сделалась девушка кукушкой.

Так и летает она, бедная, с места на место: нет у кукушки ни гнезда, ни семьи, ни приюта. Летает да все твердит одно и то же:

— Ат жок! Ат жок!

---

* Ат жок — коня нет! Ат — конь, жок — нет.

КРОТ И ЗМЕЯ

Жил хан. Было у него двое детей: дочь от первой жены, сын от второй. Крепко любил отец обоих. Подарил он дочери сто платьев, а сыну — драгоценную шубу.

Миновали годы. Хан умер, дети выросли. Раз ханская дочь говорит брату:

— Я красивее всех. И ты красив. Будь моим мужем.

Юноша в ужасе отшатнулся от сестры и скорей заткнул пальцами уши.

— Как твой язык не истлел, прежде чем ты произнесла такие слова, бесстыдница! Был бы жив отец, он отрекся б от тебя и прогнал с глаз долой. Ты мне сестра, сестрой и останешься.

Рассвирепела ханская дочь:

— Нет, не сестра я тебе отныне, а смертельный враг!

Тут она накинулась на брата и выколола ему глаза.

— Покоришься ли теперь моей воле? — кричала распутница.

— Не покорюсь!

Тогда злодейка вырыла яму, столкнула в нее брата и засыпала — живого — землей.

С той поры и до наших дней, прорывая ходы, бродит он, незрячий, в своей богатой шубе под землей, и зовут его люди кортышкан *.

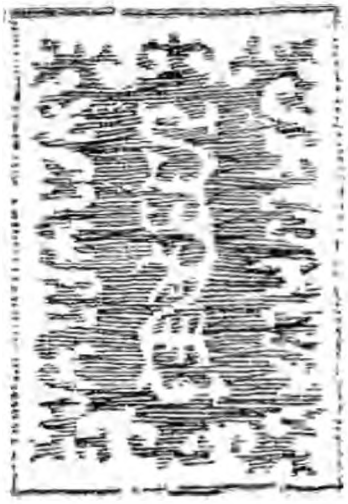
А бессердечная его сестра превратилась в ползучую змею. Язык ее стал жалом, голос — шипением. Все живое

---

* Кортышкан — крот.

ненавидит ее и проклинает. Она таится в камнях и зарослях, боится солнца и света и каждый год меняет платья, чтобы скрыться от возмездия. Но всякий, кто не трус, увидев гадину, считает долгом своим убить ее, помня пословицу: «Убей змею — сотворишь праведное дело!»

МАКТА И КОШКА

В большой дружбе жила девочка Макта с кошкой. Они почти никогда не разлучались и что находили, делили поровну. Как-то раз, прибирая свой дом, Макта нашла изюминку. Она позвала кошку полакомиться, но та не пришла. «Не хочешь идти,— сказала девочка,— ну и не надо!» И сама съела изюминку. И только это она сделала, прибежала кошка.

— Зачем ты меня звала? — спросила она Макту.

Макта не ответила на ее вопрос, ничего не сказав и про изюминку. Кошка обиделась и сказала:

— Если не скажешь, разолью твой катык.

Макта тоже рассердилась.

— А я тебе отрежу хвост,— сказала она.

Кошка разлила катык, а Макта отрезала ей хвост.

— Сестричка, сестричка, отдай мой хвост! — жалобно сказала кошка.

— Заплати за мой катык! — сказала Макта.— Тогда отдам твой хвост!

Пошла кошка к корове просить катык.

— Корова, дай мне катык!

— Я проголодалась,— сказала корова.— Принеси мне листьев!

Пошла кошка к дереву.

— Дерево, дерево, дай мне листьев!

— Я очень хочу пить,— сказало дерево.— Напои меня, тогда дам листьев.

Пошла кошка дальше и видит — идут девушки с водой. Она спросила у них:

— Девушки, девушки, дайте мне воды.

— Если принесешь нам серы, мы дадим тебе воды,— сказали девушки.

Пошла кошка к лавочнику:

— Эй, лавочник, дай мне серы!

— А ты дай мне яйцо,— сказал лавочник.

Пошла кошка к курице:

— Курица, курица, дай мне яйцо!

— Принеси мне зерен,— сказала курица,— тогда получишь яйцо.

Пошла кошка дальше. «Что мне теперь делать?» — думает она. И вдруг пробежала мышка. Кошка набросилась на нее, схватила и говорит:

— Отвечай, пока цела, что у тебя есть дома?

Испугалась мышка и говорит дрожащим голосом:

— Д-д-ома есть од-д-но б-б-людечко пш-пш-ена.

— Дай мне горсть пшена,— приказала кошка.

Опустила кошка мышку, и она принесла ей горсть пшена. Кошка это пшено отдала курице, та дала ей яйцо. Это яйцо кошка отдала лавочнику, а он ей дал серу. Серу кошка отнесла девушкам, а они ей дали воды. Водой кошка напоила дерево, а оно сбросило свои листья. Кошка взяла листья и отнесла корове, а корова дала кошке катык. Отнесла кошка катык Макте и получила обратно свой хвост.

КАК БАЙГЫЗ СТАЛ ПТИЧЬИМ БИЕМ

●

Дворцы Сулеймена были полны драгоценностями, но больше всего дорожил хан одним золотым кольцом, которое никогда не снимал с пальца. Кольцо это было волшебное: кто надевал его, тот начинал понимать язык зверей, птиц и растений и обретал власть над всеми живыми тварями.

Раз на охоте Сулеймену захотелось освежить лицо студеной водой из ручья. Но когда он зачерпывал пригоршней воду, заветное кольцо соскользнуло с пальца и стало быстро опускаться на дно. Хан готов уже был кинуться в ручей, чтобы достать со дна сокровище, как вдруг в воде блеснула большая рыба, проглотила кольцо и, вильнув хвостом, нырнула в омут.

В глубокой печали, раздумывая о потере, пошел Сулеймен вдоль берега и шел долго-долго, пока не увидел перед собой одинокую хижину, возле которой сушились рыбачьи сети.

Близилась ночь. Хан вошел в хижину. Переступив порог, он услышал гнусавый голос:

— Благодарение судьбе! Она посылает нам сытный ужин.

Хан ужаснулся: посреди хижины стояла кровожадная жалмауыз-кемпир и протягивала к нему когтистые руки. Он уже схватился за охотничий нож, чтобы защищаться, но тут послышался другой голос, сладкий, как пение соловья:

— Не трогай пришельца, мать! Посмотри, как он красив и величествен. Наверное, сам хан Сулеймен не лучше его.

Хан обернулся на голос, и сердце его дрогнуло и запылало: у очага на пестром ковре сидела девушка такой чудной красоты, что ради нее никто не побоялся бы смерти.

Жалмауыз-кемпир сказала:

— Счастлив ты, незнакомец, что приглянулся дочери моей Булук. Я пощажу тебя. Но уходи отсюда поскорей. Вот-вот вернется мой старик. Тогда уж никто тебя не спасет и не выручит.

Сулеймен отвечал:

— Я не сделаю и шага назад, если об руку со мной не пойдет прекрасная Булук.

В это время забурлил ручей, загудела земля и хижина покачнулась, точно от внезапного урагана. Жалмауыз-кемпир заметалась по всем углам и, открыв кебеже, крикнула Сулеймену:

— Полезай, сумасшедший, в сундук! Да не мешкай!

И только захлопнулась крышка сундука — в хижину ввалился старый людоед — дяу.

— Чую дух человеческий! — рявкнул он во всю великанью глотку.

Жена напустилась на него с бранью:

— Совсем из ума выжил, старый дуралей! Это пахнет тем жигитом, которого мы съели вчера. А нынче никто к нам не заходил.

Прошла ночь. С рассветом дяу пошел к ручью ловить рыбу и вскоре вернулся с добрым уловом.

— Готовьте завтрак,— приказал он жене и дочери,— а я ухожу на промысел. Может, удастся к обеду добыть батыра или батырского коня.

Ушел. Жалмауыз-кемпир выпустила Сулеймена из сундука и стала толкать его в спину к двери.

— Прочь с моих глаз, незваный гость. Натерпелась я из-за тебя страху!

Но Сулеймен не двигался с места, а только глядел, не отводя взора, на красавицу Булук. Повинуясь приказу отца, девушка чистила свежую рыбу. Вот она разрезает большого язя и, вскрикнув от неожиданности, вынимает из его живота золотое кольцо. Кольцо выпало из ее рук и покатилось прямо к ногам Сулеймена. Поднял его хан и надел на палец. И в то же мгновение сделался он могуществен и мудр, как и прежде.

— Я хан Сулеймен! — сказал он в радости.— Хочешь ли ты, Булук, быть моей женой и ханшей вселенной?

И вот Булук стала ханшей. Спала она теперь на шелковых подушках, ела на золоте и серебре, одевалась в бархат и парчу.

Ничего не жалел для нее хан Сулеймен; позабыв все дела государства, только и думал, чем бы еще ублаготворить жену.

Однажды хан говорит красавице:

— Пожелай, Булук, и я построю для тебя дворец из золота и алмазов.

— Не нужен мне дворец из золота и алмазов,— капризно отвечала Булук, играя глазами.— Если ты действительно любишь меня, владыка, построй мне дворец из птичьих костей.

Кликнул клич всевластный Сулеймен, чтобы все птицы мира немедля явились к нему и были готовы принять со смирением свой смертный приговор, как того пожелала ханша.

Черными стаями, без песен и щебета, слетелись несчастные птицы к дворцу Сулеймена, покорно и безропотно ожидая своей участи: такова была сила волшебного кольца.

Булук пересчитала их и сказала хану с досадой:

— Одна птица ослушалась тебя, повелитель, и не явилась по твоему приказанию. Имя ее — байгыз.

Разгневался Сулеймен. Повелел он черному ворону разыскать и доставить к нему изменника байгыза.

Летал ворон три дня — воротился ни с чем, нигде не сыскался след провинившейся птицы. Тогда хан посылает на поиски быстрокрылого сокола.

Нашел сокол байгыза на горе под камнем. Забился далеко под камень ослушник, не достать его ни клювом, ни лапами.

Сокол говорит:

— Почтенный байгыз, что поделываешь?

— Думу думаю.

— Что? Что ты сказал? Не расслышал я.

Байгыз высунул голову из-под камня, а сокол схватил его и понес в когтях к хану.

Байгыз запел:

Ой, пропал я! Погибать душе моей!
Жестки ласки неприятельских когтей.

Сокол кинул птицу к ногам Сулеймена, но и перед ханом байгыз продолжал свою песню:

Тоньше пальца ты, головушка моя.
Я под перьями — не больше воробья.
Мало мяса, мало крови у меня,—
Даже кобчик не наестся на полдня.

Сулейман топнул на него ногой и грозно спросил:

— Почему ты, байгыз, не явился ко мне по первому зову?

Байгыз отвечал:

— Я думу думал.

— О чем же ты думал?

— Думал я, чего на земле больше — гор или равнин.

— Ну, и что же надумал?

— Гор больше, если за горы считать и те кучки, что нарыты в степи кротами.

— Еще что думал?

— Думал я, живых или мертвых больше.

— Кого же, по-твоему, больше?

— Мертвых больше, если спящих считать за усопших.

— Еще что думал?

— Думал: мужчин или женщин больше?

— И что же решил?

— Женщин, повелитель, куда больше, если к ним причислить тех слабодушных мужчин, что готовы, теряя рассудок, выполнять любую женскую прихоть.

Когда Байгыз сказал это, Сулейман прикрыл ладонью глаза и залился краской: понял владыка мира намек малой птицы. Тотчас же он распустил по домам всех своих крылатых подданных, и те с песнями и щебетанием понеслись к родным гнездам.

Так и не был построен дворец из птичьих костей. А птицы за то, что хитроумный байгыз избавил их от гибели, избрали его своим бием на вечные времена.

ЯГНЕНОК, КОЗЫ И ГНЕДОЙ

Жил-был бедняк. И было у него всего богатства: пять коз, черный ягненок и конь гнедой.

Коз и ягненка бедняк пустил в байскую отару, а коня — в байский табун. Однажды разыгрался в степи буран. Ягненка, коз и гнедого коня бай отделил от своей отары и табунов и прогнал в степь. А буран все усиливался и завывал. Продрогшие от мороза и ветра козы прижались к скале, пережевывая сухие листья. Ягненок не мог за ними угнаться, он отстал от них и устроился под кустом колючек. Трудно в степи было и гнедому. Он дрожал и фыркал.

Снег окутал хвост и гриву,
Охватил все тело лед,
Скачет взад он и вперед...

Гнедой хотел укрыться в камышах и провалился в запорошенный снегом колодец.

Вот он ржет, ржет беспрестанно,
Траву щиплет неустанно
С хрустом он ее жует,
Конца бури гнедой ждет...

Вышел голодный волк на промысел и наткнулся на ягненка.

— Ягненок, ягненок, я тебя съем,— сказал волк.

— Нет, волк, не ешь меня. Вон там стоят козы, иди и ешь их,— ответил ягненок.

— Ладно,— сказал волк и, щелкая зубами, побежал к козам.

— Козы, козы, я вас съем!..

— Не трогай нас, серый! Вон там, в колодце, лежит гнедой, съешь его,— сказали козы.

— Ладно,— сказал волк и, навострив уши, побежал к гнедому.

— Гнедой, гнедой, я тебя съем,— зарычал волк.

— Ты волк, а я конь,— сказал гнедой.— Выполни хоть одну мою просьбу. Вытащи меня из колодца, очисти от грязи, сядь на мой круп и прочитай молитву, а затем можешь меня есть.

Согласился волк. Он встал задом, выставил гнедому свой хвост. Конь уцепился за хвост зубами. Волк вытащил его из колодца, лапами очистил от грязи.

— Теперь взбирайся на меня и читай молитву,— сказал гнедой и присел на задние ноги. Хвастливый волк решил, что нет в этой бескрайней степи зверя сильнее его. Залез он на круп гнедого и, закрыв глаза, как настоящий мулла, начал выть молитву. Гнедой чуть покосился на волка и, скинув его, изо всей силы ударил задними ногами прямо по голове. Волк с проломленной головой и вытекшими глазами упал на снег чуть жив и завыл:

Голову-у-шка бедная,
Не съевшая ягненка,
Голову-у-шка глупая,
Не съевшая коз,
Голову-у-шка гордая,
Вытащившая коня из колодца.
Зачем я залез на круп коня
И читал молитву, как мулла?
Разве я му-у-у-лла-а...

Долго выл волк и наконец подох. На следующий день буран утих, настало утро. Вышел бедняк на поиски коз, ягненка и коня. Он взобрался на холм и стал звать:

Ягненок мой, дитя овцы,
Смиреньким ты мой,
Единственный ты мой,
Ягненок мой, где ты?
Пшайт! Пшайт!..
Вы кричите, когда стригут вашу шерсть,

Зовете прадедов своих,
Выросли вы на воле,
Мои славные козочки.
Где вы сейчас?
Шуре! Шуре!..
Ты мой спутник в пути,
Заботливо выращенный мной!
Где же ты, где ты, мой гнедой?
Курау! Курау!

Гнедой услыхал голос хозяина и двинулся в путь, за ним потянулись козы и ягненок. Дошли они благополучно до своего хозяина. Он загнал их в теплый хлев, положил теплой подстилки, дал им вдоволь корму. Когда они насытились, хозяин стал спрашивать: где они были, что видели? Затем спросил ягненка:

— Почему же ты думал только о своей шкуре?

— Рога у меня еще не отросли,— сказал ягненок.— Да и сам я еще слабенький. Так не хотелось умирать! Поэтому я и послал волка к козам, думая, что они сильнее меня и что-нибудь придумают.

— А вы почему думали о своих шкурах,— спросил хозяин коз,— и выдали волку гнедого?

— Мы помним, что ты, хозяин, не раз на гнедом охотился на волков, поэтому мы и решили, что гнедой — храбрый конь, он что-нибудь придумает. И мы оказались правы. Не будь с нами гнедого, голодный волк съел бы всех нас.

БЕЛКА И ВОЛК

Белка прыгала с ветки на ветку и упала на волка, спящего под деревом. Волк схватил ее и хотел разодрать.

— Не убивай меня, отпусти! — взмолилась Белка.

— Хорошо, отпущу, только ты мне расскажи: отчего вам все время бывает весело?

— Отпусти меня, я задыхаюсь, и мне трудно говорить,— заплакала Белка.

Волк отпустил ее. Белка вмиг взобралась на дерево.

— Ты, волк, злодей. Злость жжет все твое нутро, поэтому ты всегда ходишь угрюмый. Мы никому не делаем зла и оттого всегда живем весело,— ответила Белка.

ЛИСА И ФАЗАН

Бежала Лиса по лесу, увидела сидящего на дереве Фазана, подбежала к нему.

— Здравствуй, дорогой Фазан, как живешь? — обратилась Лиса к Фазану.

— Хорошо живу, а как твои дела, сестрица? — спросил Фазан.

— Спустись на землю, а то я глуха на одно ухо,— сказала Лиса.

— Боюсь спускаться на землю. Там много разных зверей, они могут меня съесть,— ответил Фазан.

— Эх, дружище, сейчас времена уже не те. Только что я узнала: вышел приказ, чтобы никто друг другу не чинил насилия. Овцы с волками должны жить в дружбе, а лиса должна дружить с курицей,— поведала Лиса.

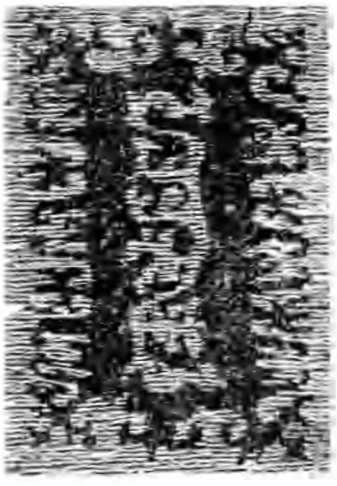
— У тебя хорошие новости, спасибо, сестрица! Вон там бегут собаки, сообщи заодно и им эту новость! — сказал ей Фазан.

Услышала Лиса слово «собаки» и рванулась без оглядки.

— Куда бежишь, сестрица, разве ты забыла приказ? — закричал ей вслед Фазан.

— Кто знает, быть может, они не слышали ничего об этом приказе,— буркнула Лиса и была такова.

КАК ГУСЬ ПЕРЕХИТРИЛ ЛИСУ

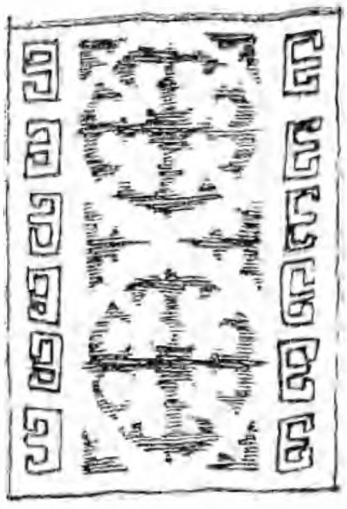
Однажды Лиса поймала гулявшего по лугу Гуся, придавила его передними лапами и решила потешиться над ним.

— Эй, Гусь, если бы я попалась в твои лапы, что бы ты сделал со мной? — лукаво спросила она.

— Что бы сделал? Я бы взял тебя з клюв, сложил бы лапы на груди, зажмурил глаза и помолился бы: «О аллах, тысячи благодарностей тебе за щедрый дар!» — потом съел бы тебя.

— Верно ты говоришь. Я тебя съем точно так же,— проговорила Лиса. Взяла она в пасть Гуся, присела на корточки, положила передние ноги на грудь, зажмурила, как мулла, глаза и начала молиться. Гусь взмахнул крыльями и улетел с гоготом.

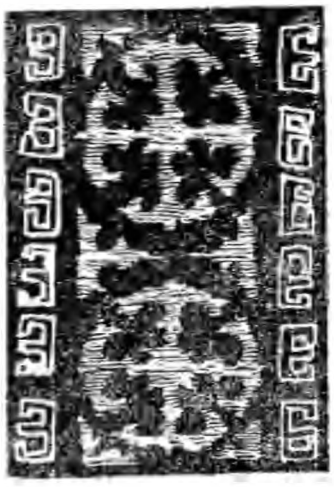
ГОРЕ ЗАЙЦА

Однажды Заяц жаловался на свою судьбу: «Нет на свете несчастней меня,— говорил он себе,— кто только за мной ни охотится: и человек, и собака, и волк, и лиса, и ястреб, и пучеглазая сова, даже глупая ворона и та уносит моих детей. Нечем мне защищаться. Не могу я, как белка, прыгать по деревьям. Не могу, как мышь, вырыть себе нору. Зубы у меня острые, но укусить врага не хватает храбрости. Стоит раздаться шороху, а у меня уже сердце колотится от страха, и я бегу без оглядки. Правда, не так легко меня догнать, и то хорошо, что хвост у меня короткий: собака не схватится за него. Но все равно нет мне спасения, не пройдет и года, как меня поймают и убьют. Шкуру сдерут, мясо съедят, а кости выбросят собакам. Все время живу под страхом! Чем так жить, лучше умереть!»

В отчаянии побежал Заяц к реке топиться. Подбежал он к самому берегу и услышал, как что-то выскочило у него из-под ног и шлепнулось в воду. Догадался Заяц, что это была лягушка, и призадумался: «Постой, видно, я не самый трусливый из всех на свете. Оказывается, есть существа, которые боятся меня. К тому же они и бегать не умеют, я могу даже раздавить их. И нет у них теплой шкуры. А ведь живут они и не собираются умирать! Зачем же тогда я должен топиться?.. Нет! Я еще не самый трусливый на свете. Я еще должен и буду жить!» — воскликнул Заяц и весело побежал в поле.

ЛЕВ, ВОЛК И ЛИСА

Заболел как-то Лев и забрался в одну пещеру. Все звери навещали его, справлялись о здоровье. Только Лиса одна не приходила. Волк невзлюбил Лису и, чтобы досадить ей, стал поносить ее на глазах Льва.

— Видно, Лиса совсем не уважает вас. Она даже не соизволила навестить больного.

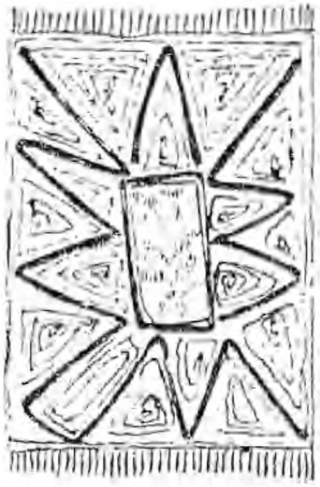
Рассвирепел Лев и позвал к себе Лису. А Лиса догадалась, что это Волк наговорил на нее.

— Вы понапрасну сердитесь на меня,— поклонилась она Льву.— Как услышала я, что вы заболели, совсем потеряла покой, носилась в поисках лекарства для вас. И вот только сейчас нашла и поспешила к вам.

— Что это за лекарство? — обрадовался Лев.

— Если содрать шкуру с живого Волка и накрыться ею, пока она тепла...— начала было Лиса, но Лев не стал слушать дальше. Тут же набросился он на стоявшего рядом Волка и стал сдирать с него шкуру. Лиса хитро усмехнулась и побежала восвояси.

ВОЛК И ЛИСА

Шли Волк и Лиса и взобрались на скалу. Волк недавно съел овцу и был сыт, а Лиса была голодна. Позавидовала Лиса Волку и решила отомстить ему за то, что он сыт. Притворилась она веселой.

— Чему ты радуешься? — спросил ее Волк.

— Я вспомнила твоего отца. Второй раз прихожу я к этой скале. Первый раз я была здесь с твоим отцом. Он был такой отважный, что прыгнул со скалы. Но разве сын может прыгать, как отец,— усмехнулась хитрая Лиса.

— Почему же это не могу? Попробуй, испытай и меня,— загордился Волк. Он так расхрабрился, что захотел прыгнуть, но трижды подбегал к краю скалы и каждый раз отбегал назад. Лиса расхохоталась.

— Почему ты смеешься? — спросил Волк.

— Ты весь удался в отца. Он также пытался трижды прыгнуть и только на четвертый раз осмелился,— ответила Лиса.

Расхрабрился еще больше Волк и на четвертый раз прыгнул. Он упал и разбился. Подбежала к нему Лиса и, усмехнувшись, начала потрошить.

— Разве это смешно, Лиса? — простонал Волк не в силах шевельнуться.

— О глупец! Точно так же я расхвалила твоего отца, и когда он прыгнул, я выпотрошила его,— ответила Лиса.

ЛЕВ
И ЧЕЛОВЕК

Один Человек с ранних лет жил тем, что добывал на охоте. Однажды, когда он натягивал сеть под деревьями, неожиданно появился Лев.

— Эй, Человек, я давно ищу тебя, но ты все не попадался. Подойди и выслушай меня. Говорят, что ты все время занимаешься насилием. Даже и мне готовишь расправу. Если ты сильнее меня, попробуй теперь вырваться из моих когтей.

— Я не сильнее тебя, но с тобой потягаться могу. Вон там я поставил одну вещь, если ты сильнее меня, то попробуй перейди через нее. Преодолеешь — можешь съесть меня,— сказал Человек.

— Я вижу твою хитрость. Попробуй-ка перейди сам сперва! — предложил Лев.

Человек ловко проскользнул под сетью. Лев не смог перескочить через сеть и запутался. Так Человек перехитрил зверя.

ЖУРАВЛЬ И ЛИСА

Порешили Лиса и Журавль жить вместе и в дружбе. Вместе они выращивали своих детенышей, вместе питались. Если один из них отправлялся на поиски добычи, другой оставался возле птенцов и лисят.

И вот настало время, когда гололобые птенцы журавля оперились и стали бегать. Лисята тоже выросли красивыми, с черными полосками на ногах. Мамы иногда выводили своих детенышей на прогулку недалеко от дома.

Как-то Журавлиха отправилась на поиски добычи, а Лиса осталась с малышами. Вывела она детей на прогулку. Птенцы и лисята стали дружно и весело играть на поляне. Вдруг пришла Лисе мысль: «Журавли созданы летать. Ведь аллах не пошлет их нам в другой раз. Пройдет немного времени — и они улетят, а мы останемся ни с чем. Не такие уж мы близкие родственники, чтобы быть неразлучными, и должны же мои лисята научиться ловить птиц. Нет, никогда чужое дитя не оставалось верным другому». Схватила Лиса на глазах лисят одного журавленка и ударила о землю. Видя это, лисята набросились, переловили всех птенцов и задавили их. Потом поодаль спрятали убитых птенцов и вернулись в свою нору.

Вечером вернулась Журавлиха. Вышла навстречу Лиса со слезами на глазах.

— Что случилось? — спросила встревоженная Журавлиха.

— Ох, случилась беда! — ответила Лиса.— Не все наши детеныши вернулись домой.

— Чьи не вернулись, твои или мои? — спросила растерянная Журавлиха.

— О бедняга,— сказала с усмешкой хитрая Лиса.— Как бы я ни хотела сдружиться с тобой, ты всегда чуждаешься и делишь детей на «моих» и «твоих». Разве о птенцах мы можем сказать «твои» или «мои»?

ЛЕВ
И ЛИСА

Лев состарился. Он не мог охотиться, как прежде, и решил добывать себе пищу хитростью.

— Болею, не могу двигаться,— пустил он слух среди зверей и залег в пещере.

Звери по очереди навещали Льва. Ни одного из них он не выпускал обратно из пещеры. Все звери стали его жертвой.

Однажды прибежала Лиса.

— Как ваше здоровье?— спросила она, стоя на почтительном расстоянии.

— Очень плохо. Почему ты не подойдешь поближе? Подойди, сестрица, потолкуем,— сказал Лев.

— Я бы подошла к тебе, да боюсь: в твою пещеру вошедших следов много, а вышедших что-то не видно! — ответила Лиса и побежала прочь.

КОЗА И ВОЛК

На высокой скалистой горе Коза щипала траву. К подножию той горы подошел голодный Волк. Увидел он Козу и сказал:

— Ведь в горах нет для тебя хорошего корма, лучше бы спустилась к подножию и паслась бы на вкусной и сочной траве.

— Эй, дружище, ты прибереги для себя сочную траву, что у подножия, а для меня неплохо и здесь, на горе,— ответила ему Коза.

ЛИСА И КУВШИН

Пришла одна женщина в поле жать, а кувшин с молоком запрятала в траву. Это заметила Лиса. Она проползла к кувшину, просунула в него голову и вылакала все молоко. Стала вытаскивать голову — никак. Выбилась Лиса из сил.

— Ну, кувшин! — взмолилась она.— Побаловался немного и хватит, отпусти мою голову!

Но кувшин не отпускал ее.

— Ну постой же, если ты не отстанешь по-хорошему, так я утоплю тебя в реке!

Прибежала Лиса к реке, опустила в воду кувшин и сама вместе с ним пошла ко дну.

ЛИСА И КУРИЦА

Шла как-то Лиса, видит: сидит на дереве Курица. Вот, думает, полакомлюсь курятинкой. Подошла кумушка к дереву и ласково так говорит:

— Курочка, цып-цып! Что ты забралась так высоко? Хочешь, будем друзьями. Спустись на землю — намаз прочтем, поиграем.

Курица:

— И правда, Лисонька: подходит время намаза. Вон там лежит имам, пойди разбуди его.

Обрадовалась Лиса, побежала, куда указала ей курица. Там лежала Собака. Увидела Собака Лисицу и погналась за ней.

А Курица с дерева:

— Лисонька, куда же ты? Время молитвы пройдет, мы же договорились подружиться.

Но Лиса не слышала курицы, она думала о своем животе.

Говорят, этот случай послужил основанием для пословицы: «Не рой яму другому — сам в нее попадешь».

ВОРОНА НАЗЫВАЕТ СВОИХ ДЕТЕНЫШЕЙ ГОЛОСИСТЫМИ, А ЕЖ — МЯГКИМИ

Однажды хан Сулеймен призвал к себе ворону и ежа и приказал им:

— Ты, ворона, облети весь мир и найди мне такую птицу, краше которой не поет ни одна другая птица на свете. Хочу, чтобы клетка с такой птицей висела над изголовьем моего ложа и чтобы птица эта своим чудесным пением извещала меня о наступлении нового дня.

А ты, еж, обшарь всю землю и найди самую мягкую, самую нежную вещь. Это мягкое должно лежать у моей подушки так, чтобы, проснувшись утром и обернувшись к клетке с певчей птицей, я прикоснулся бы щекой к нему и ощутил ласку и тепло его.

Сроку вам даю один день.

Сказал так хан и занялся своими важными государственными делами.

Во многих местах побывала ворона, слышала пение многих птиц — и больших, и малых, и красивых, и некрасивых, и ночных, и дневных, таких, которые поют на утренней заре, и таких, которые поют на вечерней заре.

В одном саду она услышала даже трель соловья. Хорошо поет соловей, но что-то в его трели не нравилось вороне.

Вот уже пришло время возвращаться к хану. С чем она предстанет перед ним, что скажет?

Совсем загоревала ворона. Неужели придется ей расстаться с жизнью.

Ранним утром, до восхода солнца, вернулась ворона в свое гнездо, усталая, печальная.

Голодные воронята встретили мать дружным радостным писком, и этот их писк показался вороне приятнее и нежнее пения соловья и других певчих птиц.

— И зачем я далеко летала за певчими птицами? Вот они, в моем гнезде! — обрадовалась ворона.— Голосистее их нет на свете!

Недолго думая, посадила ворона в клетку своих воронят и повесила над изголовьем хана.

Еж обшарил всю землю в поисках самого мягкого и нежного и усталый ни с чем возвращался в свою норку. Завидя отца, навстречу ему выбежали ежата. Он нежно ласкал их и думал о том, что во всем мире нет ничего мягче и нежнее его детенышей.

— Вот глупый, всю землю обошел напрасно. Нечего было ходить так далеко,— ругал себя еж.

Не задумываясь, еж собрал своих детей и поместил их на подушке спящего Сулеймена — мудрейшего из мудрых.

Настало утро. Воронята что есть мочи запищали, закаркали в своей клетке и разбудили хана. Хан обернулся в сторону клетки, но больно укололся о какие-то шипы. Тогда он поднял голову и увидел в клетке обыкновенных воронят. На подушке его удобно разместились ежата.

Разгневался Сулеймен. Приказал немедленно привести ворону и ежа и отсечь им головы.

— О хан! — взмолились виновные.— Прежде выслушай, что мы скажем, а потом уже делай с нами что хочешь.

Хан согласился, и ворона с ежом рассказали о своих поисках.

Задумался тогда Сулеймен и молвил:

— Каждому существу свое дитя кажется краше солнца, слаще меда, жарче огня и мягче пуха.

Еж и ворона были помилованы.

ОБЕЗЬЯНА-СУДЬЯ

Жил на свете охотник. Выкопал он на тропинке, что шла через чащу, глубокую яму-ловушку. Прикрыл сверху ветками, настелил травы, а потом еще землей присыпал. Ничего не заметишь—дорога как дорога. У него и в мыслях не было, что все это видела обезьяна, сидевшая на дереве. Охотник ушел, а обезьяна только весело посмеивается:

— Вот наловчился, гляди-ка, как устроил! Кабы не видела своими глазами, так тоже могла бы попасться. Вот интересно! Посижу-ка я здесь да погляжу, кто в яму угодит!

Прошло немного времени, видит обезьяна, бежит по тропинке зайчиха. Все ближе, ближе к опасному месту. Пожалела ее обезьяна.

— Стой,— закричала она во весь голос, спрыгнула с дерева и преградила дорогу зайчихе. Зайчиха даже подскочила со страху. А когда разглядела, что это обезьяна, забила себя лапками в грудь и проговорила:

— Ай-я-я! Сестрица обезьяна! Как ты меня, бедную, напугала.

— Да я только спросить хотела — куда идешь?

— Бегу я в темный лес за молодой травкой для своих зайчат.

— Не ходи по этой тропинке, там охотник выкопал ловушку,— сказала обезьяна, показывая вперед.

Трижды поблагодарила зайчиха обезьяну и побежала в обход. Только она сделала несколько шагов, вот беда-то! — навстречу ей голодный волк — дорогу преградил.

— Повезло,— сердито разинув пасть, прорычал волк,— меня прямо трясет от голода. Вот я тобой и полакомлюсь!

Перепугалась зайчиха, но смекнула, набралась храбрости и давай браниться:

— Все мы в лесу живем, какие у тебя права съесть меня?

— Ха-ха-ха,— загоготал волк,— у меня в брюхе урчит, есть хочу, не надо было попадаться мне — вот так!

— Давай поищем кого-нибудь, кто разрешит наш спор.— Тут как раз невесть откуда лиса выскочила. Вот волк и говорит зайчихе:

— Ладно, спросим-ка лису, она лучше всех разберется.

— Что тут говорить,— промурлыкала лиса,— я давно уже разобралась в вашем споре. Ты, зайчиха, должна с радостью отдать себя на съедение волку.

Не согласилась зайчиха и потребовала найти настоящего, справедливого судью. Согласился волк. Пошли они. Видят, у развилки обезьяна сидит. Выслушала обезьяна обе стороны, поморгала глазами, подумала и говорит:

— Волк хочет съесть зайчиху: конечно, волк сильнее зайца. Но пусть он сперва ответит, в чем его сила?

— Разве и так не видно? Мои острые зубы одним махом загрызут быка; ну, а быстрые ноги, они могут догнать мчащегося, как ветер, барана, да еще...

— Подожди,— перебила его обезьяна,— что-то я не очень верю, что ты умеешь так быстро бегать.

— Сестрица обезьяна,— подала голос лиса,— ты не должна сомневаться в способностях братца волка — это чистая правда, я могу поручиться!

— Кто верит словам? — замотала головой обезьяна.— Пусть волк сам покажет, на что он способен. Сделаем так: пусть бежит по этой тропинке до старого кипариса. Когда он отбежит на двадцать шагов, заяц бросится ему вдогонку. Не догонит — отдаст себя на съедение волку, а догонит — так что тут много говорить, значит, волк просто болтун и обманщик.

«Ну, зайчиха-то бегает не так быстро, как я, да у меня будет еще двадцать шагов в запасе, ей и подавно не догнать меня»,— подумал про себя волк и согласился.

Лисица — востра на язык — тоже влезла в разговор:

— Хотя состязание в беге еще не началось, но я уже знаю, кто победит, а кто отстанет. Нечего и говорить о братце волке, который славится быстрым бегом на весь наш лес, даже меня, коротконогую, зайчихе не нагнать.

— Раз так,— засмеялась обезьяна,— то ты беги с волком. Коль ты и вправду сможешь победить, то и тебе достанется кусочек зайчатины.

— Идет! Что я, трусиха, что ли? — похлопала себя по брюху лиса.

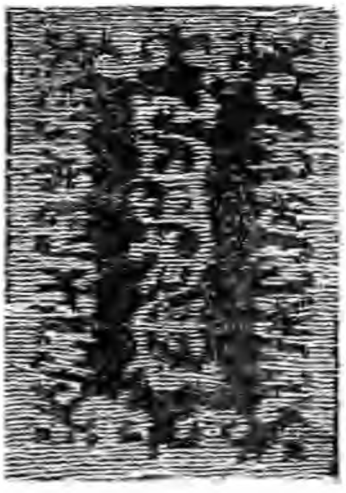
Итак, состязания начались. Обезьяна выпятила губы и свистнула, волк и лиса бросились вперед. Они неслись по тропинке прямо к старому кипарису. А обезьяна громко кричала сзади:

— Поддай! Нагоняет! Поддай!

Потом послышалось бух-бух — это волк и лиса свалились в охотничью яму. Они так ударились, что в головах помутнело, в глазах круги пошли. Только немного погодя очухались волк и лиса и поняли, что случилось. Давай изо всех сил выкарабкиваться, да яма глубокая, только зря силы потратили. Делать нечего, сидят в яме и вздыхают: «Ху-чи, ху-чи!».

А обезьяна с зайчихой стоят рядом и заливаются: «Ха-ха-ха!».

КАК ИЗБЕЖАТЬ ЗЛО?

В давние времена жил в лесу один человек. Звери и птицы не боялись его и разговаривали с ним на человеческом языке. Однажды вечером человек расположился под одним деревом на отдых. Под соседним деревом собрались все звери и птицы, обитавшие в том лесу, и повели между собой разговор.

— Отчего на свете бывает зло? — спрашивали они друг друга.

Ворона сказала:

— Зло бывает от голода. Когда проголодаешься, совершаешь зло, не считаясь ни с чем. Как много погибло от голода моих родственников! Если не будет голода, не будет и зла.

Голубь сказал:

— Я думаю, что зло бывает от любви. Если бы мы жили в одиночку, мы никогда бы не злились. Мы живем парами. Когда преданно любишь свою голубку, нет тебе покоя. Все время думаешь, как накормить подругу, как лучше нарядить ее. Стоит ей куда-нибудь отлучиться, пока не вернется, тебя охватывает тоска. Если долго не возвращается, идешь искать ее и порою рискуешь погибнуть. Все зло бывает от любви.

Прошипела змея:

— А, по-моему, зло бывает от раздражительности. Если бы мы жили дружно, все было бы хорошо. Бывает, что из-за пустяков начинаешь злиться. А когда разозлишься, так и хочется кого-нибудь ужалить. А ужалишь — убьют тебя.

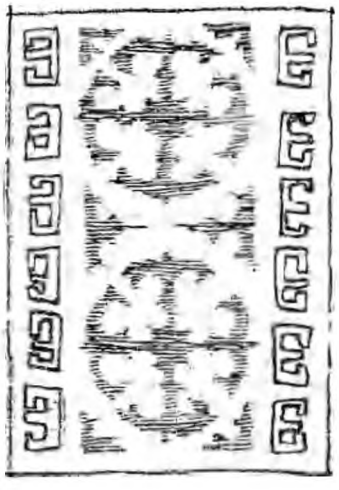
— Нет,— сказал олень,— зло на свете — от страха. Если бы не было страха, все было бы хорошо. Вот я бегаю

быстро, сил у меня много. Маленьких зверюшек легко сбиваю рогами, а от крупных спасаюсь только бегством. Плохо быть боязливым: шелохнется ветка дерева, зашуршат листья — бежишь во всю прыть и не замечаешь, как летишь в овраг или хватают тебя собаки. Надо быть смелым.

Слушал, слушал человек животных и вступил в разговор.

— Вы все по-своему правы,— сказал человек.— Но дело не в голоде, любви, раздражительности или трусости. Все это переживаете не только вы, животные, но и мы, люди. Все живущие на земле должны стремиться делать друг другу добро. Тогда исчезнет зло.

ПОЧЕМУ ЧЕЛОВЕК ДРУЖИТ С ЛАСТОЧКОЙ

Давно это было. Собрала как-то Змея вокруг себя всех животных и птиц и расплакалась:

— Несправедливо поступил со мной бог, когда создавал мир. Он всем обделил меня: не дал ног, и я вынуждена всю жизнь ползать, не в силах даже оторвать от земли голову. У всех языки как языки — целые, а у меня — раздвоенный. Я самая несчастная на земле, а ведь страдальцы — всем это известно — всегда справедливы. О горе мне, горе! — и Змея залилась горючими слезами.

Пожалели животные и птицы горемычную, стали совещаться. Долго совещались, наконец решили:

— Обрадуем несчастную: объявим, что отныне считаем ее владычицей нашей.

Порешили и сделали так. Стала Змея царицей.

Проходили день за днем, год за годом. Хорошо жилось Змее: все почитали ее, низко кланялись. И вот однажды размечталась Змея:

«Хочу жить еще лучше. Я ли не владычица, я ли не повелительница: что захочу, то и сделаю! Хочу питаться существами, у которых самая сладкая кровь!»

Призвала Змея к себе всех насекомых — лучше их никто не разбирается во вкусе крови. Прилетел Комар, звеня крыльями, прилетел Овод, высунув жало, прилетели все, кто хотел угодить царице.

И приказала царица Комару и Оводу:

— Облетите всю землю, попробуйте на вкус все живое и неживое, все твердое и мягкое. О самом вкусном сообщите мне.

Полетели Комар и Овод выполнять задание повелительницы. Комар не мог лететь далеко. Он боялся ветра и часто прятался в траве. Скоро он отстал от Овода и вернулся домой.

Прошло много дней. Овод облетел всю землю, попробовал на вкус сок всех растений, кровь всех животных и птиц и с песней возвращался назад. Повстречалась ему на пути Ласточка.

— Ну как, друг Овод? — остановила его Ласточка.— Я слышала, вы искали самую вкусную пищу для царицы? Нашли?

Но Овод не захотел отвечать Ласточке и полетел быстрее прежнего.

— А, понятно, понятно! — защебетала Ласточка вдогонку.— Вы нашли, что искали! Я всегда знала вас как самого ловкого и храброго. И теперь расскажу всем крылатым, что вы с честью выполнили задание царицы.

Слова Ласточки понравились Оводу, и он гордо спросил:

— А ты знаешь, кого я выбрал для пищи царице?

— Откуда мне знать? Я телом хоть и больше вас, но умом беднее — ведь вы советник самой царицы! Для меня, недостойной, достаточно знать, что вы выполнили задание нашей повелительницы — я и этим довольна,— отвечала Ласточка.

Еще пуще возгордился Овод и ответил хвастливо:

— А я скажу и тебе, кого мне бояться! Самая вкусная пища для нашей царицы — это кровь человека.

«Так, значит, самое умное и самое доброе существо на земле — человек — должен отныне служить пищей ползучей мрази»,— в ужасе подумала Ласточка. И моментально у нее созрел план, как отвести от человека беду.

— Дорогой Овод,— сокрушенно вздохнула Ласточка,— если я глупа, прости мне дерзость мою. Я никогда не пробовала человеческой крови. Моя мать не раз говорила: кто попробует самую сладкую кровь, у того на языке останется золотая печать. Как бы я хотела увидеть эту печать!

У Овода дух захватило от такого внимания к нему. И ответил он важно:

— Ну что ж, посмотри, бедняжка, мне не жалко,— и высунул свой язык. Ласточка вмиг вырвала у Овода язык и взмыла вверх. Заплакал Овод, да делать нечего, жужжа, полетел дальше.

«Посмотрим, как ты теперь без языка расскажешь царице о самой вкусной крови!» — весело подумала Ласточка и полетела вслед за Оводом.

Прилетел Овод к Змее, а та уже ждет не дождется посланца своего. Закружил Овод над владычицей, хочет что-то сказать, но изо рта вырывается только «Ж-ж-ж, ж-ж-ж».

Разгневалась Змея:

— Что такое? Или у него языка нет, или он умом тронулся? Может быть, вы объясните, что он говорит? — обратилась она к подданным своим.

— Я все поняла, владычица моя. Он говорит: «Я жужжа облетел весь свет, но ничего не нашел слаще земли, которая породила различные растения».

Овод с ненавистью бросился на Ласточку... Потом подлетел к Змее и заплакал в отчаянии.

— А-а, ты лишила Овода языка! — догадалась Змея и, подскочив изо всех сил, кинулась на Ласточку. Только куда уж Змее угнаться за быстрокрылой Ласточкой. Ласточка молнией взметнулась вверх, и только за хвост успела схватить ее Змея. Стал хвост у Ласточки вилкой.

С тех пор змеи — вечные враги ласточек. Человек стал убивать змей, подружился с ласточкой и позволил ей вить гнезда в своем жилище.

ХИТРАЯ ЛИСА

Однажды Лиса попалась в когти Льва. Повертела кумушка хвостом, подняла морду и говорит:

— Вы не смеете меня съесть! Я владычица над здешним лесом!

— Какая ты владычица? — не поверил Лев, примериваясь, с какой стороны приняться за лисицу.

— Коль не верите, идемте в лес. Сами убедитесь, как будут убегать все птицы и звери, завидев меня.

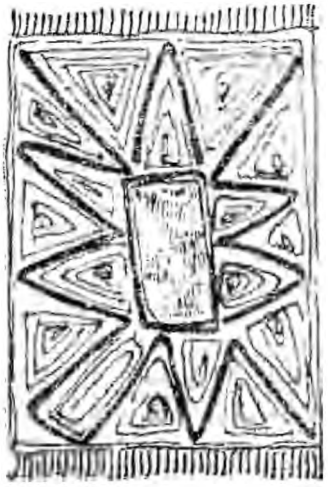
— Ладно, идем,— согласился Лев.

Лиса важно зашагала впереди, а Лев — за ней. Звери и птицы, завидев Льва, в страхе разбегались по норам и гнездам. А хитрая Лиса еще выше подняла голову.

— Ну что, Лев, убедились? Есть ли птицы и звери, которые не боятся меня?

— Да, ты на самом деле сильна,— ответил Лев и пошел прочь.

КОШКА И ТИГР

Однажды Кошка шла по лесу и увидела подохшего тигра. Рядом бегал тигренок. Сжалилась Кошка над сиротой, взяла его к себе и стала кормить своим молоком. Тигр вырос в сильного хищника и стал сам себе добывать пищу. Однажды проголодавшийся Тигр набросился на Кошку, хотел ее съесть. Но Кошка раньше угадала намерение Тигра и бросилась наутек. Она быстро взобралась на дерево и стала смотреть вниз.

Подбежал Тигр к дереву и говорит:

— О кормилица, вскормившая меня своим молоком! Ты дорога мне, как родная мать. Ты научила меня всему. Но почему же не научила лазать по деревьям?

— Я приберегла это для себя,— ответила Кошка и забралась еще выше.

КОЗЛЯТА

Бегали по поляне два козленка: один Белый, другой — Черный. Посмотрели вокруг: с одной стороны — густой лес, с другой — густой бурьян. Кругом — ни коз, ни овец.

— Ты Белый козленок, ты глупый беленок. Водил меня по лесу, и вот мы заблудились. Сейчас же найди нашу отару,— заплакал Черный козленок и боднул Белого в бок. Белый козленок вскрикнул от боли.

Черный козленок старше Белого. На лбу у него рожки. Он большой шалун и забияка и не считается с тем, что Белый ему братец, чуть что — дразнит его: «Белый — глупый». А рассердится — боднет того в бок. Ведь он сам привел Белого сюда, сказав:

— Бэ-э! Смотри, какая тут сладкая трава.— А теперь всю вину сваливает на брата, Белого козленка.

— Белый козленок, глупый козленок, иди сейчас же вперед,— приказал Черный Белому.

Белый козленок долго вспоминал, где, по каким местам они ходили.

— Найдем ли мы теперь отару. Кто знает, может быть, она уже перешла гору и сейчас пасется на жайляу? А нам не только жайляу — дорогу найти нелегко. Ну что ж, все равно придется идти. Пойду я впереди. Найду я дорогу. Но вот тебе два условия: ни с кем не будешь ссориться и будешь слушать меня. Если не будешь выполнять эти условия, мы заблудимся и погибнем,— сказал Белый. Услышав слово «погибнем», испугался Черный козленок. Дал он слово во всем слушаться Белого.

Белый козленок пошел вперед. Он раздвигал густую траву, очищал тропку. Встретится на пути арык — перепрыгнет, камень — перескочит. Так дошли козлята до подножия одной горы. Тишина. Никого не видно вокруг.

Вдруг откуда ни возьмись — Лиса. Завиляла хитрая хвостом:

— Ах ты, какой беленький, какой красивенький, так и хочется проглотить тебя. И братец твой миленький. Вы, наверно, устали. Идемте ко мне, отдохнете, подкрепитесь. У меня есть такие же миленькие два лисенка, поиграете с ними,— говорила Лиса. А сама думала про себя: «Беленький еще маленький. Надо сначала его съесть. Но братец его может увидеть это и убежать».

Белый козленок уж заранее приготовился к ответу:

— Лиса, вон на той вершине около черного камня нас ждет Волк. Мы идем к нему в гости. Если Волк узнает, что мы ушли с вами, рассердится. А злоба Волка всем известна. Если не верите, идемте с нами.

— Ладно уж, идите,— сказала Лиса, а сама себе на уме.

Когда козлята пошли дальше, Лиса последовала за ними.

Много ли, мало ли шли козлята — вдруг перед ними вырос огромный, ростом с теленка, Волк. Лиса испугалась, и только ее и видали.

— Как хорошо, что мы встретились! Я так голоден! — обрадовался Волк.

Взмолился Белый козленок.

— Ваша милость, вон на той вершине, у черной скалы нас ожидает Тигр. Он явился вчера, чтобы стать ханом всех птиц и зверей этих мест. На завтрак он съедает двух телят, на обед — двух козлят, на ужин — двух ягнят. Если он узнает о вашем поступке, то рассердится, и вам несдобровать.

— Бэ-э! Эй, Волк, смотри, Тигр идет, смотри, он зовет нас,— вдруг закричал Черный козленок.

Волк сразу утратил весь свой геройский вид, затрясся от страха и кинулся в густые заросли.

— Подальше от беды! Уходите, пока живы!

Убежали козлята. Достигли вершины горы и увидели у подножия старика-чабана верхом на коне.

Обрадовались козлята, наперегонки побежали к отаре и смешались с овцами и козами.

Старик-чабан, увидев прибежавшего первым Белого козленка, поднял его на руки:

— Смотрите-ка, сами явились! Молодцы. Молодец, Белый козленок! Теперь никто тебя не будет дразнить: «Белый козлик — глупый козлик».— И старик-чабан крепко обнял Белого козленка.

МЕДВЕДЬ И КОМАР

Однажды Медведь поймал в лесу Зайца и ради потехи давай ему уши драть. Заплакал от боли и обиды Заяц, а Медведю шуточки — смеется да дерет. Натешившись вволю, отпустил косолапый косого и пошел дальше, переваливаясь с боку на бок.

Забился Заяц под куст, ни жив ни мертв от страха, сидит, слезы лапой утирает.

— За что такое издевательство? — говорил он неизвестно кому.— Ладно еще, что жив остался, уши заживут и слезы высохнут. И к кому пойдешь пожалуешься: ведь Медведь — самый сильный зверь в лесу. Волк и лиса его неразлучные друзья. Несчастное я существо — и сам мал и слаб, и друга у меня нет сильного, чтобы мог защитить.

— Я защищу тебя,— услышал вдруг Заяц писк из камышей.

Оглянулся косой на голос и увидел Комара. Вмиг высохли у него глаза — так весело ему стало.

— Ты? — еле сдерживая смех, спросил Заяц.— Куда тебе, мошке, тягаться с Медведем? Хвастунишка!

— Я сильнее медведя,— невозмутимо отвечал Комар.— Я могу его замучить до слез — вот не дам ему спать. Убедишься в этом завтра.— И Комар полетел вслед за Медведем.

День был жаркий, и Медведь не знал, куда деть себя от духоты. Прилег в тени густого дерева. Только было прикрыл глаза, как над самым ухом пронеслось:

— З-з-з-з!

«А, проклятая мошка!» — узнал косолапый Комара и стал ждать, когда тот сядет на нос.

Комар покружил, покружил над Медведем и, действительно, сел прямо на нос косолапому. Тот, недолго думая, как даст себе лапой по носу! А Комар — не будь глупым — не дремал, знал, что мишка захочет прихлопнуть его. Он взлетел еще до удара и теперь, обрадованный успехом, решил не оставлять зверя в покое.

Медведь перевернулся на другой бок и только было задремал, как снова:

— З-з-з-з!

«Куда теперь сядет эта мошка?» — зверь притворился спящим.

Шум стих, и Медведь подумал, что Комар улетел. Но Комар и не думал улетать. Он осторожно влетел в ухо косолапому и сильно укусил. Медведь заревел от боли, вскочил, покружился на месте и ка-ак даст себе по уху — аж искры посыпались: будет знать Комар, как кусать Медведя! Потом потер ухо и улегся поудобнее, теперь можно спать. Но не тут-то было! Только закрыл мишка глаза, как над головой опять раздался комариный звон.

— Ах, проклятый! Какой живучий! — Медведь поднялся и пошел искать другое место. Продирается сквозь кусты косолапый, почесывается, зевает на весь лес, а Комар — за ним:

— З-з-з-з!

Медведь побежал. Долго бежал, наконец усталый свалился под одним деревом. Лежит и прислушивается. Тихо в лесу. Все звери и птицы спят давно. Темно — ничего не видать.

«Не слышно Комара, слава богу, наконец-то усну!»

Улегся Медведь поудобнее. Закрыл глаза, задремал. Даже сон приснился, будто нашел он пчелиный улей, полный меду. Только сунул в улей лапу, как вдруг раздалось над самым ухом:

— З-з-з-з!

«Нашла опять, проклятая мошка!»

Сел разгневанный вконец косолапый и стал икать: «Ик, ик». А Комар кружил, кружил над головой, жужжал, жужжал — то громче, то тише — и затих.

Сидел, сидел Медведь, прислушивался, опять стал моститься. Только пригрелся, задремал, как снова прилетел Комар.

Вылез из-под дерева зверь, сел и горько заплакал.

— Так и не отстал от меня, мерзавец! Ну теперь берегись — хоть до утра просижу, но подкараулю тебя и убью!

Но не убил Медведь Комара, хоть извел тот зверя вконец. Косолапый так избил сам себя, что покрылся весь синяками. А Комар остался невредимым.

Взошло солнце. Проснулись птицы и звери. Все приветствуют новый день. Один только Медведь не рад солнцу. Взлохмаченный, с висящей клочьями шерстью, злой, идет-качается по лесу косолапый. Глаза слипаются от усталости, а в ушах все стоит комариный звон.

Увидел Заяц Медведя — подскочил в восторге.

— Ай да Комар! Ай да молодец! — прыгал Заяц и хохотал до слез.

А Комар — легок на помине — тут как тут.

— Видел Медведя? — спрашивает.

— Видел, видел! — ответил Заяц, а сам держится за живот — хохочет.— Как здорово ты отделал его! Спасибо, друг! Расскажи, как тебе, такому маленькому, удалось одолеть Медведя.

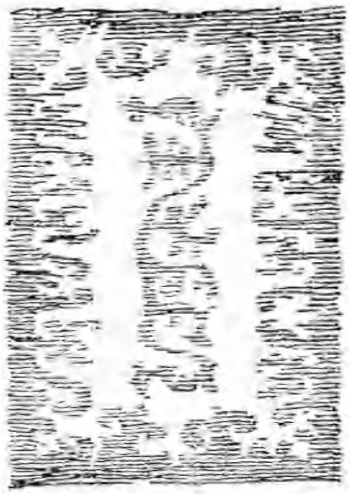
— Очень просто,— ответил Комар.— Дело в том, что мы, комары, никогда не живем в одиночку, как вы, зайцы. К тому же мы не трусливы.

Заяц задумался над этими словами, а Комар снова погнался за косолапым.

ПРЕДАНИЯ

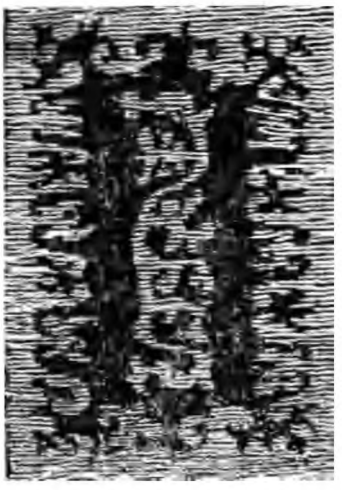
ЕСЕК-КЫРГАН

Есть звезда Есек-Кырган. Она вводит в заблуждение караваны. Взойдет — караван-баши подумает, что взошла Шолпан и, значит, утро близко. Поднимет он караван и двинется в путь. От продолжительного хода ишаки изнуряются и дохнут. Оттого эта звезда и называется Есек-Кырган, что означает «ишаки погибли».

ПОТОНУВШИЙ ГОРОД

●

Много веков тому назад там, где теперь бушует Иссык-Куль, была цветущая долина, заселенная калмыками. Среди этой долины был большой город, в котором находился большой колодец, покрытый каменной плитой. Долгие годы никто не отодвигал этой плиты: под страхом смертной казни было запрещено прикасаться к этому колодцу. Однажды некая любопытная женщина отодвинула плиту с колодца. Оттуда стремительно ринулась вода и затопила не только этот город, но и всю долину, образовав озеро, которое впоследствии стало называться Иссык-Кулем.

АТА-СУ

Девушка полюбила пастуха, но богатый отец не захотел отдать дочь за своего бедного работника. Молодые бежали. Отец пустился догонять их. Он приблизился к ним на выстрел, вынул лук и наложил на него стрелу. Женщина, заметив, что любимому ею человеку угрожает опасность, заслонила его своим телом. Стрела пронзила ее. Отец нашел на земле только бездыханное тело своей дочери. Его обильные слезы образовали целую реку, которая и теперь называется «Слезы отца».

УРКЕР

Было время — опускались звезды Уркер (Плеяды) на землю. Тогда наступала зима. Восемь было звезд-сестриц, восемь месяцев длились холода. Лютые зимы стояли, тяжко страдала скотина от стужи и бескормицы.

Конь и корова повели меж собой разговор, как облегчить жизнь, как избавиться от мороза, буранов и голода.

— Если уничтожить звезды Уркер, будет на земле вечное лето и все живое прославит свой удел. Давай убьем Уркер,— сказал конь.

— Давай, я согласна,— отвечала корова.— Но нужно подумать сперва, как нам вернее это сделать.

Конь говорит:

— Уркер всегда — и на небе, и на земле — держатся тесно друг подле друга. Когда они, слетев с неба, улягутся отдохнуть, я подкрадусь к ним, ударю копытом и растопчу всех сестер.

Корова сказала:

— Замысел твой хорош, да ты, конь, слишком горяч,— можешь испортить дело. Уж лучше я сама расправлюсь с Уркер.

Заспорили. И в споре победила корова.

Дождавшись первого зимнего дня, подобралась она к звездам, что спали, прижавшись друг к другу, на земле, высоко подняла ногу и разом наступила копытом на сестер.

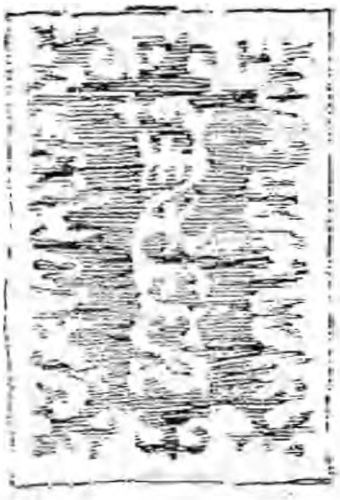
— Вот и все! — с торжеством промычала корова.

Но случилось нежданное. Семь звезд выпорхнули из-под копыта и стайкой понеслись в небо. Ведь у коровы раздво-

енное копыто с большой щелью посредине: в эту-то щель и вырвались перепуганные звезды. Только одну из них удалось корове раздавить.

С тех времен семь звезд Уркер никогда не сходят с неба, и холодная пора держится у нас не восемь, а семь месяцев — с середины сентября до середины апреля. Да — знающие люди говорят — и морозы уж теперь не те, что были в старину: далеко от земли Уркер, а ниже спуститься — боятся коня и коровы.

ИСТАН
И ЖЕЗТЫРНАК

В древние времена жил знаменитый охотник по имени Истан. Однажды, охотясь в горах, он опоздал и не мог вернуться домой. Тогда Истан решил заночевать в этих горах. Он расположился и разложил костер. Затем стал варить себе дичь. Когда мясо поспело и Истан стал его есть, к нему подошла молодая женщина. Она не была похожа на обыкновенных женщин. Чтобы еще лучше разглядеть, Истан воткнул на кончик ножа кусочек мяса и подал женщине. Она приняла мясо, но тщательно закрывала свои руки платьем. Затем охотник взял нож в одну руку, а мясо в другую и опять подал мясо женщине. Она на этот раз не протянула за ним руку, а разинула широко рот. После этого она ушла.

Истан подумал, что, вероятно, это не человек, а какое-либо вредное существо. Прежде чем лечь спать, охотник добыл большой кусок дерева в рост человека, уложил на землю, покрыл своим халатом, а сам спрятался в яму. Когда настала ночь, он опять увидел женщину. Она шла очень осторожно, оглядываясь кругом. Вот она подошла к куску дерева, покрытому халатом, и обняла его, но когда увидела, что это не человек, швырнула со злобою обрубок в сторону. В это время охотник выстрелил из ямы. Женщина упала замертво.

Когда Истан осмотрел ее, то оказалось, что все десять пальцев ее были медные. Это, оказывается, был жезтырнак.

АДАК

●

Грозен был хан Аблай, грозен, жесток, немилостив. Недаром прозвали его в народе «канишер» — кровопийца. Чрево его всегда было сыто, а глаза вечно голодны, спину ему никогда не сгибала тяжесть, а нравом он был тяжелей скалы, тело его от рождения не ведало холода, а сердце до смерти было как лед. Он дитя отрывал от матери, невесту от жениха, он у всадника отбирал коня, у пешего — посох, он и дырявый тымак снимал с головы, а с простоволосых снимал голову. Живое и мертвое, ближнее и дальнее обложил он непосильной данью, требуя плату за корм и бескормицу, за погожие дни и за непогодь, за след верблюда и за дым очага. Говорил народ в горести: «Не уходит весна из страны справедливости, не приходит весна в страну произвола».

Часто Аблай со своим многочисленным войском нападал на соседние земли, и после его кровавых набегов долго в степи не росла трава. Вернувшись с победой, хан до нового похода проводил время в пирах и забавах, затевал скачки, звериный лов, состязания, и в разгулах своих так же не знал удержу, как в безумных расправах с пленниками и подданными.

Как-то однажды, воротясь с богатой добычей из калмыцких степей, хан раскинул шатры в урочище Кокчетау, у подножия скалистых гор, над светлым озером Бурабай и шумно праздновал с воинами победу над враждебным племенем. Тысячу тучных кобылиц и десять тысяч баранов закололи для пира, а кумыс лился и пенился, как горная ре-

ка. Опухли языки у акынов от лести, охрипли певцы от хвалебных песен, сорок раз переменили музыканты струны на домбрах и кобызах, а Аблай требовал все новых и новых развлечений и никак не мог угомониться.

Вот в разгаре веселья встает он с многоцветного ковра, входит в юрту, куда никому не было доступа, и выводит оттуда за руку пленную девушку-калмычку, прекрасную, как солнечный день.

Когда воины увидели юную красавицу, ропот пробежал по их толпе, и они уже не в силах были отвести от нее глаз.

А хан сказал громко:

— Кто хочет взять эту девушку в жены? Говорите!

Всколыхнулась толпа, протянулись к хану тысячи рук, гром голосов раскатился по окрестностям, точно это взревело стадо бешеных наров.

— Мне! Мне! Мне отдай калмычку, хан! — кричали воины и каждый старался перекричать всех.

Только один жигит в простой одежде, с ясным взором и мужественным лицом молча стоял в стороне и с грустью смотрел на девушку. Был это самый молодой из воинов, сын пастуха — Адак.

Хан поднял руку — сразу все смолкло.

— Слишком много женихов для одной невесты! — сказал он, хохоча, и обернулся к пленнице:

— Выбери себе мужа сама, и мы тотчас справим свадьбу.

Девушка была бледна и печальна, но она ответила хану с твердостью и без смущения:

— Я желала бы, тахсыр, чтобы супругом моим стал тот, кто всех превосходит доблестью и умом.

— Как же это узнать?

— Повели, хан, на вершине горы, что выше всех вознеслась над озером, утвердить на тонком древке белый стяг. Кто собьет стяг стрелою с одного раза, тот самый доблестный. Затем я расскажу сказку, и кто разгадает ее смысл, тот умнейший из всех.

— Ладно,— сказал хан.

И вот затрепетал на немыслимой высоте белый стяг, тучей взвились оперенные стрелы и дождем посыпались вниз, на скалы: ни одна не долетела до цели.

Хан пришел в ярость, схватив калмычку за косы, он бросил ее к своим ногам и занес над ней руку:

— Рабыня, ты вздумала перехитрить меня и опозорить моих воинов! Ты задала неразрешимую задачу. Нет на свете богатыря, стрела которого достигла бы такой высоты.

В это время жалобный крик послышался в небе. Все подняли головы: дикая утка в испуге проносилась над горой, а за ней гнался и уже настигал ее кровожадный беркут. Вдруг завизжала над толпой чья-то стрела, вмиг сбила на лету белый стяг и, поднявшись еще выше, впилась в шею беркуту. Хищник, истекая кровью, покатился по склону горы в озеро, а утка скрылась невредимая в небесной синеве.

— Кто стрелял? — спросил изумленный хан.

Ответа не было.

— Кто стрелял? — повторил он.

И тогда воины разом ответили ему:

— Адак!

— Подойди ко мне, Адак, я хочу видеть тебя, богатырь,— сказал хан.

И когда жигит подошел к нему, он обнял его со словами:

— Хвалю тебя, Адак. Я и не знал до этого дня, что ты и впрямь мой доблестнейший воин. Бери пленницу. Она твоя!

— Состязание не кончено, тахсыр! — сказал Адак.— У красавицы еще есть в запасе для нас ее сказка.

Хан глянул на калмычку, и та, смахнув рукавом слезу обиды, поднялась на ноги и начала сказку:

— Однажды злой коршун разорил гнездо голубки и уже готов был растерзать ее птенца. Голубка с воплем полетела над степью и встретила сокола. Узнав о ее горе, сокол набросился на коршуна и размозжил ему голову.

— Чем мы тебя отблагодарим, наш спаситель? — спросила голубка.

И сокол сказал:

— Пусть дочь твоя, когда окрепнут ее крылья, явится ко мне, чтобы я мог вырвать у нее из груди себе на обед кусок мяса.

Прошло много дней. Сокол давным-давно забыл об этом случае, а старая голубка всегда помнила о нем и совсем зачахла от тревоги, глядя, как подрастает ее дочь. А дочь,

расцветая с каждым часом, к поре юности сделалась первой красавицей среди птиц.

Ее горячо полюбил храбрый кречет, и она полюбила его.

— Будь моею навеки! — умолял кречет.

Но юная голубка отвечала:

— Прежде я исполню свой долг перед соколом.— И она рассказала возлюбленному о своем спасении.

— Отправляйся в путь,— сказал кречет, рыдая.— Данное слово превыше счастья. Я не могу удерживать тебя.

Обливаясь слезами, простились жених и невеста, и голубка полетела через всю степь на розыски сокола.

По дороге на нее напал ястреб. Он хотел ее заклевать, но, выслушав рассказ странницы, растрогался ее благородством и отвагой и отпустил.

Потом ее настигли три филина. Но и те, узнав о ее подвиге и о том, что ее пощадил ястреб, тоже не тронули голубку.

И вот разыскала в дальнем краю юная голубка аул сокола.

— Кто ты? — спросил сокол красавицу.

Она напомнила ему былое. Сокол сказал:

— Не видел птицы прекраснее и чище сердцем, чем ты. Но я пошутил, взяв когда-то с матери твоей слово. Не для того я спас тебя в младенчестве, чтобы обездолить в юности. Лети с миром домой, к своему жениху.

В безмерной радости понеслась голубка назад, к милому кречету, и уже была совсем близко от родного гнезда, как вдруг схватил ее безжалостный беркут и унес, не внимая мольбам и стонам, в чужую страну. И кто знает, что сталось с бедной птицей в его беспощадных когтях...

Никто не проронил слова, не звякнула кольчуга, не плеснуло озеро волной, не шелохнулся степной ковыль, пока девушка не закончила свой рассказ, и сам хан долго сидел в раздумье.

— Затейлива, мудрена твоя сказка,— наконец промолвил хан.— Можешь ли ты разгадать ее, Адак?

— Могу,— ответил жигит.— Но прежде, великий хан, обещай мне при всех воинах, что за мои слова не казнишь пленницу и не станешь мстить ни ей, ни мне.

— Обещаю! — сказал хан, сгорая от любопытства.— Говори скорей!

Адак заговорил:

— Не сказку вы все слушали сейчас, а горестную быль: красавица рассказала в ней о самой себе. Когда эта девушка была еще малюткой, их юрту разграбил степной разбойник, но некий великодушный богатырь, случившись поблизости, спас от смерти дитя и покарал грабителя. В шутку богатырь высказал желание, чтобы девочка, достигнув совершеннолетия, явилась к нему и стала его женой. Текло время. Девочка выросла и стала такой, какой вы видите ее перед собою. Она полюбила достойного жигита. Но когда тот посватался за нее, она открылась ему во всем, и жигит, отказавшись от собственного счастья, подтвердил, что для честного человека изменить слову — хуже смерти.

Нелегок был путь девушки к богатырю. В один из дней на нее напал какой-то чужеземец, но, узнав необыкновенную историю путницы, он проникся к ней почтением и не тронул ее. Затем ее перехватили в безлюдной степи три вора. Пораженные ее смелостью и стойкостью, они тоже отпустили ее, говоря:

— Ужели мы хуже диких зверей и надругаемся над той, которую пощадил даже безвестный иноземец.

После долгих скитаний красавица отыскала стоянку богатыря. Что сказал ей при встрече этот великодушный человек, вы знаете из сказки.

И вот, когда в надежде и радости девушка возвращалась в родные места к своему жениху, ты, хан, приметил ее в калмыцкой степи, как безжалостный беркут, схватил и увез в плен на чужбину. И кто знает, какая судьба ожидает несчастную в твоих руках...

— Правду говорит Адак? — спросил хан у девушки.

— Адак сказал правду, хан,— отвечала калмычка.

Хан нахмурился и, сдерживая гнев и досаду, сказал:

— Что толковать о судьбе пленницы, если она уже решена... Ты, Адак, выиграл ее в состязании. Отдаю ее тебе, и пусть она будет твоей женою по уговору.

Воины с завистью повернулись к Адаку, и юная калмычка пристально глядела на него, точно чего-то ожидая. А молодой богатырь усмехнулся и сказал:

— До сегодняшнего дня, хан, ты не знал моей доблести и не подозревал, что в голове беднейшего из твоих воинов есть разум, сердца же моего ты не знаешь и сейчас. Как могу я взять то, что мне не принадлежит! Разве я бесчестнее

презренных воров, что, обирая беззащитных, все же пожалели юную невесту? Но раз ты мне даришь пленницу, я вправе по-своему решить ее судьбу. Садись, красавица, на моего коня и скачи к своему возлюбленному,— да будет с тобой счастье в пути и в дальнейшей жизни!

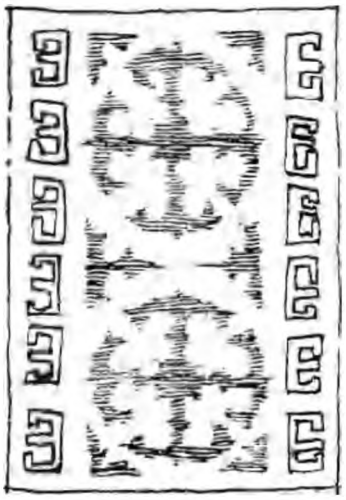
Замерли воины от таких слов. Молчал и хан Аблай. А девушка обняла Адака, поцеловала и говорит:

— Спасибо тебе, Адак, лучший из людей, за твое милосердие. Признаюсь тебе, если бы ты захотел взять меня в жены, я бросилась бы в озеро Бурабай и нашла бы свое избавление на его холодном дне. Но ты, жигит, возвратил мне жизнь и веселье. Будь моим названым братом, будь моим провожатым в пути и драгоценным гостем на моей свадьбе!

Тут все воины тоже стали обнимать Адака, восхищенные его поступком, и они упросили хана отпустить товарища погостить у девушки.

Вскочили Адак и красавица-калмычка на тулпаров-коней, натянули поводья и вихрем умчались в бескрайнюю степь.

АРСТАН-АЛЫП И ТОЙМА-СУЛУ

В далекой степи жил калмыцкий хан по имени Кокча. У него был работник Алангасар-Алып. Хороший работник был. Он обладал огромной силой. У хана была дочь, красавица Тойма-Сулу. Увидел ее однажды работник и полюбил. Стал он просить хана выдать за него дочь. Кокча-хан обещал выдать замуж за него Тойма-Сулу, но это обещание было неискренним. Алангасар надеялся и с полным рвением продолжал служить хану. Но, прослужив много лет, он убедился, что Кокча-хан его обманывает, он никогда не выдаст за него свою дочь Тойма-Сулу.

У работника был сын. Тоже сильный и ловкий. Взял он своего Арстан-Алыпа и ушел от Кокча-хана в горы. Выбрал место и сказал сыну:

— Здесь мы будем строить свое жилище из камня. Ты будешь бросать мне камни с гор, а я из них сложу каменный курган. Но только никуда не оглядывайся. Особенно, прошу тебя, не смотри в сторону реки Талас. Мы запрудим воду Таласа, направим ее в другую сторону и так оставим Кокча-хана без воды. Тогда обманщик волей-неволей покорится и выдаст за меня свою дочь.

Так отец с сыном решили отомстить хану.

Арстан отправился на указанное место и стал кидать камни. Отец принимал их и укладывал на то место, где должна быть плотина.

Долго они работали, и когда строение приближалось к концу, кто-то сообщил Кокча-хану, что Алангасар-Алып запружает воды Таласа. Узнала про это и Тойма-Сулу. Она

вышла из юрты в степь и, поглаживая косы, посмотрела в сторону плотины. В это время и Арстан-Алып, бросая камни с гор, подумал про себя, почему отец запрещает смотреть по сторонам во время работы, особенно на низовья Таласа, и взор его вдруг упал на стоявшую девушку, настолько красивую, что Арстан влюбился в нее. Мышцы его ослабели, и бросаемые камни не долетали до отца. Заметив это, Алангасар рассердился на сына и с криком набросился на него:

— Что с тобой? Почему ты не добрасываешь камни до меня? Что случилось?

Сын признался отцу, что посмотрел в сторону Таласа и увидел там такую девушку, что блеск ее красоты доходил до неба. Его взволновала красота девушки, и он не может уже бросать камни. Алангасар еще пуще разгневался на сына и снова спросил его:

— Почему ты не выполнил моего приказания? Я просил тебя не смотреть по сторонам, но ты не послушал меня.

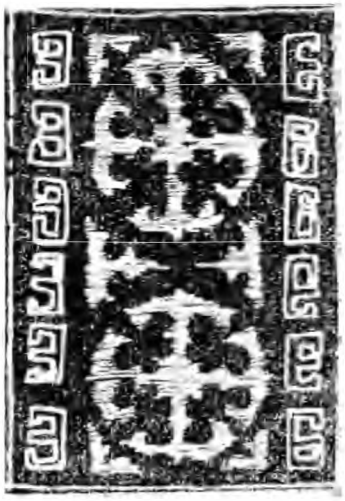
С этими словами Алангасар-Алып пошел на сына, чтоб убить его. Но сын понял намерение отца и бросился бежать. Долго он бежал. А когда устал и остановился отдохнуть, то вспомнил о красавице и невольно заплакал. Затем он стал кетменем насыпать сопку. Когда сопка была готова, он взобрался на нее и стал смотреть туда, где жила Тойма-Сулу. Слезы текли у него, как из быстрого живого источника, и на сопке до сих пор заметны следы этих слез. Эта сопка находится в низовьях реки Арыси и носит название Егельген-тюбе *.

---

* Егельген-тюбе — плачущая сопка.

ЗАИРА

●

Давно, очень давно на берегах обширного моря процветало могучее ханство, управляемое Темир-мирзой. Он был богат и славен. В кладовых его хранилось много самоцветных камней, дорогое оружие в самой богатой отделке и разная посуда из золота и серебра. Но самое лучшее было у хана, что невозможно сравнить ни с какими сокровищами мира,— его дочь Заира. Никто из людей не видел такой красавицы; ни разу ветер не ласкал таких чудных кудрей; ни разу еще солнце не улыбалось таким дивным глазам! А когда она по вечерам выходила в свой сад погулять, ароматные розы склоняли перед ней свои головы и месяц стыдливо закрывался легким облачком. Такой красавицы не было еще во всем свете. И много храбрых жигитов заглядывались на эту девушку. Все они готовы были отдать свою жизнь за один ласковый взгляд ее черных очей, но никому она не отдавала преимущества и никто не смел просить ее руки. Да и сама красавица не думала выходить замуж. Ей было и так хорошо жить у отца.

Шло время. Ежегодно в день ее рождения устраивались празднества для народа. С утра ликовала вся страна. В столице ханства в этот день назначались народные игры, конские скачки, состязания жигитов в ловкости и удальстве. На этих играх дочь хана сама вручала победителю золотой кубок с надписью: «Храбрейшему».

На одном из таких состязаний обратил на себя всеобщее внимание молодой жигит в богатом вооружении на бешеном вороном коне. Никто не мог сравняться с ним ни в

быстроте бега, ни в ловкости стрельбы, ни в бросании копья; не было препятствия, через которое он не мог бы перескочить на своем коне, не было жигита, который мог бы его догнать. Взор красавицы остановился на молодом жигите, и сердце ее с этой минуты навеки принадлежало ему. Когда же он подошел к ней за получением награды, то Заира чуть не выронила кубок из рук и едва удержалась на ногах.

Кончились игры. Все стали спрашивать, кто этот удалец? Но никто не знал его и никто не мог сказать, куда он скрылся. Он исчез без следа. Но не исчез он из сердца девушки. Дни и ночи она только и думала о нем. Он грезился ей во сне и наяву, и сладкими казались красавице грезы эти.

Однажды от соседнего хана пришли сватать Заиру за молодого принца. Отец дал согласие и приказал дочери готовиться к свадьбе. Но девушка не могла забыть батыра и не желала выходить замуж. Она все надеялась, что ее избранник сердца явится за ней. Отец же настаивал. Тогда Заира решилась пойти на хитрость, чтобы как можно дальше оттянуть день бракосочетания. Она заявила жениху, что выйдет за него тогда, когда он выстроит на самом берегу моря высокую башню. Строительство башни тянулось несколько лет. По окончании постройки ханский сын отправился к невесте, стал просить у нее руки. Красавица дала согласие. И когда все приготовления к свадебному торжеству были закончены, она взошла на высокую башню и бросилась в море.

КОНАК
АСЫ

Давным-давно, в те времена, когда еще было совсем мало людей на свете, жил премудрый старец, который приручил диких верблюдов, лошадей, коров, овец, коз и стал первым скотоводом в казахских степях. Было у него три сына. Добрые сыновья во всем повиновались отцу и с великим усердием пасли и охраняли его стада, табуны и отары.

Совсем одряхлев, старик призвал к себе сыновей и сказал:

— Скоро умру, дети. Оставляю вам все, что нажил трудом и умом. Разделите мой скот на четыре равных стада, возьмите себе каждый по стаду и продолжайте с успехом дело отца. Изберите лучшие пути для кочевок, любите и умножайте скотину, живите дружно и учите добру свое потомство...

Поклонились сыновья отцу, поблагодарили за дар, но прежде чем выйти из юрты, обратились к нему с вопросом:

— Не ослышались ли мы, родитель наш, и верно ли поняли твой наказ? Нас трое, а ты распорядился разделить скот на четыре части. Кому же ты оставляешь четвертую часть?

Умирающий ответил:

— Четвертую часть своего скота я оставляю... вашему гостю. Пусть всякий, кто нуждается в пище и крове, кто по желанию или по нужде явится в ваше жилище, найдет у вас приют, ласку и обильное угощение. И если гость ваш из скромности станет отказываться от пищи и питья, скажите ему, что он ест и пьет свое, а не ваше, ибо в вашем достоянии есть и его доля.

Миновали века. Распространились люди по степи. Род старшего сына образовал старшую орду, среднего — среднюю, младшего — меньшую. Многое переменилось в жизни с тех пор. Но во все века, годы и дни крепок был в степи обычай гостеприимства. Кто бы ни заходил среди дня или ночи в жилище казаха, каждого ждал привет и почет, мирный отдых и щедрое хлебосольство — «конак асы»*.

---

* Конак асы — пища гостя.

КЕМПИР-КОСАК

Живет посреди неба в огромной юрте старая великанша Мыстан. Вся она — как гора, в ноздрю ее въехал бы всадник, не наклоняя копья. Прожорлива старуха: за один раз съедает сорок откормленных баранов, выпивает сорок мехов кумыса. Велики богатства Мыстан: нет счета ее отарам, что пасутся день и ночь на небесных лугах. Но только овцы ее не такие, как у нас, на земле, а все разноцветные: у одних шерсть красная, у других — зеленая, у третьих — желтая, семи разных цветов.

Как прольется дождь и опять выглянет солнце, старуха связывает овец попарно, в косак, как это делают и наши женщины, и принимается их доить. Тогда растянувшийся из края в край по небу старухин семицветный косак виден и с земли. Это радуга. Люди смотрят на радугу с радостью и говорят детям: «Вон кемпир-косак!»

СВАТОВСТВО ЕДИЛЯ И ЖАЙЫКА

Во времена казахского батыра Алау жили два человека по имени Едиль и Жайык. Говорят, становищем Едиля был правый берег Волги, а Жайыка — левый берег Яика. Едиль сосватал дочь Жайыка за своего сына. За год до женитьбы отправил он сына в аул невесты. Побыл жених в ауле невесты сколько-то времени и собрался в обратный путь.

— Когда еще приедешь? — спросила невеста жениха.

— Приеду весной следующего года вместе с прилетом гусей,— ответил юноша.

В начале весны Жайык заставил снох готовить кошмы для белой юрты к приезду зятя. Вот как-то снохи сшивали кошму. Рядом с ними сидела невеста. Вдруг она засмеялась. Раньше никто никогда не слышал, чтобы девушка смеялась. Женщины стали наперебой спрашивать ее:

— Милая бикеш! Отчего ты засмеялась?

Девушка рассказала:

— В прошлом году, провожая жениха, я спросила, когда он приедет. Он ответил, что вернется в следующую весну вместе с прилетом гусей. Гуси на крыльях. Разве человек может угнаться за птицей? Посмотрим, как он приедет: ведь только что пролетела стая гусей. Вот чему засмеялась я.

Вдруг одна из женщин сказала:

— Вон на той сопке давно уже сидит какой-то человек и держит коня за поводья. Кто бы это мог быть?

Все женщины и девушки аула пошли навстречу неизвестному человеку. Это оказался жених.

— Я готов следовать за вами, только прошу поставить одну юрту для меня, а другую — для коня моего. Когда они будут приготовлены, я приеду к вам,— сказал жених.— В юрту коня поставьте два корыта, наполненные одно водой, другое — молоком.

Все было приготовлено, и жениха привели в юрту. Коня ввели в другую юрту, где стояли корыта с молоком и с водой.

Задолго до рассвета одна любопытная женщина, возвращаясь с тоя, решила посмотреть, что за конь, которому поставили специальную юрту. Она дернула нижний край кошмы. Конь от неожиданности испугался и тут же испустил дух. У коня по бокам было два маленьких крыла, и он остывал, опустив одно крыло в корыто с водой, а другое — в корыто с молоком.

Хоронили коня, как человека, на пригорке, и на могиле поставили знак. Жених загоревал и перестал выходить из своей юрты. Отец невесты послал к нему человека. «Передай ему,— сказал он,— пусть не горюет из-за какого-то коня. Это всего-навсего животное. Я подарю ему коня. На нем он завтра может поехать в свой аул. За день доедет к себе. Пусть переночует дома и на следующий день возвратится сюда. Что увидит по пути туда и обратно, он должен подробно рассказать мне».

Жених выполнил просьбу старика. Конь выдался такой быстроходный, что словами не расскажешь. Возвратился жигит, низко поклонился отцу невесты. Старик спросил, что он видел на своем пути.

— Когда ехал туда,— ответил жигит,— я ничего не видел. На обратном пути я увидел много овец, связанных попарно. Всех их поочередно сосал один ягненок, но никак не мог насытиться. После того я приехал к белоснежной юрте, одиноко стоявшей в бескрайной степи. Я дал знать о себе, но никто не отзывался. Я сошел с коня и открыл дверь. Внутри было полно мертвецов, от них шел нестерпимый запах. Поехал я дальше и увидел впереди себя толпу девушек. Я хотел их догнать и пришпорил коня, но догнать не смог: они быстро удалялись от меня, а потом и вовсе исчезли.

— Овцы, связанные парами,— это народ,— сказал старик,— ягненок, сосавший их,— это наши правители. Сколь-

ко они ни сосут народ, никак не насытятся. Белоснежная юрта в голой степи — это мы, современные люди. Внешне мы красивы, внутри мертвецы: думы у нас черные. Толпа молодых женщин и девушек, за которыми ты гнался, это была твоя мечта. Если ты не сумел догнать их, значит не сбыться твоей мечте.

Еще в день отъезда жениха в свой аул его невеста заболела и слегла. Болезнь ее с каждым днем усиливалась, и в день приезда жениха девушка умерла. Похоронили ее недалеко от могилы гнедого коня. Убитый горем юноша уехал в свой аул.

Пригорки, где похоронены конь и девушка, а также местность, где проезжал юноша, находятся восточнее Уральска и носят названия «Торатбасы» (Голова коня), «Кыземшек» (Девичья грудь) и «Шингирлау» (Звонкая).

ТРИ ДЕВУШКИ

Рассказывают, что давным-давно было такое время, когда над Алтаем всходило сразу семь солнц. Лучи солнца тогда, словно молоко, питали все живое. Все травы и деревья год от года становились пышнее и крепче. Да и люди у подножия Алтайских гор из века в век жили все счастливее и краше — ведь над Алтаем светило семь солнц. Крестьяне снимали семь урожаев в год, и горы зерна поднимались выше Алтайских пиков — ведь над Алтаем светило семь солнц. Животные семь раз в год приносили приплод, коровы и овцы бродили по горам и лугам, и было их больше, чем зеленых ветвей на соснах Алтайских гор — ведь над Алтаем всходило семь солнц.

Звуки пастушьих дудок разносились повсюду вместе с легким ветерком. Над полями слышался непрестанный смех и звучали песни. Люди воспевали бога солнца и сладкое, как мед, время.

Каждый раз, когда вечерние облака плыли над Алтайским хребтом и исчезали последние лучи солнца, толпы крестьян-казахов и скотоводов, как поток, устремлялись к старым деревьям, в поля, к берегам рек, чтобы спеть молитвенную песнь:

Аллах! Аллах!
Защити! Сохрани!
Пусть семь солнц в небесах
С закатом спокойно уйдут,
А завтра взойдут пусть опять!
Аллах! Аллах!
Защити! Сохрани!

Шли годы, семь солнц по-прежнему светили на небе, и казахи жили счастливой жизнью.

Но вот однажды в старой горной долине появился свирепый шайтан. Увидел он, как радостно живут люди, и поклялся:

— Не успокоюсь, пока не собью все семь солнц с неба!

Этот шайтан был духом старой столетней совы, он от рождения любил мрак и боялся света. Стал он думать, как сделать, чтобы над землей вечно было темно. И придумал хитрый план.

Прошло немного времени, и он волшебством превратил себя в сотню железных крылатых людей с орлиными клювами. Они расправили крылья и полетели к самому высокому пику Алтая. Прилетели к хребту и стали каждый день палить стальными стрелами в солнца.

Подбили они одно солнце, потом второе, за ним третье, четвертое, пятое, шестое...

Казахи, раскрыв глаза, глядели, как гибнут солнца. Они целыми днями творили намаз, пели молитвы, потом хлынули к горам и стали молиться, но ничего не могли сделать.

Вот и седьмое солнце подбито стальной стрелой... В Алтайских горах наступил вечный мрак. Травы и деревья потеряли жизненные силы, злаки в полях высохли, коровы и овцы пали в горах и лугах. Бескрайние плодовые сады превратились в сухой лес, годный лишь на дрова. Смертоносные тучи накрыли казахов: их ждали голод и холод. Они творили намаз, обратившись к богу, но чем дальше, тем все меньше надежды оставалось в их сердце...

И вот однажды среди казахов объявились три храбрых девушки. Они поклонились старикам и гордо сказали:

— Деды наши, матери, братья и сестры! Поручите нам найти солнца и вернуть их обратно. Или мы отыщем солнца, или умрем в чужой стороне. Прощайте!

И вот три девушки отправились в трудный путь. Они пробирались в темноте, и неизвестно, сколько исходили крутых горных дорог, через сколько высоких хребтов перевалили, сколько больших рек и маленьких протоков перешли вброд. А кто знает, сколько раз они страдали от дикой жары или суровых холодов! Одежда их изорвалась, волосы побелели и стали такими длинными, что волочились по земле. Но пока бились их сердца, они твердо шли

вперед. А где солнца? Они не знали. Когда они смогут их найти? Этого они тоже не знали. Но они не отчаивались и по-прежнему шаг за шагом шли вперед.

В один прекрасный день в небе вдруг раздался гром, засверкали молнии. А через мгновение в блеске молний они увидели старика с длинными белыми волосами. Глаза его сверкали золотым блеском. Он ласково и мягко сказал:

— Храбрые девушки, ваша решимость крепче, чем пики Алтайских гор! Ваши сердца чище, чем снег, лежащий в Алтайских горах! Если вы хотите найти солнца, то не нужно больше идти вперед; стойте здесь и ждите! Я говорю вам правду, храбрые девушки. Когда здесь промчится боевой конь, тогда выглянут солнца. Запомните мои слова!

Вмиг прекратились гром и молнии, и старик исчез. И в полной тишине разносился только победный смех трех девушек.

С этих пор три девушки, словно сосны, стоят недвижимы, дожидаясь, пока промчится боевой конь и солнца снова поднимутся на небе и осветят все на земле...

Сколько лет прошло! Умерли три девушки, а на месте, где они стояли, на бескрайней равнине выросли три величавые вершины. Они так и называются «Три девушки» *.

---

* Примечание собирателя: Эти горы расположены в северной части Тянь-Шаня, в степи, прилегающей к горам Бейташань.

ГОРА МАНЫРАК

●

Есть близ Зайсана гора Манырак *. Заезжие люди дивятся: что за странное название? А дива тут нет никакого. У каждого слова своя история. Не напрасно и гора Манырак получила такое имя.

Кочевал когда-то в этих местах на тучных пастбищах большой казахский род. Все случается в жизни — и радость и горе, и хорошее и плохое, но однажды казахов постигла такая беда, хуже которой не было. Нагрянули в степь враждебные племена, стали избивать мирных кочевников, разорять аулы, угонять стада. Собрались аксакалы на совет, задумались — где найти спасение? Одна дорога — в горы. Сложили юрты, навьючили верблюдов, собрали табуны и отары, двинулись в путь.

Крут был подъем. По дороге выбилась из сил какая-то овца, стала отставать, падать на колени. Загудели голоса:

— Что будем делать с овцой? Нельзя нам медлить. Того и жди — заметят караван разбойники.

Пастухи говорят:

— Надо нести больную овцу в горы по очереди на руках. Сама она не пойдет.

Тут один бай накинулся на пастухов:

— В своем вы уме? Гибель грозит всему роду, а вы заботитесь о паршивой овце. Бросим ее здесь, пусть себе околевает. Нам поскорей бы укрыться за перевалом!

Знатный был бай. Послушались его. Да тем себя и погубили.

---

* Манырак, вернее Манырауык — от манырау — «блеяние».

Поднялась кочевка на перевал. Расположили беглецы в надежном укрытии скот и с повеселевшей душой начали готовиться к ужину и ночлегу.

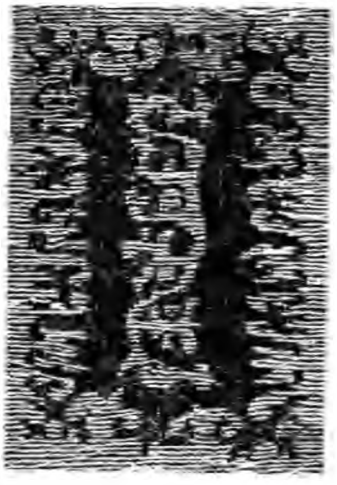
Той порой у подножия горы проносились на конях вражеские отряды, выискивая наживу. Уже проскакали было мимо, да вдруг слышат: где-то на склоне жалобно блеет овца. Откуда бы взяться овце в таком пустынном месте? Привстали на стременах, прислушались: снова и снова донеслось с горы блеяние, полное тоски и тревоги.

Повернули разбойники коней и помчались на голос животного. Вскоре увидели они брошенную овцу и караванный след, идущий к перевалу.

С диким воем ворвались насильники в убежище беглецов, и потекла потоком невинная кровь по каменистым уступам. Никого из рода не осталось в живых.

Много лет прошло с того времени. Давно забылись имена погибших людей. И хранится память о страшном деле только в названии горы Маныpак — «овечье блеяние».

НЕДОСЯГАЕМАЯ

Сто, а может быть, тысячу лет тому назад в долине Кокчетавских гор жил батыр — меткий стрелок. Жил он тем, что промышлял соколиной охотой.

В то время в Кокше поселился сильный беркут. «Крыло Урала» называли его люди.

Однажды батыр, охотясь в горах, увидел беркута-великана, несшего что-то очень похожее на человека. Опустился беркут на острую вершину горы.

«Что за чудо,— удивился охотник,— уж не человеческим ли мясом питается этот хищник?»

Натянул он тетиву лука и выпустил в беркута стрелу. Недолет. Долго стрелял батыр, но стрелы падали, едва достигнув середины горы. Хищник оставался невредимым.

Убедившись, что усилия его напрасны, батыр отправился домой. Всю дорогу его не покидало предчувствие беды. Жена встретила батыра вся в слезах: их дочь унесло чудовище.

Поклялся батыр найти хоть кости дочери, но любой ценой достигнуть вершины горы.

И он взобрался на вершину. Собрал батыр кости дочери, похоронил у подножия горы. Уходя, он назвал ту гору Недосягаемой.

ЛЕГЕНДА О БАГДАДЕ

В одном городе жил бедняк по имени Баг. Были у него соседи — два брата-жигита, такие же бедняки, как и он. Пришли как-то братья к Багу и говорят:

— Все мы трое бедны. Нам надо пойти в богатый Египет, оттуда мы вернемся баями.

Согласился Баг. Перед дальней дорогой наказывает он своей беременной жене:

— Я еду в Египет искать счастья, добыть богатства. Если без меня родится сын, назови его Датом, если же будет дочь, дай ей имя — Бибидат.

Долго ли коротко — пришли друзья в Египет. Богата страна Египет, но простого человека и разу никто не покормит даром.

Нанялись друзья в работники к одному баю. Целый год работали — заработали много денег, купили коней, разного добра и отправились домой.

Вот едут друзья. Много дней сменилось ночами. Остановятся, где захватит их темень, а с рассветом — дальше. В один из вечеров остановились они, как обычно, отдохнуть. Братья, как сошли с коней, прилегли и сразу уснули. Баг принялся готовить пищу. Набрал он в чашку воды, положил на края чашки нож и поставил все это на очаг. Оглянулся на спящих братьев и вдруг видит: из носа старшего брата вылезла зеленая муха, взлетела и села на курай рядом с очагом. Затем слетела на чашку, поползла по ножу, с ножа слетела на близлежащий камень и заползла в щель. Скоро она выползла из щели, полетела опять к старшему из братьев и влезла ему в нос. Жигит чихнул громко и проснулся.

— Зря, Баг, ты разбудил меня,— проворчал он.— Мне приснился удивительный сон, будто забрался я на вершину высокого дерева и увидел оттуда море. А через море перекинут необыкновенный железный мост. Спустился я с дерева и пошел по мосту. На противоположном берегу оказался огромной величины камень. Пошел я по этому камню, вижу — спуск. Спустился — передо мною открылся красивый дворец, а во дворце золото, серебро, жемчуг и другие драгоценности. Обрадовался я, стал было набивать карманы, да ты разбудил меня.

Удивился Баг.

— Невероятно! То, что ты видел во сне, я наблюдал наяву.— И Баг рассказал другу про зеленую муху.

— Если ты и вправду видел такой сон, мы должны откопать камень.

Друзья быстро подкрепились и принялись за работу. Сдвинули они с места камень и увидели вход в пещеру. Хитрые братья побоялись спускаться в пещеру и послали Бага.

— Ты разгадал сон и открыл тайну камня. Тебе и доводить дело до конца.

Баг не был гордым. Обвязался он арканом и спустился в пещеру. Пещера и вправду оказалась забитой золотом, серебром и жемчугом. Баг попросил братьев спустить ему ведро, и скоро все мешки друзей были наполнены драгоценностями. Братьям этого показалось мало. Они поехали в ближайший город, наняли там сорок ишаков, сорок телег и купили столько же мешков. Вернулись к пещере, нагрузили телеги сокровищами и двинулись дальше, в свой родной город.

Жадность разжигала братьев, и они решили убить Бага, а все сокровище забрать себе. Так и сделали.

Братья добрались домой, построили себе дворцы, посадили сады и скоро стали самыми знатными людьми. Хан сделал их своими визирями.

Пусть братья живут пока, наш рассказ пойдет о другом.

Жена Бага вскоре после отъезда мужа родила сына и назвала его Датом. Шло время, мальчик рос красивым и сильным. И вот ему исполнилось десять лет.

Хан этого края имел обыкновение каждый год в течение сорока дней совершать прогулки по стране. Так было и в этом году.

Вот едет хан по улице и вдруг слышит, как одна женщина крикнула:

— Дат! *

Хан подумал, что у женщины есть к нему какая-нибудь просьба, и послал визиря узнать, что за дат у этой женщины. Женщина ответила, что ничего не просит у хана, она звала своего сына Дата.

Заинтересовался хан, почему мальчику дали такое имя, и женщина рассказала, как было дело. Выслушал хан ответ женщины и поехал дальше.

Вскоре хан неожиданно заболел. Призвал он к себе приближенных и говорит со слезами на глазах:

— Дорогие мои! Настает мой последний час. Я хочу умереть спокойно и прошу простить мне один грех. Я однажды несправедливо убил человека, и теперь его кровь не дает мне покоя.

Сказал так хан и разрыдался. Видя слезы своего хана, двое визирей тоже заплакали. Спросил их хан:

— Я плачу, потому что не могу простить себе тяжкого греха. А какова причина ваших слез?

Рассказали визири, как они из-за жадности тоже убили невинного человека.

— Вот это-то я и хотел узнать,— ответил хан.— Я не мог смириться с мыслью, что меня окружают нечестные люди. Теперь вы признались в своем преступлении, и моя болезнь прошла — я совершенно здоров.

Хан позвал к себе жену и сына Бага и указал им на убийц их мужа и отца. Хан дал им право выбрать вид наказания жадных братьев.

Тогда юноша ответил:

— Никаким наказанием не воскресить отца. Пусть живут и мучаются всю жизнь — вот лучшее наказание.

Хан отобрал у братьев-убийц все богатство и прогнал их из своей страны. Разумного юношу он щедро наградил и сделал своим визирем.

Когда хан умер, страной стал править Дат. Народ любил молодого справедливого хана. И в честь его отца Бага и его самого с тех пор стали называть страну Багдатом.

---

* Дат — буквально: «Прошу слова», обращение к высокопоставленному лицу.

БАТЫР ЕЛЕНКЕ

О храбрецах в народе говорят: «У него волосатое сердце».

Был когда-то у казахов славный батыр Еленке. В одном из сражений казахов с калмыками были перебиты все сарбазы батыра. Остался один Еленке против тысячного калмыцкого войска. Еленке мог бы спастись бегством, но трусливый побег для батыра хуже смерти. И жигит продолжал биться насмерть.

Калмыцкий военачальник слышал о нечеловеческой храбрости Еленке и теперь он убедился в этом воочию. Восхищен был калмык стойкостью казаха и приказал любой ценой взять его живым.

Много калмыков осталось на казахской земле, повергнутых точными сильными ударами славного батыра. Но иссякли силы Еленке. Окруженный врагами, тяжело раненный батыр свалился с седла. Не осталось сил даже для того, чтобы нанести себе последний удар. Так Еленке попал в плен.

Калмыцкий хан приказал вылечить раны казаха и ухаживать за ним, как за лучшим гостем. Скоро Еленке окреп.

Задумал калмыцкий хан породнить храброго казаха с калмыками — заполучить от него сына-батыра, чтобы не ходил Еленке войной на калмыков. Что ни день приводят к батыру девушек-калмычек, одну лучше другой. Но разгадал он коварный план врагов: отворачивался от красавиц.

Разгневался хан, прямо спросил Еленке:

— Почему ты отказываешься от любви наших девушек? Будь разумным — получишь свободу, упорство же твое обернется против тебя.

— Лучше честная смерть, чем подлая жизнь,— гордо ответил отважный жигит и продолжал отвергать красавиц.

Убедился хан, что не сломить ему упрямого казаха, и повелел отрубить батыру голову, а сердце принести ему.

Палачи не замедлили исполнить приказ хана. Увидел калмык трепещущее сердце батыра и обратился к своим людям:

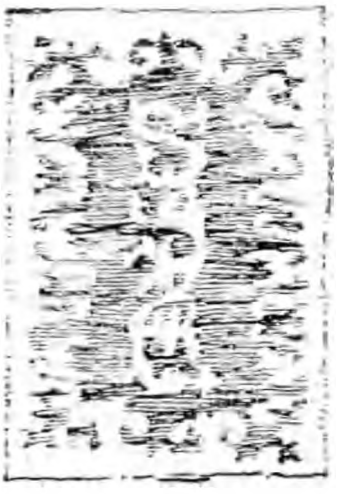
— Даже после смерти бьется оно. Исследуйте, человеческое ли сердце было у этого упрямого безумца?

Разрезали люди хана сердце и увидели в середине его пучок волос. С тех пор стали говорить о храбрецах: «У него волосатое сердце».

БЫТОВЫЕ СКАЗКИ

ВОР
И ЦАРЬ

В прежние времена жил царь. Он не доверял своим визирям и телохранителям и поэтому у своей постели поставил ученую обезьяну, дав ей в руки обнаженную саблю.

— Кто бы ко мне ни приблизился, руби его! — сказал царь.

В этом же городе жил известный всем вор. Задумал вор обокрасть царскую казну. Решил он сделать подкоп во дворец. Сделав подкоп, он как раз попал в ту комнату, где спал царь. Смотрит, царь спит, а по нему ползет большой жук. Обезьяна уже приготовилась убить этого жука.

— Стой! — закричал вор на обезьяну.— Что ты делаешь?!

Царь проснулся от крика. Смотрит: перед ним стоит незнакомый человек.

— Кто ты такой? Зачем ты здесь? — спросил царь.

— О тахсыр! — сказал вор.— Я знаменитый вор и не могу никак сдержать своих воровских порывов. Я забрался сюда, чтобы украсть твою казну. Но когда я вошел в эту комнату, то увидел, что по тебе ползет навозный жук. Обезьяна, твой телохранитель, завидя жука, уже замахнулась на него саблей, чтобы нанести удар. Я в этот момент вскрикнул: «Стой! Что ты делаешь?» Обезьяна испугалась и выронила из рук саблю. И вот таким способом я спас тебя от смерти.

— Спасибо тебе! Ты молодец! — воскликнул царь. Он дал много денег вору и отпустил домой.

ЖИРЕНШЕ

Жиренше был большой говорун и остряк. Он думал, что никого нет остроумнее его. Как-то об этом он сказал одному прохожему человеку:

— Нет никого в мире остроумнее меня!..

— Неправда,— сказал прохожий,— есть целая страна, где любой мальчик остроумнее, умнее тебя.

Взял Жиренше с собою несколько друзей-жигитов и поехал отыскивать эту страну. Долго они ездили. Наконец приехали. Вошли в первый аул и видят: сидит черноволосая женщина и доит черную корову. Одета она была в черное платье с разорванными подмышками; через эти порванные места была видна белая рубаха.

Подошли они к женщине, Жиренше спросил:

— Не видали ли вы черную корову, у которой белые подмышки?

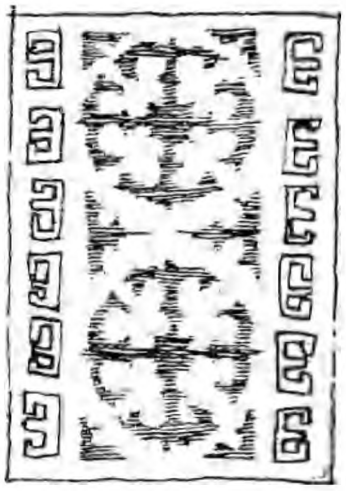
Женщина ответила, что она видела, как за этой коровой шел рыжий бык. Жиренше понял, что она под черной коровой подразумевала себя, а под рыжим быком его, Жиренше.

Поехали они дальше. Встретили на дороге десятилетнюю девочку. Жиренше спросил ее:

— Ты какого аула?

Девочка ответила, что она и сама еще не знает, какого аула. Жиренше должен был сознаться, что получил очень умный ответ. Девочка действительно не знала, в какой аул ее отдадут замуж.

УЧЕНИК МУЛЛЫ И ХАН

Хан видел сон и забыл его. Он собрал тогда всех мулл и приказал им рассказать, какой он сон видел, а потом разгадать его.

Один из мулл пришел домой и плачет. А у него был ученик, которому было всего семь лет. Этот мальчик спросил:

— О чем плачешь, учитель?

— Хан велел нам, муллам,— сказал учитель,— рассказать забытый им сон и разгадать его.

— Не плачь, а скажи хану, что сон разгадаю за тебя я,— сказал ученик.

Хан согласился выслушать ученика муллы. Мальчик пришел к хану и стал рассказывать:

— Вы видели во сне, будто сели на лошадь, переехали через мост, на другом конце моста увидели сорок драконов, которые хотели вас разорвать, но небольшая желтая птица спасла вас.

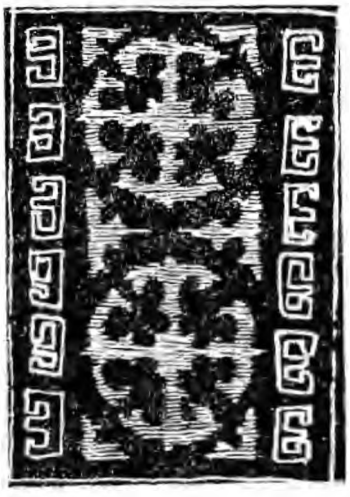
Хан повеселел.

— Именно это я видел во сне,— сказал он.— Теперь ты разгадай, что этот сон значит?

— Вы сели на лошадь,— сказал ученик муллы,— это значит, вы правите народом, мост — это ваше ханство, сорок драконов — это сорок ваших визирей, которые хотят вас убить. Желтая птица — это я.

Хан казнил всех своих визирей, набрал новых, а мальчика назначил главным.

ХАН
И ЖИРЕНШЕ

Однажды хан поехал на охоту на свое любимое озеро. Там он был поражен почти полным отсутствием камыша и спросил о причине такого явления у Жиренше.

Жиренше ответил, что здесь очень редки дожди и поэтому камыш не растет.

— Дождь тут ни при чем,— сказал хан.— Разве камыш пьет воду сверху? Он пьет с корня и по самый пояс стоит в воде.

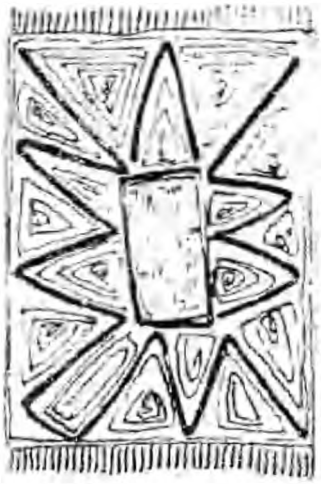
— Если идет с неба дождь,— сказал Жиренше,— то он попадает на вершину камыша, и струя стекает по стеблю, отчего камыш распускает много листьев и делается густым.

Хан не согласился с таким ответом Жиренше. Поехали они дальше. По пути все остановились около воды и стали поить лошадей, а Жиренше, заехав в воду, туго держал своего коня за поводья и не давал ему пить. Хан увидел, что лошадь Жиренше хочет пить, и велел ему напоить ее.

— Тахсыр! — сказал Жиренше.— Ведь вы недавно сказали мне, что с головы можно и не пить, достаточно лишь с корня? Вот я и въехал в воду по брюхо лошади. Разве от этого жажда коня не утолится?

Тут хан расхохотался...

ЖАМАНКУЛ И КАРАБАЙ

Жили два казаха. Одного звали Карабаем, а другого Жаманкулом. Карабай был жадный и любил деньги, а Жаманкул не придавал деньгам никакого значения.

Однажды Жаманкул продал несколько овец и вез домой много денег. По пути он заехал к Карабаю. Карабай заметил у Жаманкула деньги и решил украсть их. Когда утром Жаманкул выехал из аула, Карабай опередил его и спрятался в овраге. Едва Жаманкул спустился в овраг, как Карабай наскочил на него с кистенем и хотел ударить, но уронил кистень. Жаманкул спросил Карабая:

— Что тебе нужно? За что ты хотел меня убить?

— Мне нужны деньги,— сказал сердито Карабай.

Жаманкул снял с себя сумку с деньгами и протянул ее Карабаю:

— Вот тебе деньги. Возьми их!

Жаманкул уехал домой, а Карабай направился в свой аул.

У Жаманкула долго не выходил из головы один вопрос: что будет делать Карабай с деньгами? И вот как-то раз он заехал к нему. Карабай перепугался, думая, что Жаманкул донес на него властям и приехал, чтобы увезти его в тюрьму. Карабай не хотел терять ни свободы, ни денег и опять задумал убить Жаманкула. Как только Жаманкул выехал за аул, Карабай — в овраг. Едва Жаманкул показался, как Карабай наскочил на него с кистенем и хотел ударить, но в это время за кустами кто-то выстрелил.

Карабай испугался и выронил кистень. Жаманкул уехал в степь, а Карабай поплелся в аул. Долго он не находил себе покоя: боялся, что Жаманкул его выдаст. Жена стала замечать беспокойство мужа и однажды спросила:

— Что с тобой?

Карабай рассказал ей, что он отнял деньги у Жаманкула и теперь боится.

— Он выдаст меня властям, отберет деньги. Надо его убить. Что ты, жена, скажешь?

— Хорошо сделаешь, если убьешь Жаманкула,— сказала жена,— по крайней мере у тебя забота с плеч свалится, и ты не будешь бояться.

А Жаманкул опять решил заехать к Карабаю. Сел он на лошадь и отправился в путь. Приехал в аул Карабая, заночевал у друга, а утром рано отправился обратно в степь. И опять Карабай засел в овраге. Едва Жаманкул появился, как Карабай наскочил на него. Но и на этот раз ему помешали: по верху оврага шли пешеходы. Они бросились на помощь Жаманкулу. Карабай перепугался и упал. До аула довез его Жаманкул.

Когда Карабай очнулся и вспомнил о случившемся, он решил вернуть деньги Жаманкулу. Ночью Карабай приехал в степь, где кочевал Жаманкул, и положил сумку с деньгами возле юрты друга. Жаманкул нашел сумку утром и был удивлен: почему Карабай вернул ему деньги? Почему он не воспользовался ими? Взял сумку Жаманкул и отвез обратно к Карабаю. Спрятал под постель. Жена нашла деньги и отдала мужу.

Опять запечалился Карабай. Теперь-то он был уверен, что Жаманкул выдаст его. Ночью поскакал Карабай в степь и подбросил деньги в юрту к Жаманкулу. Утром Жаманкул нашел сумку и повез к Карабаю:

— Почему ты не хочешь воспользоваться моими деньгами?

— Боюсь я,— сказал Карабай,— что ты выдашь меня властям, а они лишат меня свободы. Не хочу я этого.

— Я не собираюсь тебя выдавать властям. Но деньги могут тебя лишить всего. Возьми их,— и Жаманкул уехал.

Карабай успокоился, взял деньги. Но вскоре он лишился сна и покоя. У него появились какие-то заботы, хлопоты.

Он продавал, покупал, обменивал и обманывал. Деньги у него отняли весь досуг. Карабай не спал по ночам, а днем сидел на запоре. Но вот все это ему надоело. Взял он сумку с деньгами и бросил в омут, а жене сказал:

— Деньги меня едва с ума не свели. Вчера я их бросил в омут и сегодня всю ночь проспал спокойно.

ЖИРЕНШЕ И БАЙ-ЕКЕ

●

Ехал как-то хан. С ним был Жиренше. Увидели они старика, обрабатывающего землю кетменем. Когда подъехали, хан попросил у него нюхательного табаку. Разговорились. Жиренше видит, что старик неглупый, спросил его:

— Бай-еке! Вставали ли вы рано по утрам?

Старик ответил:

— Вставал да падал, вставал да падал!..

— А сколько лет прошло с того времени, когда бежала вода из черных пещер? — спросил Жиренше.

— Тридцать лет,— ответил старик.

Хан ничего не понял из этого разговора и попросил Жиренше пояснить ему: что все это значит?

Жиренше сказал:

— Первый мой вопрос: «Вставали ли вы рано по утрам?» означает: есть ли у старика дети. На это он мне ответил: «Вставал да падал, вставал да падал». Это значит: рождались да умирали. Потом я спросил: «Сколько лет прошло с тех пор, как текла вода из черных пещер?». Он ответил, что прошло тридцать лет. Этими словами старик дал мне понять, что из глаз его текли слезы тридцать лет тому назад.

Выслушав это, хан назначил Жиренше своим главным визирем.

АХМЕТ И ХАН

В давние времена жил один бедный человек. У него был единственный сын по имени Ахмет. Ахмет занимался охотою и слыл среди народа очень ловким и хитрым. В это же время жил один хан. Прослышал хан, что у бедняка такой сын, и решил проверить: правда ли он ловкий и хитрый. Однажды пришел хан к бедняку и спрашивает:

— Где твой сын?

— Ушел охотиться,— ответил бедняк.

— А правда ли, что твой сын ловкий и хитрый? — спросил хан.

— Видно, правда, коль говорят в народе! — ответил бедняк.

— У меня есть хорошая лошадь,— сказал хан.— Пусть твой сын уведет ее. Но так, чтоб никто не видел.

К вечеру Ахмет вернулся домой. Отец передал ему, что сказал хан. А сын и говорит:

— Легче этого нет ничего!..

Ночью Ахмет незаметно пробрался в кибитку хана. Хан спокойно спал. Ахмет надел ханскую шубу и, захватив вина, вышел к караульщикам.

— Ночью придет вор. Вы внимательно караульте лошадь! — сказал он.

Напоил он их вином и удалился. Караульщики приняли его за своего хана. Через некоторое время они заснули опьяненные. Вернулся Ахмет. Видит, что караульщики заснули, взял лошадь и — домой.

14—2381

Привел он лошадь хана домой, зарезал ее. К утру караульщики известили хана, что лошадь кем-то украдена.

Хан на это ничего им не ответил. «Хорошо!» — сказал он тихо. А через некоторое время опять пришел к бедняку и спросил, действительно ли сын его украл у него лошадь. Тот ответил:

— Да! И даже, хан, зарезал ее!

Тогда хан сказал:

— Теперь пусть украдет у меня золотое кольцо со стола!..

Когда Ахмет вернулся домой, отец передал ему, что сказал хан. Ахмет на это ему ответил:

— Это дело вовсе легкое!..

Нарисовал Ахмет свой портрет и пошел к хану. Поставил портрет перед окном хана, а сам спрятался. Хан увидел портрет, вышел из юрты, а Ахмет в это время вошел в дом с другой стороны и взял кольцо со стола.

Вернулся хан — нет кольца. На другой день он пришел к бедняку и спрашивает:

— Взял твой сын у меня кольцо?

— Да! — ответил бедняк.

Тогда хан предложил украсть у него золотой нож.

— Если твой сын и нож украдет,— сказал хан,— тогда я признаю, что он ловкий и хитрый, и выдам за него свою дочь.

Вечером вернулся сын с охоты. Отец передал ему предложение хана. Он опять ответил:

— Это дело пустое!..

У Ахмета была собака, которая могла отыскать спрятанное. Вот ее-то он и взял с собой к хану. Пустил ее, собака стала искать и через некоторое время принесла в зубах нож хана. Заметил хан, что ножа нет, и догадался: взял его Ахмет. Тогда он пошел к бедняку. Сын его был дома. Хан и говорит Ахмету:

— Ты действительно замечательный вор: ловкий и хитрый. Я выдам за тебя свою дочь.

И хан по этому случаю устроил большой пир, который продолжался несколько дней.

МУДРОСТЬ ЖИРЕНШЕ

●

Хан устроил той и, пропуская по одному мимо себя приближенных, гладил себя по голове. Никто не мог догадаться, что это означало.

Но вот пошел Жиренше. Хан также стал гладить себе голову. Жиренше, видя это, показал хану язык. Тогда хан сказал:

— Сколько вас прошло мимо меня, и перед каждым я гладил голову, как бы спрашивая вас: «Чем голова может навлечь на себя беду», но никто из вас не понял этого. Жиренше же, как только я повел рукою по голове, сейчас же высунул язык. Этим он пояснил, что на голову может навлечь беду язык. И я теперь вижу, что никто из вас не может равняться с Жиренше.

И хан наградил Жиренше...

МУДРАЯ ДЕВУШКА

Жил когда-то один князь. Он был очень стар, но страстно полюбил простую, прекрасную, как молодая луна, девушку и послал своих сановников к отцу девушки сватами.

Выслушал отец девушки сановников и грустно сказал дочери:

— Очень уж стар князь, а ты молода, надо тебе найти свое молодое счастье, поэтому я не могу согласиться отдать тебя князю.

— Но ведь нет власти выше, чем власть князя, он может увести меня силой,— ответила старику дочь и сама вышла к сватам.

— Я не могу отказать князю, я стану его женой. Но пусть он даст калым в двадцать горных козлов, тридцать быков, сорок жеребцов, пятьдесят верблюдов и шестьдесят старых коней.

Вернулись посланцы к князю и рассказали обо всем.

Думал правитель, думал и сказал:

— Да, правильны слова девушки. Придется согласиться с ней. Двадцатилетний юноша горяч, как горный козел, тридцатилетний — как бык, сорокалетний, как жеребец, пятидесятилетний, как взрослый верблюд, а шестидесятилетний разве не похож на старого коня?

Князю в тот год было под семьдесят, а девушке не было и двадцати. Проклял правитель свою старость, а девушке велел самой выбирать жениха, какой ей понравится.

БОГАТЫЙ И ОБМАНЩИК

Один богатый человек много слыхал об обманщике, который умел перехитрить весь свет, и сказал:

— Хочу сам убедиться, как это он делает, меня-то уж он наверное не проведет.

Сел бай на лошадь и отправился в путь. Обманщика он встретил в степи у колодца, где тот стерег овец.

— Это ты обманываешь весь свет? — спросил бай обманщика.

— Я!..— ответил сидящий у колодца.

— А как ты делаешь это? — спросил бай.

— Я охотно покажу тебе, только не теперь,— сказал обманщик.

— Почему не теперь? — спросил бай.

— Видишь ли, для обмана мне необходима моя палка, а я ее оставил дома,— ответил ему на это обманщик.

— Ну беги и принеси ее,— сказал бай.

— Не могу. Я должен стеречь своих овец,— сказал обманщик.

— Возьми мою лошадь,— сказал бай,— отправляйся домой и скорей возвращайся с палкой, а я тем временем постерегу твоих овец.

— Согласен,— сказал обманщик,— стереги моих овец.

Вскочил обманщик на лошадь и уехал, а бай остался у колодца стеречь овец. Говорят, он до сих пор сидит там.

РОЖДЕНИЕ АЛДАРА

●

Отец Алдара — Алдан был бедным. Всю жизнь он пас байских овец. Когда еще он впервые нанимался в пастухи, то обратился к баю:

— По воле аллаха я становлюсь зависимым от тебя и буду пасти твоих овец. Но скажи, какая плата будет мне за труд?

— Есть о чем спрашивать, бедняга!.. Богатства у меня — море! Ты будешь есть и стоя, и сидя, и даже лежа. К тому же и скот получишь. Лишь знай работай хорошо. А уж я не подведу. Есть аллах — есть я. Ты, конечно, прольешь много пота, но я не обижу тебя. Как говорят: «К меду пристанет — от богатого перепадет». Погонишь одного — уведешь сотню,— отвечал ему бай.

И на самом деле: утомленный тяжелой работой Алдан был в состоянии есть только лежа.

Так прошло много времени, и вот настал день расплаты.

— Захотел уйти — иди, что заслужил, то и получи,— равнодушно ответил Алдану бай и дал ему за труд одну козу.— Коза принесет тебе двух козлят, а на следующий год будет четыре. Не успеешь опомниться, как их окажется сто. Вот что означали мои слова: «Погонишь одного — уведешь сотню». Теперь можешь идти.

Заплакал Алдан от горя, да нечего делать, с баем спорить — только беду нажить. Пошел Алдан с жалобой к хану, но тот, не выслушав, прогнал его. «В шариате написано так»,— обманул его и мулла.

Не нашел Алдан ни у кого правды и смирился с горем.

Но бывает и у бедняка в жизни радость. Послал аллах Алдану сына.

— Я назову моего мальчика Алдаром *, ведь он родился во времена, когда развелось много мошенников. Может быть, он не позволит обманывать себя,— сказал Алдан.

Убаюкивая сына, посланного ему на старости лет аллахом, Алдан жаловался:

Много их, плутов, развелось, мальчик мой,
Нету честным от них житья.
Не найдя справедливости, мальчик мой,
Не признал законы и я.

Я измучен насилием, мальчик мой,
За народ всей душой скорбя.
Чтобы стал ты заступником, мальчик мой,
Я Алдаром назвал тебя.

Мальчик быстро рос и радовал отца своей смышленостью. Однажды, слушая отца, он спросил:

— Отец, кто тебя обманул?

— Обманул меня бай — не заплатил за труд.

— Я накажу его.

— Не помог мне хан с черствой душой.

— Я ему отомщу.

— На базаре купцы и мошенники меня, беднягу, обманывали много раз.

— И на базар я проберусь, все золото у них отберу.

— Есть ходжа, есть мулла, шаманы и шайтаны. Воры, лекари, колдуны. Все они обманывают честных людей.

— Когда я вырасту, буду ездить по аулам и мстить всем мошенникам! — сказал Алдар.

Мальчик вырос, возмужал. И действительно: он стал мстить ворам и мошенникам всех мастей.

---

* Алдар — обмануть (обманщик).

КАК АЛДАР СТАЛ АЛДАРОМ-КОСЕ

●

Когда Алдар состарился, то покинул свой край и переехал во владения другого хана. Принял народ Алдара с почетом и отвел ему хорошее угодье.

Разоренные баи, купцы, ишаны и ханы покинутой Алдаром страны решили отыскать насмешника и наказать его. Отобрали они самых хитрых и бывалых плутов, одели их в пестрые шапаны и отправили искать Алдара.

Услыхал Алдар, что ездят какие-то люди из аула в аул, тайком наводят справки о нем. Зарезал он семь баранов, собрал к себе всех людей и стал угощать их.

— Люди добрые,— обратился Алдар к собравшимся.— Занесла меня судьба в вашу среду, и вы оказали мне большую честь. Но явился ко мне утром посланец всевышнего и сказал: «Жить тебе осталось полтора дня. Готовься!» А как готовиться? На том свете в котлах и треногах нужды, видимо, не будет. Хочу только приготовить себе могилу. После моей смерти не делайте мне омовения, я сам омоюсь, надену смертный саван. Сегодня перед рытьем могилы я зарезал семь баранов, это будет погребальное. Поминки через семь и сорок дней проведут мои дети, это не входит в мои обязанности. А теперь пойдемте со мной копать мне могилу.

Собравшиеся были удивлены.

— Пусть моя могила будет здесь,— сказал Алдар и указал на поляну среди группы деревьев.— При моей жизни жилищем моим была юрта с тундуком, пусть же и могила моя будет похожа на юрту.

Могилу Алдар сделал круглую, сбоку устроил дверь, а сверху — отверстие. Ночью он принес пищи, воды, топлива на десять дней, кремень, фитиль и захватил косеу. На следующий день зарезал еще семь баранов, собрал народ, угостил и распрощался. Снял свою одежду, надел смертный саван, простился с женой и детьми и вошел в могилу.

— Теперь заделайте дверь, почтите меня кораном и возвращайтесь к себе,— сказал Алдар.

Исполнили люди погребальный обряд и вернулись домой. Через семь дней устроили Алдару поминки. Как раз в это время появились байские и ханские люди.

— Что тут происходит? — спросили они.

— Был у нас добрейший человек по имени Алдар. Прошло семь дней, как он умер, и мы устраиваем поминки,— ответили собравшиеся.

— Досадно! — сказали разбойники.— Не попался он в наши руки живым!.. Давайте посмотрим его могилу...

И они пошли к могиле Алдара. Взошли наверх и увидели отверстие.

— О всемогущий аллах! — сказали они.— Из его могилы идет дым. Многих достойных людей обидел он, а теперь за это горит в аду. Давайте каждый поиздеваемся над могилой этого несчастного человека. Ну, начинай,— сказали они одному разбойнику.

Только тот подошел к отверстию, как раскаленный косеу, шипя, прижег ему тело. Прикусил разбойник губы и как бешеный сбежал вниз.

— Ну, все? — спросили его остальные.

Тот ничего не сказал, а указал лишь на отверстие могилы. Обжегся второй, третий, все байские и ханские люди, посланные за Алдаром. Не могли они даже сесть на своих коней и пришли к озеру. Зарезали коней и, питаясь их мясом, прожили на берегу озера до тех пор, пока не зажили ожоги. Потом пришли к хану, где жил Алдар. Стали они ему жаловаться и показали письмо своего хана. В это время вошел разодетый в шелковый халат неизвестный бай и попросил разрешения сесть. Усадил хан гостя на почетное место и за обильным угощением стал расспрашивать его о причинах визита.

— Почтеннейший великий хан! Я бай из страны Копжургена, зовут меня Косеу. В числе других несметных

богатств осталось мне в наследство от отца шестьсот рабов. Из них шестьдесят отъявленных смутьянов сбежали и, грабя путников на больших дорогах, превратились в разбойников. Приехал я к вам по следам этих разбойников. Вот они сидят здесь. Все они имеют пометки на ягодицах раскаленным косеу. Если не верите мне, то разденьте их, проверьте. Вот этого я купил в стране такого-то хана, а тех вот у такого-то хана. А косеу, которым я сделал пометки, вот он,— и Алдар положил косеу перед ханом.

Вызвал хан слуг и приказал раздеть «разбойников». У каждого из них была пометка. Хан разгневался и посадил всех в глубокий зиндан.

— Что теперь с ними будешь делать, бай? — спросил хан.— Связать их и доставить в твою страну или продать и возвратить тебе золото?

— О великий хан! Если эти разбойники приедут обратно, то все равно не будут вести себя спокойно. Лучше продайте их и отдайте мне деньги,— сказал Алдар.

Хан продал байских и ханских людей, а деньги отдал Алдару. Довольный Алдар вернулся в свой аул. С тех пор он получил прозвище Косеу.

БАЙ УТЕЖАН И АЛДАР-КОСЕ

Подружил Алдар-Косе с баем Утежаном. Как у друга Алдар-Косе взял у бая много скота и другого разного добра. В свою очередь и Утежану по дружбе пообещал дать то, что ему понравится.

Как-то раз Утежан пришел в гости к Алдару-Косе. Еще до его прихода Алдар поймал двух зайцев. Одного из них взял с собою в степь, а другого оставил дома. В степи он пас скот. Пришел Утежан и спрашивает у жены Алдара:

— Где Алдар?

— Алдар пошел в степь скот пасти,— сказала жена.

— А в степи он один? — спросил Утежан.

— Нет,— сказала жена Алдара.— Он не один, с ним заяц.

Отправился Утежан искать своего друга. Нашел его. Поздоровались. Алдар-Косе берет зайца и говорит:

— Иди, зайка, домой и скажи моей жене, чтобы нам приготовила обед...

Выпустил Алдар-Косе зайца, и тот побежал в степь. Друзья присели, поговорили о том, о сем и пошли обедать к Алдару. Пришли в юрту, а там уже все готово и заяц сидит.

Удивляется Утежан и думает: «Попрошу-ка я у него этого зайца. И у меня будет послушный заяц, как у моего друга».

Пообедали. Напились кумыса. Утежану пора и домой. Алдар-Косе и говорит другу:

— Бери у меня, что хочешь!..

— Мне ничего не надо,— сказал Утежан.— Дай мне только твоего зайца.

— Ну что же! Для друга не жалко и зайца,— согласился Алдар.

Утежан идет домой и радуется: какой у него хороший друг, не пожалел для него зайца.

Через некоторое время Алдар-Косе отправился в гости к Утежану. Тот был в степи. Алдар-Косе разыскал его. Поздоровались, поговорили. Утежан рад другу. Он посылает зайца домой сказать, чтоб жена приготовила обед. Заяц выскочил — и айда в степь, только его и видели.

Приходят Утежан и Алдар-Косе в юрту, а там ничего не приготовлено.

— Заяц разве не прибегал? — спрашивает жену Утежан.

— Нет, не прибегал,— отвечает жена. А сама-то она не догадалась, что надо приготовить обед для гостя.

— Э, друг, ты, видно, не так кормил зайца,— сказал Алдар-Косе.— Надо было давать ему жапрак, а ты не давал. Вот он и побежал искать эту траву. Подожди немного, он вернется. Я сейчас пойду и найду его.

Алдар-Косе еще по дороге к Утежану поймал на всякий случай зайца и привязал его в траве. Теперь он и отправился за этим зайцем и принес его Утежану. Успокоился Утежан, увидя своего зайца, и снова дал своему другу и лошадей, и коров, и верблюдов. Алдар-Косе со всем богатством отправился домой.

Опять заскучал Утежан и решил пойти к другу в гости. Алдар-Косе уже приготовился встретить Утежана. Он сделал сыбызги. Жене сказал:

— Я зарежу барана и его требуху привяжу к твоему животу. Когда придет Утежан, ты лежи, словно больная. Я тебе буду говорить, чтобы ты поставила самовар, приготовила еду, но ты не вставай.

Пришел Утежан.

— Вставай,— обратился Алдар-Косе к жене,— поставь самовар и приготовь мясо для гостя.

Жена не встает. Тогда Алдар-Косе снова повторил свою просьбу, но она не встала, а продолжала охать и стонать. Рассердился на нее Алдар, бросился с ножом и пропорол ей живот. Испугался Утежан, что из-за него друг зарезал свою

жену. Он не знал, что Алдар обманул его и пропорол баранью требуху, а не живот жены. Утежан стал упрашивать друга не сердиться на жену. Алдар-Косе отошел от жены, сделал вид, что успокоился, и сказал Утежану:

— Ну, хорошо, будь по-твоему, я ее вылечу.

Он взял из сундука сыбызги и давай дуть в рот жены. Жена вскочила совершенно здоровая и стала готовить обед: мясо и чай. Удивился Утежан чудесному свойству простой дудочки, еще больше позавидовал другу, который имеет такую сыбызги.

Скоро зашумел самовар. Друзья напились чаю, а спустя небольшое время наелись бараньего мяса. Пора Утежану домой.

— Бери у меня, что хочешь,— сказал Алдар-Косе другу.

Утежан взял сыбызги и довольный своим другом отправился домой.

Через несколько дней Алдар-Косе пошел в гости к Утежану. Тот обрадовался и говорит жене:

— Вставай!

Жена у него была больна.

— Приготовь самовар и свари мясо,— повторил Утежан.

Но жена не могла встать. Тогда Утежан взял нож и бросился на жену. Жена тут же умерла. Сыбызги не подействовала, как ни старался Утежан.

— Эх, друг, что же ты наделал,— сказал Алдар-Косе.— Посмотри-ка на сыбызги. Ведь вот тут находился маленький язычок, сделанный из жилы Кара-дяу, а ты его потерял. Иди скорей ищи Кара-дяу, убей его и принеси жилу, я сделаю новый язычок в сыбызги.

Огорченный и обездоленный Утежан отправился искать Кара-дяу. Долго он блуждал в степи и наконец нашел Кара-дяу, бросился на него, чтоб убить. Но дяу был сильнее Утежана и убил его самого.

Алдар-Косе заранее знал, что так должно случиться, и как только ушел Утежан, он забрал его скот и отправился к себе домой.

КАК АЛДАР-КОСЕ ПЕРЕМУДРИЛ ЖИРЕНШЕ

●

Сто лет было Алдару-Косе, когда мудрец Жиренше увидел его впервые. Случилось это так.

Сидел Жиренше в раздумье на холмике за аулом. Поднял он глаза и видит: бредет по степной дороге древний старик, опираясь на посох. Подошел ближе, поздоровался, сел рядом. Тут Жиренше и узнал в путнике Алдара-Косе: ведь и в глубокой старости не было у хитроумного Алдекена ни волосинки на подбородке. Обрадовался Жиренше такой встрече и повел разговор:

— Алдар-Косе, ты прожил на свете сто лет, исходил всю землю, побывал во всех странах; верно, не найдется места, где бы ты ни оставил следа. Так расскажи мне, прошу тебя, что посчастливилось тебе видеть за долгую жизнь. Буду благодарен тебе за рассказ.

Ничего не ответил Алдар-Косе. Сидел и молчал. Жиренше подумал, что старик его не расслышал, и громче повторил просьбу. Тогда Алдар-Косе посмотрел на него с лукавой улыбкой и заговорил, да так складно, точно читал по книге:

— Премудрый Жиренше, справедливы твои слова, везде я побывал, куда только достигала моя мысль, и что бы я ни затевал, все мне удавалось совершить. Но тебе хочется знать, что я видел в жизни. Ладно, отвечу на твой вопрос. Видел я десять козлят, да двадцать волков, да тридцать медведей, да сорок львов, затем пятьдесят тучных баранов, за ними шестьдесят спутанных и семьдесят стреноженных лошадей, потом восемьдесят тухлых яиц и, наконец, девя-

ностo черных курганов, меж которых протекал мутный ручей. Вот что я видел. А сверх того ничего не видел.

С этими словами поднялся Алдар-Косе с земли и поплелся дальше, опираясь на посох.

Долго глядел ему вслед Жиренше и повторял вслух и про себя сказанное старцем, однако ничего не мог понять в странных речах Алдара-Косе: то ли выжил совсем из ума столетний дед и несет бессмыслицу, то ли слишком он умен, так что самому мудрому не под силу постигнуть его мысли.

Раздосадованный пришел Жиренше домой, молча сел у очага и уронил на грудь голову.

— Чем ты так расстроен, душа моя? — спросила у него жена, красавица Карашаш. Стыдно было Жиренше признаться в своем поражении, но все же он не удержался и рассказал жене о встрече и разговоре с Алдаром-Косе.

— С тех пор, как помню себя, никто еще не одолел меня в словесных состязаниях. А вот Алдар-Косе своими словами сбил меня с ног. Потому-то я и печалюсь, милая Карашаш.

Тогда красавица улыбнулась и сказала:

— Успокойся, дорогой, я, кажется, разгадала головоломку старого Алдара. Вот как, по-моему, следует ее истолковать.

В первые десять лет дитя резвится и прыгает, словно беззаботный козленочек. Двадцатилетний жигит рыскает по степи, что поджарый волк, набрасываясь на все радости, как на добычу. В тридцать лет человек, если не обделила его природа, обретает силу и упорство медведя. В сорок лет он доблестью и отвагой спорит со львом. К пятидесяти годам тот, кто еще недавно был похож на льва, теряет подвижность и жиреет, как откормленный баран. В шестьдесят лет он подобен спутанному коню, а в семьдесят — ковыляет, точно стреноженный. На восьмом десятке человек становится бесплоден и бесполезен, как тухлое яйцо: не годится оно в пищу и не будет уже от него птенца. Девяностолетний же старец — что черный курган за аулом, а мутный ручей — это слезы, что точатся беспрестанно из его тусклых глаз. Как видишь, мой супруг, Алдар-Косе поведал тебе в затейливых словах всю свою жизнь.

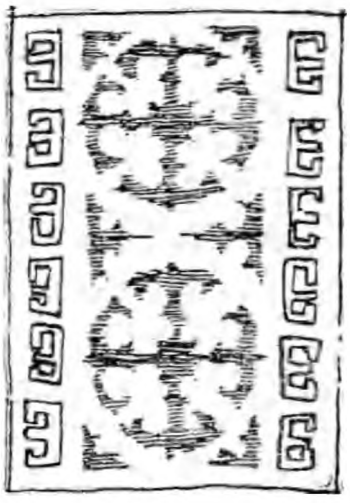
— Да,— сказал пораженный Жиренше,— это так. Но почему же старик не обмолвился ни звуком о своем столетии?

— Потому, что в сто лет наступает пора и для самого долговечного уйти из жизни, как ушел от тебя в неведомый путь Алдар-Косе,— отвечала Карашаш.

— Благодарю тебя, моя жена! — радостно воскликнул Жиренше.— Велик разум Алдара-Косе. Велик и твой разум, Карашаш. С вашей помощью и у меня сегодня прибыло ума и убавилось гордыни.

КАК АЛДАР ВЫЛЕЧИЛ БАЯ

●

Салемалейкум! — поклонился Алдар одному человеку, пасшему стадо овец. Подслеповатый, в лохмотьях, с паршивой головой пастух держал в руках две длинные палки.

— Эй, скажи мне, не пасутся ли впереди тебя овцы? — спросил пастух Алдара, поднося ладонь ко лбу, как бы вглядываясь вдаль.

— О бедняга, коль уж состарился и не видишь ничего, лучше бы не нанимался пасти овец. Так ты нанасешь на свою голову. Если потеряешь хоть захудалого козленка, бай с тебя шкуру сдерет!

— Что ты болтаешь! Почему я должен наниматься? Овцы-то мои...

— Разве они твои?.. А сколько их у тебя?

— Никак стадо не прибавляется. У меня всего четыре палки * овец. Здесь пасется ровно половина.

— Видать, аллах щедро наградил тебя... А кто же пасет остальных.

— Одну палку овец пасет сын, другую палку коз и козлят пасет моя младшая жена.

— А старшая жена сидит дома?

— Почему дома?! Лошадей пасет старший сын, верблюдов — сноха, а коров пасет старшая жена.

— Владеешь таким несметным богатством, а пастуха боишься нанять?

---

* Баи на палках делали насечки по количеству овец. Обычно на каждой палке умещалась тысяча насечек.

— Ах, чтоб змея гнездилась на твоем языке! Разве чужой человек будет пасти даром. Почему я должен разориться, выплачивая пастухам ежегодно по одной козе с козленком? Одно только несчастье огорчает меня — от болезни я потерял зрение и не вижу отары своих овец.

— Почему же тогда не найдешь лекаря и не вылечишь глаза?

— Чтоб ты онемел! Разве лекарь вылечит без платы. Будет говорить: «Зарежь овцу, чтобы прогреть глаза ее легкими, а ляжки и грудинку заверни в шкуру и унеси ко мне домой. У вас буду жить неделю и есть остальное мясо». Чем так лечиться и разоряться, лучше обойдусь без лечения. С наступлением холодов слепота сама пройдет. Говорят, есть шаман, который лечит травами лишь за одну чашку айрана. Но он мне не попадается,— жаловался бай.

— Бай-еке, вы говорите обо мне, я тот самый шаман,— сказал Алдар.

— Это хорошо. У тебя есть травы?

— Еще какие?! Есть трава и от болезни головы, и от болезни глаз.

— Да сохрани тебя аллах. Лечи меня этими травами,— пристал к нему бай.

— Я должен смазать лекарством голову и глаза твои и обвязать их. Но кто будет пасти твоих овец?

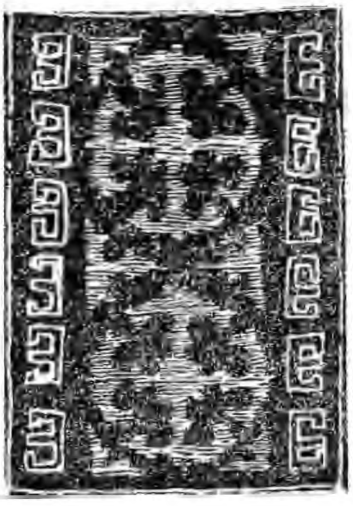
— Кто же как не сам! — ответил бай.

— Тебе нужно полежать, а это время позволь мне пасти их,— предложил Алдар.

— Откуда тебе, бродяге, знать, как пасти овец? Они могут проголодаться. Но так и быть, согласен. Только сначала выслушай меня. В отаре есть козел, который все время норовит отбиться от стада, еще есть собака, которая не отстает от овец. Чтобы мне было спокойнее лечиться, поймай их и привяжи к веревкам, концы их дай мне. Лечи быстрей, выпей за это одну чашечку кислого молока и убирайся своей дорогой.

— Хорошо,— ответил Алдар. Глаза бая он смазал смолой вонючего курая, голову намазал пометом собаки и туго завязал ее длинным полотняным поясом. Козла и собаку привязал и конец веревки отдал баю. Овец же Алдар пригнал в свой аул...

АЛДАР-КОСЕ И ДВА ЧЕРТА

Ходили по степи два черта и сеяли раздор в аулах — давнишние друзья ссорились между собой, мужья избивали своих жен, а черти пировали на угощениях, приготовленных в честь примирения поссорившихся.

Однажды черти пришли к Алдару-Косе.

— Эй, Алдар, ты уже научился у нас кое-чему. Займись-ка нашим ремеслом,— предложили ему шайтаны.

— Ой-бой, светики мои, ничего из сказанного вами не понимает моя задубелая голова. Вы лучше научите меня, как нужно обманывать, но только обманите меня же — так я лучше усвою науку.

— Разве мы можем тебя обмануть?

— Я дам совет, как это сделать. Люди начали сеять. Давайте и мы тоже засеем пашню, а во время дележа урожая вы меня и обманите.

— Хорошо,— согласились черти,— хотя мы раньше этим делом не занимались, но попробуем.

— Пока мы не приступили к посеву, давайте договоримся: что вы возьмете — вершки или корешки? Надо заранее условиться. Чтобы после не было обиды, пусть будет ваш выбор,— сказал им Алдар.

— Хорошо, мы сперва посоветуемся, потом скажем тебе,— ответили черти и пошли за советом к пахарю.

— Мы хотим объединиться с одним человеком и сеять. Он предлагает нам выбор, что взять: вершки или корешки? Как ты посоветуешь?

— Ох, какие вы глупые, у посева зерно бывает на стебле, зачем вам корешки, берите вершки,— ответил им пахарь. Черти вернулись к Алдару.

— Мы берем вершки,— ответили они твердо.

— Хорошо, пусть будет выбор ваш, я сдержу свое слово... и беру корешки. Сажать будем морковь, лук, чеснок. Участок для посадки, воду для полива и обветривание обеспечу я. Проложить арык, пахать землю пусть берет на себя Кылтын, а Сылтын пусть обеспечит нас семенами и засеет участок,— предложил Алдар.

— Так и быть,— согласились черти.

Пришли они в поле и поставили свою лачугу. Кылтын провел арык и разбил грядки. Сылтын достал семена и посеял их.

Алдар изредка приходил в поле и каждый раз притворялся усталым и измученным.

— Мы устаем оттого, что работаем кетменем и беспрерывно поим наше поле. Отчего же ты устаешь? — упрекали его черти.

— Это вы говорите вправду?

— Да, вправду.

— О, какие вы бессовестные! Я не хотел вам говорить, но вынужден. Вся тяжесть работы на мне лежит. Вы думаете, вода легко приходит на наше поле? Я день и ночь силой едва удерживаю и сворачиваю сюда буйную воду. Если бы не ветер, могли бы так колыхаться вершки? Разве вы не видите, как весело шелестят их цветки? Я уже разбил пальцы, расчищая каждый день отверстие в далеких высоких горах, откуда вырывается ветер. Вы думаете, на этом кончается моя работа?.. Вот вы, черти, вырастили большой урожай, а о том не думаете, что теперь земля от этого потяжелела. Каждый день я хожу к белому быку, который держит землю на рогах, и глажу ему грудь, чтобы он не сбросил землю. Никому не желаю мук, которые переношу я!..

Черти подумали, что Алдар на самом деле мучается, и пожалели его.

— Ты не обижайся, Алдар, мы вдобавок дадим тебе немного вершков из причитающейся нам доли.

— Зачем мне это, как я могу нарушать наш уговор? Уж берите себе. Так и быть, я возьму корешки,— ответил им Алдар-Косе рыдая.

Осенью вершки со стеблями взяли черти, а корешки-клубни остались Алдару. Он выкопал морковь, лук, чеснок, отвез их на базар и деньги положил себе в карман. Чертей, пришедших на базар с сухими ветками на спине, люди подняли на смех и прогнали с базара. Тут глупцы поняли, что Алдар обманул их, и пришли к нему.

— Из урожая следующего года теперь корешки возьмем мы,— сказали они.

— Пусть будет по-вашему. Только давайте на следующий год посеем пшеницу и ячмень,— предложил им Алдар-Косе. Черти согласились. Весной они посеяли пшеницу и ячмень.

Когда урожай поспел, Алдар собрал зерно, а солому отдал чертям. Как поняли они правду, рассердились и решили подраться с Алдаром-Косе.

— Пусть будет по-вашему,— согласился Алдар,— только скажите, драться будем дома или на улице?

— Мы трудились сообща, будет позорно, если кто увидит нашу драку на улице. Будем драться дома,— ответили черти.

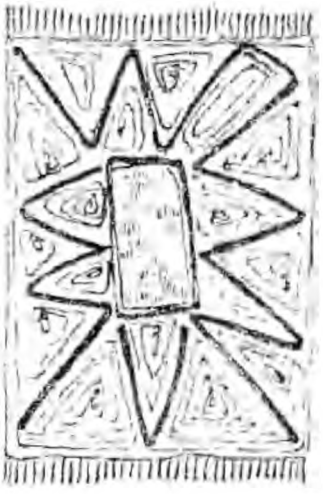
— Я согласен. Только я возьму маленькую палку, а длинную берите вы,— предложил Алдар. Черти обрадовались и схватили по длинной палке. Началась драка. Как только черти замахивались, длинный шест упирался в стенки юрты. Тем временем Алдар короткой палкой крепко отдубасил их.

— Нет, так нельзя. Будем драться на улице, короткую палку ты отдашь нам! — закричали черти.

— Пусть будет по-вашему.

Черти с Алдаром обменялись палками. На улице Алдар-Косе даже и не подпустил к себе их. Длинной палкой он избил чертей настолько, что те попадали без памяти.

КАК БАЙ ПОЗНАКОМИЛСЯ С АЛДАРОМ-КОСЕ

Один спесивый бай разглагольствовал перед одноаульцами:

— Вся степь твердит: Алдар-Косе, Алдар-Косе... Не верю я россказням про его ум и хитрость. Поглядеть бы мне на этого бродягу хоть разок. Я б его вмиг самого одурачил.

Рассмеялись молодые, закачали головами старики.

— Не хвастай, бай, не срамись. Еще никому на свете не удалось одурачить Алдакена.

— А вот я одурачу! — раскипятился бай.— Обещаю вам заколоть кобылицу и устроить пир на весь аул, коли не перехитрю при случае хитреца. Только бы мне с ним повстречаться!..

Как-то раз — по делу ли, без дела ль — выехал этот бай на верблюде в степь. Смотрит: неподалеку от дороги, точно он ищет что-то, ходит и ходит по кругу туда и обратно какой-то человек.

— Эй, приятель,— крикнул бай,— что потерял?

Незнакомец остановился и озабоченно отвечал:

— Ничего не потерял, а все-таки ищу.

— Что же ищешь?

— Ищу начало земли. Хорошо знаю, что оно где-то здесь, да никак не могу отыскать. Глянуть бы на степь с высоты — сразу нашел бы. Да вот беда — ни холмика, ни бугорка кругом. Но все равно достигну своего. Громкая слава, вечный почет ждет того, кто найдет начало земли.

С удивлением выслушал бай слова незнакомца, потом спросил:

— А с верблюда, скажи, друг, мог бы ты увидеть начало земли?

— Еще бы с верблюда не увидеть! Конечно, увидел бы. Да ведь у меня нет не то что верблюда, даже паршивого ишака.

Бай заерзал в седле.

— Полезай на моего верблюда! — предложил он.— Но уговор такой: всюду будешь теперь говорить, что мы вместе нашли начало земли. Поделим славу и почет. Согласен?

Махнул незнакомец рукой:

— Так и быть, согласен!

Слез бай с верблюда, посадил на него незнакомца и, выпучив глаза, ждет не дождется, что тот скажет.

— Ну как, видишь ли начало земли?

— Нет,— вздохнул незнакомец, поудобнее усаживаясь в седле и подбирая поводья,— не вижу. Вижу только, что ты, бай, большой дурак. Ну да не горюй: зато с этого дня ты можешь всем хвалиться, как вместе с Алдаром-Косе искал начало земли!

— Алдар-Косе! Так это ты?! — взревел бай и кинулся к всаднику.— Отдай верблюда, разбойник!

— Отдам, если догонишь!— крикнул Алдар-Косе и пустил верблюда напрямик во весь опор, так что только трава у него из-под ног полетела. А бай с раскрытым ртом остался на месте.

Лишь на закате доплелся он пешком до аула. Навстречу жена:

— Что повесил голову? Где верблюд?

— Нет верблюда. Отнял Алдар-Косе,— хмуро отвечает бай.

Завыла жена бая. Сбежался народ, узнав в чем дело:

— Как отнял,— спрашивают,— силой или хитростью?

— Хитростью,— признался бай.

Зашумел аул. Молодые хохочут, посмеиваются и старые.

— Так тебе и надо, хвастун! Режь кобылу, зови людей на пир. Ты проиграл спор.

Куда деваться баю? Против народа не устоишь. Зарезал кобылицу, глотая слезы, потчует мясом весь аул.

В разгар пира подъезжает на верблюде Алдар-Косе.

— Получай, бай, своего верблюда,— говорит со смехом,— да не тягайся вперед умом с бедняками и не гонись за чужой славой!

Рад бай верблюду, а народ Алдакену. Подняли бедняки своего любимца на руки, усадили на почетное место, поднесли ему лучший кусок. До утра шел пир. И не было, сказывают, пира веселее этого.

РЕВНИВЕЦ

Жил на свете ревнивый человек. Зашел как-то к нему путник и попросился переночевать. Делать нечего — гостю не принято отказывать.

До утра не сомкнул ревнивец глаз, думая о путнике: «Что это за человек? Не было бы худа от него».

Наконец настало утро, и гость засобирался в путь. У самой двери он вдруг закашлялся, стал чихать. В это время закашляла и зачихала жена хозяина.

«Э-э, тут что-то неладно,— подумал ревнивец,— неспроста же они закашляли и зачихали вместе».

Когда гость ушел, хозяин приступил к жене и потребовал, чтобы она объяснила, что означали ее кашель и чиханье. Бедная женщина растерялась и ничего не могла ответить. Тогда хозяин сказал:

— Между тобой и гостем был какой-то уговор. Ты не хочешь мне открыться. Лучше я уйду от тебя, чем жить в мучениях.

Собрался и ушел.

Долго он бродяжничал по белу свету. Однажды попросился на ночь в один дом. Ревнивец простудился в дороге и ночью кашлял и чихал, не мог спать. Всю ночь кашляла и чихала жена хозяина. Ревнивец задумался. «Что же это такое? — думал он.— Почему женщина кашляет вместе со мной? Ведь мы даже словом не обмолвились!» Ревнивец догадался, что женщина, как и он, сильно простужена.

— Ах, глупый я, глупый! — стал ругать себя ревнивец. Ведь тогда и моя жена была простужена — и только. А я-то обидел ее!

И ревнивец наутро отправился прямо домой. Он умолял жену простить его и клялся, что никогда не будет ее ревновать.

БАЛГАК-УПРЯМЕЦ

Жил-был упрямец, какого и свет не видывал. Все он делал по-своему: перечил и людям, и животным, и самому богу.

Случилось Балгаку-упрямцу заболеть — да так, что его перепуганные братья стали в слезах молиться:

— Доверимся богу, доверимся богу...

Услыхал эти молитвы больной, воспротивился:

— Рано мою душу доверять аллаху. Уж лучше я выздоровею.

И выздоровел.

Пас Балгак на лугу овец. Погнал он их к реке напоить. Животные остановились на берегу как вкопанные, не хотят идти в воду. Вспомнил тут Балгак, что упрямее овцы нет животного...

— Ах, несчастные,— вскричал он,— вы боитесь замочить копыта! Выходит, они вам не нужны.— И с этими словами он принялся обрубать у овец копыта.

Люди помнят и такой случай. Увидев похоронное шествие, Балгак-упрямец запричитал:

— Пусть увеличится число покойников!

Шедшие за гробом испугались. Обрадовался только мулла:

— Ловите его и поскорее тащите к могиле. Пусть увеличится число покойников. Справим и по нем пышные похороны.

— Эй, мулла,— крикнул Балгак в ответ,— чему радуешься: или мало ты душ загубил? — Хлестнул упрямец коня и ускакал в степь.

И уже совсем люди были сбиты с толку упрямством Балгака, когда умер его отец. Надо было этому случиться в день кан сонар — день первого снега и первой охоты.

Балгак-упрямец простился с покойником, кликнул собак и поехал стрелять дичь. Родичи покачали головами и стали терпеливо ждать возвращения упрямца, чтобы при нем придать тело отца земле. Возвратился Балгак через три дня. Аксакалы встретили его возмущением:

— Умер отец, а ты не хочешь его и похоронить!?

Балгак ответил седобородым:

— Каждый день хороним то верблюда, то старца. Но не каждый день бывает кан сонар.

МУЛЛА И УЧЕНИК

У муэдзина Семипалатинской мечети жил ученик из аула. Каждую ночь до слуха мальчика доносилось бульканье, будто в стакан наливали воду. Любопытно мальчику, что это такое? Но он не решался открыть глаза.

Однажды учитель заболел, и уроков не было. Мальчик пришел домой, улегся раньше обычного и вдруг услышал голос хозяина:

— Жена, подай сюда это самое. Да не бойся, мальчик крепко спит.

Опять что-то забулькало. Ученик открыл глаза и увидел в руках муллы полный стакан водки.

— Молдеке, разве правоверные пьют напиток кяфира? — спросил мальчик.

Мулла, растерявшись, ответил:

— Вон какой мороз на улице. Попробуй без водки покричать на минарете, созвать людей на молитву!

НАХОДЧИВЫЙ ЖИРЕНШЕ

Однажды хан подъехал к юрте Жиренше и сказал:

— Я хочу у тебя переночевать. Кого ты зарежешь, чтобы накормить меня?

Жиренше ответил:

— Богатый зарежет одно животное, а бедный загубит двух.

Хан не понял, что сказал Жиренше, и ничего не ответил на это. Расположился он в юрте Жиренше, а слуг отправил в соседнюю юрту — там жил богатый казах. Жиренше заколол овцу, которая вот-вот должна была принести ягненка. Вынул он из утробы овцы ягненка и повесил его на кереге, а мясо овцы положил в котел. Когда мясо сварилось, Жиренше стал прислуживать знатному гостю.

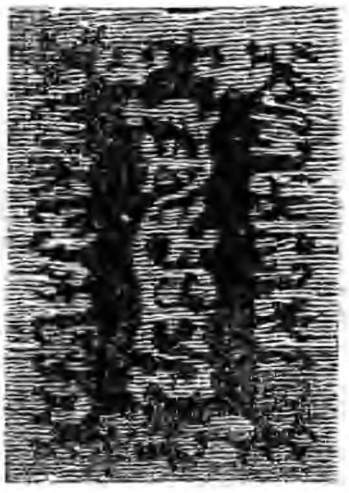
За обедом хан спросил у Жиренше, что означали его слова: «Богатый зарежет одно животное, а бедный загубит двух»?

Жиренше пояснил хану:

— Хозяин той юрты, где гостят твои люди, выбрал и заколол барана, а так как у меня, по бедности, не из чего выбрать, то я зарезал последнюю овцу, которая должна была принести мне ягненка.

И Жиренше показал на кереге, где висел ягненок.

ЛОВКОСТЬ

Отец, хитрец и ловкач, вечно был недоволен сыном-подростком.

— Ты не достоин отца. Вот я, например, могу вытащить яйцо из-под утки, сидящей в гнезде, и она этого не заметит,— сказал отец сыну.

Сын однажды попросил отца показать ему, как он это делает. Пошли на берег озера. Отец приказал сыну бесшумно следовать за ним. Они поползли по весеннему лугу к утке, только что присевшей на свое гнездо. Отец и в самом деле вытащил яйцо, а птица как ни в чем не бывало продолжала сидеть на своем месте.

— Вот видишь! — похвастался отец.

— Вижу, вижу! Посмотри, отец, на свои ноги!

Отцовы сапоги оказались без подошв — сын успел их срезать, пока они ползли к гнезду.

БРАТЬЯ-СТРАННИКИ

Жил в старину добродетельный и ученый человек, и было у него три сына. Говорят: сын охотника точит стрелы, сын портняжки кроит халат. А сыновья ученого с младенческих лет все свое время проводили над мудрыми книгами. Старший из них еще не умел взобраться на коня, а уже стали приходить к братьям люди на суд и за советом.

Однажды явились к ним два человека с двумя верблюдицами и верблюжонком.

— Дело наше таково,— сказали они,— каждый из нас имеет по верблюдице. Они всегда вместе паслись в степи. На днях мы пришли и увидели двух новорожденных верблюжат. Один был живой, другой — мертвый. И вот мы не знаем теперь, кому должен принадлежать верблюжонок, какая из верблюдиц их мать. Обе они ласкают и кормят малыша, и он одинаково ластится к обеим.

Старший брат сказал:

— Ведите верблюдиц к реке.

Средний сказал:

— Перевезите верблюжонка в челне на другой берег.

А младший прибавил:

— Тогда ваше дело решится само собой.

Сделали так, как посоветовали мальчики.

Когда верблюжонок остался один на берегу, он заметался в страхе и жалобно закричал. Верблюдицы тоже встревожились и заревели. Одна стала беспокойно бегать вдоль берега, а другая вдруг ринулась с обрыва в воду и поплыла

к верблюжонку. Тут все сразу поняли, что это и была его мать.

Слух о великом разуме необыкновенных детей от всадника к всаднику, от прохожего к прохожему распространился по всей степи, и старый ученый был счастлив и горд.

Про мудрость братьев прослышал и хан. Он пригласил к себе их и сказал:

— Оставайтесь у меня. Будете по очереди разбирать тяжбы моих людей, и если я признаю суд ваш справедливым, то сделаю своими визирями.

Услышав это, старые визири возненавидели трех юных мудрецов и решили мстить им.

В первый день суд вершил старший брат. К нему привели двух человек. Один сказал:

— Я бедный пастух. Вчера из нужды зарезал своего лучшего барана, а сегодня весь день продавал мясо на базаре. Всю выручку я положил в кошелек, а этот человек вытащил его у меня из кармана.

Другой с возмущением отрицал свою виновность:

— Пастух лжет. У меня есть кошелек с деньгами, но это мой собственный кошелек. Плут возводит на меня напраслину и хочет отсудить чужое.

Судья сказал:

— Дай сюда кошелек. Мы в минуту выясним, кому принадлежат деньги.

Он приказал ханским слугам принести чашу с кипятком и высыпать в нее из кошелька монеты. Вода тотчас покрылась слоем жира, точно в ней варили баранину. Теперь не оставалось сомнения, что пастух был прав. Судья отдал ему деньги, а вора приказал заключить под стражу.

На второй день судил средний брат.

На суд пришел бай, толстый, как набитый мешок, таща за рукав какого-то оборванного горемыку.

Бай сказал:

— Этот оборванец выплакал у меня взаймы фунт мяса, сказав, что у него умирает ребенок. Он клялся вернуть долг через неделю, даже если бы для этого ему пришлось вырезать мясо из собственной икры. Ребенок давно умер, недели идут, а хитрец не собирается отдать мне мясо или заплатить за него.

Судья спросил у бедняка:

— Почему ты не вернул баю долг?

— У меня ничего нет,— дрожа от страха отвечал бедняк,— раньше осени я не смогу расчесться с баем.

— Но я не намерен ждать до осени! — вскричал бай.

— Тогда,— сказал судья,— я решу дело так. Возьми, бай, нож и вырежь из икры ответчика фунт мяса. Ровно фунт! А если кусок будет хоть на просяное зерно тяжелее или легче, я велю исполосовать тебя плетьми.

Бай разинул рот от недоумения и вдруг, путаясь в полах халата, бросился наутек. Все посмеялись над ним, а бедняк стал благодарить судью за милостивый приговор.

На третий день судить досталось младшему брату. Приехали к нему двое молодых людей. Тот из них, что был выше ростом и шире в плечах, оказался истцом, и он стал жаловаться:

— Мой приятель отнял у меня золотой.

Ответчик оправдывался:

— Я заработал золотой честным трудом. У меня и в мыслях никогда не было обижать людей.

Судья спросил у истца:

— А был ли свидетель, когда твой приятель напал на тебя?

— Нет, свидетеля не было.

— В таком случае,— сказал судья,— спор ваш будет решить нелегко. Я подумаю над ним. А вы покамест потешьте меня борьбой. Победитель в борьбе получит от меня подарок.

Судья погрузился в размышления, а жигиты схватили друг друга за кушаки и начали бороться. Не прошло и четверти часа, как истец трижды повалил ответчика.

— Довольно,— сказал судья.— Решение мое готово. И неразумному ясно, что тот, кто так легко три раза подряд одолел противника, не мог поддаться слабейшему и в схватке за монету. Ответчик ни в чем не виноват, а тебя самого, наглый истец, следовало бы сурово наказать за клевету и вымогательство. Но я дарю тебе, как обещал, прощение за твое искусство в борьбе. Идите, помиритесь и постарайтесь снова стать друзьями.

Весь народ приветствовал справедливый суд трех братьев, и хан тоже остался ими доволен. Только старые визири

злобствовали и негодовали. Они пытались на ухо внушить хану, что братья — темные проходимцы, что безрассудно доверяться неведомым пришельцам, что скорее всего они подосланы к хану врагами и замышляют против него нечто недоброе. Но хан прикрикнул на наушников и объявил во всеуслышание:

— Назначаю трех юных мудрецов своими визирями. Днем они будут помогать мне в делах правления, вечером — развлекать рассказами, а ночью — охранять мой сон.

Потекли дни. Хан все больше привязывался к юношам. Целыми часами по вечерам он слушал их речи и засыпал, убаюканный диковинными историями. Братья по очереди прислуживали хану, и всем им он оказывал внимание, но особенно отличал младшего. Потому-то старые визири и ожесточились так против юноши: изнывая от зависти, они сговорились его извести.

В один из дней, когда младшему брату выпала очередь быть неотлучно при хане, визири тайком впустили в дворцовую спальню ядовитую змею. Они надеялись, что хан, увидев змею, заподозрит в злом умысле своего любимца, и тогда легко будет склонить его расправиться со всеми тремя братьями.

Наступила ночь. Хан лежал в постели, а молодой визирь рассказывал ему одно за другим древние предания, не сбиваясь ни в слове, точно держал перед собой невидимую книгу. Только за полночь хан уснул. И тут юноша, намереваясь погасить светильник, увидел ужасную змею, ползущую к ложу хана. Не растерявшись, он выхватил меч, отсек змее голову и лезвием кинул разрубленное змеиное тело под постель. Он уже готов был вложить меч в ножны, как потревоженный шумом хан пошевелился и открыл глаза. Увидев перед собой своего молодого визиря с обнаженным мечом в руке, он вскочил на ноги и закричал:

— Караул! Меня хотят убить!

Тотчас в спальню вбежали телохранители, схватили юношу и бросили его до утра в темницу. А наутро хан созвал на совет всех визирей, чтобы разобрать дело и решить участь заключенного.

Визири говорили по старшинству, но все одно и то же: они, не скупясь на слова и соревнуясь в красноречии,

обвиняли юношу в измене, вероломстве и покушении на жизнь своего владыки и благодетеля, а в заключение требовали для него самой жестокой и мучительной казни. Слушая их, хан все более мрачнел и после каждого выступления кивал головой в знак согласия. Визири ликовали в душе, не подавая в том вида, уверенные в успехе своего бессовестного умысла.

Но вот очередь дошла до старшего брата обвиняемого.

— Позволь, великий хан,— начал он,— вместо судебной речи рассказать тебе старинную притчу, как это делал я с братьями столько ночей у твоего изголовья.

Жил в незапамятные времена могущественный падишах. Больше всех существ мира любил он говорящего попугая, который сидел в золотой клетке в его покоях. Мудрый попугай и наставлял падишаха в затруднительных случаях, и утешал в печали, и веселил на досуге.

Однажды падишах подошел к клетке и увидел, что попугай нахохлился и загрустил.

— Что с тобой, мой пернатый друг? — спросил падишах.

И попугай отвечал:

— Ко мне под окно прилетали мои товарищи с далекой родины. Они принесли весть, что моя сестра выходит замуж и хочет видеть меня на своей свадьбе. Позволь мне слетать на родину, повелитель! За эту милость я принесу тебе драгоценный подарок.

— Сколько же дней тебе потребуется для полета? — спросил падишах.

— Сорок дней, повелитель. На сороковой день я снова буду с тобой.

Падишах распахнул дверцу клетки, и птица с радостным криком выпорхнула через окно на волю.

Присутствовавший при этом визирь сказал:

— Готов поручиться чем угодно, властелин, что хитрая птица обманула тебя и не вернется больше в клетку.

Злые люди недоверчивы и подозрительны, мой хан, а этот визирь был злой человек.

Но миновало сорок дней, и попугай, не нарушив данного слова, прилетел обратно. Падишах очень обрадовался ему и шутя спросил:

— Какой же подарок принес ты мне с родины?

Птица раскрыла клюв и положила на ладонь падишаха небольшое зернышко.

Падишах удивился, но, зная мудрость попугая, кликнул своего седобородого садовника и приказал ему посадить зернышко. Через день выросла из зернышка стройная яблонька, через два — зацвела, а через три украсилась множеством душистых плодов.

Садовник сорвал самое румяное яблоко и понес его падишаху. Но по дороге его остановил визирь. Он разбранил садовника за то, что тот несет яблоко в руках, и велел ему сходить за золотым блюдом. Старик ушел, визирь же той порой обмазал плод ядом, а дождавшись садовника, вместе с ним пошел к падишаху. Садовник рассказал о необыкновенном дереве, поставил блюдо с яблоком на стол и удалился. А визирь сказал:

— Повелитель, яблоко это с виду прекрасно, но часто красота бывает обманчива. Сдается мне, что оно ядовито. Прикажи привести сюда из тюрьмы убийцу, приговоренного к смерти, и пусть он прежде тебя отведает кусочек яблока.

Падишах послушался визиря. Привели разбойника в цепях, заставили его съесть ломтик яблока, а через мгновение этот человек был уже мертв.

Падишах рассвирепел. Он кинулся в соседнюю комнату, вытащил попугая из клетки и свернул ему голову.

Ты спросишь, великий хан, почему же так поступил визирь. Злые люди завистливы, недоброжелательны, коварны и безжалостны, а он, этот визирь, был злой человек.

Через некоторое время падишаху самому вздумалось взглянуть на яблоню. Он вышел в сад и стал кликать садовника. К нему подбежал юноша, стройный станом и прекрасный лицом.

— Кто ты? — спросил падишах.

— Я твой садовник, повелитель.

— Но мой садовник был дряхлый старик! — удивился падишах.

— Это я и есть,— сказал молодой красавец.— После того, как ты убил попугая, я подумал, что и мне не уберечься от твоего гнева. Тогда, чтобы не терпеть напрасных мук, я решил покончить с жизнью, съев ядовитое яблоко. Сорвал

одно, откусил немного, и в тот же миг ко мне вернулась молодость.

Пораженный падишах, как зачарованный, приблизился к чудесному дереву, сорвал яблоко и поднес его ко рту. Невыразимое блаженство разлилось по его телу, и он почувствовал себя снова молодым и сильным, каким был в восемнадцать лет.

Понял он тут, что напрасно погубил верного попугая, зарыдал от горя и раскаяния, но было уже поздно: отнять жизнь правители могут, а вернуть жизнь они не в силах.

Старший брат замолчал, и хан сидел молча, в глубоком раздумье. Потом он знаком приказал говорить среднему брату. И тот сказал:

— Великий хан, хочу и я рассказать тебе подобную историю. Случилась она в то же давнее время, но в другой стране и с другим падишахом. Этот падишах с детства увлекся охотой. Днями и месяцами он носился на горячем скакуне по степи за дикими зверями и птицами. Был у падишаха любимый беркут, какого не имел ни до него, ни после него ни один охотник.

Раз падишах, погнавшись за сайгой, очутился в безжизненной пустыне. Нещадно жгло солнце, нигде не было воды, падишаха томила жажда. Неожиданно он увидел скалу, из-под которой тонкой струйкой вытекал родничок. Падишах достал золотую чашу, набрал воды и уже хотел напиться, как вдруг беркут бросился на чашу и расплескал всю воду. Падишах рассердился, прикрикнул на беркута и снова зачерпнул воды. Но опять беркут грудью налетел на чашу и выбил ее из рук падишаха. В ярости падишах схватил пустую чашу и ударил ею беркута по голове. Беркут упал мертвый. А падишах подошел к роднику — и замер от страха: из расщелины скалы выползала огромная змея. Не вода, а смертельный яд гадины сочился по камням. Падишах вскочил в седло и умчался прочь. Но с этого дня он понял, что осмотрительность лучше поспешности, что высокий сан не спасет от роковых ошибок, что добро от зла отличить может мудрый, а не могущественный.

— Довольно! Замолчи! — вскричал хан и, грозно сверкая глазами, поднялся с места.— Вы оба в заговоре со своим братом, вы хотите обелить злодея, чтобы уйти от воз-

мездия и выручить его и себя. По-вашему выходит, что он не виноват передо мной, а я безрассуден и несправедлив к нему. Но если это так, то зачем же он занес меч над спящим своим господином!

— Это нам не известно,— ответили братья.— Спроси у него самого.

— Введите узника! — крикнул хан страже.

И вот младший сын ученого предстал перед ханом и советом визирей. Он держался скромно, но гордо и смотрел на всех без страха.

Испытующе глядя в глаза юноше, хан произнес:

— Скажи без утайки, ибо никакие хитрости не могут избавить тебя от беспощадной казни,— с какой целью ты вчера ночью обнажил свой меч у моей постели?

— Чтобы спасти тебя от смерти, хан,— спокойно отвечал юноша.

— Кто же, как не ты, мне угрожал смертью?

— Змея, которая готова была ужалить тебя и которую я разрубил мечом.

— Змея? Что ты выдумываешь? Как же змея могла попасть в мою опочивальню? — в недоумении спросил хан.

— Твои многоопытные визири, хан, на которых ты так полагаешься, лучше меня могут ответить на твой вопрос.

Хан бросился в спальню, заглянул под ложе, а через некоторое время медленной походкой вернулся в зал судилища, опустив голову, со слезами на глазах. Он подошел к младшему брату, обнял его и проговорил взволнованно:

— Прости меня, мой верный друг и спаситель! Теперь я знаю истину. Проси чего хочешь в награду за обиду,— клянусь перед всеми, я ни в чем не откажу тебе и твоим мудрым братьям.

И юноша сказал:

— Отпусти нас троих, великий хан, освободи от службы. Позволь нам продолжать свое странствие. Путь наш не кончен, еще не прочтена и до середины книга жизни, мудрейшая из книг.

Хан не ждал такой просьбы. Он опять вспылил, кровь бросилась ему в лицо, но уже невозможно было отречься от данной клятвы.

И братья ушли из ставки хана.

Много с тех пор прошли они дорог, много видели разных людей и стран и вернулись на родину, к своему народу, к престарелому отцу лишь тогда, когда изведали все, что только может выпасть на долю человека, и постигли все, что только в состоянии обнять человеческий разум.

СЕМЬ СКОРПИОНОВ

У бая Нурума было три сына — Асан, Усен и Ануарбек.

Когда Ануарбеку исполнилось шесть месяцев, умер отец, а еще через полгода — мать. И остались братья круглыми сиротами.

Скот, слитки серебра, красивые белые юрты — все перешло во владение старших братьев. Вскружило им голову богатство, забыли они совесть и честь: разленились, перестали ухаживать за скотом, стали пьянствовать и играть в карты. Через два года только у них и осталось, что рубаха на теле. Приуныли братья. Да как тут не приуныть, когда в животе пусто! Вот и решили они идти в батраки. А совестно: все-таки сыновья известного бая! Люди смеяться будут. Что делать? Судили — рядили и надумали уйти подальше от родных кочевий, туда, где их никто не знает. И в великом легкомыслии своем решили не брать с собой маленького Ануарбека. Украдкой, за полночь выбрались они из юрты, и только предрассветный туман провожал их в путь.

Малыш Ануарбек, проснувшись, терпеливо ждал братьев, потом ему стало жутко одному, и он с плачем стал звать Асана и Усена, хотел выскочить из юрты, но не тут-то было — кошму братья снаружи чем-то подперли.

Ануарбек плакал все громче, пока не услыхала старушка-соседка. Она вызволила бедного мальчугана, утерла ему слезы и увела к себе.

Добрая женщина была уверена, что братья скоро придут, но шли дни, а за ними недели и месяцы, а братья как в воду канули.

Прошел год. Кормить сироту не под силу бедной старухе, и решила она попросить муллу Омара взять мальчика к себе.

— Молдеке,— взмолилась она, придя к мулле вместе с Ануарбеком,— помогите сироте, я бедна и больна, себя едва кормлю. Примите мальчика в свой дом, научите его уму-разуму, он будет вам вместо сына, а аллах вознаградит вас за доброе дело.

Мулла отдыхал после сытного обеда. Вкусный бесбармак и ароматный чай настроили его благожелательно. Не дал ему аллах сына, а разве в хозяйстве мужские руки лишние? Ведь через несколько лет мальчик сможет и за скотом ухаживать, и в юрте помогать, и с поручениями ездить.

— Ладно,— молвил он,— оставляй малыша.

Горько плакал Ануарбек, расставаясь со своей благодетельницей, и только ласки доброй жены муллы осушили его слезы.

Понемногу мальчуган привык к новой своей семье. Жена муллы была с ним по-матерински добра, а маленькая Кулянда, дочь муллы, сразу привязалась к нему как к родному. Славное создание была эта Кулянда — веселая, добродушная, ласковая. Всей душой полюбил ее Ануарбек.

Когда Ануарбеку пошел восьмой год, мулла взялся обучать его корану. К тому времени мальчик уже помогал немного и по хозяйству. Смышленый и расторопный мальчуган пришелся ко двору в семье муллы. К пятнадцати годам Ануарбек уже постиг всю нехитрую науку, которой владел его учитель, и стал задумываться, как жить дальше.

Приемные родители постарели, и пора было взять заботу о них на себя. Ануарбек решил пойти в город искать работу.

Надо сказать, что к этому времени Кулянда стала красавицей-девушкой и интересовала его не только как товарищ детских игр. Поэтому уходить из аула не хотелось, но делать нечего. Мулла не стал его удерживать, и молодой жигит, распрощавшись с приемными родителями и любимой, отправился в дорогу.

Неисповедимы пути аллаха! Случай привел Ануарбека во дворец к хану Малику, и стал он просить повелителя дать ему работу.

Кто может познать течение мыслей великих мира сего! Кто предусмотрит их немилость и милость! Коротко ли, долго ли, а стал безвестный мальчишка Ануарбек по ханской прихоти важным лицом — ему поручили выслушивать жалобщиков и разбирать тяжбы.

На счастье одарила природа нашего жигита живым умом и добрым сердцем, а труда своего он не жалел. Деньденьской Ануарбек выслушивал и разбирал жалобы, и не было случая, когда бы он вынес несправедливое решение. За короткое время он сделался любимцем народа.

Удивился как-то хан: никто не идет к нему с жалобами. «Неужто мой народ стал жить мирно?» Пошел он в комнату к Ануарбеку и вышел оттуда довольный: все тяжбы жигит решал сам, справедливо и умно. Жалобщикам незачем было ходить к хану.

С тех пор не мог нахвалиться своим новым помощником хан.

Но кто сказал, что на белом свете перевелись завистники? Было у хана Малика семеро мулл. До прихода Ануарбека они карали и миловали жалобщиков по своему усмотрению. Не брезговали и взятками. Успехи молодого человека черным коршуном терзали их сердца.

А приемный отец Ануарбека, мулла Омар, увидев, как далеко пошел юноша, решил, что неплохо бы иметь такого зятя.

Мулла всегда мулла! Лукавый Омар украдкой от Ануарбека взимал с просителей скот за то, что якобы устраивал им свидание с Ануарбеком. Простодушные степняки легко попадались на удочку хитреца.

Ну как тут не постараться закрепить с таким жигитом родственные связи!

К великой радости Кулянды и Ануарбека мулла объявил их женихом и невестой.

Тем временем семеро скорпионов, как прозвали в народе мулл за их жадность, плели паутину, в которую должны были попасться Ануарбек и Кулянда.

Посудив-порядив, решили они воспользоваться для своих целей естественной мужской слабостью хана — тягой к красивой женщине. Узнает хан о красоте Кулянды — захочет овладеть ею. Это, конечно, придется не по вкусу ее

жениху, он станет сопротивляться. А сопротивляться хану — головы не сносить!

Окольными путями, через одну женщину, сообщили хану о Кулянде. Засверкали очи властелина, порозовели скулы. Вскочил хан на коня и поскакал в аул муллы Омара. Как увидел он Кулянду, так понял, что не встречал девушки красивее. С первого взгляда влюбился хан. Горе Ануарбеку!

Вернувшись домой, хан Малик тотчас же послал сватов к Омару.

О нечестивый мулла! Вскружили ему голову ханские сваты. Шутка ли, такого высокородного зятя посылает аллах! Перед его мысленным взором поплыли косяки коней, отары овец, белые юрты, ковры, слитки золота и серебра.

А когда сверкнула ему в грезах жемчужной улыбкой молодая токал, он совсем забыл и преданность Ануарбека, и любовь его к Кулянде, и какое горе он причинит дочери,— все забыл!

Плачем встретила его добрая жена жестокое решение отнять Кулянду у Ануарбека и отдать хану. Тщетно она умоляла мужа не делать этого. Какой мужчина станет слушать речи женщины!

Каков был ужас Кулянды, когда она узнала, что не быть ей женою Ануарбека, что отец дал согласие хану! Горько плакала она, валяясь вместе с матерью в ногах отца! Но тот остался непреклонен.

Обрадованный хан тут же велел начать приготовления к свадьбе.

Узнал о своей беде и Ануарбек. Прискакал бедняга в дом муллы. Женщины совершенно убиты горем, мулла смотрит на него злыми глазами.

Ночью Ануарбек пытался пройти к Кулянде, но мулла караулил ее. Нечего делать, убрался бедный жигит восвояси и оттуда с верным человеком послал девушке письмо.

А тем временем семеро мулл раскрыли глаза хану, что не он один мечтает о прекрасной Кулянде, да заодно и прибавили то, чего не было — очернили Ануарбека.

Разгневался хан.

Ануарбек тем временем скрывался у одного друга, поджидая ответа Кулянды. Он ждал целый день, и только под

вечер посыльный вручил ему письмо любимой. Вот что она писала:

Одна кровля над головой,
И одна была у нас мать.
С детства мы дружили с тобой,
Кто же вправе тебя отнять?
Счастья я от судьбы ждала,
А оно бежит от меня.
Но пока, Ануар, я жива,—
Я с тобой до последнего дня.
Что мне жизнь, коль не будет тебя?
Ненавистен немилого кров.
Лучше смерть, чем его рука,
Лучше казнь, чем его любовь.

Вьется сердце в моей груди
Все взволнованней день ото дня.
Ты скажи, что нас ждет впереди,
Моя жизнь, любовь моя?!

Несколько раз перечитывал бедняга письмо несчастной девушки, ломая голову, как быть дальше.

На следующий день Ануарбеку удалось увидеть жену муллы — свою нареченную мать, которая всей душой была на его стороне. А еще через несколько суток ночью добрая женщина, рискуя навлечь на себя гнев мужа, привела к нему Кулинду.

Кто опишет свидание влюбленных!

Но как ни прикидывали они, от хана нигде не спрячешься, видно, не судьба жить им вместе. Тогда решили, что Кулянда не вернется домой, и сколько даст им аллах — столько они проживут вместе — день, два или три.

В бешенство пришел хан Малик, узнав о похищении невесты. Тотчас же снарядили погоню с приказанием не возвращаться без беглецов. Каждый дом в городе, каждую юрту в степи обыскивали ханские нукеры.

Три дня наслаждались Кулянда и Ануарбек своей свободой и любовью, а на четвертый донес ветерок утром до слуха Ануарбека конский топот. Приник он ухом к земле — так и есть: скачут!

Тогда решил он идти сам навстречу опасности, а Кулянда пусть спрячется. Сначала Кулянда и слушать не хотела, но Ануарбек сумел ласковыми речами убедить ее.

Стали прощаться несчастные влюбленные.

Дрожал голос у Ануарбека, когда он говорил прощальные слова:

Ты прекрасна, умна и добра.
С детства ты была мне сестрой.
Но изменчива злая судьба:
Разлучить хотят нас с тобой.

Ополчился вражеский стан,
И ликует недругов рать.
Проклят будь ненавистный хан,
Что поклялся тебя отнять!

Потускнели от слез глаза,
Сохнет грудь, горит голова.
О жена моя, Кулянда,
Где найти утешенья слова?

В слезах отвечала Кулянда:

О зрачок глаз моих, горе мне,
Вижу смерть над твоей головой,
Лучше б я сгорела в огне,
Чем расстаться навек с тобой.

Счастье было в наших руках,
Но исчезло пылинкой в степи.
Нет пощады во вражьих сердцах,
Коли хану стать на пути.

Без тебя мне, любимый, не жить.
Коль плохое случится с тобой,
Нужно будет меня убить,
Чтобы сделать ханской женой.

Ануар несколько раз вскакивал на коня, но через сотню шагов возвращался, и прощанье начиналось снова. Однако надо было спешить. Поручив Кулянду добрым людям, он скрепя сердце пустил коня наметом и, не оглядываясь, помчался на верную смерть.

Хан Малик встретил его почерневшим от злобы лицом.

— Подлый развратитель, где ты спрятал мою невесту? Отвечай!

Ануару терять было нечего, все равно от хана пощады не будет, поэтому он, усмехаясь, возразил хану:

— Не я, а ты развратитель. Кулянда моя жена, а не твоя невеста! Да падет кара аллаха на твою голову.

От гнева хан некоторое время не мог ни слова выговорить, а когда опомнился, то, захлебываясь от бешенства, завопил:

— Вяжите его! В темницу злодея и распутника!

— Я и так пойду, тахсыр,— насмешливо возразил Ануарбек,— не бойся — не убегу. А вы, облезлые шакалы,— кивнул он в сторону семерых мулл,— за мою кровь ответите своею,— и гордо зашагал впереди нукеров в тюрьму.

Скора ханская «милость»! В тот же день приговорил хан Ануарбека к смертной казни и велел оповестить народ, что завтра на площади перед дворцом повесят похитителя ханской невесты.

Ануар мужественно встретил суровый приговор. Не о своей жизни, а о судьбе бедной Кулянды думал он. Его появление во дворце только на короткий срок задержало розыски, теперь, небось, ханские нукеры опять, как собаки, обнюхивают каждое жилье.

О казни дошел слух и до Кулянды. Как рассказать о горе несчастной женщины!

Решила Кулянда покончить счеты с жизнью, и только благодаря вмешательству хозяина дома, где она скрывалась, осталась жива. Он вынул ее бездыханную из петли. К счастью, смерть еще не успела схватить свою жертву.

Горько упрекала Кулянда своего спасителя: зачем ей жить без Ануарбека?

В то время, как жизнь младшего из трех братьев была так близка к концу, старшие братья Асан и Усен возвращались на родину. Они, занимаясь торговлей, разбогатели, обзавелись семьями.

Образ брошенного малютки Ануарбека не раз тревожил их ночной сон, и они твердо решили разыскать его. И, такова воля аллаха, братья вернулись на родину в тот злосчастный день, когда Ануарбека заточили в темницу.

Пришли братья на базар, а там только и разговору, что о казни.

— Бедный Ануарбек,— сетовали люди. Многие женщины плакали.

Заинтересовались Асан и Усен, что это за Ануарбек, которого хотят казнить и которого так жалеет народ. Какой-

то дервиш взялся им разъяснить и, к ужасу братьев, рассказал им историю о бае Нурыме и его сыновьях.

— Вот теперь,— закончил он,— будут казнить младшего брата за то, что ханскую невесту украл. Но не невеста она хану, а волею аллаха жена Ануарбеку. Да разве пойдешь против хана!

Заплакали братья. Потом стали совет держать, как вызволить Ануара. Пуще прежнего заговорила в них совесть — зачем бросили малютку! И решили они прийти на казнь и напасть с топорами на стражников. Стражников много, они, конечно, убьют братьев.

— Вот и умрем в один день с Ануарбеком.

Так и сделали. Взяли по топору и пошли на площадь. Большая толпа стояла у виселицы.

Вот привели стражники связанного Ануарбека. Зашумел народ, запричитали и заплакали женщины. Многие мужчины не могли удержаться от слез.

Да разве слезами отменишь ханский указ?

Бледно, но спокойно было лицо Ануарбека, когда он заговорил с народом на прощанье:

Я сегодня встретил зарю
Своего последнего дня.
Я в последний раз говорю,
О народ! Ты послушай меня.
На прощанье увидеть хочу
Ту, что мне заменила мать.
И свою дорогую жену,
Кулянду, я б хотел увидать.
Братья где-то есть у меня,
Я и их повидать бы хотел...
Очень жалко мне оставлять
Длинный ряд незаконченных дел.
Расставаться и с солнцем мне жаль,
И с луной, что над степью плывет.
Жаль мне мать оставлять, и жену
И тебя, мой добрый народ.
Все, что лучшее было во мне —
Это все от тебя, мой народ,
Мне недолго дышать на земле.
Я в долгу у тебя, мой народ.
Пусть трепещут семеро мулл —
Близок злобных последний час.
И коварный насильник хан —
Верю я — не уйдет от вас.

Смерти я не боюсь —
Лишь одна дума горькая
зреет во мне:
Я не все, что мог, совершил
Для людей на любимой земле.

Заволновался народ. Да и кого не проймет справедливое и умное слово!

Недовольно поморщился хан Малик, а семеро скорпионов — муллы закорежились, как кора на огне.

— Прервите, тахсыр, его крамольные речи,— зашептали они.— Велите палачу приступить к делу!

Хан сделал знак рукой.

Палач накинул петлю на шею осужденного и уже было потянул за другой конец, как подоспевший Усен ударом топора убил его. Асан, воспользовавшись поднявшейся свалкой, кинулся на стражников. Отчаянный поступок братьев подхлестнул народ. Вмиг были отброшены стражники, смяты нукеры, а хану Малику отрубили голову.

И стал с того дня ханом Ануарбек. Счастливо зажил он во дворце со своей Куляндой. Мудро и справедливо правил он народом и дожил до глубокой старости.

МАХМУТ И ЕГО ПОПУТЧИК

В давние времена в одном торговом городе жил купец по имени Арзы. Не так славился купец богатством, как добротой. Народ уважительно называл его за это Арзы-мирза, то есть Арзы-щедрый.

Шли годы, стар стал купец, не мог вести свои дела. И решил он передать торговлю сыну. Молод был Махмут, но сметлив и умен. Говорит он:

— В первую поездку, отец, дай мне караван поменьше да людей понадежнее, что преданы тебе.

Услыхал отец разумные речи Махмута — обрадовался и успокоился. Навьючил он верблюдов товарами, дал в провожатые пятерых верных людей. Перед дорогой сказал напутственное слово.

— Сын дорогой, свет очей моих, дождем земля зеленеет, благословением юнец зреет, помни совет:

Не останавливайся на ночлег в глубоких долинах, если даже застигнет тебя там ночь.

Не ночуй также и в покинутых зимовках. У меня большой опыт, я знаю, что в долинах и в покинутых зимовках любят укрываться воры.

Пообещал Махмут блюсти наказ отца и тронулся в дорогу.

Едут торговцы день, едут другой, на третий день повстречался им старец на коне, к поясу его была прицеплена короткая сабля.

— Счастливый путь вам, далеко ли едете? — обратился встречный к Махмуту.

Объяснил Махмут все, как положено, и сам спросил, откуда старец и куда путь держит.

— Дом мой отсюда недалеко, полдня езды. Еду я в тот же город, что и вы. Конь подо мной слабый, одному с таким конем в дороге не безопасно, возьмите меня с собою в попутчики.

«Отправляя неопытного сына с караваном, Арзы надеялся на нас... У встречного оружие, у нас же — голые руки. Поди узнай, что у него на уме! А ну как потеряем товары, что скажем хозяину?» — рассуждали подручные Махмута.

Пока они совещались, юноша распорядился по-своему.

— Я согласен, ага, взять вас в попутчики, вы хорошо знаете дорогу до города, будете нашим провожатым! «Зачем отталкивать человека, если еще не известно — друг он мне или враг?» — решил про себя Махмут.

А тут, как нарочно, и солнце стало клониться к закату, пора останавливаться на ночлег. Осмотрелись путники: они в глубокой долине, и конца ей не видно. Что делать?

Тут их попутчик и говорит:

— Рискнем. Заночуем здесь. Что бы ни случилось, за все ответ беру на себя.

Переглянулись люди Махмута — делать нечего, ночь опустилась над землей. Да и хозяин уже согласился с попутчиком:

— Кто,— говорит,— слушается старших — не пропадет. Да будет по-вашему, ага, заночуем здесь.

И расположился караван на ночлег.

Под утро, когда все крепко спали, до слуха попутчика донесся неясный свист. Звук все ближе, ближе. Прилетел огромный крылатый змей — дракон. Схватил старец свою короткую саблю, поднял над головой. Сабля стала все удлиняться, удлиняться... И, когда змей проглотил человека, волшебная сабля разрезала брюхо чудовища. Оттащил попутчик части туши в сторонку, сжег их, горсть пепла завязал в платок. Управившись, он лег на свое место и уснул.

Утром встали все с зарей, позавтракали и снова тронулись в путь. Шли целый день, к вечеру оказались около какой-то заброшенной зимовки. Опять опасения торговцев развеял попутчик.

— Рискнем,— сказал он,— заночуем здесь.

Делать нечего — опустилась темная ночь. Расположились на ночлег.

Среди ночи слышит старец, доносятся из зимовки дикие крики и вопли. Поднялся он, взял свою саблю и пошел к зимовке. Подошел — перед ним никудышная избенка, в которую ведут одна за другой три двери. Прошел две двери, у третьей остановился и видит: сидят в избе семь дяу — семь циклопов безобразных, в середине — плачет девушка-красавица. Дяу с воплями, рычаньем и криками спорили между собою, кому из них должна принадлежать девушка.

Вышел попутчик на улицу и притаился у входа в избу. Вскоре один дяу и говорит другим:

— Что-то человеком запахло, выйду посмотрю, не занесло ли какого нечистого?

Только он наклонил голову, чтобы пройти в последнюю дверь, как попутчик отрубил ему голову, туловище оттащил в сторонку и стал на прежнее место. Не дождавшись старшего дяу, за ним вышел другой. И этого, и третьего, и четвертого — всех семерых чудовищ постигла одна участь: зарубил их попутчик своей необыкновенной саблей. После этого вошел он в избу... Увидала его девица, заплакала.

— Неужели наступил светлый день, и я снова вижу человека?! Или это наваждение?

— Не бойся, дочь моя, я самый настоящий человек. Скажи, как ты попала сюда?

Ответила девушка:

— Я дочь главного визиря хана. Берег меня отец от стороннего глаза, лишь шесть месяцев назад люди услышали впервые имя мое. Прослышали об этом и семь дяу. Налетели они на нашу землю, выкрали меня и увезли сюда. Здесь я уже три дня. И три дня эти семеро дяу-братьев спорят между собою, чьей женой я должна стать. Уходи поскорее отсюда, добрый человек. Чудовища почуяли твой запах и пошли искать тебя. Если удастся спастись от них, доберись до родных моих, расскажи о моей горькой участи. Передай привет отцу с матерью. Больше у меня нет к тебе просьбы...

И сказал ей попутчик:

— Дочь моя, ты свободна. Врагов твоих, семерых дяу, я убил. Бояться теперь тебе некого. Поживи здесь. Через две недели я возвращусь за тобой и увезу отсюда.

Обрадовалась девушка, когда увидела мертвыми всех семерых чудовищ, поверила старцу во всем и согласилась ждать его.

Ни Махмут, ни его товарищи даже не догадывались о случившемся ночью.

Утром, как обычно, тронулись в путь. Через три дня заехали в диковинную страну. Все в ней выглядело обычным, необычными были сами жители: у каждого было только по одной руке и ноге. Другая нога и рука беспомощно волочились, как плети.

Расспросил попутчик Махмута людей о их несчастье, и рассказали они старцу страшную историю.

Когда-то жители Калекии жили в привольной долине, что за шесть дней пути отсюда. Каждую ночь налетал на них кровожадный дракон и сжирал по человеку. Обреченные вынуждены были откочевать из родных мест. Но и здесь злой рок не оставил их: у каждого отнялось по руке и ноге...

Выслушали торговцы историю, сокрушенно опустили головы, поняли они, что речь идет о той долине, где шесть дней назад ночевали они. Но тут услышали они голос своего нового попутчика.

— О несчастные! — обратился он к калекам.— Знаете ли вы хотя бы, чем исцелиться можете?

— Только яд, добытый из пепла того самого дракона, поможет нам. Все свои драгоценности, все серебро и золото страны мы отдали бы человеку, который спасает нас от недуга.

— Да исполнится воля аллаха, я обещаю исцелить вас.

Удивились торговцы словам попутчика. Спрашивает его Махмут:

— Отец, ты, наверное, великий лекарь, раз берешься за такое дело. А я до сих пор не знаю твоего имени. Скажи мне его.

— Жолдас (попутчик, однодорожник) мое имя. Больше тебе, сын мой, ничего не надо знать.

Семь дней и ночей лечил Попутчик жителей Калекии, на восьмой все они стали здоровыми. Со слезами благодарности преподносили счастливцы своему исцелителю самое драгоценное, что было в их стране.

Обратился Попутчик к Махмуту:

— Сын мой, не ради богатства вылечил я этих людей. Все, что они преподносят мне, по праву принадлежит тебе. Не напрасно в народе говорят: «Не слово человека дорого, а дело». Когда-то, это было давно, еще тебя не было на свете, я дал слово отцу твоему отплатить добром за его доброту. Я был беден — он сделал меня богатым. И вот слово мое стало делом. С чистым сердцем прими от меня этот дар.

Вьюки всех верблюдов наполнили серебром и золотом. Махмут и его люди на радостях подарили свои товары местным жителям.

Через две недели отправились купцы домой, и Попутчик поехал с ними. Три дня провели они в дороге, наконец подъехали к заброшенной зимовке. Диву дались путники, когда увидели, что из трубы избушки дым валит, окна избушки приветливо светятся, а на пороге стоит девушка-красавица и зазывает их в гости. Как родного отца, обняла она Попутчика, с нежностью посмотрела на Махмута. И юноше девушка понравилась: стройна, как осока, глаза, как у верблюжонка, скромна и приветлива.

Подвел ее Попутчик к Махмуту, сказал:

— Вот тебе и невеста, сын мой. Вижу, что по сердцу вы друг другу. Мир вам да любовь.

И не удивляйся, Махмут, моему поступку. Когда-то, тридцать три года назад, я был молод, как ты. У визиря моего хана была юная жена. Мы полюбили друг друга. Об этом узнал старый муж. Нам грозила смерть. Вот тогда-то и сделал мне отец твой добро во второй раз: он помог нам скрыться.

С тех пор я живу далеко от родной страны. Сейчас аллах помог мне отблагодарить добром за доброту отца твоего. Теперь позволь мне удалиться. Путь тебе добрый!

Обнял по-сыновьи Махмут Попутчика, и поехали каждый своей дорогой: старец в свой аул, Махмут — в страну отца.

Обрадовался купец удаче сына. Тут же сыграли свадебный той.

Махмут, жена его и отец жили до конца дней своих счастливо и мирно. Торговлей больше уже не занимались.

АНЕКДОТЫ И НЕБЫЛИЦЫ

ПЕСНЯ АЛДАРА-КОСЕ

Алдар-Косе и его друг дьявол отправились путешествовать. Дорогой Алдар-Косе говорит:

— Вот если б ты посадил меня к себе на спину, то я спел бы тебе песенку. А как только песня моя кончится, то ты сел бы ко мне на спину, и я понес бы тебя.

Дьявол согласился. Сел Алдар верхом на своего друга и затянул, что на ум пришло. Долго они так шли, Алдар-Косе все тянул свою песенку. Утомился дьявол и говорит:

— Ну что, скоро кончится твоя песенка, Алдар-Косе?

— Да я только еще третью часть пропел,— ответил хитрец.

МЕТКОСТЬ ЖИРЕНШЕ

— Тахсыр!— сказал Жиренше хану.— Я стрелял в одного кулана и прострелил ему одним выстрелом заднюю ногу и ухо.

— Как это могло случиться,— сказал хан.— Ведь у кулана уши выше ног.

— О, это очень просто, тахсыр,— ответил Жиренше.— В то время, когда я стрелял, кулан ногою чесал ухо.

ЗАЧЕМ НАМ НУЖЕН ВАШ БОГ

Давным-давно один мулла татарин приехал в аул. Он беседовал с аулчанами. И между прочим спросил их:

— Как казахи молятся после еды?

Аулчане ответили:

— Обычно казахи произносят после еды, обращаясь к богу:

На этом свете дай нам добра, а на том — милость божию.

Мулла тогда заметил:

— Так говорить нельзя. Этого не воспримет бог. Есть особая молитва на татарском и арабском языках!

— Тогда на кой черт нам нужен ваш бог, который не понимает по-казахски, а мыслит только по-татарски или по-арабски,— сказали ему на это казахи.

ЦЕНА КОШКИ

Один бай приехал на верблюде в город. Справившись с делами, он зашел в чайхану. Выходит на улицу — нет верблюда!

Схватился за голову:

— Ой-бай, что теперь делать?

Кинулся туда, заглянул сюда, побежал по улицам с расспросами: никто не видел верблюда, пропал верблюд, точно на крыльях улетел.

Весь день метался бай по городу, совсем выбился из сил. Тогда он говорит с досады:

— Если б нашелся верблюд, клянусь аллахом, продал бы его первому встречному за рубль!

Только сказал — идет из-за угла верблюд. Бай к нему, схватил за повод. Но тут его окружила толпа, и все загалдели:

— Мы слышали, что ты поклялся продать верблюда за рубль. Неужели нарушишь клятву? Каждый из нас готов купить верблюда за назначенную тобой плату.

Бай растерялся, но только на одну секунду. Возведя взор к небу и сложив молитвенно руки, он произнес со смирением:

— Велик аллах, и страшен его гнев! Пусть покарает меня всевышний, как последнего нечестивца, если я откажусь от святой клятвы. Берите, кто хочет, верблюда за рубль. Но да будет всем вам известно, что я продаю его за эту цену не иначе, как вместе с кошкой, что осталась у меня в юрте.

— А что хочешь за кошку?

— Тысячу рублей, почтенные, всего тысячу рублей! Не просите, не уступлю ни копеечки!

Долго смеялись люди, расходясь в разные стороны:

— Ох, и мошенник же ты, бай! Самого аллаха надул. Верно говорится: богатей и по земле на лодке проплывет.

ВАМ-ТО Я ВЕРЮ...

Один человек попросил у Ходжи взаймы денег.

— Деньги у меня есть, но дать их вам я не могу,— ответил сокрушенно Ходжа.

— Неужели вы мне не верите! — удивился человек.

— Ну что вы! Вам-то я верю, но в то, что получу свои деньги обратно, не верится.

ХОДЖА И ЛЕНТЯЙ

Как-то Ходжа встретил лентяя и стал расспрашивать его о жизни. Лентяй рассказал:

— Подадут что-нибудь — ем, а не подадут — сижу смирно.

— Видно «смирение» твое похоже на «смирение» городской собаки,— заметил Ходжа,— она тоже надеется только на подачку.

ХОДЖА И ЖЕНИХ

Молодой человек собрался жениться. Перед свадьбой он решил посоветоваться с Ходжой.

— Во сколько лет вы женились? — спросил жених у мудреца.

— Сколько мне было лет, когда я женился, этого я не помню, но то, что был тогда глупцом, это хорошо запомнил на всю жизнь,— ответил Ходжа.

Я НЕ СКУПОЙ...

Зашел как-то Ходжа в трактир. Сытно пообедав, он не заплатил денег трактирщику, а вдобавок еще унес с собой ложку с тарелкой.

На другой день, когда Ходжа проходил мимо, трактирщик остановил его и стал ругать.

— Ты прав, а я виноват,— согласился Ходжа. — Вчера, пообедав, я не уплатил тебе денег и прихватил с собой ложку с тарелкой. Не подумай, что я скупой, просто в моих карманах не нашлось денег. Сегодня я продал ложку с тарелкой и пришел рассчитаться с тобой за обед.

КАК ХОДЖА БЫЛ СУДЬЕЙ

Когда Ходжа был судьей, у него спросили:

— Много ли у вас друзей?

— Сейчас им и числа нет. Вот когда я не буду судьей, будет точно известно, сколько их,— последовал ответ.

ЕСЛИ ОТ ЧЕТЫРЕХ ОТНЯТЬ ЧЕТЫРЕ....

Когда-то Ходжа учился в школе.

— Что останется, если от четырех отнять четыре? — спросил его учитель. Ходжа задумался.

— Давай это решим на примере,— сказал учитель.— Пускай у тебя в кармане будет четыре монеты, и они выпадут. Что же тогда останется в кармане?

— Дырка,— ответил Ходжа.

ЧТО ТЯЖЕЛЕЕ: ПУД ВАТЫ ИЛИ ПУД ЖЕЛЕЗА?

Ходжа как-то спросил у своего ученика:

— Скажи мне, что тяжелее: пуд ваты или пуд железа?

— По-моему, вес и того и другого одинаков,— ответил ученик.

— Да, сынок. Твой ответ похож на истину, но жена вчера доказала на моих боках, что железо куда тяжелее, чем вата.

ХОДЖА УТЕШАЕТ

Однажды Ходжа не пришел на урок. На другой день учитель спросил его:

— Почему ты вчера не был в школе?

— Занят был.

— Чем?

— Да брат ходил к врачу удалять зуб...

— Ну и что же?

— Я с ним ходил.

— Зачем же? Ведь зуб удалял не ты, а брат?

— Я утешал брата, когда он кричал от боли.

ХОДЖА И УЧИТЕЛЬ

Как-то учитель спросил Ходжу:

— Сколько часов в сутках?

— По-моему, двадцать пять.

— А не двадцать четыре?

— Ну как же двадцать четыре? Ведь вы сами вчера говорили, что день удлинился на целый час.

МУДРЫЙ ОТВЕТ ХОДЖИ

Ходжа шел по улице. Навстречу выбежала собака и укусила его за ногу. Обозленный Ходжа стукнул собаку топором и зарубил. Хозяин собаки закричал:

— Неужели ты не мог ударить не острием, а обухом, тогда бы собака не сдохла!

— Помилуй, ведь собака меня укусила своими острыми зубами. Если бы она меня лягнула, то и я ударил бы ее обухом,— ответил Ходжа.

ОТКУДА БЕРУТСЯ ЗВЕЗДЫ

Один человек спросил у Ходжи Насыра:

— Как ты думаешь, куда девается старая луна, когда рождается новый месяц?

— Вот чудак! Неужели не понятно? Ведь из старой луны делают звезды,— ответил Ходжа.

ХОДЖА ПРОГОЛОДАЛСЯ

Ходжа проголодался и попросил у жены поесть.

Жена возмутилась:

— Вместо того, чтобы любоваться моей небесной красотой, ты говоришь о земной пище!

— Красотою сыт не будешь,— вздохнул Ходжа.

ТОЖЕ МНЕ ОЗЕРО!

Ходжу мучила жажда. На пути показалось большое озеро. Его волны с шумом разбивались о берег. Обрадованный Ходжа решил напиться, но вода в озере оказалась горько-соленой. Рассерженный Ходжа воскликнул в сердцах:

— Тоже мне озеро! Только и знаешь, что плещешься. Лучше бы позаботилось о вкусе своей воды...

ПОЧЕМУ В МОРЕ ВОДА ГОРЬКАЯ?

— Почему морская вода горькая? — спросили у Ходжи Насыра.

— Потому что она не течет никуда, стоит на одном месте — вот и испортилась,— последовал ответ.

ЕСЛИ СЫН ОБЖОРА...

— Сын ваш объелся на тое и лежит при смерти,— сообщили Ходже.

— Если мой сын умирает от обжорства — туда ему и дорога.

ГДЕ ЖЕ ПРАВДА?

Голодный Ходжа пришел домой и попросил у жены:

— Дай-ка мне немного простокваши, она так полезна для пищеварения...

— Простокваши нет, последнюю гости выпили.

— Что ты наделала! — сказал испуганно Ходжа.— Ведь простокваша вредна для зубов и желудка.

— Только сейчас ты хвалил простоквашу, говорил, что она полезна. Теперь ты хаешь ее... Где же правда? — удивилась жена.

— Правда — первое, если нет, то — второе.

ИЗ-ЗА МОЕГО ЧАПАНА БЫЛ ШУМ...

Ночью за окном послышались крики. Ходжа проснулся и спросил жену:

— Что за шум?

— Какое тебе дело до этого, спи,— рассердилась жена, недовольная, что ее разбудили.

Однако Ходжу разбирало любопытство. Он встал с постели, накинул на плечи чапан и вышел из дому. Тотчас к нему подбежали люди, стащили чапан и скрылись.

Ходжа возвратился домой.

— Из-за чего там шумели? — спросила жена.

— Из-за моего чапана,— последовал ответ.

ВОЗЬМИ У СОБАКИ

Ходжа нес с базара кусок мяса. Навстречу выскочила собака, вырвала у него из рук мясо и убежала. Расстроенный Ходжа осмотрелся вокруг. Невдалеке он заметил человека, тоже купившего и несшего с базара мясо. Недолго думая, Ходжа подскочил к нему, выхватил покупку и бросился удирать.

— Ходжа, не шутите, верните мясо,— закричал человек.

— Можешь вместо своего взять мое — вон у той собаки,— последовал ответ.

ОСЛА НЕТ ДОМА...

Пришел к Ходже сосед и просит:

— Одолжите вашего осла съездить в город.

— С удовольствием бы одолжил, но осла нет дома,— ответил Ходжа. В это время во дворе закричал осел.

— Как вам не стыдно, Ходжа! У вас белая борода, а вы лжете.

— О глупец! — возмутился Ходжа.— Как же ты можешь верить не мне, у которого уже борода белая, а глупому ослу?!

КАК ХОДЖА БАРАНА ЗАРЕЗАЛ

Увидев на улице барана, Ходжа Насыр поймал его, привел домой и зарезал. Узнав об этом, один из друзей сказал ему:

— Как же ты греха не боишься? Ведь в день страшного суда хозяин этого барана перед богом потребует его у тебя.

— А я откажусь, скажу, что не видел и не брал,— ответил Ходжа.

— Нет, дорогой, отказаться не сможешь. Баран, которого ты зарезал, сам предстанет пред тобой — так повелит бог.

— Тем лучше! — воскликнул Ходжа.— Раз баран предстанет предо мной, я возьму его и тут же верну хозяину.

НЕ СПЕШИ ОТДАВАТЬ ДОЛГИ!

— Я много должен людям. День и ночь страшусь одного: придет за мною Азреил и заберет мою душу на небо раньше, чем я успею рассчитаться с долгами,— сознался один человек Ходже Насыру.

— Напрасно беспокоишься,— ответил Ходжа,— долгов у тебя столько, что пока рассчитаешься, сам Азреил успеет состариться и не в состоянии будет взять твою душу. Так что не спеши отдавать долги.

ЕСЛИ ХОЧЕШЬ ПОЦЕЛОВАТЬ ДОЧЬ ПЕРИ...

Однажды в мечети мулла расхвалил народу прелести рая. Особенно расписывал райских дев — пери.

— Девушки эти так красивы, что сказать даже невозможно. Они излучают свет, и всюду, где они проходят, становится светло, как днем...

— А ростом какие они: высокие или нет? — спросил Ходжа Насыр.

— Конечно, высокие! — поторопился мулла.

— Значит и на том свете есть неудобства,— заметил Ходжа.

— Это какие?

— Ну как какие? Если захочешь поцеловать пери, откуда взять лестницу?

ОБИДА ХОДЖИ НАСЫРА.

Ходжа Насыр решил на свою свадьбу пригласить весь аул. В приготовлениях и хлопотах к пиршеству он ничего не успел поесть. Несмотря на голод, он и на тое ничего не ел — боялся, что гостям не хватит. Про себя Ходжа думал: останется же что-нибудь после гостей, вот я и поем. Но по бедности Ходжа выставил угощения мало, а гостей, по доброте, созвал много. На столе после них не осталось еды.

Тут терпенье жениха кончилось: он поднялся из-за стола и вышел на улицу...

Гости разошлись, новобрачным постелили постель. Хватились жениха и нашли его прохаживающимся вокруг юрты.

— Чего же ты не идешь в дом? Тебя ждет молодая жена!

— Не пойду. Пусть к ней идет тот, кто пообедал.

НУ ДАВАЙ ХОТЬ ДЕВЯТЬ ТЕНЬГЕ

Однажды приснилось Ходже Насыру, что у него есть петух и один человек просит его:

— Ходжа, продай петуха!

— Покупай, коль денег много,— отвечает Ходжа.

— Сколько просишь?

— Двенадцать теньге.

— Нет, дорого. Даю восемь теньге.— Покупатель прибавил еще: сказал, что предлагает девять теньге. Но Ходжа стоял на своем...

Неожиданно проснувшись, он осмотрелся вокруг и увидел, что у него нет ни петуха, ни денег, ни покупателя. Поспешно закрыв глаза, Ходжа протянул руку и сказал:

— Ну хорошо, я согласен: бери петуха хоть за девять теньге.

ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

— Что это такое? — спросили у Ходжи Насыра, показав на минарет.

— Это перевернутый вверх дном колодец,— последовал ответ.

РАЗНИЦА МЕЖДУ МЯСНИКОМ И ЗНАХАРЕМ

— Какая разница между мясником и знахарем? — спросили у Ходжи Насыра.

— Разница в том,— ответил Ходжа,— что мясник сначала зарежет скотину, а потом снимет шкуру, знахарь же наоборот: сначала семь шкур спустит, а потом уже заставит испустить дух.

ХОДЖА НАСЫР И МУЛЛА

Увидев слезы на глазах у совершающего намаз Ходжи Насыра, мулла обратился к народу, собравшемуся в мечети:

— Смотрите, как плачет преданный богу человек во время молитвы. Объясни, правоверный, причину слез твоих.

— О святой отец, вчера у меня подохла коза. Ее белая борода была точь-в-точь как ваша. Увидел я вашу бороду, вспомнил свою козу и заплакал от жалости,— отвечал Ходжа рыдая.

ХОДЖА НАСЫР И ЕГО ОТЕЦ

Отец поручил Ходже напоить осла.

— Нет, не могу, у меня губы потрескались,— возразил Ходжа.

— А при чем тут губы? — удивился отец.

— Как при чем? Если я не буду подсвистывать, разве осел догадается, что ему надо пить воду? А свистеть с такими губами я не могу!

И СМЕХ И СЛЕЗЫ

Один человек нашел в степи компас. Вертел, вертел — не знает, что такое. Принес в аул. Судили, гадали — никто не поймет, что за штука. Позвали Ходжу Насыра, показали ему компас и попросили:

— Объясни, уважаемый, что это за вещь?

К удивлению всех, ни слова не вымолвив в ответ, Ходжа залился безудержным смехом.

— Что с тобой, Ходжа? — спросили люди.— Чему ты смеешься?

— О несчастные! Это вы рассмешили меня: неужели и вправду не знаете, что это такое?! — И Ходжа захохотал пуще прежнего... Еще больше удивились люди, когда мудрец так же неожиданно расплакался. Он схватился за голову и причитал, рыдая:

— Горе мне, горе!

Кинулись его уговаривать:

— Не плачь, Ходжа, успокойся и объясни причину слез твоих!

— Как же мне не плакать? — отвечал тот сквозь слезы.— Я вспомнил, что и сам не знаю, что это за вещь!..

ДЫРЯВАЯ МОНЕТА

Ходжа от природы был лысым. Лишь на висках и кое-где на затылке кустились жесткие волоски. Ходжа пришел в цирюльню и попросил:

— Обрейте меня.

Цирюльник, недолго думая, намылил голову Ходжи и ловко обработал ее бритвой.

— Платите,— сказал он.

Ходжа подал дырявую монету.

— Что вы даете, уважаемый? Монета-то дырявая!— возмутился цирюльник.

— Вот когда у меня на лысине вырастут волосы,— тогда я дам вам целую,— ответил Ходжа.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРОДАВЕЦ РАЗУМА. Сказку записал А. Диваев. Опубл. в «Этнографическом обозрении» за 1903 г., № 1, стр. 110, сказка VI. Русские сказки, близкие к данному сюжету, см. в «Указателе сказочных сюжетов» Antti — Андреева Н., Л., 1929, стр. 65, «Добрые советы» №№ 910—914.

САПОЖНИК И ХАН. Сказка переведена на русский язык А. Диваевым с рукописи Кожабая Амалдыкова из Казалинского уезда. Опубл. в «Этнографическом обозрении» за 1904, № 1, стр. 109—110.

ЖАНЫДЫЛЬ. Сказка записана А. Диваевым от муллы Али Махдибаева из Чимкентского уезда. Опубл. в «Сборнике материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», вып. IX, 1901, стр. 25—28.

АТУМТАЙ И НАШАРВАН. Сказку записал А. Диваев от Макана Чактыбаева из Перовского уезда. Опубл. в «Сборнике материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», вып. V, 1896, стр. 49—51.

УДАВ-ЖЕНЩИНА. Записал А. Диваев со слов Еркимбаева Акимбека из Чимкентского уезда. Опубл. в «Сборнике материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», вып. V, 1896, стр. 52—55.

ЩЕДРЫЙ И СКУПОЙ. Сказку записал А. Диваев от Шады Жангирова. Опубл. в «Сборнике материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», вып. II, 1892, стр. 19—20. См. вариант сказки — В. Сидельников. Казахские сказки, том II, Алма-Ата, 1962, стр. 47 — «Аби и Таби» (Таби подслушивает разговор двух жаворонков и добывает волшебную палку, при помощи которой превращает хана в жеребца, а визирей его в кобыл); В. Сидельников. Латышские сказки. М., 1941, стр. 56, «Барин за лошадь»; И. Минаев. Индийские сказки и легенды, СПб, 1876, стр. 57 «Богатый и бедный» (бедняк подслушивает разговор воров); «Сказки и стихи Афганистана», М., 1958, стр. 39—48 «Мард и Намард» (Мард подслушивает разговор зверей: тигра, волка и лисы, богатеет). См. русские сказки по «Указателю сказочных сюжетов», Л., 1929, стр. 46, № 613 (сборники Афанасьева, Смирнова, Худякова и др.).

СЧАСТЬЕ КАДЫРА. Записал и обработал Е. Малюга.

ТРИ МУДРЫХ СОВЕТА. Записал А. Диваев. Опубл. в «Сборнике материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», вып. I, 1891, стр. 73—79.

ДОЧЬ ХАНА И ВИЗИРЬ. Из публикаций Г. Н. Потанина. «Живая старина», 1916, вып. II—III, стр. 153—155.

ДОЧЬ ВИЗИРЯ. Из публикаций Г. Н. Потанина. «Живая старина», 1916, вып. II—III. Начало сказки напоминает нам арабские сказки «Тысяча и одна ночь», где жестокий царь Шахриер каждый день брал себе новую жену и наутро убивал ее. И когда в царстве Шахриера не оказалось больше молодых женщин, идет к царю дочь визиря Шахразада. Чтоб спасти себя, Шахразада начала рассказывать царю сказку и к утру оборвала ее на самом интересном месте и т. д. В казахской сказке дочь визиря «стала занимать хана всевозможными интересными рассказами», которые хан слушал в продолжении тридцати дней.

НАГРАДА МУДРОСТИ. Сказка записана Д. Рубежным со слов карагандинского акына Доскея и опубликована в газ. «Социалистическая Караганда» от 6 июня 1937, № 129.

КАРАГЛЫШ. Записал редактор «Тургайской газеты» А. Васильев. Опубл. в сб. А. Васильева «Образцы киргизской народной словесности», вып. I, Оренбург, 1898, стр. 53—58.

ЗОЛОТОЙ НОЖ. Записал А. Васильев. Опубл. в его сборнике «Образцы киргизской народной словесности», Оренбург, вып. I, 1898, стр. 43—48.

СТАРИК И ДЯУ («Старик и див»). Записал Г. Н. Потанин. «Живая старина», 1916, вып. II—III, стр. 172. Рассказал сказку Утеу Бужин из Акмолинской области. См. варианты в «Казахских сказках», т. I, Алма-Ата, 1958, стр. 161 — «Дед Канбак» и во II томе, Алма-Ата, 1962, стр. 112 — «Курай дед».

ЖИГИТ И БОГАЧ. Записал А. Васильев. Опубл. в его сборнике «Образцы киргизской народной словесности», вып. I, Оренбург, 1896, стр. 7—12. См. русские варианты в «Указателе сказочных сюжетов», Л., 1929, стр. 29, № 325.

ДУЙСЕНЬ И ДЯУ («Дуйсень и дау»). Опубл. в «Трудах общества изучения киргизского края», вып. VI, Оренбург, 1925, стр. 10, № 12.

ЕРМАГАМБЕТ («Ирмагамбет»). Записано А. Диваевым. Опубл. в «Сборнике материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», вып. I, 1891, стр. 19—24. См. русские варианты в «Указателе сказочных сюжетов», Л., 1929, стр. 29, № 315 А — «Звериное молоко» и № 315 В — «Неверная жена».

МУДРАЯ ДЕВУШКА. Взято нами «Из наблюдений казахстанского учителя» П. Хадырева, опубликованных в журнале «Безбожник» за 1934, № 10, стр. 10—11.

КАРАЖАЙ. Опубл. в «Трудах общества изучения киргизского края». Оренбург, 1925, вып. VI, стр. 8—10.

НАХОДЧИВОСТЬ ДЕВУШКИ. Из материалов А. Диваева — «Этнографическое обозрение», 1912, № 1—2, стр. 206—207. Из рукописи казаха Махана Чектыбаева из Перовского уезда.

ЗОЛОТОВОЛОСЫЙ ТОТАМБАЙ. Сказка опубликована в «Известиях общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», XX, вып. 4—5, стр. 228—230.

ЗЕНГИ-БАБА. Записано Е. Малюгой от слушателей алма-атинских курсов книготорга в середине тридцатых годов.

РАЗУМ, НАУКА И СЧАСТЬЕ. Из рукописных фондов института литературы имени М. О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР. Материалы А. Мырзалиева (Луговской район, Джамбулской обл.). На казахском яз. опубл. в сб. «Казах ертегілері», т. II, под ред. Е. С. Исмаилова, стр. 261—262. Перевод наш с подстрочника А. Мусинова.

ЖЕЗТЫРНАКИ, ПЕРИ И МАМАЙ. Сказка из материалов института литературы имени М. О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР. Поступила от Ш. Хаймолдина, с. Уджар, Уджарского района, Семипалатинской обл. На казахском языке опубл. в сб. «Казах ертегілері», т. II, под ред. Е. С. Исмаилова, стр. 38—45. Перевод наш с подстрочника А. Мусинова.

Первая часть сказки напоминает нам многочисленные предания о жезтырнаках. М. Миропиев. Демонологические рассказы киргизов. СПб, 1888. См. также в этом томе сказку-предание «Истан и жезтырнак», записанную А. Диваевым и опубл. в «Этнографическом обозрении», 1906, № 1—2, стр. 127. Есть варианты у А. Вамбери, А. Хорошхина, в журн. «Средняя Азия» (см. примечания к «Истан и жезтырнак»). Вторая часть некоторыми моментами схожа с преданием «Сказочная страна Барса-Кельмес» — «Казахские сказки», т. I, Алма-Ата, 1958, стр. 234.

БАТЫР БОРАН. Записал А. Диваев. Опубл. в «Этнографическом обозрении», 1891, № 2. На казахском языке опубл. в сб. «Казах ертегілері», т. II, под ред. Е. С. Исмаилова, стр. 387—399. Перевод наш с подстрочника Ахм. Мусинова.

ЧУДЕСНАЯ ПТИЦА. Из фольклорных материалов института литературы имени М. О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР. Записал Альбейсенов в поселке им. Ильича, Чимкентской области. На ка-

захском языке опубл. в сб. «Казах ертегілері», т. II, под ред. Е. С. Исмаилова, стр. 18. Перевод с казахского Ш. Рахимбекова.

Первая часть сказки схожа со сказкой «Три сестры» (встреча Кудайбергена с птицей Самырюк) из I тома «Казахских сказок», стр. 36—52. Печатные казахские варианты есть в сб. А. В. Васильева. «Образцы киргизской народной словесности», Оренбург, 1898, вып. I. Вторая часть сказки близка к сказкам и народным преданиям о жезтырнаках. См. II том «Казахских сказок», стр. 263 — «О жителях гор Актау». Подробно можно прочитать в кн. М. Миропиева. Демонологические рассказы киргизов. СПб, 1888, стр. 15 — «Жез-Тырнак».

СОВЕТ ГОЛУБЕЙ. Н. Пантусов. Образцы киргизской народной литературы. 1909. Сказка популярна в устном бытовании. Взята из рукописных фондов научной библиотеки Академии наук Казахской ССР. Есть вариант в записи проф. А. Маргулана (№ 28 Д). Перевод с казахского Ш. Рахимбекова.

Сказка контаминирована. Она состоит из ряда сказочных сюжетов. Начало сказки (голуби попадают в сеть, мыши перегрызают сеть и спасают голубей) напоминает басню И. А. Крылова «Лев и мышь». Есть сюжет сказок про «Хитрость ребенка» («Астраханский вестник» за 1890, № 293) или русская сказка «Старый хлеб да соль забывают-ся». См. также казахскую сказку «Пастух и змея» во втором томе «Казахских сказок», Алма-Ата, 1962, стр. 186. Конец сказки является вариантом казахской сказки «Четыре друга», записанной Н. Н. Пантусовым — «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», Казань, 1909, т. 25, вып. I, стр. 21. Перепечатано во втором томе «Казахских сказок», составленных В. М. Сидельниковым, Алма-Ата, 1962, стр. 197.

ЖАЙЫК И ЕДИЛЬ. Записал М. Косарев в 1939 году. Из материалов рукописного фонда научной библиотеки Академии наук Казахской ССР (папка 161). Перевод с казахского Ш. Рахимбекова. См. примечания во втором томе «Казахских сказок» к преданию «О жителях гор Актау» (стр. 431) и к сказке «Жезтырнак, пери и Мамай» в данном томе.

САПОЖНИК. Из фольклорных материалов института литературы им. М. О. Ауэзова АН Казахской ССР (Материалы К. Жубанпалиева). На казахском языке опубликовано в сб. «Казах ертегілері», том II, под ред. Е. Исмаилова. Сказка некоторыми своими мотивами перекликается с преданиями о дяу. См. «Казахские сказки» в 1 и 2 томах. Перевод Л. Мусурмановой с подстрочника С. Шокпаровой.

ИСКУССТВО ЕГЕЛЬМАНА. Из фольклорных материалов института литературы им. М. О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР. На казахском языке опубликована в I томе «Казах ертегілері», под редакцией Е. Исмаилова. Перевод Л. Мусурмановой с подстрочника С. Шокпаровой.

НАХОДЧИВЫЙ МАЛЬЧИК. Из фольклорных материалов института литературы имени М. О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР. Перевод с казахского Л. Мусурмановой с подстрочника С. Шокпаровой. Подобные сказочные сюжеты встречаются в народных преданиях коми-пермяков. См. Д. И. Гусев. Коми-пермяцкие народные предания о Пере-богатыре, Кудымкар, 1956, под ред. проф. В. М. Сидельникова, стр. 14—19; М. Н. Ожегова. Устно-поэтическое творчество коми-пермяцкого народа. Кудымкар, 1961, стр. 7—18.

ЖЕНЩИНА-ЖУМСАУК. Из фольклорных материалов института литературы имени М. О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР. Перевод с казахского Н. Платоновой с подстрочника Б. Исмаилова.

РАБ КОНЮХ. Эту сказку передал в рукописный фонд института литературы им. М. О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР Д. Мусабеков (Ф. № 2). Опубл. на казахском языке в сб. «Казах ертегілері», т. II, под ред. Е. Исмаилова. Перевод Л. Мусурмановой с подстрочника С. Шокпаровой.

СИЛА ИСКУССТВА. Эту сказку передал в рукописный фонд института литературы им. М. О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР Н. Жакеев. Опубл. на казахском языке в сб. «Казах ертегілері», т. II, под ред. Е. Исмаилова. Перевод Л. Мусурмановой с подстрочника С. Шокпаровой.

ХРАБРЕЦЫ. Записали Е. Исмаилов и Е. Искаков. Из рукописных фондов института литературы им. М. О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР (№ 22 Д). Опубл. в сб. «Казах ертегілері», т. II, под ред. Е. Исмаилова, стр. 175—183 — «Сырттаны». Перевод Н. Платоновой с подстрочника А. Мусинова.

КАИМ-БАТЫР. Записал А. Жапаров — житель колхоза имени XXII съезда КПСС, Коксуйского аулсовета, Кировского района, Алма-Атинской области. Взята из фондов института литературы им. М. О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР (Ф. № 2). Перевод Ш. Рахимбекова. Стихи перевел Л. Скалковский.

БАТЫР АБАТ. Записал М. Алмуратов — житель Иргизского района, «Казах ертегілері», т. II, под ред. Е. Исмаилова, стр. 387—399. Перевод Н. Платоновой с подстрочника А. Мусинова. Стихи перевел Л. Скалковский.

БАТЫР АКЖАН. Из фольклорных материалов института литературы им. М. О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР (ф. № 2, папка 48). Сдал эту сказку в институт в 1957 году К. Жубанышалиев из Восточно-Казахстанской области, Шингирлау. Перевод Л. Мусурмановой с подстрочника А. Мусинова.

БАТЫР НАУША. Из фольклорных материалов института литературы им. М. О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР (ф. № 2). Сказку сдал в институт Абдрахман Мырзагалиев в 1959 г. из Луговского района, Джамбулской области. Перевод Л. Мусурмановой с подстрочника А. Мусинова.

ТЕЛЬКОНУР. Из фольклорных материалов института литературы им. М. О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР (ф. № 2, папка 53). Легенда до сих пор бытует в народе. Сыграл ее на свирели старый табунщик Мухамеди Бибалиев из Маркакульского района, Восточно-Казахстанской области. Жусунбек Уалитов записал слова легенды и музыку и сдал в Дом народного творчества г. Усть-Каменогорска. Сотрудник этого Дома Касименов Садык в 1960 году сдал легенду в АН. Переведена Н. Платоновой с подстрочника А. Мусинова.

КАК ДОЧЬ ХАНА ВЫБИРАЛА СЕБЕ МУЖА. Сказка взята из рукописного фонда института литературы им. М. О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР. Перевод Н. Платоновой с подстрочника Н. Кальменова.

ЗАГОВОРЕННАЯ ДЕВУШКА. Сказка взята из рукописного фонда института литературы им. М. О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР. Перевела М. Кац с подстрочника Н. Кальменова.

ОХОТНИК. Сказка взята из рукописного фонда института литературы им. М. О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР. Перевела Н. Платонова с подстрочника Н. Кальменова.

АЙГУЛЬ. Сказка взята из рукописного фонда института литературы им. М. О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР. Перевела М. Кац с подстрочника Н. Узбаханова.

КРАСАВИЦА МАЛХУАН. Сказка взята из рукописного фонда института литературы им. М. О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР. Перевод Н. Платоновой с подстрочника Н. Узбаханова.

КУНШЕ, ПОТЕРЯВШАЯ СЫНА. Сказка взята из рукописного фонда института литературы им. М. О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР. Перевод Н. Платоновой с подстрочника Н. Узбаханова.

ПТИЦА СЧАСТЬЯ. Сказка взята из рукописного фонда института литературы им. М. О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР. Перевод Л. Мусурмановой с подстрочника Н. Кальменова.

АКБАЙ. Сказка взята из рукописного фонда института литературы им. М. О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР. Перевод М. Кац с подстрочника Н. Узбаханова.

АКШАХАН И МЕНДИСУЛУ. Из рукописного фонда института литературы им. М. О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР (папка № 89). Перевод Л. Мусурмановой с подстрочника А. Мусинова.

КУЛЕКЕН. Сказка взята из рукописного фонда института литературы им. М. О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР. Перевела М. Кац с подстрочника М. Кальменова.

КАК СОРОКА ОБМАНУЛА ЛИСИЦУ. Записал А. Диваев. Опубл. в «Сборнике материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», вып. II, 1892, стр. 134.

ЛЯГУШКА И УТКИ. Записал А. Диваев. Опубл. в «Сборнике материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», вып. II, 1892, стр. 143. См. русские варианты по «Указателю сказочных сюжетов», Л., 1929, стр. 23, № 225 «Журавль учит лису летать» (с вышины бросает ее на землю; она разбивается) и стр. 24, № 242, I «Ворона и рак» (ворона хватает рака, летит с ним над морем; рак вызывает ее на разговор, ворона роняет его обратно в воду).

ЛИСИЦА. Из публикаций Г. Н. Потанина. «Живая старина», 1916, вып. II—III, стр. 143. Сюжет казахской сказки несколько напоминает нам русскую сказку «Лиса крадет рыбу с воза», притворившись мертвой. См. «Указатель сказочных сюжетов», Л., 1929, стр. 13, № 1. Подобные сказки встречаются во всех школьных хрестоматиях, в сборниках русских народных сказок Афанасьева, Зеленина, Авдеевой, Ефименко, Ончукова, Смирнова и др. Любопытный вариант ее есть и в эпосе готтентотов о животных — «Кража рыбы» (крадет рыбу шакал; вместо волка в данной сказке гиена, которую шакал обманывает, как русская лиса волка) — «Басни и сказки диких народов» (перевод с английского), СПб, 1874, стр. 15.

КОЗА И ГЛУПЫЙ ВОЛК. Взято нами из книги Р. Карутца «Среди киргизов и туркменов на Мангышлаке», СПб, 1911, стр. 171. Вариант см. В. Сидельников. Казахские сказки. Алма-Ата, т. I, 1958, стр. 197— «Глупый волк».

ЛИСИЦА И ЖУРАВЛЬ. Взято нами из сб. А. В. Васильева «Образцы киргизской народной словесности», вып. I. Киргизские сказки. Оренбург, 1898, стр. 72.

ХИТРАЯ ЛИСИЦА И ГЛУПЫЙ ВОЛК. Опубл. в «Сборнике материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», вып. I, 1891, стр. 25.

ЛИСИЦА И ПЕТУХ. Опубл. в «Сборнике материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», вып. II, 1892, стр. 30. См. русскую повесть XVII века «Кура и лиса», сказку в сборнике М. Д. Кривополеновой. «Былины, скоморошины, сказки», Архангельск, 1950, стр. 101 «Лисица и петух», а также другие варианты русских сказок по «Указателю сказочных сюжетов», Л., 1929, стр. 17, № 61, 61—1.

ТРИ ДРУГА. Записал и обработал Е. Малюга. См. его сборник казахских сказок «Чудесный сад», Алма-Ата, 1963.

КОСАЯК. Записано Е. Малюгой от слушателей курсов книготорга в Алма-Ате в середине тридцатых годов. Его же и перевод.

ЧЕРЕПАХА. Записано Е. Малюгой от слушателей курсов книготорга в Алма-Ате в середине тридцатых годов. Перевод его же.

КУКУШКА. Записано Е. Малюгой от слушателей курсов книготорга в Алма-Ате в середине тридцатых годов. Перевод его же.

КРОТ И ЗМЕЯ. Записано Е. Малюгой от слушателей курсов книготорга в Алма-Ате в середине тридцатых годов. Перевод его же.

МАКТА И КОШКА. Из «Киргизской хрестоматии» И. Алтынсарина. Оренбург, 1879. Перепечатано в сб. Е. С. Исмаилова «Казах ертегілері», том I, Алма-Ата, 1957, стр. 212 «Макта кыз пен мысык». Перевод наш с подстрочника А. Мусинова.

КАК БАЙГЫЗ СТАЛ ПТИЧЬИМ БИЕМ. Записал Е. Малюга от слушателей курсов книготорга в Алма-Ате в середине тридцатых годов. Перевод его же.

ЯГНЕНОК, КОЗЫ И ГНЕДОЙ. Из фольклорных материалов института литературы им. М. О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР, Ф — № 2. На казахском языке опубл. в сб. С. Исмаилова «Казах ертегілері», т. II, стр. 225—231. Перевод наш с подстрочника А. Мусинова.

БЕЛКА И ВОЛК. Взято из кн. С. Кобеева «Улгили бала», Казань, 1912. Перевод Ш. Рахимбекова.

ЛИСА И ФАЗАН. Взято из кн. С. Кобеева «Улгили бала», Казань, 1912. Перевод Ш. Рахимбекова. См. примечание к сказке «Лиса и петух» в данном томе.

КАК ГУСЬ ПЕРЕХИТРИЛ ЛИСУ. Взято из сб. «Балаларга тарту», Кзыл-Орда. Перевод Ш. Рахимбекова.

ГОРЕ ЗАЙЦА. Из фольклорных материалов института литературы им. М. О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР. Перевод Ш. Рахимбекова. См. русскую сказку «Кто трусливее зайца» — Н. Андреев-Аарне. Указатель сказочных сюжетов. Л., 1929, № 70, стр. 18; Е. Чудинский. Русские народные сказки. М., 1864; П. Максимов. Горские сказки. М., 1937, стр, 94; Сказки финские, эстонские и латышские. М., 1923 и др.

ЛЕВ, ВОЛК И ЛИСА. Из кн. С. Кобеева. «Улгили бала», Казань, 1912. Перевод Ш. Рахимбекова. Сюжет очень распространен не только в казахских сказках, но и в русских, киргизских и др.

ВОЛК И ЛИСА. Из фольклорных материалов института литературы им. М. О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР, папка № 539. Перевод Ш. Рахимбекова. См. вариант в первом томе «Казахских сказок» (Алма-Ата, 1958, стр. 181) — «Лиса, верблюд, волк, лев и перепелка», а также примечания к этой сказке на стр. 431.

ЛЕВ И ЧЕЛОВЕК. Из фольклорных материалов института литературы им. М. О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР. Перевод Ш. Рахимбекова. Сказка принадлежит к сюжетам о состязании в хитрости. Очень популярны подобные сказки не только в казахском фольклоре, но и в фольклоре других народов СССР.

ЖУРАВЛЬ И ЛИСА. «Киргизская степная газета», 1900, № 48. Перевод Ш. Рахимбекова. Русские варианты: лиса съедает детей медведя — Н. Андреев-Аарне. Указатель сказочных сюжетов. Л., 1929, стр. 16, № 97.

ЛЕВ И ЛИСА. Из рукописных материалов А. Диваева. Перевод Ш. Рахимбекова. Сказка принадлежит к группе сказок о состязании. См. вариант в записи М. Бекишева — «Акмолинские областные ведомости, 1891, № 8. Есть в сб. «Средняя Азия», 1910, № 1.

КОЗА И ВОЛК. Из «Киргизской хрестоматии» А. Алекторова. Оренбург, 1898, часть I. Перевод Ш. Рахимбекова. Относится к группе сказок о состязании животных.

ЛИСА И КУВШИН. Из сб. «Балаларға тарту», Кзыл-Орда, 1926. Перевод Ш. Рахимбекова. См. русские варианты по «Указателю сказочных сюжетов» Н. Андреева-Аарне, Л., 1929, стр, 18, № 64.

ЛИСА И КУРИЦА. Из фольклорных материалов института литературы им. М. О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР. Перевод Л. Мусурмановой с подстрочника С. Шокпаровой.

ВОРОНА НАЗЫВАЕТ СВОИХ ДЕТЕНЫШЕЙ ГОЛОСИСТЫМИ, А ЕЖ — МЯГКИМИ. Из фольклорных материалов института литературы им. М. О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР. Перевод Л. Мусурмановой с подстрочника С. Шокпаровой.

ОБЕЗЬЯНА-СУДЬЯ. Казахская сказка, записанная в Китае. Переведена по нашей просьбе Б. Л. Рифтиным из сборника «Сказки о животных», Шанхай, 1962, стр. 188—191. Есть она и в сборнике «Золотая тыква и серебряные бобы» (на китайском языке).

КАК ИЗБЕЖАТЬ ЗЛО? Перевел М. Рахимбеков.

ПОЧЕМУ ЧЕЛОВЕК ДРУЖИТ С ЛАСТОЧКОЙ. Из ж. «Казахстан әйелдері», № 8, 1960. См. вариант во втором томе «Казахских сказок» (Алма-Ата, 1962, «Почему у ласточки хвостик рожками»). Перевод Л. Мусурмановой с подстрочника А. Мусинова.

ХИТРАЯ ЛИСА. Из журн. «Балдырган», 1939, № 11, Алма-Ата. Широко известная среди казахов сказка. Перевод А. Мусинова.

КОШКА И ТИГР. Из журн. «Казахстан айелдері», № 8, 1960. Перевод А. Мусинова.

КОЗЛЯТА. Из журн. «Балдырган», № 1, 1963, на казахском языке. Перевод А. Мусинова.

МЕДВЕДЬ И КОМАР. Из журн. «Казахстан айелдері», № 12, 1961. Перевод Л. Мусурмановой с подстрочника А. Мусинова.

ЕСЕК-КЫРГАН. Из публикаций Г. Н. Потанина. «Живая старина», 1916, вып. II—III, стр. 117.

ПОТОНУВШИЙ ГОРОД. Взято нами из заметки А. Шостака «Потонувший город», опубл. в «Вестнике центрального музея Казахстана», 1930, № 1. Предание дается в пересказе. А. Шостака. Вариант см. В. Сидельников. Казахские сказки, т. I. Алма-Ата, 1958, стр. 220.

АТА-СУ. Этот пересказ народного предания приводит Г. Н. Потанин в своих воспоминаниях о Чокане Валиханове («В юрте последнего киргизского царевича»). Данную «легенду»,— как говорит Г. Н. Потанин,— он слыхал от Валиханова. См. А. Алимжанов. Русские о казахской литературе. Алма-Ата, 1957, стр. 60.

УРКЕР. Записал Ев. Малюга в Алма-Ате в середине тридцатых годов от слушателей курсов книготорга. См. варианты в «Живой старине», 1916, вып. II—III, стр. 116 — «Уркор» в записи Г. Н. Потанина; в «Тургайской газете» за 1897 год (№ 25, стр. 3) это предание опубликовано под заголовком «Маленький фельетон»: «Однажды домашние животные увидели Уркер на суше и решили затоптать его в землю. Лошадь сказала:

— Мое копыто круглое — я затопчу его.

Верблюд выставлял свою подошву, но корова сказала:

— Мой покровитель старше ваших и знатнее, я должна затоптать Уркер.

С этими словами она подошла к Уркеру и наступила на него, пытаясь затоптать. Но Уркер ловко вывернулся через прорез ее копыт и улетел. С тех пор все домашние животные смотрят на корову, как на виновницу зимы».

На юго-восточной части неба есть семь звезд, расположенных группою. Казахи их называют «Уркер», по-русски это «Большая Медведица». По народному поверью, в последних числах апреля «Уркер» падает на землю и находится на ней около сорока дней. Причем, если упадет Уркер на сушу, быть засухе, а если в воду — будет дождливое лето, отсюда — зеленая и сочная трава. Затем «Уркер» снова поднимается на небо. Если б удалось удержать на земле «Уркер», то было бы всегда хорошее лето и не было б зимы. По народному преданию, у животных есть свои покровители: покровитель коровы — Зенги-баба, баранов — Чопан-ата, верблюдов — Ойсул-кара, лошадей — Джилкычи-ата.

ИСТАН И ЖЕЗТЫРНАК. Эту сказку записал А. Диваев. В примечании он писал: «Джез-тырнак — в буквальном переводе медные когти. О джез-тырнаках существует много рассказов у казахов, и все они почти аналогичны. Джез-тырнаков можно приравнять к мифическим лесным русалкам». («Этнографическое обозрение», 1906, № 1—2, стр. 127). См. варианты подобных сказаний и преданий: А. Вамбери. Путешествие по Средней Азии из Тегерана через Туркменскую пустыню по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд. М., 1867, стр. 369; А. Хорошхин. Сборник статей, касающихся Туркестанского края. СПб, 1876, стр. 428; журн. «Средняя Азия», 1910, № 11, стр. 116—122; «Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», Ташкент, 1904, вып. XI; М. Миропиев. Демонологические рассказы киргизов. СПб, 1888, стр. 15; В. Сидельников. Казахские сказки. Алма-Ата, 1962, т. II, стр. 263.

АДАК. Предание дано в изложении Ев. Малюги. В основе данного предания лежит топонимистическая легенда «Ок-Жетпес» («Стрелой не достать»). См. поэтическую обработку этой легенды у известного казахского писателя Сакена Сейфуллина (1894—1939) «Кокче-тау» (перевод Ю. Феоктистова) — Сакен Сейфуллин. Избранные стихи и поэмы. Алма-Ата, 1958, стр. 183—222.

АРСТАН-АЛЫП И ТОЙМА-СУЛУ («Арсланг-Алып и Тойма-Слу»). Записал В. А. Каллаур от казаха Картыбая Балтабаева из аула № 3, Тастубейской волости. Опубл. в «Протоколах заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии». Ташкент, 1905, вып. X, стр. 37—39. Это предание имеет много общего с преданием об Алангасар-Алифе, которое А. Диваев приводит в «Записках Восточного отдела Русского археологического общества» (1896, вып. XI). «Рассказ этот у киргизов,— замечает А. Диваев,— известен под названием «Алпамыс».

ЗАИРА. Опубл. в «Киргизской степной газете», Омск, 1894, от 27 марта, № 13.

КОНАК-АСЫ. Записано Ев. Малюгой от слушателей алма-атинских курсов книготорга в середине тридцатых годов. Его же перевод.

КЕМПИР-КОСАК. Записано Е. Малюгой от слушателей алма-атинских курсов книготорга в середине тридцатых годов. Перевод Ев. Малюги.

СВАТОВСТВО ЕДИЛЯ И ЖАЙЫКА. Из фольклорных материалов института литературы им. М. О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР (Ф. № 2. Материалы А. Мурзагалиева из Луговского района, Джамбулской обл.) На казахском языке опубл. в сб. «Казах ертегілері», т. II, под ред. Е. Исмаилова, стр. 101. Перевод Ш. Рахимбекова.

ТРИ ДЕВУШКИ. Записал Ай Тянь от казахов провинции Синцьзян. Урумчи, в августе 1959 г. Опубл. на китайском языке в кн. «Избранные сказки Китая», т. II, сост. Цзя Чжи и Сунь Цзянь-бин, Пекин, 1961, стр. 361—364. Перевел с китайского Б. Л. Рифтин.

ГОРА МАНЫРАК. Записано Ев. Малюгой от слушателей алмаатинских курсов книготорга в середине тридцатых годов. Перевод Ев. Малюги.

НЕДОСЯГАЕМАЯ. Из фольклорных материалов института литературы им. М. О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР (ф. № 2, папка 53). Сдал легенду в институт Ш. Каметов из Кокчетавской области. Переведена Л. Мусурмановой с подстрочника А. Мусинова.

ЛЕГЕНДА О БАГДАДЕ. Из рукописных фондов института литературы им. М. О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР (папка № 80). Перевод Л. Мусурмановой с подстрочника А. Мусинова.

БАТЫР ЕЛЕНКЕ. Из рукописных фондов института литературы им. М. О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР. Сдал легенду в институт Ш. Каметов из Кокчетавской области. Перевод Л. Мусурмановой с подстрочника А. Мусинова.

ВОР И ЦАРЬ. Сказка переведена А. Диваевым с рукописи Ирмухамеда Нуртанова из Аулиеатинского уезда, Чингарской волости, Сыр-Дарьинской области. Опубл. в «Этнографическом обозрении», 1906, вып. I—II, стр. 118—119.

ЖИРЕНШЕ. Из публикаций Г. Н. Потанина. «Живая старина», вып. II—III, 1916, стр. 146.

УЧЕНИК МУЛЛЫ И ХАН. Из публикаций Г. Н. Потанина. «Живая старина», вып. II—III, 1916, стр. 167.

ХАН И ЖИРЕНШЕ. Из публикаций Г. Н. Потанина. «Живая старина», вып. II—III, 1916, стр. 71.

ЖАМАНКУЛ И КАРАБАЙ. Записал П. Т. Завьяловский в 1948 году в Оренбургской области от Гусманова Гиляса Зиятдинова, 37 лет, бывшего батрака, долгое время работавшего в Аулие-Ата (ныне г. Джамбул). Публикуется впервые.

ЖИРЕНШЕ И БАЙ-ЕКЕ. Записал А. Диваев. Опубл. в «Сборнике материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», вып. I, 1891, стр. 38—39.

АХМЕТ И ХАН. Записал А. Васильев. См. «Образцы киргизской народной словесности». Оренбург, вып. I. Киргизские сказки, 1898, стр. 62.

МУДРОСТЬ ЖИРЕНШЕ. Из публикаций А. Диваева. «Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области». вып. I. 1891, стр. 37.

МУДРАЯ ДЕВУШКА. Сказка записана от казахов, проживающих в Синцьзяне. Перевел с китайского Б. Рифтин из сборника «Народные песни и сказки Синцьзяна», состав. Гуань Дэ-дунь, Шанхай, 1950, стр. 32.

БОГАТЫЙ И ОБМАНЩИК. Взято нами из книги Р. Карутца. «Среди киргизов и туркменов на Мангышлаке». СПб, 1911, стр. 175.

РОЖДЕНИЕ АЛДАРА. Из кн. К. Абдыкадырова «Алдар-Косе ангимелери». Казгослитиздат, 1955, стр. 5. Перевод Ш. Рахимбекова. Стихи перевел Л. Скалковский.

КАК АЛДАР СТАЛ АЛДАРОМ-КОСЕ. Опубл. в газ. «Ленинская смена», Алма-Ата, 3. XI. 1957, № 218. С казахского перевел Ш. Рахимбеков. Проделки Алдара-Косе схожи с проделками Момунбая из сказки «Момунбай и каракчи», записанной Н. Пантусовым («Известия Общества археологии и этнографии». Казань, 1909, XXV, вып. 1, стр. 23—30), и с проделками Сабралы из сказки «Золотая ослица и волшебный заяц» (В. Сидельников. Казахские сказки. Алма-Ата, 1958, т. 1, стр. 249).

БАЙ УТЕЖАН И АЛДАР-КОСЕ. «Труды Общества изучения киргизского края», вып. VI. Оренбург, 1925, стр. 15—17. См. близкий вариант: В. Сидельников. Казахские сказки. Алма-Ата, 1958, т. 1, стр. 249. «Золотая ослица и волшебный заяц»; В. Сидельников. Казахские сказки. Алма-Ата, 1962, т. II, стр. 336. «Момунбай и каракчи».

КАК АЛДАР-КОСЕ ПЕРЕМУДРИЛ ЖИРЕНШЕ. Из материалов переводчика Е. Малюги.

КАК АЛДАР ВЫЛЕЧИЛ БАЯ. Из сб. К. Абдыкадырова «Алдар-Косе ангимелери». Казгослитиздат, 1955, стр. 49 (на казахском языке). Перевод Ш. Рахимбекова.

АЛДАР-КОСЕ И ДВА ЧЕРТА. Из сб. К. Абдыкадырова «Алдар-Косе ангимелери». Казгослитиздат, 1955, стр. 22 (на казахском яз.). Перевод Ш. Рахимбекова. См. русские варианты: дележ урожая — человек (лиса) и черт (медведь) работают вместе; черт выбирает у репы вершки, у пшеницы корешки. Н. Андреев-Аарне. Указатель сказочных сюжетов. Л., 1889, стр. 73. № 1030.

КАК БАЙ ПОЗНАКОМИЛСЯ С АЛДАРОМ-КОСЕ. Из материалов переводчика Е. Малюги.

РЕВНИВЕЦ. Из фольклорных материалов института литературы им. М. О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР (материалы Ж. Каметова). На казахском языке опубл. в сб. «Казах ертегілері», т. II, под ред. Е. Исмаилова. Перевод Л. Мусурмановой с подстрочника С. Шокпаровой.

БАЛГАК-УПРЯМЕЦ. Из фольклорных материалов института литературы имени М. О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР. Перевод с казахского Н. Платоновой с подстрочника Б. Исмаилова.

МУЛЛА И УЧЕНИК. Записал и перевел с казахского Музафар Алимбаев. Опубл. в журнале «Простор» за 1962, № 9, стр. 125. «Мулла пьяница».

НАХОДЧИВЫЙ ЖИРЕНШЕ. Записал А. Диваев. «Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области». вып. I, 1891, стр. 37—38.

ЛОВКОСТЬ. Записал и перевел с казахского Музафар Алимбаев. Опубликовано в журнале «Простор», 1962, № 9, стр. 126.

БРАТЬЯ-СТРАННИКИ. Записал и литературно обработал Е. Малюга.

СЕМЬ СКОРПИОНОВ. Из фольклорных материалов института литературы им. М. О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР (папка № 263). Сказка сдана в институт Даутбаем Мусабековым — жителем совхоза Аксу, Копальского района, Алма-Атинской области. Он записал ее в 1951 году со слов Нусина Мустафаева, живущего в Китае. Перевод М. Кац с подстрочника А. Мусинова.

МАХМУТ И ЕГО ПОПУТЧИК. Сказка взята из рукописного фонда института литературы им. М. О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР. Перевод Н. Платоновой с подстрочника Н. Узбаханова.

ПЕСНЯ АЛДАРА-КОСЕ. Опубл. в «Тургайской газете», 1898, № 4. См. также афганскую сказку «Хитрый вор» в сб. «Сказки и стихи Афганистана», М., 1958, стр. 129; сказку про Алдара-Косе и черта в «Живой старине», 1916, вып. II—III, стр. 170 (из материалов Г. Н. Потанина); русские сказки про пение на спор — «Указатель сказочных сюжетов», 1929, № 1084—I.

МЕТКОСТЬ ЖИРЕНШЕ. Записал А. Диваев. Опубл. в «Сборнике материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», вып. I, 1891, стр. 37.

ЗАЧЕМ НАМ НУЖЕН ВАШ БОГ. Записал и перевел с казахского Музафар Алимбаев. Опубл. в журнале «Простор», 1962, № 9, стр. 125. «Ненужный бог». Текст Алимбаева нами редактирован.

ЦЕНА КОШКИ. Этот анекдот взят нами из материалов переводчика Е. Малюги. Он встречается часто в русском фольклоре. Известен еще по древнерусской литературе — См., например, «смехотворную повесть» в хрестоматии по древнерусской литературе проф. Н. К. Гудзия за 1952 год, стр. 485 — «Как жена мужа поминала»: по завещанию мужа жена должна продать вола, и деньги, вырученные за вола, «раздати во имя божие за душу его». Жена продает вола за един грош мяснику, но при условии, если он возьмет в придачу кошку за «четыре златых». Вырученные деньги («един грош») она отдает, как просил муж, а деньги за кошку берет себе.

АНЕКДОТЫ ПРО ХОДЖУ НАСЫРА: «Вам-то я верю», «Ходжа и лентяй», «Ходжа и жених», «Я не скупой», «Как Ходжа был судьей», «Если от четырех отнять четыре», «Что тяжелее: пуд ваты или пуд железа?», «Ходжа утешает», «Ходжа и учитель», «Мудрый ответ Ходжи», «Откуда берутся звезды», «Ходжа проголодался», «Тоже мне озеро!», «Почему в море вода горькая», «Если сын обжора», «Где же правда?», «Из-за моего чапана был шум», «Возьми у собаки», «Осла нет дома», «Как Ходжа барана зарезал», «Не спеши отдавать долги», «Если хочешь поцеловать дочь пери», «Обида Ходжи Насыра», «Ну давай хоть девять теньге», «Что это такое», «Разница между мясником и знахарем», «Ходжа Насыр и мулла», «Ходжа Насыр и его отец», «Дырявая монета». Все эти анекдоты из рукописного фонда института литературы им. М. О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР (материалы А. Мурапова из Южно-Казахстанской области Арысского района, ф. № 2).

На казахском языке опубл. в сб. «Қазақ ертегілері», том II под ред. Е. Исмаилова, стр. 409—432. Перевод М. Хамраева и Н. Платоновой. Варианты см. «Анекдоты о Ходже Насреддине». Перевод с турецкого В. А. Гордлевского, М., 1958, изд. 2-е, стр. 272; «Молла Насреддин». Баку, 1952, стр. 51; Хужа Насретдин Мәсәкләре, Казань, 1962, с. 231. Мехмет Али Аксöу Nasreddin Hoca ve Hikâyeleri. A.Grciyas semin lûtfi kitabevi (б. г.).

Варианты некоторых из этих анекдотов связаны с именем туркменского поэта Кемине (Мамедвели, род. в 1770-х гг. и ум. в 1840 г.). П. Скосырев. Устная литература Туркмении («Литературный критик», 1958, № 6, стр. 168—175); «Туркменский юмор». Ашхабад, 1962. Есть сходство с анекдотами о казахском остряке Алдаре-Косе.

СЛОВАРЬ КАЗАХСКИХ СЛОВ, ВСТРЕЧАЕМЫХ В СКАЗКАХ

А д а м - к ы р ы л г а н — название кара-кумских колодцев; адам-кырылган — погибли люди.

А л р а с с ы — полушелковая узорная ткань.

А з р е и л — ангел смерти.

А й д а г а р, айдахар — змей, удав.

А й ш у б а р, а й ч у б а р — табун молодых чубарых (пестрых) лошадей.

А и п — штраф.

А й б о к е н — мифическая разновидность газели.

А к - б о з - а т — белый конь.

А к с а к а л — старейший.

А л а - б а р с — пестрый барс, полосатый.

А л а м а н - б а й г а — скачки на большое расстояние.

А л т ы н - т а р а к — золотая гребенка; алтын — золото, тарак — гребенка.

А л д а р - К о с е — имя это состоит из двух слов: алдар — обманщик, косе (косу) — человек без бороды. Алдар-косе — безбородый обманщик.

А р ы к — канал, канава.

А с ы к — бабки.

А т ж о к — коня нет; ат — конь, жок — нет.

Б а б а й (баба) — дедушка, добрый старец.

Б а й г а — состязание в беге и скачке.

Б а й г у с, байгуш — нищий, бедняк.

Б а й г ы з — козодой (птица).

Б а й - е к е — вежливое обращение к баю.

Б а й т е р е к — высокое дерево.

Б а р с а - к е л ь м е с — «если пойдет — не вернется».

Б а р х а н — песчаный холм.

Б а с - т ю б е — сопка «Головная».

Б а с к у н ч а к — «Сучья голова».

Б а т п а н, батман — старинная мера веса от 2,5 до 10 килограммов.

Б а у р с а к и — колобки из теста, жаренные на масле или на сале.

Б и з — шило; Б и з — имя женщины.

Б и й — судья.

Б и к е ш — ласковое обращение к девушке.

Б и с м и л л а иррахманиррахим — казахское произношение мусульманской молитвы из корана — «Во имя милостивого бога».

Б о к - т ю б е — сопка «Пометная».

Б о р - т а с т а г а н — гора. Между северными отрогами Тарбагатайских и южными Калбинских гор лежит равнина Сары-Дала (желтая степь). В середине этой равнины одиноко возвышается довольно высокая гора Бор-Тастаган.

Д я у, дау, див, дэв — мифическое существо, одноглазый великан.

Ж а р а й д ы — ладно.

Ж а у р ы н ш ы — гадальщик на овечьей сухой лопаточной кости.

Жезтырнак — в буквальном переводе — медные ногти; мифическое существо.

Журт — народ.

Жут — стихийное бедствие, когда в суровые зимы скот не может добыть подножного корма из-под снега или ледяной корки и падает от истощения.

Дилля, дильда, тилля, тилла — рубль.

Диуана — шаман.

Жаксы — хорошо.

Жалмауыз — мифическое существо, пожирающее людей.

Жалмауыз-кемпир — баба-яга.

Жаман — дурной, плохой, ничтожный человек.

Жантак, янтак — колючая трава, которую очень любят верблюды; верблюжья трава.

Жауырын — лопаточная кость.

Желмая — быстроногий верблюд.

Женге — жена старшего брата.

Жеты каракшы, каракчи — Большая Медведица (буквально семь разбойников).

Жилик — берцовая кость.

Жиренше — острослов.

Жулаймейка — конусообразная кибитка из войлока.

Жумсаук — заставляющий работать на себя.

Зенги-баба — святой, покровитель рогатого скота.

Имам — духовный служитель.

Ине-бол — будь иглой.

Ыргай — жимолость, из нее делают палки, рукоятки для плети.

Ит-ала-каз — чудесная птица, полугусь, полусобака.

Ешкемер — ящерица.

Казан — котел.

Казы — колбаса из конины.

Каиршы — нищие.

Калым — выкуп, который, по обычаю, давал жених за невесту.

Канбак-курай — «перекати-поле».

Кан-сонар — день первого снега и первой охоты.

Кылыш — сабля.

Кап — шерстяной мешок квадратной формы.

Кара-дяу — черный великан.

Кара-мерген — черный стрелок: кара — черный, мерген — стрелок.

Карга-бай — ворон-богач.

Каркара — женское украшение.

Карта — жирная колбаса из конины.

Катык — молочный продукт.

Куырдак — поджарок из внутренностей и мяса животных.

Кебеже — сундук, ящик для хранения съестных припасов.

Кебис — женская обувь.

Кеваб — мясо, жаренное на вертеле.

Кокек — кукушка.

Келиншек — молодуха.

Кереге — деревянный решетчатый остов юрты.

Кортышкан — крот.

К е с е — чаша.

К з ы л - т ю б е — сопка «Красная».

К и з я к — верблюжий, коровий и овечий помет, используется как топливо.

К и и к — дикая коза.

К о б ч и к — разновидность ястреба.

К о б ы з — национальный музыкальный инструмент (струнный, смычковый).

К о к - б о з - а т — сивый конь.

К о к п а р — особого рода состязание на конях, «козлодрание».

К о к - т ю б е — сопка «Голубая».

К о н а к - а с ы — пища гостя.

К о р и м д и к — подарок при показе невесты, новорожденного, нового родственника.

К о с а я к — тушканчик.

К о с е у — кочерга.

К о с я к к ы с р а к о в — косяк лошадей.

К о т ы р - т о р г а й — шелудивый воробей. Котыр — чесоточный, шелудивый; торгай — воробей.

К о ш — караван кочевников; вереница верблюдов, навьюченных принадлежностями юрты.

К о ш, кош аман бол! — «прощайте, будьте здоровы!».

К о ш б а с ы — начальник каравана.

К у - б а л а — дитя, хитрый мальчик.

К у д а й б е р г е н — данный богом.

К у л а н — дикая лошадь.

К у л ь д и р е у ш — перекрестные реечки в потолочном круге юрты.

К у н — выкуп, уплачиваемый убийцей или его родителями родным убитого с целью освобождения от кровной мести.

К у н с у л у — солнечная красавица; девушка, живущая под солнцем.

К у р е к — лопата.

К у р к е — временное укрытие, шалаш.

К у р м а ч — жареная пшеница, просо.

К у с - ж о л ы — Млечный Путь.

К ю й — мелодия.

К ю й ш и — акын мелодист.

Л и — китайская мера длины, около половины километра.

М а й - т ю б е — сопка «Жировая».

М а н г и с т а у — полуостров Мангышлак.

М а н г л у н г — китайская шелковая материя с вытканными драконами.

М а н а п — манапами называли начальников рода дикокаменных киргизов.

М а н ы р а к, маныраук — от манырау — блеяние.

М а р а л — горный олень.

М а т а — туземная бумажная материя низшего качества.

М е с — сосуд для жидкости, сделанный из шкуры животного.

М у л л у ш к а — надмогильный памятник.

М ы с т а н — ведьма.

Н а й з а — пика.

Н а м а з — молитва.

Н а н — хлеб.

Н а р — одногорбый верблюд, символ мужества, силы.

О к - ж ы л а н — змея — стрела.

О м и р - з а я — Венера.

О т а в, отау — юрта молодых супругов.

П е р и з а т — самое красивое неземное существо.

П и л а у, палау — плов.

С а б а — кожаный сосуд для хранения кумыса.

С а м р у к — мифическая огромная птица.

С а н - т а ш — счетный камень.

С а и л, шаид, шахид — мученик за правое дело.

С а й г а , сайгак — степная антилопа.

С а у р — круп лошади.

С о р о к к у л а ш е й, к у л а ч е й — кулаш равен приблизительно трем аршинам.

С о р о к с е м ь г о л о в с к о т а — принятый по обычаю выкуп за невесту.

С о р п а, сурпа, шурпа — мясной бульон.

С у ю н ш и — вознаграждение за радостную весть.

С ч у г у р и л — казахское «шогерлу» — уложить верблюда.

С ы б ы з г и — род флейты, народный музыкальный инструмент,

Т а б и б — врач.

Т а з ш а — паршивый. Нарицательный образ в сказках восточных народов, обычно хитрец.

Т а з ш а - б а л а — паршивый мальчик, дитя.

Т а х с ы р, таксыр — повелитель, господин.

Т а м — сооружение из глиняного кирпича под могилой знатного человека.

Тасбака — каменная жаба.

Тас бол — будь камнем.

Темир-казык — Полярная звезда (буквально железный кол).

Терек — тополь.

Тесик-тау — дырявая гора.

Той — пир, народное празднество с играми, песнями, скачками.

Токал — молодая жена.

Тулак — высохшая кожа животных, на которой казашки бьют шерсть палками, чтобы она сделалась мягче.

Тулпар — сказочный крылатый конь; боевой скакун.

Тумак — шапка с ушами; тымак — шапка.

Тундук — передвижная кошма на верху юрты.

Торайгыр — гнедой жеребец.

Тушпара — большой пирог.

Уруса — пастбище, отгон.

Ууки — длинные палки в юрте, одним концом прикрепленные к нижним решеткам (кереге), а другим концом к верхнему кругу (шанрак).

Хабарлас! — Эй, хозяин, выходи!

Шабу, чапу — бег, поход, нападение.

Шапан, чапан — крестьянская верхняя одежда.

Чарак — мера веса — 5—6 фунтов.

Чий — степной тростник.

Шок-терек — одинокое тополевое дерево.

Чом калган — остались верблюжьи седла.

Шайтан — черт.

Ш а н р а к, шанырак — верхний круг юрты.

Ш и к - р о с а, шик-бермес — не дающий капли воды; высохший родник.

Ш о и н - к у л а к — чугунное ухо.

Ш о л п а н, Чолпан — Венера.

Ш о л п ы — украшение, вплетаемое в косы девушек и молодых женщин.

КАЗАХСКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА

*(Библиография 1959—1963 гг.)**

АДАМБАЕВ Б. Казахское традиционное ораторское искусство и речи, связанные с именем Срыма. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Алма-Ата, 1962, стр. 15.

О сказочных истоках в народной ораторской речи (см. стр. 9, 10 и др.).

АЛДАР-КОСЕ И ШАЙТАН. Перевод с казахского Е. Малюги. Журн. «Простор», 1960, № 3, стр. 159.

АЛПАМЫС-БАТЫР. Тексты и исследование. Под ред. М. Ауэзова и Н. С. Смирновой. Алма-Ата, 1961 (О сказочных версиях «Алпамыса»).

АУЭЗОВ МУХТАР. Мысли разных лет. Исследования, статьи на казахском и русском языках. Алма-Ата, 1959, стр. 555.

ГУАНЬ ДЭ-ДУН. Народные песни и сказки Синцьзяна. Шанхай, 1950 (на китайском языке). В сб. есть казахские сказки: «Алача-хан и его жена», «Мудрая девушка» (см. вариант во II томе «Казахских сказок», стр. 411), «Старик и 12-летняя дочь», «Лисица и петух» (варианты этих сказок также есть в наших сборниках «Казахских сказок»).

ИЗБРАННЫЕ СКАЗКИ КИТАЯ. Сост. Цзя Чжи и Сунь Цзянь-бин, т. 2. Пекин, 1961 (том I, издан в 1958 г., в нем была одна сказка казахов — «Путешественник и лентяй»). Во втором томе две сказки: «Герой Кендебай» (см. вариант ее во втором томе «Казахских сказок») и «Три девушки».

ИЗБРАННЫЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ ПРОВИНЦИИ ГАНЬСУ. Ланьчжоу, 1962. Перевод и редакция Хао Гуань-чжуна. В сб. две сказки («Алдар-Косе оседлал черта», «Алдар-Косе в гостях у бая»), запи-

---

* Начало библиографии см. в I томе «Казахских сказок», Алма-Ата, 1958, стр. 440—461 (1771—1950 гг.), продолжение во II томе «Казахских сказок», Алма-Ата, 1962, стр. 443—445 (1957—1959 гг.)

санные от казахов, проживающих в Северо-Западном Китае, в провинции Ганьсу.

ИЗ КАЗАХСКОГО ЮМОРА. Журнал «Простор», 1962, № 9, стр. 125—126. Приведены анекдоты в переводе с казахского М. Алимбаева: «Ненужный бог», «Мулла пьяница», «А там бы и на пенсию», «Еще за ухо дергает», «Ловкость».

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУР НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА. Издательство МГУ, М., 1960. Под ред. М. И. Богдановой.

Очерк о казахской литературе написан З. С. Кедриной. См. о сказках в гл. «Казахский фольклор», стр. 295.

КАЗАХСКИЕ СКАЗКИ, т. II, Алма-Ата, 1962, стр. 444. Изд. АН Казахской ССР. Составление и редакция доктора филологических наук В. М. Сидельникова.

КАК АЛДАР-КОСЕ БАТРАКОВ УГОЩАЛ. Перевод с казахского Е. Малюги. Журн. «Простор», 1960, № 8, стр. 148.

ОБМАНУТЫЙ ТОЛСТЯК. Перевод с казахского Е. Малюги. Журн. «Простор», 1960, № 3, стр. 159.

ОСПАНУЛЫ А. Некоторые вопросы изучения истории казахской литературы второй половины XIX века (на материалах творчества акынов Майлыходжи, Мусабека, Нуралы). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Алма-Ата, 1963, стр. 16.

Сказочные традиции в творчестве акынов.

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ. Шанхай, 1962 (на китайском языке)

ЧУДЕСНЫЙ САД. Казахские народные сказки. Собрал, обработал и пересказал Е. Малюга. Алма-Ата, 1963.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ КАЗАХСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК

Аби и Таби	II	47
Адак	III	283
Айгуль	III	179
Акбай	III	200
Акшахан и Мендисулу	III	207
Аламан и Жоламан	I	89
Алдар-Косе и Алача-хан	II	346
Алдар-Косе и два черта	III	339
Алдар-Косе и дьявол	II	305
Алдар-Косе и змея	II	304
Алдар-Косе и его спутник	II	303
Алдар-Косе и пахарь	I	378
Алдар-Косе и скупой друг	I	318
Алдар-Косе и черт	II	309
Алдар-Косе и черти	I	325
Алеуко-батыр	II	44
Арстан-Алып и Тойма-Сулу	III	289
Ата-Су	III	279
Атумтай и Нашарван	III	17
Ахмет и хан	III	321
Байгазы-батыр	II	272
Бай и пастух	I	352
Бай музыкант и Алдар	II	359
Бай, мулла и мед	I	421
Бай Утежан и Алдар-Косе	III	331
Бака	II	316
Балгак-упрямец	III	347
Баран и Козел	II	200
Бараны волков пугают	I	171
Баскунчак	II	224
Батыр Акжан	III	155
Батыр	II	381
Батыр Абат	III	147

Батыр Боран	III	79
Батыр Науша	III	157
Батыр, побеждающий духов	II	93
Батыр Еленке	III	308
Баян-Слу и Козы-Корпеч	II	225
Бедный старик	I	284
Бедняк Ахмет	II	301
Бекболат	I	143
Белка и Волк	III	243
Богатый и бедный	I	119
Богатый и обманщик	III	325
Братья-странники	III	352
Бухарец и казах	II	306
Вам-то я верю	III	381
Великан Алпамыс	II	129
Верблюжонок	II	171
Верное решение	II	351
Верный сон	II	407
Возьми у собаки	III	386
Волк и Лиса	III	248
Волшебная птица Алдара	II	353
Волшебный камень	II	148
Вор и царь	III	313
Вор-невидимка	I	358
Ворона называет своих детей голосистыми, а еж — мягкими	III	256
Гани и Алим	II	101
Где же правда?	III	385
Глупец	II	287
Глупец и казий	II	369
Глупый Волк	I	197
Глупый хан	II	378
Гора Бори-Тастаган	I	213
Гора Манырак	III	302
Гора Тологай	I	219
Гора Турайгыр	II	275
Горе Зайца	III	246
Грубая благодарность	II	198
Два плута	I	331
Дед Канбак	I	161
Дырявая монета	III	391
Добрый и злой	I	106
Дочь визиря	III	36
Дочь хана и визирь	III	33
Дурак	I	344
Дуйсень и дяу	III	55
Ермек	I	100
Ермагамбет	III	57
Ер-Тостик	I	3

Есек-Кырган	III	277
Если от четырех отнять четыре	III	382
Если сын обжора	III	385
Если хочешь поцеловать дочь пери	III	387
Жадный бай и Алдар-Косе	I	312
Жадный богач	II	376
Жайык и Едиль	III	101
Жаманкул и Карабай	III	317
Жаныдыль	III	15
Жауырын	II	405
Жезтырнаки, пери и Мамай	III	72
Женщина-жумсаук	III	112
Жигит и волчица	1	151
Жиренше	III	314
Жиренше и бай-еке	III	320
Жиренше и хан	I	260
Жиренше-Шешен	II	341
Жигит и мыстан	II	25
Жигит и богач	III	52
Журавль и Лиса	III	250
Заговоренная девушка	III	174
Заира	III	291
Зачем нам нужен ваш бог	III	380
Звезда Исяк-Кырган	II	276
Звезда Омир-Зая	II	266
Звери-товарищи	II	184
Зенги-баба	III	70
Зная сказки, не утаивай их	II	159
Золотая ослица	I	249
Золотоволосый Тотамбай	III	67
Золотой нож	III	46
Иди туда — принеси сюда	II	81
Из-за моего чапана был шум	III	385
Или и Каратал	I	211
Искусство Егельмана	III	106
И смех и слезы	III	391
Истан и жезтырнак	III	282
Ит-ала-каз	II	269
Итыгиль	II	14
Каблан-силач и два мешка	I	235
Каим-батыр	III	126
Как Алдар батраков угощал	II	362
Как Алдар вылечил бая	III	337
Как Алдар перемудрил Жиренше	III	334
Как Алдар стал Алдаром-Косе	III	328
Как Алдар увел коня у вора	II	270
Как Асан-Кайгы искал Жер-Уюк	I	230
Как байгыз стал птичьим бием	III	236
Как бай познакомился с Алдаром-Косе	III	342

Как безбородый съел лебедя	I	421
Как был наказан жадный Карахан	II	330
Как Гусь перехитрил Лису	III	245
Как жигит муллу угощал	I	422
Как Жиренше женил своего сына	II	375
Как молодой Тазша обдурил старого	I	381
Как сорока обманула лисицу	III	217
Так Тазша двух ханов примирил	I	385
Как избежать зло?	III	261
Как Ходжа барана зарезал	III	387
Как Ходжа был судьей	III	382
Караглыш	III	42
Каражай	III	62
Как дочь хана выбирала себе мужа	III	171
Кара-Бай	II	29
Кара-мерген	II	122
Каратай	II	67
Карынбай	II	23
Кебис, волшебное кольцо и веточки	II	88
Кейкуват	II	292
Кемпир-косак	III	295
Кендебай на коне Кергула	II	49
Коза и глупый Волк	III	220
Коза и Волк	III	253
Козлята	III	268
Кому корову кормить	I	342
Конак-асы	III	293
Коркут	I	237
Косаяк	III	228
Кот, Тигр и Человек	II	169
Котыр-торгай	II	191
Кошка и Тигр	III	267
Красавица Кункей	I	109
Красавица Миржан	II	97
Красавица Малхуан	III	182
Крот и Змея	III	232
Кто больше всех	II	403
Кто сильней	I	175
Ку-бала	II	310
Кубугул и Акбелек-Слу	II	142
Кузнец и его верная жена	II	392
Кукушка	III	231
Кулекен	III	210
Кунше, потерявшая сына	III	191
Курай-дед	II	112
Кус-жолы	II	268
Кызыл-батыр и дяу	II	79
Лев, Волк и Лиса	III	247
Лев и Лиса	III	252

Лев и Лиса	II	165
Лев и Человек	III	249
Легенда о Багдаде	III	305
Легенда о мертвом и живом и о дружбе их	II	72
Лиса, Верблюд, Волк, Лев и Перепелка	I	181
Лиса и Коза	II	177
Лиса и кувшин	III	254
Лиса и Курица	III	255
Лиса и Фазан	III	244
Лиса, Медведь и пастух	I	190
Лиса, Черепаха и Клещ	I	195
Лисица и Ворона	II	199
Лисица и Журавль	III	221
Лисица и Обезьяна	II	174
Лисица и Петух	III	223
Лисица	III	219
Ловкий обманщик	I	307
Ловкость	III	351
Любопытная жена	II	18
Лягушка и Суслик	II	180
Лягушка и утки	III	218
Макта и Кошка	III	234
Мамек	II	297
Махмут и его попутчик	III	370
Медведь и Комар	III	271
Меткий стрелок	II	288
Меткость Жиренше	III	379
Момунбай и каракчи	II	335
Мудрая девушка	III	60
Мудрая девушка	III	324
Мудрость Жиренше	III	323
Мудрость совы	II	210
Мудрый Аяз	I	263
Мудрый Жиренше и красавица Карашаш	II	383
Мудрый старик	I	218
Мудрый ответ Ходжи	III	384
Мулла и ученик	III	349
Мын-жилкы	II	217
Мышь и Змея	II	188
Наблюдательность казаха	I	397
Награда мудрости	III	39
Наивный и смышленый	II	223
Находчивая девушка	II	411
Находчивость девушки	III	65
Находчивый визирь	II	300
Находчивый Жиренше	III	350
Находчивый мальчик	III	109
Небылица	I	420
Недосягаемая	III	304

Незнайка	I	60
Не спеши отдавать долги!	III	387
Неудача Лисицы	II	178
Ну давай хоть девять теньге	III	388
Обезьяна-судья	III	258
Обида Ходжи Насыра	III	388
Об Иссык-Куле	I	220
Обманутый толстяк	II	361
О женском ханстве	II	153
О жителях гор Актау	II	263
О колодцах «Адам-Кырылган»	I	216
О лентяе	I	340
Осел и суслик	II	189
Осла нет дома	III	386
Ответ кюйши	I	240
Откуда берутся звезды	III	384
Охотник	III	176
Пастух и Змея	II	186
Певец и злой дух	II	247
Песня Алдара-Косе	III	379
Пискун	I	369
Пока вырастет хвост у коня	I	338
Потонувший город	III	278
Похищенная красавица	II	145
Почему верблюд оглядывается	I	172
Почему в море вода горькая?	III	385
Почему казахи первые песенники	II	219
Почему человек дружит с Ласточкой	III	263
Почему летучая мышь летает ночью	II	222
Почему у зайца три губы	I	177
Почему у ласточки хвостик рожками	II	195
Почему у перепелки хвост короткий	I	173
Почему у лисы длинный хвост	I	196
Предание о происхождении Борового	II	246
Продавец разума	III	11
Проход Сан-Таш	II	275
Птица счастья	III	195
Путешественник и лентяй	II	307
Раб конюх	III	113
Разница между мясником и знахарем	III	389
Разум, Наука и Счастье	III	71
Рассказчик и мулла	III	422
Ревнивец	III	345
Рогатый хан	II	35
Рождение Алдара	III	326
Савраска	I	179
Саксаул и сосна	II	271
Салахбай и Лиса	II	9
Сапожник	III	104

Сапожник и хан	III	13
Сватовство Едиля и Жайыка	III	296
Святой лодырь	II	314
Святой осел	I	349
Сегизбай и девочка-мышка	II	193
Семь скорпионов	III	361
Сила искусства	III	116
Синяя птица	II	173
Сказание о Жоши-хане и его сыне	III	264
Сказочная страна Барса-Кельмес	I	234
Скакун	I	393
Слепой и зрячий	II	344
Смекалка лучше богатства	II	371
Собачонка и кошка	I	199
Совет голубей	III	92
Сорок небылиц	I	411
Сорок сыновей Ауэз-хана	II	118
Спор братьев и решение Шуюте	II	86
Спор животных	I	187
Справедливый посредник	II	367
Справедливый судья	II	349
Старик и дяу	III	49
Старик и его дочь	I	290
Старик и жигиты	II	311
Счастье Кадыра	III	23
Суд бия Бальтекея	I	294
Счастье и мудрость	II	255
Тельконур	III	162
Темирджан-батыр	II	273
Темир-казык	II	270
Тоже мне озеро!	III	386
Толкователь слов	I	422
Три брата	I	53
Три брата и прекрасная Ай-слу	II	106
Три вора	II	285
Три девушки	III	299
Три девушки и прожорливая старуха	II	161
Три друга	III	224
Три задачи	I	166
Три мудрых совета	III	29
Три охотника	I	423
Три сестры	I	36
Три сына бедняка	I	69
Три товарища	I	150
Тулпар	I	354
Удав-женщина	III	19
Умная Карашаш	II	390
У одной невесты три жениха	II	135
Упрямая жена	II	409

Уркер	III	280
Урочище Бакалы	II	275
Урочище Чом-Калган	I	221
Ученик муллы и хан	III	315
Ученый жигит	II	295
Ушко	I	139
Халь-Биби и Айнак-куль	II	259
Хан и акын	I	243
Хан и баурсаки	II	43
Хан и бедняк	I	304
Хан и Жиренше	III	316
Хан и Карашаш	II	391
Хан и мудрый визирь	I	94
Хан и странник	II	365
Хатымтай и его скакун	I	207
Хитрая Лиса и глупый Волк	III	222
Хитрая мышь	II	181
Хитрый Бекжан	I	406
Ходжа и лентяй	III	381
Ходжа Насыр и его отец	III	390
Ходжа и учитель	III	383
Ходжа и жених	III	381
Ходжа Насыр и мулла	III	389
Ходжа проголодался	III	384
Ходжа утешает	III	383
Хитрый Ада	II	36
Хитрая Лиса	III	266
Храбрецы	III	120
Храбрый Осел	I	201
Царь и беркут	II	59
Цена кошки	III	380
Черепаха	III	229
Черепаха и ветер	II	257
Четыре друга	II	197
Что тяжелее: пуд ваты или пуд железа	III	383
Чубар-ат	I	214
Что это такое	III	389
Чудесная шуба Алдара-Косе	I	310
Чудесная птица	III	84
Чудесный нож	II	32
Чудесный сад	I	131
Ширин-кыз	II	220
Шойтас-мол	I	223
Шутка Алдара-Косе	II	282
Щедрый и скупой	III	21
Эргосай-батыр	II	21
Ягненок, Козы и Гнедой	III	240
Я не скупой	III	382
Ясновидящий	I	399

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

Продавец разума 11
Сапожник и хан 13
Жаныдыль 15
Атумтай и Нашарван 17
Удав-женщина 19
Щедрый и Скупой 21
Счастье Кадыра 23
Три мудрых совета 29
Дочь хана и визирь 33
Дочь визиря 36
Награда мудрости 39
Караглыш 42
Золотой нож 46
Старик и дяу 49
Жигит и богач 52
Дуйсень и дяу 55
Ермагамбет 57
Мудрая девушка 60
Каражай 62
Находчивость девушки 65
Золотоволосый Тотамбай 67
Зенги-баба 70
Разум, Наука и Счастье 71
Жезтырнаки, пери и Мамай 72
Батыр Боран 79
Чудесная птица 84
Совет голубей 92
Жайык и Едиль 101
Сапожник 104
Искусство Егельмана 106
Находчивый мальчик 109
Женщина-жумсаук 112
Раб конюх 113

Сила искусства 116
Храбрецы 120
Каим-батыр 126
Батыр Абат 147
Батыр Акжан 155
Батыр Науша 157
Тельконур 162
Как дочь хана выбирала себе мужа 171
Заговоренная девушка 174
Охотник 176
Айгуль 179
Красавица Малхуан 182
Куншe, потерявшая сына 191
Птица счастья 195
Акбай 200
Акшахан и Мендисулу 207
Кулекен 210

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

Как Сорока обманула Лисицу 217
Лягушка и утки 218
Лисица 219
Коза и глупый Волк 220
Лисица и Журавль 221
Хитрая Лиса и глупый Волк 222
Лисица и Петух 223
Три друга 224
Косаяк 228
Черепаха 229
Кукушка 231
Крот и Змея 232
Макта и Кошка 234
Как байгыз стал птичьим бием 236
Ягненок, Козы и Гнедой 240
Белка и Волк 243
Лиса и Фазан 244
Как Гусь перехитрил Лису 245
Горе Зайца 246
Лев, Волк и Лиса 247
Волк и Лиса 248
Лев и Человек 249
Журавль и Лиса 250
Лев и Лиса 252
Коза и Волк 253
Лиса и кувшин 254
Лиса и Курица 255
Ворона называет своих детенышей 256
Обезьяна-судья 258

Как избежать зло? 261
Почему человек дружит с Ласточкой . . . 263
Хитрая Лиса 266
Кошка и Тигр 267
Козлята 268
Медведь и Комар 271

ПРЕДАНИЯ

Есек-Кырган 277
Потонувший город 278
Ата-Су 279
Уркер 280
Истан и Жезтырнак 282
Адак 283
Арстан-Алып и Тойма-Сулу 289
Заира 291
Конак асы 293
Кемпир-косак 295
Сватовство Едиля и Жайыка 296
Три девушки 299
Гора Манырак 302
Недосягаемая 304
Легенда о Багдаде 305
Батыр Еленке 308

БЫТОВЫЕ СКАЗКИ

Вор и царь 313
Жиренше 314
Ученик муллы и хан 315
Хан и Жиренше 316
Жаманкул и Карабай 317
Жиренше и бай-еке 320
Ахмет и хан 321
Мудрость Жиренше 323
Мудрая девушка 324
Богатый и обманщик 325
Рождение Алдара 326
Как Алдар стал Алдаром-Косе 328
Бай Утежан и Алдар-Косе 331
Как Алдар-Косе перемудрил Жиренше . . . 334
Как Алдар вылечил бая 337
Алдар-Косе и два черта 339
Как бай познакомился с Алдаром-Косе . . . 342
Ревнивец 345
Балгак-упрямец 347
Мулла и ученик 349
Находчивый Жиренше 350

Ловкость 351
Братья-странники 352
Семь скорпионов 361
Махмуд и его попутчик 370

АНЕКДОТЫ И НЕБЫЛИЦЫ

Песня Алдара-Косе 379
Меткость Жиренше 379
Зачем нам нужен ваш бог 380
Цена кошки 380
Вам-то я верю 381
Ходжа и лентяй 381
Ходжа и жених 381
Я не скупой 382
Как Ходжа был судьей 382
Если от четырех отнять четыре 382
Что тяжелее: пуд ваты или пуд железа? . . 383
Ходжа утешает 383
Ходжа и учитель 383
Мудрый ответ Ходжи 384
Откуда берутся звезды 384
Ходжа проголодался 384
Тоже мне озеро! 384
Почему в море вода горькая? 385
Если сын обжора 385
Где же правда? 385
Из-за моего чапана был шум 385
Возьми у собаки 386
Осла нет дома 386
Как Ходжа барана зарезал 387
Не спеши отдавать долги! 387
Если хочешь поцеловать дочь пери 387
Обида Ходжи Насыра 388
Ну давай хоть девять теньге 388
Что это такое? 389
Разница между мясником и знахарем . . . 389
Ходжа Насыр и мулла 389
Ходжа Насыр и его отец 390
И смех и слезы 391
Дырявая монета 391

Примечания 393
Словарь казахских слов 408
Казахская народная сказка 417
Алфавитный указатель 419

Казахские сказки

[redacted]т. и ред. д-ра филол. наук В. М. Си-[redacted]ьянова. Алма-Ата, Казгослитиздат, 1964.
[redacted]кад. наук КазССР. Ин-т литературы
[redacted]М. О. Ауэзова).
т. III. [Худож. Ю. П. Мингазитинов и Ю. С. Дегтянкин]
462 с. с илл.: 7 л. илл.